ВЕРНОР ВИНДЖ

18+

ГЛУБИНА В НЕБЕ

Праздник воображения. Виндж, как всегда, дарит великолепно созданные миры и насыщенную историю.

Грег Бир

Глубина в небе
Вернор Виндж

Аннотация
Вернор Виндж. Глубина в небе
Глубина в небе
  Благодарности
  Замечание автора
  Пролог
  Часть первая
  Часть вторая
  Часть третья
  Эпилог
Болтушка. Повесть

Аннотация

Странная пульсирующая звезда давно привлекала внимание сообществ Человеческого Космоса, и вот наконец два из них — межзвездная цивилизация космических торговцев Чжэн Хэ и тоталитарная цивилизация Аврала — достигли системы В(ы)ключенной, которая загорается на тридцать пять лет, а потом гаснет, погружая свою единственную планету в ледяной сон на четверть тысячелетия. Тем не менее планета обитаема и стоит на пороге технологического прорыва. И людям жизненно необходим контакт с негуманоидной расой арахнидов — ради собственного выживания и обретения свободы…

«Глубина в небе» — поистине вселенская драма мужества, самопознания и искупительной силы любви — была по достоинству оценена и критиками, и читателями как блистательное продолжение «Пламени над бездной». Роман был номинирован на премию «Небьюла» в 1999 году, в том же году завоевал премию «Прометей», а в 2000-м был

удостоен премии «Хьюго». В настоящее издание включена также повесть «Болтушка», примыкающая к циклу.

Вернор Виндж
Глубина в небе

Vernor Vinge
A DEEPNESS IN THE SKY
Copyright © 1999 by Vernor Vinge
Published by arrangement with Tom Doherty Associates, LLC
All rights reserved

Vernor Vinge
THE BLABBER
Copyright © 1988 by Vernor Vinge
All rights reserved
First published in “Threats… and Other Promises” by Baen Books

© К. Фальков, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Глубина в небе

Посвящается Полу Андерсону

Когда я учился писать научную фантастику, передо мной было множество отличных пособий, но работы Пола Андерсона значили для меня больше, чем чьи-либо еще. Кроме того, Пол снабдил мир — и меня в нем — колоссальным сокровищем своих чудесных и захватывающих историй; и он продолжает над ними работать.

От себя я добавлю, что буду вечно благодарен Полу и Карен Андерсон за радушие, с каким принимали они молодого талантливого автора НФ однажды в 1960-х.

В. В.

Благодарности

Я признателен за участие и помощь следующим людям: Роберту Кадеми, Джону Кэрроллу, Говарду Л. Дэвидсону, Бобу Флемингу, Леонарду Фоунеру, Майклу Гэннису, Джею Р. Хиллу, Эрику Хьюзу, Шэрон Джарвис, Йодзи Кондо, Черри Кашнер, Тиму Мэю, Кейт Майерс, Мэри К. Смит и Джоан Д. Виндж.

Я также очень благодарен Джеймсу Френкелю за отличную редакторскую работу над этой книгой и своевременные подсказки по проблемам с ранними черновиками.

Замечание автора

Действие романа происходит через тысячи лет от нашего времени. Преемственность с современными нам языками и системами письменности едва уловима. Но стоит отметить, что начальный звук словосочетания «Чжэн Хэ» произносится примерно так же, как первый звук английского слова checker (Триксия Бонсол меня бы поняла!).

Пролог

Охота на Человека растянулась более чем на сто световых лет и восемь веков. Поиск неизменно велся в такой тайне, что даже не все искатели отдавали себе отчет в его цели. Поначалу — просто шифрованные запросы, скрытые в широкополосных радиопередачах. Шли десятилетия, века. Появлялись ключи: интервью с попутчиками Человека, указатели в полдюжины несовместных друг с другом направлений; Человек сейчас куда-то путешествует в одиночестве; нет, Человек скончался еще до начала поиска; нет, Человек собрал военный флот и возвращается с ним.

С течением времени наиболее правдоподобные истории стали понемногу согласовываться между собой. Доказательства стали настолько убедительны, что несколько кораблей изменили курс, сожгли десятилетия реального времени в горниле новых поисков. На задержки и на обходные маршруты тратились целые состояния, но потери эти списывались со счетов нескольких крупнейших торговых Семейств, так что их никто не замечал. Семьи были так богаты, а поиск — настолько важен, что эти потери вообще не

считались за ущерб. Постепенно поле поиска сузилось. Человек странствовал один, оставляя за собой размытый след множества поддельных личностей, цепочку одноразовых контрактов для маленьких торговых судов, но продолжал углубляться в этот уголок Людского Космоса. Область охоты сужалась до ста световых лет, пятидесяти, двадцати — и полудюжины звездных систем.

И вот охота на Человека привела охотников на планету в дальнем закутке Людского Космоса, в направлении ядра Галактики. Сэмми мог теперь отрядить флотилию специально для этой цели: для завершения охоты. Экипаж и даже большинство владельцев не подозревали об истинной цели миссии, но у Сэмми оставался неплохой шанс наконец завершить поиски.

Сэмми лично высадился на Трехземье. В кои-то веки Капитану Флота имело смысл заняться всеми мелочами: Сэмми единственный на всем Флоте лично встречался с Человеком. Учитывая, насколько возросла здесь популярность Флота, он без труда бы продрался сквозь бюрократические тернии. Повод был хороший… но Сэмми в любом случае спустился бы на планету. «Я так долго ждал, и очень скоро мы его догоним».

— Да с какой стати мне вам помогать! Я что,

ваша матушка?! — Коротышка пятился вглубь своего кабинетика. За его спиной приоткрылась дверь — сантиметров на пять, и Сэмми заметил там испуганного ребенка. Коротышка тут же притворил дверь. Покосился на констеблей Лесничества, сопровождавших Сэмми внутри здания. — Я вам еще раз говорю: мое дело — сетевой бизнес! Если не нашли, чего искали, от меня вы этой информации не получите.

— Простите. — Сэмми похлопал по плечу ближнего констебля. — Простите.

Он пробрался сквозь ряды своих защитников.

Владелец кабинета увидел, что к нему устремился кто-то высокий, и спешно зашарил по столу. «О боги. Если он сейчас сотрет все, что есть в распределенных по сети базах, из него ничего не вытрясешь!»

Но тут же застыл. Шокированный, уставился Сэмми в лицо.

— Адмирал?

— Гм. Капитан Флота, к вашим услугам.

— О да, о да! Мы вас сейчас ежедневно в новостях видим. Пожалуйста, садитесь! Это вы отправили запрос?

Манеры коротышки сказочно переменились, словно цветок раскрылся навстречу солнцу.

Вероятно, Чжэн Хэ у местных пользовалась большей популярностью, чем Лесничество. Через считаные секунды хозяин кабинета — «частный детектив», как он отрекомендовался, — выудил записи и запустил поисковые программы.

— Гм. У вас ни имени, ни качественного описания внешности, лишь приблизительная дата прибытия. Хорошо… Лесничество утверждает, что ваш парень — это некто по имени Бидвел Дукань. — Взгляд коротышки скользнул по молчаливым констеблям. Он улыбнулся. — Они мастера делать бессмысленные выводы из недостаточных данных. В этом же случае… — Он поиграл с поисковыми программами. — Бидвел Дукань. Да, теперь, когда мне известно, кого искать, я его припоминаю. Шестьдесят или сто лет назад он тут сделал себе имя. — Возник из ниоткуда с небольшой суммой денег, но потрясающим талантом самопиара. За тридцать лет он обзавелся связями в нескольких крупных корпорациях и даже заслужил благосклонность Лесничества. — Дукань утверждал, что он человек городской, не какой-нибудь партизан. Он стремился вложиться в какую-то безумную долгосрочную схему. А в какую?.. Он хотел… — Детектив на миг поднял глаза от текста на Сэмми. — Он хотел профинан-

сировать экспедицию к В(ы)ключенной звезде!

Сэмми лишь кивнул.

— Черт! Если бы ему удалось, экспедиция Трехземья была бы уже на полпути туда. — Сыщик мгновение молчал, словно сожалея об утраченной возможности. Потом вернулся к записям. — И, знаете ли, он почти преуспел. Мир вроде нашего обанкротился бы на межзвездной экспедиции. Но шестьдесят лет назад на Трехземье залетел одинокий звездолет Чжэн Хэ. Конечно, они бы не стали ради нас менять курс, но некоторые соратники Дуканя рассчитывали на их помощь. Правда, Дукань от этой идеи решительно отмежевался, он с Чжэн Хэ даже говорить не захотел. После этого популярность Бидвела Дуканя значительно упала… и он пропал из виду.

Все это было и в записях Лесничества Трехземья.

— Да, — сказал Сэмми, — мы интересуемся, где он сейчас.

В систему Трехземья ни один корабль уже шестьдесят лет не залетал. *Он тут!*

— Ага, вы интересуетесь, нет ли у нас дополнительной информации, которая могла бы оказаться вам полезной даже с учетом событий последних трех лет?

Сэмми подавил желание прибегнуть к насилию. Терпение, терпение — что значит еще немножко потерпеть после столетий ожидания?

— Да, — отвечал он с доброжелательной рассудительностью, — было бы уместно рассмотреть все возможности, вы не согласны?

— Именно. И вы прибыли как раз в нужное место. Я в городе такое знаю, чем Лесники даже не утруждают себя. Я действительно хочу помочь вам. — Он просматривал что-то вроде выдачи сканирующего анализатора, засим нельзя сказать, что попросту убивал время. — Эти вот инопланетные радиопередачи наверняка изменят наш мир, и я хотел бы, чтоб мои дети… — Детектив нахмурился. — О! Вы совсем чуть-чуть разминулись с этим типчиком Бидвелем, Капитан Флота. Видите ли, он уже десять лет как мертв.

Сэмми промолчал, но, должно быть, переменой мягкого настроения выдал свои истинные чувства, потому что коротышка аж дернулся, взглянув на него.

— П-простите, сэр. Возможно, он оставил какие-то распоряжения, завещание или что.

«Да не может быть. Не теперь, когда я так близок». Но Сэмми всегда помнил о такой возможности. Во вселенной, где жизнь коротка, а

путешествия осуществляются на межзвездных расстояниях, это дело обычное.

— Я полагаю, нам могли бы оказаться интересны любые данные, какие этот человек о себе оставил.

Глупая отговорка, конечно. По крайней мере, теперь дело закрыто — такова будет последняя строка в докладе какого-то услужливого аналитика разведки.

Детектив застучал по клавишам, что-то пробормотал своим устройствам. Лесничество неохотно констатировало, что среди городских этот специалист едва ли не лучший и так ловко устроился, что его так просто за жабры не возьмешь и оборудование просто так не конфискуешь. Он искренне пытался помочь.

— Возможно, завещание осталось, Капитан Флота, но в сети Грандвилля его нет.

— Тогда в каком-то другом городе? — Лесничество размежевало городские сети. Этот факт сулил Трехземью крайне мрачное будущее.

— Не совсем. Видите ли, Дукань скончался в одном из мортуариев Святого Сюпера Попрошайки, если точнее, то в Лоусиндере. Похоже, что монахи взяли на себя труд распорядиться его имуществом. Уверен, что в обмен на достойное

пожертвование они вам отдадут эти вещи.

Взгляд ищейки снова перескочил на констеблей, и лицо его омрачилось. Вероятно, он узнал старшего группы, городского комиссара безопасников. Уж конечно, этим никакое пожертвование не требуется, чтоб монастырь перетрясти.

Сэмми встал и поблагодарил сыщика, чувствуя себя дубиной стоеросовой. Пошел к двери, увлекая эскорт за собой; сыщик, однако, быстро поднялся из-за стола и потрусил за ними. Сэмми с внезапным смущением сообразил, что парню не заплатили. Обернулся, проникнувшись внезапной симпатией к детективу. Осмелился потребовать того, что ему причиталось, даже в присутствии недружелюбных копов, — таких Сэмми уважал.

— Э-э, — начал было Сэмми, — если я чем-то могу…

Но сыщик протестующе воздел руки:

— Нет, в этом не будет необходимости. Но одну услугу вы все же могли бы мне оказать. Видите ли, у меня большая семья, а дети такие умные, каких поискать. Эта вот совместная экспедиция вылетает с Трехземья через пять-десять лет, да? Не составит ли вам труда позаботиться, чтобы мои детишки, ну хотя бы кто-то из них…

Сэмми вздернул подбородок. Одолжения, связанные с успехом миссии, могут обойтись очень дорого.

— Простите, сэр, — сказал он по возможности мягко, — ваши дети обязаны будут соревноваться на общих условиях. Проследите, чтоб хорошо учились в колледже. Пускай выберут для себя нужные специальности. Это увеличит их шансы.

— О да, Капитан Флота! Именно об этом я и намерен вас попросить. Вы не могли бы проследить… — он сглотнул слюну и пробуравил Сэмми взглядом, игнорируя остальных, — чтобы им разрешили поступить в колледж на нужные специальности?

— Разумеется. — Небольшое нарушение академических правил поступления Сэмми как раз не беспокоило. Потом до него вдруг дошло, о чем это толкует собеседник. — Разумеется, я прослежу за этим, сэр.

— Спасибо вам, спасибо! — Он сунул Сэмми свою визитку. — Вот мои имя и данные. Я прослежу за их своевременным обновлением. Пожалуйста, не забудьте обо мне.

— Да, э-э… мистер Бонсол, я не забуду.

Ну что, сделка вполне в стиле Чжэн Хэ. Классика.

Город под флайером Лесничества уменьшался в размерах. Население Грандвилля составляло лишь полмиллиона человек, но ютились они в беспорядочно нагроможденных трущобах, а воздух над городом рябил от летнего жара. Леса первопоселенцев тянулись на тысячи километров кругом — девственная терраформированная глушь.

Они взмыли высоко в чистое, цвета индиго небо и устремились на юг. Сэмми не обращал внимания на сидящего справа шефа городской безопасности Трехземья: ни потребности, ни желания вести себя дипломатично он сейчас не испытывал. Он включил канал связи с заместителем по Флоту, и автоматически сгенерированный отчет от Киры Лизолет стал прокручиваться в поле его зрения. Сум Дотран согласился изменить курс: весь Флот направится к В(ы)ключенной.

— Сэмми! — Голос Киры перекрыл автоотчет. — Как ты там?

Кира Лизолет единственная во всем Флоте, кроме него самого, знала об истинной цели миссии, об охоте на Человека.

— Я…

Мы его потеряли, Кира. Но Сэмми не мог этого сказать.

— Сама посмотри, Кира. Последние две тысячи секунд, с моей точки зрения. Я возвращаюсь в Лоусиндер… проверить последнюю ниточку.

Пауза. Лизолет быстро просматривала аннотированный скан. Спустя мгновение он услышал ее тихое проклятие.

— Да. Но стоит ее отмотать до конца, Сэмми. Мы и раньше уже, бывало, думали, что потеряли его.

— Ни разу так, как сейчас, Кира.

— Говорю тебе: ты должен быть абсолютно уверен, — в голосе женщины зазвенела сталь. Ее люди владели значительной частью Флота. Один корабль принадлежал ей лично. Фактически Кира единственная из всех владельцев сама отправилась в миссию. Большую часть времени проблем это не представляло: Кира Пен Лизолет почти всегда умела выслушивать чужое мнение и учитывать его. Этот же случай составлял исключение.

— Так и будет, Кира, и ты это знаешь. — Сэмми вдруг осознал присутствие босса трехземельской безопасности рядом и вспомнил свое совсем свежее случайное открытие. — Как там наверху?

Голос ее смягчился, словно в знак примирения.

— Превосходно. Я получила с верфей отказы от претензий. Сделки с астероидными заводами и

копями — комар носа не подточит. Мы продолжаем детализированное планирование. Я все еще полагаю, что удастся погрузить всю аппаратуру и набрать специалистов примерно за триста мегасекунд[1]. Ты же в курсе, как яростно трехземельники стремятся оттяпать себе кусок этой миссии. — Он услышал за ее словами улыбку. Линия зашифрована, но Кира понимала, что на его стороне шифратор намеренно не задействуется. Трехземье — потребитель, в скором времени — партнер по миссии, но пускай знают свое место.

— Очень хорошо. Добавь кое-что в список, если там такого пункта еще нет: «Учитывая наше желание получить для миссии наилучших специалистов, мы *требуем* от Лесничества допустить к программам университетского обучения всех, кто пройдет наши тесты, а не только потомков первопоселенцев».

— Конечно… — Прошла секунда: как раз на перепроверку. — Господи, да как мы могли такое пропустить?

Мы это упустили, потому что некоторые идиоты всегда находят чем блеснуть.

Спустя тысячу секунд им навстречу устремился

---

[1] Сноски: 1
Около десяти земных лет.

Лоусиндер. Почти тридцать градусов южной широты. Морозная пустошь, расходящаяся от него, чем-то напоминала картины экваториального Трехземья до Высадки, пятьсот лет назад, когда первопоселенцы только начинали перестраивать атмосферу добавлением парниковых газов и сооружать сложную структуру терраформированной экологической системы.

Сам Лоусиндер торчал в центре черного пятна экстравагантной формы. Пятно было результатом многовекового воздействия «не создающих ядерного загрязнения» видов ракетного топлива. Здесь находился крупнейший наземный космопорт Трехземья, но недавно возникшие кварталы города были так же мрачны и сходны с трущобами, как и во всех остальных поселениях планеты.

Флайер переключился на винтовую тягу, покружил над городом и стал медленно снижаться. Солнце опустилось очень низко, улицы уже погрузились в сумерки и с каждым километром словно сужались. Дома, построенные по оригинальным проектам, уступали место коробкам, которые, не исключено, были некогда грузовыми контейнерами. Сэмми мрачно разглядывал местность. Первопоселенцы веками трудились,

создавая прекрасный мир, а теперь тут земля уходит из-под ног. Обычная проблема терраформированных планет: существовало не менее пяти проверенных методов безболезненной доводки процесса терраформирования, но если первопоселенцы и их Лесничество не желают прибегать ни к одному из них… гм, в таком случае к возвращению Флота цивилизации здесь может уже и не остаться. Скоро надо будет вправить мозги представителям высшего класса планеты в разговорах накоротке.

Мысли его вернулись к текущим проблемам, когда флайер нырнул к земле меж угловатых построек. Сэмми и сопровождавшие его амбалы-лесники побрели по едва схваченной морозом грязи. На ступеньках, ведущих к нужному им дому, беспорядочно свалены стопки одежды — пожертвования? Амбалы их сторонились. Взобравшись по ступенькам, они прошли внутрь.

Смотритель мортуария называл себя братом Суном и был на вид старше самой смерти.

— Бидвел Дукань? — Глаза его нервно забегали, уходя от Сэмми. Брат Сун не узнал Сэмми в лицо, но лесники были ему знакомы. — Бидвел Дукань умер десять лет назад.

Он лжет. Лжет.

Сэмми набрал в грудь побольше воздуху и огляделзаваленную хламом комнатушку. Внезапно он почувствовал себя очень опасным человеком, каким должен был быть по флотским легендам. *Господи, прости меня.* Надо выбить из этого чудика правду. Любой ценой. Он снова посмотрел на брата Суна, изобразив вежливую усмешку. Вероятно, получилось не очень правдоподобно, потому что старикашка отступил на шаг.

— Мортуарий — место, куда люди приходят, чтобы умереть, не так ли, брат Сун?

— Место, где все живущие могут избыть до конца дарованное им время бренного существования. Мы используем на благо общины все принесенные ими деньги и помогаем всем, кто к нам приходит. — В извращенном трехземельском обществе примитивный подход брата Суна был не лишен смысла. Он помогал самым больным из самых старых как только мог.

Сэмми поднял руку:

— Я пожертвую каждому из мортуариев вашего ордена сумму, равную их столетнему бюджету, если вы отведете меня к Бидвелю Дуканю.

— Я… — Брат Сун отступил еще на шаг и грузно осел. Ясно было, что он откуда-то знает: Сэмми не пустозвон и обещание может исполнить. Как

знать… но тут старик снова поднял глаза на Сэмми, и взор его сделался непреклонен. — Нет. Бидвел Дукань умер десять лет назад.

Сэмми пересек комнату, взялся за подлокотники кресла, в которое рухнул старик, и приблизил свое лицо к лицу Суна.

— Ты знаешь, кого я с собой привел. Неужели ты сомневаешься, что они разнесут твой мортуарий на кирпичи по первому же моему слову? Неужели ты сомневаешься, что, не найди мы тут того, кто нам нужен, мы повторим эту процедуру со всеми мортуариями твоего ордена по всему миру?

Ясно было, что брат Сун в этом не сомневается. Он знал, кто такие Лесники. Но на миг Сэмми испугался, что брата Суна и этим не проймешь. *Что ж, тогда я поступлю, как должен.*

Старик вдруг обмяк и беззвучно расплакался.

Сэмми разогнулся и отошел от его кресла. Прошло несколько секунд. Старик перестал плакать и с трудом поднялся. На Сэмми он не смотрел и жестов в его сторону не делал, но просто зашаркал прочь из комнаты.

Сэмми и амбалы пошли за ним, растянувшись цепочкой по длинному коридору. Тут было жутко. Не только потому, что коридор был плохо освещен, а кое-где света не было вообще, и не по-

тому, что на потолке темнели пятна влаги, и не от грязного пола. Проходя по коридору, они видели людей на диванчиках или в инвалидных креслах. Те сидели и смотрели… в никуда. Сперва Сэмми решил, что у пациентов дисплеи-наголовники и мыслями те далеко отсюда, быть может в каком-то консенсуальном окружении. В конце концов, некоторые из них говорили вслух, а иные постоянно проделывали сложные жесты. Но потом он заметил, что указатели на стенах нанесены *краской*. На обычных потрескавшихся стенах, и смотреть там было ровным счетом не на что. А глаза у дряхлых пациентов были пустые, безжизненные.

Сэмми подошел ближе к брату Суну. Монах бубнил что-то себе под нос, но слова имели смысл. Он рассказывал о Человеке:

— Бидвел Дукань был не из добрых людей. И не из тех, кто легок в общении… даже поначалу. Он говорил, что был богат, но ничего нам не принес. Первые тридцать лет, в пору моей молодости, он трудился тяжелей нас всех. Не было для него работы слишком грязной или слишком тяжелой. Но он оставался резок на язык. Он всех передразнивал. Он мог просидеть рядом с пациентом последнюю ночь его жизни — а потом начинал

над ним издеваться. — Брат Сун говорил в прошедшем времени, но спустя пару секунд Сэмми понял, что монах не пытается его ни в чем убедить. Сун даже не с собой болтал. Было похоже, что он готовит эпитафию человеку еще живому, которому вскоре суждена смерть. — Но годы шли. Как и от всех остальных, пользы от него становилось все меньше. Он рассказывал о своих врагах. О том, что они его убьют, если найдут. Он смеялся, когда мы обещали его укрыть. В конце концов от него осталась одна злоба, и та бессловесная.

Брат Сун остановился перед большой дверью. На ней разноцветными буквами было начертано бодрое: КОМНАТА СОЛНЦА.

— Дукань — тот, кто смотрит на закат. — Но двери монах не открыл. Он стоял, потупясь, загораживая путь, хотя и не до конца.

Сэмми начал было протискиваться мимо него. Потом остановился, сказав:

— Плата, о которой я упомянул, будет переведена на счета вашего ордена.

Старик даже не взглянул на него. Плюнул Сэмми на куртку, развернулся и побрел обратно по коридору, расталкивая констеблей.

Сэмми отвернулся и положил руку на механический замок двери.

— Сэр? — Это оказался комиссар городской службы безопасности. Полицейский бюрократ подошел совсем близко и говорил очень тихо. — Мм, мы не хотели бы сопровождать вас туда, сэр. Это вы должны будете сделать сами, силами своих людей.

О чем он?

— Я согласен, комиссар. Но почему вы не позволили мне их с собой привести?

— Это не я решал. Я думаю, они сочли констеблей более подходящим эскортом. — Коп отвел взгляд. — Послушайте, Капитан Флота, мы знаем, как Чжэн Хэ умеет лелеять обиды.

Сэмми кивнул, хотя это утверждение было справедливо скорей для цивилизаций-клиентов, чем для отдельных лиц. Коп наконец посмотрел ему в глаза.

— Ладно, мы с вами сотрудничали, мы замели все следы вашего поиска, привели вас… к цели. Но убирать его для вас мы не станем. Мы отвернемся, не станем вам мешать. И только. Мы его не тронем.

— А-а. — Сэмми попытался представить себе место в пантеоне высокоморальных героев, которого бы заслуживал этот человек. — О, комиссар, не мешать мне — все, что от вас требуется. Я обо

всем сам позабочусь.

Коп резко кивнул, отступил на шаг и не пошел за Сэмми, когда тот открыл дверь в «Комнату Солнца».

Там было холодно, но застоявшийся воздух все же оказался лучше, чем в сыром вонючем коридоре. Сэмми начал спускаться по темной лестнице. Он все еще находился под крышей, но довольно условно. Когда-то здесь имелся выход на уровень улицы — наружу. Теперь его отгородили пластиковыми листами, создав нечто вроде затененного патио.

А что, если он вроде тех развалин в коридоре?

Существа напомнили ему людей, лишенных медицинской помощи, или жертв безумного экспериментатора. Разумы их отмирали по кусочкам. Такой исход он никогда не принимал в расчет, но сейчас…

Сэмми спустился на дно лестничной шахты. За углом мелькало что-то вроде дневного света. Он вытер губы тыльной стороной ладони и долго простоял в молчании.

Давай же.

Сэмми пошел дальше и оказался в просторной комнате. Она походила на парковку, перекрытую сверху полупрозрачными пластиковыми листа-

ми. Обогрева не было, в щели между листами задувал холодный ветер. Несколько плотно укутанных фигур сидели на стульях, расставленных по этому пространству, никуда в особенности не глядя: некоторые попросту уставились на серый камень внешней стены.

Все это Сэмми едва отметил для себя. В дальнем конце комнаты, где сквозь дыру или прозрачный участок крыши падала колонна солнечного света, сидел человек. Он был один. В центре светового пятна.

Сэмми медленно пересек помещение, не сводя глаз с залитой закатным золотом фигуры. Лицо человека несло черты расового сходства с высшими Семьями Чжэн Хэ, но Сэмми его таким не помнил. Не важно. Человек мог и лицо себе изменить. Кроме того, у Сэмми в кармане лежал ДНК-анализатор и образец подлинного ДНК-кода Человека.

Человек был укутан в одеяла и носил тяжелую вязаную шапку. Он не шевелился, но казалось, что он куда-то смотрит, глядя на закат. *Это он.* Уверенность пришла не от рациональных рассуждений: ее принесло накатившей эмоциональной волной. *Может, неполный, но это именно он.*

Сэмми взял разболтанный стул и сел, глядя на залитую светом фигуру. Миновала сотня секунд. Две сотни. Последние лучи солнца угасали. Человек пустым взором созерцал закат, но холодок на лице заставил его отреагировать. Он шевельнул головой, словно в поисках чего-то, и, казалось, заметил посетителя. Сэмми повернулся лицом к закату. Что-то мелькнуло в глазах другого: удивление, затем — воспоминания, образы из глубин памяти. Неожиданно руки Человека выскользнули из-под одеял и рванулись к лицу Сэмми, словно клешни.

— Ты!

— Да, сэр, это я.

Поиск, отнявший восемь столетий, был завершен.

Человек неловко поерзал в своем кресле на колесиках, поправляя одеяла. Помолчал немного, а когда наконец заговорил, слова его ударили Сэмми.

— Я знал, что твое… отродье не оставит меня в покое. Я финансировал этот гребаный культ Сюпера, но всегда понимал… что этого может оказаться недостаточно. — Он снова шевельнулся в кресле. В глазах его сверкнул незнакомый по прежним дням огонек. — И не надо мне тут

рассказывать. Каждая Семья чуток вложилась. Может, даже каждый корабль Чжэн Хэ получил члена команды, чьей миссией было выслеживать меня.

Он понятия не имел, с каким размахом велись его поиски.

— Мы не желаем вам вреда, сэр.

Человек коротко хохотнул, но спорить не стал, хотя явно не поверил.

— Мне не повезло, что именно ты явился агентом на Трехземье. Ты оказался достаточно смышлен. Им следовало бы подыскать тебе должность получше, Сэмми. Тебе уже пора было бы стать Капитаном Флота или кем покруче, а не мальчиком-ассасином на побегушках. — Он снова поерзал, словно у него чесалось в заду.

Что там? Геморрой или рак? *Господи, об заклад побьюсь, он сидит на пушке. Он все эти годы был начеку, а сейчас пушка упрятана в одеялах.*

Сэмми отбросил осторожность и наклонился вперед. Человек бросил ему наживку. Ну ладно, быть может, иного выхода нет.

— И значит, нам наконец-то повезло, сэр. Я лично был уверен, что вы именно тут. Из-за В(ы)ключенной звезды.

Подозрительные движения под одеялами на-

конец унялись. Лицо Человека озарила хитрая усмешка.

— Она всего в пятидесяти световых годах отсюда, Сэмми. Ближайшая к Людскому Космосу астрофизическая загадка. И вы, безмозглые слабаки из Чжэн Хэ, туда даже не сунулись. Святая прибыль — вот все, что вас занимает. — Он примирительно взмахнул правой рукой, глубже уводя левую под одеяла. — Но, в конце-то концов, вся человеческая раса так устроена. Восемь тысяч лет мы смотрим на нее в телескопы, дважды отправляли туда занюханные зонды с времяпролетными миссиями — и только-то… Я полагал, что на таком близком расстоянии удастся организовать пилотируемый полет. Быть может, там что-нибудь найдется, думал я. *А потом, когда я вернусь*… — В глазах его снова сверкнул странный огонек. Невозможная мечта преследовала его так долго, что почти сожрала заживо. Сэмми понял, что Человек — не осколок себя былого, а просто безумен. Но если задолжал безумцу, долг все равно платежом красен.

Сэмми еще ближе придвинулся к нему.

— Вы могли бы организовать его. Насколько я понимаю, когда здесь пролетал звездолет, «Бидвел Дукань» как раз пребывал на пике по-

пулярности.

— Это Чжэн Хэ. Гребаная Чжэн Хэ! Я умыл руки, с вами покончено.

Левая рука его перестала шерудить под одеялами. Видимо, пушку он таки нашарил.

Сэмми протянул руку и слегка коснулся одеял над левой рукой Человека. Не насилие, а признание вины… и просьба уделить еще некоторое время.

— Фам, есть причина отправиться к В(ы)ключенной сейчас. Даже по стандартам Чжэн Хэ — веская.

— Э?

Сэмми не знал, в его прикосновении было дело или в словах, а может, в имени, которое так долго укрывала завеса молчания. Но старик ненадолго успокоился и внимательно прислушался.

— Три года назад, пока мы еще только плелись сюда, трехземельники приняли передачу откуда-то из окрестностей В(ы)ключенной звезды. Искровой радиопередатчик, технология, типичная для падшей цивилизации, которая полностью утратила былые знания и открывает их заново. Мы развернули собственные антенные массивы и проанализировали передачу. Похоже на ручную морзянку, но человеческие руки и

рефлексы на такое бы никогда не сподобились.

У старика отвисла челюсть, потом рот закрылся, не издав ни звука.

— Не может быть, — проговорил он наконец почти беззвучно.

Сэмми не сдержал улыбки.

— Странно от вас такое слышать, сэр.

Снова молчание. Человек поник головой. Наконец:

— Джекпот. Я промахнулся всего на шестьдесят лет. И вы меня сюда загнали… а теперь получите все. — Рука его все еще пряталась в одеялах, но он нахохлился в кресле, удрученный видением собственного поражения.

— Сэр, некоторые из нас… — (Намного больше, чем *некоторые*), — решили вас найти. Вы очень постарались усложнить нам эту задачу, и по очень древним причинам поиски пришлось держать в тайне. Но мы не желали вам зла, никогда. Мы хотели отыскать вас и… — *Возместить ущерб? Попросить прощения?* Сэмми не мог этого сказать, да и не было в словах всей правды. Ведь, в конце концов, Человек *ошибался*. Ну, тогда к делам сегодняшним. — Вы оказали бы нам честь, присоединившись к экспедиции в систему В(ы)ключенной.

— Ни за что. Я больше не принадлежу Чжэн Хэ.

Сэмми всегда мониторил состояние своих кораблей. А прямо сейчас… Стоит попытаться.

— Я на Трехземье не один прилетел, сэр. У меня флот.

Подбородок старика едва заметно вздернулся.

— Флот? — По старой привычке заинтересовался. Рефлексы еще живы.

— Корабли на ближнем рейде, но прямо сейчас их должно быть видно из Лоусиндера. Не хотите ли взглянуть?

Старик лишь пожал плечами, но обе руки его выскользнули из-под одеял и застыли на коленях.

— Позвольте, я покажу вам.

Всего в нескольких метрах в пластиковой стене имелась грубо прорезанная дверь. Сэмми поднялся и осторожно перекатил туда кресло. Старик не противился.

Снаружи оказалось холодно, может, даже приморозило. Небо над крышами было залито закатными красками, но единственным напоминанием о дневном тепле осталась полужидкая ледяная грязь под ботинками. Он катил кресло перед собой через парковку, туда, откуда открывался наилучший вид в западном направлении.

Старик с вялым интересом озирался. *Интересно, когда он в последний раз выбирался наружу?*

— Сэмми, ты никогда не задумывался, что на эту вечеринку пожалуют и другие?

— Сэр? — На парковке больше никого не было.

— Есть же и другие человеческие колонии, ближе нашего к В(ы)ключенной.

Ах, на эту вечеринку.

— Да, сэр. Мы постоянно обновляем сведения о них. — Три прекрасные планеты в тройной системе через несколько веков должны выйти из варварства. — Они сейчас называют себя «авральниками». Мы к ним ни разу не летали, сэр. Самое оптимистическое предположение: у них сейчас установилась тирания — высокотехнологичная, но крайне замкнутая, окукленная.

Старик фыркнул:

— Меня не волнует, насколько эти ублюдки замкнуты в себе. Там такое, что… мертвого поднимет. Захвати пушки, ракеты и ядерные боеголовки, Сэмми. Много, мно-о-ого ядерных зарядов.

— Будет сделано, сэр.

Сэмми искусным маневром выкатил кресло старика на край парковки. Через наглазники он видел, как медленно ползут по небу корабли его

Флота — невооруженным взглядом их пока было не углядеть за ближними домами.

— Еще четыреста секунд, сэр, и вы увидите, как они поднимаются из-за крыш вон там. — Он указал нужное место.

Старик промолчал, но посмотрел куда-то вверх. Обычный воздушный трафик, челноки из лоусиндерского космопорта. В вечерних сумерках было еще довольно светло, но уже можно было различить до полудюжины спутников. На западе мигал красный огонек, и по ритму пульсаций было ясно, что существует он только в наглазниках Сэмми, а не в реальности. Маркер В(ы)ключенной звезды. Сэмми посмотрел туда. Даже ночью и вдали от света Лоусиндера В(ы)ключенную видно не будет. Но в небольшой телескоп она кажется сейчас обычной звездой класса G… все еще кажется. Через несколько лет она перестанет быть видна в любые приборы, кроме космических телескопных массивов. *А когда Флот прибудет к ней, она будет уже два века как во тьме… и почти готова к возрождению.*

Сэмми опустился на колено рядом с креслом, не обратив внимания на чвякнувшую и обдавшую его холодом слякоть.

— Позвольте, я вам опишу свои корабли, сэр.

Он перечислил тоннаж, спецификации, назвал владельцев — ну, большинство из них, о некоторых будет уместнее рассказать потом, когда у старика не окажется в руке пушки. Сэмми все время следил за его лицом. Старик, несомненно, воспринимал то, что ему говорили. Проклятия его звучали тихо и монотонно: к каждому произнесенному Сэмми имени он добавлял новое ругательство. Кроме последнего…

— Лизолет? Звучит почти как стрентманнианское имя.

— Да, сэр. Второй после меня человек на Флоте — стрентманнианка.

— Ага. — Кивок. — Они… они хорошие люди.

Сэмми улыбнулся про себя. Подготовка к отлету займет еще лет десять. За это время они приведут Человека в порядок физически. Достаточно долгий срок, чтобы смягчить его безумие. Сэмми погладил подлокотник кресла рядом с рукой старика. *На этот раз мы тебя не бросим.*

— А вот поднимается первый мой корабль, сэр. — Сэмми снова показал в небо. Секундой позже над краем крыши расцвела яркая звезда. Она медленно, величественно проследовала в зону сумерек — сияющее вечернее светило. Шесть секунд — и появился второй корабль. Еще

шесть секунд, и возник третий. И еще один. И еще. И еще. Затем пауза, и наконец — тот, что был ярче остальных. Звездолеты Сэмми расположились на низкой орбите, в четырех тысячах километров над планетой. На таком расстоянии они казались всего-навсего светлыми точками, крохотными драгоценными камнями, нанизанными на незримую нить, протянувшуюся через все небо, с интервалом в полградуса. Зрелище впечатляло не более, чем низкоорбитальный полет внутрисистемных грузовиков или какие-нибудь местные конструкторские работы… если не знать, из какой дали эти светлые точки явились и как далеко способны в конце концов забраться. Сэмми услышал, как у старика перехватило дыхание. Он-то знал.

Двое глядели, как семь точек света медленно ползут по небу. Сэмми нарушил молчание.

— Видите вон то яркое пятнышко, на самом конце? — *Подвеска в драгоценном ожерелье созвездия.* — Он не уступает лучшим из когда-либо созданных кораблей. Это мой флагман, сэр, и зовется он… «Фам Нювен».

Часть первая

Сто шестьдесят лет спустя

1

Флот Чжэн Хэ подоспел к В(ы)ключенной первым. Это не имело значения. Последние пятьдесят лет полета они наблюдали плюмажи хвостовых факелов от двигателей флота авральников, который замедлялся, направляясь к той же цели.

Все они были тут странники, забравшиеся далеко от дома. Для торговцев из Чжэн Хэ ситуация не новая, хотя обычно встречи не бывали столь нежеланными и возможность торговли сохранялась. Здесь, однако, таилось сокровище, никому из них не принадлежавшее. Лежало во льдах, ожидая, пока его найдут и станут либо эксплуатировать, либо исследовать — смотря чья сторона победит. Вдалеке от друзей, вдалеке от привычного социального контекста, вдали от свидетелей. Ситуация, способная окупить любое предательство, и обеим сторонам это было известно. Чжэн Хэ и авральники, две экспедиции, дни напролет кружили друг около друга, выпы-

тывая намерения и оценивая огневую мощь. Заключались и перезаключались соглашения, строились планы совместной высадки. Но торговцы прискорбно мало знали о подлинных возможностях авральников. Поэтому приглашение на обед, выдвинутое авральниками, одними было воспринято с облегчением, а другими — с тайным скрежетом зубовным.

Триксия Бонсол тронула его плечом и склонила голову так, чтоб он один ее слышал:

— Итак, Эзр? Еда на вкус нормальная. Может, они и не хотят нас отравить.

— Бдительность усыпляют, — проворчал он в ответ, стараясь не дать себя отвлечь ее прикосновением. Триксия Бонсол родилась на планете и входила в команду специалистов. Как и большинство трехземельников, она несколько сильнее доверяла людям, чем это было бы полезно, а Эзра любила поддразнивать обвинениями в «барыжной паранойе».

Взгляд Эзра скользил по столам. Капитан Флота Пак взял на банкет около сотни человек, но вооружены были немногие. Чжэн Хэ рассадили среди почти равного количества авральников. Он сам с Триксией сидели поодаль от капитанского стола. Эзр Винь, торговец-интерн, и Триксия Бонсол,

лингвист-постдок. Он полагал, что соседи-авральники столь же низких рангов. Наилучшая оценка Чжэн Хэ повелевала считать общество авральников строго иерархичным, но явных ранговых отметин Эзр не углядел. Некоторые незнакомцы были словоохотливы, а незейский язык их был вполне понятен, не слишком отличаясь от стандартного для широкополосных передач варианта. Бледный, крепкого телосложения парень по левую руку от Эзра в продолжение трапезы вообще не закрывал рта. Ритсер Брюгель был кем-то вроде боевого программиста, хотя не понял этого термина, когда Эзр его при случае ввернул. Казалось, что Ритсера всецело занимают планы на следующие несколько лет.

— Так уже поступали раньше, вы в курсе? Выцепить их, пока у них еще нет технологий — или не успели восстановить, — говорил Брюгель, на время отстранясь от Эзра и обратив усилия на старого Фама Тринли. Брюгель вроде бы обманулся его почтенным возрастом, сочтя авторитетной персоной и не поняв, что старик в окружении молодежи едва ли успешен. Эзр ничего не имел против — у него появилась возможность скрытно понаблюдать за окружающими. Фама Тринли разговор, казалось, искренне порадовал. Он ста-

рался во всем перещеголять бледного блондина, как один боевой программист другого, и в ходе беседы такое выбалтывал, что Эзра аж передергивало.

Одно в авральниках хорошо: они не страдают технологическим кретинизмом. У них имелись быстроходные звездолеты на ионных прямоточных двигателях, что ставило их на высшую ступень технического развития. И это, кажется, не угасающее знание. Сигнальные системы и компьютеры у них не уступали аналогичным приборам Чжэн Хэ — Винь знал, что это обстоятельство тревожит службу безопасности капитана Пака сильнее любой другой черты скрытных авральников. Чжэн Хэ вобрала лучшие достижения золотых веков сотни цивилизаций, и в иных обстоятельствах компетентность авральников вызвала бы у нее искренний торговый энтузиазм.

Компетентность, а также трудолюбие. Эзр оглядывал столики. Снаружи не сказать, чтоб загляденье, но впечатляет, да. Жилая зона таранного корабля — обычно курам на смех. Таким кораблям, как правило, требуется солидная экранировка и приличная прочность конструкции. Даже перемещаясь на скоростях в доли световой,

они совершали путешествия меж звезд за годы, так что команда и пассажиры большую часть времени проводили в анабиозе. Авральники же, надо полагать, разморозили многих своих людей еще до того, как завершили сооружение жилой зоны. Хабитат этот они построили и раскрутили менее чем за восемь дней — не переставая корректировать окончательные параметры орбиты. Сооружение — разомкнутое кольцо — в диаметре превышало двести метров и сделано было из материалов, доставленных за двадцать световых лет.

Внутри было, пожалуй, роскошно. Общее впечатление — сродни классицизму, стилю ранних хабитатов Солнечной системы, сооруженных еще до того, как были отработаны принципы систем жизнеобеспечения. Авральники искусно работали с тканью и керамикой, а вот биоинженерией, как догадался Эзр, не владели. Занавеси и мебель скрывали изгиб пола. Вентиляторный ветерок был беззвучен, но достаточно интенсивен, чтобы создать иллюзию бескрайнего воздушного пространства. Окна отсутствовали, не было даже экранов обзора с поправкой на вращение. Стены, где их удавалось разглядеть, отделаны вручную, завешаны сложными произведениями искус-

ства (картины маслом?), яркие краски которых играли и в приглушенном освещении. Эзр знал, что Триксии было бы любопытно рассмотреть их вблизи. Девушка утверждала, что такое искусство проявляет основы культуры даже лучше, чем язык.

Винь оглянулся на Триксию и послал ей улыбку. Смысл этой улыбки она поймет, но, как знать, вдруг авральники обманутся? Эзр бы что угодно отдал, чтобы приобщиться к неподдельному радушию капитана Пака — тот сидел во главе стола и так дружелюбно беседовал с авральником Томасом Нау, что любо-дорого посмотреть. Можно подумать, два одноклассника встретились через много лет. Винь откинулся в кресле, впитывая не смысл, а настроение разговоров.

Не все авральники оказались улыбчивы и словоохотливы. Например, рыжая во главе стола, всего в нескольких местах от Томаса Нау; ее представили, но Винь не запомнил имени. Если не считать сверкающей нитки серебряного ожерелья, одета просто и даже аскетично. Сама тонкая, неопределимого возраста. Рыжие волосы ее, может, и выкрашены для этого вечера, но лишенную пигментации кожу подделать было бы тяжелей. Она была бы красива экзотической красотой,

но все портила некоторая неловкость позы и суровый изгиб рта. Взгляд женщины скользил по столикам, но вид у нее был отсутствующий. Винь заметил, что рядом с ней хозяева вечера никого не посадили. Триксия с десяти лет поддразнивала Виня, что он-де жутко охоч до женщин, хотя по большей части — в фантазиях. Что ж, странная дама эта скорей явилась бы Эзру Виню в кошмарном сновидении, нежели в счастливой грезе.

Во главе стола поднялся Томас Нау. Слуги отступили от столов, а сидевшие за ними авральники и все торговцы, кроме тех, кто слишком увлекся, перестали шушукаться.

— Настало время тостов за межзвездную дружбу, — пробормотал Эзр. Бонсол толкнула его локтем, со значением глянув на передний край стола. Он почувствовал, что девушку душит смех, когда предводитель авральников и в самом деле возгласил:

— Друзья, мы все забрались так далеко от дома. — Он простер руку величественным жестом, словно обводя ею космос за стенами банкетного зала. — Обе стороны допустили ошибки, потенциально чреватые серьезными последствиями. Мы знаем, что эта звездная система необычна. — (Представить себе только: звезда такой высокой

переменности, что она в буквальном смысле слова выключается на двести пятнадцать лет из каждых двухсот пятидесяти!) — В течение тысячи лет астрофизики, и не одной цивилизации, пытались выбить у правителей ассигнования на экспедицию к этой звезде. — Он сделал паузу и расплылся в улыбке. — Разумеется, вплоть до настоящего времени путешествие сюда, далеко за пределы Людского Простора, обошлось бы чрезмерно дорого. Но вот те на: ныне звезда эта стала объектом устремлений сразу двух человеческих экспедиций! — Вокруг засмеялись, всем подумалось: «Вот же не повезло!» — Конечно, на то есть веское основание. В прошлом настоятельной потребности предпринять такую экспедицию не было. А теперь есть: раса, которую мы зовем пауками. Всего лишь третья открытая когда-либо негуманоидная разумная раса. — И в такой темной планетной системе естественное появление жизни было бы маловероятным. Пауки, надо полагать, потомки негуманоидов-звездопроходцев, а с такими человечество пока ни разу не сталкивалось. Не исключено, что здесь покоится величайшее сокровище за всю историю Чжэн Хэ, и тем более ценное, что текущая версия паучьей цивилизации лишь недавно переоткрыла радио.

Это значило, что вести себя с ними можно так же, как с любой деградировавшей и безопасной человеческой цивилизацией.

Нау хмыкнул с наигранной досадой и глянул на капитана Пака.

— До недавних пор я не осознавал, сколь точно наши слабые и сильные качества, наши прозрения и заблуждения друг друга уравновешивают. Вы явились из более дальнего далека, но на очень быстрых, загодя построенных кораблях. Мы пришли с более близкого расстояния, но времени это у нас отняло куда большее. Мы оба многое просчитали верно.

Массивы телескопов наблюдали за В(ы)ключенной чуть ли не с первых лет Человечества в космосе. Уже веками было известно, что вокруг этого светила вращается планета размером с Землю, чья химическая сигнатура выдавала признаки жизни. Будь В(ы)ключенная обычной звездой, планета эта могла оказаться приятным местечком, а не снежным комком, как большую часть времени. В системе В(ы)ключенной других планет не было, и еще астрономы древности подметили, что у единственной планеты нет спутников. Ни других планет земного типа, ни газовых гигантов, ни астероидов… ни кометно-

го облака. Космос вокруг В(ы)ключенной был чист, как после уборки. Вокруг катастрофически переменной звезды это не могло вызывать удивления, и уж конечно, в прошлом В(ы)ключенная порождала мощные вспышки — но как тогда уцелела единственная планета? Одна из многих тайн этого места.

Все это было известно и учтено в планах. Флот капитана Пака за время пребывания здесь лихорадочно обшарил всю систему и даже собрал с замерзшей планеты пару километров летучих веществ. Нашлось в системе и четыре скалы — ну, астероида, если расщедриться на такое название. Странные объекты, самый крупный длиною около двух километров. И состояли они из чистого алмаза. Ученые Трехземья, бывало, в драку кидались, споря о причинах этого.

Но алмазы не едят — по крайней мере, необработанными. Без обычной смеси естественных летучих веществ и руд жизнь флотилии виделась нелегкой. Чертовы авральники хоть и опоздали, но им повезло. У них не так развита наука, ученых они взяли меньше, корабли авральников медленней… зато аппаратуры навалом.

Лидер авральников благожелательно улыбнулся и продолжил:

— В системе В(ы)ключенной может быть только одно место, где существуют летучие вещества, и это сама планета пауков. — Он обвел взглядом аудиторию, задержавшись на гостях. — Я знаю, что некоторые из вас уже предлагали отложить визит до нового периода активности пауков… но игра в прятки оправдана лишь отчасти, а мой флот располагает тяжелыми лихтерами. Директор Рейнольт… — (Ага, вот как зовут рыжую!) — согласна с вашими учеными в том, что местные никогда не развивались дальше стадии примитивных радио. Все пауки сейчас спят глубоко под землей и там пребудут, пока В(ы)ключенная не включится снова. — А это случится примерно через год. Причина цикла В(ы)ключенной оставалась загадкой, но переход от мрака к свету повторялся с периодичностью, не претерпевшей за восемь тысяч лет особых изменений.

Рядом с Томасом Нау во главе стола сидел С. Дж. Пак и тоже улыбался, притом с не меньшей искренностью. Капитан Флота Пак не был особо популярной фигурой у Лесников Трехземья, в основном потому, что период предполетной подготовки его стараниями ужался до предела, хотя тогда еще и намека не было на присутствие вто-

рой флотилии. Пак чуть не спалил свои таранные двигатели, до последнего момента избегая сбрасывать скорость и держась чуть-чуть впереди авральников. Он имел право заявить, что забил делянку первым, и располагал еще кое-каким сокровищем: алмазными скалами и небольшим запасом летучих веществ. До первой высадки оставалась тайной даже внешность чужаков. Высадки эти, с хаотическими раскопками у памятников и кражами мусора со свалок, принесли много ценного, что теперь могло стать предметом торговли.

— Настало время для сотрудничества, — продолжал Нау. — Не знаю, что слышали присутствующие о наших переговорах в последние два дня, но слухи наверняка расползлись. Вскоре вы узнаете все в подробностях, а пока что капитан Пак, ваш Торговый комитет и я считаем уместным продемонстрировать единство на пути к общей цели. Мы планируем совместную высадку солидного размаха. Основная цель — позаимствовать с планеты не менее миллиона тонн воды и сопоставимое количество металлических руд. У нас имеются тяжелые лихтеры, которым это сравнительно несложно. Второстепенные цели — расставить там пассивные сенсоры и отобрать

некоторое количество культурных артефактов. Результаты и ресурсы будут распределены поровну между двумя экспедициями. В космосе же две наши группы начнут работу с местными астероидами, создавая из них прикрытие для хабитатов, предпочтительно — на расстоянии нескольких световых секунд от планеты пауков.

Нау снова глянул на капитана Пака. Значит, кое-что еще обсуждается.

Нау поднял бокал:

— Итак, мой тост. За конец всех ошибок и успех совместного предприятия. Возможно, в будущем нам удастся сфокусироваться на нем точнее.

— Но послушай, дорогая, это же *я* обязан изображать параноика, помнишь? Я-то думал, ты меня костеришь как раз за то, что я полон гнусных барыжных инсинуаций.

Триксия чуть устало усмехнулась, но не сразу ему ответила. Всю дорогу с банкета у авральников она держалась непривычно тихо. Сейчас парочка сидела в каюте Триксии на временной базе торговцев, и к девушке понемногу возвращались разговорчивость и живость.

— Хабитат у них, во всяком случае, симпатичный, — сказала она наконец.

— В сравнении с нашей времянкой — да. — Эзр

похлопал по пластиковой перегородке. — Учитывая, что они базу по частям стачали, работа прекрасная.

База Чжэн Хэ представляла собой, по сути, огромный, поделенный на отсеки воздушный шар. Гимнастическая секция и конференц-залы были довольно просторными, но назвать это место красивым ни у кого бы язык не повернулся. Торговцы экономили на отделке до тех пор, пока не получали доступ к местным материалам для более крупных конструкций. Триксии отвели всего две сообщавшиеся проходом комнаты, общим объемом чуть больше сотни кубических метров. Стены были простые, гладкие, но Триксия хорошенько поработала с консенсусной визуализацией: портреты родителей и сестер, панорама какого-то великого леса Трехземья. Большую часть рабочего стола покрывали двумерные картинки на исторические темы, о Старой Земле докосмической эры. Были тут снимки первого Лондона и первого Берлина, картинки с лошадьми, аэропланами и комиссарами. В общем-то, культуры эти могли считаться вполне добросердечными в сравнении с экстремальными выкрутасами истории более поздних миров. Но в Рассветную Эпоху все открывали впервые. Ни-

когда не бывало времени, исполненного более грандиозных мечтаний и более великой наивности. Эзр специализировался по этому периоду, к ужасу родителей и к удивлению большинства приятелей. А вот Триксия его поняла. Для нее Рассветная Эпоха оставалась, наверное, просто увлечением, но она любила болтать о старых временах, веках, когда все происходило в первый раз. Он знал, что другой такой собеседницы ему сроду не найти.

— Триксия, ну что тебя гнетет? Ничего нет необычного в том, что у авральников симпатичное жилье. Большую часть вечера ты вела себя как всегда, была расслаблена и доверчива… — (На оскорбление она не отреагировала.) — А потом что-то произошло. Что ты такого высмотрела?

Он оттолкнулся от потолка и подплыл ближе к нише в стене, где на диванчике расположилась девушка.

— Я несколько вещей для себя отметила, по мелочи, и… — Она потянулась взять его за руку. — Ты знаешь, у меня способности к языкам. — Снова быстрая улыбка. — Их диалект незейского так близок к вашему широковещательному стандарту, что становится ясно: они отпочковались от сети Чжэн Хэ.

— Ну да. Это согласуется с их утверждениями. Молодая цивилизация карабкается обратно на высоты, с которых сверзилась.

«Начну ли я их защищать?» Предложение авральников казалось разумным и даже щедрым. К таким вещам любой торговец должен отнестись с осторожностью, но Триксию волновало не это, а что-то *иное*.

— Да, но если язык у собеседников общий, многое будет нелегко утаить. Я уловила дюжину повелительных наклонений в речи — и это не застрявшие в языке архаизмы. Авральники привыкли повелевать, Эзр.

— Имеешь в виду, привыкли владеть рабами? Триксия, это высокотехнологичная цивилизация. Техники не очень-то годятся в рабы. Без их искренней поддержки все летит в тартарары.

Она резко стиснула его руку, не в гневе и не игры ради, но так сильно, как никогда прежде.

— Да-да. Но мы не знаем всех их уверток. Мы только можем быть уверены, что они привыкли играть жестко. Я весь вечер слушала того рыжеватого блондина рядом с тобой и пару справа от меня. Слово «торговля» им нелегко дается. Единственный тип отношений с пауками, который они себе представляют, — это эксплуатация.

— Гм.

Триксия в этом мастерица. То, что от него ускользало, она зачастую легко выявляла. Иногда и после такого обследования эти аспекты казались незначительны, но бывало и так, что пояснения Триксии проливали яркий свет на детали, о которых он сам бы в жизни не догадался.

— Не знаю, Триксия. Ты же в курсе, что Чжэн Хэ тоже не стесняются в выражениях, когда уверены, что клиенты не слышат.

Триксия мгновение глядела в сторону, созерцая эксцентричный интерьер своего дома на Трехземье.

— Привычка Чжэн Хэ не стесняться в выражениях перевернула мой мир вверх тормашками, Эзр. Ваш капитан Пак сломал препоны на пути в систему образования, вывернул наизнанку Лесничество… И это ведь лишь побочный эффект.

— Мы никого не заставляли…

— Знаю. Вы никого не заставляли. Лесничество пожелало приобщиться к добыче экспедиции и согласилось кое-чем за это заплатить. — Она усмехалась странной усмешкой. — Я не жалуюсь, Эзр. Без напористого подхода Чжэн Хэ меня бы не допустили к тестам Лесничества, я не стала бы кандидатом наук и меня бы тут не было. Вы,

Чжэн Хэ, и вправду шкуродеры, но с моим миром вряд ли могло случиться что-то лучшее, чем ваш визит.

Эзр до последнего года на Трехземье пролежал в заморозке. Детали отношений с клиентами от него ускользали, и до сегодняшнего вечера Триксия особо о них не распространялась. Хм. Он же обещал ей не более одного предложения руки и сердца за мегасекунду, но… Он собрался заговорить.

— Стой! Я не закончила. Я тебе все это рассказываю, желая тебя убедить, что не стесняться в выражениях можно по-разному, и эта разница мне видна. Те люди на званом обеде говорили не как торговцы, а как тираны.

— А что насчет слуг? Они разве похожи на забитых сервов?

— Нет… скорей напоминают наемных работников. Я знаю, это не согласуется… Но мы не видели всех авральников. Может быть, жертвы где-то в другом месте. То ли потехи ради, то ли по рассеянности, но Томас Нау развесил свой план по стенам на всеобщее обозрение. — Она перехватила его недоуменный взгляд. — Картины, будь они неладны!

Триксия, покидая банкетный зал, медленно

прошлась вдоль стен, уделив каждой картине заметное внимание. Красивые пейзажи, либо планетные, либо с очень крупных хабитатов. Каждый сюрреалистичен с точки зрения света и геометрии пространства, но так точен, что отдельные травинки можно разглядеть.

— Нормальные, счастливые люди таких полотен не создавали.

Эзр передернул плечами:

— У меня осталось впечатление, что автор картин один и тот же. Они так хороши, что, готов побиться об заклад, это не более чем репродукции классических работ, ну, как замковые пейзажи Канберры кисти Дэна. — (Маниакально-депрессивный взгляд на унылое, бесцельное будущее.) — Великие художники зачастую безумны и несчастливы.

— Слова истинного торговца!

Он накрыл ее руку своей:

— Триксия, я с тобой не спорю. До банкета ведь именно я был подозрителен.

— И ты до сих пор подозрителен, разве нет? — Вопрос прозвучал напористо, но она явно не подначивала его в шутку.

— Да. — Хотя и меньше, чем сама Триксия, да и не по тем причинам. — Просто взять и пред-

ложить поровну разделить добычу с тяжелых лихтеров от чистого сердца… с авральниками это как-то не вяжется.

Несомненно, этим решением они обязаны долгим переговорам. Теоретически ученые мозги Чжэн Хэ стоили приличного количества тяжелых лихтеров, но равенство трудно было установить и обосновать доказательно.

— Я лишь пытаюсь понять, что ты такого углядела и что пропустил я сам… Хорошо, предположим, что опасность неиллюзорна. Ты считаешь, что капитан Пак и комитет ее не заметили?

— Ну а чем они тогда думают? Наблюдая за флотскими офицерами на обратном пути, я подумала, что люди эти теперь порядком расположены к авральникам.

— Просто радуются сделке. А что думают в Торговом комитете, я не знаю.

— Но ты можешь узнать, Эзр. Если банкет их одурачил, ты-то вправе потребовать дальнейших разъяснений. Знаю, знаю, ты интерн, есть правила, обычаи и бла-бла-бла. Но ведь экспедицией владеет *твоя* Семья!

Эзр виновато нахохлился:

— Лишь отчасти.

Она впервые заговорила об этом. Доселе они

оба, ну, по крайней мере Эзр, опасались вслух признавать разницу в статусе. Глубоко спрятанное опасение, что каждый пытается использовать другого, изводило обоих. Родители Эзра Виня и две его тетки владели примерно третью кораблей экспедиции: двумя таранниками и тремя посадочными модулями. В целом же Семья Винь.23 распоряжалась тридцатью кораблями в дюжине экспедиций. Путешествие к Трехземью считалось побочной инвестицией, и члена Семьи туда посылали просто формальности ради. Спустя сто — триста лет Винь воссоединится с Семейством. К тому времени Эзру Виню будет всего лет на десять-пятнадцать больше, чем сейчас. Он с нетерпением ожидал воссоединения, желая показать родителям, что сынок не ударил в грязь лицом. А пока ему еще годы и годы набирать статус.

— Триксия, есть разница между владением и управлением, особенно в моем случае. Были бы в экспедиции мои собственные родители, тогда — да, их мнение многое значило бы. Но меня просто отправили слетать туда и обратно. Я скорей интерн, чем владелец экспедиции. — И его не раз публично тыкали в это носом. В хорошей экспедиции Чжэн Хэ непотизм мало что значит,

а порой обращается в свою противоположность.

Триксия долго хранила молчание, взгляд ее блуждал по лицу Эзра. Дальше-то что? Винь вспомнил мрачное предостережение тети Филипы насчет женщин-прилипалок, которые так и норовят присосаться к юным торговцам, заманить в свои сети; думают, что им позволено управлять жизнью избранника или, хуже того, бизнесом Семьи! Эзру исполнилось девятнадцать, Триксии Бонсол — двадцать пять. А что, если она полагает, будто вправе чего-то от него требовать? *Триксия, умоляю, не надо.*

Наконец она улыбнулась — не так открыто и весело, как обычно.

— Ладно, Эзр. Делай, что должен… но постарайся оказать мне услугу. Подумай о моих словах.

Она потянулась к нему — коснуться лица, погладить. Поцелуй ее был мягким и трепетным.

2

Дочь полка выжидала в засаде рядом с каютой Эзра.

— Эй, Эзр, а я тебя вчера вечером видела!

Он чуть не споткнулся. *А, она, должно быть, про банкет.* Торговый комитет вел трансляцию на весь Флот.

— Ну да, Киви, ты меня видела по видео, я знаю. А теперь узрела лично. — Он открыл дверь своей каюты и вошел. Каким-то образом Дочь полка умудрилась протиснуться туда вслед за ним. — Так что ты здесь делаешь?

Киви была мастерица отвечать на вопросы так, как удобно ей одной.

— Да у нас же через две килосекунды та же самая волынка. Я и подумала — отчего бы не проводить тебя в бактериальную лабу? Заодно сплетнями обменяемся.

Винь нырнул в заднюю каюту, на сей раз изловчившись проникнуть туда в одиночестве. Переоделся в робу. Конечно, Дочь полка его дождалась.

Он вздохнул.

— Нет у меня никаких свежих сплетен. — «Ни за что не стану ей пересказывать разговор с Триксией».

Киви торжествующе усмехнулась:

— А у меня полно. Давай-давай.

Она распахнула дверь в наружный коридор и с полупоклоном, элегантным даже в невесомости, указала ему путь.

— Я хотела сравнить наши записи, угу. Но, если по-честному, есть у меня еще кое-что, верняк. У

комитетчиков три поста наблюдения, в том числе один на входе — обзор оттуда лучше, чем у тебя.

Она полетела за ним вниз по коридору, объясняя, как часто пересматривает видео и о чем на этих роликах сплетничают.

Винь впервые повстречался с Киви Лин Лизолет еще до отлета, в системе Трехземья. Ей тогда было восемь: не девчонка, а чистейшее воплощение несносности. По каким-то причинам она выбрала его своим конфидентом. Будь то ужин или маркетинговое совещание, неизменно Киви садилась Виню на хвост и толкала в плечо, привлекая внимание, и чем сильнее он сердился, тем больше, казалось, ее развлекал. Дать ей разок хорошего тумака — и воззрения на жизнь переменятся. Но разве дашь тумака восьмилетке? Ей не хватало девяти лет до возрастного порога члена экипажа. Детям в полете не место, до или после — пожалуйста, но не в самой экспедиции, особенно если маршрут ее лежит в безвестную глушь. Однако мать Киви владела двадцатью процентами фонда экспедиции…

Семья Лизолет.17 отличалась приверженностью матриархальным традициям и происходила со Стрентманна, с другого конца области влияния Чжэн Хэ. И обликом, и обычаями представите-

ли этого Семейства были весьма неординарны. Многими правилами пришлось поступиться, но кончилось дело тем, что малолетку Киви приняли на борт. Она уже провела в полете больше объективных лет, чем все остальные взрослые, кроме вахтенных. Детство Киви протекало меж звезд, в обществе нескольких человек, зачастую даже не ее родителей. Виню стоило лишь вспомнить об этом, как его гнев утихал. Бедняжка. Но она ведь уже не девчонка. Киви, наверное, лет четырнадцать. Физическая агрессия сменялась словесной — и это хороший знак, учитывая, что привыкшие к высокой гравитации стрентманнианцы отличались крепким телосложением.

Парочка спускалась по главному осевому коридору.

— Эй, Раджи, как дела? — Киви махала рукой и улыбалась чуть ли не ежесекундно каждому встречному. За мегасекунды до прибытия авральников капитан Пак успел разморозить почти половину флотского экипажа — хватило на обслуживание всех кораблей и систем оружия, да еще резерв остался. Пятнадцать сотен человек — на хабитате его родителей столько собралось бы для крупной вечеринки. А здесь это настоящая толпа, пускай даже многие работают вне

корабля. Когда набивалось столько народу, легко было понять, что обиталище это — и вправду времянка, где для новых членов команды то и дело выдувают новые отсеки. Осевой коридор служил попросту местом пересечения людских потоков из четверки очень крупных, состыкованных уголками надувных шаров. Поверхности стен время от времени рябили и морщились, когда приходилось протискиваться группам из четырех-пяти человек.

— Не доверяю я авральникам, Эзр. Все эти щедрые обещания — чушь, им ничего не стоит перерезать нам глотки.

Винь раздраженно застонал:

— Ну а чего ты лыбишься все время?

Они миновали прозрачную секцию — настоящее окно, а не экранная заставка. За ней простирался парк базы. Он был едва ли больше любого бонсайного садика, но пространства и живых существ тут можно было найти поболе, чем на любом стерильно чистом хабитате авральников. Киви завертела головой из стороны в сторону и на некоторое время заткнулась. Только животные и растения производили на нее такое впечатление. Отец ее был флотским офицером службы техподдержки систем жизнеобеспечения

— и мастером бонсай, чья слава гремела по всей зоне влияния Чжэн Хэ.

Спустя миг девчонка, казалось, вернулась мыслями к настоящему. Покровительственная усмешка снова скользнула по ее губам.

— Да потому, что мы — Чжэн Хэ, если даем себе труд об этом помнить! Мы тысячи лет клиентов за нос водим! Авральники, мать-перемать! Всем, что у них есть, они обязаны публичным передачам по сети Чжэн Хэ. Без сети они бы до сих пор раскапывали старые развалины!

Коридор сузился, искривляясь в месте перегиба. Вверху и под ними слышались говор и шаги экипажа, приглушенные тканевой перегородкой. Внутренний пузырь времянки. Здесь располагалась единственная действительно необходимая (за вычетом силовой установки и рангоутной опоры) часть базы, а именно бактериальная яма.

Работа тут была самая нудная и грязная, какую только можно придумать: чистка бактериальных фильтров из гидропонных прудов. Тут, внизу, растения пахли совсем не так приятно. Совсем наоборот, крепкое здоровье экосистемы сигнализировало о себе сногсшибательной вонью. Большую часть работы принимали на себя автоматы, но критические случаи ставили даже

лучшую автоматику в тупик, а телеметрией бактериальную лабораторию оснастить как-то не позаботились. В известном смысле — очень важный пост. Одна ошибка по дурости — и бактериальный штамм проникнет сквозь мембрану на верхние ярусы. Еда приобретет вкус блевотины, а из вентканалов потекут ароматы гниения. Но и самая страшная ошибка никого бы не убила — на таранниках имелись и другие ямы, изолированные друг от друга.

Поэтому здесь располагалась скорей тренировочная зона, идеальная по меркам сурового учебного процесса. Работенка сложная, физически тяжелая, а случайная ошибка чревата крайне неприятными последствиями.

Киви подписалась на дополнительную подработку именно здесь. Она утверждала, что местечко ей нравится.

— Папа говорит, надо начинать с мельчайших форм жизни, прежде чем приниматься за крупные. — Не девчонка, а ходячая энциклопедия по бактериологии, справочник по сложно сочлененным путям метаболизма, букетам канализационной вони, отвечавшим разным комбинациям штаммов, и характеристикам бактерий, которые не переносят контакта с чело-

веком (о, благословенны будьте штаммы, нюхать которые никогда не придется).

Эзр за первую килосекунду дежурства дважды был близок к ошибке. Он вовремя это замечал, но и Киви тоже. В обычной обстановке она бы его без устали долбила за эти ошибки, но сегодня все внимание Киви было занято авральниками.

— Ты же знаешь, почему мы не взяли с собой тяжелые лихтеры?

Два крупнейших посадочных модуля Чжэн Хэ обладали грузоподъемностью около тысячи тонн и, если дать им время, были способны доставить с планеты на орбиту весь запас летучих веществ и руды, необходимый экспедиции. Разумеется, прибытие авральников такой роскоши, как время, не оставило. Эзр пожал плечами и сосредоточился на заборе очередной пробы.

— Ходят слухи.

— Ой, да какие там слухи, это все элементарно просчитывается. Капитан Флота Пак догадался, что нам на хвост могут свалиться попутчики. Он захватил с собой самый минимум лаб и модулей. И до фигища оружия — от пушек до боеголовок.

— Может быть.

Наверняка.

— Проблема в том, что чертовы авральники

слишком близко и вооружены лучше. И они наступают нам на пятки.

Эзр ответа не нашел, но это и не требовалось.

— В любом случае это лишь сплетни. Надо держать ухо востро, вот что я тебе скажу. — И она углубилась в рассуждения о тактике и спецификациях оружейных платформ авральников. Мамаша Киви была вторым человеком на Флоте после капитана, а еще — старшим оружейником. Притом стрентманнианкой. Большую часть времени в полете Дочь полка убивала, изучая математику, рассчитывая траектории и спеки оборудования. Интерес к бонсаю и бактериям — это у нее от папы. Она без труда меняла ипостаси: кровожадный оружейник, хитрый торговец, мастер бонсай — за считаные секунды. Как вообще так получилось, что ее предки рискнули вступить в брак? И какое странное, мятущееся, одинокое дитя произвели на свет.

— В общем, — заключила Киви, — лобовая атака на авральников могла бы принести успех. Им это понятно. Именно поэтому они сидят тише воды ниже травы. Завязалась игра: нам нужны их тяжелые лихтеры, а они, если сохранят верность договору, обогатятся. Правда, мы при этом обогатимся баснословно. Этим приколистам ничего

не стоит продать воздух для безвоздушной базы. Если даже все полетит в тартарары, мы, пожалуй, сумеем сохранить контроль над ситуацией.

Эзр закончил отбирать пробы и приступил к следующей операции.

— Однако, — отозвался он, — Триксия думает, что вряд ли они вообще помышляют о торговле.

— Хм.

Как забавно: Виня она подначивает без устали, а Триксию не трогает. По большей части вообще игнорирует. Киви умолкла почти на секунду, что было для нее не очень характерно.

— Думаю, твоя подружка права. Слышь, Винь, я, конечно, не уполномочена тебе это выбалтывать, но в Торговом комитете раскол, так и знай. — Если ее мамаша не подучила, то Киви несет откровенную чушь. — Я считаю, что среди комитетчиков нашлись идиоты, которые по-прежнему надеются разрешить конфликт экономическими средствами, и каждая сторона гнет свою линию. Как обычно, наши переговорщики лучше. Эти чуваки не вкуривают одной вещи. Если нас прикончат, фиксировать ущерб будет уже некому, и не важно, на кого он упадет. Надо держать ухо востро и готовиться к нападению.

В голосе Киви прозвучали жесткие нотки, но

слова странно напомнили Эзру речи Триксии.

— Мама напрямую об этом не говорит, но похоже, что они в тупике. — Девчонка искоса глянула на него: пытается выглядеть заговорщицей. — Ты совладелец, Эзр. Ты мог бы поболтать с…

— Киви!

— Да-да-да, я ничего не говорила, ничего не говорила!

На сотню секунд или около того Киви оставила его в покое, затем вернулась к своим планам обогатиться за счет авральников, «если мы переживем следующие несколько мегасекунд».

Если бы планеты пауков и В(ы)ключенной не существовало в природе, авральников под конец века все равно обнаружили бы в этом уголке поля влияния Чжэн Хэ. Анализ перемещения их флотилии показал, что автоматика и системы планирования у них на диво хороши. В то же время звездолеты и вполовину были не так быстроходны, как у Чжэн Хэ, а биотехнологии пребывали в плачевном состоянии. У Киви нашлась сотня планов, как обратить это к выгоде.

Эзр едва ее слушал. В иное время болтовня Киви отвлекала бы его от работы, но не сейчас. Выполнение планов двухвековой давности зависело от развития событий в следующие критические ки-

лосекунды, и он впервые задумался о своей роли во флотском менеджменте. Триксия — человек со стороны, ум у нее острый, а точка зрения необычна для урожденного торговца. Дочь полка тоже умница, только склонна пороть всякую чухню. На этот раз… а вдруг ее мамочка подговорила? Кира Пен Лизолет чужестранка, уроженка самых дальних областей сферы влияния Чжэн Хэ; возможно, она сочла, что юный интерн ей пригодится уж в силу своих родственных связей. *Проклятье*.

Дежурство подходило к концу, а он так ни до чего и не додумался. Через пятнадцать сотен секунд его сменят. Если пропустить полдник, успеет еще переодеться… и сходить к капитану Паку. За два субъективных года жизни в экспедиции он ни разу не воспользовался семейными связями. *А какой от них нынче прок? Сумею ли я разрубить узел?* До конца смены его мучили эти мысли, и он все еще не отогнал их, когда, переодевшись, взялся звонить секретарю капитана.

Усмешка Киви не утратила ни капли привычной наглости.

— Ты им скажи, Винь, скажи. Ясно же, что операция должна быть военной.

Он жестом велел ей заткнуться и заметил, что звонок отклонен. Заблокирован? Миг облегчения

и… ага, тут входящее… из офиса капитана Пака.

Прибыть в 5.20.00 в каюту стратегического планирования Капитана Флота…

Какое там у древних проклятие насчет исполненных желаний? Эзр Винь начал взбираться в транспортный ангар. Голова у него шла кругом.

Киви Лин Лизолет и след простыл. Умница девочка, чего уж там.

Его позвали не на совещание офицеров. Эзр очутился в каюте стратегического планирования на флагманском корабле «Фам Нювен», в присутствии самого Капитана Флота и Торгового комитета экспедиции. Вид у комитетчиков был не слишком довольный. Винь успел бросить на них лишь беглый взгляд, прежде чем принять стойку «смирно» в точке крепления. Краем глаза он косил в сторону присутствующих, пересчитывая их. Да, они все здесь. Парят вокруг конференц-стола и взирают на него довольно недружелюбно.

Пак резким жестом принял формальное приветствие Виня.

— Вольно, интерн.

Триста лет назад, когда Эзру было пять, капитан Пак посетил временную базу Семьи Винь в секторе Канберры. Родители оказали этому человеку

поистине королевские почести, хотя он даже не был старшим по званию на своем корабле. Эзру, однако, визит запомнился прежде всего подарком этого неподдельно дружелюбного взрослого — саженцами для парковых насаждений.

К следующей их встрече Виню исполнилось семнадцать, и он готовился к стажировке, а Пак был занят приготовлениями к полету на Трехземье. Как все изменилось! С тех пор они перекинулись от силы сотней слов, и лишь по формальным экспедиционным поводам. Эзр многое бы отдал, чтобы вернуться к былой анонимности, которая его очень радовала.

Капитан Пак выглядел так, словно ему пришлось проглотить что-то кислое. Он оглядел членов Торгового комитета, и до Виня внезапно дошло, на кого обижен Пак.

— Молодой В… интерн Винь. У нас сложилась… неординарная ситуация. Вы отдаете себе отчет, насколько она деликатна теперь, с прибытием авральников. — Капитан, похоже, не ожидал подтверждений, поэтому Эзрово «да, сэр» угасло, не успев сорваться с губ. — По крайней мере, у нас несколько вариантов действий. — И снова быстрый взгляд на членов комитета.

Тут Эзр понял, что Киви Лизолет несла не такую

уж и чушь. Капитан Флота обладал абсолютными полномочиями в тактических ситуациях и, как правило, мог накладывать вето на решения стратегического характера. Но теперь цели экспедиции пришлось существенно подкорректировать, и действия капитана оказались в зависимости от Торгового комитета. Что-то при этом пошло наперекосяк. И это не обычная закавыка: в таких случаях у флотских капитанов решающий голос. Нет, сложилась ситуация взаимоблокировки, чреватая управленческим расколом. О подобном лекторы рассказывали мало, но суть сводилась к следующему: если такое случается, то вполне допустимо свалить груз решения на младшего совладельца. Сделать его своего рода козлом отпущения.

— Первая возможность, — продолжал Пак, несомненно прочтя невеселые мысли Виня, — такова: мы принимаем предложенные авральниками правила игры. Действуем совместно. Совместно же контролируем все аппараты, которые могут понадобиться для грядущей высадки.

Эзр покосился на членов комитета. Кира Пен Лизолет рядом с Капитаном Флота. В зеленой униформе своей Семьи. Женщина ростом не превосходила Киви, лицо ее было серьезно и

задумчиво. Вместе с тем от нее прямо-таки веяло физической силой. Стрентманнианское телосложение близко к границам нормы даже по меркам Чжэн Хэ, допускавшим изрядное разнообразие. Некоторые торговцы гордились умением утаивать свои истинные черты. Не такова была Кира Пен Лизолет. Кира Лизолет отнеслась к первой «возможности» Пака ровно так, как предсказала Киви, — с омерзением.

Внимание Эзра переключилось на другого знакомца. Сум Дотран. Менеджеры-комитетчики, представители элиты. Тут несколько действующих владельцев, но в основном профессиональные управленцы-планировщики, которые наемным трудом сколачивают капитал, необходимый для покупки собственных кораблей. Откровенно престарелых людей было не так много. Большинство искренне предпочитали менеджмент любой форме владения. Сум Дотран из таких. Было время, он работал на Семью Винь. Эзр догадывался, что первая «возможность» Пака ему противна.

— Вторая возможность. Создать параллельные управленческие структуры и не допускать совместных высадок. Как только это станет возможным, напрямую явить себя паукам…

И пускай бог торговли определит, кому достанется большая часть приза, а кому — меньшая. Как только в игре появляется третий участник, преимущество обычного предательства ослабевает. Спустя несколько лет отношения с авральниками получится свести к обычной конкуренции. Разумеется, не исключено, что сам факт одностороннего контакта авральники воспримут как объявление войны. Это было очень плохо. У Виня сложилось впечатление, что по крайней мере половина комитетчиков выступают за этот план — *но не Сум Дотран.* Старик едва заметно качнул головой, обозначая свою позицию.

— Третья возможность. Собираем манатки и возвращаемся на Трехземье.

Ошарашенный взгляд Виня, надо полагать, говорил сам за себя. Сум Дотран счел нужным пояснить:

— Молодой Винь, капитан имеет в виду, что у конкурентов значительное численное и, вероятно, военное превосходство. Никто из нас не доверяет этим авральникам, а если они обратят против нас оружие, возможности отступить не останется. Слишком опасно…

Кира Пен Лизолет хлопнула ладонью по столу:

— Протестую! Само это совещание абсурдно. Хуже того, мы позволяем Суму Дотрану навязывать нам свою позицию.

Пожалуй, это уж слишком для теории о том, что Киви действовала по указке мамочки.

— Вы оба нарушаете протокол совещания! — бухнул капитан Пак и помолчал мгновение, глядя на членов комитета. Затем продолжил: — Четвертая возможность. Мы предпринимаем упреждающую атаку на флот авральников и берем систему в свои руки.

— Пытаемся это сделать, — уточнил Дотран.

— Протестую! — снова влезла Кира Пен Лизолет и жестом вызвала консенсорную картинку. — Упреждающая атака — единственный надежный вариант.

Представленная Лизолет картинка не содержала ни звездных карт, ни телескопических снимков планеты пауков. Не была она и слайдом расписаний вроде тех, что зачастую поглощали все внимание планировщиков. Нет, она представляла собой довольно схематичное подобие планетарных навигационных диаграмм: показывала позиции и скоростные векторы двух флотилий относительно друг друга, планеты пауков и В(ы)ключенной звезды. Цепочки следов

отмечали предсказанные позиции в местных системах координат. Отмечены были и алмазные скалы. Имелись еще какие-то маркеры, тактические армейские символы гигатонн, ракетных бомб и электронных систем противодействия.

Эзр уставился на дисплеи, припоминая занятия по военной подготовке. Слухи о тайном грузе капитана Пака подтверждались. Экспедиция Чжэн Хэ отрастила зубы — длинней и острей, чем у любого торгового флота. И у оружейников Чжэн Хэ было время на рекогносцировку; очевидно, они им воспользовались как подобает, хотя система В(ы)ключенной была так чисто выметена, что прятаться, устраивать засады или размещать подкрепления тут было, в сущности, негде.

А как насчет авральников? Армейские символы, окружавшие суда противника, отливали дымкой вероятностной оценки. Автоматика у авральников была какая-то странная, может, даже лучше, чем у Чжэн Хэ. Суммарным тоннажем флот авральников превосходил экспедицию Чжэн Хэ вдвое, и оценки приходилось строить в предположении, что оружия у них также пропорционально больше.

Эзр переключил внимание на людей за конференц-столом. Кто, помимо Киры Лизолет,

поддержал упреждающую атаку? Эзр большую часть детства провел за пособиями по стратегическому менеджменту, но великие предательства всегда считал делом безумцев и злодеев. Такие поступки уважающей себя организации, такой как Чжэн Хэ, совсем не пристали. Тягостное зрелище — видеть, как член Торгового комитета в открытую предлагает устроить резню.

Молчание неестественно затянулось. Они что, ждут его реплики?

Наконец капитан Пак проговорил:

— Вы, интерн Винь, вероятно, догадались, что мы зашли в тупик. У вас ни права голоса, ни опыта, ни детальных познаний в этом деле. Не желая вас оскорбить, отмечу, что меня неподдельно уязвляет необходимость вашего присутствия на совещании. Однако вы единственный член команды, связанный родственными узами с владельцем двух наших кораблей. Если вы сочтете возможным нам что-то посоветовать, мы… с удовольствием… выслушаем вас.

Может, интерн Эзр Винь и жалкая пешка, но сейчас он очутился в центре всеобщего внимания. Ну и что говорить? Миллион вопросов роился в его мозгу. Его учили принимать решения быстро, но даже в учебных ситуациях информации, как

правило, предоставлялось больше. Разумеется, настоящей аналитики от него и не требуют. Мысли его запетляли, вырываясь из плена паники.

— Ч-четыре возможности? Правильно я вас понял, Капитан Флота? Есть ли еще какие-то варианты, к-которые не обсуждались на этом совещании?

— На эти варианты наложено вето либо мной, либо комитетом.

— Хм. Вы дольше нас всех общались с этими авральниками. Какое мнение у вас сложилось об их предводителе, Томасе Нау?

Они с Триксией тоже обсуждали такие вопросы, но Эзр и представить не мог, что выпадет шанс задать его самому Капитану Флота. Губы Пака сжались, и на миг Эзр испугался, что капитан сейчас взорвется гневом. Затем Пак кивнул.

— Он умен. Технические познания его, однако, уступают подготовке Капитана Флота Чжэн Хэ. Он прилежно изучал стратегический менеджмент, хотя, вероятно, в версии, отличной от наших… Остальное — плод моих догадок, но большинство членов комитета, вероятно, согласятся со мной. Я бы не доверился Томасу Нау ни в какой значимой сделке. Уверен, что он пойдет на любую измену даже ради небольшой прибыли. Он очень

скользкий тип, прирожденный лжец, который не придает ни малейшего значения заключенным договоренностям.

В устах торговца Чжэн Хэ такая характеристика была тягчайшим обвинением для живого существа. Эзр вдруг сообразил, что капитан Пак — сторонник упреждающей атаки. Взгляд Виня метнулся к Суму Дотрану, от него вернулся к Паку. Двое человек, которым он доверял больше всего, занимают радикально противоположные позиции! «Господи, они что, не понимают? Я всего лишь интерн!»

Эзр подавил внутренний стон, помедлил несколько секунд, непритворно озадаченный проблемой, затем произнес:

— Учитывая ваше заявление, сэр, я бы однозначно высказался против первой возможности — против совместных действий. Но… я также возразил бы и против упреждающей атаки, поскольку…

— Превосходное решение, мальчик мой! — перебил Сум Дотран.

— …поскольку в этом деле у Чжэн Хэ опыт невелик, сколько бы внимания мы ему ни уделяли.

Оставались две возможности: обрубить швартовы и удирать — или остаться, в минимальной

степени сотрудничая с авральниками, и при первом же удобном случае выйти на контакт с пауками. Даже при веских к тому поводах отступление экспедиции будет расценено как откровенный провал. А учитывая, сколько у них осталось топлива, отползать им придется очень долго.

Отсюда чуть больше миллиона километров до величайшей тайны (или величайшего известного сокровища) этой части Людского Космоса. Они преодолели пятьдесят световых лет, подобрались к ней дразняще близко. Кто рискнет многим — обретет великий клад.

— Сэр, отступить сейчас означало бы пожертвовать слишком многим. Но стоит держаться начеку, пока ситуация не станет полностью безопасной. — В конце концов, военные легенды у Чжэн Хэ тоже имелись: Фам Нювен свои битвы выиграл. — Я… я рекомендовал бы остаться.

Молчание. Эзру показалось, что на лицах большинства присутствующих проступило облегчение. Лизолет, вторая по старшинству после Капитана Флота, лишь помрачнела. Сум Дотран сдержаться не сумел:

— Мальчик мой, *прошу тебя*. Подумай еще раз. Твоя Семья рискует здесь двумя звездолетами.

Лучше отступить, чем потерять все: это не зазорно, а, напротив, свидетельствует о мудрости. Авральники попросту чересчур опасны…

Пак выплыл со своего места за столом, воздев мускулистую ручищу, и аккуратно опустил ее на плечо Сума Дотрана. Голос капитана был спокоен и вежлив.

— Прости, Сум. Ты сделал все, что мог. Ты даже заставил нас выслушать младшего совладельца. Теперь настало время… нам всем… принять совместное решение и действовать в согласии с ним.

Лицо Дотрана исказила гримаса разочарования, а может, страха. На миг он застыл так, потом овладел собой и шумно выдохнул. Внезапно он показался Виню усталым и совсем дряхлым.

— Да, капитан, это так.

Пак вернулся на свое место за столом и бесстрастно поглядел на Эзра:

— Благодарю вас за совет, интерн Винь. Я полагаю, что содержание нашей встречи вы сохраните в тайне.

— Да, сэр, — выпалил Эзр.

— Можете идти.

Дверь за его спиной открылась. Эзр оттолкнулся от своего крепежа. Пролетая в люк, он слышал

слова капитана Пака, обращенные к членам комитета:

— Кира, подумай о том, чтобы оснастить орудиями все командирские катера. Возможно, удастся убедить авральников, что попытка их угона закончится очень печально. Я…

Дверь скользнула на место. Эзр испытал облегчение, смешанное с нервной дрожью. Он поучаствовал в решении судеб всего Флота — лет на сорок раньше, чем полагалось. И ему это дело не понравилось.

3

Мир пауков, планета Арахна, как ее теперь иногда называли, достигал двенадцати тысяч километров в диаметре, а гравитация на поверхности составляла 0,95g. Планета имела каменное однородное ядро, но на поверхности накопилось достаточно летучих веществ, чтобы поддерживать существование океанов и приемлемой атмосферы. Лишь одно мешало этому миру сделаться райским садом, подобным Земле: отсутствие солнечного света.

Больше двух сотен лет прошло с той поры, как В(ы)ключенная звезда, солнце этого мира, выключилась. Больше двухсот лет она освещала

Арахну лишь немного ярче далеких звезд.

Посадочный модуль Эзра устремился по дуге вниз, к местности, которая в дни более теплые, вероятно, была крупным архипелагом. Основные события происходили на другой стороне планеты, где тяжелые лихтеры вырезали и поднимали на орбиту блоки океанского льда и куски морского дна общим весом несколько миллионов тонн. Ничего особенного, Эзр раньше и более крупные инженерные работы видел. А вот их неприметная высадка войдет в историю.

Консенсуальный обзор на пассажирской палубе демонстрировал вид планеты в естественных цветах. Под кораблем плыли земли разных оттенков серого, изредка поблескивали белые пятна. Возможно, Эзра обманывала фантазия, но ему чудилось, что он видит слабые тени от В(ы)ключенной. Они образовывали топографическую карту утесов и горных пиков, где белые поля обрывались в непроглядные черные бездны. Ему казалось, что он видит вокруг дальних пиков концентрические арки: зоны перепада давления, где океан намерз на скалы?

— Эй, ты бы хоть альтиметрическую сетку наложил, что ли? — сказал у него над плечом Бенни Вэнь, и на пейзаж наложилась сетка тонких крас-

ных линий. Сетка очень неплохо соответствовала интуитивным представлениям Эзра о тенях и снежниках.

Эзр жестом убрал красную сетку.

— Когда звезда включена, тут миллионы пауков. Естественно, что должны быть и какие-то признаки цивилизации.

Бенни фыркнул:

— А что ты ожидал увидеть в естественном обзоре? Торчат только горные пики, все остальное покрыто многометровой толщей азотно-кислородного снега.

Если вся атмосфера планеты земного типа замерзает и выпадает снегом равномерно, слой может достичь десятиметровой толщины. Многие наиболее вероятные места обитания пауков — гавани, зоны слияния рек — покрыты десятками метров снега. Все более ранние высадки осуществлялись сравнительно высоко — вероятно, в шахтерских лагерях или примитивных деревушках. Нынешнее же место высадки удалось точно определить лишь перед самым подлетом авральников.

Внизу продолжали проноситься темные земли. Попадалось даже что-то вроде глетчеров. Эзр задумался, как они могли возникнуть. Может,

воздушный лед?

— Господь всея торговли, ты только взгляни! — Бенни ткнул влево: у горизонта расцвело красноватое зарево. Бенни дал увеличение: огонек был еще мал и быстро смещался из поля зрения. Он и вправду походил на пламя костра, хотя форма его медленно менялась. Теперь что-то блокировало обзор, и Эзр заметил, как от источника света в небо поднимается непрозрачное облако.

— С высокой орбиты ракурс получше, — раздался голос командира группы Дьема дальше по проходу. Изображения он, однако, не передал. — Вулкан. Только что активизировался.

Эзр проводил взглядом вулкан, когда тот уплывал за пределы обзора. В небеса вздымалось что-то темное — это, должно быть, гейзер лавы, а может, просто воздух и водяной пар. Вулкан заплевал своим извержением окрестные территории.

— Это первый, какой мы заметили, — сказал Эзр. Ядро планеты было холодным и мертвым, хотя в том, что тут сходило за мантию, имелось несколько озер магмы. — Все так уверены, что пауки закуклились; а что, если некоторые бодрствуют в теплых местах вроде этого?

— Маловероятно. У нас очень детальные ин-

фракрасные съемки. Мы бы любое поселение у горячего пятна обнаружили. Кроме того, пауки только перед этой Тьмой изобрели *радио*. У них все еще лучшая ситуация для прогулок по ночам.

Этот вывод опирался на данные разведки продолжительностью несколько мегасекунд и правдоподобные биохимические допущения.

— Да, наверняка. — Он наблюдал за красноватым заревом, пока то не утянулось за горизонт. Потом внизу и впереди возникло кое-что поинтересней. Траектория высадки уводила их прямо вниз, все еще в невесомости. Планета полноценных размеров, но падения в атмосфере не предвидится. Они летели на скорости добрых восемь тысяч метров в секунду, а высота над поверхностью едва достигала двух тысяч метров. Ему померещилось, что впереди встают горы и тянутся к ним. Все ближе и ближе, хребет за хребтом. За спиной недовольно загудел Бенни, прервав обычную дружескую болтовню. Эзру аж дыхание сперло, когда последний горный хребет промелькнул так низко, что, казалось, вот-вот царапнет шлюпку по дорсальной части корпуса.

Посадочная траектория прямиком в преисподнюю.

Тут включился главный носовой реактивный двигатель.

Спуск до выбранной Джимми Дьемом точки высадки занял почти тридцать килосекунд. Неудобство это не было случайным. Их посадочный насест располагался высоко на горном склоне, зато был свободен ото льда и снега. Цель вылазки находилась на дне ущелья. По всем законам природы дну полагалось бы почивать под сотнями метров снега, но, по неожиданной флуктуации климата и топографии, толщина снежного слоя тут не достигала и полуметра. Почти скрытая нависающими стенами ущелья, на дне располагалась самая крупная группа неповрежденных построек, какую им пока удалось найти. Вероятно, здесь же найдется и вход в крупную пещеру из тех, где пауки спят в гибернации, а может, и город, оживающий в теплый сезон В(ы)ключенной. И чему бы они тут ни научились, это важная информация. По уговору, ее же получат и авральники.

Эзр ничего не знал о решении Торгового комитета. Дьем, казалось, принимает все усилия, чтобы скрыть от местных свой визит, но этого от него авральники и должны ожидать. Точка высадки вскоре после отлета будет погребена

под лавиной. Даже отпечатки подошв следовало тщательно стереть (хотя в этом едва ли имелась необходимость).

Так получилось, что, когда группа спустилась на дно ущелья, В(ы)ключенная как раз висела в зените. В «солнечное время года» это был бы полдень. Теперь же В(ы)ключенная походила на красноватую луну диаметром полградуса. Поверхность замутненная, крапчатая, словно вода от нефтяных разводов. Без усиления света В(ы)ключенной хватало только на то, чтобы рассмотреть окружающие предметы.

Группа шла по чему-то вроде центрального проспекта: пять человек в скафандрах и один шагающий человекоподобный робот сопровождения. Они брели по сугробам пушистого снега, и там, куда ступали их сапоги, поднимались легкие облачка: летучие вещества реагировали на изоляционный материал скафандров. Останавливаясь отдохнуть, надо было тщательно выбирать место, иначе, случись им задержаться в глубоком снегу, вокруг немедленно поднимался туман сублимирующихся газов. Каждые десять метров ставили сейсмодатчик или манок. Когда будут расставлены все датчики, группа получит отличную сейсмокартину всех ближайших пещер.

И, что важнее всего для целей миссии, поймет, что́ в этих жилищах находится. Великая цель — картинки и носители письменной информации. Если повезет обнаружить детский иллюстрированный букварь, Дьем может рассчитывать на поощрение по службе.

Красновато-серые тени на черном. Эзр упивался естественным обзором: красиво и жутко. Здесь *жили* эти пауки. По обе стороны проспекта лежали тени домов, построенных пауками. Как правило, двух— или трехэтажных, но даже в тусклом красноватом свете, даже учитывая, что снег и тьма скрадывают очертания, их не спутать с постройками людей. Даже самые маленькие дверные проемы очень широки, но, как правило, не выше ста пятидесяти сантиметров. Окна (аккуратно заделанные: покинутый город выглядел так, словно его обитатели методично прибирали за собой, рассчитывая вернуться) тоже были широкими и низкими.

Дома смотрели на пятерых человек и робота-спутника сотнями прищуренных глаз. Винь задумался, что будет, если вдруг за этими щелками мелькнет свет. Воображение на миг увлекло его. А вдруг их самодовольное чувство превосходства — ошибочно? Это ж *чужаки.* Крайне маловеро-

ятно, чтобы раса их возникла на такой странной планете; скорее всего, когда-то они владели технологией межзвездных полетов. Торговая сфера влияния Чжэн Хэ раскинулась на четыреста световых лет, постоянный технологический уровень поддерживался уже не одну тысячу лет. Чжэн Хэ встречала радиоследы нечеловеческих цивилизаций, пришедшие сквозь тысячи — а чаще миллионы — световых лет, весточки от рас, не доступных ни прямому контакту, ни хотя бы разговору. Пауки — лишь третья негуманоидная раса, непосредственно обнаруженная за восемь тысяч лет космической истории человечества. Первая вымерла миллионы лет назад, вторая не развилась даже до технологического уровня, не говоря уже о космических полетах.

Пять человек на проспекте, погруженном в тени домов со щелястыми окнами, и впрямь творили историю, насколько мог себе Винь это представить. Армстронг на Луне, Фам Нювен у Провала Брисго — а теперь Винь, Вэнь, Патиль, До и Дьем на улице паучьего города.

В фоновом радиогомоне возникла пауза, на миг затихли все звуки, кроме скрипа снега под ногами и собственного дыхания. Потом слабые голоса вернулись, направляя их через открытое

пространство в дальний конец ущелья. Очевидно, аналитики решили, что узкая щель — вход в пещеры, где, как предполагалось, укрывались местные пауки.

— Странно, — сказал кто-то с орбиты. — Сейсмо. Отметил… регистрирует что-то. Следующее здание справа.

Винь вскинул голову и вперился во мрак. Не свет, так хоть *звук*.

— Робот? — предположил Дьем.

— Может, здание просело? — предположил Бенни.

— Нет-нет. Это ритмичный звук, вроде щелчка. Теперь упорядоченные сигналы, как от манка. Частотный анализ… похоже на механическое оборудование с движущимися частями и всякое такое… Так, почти прекратился, только остаточное эхо. Командир, мы определили источник звука с большой точностью. Дальний угол, четыре метра от уровня улицы. Маркер ловите.

Винь и его товарищи прошли еще тридцать метров, следуя указаниям маркера по наголовным дисплеям. Назвать их движения скрытными было бы смешно — в интересующем людей доме их углядел бы любой.

Маркер завел их за угол.

— С виду ничего особенного, — сказал Дьем. Как и прочие здания проспекта, этот дом казался сложенным из камней, без известкового раствора, верхние этажи чуть выдавались над нижними. — Так, я вижу. Что-то там есть… керамическая коробка, закрепленная на втором карнизе. Винь, ты ближе. Залезай и глянь.

Эзр затрусил было к дому и тут заметил, что какой-то умник отключил маркер.

— А где? — Он ничего не видел, кроме теней и серых камней.

— Винь, — сказал Дьем чуть жестче обычного, — глаза разуй, а?

— Ой. — Эзр покраснел: слишком часто доводилось ему попадать впросак. Он включил мультиспектр. Стена полыхнула цветами: композитное изображение в нескольких спектральных диапазонах, составленное сенсорами скафандра. В непроглядной тени проявилась коробка, о которой говорил Дьем. Она была закреплена в паре метров над головой Виня. — Секундочку, я ближе подберусь.

Он подошел к стене. Как и у большинства местных зданий, она была перечеркнута широкими каменными выступами. Аналитики полагали, что это лестница. Винь принимал их интерпре-

тацию, хотя считал, что если и так, то лестница максимум пожарная. Через несколько секунд он оказался совсем рядом с гаджетом.

Да, это был механизм: по бокам заклепки, как на средневековом сундуке. Он извлек из скафандра сенсорный жезл и поднес его к устройству.

— Потрогать его?

Дьем не ответил: вопрос предстояло решить кому-то наверху. Винь услышал, как совещаются несколько голосов.

— Поводи вокруг сенсором. Есть ли на коробке какие-то клейма?

Триксия! Он знал, что она будет наблюдать, но все равно обрадовался, услышав ее голос.

— Слушаюсь, мэм, — ответил Эзр и поводил жезлом вдоль коробки. На стенках что-то нашлось, может, клейма, а может, паразитные эффекты капризного алгоритма мультиспектр-анализа. Если надпись, это небольшой прорыв.

— Так, теперь прикрепите жезл к коробке… — новый голос, от акустиков. Эзр повиновался.

Прошло несколько секунд. Паучья лестница была такой крутой, что Виню приходилось держаться за ступени. Воздух испарялся с лестницы туманом и стекал вниз; чувствовалось, как нагреватель скафандра пытается компенсировать

исходящий от камня холод.

— Интересно, — сказали сверху. — Похоже на сенсор из Темных веков.

— Электрический? Передает данные на удаленный сайт?

Винь оторопел, потому что последние слова были сказаны женским голосом с акцентом авральников.

— А, директор Рейнольт? Здравствуйте. Нет, в этом-то и соль. Устройство самодостаточно. Источником питания, по всей видимости, выступает массив металлических пружин. Механический часовой механизм, так сказать. Вы знаете, что это такое? Обеспечивает устройство энергией и выполняет функции синхронизатора. Наверное, это единственный относительно несложный способ, пригодный для таких долгих периодов холода.

— И что же оно регистрирует? — спросил Дьем.

Хороший вопрос. Воображение снова унесло Виня. Может, пауки несколько умнее, чем все думают. Может, его фигура в скафандре проявится в *их* исследовательских записях. А что, если коробка оборудована каким-то механическим оружием?

— Мы не заметили ничего похожего на камеру,

командир группы. Получено очень хорошее изображение содержимого коробки. Там механизм из шестеренок, которые протягивают ленту под четырьмя самописцами. — Термины прямо из игры о павшей цивилизации. — Мне кажется, лента ежедневно или с близкими интервалами протягивается вперед и отмечает температуру, давление… в значении двух других скалярных величин я пока не уверен. — Ежедневно. На протяжении более чем двухсот лет. Примитивным людям было бы сложно создать механизм с движущимися частями, способный проработать так долго, тем более при низких температурах. — Нам просто повезло пройти мимо во время очередного отсчета.

Воспоследовал технический спор о том, насколько изощренными могут быть такие регистраторы. Дьем позволил Бенни и остальным просканировать место пикосекундными световыми вспышками. Отклика не было; никакой оптики в поле зрения.

Тем временем Винь продолжал цепляться за лестницу. Холод взялся за него всерьез, пробираясь под куртку и даже скафандр полной защиты. Скафандр попросту не был рассчитан на продолжительный контакт с таким холодным объектом.

Винь неловко переступил на узких ступенях. При силе тяжести около 1*g* эдакая акробатика быстро утомляла… Но с новой позиции ему удалось заглянуть за угол здания. Тут от окон отстали некоторые ставни. Винь осторожно высунулся за угол, пытаясь осознать, что видит в комнате. Там все покрывала патина пушистого снега. Длинными рядами выстроились ящики или стеллажи высотой человеку по пояс. Над ними — металлические рамы и еще какие-то шкафчики. С яруса на ярус протянуты паучьи лестницы. Ну да, разумеется: паукам эти шкафчики совсем не *по пояс*. Гм. Сверху что-то навалено: каждый предмет представлял собой стопку пластин, сочлененных с одного конца. Некоторые сложены вместе, другие развернуты, подобно веерам.

Понимание ударило, как электрошок, и он крикнул по открытому каналу, даже не задумавшись:

— Командир Дьем, можно вас?

Разговор с теми, наверху, оборвался. На линии воцарилось удивленное молчание.

— Винь, ты чего? — спросил Дьем.

— Взгляните моими глазами. Думаю, это библиотека.

Кто-то наверху вскрикнул от радости. Очень

похоже, что это была Триксия.

Следуя за сейсмоманками, они рано или поздно добрались бы до библиотеки, но находка Эзра сократила путь.

В дальней стене была проделана большая дверь, и робот забрался внутрь без труда. У него был при себе высокоскоростной сканер на выдвижном манипуляторе. Пришлось приноравливаться к странной форме «книг», но затем робот с головоломной скоростью — сантиметр-два в секунду — заскользил вдоль полок, пока двое из команды Дьема скармливали ему в пасть поток книг. Наверху шел вежливый, отчетливо слышный диспут. Высадка была частью совместного проекта и заканчивалась по плану всего через сто килосекунд. За это время им даже с библиотекой не управиться, не говоря уж про остальные дома и вход в пещеру. Авральники не желали делать для этой миссии исключения. Вместо этого они предлагали высадить на дно ущелья что-нибудь покрупнее и сгрести все артефакты одним махом в ковш черпалки.

— Стратегию скрытого наблюдения соблюсти можно, — сказал какой-то авральник. — Можем обрушить стены ущелья взрывом, как будто массивный камнепад уничтожил поселок на дне.

— Ну и ну, а эти ребята невероятно деликатны! — прокомментировал Вэнь по частному каналу Бенни.

Эзр не ответил. Идея авральников показалась ему не столько иррациональной, сколько… чужеродной. Чжэн Хэ занималась *торговлей*. Были среди них садисты, которым доставляло удовольствие пускать конкурентов по миру, но почти все соглашались, что клиентов нельзя обирать так, чтоб они до следующей стрижки не дожили. Уничтожать или похищать артефакты было попросту грубо. Да и зачем? Все равно надо будет потом вернуться и раскинуть зонды еще раз.

Высоко наверху предложение авральника вежливо отклонили, а новую высадку в достославное ущелье передвинули на первую позицию в списке будущих совместных вылазок.

Дьем послал Вэня с Эзром Винем обшарить полки. В библиотеке, скорее всего, под сто тысяч томов — от силы несколько сот гигабайт, но времени все равно не хватит, чтоб их отсканировать. В итоге пришлось выбирать наугад, лелея надежду отыскать Святой Грааль подобной вылазки — детский иллюстрированный букварь.

Шли килосекунды. Дьем менял людей — одни работали на сканере, сгребая туда книги с

верхних стеллажей, другие возвращали тома на место. В конце концов пришло время и Виню отдохнуть и подкрепиться, В(ы)ключенная уже ушла далеко вниз от зенита. Она зависла над утесами дальнего конца ущелья, и дома отбрасывали тени на всю длину проспекта. Винь отыскал свободный от снега участок, расстелил на нем изолирующее одеяло и снял наконец с ног тяжесть собственного веса. Ой, как хорошо… Дьем дал ему пятнадцать сотен секунд передышки. Винь покопался в футляре с пайком и медленно прожевал пару фруктовых палочек. Триксия была на связи, но работала не покладая рук: детского иллюстрированного букваря все еще не нашлось, зато обнаружилось кое-что, ему почти не уступавшее, — стопка учебников по физике и химии. Триксия думала, что это какая-то техническая библиотека. Сейчас спор зашел о том, как ускорить сканирование. Триксия полагала, что с анализом письменных графем справилась, а раз так, можно приступать к более осмысленной обработке.

Эзр, повстречав Триксию, сразу оценил ее интеллект. С другой стороны, она же всего-навсего клиентка, специалист по лингвистике, а в этой области Чжэн Хэ достигла впечатляющих высот.

Какой от нее может быть прок? Теперь же… ну, он слышал разговор наверху. Все лингвисты Триксию очень уважали. Может, это и неудивительно. Вся цивилизация Трехземья сражалась за ограниченное количество мест в экспедиции. Из пятисот миллионов человек — лучшие в своей специальности… эти люди должны быть чертовски хороши. На миг гордость от знакомства с ней пошатнулась: Эзру показалось, что *он сам* хватил лишку, пожелав ее. Да, Эзр — важный наследник Семьи Винь.23, но сам он… не слишком умен. А что еще хуже, постоянно отвлекается на мечты об иных местах и временах.

Обескураживающая мыслишка вывела его на привычный путь: может, удастся доказать, что не такой уж он раздолбай. Пауки наверняка далеко отошли от исходной культуры, и нынешняя эра их скорее подобна Рассветной Эпохе. Может быть, Эзру удастся пролить свет на скрытый клад, за которым гонится Флот, — и завоевать Триксию Бонсол. Разум его блуждал в приятных мечтах, не снисходя до скучных деталей…

Винь покосился на хрон. Ага, есть еще пятьсот секунд! Он встал, глянул поверх удлинявшихся теней туда, где проспект взбирался на склон горы. Весь день они провели, закопавшись в главную

задачу и даже не оглядываясь по сторонам. А остановились они, не дойдя до места, где проспект расширялся, образуя что-то вроде площади.

В светлое время на планете, наверное, царила пышная растительность. Холмы покрыты перекрученными останками каких-то деревьев. В городе же природа была тщательно причесана: вдоль проспекта с правильными промежутками располагались кучи мерзлого перегноя — декоративные растения. По периметру площади тоже обнаружилось с десяток таких груд.

Четыреста секунд. Время еще есть. Эзр быстро вышел на площадь и стал обходить ее кругом. В центре высился небольшой холм, где под снегом укрылись странные формы. Сделав полкруга, Винь оказался лицом к свету. Работа людей в библиотеке так разогрела это место, что от дома стелился туман временной атмосферы местного значения, плыл по проспекту, конденсируясь и выпадая снегом, и свет В(ы)ключенной красноватыми столбиками падал сквозь него. Если отвлечься от красного цвета, туман легко можно было принять за дымку на полу главной базы его родителей летней ночью. А стены ущелья — за переборки отсеков хабитата. На миг воображение сыграло с Винем злую шутку: невероятно чуже-

родное место вдруг представилось ему знакомым и мирным.

Он снова взглянул в центр площади. Там снега было мало. Впереди, в полумраке, торчали странные предметы. Почти не думая, он пошел туда. Земля очистилась от снега и стала инисто похрустывать под ногами. Винь замер, у него захватило дух: эти темные предметы в центре, это же статуи! Статуи пауков! Еще несколько секунд, и он доложит о находке, а пока Эзр любовался сценой в тишине и одиночестве. Разумеется, примерный облик аборигенов люди уже знали; при предыдущих высадках удалось найти и грубые рисунки. Но… Винь увеличил масштаб скана… эти статуи оказались куда реалистичнее: отлиты с превосходной детализацией из какого-то темного металла. Трое пауков, в натуральную, как он догадался, величину. Слово «паук» пришло из естественного языка, при повседневном употреблении оно вполне понятно, а закопаешься в этимологию — увязнешь. На базах, где прошло детство Эзра, водились несколько видов существ, именуемых пауками. Были шестиногие, восьминогие, даже десяти— или двенадцатиногие. Толстые и волосатые; тощие, черные и ядовитые. Здешние напоминали ему тощих и десятиногих.

Но либо они одеты, либо значительно шипастей мелких тезок. Ноги переплели друг с дружкой, изображая какое-то единство. Сражаются, совокупляются или что? Даже могучее воображение Виня отказывало.

Интересно, как тут все было, когда солнце в последний раз светило ярко?

4

Уже набила оскомину сентенция, что мир прекраснее всего в годы Увядающего Солнца. И то правда: погода не такая своенравная, во всем чувствуется замедление, в большинстве мест выпадают годы, когда летний зной не так жжет, а зимы не так яростно суровы. Классическое время любви. Время, когда высших этого мира так и тянет расслабиться, отложить все дела. Ибо другой возможности подготовиться к концу света уже не будет.

Велением слепого случая Шерканер Андерхилл избрал для первой поездки в Ставку самые чудесные дни лет Увядания. Он вскоре понял, что повезло ему вдвойне: прибрежные серпантинные дороги не были рассчитаны на автомобильное движение, а Шерканер оказался совсем не таким способным водителем, каким себя мнил.

Не единожды его заносило и разворачивало над пропастью, когда в машине его удерживал только пристегнутый водительский ремень, и лишь отчаянная рулежка и экстренное торможение уберегли от полета в голубоватую дымку Великого Моря (хотя, конечно, он бы туда не долетел, а рухнул на лес внизу, с тем же губительным результатом).

Шерканеру поездка нравилась. За несколько часов он научился управлять машиной и теперь выделывал коленца на двух колесах скорей сознательно. Да, поездка получалась что надо. Местные прозвали дорогу Гордостью Аккорда, и королевская семья не смела с этим спорить. Стояла середина лета. Лес уже достиг возраста полных тридцати лет — почти столько, сколько вообще могут прожить деревья. Они тянулись к небесам, высокие, зеленые, и заступали прямо на край дороги. Прохладный аромат цветов и древесных смол обдувал водительский насест его машины.

Другие гражданские автомобили ему попадались редко. Много было ошпрехов, тянущих повозки, случались грузовики, а больше всего попадалось военных конвоев. Гражданские реагировали со странно смешанными чувствами: то ли раздражение, то ли зависть, то ли интерес.

Даже чаще, чем возле Принстона, встречались крестьянки, с виду беременные, и парни с десятками детских рубцов на спинах. Иногда по их движениям было похоже, что завидуют они не одному лишь автомобилю Шерканера. *А я порой чуток завидую им.* Он некоторое время поиграл с этой мыслью, не пытаясь ее рационализировать. Инстинкт — захватывающая штука, особенно если наблюдаешь за его работой изнутри.

Миля за милей оставались позади. Тело и чувства Шерканера наслаждались поездкой, но разум его блуждал: он размышлял о дипломе, о том, как впарить Ставке свой план, о воистину неисчерпаемых способах усовершенствования машины. В деревеньку у лесной дороги он въехал под конец первого дня пути. «Ночная Глубина», гласил древний указатель; Шерканер не понял, название это или просто описание.

Остановился он у местной кузницы. Кузнец усмехался той же странной усмешкой, что и большинство местных на дороге.

— А крутая машина у вас, мистер.

Действительно, автомобиль был очень красивым и дорогим, новенький «релмайтх». И совершенно не по карману обычному студенту: Шерканер выиграл его в казино возле студенче-

ского городка двумя днями ранее. Просто повезло с вероятностями. Шерканера отлично знали во всех казино Принстона и окрестностей; гильдия владельцев предупредила, что ему все лапы переломают, если еще раз поймают за игрой в городе. Впрочем, он и так собирался уезжать из Принстона — а поэкспериментировать с автомобилями ему очень хотелось. Кузнец бочком обошел машину, притворяясь, что любуется серебристой каймой и тремя вращающимися цилиндрами двигателя.

— Далеко от дома забрались, э? А че делать будете, если испортится?

— Топлива куплю.

— А, у нас это есть. Кой-каким машинкам на ферме керосин нужен. Нет, в смысле, че делать будете, если эта штука поломается? Они ж все ломаются. Такие неженки, куда им до тяглового скота.

Шерканер усмехнулся. Он уже углядел в лесу за кузницей ржавеющие корпуса нескольких машин. Местечко что надо.

— Да, это может оказаться проблемой. Но, видите ли, есть у меня некоторые идеи. Работа по коже и металлу вас не заинтересует?

Он набросал два механизма, до которых до-

думался этим вечером, — их сделать будет сравнительно несложно. Кузнец охотно пошел на сотрудничество; было похоже, что деловым контактам с психами он только рад. Но от Шерканера потребовали платы вперед; к счастью, кредитные билеты Принстонского банка здесь были в ходу.

Потом Андерхилл поездил по деревеньке, разыскивая гостиницу. На первый взгляд — приятное, застывшее в безвременном покое местечко. Традиционалистская Церковь Тьмы — простая и обшарпанная, какой и положено ей быть в эти годы. Газеты на почте — трехдневной давности. Заголовки, набранные аршинными красными буквами, кричали о войне и вторжении, но даже случись мимо прогрохотать конвою из Ставки, особого внимания он не привлекал.

Оказалось, что Ночная Глубина так мала, что тут даже гостиниц нет. Владелец почты рассказал, где найти пару постоялых дворов, где сдаются койко-места с питанием. Солнце опускалось в океан, а Шерканер еще не нашел их, продолжая раскатывать по сельским дорогам. Он заплутал, но преисполнился любопытства. Лес прекрасен, но места для сельского хозяйства оставляет мало. Местные жители кормились в основном придо-

рожной торговлей, а также трудились в горных садах… и оставалось им не больше трех урожаев, прежде чем все вусмерть вымерзнет. Местные амбары выглядели набитыми под завязку, череда фургонов тянулась от холма к холму. Приходская глубина — вверх по дороге, до нее миль пятнадцать. Не особенно крупная, но местным хватало. Если не накопят сейчас достаточно провианта, в первые, самые тяжкие годы Великой Тьмы будут голодать; даже в современной цивилизации мало сочувствовали тем, у кого лапы росли откуда надо, а запасов они все ж не сделали.

Закат застал его на океанском мысе. Земля обрывалась с трех сторон, а к югу переходила в небольшую лесистую долину. На гребне за долиной стоял дом, примерно отвечавший описанию почтмейстера. Но Шерк совсем не спешил, он наслаждался самой прекрасной порой дня. Он смотрел, как клетчатые оттенки уступают место ограниченным цветам, а солнечный след исчезает за дальним горизонтом.

Затем он развернул автомобиль и начал спускаться в долину по крутой грунтовке. Над ним сомкнулся лесной шатер… и начался самый трудный за весь день участок, хотя ехал он медленней, чем иной паучара ползет. Машину

подбрасывало на ухабах и швыряло в выбоины с фут глубиной. Лишь удача и сила тяжести не позволили застрять в какой-нибудь из них. Добравшись до ручья на дне долины, Шерканер уже всерьез опасался, а не придется ли бросить тут великолепную новую машину. Он глянул вперед и по сторонам. Дорога не заброшена: колеи от фургонов свежие.

Мягкий вечерний бриз принес запах требухи и гниющего мусора. Свалка? Трудно себе представить помойку в такой глуши. Но да, и впрямь кучи неидентифицируемых отбросов. И развалюха, полускрытая деревьями. Стены покосились, словно бревна никто ни разу не подгонял. Крыша провисла, дыры в стенах заткнуты пучками травы. Тропинка между домом и дорогой подзаросла. Ага, а вот и то, что могло ему показаться требухой: выше по течению стреножена пара ошпрехов, совсем рядом с хижиной.

Шерканер остановился. Фургонные колеи исчезали в ручье футах в двадцати перед ним. На миг он просто застыл в изумлении. Это ведь настоящий лесной народ, обитатели глуши: потомственный горожанин Шерканер Андерхилл сроду не видел никого более чуждого! Он начал было вылезать из машины. Насколько

же отличаются их взгляды на мир! Скольким вещам у них можно научиться… И тут до него дошло, что, если взгляды на мир у них отличаются *достаточно заметно*, незнакомцев его визит, мягко говоря, не порадует.

Кроме того… Шерканер поспешно влез обратно на водительский насест и тщательно осмотрел рулевое колесо, педаль газа и тормоза. За ним наблюдали не только ошпрехи. Он огляделся кругом: глаза наконец полностью адаптировались к сумеркам. Их тут двое. Они крадутся во тьме по обе стороны. Не животные и не взрослые. Дети? Им лет пять, от силы десять. У младшего еще детские глаза сохранились. А взгляд — как у хищного зверя. Дети подкрались еще ближе.

Шерканер вдарил по газам и рванул вперед. Не доезжая до ручья, он заметил третий силуэт, крупней двух первых: тот прятался в деревьях над водой. Может, это и дети, но игра в засаду затевалась нешуточная. Шерканер выкрутил руль до отказа вправо, выскочил из колеи. Он съехал с дороги — а съехал ли? Впереди слабо маячили какие-то борозды: вот же брод!

Он покатил через поток, по обе стороны взметнулись водяные стены. Большой, тот, что засел в листве, прыгнул. Длинная лапа царапнула по

боковине машины, но приземлилось существо далеко в стороне от пути Шерканера. Тут Андерхилл пересек брод и взлетел вверх по склону. Продуманная засада закончилась бы устроенным на этом месте мешком. Но машина продолжала мчаться вперед, и даже каким-то образом удавалось не слететь с проселка. Последний миг паники — и его вынесло за опушку. Дорога здесь стала круче, «релмайтх» на мгновение осел на задние колеса, провернул их вхолостую и чуть не опрокинулся. Шерканер навалился на рулевое колесо, машина ухнула носом вниз и перевалила через гребень холма.

Он очутился в сумерках под звездами, рядом с домом, который увидел еще с противоположного конца долины.

Заглушив мотор, он посидел некоторое время в тишине, переводя дух и слушая, как пульсирует в груди кровь. В остальном — жуткая тишина. Он осмелился оглянуться: погони не было. Если поразмыслить, то это странно. Последнее, что он увидел, — это как верзила, устроивший на него засаду, выползает из ручья. Двое других отвернулись, словно потеряв к Андерхиллу интерес.

Он подошел к дому. У крыльца горел свет. Открылась дверь, выглянула старушка.

— Кто там? — спросила она строго.

— Леди Энклерр? — пискнул Шерканер. — Почтмейстер дал мне ваш адрес. Он сказал, что у вас сдаются комнаты на ночь.

Она обошла автомобиль и осмотрела Шерканера с головы до лап.

— Так оно и есть, но вы малость припозднились к ужину. Придется вам досасывать холодное.

— Ой, ничего страшного, совсем ничего страшного.

— Ладно. Приводите себя в порядок. — Хмыкнув, хозяйка жестом маленькой лапы обвела долину, из которой Шерканер едва ноги унес. — Сынок, а ты, похоже, издалека.

Вопреки мрачному пророчеству, леди Энклерр накормила Шерканера как следует. Потом они сели в гостиной поболтать. Домик оказался чистенький, хотя и старый. Пол кое-где прогнил, но ремонта так и не дождался, краска там и сям отставала от стен — постройка доживала последние дни. Но бледно мерцавшие лампы озаряли стеллажи с книгами меж закрытых ставнями окошек. Примерно сотня книг, в основном учебники для начальной школы. Старушка (а дама оказалась действительно стара: она родилась двумя поколениями раньше Шерка) была при-

ходской учительницей на пенсии. Ее муж не пережил предыдущей Тьмы, но она вырастила детей — те сами уже основательно состарились и жили где-то в этих холмах.

Леди Энклерр, однако, знавала деньки и повеселей, чем будни городской училки.

— О да, помоталась я на своем веку. Когда была еще моложе тебя, плавала в западном море.

Ух ты, морячка! Шерканер благоговейно выслушал ее рассказы об ураганах, смерчах и ледовых извержениях. Немногие рождались настолько тронутыми на голову, чтобы податься в моряки, даже в Годы Увядания. Леди Энклерр повезло не только выжить, но и принести детишек. Может, именно поэтому в следующем поколении она предпочла карьеру мирной школьной учительницы и домохозяйки — помогала мужу растить паучат. Каждый год она изучала учебники для следующего класса, держась на год впереди учеников все время, пока те не выросли.

В эту пору Яркости она обучала новое поколение. Дети выросли, а она по-настоящему состарилась. Многие пауки начинали третье поколение, но мало кто проживал его до конца. Леди Энклерр слишком ослабела, чтобы самой приготовиться к Сошествию Тьмы, но могла

надеяться на помощь прихожан и собственных детей. Если повезет, увидит и четвертый Рассвет. Меж тем старушка продолжала сплетничать и читать. Она даже войной заинтересовалась — но скорей как болельщица.

— Я вот что скажу: надо туннель прорыть этим тиферам под задницы. У меня на фронте две внучатые племянницы, я ими очень горжусь, так-то.

Шерканер слушал и выглядывал в широкие окна, забранные ставнями искусной работы. Звезды в горах сияли ярко и тысячей цветов, так что широкие листья лесных деревьев и холмы внизу даже ночью бывали тускло освещены. Крохотные лесные феи без устали стучались в жалюзи и распевали со всех окрестных деревьев свою надоедливую песенку.

Внезапно забил барабан. Так громко, что Шерканер почувствовал колебания кончиками ног и грудью не слабей, чем слуховыми волосками. Барабану начал вторить еще один, не слишком ладно попадая в ритм.

Леди Энклерр замолчала и с кислым видом прислушалась к барабанному бою.

— Боюсь, что это надолго.

— Соседи? — Шерканер показал по долине на север. Интересно, что, если не считать реплики о

долгом пути в обход, хозяйка и словом не обмолвилась о странных обитателях долины.

Кажется, и сейчас не обмолвится? Леди Энклерр свесилась с насеста, впервые с момента прибытия гостя замолчав на ощутимый промежуток времени. Затем нехотя ответила:

— Знаешь историю про ленивых лесных фей?

— А то.

— Я ее внесла в катехизм для приходских, особенно для пяти— и шестилеток. Насчет аттеркопов — они ведь похожи на маленьких паучков. Мы учили, как у аттеркопов отрастают крылья, а я рассказывала, что бывает с теми, кто не успевает подготовиться к Тьме: заигрался, и тут его — цап! И слишком поздно. Я умею рассказывать страшилки. — Она сердито прошипела что-то в пищевые руки. — Мы — грязные деревенские оборванцы. Вот поэтому я ушла в море и поэтому же в конце концов вернулась: хотела помочь. Бывали годы, когда за свое преподавание я получала лишь поощрительные грамоты. Но я хочу, чтобы ты знал, сынок: мы хорошие. Но, правда, все чаще появляются среди нас пауки, ведущие *паразитический* образ жизни. Их пока немного, в основном высоко в холмах.

Шерканер рассказал о засаде, расставленной

на дне долины.

Леди Энклерр кивнула:

— Я так и думала. Ты вылетел оттуда так, словно тебе задок поджаривали. Тебе еще повезло выбраться оттуда, не потеряв машину, но, помимо этого, особая опасность тебе, пожалуй, не грозила. В смысле, если бы ты замер, они бы тебя забили насмерть, но в остальном… им просто лень.

Надо же. Реальные извраты. Шерканер притворился, что его это не слишком заинтересовало.

— Так что за шум?

Энклерр неприязненно отмахнулась:

— Может, это у них музыка такая. Думаю, раздобыли недавно шипучку и накачались дурью. Это лишь симптом — даже если они меня будят по ночам. Нет, дело не в этом. Ты знаешь, что в действительности делает их паразитами? Нежелание готовиться ко Тьме… и проклятие, на какое обрекли они собственный род. Эта парочка в долине — они же в холмах жили, но хозяйством заняться им было лень. Там и сям перебивались случайными заработками, кузнечным делом, от фермы к ферме… когда нечего было украсть. Жизнь в годы Среднего Солнца легка и приятна. И все это время они блудили на стороне, сея непрестанный поток молоди… Вы молоды, ми-

стер Андерхилл, и, может, немного зашорены. Не думаю, что вы представляете, как это утомительно — обрюхатить женщину перед Годами Увядания. Может появиться один-другой рубец, любая порядочная леди их отдерет с концами. Но те паразиты в долине — они только и знают, что трахаться. Парень все время с парой рубцов на спине шляется. Благодарение Господу, они почти всегда у него отмирают. Но бывает и так, что вырастают до младенцев. Некоторые доживают и до детского возраста, а обращаются с ними, точно с животными, — и так годы напролет. Как правило, получаются тупицы, кретины.

Шерканеру припомнились хищные взгляды детей. Они так отличались от того, что он помнил о своем детстве.

— Но ведь кое-кому удается сбежать? Вырасти?

— Некоторым. Эти особенно опасны, они видят, чего лишились. Тут дела под откос пошли. Я привыкла выращивать мини-тарантов — просто для компании, да и деньжат подзаработать. Они повадились их воровать или попросту высасывать до панцирей у меня на крыльце. — Она помолчала некоторое время, унимая давнюю боль. — Кретинов привлекает все блестящее. Однажды целая банда их повадилась лазить ко мне домой. В

основном воровать сладости. Потом в один не самый прекрасный день украли все картины, даже из книг вырвали. После этого я стала закрывать в доме двери. Но они каким-то образом вломились в третий раз и украли все оставшиеся книги! А я тогда еще преподавала, мне нужны были эти книги. Приходской констебль паразитов за это поджарил, но книг, разумеется, не нашел. Мне пришлось покупать учебники для двух последних лет. — Она жестом обвела верхние стеллажи с истрепанными экземплярами дюжины учебников. Тома на нижних полках тоже походили на учебники и книжки для совсем маленьких детей, но были новые, нетронутые, аж скрипели. Странно.

Барабанный дуэт окончательно выбился из синхрона и стих.

— Так что да, мистер Андерхилл, случается и внефазной молоди дожить до взрослых лет. Их иногда легко перепутать с пауками нынешнего поколения. В известном смысле — следующее поколение паразитов. Через пару лет им придется несладко. Как и ленивых фей, этих типчиков конкретно приморозит. Лишь немногим повезет забраться в приходскую глубину. Остальные вынуждены будут укрываться в холмах. Там

повсюду пещеры, немногим лучше глубин для животных. Там прячется от Тьмы голь перекатная из фермеров. Вот для них эти внефазные паразиты по-настоящему опасны.

Старушка заметила его взгляд и кривовато усмехнулась:

— Очень сомневаюсь, что увижу следующий Рассвет. Ну и не страшно: мои дети унаследуют эту землю. Отсюда открывается чудесный вид; может быть, гостиницу построят. Но если мне повезет пережить Тьму, построю тут маленький бельведер и поставлю большой указатель: здесь-де живет самая старая паучиха во всем приходе… И взгляну на долину. Надеюсь, она очистится. Если же паразиты вернутся, это будет означать, что они, скорее всего, замучили семейство какого-то бедного фермера и отобрали их глубину.

Позднее леди Энклерр перевела разговор на иные темы, расспросила о жизни в Принстоне и детстве самого Шерка. Она сказала, что теперь, коль уж ему открылись мрачные тайны прихода, пускай рассказывает, с какой стати поперся на машине в Ставку.

— Ну, я думал завербоваться на службу.

На самом деле Шерканер хотел, чтобы Ставка послужила *его* планам, а не наоборот. От такого

отношения университетская профессура Принстона просто на кончики лап вставала.

— Хм. Дальняя дорога, если можно в Принстоне записаться, в минуте ходьбы. Я у твоей машины багажник видела — там не меньше чем в фермерский фургон влезает. — Она с любопытством повела пищевыми руками.

Шерканер лишь улыбнулся в ответ:

— Друзья посоветовали мне захватить побольше запчастей, коль скоро я собрался прокатиться по Гордости Аккорда на автомобиле.

— Угу, это точно. — Она не без труда поднялась, опираясь на ноги и средние руки. — Ну, старушке надо поспать, хотя летний вечер выдался прекрасный, да еще в такой компании. Завтрак на восходе.

Она отвела его в комнату, настояла, что поднимется по лестнице — показать, как открываются окна и раскладывается спальный насест. Комната была уютная, хорошо проветренная, но обои шелушились от времени. Когда-то, вероятно, здесь обитали ее дети.

— …а нужник снаружи, за домом. Городской роскоши вам тут не дождаться, мистер Андерхилл.

— И так хорошо, миледи.

— Тогда спокойной ночи.

Она уже спускалась по лестнице, когда он вспомнил, что собирался задать еще один вопрос. Всегда что-нибудь такое упускаешь. Он высунулся из двери спальни:

— У вас теперь так много книг, леди Энклерр. Приход наконец купил вам остальные?

Она прервала осторожный спуск и тихо рассмеялась:

— Да, много лет спустя. Это отдельная история. Новый приходской священник настоял, хотя и не признается, хитрый жук. Наверняка истратил собственные деньги, но так или иначе, а однажды мне к дверям доставили посылку прямо из принстонского издательства: новые экземпляры учебников для каждого класса. — Она махнула рукой. — Глупыш. Но эти книги я заберу с собой в глубину. Прослежу, чтобы следующее поколение приходских детишек по ним училось, не важно у кого. — И она возобновила спуск.

Шерканер взобрался на спальный насест, размяв его так, чтоб шишковатое лежбище ощущалось относительно комфортным. Он очень устал, но сон к нему не шел. Небольшие окна выходили на долину. Шерканер видел, как отражается от тонкой струйки дыма звездный свет, принимая

оттенок обожженного дерева. Окрас у дыма свой, дальнекрасный, но искорок живого пламени там нет. *Небось даже извращенцы дрыхнут.*

Со всех окрестных деревьев стрекотали лесные феи: крошечные твари спаривались и дрались. Шерканер пожалел, что не увлекся в свое время энтомологией. Стрекот то становился громче, то опадал. Ребенком Шерк слышал сказку про ленивых лесных фей, но теперь ему вспоминались и глупые стишки об этом стрекоте. *Высоко и глубоко, мир познать нам нелегко.* Идиотская песенка на диво удачно пряталась в стрекоте фей.

Под несмолкаемую песню и навязчивый мотивчик он наконец уснул.

5

Шерканер убил на дорогу до Ставки еще два дня. Мог бы и больше, но своевременно переставил приводной ремень машины, и теперь езда по крутым спускам стала безопасней. Мог и меньше, но трижды останавливался для починки, в том числе один раз, чтобы отремонтировать лопнувший цилиндр. То, что он сказал леди Энклерр по поводу запчастей в багаже, было скорее уклончиво, нежели откровенно лживо. На самом деле он и впрямь захватил с собой кое-какие

запчасти, прикинув, что изготовить их самому в кузнице где-нибудь у черта на куличках будет затруднительно.

Он миновал последний поворот и бросил первый взгляд на длинное ущелье, где располагалась Ставка. День клонился к вечеру. Дорога на мили врезалась в горы, и отроги долины местами были так высоки, что на дне уже клубились сумерки. Дальний край отливал голубоватой дымкой; там с неспешным величием скатывались с горных пиков Королевские Водопады. Дальше туристам, пожалуй, путь уже был заказан. Королевское семейство крепко держалось за эти земли и глубину под горами, ибо владело ими еще в те времена, когда представляло собою ничем не примечательный герцогский род, сорок Затемнений тому назад.

Шерканер как следует поел в последней харчевне перед Ставкой, заправил бак и устремился в королевскую резервацию. Письмо кузена позволило ему без приключений пробраться за внешние блокпосты: поднялись шлагбаумы, и скучающие солдаты в униформе цвета хаки махнули — проезжай, мол, не мельтеши тут. Но Ставка далека была от обычного военного учреждения. В ранние дни Аккорда она выполня-

ла роль игровой площадки королевской семьи. Затем, от поколения к поколению, государственные дела становились все более рациональными, мелочными, скучными в своей повседневности. Ставка теперь полностью оправдывала свое имя, превратясь в убежище для высших чиновников Аккорда. И наконец стала чем-то гораздо большим: местом, где располагались передовые военные лаборатории государства.

Именно этот аспект работы Ставки интересовал Шерканера Андерхилла больше всего. Он не сбрасывал скорость, чтобы поглазеть по сторонам: дежурные выразительно намекнули ему, чтоб ехал прямо в назначенное место, никуда не сворачивая. Но смотреть во все стороны ему никто не помешал бы; так он и поступал, медленно поворачиваясь на водительском насесте. Различить корпуса можно было лишь по маленьким табличкам с номерами, но предназначение некоторых от Шерканера не укрылось. Вот беспроволочный телеграф: длинные бараки, ветвящиеся радиомачтами всех форм и размеров. Хе-хе, если тут все сделано по уму, то казарма рядом — не что иное, как академия шифровальщиков. На противоположной стороне дороги простиралось заасфальтированное поле, более

гладкое и ровное, чем любая проезжая дорога. Он без удивления заметил на дальнем конце асфальтовой полосы два низкокрылых моноплана. Шерканер многое бы отдал за возможность проехать рядом с ними и заглянуть под брезентуху. Еще дальше крупный копатель торчал прямо из центра лужайки перед казармами. Немыслимый угол изгиба его морды навевал мысли о жестокой и стремительной мощи, хотя сама по себе эта машинка — самый медленный способ добраться из точки А в точку В.

Он приближался к дальнему концу ущелья. Над головой шумели Королевские Водопады. Тысячецветные радуги играли в брызгах. Андерхилл проехал сооружение, принятое им за библиотеку, и вырулил на парковочный круг королевских цветов, украшенный непременными статуями на тему Сложения Аккорда. Каменные здания вокруг парковки были предметом особой гордости Ставки. Некая игра тени и способов прикрытия позволяла им переживать любое Новое Солнце без особого ущерба; даже внутри мало что выгорало.

ЗДАНИЕ № 5007, сообщал указатель. Если верить инструкциям, полученным на блокпосту, это лаборатория материаловедения. Добрый знак

— она в центре всего комплекса. Шерк припарковался между двумя другими приткнувшимися к тротуару автомобилями. Лучше не вызывать подозрений.

Поднимаясь по ступенькам, он увидел, что солнце садится почти точно над той дорогой, по которой он приехал. Оно уже опустилось за вершины скал. Из центра парковочного круга статуи создателей Аккорда отбрасывали на лужайку длинные тени. Ему подумалось, что обычная военная база вряд ли удостоилась бы таких украшений.

Сержант с видимым отвращением принял у Шерканера рекомендательное письмо.

— И что этот капитан Андерхилл?..

— О, отношения к делу это не имеет, сержант. Он всего лишь…

— И почему он воображает, что мы по первому его писку должны делиться с ним своей норой?

— О, если вы оставите фразеологию и немного углубитесь в письмо, то увидите, что он служит адъютантом у полковника О. Г. Каслворта, квартирмейстера Королевского Насеста.

Сержант пробормотал что-то очень похожее на «чертовы раззявы у ворот». Он перегруппировал свою могучую тушу, приняв вид паучары,

смирившегося с неизбежностью.

— Ну что ж, мистер Андерхилл, и какой вклад вы желаете внести в победу над врагом?

Он был весь какой-то перекошенный. Тут Шерканер заметил, что на всех левых лапах сержанта лубки. Настоящий боевой ветеран. Трудно с ним придется.

Даже дружелюбно настроенной аудитории Шерканер явил бы не слишком вдохновляющее зрелище: молодой, слишком худой, чтобы считаться красивым, эдакий застенчивый всезнайка. Он только надеялся, что ему повезет добраться до инженера.

— Э-э, сержант, по меньшей мере три поколения вы, военные, накапливаете определенный опыт боевых действий во Тьме. Сперва удавалось продержаться не больше пары сотен суток: достаточно, чтобы провести дополнительные фортификационные работы или заложить мины в непредсказуемых местах. Потом год, два: достаточно долго, чтобы подготовить крупные армейские соединения к боевым действиям сразу же после Нового Солнца.

Сержант (если верить нашивке с именем, его звали Хранкнер Аннерби) молча смотрел на Шерканера.

— Общеизвестно, что по обе стороны Восточного фронта продолжаются массивные земляные работы, и ожидается, что активные боевые действия затянутся вплоть до конца первого десятилетия грядущей Тьмы.

Аннерби пришла счастливая мысль, и от этого он стал еще суровей.

— Если ваши идеи направлены в эту сторону, вам следует обратиться в отдел земляных работ. У нас тут лаборатория материаловедения, мистер Андерхилл.

— Это я знаю. Но без материаловедения нет шансов продержаться в самый холод. Кроме того, мои планы не имеют ничего общего с земляными работами. — Он начинал торопиться.

— Да? А с чем имеют?

— Я… я бы предложил, чтобы мы выбрали наиболее подходящие цели в лагере тиферов, пробудили себя самой Глубокой Тьмой, пробрались туда по поверхности и уничтожили их. — Он ухитрился соединить все свои самые безумные идеи в одной фразе. Поднял передние руки упреждающим гнев собеседника жестом. — Я продумал все проблемы, сержант. У меня есть решение для каждой из них, как минимум наметки такового…

Аннерби перебил его почти ласково:

— Самой Глубокой Тьмой, вы сказали? А вы правда исследователь Королевской школы в Принстоне? — (Так утверждалось в письме, составленном кузеном Шерканера.)

— Да, математик и…

— Заткнись! Ты хоть себе представляешь, сколько миллионов Корона тратит на военные исследовательские учреждения вроде Королевской школы? Ты хоть соображаешь, как пристально мы наблюдаем за всеми серьезными исследованиями? Господи, как же я вас ненавижу, сопляков-западенцев! Вам только и нужно думать что о подготовке ко Тьме, а вы даже на это толком не способны. Был бы твой панцирь крепок, ты бы уже давно записался добровольцем. На востоке солдаты гибнут прямо сейчас, пока мы с тобой тут болтаем, паучара! Тысячи умрут, не успев подготовиться к Сошествию Тьмы, еще больше — погибнет в туннелях, и того больше — при Новом Солнце, когда будет нечего есть. А ты тут сидишь и лепечешь черт-те что.

Аннерби сделал паузу, с видимым усилием умерив пыл.

— Гм, но прежде, чем вышвырнуть тебя обратно в Принстон и начистить панцирь как следует,

я тебе расскажу одну прикольную историю. Видишь ли, я немножко неуравновешен. — Он махнул в воздухе левыми ногами. — Я повздорил со шредером, так-то. Пока не поправлюсь, помогаю обрабатывать безумные идеи, понатасканные к нам в нору чуваками вроде тебя. Благодарение Господу, их в основном по почте присылают. Примерно раз в десятидневку какой-нибудь паучара предупреждает нас о низкотемпературном аллотропном переходе олова…

«Ой, ничего себе, так, может, я как раз с инженером и говорю!»

— …и что из-за этого олово непригодно к использованию в припоях. Ну они хотя бы представляют себе суть дела: время у нас отнимают, но не более. Но ведь находятся и такие, кто, начитавшись про радий, воображает, как его можно применить в головках суперкопателей. У нас тут небольшой конкурс — кому попадется самый безбашенный идиот. Что ж, мистер Андерхилл, думаю, вы принесли мне победу в этом конкурсе. Вы тут предлагаете проснуться в самой Тьме и переползти по земле в стан врага при температурах более низких, чем достигнуты в коммерческих лабораториях, в вакууме более высоком, чем даже мы способны создать…

Аннерби осекся — выболтал секретную информацию, что ли? Потом Шерканер увидел, что сержант смотрит на кого-то или что-то в слепом пятне Андерхилла.

— Лейтенант Смит! Добрый вечер, мэм. — Сержант принял позу полного внимания.

— Добрый вечер, Хранкнер. — Говоривший вышел в поле зрения Шерканера. Это был… была красивая паучиха. Ноги тонкие, жесткие, изящно выгнутые, в каждом движении сквозит сознательно притушенная грация. Униформа — чернильно-черная; Шерканер не распознал род войск. Знаков различия нет, разве что темно-красные точки воинского ранга и нашивка с именем. Виктория Смит. Выглядит невероятно молодой. Рождена вне фазы? Возможно. И может быть, преувеличенное уважение этого дуболома — своеобразная издевка.

Лейтенант Смит переключилась на Шерканера. Поза ее выражала едва заметное, словно удивленное дружелюбие.

— Итак, мистер Андерхилл, вы исследователь факультета математики Королевской школы.

— Гм, ну, скорее, дипломник… — (Она молча глядела на него, словно побуждая к откровенности.) — Гм, ну, математика — лишь официальная

моя специализация. Я много работал в медицинском колледже и на факультете машиностроения. — Он ожидал едкой реплики от Аннерби, но сержант вдруг притих.

— В таком случае вы понимаете проблемы, связанные с Глубокой Тьмой, сверхнизкими температурами и сверхвысоким вакуумом.

— Да, мэм. И я как следует поразмыслил над этими проблемами. — Без малого полгода убил, но об этом сейчас лучше помолчать. — У меня много идей, некоторые воплощены в прототипах. Некоторые решения имеют биологическую природу, и там я пока мало что могу вам продемонстрировать. Но я привез с собой прототипы, иллюстрирующие механические способы решения некоторых аспектов проблемы. Они в моем автомобиле.

— Ах да. Должна заметить, что вы его припарковали аккурат между машинами генералов Гринвала и Даунинга. Вероятно, стоит мне взглянуть на ваши прототипы, а заодно и машину в более безопасное местечко переставить.

До полной реализации оставались еще годы, но в тот миг Шерканер Андерхилл узрел первый луч надежды. Во всей Ставке, да что там, во всем широком мире ему было не найти более перспек-

тивного собеседника, чем лейтенант Виктория Смит.

6

В последние годы Увядающего Солнца бури часты, иногда свирепы. Но нет в них ничего похожего на взрывную, кипящую агонию штормов Нового Солнца. Ветра и метели наступающей Тьмы скорее напоминают судороги смертельно больного зверя: мир слабо дергается, умирая от кровопотери. Ибо тепло мира и есть его кровь; она утекает во Тьму, и у гибнущего мира остается все меньше сил протестовать.

Приходит время, когда в полуденном небе видно уже до сотни звезд. Затем до тысячи. Наконец солнце перестает тускнеть, и это значит, что Тьма вступила в свои права. Крупные растения давно уже умерли, разбросав глубоко под снегом пыльцу и споры. Низших животных постигла та же участь. Подветренная сторона сугробов укрыта пылью — тельцами крохотных мошек, и лишь случайные искорки мельтешат среди обнаженных скелетов: духи мертвых, по мнению исследователей классической древности; последние бактерии, спешащие пожрать что можно, как считают естествоиспытатели более поздних

эпох. Но на планете еще остаются живые разумные существа. Некоторые обречены на гибель, ибо более сильные племена (или нации) мешают им укрыться в безопасной глубине. Другие застигнуты наводнениями или землетрясениями, уничтожившими предковые глубины. В старые времена существовал единственный способ узнать, что же на самом деле представляет собою Тьма: остаться на поверхности, попытаться достичь призрачного бессмертия, записав свои наблюдения в такой форме и в таком месте, чтобы пламень Нового Солнца пощадил их. Время от времени кому-то из этих смельчаков удавалось протянуть во Тьме год-другой, либо по исключительно счастливому стечению обстоятельств, либо благодаря искусному планированию в надежде узреть сердце Тьмы. Один философ прожил так долго, что нашедшие впоследствии его слова вырезанными в камне над глубиной сочли их метафорой или признаком безумия: *и сухой воздух застывает инеем.*

В одном пропагандисты Короны и Тифштадта соглашались между собой: эта Тьма будет непохожа на все остальные. Она станет первой, которую подвергнет прямой атаке наука — служанка войны. Пока миллионы гражданских укрыва-

лись в тихих гаванях тысяч глубин, армии обеих сторон продолжали сражаться. Зачастую битвы проходили в открытых трещинах, разогретых паром. Но решающие сражения разворачивались под землей, в туннелях, прорытых глубоко под линией фронта в обе стороны. Там, где они пересекались, начинался яростный поединок механического оружия и отравляющих газов. Там, где они не пересекались, возведение туннелей продолжалось ярд за ярдом, день за днем, в меловых скалах Восточного фронта, еще долго после того, как на поверхности отгремели все битвы.

Через пять лет после Сошествия Мрака кампанию на Востоке продолжали только представители технической элиты — у Короны их насчитывалось, быть может, тысяч десять. Даже в такой глубине температуры уже упали ниже точки замерзания. Свежий воздух циркулировал по туннелям, проходя через обогреваемые фораменами печи. Вскоре замерзнут последние воздушные колодцы.

— Мы уже почти десять дней не регистрируем никакой активности на стороне Тифштадта. Командование копателей не устает себя поздравлять.

Генерал Гринвал сунул в пасть ароматический

шарик и громко хрустнул им. Начальник Аккорд-разведки никогда не слыл великим дипломатом, а за последние дни сделался совершенно несносен. Он был стар, и хотя условия в Ставке были самые благоприятные для жизни на всей планете, близость экстремальной фазы чувствовалась и тут. В бункерах рядом с Королевской Глубиной бодрствовали еще пятьдесят сотрудников. С каждым часом воздух становился еще более спертым. Гринвал избавился от своей внушительной библиотеки более года назад, и теперь его кабинет состоял из щели двадцать на десять на четыре фута в мертвой зоне над жилой секцией. Стены крохотной комнатки были увешаны картами, стол завален телетайпными лентами — донесениями сверху. Беспроволочный телеграф окончательно отказал семьдесят дней назад. В последний год радисты Короны активно экспериментировали со все более и более мощными передатчиками, надеясь, что сумеют обеспечить какую-никакую радиосвязь до самого конца; но нет, остались только телеграфная связь и радио в зоне видимости. Гринвал посмотрел на свою посетительницу: скорее всего, последнего визитера Ставки на следующие двести с хвостиком лет.

— Итак, полковник Смит, вы только что верну-

лись с Востока. Почему я не слышу ликующего жужжания? Мы пересидели врага, разве нет?

Внимание Виктории Смит привлек перископ генерала. Именно за этим Гринвал и забился в щель: в последний раз взглянуть на мир. Королевские Водопады застыли более двух лет назад. Вид открывался на все ущелье: темную землю, покрытую таинственным инеем, разницы между камнем и льдом не разглядишь. Двуокись углерода выпадала из атмосферы снежком. Но Шерканеру суждено увидеть еще более холодный мир.

— Полковник?

Смит отступила от перископа.

— Простите, сэр… я очень рада за копателей. — По крайней мере, за тех, кто в действительности выполняет эту работу. Смит бывала в полевых глубинах. — Но прошли дни с тех пор, как они могли бы достичь каких бы то ни было позиций врага. Меньше половины сохранят боеспособность после Тьмы. Я боюсь, что командование неверно определило точку погружения в глубину.

— Угу, — сварливо отозвался Гринвал. — Командование копателей установило мировой рекорд по продолжительности подземной операции, но

тиферы выиграли, вовремя сойдя с дистанции. — Он вздохнул и добавил еще кое-что: в других обстоятельствах такая откровенность могла бы стоить ему лычки, но спустя пять лет после конца света мало кто вообще мог его слышать. — Знаете ли, полковник, тиферы сами по себе не такие уж плохие ребята. В долгосрочной перспективе нас ждут куда более серьезные проблемы, и некоторые из них проистекают от наших же собственных союзников: эти субчики только и ждут, чтоб Корона с Тифштадтом вцепились друг в друга и перемололи в кровавую кашу. Теперь пора составлять планы на момент, когда к нам полезут гады посерьезней. Мы выиграем эту войну, я так думаю, но если бы ее можно было выиграть силами саперов в туннелях, то, полагаю, мы бы еще годы после Нового Солнца там рубились.

Он резко прикусил ароматический шарик и ткнул в Смит передней лапой:

— Ваш проект — наш единственный шанс выиграть войну быстро и чисто.

Смит ответила резко:

— И вероятность его успеха была бы еще выше, позволь вы мне остаться с моим отрядом.

Гринвал проигнорировал колкость.

— Виктория, вы этим проектом уже семь лет

занимаетесь. Вы и вправду уверены, что он сработает?

Может, в том был повинен спертый воздух, от которого всех мутило. Нерешительность — одно из качеств, дочиста выскобленных из публичного образа Страта Гринвала. Она знала его уже девять лет. Среди ближайших конфидентов Гринвал держался как паучара, открытый чужим советам, — вплоть до момента, когда требовалось принять окончательное решение. Тогда он действовал без колебаний, подавляя своей волей всех генералов и даже политиканов из окружения короля. Никогда прежде Виктории не доводилось слышать от него вопрос, заданный столь печальным, потерянным тоном. Ей явился дряхлый-предряхлый старик, которому осталось несколько часов до Тьмы — может, последней на его веку. Такое чувство, словно оперлась на знакомые подпорки, а они вдруг зашатались.

— С-сэр, мы тщательно выбрали цели для удара. Если они будут уничтожены, Тифштадт, скорее всего, почти сразу же капитулирует. Отряд Андерхилла в озере, менее чем в двух милях от целей. — Само по себе это уже могло считаться феноменальным достижением. Озеро располагалось вблизи важнейшего центра снабжения

армии Тифштадта, за сотню миль вглубь тиферской территории. — Аннерби, Андерхиллу и остальным недалеко идти, сэр. Мы испытывали их скафандры и экзотермы в течение более длительных периодов, в условиях почти таких же…

Гринвал слабо улыбнулся:

— Знаю, знаю. Я сам частенько скармливал эти цифры начальству в Генштабе. Но теперь нам надо проделать фокус по-настоящему. Подумайте, что это может значить. В последние пару поколений мы, военные, чуть-чуть выползали за край Тьмы. Но отряд Аннерби увидит самое средоточие Глубинной Тьмы. Каково это? Да, нам кажется, что мы себе это представляем: замерзший воздух, вакуум. Но это ведь лишь догадки. Я не религиозен, полковник Смит, но я… мне любопытно, что они там обнаружат.

Религиозен или нет, а в словах генерала слышалось эхо давних сказок о снежных троллях и ангелах земли. Даже самый рациональный ум восставал при мысли о Тьме столь плотной, что мир в некотором смысле перестает существовать. Виктория не без труда отрешилась от эмоционального всплеска, порожденного словами генерала:

— Да, сэр, сюрпризы неизбежны. Я бы оценива-

ла этот план как имеющий все шансы на провал, если бы не… Шерканер Андерхилл.

— Наш домашний псих.

— Да, псих — в том смысле, что у него исключительно нетрадиционное мышление. Я его семь лет знаю, с того дня, как он приперся в Ставку с полным багажником сырых прототипов и головой, бурлящей безумными идеями. Нам всем очень повезло, что у меня выдался свободный вечерок. Нашлось время вслушаться и поразиться. Среднестатистический ученый выдает идей двадцать за жизнь от силы. Андерхилл — двадцать в час, это у него как нервный тик. Но я в разведшколе знавала людей почти столь же необычных. Отличие в том, что идеи Андерхилла примерно в одном проценте случаев осуществимы, и он с довольно неплохой точностью умеет отделять годные от негодных. Может, кто-то еще мог бы додуматься использовать болотный ил на корм экзотермам. И уж наверняка кто-то еще мог бы додуматься до скафандров. Но у него, помимо идей, есть талант сочетать их так, чтобы они работали. И это еще не все. Без Шерканера мы бы и близко не подошли к достижениям последних семи лет. У него волшебный дар привлекать к своим планам способный народ. — Она вспомнила, как вспылил

тем первым вечером Хранкнер Аннерби и как всего за несколько дней инженерное воображение Хранкнера оказалось полностью захвачено идеями Шерканера. — Андерхиллу свойственно некоторое пренебрежение к деталям, но это не очень важно. Он окружает себя теми, кто к ним *внимателен.* Он попросту… исключителен.

В этих словах не было ничего нового; Гринвал сам спорил со своими боссами о Шерканере уже много лет, применяя почти те же фразы. Но Виктория не нашла ничего лучше, чтобы приободрить старого паучару. Гринвал улыбнулся и странно взглянул на нее:

— Так почему бы вам не выйти за него замуж, полковник?

Смит не думала, что разговор вырулит сюда, но, в конце-то концов, они остались одни в конце света.

— Я собираюсь, сэр. Но у нас война, и как вы знаете… я не слишком верна традициям. После Тьмы поженимся.

У Виктории Смит ушел один вечер, чтобы понять: удивительнее Андерхилла она еще никого в жизни своей не встречала. И еще дня два, чтобы увидеть в нем гения, динамо-машину, способную перевернуть ход войны. Через пятьдесят

дней в этом же удалось убедить Страта Гринвала, и тогда Андерхиллу выделили собственную лабораторию, а вокруг нее стали разрастаться вспомогательные постройки проекта. Между своими миссиями Виктория строила планы, как бы заполучить феномен Андерхилла (так она теперь о нем думала, и такого же мнения придерживался шеф разведки)… гм… в постоянное пользование. Очевидным решением виделось бракосочетание. Традиционный брак в Годы Увядания — логичный этап карьерного пути. Все бы ничего, да вот сам Шерканер Андерхилл… У Шерка были свои планы. В конце концов он стал ее лучшим другом, с которым можно строить планы, в том числе и о том, как строить планы. Шерк строил планы на время после Тьмы — их Виктория никому не пересказывала. Немногочисленные друзья, даже Хранкнер Аннерби, любили ее, несмотря на внефазность. А Шерканеру Андерхиллу идея обзавестись внефазными детьми даже нравилась. Впервые за всю свою жизнь Виктория столкнулась с чем-то большим, нежели обычная толерантность. Так что — сейчас война, и если оба они выживут, им откроется новый мир, для планов и совместной жизни после Тьмы.

Страт Гринвал был достаточно умен, чтоб о

многом из этого догадаться. Внезапно она воззрилась на босса:

— Вы ведь поняли, не так ли? Вот почему вы не разрешили мне остаться с отрядом. Вы сочли эту миссию самоубийственной, а мое суждение — пристрастным… Да, вылазка опасна, но вы не понимаете Шерканера Андерхилла: самопожертвование не в его стиле. По нашим меркам он скорее трус. Его не слишком занимает многое из того, за что мы с вами готовы сложить головы. Он рискует жизнью из чистого любопытства — но очень, очень осторожен в том, что касается его собственной безопасности. Думаю, отряд справится с заданием и выживет. А шансы на успех только увеличились бы, позволь вы мне остаться с ними! Сэр.

Последние слова ее драматически подчеркнуло затухание единственной лампочки.

— Ха, — заметил Гринвал, — а у нас горючее уже двенадцать часов как кончилось, вы в курсе, полковник? Свинцово-кислотные аккумуляторы тоже выдыхаются. Через пару минут капитан Диредр явится с последним словом техподдержки: «Нижайше просим нас извинить, сэр, но вот-вот замерзнут последние пруды. Инженеры умоляют вас спуститься к ним и отключить все

системы». — Он мастерски передразнил высокий визгливый голос адъютанта.

Потом Гринвал встал и распластался по столу. Сомнения его снова исчезли, старый хрыч опять был готов к бою.

— А меж тем хотелось бы кое-что прояснить насчет полученных вами приказов и вашего будущего. Да, я приказал вам остаться, потому что не хотел рисковать вами в этой миссии. Мы с вашим сержантом Аннерби долго перетирали. У нас было девять лет, чтобы проверить вас в ситуациях почти неограниченного риска и оценить, как работает у вас разум, когда на вашем попечении тысячи жизней. Пора отозвать вас с фронта спецопераций. Вы одна из наиболее молодых полковников нашего времени; после Тьмы вы будете моложе всех генералов.

— Лишь при условии, что Андерхилл справится.

— Не перебивайте меня. Независимо от результатов миссии Андерхилла королевские советники знают, на что вы способны. Переживу я эту Тьму или нет, вы в любом случае займете мой насест уже в первые годы Нового Солнца, и после этого вам уже нельзя будет рисковать собой. Если ваш мистер Андерхилл выживет тоже,

выходите за него замуж, плодитесь и размножайтесь, мне без разницы. Но никогда больше не смейте подвергать себя риску. — Он ткнул в ее сторону остроконечной башкой: тщательно рассчитанная притворная угроза. — А не то я вернусь из могилы и пробью твой твердолобый панцирь, слышала?

В узком коридорчике прозвучали шаги, по тяжелой шторе, служившей кабинетику дверью, царапнули руки. Это был капитан Диредр.

— Извините, генерал, но инженеры категорически настаивают, сэр. У нас снаружи электричества на тридцать минут осталось. Они умоляют вас, сэр.

Гринвал выплюнул шарик в грязную плевательницу.

— Отлично, капитан. Мы немедленно спускаемся.

Он бочком обошел полковника и откинул штору. Когда Смит застеснялась проходить вперед него, Гринвал решительно указал ей на дверной проем.

— В этом случае старший по званию уходит последним, дорогуша. Сроду терпеть не мог игр в прятки с Тьмой, но если уж приходится, то свет выключу *я*!

7

Фаму Тринли не полагалось сидеть на месте Капитана Флота, и уж точно во время серьезной операции. Старик занял один из дублирующих терминалов связи, но не притронулся к нему. Тринли был боевым программистом третьего ранга, хотя ни разу еще не принес никакой пользы, даже по меркам своего низкого поста. Он, казалось, приходил и уходил, когда ему вздумается, ради собственного удовольствия, и большую часть времени проводил в каюте отдыха для наемных сотрудников. Капитан Флота Пак отличался слегка иррациональным почтением к лицам старшего возраста. Ясно было, что, покуда от Фама Тринли нет особого вреда, он может спокойно просиживать штаны.

Сейчас Тринли сидел, полуотвернувшись от своего пульта. С язвительным выражением на лице он прислушивался к тихим разговорам вокруг, потоку запросов и ответов. Он смотрел поверх голов техников и боевых программистов на стандартные дисплеи.

Высадки сил Чжэн Хэ и авральников уподобились танцу взаимно подозрительных партнеров. Недоверие к авральникам охватило всех людей

капитана Пака, сверху донизу в иерархии. Поэтому совместных экипажей формировать не стали, а комм-сети полностью продублировали. Капитан Пак расположил свои основные суда тремя группами, возложив на каждую ответственность за треть операций на планете. Каждый корабль авральников, каждая их шлюпка, каждый член команды, выходящий в космос, подпадали под пристальное наблюдение — не проявятся ли признаки готовящейся измены?

Консенсус-визуализаторы командной рубки отображали большую часть поступающих данных. Тринли видел в ретрансляции с «восточного» кластера, как три тяжелых лихтера авральников взлетают с замерзшей поверхности океана, зажав собой ледяную глыбу весом четверть миллиона тонн. Шестой подъем за эту высадку. Океанский лед сверкал в сиянии ракетных факелов. Тринли увидел, что на месте глыбы осталась дыра глубиной во много сотен метров. Дымные султаны пены маскировали царапину в морском дне. Эхолокация показывала, что в этом месте континентального шельфа много тяжелых металлов, и авральники приступили к их добыче такой же грубой силой, какой вырубали из океана лед.

Ничего особенно подозрительного, хотя все может измениться, когда дело дойдет до дележа награбленного.

Он просмотрел окна с выдачей утилит связевого мониторинга. Обе стороны договорились о незашифрованной межкорабельной связи, так что группа спецов-авральников постоянно поддерживала конференц-режим с офицерами Чжэн Хэ сопоставимых рангов; авральники настойчиво интересовались открытиями группы Дьема в свободной от снега долине. Любопытно, что авральники предложили, не церемонясь, попросту заграбастать артефакты местных обитателей. Не слишком характерный для Чжэн Хэ подход. «Так мог бы поступить я».

Пак вывел почти все микроспутники Флота в ближний космос как раз перед прибытием авральников. Их там крутились десятки тысяч: гаджеты величиной с кулак. Тонко маневрируя, они пролетали между кораблями авральников куда чаще, чем могли бы волей случая. Результаты их электронной разведки отображались в соответствующем окне на мостике. Спутники докладывали, что суда авральников ведут интенсивные переговоры в пределах прямой видимости. Возможно, это безобидные служебные

переговоры автоматики. Но более вероятно, что так авральники пытаются прикрыть зашифрованную координацию военных сил, осуществляя свой хитрый план. Фам Тринли неизменно считал авральников врагами — и точка.

Разумеется, специалисты капитана Пака уловили эти признаки. Боевые программисты Чжэн Хэ были по-своему проницательны, хотя избытком опыта не страдали. Тринли смотрел, как трое втянулись в жаркий спор о природе картины широкополосного вещания, которой окатывали Флот передатчики авральников. Один из младших прогеров считал, что она может оказаться комбинацией физического и программного зондирования — притом превосходно спланированной. Но если он прав, у авральников средства электронной разведки превосходят все игрушки Чжэн Хэ… а в это не верилось. Старший программист лишь поморщился в ответ на безумную идею салаги, словно у него внезапно разболелась голова. «Даже те, кто сам бывал в бою, пока не догоняют». На миг лицо Тринли стало еще более кислым.

По приватной линии в ухо прибежало:

— Что думаешь, Фам?

Тринли вздохнул и промямлил в коммуника-

тор, едва шевеля губами:

— Это очень дурно пахнет, Сэмми. Ты сам знаешь.

— Мне было бы спокойней на душе, согласись ты перейти на запасной контрольный пост.

Командный мостик «Фама Нювена» формально располагался именно здесь, но его функции были продублированы контрольными постами во всех жилых отсеках корабля. Более половины офицеров присутствовали на мостике в виде проекции, а физически находились в других местах. Теоретически это должно было уменьшать уязвимость звездолета. Теоретически.

— Я вот что лучше сделаю — я тут хакнул одну шлюпку и перевел ее на дистанционное управление.

Старик воспарил из своей пристежки. Молча поплыл между рядами техников, мимо дисплеев с картинками тяжелых лихтеров, команды Дьема, готовящейся к отлету из сухой долины, пытливо-внимательных лиц авральников… и зловещих окон с результатами электронной контрразведки. Он не привлек ничьего внимания, но, пролетая мимо входа на мостик, перехватил взгляд Капитана Флота Сэмми Пака и едва заметно склонил голову.

«Бесхребетные трусы, почти все». Лишь Сэмми и Кира Пен Лизолет полностью осознавали масштаб угрозы и необходимость упреждающего удара. И не сумели переубедить больше ни одного члена Торгового комитета. Даже после встречи с авральниками лицом к лицу комитетчики не догадались о несомненном предательстве, которое готовит враг. Вместо этого они прибегли к услугам арбитра — Виня. Виня, подумать только!

Тринли пролетел по пустым коридорам корабля, остановился у шлюза, ведущего в транспортный ангар для шлюпок, и откинул люк у предварительно намеченного аппарата. Можно попросить Лизолет поднять мятеж. Второй человек на Флоте после капитана, Кира Пен Лизолет располагала собственным кораблем, «Невидимой рукой». Физически поднять мятеж было возможно, а если Лизолет начнет палить, Сэмми и прочим останется только присоединиться к ней, коли жить хотят.

Он скользнул в шлюпку и включил воздушные насосы шлюза. «Нет уж, я умываю руки». Где-то в затылке нарастала боль. Тринли редко реагировал на напряжение таким образом. Он потряс головой. Ну, в общем-то, да, правда неутешительна: он не отважился попросить Лизолет

о мятеже, потому что женщина эта наделена редким качеством — честью. Придется работать с тем, что досталось. Сэмми *позаботился* прихватить с собой оружие. Тринли ухмыльнулся, предвкушая грядущую переделку. «Даже если противник ударит первым, я готов побиться об заклад, что выживем мы». Шлюпка отчалила от флагмана Чжэн Хэ, и Тринли задумчиво пролистал последние обновления оценок угрозы. Что задумал враг? Если еще потянуть время, можно вычислить, где у Сэмми системы блокировки оружия… и предпринять собственный мятеж. В одиночку.

Признаков готовящегося предательства было много, но даже Фам Тринли прозевал самый очевидный из них. В данном случае, чтобы узнать способ атаки, требовалось о нем догадаться.

Эзр Винь про военные приготовления наверху ничего не знал. Килосекунды на поверхности протекли в тяжелой, требующей внимания работе, которая не оставляла много времени для подозрений и размышлений. За всю свою жизнь он провел на планетах лишь несколько десятков мегасекунд. Несмотря на тренировки и лекарства Чжэн Хэ, он страшно вымотался. Первые килосекунды дались сравнительно легко, но

теперь у него каждая мышца ныла. К счастью, не у него одного. Вся команда с ног валилась. Уборка растянулась на целую вечность: надо было тщательно проверить, не осталось ли какого мусора или следов их присутствия, способных пережить повторный Поджиг В(ы)ключенной. Командир отряда Дьем подвернул ногу, забираясь обратно в шлюпку, и без грузовой лебедки его бы туда было никак не втащить. Когда все наконец очутились на борту, даже снимать и вешать в шкафчики термокуртки стало мучительным занятием.

— Господи-и! — Бенни рухнул на койку рядом с Винем. Отовсюду доносились стоны: шлюпка поднималась в небеса с заметным ускорением. Впрочем, Виня не оставлял тихий восторг — одна их вылазка принесла Флоту больше информации, чем мечталось. Они могли гордиться своей усталостью.

Воспоследовало небольшое совещание команды Дьема. Гул движка шлюпки упал почти до инфразвука, исходящего наружу, казалось, из костей экипажа. Винь слышал разговоры с орбиты, но Триксия в них не участвовала. С отрядом Дьема никто не говорил. Поправка: Киви пыталась поболтать с Винем, но Эзр слишком устал, чтобы общаться с Дочерью полка.

За изгибом планетарного диска добыча тяжелых грузов шла не по графику. Чистые термоядерные взрывы выбили из замерзшего океана несколько миллионов тонн льда, но дальше дело застопорилось из-за пара, плотным столбом поднявшегося над местом разработок. Авральник, которого звали Брюгель, жаловался на потерю связи с одним из лихтеров.

— Думаю, вам его просто не видно, сэр, — отозвался кто-то из техников Чжэн Хэ. — Мы их все видим. Они еще на поверхности, туман снижает видимость, но нам кажется, что они позиционированы как должно. Еще три поднимаются в нужной формации… минуточку… — Тянулись секунды. На «дальнем» канале кто-то бубнил про медицинские проблемы; похоже, кого-то рвало в невесомости. Потом диспетчер заговорил снова: — Странно. Мы потеряли из виду суда, участвующие в операции на Восточном побережье.

Голос Брюгеля стал резким:

— А вспомогательные вы видите?

Техник Чжэн Хэ не ответил.

Вмешался третий голос:

— Зафиксирован электромагнитный импульс. Я думал, вы, ребята, покончили со взрывными

работами на поверхности?

— Разумеется! — отозвался Брюгель тоном оскорбленной девственницы.

— Мы… еще три импульса, только что. Я… Дасэр!

Электромагнитные импульсы? Винь попытался присесть, но ускорение помешало. Голова вдруг заныла сильней прежнего. «Да скажи еще что-нибудь, чтоб тебя!» Но человек, замолчавший после «дасэр» (судя по всему, боевой программист Чжэн Хэ), не проявлялся больше в эфире: либо прервал связь, либо, что вероятнее, переключился на зашифрованный канал.

Авральник сердито заорал:

— Дайте мне кого-нибудь из руководства, и *немедленно*! Мы видим, как нас выцеливают лазерами! Отключите их — или мы все об этом пожалеем.

Наголовный дисплей Эзра стал прозрачным, перед глазами возникла переборка посадочного модуля. Тут же, замигав, вернулись обои, но видеопоток показывал случайную последовательность аварийных команд.

— !!! — Это Джимми Дьем. У выхода каюты командир отряда колотил по контрольному пульту. За спиной Виня кого-то рвало. Как в кошмаре: все

плохое наваливается разом.

В этот момент шлюпка перестала ускоряться. За три секунды жуткая тяжесть сползла с груди Виня — и вернулась привычная уютная невесомость. Он отстегнулся и поплыл к Дьему.

С потолка легко было расположиться голова к голове с Дьемом и увидеть его аварийные дисплеи, не мешая командиру.

— Мы и вправду по ним стреляем?

«Господи, как у меня болит голова…» Он попытался вчитаться в показания консоли Дьема, но символы расплывались перед глазами.

Дьем чуть повернул голову к Эзру. Лицо его исказилось смертной мукой, он едва мог пошевелиться.

— Не знаю, куда мы летим. Я потерял консенсуальный обзор. Пристегнись… — Он наклонился вперед, словно желая вглядеться в экран. — Флотская сеть перешла на глубокое шифрование, а мы застряли на нижнем уровне. — И это означало, что никакой информации, кроме команд от боевых программистов Пака, они не получат.

Потолок ощутимо приложил Виня по заднице, и он полетел в другой конец каюты. Шлюпка поворачивалась, явно следуя какой-то аварийной процедуре: автопилот предупреждений не выда-

вал. Скорее всего, командование Флота готовило их к очередному ускорению. Он пристегнулся за спиной Дьема, и тут главный двигатель выдал ускорение примерно в 0,1*g*.

— Они переводят нас на более низкую орбиту… но я не вижу… никого навстречу… — Дьем неуклюже ткнул в поле для ввода пароля под дисплеем. — Ладно, попробую сам разнюхать… Надеюсь, Пак не обидится.

Еще кто-то блеванул. Дьем попытался повернуться и поморщился.

— Ты у нас подвижней, Винь. Прибери за ними.

Эзр соскользнул по поручням, пользуясь помощью гравитации. Торговцы Чжэн Хэ умели жить при различной силе тяжести. Лекарства и евгеника сделали ориентационную болезнь редкостью. Но сейчас Цуфэ До и Фама Патиля выворачивало, а Бенни Вэнь свернулся клубком, насколько позволяли пристежные ремни. Он держался за виски и раскачивался, агонизируя от боли.

— Давит… давит…

Винь подобрался к Патилю и До, осторожно утер блевотину с комбинезонов. Цуфэ удивленно глянула на него:

— В жизни не блевала…

— Это не твоя вина, — сказал Винь, стараясь проскальзывать мыслями в сжимавшийся обруч мигрени. «Идиоты, идиоты, идиоты. Ну как мы раньше не сообразили?» Это не Чжэн Хэ атакует авральников, а совсем наоборот.

Вдруг открылся вид наружу.

— Есть локальный консенсус, — возвестил в гарнитуре голос Дьема. Командир выталкивал из себя слова отрывочными залпами. — Пять высокоскоростных бомб… с позиций авральников… цель — флагман Пака.

Винь перегнулся через койку и посмотрел. Боеголовки врага удалялись, если смотреть из шлюпки: пять тусклых звездочек, ускоряясь с каждым мгновением, летели через небосклон к флагману Флота Чжэн Хэ «Фам Нювен». Но не по плавным траекториям. Они выделывали резкие кувырки и зигзаги.

— Наверно, мы по ним лазерами бьем. Они уворачиваются.

Одна звездочка погасла.

— Одну сбили! Есть!

Четыре ярких пятна расцвели в небесах. Они разгорались все ослепительней: в тысячу раз ярче тусклого солнца.

Потом обзор снова очистился. Освещение в ка-

юте исчезло, появилось снова, мигнуло и пропало совсем. Ожила последняя аварийная система. Тонкая сеть красноватых линий очертила контуры отсеков оборудования, воздушного шлюза, аварийной консоли. Система была неуязвима для радиации, но примитивна и низкоэнергетична. Даже видеотерминалы отключились.

— Командир, что с флагманом Пака? — спросил Винь. Четыре таких близких взрыва ужасной яркости — в углах правильного тетраэдра, заключившего жертву в клетку. Картинка, может, и пропала, но в его памяти она останется навечно. — Джимми! — Виню пришлось заорать в голову каюты. — Что с «Фамом Нювеном»? — Красное аварийное освещение пьяно колыхалось вокруг Эзра; крикнув, он чуть не лишился чувств.

Голос Дьема прозвучал отрывисто и громко:

— Я… я думаю, он п-погиб. — Взорвался, испарился: подобрать эвфемизмы было нелегко. — У меня б-больше ничего нет, но четыре бомбы… Господи, они ударили прямо в него!

Вмешались еще несколько голосов, слабее Дьемова. Винь полез обратно, пробиваясь вдоль линии аварийной системы, и тут ускорение в 0,1g исчезло. Без интеллектроники, без света — что такое эта шлюпка, как не летающий

гроб? Впервые за всю жизнь Эзр Винь испытал дезориентирующий ужас планетного жителя: невесомость могла означать, что шлюпка вышла на расчетную орбиту — или что аппаратик падает по баллистической траектории, пересекающей поверхность планеты.

Винь усилием воли унял ужас и пополз дальше. Осталась еще аварийная консоль. Можно поймать звуковую передачу. Можно воспользоваться автопилотом и долететь туда, где собрались уцелевшие силы Чжэн Хэ. Мигрень усиливалась: Эзр Винь и не думал, что голова способна так болеть. Крохотные красные огоньки аварийного освещения, казалось, тускнели. Он чувствовал, как ускользает сознание. Накатила паника и проглотила его. Он оказался бессилен.

Но за миг до того, как все вокруг растаяло, судьба смилостивилась над ним и послала воспоминание.

Триксии Бонсол на борту «Фама Нювена» не было.

8

Чуть более двухсот лет часовой механизм в глубине замерзшего озера честно тикал, расслабляя пружину за пружиной. Механизм отщелкал

последнюю пружину… и его заело, потому что на последнем спусковом крючке осела воздушная снежинка. Так бы он там и провисел до самого Нового Солнца, кабы не последовательность событий, не предусмотренная никем: на седьмой день двести девятого года серия резких подземных толчков вдруг разошлась по замерзшему морю, освободив последний спусковой крючок. Шевельнулся поршень, подавая органический ил в контейнер с замерзшим воздухом. Несколько минут ничего не происходило. Затем органическая масса тускло воссияла, температура быстро поднялась выше точки испарения кислорода и азота, а затем и двуокиси углерода. Дыхание триллиона распускающихся экзотермов расплавило лед над маленькой подледной лодкой. Начался подъем к поверхности.

Проснуться после Тьмы — совсем не то же самое, как после обычного сна. Об этом мгновении писали тысячи поэтов, а в недавние эпохи его исследованием занялись десятки тысяч ученых. Шерканер Андерхилл пережил его во второй раз (хотя первый раз, честно говоря, не стоило считать, поскольку память о нем смешивалась с расплывчатыми воспоминаниями детства о том, как он цеплялся за спину своего отца в бассейнах

Маунтройяльской Глубины).

Пробуждение после Тьмы происходит фрагментированно. Зрение, затем осязание и слух. Память, распознавание образов, мысль. Как это происходит: сперва одно, затем еще одно, и еще, и еще? Или все случается одновременно, но части личности между собой какое-то время не сообщаются? Где из частей возникает «сознание»? Эти вопросы дразнили воображение Шерканера всю жизнь, став базисом для его главного странствия… Но в те моменты фрагментированного сознания они сосуществовали с более важными вопросами: собраться вместе, вспомнить, кто он и почему здесь, а также — что нужно сделать прямо сейчас для выживания. Водительский насест заняли миллионолетние инстинкты.

Шло время, коалесцировала мысль, и Шерканер Андерхилл выглядывал во мрак через потрескавшееся окно своего вместилища. Там что-то двигалось — клубы пара? Нет, скорее, кристаллическая вуаль, вертящаяся в слабом сиянии, посреди которого они плыли.

Кто-то стучался в его правые плечи, вновь и вновь окликая по имени. Шерканер совместил воспоминания.

— Да, сержант. Я отошел… то есть пришел в

себя.

— Отлично. — Голос Аннерби был жестким. — Ты не пострадал? Вспомни тренировки.

Андерхилл прилежно подрыгал лапами. Все они болели; неплохо для начала. Средние руки, передние руки, пищевые руки.

— Не уверен, что правая средняя и передние руки в порядке. Может, слиплись.

— Ага. Наверное, еще не оттаяли.

— Как там Джил с Эмбер?

— Я с ними по другим тросам говорю. Голову ты собрал вместе последний, но у них бóльшие участки тела еще заморожены.

— Дайте мне конец троса.

Аннерби передал ему звукопроводящее устройство, и Шерканер напрямую пообщался с остальными членами отряда. Тело выдерживает значительную разницу в скорости оттаивания частей, но, если процесс не завершен, начинается отмирание. Проблема в том, что сумки с экзотермами и топливом сместились, пока лодка протапливала себе путь наверх. Шерканер расставил сумки по местам и стал пропускать через них ил и воздух. Зеленоватое сияние в тесной лодке стало ярче, Шерканер воспользовался этим преимуществом, чтобы осмотреться в поисках пробоин в дыха-

тельных трубках. Экзотермы необходимы для обогрева, но если отряду придется конкурировать с ними за кислород, в этой борьбе бойцам ничего не светит.

Прошло полчаса, тепло наконец освободило все конечности. Единственным, кого обморозило, оказался Джил Хэвен, у которого пострадали кончики средних рук. Это куда лучше, чем для большинства глубин. По аспекту Шерканера расплылась широкая улыбка. Они это сделали, *пробудили самих себя* в Глубине Тьмы.

Четверка еще некоторое время отдыхала, следя за потоком воздуха и выполняя график Шерканера по управлению экзотермами. Аннерби с Эмбердон Нижнимор просмотрели детализированный список проверочных процедур, передавая Шерканеру вызвавшие подозрение или сломанные детали снаряжения. Нижнимор, Хэвен и Аннерби — умницы, химик и пара инженеров. Но они вдобавок и профессиональные военные. Шерканера всегда восхищало, как они менялись, попадая из лаборатории на поле боя. У Аннерби особенно четко проявлялась эта «слоистая» структура личности: закаленный солдат, под этим слоем — талантливый инженер, а еще ниже — пуританин-традиционалист. Шерканер

уже семь лет был знаком с этим сержантом. Первоначальное недоверие к планам Андерхилла Аннерби преодолел давным-давно, они даже стали близкими приятелями. Но когда отряд наконец перебросили на Восточный фронт, манеры сержанта изменились. Он начал обращаться к Андерхиллу «сэр», а временами почтительность эта граничила с раздражительным нетерпением.

Шерк спрашивал об этом у Виктории. В ту последнюю их встречу, в холодной землянке под последним еще функционировавшим аэродромом Восточного фронта. Вопрос ее рассмешил.

— Ах, дорогой мой штатский салага, чего же ты ожидал? Хранк примет оперативное командование, как только отряд выдвинется на вражескую территорию. Это *ты* — штатский эксперт без военной подготовки, которого каким-то образом надо втиснуть в цепь подчинения. Он нуждается в твоем беспрекословном повиновении, а при этом — еще и живое воображение, сопряженное с гибкостью. — Она тихо рассмеялась: от остальных землянок, узких и стылых, их отделяла лишь тонкая занавеска. — Был бы ты обычным рекрутом, Аннерби с тебя бы уже дюжину раз панцирь содрал и зажарил. Бедняга так боится, что, когда счет пойдет на секунды, твой гений

вдруг сочтет необходимым отвлечься на какое-нибудь абсолютно бессмысленное занятие вроде астрономии.

— Э-э… — На самом деле Шерканер частенько размышлял, как будут выглядеть звезды без приглушающей их цвета атмосферы. — Я понимаю. И поэтому я сильно удивился, что Аннерби позволил Гринвалу включить меня в отряд.

— Ты что, шутишь? Хранк сам этого потребовал. Он знает, что с некоторыми сюрпризами способен справиться только ты. Как я уже сказала, у паучары серьезная проблема.

Нечасто кому-то удавалось смутить Шерканера Андерхилла, и вот выпал один из этих редких моментов.

— Ну ладно, я буду слушаться.

— Знаю. Я только хотела тебе намекнуть, с чем пришлось столкнуться Хранку… Считай это загадкой прикладного бихевиоризма: каким образом, черт подери, настолько чокнутый народ вообще способен будет сотрудничать и выжить там, куда не ступала еще паучья лапа?

Может, она и пошутила, но вопрос вызвал у Шерканера *неподдельный* интерес.

Несомненно, их лодка была самым удивительным судном за всю историю мира: отчасти

подледка, отчасти портативная глубина, отчасти — контейнер с илом. Теперь пятнадцатифутовый панцирь ее раскрылся, упокоившись в мелком прудике, сверкавшем зеленым и прохладно-красным. Вода кипела в вакууме, извергая газовые фонтаны, которые тут же замерзали и опадали мелкими кристалликами. Аннерби откинул люк, отряд построился цепочкой, передавая друг другу на поверхность амуницию и баки с экзотермами, пока предметы, которые им предстояло нести, не оказались навалены рядом с лужей.

Они соединились звуковыми тросами, от Андерхилла к Аннерби, от него к Хэвену и Нижнимор. Шерканер до последнего момента рассчитывал на портативные рации, но это оборудование было слишком громоздко, да и не знал никто, как оно поведет себя в таких жестких условиях. Поэтому каждый мог общаться только с соседом. Впрочем, страховка все равно бы понадобилась, поэтому тросы дополнительного неудобства не вносили.

Шерканер повел отряд к берегу озера, за ним шел Аннерби, а Нижнимор с Хэвеном тащили сани. Стоило отойти от подледной лодки, как вокруг сомкнулась тьма. Все еще посверкивали теплокрасные огоньки там, куда на землю раз-

брызгалась экзотермовая слизь, да и подледка сожгла тонны горючего, выплавляя путь к поверхности. Дальнейшая часть миссии зависела от энергии экзотермов, сумки с которыми придется тащить на себе, и того топлива, что сумеют они найти под снегом.

Более всего остального помогли осуществить прогулку во Тьме эти экзотермы. До изобретения микроскопа «великие мыслители» утверждали, что высших животных от остальных форм жизни отличает способность индивидов выживать в Великой Тьме. Растения и мелкие животные погибали; выживали только их закукленные яйца. Ныне было известно, что многие одноклеточные переносят заморозку без проблем и без всякого ухода на глубину. Еще более странное открытие сделали биологи Королевской школы в то время, когда Шерканер был там дипломником: они установили, что некоторые формы низших бактерий обитают в вулканах и сохраняют активность даже на время Тьмы. Шерканера эти микроскопические создания просто очаровали. Профессура считала, что они должны впадать в анабиоз или давать споры в периоды, когда вулкан неактивен, но Шерканер задумался, а не могут ли существовать разновидности вулканических бактерий,

которые живут за счет собственного выделяемого тепла. В конце концов, даже во Тьме кислорода полно, а в большинстве мест под снегом имеется органическая прослойка. Если существует катализатор окисления при сверхнизких температурах, может, маленькие микробы с его помощью «сжигают» растительность в перерывах между вулканическими извержениями. Такие бактерии лучше всех приспособлены к жизни во Тьме.

В ретроспективе стало очевидно, что этим открытием Шерканер был обязан собственному невежеству. Две жизненные стратегии требовали радикально отличавшихся химизмов. Эффект внешнего окисления очень слаб, а в теплой среде он не работает. Во многих ситуациях это подводило мелких тварей; два механизма генерировали продукты, зачастую ядовитые для носителей других. Во Тьме микроорганизмы получали некоторое незначительное преимущество, оказываясь рядом с точкой вулканической активности. И никто бы их не заметил, если бы Шерканер не искал специально. Он превратил университетскую лабораторию в замерзшее болото и был (временно) исключен с курса, но добился своего. Вот они, экзотермы.

После семи лет селекции в отделе материаловедения бактерии обзавелись чистым высокоскоростным окислительным метаболизмом. И поэтому, когда Шерканер капнул экзотермовой слизи в воздушный сугроб, оттуда вырвался клуб пара, а следом возгорелось неяркое сияние, угасавшее по мере того, как единственная капля остывала и углублялась в снег. Пройдет секунда, и если смотреть очень внимательно (но экзотермам в капле сперва должно повезти), увидишь тусклый свет *из-под* снега, распространяющийся по поверхности какой-нибудь замороженной органики.

Сейчас более яркое сияние уходило влево. Воздушный снег шевелился и трескался, оттуда поднимался какой-то пар. Шерканер дернул трос, уводя Аннерби и отряд к более богатому топливом участку. Как бы остроумна ни была его идея, а использование экзотермов оставалось своего рода искусством добывания огня. Снег повсюду, но горючие материалы сокрыты под ним. Лишь работа триллионов микроорганизмов позволяла находить и использовать это топливо. Какое-то время даже в отделе материаловедения испугались своего открытия. Как и рогожковые водоросли Южных отмелей, эти крохотные

создания в известной мере общественны. Они двигались и воспроизводились стремительно, как и любая рогожка на отмелях. Что, если прогулка подожжет весь мир? В действительности высокоскоростной метаболизм был для бактерий самоубийственным. У Андерхилла и его отряда оставалось от силы часов пятнадцать, пока все экзотермы не погибнут.

Вскоре после того, как отряд покинул берег озера, они оказались на равнине; в Годы Увядания тут, вероятно, размещалась командирская лужайка для игры в боулинг. Тут топлива было вдоволь; в одном месте экзотермы угодили на подснежную кучу остатков дерева траум. Куча разгоралась все сильнее и теплее, пока из-под снега не полыхнуло ярко-изумрудное пламя. На несколько мгновений поле и постройки за ним стали отчетливо видимы. Затем зеленый свет померк, и осталось лишь теплокрасное свечение.

Они отошли от подледки, наверное, ярдов на сто. Если препятствий не встретится, впереди еще более четырех тысяч ярдов пути. Отряд втянулся в болезненную рутину: пройти несколько десятков ярдов, остановиться, разбрызгать экзотермовую слизь. Пока Нижнимор с Хэвеном отдыхали, Аннерби и Андерхилл смотрели, где экзотермам

попадается больше всего топлива. На этих местах они пополняли все рюкзаки с илом. Иногда топлива оказывалось слишком мало (в этих местах под снегом тянулась цементная полоса), и приходилось загружать только снег. Он им тоже был нужен — для дыхания. Но без топлива для экзотермов холод быстро становился цепенящим, распространяясь от скафандровых сочленений и подошв. Успех зависел от способности Шерканера удачно предугадать местоположение следующего богатого топливом участка.

Вообще-то, Шерканер находил его достаточно легко. Он сориентировался при свете горящего дерева и по формам снежных заносов теперь без труда определял, где залегает растительность. Все шло хорошо; он не замерзал снова. Боль в кончиках рук и ног была резкой, каждое кольцевое сочленение пылало огнем, мучили боли от давления, холода и потертости от скафандра. Интересная проблема эта боль. Такая полезная штука и такая надоедливая. Даже закаленные пауки типа Хранкнера не в состоянии полностью ее игнорировать; он слышал по тросу шумное дыхание Аннерби.

Остановиться, перезарядить рюкзаки, заправить воздушные баки, и вперед. Снова и снова.

Обморожения Джила Хэвена стали сильнее. Они остановились, попробовали поправить паучаре скафандр. Аннерби поменялся местами с Хэвеном и взялся помогать Нижнимор с санями.

— Никаких проблем, — сказал Джил, — это всего лишь средние руки.

Но дышал он с трудом, тяжелее Аннерби.

И все же они продвигались во Тьме куда лучше, чем рассчитывал Шерк. Шли во Мраке, но вскоре движения сделались автоматическими. Остались только боль… и восторг. Шерканер выглядывал в крохотные смотровые стекла шлема. За туманом и сиянием экзотермов… пологие холмы. Мрак тут не кромешный. Иногда, склонив голову под нужным углом, он ловил отблеск красноватого диска низко в западном небе. Он видел солнце Глубочайшей Тьмы.

А еще через крохотные иллюминаторы Шерканер различал звезды. Наконец-то. Пауки первые заглянули в самую глубокую Тьму. Мир, о котором спорили, отрицая его существование, древние философы: как может нечто *существовать*, не будучи в принципе наблюдаемо? Но вот оно, они его видят. Оно, это состояние, существовало и прежде, веками в холоде и неподвижности… под звездами. Звезды везде. Даже сквозь толстое

смотровое стеклышко, пользуясь лишь верхними глазами, он видел, что цвета их совершенно необычны. Если бы сейчас остановиться и подстроить нужный угол зрения, что еще он увидел бы всеми глазами? Теоретики, как правило, считали, что полярного сияния во Тьме не бывает, потому что не хватает его солнечного света, чтобы его разжечь; некоторые, однако, полагали, что источником энергии полярного сияния каким-то образом выступают сохраняющие активность вулканы. Может, значит, появиться и другой свет, кроме звездного…

Рывок троса вернул его к действительности.

— Шевелись, шевелись. — Джил сорвался на хрип. Несомненно, он передавал слова Аннерби. Андерхилл начал было извиняться, потом сообразил, что остановилась-то Эмбердон Нижнимор, тащившая сани позади.

— Что там? — спросил Шерканер.

— Эмбер видела… свет на востоке… Двигайся дальше.

Свет. Справа. По эту сторону стекло шлема запотело. Он смутно различал близкие холмы. Операция проходила в четырех милях от побережья. С этого гребня была бы ясно различима линия горизонта. Либо свет очень близок, либо

очень далек. Да! Вот он, бледный свет, распространяющийся в стороны и вверх. Полярное сияние? Шерканер подавил всплеск любопытства и продолжил переставлять ноги одну за другой. Но, Господь Глубин, как ему сейчас хочется забраться на этот гребень и посмотреть на замерзшее море!

Шерканер до следующего привала на перезарядку рюкзаков изображал из себя дисциплинированного солдата. Он заправлял в рюкзаки Хэвена сияющую смесь экзотермов, топлива и воздушного снега, когда случилось *это*. В западном небе взметнулись пять крохотных огоньков, оставляя по себе светящиеся следы, как замедленные молнии. Один угас, но остальные сошлись вместе, и тут свет *заполыхал* — так ярко, что верх зрительного поля Андерхиллу помутило болью. Но остальными сторонами он все еще видел. Яркость нарастала и нарастала, свет был уже тысячекратно ярче полинявшего солнечного диска. Резко заплясали вокруг тени. Четыре огня продолжали разгораться, пока Шерканер не почувствовал, как тепло их проникает сквозь скафандр, прикрывавший ему панцирь. Воздушный снег по всему полю взметнулся белым сверкающим вихрем. Тепло еще минуту нарастало, почти

ошпаривая, а потом ослабло, оставляя в спине теплое ощущение, какое бывает, когда войдешь в тень солнечным летним днем Срединных Лет.

Вокруг кружились снежные вихри, создавая первый с момента выхода из подледной лодки ощутимый ветер. Стало очень холодно, вихри высасывали тепло из скафандров; лишь сапоги были рассчитаны на погружение в снег. Свет померк, воздух и вода снова кристаллизовались и выпадали обратно на землю. Андерхилл отважился сфокусировать верхние глаза: яркие световые точки расплывались в сияющие диски, угасая, пока он смотрел. Там, где они перекрывались, возникала складчатая рябь, как в полярном сиянии; значит, они близки в пространстве, как и по углу наблюдения. Четыре тесно сомкнутых диска — углы правильного тетраэдра? Так красиво… Но каково же расстояние до них? Это что, вроде шаровой молнии всего в нескольких сотнях ярдов над полем?

Еще через пару минут они угаснут почти полностью. Но возникали другие источники света, яркие вспышки вдоль восточного гребня. На западе же несколько светящихся точек все быстрее поднимались к зениту. За ними тянулась сверкающая вуаль.

Четверка оцепенела. На миг сержантская строгость слетела с Аннерби, сменившись неприкрытым изумлением. Он тяжело отступил от саней и положил руку на спину Шерканеру. Связь была скверная, но тот услышал:

— Шерканер, что это?

— Не знаю. — Он чувствовал, что рука Аннерби трясется. — Но когда-нибудь мы это поймем… Давайте дальше, сержант.

Как заводные куклы вдруг начинают движение, так члены отряда вернулись к заправке рюкзаков и продолжили путь. Наверху творилось красочное представление, и хотя ничего подобного четверке палящих солнц больше не возникло, цвета были прекрасней и насыщенней, чем в любом северном сиянии. Две движущиеся звезды все быстрее и быстрее неслись по небу. Призрачные шторы их шлейфов раскинулись аж до западного горизонта. Теперь высоко в небе на востоке они сверкали яркими цветами накала, как миниатюрные подобия первых пылающих огней. Тускнея и разлетаясь, они посылали вниз светящиеся лапы, которые вспыхивали ярче прежнего там, где сталкивались с более ранними вуалями света.

Самые впечатляющие минуты миновали,

но медленное призрачное световое движение продолжалось. Если эта штука в сотнях миль наверху, как положено настоящему полярному сиянию, у нее колоссальный источник энергии. Если же она прямо у них над головами, то, может быть, они наблюдают глубинно-мрачный аналог летних молний. В любом случае зрелище стоило того, чтобы рискнуть ради него жизнями в этом приключении.

Тут они достигли гарнизонного городка тиферов. Удивительное полярное сияние еще было видно, когда отряд стал спускаться по входному пандусу.

Насчет целей особых споров никогда не возникало. Их изначально и предложил Андерхилл, их озвучила Виктория Смит в тот первый день по приезде в Ставку. Если каким-то образом получится пробудить себя в Глубочайшей Тьме, четверо солдат с некоторым количеством взрывчатки на многое способны: повредить склады горючего, мелкие глубины рядовых, может, даже тиферский Генштаб. Но эти цели не окупили бы колоссальных вложений, затребованных Андерхиллом.

Имелась, однако, очевидная возможность удушить противника насмерть. Как в начале Тьмы

современная армия получает преимущество, если способна дольше бодрствовать, маневрируя, когда враг уже спит, так и при Новом Солнце та армия, которая первой проснется и выступит в поле, одержит победу с убедительным преимуществом.

Обе стороны заготовили крупные запасы амуниции и провианта для этого момента, но стратегия Нового Солнца радикально отличалась от стратегий Лет Увядания и начала Тьмы. Насколько могла судить современная наука, Новое Солнце в первые дни, возможно часы, достигает сумасшедшей яркости. На несколько дней оно становится всепожирающим чудовищем, более чем стократно ярче себя самого в пору Срединной Яркости и Увядания. Именно эта взрывоподобная вспышка, а не лютый холод Тьмы разрушала почти все, кроме самых прочных, постройки предыдущего поколения.

Пандус вел в передовое депо тиферов. Вдоль фронта расположились подобные ему, но именно отсюда должно было идти снабжение стартового маневра. Без него лучшим тиферским войскам придется выйти из боя. Передовые силы тиферов в точке наступления войск Короны окажутся без поддержки. Ставка рассчитывала, что гибель

депо приведет к миру на приемлемых условиях или даже череде легких побед королевской рати. Для всего этого может хватить четверки солдат и точно рассчитанного акта вандализма.

…Если четверка не замерзнет насмерть, спускаясь по пандусу. Ступени замело воздушным снегом, кое-где между флагами виднелись остатки кустов, но это и всё. Теперь при каждой остановке приходилось передавать вперед рюкзаки и контейнеры с илом из саней, в которые впряглись Нижнимор с Аннерби. Тьма плотно сомкнулась вокруг, разгоняемая лишь случайным блеском пролитой экзотермовой жижи. Разведка полагала, что пандус менее двухсот ярдов в длину…

Впереди замаячил овал света. Конец туннеля. Отряд сполз с пандуса на поле, некогда открытое, а теперь заслоненное от света серебристыми маскировочными экранами. Лес палаточных шестов вздымался повсюду вокруг. Кое-где экраны прорвало под тяжестью снега, но в основном они уцелели. В полумраке можно было различить очертания паровых локомотивов, рельсоукладчиков, пулеметных вагонов и бронеавтомобилей. Даже при таком тусклом освещении сквозь снег поблескивала серебристая краска. Когда вспыхнет Новое Солнце, техника будет в пол-

ной готовности. Когда растает и испарится лед, а бурные потоки стекут по паутине каналов, оплетшей поле, тиферские бойцы выйдут из ближайших глубин и ринутся на защиту своей техники. Воду отведут в водяные баки, включатся охладительные фонтаны. Несколько часов пройдет в лихорадочной проверке снаряжения и машинерии, еще несколько — в торопливом ремонте того, что вышло из строя за два века Тьмы и часы нового жара. А потом тиферы выступят по рельсовому пути, который, по мнению их командования, вел к победе. Кульминация научных исследований поколений специалистов по Тьме и Новому Солнцу. Разведка считала, что противник продвинулся в этой области намного дальше, чем собственная наука Короны.

Хранкнер подтянул их вплотную, чтобы все могли слышать.

— Готов побиться об заклад, они примерно за час до Первого Света выставят сюда охрану, но сейчас тут хозяйничаем мы… Ладно, заправляем рюкзаки полностью и расходимся, как планом предусмотрено. Джил, ты готов?

Джил Хэвен спускался, точно алкаш с переломанными конечностями. Шерканеру показалось, что повреждение скафандра Джила задело и его

ходовые ноги. Но при словах Аннерби он выпрямился, ответив почти нормальным голосом:

— Сержант, я не для того сюда всю дорогу тащился, чтобы сидеть сложа руки и смотреть, как вы плетете. Свою часть работы я сделаю.

Началась главная фаза миссии. Они отсоединили звуковые тросы, каждый взял свою долю взрывчатки и черного порошкового красителя. Они достаточно в этом натренировались. Если быстро пробежаться между всеми назначенными точками туда-обратно, если не переломают ноги в дренажных ямах, если карты, заученные назубок, достаточно точны, то, возможно, повезет выполнить работу в срок и не замерзнуть при этом. Бойцы разбежались в четыре стороны. Взрывчатка под солнечными заслонками была немногим сильней ручных гранат. Безмолвные вспышки, и критически важные участки шатра просели. Тут же пошли в ход краскометы, абсолютно непримечательного вида, но вполне эффективные, как и предсказывали в отделе материаловедения. По всей длине и ширине передовое депо тиферов покрылось пятнами черной краски в ожидании поцелуя Нового Солнца.

Тремя часами позже они оказались почти в миле к северу от депо. Аннерби понукал их всю

дорогу оттуда, заставляя выполнить последнюю, необязательную часть задачи: выжить.

Они ее почти выполнили. Почти. Джил Хэвен словно обезумел, когда они покидали депо. Попытался отбиться от группы.

— Надо найти место, где бы нам закопаться. — Он повторял эти слова раз за разом, вырываясь из хватки Нижнимор с Аннерби, которые оттаскивали его обратно по тросу, возвращая на место в цепи.

— Джил, мы этим сейчас и занимаемся. Давай-давай. — Аннерби отцепил от себя Хэвена, перепристегнул его к Эмбер, и на миг так получилось, что Хранкнер с Шерком слышали только друг друга.

— У него отваги больше, чем прежде, — сказал Шерканер. Хэвен бодро прыгал рядом, точно на ходулях.

— Не думаю, что он еще чувствует боль, — негромко, но четко отвечал Хранк. — Меня не это беспокоит. Я думаю, он в глубинную тягу соскальзывает.

Сошествие во Тьму. Безумная паника, которая охватывает пауков, когда сердцевина их сознания понимает, что обладатель тела застрял снаружи. Верх берет животная составляющая, вынуждая

жертву без оглядки искать место, пригодное для глубины, любое место, наудачу.

— Черт подери.

Это слово прозвучало приглушенно: Аннерби прервал связь и попробовал выстроить всех в ровную цепочку. Их отделяли от возможного убежища считаные часы. И все же… вид Джила Хэвена, который брыкался и боролся, пробуждал в каждом животные рефлексы. Инстинкт — чудесная штука, но если сейчас дать ему волю, он их всех погубит.

Через два часа они еле добрались до холмов. Джил дважды вырывался, с каждым разом все отчаянней, и убегал к обманчиво многообещающим обрывам вдоль дороги. Каждый раз Эмбер подтягивала его обратно и пыталась урезонить. Но Джил больше не понимал, кто он, и, отбрыкиваясь, порвал скафандр в нескольких местах. Его тело частично замерзло и окоченело.

Конец настал, когда они покоряли первый трудный подъем. Сани пришлось бросить; остаток пути следовало пройти на воздухе и экзотермах из походных рюкзаков. На третий раз Джилу удалось оборвать трос. Он побежал в сторону странной шатающейся прискачкой. Нижнимор ринулась за ним. Эмбер была крупного тело-

сложения и до сих пор без труда управлялась с Джилом Хэвеном. Но сейчас вышло иначе. Джила окончательно утянуло в глубинную тягу. Она попыталась оттащить его обратно, Джил обернулся и резко ткнул ее кончиками рук. Эмбер отшатнулась и выпустила его. Хранк и Шерканер подоспели, но с опозданием. Хэвен, суча лапами, кинулся с тропы в глубокую тень оврага.

Трое выживших на миг замерли в оцепенении; потом Эмбер полезла через край склона, нащупывая под снегом опору для ног. Аннерби с Андерхиллом схватили ее и потащили на тропу.

— Нет, пустите! Если замерзнет, у него будет шанс ожить. Надо его с собой унести.

Андерхилл перегнулся через край обрыва и посмотрел вниз долгим взглядом. Джил упал на голые скалы. Тело его не двигалось. Если он еще жив, то от обезвоживания и обморожения точно умрет, даже успей они вытянуть его обратно.

Хранкнер, должно быть, тоже его увидел.

— Он погиб, Эмбер, — сказал он тихо. Затем повысил тон до сержантского рыка: — А наша миссия продолжается!

Помедлив, Эмбер выкрутила свободные руки и стала подниматься. Шерк не услышал от нее

ни слова. Вскарабкавшись назад на тропу, она помогла пристегнуть страховку и звуковой трос.

Трое продолжали подъем. Теперь — быстрее.

Когда добрались до цели, оставалось всего несколько кварт живых экзотермов. До Тьмы на этих холмах рос пышный лес деревьев траум, они были частью поместья какого-то тиферского нобля, заказником дичи. За ними была трещина в скалах, вход в естественную глубину. В любой дикой местности, где водятся крупные звери, они подыскивают себе глубины. В населенных местах такие глубины обычно занимают и расширяют под убежища, а иногда они остаются заброшенными за ненадобностью. Шерканер понятия не имел, каким образом Аккорд-разведке стало известно об этой глубине, разве что среди тиферов имения имелись агенты Аккорда. Но подготовленным безопасным укрытием она никак не выглядела: обычная глубина диких животных в глуши, совсем как на Дальнем Брунларго.

В группе опыт настоящей охоты был только у Нижнимор. Они с Аннерби прорезали дорогу меж барьерами из плевкошелка и спустились до самого низа. Шерканер повис над ними, освещая путь и подогревая пещерку.

— Вижу пять бассейнов… два взрослых таранта.

Чуть больше света, пожалуйста.

Шерканер спустился еще ниже, перенеся большую часть своего веса на плевкошелковую паутину. Источник света в его нижних руках теперь озарял дно пещерки. Он увидел два названных товарищами бассейна. Воздушного снежка тут почти не было. Лед выдает, что бассейн предназначался для гибернации — в нем совсем нет пузырьков воздуха. Подо льдом застыла какая-то тварь, замерзшие глаза поблескивают на свету. Господи, вот ведь громадина! Тем не менее это наверняка самец; вон дюжины детских рубцов.

— В других бассейнах еда. Свежая добыча, как ты и предсказывал.

На первом году Нового Солнца пара тарантов остается в глубине, высасывая жизненные соки из запасенной добычи, пока дети вырастают до размеров, когда уже можно учить их охотиться… после того, как утихнут бури и погаснут пожары. Таранты вели исключительно хищный образ жизни, а интеллектом и близко с трактами не могли равняться, но очень походили на настоящих пауков. Убить их и присвоить добычу — необходимость, но казалась она не охотой, а резней в глубине.

Работа отняла еще час и почти весь остаток

экзотермов. Потом они напоследок поднялись на поверхность, чтобы по возможности затянуть прорехи в плевкошелковом барьере. У Андерхилла онемели несколько плечевых сочленений, да и кончиков левых рук он совсем не чувствовал. Скафандры за последние несколько часов многое пережили, покрылись проколами и заплатами. У Эмбер от контакта с экзотермами и воздушным снегом сгорело несколько запястных сочленений скафандра. Пришлось дать этим конечностям замерзнуть. Скорее всего, некоторые руки бедняжка потеряет.

Но они все же постояли снаружи еще минутку.

— Можем торжествовать, — сказала Эмбер наконец, — не так ли?

Аннерби ответил сильным, уверенным голосом:

— Да. И ты знаешь, что Джил со мной, черт побери, первым бы согласился.

Они сомкнулись в скорбном лапохлопке, на миг почти безошибочно воссоздав скульптурную группу «Гокна слагает Аккорд». Даже Утраченный Друг был.

Эмбердон Нижнимор вернулась в расщелину. Зеленоватый, чуть искрящийся туман вырвался из паутины при этом ее движении; внизу она

добавит в бассейны остатки экзотермов. Вода превратится в холодную слякоть, но там можно будет укрыться. И, если распахнуть скафандры на полную, при известном везении — равномерно замерзнуть. Против последней большой опасности средств у них не было.

— Посмотри напоследок, Шерканер. Дело рук твоих!

В голосе Аннерби больше не звучала непоколебимая уверенность. Эмбер Нижнимор была солдатом, и при ней сержант Аннерби, как мог, выполнял свой долг. Теперь, словно бы выйдя из боевого режима, он казался таким измученным, что с трудом держал брюхо над снегом.

Андерхилл выглянул наружу. Они стояли на высоте пары сотен футов над тиферским депо. Полярное сияние угасало; движущиеся световые точки, небесные вспышки — все это уже давно исчезло. В тусклом свете звезд депо отбрасывало на серую равнину черную тень. Только это была не тень, а порошкообразный краситель, который они распылили по всей территории.

— Такая малость, — сказал Аннерби. — Всего-навсего пара сотен фунтов черной краски. Ты уверен, что это сработает?

— О, конечно. В первые несколько часов Но-

вого Солнца тут будет ад кромешный. Черный порошок нагреет всю технику так, что за любые конструкторские допуски зашкалит. Ты же знаешь, что происходит при такой вспышке.

Собственно говоря, сержант Аннерби и сам руководил такими испытаниями. Сотню раз Срединная Яркость озаряла присыпанный черным порошком металл, и спустя считаные минуты металлические детали приваривались одна к другой: оси ко втулкам, поршни к цилиндрам, колеса к рельсам. Вражеские войска будут вынуждены отступить под землю, а самое важное для них в стратегическом отношении депо погибнет полностью.

— Шерканер, такой трюк можно было использовать в первый и последний раз. Несколько барьеров, пара мин — и мы покойники.

— Ну да. Но изменится много чего еще. Это последняя Тьма, когда спит паучество. В следующий раз нас будет больше, чем четверо паучар в воздушных скафандрах. Вся цивилизация останется бодрствовать. Мы колонизируем Тьму, Хранкнер.

Аннерби с видимым недоверием рассмеялся. Жестом позвал Андерхилла в расщелину и глубину под ней. Как бы ни устал сержант, он спустится

последним, установив окончательный барьер.

Шерканер бросил последний взгляд на серую равнину и полог невероятного полярного сияния высоко в небесах.

Высоко и глубоко, мир познать нам нелегко.

9

Детство Эзра Виня получилось, в общем-то, спокойным и безопасным. Лишь однажды за всю жизнь он угодил в настоящую передрягу, и то по преступной дурости.

Даже по меркам Чжэн Хэ семья Винь.23 считалась очень многочисленной. Некоторые ветви Семейства уже несколько тысяч лет не пожимали друг другу рук. Винь.23.4 и Винь.23.4.1 большую часть этого времени провели в путешествиях, облетев половину Людского Космоса, сколотив состояния, развив собственные моральные кодексы. Вероятно, лучше им было бы не уповать так сильно на постоянную синхронизацию, но счастливый случай свел все три ветви в одно и то же время на Старом Челе. Там они несколько лет провели, сооружая времянки, у более оседлых цивилизаций достойные именоваться хабитатами дворцового класса, и осторожно приглядываясь друг к другу в попытке понять,

что за это время осталось от общей основы. Ветвь Винь.23.4.1 управлялась на принципах консенсусной демархии. На торговых отношениях это не сказывалось, но тетю Филипу выводило из себя. «Никто не вправе лишать меня моих же прав собственности голосованием», — как-то бросила она в присутствии малыша Эзра. Винь.23.4 с виду была куда ближе знакомым ветвям родителей Эзра, хотя их диалект незейского с трудом поддавался расшифровке. Семья 23.4 не утруждала себя поддержанием в исправном виде станций стандартного широкополосного вещания. Но стандарты имели даже большее значение, чем черные списки. На пикнике детские скафандры проверяли люди, а потом перепроверяла автоматика, однако никто не задумался, что для твоих кузенов «атмосфер-секунда» может измеряться другой величиной. Эзр вскарабкался на маленькую скалу, крутившуюся вокруг выбранного для пикника астероида; его очаровало смещение крошечной планетки по воле его рук или ног. Но когда воздух кончился, его товарищи по игре уже отыскали себе новые миры в каменном облаке. Служба безопасности пикника поначалу игнорировала призывы его скафандра о помощи, и ребенок едва не задохнулся.

Эзр помнил лишь, как проснулся в новой, специально сконструированной детской и как много следующих килосекунд ему оказывалось поистине королевское обхождение.

Поэтому Эзр Винь всегда выходил из гибернации счастливым. Испытывал привычные дезориентацию, физический дискомфорт, но воспоминания детства твердили ему, что все будет в порядке.

Поначалу ему показалось, что и на сей раз все так же, разве что мягче. Он лежал в теплой кровати, почти в невесомости. У него осталось впечатление обширного пространства под высоким потолком. На стене за кроватью имелась фреска такой искусной работы, что могла бы сойти за фотографию. «Триксия терпеть не могла эти картины». Мысль потянула за собой контексты пробуждения. Триксия. Трехземье. Миссия к В(ы)ключенной звезде. И это он ведь не в первый раз здесь просыпается. Потом… все пошло наперекосяк, они попали в засаду авральников. Как им удалось отразить атаку и победить? А последние воспоминания перед этим забытьем — куда делись? «Я падаю во тьму на исковерканной шлюпке. Флагман Пака уничтожен. Триксия…»

— Полагаю, вахтмастер, он пришел в себя, —

произнесла какая-то женщина.

Почти невольно он повернул голову на голос. У его постели сидела Анне Рейнольт, а рядом с ней — Томас Нау.

— О, интерн Винь, я рад видеть вас среди живых. — Улыбка Нау была грустной и искренней.

Эзр со второй попытки каркнул:

— Чхт… Что происходит? Где я?

— Вы в моей личной резиденции. Прошло приблизительно восемь дней с тех пор, как ваш Флот попытался уничтожить нас.

— Э? — «Мы атаковали вас?»

Нау задумчиво склонил голову, видя неуверенность Виня.

— Я хотел быть здесь, когда вы придете в себя, чтобы побеседовать. Директор Рейнольт посвятит вас в детали, но моя поддержка вам гарантирована. Я назначаю вас флот-менеджером останков экспедиции Чжэн Хэ. — Он встал, тепло потрепал Виня по плечу и вышел. Винь проводил авральника взглядом. Флот-менеджером?

Рейнольт принесла Виню планшет, открывший ему больше фактов, чем Винь был в состоянии переварить. Не может все это оказаться враньем!.. Четырнадцать сотен человек из экипажа Чжэн Хэ погибли: почти половина личного со-

става Флота. Четыре из семи кораблей Чжэн Хэ уничтожены. Ионные прямоточные двигатели оставшихся повреждены. Большая часть летательных аппаратов поменьше либо уничтожена, либо серьезно повреждена. Люди Нау расчищали космос в округе от орбитального мусора. Они всерьез намеревались продолжать «совместную операцию». Летучие вещества и руды, поднятые с Арахны, способны поддерживать жизнедеятельность баз, которые авральники сооружали в первой точке Лагранжа системы «звезда — планета».

Ему показали списки погибших. «Фам Нювен» уничтожен со всей командой. Капитан Пак и несколько членов Торгового комитета были на борту. Большая часть команд уцелевших кораблей выжила, но старшие офицеры находятся в гибернаторах.

Убийственная головная боль последних мгновений в шлюпке больше не возвращалась. Эзра вылечили от «случайной инфекции», так сказала Рейнольт. Но лишь болезнь, созданная искусственно, могла обрушиться на них с таким точным расчетом, в столь удобное для врага время. Авральники лгали, просто чтобы соблюсти приличия. Они планировали атаку изначально и

продумали ее до последней секунды.

По крайней мере, Анне Рейнольт не улыбалась, когда вешала ему лапшу на уши. Она вообще очень редко улыбалась. Рейнольт, директор по персоналу. Как странно, что даже Триксию не насторожил этот титул. Сперва Эзр подумал, что Рейнольт борется со стыдом: она избегала смотреть ему прямо в глаза. Но постепенно он сообразил, что ей это просто не интересно: с таким же успехом переборку можно разглядывать. Как человек он для нее не существовал, и на мертвых ей было откровенно начхать.

Эзр тихо листал отчеты. Он не хмыкнул и не расплакался, узнав, что Сума Дотрана больше нет. «Триксия отсутствует в списке погибших». Наконец он дошел до перечня тех, кто остался в живых, бодрствовал и был распределен по тем или иным локациям. Почти триста человек на базе Чжэн Хэ, которую тоже переместили в первую точку Лагранжа. Эзр пробегал взглядом по списку и вспоминал: в основном молодые люди, ни трехземельцев, ни ученых. Триксии Бонсол тут тоже не оказалось. Он перелистнул страницу. Еще один список. Триксия! Ее имя было тут, и ее даже приписали к «Департаменту лингвистических исследований».

Эзр поднял глаза от планшета и постарался спросить самым обычным тоном:

— А что, э-мм, означает символ, которым отмечены некоторые имена?

«И под именем Триксии он тоже есть».

— Они сфокусированы.

— А что это значит? — спросил он с прорвавшейся помимо воли тревогой.

— Всё еще на интенсивном лечении. Не всем повезло оправиться так быстро, как вам. — Она посмотрела на него в ответ жестким, равнодушным взглядом.

На следующий день снова пришел Нау.

— Время ввести вас в курс ваших должностных обязанностей, — сказал он.

Они направились по длинному прямому коридору — шлюзовому каналу. На этом хабитате было не до банкетов. Ощущалось легчайшее касание силы тяжести, словно базу разместили на небольшом астероиде. По ту сторону шлюза их ждала шлюпка, крупней любых аналогов Флота Чжэн Хэ. Роскошная, но в примитивном барочном смысле. Низкие столики, всесторонний бар. Широкие окна естественного обзора. Нау на миг подвел его туда — выглянуть наружу.

Шлюпка поднималась через строительные

леса растущего хабитата. База выглядела незаконченной, но уже превзошла размерами времянку Чжэн Хэ. Они поднялись над лесами, и на закруглявшемся диске внизу проявилось нагромождение серых левиафанов. Алмазные горы, стянутые вместе. Что странно, блоки эти были гладкими, лишенными кратеров, но и тусклыми, как обычные астероиды. Там и сям проглядывали лучики солнечного света: в этих местах поверхностный слой графита был содран, и сверкали радуги. Меж двух гор он увидел бледные снежники, массивные отвалы свежепривезенного из океанов и морей Арахны льда и камня. Шлюпка еще набрала высоту. За отрогом скал показались контуры звездолетов. Длинней шестисот метров, а в сравнении со скалами — карлики. Крепко сцеплены друг с другом, как обломки на верфях для утилизации. Эзр быстро прикидывал последствия катастрофы, делая допуски на то, что не видел своими глазами.

— Вы все сюда перетащили, в первую точку Лагранжа? Вы впрямь намереваетесь придерживаться стратегии тайного наблюдения?

Нау с достоинством кивнул:

— Боюсь, что иного выхода нет. Лучше быть с вами откровенным. Наше сражение всех загнало

на край пропасти. У нас хватит ресурсов вернуться домой, но — с пустыми руками. Вместо этого можно наладить сотрудничество… ну, отсюда, из первой точки Лагранжа, можем наблюдать за пауками. Если эта раса и вправду начинает Информационный век, воспользуемся их услугами для ремонта. В любом случае задача экспедиции будет в основном выполнена.

Хм. Долгий шпионаж в ожидании, пока клиенты созреют. В некоторых случаях и Чжэн Хэ прибегала к такой стратегии. Порою она даже срабатывала.

— Это трудная задача.

За спиной Эзра прокомментировали:

— Для вас — вероятно. Но авральники живут неплохо, малыш. Лучше бы тебе это на носу зарубить.

Винь узнал голос: этот человек ныл про атаку Чжэн Хэ даже после начала резни. Ритсер Брюгель. Эзр развернулся. Крупный блондин ухмылялся ему. Деликатности тут места не было.

— И мы намерены победить. Паукам тоже стоит зарубить это на носу.

Не так давно Эзр сидел за одним столом с этим человеком и слушал, как Ритсер учит жизни Фама Тринли. Блондин показался ему грубияном и

выскочкой, но тогда это не имело значения. Винь обвел взглядом завешанные коврами стены, вернулся к Анне Рейнольт. Та внимательно прислушивалась к разговору. Физически они с Брюгелем могли быть родными братом и сестрой: в светлой шевелюре парня даже рыжинка проступала. Но этим сходство и исчерпывалось. Как ни гнусен Брюгель, его эмоции — открытая книга. А вот Анне Рейнольт из всех эмоций, по впечатлениям Виня, было знакомо лишь нетерпение. За разговором она следила с видом садовницы, в чьем саду завелись ненужные мошки.

— Но ты не беспокойся, мальчик-коробейник. Твое жильишко в полной безопасности. — Брюгель ткнул рукой в переднее окно. Там сверкнула зеленоватая искорка чуть заметных дискообразных очертаний. Времянка Чжэн Хэ. — Мы его припарковали на восьмидневной орбите основной свалки.

Томас Нау вежливо поднял руку, словно прося слова. Брюгель заткнулся.

— У нас мало времени, господин Винь. Я знаю, что Анне Рейнольт дала вам сводки, но желаю убедиться, что вам понятны новые обязанности. — Он потыкал в манжету — изображение времянки Чжэн Хэ выросло в размерах. Винь

сглотнул слюну. Забавно: стандартная полевая база, от силы сто метров длиной. Глаза его обежали бугорчатый, словно стежками прошитый хабитат. Он там прожил менее двух мегасекунд, тысячу раз прокляв спартанские условия. Но теперь это все, что он может именовать домом. Там внутри многие из выживших друзей Эзра. Времянка так уязвима… Но все ячейки выглядели полностью надутыми, заплат не заметно. Капитан Пак разместил эту времянку поодаль от основной группы кораблей, и Нау ее не тронул.

— Ваша новая важная должность. Как мой флот-менеджер, вы получите обязанности, сравнимые с обязанностями погибшего капитана Пака. Вам будет предоставлена моя постоянная поддержка; я позабочусь, чтоб и мои люди это уразумели. — Он покосился на Ритсера Брюгеля. — Но, пожалуйста, помните: наш успех, да и просто выживание теперь зависят от умения сотрудничать друг с другом.

10

В том, что касалось управления персоналом, Эзр притормаживал. Было же довольно очевидно, куда метит Нау. Винь в школе такое проходил. Когда они достигли времянки, Нау выдал елейную

речь, представив Виня как нового «флот-менеджера Чжэн Хэ». Нау особо подчеркнул, что Эзр Винь — старший по званию из выживших представителей Семей — владельцев кораблей. Два звездолета Виней в мясорубке не слишком пострадали. Если и был сейчас легитимный хозяин у кораблей Чжэн Хэ, так это Эзр Винь. А если все пойдут на сотрудничество с легитимными властями, то в конечном счете всем будет от этого лучше. Потом Эзра вытолкнули вперед промямлить что-то несуразное про то, как он-де рад вернуться к друзьям и надеется на их помощь.

В последующие несколько дней он постепенно понял, что Нау вбил клин между долгом и верностью. Эзр был дома и в то же время не дома. Ежедневно он встречал взглядом знакомые лица. Выжили и Бенни Вэнь, и Джимми Дьем. Эзр знал Бенни с тех пор, как они оба были шестилетками; теперь Бенни вел себя словно незнакомец, хотя и готовый к сотрудничеству.

Однажды, скорей волей удачи, чем по плану, Эзр повстречал Бенни у ангара транспортных шлюпок. Эзр был один. Чем дальше, тем больше свободы давали ему авральники. Доверяют? Поставили на прослушку? Не представляют его способным на диверсию? Все варианты одинако-

во противны, но относительная свобода тем не менее была приятна.

Бенни с небольшой командой Чжэн Хэ завис прямо под внешней стеной пузыря. У шлюза отделка стен отсутствовала; там и сям через ткань сочились огни подлетающих или отбывающих шлюпок. Отряд Бенни рассредоточился по стене, работая над узлами автоматики системы контроля подлета. Присматривал за ними авральник в дальнем конце открытой зоны.

Эзр выбрался из радиального туннеля, увидел Бенни Вэня и без труда перелетел к нему, оттолкнувшись от стены.

Вэнь оторвался от работы и вежливо кивнул, приветствуя его.

— Рад видеть вас, флот-менеджер. — Винь уже привыкал к такому обращению, но от Бенни его услышать было — как по морде получить.

— Привет, Бенни. К-как у вас дела?

Вэнь покосился на авральника-надзирателя. Тот выделялся своей серой робой, резко контрастирующей с индивидуалистским разнобоем одеяний большинства Чжэн Хэ. Он громко объяснял что-то трем членам рабочей партии, но слова его заглушала ткань пузыря. Бенни отвернулся к Эзру и пожал плечами.

— Ай, жить будем. Ты знаешь, чем мы тут заняты?

— Меняете устройства ввода.

Одним из первых эдиктов авральники конфисковали все наглазники. Эти устройства и электронные интерфейсы ввода, с ними связанные, служили классическими атрибутами свободы.

Вэнь тихо рассмеялся, не переставая коситься на новое начальство.

— В кои-то веки угадал, бро. Видишь ли, у наших новых… работодателей… проблемы. Им нужны наши звездолеты. Им нужна наша аппаратура. Но без автоматики это все мусор. А как они могут доверять нашей автоматике? — Вся эффективная машинерия была начинена контроллерами, которые, в свой черед, объединялись в сеть, связанные невидимым клеем флотской локалки; это и обеспечивало постоянство работы.

Программное обеспечение системы разрабатывалось тысячелетиями, и еще много человеко-веков Чжэн Хэ его патчили. Сотри коды — и флот превратится в груду металлолома. Но разве может захватчик доверять запрятанному в недрах системы наследию многих столетий? В общем-то, когда подобная ситуация возникала, аппаратуру

проигравших без лишних хлопот уничтожали. Но Томас Нау и сам признавал, что не может себе позволить и дальше терять ресурсы.

— Их собственные рабочие уже проверяют каждый узел, если хочешь знать. Не только тут, но и на всех уцелевших кораблях. Бит за битом они подчиняют сеть себе.

— Но не могут же они все тут заменить.

«Надеюсь. Нет тираний хуже, чем те, где правительство пытается следить за работой каждого встроенного узла».

— Ты был бы удивлен, увидев их работу. Я — видел. Их компьютерщики… странные люди. Наковыряли в системах такое, о чем я и сам был не в курсе. — Бенни передернул плечами. — Но ты прав, на нижний уровень встройки они не лезут. Они в основном интерфейсы ввода-вывода дергают. Взамен нам выдают другие, последнее слово их техники. — Бенни едва заметно усмехнулся. Отстегнул от кушака странный продолговатый предмет из черного пластика, в котором, напрягшись, можно было узнать клавиатуру. — Это единственное, чем нам сейчас дозволено пользоваться.

— Господи, какое старье.

— Простая штука, но не древняя. Думаю, про-

сто дублирующие устройства для авральников, которые тут шныряют. — Бенни снова покосился на авральника-надзирателя. — Важнее всего вот что: авральникам известно, как эти штуки фурычат. Влезешь туда — по всей локалке сирены тревоги заорут. В принципе, с их помощью они способны отслеживать все наши действия. — Бенни опустил взгляд на пластиковую коробочку, прикинул вес. Бенни тоже был интерн, совсем как Эзр. Он в технике смыслил немногим больше друга, зато деловая сметка у него была прокачана на все сто. — Странное дело. Авральная технология выглядит довольно примитивной. Тем не менее… они на полном серьезе настроились все контролировать и раскапывать. Что-то есть у них такое в автоматике, чего мы пока не понимаем. — Он уже говорил почти сам с собой.

На стене за его спиной разрасталось, медленно смещаясь в сторону, пятно света. К стыковочной палубе подлетало такси. Свет обогнул изгиб стены, и секундой позже раздалось приглушенное чвяканье. По стене от причального цилиндра побежала мелкая рябь. Щелкнули шлюзовые насосы. Тут они гудели даже громче, нежели в самом проходе. Эзр колебался. Шума может оказаться достаточно для маскировки беседы от

надзирателя. «Ага, и любые жучки слышат сквозь этот шум куда лучше наших ушей». И когда он заговорил, то не заговорщицки, вполголоса, а почти перекрикивая скрежет насосов.

— Бенни, много всего произошло. Я просто хочу, чтоб ты знал: я не изменился. Я не… — «Я не предатель, блин!»

Мгновение лицо Бенни оставалось непроницаемым, а потом он внезапно усмехнулся:

— Знаю, Эзр. Знаю.

Бенни провел его вдоль стены примерно туда, где работали остальные.

— Дай я тебе покажу, чем еще мы тут занимаемся.

Эзр летел следом, а Бенни тыкал туда-сюда, описывая изменения, которые авральники вносили в работу протоколов причала. Вдруг Эзр понял игру. *Врагу мы нужны, потому что они ожидают, что мы на них годами ишачить будем. И мы многое еще можем друг другу сказать. Они не убьют нас, если мы обменяемся информацией, необходимой для работы. Они не убьют нас за обсуждение работы.*

Стон насосов унялся. Где-то за пластиковым причальным цилиндром высаживались люди и начинали разгружаться.

Вэнь скользнул к откинутому люку кабельного канала.

— Слышал, они сюда многих наших переводят.

— Да, четыреста человек в скором времени, может, и больше. — Времянка представляла собой кое-как скрепленную кучку пузырей, надутую несколькими мегасекундами раньше, после прибытия Флота. Но в ней хватило бы места всем экипажам, которые живыми трупами перенесли полет с Трехземья за пятьдесят световых лет. Времянка проектировалась на три тысячи человек. Теперь ее населяло триста.

Бенни поднял бровь:

— Я думал, у них своя есть, и получше нашей.

— Я… — Надсмотрщик оказался почти в пределах слышимости. «Но это ж не заговор. О Господь торговли, нам же надо о работе говорить. — Думаю, они потеряли больше, чем признают. — И думаю, что мы пролетели в сантиметрах от победы, даже будучи предательски атакованы, даже под влиянием этой боевой заразы, которую они на нас напустили».

Бенни кивнул. Эзр догадался, что он уже в курсе. А знает ли он, что…

— Тут еще останется много места. Томас Нау подумывает переправить сюда больше наших,

подняв из анабиоза. Может, даже некоторых офицеров.

Ну да, со старшими офицерами у авральников наверняка возникнут проблемы, но если Нау требуется эффективное сотрудничество… К несчастью, насчет «фокусированных» вахтмастер был куда менее словоохотлив. «Ох, Триксия».

— Да? — Голос Бенни не изменился, но взгляд стал резче. Он отвернулся. — Это может сильно поправить дело, особенно для некоторых… вроде той маленькой леди, которая у меня тут по трубам лазит. — Он сунул голову в люк и заорал: — Киви, ты уже?

Зараза? Эзр видел Киви после атаки всего дважды или трижды, узнав только, что она не пострадала и не в заложницах. Но она больше других проводила времени с авральниками. Может, они не считают ее опасной для себя ввиду возраста. Прошла минута; фигурка в клоунской робе выскользнула из канала.

— Да-да, я уже. Я натянула защиту от… — Она увидела Эзра. — Эзр! — Впервые девочка не кинулась к нему. Она просто кивнула и улыбнулась. Взрослеет? Если так, ей предстоит нелегкий путь. — Я натянула аж до ангара, без проблем. Только странно, что эти чуваки шифрованием не

озаботились.

Она улыбалась, но под глазами залегли тени. Такое лицо Эзр ожидал бы увидеть у другого человека, постарше. Киви стояла в расслабленной для невесомости полустойке, зацепившись клетчатым ботинком за стенной упор. Но руки держала при себе, похлопывая ладонями по локтям. Экспансивного, царапучего, лезущего в драку чертенка, знакомого до атаки, больше не было. Отца Киви, как и Триксию, свалила «зараза». Как и Триксия, он, быть может, ушел навсегда. А Кира Пен Лизолет — старший боевой программист.

Девочка продолжала болтать, отчитываясь о проделанной в канале работе. Она неплохо подготовлена. Остальные дети вольны с игрушками возиться, искать себе товарищей по возрасту, а домом Киви был пустынный межзвездный таранник. Долгое одиночество сделало ее классной специалисткой во многих делах.

Она посоветовала, как сэкономить время на прокладке кабелей по требованию авральников. Бенни кивал и делал заметки от руки.

Потом Киви перешла к другим вопросам.

— Слышала, у нас пополнение ожидается.

— Ага.

— Кто? Кто это?

— Авральники. Потом кое-кто из наших, я так думаю.

На миг ее усмешка ослепительно сверкнула, затем Киви с видимым усилием осадила себя.

— Я… я была в Хаммерфесте. Вахтмастер Нау хотел, чтоб я проверила аппаратуру гибернаторов перед погрузкой на «Далекое сокровище». Я… маму видела, Эзр. Я видела ее лицо через стекло гроба. Я видела, как она медленно дышит.

Бенни сказал:

— Не тревожься, девочка. Мы… С твоими мамой и папой все будет в порядке.

— Знаю. Вахтмастер Нау то же самое говорит.

Он видел надежду в ее глазах. Значит, Нау ей пообещал что-то неопределенное, кинул бедной девчонке спасательный круг. Может, он даже сдержит некоторые обещания. И может быть, удастся вылечить ее отца от этой гребаной боевой инфекции. Но боевые программисты вроде Киры Пен Лизолет смертельно опасны для тирана. Если не будет контратаки, Киру Лизолет ждет долгий, очень долгий сон… «Если не будет контратаки». Взгляд Эзра метнулся к Бенни. Лицо друга, как и прежде, ничего не выражало. Но вдруг Эзр понял, что заговор действительно существует. Спустя считаные мегасекунды Чжэн Хэ начнет

действовать.

«Я могу вам помочь; я это знаю». Все приказы, поступающие от авральников, проходили через Эзра Виня. Если вступить в заговор… Но за ним, несомненно, и следят тщательней всех, пускай Томас Нау невысокого мнения о его шпионских навыках. На миг Эзр вскипел яростью. Бенни знает, что Эзр не предатель, но помочь друзьям, не обнаружив заговор, нельзя никак.

Времянка Чжэн Хэ атаку перенесла без единой дырки. Даже импульсных повреждений электроники не было: авральники, прежде чем изуродовать локалку, долго проверяли базы данных.

То, что осталось, более или менее выдерживало рутинные операции по техподдержке. Но каждые пару дней прибывали новые постояльцы. По большей части авральники, хотя выпускали из анабиоза и некоторых Чжэн Хэ низовых рангов. Авральники и торговцы выглядели очень похоже, то есть как беженцы. Уже не получалось скрывать масштаб потерь авральников и урона, причиненного их аппаратуре. И возможно, Триксия погибла. «Фокусированных» держали на новой базе авральников, в Хаммерфесте. Но их пока никто не видел.

Постепенно условия во времянке Чжэн Хэ стали ухудшаться. Населяла ее сейчас менее чем треть предельно допустимого количества людей, но системы уже глючили — мама дорогая. Отчасти тут было повинно грубое вмешательство авральников в работу автоматики. Другой эффект, трудноопределимый, заключался в том, что люди работали спустя рукава. К счастью для конспираторов, Киви проводила большую часть времени снаружи. Эзр знал, что она немедленно обнаружила бы саботаж. Его личный вклад в заговор был мал: он попросту умалчивал об увиденном, делая вид, что не замечает происходящего. Он перемещался от аврального очажка к авральному очажку, выполняя минимум необходимых действий и размышляя, что в действительности затеяли друзья.

Во времянке стало подванивать. Эзр с ассистентами из авральников спустились в бактериальную яму, к сердцу базы. Интерну Виню это место было отлично знакомо: он там много килосекунд провел. Он бы все отдал за то, чтоб с должности флот-менеджера вернуться в интерны на дне бактериальной ямы, если б это помогло воскресить капитана Пака и прочих погибших.

В бактериалке смердело так, что Эзру немедлен-

но припомнились неудачные опыты в универе. Стены пузырились черной слизью. В легком ветерке от вентиляторов она едва заметно колыхалась, точно гниющая полуживая плоть. Сирет с Марли отшатнулись, один сблевал в респиратор. Марли выдохнул:

— Гной чумной! Не, я пас. Мы снаружи тебя подождем, лады?

Авральники, булькая и ругаясь, утянулись к люку. Эзр остался в крайне дурно пахнущем одиночестве. Он постоял мгновение и понял, что большего уединения на базе не найти. И стоило ему приступить к проверке уровней загрязнения, из жижи выпросталась фигура в заляпанном комбинезоне, с респиратором на голове. Подняв руку в жесте, призывающем к молчанию, фигура просканировала Виня.

— Гм, ты вроде чист, — сказал приглушенный голос. — А может, они тебе доверяют.

Это был Джимми Дьем. Эзру захотелось его обнять, наплевав на бактериальное дерьмо. Против всех ожиданий, заговорщики таки изыскали возможность с ним пообщаться. Но в голосе Дьема не было облегчения. Глаза его за стеклами респиратора казались непроницаемыми, в позе же проступило напряжение.

— Винь, ты чего это лизоблюдствуешь?

— Да ты что? Я ж им подыгрываю.

— Так… думают некоторые. Но Нау столько льгот тебе дал, именно к тебе мы должны бегать мелочь разменивать. Тебе, что ли, и вправду кажется, будто ты теперь наш хозяин?

Нау именно к этому и стремился.

— Нет! Пусть воображают, что купили меня, но я… Господь торговли, сэр, разве я не был достойным напарником?

Дьем приглушенно фыркнул, часть груза словно свалилась с его плеч.

— Угу. Спал с открытыми глазами, пока тебя по носу не щелкнешь. — Виня частенько распекали в этих выражениях, но сегодня слова прозвучали почти дружелюбно. — Но ты не дурак, не мажор из Семьи… Лады, интерн, залезай к нам в лодку.

Эзр Винь еще ни одному продвижению по службе в жизни так не радовался. Он был готов на Дьема сотню вопросов вывалить и найти ответы, которых ему знать не полагалось. Но по-настоящему беспокоил его лишь один: про Триксию…

Дьем продолжил:

— Я для тебя подготовил некоторые коды, придется наизусть заучить, но все равно еще встретимся лицом к лицу. Так что чем больше

тут воняет, тем лучше, хотя проблемка и для нас нешуточная; у тебя появится много поводов сюда спускаться. И пара общих замечаний… Нам надо наружу.

Винь подумал о «Далеком сокровище» и заточенных там в анабиозе оружейниках Чжэн Хэ. А если на уцелевших звездолетах Чжэн Хэ где-нибудь припрятано оружие?

— Гм. Найдется несколько проектов по ВКД[2], где наш опыт пригодится.

— Знаю. От тебя зависит, чтобы отряды комплектовались нужными людьми по нужному графику. Мы тебе назовем.

— Ладно.

— Еще одно. Мы хотим побольше узнать про «фокусированных». Где их держат? Могут ли оттуда эвакуировать по быстряку?

— Я сам пытаюсь про них разузнать. — «Куда настойчивее, чем тебе кажется, командир». — Рейнольт говорит, они живы, а распространение инфекции остановлено. — «Мозговая гниль». Леденящий душу термин он не от Рейнольт услышал: кто-то из рядовых авральников язык распустил. — Пытаюсь получить допуск в…

---

[2] Сноски: 2
Внекорабельная ремонтная деятельность в космосе.

— Ну да. К Триксии Бонсол, э? — Заляпанные гнусной слизью пальцы перчатки сочувственно потрепали Виня по плечу. — Гм. У тебя, значит, вполне уместный повод интересоваться этим вопросом. Притворись послушным мальчиком, но в этом дави на них и не отступай. Ну, сделай вид, что такое одолжение закрепит твою верность им, если только тебе его окажут… Хорошо. Теперь уходи.

Дьем пропал в пелене вязкой бурды. Винь вытер с рукава следы его пальцев. Но, разворачиваясь к люку, едва заметил жуткую вонь. Он снова работает в отряде друзей. И у них есть шанс на победу.

Остаткам экспедиции Чжэн Хэ волей Томаса Нау назначили не только клоунского «флот-менеджера» Эзра Виня, но и потешный «комитет управления флотом», долженствовавший помогать ему и формулировать советы. Типичная стратегия Нау — марать невинных людей неприкрытым предательством. Регулярные ежемегасекундные заседания комитета доставляли бы Виню нешуточную муку, если бы не тот факт, что в комитете заседал среди прочих и Джимми Дьем.

Эзр смотрел, как десять комитетчиков влетают

в конференц-зал. Нау велел отделать помещение полированным деревом и высококачественными видеоокнами; все население времянки должно было знать, какой почет оказан флот-менеджеру и его комитету. Если не считать Киви, все понимали, что их используют. Многим было ясно, что лишь через много лет Томас Нау освободит из холодного сна большинство выживших Чжэн Хэ… если не случится ничего неожиданного. Некоторые, как Джимми, догадывались, что старших офицеров, вероятно, периодически будят для допросов и краткосрочных заданий. Бесконечное злодейство, которое даст авральникам в руки вечный бич.

Но предателей в комитете не было. Впрочем, зрелище и без того маловдохновляющее: пять интернов, трое младших офицеров, девчонка-подросток да старая развалина. Ну ладно, если честно, то Фам Тринли на развалину не тянул, во всяком случае физически, для своих лет он был в отличной форме. Но скорей всего, он таким растяпой просто уродился. Одно то, что его не сочли нужным усыплять, о многом говорило. Единственного из всех боевых программистов Чжэн Хэ.

«Ну и я тут, клоун из клоунов». Подумав так,

флот-менеджер Винь призвал собравшихся к вниманию. Очевидная бессмысленность происходящего не повод сокращать заседания. Как бы не так: зачастую они растягивались на килосекунды, сопровождаясь надоедливыми перепалками комитетчиков. «Надеюсь, ты получаешь удовольствие, подглядывая за нами. Чтоб ты сдох, Томас Нау».

Первым вопросом в повестке дня стояло бактериальное загрязнение. Его удалось взять под контроль. К следующему заседанию вонь станет слабее. В бактериальной яме, однако, продолжали бесконтрольно размножаться какие-то одичавшие штаммы (и прекрасно!), хотя опасности для времянки это не представляло. Винь не смотрел на Джимми Дьема, слушая отчет. Он уже трижды встречался с Дьемом в яме. Разговоры были быстрые и односторонние. Виня более всего интересовало то, чего ему знать ни в коем случае не полагалось: сколько торговцев участвует в заговоре Дьема? Кто это? Есть ли конкретный план разгрома авральников и спасения заложников?

Вторая проблема оказалась куда противнее. Авральники приказали использовать для всех флотских работ их систему хроноисчисления.

— Не пойму, за каким бесом, — прокоммен-

тировал Винь в ответ на озадаченные взгляды. — Авральная секунда совпадает с нашей, и для большинства операций перекалибровка календаря тривиальна. Наши проги и так умеют работать с календарями клиентов. — Ну да, для тривиальной конверсии проблем не предвидится. Балакрейский день не слишком отклонялся от стакилосекундного, используемого Чжэн Хэ[3]. А год — достаточно близок тридцатимегасекундному[4], чтобы в большинстве терминов, производных от этого корня, не возникало путаницы.

— С календарями управимся, но тут же засада в пользовательских интерфейсах, — сказал Арло Динь, программист-интерн, а ныне глава отдела разработки. — Наши новые, гм, работодатели пользуются внутренними инструментами Чжэн Хэ. Могут возникнуть побочные эффекты. — Арло то и дело повторял эту зловещую мантру.

— Ладно, ладно, я… — Эзр помолчал, испытав прилив администраторского вдохновения. — Арло, а почему бы тебе не обратиться напрямую к Рейнольт? Объясни ей суть проблемы.

---

[3] Сноски: 3
Земной день примерно равен 86 400 секундам.

[4] Сноски: 4
Земной (невисокосный) год примерно равен 31 536 000 секунд.

Эзр перелистнул расписание дальше, не обращая внимания на мученический взор Арло.

— Следующий вопрос. У нас пополнение. Вахтмастер сообщает, что следует ожидать прибытия по меньшей мере трех сотен авральников, а потом еще пятидесяти Чжэн Хэ. Думаю, что системы жизнеобеспечения выдержат нагрузку. А как насчет всего остального? Гунле?

Когда ранги еще имели какое-то значение, Гунле Фун служила младшим квартирмейстером на борту «Невидимой руки». Фун еще не до конца осознала размах перемен. Возраст ее визуальной оценке не поддавался, и если б не засада, прослужить бы ей младшим квартирмейстером до скончания века. Может, она из тех, кого закинуло как раз в нужную бочку затычкой, а способности ее вполне отвечают запросам к ней от вышестоящих. Но сейчас…

Фун кивнула:

— Да, я подготовила некоторые оценки. — Она застучала по авральной клавиатуре перед собой, ошиблась, попыталась исправить. В окне, охватывавшем зал, поплыли сообщения об ошибках. — Как эту байду убрать? — Фун тихо чертыхалась. Еще раз ошиблась при наборе и совсем рассвирепела. — Черт подери, не могу я с

этой хренотенью работать!

Она схватила клавиатуру и хряснула ею о полированную столешницу. Шпон треснул, клавиатура не пострадала. Гунле ударила снова; на этот раз консоль ошибок вспыхнула протестующей радугой и закрылась. Фун полупривстала и потрясла перед Эзром остатками клавиатуры.

— Эти гребаные авральники отобрали все нормальные устройства ввода-вывода. Голосовое управление отрубили, наглазники конфисковали! Остались только окошки[5] да эти гребаные клавы!

Гунле швырнула клавиатуру на стол. Та отскочила и, крутясь, полетела к потолку.

Раздался согласный хор жалобщиков, хотя и не столь разъяренных.

— Нельзя же все с клавиатуры вводить. Нужны наглазники… Системы нижнего уровня в порядке, а нам будто руки оторвали.

Эзр поднял ладони, успокаивая их:

— Вы все знаете, в чем тут причина. Авральники не доверяют нашим системам и считают, что обязаны контролировать периферию.

---

[5] Сноски: 5

В оригинале windows, с очевидной отсылкой к одноименной операционной системе (разумеется, неодобрительной, учитывая пламенные симпатии Винджа к UNIX).

— Ну да! Им надо за всем шпионить. Я бы на их месте тоже не доверял трофейной автоматике, но, черт, так же нельзя! Я бы использовал их устройства, но без наглазников и указателей…

— Я тебе вот что скажу, — заметила решительно Гунле Фун, — кое-кто уже намерен использовать старую аппаратуру.

— Стоп! — Это притворство ранило Виня больней всего. Эзр изо всех сил постарался полыхнуть на Фун негодующим взором. — Следите за своей болтовней, милейшая Фун. Да. Неудобства очень значительны, но вахтмастер Нау расценивает неповиновение в этом вопросе как измену. Авральники сочтут его прямой угрозой себе. — «Так что держите старые устройства ввода-вывода наготове, но осознавайте риск». Вслух он этого не произнес.

Фун понуро села на место. Глянула на Эзра и угрюмо кивнула.

— Послушайте, — продолжал Эзр. — Я запрашивал у Нау с Рейнольт позволения применять другие устройства. Может, нам несколько и выдадут. Но помните, что мы в световых годах от ближайшей промышленно развитой цивилизации. Любые новые гаджеты придется изготавливать из того, что у авральников имеется тут, в первой

точке Лагранжа. — Эзр сомневался, что это вообще даст какие-то плоды. — Крайне важно, чтобы все ваши подчиненные уяснили себе смысл запрета на использование старых устройств. Для своего же блага.

Он обвел взглядом их лица. Озлобленно зыркали почти все. Но Винь видел, что им полегчало. Вернувшись с заседания к друзьям, комитетчики вольны будут мнить Эзра Виня бесхребетным слизняком, который погоняет их по прихоти авральников, а собственная их непопулярность чуток сгладится.

Эзр еще минутку посидел в молчании, чувствуя себя беспомощным. «*Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы именно этого командиру Дьему и было от меня надо*». Но в глазах Джимми была такая же злая непроницаемая сосредоточенность, что и у других. Поднимаясь из бактериальной ямы, он отлично играл свою роль. Наконец Эзр подался вперед и тихо сказал Фун:

— Вы собирались мне что-то сообщить о новоприбывших. Какие там проблемы?

Фун что-то пробурчала, вспоминая, где прервала ее вспышка гнева. Затем неожиданно ответила:

— Да ладно, забудьте про оценки. Вкратце

— они тут поместятся. Черт подери, оставь они нам нормальный доступ к автоматике, в этот пузырь три тысячи влезло бы. А про самих людей… — Она пожала плечами уже без особого гнева. — Типичные чурбаны. Я в тиранических мирах навидалась. Зовут себя менеджерами, а на практике не лучше пеонов. Суть в том, что в отрыве от своего бахвальства они нас чуток побаиваются. — По насупленным чертам Фун проскочила хитрая ухмылка. — Мы знаем, как таких клиентов обрабатывать. Уже друзей среди них заводим. Они много о чем не имеют права говорить, например об истинных скверных эффектах этой херни, как ее там, мозговой гнили. Но я вам клянусь: если ихние шишки волынить не бросят, мы сами все разнюхаем.

Эзр не улыбнулся в ответ. «Эй, вахтмастер Нау, ты слышишь? Чего бы ты ни хотел, мы своего добьемся так или иначе». А полученную информацию Джимми Дьем использует по своему хотению. Перед заседанием Эзр не был уверен ни в одном пункте, кроме заключительного. Теперь ему начинало казаться, что все пошло не так уж скверно. И возможно, не такая уж плохая у него тут работенка.

Последний пункт повестки дня был посвящен

грядущей солнечной вспышке. У Джимми имелся наготове идиот, которому предстояло этот пункт осветить: Фам Тринли. Разумеется, сам идиот понятия не имел, как его используют. Оружейник исполнил целый спектакль, перемещаясь во главу стола.

— Да-да, — сказал он, — у меня тут картинки, погодите секундочку.

Дюжина технических схем появилась в окнах зала. Тринли запустил себя на кафедру и начал лекцию об устойчивых точках Лагранжа. Забавно: голос и манера речи у этого человека словно у военачальника, а идеи — сплошь тенденциозная банальщина. Винь дал ему выговориться сотню секунд, потом перебил:

— Я так понимаю, ваше выступление посвящено подготовке к Поджигу, господин Тринли. Чего авральники от нас хотят?

Старик пригвоздил Эзра к месту взглядом, достойным командира десантников:

— Если вам не составит труда, флот-менеджер, обращайтесь ко мне «боевой программист Тринли». — Еще секунду он не сводил пылающего взора с Виня.

— Ну что ж, перейдем к делу. У нас тут пять миллиардов тонн алмаза, плюс-минус. — Крас-

ный указатель в окне за его спиной подсветил медленно крутящееся скопление скал: это и весь космический мусор, какой удалось найти капитану Паку в системе В(ы)ключенной. Лед и руды, стыренные с Арахны, образовали горы поменьше по углам и впадинам астероидов. — Скалы — классическое контактное мусорное скопление. В настоящее время наши флотилии заякорены там или на орбите вокруг них. Как я пытался объяснить несколько секунд назад, авральники хотят, чтобы мы расположили на ключевых блоках скопления электросопла и приступили к активной курсокоррекции.

— До Поджига? — уточнил Дьем.

— Именно.

— Они хотят, чтобы курсокоррекция проводилась во время Поджига?

— Совершенно верно.

Собравшиеся неуверенно переглянулись. Курсокоррекция — древняя обыденная практика. При должном подходе затраты топлива на орбиту в первой точке Лагранжа будут крайне малы. Их отделяло от Арахны менее полутора миллионов километров; человеческие корабли расположились как раз между планетой и ее звездой. В грядущие годы Яркости сияние В(ы)ключенной

надежно укроет их от взглядов с планеты. Но авральникам этого показалось мало; они уже соорудили различные конструкции на астероидах, включая этот Хаммерфест. А теперь хотят, чтобы курсокорректирующие двигатели установили до Поджига. В(ы)ключенная в это время воссияет светом пятидесяти-ста солнц, пока не успокоится. Чурбанам втемяшилось применить курсокорректоры вместо того, чтобы оставить скалы в покое на время вспышки. Опасное головотяпство, но тут командуют авральники. «И это даст Джимми предлог выбраться наружу».

— Не думаю, чтобы это создало нам серьезные проблемы. — Киви Лизолет привстала со своего места. Перелетела к картам Фама Тринли, предотвратив очередное его словоизвержение. — Я много таких задач перерешала, пока мы летели. Мама хотела, чтоб я стала инженером, а курсокоррекция считалась важной частью миссии. — Киви говорила куда серьезнее, взрослее, что ли, чем обычно. И впервые Эзр увидел ее в зеленых фамильных одеяниях Лизолетов. Задержавшись перед окнами, девочка вчиталась в пояснения к диаграммам. Напускная чопорность взрослой женщины слетела с нее. — Гм, ну у них и запросы! Скальное скопление сла-

бо связано. Если даже все просчитаем, способа учесть напряжения внутри скал не существует. А если летучие вещества на солнце окажутся, у нас возникнет новая проблемка, посерьезней. — Она присвистнула, улыбнувшись веселой детской улыбкой. — Может, придется переместить сопла в момент Поджига. Я…

Фам Тринли зыркнул на девчонку. Несомненно, она сократила бесценную презентацию на тысячу секунд, самое малое.

— Да, работа нелегкая. У нас лишь сотня электросопел на все про все. Понадобится постоянное дежурство снаружи.

— Нет-нет, совсем нет. Я про сопла. У нас на борту «Провала Брисго» куда больше. А задача по масштабу всего в сто раз крупнее тех, какие я просчитывала… — Киви с головой захлестнул прилив энтузиазма, и впервые Эзру Виню посчастливилось увернуться от него.

Но не все отмалчивались. Младшие офицеры, в том числе Дьем, требовали на время Поджига оставить астероиды в рассеянном состоянии, а летучие вещества сконцентрировать на темной стороне крупнейшего алмаза. Требование Нау — чтоб мерзавцу провалиться! — попросту слишком рискованно. Тринли ощетинился и

огрызнулся, что он уже все эти соображения авральникам изложил.

Эзр хлопнул ладонью по столу, а когда не помогло, повторил громче.

— Тишина в зале! Эту работу нам приказано выполнить. Лучшее, что мы можем сделать, — это отнестись к ней ответственно. Полагаю, в обмен на успешное выполнение этого проекта мы получим от авральников определенную помощь, но лишь в том случае, если справимся.

Спор не улегся. «Любопытно, кто тут из заговорщиков? Уж точно не Киви», — подумал Винь. Еще некоторое время прошло в дебатах, и комитетчики вернулись к тому, с чего начали: хочешь не хочешь, а крутись как знаешь. Джимми Дьем поерзал в кресле и со вздохом констатировал:

— Ладно, сделаем, что они требуют. По крайней мере, мы знаем, что они в нас нуждаются. Давайте надавим на Нау и заставим его выпустить кого-нибудь из старших офицеров.

За столом прокатился нестройный гомон согласия. Джимми перехватил взгляд Виня и тут же отвернулся. Возможно, получится освободить некоторых заложников, а возможно, и нет. Но Эзр внезапно понял, когда заговорщики намерены ударить.

11

В(ы)ключенная звезда вполне достойна была составить компанию Верному Старику[6]. Ее катастрофическую переменность впервые заметили еще на Старой Земле в Рассветную Эпоху. Меньше чем за восемьсот секунд звезда, помеченная в каталогах как «синглетный коричневый карлик [возм. атипич.?]», увеличила светимость с двадцать шестой звездной величины до четвертой. За тридцать пять лет объект потускнел так, что стал почти неразличим, породив по ходу дела десятки исследовательских работ. С тех пор за звездой наблюдали пристально, а масштаб загадки только рос. Интенсивность первоначального скачка варьировалась в пределах тридцати процентов, но в целом кривая светимости отличалась поразительной регулярностью. Звезда включалась и выключалась, включалась и выключалась… цикл занимал около двухсот пятидесяти лет, и время Поджига удавалось предсказать с точностью до секунды.

---

[6] Сноски: 6

Верный Старик (Old Faithful) — крупный гейзер в Йеллоустоунском национальном парке (шт. Вайоминг, США), для которого характерна очень высокая предсказуемость извержений с интервалами, близкими к бимодальному распределению.

За тысячелетия, минувшие после Рассвета, человеческие цивилизации разлетелись далеко от Солнечной системы. Наблюдения за В(ы)ключенной становились все точней: до нее было все ближе и ближе.

И вот люди оказались в самой системе В(ы)ключенной, наблюдая, как таймер отмеряет секунды до нового Поджига.

Томас Нау произнес небольшую речь, завершив ее так:

— Предвидится интересное зрелище.

Поджиг решили наблюдать из крупнейшего конференц-зала времянки. Тут яблоку негде было упасть, хотя пузырь неуютно покачивался в микрогравитации на поверхности астероида. Наверху, в Хаммерфесте, за процессом следили специалисты-авральники. Кроме того, на уцелевшие звездолеты отрядили несколько рабочих групп. Впрочем, Эзр знал, что большая часть авральников, свободных от вахты, и все Чжэн Хэ собрались здесь. Обе стороны вели себя общительно, почти дружелюбно. После атаки минуло уже сорок дней. Ходили слухи, что вслед за Поджигом меры безопасности, принятые авральниками, будут существенно ослаблены.

Эзр устроился у потолка. Без наглазников сле-

дить за происходящим можно было только через экраны зала. Повиснув наверху, он видел три самых интересных окна… ну, если на линии обзора другие зрители не маячили. Одно демонстрировало полнодисковый ракурс В(ы)ключенной. Другое показывало вид с одного из микроспутников, выведенных на низкую орбиту вокруг светила. Даже с высоты пятисот километров поверхность звезды не внушала никаких подозрений. Похоже на видеопоток с самолета, летящего над светлым облачным слоем. Если бы не поверхностная сила тяжести, там и высадиться можно. «Облака» медленно проплывали мимо камеры микроспутника, между ними иногда просвечивали красные зоны. Тусклая краснота коричневого карлика, излучающего по закону абсолютно черного тела. Никаких предвестников катаклизма, который случится через… шестьсот секунд.

Нау со старшим флот-инженером авральников присоседились к Эзру. Брюгеля нигде не было видно. Когда Нау хотел растопить сердце собеседника, об этом не составляло труда догадаться: просто проверь, нет ли при нем Ритсера Брюгеля. Вахтмастер устроился рядом с Винем. Он улыбался, как типичный политик из клиентов.

— Ну что, флот-менеджер, вы все еще нервни-

чаете насчет операции?

Винь кивнул:

— Вы слышали рекомендацию моего комитета. На время Поджига стоило бы переместить летучие вещества на один астероид и оттащить его подальше. А самим укрыться во внешних областях системы.

Корабли обеих флотилий и все времянки пришвартовались по одну сторону крупнейшего алмазного астероида. Это их прикроет от Поджига, но стоит скале шевельнуться…

Техник Нау покачал головой:

— Мы и так слишком много сгрузили на поверхность. Кроме того, разговор не имеет смысла хотя бы потому, что на облет системы ушла бы большая часть летучих веществ. — Техник, которого звали Чжау Синь, на вид был ровесником Эзра. Синь оказался приятным в общении человеком, но компетентности старших специалистов Чжэн Хэ, привычной Эзру, не проявлял. — Я очень впечатлен работой ваших инженеров. — Синь мотнул головой в сторону прочих окон. — Они управляются с этой скалой куда лучше нашего. Поистине поразительно, как вам удается действовать с такой точностью без неот… — Он прикусил язык. Тайны еще оставались; но это положение

может перемениться быстрей, чем авральники полагают.

Нау зажурчал, без труда заполняя паузу в речи Синя:

— У вас отличные специалисты, Эзр. В общем-то, я думаю, что они так критиковали план лишь из стремления к совершенству. — Он глянул в окошко, открывающее вид на В(ы)ключенную. — Подумайте об исторических процессах, коим суждено сойтись здесь и сейчас!

Вокруг и внизу толпа разбилась на группки авральников и Чжэн Хэ, но дискуссия велась общая. Окно на дальней стене показывало обнаженную поверхность скалы. Рабочие Джимми Дьема рассыпались по ней и натягивали поверх ледяных валунов серебристый шатер. Нау нахмурился.

— Это прикрытие для снега и льда, сэр, — пояснил Винь. — Верхушки скал — в поле засветки В(ы)ключенной. Заслонка не даст им вскипеть.

— Ага, — кивнул Нау.

На астероид высадилось более дюжины космонавтов. Некоторые пристегнулись к десантному боту, другие маневрировали сами. Гравитация на поверхности была пренебрежимо мала. Они закидывали тросы на верхушки ледяных гор с легкостью, какую дает лишь проведенная в кос-

мосе жизнь, обогащенная опытом тысячелетней деятельности Чжэн Хэ. Винь смотрел, пытаясь отождествить фигуры. Но поверх комбинезонов у них были еще и термокуртки, так что Виню представали совершенно одинаковые силуэты на темном фоне. Эзра в заговор особо не посвящали, но Джимми ему пару раз толсто намекал, и Эзр сложил два и два. Такой возможности может уже никогда не представиться: им дали доступ к хранилищу электросопел на борту «Провала Брисго». Кроме того, отряд Дьема получил почти неограниченный допуск к ВКД, там, куда авральники не совались. Некоторое время после Поджига неизбежен хаос, а раз курсокоррекцией заняты Чжэн Хэ, они сумеют обернуть этот хаос себе на пользу и к успеху заговора. «А мне только и остается сидеть тут с Томасом Нау и корчить клоуна».

Эзр посмотрел на вахтмастера и улыбнулся.

Киви Лизолет в бешенстве ворвалась в шлюз.

— Черт подери! Етить твою мать, черт же ж подери!

Она срывала с себя термокуртку и штаны от комбинезона, не переставая чертыхаться. Уголком сознания Киви отметила, что стоило бы теснее общаться с Гунле Фун. Несомненно, та ее

могла бы научить более подходящим к случаю ругательствам. Девочка бросила термокостюм в шкафчик и нырнула вниз, в осевой туннель, не позаботившись даже снять комбинезон и шлем.

Господь торговли всемогущий, как они могли? Ее затолкали внутрь ковыряться пальцем в носу, пока Джимми Дьем делает за нее *ее* работу!

Фам Тринли парил в тридцати метрах над натянутой поперек айсберга заслонкой. Тринли числился официальным руководителем операции, но сразу дал понять, что ограничится банальными общими приказаниями. Основную работу он с удовольствием свалил на Джимми Дьема. И, к общему удивлению, лучшие идеи о размещении электросопел и тюнинге программ курсокоррекции высказала малышка Киви Лизолет. Следуя ее рекомендациям, они бы пережили Поджиг без единой царапины.

Но этого как раз и не требовалось.

Фам Тринли был среди участников Великого Заговора. Ему отводилась крайне незначительная роль, ни единой критической части плана Тринли не доверяли. Это его вполне устраивало. Он болтался вокруг астероида, подставив спину лунному сиянию В(ы)ключенной, и скала нависала у него почти над головой. В глубокой тени

скалы громоздились пришвартованные корабли, хабитаты и запасы летучих веществ, припрятанные там от света, который вскоре должен был излиться с небес селевым потоком. Один из хабитатов, а именно Хаммерфест, укоренили в алмазной горе; база выглядела бы даже красиво, кабы не нагромождение железяк кругом. Времянка торговцев представляла собой просто большой привязанный к астероиду воздушный шарик. Внутри укрывались все неспящие Чжэн Хэ и львиная доля экипажа флотилии авральников.

Вокруг баз, частично скрытые отрогом Алмаза-1, висели заякоренные таранники. Да уж, унылая картина. Звездолетам не положено так болтаться на тросе, тем более в скоплении слабо связанных скал. Всплыло воспоминание: трупы китов, сваленные в кучу, сплетающиеся в подобии соития и гниющие. Так верфи не строят. Впрочем, какая ж это верфь, скорее, свалка. Авральники дорого заплатили за свое предательство. Когда флагман Сэмми погиб, Фам почти сутки дрейфовал в подбитой транспортной шлюпке, но связи с уцелевшей боевой автоматикой не потерял. Вероятно, вахтмастер Нау так и не понял, кто в действительности координировал действия противника. Иначе Фама уже убили

бы либо заморозили вместе с остальными уцелевшими боевыми программистами на «Далеком сокровище».

Даже попав в засаду, Чжэн Хэ едва не победили. И победили бы, кабы не эта гребаная мозговая гниль авральников. Достаточно ценный урок. Купленная дорогой ценой победа авральников чуть не привела к взаимоуничтожению: от силы два звездолета могли худо-бедно идти на таранных двигателях, а еще два, если повезет, починят, выпотрошив оставшиеся трупы кораблей. Что же до установок очистки летучих веществ, то им еще долго накапливать водород хотя бы для одного звездолета в расчете на таранную скорость.

Меньше пятисот секунд до Поджига. Фам медленно летел вдоль скалы, пока заслонка не скрыла из виду свалку кораблей. На поверхности его люди, Дьем, До и Патиль (Киви уже отослали в укрытие), делали вид, что проверяют напоследок массивы электросопел. Голос Джимми Дьема негромко говорил что-то по каналу связи с отрядом. Фам знал, что это запись. Под прикрытием шатра Дьем и остальные уже улизнули на другую сторону астероида. У всей тройки появилось оружие: удивительные вещи можно сотворить, располагая электросоплом, в особенности чж-

эн-хэйским.

Фам Тринли остался в тылу. Несомненно, Джимми был только рад избавиться от старого пердуна. Ему доверяли только в самых простых вопросах — скажем, изображать работу группы на скале. Тринли летал туда-сюда так, чтоб его видели из Хаммерфеста и времянки, и вел разговор со звуковой дорожкой Джимми Дьема.

Триста секунд до Поджига. Тринли проплыл под навес. Оттуда он видел иззубренный лед и аккуратно сгруженный воздушный снег. Затененный сугроб отвалился и выплыл из-под завесы, наконец соприкоснувшись с обнаженной поверхностью алмазной горы.

Алмазной.

Когда Фам Тринли был ребенком, алмазы воплощали абсолют богатства. Одограммового алмаза чистой воды хватило бы оплатить убийство принца. Для среднестатистического торговца Чжэн Хэ алмаз, впрочем, был просто одной из аллотропных форм углерода, такой дешевой, что счет велся на тонны. Но даже Чжэн Хэ эти алмазные глыбы слегка озадачивали. Астероиды такого типа прежде существовали только в теоретических выкладках. И хотя это не монокристаллы, в них сохранялся дальний кри-

сталлический порядок. Ядра газовых гигантов, сметенных древним взрывом? Еще одна загадка системы В(ы)ключенной.

С тех пор как начались работы на астероидах, Тринли кропотливо изучал поверхность, хотя по иным причинам, нежели Киви Лизолет или даже Джимми Дьем. Между Алмазами 1 и 2 обнаружилась трещина, забитая снегом и льдом. Киви с Джимми придавали ей значение лишь в контексте курсокорректирующих работ. Фам Тринли же, чуть покопавшись, увидел в ней прямую дорогу от места работ к Хаммерфесту, притом недоступную обзору с кораблей и хабитатов. Дьему он ее не показывал; заговорщики планировали заняться Хаммерфестом после захвата «Далекого сокровища».

Тринли крался по V-образной расщелине, приближаясь к хабитату авральников. Дьем и его команда весьма удивились бы, узнай они, что Фам Тринли не родился в космосе. Временами, когда он лез вот так, его охватывало свойственное чурбанам-планетникам головокружение. Если дать волю воображению… представлялось, что он не ползет по узкой расщелине, а поднимается по горной трещине и склон горы нависает все круче и круче; под конец выбора не останется, и

тогда он наверняка упадет.

Тринли отдохнул секунду, удерживаясь одной рукой, а все тело его сотрясала дрожь: где веревки, кошки, альпенштоки, прочно вбитые в стены вокруг? Господи. Давненько планетное происхождение так не крутило ему голову. Он полез вперед. Вперед. Не вверх.

Считая по перехватам, он уже подобрался довольно близко к Хаммерфесту, а точнее, к его системам связи. Велики шансы, что, стоит ему высунуться, его заметит какая-нибудь камера. Разумеется, столь же велики и шансы, что ни один человек и ни одна программа в сей волнительный момент этот участок не отслеживают. Тем не менее Тринли продолжал пригибаться. Если понадобится, подползет и ближе, но пока ему хотелось просто понаблюдать. Он залег в расщелине, упершись ногами в лед и спиной — в алмаз. Размотал миниатюрную зондирующую антенну. Авральники после атаки все время вели себя как тираны в бархатных перчатках. Единственная прямая их угроза касалась недозволенных устройств ввода-вывода. Фам знал, что у Дьема и остальных руководителей заговора остались наглазники Чжэн Хэ, которыми они пользуются для переговоров в подпольной закриптованной

локалке. Большую часть операции спланировали у авральников на виду. Некоторые переговоры велись вовсе без участия автоматики: среди молодежи многие были знакомы с древней морзянкой и прочими способами семафорить.

Фам Тринли, рядовой участник заговора, знал его тайны лишь потому, что у него тоже рыльце было в пушку по части запрещенной электроники. А маленькая антенна на леске явилась бы знаком шпионских намерений и в мирные времена.

Нить, которую он размотал, останется невидима почти для любого устройства, какое может сюда заглянуть. На ее кончике миниатюрный датчик прослушивал электромагнитный спектр. Тринли метил в коммуникационный массив авральников, расположенный в зоне прямой видимости времянки Чжэн Хэ. Он вел датчик, точно рыбак удочку. Жесткость тонкой лески была весьма полезна в микрогравитации. *Есть!* Сенсор поймал луч связи между Хаммерфестом и времянкой. Фам провел направляющий элемент над краем расщелины и нацелился им в неиспользуемый порт времянки Чжэн Хэ. Оттуда врубился прямо в локальную сеть Флота, в обход всех систем защиты авральников. Этого-то Нау с

дружками и боялись, потому-то и грозили смертью. Джимми Дьем в мудрости своей воздержался от подобного шага. Фам Тринли обладал некоторыми преимуществами в сравнении с Джимми. Ему были известны старые, *очень старые* тайны аппаратуры Чжэн Хэ… И все равно он бы не рискнул, не будь Джимми с конспираторами так уверены в успехе переворота.

Может, надо было с Джимми напрямую поговорить. Слишком много критических аспектов жизнедеятельности авральников ускользало от их внимания. Почему у них такая классная автоматика? Перестрелка в час атаки показала, что в тактике высокого уровня они явно отстают, зато селекция целей у авральников работала лучше любой, виденной Фамом Тринли в былых битвах.

У Тринли возникло тошнотное чувство, какое появляется, когда ты загнан в угол. Заговорщики полагали, что у них последний и лучший шанс опрокинуть авральников. Ну, может, и так. Но слишком гладко, слишком просто все получается.

«Так воспользуйся этим».

Фам глянул в окна, раскиданные по шлему. Он перехватывал телеметрию авральников и

часть видеопотока, идущего от них во времянку. Кое-что удалось расшифровать. Авральники чересчур доверялись лучу прямой связи. Пора бы разнюхать что-нибудь интересненькое.

— Пятьдесят секунд до Поджига.

Голос вел монотонный отсчет уже двести секунд. Почти все молча смотрели в окна.

— Сорок секунд до Поджига.

Эзр быстро глянул через зал. Флот-инженер Синь вертел головой от экрана к экрану. Он явно нервничал. Томас Нау наблюдал за трансляцией с низкой орбиты В(ы)ключенной. В его сосредоточенном взгляде интереса было больше, чем страха или подозрительности.

Киви Лизолет пожирала взглядом окно, в котором показывали солнечную заслонку и отряд Джимми Дьема. С того момента, как Киви влетела в зал, вид у нее был мрачный и надутый. Эзр догадался, что произошло, и ему полегчало. Джимми воспользовался четырнадцатилеткой в своих целях, желая закамуфлировать заговор. Но Джимми не бессердечен. Как только подвернулся шанс, он убрал девчонку с линии огня. Наверняка Киви никогда ему не простит, даже когда узнает правду.

— Волновой фронт через десять секунд.

До сих пор никаких перемен в трансляции с микроспутника. Лишь неяркое красное сияние вздыбилось в облачной прорехе. Либо Верная Старушка сыграла с ними космическую шутку, либо эффект поистине мгновенный.

— Зажигание.

На полнодисковом изображении звезды, в самом ее центре, возникла ослепительно сияющая точка, стала разбухать и менее чем за две секунды заполнила диск полностью. В какое-то мгновение этого срока исчез вид с низкой орбиты. Свет становился ярче, ярче и ярче. В зале раздался дружный благоговейный вздох. Свет отбросил тени на противоположную стену, и обоям пришлось убавить яркость.

— Пять секунд после Поджига.

Наверное, это автомат говорит.

— Мощность излучения выросла до семи киловатт на квадратный метр.

Это уже кто-то другой, с небольшим трехземельским акцентом. *Как, не авральник?* Но Эзр тут же позабыл о нем, захваченный дальнейшим зрелищем.

— Десять секунд после Поджига.

Сбоку было еще одно окно — с видом на мир пауков. До этого мига он лежал во тьме и стуже,

как обычно, но теперь туда докатилась волна света; покрытый льдом и воздушным снегом планетный диск воссиял в лучах солнца, набравшего мощность уже впятеро выше стандартной — впятеро ярче Солнца Старой Земли. И звезда только разгоралась.

— Двадцать киловатт на квадратный метр.

Поверх изображения Нового Солнца оверлеем вылез график яркости в сравнении с историческими записями. Новый Поджиг удался не хуже прежних.

— Нейтронный поток ниже пределов обнаружения.

Нау с Винем облегченно переглянулись, в кои-то веки — оба искренне. Такой угрозы никто не мог бы обнаружить на межзвездных расстояниях, а одному старому времяпролетному зонду как раз в этот момент случилось глюкануть. По крайней мере, в невидимом излучении люди не изжарятся.

— Тридцать секунд после Поджига.

— Пятьдесят киловатт на квадратный метр.

Снаружи алмазная гора, прикрывавшая их от солнца, медленно *засветилась*.

Фам Тринли слушал передачу по публичному аудиоканалу. Но даже без этого Поджига он бы

не пропустил. Впрочем, в данный момент эти события занимали его не так сильно, а главная часть внимания оказалась сконцентрирована на секретной линии связи с Хаммерфестом. Именно в такие моменты, когда на техников наваливается непредсказуемая внешняя нагрузка, система безопасности может сбойнуть. Если Дьем с отрядом действуют по плану, они сейчас уже возле причала «Далекого сокровища».

Взгляд Тринли скользил с одного экрана на другой: в его шлеме было развернуто с полдюжины окон, заняв большую часть поля зрения. Флотские сетевые утилиты хорошо поработали с телеметрией. *Ха!* Ничего нет лучше старых добрых бэкдоров. Чем больше вычислительной мощности требовалось теперь авральникам, тем интенсивнее они использовали автоматику Чжэн Хэ, а следовательно, тем эффективней становился шпионаж Тринли.

Сигнал ослаб. Рассогласование? Тринли смел пару окон и посмотрел наружу. В(ы)ключенную за горами было не видать, но свет ее отражался от склонов и лез в глаза. Там, где излучение звезды задевало лед или воздушный снег, они испарялись. Натянутая Джимми с командой заслонка еще держалась, но ткань ее медленно выпяти-

лась и теперь хлопала по скале. Небо приобрело почти четкий голубоватый оттенок: туман от тысяч тонн испаряющихся залежей воды и воздуха превратил астероид в подобие кометного ядра.

И стал мешать прослушке Хаммерфеста. Тринли поводил антенной. Причина потери связи — не только в тумане. Что-то там сместилось. *Вот.* Он снова врубился в трафик Хаммерфеста. Спустя миг пересинхронизировал криптоанализ и вернулся к работе. Но поглядывал одним глазом на яривший вокруг шторм. Новое Солнце давало спектакль более впечатляющий, чем предполагали заговорщики.

Сетевые зонды Тринли проникли в сам Хаммерфест. У каждой программы свои чрезвычайные обстоятельства, те, которые разработчик счел выходящими за рамки своей ответственности. В таких вот крайних ситуациях должны открываться обходные пути…

Странное дело. Казалось, что в системе одновременно работают десятки пользователей. А многих разделов авральной автоматики он просто не узнавал: они были построены специфическим образом. Но ведь авральники, как предполагалось, обычные чурбаны, только-только вернулись к высоким технологиям, поймав

широкополосное вещание самой же Чжэн Хэ. А вот же. Что-то тут слишком много странностей. Он врубился в голосовой трафик. Незейский язык авральников был понятен, но отрывист и забит профессиональным жаргоном.

— Дьем… обходит скалу… всё по плану.

Всё по плану?

Тринли просканировал сопутствующие потоки данных. Он увидел картинки с изображениями точно такого же оружия, какое несла теперь группа Джимми, и входа, через который собирались они проникнуть на «Далекое сокровище». Таблицы с именами… заговорщиков. Фама Тринли сочли незначительным пособником. Еще таблицы. Данные прослушки подпольной сети Джимми Дьема. Первая версия шифра оказалась частично неверна; более поздние файлы в точности соответствовали действительности. Каким-то образом авральники их раскололи. Виной тому — не предательство, а нечеловеческая наблюдательность.

Фам смотал леску со шпионским оборудованием и прокрался чуть дальше. Привстал в расщелине, устремив направляющий элемент антенны чуть повыше крыши Хаммерфеста. Отсюда угол обзора как раз хороший. Луч попадет

на причал «Далекого сокровища».

— Джимми, Джимми! Слышишь меня?

Он передавал шифром Чжэн Хэ, но, если враг услышит, спалятся оба.

Джимми Дьем от жизни хотел одного: стать настолько хорошим командиром отряда, чтобы его заметили и похвалили. Тогда они с Цуфэ могли бы пожениться, и, если повезет, как раз в то время, когда вояж к В(ы)ключенной начнет окупаться. Разумеется, все это до появления авральников и атаки. А сейчас что? Он возглавляет заговор и поставил всё на считаные минуты адского риска. Ну хоть уже движняк пошел наконец.

Менее чем за сорок секунд они преодолели четыре тысячи метров посолонь корабельной свалки. Солидный объем альпинистской работы в космосе, даже если бы сверху не светило Новое Солнце, даже не сковывай их серебристая ткань. Они чуть не потеряли Фама Патиля. Быстрый спуск возможен, когда знаешь, куда воткнуть следующий альпеншток, какой у карабина предел нагрузки, какое ускорение можно себе придать по тросу. Но осматривать скалы можно было только по плану курсокорректирующих работ с электросоплами. Предлога протестировать точки спуска просто не нашлось. Патиль сорвался в

миг, когда ускорение его составляло почти 0,5*g*. И улетел бы навсегда, если б Цуфэ с Джимми его не подстраховали. Несколько секунд промедления, и прямой солнечный свет сжег бы их прямо через стекла скафандров.

Но ведь сработало! Они переместились по противоположной звездолетам стороне и возникли там, откуда эти мудаки гостей не ждали. Пока все глазеют на солнце и ослеплены им, группа Джимми займет позицию.

Они затаились у причала «Сокровища». Корабль в высоту достигал шестисот метров, и они были так близко, что видели жерло воронки таранника и передний бак. Но даже тщательное обследование перед операцией выявило лишь, что звездолет пострадал меньше всех кораблей Чжэн Хэ. На борту есть оборудование и, что важнее, *люди*, готовые отвоевать себе свободу.

Все творилось в тени, но газовый ореол уже доставал достаточно высоко. Отраженный свет смягчал тьму. Джимми с товарищами сбросили серебристые накидки и термокуртки. Даже в скафандрах полного давления и шлемах пробирал холодок. Они перебежками продвигались к цели, волоча инструменты, самодельное оружие и пытаясь не высовываться под льющийся с пы-

лающих небес свет. Но ярче ведь уже не станет? Однако таймер показал, что после Поджига не прошло еще и сотни секунд. До максимума Яркости оставалось еще около сотни.

Троица вскарабкалась по швартовым, и пасть воронки ионного прямоточного двигателя «Сокровища» нависла над ними. Одно тут хорошо: когда лезешь на борт такой массивной штуки, как звездолет, она под тобой не шелохнется и не опрокинется. На «Сокровище» должны быть техники. Но ожидают ли они сейчас, в разгар суматохи, нападения вооруженных незнакомцев? Риск просчитывали многажды, и снизить его не получалось. Однако если получится захватить звездолет, у них в руках будет лучшее из уцелевшего оборудования и оружия, а еще к ним присоединятся выжившие боевые программисты Чжэн Хэ. Тогда кошмару можно положить конец.

Ты смотри, свет пробивается через всю толщу алмазной скалы! Джимми на миг замер, зачарованный зрелищем. Даже на такой высоте их от света В(ы)ключенной отделяло не менее трехсот метров алмазной толщи. Но этого не хватило. Дробясь на миллионах плоскостей скалывания, отражаясь, поглощаясь, диффундируя и дифрагируя, свет В(ы)ключенной все же проникал

через скалу. Сверкал бесчисленными радугами, зажигал тысячи солнечных дисков в миниатюре на склоне алмазной горы. И с каждой секундой он только разгорался, пока Джимми не увидел внутреннюю структуру скалы: сколы и плоскости спайности, правильными рядами уходящие на сотни метров в глубину алмаза. Свет продолжал разгораться.

«Хренасе, в темноте проскочили». Джимми унял воображение и полез вверх. С поверхности астероида кромка шлюза казалась маленьким волдырем на краю пасти таранного двигателя, но по мере подъема разрасталась, и центр ее располагался точно над его головой. Дьем махнул Патилю с До, чтобы подобрались с разных сторон люка. Авральники, разумеется, перепрограммировали шлюз, но не стали ничего менять на физическом уровне, в отличие от времянки. Цуфэ подсмотрела коды доступа в бинокль, и теперь прикосновения их перчаток вполне сойдут за пароль. Сколько там охраны? «Мы их одолеем. Я знаю, мы это можем». Он потянулся к кодовой панели у шлюза, и тут… его кто-то пинганул.

— Джимми, Джимми! Слышишь меня?

Едва слышный голосок в ухе. Анализатор сообщал, что его вызвали по зашифрованному каналу

— лазерным импульсом с крыши хабитата авральников. Но голос принадлежал Фаму Тринли.

Джимми замер. В худшем случае это означало, что враг раскрыл заговор и пытается их выманить. В лучшем — Фам Тринли догадался, куда они направятся после «Далекого сокровища», и теперь так им подгадил, как не представлялось в самых страшных кошмарах. «Не обращай на старого идиота внимания, а если выживешь, выбей из него дурь». Джимми глянул в небо над Хаммерфестом. Кометный ореол астероида стал бледно-фиолетовым и слабо заклубился в сиянии В(ы)ключенной. В космосе лазерную связь почти невозможно засечь. Но это больше не космос как таковой, а скорей подобие кометной поверхности при близком пролете. Если авральники знают, куда смотреть, они вполне могут *увидеть* луч связи Тринли.

Джимми ответил миллисекундным сжатым импульсом в обратном направлении.

— Отключись, старый засранец. Сейчас же!

— Сейчас. Первое: они знают про план. Они взломали твой шифр. — Да, это Тринли, но какой-то не такой. Тринли же ничего не говорили про подпольную сеть. — Это ловушка, Джимми. Но они пока не знают всего. Отступи. Что бы они

там ни запланировали, внутри «Сокровища» ты только хуже себе сделаешь.

Господи. На миг у Джимми отнялись руки и ноги. Мысли о крахе и смерти преследовали его во сне каждую ночь после атаки авральников. Они преодолели тысячу опасностей на пути сюда. Он понимал, что их могут обнаружить. Но никогда не думал, что вот так вот выйдет. Что бы там ни пронюхал старый дурак, это важно. Или не важно. А отступить сейчас, наверное, худший из мыслимых исходов. Поздно. Тупо поздно.

Джимми с усилием открыл рот и заставил губы произнести:

— Я кому говорю, отключи связь!

Он отвернулся к корпусу «Сокровища» и отстучал на панели код доступа авральников. Прошла секунда, створки разошлись. До с Патилем нырнули вперед, во мрак воздушного тамбура. Дьем задержался на секунду, шлепнул на корпус рядом с люком какой-то маленький гаджет и последовал за ними.

12

Фам Тринли отключил связь. Развернувшись, он быстро полез обратно в расщелину. Нас одурачили. Томас Нау сам по себе был слишком

умен, а к тому же располагал каким-то сверхъестественным чутьем на опасность. Тринли видел сотню операций, некоторые — масштабом меньше этой, другие — продолжительностью в несколько веков. Но еще никогда не встречал он столь фанатичного внимания к деталям, как у авральников, в журналах прослушки подпольной закриптованной сети. У Нау либо фантастические программы, либо сотрудники-мономаньяки. Где-то в глубине разума встрепенулся стратег, прикидывая, что это может быть и каким именно образом Фаму Тринли однажды удастся обернуть его на пользу себе.

Теперь же следовало позаботиться исключительно о собственном выживании. Если Дьем уберется с «Сокровища», капкан, расставленный Нау, сработает вхолостую — или же ранит, но не смертельно.

Алмазная скала засияла, словно величайший в истории драгоценный камень, напоенный солнечным светом. Свет впереди почти ослеплял, но расплывался в нечеткий нимб там, где к В(ы)ключенной тянулись ледяные пики. Серебристый навес от солнца раздувался и был привязан теперь лишь в трех местах.

Внезапно руки и колени Фама потеряли опо-

ру. Он успел зацепиться и повис на одной руке. В костях его отдался стон гор. По всей длине расщелины из недр ее поднялся туман — и алмазная гора шевельнулась. Скорость движения не превышала сантиметра в секунду — но громада *сдвинулась*. Фам видел, как сочится из трещины свет. Он помнил карты, составленные топографическим отрядом. Алмаз-1 и Алмаз-2 соприкасались по общей плоскости. Инженеры авральников использовали простиравшуюся над ним долину как склад снега и льда с Арахны. Очень удобное решение… и не слишком хорошо просчитанное. Часть летучих веществ просочилась в зазор между горами. Свет, отражавшийся от Алмаза-1 и Алмаза-2, нашел путь для складированных воздуха и льда. Энергия их кипения расталкивала алмазные горы. Стометровой толщины преграда превратилась в издырявленную заслонку, усаженную миллионом зеркал. И свет, сиявший сквозь нее, был подобен радуге в аду.

— Сто сорок пять киловатт на квадратный метр.

— Пиковое значение, — сказал кто-то.

В(ы)ключенная сейчас сияла в сто раз ярче стандартного солнца. Зависимость, известная по предыдущим вспышкам, соблюдалась, хотя

эта была ярче большинства. В(ы)ключенная сохранит эту светимость еще десять тысяч секунд, затем резко потускнеет примерно до двух солнечных и продержится так долгие годы.

Триумфальных возгласов не последовало. Последние несколько сот секунд толпа на базе провела почти в полном молчании. Сперва Киви с головой ушла в обиду за то, что ее загнали внутрь. Потом успокоилась, увидев, как один за другим стали рваться фрагменты серебристого навеса и лед угодил под прямой солнечный свет.

— Я же говорила Джимми, что долго он не продержится.

Все же она перестала сердиться. Игра света завораживала, но урон оказался выше расчетного. Повсюду били гейзеры испарявшегося газа, и несчастные электросопла не могли быть рассчитаны на эту дополнительную тягу. Пройдут мегасекунды, прежде чем удастся успокоить скалы.

Затем, спустя четыреста секунд после Поджига, навес полностью содрало. Он медленно воспарил в фиолетовые небеса, крутясь и вихляя. Дежурного отряда, которому полагалось под ним укрываться, видно не было. Послышались встревоженные шепотки. Нау тронул свою манжетку,

и голос его вдруг перекрыл гомон в зале:

— Не тревожьтесь. У них было в запасе несколько сот секунд, когда навес начал отрываться: полно времени, чтоб укрыться в тени.

Киви кивнула, но сказала Эзру тихо:

— Если их не сорвало со скалы. И вообще я не понимаю, зачем они туда поперлись, начнем с этого.

Если их сорвало со скалы и вынесло на свет… Даже в куртках они просто изжарятся.

Он почувствовал прикосновение ладошки. «Дочь полка вообще отдает себе отчет, что взяла меня за руку?» Но, выждав секунду, он тоже осторожно стиснул ее руку. Киви глядела на зону основных работ.

— Я должна была остаться там. — Она это повторяла без устали с той поры, как ее затащили внутрь, но теперь тон ее сильно изменился.

Наружный обзор дрогнул, словно что-то ударило по всем камерам одновременно. Свет, проникавший сквозь толщу Алмаза-2, полыхнул иззубренной полосой. И тогда раздался *звук*, стон, чья громкость все возрастала, а тон гулял вверх и вниз.

— Вахтмастер! — пробился чей-то громкий, настойчивый голос. Не техник авральников — те

докладывали, точно роботы, — а Ритсер Брюгель. — Алмаз-2 сдвигается, соскальзывает…

Теперь это было очевидно. Вся гора тряслась. Миллиарды тонн сорвались с привязи. А стон, огласивший зал, наверняка производили канаты, выкручивавшиеся под времянкой.

— Он нам не грозит, сэр. — Эзр и сам это видел. Громада перемещалась медленно: скользила, не задевая базы. Путь ее лежал в сторону от Хаммерфеста, времянки и заякоренных звездолетов. Ракурс наружного обзора немного повернулся, а теперь возвращался в прежнюю позицию. Все в зале потянулись к фиксаторам.

Хаммерфест был встроен в толщу Алмаза-1. Огромная скала казалась неподвижной, неизменной. Что же до звездолетов… Рядом с алмазными глыбами — сущие малютки, но каждый корабль весил миллион тонн, не считая топлива, а в длину превышал шестьсот метров. Сейчас эти суда медленно раскачивались на привязи у Алмаза-1. Танец левиафанов, и, если его не остановить, катастрофа неминуема.

— Вахтмастер! — воззвал Брюгель. — У меня тут голосовой вызов от командира Дьема.

— Включи его!

По ту сторону воздушного шлюза царила непро-

глядная тьма. Свет не зажегся. Атмосферы не оказалось. Дьем и его товарищи вылетели из шлюза в туннель, подсвечивая себе дорогу нашлемными фонарями. Они заглядывали в пустые каюты по обе стороны туннелей: частично взорванные, выпотрошенные на несколько метров в глубину. *Неповрежденный* корабль, говорите? У Дьема похолодело внутри. Враг явился сюда после битвы и высосал корабль подчистую, оставив пустой каркас.

Цуфэ сказала за его спиной:

— Джимми, «Сокровище» сдвинулось.

— Угу, я касаюсь стены. Похоже, его крутит на тросе.

Дьем сунулся в лестничный пролет и коснулся шлемом стены. Да. Будь здесь воздух, по всему кораблю раскатились бы стоны, предвещая разрушение. Значит, вспышка переместила скалы сильней, чем ожидалось. Днем раньше эта мысль повергла бы его в ужас. Но сейчас…

— Цуфэ, не думаю, что это так уж важно. Давай дальше.

Он повел До и Патиля вверх по лестнице, взбираясь все быстрее. Значит, Фам Тринли был прав и план обречен на провал. Так или иначе, он собирался узнать, как с ними поступили. И, если

повезет, сообщить правду остальным.

Внутренние шлюзы были выбиты, повсюду царил вакуум. Они пролетели через бывшие ремонтные ангары и мастерские, миновали глубокие дыры на месте стартовых инжекторов.

Высоко в направлении кормы корабля, в сторону заэкранированного сердца «Далекого сокровища», туда, где лазарет и гибернаторы. Вон там… Джимми и его товарищи протиснулись мимо экранирующих щитов. Касаясь рукам стен, они чувствовали треск и медленные подвижки корпуса. Пока что заякоренные звездолеты не столкнулись, хотя Джимми не был уверен, успеют ли они это осознать, если вдруг. Эти корабли такие большие, такие массивные, что даже столкнись на скорости в несколько сантиметров за секунду…

Они влетели на лазаретную палубу. Тут, по утверждениям авральников, содержались выжившие боевые программисты.

Что, и тут пусто? Очередная ложь?

Джимми проскользнул в люк. Свет нашлемных ламп заметался по каюте. Цуфэ До вскрикнула.

Нет, не пусто. Тут были трупы. Он посветил своим фонарем. Везде… гибернаторов нет, но каюта по самые переборки забита телами. Дьем

снял фонарь со шлема и прикрепил к открытому участку стены. Тени плясали и извивались, но теперь они видели лазарет полностью.

— Они… они же все мертвы? — спросил Фам Патиль тоном ребенка, которому приснился ужасный сон.

Дьем не ответил и полетел вдоль тел. Трупы были сложены штабелями. Сотни тел, втиснутые в маленький лазарет. Он узнал некоторых офицеров. Мать Киви. Лишь несколько тел носили следы взрывной декомпрессии. *А отчего же погибли остальные?* Некоторые умерли со спокойным выражением, но другие… Он замер, пришпиленный к месту взглядом блестящих мертвых глаз. Лицо изнуренное, синяки и пятна обморожения через весь лоб. Этот человек прожил еще некоторое время после атаки. И Джимми узнал его.

Цуфэ перелетела к нему через каюту, тень ее частично прикрыла жуткое зрелище.

— Это один из тех, с Трехземья, да?

— Ага. Кто-то из геологов, как я помню. — Ученый, один из тех, кто, как считалось, интернирован в Хаммерфест. Дьем вернулся к лампе. Сколько же их тут? Штабеля тел уходили во мрак, туда, где раньше были стены. Они что, убили

всех? Тошнотворный ком подкатил к горлу.

Патиль после первого, бессмысленного вопроса парил в пустоте не шевелясь. Но Цуфэ трясло, голос ее прыгал от глухо-спокойного до визгливо-безумного.

— Мы-то думали, им заложники нужны. А все это время тут были одни мертвецы. — Она истерически захохотала. — И не важно, да? Мы в это поверили, мы служили своей вере.

— Может, и нет. — Внезапно тошнота отступила. Капкан захлопнулся. Без сомнения, им с Цуфэ и Патилем недолго осталось жить. Но каждая лишняя секунда жизней может помочь в деле разоблачения чудовищ. Он вытащил из скафандра голосовой ретранслятор, нашел свободный участок стены и присобачил его туда. «Еще одно запрещенное устройство ввода-вывода. Владение им карается смертью. Да-да, я понял». Но теперь он мог пересылать свои слова по всей длине «Сокровища», к широкополосному передатчику, оставленному у входа. Ближний участок времянки попадет в зону трансляции. Встроенные приборы ее тоже засекут. И уж наверняка некоторые, отозвавшись на приоритет послания, ретранслируют его туда, где Дьема услышат люди Чжэн Хэ.

Джимми заговорил:

— Чжэн Хэ! Услышьте меня! Я на борту «Далекого сокровища». Корабль выпотрошен. Они убили всех, кто, как мы полагали, тут…

Эзр, как и все в зале, выждал секунду, пока Ритсер Брюгель наладит связь. Потом Джимми заговорил:

— Чжэн Хэ! Услышьте меня! Я…

— Командир отряда, с вами все в порядке? — перебил Томас Нау. — Мы вас не видим снаружи.

Джимми рассмеялся.

— Это потому, что я на борту «Далекого сокровища».

Вид у Нау был озадаченный.

— Я не понимаю. Команда «Сокровища» не докладывала…

— Разумеется, не докладывала. — Эзр так и слышал, как Джимми ухмыляется микрофону. — Видите ли, «Далекое сокровище» — корабль Чжэн Хэ, и мы вернули его себе!

По всем лицам в поле зрения Эзра прокатилась волна радостного шока. Значит, таков был их план! Заполучить себе исправный корабль, может даже с исходными боевыми системами. Там главный лазарет авральников, боевые программисты и старшие офицеры, уцелевшие после

атаки. «У нас появляется шанс!»

Томас Нау, видимо, тоже это понял. Озадаченное выражение пропало с его лица, сменившись гримасой гнева и страха.

— Брюгель? — сказал он в пространство.

— Вахтмастер, мне кажется, он говорит правду. Он передает по служебному каналу «Сокровища», и я больше никого не могу вызвать.

График мощности в главном окне перевалил за отметку 145 киловатт на квадратный метр. Свет, отражавшийся от Алмазов 1 и 2, испарял снег и лед в тени. Глыбы руд и льда весом в десятки и сотни тысяч тонн неторопливо шевелились меж алмазных громадин. Движение их было практически незаметно: считаные сантиметры в секунду. Но некоторые валуны уже вырвались на свободу. Сколь бы медленно ни двигались они, этого хватит, чтобы разрушить любое творение рук человеческих, с которым они столкнутся.

Нау пару секунд смотрел в это окно, а когда заговорил, в голосе его послышалась едва ли не мольба вместо приказа:

— Дьем, ну послушай. Не получится. Поджиг вызвал разрушения, которых не предвидел никто…

Резкий смешок на том конце линии перебил его.

— Никто? Не совсем. Это мы слегонца все встряхнули по станционной сети. Может, там и накопилась неустойчивость, но мы им дали хорошего пинка.

Киви сжала руку Эзра. Глаза девочки распахнулись от изумления. Эзру стало нехорошо. Станционная сеть стабилизации скал и так сбоила, но зачем все осложнять *еще больше*?

Вокруг застегивали скафандры полной защиты и шлемы; кое-кто уже вылетал через двери зала. Всего в сотне метров парил солидных размеров валун руды. Он поднимался медленно, и по его верхушке прямой наводкой били лучи солнца. Глыба совсем чуть-чуть разминулась с навершием времянки.

— Но, но… — На миг у словоохотливого вахтмастера точно язык отнялся. — Погибнут ваши собственные люди! Кроме того, мы разоружили «Сокровище». Это же лазарет, бога ради!

Минуту никто не отвечал, слышались приглушенные звуки перепалки. Эзр заметил, что старший флот-инженер авральников, Синь, не проронил ни слова. Он лишь смотрел на своего вахтмастера широко раскрытыми от изумления глазами.

Джимми снова возник на связи:

— Будь ты проклят! Ты выпотрошил системы оружия? Тебе это не поможет, коротышка. Мы припасли четыре кило С-семь. Ты ведь не подозревал, что у нас доступ на склад взрывчатки, э? С этими электросоплами можно много всего провернуть, о чем ты был не в курсе.

— Нет… нет… — Нау бесцельно мотал головой.

— Вахтмастер, ты сам сказал, что это лазарет. Тут не только наши боевые прогеры в гибернаторах, но и твои люди. Пускай корабль и разоружен, но, сдается мне, у нас неплохой козырь в переговорах.

Нау бросил умоляющий взгляд на Эзра с Киви.

— Перемирие! Покуда скалы не успокоим!

— Нет! — заорал Джимми. — Если тебя за горло не держать, ты вывернешься!

— Твою мать, человече! Да там же твои соплеменники, на «Сокровище»!

— Не будь они в гибернаторах, согласились бы со мной, вахтмастер. Время кончать спектакль. У нас двадцать пять *твоих* соплеменников в лазарете да вдобавок пять техников. Мы тоже умеем брать заложников. Ноги в руки — и вали сюда вместе с Брюгелем. Шлюпки возьмите, с ними все чисто. У вас тысяча секунд.

Нау всегда казался Эзру Виню крайне расчет-

ливым типом. Шок у него, похоже, миновал. Нау театральным жестом вздернул подбородок и окрысился на Джимми:

— А если нет?

— Мы проиграем, но и вы тоже. Для начала мы убьем твоих людей. Потом сорвем «Сокровище» с якоря с помощью С-семь. И влепим тебе прямо в твой гребаный Хаммерфест.

Киви слушала, побледнев, распахнув глаза от ужаса. Вдруг выдержка ей изменила, и она зарыдала в голос:

— Нет, нет! Джимми, пожалуйста, не надо!

Несколько секунд все смотрели на Киви. Даже лихорадочная суета шлемов и перчаток стихла: единственным звуком остался громкий скрип канатов базы, которые медленно выворачивало из креплений. Мать Киви была на «Далеком сокровище», отец — в Хаммерфесте, вместе с остальными жертвами мозговой гнили. В анабиозе или фокусе: большинство уцелевших членов экспедиции Чжэн Хэ пребывали в одном из этих состояний. Триксия… «Джимми, ты переборщил. Сбавь обороты!» — но слова эти застыли в горле Эзра. Он все поставил на Джимми. Если смертельная угроза вынудила заколебаться Эзра Виня, может быть, и Томас Нау дрогнет.

Джимми ответил, не обратив внимания на вопли Киви:

— У вас осталось девятьсот семьдесят пять секунд, вахтмастер. Я бы советовал вам с Брюгелем поторапливаться.

Нау трудно было бы уложиться в отведенный срок, даже стартуй он из времянки прямо сейчас. Он повернулся к Синю и вполголоса осведомился о чем-то.

— Да, могу. Маршрут опасный, но обломки движутся на скорости менее метра в секунду. Увернемся.

Нау кивнул:

— Тогда летим. Нужно, чтобы… — Он облачился в скафандр и застегнул шлем. Голос его стал неслышен.

Двое устремились к выходу с базы. Толпа Чжэн Хэ и авральников расступалась перед ними.

Из динамика донесся резкий гулкий удар — и вдруг оборвался. Кто-то в зале крикнул, указывая в главное окно. От «Далекого сокровища» отлетело что-то маленькое, яркое и стремительное. Обломок корпуса.

Нау замер в дверях. Оглянулся на «Далекое сокровище».

— Системы слежения докладывают, что «Дале-

кое сокровище» разломилось, — отрапортовал Брюгель. — Множественные взрывы на радиальной кормовой палубе номер пятнадцать.

Там располагались гибернаторы и лазаретное оборудование. Эзр не мог ни шевельнуться, ни отвести взгляд. Корпус «Сокровища» треснул еще в паре мест. Из дыр ударил бледный свет: в буре Поджига он казался совсем тусклым. Неопытный глаз мог бы и проглядеть повреждения «Сокровища». Корпусные пробоины в длину едва достигали пары метров каждая. Но С-7 у Чжэн Хэ считалась самой мощной химической взрывчаткой, и сдетонировали, вероятно, все четыре килограмма. Радиальная палуба № 15 находилась за четырьмя переборками, в двадцати метрах от внешней части корпуса. Распространяясь внутрь, взрыв неизбежно уничтожил воронку ионного прямоточного двигателя «Далекого сокровища». Это означало гибель еще одного звездолета.

Киви неподвижно парила в центре зала, недосягаемая для утешений.

13

Потянулись килосекунды, столь загруженные, каких не помнил Эзр за всю жизнь. Ужас от провала Джимми копошился в уголках его

разума. Некуда было прогнать это чувство. Они все оказались слишком заняты спасением всего, что можно было спасти после естественной и рукотворной катастрофы.

На следующий день Томас Нау обратился к выжившим во времянке и в Хаммерфесте. Томас Нау, глядевший на них из окна, казался ощутимо уставшим, и не было в его речах привычной гладкости.

— Дамы и господа, поздравляю вас. Мы пережили второй по силе Поджиг за всю историю наблюдений В(ы)ключенной. И нам это удалось, вопреки ужасающему предательству. — Он переместился ближе к камере, точно заглядывая в лица утомленным слушателям — авральникам и Чжэн Хэ. — Нашей главной работой на следующие мегасекунды станет оценка повреждений и учет того, что еще подлежит восстановлению… но я поневоле буду с вами откровенен. Первоначальная битва между авральниками и Чжэн Хэ имела разрушительные последствия для Чжэн Хэ; с сожалением должен признать, что и для авральников они оказались почти такими же скверными. Мы пытались скрыть масштаб понесенного урона. У нас хватало медицинской аппаратуры, запасного оборудования и поднято-

го с Арахны сырья. Мы привлекли бы опыт сотен старших офицеров Чжэн Хэ, как только уладили бы все вопросы с режимом безопасности. Тем не менее мы и так работали на пределе. После вчерашних событий запас прочности исчерпан. В данный момент у нас не осталось ни одного исправного таранника — и неясно, сумеем ли мы собрать из обломков хотя бы один. — Столкнулись только два звездолета. Но, видимо, «Далекое сокровище» перед тем пострадало меньше всех остальных кораблей, а после взрыва, устроенного Джимми, его двигатель и большую часть систем жизнеобеспечения можно было выбрасывать.

— Многие из вас рисковали жизнями последние килосекунды, спасая остатки летучих веществ. В этой части катастрофы, как сейчас представляется, не виноват никто. Никто не предвидел силы этого Поджига или эффекта, какой окажет лед, застрявший в алмазных расщелинах. Как вы знаете, нам удалось спасти большую часть крупных блоков. Лишь три пока в свободном полете. — Бенни Вэнь с Чжау Синем сейчас пытались притащить назад эти и еще несколько глыб поменьше. До них было от силы километров тридцать, но крупные блоки весили по сто тысяч тонн каждый, а тащить их приходилось только

шлюпками да поврежденным лихтером.

— Поток излучения В(ы)ключенной упал до двух с половиной киловатта на квадратный метр. При такой интенсивности мы уже можем задействовать автоматику. Отряды рабочих, располагая скафандрами надлежащего качества, вероятно, тоже можем — на некоторое время. Но воздушный снег, испарившийся в космос, для нас потерян, и водяной лед по большей части тоже. — Нау развел руками и вздохнул. — Все получилось, как в многочисленных преданиях Чжэн Хэ, которые нам доводилось слышать. Мы сражались и сражались, пока чуть себя не уничтожили своими руками. С тем, что уцелело, домой не вернуться — не важно, чей это дом. Можно только догадываться, сколько мы протянем на уцелевших запасах. Пять лет? Сто лет? Старый принцип остается актуален: без поддержки полноценной цивилизации изолированной группировке кораблей и космонавтов восстановить былой технологический уровень не удастся.

На лице его возникла слабая мимолетная улыбка.

— Но надежда есть. В каком-то смысле эти катастрофы принудили нас сфокусироваться на том, что первоначально и должно было выступить

основной целью обеих миссий. Это больше не академический вопрос и даже не вопрос торговли и установления клиентских отношений со стороны Чжэн Хэ; нет, теперь само наше выживание зависит от доброй воли разумных существ Арахны. Они на грани Информационного века. Судя по всему, что нам известно, в текущем периоде Яркости у них должна возникнуть необходимая индустриальная среда. Если протянем еще несколько десятилетий, у пауков появятся все нужные нам отрасли промышленности. Наши экспедиции достигнут желаемого, хотя и ценой куда больших жертв, чем кому бы то ни было из нас представлялось изначально.

Продержимся ли мы еще пять десятилетий? Возможно. Можно ободрать уцелевшее оборудование с обломков кораблей, можно включить режим жесткой экономии… Настоящая проблема тут вот какая: сумеем ли мы наладить сотрудничество? Пока что история наших взаимоотношений оставляет желать много лучшего. Либо защищаясь, либо атакуя, мы все запачкались в крови. Вам известно, что совершил Джимми Дьем. В его заговоре участвовало не менее трех человек. Были и другие, но, если сейчас устроить охоту на ведьм, это нам не поможет. Поэтому я обращаюсь

в том числе и ко всем вам, торговцам Чжэн Хэ, которые участвовали в подготовке заговора, пусть даже на эпизодических ролях: помните, что планировали Джимми Дьем, Цуфэ До и Фам Патиль, и взгляните, к чему это привело. Они пытались уничтожить все корабли и раздавить Хаммерфест. Вместо этого они сами себя взорвали по неосторожности, погубив тех Чжэн Хэ, кто еще пребывал в анабиозе, и уничтожив лазарет, где тоже находилось много авральников и Чжэн Хэ.

Итак, нам предстоит изгнание. Изгнание, которое мы сами на себя навлекли. Я буду продолжать исполнение своих обязанностей покуда смогу, но без вашей помощи мне не справиться. Мы обязаны забыть о наших расхождениях и приглушить взаимную ненависть. Мы, авральники, многое знаем про Чжэн Хэ; мы сотни лет слушали передачи вашей общественной сети. Предоставленная вами информация послужила нам важнейшим подспорьем в деле восстановления технологии. — На его губах снова появилась эта усталая усмешка. — Я знаю, вы хотели превратить нас в добропорядочных клиентов; но все равно спасибо. А мы, авральники, достигли большего, чем вы могли бы от нас ожидать. Верю, нам удалось привнести во Вселенную Человека

нечто новое, удивительное и могущественное. Фокус! Многих из вас он сначала может удивить. Прошу вас, дайте нам шанс. Научитесь нашим путям, как мы научились вашим. Если все будем сотрудничать по доброй воле, выживем. И даже обретем процветание.

Лицо Нау пропало с дисплея, сменившись фоновой картинкой свежеперегруппированных астероидов. В зале торговцы переглядывались и шушукались. Гордыня у них была чудовищная, особенно в сравнении с клиентами. Даже величайшие клиентские культуры, такие как Намчем и Канберра, Чжэн Хэ считала бренными, обреченными на увядание, хотя и прекрасными цветами. Впервые Эзр увидел на стольких лицах своих соплеменников из Чжэн Хэ неприкрытый стыд. «Я работал на Джимми. Я помогал ему». Даже те, кто не помогал, наверняка обрадовались первым словам Джимми с «Далекого сокровища».

Да как же так получилось, что все полетело в тартарары?

За ним пришли. Сирет с Марли.

— К вам возникли некоторые вопросы.

Эсбэшники препроводили его вперед и вверх, но не к ангару транспортных шлюпок. Нау сидел в собственном кабинете Виня — флот-менеджер-

ском. С вахтмастером были еще Ритсер Брюгель и Анне Рейнольт.

— Садитесь… флот-менеджер, — тихо сказал Нау, жестом указав Эзру на место за столом.

Винь медленно подплыл туда и сел. Ему трудно было выносить взгляд Томаса Нау. Что до остальных… Анне Рейнольт казалась раздражительной и нетерпеливой, но это с ней всегда так было. Ее взгляда избегать труда не составляло, потому что она вообще не смотрела на него. Ритсер Брюгель выглядел усталым, как и сам вахтмастер, но по лицу его то и дело скользила странная усмешка. Брюгель смерил Виня тяжелым взглядом; тот вдруг понял, что авральника аж распирает от молчаливого торжества. Этому садисту чьи угодно смерти пустышкой покажутся.

— Флот-менеджер, — тихо повторил Нау, и Винь дернул головой в его сторону. — Насчет заговора Дж. Ю. Дьема…

— Я о нем знал, вахтмастер. — Слова прозвучали одновременно и вызовом, и признанием. — Я…

Нау поднял руку:

— Не трудитесь. Вы были незначительным соучастником. Мы еще нескольких выявили. Вот, скажем, тот старик, Фам Тринли. Он их прикрывал, делая вид, что операция на поверхности

продолжается, — и чуть не погиб за свою услугу.

Брюгель прихохотнул:

— Ага, чуть заживо не изжарился. До сих пор ноет, об заклад побьюсь.

Нау развернулся и взглянул на Брюгеля. Он ничего не сказал, только взглянул. Спустя миг Ритсер кивнул, и манера его поведения стала унылой копией манеры Нау.

Вахтмастер повернулся обратно к Виню:

— Никто не вправе ни торжествовать, ни гневаться по этому поводу. Теперь нам нужны все, даже Фам Тринли. — Он задумчиво воззрился на Виня, и Эзр наконец встретился с ним взглядом.

— Да, сэр, я понимаю.

— Мы позже расспросим вас о заговоре, флот-менеджер. Мы хотим определить всех, за кем стоит установить более пристальное наблюдение. Пока же есть занятия поважней, чем старые раны царапать.

— Вы даже после этого хотите сохранить за мной должность флот-менеджера? — Как же он ненавидел эту работу. Теперь ненависть только усилилась, но по совсем иным причинам.

Но вахтмастер кивнул:

— Вы хорошо справлялись, да это и сейчас так.

Более того, нам нужна непрерывность. Если вы демонстративно и чистосердечно подчинитесь моему руководству, шансы общины в целом на итоговое выживание повысятся.

— Да, сэр. — Иногда вину удается искупить. А в любом случае это больше, чем могли бы сделать Джимми, Цуфэ и Фам Патиль.

— Отлично. Насколько я понимаю, физическое положение наше стабилизировалось. Больше авральных ситуаций не предвидится. Что там у Синя с Вэнем? Они собираются вообще спасать эти ледяные блоки или где? Экономия топлива — более приоритетная задача.

— Мы уже запустили перегонные установки, сэр. Через несколько килосекунд начнется подача топлива. — И можно будет шлюпки дозаправить. — Надеюсь, последние ледяные блоки тоже удастся спасти, и через сорок килосекунд они уже окажутся в тени.

Нау глянул на Анне Рейнольт.

— Эта оценка близка к действительности, вахтмастер. Всё под контролем.

— Тогда у нас появляется время заняться более важными, человеческими делами. Господин Винь, сегодня мы выпустим несколько коммюнике. Я хочу, чтобы их смысл был вам полностью

ясен. Вас с Киви Лин Лизолет поблагодарят за помощь в расследовании заговора и выявлении его уцелевших участников.

— Но я…

— Да, я знаю, что это вранье. Но Киви в заговоре и так не участвовала, а ее помощь неоценима. — Нау помолчал. — Бедную девочку на части рвет. Она от гнева с ума сходит. Ради нее, ради блага всей нашей общины я хочу, чтоб вы мне подыграли. Мне это требуется, чтобы подчеркнуть: не все Чжэн Хэ иррациональны, есть и такие, кто откликнулся на мой призыв к сотрудничеству, и таких много.

Он снова помолчал.

— А теперь самое важное. Вы слышали мою речь. Вы обратили внимание на призыв научиться путям Аврала?

— Это вы про… фокус? — Про то, что на самом деле сотворили с Триксией.

За спиной Нау Ритсер Брюгель снова усмехнулся мимолетной ухмылкой садиста.

— В основном, — сказал Нау. — Вероятно, нужно было изначально рассекретиться, но подготовка требовала времени. Фокус в нынешних условиях — дело жизни и смерти, Эзр. Я прикажу Анне отвезти вас в Хаммерфест и все объяснить. Вам

первому. Хочу, чтобы вы поняли и примирились с этим. Когда вы через это пройдете, вам придется объяснить про фокус вашим людям, и, если они сумеют принять новое знание, остатки наших флотов, возможно, выживут.

Тайна, которую Винь так жаждал узнать, тайна, преследовавшая его во сне уже много мегасекунд, наконец откроется ему. Эзр пролетел за Рейнольт вверх по главному коридору к ангару такси-шлюпок. Каждый метр давался ему с трудом. Фокус. Инфекция, которую не смогли вылечить. Мозговая гниль. Ходили слухи, являлись кошмары, и теперь он *узнает*.

Рейнольт поманила его к шлюпке:

— Садитесь вон там, Винь.

Парадоксально: он предпочитал иметь дело с Анне Рейнольт. Она не скрывала своего презрения, но не было в ней ни капли садистского торжества, которым Ритсер Брюгель так и сочился.

Шлюпка загерметизировалась и отчалила. Времянка Чжэн Хэ все еще была заякорена на астероиде. Солнце сияло слишком ярко, чтобы ее отвязывать. Пурпурное небо снова стало черным, но к звездам устремлялось полдюжины кометных хвостов — сорванные блоки льда еще

плавали в паре километров от поверхности. Вэнь с Синем где-то там.

Хаммерфест располагался метрах в пятистах от времянки: туда бы одним прыжком долетели, пожелай того Рейнольт. Вместо этого они продвигались через космос в комфорте, достойном смирительной рубашки. Наблюдателю, не видевшему этого места до Поджига, могло бы показаться, что никакой катастрофы не случилось. Чудовищные скалы давно уже замерли. Сорванные снег и лед опять складировали в тени фрактальной грудой: сперва крупные куски, потом все мельче и мельче. Вот только льда стало меньше, а воздушного снега — существенно меньше. Теперь теневая сторона свалки озарялась светом, подобным лунному — отраженным от Арахны. Такси пролетело метрах в пятидесяти над группами рабочих, пытавшимися кое-как перенайтовить электросопла. В последний раз, когда Эзр удосужился проверить, Киви Лизолет оказалась именно там, в какой-то степени руководя работами.

Рейнольт пристегнулась к сиденью напротив Виня.

— Успешно фокусированные все там, в Хаммерфесте. Вы сможете поговорить почти с любым,

кого выберете.

Хаммерфест напоминал элегантное имение. Роскошное ядрышко операции авральников. Эзра это несколько успокаивало. Он твердил себе, что Триксии и остальным там неплохо. Могли же их удерживать и так, как заложников из давней истории Чжэн Хэ, как Сотню на Дальней Пьорье. Но ни одному вменяемому торговцу не пришло бы в голову укоренить хабитат на мусорной свалке. Такси летело над прекрасными своеобразной мрачной красотой башнями выраставшего из хрустальной плоскости сказочного замка. Вскоре он узнает, что за тайны хранит твердыня… и тут то, как построила фразу Рейнольт, наконец привлекло его внимание.

— Успешно фокусированные?

Рейнольт пожала плечами:

— Фокус — это, так сказать, мозговая гниль на поводке. Мы потеряли в первоначальных конверсиях до тридцати процентов; в грядущие годы, быть может, потеряли бы еще больше. Но самых тяжелых пациентов переместили на «Далекое сокровище».

— Но зачем…

— Молчите и дайте мне объяснить. — Она отвлеклась на что-то за плечом Виня и несколько

секунд просидела в молчании. — Вы помните, как вам стало плохо во время атаки. Вы догадались, что эту болезнь на вас напустили мы; ее инкубационный период стал важным элементом нашего плана. Чего вы не знаете, так это что военное применение микроба обладает лишь второстепенной значимостью. — Мозговая гниль была высоковирулентным заболеванием. Ее первоначальная, естественная форма унесла миллионы жизней в родной системе авральников, сокрушила их цивилизацию… и заложила основу дальнейшей эры экспансии. Ибо исходные штаммы заразы оказались необычайно полезны: они содержали целый клад нейротоксинов.

— За столетия, минувшие с Чумных Лет, Аврал укротил мозговую гниль и обратил ее на службу цивилизации. Ее нынешняя форма требует особой стимуляции для проникновения через гематоэнцефалический барьер и распространяется в мозгу почти без последствий, инфицируя в девяноста процентах случаев только глиальные клетки. И теперь мы умеем контролировать высвобождение психоактивных веществ.

Такси замедлилось и развернулось точно к шлюзу Хаммерфеста. По небу проплыла Арахна — «полная луна» диаметром почти полградуса.

Планета сияла ровным белым светом, бури ее возрождения ярились под облачной пеленой.

Эзр это едва заметил. Воображение его оказалось сковано видением, порожденным сухим профессиональным жаргоном Анне Рейнольт. Ручной вирус авральников проникает в мозг, размножается десятками миллиардов копий, отравляет еще живой мозг ядом. Он вспомнил убийственное давление, обруч, стиснувший его виски в момент отлета посадочного модуля с Арахны. Это болезнь барабанила в ворота его сознания. Эзру Виню и всем остальным обитателям времянки Чжэн Хэ удалось отразить нападение, а может, мозги их еще были инфицированы, просто болезнь затихла. Но Триксию Бонсол и тех, рядом с чьими именами стоял символ фокуса, подвергли особой обработке. Вместо того чтобы лечить, сотрудники Рейнольт стимулировали болезнь в мозгу жертвы, словно плесень в толще фрукта. Будь в катере хоть намек на силу тяжести, Эзра наверняка стошнило бы.

— Но зачем?

Рейнольт не обратила на него внимания. Открыв люк, она препроводила его в Хаммерфест. Когда же заговорила снова, в ровном голосе ее послышалось что-то сродни энтузиазму.

— Фокусировка облагораживает. Это ключ к успеху Аврала и процедура куда более тонкая, чем вы думаете. Мы не просто психоактивного микроба создали. Эта форма прорастает в мозгу и поддается корректировке с миллиметровой точностью, а как только ансамбль вирусных частиц установлен, его действия можно направлять с такой же точностью.

Винь посмотрел на нее так тупо, что это непонимание даже броню Рейнольт пробило.

— Вы не поняли? Мы совершенствуем фокусировку внимания; мы способны превращать обычных людей в аналитические устройства.

И она углубилась в омерзительные детали. На планетах Аврала фокусировку проводили годами, в специальных учреждениях, что позволяло постепенно формировать гениев из обычных выпускников. Для Триксии и подобных ей процесс по необходимости осуществили резче. Долгие дни Рейнольт и ее техники настраивали вирус, активировали генетические последовательности, ответственные за выделение особых мыслемодифицирующих веществ, и все это под присмотром медицинских компьютеров авральников, которые собирали информацию с обычных установок мозговой диагностики…

— …теперь обучение завершено. Выжившие готовы отдаться исследованиям и продвинуться так далеко в профессиональном отношении, как им бы ни за что не удалось прежде.

Рейнольт вела его через комнаты с коврами на стенах и мягкой мебелью. Потом через коридоры, постепенно сужавшиеся до туннелей едва ли метровой ширины. Капиллярная архитектура, так это называлось в исторических фильмах… словно моментальный снимок из средоточия урбанизированной тирании. Наконец они очутились перед обычной дверью. Как и остальные до нее, дверь была помечена числовым индексом и наименованием специальности. На этой значилось:

Ф042.
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Рейнольт наконец заткнулась, но ненадолго.

— И последнее. Вахтмастер Нау полагает, что вас может шокировать увиденное. Я знаю, инопланетники часто реагируют на фокус неадекватно. — Она скосила глаза с таким видом, словно сомневалась во вменяемости Эзра Виня. — Итак, вахтмастер просил меня особо подчеркнуть, что фокус обычно обратим, по крайней мере в очень

высокой степени. — Она пожала плечами, словно выдав заученную речь.

— Откройте дверь, — каркнул Эзр.

Комнатенка была крохотная, слабо освещенная сиянием дюжины активных окон. От этого света вокруг головы человека внутри возникало гало. Короткая стрижка, тонкая фигура, простая одежда.

— Триксия? — тихо сказал он. Перелетел через комнату коснуться ее плеча. Девушка даже не обернулась. Винь подавил ужас и, облетев вокруг, заглянул ей в лицо. — Триксия?

На миг она, казалось, встретилась с ним взглядом. Затем, сбросив его ладонь, попыталась заглянуть ему через плечо в окна.

— Ты мне загораживаешь. Я же не вижу ничего! — произнесла Триксия нервным, почти паническим тоном.

Эзр покрутил головой, пытаясь сообразить, что там такого важного в этих окнах. Стены вокруг Триксии были покрыты структурными диаграммами порождающей грамматики. Одна секция полностью отведена под словарные варианты. Незейские слова в соотношении *n*:1 с непроизносимой абракадаброй. Типичная среда языкового анализа, хотя столько активных окон ни один

разумный человек не открывает. Взгляд Триксии метался от окна к окну, пальцы барабанили по клавиатуре, вводя команды и выбирая опции из меню. Время от времени она бормотала себе под нос какую-то команду. Лицо ее выражало предельную сосредоточенность. Не сказать, что совсем незнакомка, да это Эзра и не пугало никогда; он уже такое видел, когда девушка полностью уходила в какую-то языковую проблему.

Стоило Эзру убраться с линии ее взгляда, как она о нем тут же забыла. Она казалась… такой сфокусированной… как никогда прежде.

И Эзр Винь начал понимать.

Он наблюдал за ней еще несколько секунд, смотрел, как разбухают диаграммы в окнах, возникают новые варианты, меняются структуры. Наконец спросил тихо, почти без интереса:

— И как у тебя дела, Триксия?

— Хорошо. — Она ответила незамедлительно, почти таким же тоном, каким отвечала прежняя Триксия, будучи увлечена работой. — Книги из паучьей библиотеки бесценны. У меня уже сложилось понятие об их системе письма. Никто ничего подобного раньше не видел и не делал. Пауки видят не так, как мы; визуальное восприятие у них совершенно разнится с нашим. Если бы

не те учебники по физике, я бы и не додумалась до идеи расщепленных графем. — Голос ее оставался отстраненным, хотя и довольно бойким. Она не обернулась взглянуть на него, а пальцы продолжали сновать по клавиатуре. Глаза Виня привыкли к сумраку, и он стал замечать пугающие детали. Одежда чистая, свежая, но на груди липкие пятна, словно от сиропа. Волосы, несмотря на короткую стрижку, свалялись и засалились. На лице над губами что-то отсвечивало — крошка? носовая слизь?

«Она хоть умыться способна?» Винь опустил взгляд на дверной проем. В комнатенке и на троих бы места не хватило, но Рейнольт просунула голову и плечи внутрь. Без труда закрепившись на локтях, она с напряженным интересом глядела на Эзра с Триксией.

— Доктор Бонсол делает большие успехи, она даже лучше наших лингвистов, а они фокусированы еще с выпускных классов. Благодаря ей мы научимся языку пауков даже раньше, чем те вернутся к жизни.

Эзр снова коснулся плеча Триксии, и та снова отдернулась. Не от страха, не от гнева, а так, словно надоедливую муху сбрасывала.

— Ты меня помнишь, Триксия? — Ответа не

последовало, но он не сомневался, что помнит; просто не сочла вопрос настолько важным, чтоб на него отвлекаться. Она стала заколдованной принцессой, и лишь злые волшебники способны теперь снять чары. Но колдовства, вероятно, удалось бы избежать, прислушайся он к опасениям принцессы и прими сторону Сума Дотрана. — Триксия, мне так жаль…

Рейнольт вмешалась:

— Для первого визита достаточно, флот-менеджер. — Она жестом выгнала его из клетушки.

Винь стал протискиваться наружу. Триксия не сводила глаз с дисплеев. Что-то вроде этой сосредоточенности и привлекло некогда его интерес. Она была трехземельницей, из тех немногих, кто попал в экспедицию Чжэн Хэ без близких друзей или семьи. Она мечтала изучать подлинно нечеловеческие расы, узнать то, что было прежде человеку недоступно. Она гналась за этой мечтой яростно, как самые смелые торговцы Чжэн Хэ — за своими. И вот она получила то, о чем так мечтала. Но не более того.

На полпути к двери он остановился в воздухе и глянул ей в затылок.

— Ты счастлива? — спросил он тихо, не ожидая ответа.

Она не обернулась, но пальцы замерли над клавиатурой. Ни вид его лица, ни касание руки не произвели на девушку впечатления, а *слова* глупого вопроса заставили остановиться. Где-то в любимой голове вопрос пробился сквозь многослойную преграду фокуса и был удостоен кратких размышлений.

— Да, очень.

И пальцы снова застучали по клавишам.

Винь не запомнил, как вернулся во времянку, да и после этого в памяти удержались лишь обрывки. Например, встреча с Бенни Вэнем на стыковочной палубе.

Бенни хотел поговорить.

— Мы вернулись раньше, чем я вообще надеялся. Ты себе не представляешь, какие у Синя пилоты! — Он понизил голос. — Одна из них — Ай Сунь, ну, с «Невидимой руки». Она была навигатором. Одна из наших, Эзр. Но она вроде как мертвая внутри, как и все остальные пилоты и программисты авральников. Синь сказал, ее фокусировали. Он сказал, ты можешь объяснить. Эзр, ты же знаешь, мой папа в Хаммерфесте. Что там…

Больше Эзр ничего не запомнил. Может, он накричал на Бенни, а может, просто оттолкнул и

пролетел дальше. «Вам придется объяснить про фокус вашим людям, и, если они сумеют принять новое знание, остатки наших флотов, возможно, выживут».

Когда к нему вернулась способность соображать, Винь обнаружил, что висит один в центральном парке времянки и совершенно не понимает, как сюда попал. Парк раскинулся вокруг, с пяти сторон нависали лиственные кроны. Старая пословица гласила: «Без бактериальной ямы базе не прокормить обитателей; без парка обитатели потеряют души». Даже на таранниках, глубоко в межзвездной тьме, всегда есть капитанский бонсай. Во времянках покрупнее, на хабитатах с тысячелетней историей в системах Канберры и Намчема парку отведен самый большой участок конструкции, километр на километр природы. Но даже крохотный парк нес в себе тысячелетнюю мудрость дизайна Чжэн Хэ. Этот создавал иллюзию лесной чащи, наводил на мысль о созданиях больших и малых, которые поджидают вот за этим деревом. Соблюдение жизненного равновесия такого маленького парка было, вероятно, самым сложным проектом времянки.

Парк тонул в густеющих снизу сумерках. Спра-

ва между деревьями просвечивала тускнеющая фальшнебесная лазурь. Винь подтянулся и, перебирая руками, вылез на твердую почву. Путешествие было недолгим: в любую сторону парк не простирался дальше двенадцати метров. Винь опустился на глубокий мох у древесного ствола и прислушался к звукам остывающего лесного вечера. Мелькнула по небу летучая мышь, где-то рядом музыкально запело бабочкино гнездо. Летучая мышь, надо полагать, не настоящая. В таких маленьких парках крупным или быстрокрылым животным не прокормиться. А вот бабочки, вероятно, подлинные.

На благословенное мгновение все мысли оставили его…

…чтобы вернуться и вонзиться заточенными кинжалами. Джимми мертв. И Цуфэ тоже, и Фам Патиль. Умирая, они убили сотни других, в том числе людей, которые, может, знали бы, что теперь делать. «А я остался жить».

Еще полдня назад знание о том, что в действительности случилось с Триксией, свело бы его с ума от бешенства. Теперь гнев разбился о стыд. Эзр Винь тоже приложил руку к гибели «Далекого сокровища». Окажись Джимми чуть «успешней», в Хаммерфесте тоже бы все погибли. Неужели

быть идиотом и поддерживать идиотов — такое же зло, как предательская атака? Нет, нет, о нет! Но ведь, как ни крути, Джимми погубил значительную часть выживших после атаки. «И я должен искупить его вину. Я обязан объяснить про фокус нашим людям, и, если они сумеют принять новое знание, остатки наших флотов, возможно, выживут».

В горле у Эзра встал комок слез. Он должен убедить остальных смириться с тем, что сам бы с охотой предотвратил ценой собственной жизни. Ни учеба, ни книги, ни весь опыт девятнадцати лет не подготовили его к такой сложной задаче.

Неподалеку мигнул слабый огонек. Раздвинулись ветки. Кто-то вошел в парк. Неумело пробрался к центральной полянке. Свет скользнул по лицу Виня, потом отодвинулся в сторону.

— Ага, я так и подумал, что найду тебя на земле. — Это был Фам Тринли. Старик ухватился за низко свисавшую ветку и опустился на мох рядом с Винем. — Держись, паренек. У Дьема сердце было в правильном месте. Я ему помогал как мог, но он оказался беспечным сорвиголовой — помнишь, как он говорил? Ни за что не подумал бы, что он такой дурень, а вот поди ж ты. И столько народу погибло. Что ж, бывают и просёры.

Винь повернулся при этих словах; лицо собеседника сероватым комком очертилось в сумерках. Мгновение Винь балансировал на грани применения насилия. Так хотелось расквасить эту морду! Но он лишь отодвинулся чуть глубже во мрак и успокоил дыхание.

— Да, всякое бывает. — «И с тобой однажды может случиться». Конечно, у Нау в парке жучки.

— А, храбришься. Это правильно. — В темноте Винь не видел, улыбается ли старик с издевкой или отпустил дурацкий комплимент на полном серьезе. Тринли скользнул чуть ближе и понизил голос до шепота. — Не принимай близко к сердцу. Иногда надо по камушкам идти. И, думаю, мы сможем этим Нау крутить, как нам надо. Та речуга, которую он выдал, — ты разве не заметил? После всех тех смертей, которые из-за Джимми случились, Нау предлагает *примирение*. Клянусь, он ее где-то в нашей собственной истории надыбал.

Значит, даже в преисподней водятся клоуны. Фам Тринли, стареющий солдафон, для которого незаметный заговор сводится к перешептыванию в центральном парке времянки. Тринли совершенно бесполезен. И, еще хуже, он столько всего понял *наоборот*…

Они несколько секунд просидели в непроглядной тьме, и Фам Тринли, по счастью, молчал. Глупость его тяжелым камнем упала в пруд отчаяния Эзра Виня. И все там взбудоражила. Идиотские речи старика явили ему мишень, на которой можно было выместить гнев. А речь Нау… *примирительная*? В каком-то смысле — да. Нау представлял пострадавшую сторону. Но пострадали тут все. Сотрудничество оставалось единственным разумным выходом. Винь вернулся мыслями к словам Нау. Хм. Некоторые фразы вахтмастер и вправду позаимствовал… из речи Фама Нювена при Провале Брисго. Провал Брисго, сияющая вершина истории Чжэн Хэ, миг, когда торговцы спасли великую цивилизацию и миллиарды ее жителей. Если вообще можно соотнести столь грандиозное свершение с единственной точкой пространства-времени, то начало современной Чжэн Хэ было положено у Провала Брисго. Сходство с теперешней ситуацией стремилось к нулю, если не считать того факта, что и тогда необходимость сотрудничества слетевшихся из разных мест людей превозмогала ужас предательства.

За последние две тысячи лет речь Фама Нювена не раз транслировалась по всему Людскому

Космосу. Неудивительно, что и Томасу Нау она известна. Значит, он надергал оттуда несколько фраз, нащупывая общую почву… правда, в устах Томаса Нау «сотрудничество» подразумевало штучки вроде фокуса и того, что сделали с Триксией Бонсол. Винь понял, что краем сознания ощутил это сходство и был тронут. Но потом, увидев плагиат, оценил положение заново, с холодной настороженностью. Его погладили по шерстке, ободрили, а взамен Эзр Винь обязался принять… фокус.

Два дня бремя вины и стыда висело на нем. Теперь Эзр начал размышлять. Джимми Дьем не был ему *другом*. Джимми был на несколько лет старше, и с тех пор, как они впервые повстречались, Дьем неизменно оставался его командиром, постоянным непосредственным начальником. Эзр попытался вспомнить другого Джимми, подумать о нем беспристрастно. Эзр Винь сам по себе мало что значил, но он вырос, можно сказать, на вершине Семьи Винь.23. Его тети, дядья и кузены числились самыми успешными торговцами этого участка Людского Космоса. Эзр слушал их и играл с ними все детство, еще с колыбели… ну а Джимми Дьем просто был из другой лиги. Джимми тяжко трудился, а воображения ему не

хватало. Цели он преследовал весьма скромные, и это было к лучшему, потому что даже при такой усердной работе Джимми едва справлялся с управлением маленьким отрядом. «Хм, а я о нем никогда так не думал». Эзру стало грустно, ибо он вдруг понял, что суровый командир мог оказаться и приятным человеком, мог стать ему другом.

И так же внезапно он догадался, как, наверное, ненавидел Джимми игру с Томасом Нау на высоких ставках. Талантом, необходимым для таких вещей, Джимми не обладал и под конец попросту просчитался. Этот человек всего-то и хотел от жизни, что жениться на Цуфэ До и пробиться в среднее менеджерское звено… Чушь какая-то. Винь неожиданно осознал окружающую темноту, услышал, как стихают в деревьях песни бабочек. Сквозь куртку и штаны чувствовался прохладный мох. Он попытался в точности вспомнить слова, услышанные тогда через динамики зала. Голос принадлежал Джимми, в том сомнений не было. Акцент незейского в точности соответствовал выговору семьи Дьема. Но тон, выбор слов, уверенность и даже *наглость*, смешанная с *радостью*, были совершенно нетипичны. Джимми Дьем не смог бы подделать такую радость. Впрочем, Джимми Дьема и не могла бы охватить

такая радость.

Оставался единственный возможный вывод. Подделать голос и акцент Джимми было сложно, но им это каким-то образом удалось. А что еще они могли подделать?.. Джимми никого не убивал. Старшее офицерство Чжэн Хэ погибло еще до того, как Джимми, Цуфэ и Фам Патиль проникли на «Далекое сокровище». Томас Нау нагромоздил убийства на убийства, желая при этом оказаться на позициях морального превосходства. «Вам потребуется объяснить про фокус вашим людям, и, если они сумеют принять новое знание, остатки наших флотов, возможно, выживут».

Винь оцепенело смотрел на гаснущий в небе свет. Звезды блестели меж ветвей — поддельный ракурс неба, каким оно выглядит за световые годы отсюда. Он услышал, как рядом шевелится Фам Тринли. Старик неловко потрепал Эзра по плечу, долговязая фигура его всплыла с земли.

— Отлично. Ты уже не хнычешь. Я так и думал, что тебе нужна просто небольшая поддержка, и все. Ты помни, по камушкам надо. По камушкам. Нау же тюфяк; мы им вертеть будем как захотим.

Эзр дрожал, подавляя рвущийся наружу рык злости. Перехватив рык, он превратил его во

всхлип, кое-как выдав дрожь ярости за трепет опустошенности.

— Д-да. По камушкам.

— Ты хороший парень.

Тринли снова потрепал его по плечу, потом развернулся и стал пробираться меж деревьев. Эзр вспомнил, какой характеристики удостоил Фама Тринли после Поджига Ритсер Брюгель. Старик оказался иммунен к моральным манипуляциям Томаса Нау. Но это не важно; Тринли просто трус, погрязший в самообмане. «Ты помни, по камушкам надо. По камушкам».

Один Джимми Дьем стоил любого числа Фамов Тринли.

Как же хитроумно все распланировал Томас Нау! Он похитил души Триксии и сотен остальных. Он убил тех, кто мог бы изменить положение вещей. И он *воспользовался* совершенными убийствами, чтобы склонить уцелевших к добровольному сотрудничеству.

Эзр уставился на фальшивые звезды; ветви изгибались на фоне неба, словно когти. «Можно ли так надавить на человека, что он сломается и навсегда перестанет быть чужим орудием?» Глядя, как тянутся к нему темные когти деревьев, Винь пустил разум по нескольким направлениям.

Частью себя он пассивно наблюдал за происходящим, удивляясь, как мог постичь Эзра Виня такой распад личности. Другой частью закопался в себя, окунулся в печаль. Никогда не вернутся Сум Дотран и С. Дж. Пак, да и все обещания обратить фокус Триксии, наверное, лживы. Но третий фрагмент его личности сохранял хладнокровие и рассудительность. И готовность к убийству.

Для Чжэн Хэ и авральников Изгнание равно затянется на десятилетия. Большую часть времени они проведут вне вахты, в гибернаторах… но впереди все равно годы и годы. И Томасу Нау нужны все выжившие. Пока что Чжэн Хэ разгромлена, изнасилована и, как следует убедить Томаса Нау, введена в заблуждение. Хладнокровный фрагмент личности, готовый к убийству, обозревал перспективы грядущего с мрачной решимостью. Не такой жизни Эзр Винь для себя хотел бы. Не будет у него друзей, которым он смог бы безопасно довериться. Вокруг только враги и обманутые. Он смотрел, как исчезает у входа в парка свет фонарика Тринли. Дураков, подобных Фаму Тринли, можно будет использовать. Поскольку речь не идет о компетентном работнике Чжэн Хэ, Тринли можно пожертвовать, разменять на другую фигуру. Самому Виню Томас Нау уготовил

роль пожизненную, а наградой может оказаться в лучшем случае месть. «Но может, есть еще шансик, — попытался вставить исходный наблюдатель, — есть еще шансик, что Рейнольт не лгала насчет Триксии и обратимости фокуса».

Хладнокровный убийца окинул напоследок долгим взглядом годы кропотливой работы вниз по дороге… и на миг отступил. Несомненно, в парке за ним наблюдают скрытые камеры. Лучше не изображать чрезмерное спокойствие после всего случившегося. Винь свернулся в клубок и сдался на милость фрагмента, способного плакать.

Часть вторая

14

Лишь буквалисты станут оспаривать поговорку «Новое Солнце — новый мир». Да, ядро планеты от Нового Солнца, конечно, не меняется, и очертания континентов остаются в целом теми же. Но паровые бури первого года каждого солнечного цикла выжигают все, что остается на поверхности от прежней жизни. Леса и джунгли, прерии и болота — все должно возникать заново. А из творений паучества уцелеть могут лишь каменные постройки в затененных долинах.

Прорастающая спорами жизнь быстро наверстывает утраченное; бури ее сметают, но она вновь и вновь пускает ростки. В первые годы высшие животные порою высовывают рыла на поверхность из своих нор, пытаясь извлечь преимущество из первопробуждения, но это гиблое дело. Рождение «нового мира» столь жестоко, что это почти и не метафора.

…Но где-то на третьем-четвертом году бури начинают ослабевать. Лавины и гейзеры случаются реже, растения уже выживают по целому году.

Зимой, когда ветра тише, а в бурях перерыв, наступают моменты, когда можно вылезти наверх и оглядеться, воображая, какое буйство жизни вскоре принесет на планету следующая фаза.

Гордость Аккорда отстроили заново, и дорога стала краше, чем была. Виктория Смит на прямых участках разгоняла спорткар до шестидесяти миль в час, замедляясь на поворотах всего до тридцати. Со своего насеста позади Хранкнер Аннерби хорошо видел каждую новую оползневую пропасть, и у него сердце нет-нет да екало. Он руками и ногами держался за насест. И был уверен, что, если б не эта хватка смертельного ужаса, на предыдущем повороте его непременно сдуло бы за борт.

— Мэм, вы не хотите пустить меня за руль? — осведомился он.

Смит усмехнулась:

— А мне предлагаете пересесть на ваше место? Нет уж. Я знаю, как там страшно, на заднем насесте-то.

Шерканер Андерхилл склонил голову к боковому окну.

— Хм. А я и не подозревал, что для пассажиров эта поездка может быть таким захватывающим приключением.

— Ладно, ладно, поняла. — Смит сбросила скорость и поехала осторожней.

На самом-то деле условия для езды выдались прекрасные. Грозовой фронт унесло порывом горячего сжатого воздуха, а бетонное покрытие шоссе осталось сухим и чистым. Еще через час они опять въедут в варево бури. Над горной дорогой неслись рваные облака, земли юга выглядели темной бездной под завесой дождя. Вид открывался такой, о каком на Гордости Аккорда только и мечтать можно. Твердокорые конусы леса, которому всего два года, выбросили листву. Большинство древесных ростков не достигали и ярда в высоту, хотя кое-где взметнулись на шесть или десять футов. Зелень расплеснулась на мили, прерываемая лишь случайными коричневыми оползнями или фонтанами гейзеров. В этой фазе солнца Вестермостский лес легко было принять за личную лужайку Господа Бога, и почти с любой точки Гордости путешественники могли видеть океан.

Хранкнер немного расслабился на своем насесте. Задним зрением он заметил, как пыхтит охрана Смит на предыдущем повороте. Большую часть поездки эскорту не составляло труда держать дистанцию, дождь и ветер вынуждали Викторию

ограничивать себя малыми скоростями. Теперь эскорт за ней едва поспевал, и Хранкнер понимал, что они кипят от недовольства, и не винил их за это. К сожалению, жаловаться они имели право лишь непосредственному начальству, а именно Виктории Смит. Смит носила мундир квартирмейстерского майора Аккорда. Этот самый квартирмейстерский корпус существовал в действительности, и разведка числилась его сферой, поэтому униформа не являлась совсем уж маскарадным костюмом. А вот майорский чин Смит — туфта. Аннерби уже четыре года как вышел в отставку, но не бросил сосать шарики со старыми друзьями. И он знал, как именно было выиграно решающее сражение Великой Войны. И если новый шеф Аккорд-разведки — не Виктория Смит, Аннерби это несказанно удивило бы.

Хотя он и так был несказанно удивлен, ну, до тех пор, пока не просек, что к чему. Два дня назад Смит ему позвонила и пригласила обратно на службу. Когда сегодня она появилась у него в принстонской лавке, Аннерби был готов к тому, что следом нагрянет взвод охраны, а вот присутствие Шерканера Андерхилла застигло его врасплох. Нет, ему было приятно снова увидеть эту парочку. Хранкнер Аннерби не снискал себе

известности на операции по сокращению сроков Великой Войны, и еще лет десять, не меньше, пройдет, прежде чем детали Прогулки во Тьме рассекретят. Зато вознаграждение за эту вылазку в двадцать раз превысило все, что он скопил прежде. Наконец-то появился благовидный предлог оставить службу и как-то применить свое инженерное образование.

В первые годы Нового Солнца работы было, как обычно, невпроворот, и условия ее зачастую не уступали боевым по опасности. В некоторых случаях разгорались настоящие битвы. Даже в современную цивилизованную эпоху эту фазу солнца обыденно сопровождали вероломство, кражи, убийства и захваты чужого жилья. Хранкнер Аннерби преуспевал, так что, наверное, величайшим сюрпризом из припасенных для него Викторией Смит стало предложение подписать тридцатидневный контракт.

— Как раз хватит, чтобы разобраться в обстановке и решить, хочешь ли ты завербоваться на более долгий срок.

Вот потому-то они и направлялись в Ставку. Пока что путешествие весьма походило на желанный отпуск в компании старых друзей (к тому же нечасто бывает, что сержанта везет старший

офицер или даже генерал). Шерканер Андерхилл казался тем же бесшабашным гением, хотя в импровизированной глубине его настигла нейрология, поэтому выглядел он заметно старше своего возраста. Смит держалась куда жизнерадостней и общительней, чем запомнилось Хранкнеру. В пятнадцати милях от Принстона, между натыканными вплотную времянками у подножия Вестермостского хребта, двое открыли Хранкнеру личную тайну.

— Вы — *что*? — выдавил Аннерби, чудом не свалившись с насеста. Вокруг бесновался горячий ливень. Может, он не так расслышал?

— О, ты меня понял, Хранкнер. Мы с генералом — муж и жена. — Андерхилл лыбился во всю пасть с видом счастливого идиота.

Виктория Смит воздела указующую руку:

— Поправка. Не зови меня генералом.

У Аннерби обычно намного лучше получалось скрывать изумление; но сейчас даже Андерхилл заметил, как он потрясен, и улыбка шире прежнего расплылась по его аспекту.

— Ты же, конечно, еще до Великой Тьмы догадался, что между нами что-то есть.

— Ну…

Да, хотя из этого тогда ничего не вышло бы,

потому как Шерканеру предстояла Прогулка во Тьме с совершенно неочевидным исходом. Хранкнеру было очень жалко этих двоих.

На самом деле отряд получился отличный. Шерканер Андерхилл блестящих идей высказывал больше, чем десяток любых других паучар, знакомых сержанту, но в основном эти идеи оставались нереализуемы, во всяком случае за время одной жизни. С другой лапы, у Виктории Смит был глаз наметан на практические результаты. Блин, да не окажись ее рядом в тот далекий день, Аннерби несчастному Андерхиллу такого пинка бы дал, что катился бы колобком всю дорогу до Принстона и безумный план победы в Великой Войне остался бы неосуществленным. Так что — да. Его лишь удивили сроки. И если Виктория Смит вдобавок ко всему новый директор Аккорд-разведки, государство просто обречено на победы. Гадкая мыслишка, вертевшаяся в мозгу, проскользнула-таки на язык помимо его воли:

— А дети? Ну не сейчас, конечно…

— Ага. Генерал-то у нас беременна. У меня меньше чем через полгода два детских рубца на спине появятся.

Хранкнер сообразил, что в замешательстве жует пищевые руки, и пробормотал что-то

нечленораздельное. Они полминуты ехали в тишине, только горячий дождь шипел на ветровых стеклах. «Как они могут так поступить с собственными детьми?»

Наконец генерал сказала тихо:

— Тебе сложно с этим примириться, Хранкнер?

Аннерби снова потянуло засунуть руки в пасть. Они с Викторией Смит были знакомы все время ее работы в Ставке. Он знал ее новоиспеченным младшим лейтенантом — неприемлемо юной дамой с неуместным именем. На военной службе навидаешься всякого, и все тут сразу обо всем догадывались. Младший лейтенант была и вправду новенькая: внефазница. Но каким-то образом получила хорошее образование, даже в офицерскую школу попала. Ходили слухи, что Виктория Смит — отпрыск какого-то богатого извращенца с Восточного побережья: от него собственная семья отреклась, и дочери этой на свете не должно было бы существовать. Аннерби вспоминал грязные намеки и кое-что похуже, что сопровождало Смит первые четверть года или около того. Вообще-то, первое подозрение об уготованной ей великой судьбе возникло у него, когда он подмечал, как стойко выдерживает она остракизм, с каким мужеством и остроумием встречает позор своего

несвоевременного рождения.

Наконец к нему вернулся дар речи.

— Э-э, да, мэм. Я знаю. Я не хотел вас оскорбить. Я просто воспитан в определенных представлениях… — «О том, как подобает жить достойному народу». Достойные зачинают детей в Годы Увядания, а рожают при Новом Солнце.

Генерал не ответила, но Андерхилл похлопал его по панцирю тыльной рукой:

— Все в порядке, сержант. Ты бы видел реакцию моего кузена. Но все наладится — времена меняются. Когда будет время, я тебе объясню, почему старые правила утратили смысл. — Вот что больше всего бесит в Шерканере Андерхилле: он, вероятно, сумеет обосновать их поведение, только не заметит, какую ярость этим вызовет у остальных.

Но миг смущения уже миновал. Если эти двое способны примириться с чопорной натурой Хранкнера, лучше и ему игнорировать их… выходки. Лишь небесам ведомо, сколько всего он вынес во время войны. Кроме того, Виктория Смит из тех, кто сам себе вырабатывает моральный кодекс, а когда выработает, то цепляется за него крепче всех, кого Аннерби знал.

Что касается Андерхилла… Его внимание уже

разбежалось во все стороны. От нервного тика он казался старше, но умом был острей прежнего, а может, чокнутей. Он перепархивал от идеи к идее, ни на миг не останавливаясь отдохнуть, как все нормальные паучары. Дождь прекратился, налетел сухой горячий ветер. Когда въехали на крутую горную дорогу, Аннерби быстро глянул на часы и начал считать, сколько безумных идей выскажет Андерхилл за следующие несколько минут.

1. Указав на первые бронированные ростки леса, Андерхилл пустился в рассуждения о том, как бы выглядело паучество, если б ему после каждой Тьмы доводилось прорастать заново из спор, а не выбираться из глубин полностью сформированным, да еще с потомством.

2. Впереди в облаках возник просвет: к счастью, в стороне от дороги. Несколько мгновений пылающий солнечный свет проливался на горы. Даже отраженный от облаков, он сиял так ярко, что пришлось затенить эту сторону автомобиля. Где-то выше в горах на склоне ущелья вспыхнул пожар. А Шерканер Андерхилл вслух задумался, как бы можно было построить «тепловые фермы» на вершинах, используя перепад температур для генерации электричества на нужды городов

внизу.

3. Через шоссе метнулось что-то зеленое, едва увернувшись от колес автомобиля. Шерканер это тоже заметил и что-то проворчал насчет эволюции и автомобилей (а Виктория прокомментировала, что эволюция может в обе стороны работать).

4. А у Андерхилла возникла идея куда более безопасного и быстрого транспорта, чем авто или даже воздухолеты. «Десять минут от Принстона до Ставки, двадцать минут через весь континент. Смотрите, роем туннели вдоль дуги минимального времени, откачиваем оттуда воздух, и дальше гравитация делает за нас нашу работу». Пятисекундная пауза (если верить часам Аннерби). Потом: «Ой, тут будет проблемка. Дуга минимального времени для путешествия от Принстона к Ставке получается глубоковатой… шестьсот миль с чем-то. Вряд ли я даже генерала уговорю это финансировать».

— И тут ты прав! — Двое пустились в спор о туннелях, глубиной уступающих оптимальной дуге, и преимуществах или недостатках путешествия по ним в сравнении с воздушным транспортом. Как оказалось, идея с туннелями была и впрямь глуповата.

Аннерби на какое-то время потерял нить беседы. К тому же Шерканер заинтересовался его строительным бизнесом. Парень отлично умел слушать, а вопросы Андерхилла наводили Аннерби на идеи, до которых он бы сам ни за что не додумался. Кое-что из этого может принести деньги. Много денег. Гм.

Смит заметила:

— Эй, мне нужно, чтоб этот сержант был беден и прельстился подъемными при возвращении на службу. Ты мне его с пути не сбивай!

— Прости, дорогая. — Но Андерхилл явно не чувствовал за собой вины. — Много воды утекло, Хранкнер. Надо было бы с тобой чаще видеться в эти годы. Ты же помнишь мою, э-э…

— Великую крышесносящую идею?

— Ага, точно!

— Я помню, как, засыпая в той глубине у Тифштадта, ты продолжал что-то бубнить насчет того, что это последняя Тьма, когда вся цивилизация погружается в спячку. А потом в госпитале продолжал на ту же тему. Тебе бы научную фантастику писать, Шерканер.

Андерхилл небрежно взмахнул рукой, словно принимая комплимент.

— На самом деле в фантастике все это уже есть.

Но я тебе честно скажу, Хранк, наша эра — первая, когда оно может воплотиться в жизнь.

Хранкнер пожал плечами. Он ходил в Великой Тьме; до сих пор при воспоминании об этом его подташнивало.

— Уверен, будут новые экспедиции в Глубинную Тьму, крупнее и лучше снаряженные, чем наша. Восхитительная идея, и я не сомневаюсь, что ген… майор Смит тоже строит планы на сей счет. Могу даже вообразить серьезные битвы во Тьме. Настала новая эра, Хранк. Ты посмотри, как преобразует наш мир наука.

Они проехали последний поворот сухого участка и врезались в плотную стену горячего дождя: бурю, ранее замеченную ими на севере. Шторм не застал Смит врасплох. Все окна были заранее подняты почти полностью, а машина делала всего двадцать миль в час, когда их накрыло. Тем не менее условия на дороге немедленно стали ужасны, окна так запотели, что дворники не справлялись, дождь полил так, что даже глубокрасные фары не достигали до края шоссе. Дождь пробивался сквозь оконные щелки струйками горячими, как плевок младенца. За ними во мгле маячили две пары глубокрасных огней: охрана Смит подъехала ближе.

Отвлечься от бушующей снаружи бури и вспомнить, на чем остановился Андерхилл, было нелегко.

— Знаю я про «век науки», Шерк. На него я и делаю упор в своем строительном бизнесе. К последнему Увяданию у нас были радио, самолеты, телефоны, звукозапись. Даже в пору реконструкции после Нового Солнца прогресс продолжался. Твой автомобиль куда лучше «релмайтха», на котором ты разъезжал перед Тьмой, — а это была тогда дорогущая машинка. — И когда-нибудь Аннерби надеялся узнать, каким образом Шерканер умудрился купить ее на стипендию, пусть и повышенную. — Несомненно, эпоха наша интересней любой, в какую я мог надеяться жить. Вскоре самолеты преодолеют звуковой барьер. Корона строит национальную систему скоростных трасс. Кстати, майор, а не вы ли за этим стоите?

Виктория улыбнулась:

— В этом не было нужды. В квартирмейстерском корпусе нашлось достаточно желающих. Да и без помощи правительства такая система все равно возникла бы. Просто так нам легче это дело контролировать.

— Ну что ж. Творятся великие дела. Через тридцать лет, к следующему Сошествию Мрака, не

буду удивлен появлению всемирной сети воздушного сообщения, видеофонов, может, даже ракетным ретрансляторам, которые станут крутиться вокруг планеты, как она сама — вокруг солнца. Если не случится очередной войны, надеюсь это все за время своей жизни увидеть. Но ваша идея о том, что вся цивилизация может остаться неспящей во Тьме… ну, простите меня, старого вояку, но мне кажется, что вы не все просчитали. Чтобы это совершить, нам фактически понадобится воссоздать солнце. Вы вообще себе представляете, какая тут нужна энергия? Я помню, сколько ее ушло на копалки во Тьме в ту войну. Мы топлива на них извели больше, чем на все остальные военные операции.

Ха! В кои-то веки Шерканеру Андерхиллу нечего с ходу ответить. Потом он понял, что Шерк просто ждет позволения генерала заговорить. Спустя миг Виктория Смит подняла руку:

— Пока что речь шла о вполне открытых темах, сержант. Знаю, вы уже вычислили кое-что, весьма полезное потенциальному противнику: мою нынешнюю должность.

— Да. И я вас поздравлю, мэм. После Страта Гринвала вы для этой работы подходите лучше всех.

— Но… ладно, спасибо за комплимент, Хранкнер. Суть в том, что болтовня Шерканера вывела нас к самой сути того, для чего я попросила тебя завербоваться еще на тридцать дней. То, что ты сейчас услышишь, формально считается исключительной тайной стратегического значения.

— Да, мэм. — Он не думал, что вводная по заданию начнется так неожиданно.

Снаружи взревела буря. Смит вела машину не быстрее двадцати миль в час даже на прямых участках. В эти первые годы Нового Солнца облачные дни бывали угрожающе ярки, но буря так сгустилась, что небо потемнело, как в обычных дождливых сумерках. Ветер раскачивал машину на поворотах, пытаясь сбросить ее с дороги. Внутри было как в паровой бане.

Смит жестом попросила Шерканера продолжить. Андерхилл отклонился на своем насесте и заговорил громче, перекрикивая бурю:

— На самом деле я уже все просчитал. После Войны я делился своими идеями со множеством сослуживцев Виктории. И тем чуть не загубил ее карьеру. Эти паучары считают не хуже твоего. Но обстоятельства изменились.

— Поправка, — сказала Смит. — Обстоятельства *могут* измениться. — Ветер сдувал их к

обрыву, край которого Аннерби едва различал. Смит вывернула руль вниз, и машина вильнула к центру шоссе.

— Видишь ли, — продолжал Андерхилл как ни в чем не бывало, — существуют по-настоящему мощные источники энергии, способные поддерживать во Тьме целую цивилизацию. Ты сказал, что нам фактически потребуется воссоздать солнце. Это почти точная формулировка, хотя мы до сих пор не понимаем, как оно работает. Но существуют теоретические и практические доказательства мощи атома.

Несколькими минутами раньше Аннерби бы расхохотался. Даже сейчас он не сумел скрыть издевки.

— Радиоактивность? Думаешь нас всех согреть тоннами очищенного радия?

Быть может, величайший секрет Короны в том, что высшее командование Ставки читает «Занимательную науку».

Столкнувшись с его скепсисом, Андерхилл только панцирь отряхнул:

— Разные возможности есть. Если их дополнить творческим воображением, то, не сомневаюсь, к следующей Поре Увядания расчеты будут для меня благоприятны.

И генерал добавила:

— Как ты и понял, сержант, я *сомневаюсь*. Но мы не имеем права прозевать эти штуки. Даже если план не сработает, *неудача* способна дать нам в лапы оружие, тысячекратно мощней примененного в Великую Войну.

— Смертоносней отравляющего газа в глубинах? — Внезапно бушующая снаружи буря показалась ему светлей и ясней слов Виктории Смит.

Он понял, что с этой минуты все ее внимание приковано к Аннерби.

— Да, сержант, куда смертоносней. Крупнейшие наши города могут быть уничтожены им за считаные часы.

Андерхилл чуть с насеста не спрыгнул.

— Это в худшем случае! В худшем случае! Вы, солдафоны, только этот вариант и просчитываете! Смотри, Аннерби. Если поработать над этим все следующие тридцать лет, у нас наверняка появятся энергостанции, способные питать погребенные под землей города — не глубины, а города для неспящих! — всю Тьму. Мы станем очищать дороги ото льда и воздушного снега, а к Срединной Тьме они уже такими и останутся. Транспортное сообщение по поверхности значи-

тельно упростится по сравнению с большинством Ярких Лет. — Он показал на шипящий за окнами спорткара дождь.

— Ага, и воздушное сообщение, надо полагать, тоже. — «Когда сухой воздух застынет инеем». Но скепсис Аннерби даже ему самому показался неубедительным. Да, если разжиться мощными источниками энергии, это, пожалуй, возможно.

Аннерби, наверное, не сумел скрыть перемены в своем отношении; Андерхилл усмехнулся:

— Вот видишь! Через пятьдесят лет мы оглянемся назад и удивимся, отчего тогда не сообразили. Тьма, в общем-то, самая благоприятная для жизни фаза, я так скажу.

— Ой, да. — Аннерби передернуло. Кто-то назвал бы это святотатством. — Ну да, ты описал интересные времена. Только ты меня не убедил, что это вообще возможно.

— Если вообще возможно, то очень трудно, — сказала Смит. — У нас примерно тридцать лет до следующего Сошествия Мрака. Некоторые физики уверены, что атомная энергия будет работать. Теоретически. Но, Господь Глубин, до пятьдесят восемь-десять никто про атомы вообще ни сном ни духом! Я впарила командованию эту идею, однако, учитывая, какие предстоят инвестиции,

хотелось бы мне оказаться подальше, когда пузырь лопнет. Ты уж прости меня, Шерканер, но я надеюсь, что у тебя вообще не получится.

«Забавно. В этом она традиционалистка».

Шерканер:

— Это все равно что новый мир открыть!

— Нет, скорей, заново обжить существующий. Шерк, давай рассмотрим тот самый «оптимальный вариант», от которого, по твоим утверждениям, мы, ограниченные солдафоны, воротим рыла. Предположим, что ученые все просчитали верно. Предположим, что через десять лет, ну, на крайняк к шестьдесят-двадцать мы начнем строительство атомных электростанций для твоих гипотетических «городов во Тьме». Даже если в остальном мире никто за это время не переоткроет атомную энергию самостоятельно, конструкторские работы такого масштаба невозможно будет утаить. Так что, даже не будь иного повода для войны, начнется гонка вооружений. И размахом она превзойдет все виденное нами в Великую Войну.

Аннерби:

— Гм, да. Кто первым колонизирует Тьму, станет властелином мира.

— Да, — сказала Смит, — и я не уверена, что

Корона в этих обстоятельствах будет сильно уважать право собственности. Но я *уверена* на все сто, что, если Тьму завоюет кто-то вроде Клана, мир либо проснется в рабстве, либо не проснется вообще.

Этот кошмар и вынудил Аннерби выйти в отставку.

— Не сочтите за нелояльность, однако… вы не подумываете похоронить эту идею? — Он иронически ткнул рукой в Андерхилла. — Ты же всегда можешь заняться чем-то другим?

— А ты и *впрямь* утратил военную сметку, я тебе скажу. Но да. Я рассматривала такую возможность — забросить исследования. Быть может, если дражайший Шерканер обязуется держать пасть на замке, этого хватит. Если больше никто в этом деле не получит преимущества на старте, то никак не сумеет задержаться неспящим во Тьме на этот цикл. И возможно, нас еще поколения отделяют от воплощения теории в действительность, если правы некоторые физики.

— Тогда я вам вот что скажу, — вмешался Андерхилл. — В скором времени все это переместится в инженерную плоскость. Если даже мы этим не займемся, атомная энергия все равно выплывет через пятнадцать-двадцать лет. Но тогда уже

поздно будет строить энергостанции и запечатывать города. Слишком поздно будет и покорять Тьму. Все, на что сгодится атомная энергия, — это оружие. Ты про радий говорил, Хранкнер. Ты только представь себе, что способны натворить крупные запасы боевых отравляющих. А это ведь просто самое очевидное применение. В общем-то, независимо от наших действий цивилизация уже в опасности. По крайней мере, если мы попытаемся, то получим хороший шанс урвать главный приз: цивилизацию, живущую во Тьме.

Смит вынуждена была согласиться. Аннерби показалось, что между ними этот спор уже не впервые происходит. Виктория Смит купилась на приманку Андерхилла и подсадила высшее командование. Следующие тридцать лет окажутся даже интересней, чем Хранкнер Аннерби себе раньше представлял.

До горной деревушки добрались под самый конец дня: за последние три часа буря не позволила проехать больше двадцати миль. Прояснилось лишь за пару миль до деревни.

К пятому году Нового Солнца Ночную Глубину в основном уже отстроили. Каменные фундаменты пережили первоподжиг и последующие жестокие бури. По старому обычаю, после Тьмы местные

воспользовались бронированными ростками молодого леса как бревнами для отделки домов, лавчонок и школ. Вероятно, к шестьдесят-десять древесина станет получше, тогда можно будет возвести вторые этажи, а в церкви — даже третий. Пока все было низкое и зеленое, и короткие конусовидные бревна придавали внешним стенам какой-то чешуйчатый вид.

Андерхилл настоял на том, чтобы заправиться вдали от трассы.

— Я тут знаю местечко получше, — заявил он и показал Смит, куда проехать вдоль старой дороги.

Окна уже можно было опустить. Дождь прекратился. Сухой и почти прохладный, ветер щедро обдувал машину. В облаках наметилась прореха, и несколько минут сквозь тучи светило солнце. Но сияние его уже не походило на отсветы заводской печи, как раньше в этот же день. Наверное, уже закат. Кучевые облака пылали красным, оранжевым и альфа-клетчатым — и сквозь эти цвета просачивались синь и ультрасинь чистого неба. Ослепительный свет разливался по улицам, склонам гор и постройкам. Господь сегодня в сюрреалистическом настроении.

Действительно, в конце старой гравийки

показались низкий сарай и единственная керосинокачалка.

— Это и есть твое «местечко получше», Шерк? — спросил Аннерби.

— Ну… тут поинтересней. — Андерхилл открыл дверь и соскочил с насеста. — Поглядим, помнит ли меня этот паучара. — Он прошелся вдоль машины, разминаясь. После долгой поездки его нервный тик усилился.

Смит с Аннерби тоже вылезли, а вскоре из сарая возник владелец заправки — крупного телосложения паук в рабочем комбинезоне. Его сопровождала пара детишек.

— Залить, старина? — спросил он.

Андерхилл усмехнулся ему, не потрудившись уточнить свой возраст.

— А то.

Он пошел за керосинщиком к насосу. Небо еще больше просветлело, на землю изливались потоки синего и закатно-красного.

— Вы же меня помните? Я тут на большом красном «релмайтхе» частенько ездил как раз перед Тьмой. Вы тогда были кузнецом.

Владелец заправки остановился и посмотрел на Андерхилла долгим взглядом.

— О, «релмайтх» я помню. — Двое пятилеток

крутились вокруг, наблюдая за интересным гостем.

— Забавно, как все меняется, гм?

Владелец заправки явно не понял, что Андерхилл имеет в виду, но спустя пару минут они уже болтали как заправские друзья. Да, владельцу нравились автомобили, за ними будущее, и хватит с него кузницы. Шерканер поблагодарил его за какую-то работу, проделанную давным-давно, и сказал, что новая заправка на шоссе — стыд-позор. Он спорить готов, что там и близко так хорошо не починят машину, как здесь, и вообще, не думает ли бывший кузнец насчет рекламной вывески, как сейчас на улицах Принстона заведено? Охрана Смит подъехала и припарковалась на поляне у проселка, но керосинщик едва обратил на них внимание. Забавно, как этот Андерхилл умеет кого угодно очаровывать, подстраивая интенсивность своих маниакальных выходок под возможности полосы пропускания.

Тем временем Смит перебежала через дорогу и уже говорила с капитаном, возглавлявшим охрану. Она вернулась, когда Шерк расплачивался за топливо.

— Черт побери. Ставка говорит, что к полуночи ожидается буря еще более скверная. Стоило мне

первый раз на своей машине выбраться, и тут же все черти повылазили.

Смит говорила с притворным гневом, как бывало часто, когда она оставалась недовольна сама собой. Они залезли в машину. Смит ткнула стартер дважды. Трижды. Машина завелась.

— Придется тут лагерь разбить. — Она посидела минутку, кажется, в нерешительности. А может, глядя в небо на юге. — Тут к западу от города королевские земли, как мне помнится.

Смит вела машину по гравийке, потом по грязному проселку. Аннерби подумал бы, что она заблудилась, но Смит ни разу не притормозила и не сдала назад. За ними следовала охрана, и вид у процессии был почти такой же невинный, как у вереницы ошпрехов. Грязная колея выводила на мыс, откуда открывался великолепный вид на океан. Крутые утесы с трех сторон. Когда-нибудь здесь снова прорастет высокий лес, но пока что даже миллионам бронированных ростков было трудно цепляться за грунт.

Смит остановилась, заехав в тупик, и откинулась на водительском насесте.

— Извините. Я… не туда повернула.

Она махнула первой машине охраны.

Аннерби глядел на небо и океан. Иногда пово-

рот не туда как нельзя более кстати.

— Да ладно. Господи, какой отсюда вид!

Разрывы в облаках походили на глубокие каньоны. Свет, струясь по ним, полыхал красным и ближнекрасным — отражения заката. Миллиард рубиновых капель горел на листве. Аннерби вылез из машины и прошелся меж ростков к оконечности мыса. У него под ногами чвякала лесная подстилка. Спустя миг Шерканер последовал его примеру.

С океана тянул влажный, прохладный бриз. Не надо быть синоптиком, чтобы угадать приближение бури. Он посмотрел вдаль, на воду. Они были меньше чем в трех милях от волноломов — ближе в этой фазе солнца не подойдешь. Отсюда видна была турбулентность и слышался грохот перемалываемых камней. В прибое высились три севших на мель айсберга. Но еще сотни их громоздились до горизонта. Вечная битва: огонь Нового Солнца против льда доброй земли. Никому не суждено одержать окончательную победу. Еще двадцать лет пройдет, прежде чем растают последние ледяные мели. Но к тому времени солнце уже вступит в фазу Увядания. Даже Шерканера, казалось, ошеломила эта картина.

Виктория Смит покинула водительский насест,

но за ними не пошла, а отошла в противоположную сторону, к южной оконечности мыса. «Бедняжка. Генерал никак не решит, деловая это поездка или увеселительная». Аннерби тоже радовался, что не удалось добраться до Ставки за один переезд.

Они отошли к Смит. На этой стороне мыса рельеф менялся, скалы снижались, переходя в небольшую долину. На возвышении за нею стоял какой-то домик, вроде маленькой гостиницы. Смит остановилась у выбоины в скальной стене, где обрыв не был так смертоносно крут. Быть может, некогда в этом месте дорога продолжалась, спускаясь в долинку и взлетая с другой стороны.

Шерканер замер рядом, обняв жену левыми руками через плечи; спустя миг она просунула под его руками пару своих, но ничего не сказала. Аннерби прошел к обрыву и свесил туда голову. Да, дорога здесь была, но ее стесало до самого дна. Бури и оползни Ранней Яркости прорубили новые обрывы. Сама же долина казалась нетронутой, чарующей и восхитительно чистой.

— Ох-ох. Тут не спуститься, мэм. Дорогу начисто размыло.

Виктория Смит мгновение не отвечала.

— Да. Начисто размыло. Оно и к лучшему…

Шерк возразил:

— Но почему? Можно было бы, наверное, спуститься тут и подняться с той стороны. — Он ткнул рукой в сторону гостиницы на вершине холма по ту сторону провала. — Посмотрели бы, как там леди Энкл…

Виктория резким движением, словно почесывая, обняла его.

— Нет. И потом, там места едва для нас троих хватило бы. Лучше заночуем тут с моей охраной.

Спустя миг Шерк издал легкий смешок:

— А что, сойдет. Всегда мечтал посмотреть, как выглядит современный моторизованный бивуак.

Они вернулись на колею следом за Смит. Когда выбрались к машинам, Шерканер уже отошел и принялся рассуждать насчет легких палаток, которым даже бури Первой Яркости нипочем будут.

15

Томас Нау стоял у окна своей спальни и смотрел наружу. Вообще говоря, покои Томаса располагались на глубине пятидесяти метров в Алмазе-1, но из окна он видел картинку с вершины высочайшего шпиля Хаммерфеста. Его имение

после Поджига заметно разрослось. Из алмазных блоков соорудили вполне подходящие стены, и выжившие резчики проведут остаток жизни за полировкой и гравировкой фризов таких же сложных и изящных, как и в подлинном доме Нау.

Местность вокруг Хаммерфеста мыслилась гладкой, выложенной плитками металла из копей Алмаза-2. Нау пытался соблюдать такую ориентацию, чтобы лишь флагшток Хаммерфеста выходил на солнце. В последний год или даже немного раньше надобность в такой предосторожности отпала, но все равно, оставаясь в тени, можно было экономичнее использовать лед — для заслонки и смазки. В небе уже прошла половину пути Арахна, сверкающий сине-белый диск диаметром примерно полградуса. Теперешнее спокойствие заметно контрастировало с безумным хаосом первых мегасекунд после Поджига. Нау пять лет трудился над созданием этой картины, воплощавшей мир и красоту.

Пять лет. А сколько еще придется тут проторчать? По самым оптимистичным оценкам специалистов, от тридцати до сорока. Столько, сколько потребуется паукам для создания развитой промышленности. Забавно, как все повернулось. Он

действительно оказался в Изгнании, только не таком, как планировал на Балакрее. Исходная миссия тоже была рискованной, но риски эти тщательно просчитывались: пара веков вдали от все более опасных политиков метрополии, возможность накопить ресурсы втайне от тунеядцев, а сверх того — золотая акция: шанс раскопать секреты негуманоидной расы космопроходцев. Он только не учел, что Чжэн Хэ способна его опередить.

Знания Чжэн Хэ составляли основу балакрейской цивилизации авральников. Томас Нау всю жизнь изучал Чжэн Хэ, но лишь повстречавшись с ними лицом к лицу, понял, насколько эти коробейники отличаются от его соотечественников. Флотское командование у них было мягкотелое и наивное. Заразить их мозговой гнилью с точно рассчитанным инкубационным периодом — тривиальная задача, подстроить ловушку — столь же просто. Но когда грянула атака, коробейники оказали дьявольски ожесточенное сопротивление. Они дрались, как умные черти с доброй сотней сюрпризов в запасе. Флагманский корабль их погиб в первые сто секунд сражения, а они, такое впечатление, лишь выиграли от этого, превратясь в смертоносных убийц. Когда их наконец

свалила мозговая гниль, обе стороны оказались непоправимо изувечены. После битвы Нау допустил еще одну ошибку, и вновь — капитально недооценив коробейников. Мозговая гниль могла убить торговцев, но лишь немногие поддавались мозгочистке или фокусировке. Полевые допросы дали плачевные результаты, хотя в итоге Нау обратил эту катастрофу себе на пользу, придумав, как с ее помощью сплотить выживших.

Аттик Хаммерфеста, клиника фокуса, роскошное убранство — все это с погибших звездолетов срезано. Там и сям среди руин еще попадались островки функционирующих высоких технологий. Все остальное надо было создавать из сырья, доступного на астероидах, — в ожидании, пока цивилизация пауков разовьется до нужного уровня.

Тридцать — сорок лет. Это возможно. Капсул холодного сна должно хватить на всех выживших. Основная их цель теперь — изучение пауков, их языков, истории и культуры. На протяжении десятилетий эта работа будет распределена по дереву вахт, по несколько мегасекунд на каждую, с перерывами на год-другой в анабиозе. Некоторым, например ученым и переводчикам, придется проводить на вахте больше времени.

Другим — пилотам и тактическим специалистам — в ранние годы не найдется особого применения, а затем, ближе к концу миссии, их поставят на полную жизненную загрузку. Нау объяснял это на совещаниях со своими собственными подчиненными и Чжэн Хэ. Обещания его в целом соответствовали действительности. У Чжэн Хэ имелся богатый опыт подобных операций; если повезет, в среднем каждый выживший проведет в Изгнании не больше десяти-двенадцати лет реального времени. Он же тем временем вскроет библиотеку коробейницкого флота и узнает все, что когда-либо узнала сама Чжэн Хэ.

Нау оперся рукой на окно. Оконная поверхность была теплой, как настенные ковры. Чума их порази, но до чего классные у Чжэн Хэ обои! С какого угла ни посмотри, и все равно искажений не возникает. Нау едва слышно фыркнул. В конце концов, работа с коробейниками — это, скорее всего, самая простая часть Изгнания. У них имеется опыт действий по предложенному Нау графику.

А вот что до него самого… ему на миг взгрустнулось. Кто-то должен оставаться на вахте, пока все не наладится. Кто-то, кому можно полностью доверять, кто-то вполне компетентный.

Имелась единственная кандидатура, и звали этого человека Томас Нау. Если Ритсера Брюгеля предоставить самому себе, он сдуру израсходует бесценные людские ресурсы, а то вообще попытается убить самого Нау. Если Анне Рейнольт предоставить самой себе, она годы проработает с надежностью часового механизма, но случись что непредвиденное… Ну да, Чжэн Хэ они, кажется, окончательно подчинили, а после допросов Нау уверился, что серьезных нераскрытых тайн не осталось. Но если Чжэн Хэ снова сплетет заговор, Анне Рейнольт не поздоровится.

Значит, к моменту окончательного торжества Томасу Нау будет уже лет сто. Средний возраст по меркам Балакреи. Нау вздохнул. Ну ладно. Медицина Чжэн Хэ вполне способна возместить понесенные потери. А затем…

Комната содрогнулась, издав почти неслышимый стон. Там, где рука Нау касалась стены, вибрация сотрясла его кости. Третье скалотрясение за последние сорок килосекунд.

В другом конце спальни в их общей постели шевельнулась девчонка-коробейница.

— Чт… — Киви Лин Лизолет проснулась и от собственного движения вынырнула из кровати. Она почти три дня напролет работала без

устали, стараясь вернуть скалам устойчивую конфигурацию. Взгляд Лизолет блуждал. Наверное, она даже не поняла, что ее разбудило. Глаза девчонки остановились на Нау возле окна, по лицу расплылась сочувствующая улыбка. — Ой, Томас, ты все не спишь и волнуешься за нас?

Она потянулась обнять его. Нау, потупив глаза, улыбнулся и кивнул. Черт, она, по сути, не так далека от правды. Он перелетел к ней через комнату, остановив себя на расстоянии руки от стены за ее спиной. Она приняла его в объятия, и они поплыли вместе, медленно опускаясь в кровать. Его руки скользнули к ее талии, он почувствовал, как сильные девичьи ноги сплетаются с его собственными.

— Ты делаешь все, что в твоих силах, Томас. Не перерабатывай. Все будет в порядке.

Руки девчонки нежно погладили волосы у него на затылке. Он почувствовал, как нарастает в ней дрожь. Подумать только: Киви Лизолет волнуется, что он перерабатывает. Киви, которая себя загонит до смертельной усталости, если это поможет увеличить на один процент шансы на общее выживание. Они молча парили в воздухе несколько секунд, пока гравитация не притянула их к пенно-кружевному ложу.

Нау опустил руки, погладил ее по бокам и почувствовал, как трепет мало-помалу унимается. В этой миссии многое обернулось не так, как думалось, но Киви Лин Лизолет можно было отнести к маленьким триумфам. Когда Нау захватил флотилию Чжэн Хэ, Киви было четырнадцать — развитая не по годам, наивная, своевольная. Девчонку удалось хорошенько заразить мозговой гнилью. Даже фокусировке она, в принципе, поддавалась; некоторое время Томас Нау размышлял, а не сделать ли из нее игрушку для телесных услад. Благодарение Чуме, не сделал.

В первые года два девчонка большую часть времени проводила у себя в каюте и плакала. «Убийство» ее матери, якобы содеянное Дьемом, сделало ее первой чистосердечной перебежчицей. Нау мегасекунды провел, утешая ее. Сперва просто упражнялся в искусстве убеждения, рассчитывая, что Киви повысит доверие к нему среди остальных коробейников. Но шло время, и Нау стал замечать, что девчонка куда опаснее и куда полезнее, чем ему прежде мнилось. Киви большую часть детства провела на вахте во время полета с Трехземья. Она использовала это время так интенсивно, как не всякий фокусированный смог бы: изучала конструкторское дело, техно-

логии жизнеобеспечения и методики торговли. Странно: зачем бы одному ребенку давать такую интенсивную подготовку? Как многие фракции Чжэн Хэ, Семья Лизолет накопила собственные тайны, выработала собственную внутреннюю культуру. На первых допросах он выжал из ее матери вероятное объяснение. Лизолеты использовали время в полетах между звездами для формирования личностей тех девочек, которых прочили на руководящие должности в Семье. Обернись все так, как планировала Кира Пен Лизолет, к моменту прибытия в систему девчонка, полностью охваченная преданностью матери, была бы уже готова получить новые инструкции.

Как впоследствии оказалось, это идеальным образом приспособило ее к планам Томаса Нау. Молодая, талантливая, отчаянно нуждается в объекте лояльности. Он мог ее вахту за вахтой гонять без анабиоза, как и, по необходимости, самого себя. Она стала ему отличной компаньонкой на предстоящее время — и оселком, на котором он постоянно проверял свои планы. Киви была умна и во многом еще сохраняла былую независимость. Даже сейчас, когда все улики насчет того, что на самом деле случилось с ее матерью

и остальными, надежно стерты, с ней можно было поскользнуться. Использовать Киви — это как опасный полет, непрестанное испытание крепости нервов. Но теперь он, по крайней мере, осознавал опасность и принимал меры предосторожности.

— Томас? — Она повернулась прямо к нему. — Ты думаешь, мне *хоть когда-нибудь* удастся эти скалы стабилизировать?

Да, для нее естественно было об этом тревожиться. Ритсер Брюгель, а то и более молодой Томас Нау не поняли бы, что верный ответ не заключается в угрозе или несогласии.

— Да, ты наверняка что-нибудь придумаешь. Мы что-нибудь вместе придумаем. Возьми отпуск на несколько дней, хорошо? Старый Тринли на этой вахте вышел из анабиоза. Пускай он немного этой балансировкой займется.

Смех Киви заставил ее выглядеть моложе.

— Уй, да! Фам Тринли! — Единственный участник заговора Дьема, который у нее вызывал больше презрения, чем гнева. — Ты помнишь, как он в последний раз пытался с балансировкой управиться? Треплется громко, а начал очень робко. Не успел и сообразить, что происходит, как скала на три метра отошла от первой точки Ла-

гранжа. Потом он, наоборот, поддал газку, ну и…

Ее снова одолел хохот. Самые странные вещи эту молодую коробейницу веселили. Одна из многочисленных загадок Киви, которые все еще интересовали его.

Лизолет помолчала мгновение, а когда наконец заговорила, вахтмастера удивили ее слова.

— Да… может, ты и прав. Если всего на четыре дня, то я так организую, что Тринли дров не наломает. Мне надо отдохнуть, посмотреть на все с другой стороны. Может, все же удастся скрепить скалы водой… Кроме того, папа на этой вахте не спит. Мне надо с ним немножко чаще бывать. — Она вопросительно глянула на него, словно извиняясь за просьбу дать ей отгул.

Хм. Иногда манипуляция приносила неожиданные результаты. Он бы трех неотвязников на кон поставил, что она не примет его предложение. Еще можно ее отговорить. Он мог бы согласиться, но с такой видимой неохотой, чтоб устыдить ее. Нет. Не стоит овчинка выделки, не в этот раз, по крайней мере. А если не запрещаешь, то будь чистосердечно щедр, давая разрешение. Он притянул ее к себе:

— Да! Тебе тоже стоит научиться расслабляться.

Она вздохнула и лукаво улыбнулась ему:

— Ну да, но я уже кое-чему научилась.

Ее рука нырнула вниз, и на какое-то время оба замолчали. Киви Лизолет еще девчонка-нескладуха, но она быстро учится. А у Томаса Нау впереди годы для ее обучения. У Киры Пен Лизолет столько времени в распоряжении не было, кроме того, она была взрослая и сопротивлялась. Нау улыбнулся, вспоминая. О да. Хоть и по-разному, но мать и дочь послужили ему одинаково хорошо.

Али Лин не родился в Семье Лизолет. Кира Пен Лизолет его извне привлекла. Такие, как Али, рождаются один на триллион: он был гением во всем, что касалось парководства и обустройства экосистем. Он стал отцом Киви. Кира с Киви обе его очень любили, хотя ему не суждено было занять место, которое принадлежало Кире и предназначалось Киви.

Али Лина высоко ценили авральники: наверное, как мало кого из фокусированных. Ему в числе немногих позволялось работать у себя в лаборатории, а не в крольчатнике Аттика Хаммерфеста. Ему в числе немногих разрешалось работать без постоянного надзора Анне Рейнольт или кого-нибудь из менеджеров среднего звена.

Теперь они с Киви сидели на верхушке одного из деревьев парка времянки Чжэн Хэ, играя в неспешную, требующую выдержки игру с мусорными жучками. Она провела тут уже килосекунд десять, а папа — чуть дольше. Он поручил ей провести сравнение ДНК новых линий мусорных паучков, которых сейчас выводил. Даже теперь он доверял ей безраздельно, ограничиваясь рутинным обзором результатов раз в килосекунду или около того. Остальное время он был занят мечтательным обследованием листвы и размышлениями о том, как лучше выполнить проекты, порученные ему Анне Рейнольт.

Киви взглянула под ноги, на парковую подстилку. Деревья — цветущие амандоры, выведенные специально для невесомости за долгие тысячи лет такими мастерами, как Али Лин. Листва закручивалась ярусами, такая пышная, что орлиное гнездышко их «снизу», из тени, оставалось практически незаметно. Хотя сила тяжести в парке отсутствовала, направление роста веток и небесная лазурь создавали иллюзию ориентации. Самыми крупными живыми существами тут, не считая людей, были пчелы и бабочки. Киви слышала пчелиное гудение, а иногда замечала, как пулей проносится пчела-другая. Бабочки

летали повсюду. Подвиды, приспособленные к микрогравитации, ориентировались на свет поддельного солнца, поэтому, следя за ними, посетитель парка мог обзавестись дополнительным психологическим маркером ориентации верха и низа. Сейчас в парке никого больше не было: официально закрыт на техобслуживание. Вообще-то, выдумка, но Томас Нау ее за это не упрекал. Парк стал слишком популярен. Авральникам он понравился не меньше, чем Чжэн Хэ. Место пользовалось такой известностью, что Киви уже замечала признаки неполадок в экосистеме; маленькие мусорные паучки просто не справлялись с напором посетителей.

Она глянула в отстраненно-задумчивое лицо отца и усмехнулась. В каком-то смысле техподдержка и вправду тут работает.

— Вот тебе различия по последнему набору паучков: ты этого ищешь, папа?

— Гм? — Отец не отрывал глаз от работы. Потом до него внезапно дошло. — Правда? Дай мне посмотреть, Киви.

Она подтолкнула ему список:

— Видишь? Вот здесь и здесь. Генетические последовательности именно те, какие нам требуются. Эти диски поворачиваются, куда посмотришь.

Проследи. — Отцу требовался более высокоуровневый метаболизм без вреда для всей популяции. В парке у насекомых не имелось естественных бактериальных врагов; борьба за существование велась среди их собственных геномов.

Али взял у нее список. Едва заметно, почти не глядя на нее, но замечая, улыбнулся:

— Отлично. С мультипликатором хромосом ты поработала как надо.

Слова эти были ближе всего к тому, что Киви Лин Лизолет помнила из настоящего прошлого. В возрасте от девяти до четырнадцати лет Киви проходила лизолетское обучение. Одиноко ей было, но мама в конечном счете оказалась права. Киви прошла долгий путь взросления, обучилась выживать посреди Великой Тьмы. Она узнала про системы жизнеобеспечения, с которыми работал ее отец, наловчилась проводить расчеты по небесной механике, которой была занята ее мать, и, что самое важное, узнала, как ей нравится быть рядом с другими бодрствующими участниками экспедиции. Ее родители на несколько лет выходили из анабиоза, разделяя с ней и вахтенными обязанности по системам жизнеобеспечения.

Теперь мама мертва, а папа сфокусирован, душа его сосредоточена на одном: биологическом

управлении экосистемами. Но в пределах фокуса с ним все еще удавалось общаться. За годы после атаки они провели вместе мегасекунды вахт. Киви приспособилась учиться у него и теперь. Временами, когда они углублялись в тонкости отладки межвидового взаимодействия, это было совсем как раньше, как в детстве, когда папу так увлекала его работа, что он совсем забывал, кто такая его дочка, и обоих захлестывало восхищение чудесами природы.

Киви просматривала сравнительную таблицу генетических расхождений — но в основном наблюдала за отцом. Она знала, что проект мусорных паучков близок к завершению, по крайней мере в той части, которой занимался папа лично. Долгий опыт общения с ним подсказывал, что сейчас выпадут несколько мгновений, когда до Али Лина легче всего достучаться, когда его фокус ищет, к чему бы привязаться. «И у меня есть новый проект». В общем, именно этого Рейнольт с Томасом хотят от папы, поэтому перенаправить его вполне реально, если правильно сыграть свою роль.

Вот. Али Лин вздохнул, с удовлетворенным видом оглядев окружающие ветви и листья. Киви поняла, что у нее секунд пятьдесят на все про

все. Она соскользнула с сука, на котором сидела, удерживаясь пальцами ног. Подхватив тайком пронесенный сюда бонсай-пузырек, она отдала его отцу.

— Помнишь эти бонсай, папа? Самые-самые маленькие парки?

Папа не проигнорировал ее. Он развернулся почти так же быстро, как реагирует на вопрос нормальный человек, глаза его распахнулись при виде прозрачного пластикового пузырька.

— Да! За вычетом освещения, удовлетворительно замкнутая экосистема.

Киви передала ему пустой пузырек. Бонсай-пузырьки в тесноте таранников занимали любое доступное место. Существовали разные их типы, всех уровней сложности, от кусочков мха до миниатюрных шедевров, не уступавших парку этой времянки. И…

— Это поменьше, чем те проблемы, какими мы сейчас заняты. Не уверена, что найденные тобой решения тут применимы.

Обращение к профессиональной гордости Али действовало часто, почти как обращение к его родительским чувствам. Теперь только и нужно, что зацепить папу в нужный момент. Он прищурился, рассматривая бонсайчик, словно

определял его размеры.

— Нет-нет! У меня получится. Мои новые методы очень эффективны… Ты хочешь устроить там маленькое озеро, может быть, с липидной границей по дну, чтобы гладь воды получалась ровной?

Киви покивала.

— Ну а эти мусорные паучки: их можно сделать меньше и наделить цветастыми крылышками.

— Ага. — Рейнольт позволила бы ему выделить больше времени на работу с мусорными паучками. Они не только для центрального парка важны. Столько всего пострадало в битве, а работа Али позволяла в принципе пересоздать системы жизнеобеспечения на всех уцелевших конструкциях, пропорционально уменьшенные. В обычных условиях для этого потребовались бы усилия большой группы специалистов Чжэн Хэ и глубокий поиск по флотским базам данных, но папа мало того что гений, так еще и в фокусе. Он сам выполнит всю работу за считаные мегасекунды.

Папу только требовалось подтолкнуть в концептуально нужном направлении, на что старая карга Анне Рейнольт вряд ли способна. Поэтому…

Али Лин вдруг улыбнулся до ушей:

— Готов побиться об заклад: я переплюну Высокую Сокровищницу Намчема. Смотри, фильтровочные сети можно растянуть напрямую. Кустарники поставим стандартные, разве что слегка модифицируем для поддержки твоих разновидностей насекомых.

— Ага, ну да, — поддакнула Киви. На несколько сот секунд, пока папа не соскользнул обратно в жесткую сосредоточенность работы над «простыми изменениями», у них завязалась подлинная беседа. Самая сложная часть — на бактериальном и митохондриальном уровнях, а тут Киви откровенно плавала. Она улыбнулась папе, с трудом подавив желание погладить его по плечу. Мама бы ими гордилась. Папины методики совсем новые: по крайней мере, поиск по очевидным местам архивов ничего не дал. Киви полагала, что получится построить действительно *красивые* микропарки, но результат, похоже, превзойдет ее ожидания.

Бонсаи Высокой Сокровищницы были почти таких же размеров — от силы тридцать сантиметров в поперечнике. Некоторые жили до двухсот лет, заключали полную экосистему флоры и фауны и даже поддерживали подобие

эволюции. Чжэн Хэ и та не могла себе позволить выкуп у создателей всех проприетарных методик. Сотворить нечто подобное с ограниченными ресурсами экспедиции — настоящее чудо. Если папа сумеет соорудить кое-что получше… Большинству, даже Томасу, казалось, что Киви учили на боевую программистку, готовую продолжать дело матери. Они просто не понимали. Лизолеты были из Чжэн Хэ. Военное искусство для Чжэн Хэ — второстепенно. Конечно, Киви кое-чему обучили и тут. Конечно, мама намеревалась еще пару десятилетий из дочкиной жизни вырвать на изучение предмета «Как действовать, когда все летит к чертям». Но торговля — ей было подчинено все. Торговле и прибыли. Потому-то авральники их и опрокинули. Но Томас хороший человек, и у него такая тяжелая работа, какую и вообразить сложно. Киви делает все, чтоб ему помочь и спасти остатки экспедиций. Томас не виноват, что его культура прогнила насквозь.

В конечном счете это и не имеет значения. Киви улыбнулась пустой пластиковой сфере, представив себе, как та наполняется созданиями ее отца. В цивилизованных местах мини-бонсай высшего класса торговался по цене звездолета. Тут? Ну, эти Киви оставит себе. В конце концов,

это ж ее фривольная выходка, Томас бы для себя на такое не раскошелился. Томас запретил бартер и обмен обязательствами. Хе-хе. Надо будет еще его подобработать. Всегда проще получить разрешение задним числом. В конечном счете, как полагала Киви, Чжэн Хэ изменят мировоззрение авральников куда сильнее, чем те — торговцев.

Она как раз просматривала свежие данные генетического дифференциального анализа, как внизу зашуршало. Источник звука был скрыт густой листвой. На миг Киви озадачилась. Люк в подстилке. Он же только для конструкторских работ. Если его открыть, мох порвется. Черт.

Киви снялась со своего гнездышка и тихо скользнула вниз, следя, чтобы не задеть ветки или не выдать себя тенью на мху. Вломиться в парк, когда тот официально закрыт, — нарушение мелкое: черт, она и сама такого не чуралась. Но этот люк не должен был открыться. Он разрушает парковую иллюзию, портит дерн. Что за чурбан сюда пролез, особенно если учесть, как пристрастно подходят авральники к разнообразным кодексам и правилам поведения?

Киви зависла над нижним слоем лиственного шатра. Через мгновение незваный гость станет виден, а слышать она его уже и так могла. Ритсер

Брюгель. Вице-вахтмастер продирался сквозь мох, оглашая кустарник ругательствами: видать, напоролся на что-нибудь. Пасть у него — как помойка. Киви пытливо изучала обсценную лексику и уже прислушивалась к Брюгелю раньше. Брюгель, может, и второй человек в экспедиции авральников, но это лишь доказывает, что и лидеры авральников могут оказаться идиотами. Томас, кажется, понимал, что толку с него чуть, и отвел вице-вахтмастеру апартаменты вне основного скопления астероидов, на «Невидимой руке». А на вахту Брюгель заступал по тому же расписанию, что и все остальные. Пока бедный Томас старел год за годом, выбиваясь из сил в попытке угнаться за всеми делами, Ритсер Брюгель вылезал из гибернатора лишь на десять мегасекунд из каждых сорока. Киви его не очень хорошо знала, но от всей души ненавидела. «Если б этот кретин мог управляться с делами, Томасу бы не пришлось так сжигать жизнь ради нас». Она еще минуту молча слушала его. Отлично кроет. Но был у этих слов еще и подтекст, который редко доводится слышать в ругани. Такое впечатление, что Брюгель выражается буквально.

Киви с шумом протиснулась между ветвей, удержав себя на полметра в воздухе — примерно

на одном уровне с авральником.

— Парк закрыт на обслуживание, вахтмастер.

Брюгель вздрогнул от неожиданности. На миг у него отнялся язык, а бледно-розовая кожа потемнела так, что это было почти смешно.

— Ах ты бесстыжая маленькая… ты-то *что* здесь делаешь?

— Я занимаюсь обслуживанием. — Ну, в какой-то мере. Теперь контратакуем. — А вы что здесь делаете?

Лицо Брюгеля потемнело еще пуще. Он подтянулся вверх, голова его оказалась сантиметрах в десяти выше Киви. Теперь и ноги его оторвались от подстилки.

— Ты, шлюшка, не имеешь права меня допрашивать. — При нем был этот дурацкий стальной жезл. Обычный штырь, кое-где украшенный резьбой и перемазанный темными потеками. Удерживаясь одной рукой, он описал жезлом быструю сверкнувшую дугу и расщепил побеги у головы Киви.

Киви тоже рассердилась. Схватившись за нижний сук, она подтянулась так, чтобы снова оказаться с Брюгелем лицом к лицу.

— Это вандализм, а не объяснение! — Она знала, что Томас отслеживает происходящее в парке,

а вандализм у авральников считался таким же тяжким преступлением, как у Чжэн Хэ.

Вахтмастеру от гнева перехватило дыхание.

— Это вы вандалы. Парк был красивый, я и не думал, что какие-то ссыкуны сумеют такой соорудить. А теперь саботажничать вздумали! Я тут вчера был — вы паразитов подбросили! — Он снова взмахнул металлическим дрыном и рассек паутинку, скрытую в ветвях. Паучки бросились врассыпную, волоча за собой серебристые нити. Брюгель рубанул по паутине, вытряхнув облачко коконов, жухлой листвы и разнообразного мусора. — Видишь? А что вы еще отравляете? — Он придвинулся к ней, глядя сверху вниз.

Секунду Киви лишь глазела на него в полном изумлении. Не может же он иметь в виду то, что выдал. Как можно таким тупицей уродиться? Надо помнить, он ведь чурбан. Она подтянулась, чтобы, в свой черед, оказаться выше Брюгеля, и прокричала ему в лицо:

— Это ж парк с нулевой силой тяжести, господи ты боже мой! Что, по-твоему, очищает его от летающего мусора? Мусорные паучки тут всегда были… хотя сейчас у них, пожалуй, многовато работы.

Она-то буквально не выражалась, но смотрела

на вахтмастера так, словно имела в виду один особенно здоровенный кусок мусора.

Они оказались над лиственным шатром. Краем глаза Киви видела папу. Тянулась бескрайняя небесная лазурь, нарушаемая случайными ветками. Искусственное солнце грело затылок. Если еще пару раундов игры в подтяжки провести, стукнутся головами о пластиковое небо. Киви захихикала.

А теперь уже Брюгель молча глядел на нее, снова и снова постукивая металлическим жезлом по ладони. О происхождении темных пятен на металле ходили слухи; очевидно, Ритсеру Брюгелю они только нравились. Но держался он не как боец. И когда замахивался дрыном, создавалось впечатление, что он вообще не представляет себя в равном бою, когда намеченная жертва пытается дать сдачи. Сейчас у него единственной точкой опоры выступала нога, зацепленная за ветви. Киви незаметно напружинилась и улыбнулась невинной улыбочкой.

Брюгель мгновение оставался неподвижен, только мерил ее взглядом. Потом, не проронив ни слова, оттолкнулся, повисел в пустоте, нашел ветку и нырнул к подстилке.

Киви молча глядела ему вслед. Странное ощу-

щение распространялось по телу и кистям рук. Она сперва не поняла какое. А парк… как же тут стало хорошо, когда Ритсер Брюгель убрался! Она слышала жужжание пчел и песни бабочек, а секунду назад все ее внимание поглощал разгневанный вахтмастер. Потом она осознала, что по рукам ползут мурашки, а сердце колотится как ненормальное от гнева и страха.

Киви Лин Лизолет многих дразнила и выводила из себя. До полета это у нее считай что хобби такое было. Мама говорила, что так проявляется перенаправленный страх остаться одной среди звезд. Может, и так. Но тогда было забавно. Сейчас — другое дело.

Она развернулась обратно к орлиному гнездышку среди деревьев, где сидел папа. Да уж, она многих злила в те годы. Тогда, в старые добрые времена, Эзра Виня она почти до кондрашки довести могла. «Бедный Эзр, мне так жаль…» Сегодня все иначе. Она видела эту разницу в глазах Ритсера Брюгеля. Полоумный вахтмастер на полном серьезе готов был ее убить. Чуть не сорвался. Вероятно, лишь мысль, что Томас все видит, его остановила. Но если они с Брюгелем пересекутся на кривой дорожке, где нет скрытых камер…

Руки у Киви продолжали трястись, хотя она

вернулась к Али Лину. К папе. Она так хотела, чтоб он ее приобнял, успокоил дрожь! Али Лин даже не взглянул на нее. Папа уже несколько лет как фокусирован, но Киви еще помнила, как все было раньше. Раньше… Папа бы при первых звуках перепалки внизу вынырнул бы из ветвей. Он бы встал между Киви и Брюгелем, чем бы тот ни был вооружен — стальным дрыном или чем еще. Теперь… Киви последние несколько минут занимал только Ритсер Брюгель. Но кое-что она улавливала боковым зрением: Али сидел в неподвижности, обложившись дисплеями и данными анализов. Он слышал их ссору, даже покосился в их сторону, когда Киви повысила тон сравнительно недалеко от него. Но вид у него оставался безучастно-нетерпеливый: дескать, чего вы меня отвлекаете?

Киви протянула к его плечу все еще подрагивающую руку. Он отмахнулся, словно сгоняя надоедливое насекомое. В каком-то смысле папа еще жив, а кое в чем будет мертвей мамы. Томас говорил, фокус можно обратить. Но Томасу папа и остальные фокусированные так же нужны, как и прежде. Кроме того, Томас — авральник по воспитанию. Они привыкли превращать людей в имущество, фокусируя их. Они этим *гордятся.*

Киви слышала, как выжившие Чжэн Хэ шептались, что все разговоры про обращение фокуса могут оказаться пустым трепом. Пока что не расфокусировали никого. Но Томас бы не стал лгать в таком важном деле.

А может, если они с папой хорошо поработают, его получится вернуть быстрее. По крайней мере, это не смерть, это не окончательное состояние. Она скользнула на свое место рядом с ним и вернулась к просмотру данных по новым анализам. Пока Киви с Ритсером Брюгелем обменивались оскорблениями, процессоры делали свою работу и уже выдали первые результаты.

Папе понравится.

Нау продолжал примерно раз в мегасекунду собирать комитет управления флотом. Разумеется, состав участников от вахты к вахте заметно менялся. Сегодня присутствовал Эзр Винь; интересно будет понаблюдать за реакцией мальчишки на припасенный Томасом сюрприз. Ритсер Брюгель тоже явился; потому-то Нау и попросил Киви не приходить. Нау улыбнулся про себя. «Черт, я и не думал, что она может его так размазать».

Нау объединил заседания с собраниями собственного аврального штаба и назвал то, что

получилось, совещаниями вахтменеджеров. Упирал он на то, что, каковы бы ни были прежние разногласия, все теперь в одной лодке и обязаны сотрудничать ради общего выживания. Совещания не имели значения, сопоставимого с беседами наедине Нау и Анне Рейнольт либо работой с Ритсером и СБ. Эти последние обязанности часто приходилось выполнять на межвахтье. Впрочем, Нау не солгал бы, сказав, что на ежемегасекундных совещаниях все же делается какая-то полезная работа. Он провел рукой над повесткой дня, просматривая список.

— Итак, последний вопрос. Экспедиция Анне Рейнольт к солнцу. Анне?

Анне не улыбнулась, поправив его:

— Отчет астрофизиков, вахтмастер… Но сперва у меня будет жалоба. Нам требуется по меньшей мере один несфокусированный специалист в этой отрасли. Вы знаете, как тяжело оценивать технические результаты…

Нау вздохнул. Она и наедине к нему по этому поводу приставала.

— Анне, у нас нет ресурсов. У нас всего трое выживших специалистов в этой области. — И все они — неотвязники.

— Тем не менее мне нужен хоть кто-то, на-

деленный здравым смыслом. — Она пожала плечами. — Ну что ж, как хотите. Следуя вашему указанию, мы посадили двух астрофизиков на постоянную вахту за некоторое время до Поджига. Учтите, что у них было пять лет на подготовку этого отчета. — Рейнольт провела рукой в воздухе, и перед собравшимися появился модифицированный такси-катер Чжэн Хэ. Со всех сторон на него были налеплены вспомогательные топливные баки, впереди вырос лес сенсоров. С одной стороны суденышко прикрывал серебристый солнечный парус на тонких креплениях. — Перед самым Поджигом доктора Ли и Вэнь вывели этот аппарат на низкую орбиту вокруг В(ы)ключенной. — Открылось второе окно, показав снижение суденышка к солнцу; окончательная орбита пролегала от силы в пяти сотнях километров над поверхностью В(ы)ключенной. — За счет тщательной ориентации паруса им удалось продержаться на этой орбите в безопасном положении более дня.

На самом деле работу выполняли пилоты-неотвязники Чжау Синя. Нау склонил голову к Синю:

— Отлично поработали, старший пилот.

Синь улыбнулся:

— Благодарю, сэр. Будет о чем детям расска-

зать.

Рейнольт проигнорировала замечание. Вызвала еще серию окон, показав виды с низкой орбиты в различных спектральных режимах.

— У нас с самого начала с анализом дела были плохи.

Они слышали запись разговора пары неотвязников. Ли был урожденный авральник, а другой голос говорил с акцентом Чжэн Хэ. Наверное, это Вэнь.

— Мы всегда знали, что у В(ы)ключенной масса и плотность, как у нормальной звезды класса G, но теперь получили карты высокого разрешения для внутренней температуры и плот…

Доктор Ли перебил его с типичной для неотвязников бесцеремонностью:

— …но нам нужны еще микроспутники! Ресурсы, будь они неладны. Нужно еще не меньше двухсот прямо на время Поджига.

Рейнольт поставила запись на паузу.

— Мы дали им еще сто микроспутников. — Всплыли новые окна. Ли с Вэнем сидят в Хаммерфесте после Поджига, без устали пререкаясь. Отчеты Рейнольт часто так выглядели: беспорядочные стопки картинок и таблиц с наложенной фоном звуковой дорожкой комментария.

Снова говорил Вэнь, голос его звучал устало:

— Даже Выключенная звезда обладает параметрами центральной плотности, типичными для класса G, но коллапса не происходит. Поверхностная турбулентность уходит не глубже десяти тысяч километров. Как? Как? Ну как это возможно?

Ли:

— И после Поджига внутренняя структура на глубине вроде бы не меняется.

— Мы не можем этого утверждать; мы не в состоянии подобраться так близко.

— Нет, она выглядит совершенно типично. У нас модели…

Голос Вэня снова изменился. Он заговорил быстрее, с явным раздражением, почти болезненным тоном:

— Столько данных, а загадки прежние. Я пять лет провел за изучением путей реакций и не продвинулся дальше астрономов Рассветной Эпохи. *Должно* что-то происходить в расширенном ядре, иначе коллапс оказался бы неминуем.

Другой неотвязник вроде бы обиделся:

— Разумеется, даже Выключенная звезда продолжает излучать, но излучает она нечто, после конверсии слабо взаимодействующее с обычной

материей.

— Но что же? Что? И если такой процесс возможен, то почему вышележащие слои не коллапсируют?

— Да п'шта конверсия происходит у основания фотосферы, *там-то* и протекает коллапс! Етить твою налево, я же на твоих собственных программах это смоделировал!

— Не-а. Post hoc[7]. Ерунда. Ничем не лучше теорий ранних эпох.

— Но у меня *данные* есть!

— И что? Адиабаты у тебя…

Рейнольт отключила звук.

— Они целыми днями так спорят. По большей части на своем жаргоне; тесно связанная по работе пара фокусированных часто его вырабатывает.

Нау выпрямился в кресле.

— Если они только друг с другом способны общаться, толку мало. Вы их потеряли?

— Еще нет. Не обычным путем, по крайней мере. Доктор Вэнь так раздосадован, что стал рассматривать случайные внешние факторы. У нормального человека это может простимулиро-

---

[7] Сноски: 7

Здесь: подгонка теории под результат *(лат.)*.

вать творчество, но…

Брюгель с искренним наслаждением захихикал:

— Так что, твоя астробригада выронила мячик, да, Рейнольт?

Рейнольт даже не взглянула на Брюгеля.

— Заткнись, — сказала она.

Нау заметил, как коробейники оживились при этой перепалке. Ритсер — второй человек в иерархии авральников, очевидный садист, а Рейнольт себе позволяет его затыкать без церемоний. Интересно, когда коробейники просекут? Ритсер на миг помрачнел, потом осклабился еще шире, устроился в кресле и весело глянул на Нау. Анне продолжала глазом не моргнув:

— Вэнь отошел от проблемы, рассматривая ее во все более широком контексте. Поначалу он достиг некоторых успехов.

Голос Вэня вернулся, но тон оставался тем же, монотонно-нетерпеливым:

— Галактическая орбита В(ы)ключенной. Вот ключ.

В окне мигнул график предположительной орбиты В(ы)ключенной в Галактике — в предположении, что она не пересекалась с иными звездами. Анне его почерпнула из записей неот-

вязника. График уходил в прошлое на полмиллиарда лет. Типичная лепестковая диаграмма галозвезды. Каждые двести миллионов лет В(ы)ключенная ныряла в скрытое сердце Галактики. Потом вырывалась оттуда, устремляясь все дальше, пока звезды не редели и не начиналась межгалактическая тьма. Томас Нау астрономом не был, но знал, что у подвижных галозвезд стабильных планетных систем обычно не имеется, поэтому посещают их редко. Но это, уж конечно, наименьшая из странностей В(ы)ключенной.

Каким-то образом неотвязник Чжэн Хэ полностью зациклился на галактической орбите звезды.

— Это устройство — звездой оно быть не может — видело Сердце Всего. Снова, и снова, и снова… — Рейнольт промотала, по всей вероятности, длиннющую петлю рассуждений бедняги Вэня. Голос неотвязника на миг стал спокойней. — Вот ключи. На самом-то деле их много. Забудьте про физику; просто на кривую светимости взгляните. Двести пятнадцать лет из каждых двухсот пятидесяти оно излучает слабее коричневого карлика. — Окна в пандан словам Вэня перескакивали с одной концепции на другую, отображая коричневые карлики и графики осцилляций

яркости В(ы)ключенной; с отдалением в прошлое те становились все резче. — Там происходит нечто невидимое для нас. Поджиг, потом график светимости примерно как у периодической квазиновой, и за несколько мегасекунд устанавливается спектр, который почти можно было бы объяснить излучением за счет термоядерных реакций в сердцевине звезды. А потом свет медленно гаснет и выключается совсем… или переходит в нечто, недоступное нашему восприятию. Это же вообще не звезда! Это магия. Магическая машина, только она поломалась. Готова побиться об заклад, когда-то она была генератором быстрых прямоугольных импульсов. Вот что это такое! Магия из сердца Галактики, но она сломалась, и мы ее не понимаем.

Аудиозапись внезапно выключилась, остервеневший калейдоскоп окошек Вэня застыл.

— Доктор Вэнь полностью зациклен на этих идеях уже десять мегасекунд, — сказала Рейнольт.

Нау знал, что последует дальше, но сделал озабоченную мину:

— И с чем мы остались?

— С доктором Ли все в порядке. Он вошел в обычный свой цикл, противоположный идеям

Вэня, когда мы его изолировали от напарника. Но сейчас… гм, он зациклился на программах Чжэн Хэ по идентификации систем. Он построил невероятно сложную модель, соответствующую всем наблюдениям. — Еще картинки, новая теория субатомных частиц Ли. — Доктор Ли сделал вылазку на территорию, монополизированную было Хуньдэ Вэнем, но получил совсем иные результаты.

Голос Ли:

— Да-да! Из моей теории следует, что такие звезды возле черной дыры в центре Галактики должны быть довольно обычны. Очень-очень редко они взаимодействуют: сильно связанный взрыв. Остаток выбрасывает далеко-далеко из ядра. — Конечно, рассчитанная Ли траектория разлета идентична построенной Вэнем. — Можно подобрать все параметры. Мы не видим мигающих звезд за пылью в ядре; они не слишком ярки и очень быстры. Но раз в миллиард лет происходит такое вот асимметрическое разрушение, а за ним выброс. — Схемы гипотетического взрыва гипотетического разрушителя системы В(ы)ключенной. Предположительные схемы древней солнечной системы В(ы)ключенной; все заметено взрывом, кроме небольшого затененного

участка на противоположной от разрушителя стороне орбиты.

Эзр Винь подался вперед:

— Господи, ему же почти все удалось объяснить!

— Да, — сказал Нау. — Даже синглетную природу планетной системы. — Он отвернулся от мешанины окон к Анне. — А вы что думаете?

Рейнольт пожала плечами:

— Кто знает? Поэтому-то, вахтмастер, нам и нужен несфокусированный специалист. Доктор Ли расставляет сети все шире. Это может быть симптомом классической ловушки всеохватного теоретизирования. А его теория частиц огромна; вполне возможно, что налицо шэнноновская тавтология[8]. — Она помолчала. Анне Рейнольт положительно не годилась в конферансье. Нау пришлось задать ей несколько вопросов, прежде чем последняя оболочка отвалилась с заготовленной Рейнольт бомбы. — Впрочем, теория частиц — одна из основных его специальностей. И у нее имеются некоторые полезные применения. На-

---

[8] Сноски: 8

В прикладной криптографии — зависимость, выведенная Клодом Шэнноном, создателем современной теории информации: иногда любая информация, какую можно получить из шифра, вносится туда попытками его взлома. Более известный русский аналог: синдром поиска глубинного смысла (СПГС).

пример, более быстрые ионные прямоточники.

Несколько секунд никто ничего не говорил. Чжэн Хэ тысячи лет совершенствовала свои двигатели, началось это еще до Фама Нювена. Они воровали идеи у сотен цивилизаций. И за последнее тысячелетие улучшили двигатели… менее чем на процент.

— Так-так-так.

Томас Нау знал, как приятно играть по-крупному… и выигрывать. Даже коробейники улыбались, словно идиоты. Он ощутил, как по залу прокатилась волна радостного оживления. Наконец-то *очень* хорошие новости, даже если польза от них будет ощутима лишь под конец Изгнания.

— Это придает нашим астрофизикам особую ценность. Можно ли как-то помочь Вэню?

— Боюсь, что Хуньдэ Вэнь восстановлению не подлежит. — Рейнольт открыла окно с томограммой. Для врача Чжэн Хэ это была обычная карта мозговой диагностики. Рейнольт воспринимала ее как стратегическую схему. — Видите, вот тут и вот тут зацепление на его работу с В(ы)ключенной. Я это показала, отстроив кое-какие связи. Если попробуем его выдернуть из навязчивого цикла, сотрем всю работу за последние пять лет и перекрестные связи с большей частью

накопленного жизненного опыта. Помните: фокусировочная хирургия — это ткнуть и посмотреть, что получится. Разрешение не лучше миллиметра.

— И что, он станет овощем?

— Нет. Если отступиться и снять ему фокус, он сохранит личность и большую часть воспоминаний. Он просто перестанет быть физиком.

— Мм, — задумчиво протянул Нау. Значит, не получится просто расфокусировать коробейника и сделать его необходимым Рейнольт экспертом извне. «И будь я проклят, если рискну расфокусировать третьего». Остается, однако, еще одно решение, очень шаткое, но позволяющее кое-как использовать всю троицу. — Ладно, Анне. Вот что я предлагаю. Включите третьего физика, но с низкой загрузкой по вахтам. Доктора Ли суньте в морозильник, пока новый участник пересмотрит его результаты. Конечно, непредвзятости несфокусированного обзора мы не добьемся, но если постараться, получим что-то к ней близкое.

Та снова пожала плечами. Рейнольт не страдала ложной скромностью, но и цены себе истинной не знала.

— Что же до Хуньдэ Вэня, — продолжал Нау, — то он хорошо потрудился, и о большем мы

просить его не можем. — В буквальном смысле, если верить Анне. — Я хочу, чтобы его расфокусировали.

Эзр Винь уставился на него, разинув рот. Другие коробейники тоже ошалели. Нау шел на некоторый риск: Хуньдэ Вэнь явно не лучший пример для демонстрации обратимости фокусировки. С другой стороны, он же и приемлемо трудный пример. «Выкажи заботу».

— Мы почти пять лет гоняли доктора Вэня, и он уже в среднем возрасте. Примите необходимые медицинские меры, чтобы вернуть ему здоровье.

Это был последний вопрос повестки дня, и заседание вскоре завершилось. Нау смотрел, как разлетаются участники, весело обсуждая открытие Ли и анонсированное вольноотпущенничество Вэня. Эзр Винь удалился последним, ни с кем не говоря. У мальчишки был совсем обалделый вид.

«Да-да, господин Винь. Ведите себя хорошо, и, может быть, однажды я освобожу ту, по которой вы сохнете».

16

На межвахтье было очень тихо. Как правило, вахты исчислялись целыми числами мегасекунд

и перекрывались так, чтобы уходящие вахтенные могли ввести новичков в курс дел. Межвахтье ни для кого не секрет, но Нау официально рассматривал его как глюк планировочной программы, четырехдневный зазор между вахтами, который выпадал нерегулярно. Вроде пропавшего седьмого этажа или мифического недостающего дня между однодням и второднем.

— А правда, было бы неплохо устраивать межвахтье и дома? — пошутил Брюгель, проведя Нау с Калем Омо в анабиозные ниши. — Я заведовал френкийской службой безопасности пять лет, и мне было бы куда легче, появись у меня возможность время от времени объявить перерыв и перераспределить дичь, как мне удобно.

Голос его громким эхом отдавался в хранилище, возвращаясь сразу по нескольким направлениям. Они были на «Суивире» единственными неспящими. Внизу, в Хаммерфесте, бодрствовали Рейнольт и некоторые неотвязники. Горстка авральников и коробейников под началом Киви Лизолет трудилась над стабилизацией электросопел на астероидах. Но, если не считать неотвязников, самые мрачные тайны знала лишь его группа. Между вахтами удавалось заняться тем, чего от них требовала защита общественных

интересов.

Внутренние переборки анабиозного склада на «Суивире» выбили, чтобы установить тут десятки новых гибернаторов. Вся вахта A тут спала: почти семьсот человек. Вахты B и смешанная находились на «Провале Брисго», вахты C и D — на «Общем благе». Но после этого межвахтья наступало время вахты A.

На стене мелькнул красный огонек. Автономная складская система была готова к обмену данными. Нау нацепил наглазники, над гробами возникли метки имен и распределений. Все — зеленые, слава богу. Нау обернулся к своему вахтсержанту. Система слишком буквально восприняла свои обязанности: в воздухе рядом с головой Каля Омо прорисовались его имя, статус и сводка жизненных показателей.

— Медики Анне сюда через несколько тысяч секунд наведаются, Каль. Не пускай их, пока мы с Ритсером не закончим.

— Слушаюсь, сэр.

На губах офицера мелькнула легкая усмешка, он повернулся и поспешил к двери. Каль Омо был в курсе; он готовил западню на «Далеком сокровище». Он знал, чего ожидать.

Потом они с Ритсером Брюгелем остались в

одиночестве.

— Ладно, Ритсер, нашел ты еще подгнившие яблочки?

Ритсер ухмылялся; он заготовил какой-то сюрприз. Они проплыли меж рядами гробов, под ногами вспыхнула подсветка. Гробы в аду побывали и вернулись работоспособными, по крайней мере изделия Чжэн Хэ. Коробейники умны; технологические передачи они вели на весь Людской Космос, но сливки оставляли себе. «Но теперь у нас флотская библиотека и люди, которые для нас ее вскроют».

— Я хорошо погонял своих ищеек, вахтмастер. Вахта А чиста, если не считать… — Он умолк и остановился, оперевшись рукой о штабель. По всей длине шли тонкие рельсы — явно на скорую руку стачано. — Не знаю, отчего вы так нянчитесь с говнюками-бунтарями вроде него. — Он постучал вахтмастерским жезлом по одному из гробов.

У коробейницких гробов были широкие закругленные окошки и внутренняя подсветка. Даже не будь дисплейной метки, Нау бы узнал Фама Тринли. Отчего-то лицо этого человека казалось моложе, когда он спал недвижимо.

Ритсер, вероятно, счел молчание Нау призна-

ком нерешительности.

— Он знает об афере с Резней Дьема.

— Конечно, — пожал плечами Нау. — И Винь знает. И некоторые другие. Теперь мы можем оценить, сколько их.

— Но…

— Помни, Ритсер, о чем мы договорились. Никакой больше бесполезной мокрухи.

Самая страшная ошибка за все время — полевые допросы после атаки. Нау следовал стратегиям управления в катастрофической ситуации, выработанным Чумой, суровым и сокрытым от взора народа. Но первые вахтмастера работали в иной обстановке; у них людских ресурсов было хоть завались. В этой же ситуации… хм, те из Чжэн Хэ, кто поддавался фокусировке, проблем не вызывали. Но остальные держались на удивление крепко. И, что хуже всего, не реагировали на угрозы сколько-нибудь рационально. Ритсер малость осатанел, а Нау от него не отставал. Они перебили всех старших коробейников, не успев понять психологию пленных. Как бы то ни было, катастрофа катастрофой, а бесценным опытом они обзавелись. Томас научился работать с уцелевшими.

Ритсер улыбнулся:

— Ладно. По крайней мере, он хотя бы забавный. Как он пытается к вам и ко мне подлизаться, не теряя фанфаронства, — обхохочешься! — Он жестом обвел стеллажи гробов. — Хорошо, разбудим всех по графику. И без того пришлось объяснять слишком много «несчастных случаев». — Он развернулся к Нау. Улыбка не стерлась с его лица, но подсветка снизу придала ей сходство с гримасой — в целом вполне оправданное. — Настоящая трудность у нас не с вахтой А. Вахтмастер, за последние четыре дня я выявил несомненные признаки подрывной работы.

Нау посмотрел на него с выражением вежливого удивления. Он ожидал такого поворота.

— Киви Лизолет?

— Да! Погодите, я знаю, что вы видели в тот день нашу с ней стычку. Эта гноесоска заслужила смерть за такую наглость, но я не поэтому вам жалуюсь. Я располагаю убедительными уликами против нее. Она нарушает ваш закон. Она скооперировалась с другими.

Теперь Нау удивился неподдельно:

— Это еще как?

— Вы знаете, что я подловил ее в коробейницком парке с отцом. Она по собственной прихоти закрыла парк. Потому я так и разозлился. Но

потом… Я пустил по ее следам моих ищеек. Случайный мониторинг еще нескольких вахт ничего бы не выявил. Эта шлюшка расходует общественные ресурсы. Она украла готовый продукт из установок перегонки летучих веществ. Она по своему усмотрению расходует рабочее время фабрики. Она отклонила фокус своего отца, чтобы он занялся ее частными проектами.

Чума ее побери! Киви от него это утаила.

— И… она что-то делает с этими ресурсами?

— С этими и другими, вахтмастер. У нее много планов. И она не в одиночестве… Она пытается выменивать украденные товары к собственной выгоде.

На миг у Нау отнялся язык. Разумеется, меновая торговля — преступление. В Чумные Годы за бартер и утаивание ресурсов было казнено больше, чем погибло от самой Чумы. Но в современных обстоятельствах… что ж, полностью меновую торговлю искоренить невозможно. На Балакрее бартер периодически использовали как повод для крупных зачисток, но только как повод.

— Ритсер… — Нау заговорил, осторожно подбирая формулировки вранья. — Я обо всем этом знал. Разумеется, она нарушает мой закон. Но пойми: мы в двадцати световых годах от дома.

Мы имеем дело с Чжэн Хэ. Они коробейники по *природе своей*. Я понимаю, тяжело это принять, но весь смысл их существования в том, чтобы надувать своих же. Мы не можем надеяться, чтобы так быстро удалось подавить…

— Нет! — Брюгель оттолкнулся от стеллажа и перехватил поручень рядом с Томасом. — Они все говнюки, но только Лизолет и несколько ее отъявленных пособников — могу перечислить поименно — нарушают ваш закон!

Нау без труда представлял себе, как это происходило. Киви Лин Лизолет даже в бытность свою Чжэн Хэ никогда не подчинялась правилам. Ее безумная мамаша как-то ухитрялась ею манипулировать, но даже при этом прямого контроля над девчонкой не имела. А больше всего она любила играть в игры. Киви однажды сказала: «Всегда легче добиться прощения, чем разрешения». И это простое заявление, как ничто другое, убедительно демонстрировало пропасть между миром Киви и первыми вахтмастерами.

Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отшатнуться от надвигавшегося Брюгеля.

Да какая муха его укусила? Нау посмотрел молодому человеку прямо в глаза, не обращая внимания на жезл в дергавшихся руках Ритсера.

— Я уверен, что можешь перечислить. Это твоя работа, вице-вахтмастер. А моя работа среди прочего — интерпретировать мой закон. Ты знаешь, что Киви не избавилась от мозговой гнили, и при необходимости ее легко… зачистить. Я хочу, чтобы ты мне в дальнейшем докладывал об этих нарушениях, но пока что предпочту смотреть на них сквозь пальцы.

— Вы предпочтете смотреть на них сквозь пальцы? Предпочтете? Да я… — Брюгель на миг умолк. Когда он заговорил снова, в голосе его была контролируемая, тщательно отмеренная ярость. — О да, мы в двадцати световых годах от дома. Мы в двадцати световых годах от вашей Семьи. И ваш дядя больше ничем не правит. — В трех годах от системы В(ы)ключенной их нагнало известие об успешном покушении на Алана Нау. — В метрополии, быть может, вам и удалось бы нарушить любой закон, защитить преступницу просто потому, что она хороша в постели. — Он слегка похлопал жезлом по ладони. — А здесь и сейчас вы очень одиноки.

Смертельная вражда между вахтмастерами законам не подчинялась. Этот принцип восходил еще к Чумным Годам, но отражал и глубинную истину природы. Если Брюгель сейчас расколет

Томасу Нау череп, Каль Омо покорится вице-вахтмастеру. Но Нау лишь ответил негромко:

— Ты еще более одинок, дружище. Ну и сколько у тебя запечатленных неотвязников?

— У меня… у меня пилоты Синя, у меня ищейки. Я заставлю Рейнольт перенаправить на меня стольких, сколько мне понадобится.

Ритсер балансировал на краю прежде не замечаемой Томасом бездны, но его, по крайней мере, удалось успокоить.

— Думаю, ты лучше понимаешь Анне, чем следует из твоих слов, дорогой Ритсер.

И убийственное пламя в глазах Брюгеля внезапно угасло.

— Да, вы правы. О, как вы правы… — Он обмяк. — О, сэр… если бы только миссия повернулась иначе. У нас были бы ресурсы вести жизнь, достойную высших вахтмастеров. Перед нами открывалась перспектива завоевания планеты сокровищ. А теперь почти все наши неотвязники погибли. У нас не хватит оборудования вернуться. Мы застряли тут на десятилетия…

Казалось, что Ритсер вот-вот разрыдается. Переход от угроз к жалкой слабости выглядел впечатляюще. Томас продолжал тихо, успокаивающе:

— Я понимаю тебя, Ритсер. Мы в более сложном положении, чем за все время после Чумы. Если человек твоей силы так болезненно его переживает, то боюсь даже представить, как оно отражается на остальных участниках миссии.

И в этом он не лукавил, хотя большинство участников экспедиции не были столь выдающимися личностями, как Ритсер Брюгель. Как и Ритсер, они оказались на десятилетия заточены в ловушке, где ни семьи, ни детей позволить себе не могли. Эту опасную проблему не следовало недооценивать. Но обычные люди без всяких хлопот продолжали старые отношения и заводили новые связи; в конце концов, тут больше тысячи нефокусированного народу. Потребности же Ритсера удовлетворять будет все сложнее. Ритсер досуха высасывал людей, и скоро для него вряд ли удастся что-то наскрести.

— Но перспектива планеты сокровищ не снята с повестки дня. Может, это главное, на что мы могли рассчитывать. Мы чуть не погибли, сражаясь с Чжэн Хэ, но теперь у нас доступ к их секретам. И потом, ты же был на последнем совещании вахтменеджеров: мы открыли новые физические явления, новые даже для Чжэн Хэ. И лучшее еще впереди, Ритсер. Пауки сейчас примитивны,

но их раса едва ли могла возникнуть здесь, их солнечная система уж слишком экстремальна. Мы не первые тут разведываем. Представь себе, Ритсер, встречу с нечеловеческой цивилизацией космопроходцев. И все их секреты там, погребены под руинами далекого прошлого.

Он провел вице-вахтмастера вокруг дальнего стеллажа гибернаторов, и они переместились ко второму проходу. Наглазники везде сияли зеленым, но, как обычно, гробы производства Аврала показывали большую степень износа. Ох-хох. Если так пойдет и дальше, через несколько лет не останется гибернаторов, чтобы поддерживать удобный график вахты. Сам по себе флот звездолетов не способен ни построить другой такой же, ни хотя бы организовать стабильное производство высокотехнологичной продукции. Эта проблема стара, как сами космические полеты; чтобы произвести наиболее сложную продукцию, требуется поддержка целой цивилизации, с ее сетями экспертов и многоуровневой капитальной промышленностью. Быстрых клавиш тут нет; человечество часто мечтало об универсальном синтезаторе, но так и не создало его.

Видно было, что Ритсер подуспокоился, а его безысходный гнев сменился задумчивостью.

— Ну ладно, мы многим жертвуем, но в итоге вернемся домой победителями. Я это не хуже любого другого могу выдержать. Но… но зачем так тянуть, Чума их побери? Можно ведь спуститься туда, прибрать к рукам паучье королевство и захватить…

— Ритсер, они ведь едва электронику переоткрыли. Надо еще…

Вице-вахтмастер нетерпеливо затряс головой:

— Ну да, ну да. Конечно. Нам нужна прочная промышленная база. Уж кому знать, как не мне; я же был вахтмастером на верфях Лорбиты. Только капитальный ремонт спасет наши задницы. Но и это не может служить оправданием. Чего мы тут в засаде сидим, в первой точке Лагранжа? Если бы подчинить какое-то паучье государство, может, притвориться его союзниками, на худой конец, все значительно ускорится.

— Ты прав, но истинную трудность представляет удержание контроля. В нашем случае правильное планирование — ключ к успеху. Ты же знаешь, я участвовал в покорении Гаспра. На самом деле прилетел в первой волне после самого завоевания; был бы я с исходным флотом, ворочал бы сейчас миллионами. — Нау не скрывал зависти, потому что эта перспектива будет Брюгелю

доступна. Гаспр стал джекпотом. — Господи, как же классно поработал исходный флот. У них всего два корабля было, Ритсер! Только представь. Всего пятьсот неотвязников — меньше нашего. Но они засели в засаде, а стоило Гаспру заново войти в информационный век, и оказалось, что наши контролируют все системы обработки данных на планете. Сокровище им прямо в руки свалилось! — Нау помотал головой, отгоняя счастливое видение. — Да. Можно, разумеется, попробовать покорить пауков прямо сейчас. Возможно, мы и ускорим их развитие. Но мы ведь будем вынуждены во многом блефовать — с чужаками, чьей природы пока не понимаем. Если просчитаемся, если начнется партизанская война, можем быстро все просрать… Ну да, мы, скорее всего, победим, но тридцатилетнее ожидание растянется на пятьсот лет. Для такого провала имеется прецедент, Ритсер, хотя к Чуме он не имеет никакого отношения. Ты хоть слышал про Канберру?

Брюгель пожал плечами. Канберра, может, и самая мощная цивилизация во всем Людском Космосе, но она так далека, что особо его не интересовала. Как и многие авральники, Брюгель обладал узким кругозором.

— Три тысячи лет назад на Канберре господ-

ствовало средневековье. Как и на Гаспре, исходные колонисты сами себя вбомбили в полную дикость, с той лишь разницей, что канберранцы еще и полпути назад не проделали. Туда отправилась маленькая флотилия Чжэн Хэ; какая-то странная ошибка вышла, они были уверены, что с канберранцами еще можно торговать. Это была первая крупная ошибка коробейников. Вторая ждала их потом: они все равно попытались наладить торговлю на Канберре. У Чжэн Хэ была вся власть, они могли заставить примитивные общества Канберры заключить с ними любую сделку, какую бы захотели.

Брюгель хмыкнул:

— Вижу, к чему вы клоните. Но местные были куда примитивней, чем эти.

— Да, но они хотя бы были людьми. А у Чжэн Хэ оставалось куда больше ресурсов. Короче, стали они договариваться. Продвигали местную технологию как могли. Настроились покорить планету. И, стоит отметить, добились своего. Но с каждым шагом увязали все глубже. Исходный экипаж доживал свои дни в каменных замках. У них даже гибернаторы и те отказали. Гибридная цивилизация канберранцев и коробейников в итоге стала чрезвычайно могущественной и вы-

сокоразвитой, да вот беда — исходному экипажу в эту прекрасную пору жить уже не довелось.

Возвращаясь, вахтмастер и его заместитель почти достигли главного шлюза. Брюгель пролетел вперед, медленно развернулся, опустившись на стену ногами, как на палубу. Он напряженно воззрился на приближавшегося Нау. Нау приземлился, позволив ножным крюкам затормозить поворот.

— Ритсер, подумай о том, что я тебе рассказал. Наше Изгнание — вынужденная необходимость, а награда будет богаче, нежели ты способен себе вообразить. Тем временем, думаю, мы уладим твою проблему. Вахтмастер страдать не должен.

На лице молодого человека возникло выражение удивленной благодарности.

— Б-благодарю вас, сэр. Мне только и требовалось, что небольшая помощь.

Они еще несколько минут беседовали, определяя необходимые компромиссы.

Возвращаясь с «Суивира», Томас нашел время поразмыслить. Из его шлюпки было хорошо видно блистающее впереди скальное скопление и небо за ним, истыканное неправильной формы времянками, складами, кораблями на приколе у астероидов. В межвахтье людской поток между

ними высыхал. Даже работников Киви не видать — наверное, трудятся где-нибудь в тени скал. Далеко за алмазными горами парила в гордом одиночестве Арахна. Великий океан ее сегодня во множестве мест закрывали облака. Тропическая зона конвергенции, однако, отчетливо проглядывала на синем фоне. Все сильнее мир пауков напоминал архетипическую Мать-Землю; таких планет одна на тысячу — там люди могут высадиться и основать процветающую культуру. Еще лет тридцать с небольшим она будет выглядеть раем — а потом солнце погаснет снова. «И к тому моменту мы ее захватим».

Сейчас он еще немного повысил вероятность окончательного успеха. Он раскрыл тайну и пресек риск, в котором не было нужды. Губы Томаса дернулись в невеселой усмешке. Ритсер ошибался, воображая, что жизнь старшего племянника Алана Нау *легка*. Да, Алан Нау благоволил Томасу. С самого начала было ясно, что именно Томас унаследует главенствующую роль дяди Нау в Аврале. Это и порождало проблему, это и делало Томаса источником угрозы для старшего Нау. Наследство — даже в семьях вахтмастеров — обычно получают убийством. Да только Алан Нау оказался умней. Он стремился вручить власть

своему племяннику, но не раньше чем Алан проживет и процарствует отмеренный судьбой срок. Отправляя Томаса Нау в экспедицию к В(ы)ключенной, дядя проявил себя государственным мужем высшего класса, чем спас и себя, и вероятного преемника. Томас Нау вынужден будет отсутствовать на политической сцене более двух веков. А когда вернется, в распоряжении у него окажутся ресурсы, достаточные, чтобы продлить господство семьи Нау.

Томас часто задумывался, не саботажник ли Ритсер Брюгель. Дома этот парень казался неплохим кандидатом на должность вице-вахтмастера. Он был молод, но уже отличился при зачистке верфей Лорбиты. Происходил Ритсер из френкийцев; родители его первыми поддержали вторжение Алана Нау. Насколько возможно, власти Аврала сопровождали каждое завоевание теми же отягчающими факторами, какие проявились в Чумные Годы на Балакрее: миллионами смертей, мозговой гнилью, установлением класса вахтмастеров. Молодой Ритсер превосходно приспособился ко всем требованиям нового порядка.

Но когда началось Изгнание, он совсем от рук отбился, порази его Зараза. Стал безответственным, неряшливым, почти высокомерным.

Частично это объяснялось ролью громилы, которую Нау ему определил, но Ритсеру даже играть не было нужды. Он замкнулся в себе, перестал сотрудничать. Напрашивался очевидный вывод. Враги семьи Нау — люди умные и дальновидные. Возможно, им каким-то образом удалось пропихнуть своего агента через заслон службы безопасности дяди Алана.

Сегодня эта загадка обрела объяснение, подозрения оказались развеяны. Это не саботаж, это даже некомпетентностью не назовешь. Вице-вахтмастер страдал от подавляемых желаний и оказался слишком горд, чтобы заявить о них в открытую. В цивилизованной обстановке эти потребности удовлетворить было бы несложно: они относились к нормальным, прирожденным, хотя и не афишируемым правам каждого вахтмастера. Здесь же, в глуши, почти что на обломках кораблекрушения… Ритсеру и впрямь туго пришлось.

Шлюпка промелькнула над верхними шпилями Хаммерфеста и нырнула в их тень.

Трудно будет насытить Брюгеля; молодой человек должен проявить некоторое самоограничение. Томас уже пересмотрел списки экипажа и неотвязников. «Да, я это могу себе позволить». И оно того стоит. Ритсер Брюгель — единственный

вахтмастер на двадцать световых лет окрест. Класс вахтмастеров зачастую испытывал смертельные внутренние конфликты, но их и многое связывало. Каждому вахтмастеру ведомы тайные жесткие стратегии. Каждый из них причастен подлинных ценностей Аврала. Ритсер молод, он еще в поиске себя. Если с ним поработать как следует, решение остальных проблем облегчится.

А окончательный успех миссии может оказаться даже более грандиозным, чем Нау наобещал Ритсеру. Более грандиозным, чем планировал дядя Алан. Сам Томас Нау мог бы не заметить открывшейся возможности, если б не эта встреча с коробейниками лицом к лицу.

Дядя Алан серьезно расценивал далекие угрозы; он продолжал балакрейскую традицию, тщательно фильтруя исходящее из систем Аврала радиоизлучение. Но даже он, казалось, не понимал, что изображает из себя тирана в смехотворно маленьком загончике: Балакрея, Френк, Гаспр. Нау только что поведал Ритсеру Брюгелю о том, как была открыта Канберра. Он мог бы прибегнуть и к более удачным примерам, но канберрский предпочитал остальным. Пока его сверстники зубрили историю Аврала и вносили тривиальные усовершенствования в страте-

гические подходы, Томас Нау изучал историю Человеческого Космоса. И даже катастрофа, подобная Чуме, представлялась в этом контексте обыденной. Завоеватели из исторических хроник были, по меркам Балакреи, истинными великанами. Томас Нау ознакомился с биографиями тысяч далеких стратегов: от Александра Македонского до Тарфа Лу… и Фама Нювена. Главным образцом для подражания Нау выбрал себе Фама Нювена, величайшего из Чжэн Хэ.

В каком-то смысле Нювен и создал современную Чжэн Хэ. Широкополосные радиопередачи коробейников описывали жизнь Нювена достаточно детализированно, однако были изрядно подслащены. Существовали иные версии его биографии — противоречивые шепотки меж звезд. Каждый аспект жизни этого человека стоил исследований. Фам Нювен родился на Канберре перед самой высадкой Чжэн Хэ. Ребенком Нювен попал в Чжэн Хэ извне… и преобразил ее. За несколько веков он привел коробейников к империи, самой великой империи Человечества. Он стал Александром Человеческого Космоса. Как и Александровой, его империи была суждена недолгая жизнь.

Этот человек был гениальным завоевателем

и организатором. У него просто не хватало инструментов.

Нау напоследок полюбовался небесной голубизной прекрасной Арахны, и диск планеты утонул за башнями Хаммерфеста. Теперь у Нау была мечта. Пока что он признавался в ней только самому себе. Через несколько лет он завоюет расу пауков, некогда странствовавшую меж звезд. Через несколько лет он вскроет глубочайшие тайны флотской автоматики Чжэн Хэ. Располагая всем этим, он станет равен Фаму Нювену. Располагая всем этим, он сможет основать звездную империю. Но мечта Томаса Нау простиралась дальше этого, ибо он уже располагал инструментом, отсутствовавшим в распоряжении Фама Нювена, Тарфа Лу и остальных. Фокусом.

До мечты было полжизни, путь к ней преграждали Изгнание и такие опасности, каких, может, и представить пока нельзя. Иногда он задумывался, а не сошел ли с ума, воображая, что сумеет добиться желаемого. О, но как же ярко пылала в его мозгу мечта!

Фокус поможет Томасу Нау удержать добычу. Аврал Томаса Нау станет империей, объединяющей весь Людской Космос. И эта империя будет вечной.

17

Разумеется, официально забегаловки Бенни в природе не существовало. Бенни отхватил себе кусок пустого пространства между внутренними пузырями. Работая в свободное время, они с отцом постепенно обставили его мебелью и аркадами для невесомости, а стены обклеили видеообоями. На стенах кое-где еще проглядывала паутина служебных труб, но даже ее закрыли цветастой лентой.

Когда расписание вахт приводило Фама Тринли на дежурство, он большую часть свободного времени зависал у Бенни. А свободного времени прибавилось, поскольку он напортачил со стабилизацией скал первой точки Лагранжа, и на эту работу поставили Киви Лизолет.

Запах хмеля и ячменя встретил Фама Тринли еще в дверях. Рядом с его ухом проплыло скопление пивных капелек, чтобы, вильнув, юркнуть к вентиляционную щель.

— Эй, Фам, ты где шатался? Хватай стул и падай.

Обычные его собутыльники сидели в основном на потолке аркадной зоны. Фам помахал им и скользнул через помещение, устроившись на

внешней стене. Это значило, что смотреть он будет в сторону от остальных, но места тут было не так много.

Трад Силипан махнул в ту сторону, где над барной стойкой парил Бенни.

— Где пиво и закусь, Бенни, дружище? И одну большую этому военному гению!

Все заржали, хотя Фам негодующе хмыкнул в ответ. Он очень старался, зарабатывая себе репутацию болтливого хвастуна. Хочешь услышать невероятную побасенку? Просто дай Фаму Тринли потрындеть дольше ста секунд кряду. Разумеется, если у тебя хоть какой-то здравый смысл присутствует, сразу поймешь, что это чушь собачья, а если и нет, то героические фрагменты истории — чужая заслуга. Фам оглядел забегаловку. Как обычно, больше половины клиентов были из авральников-фолловеров, но в каждой группе присутствовал и кто-нибудь из Чжэн Хэ, порою двое. После Поджига, после Резни Дьема, минуло больше шести лет. Для большинства — почти два года реальной жизни. Выжившие Чжэн Хэ постепенно приспосабливались. Не ассимилировались, но, как и Фам Тринли, стали интегральной частью Изгнания.

Хуньдэ Вэнь проплыл к ним от барной стойки.

Он тащил за собой авоську с питьевыми грушами и закуской (рисковали, импортируя ее в бар, опять-таки они с Бенни). Разговоры на секунду прекратились: Хуньдэ раздавал заказы, получая взамен обязательства.

Фам взял грушу с пивом. Груша была из новенького пластика. Бенни, значит, договорился с теми, кто на астероидах работает. Небольшая фабрика летучих веществ поглощала воздушный снег, водяной лед и поверхностный алмаз… а взамен выдавала сырье, в том числе пластик для питьевых груш, мебели и игровых приспособлений. Даже главный аттракцион заведения был продуктом скальной фабрики, тронутым, правда, магией бактериальной ямы времянки.

На груше с одной стороны имелась многоцветная надпись: ПИВОВАРЕННЫЙ ЗАВОД «АЛМАЗЫ И ЛЕД». И картинка, на которой алмаз погружался в пивную пену. Картинка была сложная — явно печать с оригинала, нарисованного вручную. Фам посмотрел на искусный рисунок. Спрашивать ничего не стал: другие спросят… каждый по-своему.

Трад с приятелями тоже заметили картинку, раздался взрыв смеха.

— Эй, Хуньдэ, ты сам нарисовал?

Старший Вэнь застенчиво улыбнулся и кивнул.

— Эй, ты смотри, прикольно. Конечно, не так, как фокусированный художник нарисовал бы.

— Я думал, ты же вроде физика был, пока тебя не выпустили на свободу?

— Астрофизик. Да… я… я почти ничего не помню. Я новому учусь.

Авральники еще несколько минут трепались с Вэнем. Настроены они были в целом дружелюбно и, кроме Трада Силипана, сочувственно. Фам смутно помнил Хуньдэ Вэня до атаки: открытый, доброжелательный ученый. Ну что ж, добрый нрав его уцелел. Хуньдэ постоянно улыбался какой-то извиняющейся улыбкой. Личность его напоминала теперь керамический сосуд, однажды разбитый, затем кропотливо склеенный; функциональность сохранена, но дополнена хрупкостью.

Вэнь принял последнюю расписку и поплыл обратно через забегаловку. На полпути к бару он замер. Повернул ближе к обоям, посмотрел на астероиды и солнце. Казалось, он на миг забыл, что происходит, и снова увлекся загадками В(ы)ключенной. Трад Силипан фыркнул и склонился к Тринли через столик:

— Совсем не от мира сего, э? Обычно в завязке эти чудики получше.

Бенни Вэнь выбрался из-за барной стойки и увел отца подальше. Бенни был из тех, кто дышал огнем на авральников. Чтобы узнать в нем уцелевшего участника заговора Дьема, напрягаться не было нужды.

Разговоры возобновились; пошла беседа о прочих важных вопросах этого дня. Чжау Синю требовался кто-нибудь с вахты А, желающий поменяться на вахту В: его дама сердца застряла на другой вахте. Такую перестановку должен утвердить вахтмастер, но если все согласны… Кто-то указал, что одна женщина из Чжэн Хэ, работающая в квартирмейстерской секции, посредничает в таких делах в обмен на другие услуги.

— Гребаные коробейники за все цену назначают, — пробормотал Силипан.

Тринли поспешил облагодетельствовать собравшихся историей (вполне реальной, но сдобренной такими нелепостями, что ее кто угодно счел бы враньем) об экспедиции с долгой вахтой, которой он-де командовал.

— Пятьдесят лет — и всего четыре группы вахтенных. Под конец пришлось поступиться правилами и позволить завести детей в полете.

К тому моменту мы получили рыночное преимущество…

Фам пустился в подробности, но Трад Силипан ткнул его под ребра.

— Тсс! О мой повелитель, могучий торговец из Чжэн Хэ! Смею остеречь: явилась твоя Немезида!

Вокруг захихикали. Фам негодующе зыркнул на Силипана и обернулся.

Киви Лин Лизолет появилась в дверях забегаловки. Извернувшись в воздухе, она опустилась рядом с Бенни Вэнем. Возникла пауза, и голос ее донесся до сидевшей на потолке группки Тринли.

— Бенни! Ты формы на перетасовку заполнял? Гунле прикроет…

Двое перелетели к другому концу барной стойки, продолжая шептаться, и разговоры возобновились. Киви углублялась в переговоры, выкручивая Бенни руки насчет какой-то новой сделки.

— А это правда, что она *все еще* отвечает за стабилизацию скал? Я-то думал, Фам, это твоя работка.

Чжау Синь скорчил гримасу:

— Сбавь обороты, Трад.

Фам воздел длань, имитируя раздраженного старикана, который пытается выглядеть важнее, чем есть.

— Как я уже говорил, меня повысили. Лизолет занимается полевыми операциями, а я по поручению вахтмастера Нау осуществляю общее руководство. — Он посмотрел на Киви, пытаясь придать взгляду надлежащую свирепость. Интересно, что она сейчас задумала? Потрясающая девчонка.

Краем глаза Фам заметил, как Трад Силипан виновато пожимает плечами перед Чжау Синем. Они все знали, что Фам пустобрех, но любили его. Истории его, конечно, пурга полная, но послушать всегда интересно. Проблема с Традом Силипаном была в том, что он никогда не знает, где остановиться в издевках. Теперь, надо полагать, попытается загладить вину.

— Да, — сказал Силипан, — немногие из нас подотчетны непосредственно вахтмастеру. А я тебе тогда вот что расскажу про Киви Лин Лизолет. — Он оглянулся: кто еще их слышит? — Ты знаешь, я командую неотвязниками у Рейнольт… короче, мы поддержку ищейкам Ритсера Брюгеля обеспечиваем. Я с ребятами там наверху говорил. Наша малышка Лизолет у них в списке подозри-

тельных. Она в стольких аферах замешана, что тебе и не снилось. — Он обвел рукой обстановку бара. — Откуда, по-твоему, весь этот пластик? Теперь, заняв прежнее место Фама, все время на скалах внизу торчит. И переправляет продукцию людям вроде Бенни.

Один из собутыльников Силипана поболтал перед ним грушей с «Алмазами и льдом».

— Ты вроде как не прочь, Трад.

— Ты знаешь, что не в этом дело. Ты подумай: они ведь с такими, как Бенни Вэнь, общественные ресурсы расхищают. — За столом значительно покивали. — Какую бы случайную пользу это ни приносило, а все равно — кража из общего котла. — Глаза его стали жесткими. — В Чумные Годы мало было проступков более тяжких.

— Ну да, но вахтмастера в курсе. Особого вреда от этого нет.

Силипан кивнул:

— И это правда. Они пока что терпят. — Усмешка его сделалась лисьей. — Может, пока она спит с вахтмастером Нау. — Ходил и такой слух.

— Послушай, Фам. Ты из Чжэн Хэ. Но по натуре ты военный. Это почетная профессия, она тебя высоко ставит, независимо от происхождения. Видишь ли, в обществе существуют моральные

уровни. — Силипан явно читал лекцию с чужих слов. — На самом верху — вахтмастера, вы их, кажется, называете «государственные деятели». Чуть ниже — военачальники, потом — штабные аналитики, техники и оружейники. Еще ниже — паразиты разных типов: падшие члены полезных категорий, люди, у которых еще есть шансы снова вписаться в систему. Еще ниже — рабочие и крестьяне. А на самом дне, сочетая худшие качества всей этой черни, шныряют коробейники. — Силипан улыбнулся Фаму. Очевидно, он полагал, что льстит ему, раз поместил Фама Тринли среди урожденной аристократии. — Торговцы — пожиратели падали и раненых, слишком трусливые, чтобы взять свое силой.

Даже личность прикрытия — Тринли — должна бы поперхнуться от таких выкладок. Фам гаркнул:

— Да будет тебе известно, что Чжэн Хэ в своей нынешней форме существует уже тысячи лет, Силипан. Это едва ли можно считать признаком провала.

Силипан усмехнулся с чистосердечной симпатией:

— Понимаю, Тринли, тебе тяжело это признать. Ты хороший человек, и верность своим — твое

право. Но думаю, что ты начинаешь понимать. Коробейники всегда будут среди нас, и не важно, продают они контрабандную жратву в переулке или шныряют среди звезд. Те, кто летает в космосе, величают себя цивилизацией, но на самом деле они всего-навсего сброд, что болтается на задворках истинных цивилизаций.

Фам фыркнул:

— Не думаю, что мне прежде хоть раз умудрялись сделать такой оскорбительный комплимент.

Все засмеялись, и Трад Силипан, кажется, счел, что лекция его каким-то образом подбодрила Тринли. Фам закончил рассказ без дальнейших отступлений. Разговор перешел на пауков Арахны. Обычно Фам бы впитывал такие истории с тщательно скрываемым интересом. Сегодня невнимательность подделывать не пришлось. Взгляд его сместился к барной стойке. Бенни с Киви все еще крутились там, полускрытые от его взора, обсуждая какую-то сделку. Трад Силипан, хоть и был гнилой авральник, кое-что просек верно. За последнюю пару лет здесь расцвела подпольная торговля. Не активная подрывная деятельность вроде заговора Джимми Дьема, нет. Участники их Чжэн Хэ вообще не воспринимали свою дея-

тельность как заговор — просто бизнес. Бенни с отцом и десятки других в рутинном порядке обходили и даже нарушали законы, установленные вахтмастером. Пока что Нау не противился, и пока что подпольная торговля Чжэн Хэ улучшала ситуацию почти для всех. Фам разок-другой уже наблюдал нечто подобное: когда Чжэн Хэ не могут торговать, как нормальные люди, но не могут также ни сбежать, ни дать сдачи.

Малышка Киви Лин Лизолет занимала во всем этом круговороте центральное место. Взгляд Фама в задумчивости остановился на ней. На миг он забыл, что должен бы на нее обижаться. Киви так много потеряла. По некоторым моральным кодексам — продала честь. Но вот же, бодрствует вахту за вахтой, и в том положении, чтобы всеми сделками рулить. Фам прикусил губы, готовые сложиться в симпатизирующую усмешку, и нахмурился. Если Трад Силипан или Чжау Синь сейчас бы узнали, какие у него на самом деле чувства к Киви Лизолет, подумали бы, что он спятил. А если бы об этом узнал кто-нибудь поумнее, вроде Томаса Нау, он бы сложил два и два — и Фама Тринли бы не стало.

Когда Фам смотрел на Киви Лин Лизолет, он видел — яснее, чем когда бы то ни было в своей

жизни, — *самого себя*. Ну да, Киви женского пола, а сексизм был одной из тех странностей Тринли, которые подделывать не приходилось. Но сходство между ними было намного глубже. Киви было — сколько, восемь лет? — в начале экспедиции. Она почти половину детства провела во тьме меж звезд, в одиночестве, если не считать вахтенных техников. А теперь ее зашвырнуло в абсолютно другую культуру. И она выжила, она встречает каждую новую трудность с открытым забралом. И побеждает.

Разум Фама обратился внутрь. Он больше не слушал своих собутыльников. Он даже за Киви Лин Лизолет перестал следить. Он вспоминал времена более чем трехтысячелетней давности, трехсотлетней — если мерить по активной жизни.

Канберра. Фаму тринадцать, он — младший сын Трана Нювена, короля и владыки всех Северных Земель. Фам вырос среди мечей, яда и интриг в каменных замках у холодного-холодного моря. Если бы жизнь продолжалась своим средневековым чередом, его бы наверняка убили, а может, стал бы он королем всей планеты. Но когда Фаму сровнялось тринадцать, мир перевернулся. На планету, где о воздушном транспорте и радио

только легенды ходили, высадились межзвездные торговцы из Чжэн Хэ. Фам еще помнил, как их десантные боты прожгли трясину Великого Болота к югу от замка. За год феодальная политика Канберры перевернулась вверх тормашками.

Чжэн Хэ инвестировала в канберранскую экспедицию три корабля. Они серьезно просчитались, думая, что местные ко времени их прибытия окажутся на куда более высоком уровне технологического развития. Ресурсов всего королевства Трана Нювена не хватило бы даже подзаправиться. Два корабля остались на планете. Маленького Фама увезли на третьем в рамках безумной сделки с заложником, в которой, как считал его отец, звездных людей удалось перехитрить.

Последний день Фама на Канберре выдался дождливым и туманным. Поход от стен замка к болоту отнял большую часть утра. Ему впервые показали величественные корабли пришельцев, и маленький Фам Нювен был вне себя от радости. Возможно, никогда больше не выпадал в жизни Фама момент, когда он столько всего понял наоборот и неправильно: корабли, выступавшие из тумана, оказались всего-навсего посадочными ботами. Высокий, странного телосложения капитан, приветствовавший отца Фама, в дей-

ствительности был старшим помощником. А в трех шагах за ним, как полагается подчиненным, шагала девушка, лицо которой то и дело дергалось от едва скрываемой тревоги. Наложница? Горничная? Как выяснилось, она и была настоящим капитаном.

Король, отец Фама, сделал знак. Наставник мальчика и суровые слуги провели принца через грязь к звездным людям. Его крепко держали за плечи, но Фам не обращал внимания. Он смотрел вверх и диву давался, глаза его жадно рыскали по этим «звездолетам», пытаясь проследить во всю высоту изящные закругленные контуры из сверкающего материала — металла, что ли? Он такое совершенство видел на древней картине и на одном медальоне, но сейчас мечта стала явью.

Вероятно, его бы успели погрузить на борт, не возбудив подозрений, но вмешалась Синди. Синди Дукань, младшая дочь Транова кузена. Семья ее была достаточно влиятельна, чтобы жить при дворе, но недостаточно значима, чтобы на что-то воздействовать в дворцовой политике. Синди было пятнадцать: самая странная и диковатая личность, которую Фам знал в своей жизни, такая странная, что и слова нужного не подберешь, хотя подругой ее, пожалуй, можно было бы назвать.

Внезапно она оказалась между ним и звездными людьми.

— Нет! Это неправильно. Так нечестно. Не…

Она вскинула руки, словно пытаясь их остановить. Фам услышал, как поодаль вскрикнула женщина. Это мать Синди испугалась за дочку.

Дурацкий, бесполезный, отчаянный жест. Те, кто вел Фама, даже не замедлили шага. Наставник ударил Синди дубинкой по ногам. Она упала.

Фам развернулся, попытался броситься к ней, но сильные руки схватили его и подняли в воздух. Он в последний раз увидел Синди: вот она встает из грязи, все еще глядя на него, не замечая бегущих к ней стражников. Фам Нювен так и не узнал, во что обошлась попытка его защитить единственному человеку, который посмел это сделать. Много веков спустя он вернулся на Канберру достаточно богатым, чтобы купить всю планету даже в ее новоцивилизованном состоянии. Он обшарил старые библиотеки, фрагментированные цифровые записи о тех Чжэн Хэ, кто остался там. О последствиях поступка Синди никаких сведений не нашлось, ничего определенного не было и в записях рождений в семье Синди после того времени. Она, ее поступок и его цена для нее — все это для времени просто не

имело никакого значения.

Фама схватили и быстро перенесли вперед. На миг мелькнули братья и сестры, молодые мужчины и женщины с холодными суровыми лицами. Сегодня устранялась одна незначительная угроза. Слуги на миг замерли перед королем, отцом Фама. Старик — в действительности ему было сорок лет — задержал на нем взгляд. Тран всегда был для Фама далекой силой природы, своевольной, заслоненной рядами наставников, соперничающих наследников и придворных. Губы его стянулись в тонкую нить. На секунду в жестких глазах мелькнуло подобие сочувствия. Он тронул Фама за плечо:

— Крепись, мальчик. Ты носишь мое имя.

Тран повернулся и сказал звездному человеку пару слов на пиджине. И Фама отдали чужим.

Как и Киви Лин Лизолет, Фам Нювен был брошен в Великую Тьму. Как и Киви, Фам оказался там в одиночестве.

Эти первые годы он помнил отчетливей, чем любое другое время в своей жизни. Без сомнения, команда сперва намеревалась запихать его в гибернатор и высадить на следующей остановке. А что делать с пацаном, которому известен только один мир, и к тому же плоский, с мальчишкой,

который всю свою жизнь упражнялся махать мечом?

Но у Фама Нювена были свои планы. Капсулы холодного сна его до смерти пугали. Не успела «Реприза» сняться с орбиты Канберры, как маленький Фам исчез из отведенной ему каюты. Он всегда был мал ростом для своего возраста и уже знал, что такое системы дистанционного слежения. Команда «Репризы» с ног сбилась, потратив четыре дня на его поиски. В конце концов, конечно, Фам игру в прятки проиграл, и кто-то из Чжэн Хэ в крайнем гневе приволок его пред ясны очи капитана.

К этому моменту Фам понял, что «горничная», которую он видел на болоте, и есть капитан. И даже сейчас ему было трудно в это поверить. Слабая женщина — командир звездолета и экипажа в тысячу человек (хотя вскоре они в большинстве своем ушли с вахты и умерли в холодном сне). Хм. Может, она когда-то была наложницей капитана, но отравила его и заняла его место? Вполне вероятный сценарий, и если так, женщина чрезвычайно опасна. На самом деле Сура прежде была младшим помощником капитана, лидером фракции, голосовавшей за отбытие с Канберры. Те, кто остался, обзывали их трусливыми предателями.

Теперь фракция Суры направлялась домой — с перспективой верного банкротства.

Фам помнил, как она на него посмотрела, когда мальчишку наконец поймали и приволокли на мостик. Она хмуро воззрилась сверху вниз на маленького принца, все еще облаченного в бархат канберранской знати.

— Вы задержали вахту, молодой человек.

Фам едва понимал ее язык. Отринув панику и одиночество, он смело полыхнул на нее ответным взглядом.

— Мадам! Я ваш заложник, но не раб и не жертва!

— Черт подери, что это он несет? — Сура Винь оглядела лейтенантов. — Сынок, послушай. Полет рассчитан на шестьдесят лет. Надо тебя уложить.

Последняя реплика пробила языковый барьер, но прозвучала очень сходно с присказкой королевского конюшего, приказывающего зарезать негодную лошадку.

— Нет! В гроб вы меня не уложите!

Теперь Сура Винь поняла.

Кто-то из присутствующих резко сказал капитану Винь нечто вроде «не важно, что он хочет, мэм».

Фам напрягся и снова приготовился к бесплодной схватке. Но Сура лишь посмотрела на него еще секунду и жестом выгнала всех из рубки. Двое несколько килосекунд болтали на пиджине. Фам много знал про дворовые интриги и стратегию, но здесь эти познания оказались неприменимы. Прежде чем разговор окончился, мальчик уже плакал навзрыд, а Сура обнимала его за плечи.

— Пройдут годы, — говорила она. — Ты это понимаешь?

— Д-да.

— Ты прилетишь старцем, если не позволишь нам уложить тебя в холодный сон. — Последние слова она опять выбрала неверно.

— Нет, нет, нет! Я лучше умру. — Фама Нювена логика не брала.

Сура мгновение молчала. Много лет спустя она рассказала Фаму, как выглядел тот разговор с *ее* стороны:

— Да, я могла бы запихнуть тебя в морозилку. Это было бы этично и благоразумно, а заодно избавило бы меня от множества проблем. Никогда мне не понять, за каким хреном Дэнов флотский комитет тебя мне впарил; они были мелочны и обидчивы, но это уж чересчур… И вот смотрю я на тебя, мальчика, проданного собственным отцом.

И думаю: будь я проклята, если обойдусь с тобой так же, как твой папаша и комитетчики. Кроме того, проведя годы полета во льду, ты бы остался полным нулем к моменту прибытия на Намчем. Ты бы оказался беспомощен, неприспособлен к технологической цивилизации. Так почему бы не оставить тебя на вахте и не попытаться тебя хоть чему-то научить? Я думала, до тебя быстро дойдет, как долго тянутся годы на корабле меж звезд. Через несколько лет гробы гибернаторов перестанут тебя так пугать.

Не так-то просто это было. Корабельные системы безопасности пришлось перепрограммировать с учетом присутствия безответственного новичка. Больше не позволялось безлюдных межвахтий. Но перепрограммирование осуществили, и несколько вахтенных вызвались добровольцами — продлить пребывание вне капсул.

«Реприза» вышла на крейсерскую таранную скорость, 0,3*c*, и двинулась в межзвездную пустоту.

И все время вселенной оказалось в распоряжении Фама Нювена. Несколько членов экипажа, среди которых первые несколько вахт была и Сура, как могли его обучали. Сперва ему мало что давалось… но время шло, он выучил язык Суры.

Ему преподали общие сведения о Чжэн Хэ.

— Мы занимаемся межзвездной торговлей, — сказала Сура. Двое сидели в одиночестве на мостике таранника. В окнах отображалась символическая карта пяти звездных систем, связанных сетью торговли Чжэн Хэ.

— Чжэн Хэ — империя, — сказал мальчик, глядя на звезды и пытаясь соотнести эти территории с отцовским королевством.

Сура рассмеялась:

— Нет, какое там. Не существует правительства, способного функционировать через световые годы. Блин, да большинство правительств и нескольких веков продержаться не могут. Политики приходят и уходят, а торговля пребывает вовеки.

Маленький Фам Нювен нахмурился. Даже сейчас слова Суры иногда представлялись ему чухней.

— Нет. Это должна быть империя.

Сура не стала спорить. А несколькими днями позже ушла с вахты, умерла в одном из странных холодных гробов. Фам чуть не на коленях умолял ее не убивать себя; следующие мегасекунды он горевал от душевной боли, которой ранее и представить себе не мог. Он снова оказался среди

незнакомцев, и бесконечные дни потянулись в молчании. В конце концов он выучился читать по-незейски.

Через два года Сура вернулась из мертвых. Мальчик все еще отказывался уходить с вахты, но с этого момента приветствовал все, чему его желали обучить. Он понял, что на корабле заключена власть, немыслимо превосходящая любую канберранскую, и догадывался, что способен стать ее обладателем. За два года он выучил столько, сколько цивилизованный ребенок — за пять. Он в совершенстве овладел математикой; он умел теперь пользоваться программными интерфейсами Чжэн Хэ верхнего и следующего уровней.

Сура выглядела почти так же, как и до ухода в холодный сон, но почему-то моложе. Однажды он поймал на себе ее взгляд.

— В чем дело? — спросил Фам.

Сура усмехнулась:

— Я ни разу не видела в полете ребенка. Тебе сейчас сколько, пятнадцать по канберранскому счету? Брет говорит, ты многому научился.

— Да. Я хочу стать одним из Чжэн Хэ.

— Гм. — Она улыбнулась, но не той покровительственной, исполненной сочувствия улыбкой,

какую помнил Фам. Она была искренне польщена и, казалось, поверила ему. — Тебе чертовски много придется выучить.

— У меня для этого чертовски много времени.

В этот раз Сура Винь оставалась на вахте четыре года подряд. Брет Тринли остался на первый из них, продлив собственную вахту. Трое облазили каждый доступный кубометр «Репризы»: лазарет и отсек гибернаторов, контрольную рубку и топливные баки. «Реприза» сожгла почти два миллиона тонн водорода, разгоняясь до крейсерской скорости. Фактически превратилась в огромный пустотелый сосуд.

— А без дозаправки и обслуживания на том конце этому кораблю больше никогда не летать.

— Дозаправиться-то не проблема, были бы хоть газовые гиганты, на худой конец. Это даже я смогу сделать.

— Угу, и мы так поступили на Канберре. Но без капитального ремонта мы далеко не улетим и не сможем сделать рывок от места дозаправки… — Сура прервалась, чтобы чертыхнуться сквозь зубы. — Гребаные идиоты. Ну какого черта они там остались? — Суру раздирали презрение к капитанам, оставшимся завоевывать Канберру, и вина за то, что бросила их там.

Брет Тринли прервал молчание:

— Не надо их так костерить. Они рискуют, но, если добьются своего, там появятся клиенты, которых мы изначально и ожидали найти.

— Знаю. А вот мы к Намчему прилетим с пустыми руками, это уж точно. Бьюсь об заклад, нам «Репризу» придется продать. — Она тряхнула головой, словно пытаясь отогнать наседавшие с момента отлета кошмары. — Ладно, а пока постараемся обзавестись еще одним подготовленным членом экипажа. — Она нарочито сердито зыркнула на Фама. — Какая специальность у нас в дефиците, Брет?

Тринли закатил глаза:

— В смысле, какая принесет больше всего дохода? Разумеется, археопрограммист.

Вопрос: сумеет ли первобытный дикарь вроде Фама Нювена ее освоить? К этому моменту мальчишка уже разобрался со стандартными интерфейсами. Он даже воображал себя программистом, а в перспективе — капитаном корабля. Располагая стандартными интерфейсами, он мог бы управлять «Репризой», вклиниваться на планетные орбиты, отслеживать состояние капсул холодного сна…

— …а пойди что не так, ты покойник, покойник,

покойник! — так закончила Сура сводку достижений Фама. — Мальчик, тебе нужно кое-чему научиться. Даже дети цивилизации тут поначалу путаются. От зарождения цивилизации, еще до космических полетов, существовали компьютеры и программы. Но они делают ровно столько, сколько способны; они не в состоянии выпутаться из неожиданной передряги или изобрести что-нибудь новенькое.

— Но… это же неправда. Я играю с машинами. Когда ставлю высокий уровень, ни за что не выиграть.

— Это потому, что компьютеры умеют делать простые вещи очень быстро. Вот поэтому они так важны. Они содержат тысячелетний багаж программного обеспечения и большую часть его способны выполнить. В каком-то смысле они помнят каждый хитрый фокус, изобретенный Человечеством.

Брет Тринли фыркнул:

— И любую белиберду.

Сура пожала плечами:

— Конечно. Взгляни. Сколько у нас экипажа, когда мы в системе и все на вахте?

— Тысяча двадцать три человека, — сказал Фам. К этому моменту он уже давно выучил все

технические параметры «Репризы» и все, что касалось путешествия.

— Хорошо. Теперь представь, что ты в световых годах от цивилизации…

Тринли:

— Чего там представлять, это чистая правда.

— …и что-нибудь портится. Чтобы построить корабль, нужен труд, вероятно, десяти тысяч разных специалистов, причем они вынуждены опираться на колоссальный базис тяжелой промышленности. Не может экипаж знать всего, что нужно для анализа звездных спектров, для разработки вакцины на случай неожиданностей в бактериальной яме или какой-то болезни обмена…

— Да! — воскликнул Фам. — Вот для чего нам нужны программы и компьютеры.

— Поэтому без них нам не выжить. За тысячи лет машинная память заполнилась программами, которые могут нам помочь. Но, как говорит Брет, многие из них — полная белиберда, все не без багов, и лишь интерфейсы верхнего уровня точно приспособлены под наши нужды. — Она сделала паузу и со значением глянула на Фама. — Нужен умный и высокопрофессиональный человек, который бы определял, что из этого

представляет ценность, выбирал и модифицировал нужные программы, а затем правильно интерпретировал результаты.

Фам мгновение молчал, вспоминая все те случаи, когда машины делали не то, что он от них требовал. Не всегда по вине Фама. Программы автоперевода с канберранского на незейский работали ужасно.

— Значит… вы хотите, чтобы я написал программы получше.

Сура улыбнулась, а Брет с трудом удержался от ухмылки.

— Нас устроит, если ты станешь хорошим программистом и научишься использовать уже доступное обеспечение.

Фам Нювен годы истратил, обучаясь программировать и исследовать. Программирование восходило к началу времен. Оно немного напоминало навозную кучу за отцовским замком. Когда ее размыло ручьем на десять метров в глубину, там обнажились проржавевшие корпуса машин — как говорили крестьяне, летающих машин, еще с тех славных дней колонизации Канберры. Навозная куча за отцовским замком могла показаться чистой и благовонной по сравнению с тем, что громоздилось в локальной сети «Ре-

призы». Были там программы, написанные пять с лишним тысяч лет назад, когда человечество еще не покинуло Землю. И самое удивительное (самое ужасное, по мнению Суры) было в том, что, в отличие от бесполезных обломков канберранского прошлого, эти программы все еще работали! Через миллион миллионов перекрестных нитей многие древние программы в недрах систем Чжэн Хэ продолжали работать. Взять хотя бы систему времяисчисления, принятую у торговцев. Астрономические поправки вносились неимоверно сложным образом, но глубоко внизу, на дне этой махины, маленькая программа гоняла счетчик. Секунду за секундой Чжэн Хэ отсчитывала время с момента, когда нога человека впервые ступила на луну Старой Земли. Но если присмотреться еще внимательней, оказывалось, что исходный момент еще на сотню миллионов секунд позже: то была нулевая секунда одной из первых компьютерных операционных систем Человечества.

Под интерфейсами верхнего уровня скрывались слои унаследованного кода. Какая-то часть этих программ проектировалась в расчете на совершенно иные ситуации. Очень часто несоответствия приводили к роковым несчастным

случаям. Что бы там ни болтали про романтику космических полетов, а чаще всего такие катастрофы вызывались случайными сбоями: древние заброшенные программы брали реванш.

— Надо это все переписать, — сказал Фам.

— Это уже сделано, — ответила Сура, не глядя на него. Она готовилась сдать вахту и последние четыре дня ковырялась в автоматике капсул, пытаясь локализовать возникшую проблему.

— Это пытались сделать, — уточнил Брет, вылезая из морозильника. — Но объем кода даже на верхних уровнях флотских систем колоссален. Посадить тебя и тысячу твоих друзей на столетие за эту работу — тогда, быть может, вы бы его и воспроизвели. — Тринли зловеще усмехнулся. — И знаешь что? Даже если бы вам это удалось, к моменту, когда вы закончили бы работу, проявились бы новые нестыковки. И все равно вы бы не добились совместимости со всеми приложениями, какие нам могут понадобиться.

Сура на миг отвлеклась от дебаггинга.

— Для этой ситуации есть специальный термин: «зрелая среда программирования». В общем, когда производительность аппаратного обеспечения выходит на предел, а программисты пишут

код уже столетиями, достигается момент, когда значимого кода больше, чем кто бы то ни было способен осмыслить. Лучшее, что можно сделать в этой ситуации, — изучить общую иерархическую структуру и понять, как найти нужные инструменты, когда они понадобятся. Вот возьмем нашу текущую проблему. — Она указала на диаграмму зависимостей, с которой работала. — У нас нехватка хладагента для гробов. Как и миллиона других товаров, на старой доброй Канберре его было не купить. Ну, очевидное решение — переместить гробы на корму, пускай себе охлаждаются прямым теплоизлучением. У нас для этого нет подходящего оборудования — поэтому не так давно я сама занялась археологией. Такое впечатление, что лет пятьсот назад сходное происшествие имело место во время внутрисистемной войны на Торме. Они тогда сбацали пакет температурного контроля: такой-то нам и нужен.

— Почти такой. — Брет снова усмехнулся. — С незначительными изменениями.

— Да, и я почти закончила их вносить. — Она покосилась на Фама, заметив выражение его лица. — Ага! Я-то думала, ты скорей умрешь, чем в гроб ляжешь.

Фам застенчиво улыбнулся, вспомнив себя мальчишкой шестилетней давности:

— Нет, я однажды в него лягу. Когда-нибудь.

Этот день настал еще через пять лет жизни Фама. Годы эти пролетели в хлопотах. Брет и Сура ушли с вахты, а Фам так и не сблизился с теми, кто их заменял. Те четверо играли на музыкальных инструментах — вручную, как менестрели при дворе! Они этим килосекунды напролет могли заниматься, и создавалось впечатление, что в игре они достигают какого-то духовного или социального единства. Фама музыка не слишком трогала, но эти люди очень тяжело работали во имя самых обычных результатов. У Фама не хватило бы терпения даже начать движение по этому пути. Он смылся. Одиночеству он был обучен в совершенстве. Оставалось выучить еще очень много всего.

Чем дальше, тем больше он узнавал о том, что имела в виду Сура Винь, говоря про зрелые среды программирования. По сравнению с другими членами экипажа Фама можно было уже считать великолепным программистом. «Пламенный гений» — так однажды охарактеризовала его Сура, думая, что он не слышит. Он мог написать *любой* код — но жизнь коротка, а самые важные

программные системы огромны. Поэтому Фам научился хакингу этих древних левиафанов. Он умел обращаться к интерфейсам оружейных программ Элдрича Фэйри через пропатченные конические планировщики времен, предшествующих завоеванию космоса. И, что не менее важно, он узнал, как и где искать потенциально пригодные приложения в корабельной сети.

…И он научился тому, что Сура, говоря о зрелых средах программирования, никогда не озвучивала. Когда системы зависят от систем предыдущего уровня, а те — от еще более древних… становится невозможно изучить работу всех систем в совершенстве. Глубоко в недрах интерфейсов флотской автоматики могли — должны были! — таиться ловушки. Большинство авторов уже тысячи лет как мертвы, а скрытые пути доступа, вероятно, утрачены навеки. Другие ловушки расставлены корпорациями или правительствами, надеявшимися переправиться через пропасть времени. Сура, Брет и, может, еще несколько человек о системах «Репризы» знали кое-что, наделявшее их особой властью.

Средневековый принц Фам Нювен был зачарован открывшейся возможностью. Если стать единоличным автором кода базового уровня для

какой-нибудь повсеместно распространенной системы… О, если этот новый кодовый слой обретет повсеместное распространение, человек, расставивший ловушки, станет королем на веки веков и вся вселенная будет ему принадлежать.

Одиннадцать лет минуло с той поры, как одного перепуганного тринадцатилетнего мальчишку увезли с Канберры.

Сура только что вышла из гибернатора. Этого возвращения Фам ждал со всевозрастающим желанием… с того момента, как она ушла. Он столько всего хотел ей рассказать, о стольких вещах спросить, столько показать. Но когда миг настал, он не нашел в себе мужества остаться у капсулы и приветствовать ее.

Она нашла его в техотсеке у кормы, в крохотной рубке с настоящим окном на звезды. Это место Фам облюбовал несколькими годами ранее.

По легкой пластиковой перегородке постучали. Он отодвинул ее.

— Приветик, Фам. — Сура улыбалась странной улыбкой. Она сама выглядела странно. Такая молодая. Впрочем, она просто не стала старше ни на день. А вот Фам Нювен прожил уже двадцать четыре года. Он жестом пригласил ее войти. Она проплыла мимо него и развернулась. Глаза ее на

улыбающемся лице оставались серьезными.

— Ты вырос, дружок.

Фам качнул было головой.

— Да. Но ты… ты по-прежнему меня обгоняешь.

— Возможно. Кое в чем. Но как прогер ты уже вдвое лучше меня. Я видела, какие решения ты забацал для Сэна на крайней вахте.

Они уселись, поговорили немного о проблемах Сэна и найденных Фамом решениях. Бойкие речи и бравада, которые он планировал последний год, вылетели из головы, он мялся и запинался, чувствуя себя ужасно. Сура, кажется, не замечала. Проклятье. Как должен мужчина Чжэн Хэ брать женщину? На Канберре его растили в наставлениях о рыцарственности и готовности к самопожертвованию. Потом он постепенно понял, что настоящий метод несколько отличается от преподанного: рыцарь просто хапает то, что хочет, если более могущественный рыцарь не хапнул это первым. Личный опыт Фама был скуден и, безусловно, нетипичен: это Синди его хапнула. В начале крайней вахты он попытался применить проверенный метод Канберры к одной из женщин экипажа. Сина Рао сломала ему запястье и подала официальную жалобу. Сура

рано или поздно узнает.

Мысль эта совсем сбила Фама с толку, и он потерял нить беседы. В неловком молчании уставился на Суру, потом вдруг выпалил то, что берег в секрете до особого момента.

— Я… я собираюсь уйти с вахты, Сура. Уснуть наконец холодным сном.

Она серьезно покивала, словно никогда об этом не догадывалась.

— Ты знаешь, что меня к этому склонило, Сура? Какая соломинка сломала спину? Три года назад. Ты была вне вахты… — «И я понял, как долго еще тебя не увижу». — Я пытался что-то сделать с программами небесной механики второго уровня. Для этого в математику надо как следует врубиться, и я застрял на некоторое время. Ну и вот, поднялся я сюда и стал смотреть на небо. Я уже это делал раньше. С каждым годом мое солнце тускнеет. Это страшно.

— А то! — сказала Сура. — Но я не знала, что его видно прямо за кормой, отсюда. — Она скользнула к сорокасантиметровому окошку и притушила свет.

— Да, видно, — подтвердил Фам, — как только глаза привыкнут. — В каюте стало темно, хоть глаз выколи. Это было настоящее окно, а не дис-

плей с наложенным обзором. Он придвинулся к Суре. — Видишь? Четыре яркие звезды Копьеносца. Солнце Канберры чуть удлиняет его копье, на один тун. — Глупо. Она же не знала канберранских созвездий. Но он продолжал нести всякую чепуху, заговаривая ей зубы: — Но даже не это меня так зацепило; мое солнце — просто звезда среди звезд, что с того? Я созвездия увидел: Копьеносца, Дикого Гуся, Плуг. Я пока еще узнаю их, но даже форма их поменялась. Я знаю, этого и следовало ожидать. Я просчитывал куда более сложные штуки. Но… меня как обухом по голове. За одиннадцать лет мы так далеко улетели, что небо поменялось. Меня охватило тошнотное чувство: как же далеко мы улетели, а сколько еще надо пролететь…

Он жестикулировал в темноте, и ладонь его чуть заметно коснулась ее гладкой выпуклой ягодицы. Голос Фама упал до писка, и на ощутимое мгновение рука его застыла в неподвижности на ее штанах, а пальцы коснулись обнаженной кожи сразу над талией. Он раньше не заметил, что у нее даже блузка не застегнута. Рука его скользнула вокруг талии и пошла вверх по гладкой кривизне живота, пока не уперлась в груди. Получился хапок, неловкий и существенно пере-

иначенный, но тем не менее очевидный хапок.

Сура отреагировала так же резко, как в свое время Сина Рао. Она выкрутилась в его руках, подставив грудь его ладони. Прежде чем Фам успел убрать руку, она уже обвила его за шею и припала… долгим крепким поцелуем. Его точно электрическими разрядами пробивало там, где их губы соприкасались, где покоилась его рука, где ее нога просунулась между его ног.

Она выдирала его рубашку из штанов, сливая тела в едином долгом соприкосновении. Оторвавшись от его губ, едва слышно засмеялась:

— Господи! Я тебя мечтала заполучить еще с твоих пятнадцати.

«Тогда почему ты сама не взяла меня? Я же был в твоей власти». И после этого на некоторое время связные мысли оставили его. Появились новые, более интересные вопросы. Как перенести упор, как соединить гладкие окончания мягкого и твердого. Они метались от стенки к стенке, и бедняге Фаму ни за что бы не найти дорогу к цели, если бы не помощь партнерши.

Потом она зажгла свет и показала, как это делается в спальном гамаке. И снова при выключенном освещении. Через неопределимо долгое время они воспарили, истощенные, во мраке.

Мир и радость вокруг, а его руки наполнены ощущением Суры. Волшебный звездный свет, такой тусклый, казалось, разгорелся. Стал достаточно ярким, чтобы отражаться в глазах Суры, проявлять белизну ее зубов. Она улыбалась.

— Прав ты был насчет звезд, — сказала она. — Видеть движение звезд и знать, как мы малы в сравнении с ними, несколько обескураживает.

Фам крепко прижал ее к себе, но в этот миг был так счастлив, что толком не соображал, что ему говорят.

— Да, страшновато. Но в то же время выглядываю и понимаю, что с кораблями и гибернаторами мы над ними властны. Мы можем перекроить вселенную как захотим.

Сура улыбнулась еще шире:

— Ах, Фам, ты, получается, не изменился. Помню я тебя мальчуганом в первые дни, когда ты едва пару слов мог связать. Ты настаивал, что Чжэн Хэ — империя, а я тебе говорила, что мы обычные торговцы и никогда не станем ничем бóльшим.

— Помню, но все же не понимаю. Сколько существует Чжэн Хэ?

— В смысле, как торговый флот? Около двух тысяч лет.

— Дольше многих империй.

— Ну да, и это в основном потому, что мы империей не являемся. Наша функция и придает нам кажущееся бессмертие. Чжэн Хэ двухтысячелетней давности говорила на ином языке, культура ее не имела общих черт с нашей нынешней. Уверена, что в Людском Космосе полно таких организаций. Мы — процесс, а не правительство.

— Всего-навсего стайка людей, занятых похожими делами?

— Ага, типа того.

Фам помолчал. Она просто не понимает.

— Ну ладно. Так дела обстоят сейчас. Но ты разве не видишь, какую власть это вам дает? Вы храните высокие технологии тысячелетиями, переносите их за сотни световых лет в пространстве.

— Нет. С тем же успехом можно сказать, что прибой правит миром: он везде, он могуч и кажется скоординированным.

— Можно создать сеть, вроде флотской сети, которой вы пользовались на Канберре.

— Скорость света, Фам, ты забыл? Нет ничего быстрее света. Понятия не имею, чем заняты торговцы на другом конце Людского Космоса, и лучшая из доступной нам информации уже уста-

рела на столетия. Ты видел лишь бортовую сеть «Репризы», ты изучал работу малой флотской сети. Не думаю, что ты способен себе представить сеть развитой планетарной цивилизации. На Намчеме увидишь, как это работает. Каждый раз в таких местах мы теряем часть команды. Жизнь в планетарной сети, где можно взаимодействовать с миллионами людей при задержках в считаные миллисекунды: ты такого еще не видел. Наверняка на Намчеме ты тоже нас покинешь.

— Я никогда…

Но Сура уже изворачивалась в его объятиях, скользила грудями по его груди, тянулась рукой вниз по его животу, к цели. Возражения Фама смела электрическая реакция его тела.

После этого Фам перебрался к Суре в ее относительно роскошную каюту. Они столько времени проводили вместе, что другие вахтенные в шутку обвиняли Фама в «похищении капитана». Сура Винь стала для Фама источником бесконечной радости, но дело было не только в утоленном вожделении. Они говорили и говорили, спорили и спорили… задавая курс на всю оставшуюся жизнь.

Временами ему вспоминалась Синди. Они с Сурой обе его взяли, открыв новым ощущениям.

Они обе его учили новым вещам, спорили с ним и сбивали с толку. Но отличались они друг от друга так же резко, как лето от зимы, как пруд от океана. Синди рисковала жизнью, вступаясь за него, одна встала против всей королевской рати. В самых смелых мечтах не мог Фам предположить, чтобы Сура Винь так рискнула ради него. Нет, Сура предельно рассудительна и осторожна. Это она проанализировала риски, сопряженные с возможностью остаться на Канберре, и сочла успех миссии маловероятным, а потом убедила в этом достаточно людей, чтобы урвать у флотского комитета один корабль и удрать с Канберры. Сура Винь планировала на долгие сроки, видела проблемы, недоступные другим. Она избегала рисков — и действовала, собрав превосходящую силу. В смятенном моральном пантеоне Фама она стояла куда ниже Синди… и много выше.

Сура никогда не воспринимала всерьез его мечту о звездном королевстве Чжэн Хэ. Но она не ограничивалась простыми отрицаниями; она завалила его книгами по экономике и истории, которых ему хватило бы на десятилетия. Разумный человек принял бы ее точку зрения; столько было очевидных для «здравого смысла» вещей, где Фам Нювен уже дал маху. Но Фам оставался

упрямцем. Или Сура — зашоренной.

— Можем построить межзвездную сеть. Она просто будет… медленной.

— Да уж! — рассмеялась Сура. — «Медленной» — не то слово. Трехсторонняя конференция отнимет тысячелетие!

— Очевидно, протоколы придется изменить. И способ доступа тоже. Но суть не в этом: торговля наудачу сменится чем-то, э-э, гораздо более прибыльным. — Он не сказал *могущественным*: его бы высмеяли за «средневековый склад ума». — Можно создать постоянно обновляемую базу данных по клиентам.

— Устаревшую на срок от десятилетия до тысячелетий, — покачала головой Сура.

— Можно создать общечеловеческие языковые стандарты. Стандарты программирования для нашей сети переживут любое клиентское правительство. Наша торговая культура пребудет вовеки.

— Но Чжэн Хэ — просто рыба в случайном море торговцев… А! — Фам увидел, что до нее наконец доходит. — «Культура» нашего вещания даст участникам торговое преимущество. И эффект станет самоподдерживающимся.

— Да, да! Вещание можно разделить шифрами

разных уровней сложности, чтобы защититься от нежелательной соседской конкуренции. — Фам хитро улыбнулся. Дальше он собирался изложить такое, что в голову бы не пришло ни малышу Фаму, ни, вероятно, отцу Фама, королю Северных Земель. — Фактически некоторые передачи и должны быть открыты. Для языковой стандартизации, ну и кое-что простенькое из наших технических библиотек. Я читал истории клиентов. До самой Старой Земли воспроизводится один и тот же сценарий: зарождение, расцвет, падение и зачастую локальное самоуничтожение человечества. Маслобойка истории. Передачи Чжэн Хэ с течением времени могут демпфировать эти колебания.

Сура кивала, в глазах ее виделось отражение далеких перспектив.

— Да. Если все сделать правильно, в конце концов клиенты заговорят на *нашем* языке, приспособятся к *нашим* торговым нуждам и станут использовать *нашу* среду программирования… — Взгляд ее уперся в его лицо. — А у тебя все еще империя на уме, гм?

Фам лишь улыбнулся.

У Суры нашелся миллион возражений, но она ухватила суть великой идеи, переформатировала

своим опытом, и теперь ее воображение работало в пандан с воображением Фама. Шли дни, возражения превращались в советы, а споры — в совместные сеансы планирования.

— Ты спятил, Фам, но это не важно. Может, только чокнутый средневековый варвар и способен до такого додуматься. Это как… как будто кроить цивилизацию по своим лекалам. Собственные мифы, собственные установления. Мы заложим базовый уровень всего этого.

— И переживем всех конкурентов.

— Господи, — тихо произнесла Сура. (Через некоторое время они изобретут «Бога всея торговли» и пантеон божеств помельче.) — Знаешь, а Намчем — отличная стартовая площадка. Они достигли почти предельного уровня развития, но отличаются склонностью к цинизму и декадансу. Их пропагандисты — лучшие в истории Человечества. Твое предложение покажется им странным, но в сравнении с рекламными кампаниями в планетарной сети — тривиальным. Если мои кузены еще в системе Намчема, я у них наверняка стартовый капитал выбью. — Она рассмеялась почти детским смехом, и Фам понял, как отягчали ее все это время страхи банкротства и позора. — Черт, да мы даже *прибыль* еще можем

получить!

Остаток вахты прошел в неостановимой оргии воображения, изобретательности и сладострастия. Фам разработал схему лучевого и широкополосного межзвездного радио, набросал графики вековой синхронизации флотов и семей. Сура приняла его протокол почти без замечаний, в глазах ее сияли восхищение и восторг. Что же до работы с людьми, то здесь план Фама сочетал уроки наследственной аристократии и военачальников: Сура со смеху покатывалась, и Фам не оспаривал ее суждений. В конце концов, по части работы с людьми он и вправду недалеко ушел от тринадцатилетнего средневекового мальчишки.

В целом же отношение к нему Суры Винь стало больше восхищенным, чем покровительственным. Фаму запомнился их последний разговор перед первым его погружением в капсулу холодного сна. Сура калибровала лучевые охладители, проверяла гипотермические препараты.

— Мы выйдем почти одновременно, Фам: я за сто килосекунд до тебя. Я тебе помогу. — Она улыбнулась, и он ощутил на себе ее ласковый и пытливый взгляд. — Не беспокойся.

Фам отпустил какую-то небрежную реплику, но она, конечно, видела, как он напряжен. Она

перевела разговор на другие темы, укладывая его в гроб: заговорила о планах и мечтах, о том, как все будет, когда они наконец доберутся до Намчема. А потом настал момент, и она застыла в нерешительности. Склонилась над ним и легким поцелуем приникла к губам. Улыбка ее показалась ему дразнящей, но она и себя передразнивала не меньше, чем его.

— Доброй ночи, милый принц.

Потом она ушла; лекарства начали действовать. Холода он не ощутил. Последние мысли, как ни странно, заметались по прошлому. По детству на Канберре, когда отец казался таким далеким. Тогда от братьев исходила смертельная угроза. Синди… он потерял Синди, не успев осознать подлинного ее значения. Но Сура Винь… он к ней испытывал чувства ребенка к любящему родителю, мужчины к любимой женщине, человека к дорогому другу.

В определенном фундаментальном смысле Сура Винь была всеми ими. На бóльшую часть его жизни Сура Винь стала его другом. И хотя в конце концов она его предала… тогда, в самом начале, Сура Винь повела себя достойно и честно.

Кто-то осторожно тряс его за плечи, махал рукой перед глазами.

— Эй, Тринли! Фам! Ты еще с нами?

Это оказался Чжау Синь, и вид у него был неподдельно встревоженный.

— А? А, да-да. Я в порядке.

— Ты уверен? — Синь посмотрел на него еще несколько секунд и вернулся на свое место. — У меня дядя был, у него часто глаза так стекленели, как у тебя сейчас. Потом его удар хватил, и…

— Ну да, все в порядке. Лучше и не бывает. — Фам снова добавил в голос хвастовства. — Я просто размышлял о многих вещах.

Это заявление спровоцировало дружный смех.

— Размышлял? Дурная привычка, старина Фам!

Спустя несколько мгновений тревога оставила их. Фам теперь слушал внимательно, вставляя в нужных местах громогласные реплики.

Фактически его с самой Канберры одолевала эта привычка грезить с открытыми глазами. Воспоминания или планы накрывали его с головой, он терялся в них, как другие — в видео полного погружения. Он по крайней мере одну крупную сделку из-за этого провалил. Краем глаза он отметил, что Киви ушла. Да, детство у девчонки было почти как у него самого, и, возможно, потому она теперь так изобретательна и целеустрем-

ленна. На самом деле он иногда задумывался, не зиждется ли стрентманнианская традиция воспитания девочек на преданиях о первых годах Фама на «Репризе». По крайней мере, когда они прибыли к цели, дела пошли на лад. Бедняжка Киви нашла у цели лишь смерть и обман. Но она держится…

— У нас теперь хорошие переводы. — Трад Силипан снова заговорил о пауках. — Я возглавляю группу переводчиков-неотвязников Рейнольт. — Трад был скорее техник, чем менеджер, но его никто не поправил. — Я вам говорю, в любой момент может пойти реальная информация о том, на что в действительности похожа исходная цивилизация пауков.

— Не зна-а-аю, Трад. Все говорят, что это бывшая колония, впавшая в невежество. Но если пауки водятся в космосе, почему мы их радио не слышим?

Фам:

— Ну, блин, мы ж это уже проходили. Арахна должна быть колонией. Система слишком враждебна жизни, чтоб она тут возникла естественным путем.

И еще кто-то:

— Может, у этих чудиков просто нет Чжэн Хэ.

За столом хихикнули.

— Нет, все равно должно быть много радиошума. Мы бы их услышали.

— Может, они реально далеко, ну, помните, тот бубнеж из Рукава Персея…

— А может, достигли такого уровня, что радио забросили. Мы этих ребят только потому заметили, что здесь им приходится все начинать заново. — Старый-престарый спор, восходящий к загадке Века Несбыточных Грез[9]. Им в большей мере, чем какими-либо иными причинами, была продиктована человеческая экспедиция к Арахне. Он же привлек и Фама.

И действительно, здесь Фам уже нашел нечто новое, нечто столь мощное, что даже загадка происхождения расы пауков отступила на второй план. Фам нашел фокус. Располагая фокусом, авральники превращали способных людей в целеустремленные мыслящие машины. Дуралей вроде Трада Силипана получал эффективный перевод нажатием кнопки. Монстр вроде Томаса Нау обретал недреманное око. Фокус дал авральникам власть неслыханную, небывалую, эффективнее любой машины и дотошней любого

---

[9] Сноски: 9
Имеется в виду парадокс Ферми.

человека. То была одна из Несбыточных Грез — но они ее осуществили.

Слушая, как распинается Силипан, Фам понял, что наконец настало время перейти к следующему этапу плана. Авральники низкого ранга приняли Фама Тринли в свою компашку. Нау его терпел, даже потакал, считая, что Фам в дурости своей, сам того не зная, выдаст ему какие-нибудь тайны военного искусства Чжэн Хэ. Пора узнать больше о фокусе. Узнать от Силипана и Рейнольт… и когда-нибудь разобраться в технической стороне дела.

Фам пытался построить истинную цивилизацию, объемлющую весь Людской Космос. Несколько кратких веков казалось, что успех близок. В итоге его предали. Но Фам уже давно понял, что предательство — просто симптом. То, что Сура и ее присные сотворили с ним у Провала Брисго, было неизбежно. Межзвездная империя так широка, так растянута во времени. Справедливость и доброта для нее недостаточны. Нужно обрести преимущество.

Фам Нювен поднял к губам питьевую грушу с «Алмазами и льдом» в незаметном для остальных тосте. За уроки прошлого и перспективы грядущего. На этот раз он все сделает правильно.

18

Первые два года жизни после атаки для Эзра Виня оказались размазаны по восьми годам объективного времени. Томас Нау, совсем как хороший капитан Чжэн Хэ, распределял время загрузки работников согласно темпам локального развития. Киви и ее сотрудники бодрствовали чаще остальных, но в конце концов даже они стали замедляться.

Анне Рейнольт и астрофизикам нашла работу. В(ы)ключенная продолжала остывать по кривой светимости, в точности идентичной графикам прошлых веков; ленивому наблюдателю она теперь показалась бы почти нормальной звездой: сжигает водород, покрывается солнечными пятнами. Сперва Анне держала остальных ученых на низкой загрузке, ожидая возобновления активности пауков.

Первые военные радиопередачи полетели с Арахны менее чем через сутки после Поджига, когда на поверхности планеты еще бушевали паровые бури. Очевидно, Выключение прервало какую-то местную войну. За год-другой десятки радиоточек активировались на двух материках. Каждые два века этим созданиям приходилось

заново отстраивать свои дома с фундаментов, но в этом они, очевидно, были весьма искусны. Когда в облачном покрове появились прорехи, космонавты увидели новые дороги и реставрированные города.

К четвертому году радиоточек насчитывалось уже две тысячи, и действовали они по классической схеме фиксированной радиостанции. Теперь Триксию Бонсол и остальных лингвистов загрузили работой по-настоящему. Впервые им предстояло проанализировать непрерывный звуковой поток.

Когда вахты пересекались, а такое теперь случалось частенько, Эзр Винь старался ежедневно наведываться к Триксии Бонсол. Сперва Триксия держалась отчужденно. Она вроде бы не слышала его, и рабочую клетушку ее заполняли звуки речи пауков. Писклявые и визгливые, они менялись день ото дня, пока Триксия и лингвисты определяли местонахождение паучьих языков в акустическом спектре и разрабатывали как аудиальные, так и визуальные способы ее представления. Наконец Триксии удалось получить приемлемую картину данных.

И вот начались настоящие сеансы перевода. Фокусированные переводчики Рейнольт хватали

все, до чего могли дотянуться, продуцируя полуосмысленные тексты объемами несколько тысяч слов ежедневно. Триксия была лучшей из них, это стало ясно сразу же. Именно ее работа над учебниками физики обеспечила первоначальный прорыв, именно она сумела соотнести письменность со звуками языка, которым пользовались две трети широкополосных радиостанций. Даже среди лингвистов Чжэн Хэ Триксия Бонсол не знала себе равных; как бы она радовалась и гордилась собой, если бы отдавала себе отчет в собственных достижениях.

— Она бесценна, — сухо, с типичной для себя бесстрастностью заключила Рейнольт. Без похвалы, без садистских ноток, но просто констатируя факт. Триксию Бонсол расфокусируют не скоро, как и Хуньдэ Вэня.

Винь пытался читать все тексты, поставляемые переводчиками. Поначалу — типичный продукт полевой работы лингвистов, где каждое предложение снабжалось десятками указателей на альтернативные значения и способы парсинга. Через несколько мегасекунд переводы стали почти понятны. Там, на Арахне, обитали живые существа, а тут оживали их слова.

Некоторые из фокусированных лингвистов

так и не продвинулись дальше семантического эквивалента машинных переводов. Они застряли на нижних уровнях толкования и отбивались от любых попыток постичь способ мышления чужаков. Может, этого и довольно. По крайней мере, им сразу удалось установить, что знаний о предшествующей цивилизации у пауков нет вообще.

— Никаких упоминаний о золотом веке технологии не наблюдается.

Нау скептически глянул на Рейнольт:

— Это само по себе подозрительно. Даже на Старой Земле были хотя бы мифы об утерянном прошлом.

А если вообще существовала первоначальная планета, то это была Старая Земля.

Рейнольт пожала плечами:

— Я вам говорю: любые сведения о прошлой высокотехнологичной цивилизации ниже уровня достоверности. Например, сколь мы можем судить, археология считается второстепенной академической дисциплиной, а не лихорадочной всепоглощающей деятельностью, что обычно для пришедшей в упадок колонии.

— Ах ты ж Чума его побери, — вырвалось у Ритсера Брюгеля. — Если этим ребятам нечего

раскапывать, мы в награду получаем шиш.

«Жаль, что вы об этом не подумали, прежде чем сюда приперлись», — сказал себе Эзр.

У Нау вид был грустный и удивленный, но он не согласился с Брюгелем:

— У нас остаются результаты доктора Ли. — Взгляд его скользнул по бывшим Чжэн Хэ в конце стола, и Эзру показалось, что в мозгу авральника оформилась еще одна мысль: «А еще у нас есть флотская библиотека Чжэн Хэ и коробейники, которые для нас ее вскроют».

Триксия теперь позволяла Эзру касаться ее, временами — гладить по волосам, потрепать по плечу. Может, он столько времени провел в ее клетушке, что Триксия привыкла воспринимать его предметом обстановки, безопасным, как любой автомат с голосовым управлением. Триксия обычно работала с наголовным дисплеем; иногда это создавало успокаивающую иллюзию, будто она в действительности на него смотрит. Она даже порой отвечала на его вопросы, пока те оставались в пределах ее фокуса и не мешали взаимодействию с оборудованием или остальными переводчиками.

Большую часть времени Триксия сидела в полумраке, слушая оригинал и синхронно наго-

варивая перевод. Некоторые переводчики тоже умели работать в таком режиме, но получалось у них немногим лучше, чем у машин. Триксия, как Виню нравилось думать, действовала иначе: как и прочие, она анализировала и повторяла анализ, но не затем, чтобы вставить десяток дополнительных интерпретаций под каждой синтаксической единицей. Переводы Триксии проникали в смысл фразы, какой рождался в уме говорящего существа, для которого мир пауков был привычным, знакомым местом. Переводы Триксии Бонсол были… искусством.

Но в произведениях искусства Триксия Бонсол не нуждалась. Сперва она жаловалась только по мелочам. Переводчики выбрали для представления результатов альтернативную орфографию, где *x**- и *q**-глифы изображались диграфами. Это придавало переводам очень экстравагантный и архаичный вид. К счастью, Триксия не первая выбрала эту странную схему. К несчастью, она ввела в обиход слишком много сомнительных новшеств.

В один ужасный день Рейнольт пригрозила отлучить Эзра от Триксии, закрыв ему доступ на ее рабочее место — и в ее жизнь.

— Что бы вы там с ней ни делали, Винь, это ее

сбивает с толку. Она дает мне метафорические переводы. Вы посмотрите на эти имена: «Шерканер Андерхилл», «Джейберт Лэндерс». Она отвергает все усложняющие условности, на которых раньше сошлись переводчики. А в других местах вставляет бессмысленные слоги.

— Она делает свою работу так, как должна, Рейнольт. Вы слишком долго общались с автоматами.

Было у Рейнольт одно качество: как ни груба она казалась даже по меркам авральников, ей абсолютно не была свойственна злопамятность. С ней даже удавалось поспорить. Но если она запретит ему навещать Триксию…

Рейнолт мгновение смотрела на него.

— Вы не лингвист.

— Я из Чжэн Хэ. Следуя нашему пути, мы научились языкам тысяч человеческих культур и пары нечеловеческих. Вы же копошитесь в одном уголке Людского Космоса, где все языки основаны на наших же радиопередачах. А бывают наречия, немыслимо далекие от них.

— Да. Поэтому ее гротескные упрощения недопустимы.

— Нет! Вам требуются люди, по-настоящему проникшие в образ мышления чужаков, те, кто

сумеет нам показать все важные отличия этой расы от нашей. Триксия дает паукам глуповатые имена? Но ведь эта группа, Аккорд, молодая культура. Их имена еще не утратили смысла в повседневном языке.

— Не все из них, и точно не личные имена. Фактически в повседневной речи пауки объединяют имена и фамилии, ловко интерфонируя их.

— Я вам говорю: Триксия справляется хорошо. Готов поклясться, личные имена пришли из древних и родственных языков. Заметьте, что некоторые из них почти осмысленны.

— Да, и вот это хуже всего. Попадаются имена, очень похожие на ладильские или аминезские. Вот эти ладильские единицы — часы, дюймы, минуты… это же совершенно невозможно читать.

Эзр испытывал проблемы с дурацкой ладильской системой мер, но перед Рейнольт он не собирался их признавать.

— Я уверен, что Триксия видит то, что относится к основному тексту перевода, как аминезские и ладильские слова — к незейским, словам языка, которым пользуемся мы с вами.

Рейнольт долго молчала, пустым взглядом уставясь в пространство. Иногда это означало, что разговор окончен, а она просто не потрудилась

его отпустить. Иногда же это выдавало напряженную умственную работу.

— Так, значит, вы хотите сказать, что она достигает более высокого уровня перевода, даруя нам озарение через игры с нашим самосознанием.

Типичный для Рейнольт результат анализа, неуклюжий и точный.

— Да! Именно это я и хочу сказать. Вы по-прежнему стремитесь к переводам со всеми указателями, исключениями и предостережениями, потому что ваше понимание продолжает углубляться. Но ключевой момент удачной торговой операции — постичь нутром, чего хочет и к чему стремится партнер.

На это объяснение Рейнольт купилась. Во всяком случае, Нау введенные Триксией упрощения понравились, и даже чудные ладильские единицы. Остальные переводчики мало-помалу воспринимали обозначения Триксии. Эзр сомневался, что кто-нибудь из несфокусированных авральников обладает достаточной подготовкой, чтобы судить об уровне переводов. Вопреки собственным бодрым заявлениям, Эзр тревожился все сильнее: метапереводы паучьей речи, выполненные Триксией, уж слишком сильно напоминали историю Рассветной Эпохи, которой

он ее заинтересовал как раз незадолго до атаки. Нау, Брюгель и Рейнольт не увидят сходства, но Эзр по Рассветной Эпохе специализировался и замечал подозрительно точные совпадения.

Триксия последовательно игнорировала физическую природу пауков. Возможно, это и к лучшему, учитывая, какое отвращение многие люди испытывают к обычным паукам. Но существа эти *и вправду* нечеловеческой природы, по облику и жизненному циклу они отстоят от человечества дальше, чем все известные разумные формы жизни. Некоторые конечности у них выполняли те же функции, что у людей — челюсти, зато у пауков не было ничего похожего на руки и пальцы: взамен они пользовались для манипуляций с предметами обширным набором лап. Эти различия в переводах Триксии практически исчезли. Попадались спорадические упоминания об «указательной руке» (вероятно, вон та передняя конечность в форме стилета, которая умеет складываться несколько раз), о средних или передних руках — и это было все. В школе Эзр видел столь же гладкие переводы, но выполненные экспертами, располагавшими опытом нескольких десятилетий работы лицом к лицу с клиентами.

Детские познавательные радиопередачи — по

крайней мере, Триксия их так называла — в мире пауков уже были известны. Она перевела название передачи как «Детский час науки», и пока что эта передача оставалась наилучшим источником сведений о пауках. Радиошоу идеально сочетало научный жаргон, в котором люди преуспели больше всего, и повседневный, обыденный язык культуры. Никто не знал, обучают ли детей в этой программе или просто развлекают. Правдоподобное предположение заключалось в том, что передача была посвящена корректирующему обучению детей военнослужащих. Но перевод названия от Триксии схватывал ее суть, придавая всему невинную и симпатичную окраску. Арахна Триксии Бонсол напоминала сказку Рассветной Эпохи. Иногда, проведя в обществе Триксии целый день (она могла ему за это время и слова не сказать, если фокус ее сужался настолько, что из него выпадало все человеческое), Эзр задумывался, не исходят ли эти переводы от прежней Триксии, захваченной самым эффективным рабством всех времен и народов, но все еще не оставившей надежды вырваться на волю. Мир пауков — единственное окошко в темнице ее фокуса. Может, она искажала то, что слышала, создавая для себя счастливую сказку там, где

достичь подлинного счастья не представлялось возможным.

19

Стояла Срединная Фаза, и Принстон восстановил большую часть былой красоты. В более прохладные годы строительство пойдет дальше: появятся открытые театры, Дворец Лет Увядания и университетский дендрарий. Но к шестьдесят-девятнадцать уличная паутина предыдущих поколений была уже полностью восстановлена, закончилось воссоздание центрального делового района, а в университете круглый год шли занятия.

В других отношениях год шестьдесят-девятнадцать сильно отличался от пятьдесят девять-девятнадцать, а тем более, скажем, от десятого года всех предшествующих поколений. Мир вступал в Эру Науки. В заречных низинах, где некогда сеяли рис, появился аэропорт. На высочайших городских холмах взметнулись радиомачты, и ночью их дальнекрасные ориентировочные огни были заметны за много миль.

К шестьдесят-девятнадцать сходные перемены претерпели большинство городов Аккорда, а равно крупнейшие города Тифштадта и Клана.

Города более бедных государств изменились меньше. Но даже по меркам новой эры Принстон был особенным местечком. То, что там происходило, на видимом глазам ландшафте пока не отражалось, но семена еще более великой революции уже созревали.

Хранкнер Аннерби прилетел в Принстон весенним дождливым утром. Такси везло его из аэропорта у реки через центр города. Аннерби вырос в Принстоне, и старый офис его строительной фирмы размещался тут. Он прибыл, когда большая часть магазинов еще была закрыта; там и сям возле стоянки такси суетились уличные уборщики. В холодном дожде лавки и деревья сверкали тысячецветными радугами. Хранкнер любил исторический центр, где многие каменные фундаменты пережили больше трех-четырех поколений и даже новые верхние этажи из бетона и кирпича следовали архитектурным веяниям более древним, чем кто-либо из живущих.

Выехав из центра, они стали подниматься на холмы к новым районам. Некогда тут простирались королевские земли, но правительство их продало для возмещения расходов на Великую Войну, конфликт, который новое поколение уже называло попросту «войной с тиферами».

Некоторые участки нового города были застроены трущобными времянками; другие, те, что повыше, — элегантными особняками. Такси петляло по дороге, медленно приближаясь к самой высокой точке нового тракта. Ее закрывали мокрые папоротники, но там и сям проглядывали постройки. Неслышно раздвинулись ворота, но слуги не появились. Гм. Там же наверху настоящий дворец.

Шерканер Андерхилл стоял у парковочного круга и выглядел на этом величественном фоне весьма неуместно. Дождь утих, перейдя в приемлемую морось, но Андерхилл раскрыл зонтик над Аннерби.

— Добро пожаловать, сержант! Добро пожаловать! Я много лет зазывал тебя в гости в мой домик на холме, и наконец ты здесь. — Шерканер пожал плечами. — Мне столько всего надо тебе показать… и список этот начинается с двух важных, хотя и маленьких пунктов. — Он ткнул зонтиком себе за спину. Спустя миг из шерсти на спине высунулись две крохотных головки. Дети боязливо прижимались к папе. Вряд ли старше нормальных детей в пору Ранней Яркости, подросли как раз настолько, чтобы уже казаться симпатичными.

— Малышку звать Рапса, а этот мальчик — Хранкнер.

Аннерби заставил себя сделать небрежный шаг вперед. *«Они, наверное, назвали ребенка Хранкнером в мою честь. О Боже Глубин!»*

— Рад с вами познакомиться. — В лучшие времена Аннерби и то не умел обращаться с детьми: из доступных ему занятий ближе всего к воспитанию детей лежала муштра новобранцев. К счастью, это же объясняло его неуверенность.

Дети, казалось, почувствовали его омерзение и тихо спрятались.

— Не обращай внимания, — сказал Шерканер с привычной рассеянностью. — Вылезут и станут играть, как только внутрь попадем.

Шерканер провел его в дом, не переставая болтать о том, сколько всего надо Аннерби показать и как хорошо, что Хранкнер наконец прилетел. Годы изменили Андерхилла, во всяком случае физически. Исчезла болезненная худоба; он перенес несколько линек. Шерсть на спине у него была густая, отцовская: странно такое видеть в нынешней фазе солнца. Тремор головы и передней части тела несколько усилился.

Они прошли через фойе размером с приличный отель и спустились по широкой спиральной

лестнице, выходящей на крыло за крылом Шерканерова «домика на холме». Навстречу попадалось много незнакомцев: надо полагать, слуги, хотя ливрей, как обычно в домах сверхбогачей, на них не было. В общем-то, здесь обстановка была скорее утилитарная, как в штаб-квартире крупной фирмы или на правительственном объекте. Аннерби прервал безостановочное чириканье спутника:

— Это же просто показуха, да, Андерхилл? Король же не продавал этот холм, он его просто передал. В пользование разведки.

— Нет, не просто. Я владею этой землей; я ее купил. Но, гм, я довольно много консультаций провожу, а Виктория, в смысле, Аккорд-разведка, решила, что для безопасности лучше всего устроить лаборатории прямо здесь. Мне есть что тебе показать.

— Угу. Ну, я, в общем-то, из-за этого и приехал, Шерк. Не думаю, что ты нужными делами занят. Ты же Корону в это дело втравил, и… Я так понимаю, здесь можно говорить свободно?

— Ну да, ну да, конечно же.

В обычных условиях Аннерби бы столь легкомысленному заявлению не поверил, но он уже начинал понимать, как тщательно охраняется

здание. Тут многое от Шерканера, например логарифмическая спираль главных комнат, но и от Виктории кое-что есть, скажем эти, которые всюду мелькают, — охранники, как он теперь понял, — а также чистота ковров и стен, аж скрипит. Вероятно, тут так же безопасно, как в лабораториях Аннерби на территории Ставки.

— Ладно. Ты Корону втянул в этот проект по атомной энергии. У меня в распоряжении больше народу и оборудования, чем у миллиардера, в том числе несколько сотрудников не глупей тебя. — Хранкнер Аннерби оставался сержантом, но работа его выходила далеко за рамки этого непримечательного ранга. В самых смелых мечтах армейский подрядчик не воображал ничего подобного.

— Отлично, отлично. Виктория в тебя очень верит, как ты наверняка знаешь. — Он провел гостя в просторную и причудливо обставленную комнату. Тут были книжные полки и стол, заваленный отчетами, книгами и блокнотами. Но к стеллажам приделан детский джунглеобразный тренажер, а с научными трудами вперемешку валяются детские книжки. Детки соскочили со спины Шерканера и метнулись к тренажеру. Мгновение спустя они уже пяли-

лись на них с потолка. Шерканер смел с насеста пониже книги и журналы, жестом предложил Аннерби устраиваться поудобнее. К счастью, темы разговора он не сменил.

— Да, но ты же не видел моих отчетов.

— Видел. Мне Виктория их пересылает, но у меня нет времени читать.

— А может, стоило бы?! — «Тут ему отчеты глубокой секретности пересылают, а он времени не находит их прочесть: тот самый паучара, который все это затеял!» — Послушай, Шерканер, я тебе объясняю: не получится, и все тут. В принципе, атомная энергия может обеспечить все наши потребности. На практике — ну, парочку по-настоящему смертоносных ядов соорудили. Вроде радия, но их куда легче добывать в обширных количествах. И еще выделили один изотоп урана, его очень трудно получить, но, думаю, если удастся накопить, то сделаем зверски мощную бомбу: энергия, достаточная для обогрева целого города на время Тьмы, выделяется меньше чем за секунду!

— Отлично! Хорошее начало.

— Хорошее начало, но дальше мы, вполне возможно, не продвинемся. У меня три лабы заняты паучарами атомного проекта. Проблема в том,

что время сейчас мирное; технология так или иначе расползется, сперва к горнодобытчикам, потом к иностранцам. Ты себе представляешь, что натворят с такими штучками Клан и тиферы старой закалки… и бог знает кто еще?

Андерхиллова броня невнимания, казалось, треснула.

— Да, это было бы хреново. Я не читал твоих отчетов, но Виктория частенько тут появляется. Технология творит чудеса, но и создает ужасные угрозы. Нельзя получить одно в отрыве от другого. Но я убежден, что нам не выжить, если не займемся вплотную этими вещами. Ты только одну сторону во всем видишь. Послушай, я уверен, что Виктория даст тебе еще денег. У Аккорд-разведки отличный кредитный рейтинг. Они десяток лет могут бюджет опустошать, а прибыли с них никто не потребует. Мы тебе дадим еще лаборатории, любое оборудование, какое захочешь.

— Шерканер, ты слышал про «форсирование кривой обучения»?

— Ну, э-э…

Конечно слышал.

— Будь у меня сейчас все богатства мира, я бы, наверное, построил тебе энергостанцию для обогрева города. Там бы каждые несколько лет

случались катастрофы, и даже в «нормальном» режиме работы теплоноситель — скажем, перегретый пар — окажется таким радиоактивным, что еще до десятого года Тьмы все население города вымрет. Наступает момент, когда заливать проблему деньгами и отряжать на нее все больше техников становится бесполезно.

Шерканер ответил не сразу; Аннерби показалось, что он отвлекся на детишек у самой верхушки джунглей тренажера. Комната причудливо сочетала роскошь, присущий прежнему Андерхиллу интеллектуальный хаос и родительские заботы Андерхилла нового. Там, где на полу не валялись книги и детские безделушки, проглядывал плюшевый ковер. Стены покрыты одним из этих сверхдорогих безумных узоров. Окна из кварцевого стекла, под потолок. Сейчас фрамуги были приоткрыты. Сквозь кованые шпалеры долетал запах папоротников, напоенных влагой холодного утра. Над столом Андерхилла и лесенками вдоль стеллажей висели электрические лампы, но ни одна в этот момент не горела.

Комнату озарял лишь зеленоватый и ближнекрасный свет, фильтрующийся сквозь папоротники. Его вполне хватало, чтобы прочесть заглавия книг на ближайших корешках. Тут были

труды по психологии, математике, электронике, иногда встречался фолиант по астрономии, а еще много детских сказок. Книжки громоздились невысокими стопками, заполняя большую часть пространства, свободного от игрушек и аппаратуры. И не сразу понятно, где тут игрушки Андерхилла, а где — его детей. Кое-что здесь напоминало дорожные сувениры, наверное Викторией привезенные из военных странствий: тиферская ногочесалка, связка сухих цветов, похожая на диадему островитянина. А в углу… Господи, это ж артиллерийская ракета «Марк-7»! Люк отсека боеголовки был откинут, и вместо взрывчатки там стоял кукольный домик.

Наконец Андерхилл нарушил молчание:

— Ты прав, деньгами всего не купить. Нам нужно время, чтобы произвести машины, которые станут производить машины и так далее. Но у нас еще лет двадцать пять в запасе, а генерал говорит, ты гений в управлении такими огромными проектами.

Хранкнера захлестнула странная гордость при этих словах: он так не гордился даже медалями за Великую Войну; но он понимал, что без Смит и Андерхилла шанса открыть в себе такие таланты ему бы не представилось. Он мрачно

пробурчал, стараясь не показывать, как важна для него эта похвала:

— Спасибо на добром слове. Но я тебе еще раз повторяю: этого недостаточно. Если хочешь, чтоб мы эту работу выполнили меньше чем за тридцать лет, нужно кое-что покруче.

— Да? Что?

— Ты, черт подери! Твоя интуиция! Ты с первых лет проекта спрятался тут в Принстоне и маешься бог знает чем.

— О… послушай, Хранкнер, ты меня прости. Мне просто уже не очень интересна атомная энергия.

Зная Андерхилла столько лет, Аннерби не должен был удивляться такому признанию. Тем не менее ему захотелось сжевать руки. Вот сидит чудик, забросивший плодородные поля еще до того, как остальным стало известно об их существовании. Был бы он обычный чудик, не было бы и проблемы. А так… оставалось Аннерби порою втихомолку жалеть, что не в его силах пристукнуть паучару.

— Да, — продолжал Андерхилл, — тебе нужно больше талантливых сотрудников. Знаешь ли, я над этим как раз и работаю. У меня есть что тебе показать. Впрочем, — добавил он, подливая

масла в огонь, — интуиция подсказывает, что овладение атомной энергией покажется нам простым занятием в сравнении с некоторыми другими задачами.

— Какими же, например?

Шерканер рассмеялся:

— Например, воспитанием детей. — Он ткнул в старинные часы с матяником на стене. — Думал, что ребятишки уже сюда подоспеют; может, пока тебе институт показать?

Он спрыгнул с насеста и дурашливо замахал руками, как всегда машут родители малышам.

— Спускайтесь, спускайтесь. Эй, Рапса, часы не трогай!

Поздно: малышка соскочила с тренажера, прыгнула в полете на маятник, ухватилась за него и соскользнула до самого пола.

— У меня тут столько хлама. Боюсь, что-нибудь на детей упадет и раздавит…

Дети пробежали по полу и вспрыгнули на отведенные им места в отцовской шерсти. Они были едва крупней лесных фей.

Андерхилл добился для своего института статуса подразделения Королевской школы. В Доме на Холме было много аудиторий, каждая занимала дугу на внешнем периметре. И большую

часть их финансировала, если верить Андерхиллу, не Корона. Как правило, исследования выполнялись на средства компаний, весьма впечатленных Андерхиллом.

— Я мог бы к себе перетянуть кое-кого из лучших преподавателей Королевской школы, но мы договорились. Они продолжают преподавать и заниматься научной работой в городе, но частично работают и здесь, а Королевская школа покрывает известный процент наших издержек. У нас наверху значение имеют только результаты.

— Никаких лекций?

Шерканер пожал плечами, две головки свесились с его спины и тихонько пискнули, — наверное, это означало: «Папа, сделай так еще раз!»

— Ну, лекции у нас тут есть… что-то вроде. Суть в том, что одни общаются с другими по самым разным специальностям. Студентам приходится рисковать, потому что учебный процесс слабо систематизирован… Кое-кто просто получает удовольствие, но недостаточно одарен, чтоб им это приносило пользу.

Во многих аудиториях у досок сидело по двоетрое, а целая толпа наблюдала за ними с насестов пониже. Трудно было отличить профессора от студента. Кое-где Хранкнер даже не просек, о чем

речь. У одной двери они остановились. Паучонок текущего поколения читал лекцию группе пожилых паучар. Рисунки на доске наводили на мысль о сочетании небесной механики с электромагнетизмом. Шерканер остановился у двери и приветствовал собравшихся жестом улыбки.

— Помнишь полярное сияние, которое мы видели во Тьме? Вот этот пацан считает, что оно могло быть вызвано космическими объектами, но исключительно темными.

— Когда мы их видели, они темными не были.

— Ну да! Может, они имеют какое-то отношение к вспышке Нового Солнца. Я кое в чем сомневаюсь, потому что Джейберт еще не очень хорошо разбирается в небесной механике. Зато электромагнетизм — это *его*. Он работает над беспроводным устройством, способным излучать волны длиной всего несколько дюймов.

— Да? Похоже скорей на самый дальнекрасный свет, чем на радио.

— Нет, нам этого ни за что не увидеть, но открытие перспективное. Он собирается воспользоваться им для эхолокации тех космических скал.

Они пошли дальше по коридору. Хранкнер заметил, что Андерхилл внезапно умолк, словно

позволяя ему обдумать услышанную идею. Хранкнер Аннерби был паучара очень практичный — как он подозревал, именно это и предопределило успех большинства грандиозных проектов генерала Смит. Но даже его застала врасплох столь сильная идея. Он понятия не имел, как поведут себя такие короткие волны, хотя, конечно, излучение окажется узконаправленным. Мощность, необходимая для эхолокации, обратно пропорциональна четвертой степени расстояния… гм, для устройства наземное применение найдется раньше, чем космическое. Гм. Военный аспект открытия, вероятно, важней всех задумок Джейберта…

— А кто-нибудь *уже построил* такой вот высокочастотный передатчик?

Он не сумел утаить интереса; Андерхилл заулыбался:

— Да, и Джейберт проделал поистине гениальную работу. Он эту штуку называет полостным осциллятором. Там на крыше небольшая антенна; скорей на зеркало телескопа похожа, чем на радиомачту. Виктория поставила вниз по Вестермостскому хребту до Ставки ряд ретрансляторов. У нас с ней получается говорить не хуже, чем по телефонному кабелю. Я использую эту линию

для проверки некоторых шифропротоколов. В конечном счете у нас появится такая надежная широкополосная беспроводная связь, что ты и представить не можешь.

Даже если у Джейберта ничего не выйдет с этим астрономическим проектом… Шерканер Андерхилл, конечно, чокнутый, но Аннерби начинал понимать, к чему тот клонит, почему решил забросить работы по атомному проекту.

— Ты в самом деле думаешь, что этот питомник даст Ставке нужных ей гениев?

— По крайней мере, поможет их найти. И думаю, что мы вырастим лучших из тех, кого отыщем. Я никогда еще так не радовался своей работе. Но, Хранк, тебе нужно стать гибче. Сущностью настоящего творчества в некотором смысле выступает игра, перескакивание с идеи на идею без фиксации на надоедливых практических потребностях. Разумеется, не всегда получаешь то, о чем просишь. Но начиная с этой эры изобретательность станет матерью необходимости, а не наоборот. Я так думаю.

Шерканеру Андерхиллу легко говорить. Не ему воплощать науку в инженерную реальность.

Андерхилл остановился у дверей пустой аудитории и ткнул рукой в сторону досок. Опять

какая-то абракадабра.

— Помнишь те арифмометры, которыми Ставка пользовалась до Войны для вычисления баллистик? Мы сейчас делаем штучки вроде этих на вакуумных лампах и магнитных сердечниках. Они в миллион раз быстрее механики, а числа можно вводить символьными строками, вместо того чтобы с верньерами возиться. Твоим физикам понравится. — Он фыркнул. — Вот увидишь, Хранк. Не считая того факта, что первые патенты уйдут к спонсорам, вам с Викторией достанется более чем…

Они поднимались по спиральному лестничному колодцу. Наконец открылся атриум у вершины холма. Вокруг Принстона были холмы и повыше, но даже в стылую морось отсюда открывался потрясающий вид. Аннерби видел, как в аэропорту садится трехмоторник. Шоссе по обе стороны долины были почти закончены и темнели цветами мокрого гранита или свежеуложенного асфальта. Аннерби знал, что за компания занята на этом строительстве. Там считали, что энергии на следующую Тьму хватит. А интересно, как будет выглядеть тогда весь Принстон? Город под звездами высокого вакуума, но населенный неспящими, с пустыми глубинами.

Крупнейшие риски выпадали на Годы Увядания, когда придется решать, копить ли запасы на обычную Тьму или сыграть по высоким ставкам в игру, предложенную Хранкнером Аннерби и его инженерами. И в кошмарах ему являлись не провалы, но частичные успехи.

— Папа, папа! — Двое пятилеток вылетели сзади. За ними еще двое, такие крупные, что казались почти фазными. Более десяти лет Хранкнер Аннерби старался закрывать глаза на извращенные привычки свой начальницы. В конце концов, Виктория Смит — такой руководитель Аккорд-разведки, что лучшего и не сыщешь; наверное, даже Страта Гринвала она переплюнула. И не важно, какие у нее личные склонности. Его совершенно не волновало, что она сама тоже внефазница; над этим она не властна. Но завести семью под Новым Солнцем, обречь детей на такую же участь, какую претерпела сама… *Господи, они ведь даже не одного возраста.* Двое младенчиков свешивались у Андерхилла со спины. Спрыгнув, они пронеслись по траве и вскарабкались по ногам двух старших братьев. Как будто Смит с Андерхиллом поставили себе цель вывалять общественное мнение в грязи. Визит, столь долго откладываемый, оправдал все

худшие ожидания Аннерби.

Двое старших, оба паучки, подхватили маленьких, притворясь на миг, что понесут их, как настоящие отцы. Но у них, разумеется, не было шерсти на спине, поэтому детишки соскользнули с панцирей. Схватились за куртки братьев и забрались обратно с громким младенческим хохотом.

Андерхилл представил сержанту четверку отпрысков. Все они прошлепали по мокрой лужайке под прикрытие навеса. Самая крупная игровая площадка, какую Аннерби доводилось видеть в частном доме, и очень странная. Нормальная школа проводила классы последовательно в согласии с текущим возрастом учеников. Оборудование игровой площадки Андерхилла, однако, охватывало разные годы. Были тут вертикальные тренажеры, пригодные только для двухлеток. Песочницы, несколько крупных кукольных домиков, низкие игровые столы с книжками-раскрасками и настольными играми.

— Это мы из-за Младшей не встретили вас с мистером Аннерби внизу, пап. — Двенадцатилетний ткнул указующей рукой в сторону одной из пятилеток — Виктории-младшей, что ли? — Она хотела, чтоб вы поднялись сюда и мы показали

мистеру Аннерби наши игрушки.

Пятилетки еще не очень хорошо умеют скрывать направление эмоций. У Виктории-младшей глаза оставались детскими. Хотя они и могут поворачиваться на несколько градусов, их всего два, так что девчонке приходилось смотреть почти прямо на все ее заинтересовавшее. И поэтому было совершенно ясно, куда нацелено внимание Младшей: попробуй-ка со взрослыми так! Два крупных глаза ее уставились сперва на Андерхилла с Аннерби, потом на старшего братца.

— Ах ты ж ябеда! — прошипела она. — Ты тоже хотел, чтоб они сюда поднялись. — Ткнула в него быстрым жестом пищевых рук, потом подобралась ближе к Андерхиллу. — Прости, пап. Я хотела тебе кукольный домик показать, а Брент с Гокной еще уроки не выучили.

Андерхилл обнял ее передними руками:

— Ну, мы и так собирались сюда подняться.

И к Аннерби:

— Боюсь, Хранкнер, что генерал им слишком много про тебя наговорила!

— Ага, вы инженер! — сказала другая пятилетка — Гокна?

Чего бы ни хотела Младшая, а Брент с Джирлибом влезли первыми. Их уровень обучения

трудно было оценить. У парочки сложилось некое подобие учебного расписания, но в остальном им разрешалось заниматься чем захотят. Джирлиб, паучок, который наябедничал на Младшую, собирал всякую всячину. Он увлекался окаменелостями плотнее, чем любой ранее виденный Аннерби ребенок. У Джирлиба были книжки из библиотеки Королевской школы, над которыми и взрослые студенты кряхтели. В поездках с родителями вниз, в Ставку, он собрал неплохую коллекцию алмазных фораминифер. И, почти как отец, фонтанировал безумными теориями.

— Как вы знаете, мы не первые на этой планете. Сто миллионов лет назад существовали Хелмовы Уродцы: их сразу под отложениями фораминифер можно обнаружить. Ученые, как правило, считают их тупыми животными, но это не так. У них была изумительная цивилизация, и я намерен выяснить какая.

В общем-то, ничего нового, но Аннерби искренне удивился, что Шерканер позволяет детям читать безумную палеонтологию Хелма.

Брент, другой двенадцатилетка, лучше соответствовал стереотипным представлениям о внефазном ребенке. Он был рассеян, слегка угрюм, не исключено, отставал в развитии. Ка-

залось, он не знал, куда деть свои руки и ноги, и хотя глаз у него было достаточно, он старался смотреть вперед, как маленький. Брента вроде бы мало что интересовало, кроме каких-то «папиных тестов». У него целые сумки были забиты конструкторами, металлическими штырьками и коннекторами. Три-четыре столика занимала сложная конструкция из коннекторов и штырьков. Умелым подбором числа штырьков на сочленение кто-то сооружал для ребенка различные криволинейные поверхности.

— Я уже много папиных тестов научился проходить. Я все лучше с ними управляюсь.

Он стал возиться с большим тором, разламывая тщательно собранную до того рамочную конструкцию.

— Тестов? — вызверился на Андерхилла Аннерби. — Ты что вытворяешь с этими детьми?

Андерхилл, такое впечатление, не заметил гнева в его голосе.

— Разве дети не замечательные существа? Ну, когда иголки под панцирь не загоняют, конечно. Смотришь, как растет дитя, и видишь, как занимают отведенное им место механизмы мышления, этап за этапом. — Он нежно провел рукой по спине, погладив вернувшихся в укрытие мла-

денчиков. — В каком-то смысле эти двое глупее таранта из джунглей будут. У младенцев определенные структуры разума просто не развиты. И когда я с ними играю, то почти натыкаюсь на эти барьеры. С течением времени их сознание развивается, я добавляю новые методики. — Андерхилл, не переставая говорить, обходил игровые столы. Одна из пятилеток, Гокна, неслась в полушаге впереди, имитируя его жесты с точностью до нервного тика. Шерк остановился у столика, занятого красивыми бутылками из дутого стекла дюжины форм и оттенков. Некоторые были наполнены фруктовой водой и льдом, словно для какого-то странного пикника.

— Но даже пятилетки не лишены ментальных шор. Язык у них уже достаточно продвинут, а вот базовые понятия…

— И это совсем не значит, что мы не понимаем, что такое секс! — заявила Гокна.

Андерхилл впервые смутился.

— Боюсь, она не в первый раз эти рассуждения слышит. И братья ее подучили, как отвечать при игре в вопросы и ответы.

Гокна дернула его за ногу:

— Садись, поиграем. Я хочу показать мистеру Аннерби, что мы умеем делать.

— Ладно. Можем… а где твоя сестренка? — Голос его вдруг резко подскочил. — Вики! Слезай оттуда! Это опасно.

Виктория-младшая залезла на детский тренажер, раскачиваясь под самым навесом.

— Да нет, пап, совсем не опасно. Раз ты здесь…

— Нет, я сказал, слезай немедленно!

Младшая спустилась, громко ворча, но спустя несколько минут проявила себя совсем иначе.

Один за другим они показывали ему все проекты. Двое старших участвовали в общенациональной радиопередаче, объясняя молодежи науку. Вероятно, продюсировал шоу сам Шерканер, но мотивы его оставались для Аннерби непонятны.

Хранкнер вполне вписался в обстановку: шутил, смеялся, притворялся. В принципе, дети все были чудесные. Если не считать Брента, каждый — талантлив и открыт, как мало кто на памяти Аннерби. И оттого еще тяжелее ему было думать, какой прием им окажут во внешнем мире.

У Виктории-младшей был кукольный домик, большое сооружение, уходящее в заросли папоротников. Когда настал ее черед, она выгнула две руки крюками вокруг передних лап Шерканера и чуть ли не силком оттащила его к фасаду.

— Видите? — показала она на дыру в цоколе.

Дыра была подозрительно похожа на вход в термитник. — Мой дом даже своей глубиной оборудован. И кладовой, и столовой, и семью спальнями… — Гостю нужно было показать каждую комнату и объяснить предназначение мебели. Она открыла стену спальни, и оказалось, что там кипит жизнь.

— У меня даже маленький народец в домике живет. Аттеркопов видите?

В общем-то, масштаб домика Вики для этих созданий вполне подходил, по крайней мере в текущей солнечной фазе. В конце концов их средние ноги разовьются в многоцветные крылья. Они превратятся в лесных фей и совсем перестанут помещаться в домике. Но пока они и вправду выглядели как сказочный народец, снующий из комнаты в комнату.

— Они меня любят. Могут возвращаться на деревья, когда хотят, но я им кусочки еды подкладываю, и они каждый день за ними приходят. — Она потянула за медную ручку, и часть пола вылезла, как выдвижной ящик. Внутри имелся сложный лабиринт, разграниченный тонкими деревянными перегородками. — Я с ними даже эксперименты ставлю, как папа, только проще. — Оба ее глаза смотрели вниз, поэтому

реакции Аннерби она не заметила. — Вот у этого выхода капаю медом, потом запускаю с другого. И замеряю, сколько времени… Ой, ты потерялась, малышка? Ты уже два часа тут торчишь. Прости. — Она бестрепетно сунула в ящик пищевую руку и осторожно переместила аттеркопа листочком папоротника.

— Хе-хе, — прозвучал типичный для Шеркане-ра смешок, — некоторые куда глупей остальных, а может, им просто не везет. Ну как я могу просчитать ее время реакции, если она вообще ни разу не выбралась из лабиринта?

— Не… не знаю.

Она повернулась взглянуть на него своими прекрасными глазами.

— Мама говорит, маленький братик в вашу честь назван. Вас зовут Хранкнер?

— Да. Думаю, это вы правильно поступили.

— Мама говорит, вы лучший инженер в мире. Она говорит, что вы даже папины безумные идеи реализовать можете. Мама так хочет, чтоб мы вам понравились.

Было что-то странное в ее детском взгляде. Такой *пристальный*. Объект никак не мог бы притвориться, что смотрят не на него. Казалось, смятение и боль, которые причинил ему этот

визит, сошлись воедино в этот миг.

— Вы мне нравитесь, — сказал он.

Виктория-младшая еще мгновение смотрела на него, потом отвела взгляд.

— Ну, хорошо.

Обедали в атриуме с паучатами. Облака выгорели, стало жарко — по крайней мере, для весеннего принстонского дня девятнадцатого года. Даже под тентом было так тепло, что пот сочился из каждого сочленения. Детей это, казалось, не волновало. Они все еще интересовались незнакомцем, в чью честь назван младший братишка. Если не считать Вики, они были так же громогласны и веселы, а Аннерби как мог старался соответствовать настроению.

Когда обед подходил к концу, явились наставники детей. Похожи на студентов из института. Детям не суждено пойти в настоящую школу. А будет ли им от этого легче в конце концов?

Дети приглашали Аннерби остаться на уроке, но Шерканер пресек эти глупости.

— Сконцентрируйтесь на учебе, — велел он.

Итак, осталась позади самая трудная (как хотелось верить Аннерби) часть визита. Шерканер с Хранкнером теперь засели вдвоем (не считая младенцев) в кабинете на прохладном первом

этаже института. Некоторое время поговорили о конкретных нуждах Аннерби. Если даже Шеркенер не настроен был помогать ему лично, у него тут хватало талантливых паучар.

— Ты бы поболтал с некоторыми из моих теоретиков, а? И стоило бы тебе повидаться с экспертами по вычислительным машинам. Мне кажется, многие твои проблемы отпадут, когда появятся быстрые методы решения дифференциальных уравнений.

Андерхилл потянулся и соскочил с насеста за столом. Взгляд его неожиданно стал пытливым.

— Хранк, даже если не считать удовольствия от беседы, мы сегодня достигли большего, чем за дюжину телефонных разговоров. Я уверен, в институте тебе понравилось бы. Не то чтоб это было твое место, и точка — нет! У нас полно техников, но теоретики воображают, что вправе ими командовать. Ты — другое дело. Ты из тех, у кого талант командовать мыслителями и направлять их мозги туда, куда этого требует инженерия.

Хранкнер едва заметно улыбнулся:

— Я-то думал, что изобретательность отныне станет матерью необходимости?

— Гм. В общем, так и есть. Поэтому нам нужны такие, как ты, чтобы сложить кусочки мозаики

вместе. Ты увидишь, о чем я. Тут есть народ, с которым тебе будет полезно пообщаться, и наоборот… Жаль, что ты раньше не приехал.

Аннерби начал было неискренне извиняться, потом бросил. Он больше не мог притворяться. Кроме того, с Шерканером дело иметь проще, чем с генералом.

— Ты знаешь, отчего меня так долго не было, Шерк. Фактически я бы и сейчас не приехал, кабы не прямой приказ генерала Смит. Я за ней в ад пойду, ты знаешь. Но она хочет большего. Она требует, чтоб я примирился с вашими извращениями… и… я… У вас такие красивые дети, Шерк. Как вы могли с ними так поступить?

Он ожидал, что Шерканер его на смех поднимет, а может, ощерится ледяной враждебностью, как Смит при любом намеке на критику в этом вопросе. Но Андерхилл мгновение сидел молча, вертя в руках старую детскую игрушку-головоломку. Кусочки дерева сухо щелкали в тишине кабинета.

— Ты согласишься, что дети здоровы и счастливы?

— Это да, хотя Брент какой-то… заторможенный.

— Ты не считаешь, что я их использую как под-

опытных животных?

Аннерби подумал о Виктории-младшей и ее лабиринте. В ее возрасте он, если честно, аттеркопов увеличительным стеклом поджаривал.

— Гм, ты же со всем и вся опыты ставишь, Шерк: такой уж ты уродился. Думаю, детей ты любишь, как всякий хороший отец. И вот почему мне вдвойне тяжело себе представить, как вы могли принести их в мир вне фазы. Ну да, лишь один поврежден в уме, и что с того? Я заметил, что они даже не заикаются об играх со сверстниками. Ты не можешь им найти никого, кроме уродов?

По аспекту Шерканера стало ясно: удар попал в цель.

— Шерк. Твои несчастные дети всю жизнь проживут в мире, который будет считать их преступлением против законов природы.

— Мы над этим работаем, Хранкнер. Джирлиб тебе ведь рассказывал про «Детский час науки», разве нет?

— А я-то думал, к чему все это. Значит, они с Брентом и вправду участвуют в радиопередаче? Эти двое почти сойдут за фазников, но с течением времени кто-нибудь неизбежно догадается, и…

— Разумеется. В любом случае Виктория-младшая горит желанием присоединиться к ним в

передаче. И потом, *я хочу*, чтобы публика догадалась. Программа затронет самые различные сферы науки, но красной нитью через нее пройдет тема биологии, эволюции и того, как Тьма обрекает нас на определенный способ существования. Когда технология достигнет нужного уровня, жесткая фиксация времен деторождения, независимо от ее исходной причины, станет бессмысленна.

— Тебе ни за что не переубедить Церковь Тьмы.

— Ну и ладно. Я собираюсь переубедить миллионы слушателей, расположенных к дискуссии, вроде Хранкнера Аннерби.

Аннерби не придумал что ответить. Аргументы собеседника звучали так бойко… неужели Андерхилл в самом деле не понимает? Любое приличное общество вырабатывает базовый моральный кодекс насчет вопросов, обеспечивающих выживание здоровых паучар. Времена, может, и меняются, но бессмысленной будет попытка разом отбросить все старые правила. Если даже паучество останется жить во Тьме, циклы развития достойных граждан все равно должны сохранить применимость… Молчание затягивалось. Только щелкали кубики головоломки в

руках Шерка.

Наконец Шерканер нарушил тишину:

— Генерал так тебя любит, Хранк. Ты самый дорогой ей собрат по оружию и даже больше: это ты к ней отнесся благосклонно, когда она была только начинающим лейтенантом и все шансы были за то, что ее карьера окончится на свалке.

— Она лучшая. Она не виновата, что такая уродилась.

— Это верно. Но именно поэтому она в последнее время так осложняет жизнь тебе. Она считает: кому, как не тебе, принять то, что мы с ней затеяли?

— Знаю, Шерк, но *не могу*. Ты меня сегодня видел. Я старался изо всех сил, но паучата меня раскололи. Во всяком случае, Младшая.

— Хе-хе, а то! Ее не случайно так назвали; Маленькая Виктория не глупей мамочки. Но, как ты говоришь, ей предстоят испытания намного тяжелее… Смотри, Хранк. Я хочу малость поболтать с генералом. Она должна смириться с тем, что в ее власти, а что — нет, научиться уживчивости, даже если уживаться придется с твоей нетерпимостью.

— Я… это наверняка поможет, Шерк. Спасибо.

— Тем временем ты нам понадобишься в ре-

жиме более частых посещений. Но ты волен приходить и уходить, как тебе вздумается. Ребята будут рады тебя видеть, но дистанцию выбирай сам.

— Ладно. Они мне понравились, честное слово. Я только боюсь, что не смогу стать для них тем, кем они меня хотят видеть.

— Ха! Тогда пусть нужная дистанция определится в ходе маленького эксперимента. — Он улыбнулся. — Если смотреть с этой точки зрения, то они, в общем-то, весьма податливы.

20

Поначалу, до полета, Фам Тринли вызывал у Эзра Виня лишь отстраненное любопытство. По редким встречам складывалось впечатление о нем как о человеке замкнутом, ленивом и, вероятно, некомпетентном. «Чей-то родственник», — говорили о нем, и это было самое правдоподобное объяснение появления Тринли в составе экспедиции. Лишь после коварной атаки грубое и велеречивое поведение Тринли привлекло пристальное внимание Эзра. Иногда оно забавляло; куда чаще — выбешивало. Вахты Тринли и Эзра перекрывались процентов на шестьдесят. Случись Эзру заглянуть в Хаммер-

фест, там был Фам Тринли: травил сальные байки с техниками Рейнольт. Когда Эзр наведывался в забегаловку Бенни, там был Тринли с шайкой авральников, громогласный и расфуфыренный. Уже много лет — вероятно, со времени Резни Дьема — никто не считал его поведение признаком измены. Чжэн Хэ и авральникам приходилось уживаться между собой, и в компании Тринли было множество торговцев.

Сегодня омерзение, какое Эзр испытывал к этому человеку, сменилось иным, более мрачным чувством. Дело было на ежемегасекундном совещании вахтменеджеров под обычным председательством вахтмастера Томаса Нау. Это вам не пустая болтовня на заседаниях липового «комитета управления флотом» Эзра. Тут, чтобы выжить, требовалось сочетание опыта обеих сторон. И хотя никогда не возникал вопрос, кто в действительности начальник, Нау оказался достаточно тактичен, чтобы всерьез рассматривать данные ему советы. Ритсера Брюгеля на вахте не было, засим совещание обошлось без патологических выходок. Если не считать Фама Тринли, собрались подлинные спецы в своем деле.

В течение первой килосекунды все шло более или менее гладко. Программисты Каля Омо

проверили партию наглазников и одобрили их для использования торговцами Чжэн Хэ. Новый интерфейс оказался существенно урезан, но это все ж лучше, чем ничего. Анне Рейнольт выдала новый график работы фокусированных. Полный пока был засекречен, но похоже, что Триксия получит больше свободного времени. Гунле Фун предложила некоторые поправки к расписанию вахт. Эзр знал, что ее втайне простимулировали взятками от заинтересованных в этом участников, но Нау закрывал на это глаза. Он наверняка в курсе дел подпольной экономики, выстроенной Гунле и Бенни, но шли годы, а Нау продолжал ее игнорировать. И постоянно на ней наживаться. Эзр Винь и не предполагал, что в столь тесном и замкнутом социуме, как импровизированная колония первой точки Лагранжа, торговля способна принести существенные плоды, но жизнь неподдельно улучшалась. Многие получали тех напарников по вахте, с которыми им было удобно работать. Многие обзавелись маленькими бонсай-пузырями от Киви Лин Лизолет для украшения кают. Оборудование распределяли настолько удачно, насколько вообще было возможно. А может, это просто показывало по контрасту, сколь несовершенна изначальная

система распределения благ Аврала. Эзр попрежнему считал Томаса Нау самым страшным преступником из всех, мясником, который убивает просто с целью скрыть собственную ложь. Но Томас был умен и крайне миролюбив внешне. Томас Нау достаточно сообразителен, чтобы уразуметь, как подпольная торговля выведет к процветанию его самого.

— Отлично, и последний вопрос повестки дня. — Он улыбнулся присутствующим. — Как обычно, наиболее интересный и трудный. Киви?

Киви Лизолет плавно поднялась и замерла на расстоянии ладони от низкого потолка. Сила тяжести в Хаммерфесте была, но ее едва хватало удержать на столе питьевые груши.

— Интересный? Да уж. — Она скорчила гримаску. — Но меня эта проблема сильно раздражает. — Киви полезла в глубокий карман и вытащила горсть наглазников — все с пометкой «Разрешены к использованию коробейниками». — Давайте посмотрим, какие игрушки нам Каль Омо припас.

Она раздала наглазники вахтменеджерам. Эзр принял одну пару и ответил на застенчивую усмешку Киви своей. Киви все еще ростом не вышла из детства, но фигура у нее уже была

крепко сбитая, почти как у средней взрослой стрентманнианки. Больше не девчонка, даже не потерявшаяся сиротка времен Поджига. После вспышки Киви сперва проживала вахту за вахтой в реальном времени, становилась старше на год за каждый прошедший год. С тех пор как свет В(ы)ключенной упал до более приемлемой интенсивности, она проводила на вахте меньше времени, но все равно Эзр замечал в уголках ее глаз сеточку морщинок. «Сколько ей сейчас? Она уже, должно быть, старше меня». В ней иногда проявлялось былое озорство, но Эзра она больше дразнить не пыталась. Он слышал истории про Киви и Томаса Нау; он знал, что слухи правдивы. О, бедняжка Киви.

Но Киви Лин Лизолет достигла большего, чем Эзр когда-либо ожидал от нее. Киви удерживала в равновесии горы.

Она выждала, пока все облачатся в наглазники, и продолжила:

— Вам известно, что я управляю нашей галоорбитой вокруг первой точки Лагранжа.

Над срединной частью стола вдруг оформилось скопление скал. Крохотный шпиль Хаммерфеста торчал из нагромождения астероидов рядом с Эзром, на вершине башни только что присты-

ковалась шлюпка. Картинка была резкая, точно по размерам стены и людей за нею. Но стоило ему резко перевести взгляд с астероидов на Киви и обратно, изображение чуть расплылось. Автоматика не успевала отслеживать его движения, визуальная иллюзия распадалась. Несомненно, программисты Каля Омо были вынуждены стачать замены кое-каким процедурам оптимизации. Впрочем, то, что осталось, на поверку почти не хуже программ Чжэн Хэ, и картинки удовлетворительно скоординированы в поле зрения каждой пары наглазников.

Десятки красных огоньков полыхнули на поверхности астероидов.

— Вот электросопла… — еще больше желтых огоньков, — и сенсорная сетка. — Киви рассмеялась живо, озорно, как он помнил. — В целом это очень похоже на сетку решения методом конечных элементов, вы не находите? Ну, так это она и есть, только в точках сетки — настоящие машины, собиратели данных. В любом случае у меня и моих сотрудников две проблемы. Каждая из них по отдельности довольно проста. Во-первых, нам следует поддерживать всю груду скал на орбите вокруг первой точки Лагранжа. — Скопление астероидов сжалось до стилизованного симво-

ла, который принялся сновать по изменчивой орбите вокруг значка первой точки, образующей фигуру Лиссажу. С одной стороны висела Арахна; гораздо дальше, но на той же линии — В(ы)ключенная. — Нам пришлось все устроить так, чтобы мы все время находились почти в зоне солнечного лимба, с точки зрения пауков. Еще годы пройдут, прежде чем у них появится техника, способная нас обнаружить… Но вторая цель стабилизации — удержать Хаммерфест, а также оставшиеся глыбы океанского льда и сугробы воздушного снега в тени. — Вернулась исходная картинка астероидного скопления с отмеченными синим и зеленым запасами летучих веществ. С каждым годом бесценные ресурсы таяли, расходуясь на потребление и улетучиваясь в космос. — К несчастью, двум этим целям невозможно соответствовать одновременно. Скалы — не сплошной объект. Иногда наши усилия по удержанию станции на орбите в первой точке создают крутящий момент, скалы начинают трястись и проскальзывать друг по другу.

— А, скалотрясения, — сказал Чжау Синь.

— Да. Тут внизу, в Хаммерфесте, вы их все время ощущаете. Без постоянной курсокоррекции все только осложнится. — На столешнице возникла

масштабная модель линии сочленения Алмаза-1 и Алмаза-2. Киви провела рукой над блоками, и сорокасантиметровая полоса поверхности порозовела. — Этот сдвиг мы чуть не пропустили. Но нельзя же расходовать людские ресурсы на…

Фам Тринли в продолжение речи Киви молчал, сердито прищурясь. Первоначально Нау выбрал ответственным за стабилизацию именно его, и Тринли испил чашу унижений до дна. Наконец он не выдержал и взорвался:

— Чушь! Я думал, что вы немного воды туда закачаете, она же эти Алмазы запросто склеит!

— Мы пробовали. Кое-где помогло, но…

— Но у вас просто не получается довести работу до конца, разве нет? — Тринли обернулся к Нау, полупривстав из кресла. — Вахтмастер, я вам уже говорил, что для этой работы лучше меня никого не найти. Девочка Лизолет знает, как управляться с программами расчета динамики, она работает не покладая рук, но у нее же нет достаточного опыта!

«Достаточного опыта? И сколько же лет ей надо в этом упражняться, старый хрыч?»

Нау лишь улыбнулся Тринли. Как бы абсурдны ни были нападки идиота, Нау неизменно поощрял его эскапады. Долгое время Эзр предпо-

лагал, что вахтмастер попросту издевается над старпером.

— Ну, в таком случае, вероятно, стоило бы отвести этот участок работы вам, оружейник. Однако учтите, что даже сейчас он требует не менее трети времени вахты. — Нау был любезен, но Тринли уловил вызов. Эзр чувствовал, как разгорается гнев старика.

— Трети? — переспросил Тринли. — Да мне одной пятой вахты хватит, даже если у меня новички в подчинении окажутся. Не важно, как там расставлены сопла, ключ к успеху — в качестве работы курсокорректирующей сети. Госпожа Лизолет не понимает всех возможностей локализаторов, которыми пользуется.

— Поясните, — потребовала Анне Рейнольт. — Локализатор — это всего лишь локализатор. Мы пользуемся в этом проекте как вашими, так и нашими.

Локализаторы — основной рабочий инструмент любой технологически продвинутой цивилизации. Крохотные устройства обменивались импульсными кодами, используя время прохождения сигнала и распределенные алгоритмы для точного вычисления позиции каждого локализатора в сети. Несколько тысяч машинок

образовывали сеть позиционирования на поверхности скал. Вместе они представляли собой низкоуровневую сеть передачи информации об ориентации, местоположении, относительной скорости астероидов и электросопел.

— А вот и нет! — покровительственно усмехнулся Тринли. — Да, наши устройства неплохо взаимодействуют с вашими, но лишь ценой потери естественной производительности. Вот как выглядят наши образцы. — Старик повозился с планшетом. — Госпожа Лизолет, эти интерфейсы просто смехотворны…

— Позвольте мне, — сказал Нау и произнес в пространство: — Вот два типа локализаторов, которыми мы пользуемся.

Космический пейзаж исчез, вместо него на столе возникли два электронных устройства для работы в вакууме. Эзр часто видел такие презентации, но так и не привык. В отработанной презентации, когда последовательность картинок на дисплее предопределена программой, голосовое управление труда не составляет. Но запрос Нау выходил за рамки возможностей интерфейса Чжэн Хэ. Где-то в Аттике Хаммерфеста его рабы-неотвязники слушали каждое произносимое здесь слово, определяли контекст слов

Нау и передавали информацию специалистам-неотвязникам других отраслей или флотской автоматике. И вот картинки: возникли ничуть не медленней, чем если бы вся флотская база данных находилась у Нау в голове.

Разумеется, на Фама Тринли это волшебство не произвело никакого впечатления.

— Именно. — Он придвинулся к изображениям. — Если не считать того факта, что на самом деле это не просто локализаторы.

— Не понимаю, — сказала Киви. — Для работы сенсоров требуется питание.

Тринли ухмыльнулся, слова его сочились торжеством:

— Вы так думаете, и, наверное, в ранние годы, когда тут все пережигала В(ы)ключенная, так оно и было. Но сейчас… — Он придвинулся еще ближе, палец старика исчез в стенке блока поменьше. — Вахтмастер, вы не будете так любезны показать нам ядро локализатора?

Нау кивнул:

— Конечно. — Картинку с изображением локализатора Чжэн Хэ рассекли слой за слоем. В конце концов осталась черная точка диаметром не больше миллиметра.

Эзр сидел рядом с Томасом Нау и потому заме-

тил внезапный острый всплеск напряженного интереса у вахтмастера. Всплеск схлынул чуть ли не раньше, чем Эзр осознал его появление.

— О боже, я так ни хрена не вижу. Давайте ближе посмотрим.

Изображение пылинки разбухало, пока не достигло метра в ширину и почти сорока сантиметров в высоту. Наглазники пририсовали ей тени и отблески.

— Спасибо. — Тринли величественно воздвигся из кресла, замаячив на фоне линзообразного гаджета. — Вот базовый локализатор Чжэн Хэ, обычно скрытый защитной оболочкой и все такое. Но, видите ли, в благоприятной среде и даже там, в тени, он вполне самодостаточен.

— А питание? — возразила Рейнольт.

Тринли пренебрежительно отмахнулся:

— Просто подпитать микроволновым импульсом, может, дюжину раз в секунду. Деталей я не знаю, но я видел, как ими пользуются в куда больших количествах на некоторых проектах. Я уверен, что с ними управление значительно облегчится. Что до сенсоров, то у этих крошек встроены некоторые простые датчики — температура, освещенность, уровень звука.

— Но как же так вышло, — спросил Чжау

Синь, — что Киви и остальным об этом ничего не известно?

Эзр видел, куда выруливает разговор, но был бессилен предотвратить катастрофу.

Тринли великодушно пожал плечами. Он, видимо, еще не понял, куда его завело в приступе эгоизма.

— Как я уже говорил все это время, Киви Лин Лизолет молода и неопытна. Грубозернистые локализаторы достаточны для большинства нужд. Кроме того, устройства с улучшенными характеристиками наиболее полезны для военных целей, и я полагаю, что в учебниках эти характеристики намеренно обойдены вниманием. Я же, со своей стороны, был и техником, и оружейником. Обычно это не допускается, но в принципе такие локализаторы образуют превосходную систему наблюдения.

— О, разумеется, — протянул Нау с задумчивым видом. — Локализаторы и сенсоры, к ним прикрученные, — сердцевина любой системы безопасности. — А у этих пылинок и сенсоры встроенные, и управление, по сути, независимое. Они не были встроенным компонентом системы, но образовывали саму систему.

— Киви, а ты что скажешь? Можем мы партию

таких штук к работе приспособить?

— Возможно. Для меня это внове; я никогда не предполагала, что в учебниках могут врать. — Она мгновение размышляла. — Но да, если у нас появится значительно больше локализаторов и мы перенастроим обрабатывающие мощности, сумеем обойтись без человеческого контроля.

— Отлично. Я поручаю вам с оружейником Тринли эту работу. Приступайте к установке дополнительной сети.

— Я рад буду выполнить всю работу сам, вахтмастер, — заметил Тринли.

Но Нау ему было не одурачить. Вахтмастер покачал головой:

— Нет, вы куда полезнее как управленец. Я даже хочу, чтобы вы с Анне об этом побеседовали. Ритсер, когда заступит на вахту, вероятно, также захочет с вами поговорить. Думаю, мы найдем множество полезных применений этим гаджетам в сфере общественной безопасности.

Итак, Фам Тринли только что подарил авральникам доступ к еще более надежным наручникам и цепям. На миг по лицу старика скользнула угрюмая тень: он наконец понял.

Остаток дня Эзр старался ни с кем не заговаривать. Он и не думал, что способен так возненави-

деть тупого клоуна. Фам Тринли, в конце концов, не мясник, а в каждом его дурацком поступке читалась обычная человеческая глупость. Но придурок только что выдал врагу секрет, о котором противник и не подозревал. Секрет, о котором понятия не имел сам Эзр, секрет, за который многие пожертвовали бы жизнями, лишь бы не дать его в руки Томасу Нау с Ритсером Брюгелем.

Раньше Эзр думал, что Нау держит Тринли рядом потехи ради. Теперь Эзр понял. С той давней ночи в парке времянки Эзр не помнил себя охваченным такой ледяной жаждой убийства. Если получится организовать Фаму Тринли несчастный случай со смертельным исходом…

Потом Эзр остался у себя в каюте. Поведение его не должно было вызывать подозрений. В это время у Бенни неизменно дают концерт самодеятельные музыканты, а привычка Чжэн Хэ развлекаться, лабая на самопальных инструментах, Эзра особо не вдохновляла. Кроме того, у него куча работы. Отчасти это даже объясняло, почему ему ни с кем не нужно общаться. Он нацепил новые наглазники и заглянул во флотскую библиотеку.

В некотором смысле тот факт, что флотская библиотека уцелела, был величайшей ошибкой

капитана Пака. Каждый флот принимает тщательно разработанные меры предосторожности на случай вражеской победы, чтобы библиотека не досталась противнику. Таких мер, однако, могло оказаться недостаточно. Библиотеки функционировали в распределенном по кораблям всей флотилии виде. В зависимости от загрузки в текущий момент та или иная часть библиотеки может кэшироваться по тысячам узлов. Индивидуальные чипы, даже эти гребаные локализаторы, содержат подробные встроенные инструкции по обслуживанию и эксплуатации. И все же главные базы данных обязаны были погибнуть в кратчайший срок по первой команде. То, что осталось, могло бы пригодиться врагу, но фундаментальные откровения, терабайты экспериментальных данных — все это погибло бы, на крайний случай уцелев лишь в аппаратной реализации, применимой по назначению лишь после невероятно трудоемкой обратной разработки. Почему-то база данных не погибла, хотя ясно было, что ни один корабль Флота Пака не избежит атаки авральников. А может, Пак приказал ее стереть, но нашлись отключенные от сети узлы или резервные копии, по которым, против всех правил, удалось восстановить пол-

ную версию библиотеки.

Томас Нау понимал, какое сокровище ему досталось. Рабы Анне Рейнольт вскрывали его с нечеловеческой тщательностью фокусированных. Рано или поздно они докопаются до всех тайн торговцев. Но это отнимет годы; неотвязникам ведь неизвестно, где начинать. Поэтому Нау пользовался услугами нефокусированных сотрудников, которым поручено было бродить по библиотеке и поставлять свои отчеты в общую картину. Эзр уже мегасекунды провел за таким занятием. Рискованная работенка, потому что с него требовали ценных результатов, тогда как он пытался отдалить авральников от вещей, которые были бы им полезны прямо сейчас. Он знал, что его могут раскрыть, и вообще рано или поздно Нау почует, что Эзр уклоняется от эффективного сотрудничества. Монстр был хитер, и временами Эзр задумывался: а кто кого тут на самом деле использует?

Но сегодня… Фам Тринли вывалил чудовищу слишком жирный корм.

Эзр принудил себя успокоиться. «Просто покопайся в библиотеке. Наваляй какой-то ничего не значащий отчет». Это ему зачтут как рабочее время, и не нужно будет беситься зря. Он по-

возился с ручным управлением, приданным к новой партии «проверенных» наглазников. По крайней мере, устройство понимало простейшие комбинации: наглазники безошибочно совмещали естественный обзор каюты с интерфейсом доступа к библиотеке. Он оглядывался, автоматика отслеживала движения головы, и картинки проплывали мимо так плавно, словно документы были реальными предметами и парили в воздухе каюты. Но… он еще немного повозился с консолью. Черт побери. Кастомизации, по сути, никакой. Они либо выпотрошили интерфейс, либо заменили его стандартным для авральников. Немногим лучше обычной заставки!

Он дернулся было сорвать наглазники с лица, смять в руке. «Успокойся». Его попросту чересчур разъярило идиотское предательство Тринли. Кроме того, эта штучка реально лучше настенных дисплеев. Он на миг усмехнулся, вспомнив, какими изощренными проклятиями осыпала клавиатурные устройства ввода Гунле Фун.

Так-с, и чем же сегодня заняться? Чем-нибудь, что покажется Нау естественным, но дополнительной информации против имеющейся не выдаст. Ах да, суперлокализаторы Тринли. Они, должно быть, в каком-то засекреченном разделе

запрятаны. Эзр прошел по паре тредов, проверив очевидные направления поиска. Обычному интерну такого доступа в жизни бы не дали. Нау получил — Эзр зачастую воображал себе и в ночных кошмарах видел, каким именно образом, — пароли высшего уровня и сводки параметров безопасности. Теперь Эзр воспринимал библиотеку такой, какой мог видеть ее некогда капитан Пак.

Не важно. Указатели недвусмысленно вывели его на локализаторы. Крошечный размер секретом не был, но даже в спецификации, на которую он случайно наткнулся, о сенсорах ничего не говорилось. И зашитые в чипах руководства тоже в неведении насчет этих странных фич. Ха! Это получается, Тринли утверждает, будто в руководствах имеются потайные разделы, недоступные даже при капитанском доступе?

Гнев, захлестывавший его, пронимавший до кишок, тут же утих. Эзр разглядывал распростертый вокруг ландшафт данных, ощущая неожиданное облегчение. Томас Нау в этом ничего странного не усмотрит. Кроме Эзра Виня, наверное, никто из уцелевших торговцев не понимал, насколько абсурдны утверждения Тринли.

Но Эзр Винь вырос в самом сердце великой

торговой Семьи. Ребенком он сидел за обеденным столом и слушал разговоры взрослых о флотских стратегиях. Капитанский уровень доступа к флотской библиотеке, вообще говоря, не допускал сокрытия информации. Конечно, данные могли просто потеряться; такое случается, унаследованные приложения иногда настолько стары, что поисковые программы их не обнаруживают ввиду низкой релевантности. Но если не предприняты акты саботажа или кастомизации (а капитана в таком заподозрить трудно), изолированных тайн на этом уровне не должно оставаться. В долгосрочной перспективе подобные меры по системной поддержке ударят так, что мало не покажется.

Эзр бы расхохотался, кабы не подозрение, что «проверенные» наглазники транслируют каждый его звук неотвязникам Брюгеля. Но у него вправду выдалась первая счастливая минута за день. «Тринли парил нам мозги!» Старый хвастун часто лапшу на уши вешал, но всегда был очень осторожен и перед Томасом Нау не высовывался. Когда придется выдать Рейнольт детали, Тринли волей-неволей полезет в руководства на чипах… и вылезет с пустыми руками. Почему-то Эзр не сочувствовал ему — хоть раз старый ублюдок

получит по заслугам.

21

Киви Лин Лизолет много времени проводила снаружи. Может, если трюк старого Тринли с локализаторами сработает, это изменится. Киви парила над старой линией стыка Алмаза-1 и Алмаза-2. Сейчас та оказалась на солнце, и летучие вещества, не успевшие выкипеть, отсюда убрали. Нетронутые же участки алмазной поверхности на линии стыка были серыми, гладкими и тусклыми, слабо опалесцирующими. Солнечный свет в конце концов пережжет верхний слой примерно миллиметровой толщины в графит, и там образуется нечто вроде реголита, маскирующего нижний блестящий слой. Каждые десять метров вдоль линии стыка радужным блеском посверкивал сенсор. С другой стороны выступали электросопла. Даже с такого близкого расстояния заметить их работу было сложновато, но Киви свою аппаратуру знала: электросопла плевались миллисекундными вспышками, а направляли их программы, верные показаниям сенсоров. И тем не менее этого не хватало. Киви больше двух третей своего времени на вахте проводила, летая вокруг скал и подстраивая электросопла, но

скалотрясения оставались опасно масштабными. Если удастся раскинуть более тонкую сенсорную сеть и установить программы, обещанные Тринли, режимы тяги станет настраивать легче. Миллионы скалотрясений будут, конечно, происходить по-прежнему, но такие незначительные, что никто и не заметит. А ей тогда не придется тут столько времени проводить. Киви задумалась, каково это — жить на низкой загрузке, подобно большинству остальных. Это сэкономит медицинские ресурсы, но обречет бедного Томаса на еще большее одиночество.

Она отогнала тревогу. «Есть вещи, которые ты изменить бессильна; скажи Тринли спасибо за то, что обещают сделать его локализаторы». Она воспарила из расщелины и вызвала свою команду техподдержки.

— У нас обычные проблемы, — сказал ей на ухо голос Флории Перес. Флория летала над «верхним склоном» Алмаза-3. Над теперешней нулевой поверхностью группы астероидов. Они каждый год теряли несколько сопел. — Три крепления расшатались… вовремя засекли.

— Отлично. Я пошлю на это дело Арна и Диму. Кажется, рано управились. — Она улыбнулась своим мыслям. Будет время заняться чем-то по-

интереснее. Она переключила коммуникатор на закрытую частоту отряда. — Эй, Флория, ты же на этой вахте дежурная по дистиллятору, да?

— Конечно. — Собеседница фыркнула. — Я стараюсь каждый раз на эту работу попасть; работа же на тебя просто входит в неизбежные издержки.

— Ну, у меня для тебя кое-что есть. Обсудим сделку?

— Может быть. — Флория на десятипроцентном цикле вахты, но на предложения Киви соглашалась не сразу, а только после ритуального танца уговоров. Она ведь из Чжэн Хэ как-никак. — Встречаемся у меня внизу в дистилляторе через пару тысяч секунд. Чайку попьем.

Дистиллятор летучих веществ был в дальнем конце медленного спуска по темной стороне астероидного скопления. Башни и перегонные установки его блестели морозным светом в сиянии Арахны, а в других местах, там, где сочетались фракционная перегонка и рекомбинация, отсвечивали тускло-красным. На выходе получали сырье для фабрики и органическую слизь для бактериальной ямы. Ядро дистиллятора первой точки Лагранжа было построено из оборудования Чжэн Хэ. Авральники располагали сходным, но

в битве лишились его. «Благодарение небесам, что уцелела наша аппаратура». Починка и строительство новых мощностей вынудили ободрать все уцелевшие звездолеты. Если бы дистиллятор пришлось строить по авральной технологии, сейчас бы вряд ли что-то вообще работало.

Киви пришвартовала свое такси-шлюпку в нескольких метрах от дистиллятора. Разгрузила термопакеты и подтянулась по тросовым перилам ко входу. Вокруг простирались сугробы, оставшиеся от былых запасов летучих веществ: воздушного снега и океанского льда с поверхности Арахны. Их привезли издалека, и достались они дорогой ценой. Большую часть исходных запасов, особенно воздушный снег, потеряли во время Поджига и периодических послесполохов. Остатки постоянно уравновешивали и перемещали на безопасные затененные участки, но кое-что неминуемо расходовалось: для дыхания, еды и жизнедеятельности, а также в тщетной попытке склеить скалы. Томас планировал выдолбить часть Алмаза-1 и соорудить там по-настоящему надежное пещерное хранилище. Возможно, в этом и не будет необходимости: солнце медленно тускнело, и теперь легче спасать от него оставшееся сырье. Тем временем дистиллятор и сам

медленно перемещался — со скоростью меньше десяти метров в год — через кучи воздуха и льда. За ним оставалась блестящая обнаженная алмазная поверхность и цепочка дыр от швартовых.

Контрольный пост Флории находился в стилобате, объединявшем задние башни дистиллятора. Исходный вид у него как части модуля Чжэн Хэ был неказистый: так, каморка, где можно перекантоваться и перекусить. За годы Изгнания обитатели немало его изменили. Киви на миг замерла, приблизившись к нему по скале. Большую часть жизни она проводила в замкнутых помещениях или в открытом космосе. Последние модификации, затеянные Флорией, превратили пост в нечто промежуточное между этими двумя средами обитания. Киви живо представилось, что бы сказал сейчас Эзр. Уподобил бы маленькой хижине из волшебной сказки; а что, и впрямь похоже: так мог бы жить фермер где-нибудь у подножия заснеженных холмов на Старой Земле, рядом со сверкающим от инея лесом.

Киви протиснулась мимо консольных балок и швартовых, составлявших опушку волшебного леса, и поскреблась в дверь хижины.

Торговать всегда прикольно. Она много раз пыталась объяснить это Томасу. У бедолаги доброе

сердце, но вырос он в культуре, которая просто не воспринимает таких вещей.

Киви принесла Флории частичную компенсацию за недавнюю выдачу: в термопакете был двадцатисантиметровый бонсайчик, над которым папа трудился мегасекунды. Микропапоротники соединяли его многосегментным шатром. Флория поднесла бонсай к потолочному свету и посмотрела сквозь зелень.

— Ой, мошки! — вскрикнула она, увидев субмиллиметровых жучков. — У них цветные крылышки!

Киви следила за реакцией подруги с тщательно изображаемым безразличием, но теперь не выдержала и рассмеялась.

— А я-то думала, заметишь ли ты вообще? — Бонсай был меньше тех, с какими папа обычно работал, но получился, вероятно, самым красивым, красивей всего, что Киви в библиотеке видела. Она полезла в термопакет и достала вторую часть компенсации. — А это лично от Гунле. Зажимная подставка для бонсайчика.

— Она же… деревянная. — Бонсай Флорию очаровал, а реакция на деревянную клипсу была схожа с благоговением. Она провела пальцами по полированной поверхности.

— О, мы такие сейчас тоннами делаем, вроде как из трухи восстанавливаем. Конечно, Гунле его выращивает в баках, поэтому вид несколько странный. — Полосы и завитки — биоволны, застывшие в древесине. — Нам нужно больше времени и места, чтобы все вырастить настоящим, с кольцами. — А может, и нет; папа считал, что со временем получится перенаправить биоволны на имитацию годовых колец.

— Не важно, — отсутствующим голосом отозвалась Флория. — Гунле выиграла пари… а может, твой отец для нее выиграл. Ты только представь. Настоящее дерево: не в таких количествах, как эти сучки для бонсайного пузырька или ветки в парке времянки, а куда больше. — Она глянула на просиявшую Киви. — И я готова побиться об заклад: Гунле считает, что за прошлые сделки эта плата более чем хорошая.

— Ну… мы надеялись, что она поможет тебя умаслить. — Они уселись, Флория принесла обещанный чай — заваренный на растениях с плантаций Гунле Фун, которые, в свой черед, возникли из летучих веществ и алмаза вокруг дистиллятора. Двое стали просматривать составленный Бенни и Гунле список. Тут были не просто заказы, а сводка брокерской торговли,

день за днем ведущейся в забегаловке Бенни. Имелись там и предметы, предназначенные для авральников. Господи, да Томас бы их мог просто потребовать, а уж Ритсер Брюгель точно не замедлил бы.

Возражения Флории свелись к перечню технических проблем, перечислению всего, что ей требовалось для выполнения заказа в дистилляторе. С заказами она справится, но то, о чем ее попросили, действительно было технически сложно.

Когда-то, до полета, папа взял семилетнюю Киви в дистиллятор на Трехземье. «Вот на этом работают бактериальные ямы, Киви, совсем как те, в парках. Каждый уровень удивительней предыдущего, но даже простейший дистиллятор — произведение искусства». Али любил свой, высший уровень работ, но отдавал должное и тем, кто стоял ниже. Флория Перес была талантливым химиком, она из мертвой слизи могла чудеса сотворить.

Четыре тысячи секунд спустя они согласовали перечень уступок и услуг на все время, оставшееся до конца вахты Флории. Потом посидели немного, распивая новую порцию чая и обсуждая, что еще можно попробовать, когда текущие цели

будут достигнуты. Киви рассказала Флории про локализаторы Тринли.

— Если старый шут нам лапшу на уши не вешает, это добрая весть. Может, ты наконец перестанешь себя так загонять работой. — Флория посмотрела на Киви, в глазах ее появилось странное печальное выражение. — Я тебя девчонкой помню, а сейчас ты старше меня. Тебе не стоило бы так прожигать свою жизнь, детка, ради удержания груды камней.

— Это… не так плохо. Кто-то же должен, даже если нормальной медицинской поддержки нет. — «Кроме того, Томас всегда на вахте, и ему нужна моя помощь». — И знаешь, есть хорошие моменты в том, чтобы почти все время бодрствовать. Я почти во все влезаю. Я знаю, какие сделки надо заключить и какие товары стырить. Совершенствуюсь как торговка.

— Гм. — Флория отвернулась, помолчала, взгляд ее вдруг резко вернулся к Киви. — Никакая это не торговля! Мы просто придуриваемся! — Голос ее смягчился. — Киви, прости. Ты же не знаешь… но я-то настоящую торговлю видела. Я была на Челле. На Канберре. Это, — она взмахнула рукой, словно обводя жестом всю первую точку Лагранжа, — это… притворство. Знаешь, почему я все

время прошусь на работу сюда, в дистиллятор? Я пытаюсь этот контрольный пост превратить в подобие дома, где я сама могла бы притворяться. Притворяться, что я дома, вдали отсюда. Не нужно шарашиться по времянке и натыкаться на этих авральников, которые делают вид, что они нормальные люди.

— Но многие из них и вправду такие, Флория!

Перес помотала головой и ответила громче:

— Может быть. А может, это и есть самое жуткое во всем этом. Возьми авральников вроде Риты Ляо и Чжау Синя. Классный народ, э? И они ежедневно используют других людей, как… даже не животных, а *детали инструмента.* Нет, хуже: они с этого живут. Разве Ляо не «старший программист», а Синь не «старший пилот»? Величайшее зло во вселенной творится тут, а они в ус не дуют и потом приходят посидеть с нами у Бенни в баре, и мы с этим соглашаемся! — Голос ее поднялся чуть ли не до визга — и резко оборвался. Флория крепко зажмурилась, и с лица ее медленно поплыли в воздух слезы.

Киви потянулась коснуться руки Флории, не зная, какой реакции ожидать — агрессии? Она у многих видела такую боль. Некоторых удавалось разговорить. Другие, как Эзр Винь, загоняли

боль так глубоко, что Киви угадывала ее лишь намеками: как пульсирующую в поисках выхода ярость.

Флория помолчала, скорчившись в позе эмбриона. Потом схватила Киви за руку и уткнулась ей в плечо. У нее вырвались придушенные, почти неразборчивые восклицания:

— Не вини себя… я правда не… про твоего отца… — Она молча всхлипнула пару раз и заговорила отчетливей. — Я знаю, как ты любишь Томаса Нау. Это нормально. Он без тебя бы не управился, да и мы бы все погибли.

Киви обняла подругу свободной рукой за плечи.

— Но я не люблю его.

Ответ удивил даже ее саму: просто сорвался с губ. И Флория тоже удивилась, вскинув голову.

— В смысле, я его уважаю. Он меня спас, когда мне было очень плохо, когда Джимми убил маму. Но… — Странно говорить об этом с Флорией, говорить о том, что она раньше в себе держала. Томас нуждался в Киви. Он хороший человек, но вырос в ужасной, полной зла системе. Доказательство, что он хороший человек, очевидно: он пошел так далеко, как только смог, он осознал зло и работает над тем, чтоб с ним покончить. Киви сомнева-

лась, что могла бы так поступить; она бы скорей тупо примирилась с существующим порядком, как Рита и Чжау, и радовалась бы, что сети фокуса ее не поймали. Томас Нау же искренне стремился изменить порядок вещей. Но любовь? Томас умный, любящий, не чуждый юмора… но какая же в нем отстраненность… Киви только надеялась, что он никогда не поймет истинных ее чувств. «И еще я надеюсь, что бунтарка Флория отыскала и отключила жучков Ритсера».

Киви отогнала эти мысли. На миг они с Флорией застыли, глядя друг другу в глаза и удивляясь взаимной откровенности. Хм. Она погладила Флорию по плечу.

— Я знаю тебя уже больше года совместной вахты, и ты впервые так раскрылась…

Флория выпустила руку Киви из хватки и утерла стоящие в глазах слезы. Она почти овладела собой.

— Ну да. Прежде мне всегда удавалось держаться. «Сиди тихо, — говорила я себе, — притворись маленькой запуганной коробейницей». У нас к этому талант, э? Может, оттого, что мы привыкли смотреть в будущее. Но сейчас… Ты знаешь, что у меня была на Флоте сестра?

— Нет.

«Прости». Флот Чжэн Хэ до атаки был так многочислен, а Киви было так мало лет, что она успела познакомиться лишь с горсткой людей.

— Луань, в общем-то, серая мышь, не слишком умная, но умела с людьми ладить… мудрый Капитан Флота таких берет на борт для смазки. — На лице ее возникла тень улыбки, но тут же утонула в мрачных воспоминаниях. — А у меня докторская по химтехнологии. Но они сфокусировали Луань, а меня оставили свободной. Они меня должны были забрать; но они забрали ее.

Лицо Флории исказилось в гримасе необоснованной вины. Может, Флория просто оказалась иммунна к перманентной мозговой гнили, как многие из Чжэн Хэ. А может, и нет. Томасу требовалось не меньше свободных, чем фокусированных, иначе система захлебнется под валом бесполезной детализации. Киви раскрыла было рот, чтобы что-то объяснить, но Флория продолжала, не слушая:

— Я с этим смирилась. Но следила за Луань. Они сфокусировали ее на своем *искусстве*. Вахту за вахтой она с командой гравировала те фризы в Хаммерфесте. Ну, ты их сто раз видела, думаю.

Это точно. Резчики — низшая ступень в иерархии фокусированных. Куда им до высокого

творчества Али Лина или переводчиков. Мотивы аврального «искусства легенд» не оставляли простора для творческой мысли. Рабочие трудились в алмазных коридорах, гравируя стены сантиметр за сантиметром, откалывая от них крошечные кусочки в согласии с общим планом. Исходный план Ритсера состоял в том, чтобы сжечь в этом проекте все «ненужные людские ресурсы», заставив их работать до самой смерти без медицинского обслуживания.

— Но они больше не работают вахту за вахтой, Флория. — Один из первых триумфов Киви в сражении с Ритсером Брюгелем. Интенсивность загрузки граверов снизили, а всем бодрствующим дали доступ к медицинским ресурсам. Резчики доживут до конца Изгнания и получат свободу, как обещал Томас.

Флория кивнула:

— Да, и хотя наши вахты почти не пересекаются, я стараюсь следить за Луань. Я привыкла навещать ее, делая вид, что пролетаю мимо по каким-то своим делам. Я даже пыталась с ней разговаривать про эти гребаные фризы; она больше ни о чем не в состоянии говорить. «Низвержение Френкийского Орка». — Флория с ненавистью выплюнула это название. Гнев ее тут же утих,

она сама, казалось, поникла. — И все равно это давало мне возможность с ней видеться. Я твердила себе: притворись послушной маленькой коробейницей, и однажды Луань освободят. А сейчас… — Она повернулась к Киви, в голосе снова прозвучала боль, — сейчас ее больше нет, даже в списках неотвязников. Они утверждают, что гроб поломался. Они заявили, что она умерла во сне. Мерзкие лживые ублюдки!

Капсулы холодного сна Чжэн Хэ были так надежны, что вероятность отказа не превосходила статистической, по крайней мере при надлежащем обслуживании и за время меньшее четырех гигасекунд. Авральные гибернаторы отличались, меньшей надежностью, а после атаки уже никакому оборудованию нельзя было толком доверять. Смерть Луань, вероятно, ужасная случайность, очередной отголосок безумия, которое чуть не погубило их всех. «А сумею ли я убедить в этом Флорию?»

— Думаю, нельзя верить всему, что нам говорят, Флория. У авральников общественная система порочная. Но… я долгое время была на стопроцентной загрузке. Даже сейчас — на пятидесятипроцентной. Я почти во все влезала. И знаешь что? За все это время я ни разу не поймала

Томаса на лжи.

— Ну ладно, — проворчала Флория.

— Зачем кому-то из них убивать Луань?

— Я не сказала, что ее убили. И может, твой Томас даже не знает. Видишь ли, я не одна там у граверов зависаю. Дважды я там видела Ритсера Брюгеля. Однажды — при всех женщинах: он просто завис у них за спинами и смотрел. А потом… потом я застала его наедине с Луань.

— Ой. — У Киви голос упал до шепота.

— Доказательств у меня нет. Я не видела ничего особенного: так, жест, поза, выражение его лица. Но я смолчала, а теперь Луань нет.

Паранойя Флории вдруг показалась Киви вполне обоснованной. Ритсер Брюгель *на самом деле* монстр, и система вахтмастерства его с трудом удерживает на поводке. Киви никогда не забывала о той давней стычке, о том, как Ритсер постукивал по ладони стальным жезлом, вызверясь на девушку. В то время Киви лишь гневное торжество испытала, что сумела его осадить. Но потом поняла, какой опасности избежала. Если бы не Томас, ее бы наверняка уже убили… а то и хуже. Но Ритсер знал, что случится, если его поймают.

Подделать смерть, даже казнь без приказа —

дело скользкое. Вахтмастера разработали крайне дотошную систему регистрации. Если Ритсер не сверхъестественно хитер, следы останутся.

— Послушай, Флория. Есть способы, которыми я могла бы это проверить. Может, ты права насчет Луань, но так или иначе, мы правду вскроем. А если ты права — что ж, не думаю, чтобы Томас на эдакое закрыл глаза. Ему нужно сотрудничество с Чжэн Хэ, иначе никому тут не выжить.

Флория грустно посмотрела на нее и потянулась обнять. Обняла так крепко, что Киви почувствовала, как подругу колотит. Но та не плакала. Спустя миг Флория сказала:

— Спасибо. Спасибо. Последнюю мегасекунду я так боялась… мне было так стыдно.

— Стыдно?

— Я люблю Луань, но фокус превратил ее в незнакомку. Мне бы стоило поднять тревогу еще в тот день, когда я впервые услышала о ее смерти. Да, мне бы стоило подать жалобу еще в тот день, когда я Брюгеля с ней застала. Но я боялась за себя. Сейчас… — Флория ослабила объятия и трясущимися губами улыбнулась Киви. — Сейчас, наверное, я еще кое-кого подвергаю опасности. Но у тебя, по крайней мере, больше шансов… знаешь, Киви, а ведь она еще может уцелеть.

Если мы успеем.

Киви подняла руку:

— Может быть, может быть. Посмотрим, что мне удастся выяснить.

— Да.

Они допили чай, обсудив все, что Флория смогла вспомнить о сестре и о виденном тогда. Перес старалась держать себя в руках, но от облегчения и новой тревоги говорила слишком быстро и жестикулировала слишком энергично.

Киви помогла ей закрепить бонсайчик в деревянной подставке под главной лампой.

— Думаю, мы тебе еще древесины сделаем. Гунле действительно, действительно хочет, чтоб ты ей метакрилаты[10] запрограммировала. У тебя стены будут покрыты панелями полированного дерева, как у капитанов древних кораблей.

Флория окинула взглядом каморку и подыграла:

— И правда. Скажи, что я подумаю над сделкой.

Потом Киви переместилась к шлюзу и уже облачалась в скафандр, когда, оглянувшись, увидела на лице Флории страх.

---

[10] Сноски: 10

Сложные эфиры α-метакриловой кислоты, применяемые в производстве пластмасс.

— Киви, осторожней.
— Обещаю.

Киви прокатилась в шлюпке по остальным точкам маршрута, где инспектируя скалы, где отмечая проблемы в журнале, где внося коррективы в работу сети неотвязников. Ум ее метался по кривым дорожкам. Хорошо, что есть время поразмыслить. Если Флория права, то, даже располагая заступничеством Томаса, Киви придется круто. Ритсер слишком могуществен. Если он подделывает записи с гибернаторов или свидетельства о смерти, это значит, что сеть Томаса много где взломана.

«А Ритсер подозревает, что я знаю?» Киви скользила над каньоном, разделявшим Алмаз-3 и Алмаз-4. Синий свет Арахны лился сзади, подсвечивая пещерки в местах, где сходились неровные скальные поверхности. Кое-где водяной клей сублимировался. Слишком мелкое повреждение, чтобы его отметила сенсорная сетка, но если зависнуть в считаных сантиметрах от поверхности, то становится видно. Даже размышляя над этой проблемой и прозваниваясь, Киви не переставала уголком сознания крутить другую, смертельно опасную. Флория, скорее всего, достаточно сообразительна, чтобы очистить

свою каморку от подслушивающих устройств, а может и снаружи почистить. А Киви за своим скафандром следила. Томас дал ей разрешение отключить всех жучков, как официальных, так и тайных. Сеть — дело другое. Если Ритсер проделал то, о чем догадывается Флория, он, вероятно, следит за всей связью в общине. Трудно будет провести расследование, не всполошив его.

«Поэтому будь очень, очень осторожна». Требуется предлог для предстоящих действий. Ага. Изучение персонала, порученное ей с Эзром. На отлете со скал этим заняться вполне уместно. Она поставила на низкий приоритет звонок Эзру с просьбой выйти в чат, потом скачала себе хороший кусище графика вахт и базы данных по сотрудникам. Записи о Луань тоже здесь, но кэшированы локально, а системы скафандра защищены не хуже, чем у Томаса.

Она вызвала биографию Луань Перес. Да, тут значится смерть в анабиозе. Киви прокрутила текст. Полно технических подробностей, отчет о том, как именно отказала капсула. Киви годами ковырялась в оборудовании для холодного сна, пускай и не на низком уровне. Она более или менее понимала, о чем тут речь, хотя свидетельство о смерти скорей напоминало лютую заумь, кото-

рую выдает неотвязник, когда от него *требуют* замаскировать то или иное нарушение правил.

Шлюпка вылетела из тени астероидов, и солнечный свет смыл мягкую голубизну сияния Арахны. Солнечная сторона астероида представляла собой обнаженную скалу; верхний слой алмаза превратился в графит. Киви затемнила наглазники и вернулась к свидетельству о смерти Луань. Все почти чисто. Она бы и обманулась, кабы не предварительные подозрения и знание тонкостей документооборота авральников. Где, спрашивается, третья и четвертая перекрестные проверки вскрытия? Рейнольт всегда этого требовала: когда дело доходило до смертей среди неотвязников, мымра теряла остатки гибкости.

Отчет сфальсифицирован. И Томас это поймет в тот же миг, как она ему покажет.

В ухе пискнуло.

— О, Эзр, привет.

Черт побери. Звонок нужен был лишь для прикрытия, чтобы скачать обширный кусок базы данных и посмотреть записи Луань. Вот незадача-то. Ей показалось, что Эзр сидит рядом с ней в шлюпке, но потом картинка замерцала: наглазники, не в силах обсчитывать иллюзию с полным правдоподобием, зафиксировали изображение

Эзра в одной точке воображаемого экранофона. За спиной Эзра синим и зеленым сверкали стены Аттика Хаммерфеста. Конечно же, он навещает Триксию.

Качества картинки вполне хватило, чтобы различить нетерпеливое выражение на его лице.

— Я решил тебе сразу отзвониться. Ты же знаешь, я через шестьдесят килосекунд ухожу с вахты.

— Да, прости, что побеспокоила. Я тут смотрела статистику по персоналу. Ну, помнишь, по тому дурацкому заданию планировочного комитета? В общем, у меня вопросик. — Разум ее лихорадочно пытался придумать правдоподобное обоснование звонка. Забавно, как осложняется жизнь, стоит чуток схитрить. В конце концов, выдавив несколько фраз, она брякнула что-то на редкость идиотское про режим перетасовки команд неотвязников.

Эзр посмотрел на нее с некоторым удивлением и пожал плечами:

— Так это же конец Изгнания, Киви. Кто знает, какие специалисты нам понадобятся, когда пауки будут готовы к контакту. Я полагал, что тогда поднимут из гибернации всех — и пускай работают до победы.

— Ну да, так по плану, но детали… — Киви что-то несла, понемногу придавая разговору правдоподобие. Главное теперь — не облажаться, заканчивая беседу. — И мне придется еще над этим подумать. Давай встретимся физически, когда ты выйдешь из анабиоза.

Эзр скорчил гримасу:

— Долгонько будет. Я заваливаюсь на пятьдесят мегасекунд.

Без малого два года.

— Что?! — Более чем вчетверо дольше обычного для Эзра пребывания вне вахты.

— Ну, новые лица и тыры-пыры. — Некоторым ветвям в дереве вахт Эзра не отводилось достаточно времени. Томас и комитетчики (в том числе Киви с Эзром!) решили, что всем нужно проходить практику и стандартные тренинги.

— Ты рановато начинаешь.

А пятьдесят мегасекунд — дольше, чем она рассчитывала.

— Ну да. Надо же когда-то начинать. — Он отвернулся от камеры. К Триксии? Когда снова посмотрел на Киви, тон его стал не таким нетерпеливым, но более требовательным. — Слушай, Киви. Я на лед ухожу на большой полтинник, а даже когда вернусь, буду некоторое время на низ-

кой загрузке. — Он поднял руку, словно отметая заготовленные ею возражения. — Я не ною! Я сам в этих решениях поучаствовал. Но Триксия все это время на вахте. Ее никогда еще так надолго одну не оставляли. Ее некому защитить.

Киви захотелось протянуть к нему руки и утешить.

— Никто ей не причинит вреда, Эзр.

— Знаю. Она *слишком ценна*, чтобы ей вредить. Вроде твоего папы. — В его глазах что-то сверкнуло, но не обычная ярость. Бедняга Эзр умолял. — Они поддерживают ее тело в чистоте, более или менее заботятся. Но я не хочу, чтоб ее загоняли сильнее нынешнего. Присмотри за ней, Киви. У тебя есть власть, хотя бы над такой мелкой рыбешкой, как Трад Силипан.

Эзр впервые обращался к ней за помощью.

— Хорошо, Эзр, я за ней присмотрю, — мягко ответила Киви. — Обещаю.

Завершив разговор, Киви посидела несколько секунд в неподвижности. Странно, что телефонный звонок, к тому же липовый и случайный, произвел на нее такое впечатление. Но Эзр всегда на нее так действовал. Когда ей было тринадцать, Эзр Винь казался Киви самым чудесным человеком во вселенной — а других способов привлечь

его внимание, кроме как задираться, она не знала. Подростковые впечатления должны бы уже испариться, нет? Иногда она размышляла, не могла ли устроенная Дьемом резня как-то заморозить ее душу, зафиксировать ее чувства в том виде, какой имели они в последние относительно спокойные дни перед кровавой кашей… Какова бы ни была причина, а ей приятно, что она теперь может помочь Эзру.

Возможно, паранойя заразна. Луань Перес мертва. Теперь Эзр уходит так надолго, как она совсем не планировала. Интересно, кто перекроил вахты? Киви просмотрела локальную копию графика. Номинально изменения одобрил комитет вахтменеджеров… а подписал Ритсер Брюгель. Это частенько случалось; все изменения должен был визировать кто-нибудь из вахтмастеров.

Шлюпка Киви продолжала медленно подниматься над скалами. С такого расстояния скопление астероидов казалось неровной грудой глыб, и на солнце торчал только Алмаз-2, пожирая своим блеском сияние всех звезд, кроме самых ярких. Это бы могло показаться естественной панорамой, но с одной стороны висела правильной формы времянка Чжэн Хэ. В режиме дополненной реальности Киви видела десятки

кладовых первой точки Лагранжа. Ниже, в тени скал, располагались Хаммерфест и дистиллятор, а еще — арсенал первой точки Лагранжа-А. В космосе вокруг времянки и кладовых болтались, исковерканные и покореженные, звездолеты, доставившие сюда их всех. Киви их использовала как своего рода вспомогательные инструменты для курсокоррекции. Динамическая система получилась отлично связанной, хотя в сравнении с заякоренной конфигурацией первых лет Изгнания выглядела бардаком.

Киви опытным взором оглядывала конфигурацию, а разум ее погрузился в коварные проблемы политически-интриганского толка. Частный домен Ритсера Брюгеля, бывший корабль Чжэн Хэ «Невидимая рука», находился поодаль, но меньше чем в двух тысячах метров от шлюпки; Киви пролетит меньше чем в пятнадцати сотнях метров от воронки таранника. Хм. А если Ритсер и впрямь похитил Луань Перес? Значит, совсем обнаглел и перестал Томаса бояться. И ведь это, надо полагать, еще цветочки. Если Ритсеру это с рук спустить, могут погибнуть другие люди. Эзр.

Киви глубоко вздохнула.

«Давай поэтапно. Итак, что, если Флория права, а Луань еще жива и Ритсер ее к себе затащил?»

Есть пределы того, как быстро Томас способен приструнить другого вахтмастера. Если она сейчас пожалуется, а он притормозит, Луань может и вправду погибнуть. А все улики просто… исчезнут.

Киви развернулась на сиденье и посмотрела на «Руку» невооруженным глазом. До нее оставалось меньше семнадцати сотен метров. Такая конфигурация, возможно, повторится не скоро. Корабль висел так близко, что Киви видела аварийные заплаты на корпусе и стальные волдыри, вздувшиеся там, где рентгеновские лучи пропалили защитный фланец ионного прямоточного двигателя. Киви не хуже остальных обитателей первой точки Лагранжа разбиралась в архитектуре «Невидимой руки»; она там прожила годы перелета сюда, на примере этого корабля изучала все учебные темы по звездолетной технике. Она знала слепые зоны этой махины… И, что еще важнее, располагала вахтмастерским токеном. Томас ее облагодетельствовал и другими знаками доверия. До сих пор она ни разу не использовала их так… провокативно… но…

Киви не успела еще продумать план, а руки ее уже зажили собственной жизнью. Она активировала личную шифролинию связи с Томасом

и быстро надиктовала сообщение, изложив все, что узнала и о чем подозревала, а также что собралась предпринять. Сообщение поставила на автоматическую отсылку по принципу «мертвой руки». Теперь Томас узнает правду в любом случае, а Ритсера, угоди Киви к нему в лапы, найдется чем припугнуть.

Шестнадцать сотен метров до «Невидимой руки». Киви опустила шлем и откачала воздух шлюпки в резервуар. Интуиция и наглазники сходились на том, что хватит одного прыжка по траектории, которая проведет ее по жерлу «Руки», в слепой зоне. Она открыла шлюз, выждала, пока инстинкт акробатки не скомандует «Давай!», — и прыгнула в пустоту.

Киви на пальцах прошла вниз по грузовому трюму «Руки». Используя где права доступа Томаса, где собственное знание корабельной архитектуры, она проникла на жилой уровень, не спровоцировав сигналов тревоги. Каждые несколько метров Киви прикладывала к стене ухо и вслушивалась. Она была так близко от зоны вахты, что уже должна бы слышать других. Все вполне обычно, ни резких движений, ни сердитых разговоров… Гм. А вот *сейчас* похоже на чей-то плач.

Киви двинулась быстрее, ощутив нечто вроде ослепительной ярости той давней стычки с Ритсером Брюгелем; вот только сейчас у нее здравого смысла, а значит, и опасений накопилось побольше. На совместных вахтах после перепалки в парке она часто ощущала на себе взгляд Ритсера. И ожидала новых стычек. Не меньше, чем в память о матери, фанатичные тренировки Киви в спортзале, посвященные боевым искусствам, требовались ей как страховка от Ритсера с его стальным жезлом. «И сильно мне это пригодится, если он на меня с дротикометом полезет?» Но Ритсер такой идиот, что он ее не убьет просто так: захочет поглумиться. Если сегодня дойдет до этого, она успеет ему пригрозить записанным для Томаса посланием. Она отбросила страх и пошла на всхлипы.

Киви зависла над люком, ведущим внутрь. Внезапно плечи и руки у нее напряглись. Странные бессвязные мысли заполонили ум.

«На этот раз я запомню. На этот раз я запомню».

Чушь какая-то.

Начиная отсюда, единственным прикрытием ее останется токен вахтмастера. Вполне возможно, что этого не хватит. Но требуется лишь

несколько секунд. Киви напоследок проверила регистратор и подключение. Потом скользнула в коридор командного отсека.

Господи. На миг она застыла в изумлении. Коридор был такого же размера, как ей запомнилось. В десяти метрах впереди поворот направо, ведущий к капитанской каюте. Но Ритсер на всех стенах поставил обои с крутящимися розоватыми узорами. Воняло мускусом. Киви будто в другую вселенную провалилась. Она собрала всю храбрость в кулак и двинулась дальше. Впереди зазвучала музыка… ну, по крайней мере, бухающая перкуссия была похожа на музыку. Кто-то пел… нет, издавал резкие рычащие крики в такт музыке.

Словно обретя собственную жизнь, плечи Киви согнулись от желания метнуться назад к люку и вернуться той же дорогой. «Нужны ли мне новые доказательства?» Да. Достаточно просто заглянуть в местную базу данных через локальный лаз. Это куда убедительней истерических повествований о странных вкусах Ритсера при подборе музыки и видео.

Оставляя позади дверь за дверью, она двигалась по коридору. Тут когда-то жили старшие офицеры, а на перелете с Трехземья — вахтенные. Она

сама провела во второй каюте с конца три года — и ей не хотелось туда заглядывать, чтобы узнать, как все изменилось. Каюта для штабных совещаний была как раз за поворотом. Киви провела карточкой по замку, дверь отъехала в сторону. Внутри… нет, это же не штабная каюта! Такое впечатление, что тут спальня, совмещенная со спортзалом… И опять эти видеообои на стенах. Киви перелезла через странный стеллаж (на всех полках лежали перчатки с крагами) и опустилась по ту сторону так, чтобы ее не было видно от двери. Коснулась наглазников и запросила прямое подключение к корабельной локалке. Пауза: проверялись ее местонахождение и полномочия. Имена, даты и картинки затопили поле зрения. Да! Старина Ритсер оборудовал на «Невидимой руке» собственную маленькую анабиозную ферму. Луань Перес тут… и тут она числится среди живых, на вахте!

Довольно, пора выбираться из этого дурдома. Но Киви, движимая странным чувством, решила задержаться. Так много имен, знакомых имен и знакомых лиц, как же давно это было… Маленькие глифы, отмечающие смерть, рядом с каждой картинкой. Она девчонкой их видела живыми, этих людей, но тогда они выглядели иначе… тут

их лица покрыты синяками или кажутся странно сонными, искалечены или обожжены. Живые и мертвые, избитые и яростно сопротивляющиеся. А это ведь еще до Джимми Дьема… Она знала, что допросы длились много килосекунд между битвой и началом совместных вахт, но… Киви почувствовала, как живот сводит от невыразимого ужаса. Пролистала список дальше. Кира Пен Лизолет. Мама. Лицо в синяках, глаза смотрят невидящим взглядом. «Что Ритсер с тобой сделал? И почему Томас об этом не узнал?» Она так и не поняла, каким образом прошла по ассоциированным с картинкой ссылкам и запустила видео полного погружения через наглазники. Каюта прежняя, а звуки и образы воскрешают далекое прошлое. С другой стороны стеллажа доносятся удары и стоны. Киви скользнула в сторону, видео тут же, почти безошибочно, подстроилось под ее новое местоположение. А обогнув стеллаж, она столкнулась с… Томасом Нау. Только он был моложе. Он во что-то тыкал от уровня бедер, во что-то, скрытое за стеллажом. На лице его застыло то же экстатическое наслаждение, какое Киви так часто наблюдала, когда они наконец оставались одни и он мог ее взять. Но этот Томас многолетней давности держал узкий, покрытый

пятнами крови нож. Он наклонился, уходя от ее обзора, наклонился над кем-то, чьи стоны перешли в резкий жуткий вопль. Киви перетащила себя на ту сторону стеллажа и посмотрела сверху вниз в истинное прошлое. На женщину, которую Нау резал на куски.

— Мама!!!

Прошлому ее крик был безразличен; Нау продолжал в том же духе. Киви перегнулась пополам и заблевала и себя, и весь стеллаж. Она больше не видела сцены, но звуки прошлого накатывали снова и снова, точно все творилось здесь и сейчас, за углом. Желудок опорожнился, она сорвала наглазники с лица и с омерзением отбросила. Она задыхалась и кашляла; всепоглощающий ужас парализовал ее рефлексы.

Тут дверь отворилась, освещение переменилось. Голоса. Голоса из настоящего.

— О, Марли, а вот и она.

— Пф. Ну и вонь. — Голоса двух мужчин, обыскивающих каюту. Они приближались. Она бессознательно отшатнулась, проплыла под хранилищем кошмаров и оттолкнулась от пола. Показалось лицо.

— Я ее…

Киви рванулась вверх, и лезвие, которым стала

ее ладонь, совсем чуть-чуть разминулось с чужой шеей. Она врезала по перегородке за спиной мужчины. Рука полыхнула болью.

Она услышала, как свистят дротики-парализаторы. Развернулась, попыталась снова наброситься на нападавшего, но ее ноги уже онемели. Двое из осторожности выждали секунду. Потом стрелявший, Марли, улыбнулся и подхватил ее медленно крутящееся тело. Она не могла пошевельнуться. Ей с трудом удавалось дышать. Но некоторые ощущения оставались. Она чувствовала, как Марли подтаскивает ее к себе и проводит рукой по грудям.

— Порядок, не беспокойся, Тун. — Марли рассмеялся. — Хотя, по правде говоря, тебе есть о чем беспокоиться. Ты глянь, какую она дыру в стенке проделала. Четыре сантиметра в сторону, и ты бы освоил искусство дышать затылком.

— Чтоб ей нагноилось, — выдохнул Тун.

— Вы ее взяли? Отлично. — Голос Томаса от двери. Марли проворно убрал руки с ее грудей. Проволок мимо стеллажа на открытое пространство.

Киви не могла даже головы повернуть. Она видела только то, что происходило непосредственно у нее перед глазами. Томаса видела: спокойного,

как всегда. Спокойного, как всегда. Он мимоходом глянул на нее и кивнул Марли. Киви попыталась завизжать, но не издала ни звука. «Томас меня убьет, как и всех остальных… А если нет? Если нет, ничто в Господней вселенной его не спасет».

Томас развернулся. За его спиной оказался Ритсер Брюгель, полуодетый и растрепанный.

— Ритсер, это непростительно. Весь смысл предоставления ей кодов доступа в том, чтоб ее поимка упростилась и стала предсказуемой. Ты же знал, что она к тебе полезла, а все равно баклуши бил.

— Но, Чума ее побери, — захныкал Брюгель, — она в жизни так быстро не соображала, как после последней промывки мозгов! И меньше трехсот секунд прошло с твоего первого предупреждения. Раньше такого *никогда* не бывало.

Томас смерил вице-вахтмастера нелюбезным взглядом:

— Второе обстоятельство — это просто непруха, но ты такое должен учитывать. Первое… — Он обернулся к Киви, и гнев его сменился задумчивостью. — Ее в этот раз что-то неожиданное спровоцировало. Пусть Каль посмотрит, с кем она говорила.

Он жестом подозвал Марли с Туном.

— В ящик ее и в Хаммерфест спустите. Скажите Анне, все как обычно.

— А какой период зачистки воспоминаний, сэр?

— Это я с Анне сам уточню. Нам кое-что нужно посмотреть.

Перед Киви появился коридор, и руки охранников утащили ее туда. Сколько раз это уже происходило раньше? Как она ни пыталась, а не могла даже мышцей пошевелить. Изнутри у нее рвался крик.

«На этот раз я запомню! На этот раз я запомню!»

22

Фам летел за Традом Силипаном вверх по шахте центральной башни Хаммерфеста, к Аттику. В известном смысле близился тот самый момент, который Фам готовил мегасекундами клоунады. Выпал предлог пробраться в систему фокуса и увидеть не только ее результаты. Конечно, он мог бы и раньше сюда попасть: Силипан не единожды предлагал ему показать. За вахты с момента их знакомства Фам сделал кучу глупых заявлений о фокусе, выдал Силипану с Синем кипу расписок на пари; визит из возможного стал неизбежным.

Но времени хватало, а Фам никак не мог обеспечить себе желательную легенду. «Не обманывай себя. Выдав Томасу Нау тайну локализаторов, ты сам себя подставил так, как никогда раньше».

— Ну теперь-то ты наконец заглянешь за кулисы, старина Фам. Надеюсь, что после этого ты перестанешь нести кой-какие бредни. — Силипан усмехался до ушей; ясно было, что он и сам ждет не дождется этого момента.

Они поднимались по узким, непрестанно ветвящимся туннелям. Крольчатник.

Фам ухитрился поравняться с Силипаном.

— А что тут особенного? Вы, авральники, умеете превращать людей в автоматы. Ну и что? Даже неотвязник больше пары чисел в секунду не перемножит. Машина это делает в триллионы раз быстрее. Итак, неотвязники дают вам удовольствие покомандовать окружающими, но ради чего? Самая медленная, самая примитивная автоматика с тех пор, как человечество изобрело письменность.

— Угу, угу. Ты это годами твердишь. Но ты ошибаешься, как всегда. — Он зацепился носком ботинка за пристенную скобу. — В общем зале говори потише, ладно?

Они приближались к настоящей двери, а не од-

ному из люков нижних уровней, через которые проползать на карачках приходилось. Силипан жестом открыл дверь, они пролетели внутрь. Фаму в нос ударила вонь немытых тел. В зале негде яблоку было упасть.

— Что, воняют, э? Но они вполне здоровы. Я за них отвечаю.

В его голосе слышалась профессиональная гордость.

Штабель на штабеле кресел для невесомости, упакованных непредставимой в любой гравитации трехмерной решеткой. Почти все кресла заняты. Там сидели мужчины и женщины всех возрастов, одетые в серое. У большинства на головах что-то вроде лучших наглазников Чжэн Хэ. Он ожидал иного.

— Я-то думал, вы их изолируете друг от друга — в клетушках вроде тех, какую описывал Эзр Винь, залетая излить горе в забегаловке.

— Некоторых. Зависит от сферы применения. — Он махнул надсмотрщикам: парочке мужчин в форме больничных санитаров. — Так дешевле. Эти двое вполне справляются с тем, чтобы их на горшок водить и обычные драки улаживать.

— Драки?

— Профессиональные разногласия. — Силипан

фыркнул. — На самом деле они крайне раздражительны. Но опасны только при нарушении мозгового баланса гнили.

Они воспарили по диагональному проходу меж штабелей неотвязников. У некоторых наглазники были прозрачны, и он видел, как бегают глаза. Но на Фама с Традом никто не обратил внимания; внимание их было направлено на свое.

Отовсюду неслось негромкое бормотание, сочетавшее слова всех неотвязников в зале. Говорили многие, короткими залпами слов — незейских, но по-прежнему бессмысленных. Общий эффект получался почти гипнотический.

Неотвязники без устали тарабанили по клавиатурам. Силипан с особой гордостью показал на их руки:

— Видишь? Ни у кого из пятерки нет повреждений суставов; мы не вправе себе позволить потери человеческих ресурсов. У нас их так мало, а полностью контролировать гниль Рейнольт не может. Но больше года прошло с тех пор, как у нас случилась последняя неприятность медицинского толка, да и та почти неизбежная. Каким-то образом у неотвязника прободение прямой кишки нарисовалось уже *после* медицинской проверки. Он был изолирован. Его производительность все

падала и падала, но мы не вкуривали, в чем тут проблема, пока не унюхали вонь. — Значит, раб сгнил изнутри, и ему некогда было пожаловаться на боль, а присмотреть за ним никто не удосужился. Трада Силипана интересовала только средняя производительность.

Они добрались до верха и оглянулись на бормочущую, плотно упакованную людскую массу.

— В одном ты прав, дражайший оружейник Тринли. Если этих людей заставить заниматься арифметикой или сортировкой строк, это было бы глупой шуткой. Малюсенький процессор в кольце на пальце такие вещи делает в миллиард раз быстрее человека. Но ты слышишь, как неотвязники болтают?

— Ага, и это чушь полная.

— Это внутренний жаргон; они его очень проворно вырабатывают, если их по командам разбить. Но суть в том, что низкоуровневыми машинными функциями они не занимаются. Они *используют* наши вычислительные ресурсы. Видишь ли, для нас, авральников, неотвязники — следующий над программным уровень системы. Они умеют использовать человеческий интеллект, но так настойчиво и терпеливо, как способны только машины. И вот почему так

важны несфокусированные спецы, особенно техники вроде меня. Фокус бесполезен, если нет нормальных людей, которые бы его направляли, подыскивали надлежащий баланс аппаратного, программного и фокусированного обеспечения. При правильном подходе эта комбинация окажется мощнее всего доступного вам, Чжэн Хэ.

Фам уже давно это понял, но, отрицая, выманивал из авральников вроде Трада Силипана деталь за деталью.

— Так что же делает эта группа?

— Давай посмотрим. — Он жестом показал Фаму опустить наглазники. — Видишь? Мы их распределили по трем группам. Третья — слой маршрутизации, неотвязники, которых легко перенаправлять. Они хороши для рутинных задач вроде прямых запросов. Средняя — программисты. Как боевой программист, ты должен этим заинтересоваться. — Он вывел некоторые диаграммы зависимостей. Прибабахнутый бред, колоссальные блоки без явной эволюционной когерентности. — Тут переписан код селекции целей для ваших собственных систем оружия.

— Мусор. Я в жизни с таким не смогу работать.

— Ты — нет. Но программист-менеджер, например Рита Ляо, сможет, пока у нее в подчинении

программисты-неотвязники. Она заставляет их переделывать и оптимизировать код. Они делают то, на что обычные люди способны только в состоянии бесконечной сосредоточенности. В хорошей среде разработки такие неотвязники выдали код примерно вдвое короче ваших исходников — и впятеро быстрее на том же «железе». И вдобавок сотни багов выловили.

Фам ответил не сразу. Он полистал лабиринтоподобные диаграммы зависимостей проекта. Он много лет копался в оружейных программах. Конечно, баги там были, как и в любой крупной системе. Но оружейный код — продукт тысяч человеко-лет работы и постоянных усилий по оптимизации и отлову погрешностей… Он отключил обзор и посмотрел через прозрачные наглазники на ряды рабов. Какая ужасная цена… и какие превосходные результаты.

Силипан хмыкнул:

— Тринли, тебе меня не одурачить. Ты впечатлен.

— Ну если это в натуре работает, то да. А чем занята третья группа?

Но Силипан уже летел обратно, к двери.

— А, эти. — Он пренебрежительно махнул в сторону штабеля неотвязников справа. — Рейнольт

новый проект запустила. Мы продираемся через ваш флотский системный код, ищем ловушки, всякое такое.

Погоня за дикими гусями[11] — занятие для сисадминов-параноиков, но после только что виденного… внезапно Фам почувствовал тревогу. «Сколько у меня времени, прежде чем они заметят какие-нибудь из моих собственных древних придумок?»

Они покинули групповой зал и стали спускаться обратно по центральной башне.

— Видишь ли, Фам, вы — вы все, Чжэн Хэ, — слишком зашорены. Вы такими выросли. Вы просто *знаете*, что определенные вещи невозможны. Я видел у вас в книжках такие клише: «Мусор на входе дает мусор на выходе»[12], «С

---

[11] Сноски: 11

Охота за дикими гусями (Wild-goose chase) — идиома для обозначения бесполезной или чрезвычайно сложной деятельности, введенная в английскую литературу Шекспиром: «Нет, если мы с тобой погонимся за дикими гусями, я уверен, что обгоню тебя, потому что в одном из твоих чувств больше дичи, чем в моих пяти. Не был ли я для вас гусем?» («Ромео и Джульетта», акт II, сцена 4. Пер. А. Радловой).

[12] Сноски: 12

Афоризм ранних лет компьютерной эпохи, укоренившийся в сетевой культуре и описывающий принципы размещения данных в стеке. Введен Георгом Фухселем, программистом первого коммерчески доступного мейнфрейма IBM. В те времена имел буквальное значение: операционных систем как таковых не существовало, и непредсказуемое поведение программ, напрямую обращавшихся к «железу», при некоторой неудаче программиста могло привести к порче головок

устройства чтения-записи, что отправляло диск прямиком на свалку.

автоматикой проблема в том, что она делает именно то, о чем ты просишь», «Автоматика к творчеству неспособна». Человечество тысячелетиями мирилось с такими заявлениями. Но мы, авральники, их опровергли! С неотвязной поддержкой я получаю недвусмысленные результаты из двусмысленных входных данных. У меня налажен эффективный перевод с естественных языков. Автоматика выдает суждения человеческого качества!

Они спускались со скоростью несколько метров в секунду; встречный трафик в это время был разреженным. Свет на дне башни становился ярче.

— Ну да, так что там с креативностью автоматики, гм? — Об этом Трад обожал распространяться.

— И даже это, Фам. Ну, не все виды творчества. Как я сказал, существует неотменимая нужда в менеджерах вроде меня или Риты, а также, естественно, в вахтмастерах, которые отдают приказы. Но я тебе вот что скажу насчет настоящих людей творчества, насчет творцов, которые у вас в учебниках истории воспеты. Частенько это были бедолаги с неудавшейся личной жизнью. Он (или она) ка-а-ак зациклится на изучении какой-то темы… Человек в своем уме не согласится

потерять друзей и близких ради того, чтобы так сконцентрироваться. Разумеется, в результате такой бедолага может отыскать или создать нечто совершенно непредвиденное. Видишь? В известном смысле фокус всегда был присущ человеческой расе. Мы, авральники, просто сделали такое самопожертвование общественным институтом, направили его на благо коллектива, придали концентрированную, организованную форму.

Силипан протянул руку и слегка притормозил о стены по обе стороны туннеля. На секунду, пока Фам тоже не сбросил скорость, авральник оказался сзади.

— Сколько у тебя времени до встречи с Анне Рейнольт? — спросил Силипан.

— Немного больше килосекунды.

— Ладно, я тогда буду краток. Не годится, чтобы начальница ждала.

Он рассмеялся. Казалось, Силипан был об Анне Рейнольт особенно низкого мнения. Если она бездарна, для Фама многое упростится…

Они миновали воздушный тамбур и оказались в месте, напоминающем клинику. Несколько капсул холодного сна; по виду — временные, медицинские. За аппаратурой просматривался

другой шлюз, с особой печатью вахтмастера. Трад нервно покосился туда и больше не смотрел.

— Ну что. Вот тут все и происходит, Фам. Настоящая магия фокуса. — Он поволок Фама через комнату, подальше от загадочной двери. Техник возился с обмякшим неотвязником, засовывая голову «пациента» в один из крупных тороидов, господствовавших в помещении. Наверное, диагностические томографы, хотя кажутся еще примитивнее большинства аврального оборудования.

— Ты с основными принципами уже знаком, так, Фам?

— Конечно. — Их аккуратно разъяснили на первой вахте после убийства Джимми. — У вас специальный вирус есть, мозговая гниль; им-то вы нас всех и заразили.

— Правильно, правильно. Но это была военная операция. В большинстве случаев гниль не проходит через гематоэнцефалический барьер. А если проходит… Ты про глиальные клетки слышал? В мозгу их больше, чем нейронов, если хочешь знать. Короче, гниль использует глию как своеобразный инкубатор, инфицирует почти все эти клетки. Примерно через четыре дня…

— …получается неотвязник?

— Нет. Исходный материал для неотвязника. Многие из вас, Чжэн Хэ, в этом состоянии застряли — несфокусированные, вполне здоровые, но с укоренившейся в мозгу инфекцией. У таких людей каждый нейрон соседствует с инфицированными клетками. И у каждой зараженной гнилью клетки обширное меню нейроактивных веществ, которые она способна выделять. Теперь посмотри, что с этим парнем… — Он развернулся к технику, который продолжал возиться с коматозным неотвязником. — Бил, а этот почему у нас?

Бил Фуонг пожал плечами:

— В драку полез. Алю пришлось его станнером огреть. Мозговая гниль разбежаться не могла, но Рейнольт хочет, чтоб ему базальный-пять переучили на последовательность от…

Двое перешли на профессиональный жаргон. Фам с тщательно имитируемым равнодушием глядел на неотвязника. Эгиль Манри. Эгиль до полета славился среди оружейников своими каламбурами. Теперь… теперь, вероятно, он стал куда лучшим аналитиком.

Трад мотнул головой перед Фуонгом:

— Ну, не знаю. Не вижу, какая ему будет польза от возни с базальным-пять. Но, в конце концов,

начальница тут она, гм? — Он ухмыльнулся. — Слышь, дай я сам его настрою, а? Хочу Фаму показать.

— Только распишись за него. — Фуонг отплыл с дороги, вид у него был слегка усталый. Силипан устроился рядом с выкрашенным серой краской тороидом. Фам заметил, что устройство снабжено раздельными кабелями питания, каждый сантиметровой ширины.

— Это какой-нибудь томограф, Трад? На вид — старье старьем.

— Ха! Не совсем. Помоги мне башку этого чувака в люльку умостить. Нельзя, чтоб он стукнулся… — Звякнул сигнал тревоги. — Бога ради, отдай Билу свое кольцо! Если оказаться не там, где надо, магниты этой малышки тебе палец оторвут.

Даже при низкой силе тяжести умостить коматозника Эгиля Манри было очень непросто. Голова едва помещалась, а гравитации на астероидах хватало отклонять Эгиля к нижней стороне отверстия.

Трад отодвинулся от дела рук своих, улыбнулся:

— Все выставлено. Теперь, дружище Фам, увидишь, зачем это все нужно.

Он произнес несколько команд, и в воздухе

между ними возникла какая-то медицинская картинка — надо полагать, вид изнутри головы Эгиля. Фаму бросились в глаза основные анатомические компоненты, но в остальном он был не силен.

— Насчет томографии ты прав, Фам. Это стандартный МРТ, старый, как само время. Но его достаточно. Видишь, вот тут генерируется гармоника для базального-пять. — Указатель сместился вдоль сложной кривой у поверхности мозга.

— И вот самое классное, то, что выводит мозговую гниль из области невропатологических диковинок. — На трехмерном изображении вспыхнула галактика слабо светящихся точек. Они засверкали всеми цветами, но в основном розовым. Тут просматривались кластеры и пряди этих точек, и вспышки многих казались синхронизированными. — Ты видишь инфицированные клетки глии, во всяком случае важнейшие группы.

— А цвета?

— Кодируют текущее выделение нейротоксинов по типам… Так, что я хотел сделать… — Еще команды, и Фаму впервые удалось заглянуть в пользовательское руководство для тороида. — Изменить выход и частоту запуска для этого

пути. — Маленькая стрелка пробежала по одной из светящихся нитей. Он усмехнулся Фаму. — Вот чем наша аппаратура превосходит томограф. Видишь ли, вирус мозговой гнили вырабатывает определенные пара— и диамагнитные белки, а уже они по-разному реагируют на приложенные магнитные поля, что позволяет контролировать секрецию специфических нейроактивных веществ. Так что пока вы, Чжэн Хэ, и остальное человечество пользуетесь МРТ лишь как диагностическим инструментом, мы, авральники, научились использовать его активно, внося изменения. — Он застучал по клавиатуре. Фам услышал, как скрипнули и отошли друг от друга сверхпроводящие кабели. Эгиль пару раз дернулся; Трад потянулся его зафиксировать. — Черт. Пока он дергается, миллиметровой точности не получим.

— Не вижу изменений на мозговой карте.

— И не увидишь, пока я активный режим не выключу. Нельзя одновременно модифицировать и картировать. — Он помолчал, сверяясь с пошаговым руководством. — Почти готово… Так! Теперь посмотрим на изменения.

Новая картинка. Теперь сияющая нить огоньков стала почти синей и лихорадочно замигала.

— Через несколько секунд стабилизируется. — Он продолжал наблюдать за моделью, не прекращая говорить. — Видишь, Фам? В этом я действительно мастер. Не знаю, с кем бы ты мог меня сравнить в своей культуре. Я немного программист, но кода не пишу. Я немного невропатолог, но я получаю результаты. Думаю, уместнее всего меня назвать работником техподдержки «железа». Поддерживаю аппаратуру в рабочем состоянии для тех чинов повыше, которые ею пользуются.

Трад вдруг нахмурился.

— Э? Зараза… — Он глянул через комнату на другого авральника. — Бил, у этого парня отношение лептина к дофамину по-прежнему низкое.

— Ты поле выключил?

— Конечно. Базальный-пять уже должен бы стабилизироваться по новой.

Бил не оторвался от своей работы, но, видимо, развернул перед собой модель мозга пациента.

Светящаяся синяя полоска все еще продолжала беспорядочно подергиваться. Трад продолжил:

— Тут просто что-то не закрепилось, и я не догоняю что. Ты можешь посмотреть?

Он ткнул выставленным большим пальцем в Фама, как бы намекая, что у него есть дела

поважнее.

Бил с сомнением отозвался:

— А ты расписался за него?

— Да-да. Ты только присмотри за ним, ладно?

— Ну ладно.

— Спасибки. — Силипан поманил Фама прочь от МРТ; изображение мозга исчезло. — Ох уж мне эта Рейнольт. У нее самые сложные случаи, и все не по прописи. А если переделаешь как надо, все равно влезешь в неприятности.

Фам последовал за ним наружу и вниз по боковому туннелю, вырезанному в кристаллической толще Алмаза-1. Стены тут были отделаны мозаиками в том же стиле прецизионно точной художественной работы, который так озадачил Фама давным-давно, на «торжественном банкете». Не все неотвязники стали высококвалифицированными специалистами; они пролетели мимо дюжины рабов-художников, сгрудившихся у развилки туннеля с лупами и иглообразными инструментами. Фам тут уже бывал, несколькими вахтами раньше. Тогда фриз лишь обретал общие очертания: горный ландшафт с каким-то военным отрядом, движущимся к неясной цели. Но уже можно было догадаться по названию: «Низвержение Френкийского Орка». Теперь фриз

был в целом закончен: плечистые доблестные воины лучились всеми цветами радуги. Добычей их оказался какой-то монстр. Ничего нового, типичное ктулхообразное чудовище раздирает людей на куски длинными когтями, чтобы с наслаждением захавать. Авральники сильно хвастались своим завоеванием Френка. Фам почему-то сомневался, что мутации, с которыми авральникам довелось столкнуться, породили тварь настолько впечатляющую. Он сбавил темп, и Силипан решил, что Фам залюбовался.

— Резчики всего на пятьдесят сантиметров за мегасекунду продвигаются. Но искусство возвращает теплоту прошлого.

Теплоту?

— Рейнольт считает, что это красиво?

Он просто так спросил.

— Хе! Рейнольт начхать. Это вахтмастер Брюгель заказал по моему совету.

— Но я думал, что вахтмастера в своих доменах суверенны. — Фам на предшествующих вахтах с Рейнольт пересекался редко, зато видел, как та не стесняясь унижала Ритсера Брюгеля на совещаниях у Нау.

Трад несколько метров пролетел молча. Лицо его исказила дурацкая усмешка, как бывало ча-

стенько на посиделках у Бенни. Но на этот раз он не сдержал хохота.

— Вахтмастера? Анне Рейнольт? Фам, ты уже сделал мне день своей болтовней, но сейчас… ой, блин, это вишенка на тортике! — Он пролетел еще несколько метров, давясь смехом. Потом увидел на лице Фама Тринли недоумение и гнев. — Прости, Фам. Вы, коробейники, смышленые ребята, но в основных понятиях нашей культуры ни хрена не сечете… Я добился для тебя пропуска в клинику фокуса; думаю, не повредит, если я еще кое-что разболтаю. Нет, Анне Рейнольт не вахтмастер, хотя, полагаю, была когда-то очень могущественна. Рейнольт — всего лишь неотвязница.

Фам позволил недоумению вытеснить гнев, потому что это и была его истинная реакция.

— Но… она же тут всем распоряжается. Она тебе приказывает.

Силипан дернул плечом. Ухмылка его сменилась кислой гримасой.

— Ну да. Она мне приказывает. Это редкое явление, но случается. Я бы лучше на вахтмастера Брюгеля или Каля Омо поработал, не будь они так… грубы. — Голос его нервно подскочил.

Фам подыграл ему.

— Думается, понимаю, — соврал он. — Когда специалиста фокусируют, он фиксируется на своей специальности. Итак, художник становится гравером, физик превращается в кого-то вроде Хуньдэ Вэня, а менеджер… ну, не знаю, в адского менеджера.

Трад покачал головой:

— Это не так работает. Понимаешь, технические специальности фокусировать несложно. Даже с вами, Чжэн Хэ, выход семьдесят процентов. Но человеческие навыки — консультирование, политика, управление персоналом — обычно не выносят фокусировки. Ты уже достаточно навидался неотвязников; если у них что общее и есть, так это состояние аффекта. Они способны представить то, что творится у нормального человека в голове, не больше, чем на это способен булыжник. Нам повезло, что хороших переводчиков так много получилось; раньше никто не испытывал метод в таких масштабах. Нет, Анне Рейнольт — это очень, очень редкое явление. Ходят слухи, что она была когда-то верховным вахтмастером Шевальской клики. Их почти всех убили или мозгочистке подвергли, но Рейнольт реально взбесила Наулийскую клику. Они ее прикола ради сфокусировали; может, думали из

нее постельную игрушку соорудить. И вот оно как вышло. Мне кажется, она и сама по себе была близка к мономании. Один шанс на миллиард, но управленческие способности Рейнольт сохранились, и даже кое-что из навыков работы с людьми уцелело.

Фам видел над головой выход из туннеля. На простецком люке без отделки играл свет. Трад остановился и развернулся лицом к Фаму:

— Она урод, но она еще и самое дорогое сокровище вахтмастера Нау. В принципе, она одна удваивает его возможности. — Силипан скорчил рожу. — Не то чтобы это сильно помогало, когда она тебе приказы отдает, вот уж поверь. Лично я считаю, что вахтмастер ее переоценивает. Она чудесный фрик, ну и что? Как если бы собака стихи писала…

— Непохоже, чтобы ты стремился скрыть свое мнение от нее.

Трад снова заулыбался:

— Конечно же нет. Один из немногочисленных плюсов моего положения. Ее почти невозможно одурачить по вопросам, напрямую связанным с работой, но вне этого она типичная неотвязница. Я однажды — чтоб ей нагноилось — такую шутку отколол… — Он осекся. — Ладно, проехали. Скажи

ей то, что тебе вахтмастер Нау велел, и все будет чики-пики.

Он подмигнул и развернулся было в коридор, подальше от кабинета Рейнольт.

— Но не своди с нее глаз. Ты поймешь, что я имею в виду.

Знай Фам про Анне Рейнольт, может, и отложил бы аферу с локализаторами. А теперь делать нечего: сидит в ее кабинете, и пространства для маневра немного. В каком-то смысле ему стало полегче, когда он затеял это дело. С тех пор как Джимми погиб, каждый шаг Фама был так выверен, так, черт его подери, осторожен.

Сперва женщина, казалось, даже не заметила его присутствия. Фам, не ожидая приглашения, сел на стул напротив ее стола и оглядел помещение. Ничего общего с кабинетом Нау. Стены голые, необработанный алмаз. Картин нет, даже тех извращенных творений, какие у авральников считаются искусством. На столе Рейнольт громоздились разнообразные носители информации и сетевые железки.

А что до самой Рейнольт?.. Фам уставился ей в лицо пристальней, чем осмелился бы в иной ситуации. Он с ней пересекался, может, в общей сложности на двадцать килосекунд, и то на со-

вещаниях, когда Рейнольт, как правило, сидела в дальнем конце стола. Она всегда одевалась неброско, если не считать серебряной цепочки в вырезе блузки. Рыжие волосы и бледная кожа придавали ей почти семейное сходство с Ритсером Брюгелем. Этот фенотип был редкостью в здешнем углу Человеческого Космоса, а если и возникал, то, как правило, после локальных мутаций. Анне можно было дать лет тридцать — или несколько веков, если медицинская поддержка действительно хорошая. В определенном — весьма экзотическом — смысле она была прекрасна. Физически прекрасна. «Значит, ты из вахтмастеров».

Взгляд Рейнольт метнулся вверх и на миг пригвоздил его к стулу.

— Значит, вы пришли сюда рассказать мне подробнее про локализаторы.

Фам кивнул. Странно. После первого взгляда она избегала встречаться с ним глазами. Смотрела ему на губы, горло, лишь изредка — в глаза. Никакой симпатии, никакой общительности. Фама пронзило леденящее чувство, что она видит сквозь все его маски.

— Хорошо. Какой у них стандартный набор сенсоров?

Он пробурчал нужные ответы, заявив, что в деталях не шарит.

Рейнольт не обиделась. Вопросы она задавала спокойным, слегка презрительным тоном. Потом:

— Этого для работы недостаточно. Нужны руководства.

— Ну да. За этим я и явился. Полные версии руководств — на чипах локализаторов, зашифрованы на уровне, недоступном обычным техникам.

Опять этот долгий, словно бы рассеянный взгляд.

— Мы смотрели. Мы их не видим.

Тут начиналась опасная территория. В лучшем случае Нау и Брюгель решат, что к буффону Тринли стоит приглядеться внимательней. В худшем… если они поймут, что таких секретов даже высшему звену оружейников знать не положено, он влип. Фам ткнул пальцем в лежащие на столе Рейнольт наглазники.

— Если можно, — сказал он.

Рейнольт не отреагировала на его развязность, только наглазники надела и включила консенсуальный обзор. Фам продолжал:

— Я помню код доступа. Только он длинный.

И полная версия включает распознавание па-

раметров его тела, но он об этом умолчал. Он ввел несколько ошибочных кодов, изобразил раздражение и нервозность, когда не получилось. Нормальный человек, даже Томас Нау, на месте Рейнольт вышел бы из себя или рассмеялся.

Рейнольт ничего не говорила. Только сидела и смотрела. Но потом внезапно:

— У меня нет времени. Не притворяйтесь некомпетентным.

Она знала. С самого Трехземья никто так глубоко не заглядывал под его прикрытие. Он надеялся, что времени будет больше; как только авральники начали бы использовать локализаторы, он бы сочинил себе новое. Проклятье. Но тут ему припомнились слова Силипана. Анне Рейнольт что-то знает. Вероятно, она просто решила, что Тринли мнется, не желая выдавать информацию.

— Простите, — промямлил Фам. И ввел правильную последовательность.

Простой отклик из флотской библиотеки — из подраздела чиповой документации. В воздухе вокруг поплыли серебристые символы. Тайный инвентарный реестр, спецификации компонентов системы.

— Достаточно, — сказала Рейнольт. Что-то

сделала на своем пульте, и комната вроде как исчезла. Они поплыли среди учетных данных и остановились рядом со спецификациями локализаторов.

— Как вы и говорили, звук, освещенность… мультиспектр. Но устройство сложнее, чем вы расписывали на совещании.

— Я говорил, что оно хорошее. А это лишь детали.

Рейнольт забросала систему голосовыми командами, проверяя одну возможность за другой. Вид у нее сделался почти восторженный. Локализаторы были заметно лучше соответствующих продуктов технологии Аврала.

— Даже сам по себе локализатор, с отличным набором сенсоров, способен к независимой работе.

Она видела только то, что Фам хотел ей показать, и не более.

— Надо его импульсами подпитывать.

— И это хорошо. Позволит ограничивать его применение, пока мы не разберемся.

Она отключила визуализацию. Снова кабинет. Свет искрится на голых алмазных стенах. Фам чувствовал, что начинает потеть.

Она теперь даже не смотрела на него.

— В реестре, помимо встроенных во флотское «железо», несколько миллионов локализаторов.

— Ну да. В неактивном состоянии они от силы несколько литров занимают.

Спокойная ремарка:

— Вы дураки были, что не использовали их в системах безопасности.

Фам вызверился на нее:

— Мы, боевые программисты, знаем, на что способны такие устройства. В военной…

Но такие детали в фокус Анне Рейнольт не попадали, и она жестом заткнула его.

— Похоже, для наших целей их более чем достаточно.

Прекрасная янычарка снова посмотрела Фаму в лицо. На миг они встретились глазами.

— Ну что ж, боевой программист, вы только что открыли новую эру контроля.

Фам посмотрел в бледно-голубые глаза и кивнул; он надеялся, что Рейнольт сама не понимает, сколько правды в этих словах. И Фам понял, что ей стоит отвести центральное место в своих планах. Анне Рейнольт управляет почти всеми неотвязниками. Анне Рейнольт напрямую подчиняется Томасу Нау. Анне Рейнольт знала об авральниках все, что нужно успешному рево-

люционеру. И Анне Рейнольт — неотвязница. Она может его расколоть — или оказаться ключом от замка, за которым спрятана смерть Нау и Брюгеля.

На хабитате, построенном на скорую руку, никогда все идеально не работает. Времянка торговцев имела в диаметре не более сотни метров; экипаж, перемещаясь в ней, создавал напряжение, которое не получалось полностью компенсировать. Время от времени температурные перепады тоже вызывали громкое угрожающее потрескивание. Но сейчас большинство обитателей базы спали; Фам Нювен тоже остался у себя в крохотной каюте, держась тише мышки. Он парил в полумраке, притворяясь, что дремлет. Тайная жизнь его обещала стать крайне насыщенной. Авральники не знали, что на них расставлена ловушка, да так глубоко, что немногим капитанам Флота Чжэн Хэ вообще было известно о существовании таких уровней системы. Давным-давно Фам Нювен соорудил пару-тройку таких капканов — авось пригодятся. Сура и некоторые другие знали о них, но даже после Провала Брисго не стали делиться информацией с остальными. Фам частенько размышлял, почему Сура, когда хотела, умела действовать очень тонко.

И сколько времени понадобится Рейнольт с Брюгелем на обучение своего персонала работе с локализаторами? Гаджетов с лихвой достанет на стабилизацию скал первой точки Лагранжа, а также на прослушку всех жилых зон. За полдником кое-кто из связистов трепался про выбросы в кабельной сети времянки. Микроволновые импульсы пронизывали хабитат десять раз в секунду, и приносимого ими беспроводного электричества вполне хватало, чтобы запитывать локализаторы. Перед началом периода сна Фам заметил, как первые пылинки влетают через вентиляцию. Сейчас Рейнольт и Брюгель, надо полагать, систему калибруют. Брюгель с Нау могут себя поздравить: качество видео и звука должно быть отменным. Если повезет, они в конце концов так расслабятся, что отключат собственные неуклюжие шпионские приборы; а если нет… что ж, через несколько мегасекунд Фам сумеет подделать любые данные с них.

На щеку ему село нечто немногим тяжелее пылинки. Он шевельнулся, сделав вид, что сметает локализатор с лица, и этим жестом переместил его под веко. Несколькими мгновениями позже поместил другую пылинку глубоко в раковину правого уха. Забавно, сколько усилий приложили

авральники, запрещая пользоваться ненадежными устройствами ввода-вывода…

Локализаторы делали все, что пообещал Фам Томасу Нау. Как и большинство себе подобных устройств, многажды разработанных человечеством, эти занимались локализацией друг друга в геометрическом пространстве: простейшая триангуляция, стандартное упражнение по расчету времени прохождения сигнала. Версия Чжэн Хэ была миниатюрней прочих, обладала простым набором встроенных сенсоров и умела подпитываться беспроводным электричеством на больших расстояниях. Вахтмастеру Нау требовались отличные шпионские устройства, ну так вот они… Локализаторы по природе своей образовывали вычислительную сеть — фактически выступали распределенным процессором. Каждая пылинка в отдельности обладала малой вычислительной мощностью — но они общались друг с другом. Несколько сот тысяч таких пылинок, распределенных по времянке торговцев, составляли вычислительное устройство покруче всего, что было в арсенале Нау и Брюгеля. Разумеется, это все локализаторы умели делать, даже авральные поделки. Истинная тайна локализаторов Чжэн Хэ состояла в том, что для ввода-вывода

не требовалось никаких дополнительных интерфейсов. Если знать секрет, можно обратиться к ним напрямую, позволяя локализаторам оценивать состояние тела, интерпретировать условные команды и отвечать встроенными эффекторами. И *не важно*, что авральники удалили из времянки все недозволенные устройства ввода-вывода. Теперь вся времянка стала интерфейсом Чжэн Хэ — для тех, кто располагает доступом к нему.

Доступ требовал особых знаний и концентрации внимания. Волей случая или по принуждению его не получить. Фам расслабился в гамаке, отчасти притворяясь, что погружается в сон, отчасти настраиваясь на предстоящую работу. Особый ритм вдохов и выдохов, особый темп сердцебиения… «А я вообще помню эти штуки? Столько лет прошло…» Его на миг одолела паника. Одна мошка в зенице, одна в ухе; должно хватить для координации с другими локализаторами, которые наверняка разлетелись по каюте. Должно хватить.

Но нужное настроение ускользало. Он вернулся мыслями к Анне Рейнольт и устроенной Силипаном демонстрации. Фокусированные раскусят его планы; это лишь вопрос времени. Фокус — настоящее чудо. Фам Нювен мог бы превратить

Чжэн Хэ в подлинную империю, даже вопреки предательству Суры, если бы располагал фокусированными инструментами. О да, цена высока. Фаму припомнились ряды зомби наверху, в Аттике Хаммерфеста. Можно дюжину способов придумать для послабления системы, но в конечном счете — да, пользование фокусированными инструментами потребует определенных жертв.

А стоит ли этой цены его цель, подлинная империя Чжэн Хэ? Согласен ли он ее заплатить?

Да и еще раз да!

Ну, с таким сердцебиением доступа не получить. Он сдался и начал весь цикл расслабления заново. Позволил воображению ускользнуть в воспоминания. Как это было тогда, в самом начале? Сура Винь привела «Репризу» и Фама Нювена, все еще слишком наивного, к лунам-мегалополисам Намчема…

Он оставался на Намчеме пятнадцать лет. Те годы выдались счастливейшими в жизни Фама Нювена. Родственники Суры тоже были в системе, и планы, предложенные Сурой и юным варваром, им пришлись по вкусу: метод межзвездной синхронизации, торговля технологическими приемами там, где это не повредит их собственным операциям купли-продажи, перспектива

цельной межзвездной торговой культуры. (Фам научился не говорить о целях, лежащих дальше этих.) Кузены Суры только что вернулись из очень выгодных экспедиций, но пределы изолированной торговли были им понятны. Сами по себе они могли бы сколотить состояния, даже сберечь их на какое-то время… но в конце концов пропасть времени и межзвездная тьма их сожрут. Они нутром чувствовали, что Фам бьет в нужную точку.

В каком-то смысле время, проведенное с Сурой у Намчема, напоминало ему первые дни на «Репризе». Но этому времени конца не было: воображение только подстегивало командную работу. Некоторых чудес его тупая голова, набитая грандиозными планами, даже представить себе не могла. Дети. Он и не думал, что семья может так отличаться от его собственной. Ратко, Бутра и Чжо: первые их малыши. Он с ними жил, учил их, играл с ними в прятки и догонялки, показывал чудеса мира-парка Намчем. Фам их любил куда сильнее себя самого, почти так же сильно, как Суру. Он едва не забросил Великий план, задерживаясь с ними. Но будут и другие времена для этого, так что Сура его простила. Когда он вернулся через тридцать лет, Сура его

ждала с новостями о других частях приводимого в исполнение плана. Но к тому времени его первые дети уже сами улетели в миссии, призванные положить начало новой Чжэн Хэ.

У Фама появился собственный флот из трех кораблей. Были неудачи и катастрофы. Измены. Цзамле Эн бросил его подыхать в кометном облаке системы Челля. Двадцать лет он ошивался там без флота, став из нищего триллионером, и все затем, чтобы в итоге сбежать.

Сура с ним летала в некоторые экспедиции, они основали новые Семьи на полудюжине миров. Прошел век. Три века. Протоколы, разработанные на старушке «Репризе», оправдывали себя. Они встречали своих детей и детей этих детей. Со многими он сдружился больше, чем с Ратко, Бутрой и Чжо, но никого уже он не сумел так полюбить. Фам видел, как упрочняется новая структура. Пока что обычная торговая, иногда на семейной закваске. А станет куда более величественной.

Самое трудное для него было осознать, что кто-то должен все время оставаться в центре работ, по крайней мере на первые столетия. Чем дальше, тем чаще Сура оставалась, координируя усилия Фама и его соратников.

Но детей они продолжали заводить. У Суры по-

являлись новые сыновья и дочки, пока Фам летал за много световых лет от нее. Он подшучивал над этим чудом, хотя, по правде говоря, его уязвляла мысль, что у нее появились любовники. Сура вежливо улыбалась и качала головой:

— О нет, Фам, любое дитя, которому я даю свое имя, и твое тоже. — И улыбалась лукаво. — За эти годы ты мне столько материала предоставил, что на армию хватило бы. Я не могу весь груз даров с ходу использовать, но делаю что могу.

— Только без клонов. — Слова Фама прозвучали резче, нежели ему бы хотелось.

— Господи, нет, конечно. — Она отвела глаза. — Я… я и с одним тобой едва управляюсь.

Может, она так же предубеждена, как и он. А может, и нет.

— Нет, я использую тебя для естественных зигот. Другой донор — не обязательно я сама, во всяком случае, не только я. Намчемские медики с этим отлично ладят. — Она развернулась и увидела выражение его лица. — Клянусь, Фам, у каждого из твоих детей есть семья. Каждого любят… Они нам нужны, Фам. Нам нужны семьи и Великие Семьи. Они нужны плану. — Она игриво толкнула его, стараясь шуткой рассеять недовольство. — Эй, Фам! Разве не об этом мечта-

ет всякий варвар-завоеватель? Я тебя уверяю, ты по количеству отпрысков их всех сделал.

Да. Тысячи отпрысков от десятков партнерш, воспитанных без затрат личного времени отца. Его отец на Северном побережье без особого успеха пытался добиться чего-то в этом роде, истребляя конкурентов и оплодотворяя их наложниц. Фаму же удалось обойтись без убийств и насилия. И все же… как давно Сура этим занялась? Сколько детей, сколько доноров? Он представлял, как Сура планирует генетические линии, распределяя по новым Семьям нужные таланты, равномерно рассеивая их по новой Чжэн Хэ. Краем сознания он увидел эту ситуацию в странном двойственном ракурсе. Как и сказала Сура, эротическая мечта варвара… и при этом такое чувство, будто тебя изнасиловали.

— Надо было тебе с самого начала рассказать, Фам. Но я боялась, что ты возражать станешь. А это очень важно. — В конце концов Фам не стал возражать. Это *действительно* принесет пользу плану. Но ему больно было думать о своих детях, про которых он никогда не узнает.

На скорости 0,3*c* Фам путешествовал далеко. И повсюду встречал торговцев, хотя дальше тридцати световых лет они редко называли себя

«Чжэн Хэ». Не важно. Они могли понять план. Те, с кем он делился своими идеями, разносили их еще дальше. Куда бы ни забрасывала их судьба — и еще дальше, ибо некоторым достаточно было радиовоззваний Фама во мрак, — туда распространялся дух Чжэн Хэ.

Фам снова и снова возвращался к Намчему, напрягая Великий план почти до предела. Сура становилась старше. Ей было уже два или три века от роду. Скоро медицинские процедуры перестанут справляться с поддержанием ее тела в молодом состоянии. Даже кое-кто из их детей теперь был старше его: они слишком долго прожили в портах между путешествиями. А иногда в глазах Суры Фам видел проблески переживаний, которым не находил объяснения.

Каждый раз, возвращаясь к Намчему, он изводил ее этой просьбой. Наконец после ночи любви, такой долгой и прекрасной, что трудно вообще было припомнить подобную, он сбился на скулеж.

— Сура, не так я все планировал, совсем не так! План — для нас обоих. Лети со мной. По крайней мере, путешествуй побольше.

«И тогда мы будем встречаться снова и снова, сколько бы времени ни прошло».

Сура привстала над ним и ласково провела рукой по его шее. Улыбка у нее получилась перекошенная и грустная.

— Знаю. Мы думали, что оба сможем летать. Странно: лежащая на поверхности ошибка первоначального плана, и мы оба ее проглядели. Но будь честен. Ты же знаешь, что кому-то надо сидеть в центре паутины, работать по плану так, как если бы это была одна долгая вахта.

Покорение вселенной требует внимания к триллиону мелких деталей, а из гибернатора их не решить.

— Да, в первые века. Но не… но не ценой же всей твоей жизни!

Сура покачала головой, поглаживая его по шее:

— Боюсь, что мы оба ошиблись. — Она увидела страдание на его лице и привлекла к себе. — Бедный мой принц-варвар. — Он слышал дружелюбное подтрунивание в этих словах. — Ты мой бесценный клад. Знаешь почему? Ты пламенный гений. Ты одержим. Но я тебя не только поэтому полюбила. У тебя столько противоречий в голове. Маленький Фам вырос в самом мрачном пригороде ада. Ты видел измену, тебя предали. Ты понял суть зла не хуже любого негодяя с руками

по локти в крови. Но ты, маленький Фам, тем не менее купился на сказки про рыцарство, честь и странствия. У тебя в голове все это уживается, ты жизнь поклялся положить на то, чтобы прогнуть вселенную под твой противоречивый ум. Ты очень близок будешь к цели, достаточно близок по моим меркам или соображениям любого разумного человека, но, вероятно, тебе этого окажется недостаточно. Итак? Я должна остаться, если ты хочешь, чтобы план воплотился в жизнь. И по тем же соображениям ты обязан меня покинуть. К несчастью, ты это отлично понимаешь, не так ли, Фам?

Фам выглянул в настоящие окна пентхауса Суры. Они находились на вершине офисного шпиля, высоко над крупнейшим мегалополисом лун Намчема. Цены на офисную недвижку на Тарельске выросли до абсурдных значений, учитывая, что, вообще-то, почти все можно делать по сети. В последний раз, когда эта башня фигурировала на открытых торгах, за годичную стоимость аренды пентхауса можно было купить звездолет. Но за последние семьдесят лет Семьи Чжэн Хэ, в основном его с Сурой потомки, выкупили не только шпиль, а и большую часть окружающих его небоскребов офисного квартала. Капля в море

их состояния, дань моде.

Смеркалось. Серп Намчема висел низко над горизонтом; огни делового района города-спутника Тарельска соперничали с сиянием планеты-матери. Верфи «Винь и Мамсо» взойдут через килосекунду-другую. «Винь и Мамсо», быть может, крупнейшие верфи Людского Космоса. И это лишь толика богатств Семей. Богатств, которые в свой черед уступают совокупному состоянию Чжэн Хэ, уже подошедшей к границам Людского Космоса, но продолжавшей рост. Они с Сурой создали величайшую торговую культуру в истории. Такой ее видела Сура. И больше она ничего не видела. Ничего не хотела видеть. Суру не интересовало, что до окончательного успеха она не доживет. Потому что она в этот успех не верила.

И поэтому Фам не позволил пролиться накопившимся слезам. Он ласково обнял Суру и поцеловал ее в шею.

— Да, — сказал он наконец. — Я это понимаю.

Фам отложил отлет с Намчема на два года. Пять. Он застрял там так надолго, что поломал весь Великий график. Он пропустит важные встречи. Еще чуть-чуть задержится — и пострадает сам план. А когда он наконец оставил Суру, в нем что-то умерло. Партнерские отношения и

даже любовные в каком-то абстрактном смысле уцелели. Но между ними разверзлась бездна времени, которую, как знал Фам, замостить уже не получится.

Прожив сотню лет, Фам Нювен повидал больше тридцати звездных систем и сотню культур. Некоторые торговцы видали и не такое, но их было мало. И уж наверняка Сура, закопавшись в планирование там, на Намчеме, никогда не видела того, что видел Фам. У Суры были только книги и исторические отчеты издалека.

Оседлые цивилизации, даже космические, не вечны. Некоторым чудом можно считать тот факт, что человеческая раса умудрилась вырваться с Земли. Многими, очень многими способами разумная раса может себя истребить. Взаимоблокировки и лавинные отказы программ, эпидемии, атмосферные катастрофы, столкновения с космическими объектами… И это лишь самые простые угрозы. Человечеству повезло прожить достаточно долго, чтобы постичь некоторые из них. Но даже при величайшей осторожности технологическая цивилизация в самой себе несет семена собственной гибели. Рано или поздно она окостенеет, политики приведут ее к кончине. Фам Нювен родился на Канберре в глубине сред-

невековья. Он уже понял, что канберранская катастрофа по определенным меркам оказалась милосердна: в конце концов, человеческая раса на Канберре выжила, пускай и потеряла высокие технологии. Некоторые планеты Фам за первую сотню лет посетил несколько раз. Порой между визитами проходили столетия. Он видел, как ноймарсианская утопия выродилась в терзаемую демографическим взрывом диктатуру, а океанские города стали свалками с миллиардным населением. Семьдесят лет спустя он вернулся на планету с миллионом человек: в мир деревушек и дикарей с татуированными лицами, секирами и песнями о разбитых сердцах. Тот вояж бы считался провальным, если б не вильнёсские песнопения. А Ноймарсу еще повезло, если сравнивать с мертвыми мирами. Старую Землю после начала космической колонизации четырежды обживали с нуля.

Должен существовать путь получше, и с каждым новым миром Фам укреплялся в мысли, что этот путь ему известен. Империя. Правительство такое огромное, что проблемы масштаба Солнечной системы ему будут нипочем. Торговая культура Чжэн Хэ — это начало. Однажды она станет торговой империей Чжэн Хэ… а потом —

настоящей, руководящей империей. Ибо Чжэн Хэ в уникальном положении. Каждая клиентская цивилизация на пике развития обладает выдающейся наукой и порою вносит некоторые усовершенствования в достижения былых эпох. Еще чаще эти усовершенствования гибнут вместе с цивилизацией-родоначальницей. Чжэн Хэ, однако, пребывала вовеки, кропотливо собирая лучшие крошки со стола. Для Суры это было главным и величайшим торговым преимуществом Чжэн Хэ. Для Фама Нювена это значило больше. «Зачем торговать всем, что нам известно? Кое-чем — надо, мы на жизнь себе этим зарабатываем. Но сливки человеческого прогресса стоит оставить себе — ради общего блага».

Так и появились на свет локализаторы «Чжэн Хэ». Фам высадился на Трюгве Итре. Так далеко от Намчема он еще не бывал. Здешние люди оказались даже не той генетической породы, что в остальных известных ему частях Людского Космоса.

Солнце Трюгве оказалось из тех маленьких тусклых звездочек класса М, какие в доступной колонизации Галактике кишат, точно черви. На каждую звезду, подобную Солнцу Старой Земли, приходились десятки таких, и у большинства

имелись планеты. Селиться там было опасно: зона обитаемости у звезды такая узкая, что без технологии цивилизация не выживет. В ранние тысячелетия покорения космоса на это не обращали внимания и колонизировали такие миры напропалую. Ох уж эти заядлые оптимисты древности, воображавшие, что технология от них никуда не денется. А после первого же Падения миллионы оказывались в мире льда — или огня, если планета попадала на внутреннюю сторону зоны обитаемости.

Трюгве Итре была несколько безопасней, тут реализовали обычный вариант. Звезду сопровождала гигантская планета Трюгве, которая обращалась чуть за пределами первичной зоны обитаемости. У гиганта имелись две луны, одна — размером с Землю. Обе на момент Фамова визита были заселены. Но жемчужиной в короне считалась бóльшая, Итре. Приливный разогрев и прямой нагрев от Трюгве дополняли скудный свет местного солнца. На Итре имелись суша, воздух и жидкие океаны. Люди Трюгве Итре пережили по крайней мере один коллапс цивилизации.

И поднялись до высочайшего в истории Человечества уровня технологии. Маленький флот

Фама приняли радушно, подыскали ему приличные верфи в астероидном поясе, за миллиард километров от солнца. Фам оставил команду на кораблях и пересел на местный транспорт — к Трюгве и Итре. Не Намчем, конечно, но эти люди встречались с другими торговцами. Они видели таранники и список торговых предложений Фама… и выяснили, что большая часть списка в подметки не годится местному волшебству Итре.

Нювен задержался на Итре на несколько единиц местного календаря — они тут звались неделями. В каждой неделе содержалось шестьсот килосекунд или около того: за это время Итре совершала оборот вокруг Трюгве. Сама Трюгве обращалась вокруг своей звезды за время, несколько большее шести мегасекунд. Так что было в итрейском календаре точно десять недель.

Хотя мир балансировал на границе льда и пламени, большая часть поверхности Итре оставалась пригодна для жизни.

— У нас тут климат лучше сбалансирован, чем на Старой Земле, — хвастались местные. — Итре глубоко в гравитационном колодце Трюгве, никаких сильных возмущений орбиты. Приливный разогрев геологические эпохи напролет довольно мягкий.

И даже угрозы особыми сюрпризами не стали. Диск звезды класса М3 занимал в небе от силы градус. Беспечный гость мог бы взглянуть прямо на красноватое светило, увидеть, как ярятся на его поверхности газовые вихри, перемежаемые обширными темными солнечными пятнами. Несколько секунд такого наблюдения вызвали бы серьезные ожоги сетчатки, поскольку, разумеется, такая звезда куда ярче в ближнем инфракрасном свете, чем в обычном. Рекомендуемые глазные протекторы казались прозрачными пластиковыми линзами, но Фам старался их не снимать.

Его хозяева — группа местных компаний — принимали его с полным обеспечением. Он тратил официальное время визита на попытки изучить местный язык и сообразить, что из привезенных его флотом товаров может-таки пригодиться клиентам. Хозяева старались не меньше. Вроде промышленного шпионажа наоборот. Электроника у местных была несколько лучше, чем где бы то ни было в виденных Фамом местах, хотя Чжэн Хэ могла бы предложить некоторые усовершенствования. Медицинская автоматика значительно отставала; тут можно бы просунуть ногу в дверь и зацепиться.

Фам и его команда распределили по категориям все ожидания от этого рейса. Вероятно, рейс не только окупится, но и принесет прибыль. Но до Фама доходили слухи. Его хозяева представляли несколько… «картелей», лучшего перевода Фам не подыскал. Они утаивали открытия друг от друга. Ходил слух о новом типе локализатора, миниатюрнее всех остальных, без потребности во внутреннем источнике питания. Любое усовершенствование технологии локализаторов могло принести прибыль; эти позиционирующие устройства и склеивали воедино системы встроенного оборудования. Но «суперлокализаторы», по слухам, наделены были независимыми сенсорами и эффекторами. Если это не просто слух, открытие возымеет для самой Итре политические и военные последствия — дестабилизирующие.

К тому времени Фам Нювен уже знал, как собирать информацию в технологическом обществе, даже не владея языком в совершенстве и пребывая под постоянным наблюдением. Через четыре недели он выяснил, какой именно картель, быть может, причастен к этому предположительному изобретению. Узнал имя магната: Гуннар Ларсон. Картель Ларсона не включил это изобретение в список предлагаемых для торговли товаров.

Они не выложили козырь на стол, и Фам не хотел упоминать о нем в присутствии конкурентов. Он организовал встречу с Ларсоном лицом к лицу. Это одобрили бы даже тети и дядья Фама на средневековой Канберре, хотя технические изыски, сопровождавшие встречу, остались бы им совершенно непонятны.

Спустя шесть недель после прибытия на Итре Фам Нювен шел в одиночестве по самому дорогому променаду города Дирбю. Рассеянные тучки напоминали о недавнем дожде. В светлых сумерках они поблескивали серовато-розовым. Солнце погрузилось в самое сердце Трюгве. У лимба гигантской планеты напоминанием о затменной звезде сияла красновато-золотистая арка. Диск гиганта занимал десять градусов небосклона. В полярных широтах сверкали синие молнии.

Воздух дышал влажной прохладой, ветер нес какой-то естественный аромат. Фам шел неторопливо, туго натягивая поводок каждый раз, как его снарлихунды порывались исследовать что-нибудь поодаль от променада. Легенда требовала все делать медленно, наслаждаться видом, вежливыми жестами приветствовать аналогично одетых прохожих. В конце концов, чем еще тут заняться ушедшему на покой богачу, как

не прогулкой с хундами под красочное затмение? По крайней мере, такие наставления ему давал связник.

— Охрана Хускестрады не очень плотная. Но если у вас нет предлога там появиться, полиция может вас остановить. Возьмите призовых снарлихундов. Вполне уместный предлог выйти на променад.

Фам обвел взглядом дворцы, проступавшие там и сям за деревьями. Дирбю показался ему мирным местечком. Тут есть охрана… но если соберется достаточно недовольных, они все перевернут вверх дном за одну ночь огня и бунта. Картели ведут жесткие коммерческие игры, но цивилизация их переживает самые счастливые и спокойные свои времена… А возможно, что «картели» — не лучший перевод. Гуннар Ларсон и некоторые другие магнаты производили впечатление обладателей глубинной, древней мудрости. Ларсон, конечно, тут главный, но слово, обозначавшее его ранг, несет какие-то дополнительные оттенки. Фаму был известен титул «король-философ». Но Ларсон — предприниматель. Возможно, его следует называть магнатом-философом?

Фам поравнялся с имением Ларсона. Свернул на частную аллейку, которая по ширине, честно

сказать, мало уступала променаду. Картинка с наглазников поблекла, и через несколько шагов остался только естественный обзор. Фама это не порадовало, но и не удивило. Он шагал так, словно был тут хозяином, и даже позволил хундам наложить кучу под двухметровой цветочной шпалерой. «Ну-ка, пускай магнат-философ оценит мое глубокое уважение к его тайнам».

— Следуйте за мной, сэр, — прозвучал за спиной тихий голос. Фам подавил нерешительность, развернулся и спокойно кивнул говорившему. В красноватых сумерках оружия у того видно не было. Высоко в небесах, за два миллиона километров отсюда, яркие хлысты синих молний стегали диск Трюгве. Он пригляделся к провожатому и троице его напарников, выступивших из сумерек. Те были в корпоративных костюмах, но военная выправка угадывалась безошибочно, как и тактические наглазники.

Он позволил им забрать хундов, не слишком расстроившись. У четверки здоровенных созданий вид был весьма плотоядный. Может, их и заточили генетически на дружелюбие, но за одну прогулку в сумерках Фаму явно не удалось выработать привязанности к хундам.

Фам и оставшиеся охранники прошли немного

более ста метров. Он заметил изящно распростершиеся ветви, мох, посаженный точно между корней деревьев. Чем выше общественное положение, тем сильнее эти ребята стремятся к природе — и тем тщательнее относятся к воссозданию каждой детали. Несомненно, эту «лесную тропку» столетиями обрабатывали, придавая вид нетронутой природы.

Дорожка выходила в садик, раскинутый на склоне холма над ручьем и прудом. При свете красноватой арки над лимбом Трюгве можно было различить столики и невысокого человека, который поднялся приветствовать Фама.

— Магнат Ларсон? — Фам исполнил легкий полупоклон, который счел приветствием равных. Ларсон ответил тем же, и Фам почему-то уверился, что собеседник подтрунивает.

— Капитан Флота Нювен, садитесь, пожалуйста.

В некоторых культурах торговые переговоры начаться не могут, пока все участники друг друга не заболтают до смертной скуки. Здесь Фам такого не ожидал. Ему через двадцать килосекунд возвращаться в гостиницу, и будет лучше для обоих, если другие картели не догадаются, куда наведался Фам. Но Гуннар Ларсон особо

не спешил. Время от времени вспышки молний выхватывали из тьмы его лицо: типичный итреец, но очень старый, со светлыми редкими волосами, бледно-розовая кожа испещрена пигментными пятнышками. Они больше двух килосекунд просидели в полыхающем молниями сумраке. Старик болтал об истории полета Фама и о прошлом Трюгве Итре. «Черт, может, он на меня обиделся, что я его цветы растоптал?» А может, на Итре так заведено. К счастью, магнат превосходно владел аминезским, а Фам тоже не испытывал трудностей с этим языком.

Имение Ларсона погрузилось в странноватое безмолвие. В городе Дирбю обитало чуть меньше миллиона человек, и хотя монструозных небоскребов тут не было, урбанизация подползла на тысячу метров к резиденциям сильных мира сего на Хускестраде. Однако здесь самыми громкими звуками были оживленная болтовня Ларсона да плеск сбегавшего в пруд водопадика. Глаза Фама уже приспособились к сумраку. Он видел отражение трюгвеанской арки в пруду. Какое-то крупное создание в панцире всплыло к поверхности, водная гладь зарябила. «А мне начинает нравиться световой цикл Итре». Три недели назад Фам и не думал, что такой момент

настанет. Ночи и дни тут оказались невыносимо долгими, но полдневные затмения несколько помогали с этим смириться. Через некоторое время он почти перестал замечать повсеместные оттенки красного. Была в этом мире какая-то уютная надежность; эти люди уже тысячу лет жили комфортно и богато. Как знать, может, тут найдется чему поучиться…

Внезапно, не сбиваясь с потока тривиальностей, Ларсон спросил:

— Значит, вы хотите выведать тайну локализаторов Ларсона?

Фам знал, что его удивление не укрылось от глаз собеседника.

— Сперва я хотел бы выяснить, в действительности ли такие устройства существуют. Слухи впечатляют… и не дают ясной информации.

Сверкнула усмешка.

— О, существуют, не сомневайтесь. — Он описал рукой широкий жест. — У меня тут везде глаза благодаря локализаторам. Они превращают ночь в день.

— Угу, вижу. — Наглазников у старика не было. Улавливает ли он сардоническую улыбку Фама?

Ларсон тихо рассмеялся:

— Ну да. — Он коснулся виска у глазницы. —

Вот тут — один из них. Другие синхронизируются с ним и прецизионно возбуждают зрительный нерв. Это требует обширной двусторонней подготовки. Но если локализаторов Ларсона достаточно, они эту нагрузку выдерживают. Они способны синтезировать вид в любом нужном мне ракурсе. — Он едва заметно пошевелил пальцами. — Ваше лицо мне видно, как в ясный день, Фам Нювен. Локализаторы, осевшие у вас на руках и шее, позволяют мне видеть вас насквозь. Я слышу, как бьется ваше сердце, вздымаются и опадают легкие. Если немного сконцентрироваться… — он скосил голову набок, — можно оценить даже кровоток в разных участках мозга. Вы искренне поражены, не так ли, молодой человек?

Губы Фама дернулись от досады. Собеседник его больше килосекунды калибровал. Будь они в кабинете, вдали от садика и безмолвия сумерек, Фам держался бы куда осторожнее. Он пожал плечами:

— Ваши локализаторы, безусловно, самое интересное завоевание на нынешней стадии развития итрейской культуры. Я крайне заинтересован получить их образцы — а еще больше заинтересован в программном обеспечении и заводских

спецификациях.

— А зачем?

— Моя цель очевидна и не требует особых разъяснений. Важнее другое: то, что я могу предложить вам взамен. Медицина у вас хуже, чем на Намчеме или Челле.

Ларсон вроде бы кивнул:

— Хуже, чем было до Падения. Полностью восстановить старые секреты так и не удалось.

— Вы назвали меня молодым человеком, — сказал Фам, — а сколько лет вам? Девяносто? Сто? — Фам и его команда тщательно изучили итрейскую сеть, оценивая состояние местной медицины.

— Девяносто один год по вашим тридцатимегасекундным годам, — ответил Ларсон.

— Так вот, сэр, я прожил сто двадцать семь лет. Не считая пребывания в анабиозе, разумеется. А выгляжу молодым.

Ларсон надолго замолчал, и Фам уверился, что поймал старика на крючок. Может, эти «философы-магнаты» не так уж невозмутимы.

— Да, я бы хотел снова помолодеть. И миллионы бы отдали за это миллионы. На что способна ваша медицина?

— Век-другой вы будете выглядеть так же, как я.

Два-три века после этого — немного старше.

— Ага. Это даже лучше, чем у нас до Падения. Но дряхлый старик будет выглядеть так же плачевно и немощно, как всегда. Есть непреодолимые границы, за которые человеческий организм не протащить.

Фам из вежливости промолчал, но внутренне ухмыльнулся. Да, медицина оказалась правильной наживкой. Фам получит локализаторы в обмен на первоклассные медицинские услуги. Обе стороны договора невероятно обогатятся. Магнат Ларсон проживет еще несколько столетий. Если повезет, нынешняя фаза итрейской цивилизации продлится дольше. Но через тысячу лет от Ларсона останется прах, а его цивилизация падет, как это всегда происходит с планетарными культурами; и через тысячу лет Фам с Чжэн Хэ по-прежнему будут летать меж звезд. А локализаторы Ларсона у них останутся.

Ларсон издал странный тихий звук. Спустя миг Фам понял, что это кашляющий смешок.

— Ой, простите. Может, вам и сто двадцать семь, но умом вы юноша. Вы тут надели темную и непроницаемую маску и думаете меня обмануть? Ой. Вы недостаточно для этого натренированы. Локализаторы позволяют мне наблюдать ваш

пульс и кровоток в мозгу… Вы надеетесь однажды сплясать на моей могиле, э?

— Я…

Мать твою. Эксперт, располагая лучшими инвазивными зондами, не увидел бы большего. Ларсон же просто догадался — или локализаторы ценней, чем даже кажется Фаму. Восторг и осторожность Фама смешивались с яростью. Собеседник над ним издевается. Ну что ж, карты на стол.

— В каком-то смысле — да. Если вы примете мое предложение, то проживете еще столько же, сколько я. Но я из Чжэн Хэ. Мы десятилетиями спим в гибернаторах меж звезд. Вы, клиентские цивилизации, для нас эфемерны. — «Вот. Теперь пусть у тебя давление скакнет».

— Капитан Флота, вы мне немножко напоминаете обитателя этого пруда по кличке Фред. И вновь хочу подчеркнуть, что не стремлюсь оскорбить вас. Фред — люкстерфиске. — Ларсон, наверное, говорил про то создание, которое Фам заметил у водопадика. — Фреду много чего интересно. Он тут вокруг ошивается с момента вашего прибытия, пытаясь понять, что вы такое. Видите, он там, на краю пруда, сидит? Пара бронированных щупалец исследует траву в трех метрах от

ваших ног.

Фам был шокирован. Он-то думал, что это лозы. Проследил тонкие конечности до самой воды… ну да, вон там четыре глазных стебелька, четыре немигающих глаза. В угасающем свете небесной арки над диском Трюгве они поблескивали желтым.

— Фред уже давно тут живет. Археологи нашли записи о его выведении — небольшой эксперимент с дикой природой незадолго до Падения. Он был игрушкой какого-то богача, а интеллектом не уступал хунду. Но Фред очень стар. Он пережил Падение. Он стал местной легендой. Вы правы, Капитан Флота; если прожить достаточно долго, можно много всего повидать. В Средние века Дирбю сперва впал в запустение, потом стал отправной точкой разрастания великого королевства — его правители раскапывали секреты ранних веков к собственной баснословной выгоде. На некоторое время этот холм сделали местом заседаний их сената. В эпоху Возрождения тут были трущобы, а озеро у подножия холма стало сточной канавой. Даже название «Хускестрада» — современный синоним жизненного успеха в Дирбю — некогда значило нечто вроде «улица развалюх». Но Фред все это пережил. Он

стал легендой сточных канав, существование которой все разумные люди отрицали еще три века назад. Теперь он живет в полном почете и чистейшей воде. — В голосе старика прозвучала нежность. — Да, Фред живет долго и многое видел. Интеллектуально он в отличной форме, насколько это возможно для люкстерфиске. Следит за нами глазками-бусинками. Но Фреду о его мире и истории известно куда меньше, чем мне, хотя я об этом только читал в книгах.

— Аналогия неточна. Фред — тупое животное.

— Верно. А вы умный человек и летаете меж звезд. Вы проживете несколько сот лет, но годы эти растянутся на срок не меньший, чем у Фреда. Что еще вы увидите в действительности? Цивилизации взлетают и рушатся, но величайшие тайны уже стали общим техническим достоянием. Известно, какие общественные механизмы работают нормально, а какие быстро отказывают. Известно, какие меры следует предпринять, чтобы отсрочить катастрофу и избежать самых опасных ее последствий. Известно, что, вопреки всему этому, цивилизация падет. Электроники, которая вам нужна, может, и нет нигде больше в Людском Космосе, но я уверен, что такое оборудование уже когда-то где-то изобреталось и

будет переоткрыто. Сходным образом обстоят дела с медицинской технологией, которую, как вы правильно догадались, я хочу от вас получить. Человечество в целом находится в стационарном состоянии, хотя владения наши медленно расширяются. Да, по сравнению с вами я все равно что лесной жук-однодневник. Но я вижу не меньше, и я проживу не меньше. Я изучаю историю и слушаю радиопередачи из космоса. Я наблюдаю за всем разнообразием триумфов и варварств вашей Чжэн Хэ.

— Мы собираем лучшее. Чтобы оно никогда не погибло.

— Я вот что скажу. Когда я был юношей, на Трюгве Итре залетел другой торговый флот. Они были совсем не похожи на вас. Другой язык, другая культура. Межзвездные торговцы — это общественная ниша, а не цивилизация. — Сура тоже приводила эти возражения. Тут, в древнем саду, они прозвучали куда тяжелей и безнадежней, чем в устах Суры Винь; голос Гуннара Ларсона оказывал почти гипнотический эффект. — Прежние торговцы не стремились к вашим целям, Капитан Флота. Они рассчитывали сколотить состояние, найти себе место и основать планетарную цивилизацию.

— Тогда они перестали бы быть торговцами.

— Верно. Вероятно, стали бы кем-то бóльшим. Вы посетили множество планетных систем. Ваша грузовая декларация сообщает, что вы провели долгие годы на Намчеме: достаточно, чтобы оценить планетарную цивилизацию. У нас сотни миллионов человек разделены считаными световыми секундами. Локальная сеть Трюгве Итре предоставляет почти каждому жителю обзор Людского Космоса, который вам доступен только в порту… О, ваша торговая жизнь меж звезд — прежде всего Руритания Разума.

Фам не понял термина, но уловил его смысл.

— Магнат Ларсон, я сомневаюсь, что долгая жизнь принесет вам пользу. Вы так четко все разложили по полочкам — показали вселенную, лишенную какого бы то ни было прогресса, где все бренно, а ничего хорошего не остается. — Фам отчасти язвил, отчасти удивлялся вполне искренне. Гуннар Ларсон открыл окна, и обзор поблек.

Едва слышный вздох.

— Ты не слишком-то много читаешь, да, сынок? — Странно. Фаму показалось, что собеседник перестал его зондировать. В этом вопросе было нечто вроде печального восхищения.

— Достаточно. — Сура тоже жаловалась, что Фам чересчур заточен в сторону технических руководств. Но он поздно начал и всю жизнь вынужден был догонять. Что с того, если образование у него не идеально гармоничное?

— Ты меня спрашиваешь, в чем суть всего этого. Каждый из нас приходит к этому смыслу своим путем, Капитан Флота. Разные пути имеют свои преимущества и свои опасности. Но ради себя самого, человече, стоит учесть: у каждой цивилизации свой срок. У любой науки есть пределы. И каждый умрет, не прожив и полутысячи лет. Если ты поймешь и примешь эти пределы… значит, ты готов повзрослеть и понять цену жизни. — Он помолчал. — Да… просто послушай мир и покой. Это дар — уметь их воспринимать. Слишком много времени теряется в суматохе. Слушай, как ветерок колышет лестры. Смотри, как Фред пытается нас понять. Прислушайся к смеху детей и внуков. Наслаждайся тем временем, какое тебе отпущено, сколько бы тебе ни было отведено.

Ларсон откинулся в кресле. Казалось, он смотрит в беззвездный мрак центральной области диска Трюгве. Светящаяся арка затмения померкла и однородно расползлась по окружности диска. Молнии давно прекратились; Фам заклю-

чил, что видны они только под определенным углом и при благоприятной ориентации грозовых фронтов Трюгве.

— Вот пример, Капитан Флота. Посиди, прислушайся, вглядись: порою срединная фаза затмения особенно прекрасна. Наблюдай за центром диска Трюгве.

Шли секунды. Фам глядел вверх. Нижние широты Трюгве обычно во мраке… но не сейчас. Там возникло бледно-красное сияние, такое тусклое, что Фам поначалу принял его за игру воображения. Свет постепенно усиливался, наливаясь глубокими красными оттенками, как сталь меча, слишком еще холодная для молота. И его рассекали темные ленты.

— Свет исходит из глубин самой Трюгве. Ты знаешь, что от планеты мы получаем некоторое количество тепловой энергии. Иногда, стоит облачным каньонам ориентироваться в нужном направлении, а бурям верхних слоев атмосферы — уняться, можно заглянуть очень глубоко — и увидеть это сияние невооруженным глазом.

Свет стал чуть ярче. Фам оглядывал сад. Все в оттенках красного, а видно чуть больше, чем при сполохах молний. Высокие скученные деревья над прудом — это, оказывается, часть водопада,

они направляют воду в наружные прудики и заводи. Облачка мошкары перелетали с дерева на дерево; несколько мгновений можно было слышать их цокот. Фред полностью вылез из пруда. Расселся на многочисленных ластообразных лапах и вытянул к небесному свету короткие щупальца.

Они молча наблюдали. Фам видел Трюгве в мультиспектре на пути из пояса астероидов. Ничего нового в этом зрелище для него быть не должно. Всего-навсего с геометрией повезло. Тем не менее… находясь в одном месте, курс которого человеку неподконтролен, он начинал понимать, как клиентов должны впечатлять прихоти Вселенной, когда та решает им что-нибудь продемонстрировать. Смешно сказать, но даже Фама пробила благоговейная дрожь.

Потом сердце Трюгве снова затмилось, и цокот мошкары в ветвях стих; продлилось все представление менее ста секунд.

Нарушил молчание Ларсон.

— Уверен, что сделку мы оформим, молодой ты мой старик. В той степени, какую я не должен был бы раскрывать, мы действительно нуждаемся в твоей медицинской технологии. Но я все же останусь тебе признателен, если соблаго-

волишь ответить на первоначальный вопрос. Как ты поступишь с локализаторами Ларсона? Если напустить их на ничего не подозревающий люд, они станут великолепными шпионскими инструментами. Примененные во зло, они поспособствуют установлению тирании и падению цивилизации. Кому ты хочешь их продать?

И Фам невесть почему ответил честно. Пока восточный лимб диска Трюгве медленно разгорался, Фам объяснял магнату свое видение Империи — Империи Единого Человечества. С обычными клиентами он этой мечтой еще ни разу не делился. Он раскрывал ее лишь доверенным лицам из Чжэн Хэ, тем, кто отличался и высоким интеллектом, и гибкостью подходов. И даже среди них не все принимали цельный План. Большинство реагировали, как Сура, отвергая саму цель Фама, но соглашаясь поддержать его, пока это приносит Чжэн Хэ прибыль.

— Итак, локализаторы мы попробуем оставить себе. Это урежет нашу прибыль, но даст преимущество над любой клиентской цивилизацией. Общий язык, синхронизация полетов, обмен публичными базами данных… Все это должно склеить Чжэн Хэ в единую культуру. Но фокусы вроде ваших локализаторов открыва-

ют нам следующий уровень. В конечном счете мы перестанем быть случайными обитателями «торговой ниши»; мы обретем жизнь вечную как Человечество.

Ларсон долго молчал.

— Чудесная мечта, сынок, — сказал Ларсон наконец. Мрачноватые подколки он оставил. — Лига Человечества, которая сломает колесо времени. Прости, но я не верю, что нам когда-либо удастся дойти до вершины. Однако подножия, нижние склоны этой горы… они тоже чудесны, и достичь их, возможно, получится. Светлые эпохи станут светлей и растянутся…

Ларсон был экстраординарный человек, хоть и клиент. Но по каким-то причинам зашоренный, подобно Суре Винь. Фам откинулся на деревянную спинку. Спустя миг Ларсон продолжал:

— Ты разочарован. Ты ожидал, что я загорюсь твоей идеей. Ты многое представляешь себе верно, Капитан Флота. Ты удивительно проницателен для человека из… Руритании. — В голосе магната проскользнула добродушная ирония. — Знаешь ли, моя родословная насчитывает две тысячи лет. В глазах торговца — мгновение, но лишь потому, что торговцы большую часть этого периода проспали. А помимо мудрости,

накопленной нами непосредственно, я и мои предшественники читали о других местах и эпохах, о сотне миров и тысяче цивилизаций. Кое-что из твоих идей способно осуществиться. Кое-что куда правдоподобней и внушает большую надежду, чем за все время с Века Несбыточных Грез. Думаю, что я могу тебе помочь советами…

Они проговорили до конца затмения, пока разгорался восточный лимб Трюгве и солнечный диск, появляясь из глубин планеты, взбирался в открытое небо. Небо поголубело, а они продолжали говорить. Теперь говорил преимущественно Гуннар Ларсон. Он пытался доносить свою мысль четко, а Фам записывал слова старика. Но, возможно, аминезский как язык-посредник оказался не столь хорош; кое-чего Фам так никогда и не постиг.

Попутно они заключили сделку на весь медицинский груз Фама в обмен на локализаторы Ларсона. Были и другие товары — скажем, образец поющей в затмении мошкары на расплод, — но в целом переговоры прошли на диво легко. Слишком многое получали от сделки обе стороны… и Фама ошеломили другие высказывания Гуннара Ларсона: советы, которые могли казаться бесполезными, но безошибочно одаряли глубо-

кой мудростью.

Рейс Фама к Трюгве Итре стал одним из самых прибыльных в его торговой карьере, но прочней всего врезалась в память Фама Нювена та темно-красная беседа с итрейским мистиком. Позднее он пришел к выводу, что Ларсон его обработал какими-то психоактивными веществами; иначе Фам бы ни за что так легко не повелся. Но… может, и не важно. У Гуннара Ларсона нашлись отличные идеи — по крайней мере, те из них, что были доступны пониманию Фама. Взять, скажем, сад и ощущение мира, которым там веяло, — мощное, впечатляющее. Улетая с Трюгве Итре, Фам постиг мир, исходящий от живого сада, понял, как важно даже *впечатление* мудрости. Эти два наития можно было соединить. Биологические объекты всегда служили важной статьей дохода… но теперь они обретут даже большее значение. В сердце новой Чжэн Хэ он заложит бережное, трепетное отношение к жизни. На каждом корабле или базе, где можно построить парк, это будет сделано. Чжэн Хэ станет собирать сливки биологии так же ревностно, как перед тем — сливки технологии. Эту часть советов старика Фам превосходно понял. Чжэн Хэ заработает себе репутацию знатоков жизни, вечно привязанных

к соблюдению порядка природы.

Так зародились традиции парков и бонсай. Парки требовали огромных расходов, но за тысячелетия после визита Нювена на Трюгве Итре традиция эта стала прочней и важней всех прочих у Чжэн Хэ.

Что же до Трюгве Итре и Гуннара Ларсона… Ларсон уже тысячелетия как мертв. Цивилизация Итре его ненадолго пережила. Там настала эра повсеместного ужесточения законов и борьбы с распределенным терроризмом. Скорее всего, локализаторы самого Ларсона этому поспособствовали. Вся его мудрость, вся невозмутимость оказались бессильны.

Фам шевельнулся в спальном гамаке. Ему всегда тяжело было вспоминать про Итре и Ларсона. Пустая трата времени… но не этой ночью. Сегодня ночью ему нужно было настроиться на определенный режим мышления. Восстановить кинестетическую память о работе с локализаторами. Их тут в каюте уже десятки. Какая же последовательность движений тела и состояний психики даст ему доступ? Фам плотно натянул на руки ткань гамака. Пальцы его заплясали на невидимой клавиатуре. Впрочем, это слишком просто. Пока не настроится полностью, обычные

команды не дадут никакого эффекта. Фам вздохнул, задышал в другом ритме, заставил сердце биться иначе… и вспомнил, какой восторг вызвали у него первые сеансы работы с ларсоновскими локализаторами.

Бледно-синий — чуть синее голубого — свет мелькнул на краю поля зрения. Фам приоткрыл глаза. В каюте было темным-темно. Свет ночника слишком слаб, чтобы различались цвета. Ничто не двигалось, только гамак слегка колыхало ветерком из вентиляции. Синий свет шел откуда-то из другого места. Изнутри зрительного нерва. Фам смежил веки и повторил дыхательные упражнения. Синий свет мигнул снова. Его луч был синтезирован массивом локализаторов по данным тех двух, которые Фам поместил на виске и в ухе. Поначалу контакт очень слаб, он не дает ничего, кроме случайных искорок — такие кто угодно с закрытыми глазами видит, потому и внимания не обратит. Систему запрограммировали обнаруживать себя очень осторожно. На сей раз Фам не стал открывать глаз, менять темп сердцебиения или ритм дыхания. Он пригнул два пальца к ладони. Прошла секунда. Свет мигнул снова: ответный сигнал. Фам кашлянул, выждал мгновение, подвигал правой рукой. Синий свет

мигнул: раз, другой, третий… последовательность импульсов, двоичный код. Он отреагировал кодами, которые сам задал много эпох назад.

Он миновал модуль вызова и отклика. «Я в системе!» Огоньки по ту сторону глаз могли показаться случайными фосфенами. Килосекунды понадобятся, чтобы натренировать сеть локализаторов до прецизионной точности, на какую способен такой дисплей. Зрительный нерв слишком велик, слишком сложно устроен, чтобы сеть сразу передала четкую картинку. Не важно. Сеть уже говорила с ним. Старые кастомы вышли из укрытия. Локализаторы почуяли его физические параметры и теперь будут откликаться на самые разные способы обращения к ним. На текущей вахте у него есть еще почти три мегасекунды. Должно хватить для самых важных задач: внедриться во флотскую сеть и прописать себе новую легенду. Какую же? Что-нибудь постыдное. Что-нибудь настолько гнусное, чтобы эта история оправдала многолетнюю буффонаду Фама Тринли. Нужно, чтобы Нау и Брюгель поверили этой басне и возомнили, что ее можно использовать как надежный рычаг давления на него. Так-так…

Фам ощутил, как непроизвольно лыбится до ушей. «Цзамле Эн, надеюсь, твоя мерзкая душон-

ка работорговца давно в преисподней гниет. Сколько ж ты мне зла причинил. Может, хоть после эксгумации с тебя будет прок».

23

«Детский час науки». Какое невинное название. Эзр вернулся с долгого пребывания вне вахты и попал в личный кошмар. «Киви же обещала; как она могла это допустить?» И каждый прямой эфир своим цирковым идиотизмом превосходил предыдущий.

А сегодня, надо полагать, вишенка на торте. Но, если повезет, последняя.

Эзр влетел в заведение Бенни за тысячу с небольшим секунд до начала передачи. До последнего момента он уговаривал себя остаться в каюте, но мазохизм победил снова. Он смешался с толпой и стал молча слушать гомон окрест.

Забегаловка Бенни постепенно стала основным общественным учреждением лагеря в первой точке Лагранжа. Она работала уже шестнадцать лет. Сам Бенни дежурил на четвертьвахтье; они с отцом рулили этим местечком вместе с Гунле Фун и остальными. Старые видеообои местами вздулись, иллюзия трехмерности там пропадала. Тут официозу хода не давали, все было откуда-ни-

будь беззастенчиво стырено: либо уже готовым в первой точке Лагранжа, либо изготовлено на месте из алмазов, льда и воздушного снега. Али Лин даже раздобыл грибковую матрицу, где удалось вырастить невероятно правдоподобное дерево, со структурой и узором вроде настоящих годовых колец. В какой-то миг за время долгого отсутствия Эзра стойку и стены бара обили панелями темного отполированного дерева. Уютное местечко, вполне достойное Чжэн Хэ…

На столиках бара были вырезаны имена людей, которых порой годами не видишь, если у них дерево графика вахт не перекрывается с твоим. Над стойкой постоянно обновлялся сам график, установленный Нау. В этом, как в большинстве дел, авральники перешли на систему мер Чжэн Хэ, то есть стандартную. Взглянешь туда, и сразу видно, сколько мегасекунд личного или объективного времени пройдет до встречи с тем или иным человеком.

За время Эзрова отсутствия Бенни обновил график более капитально. Теперь он показывал текущую дату по календарю пауков, или, в записи Триксии, 60//21. Двадцать первый год текущего паучьего «поколения», то есть шестидесятого солнечного цикла от основания какой-то дина-

стии-хренастии. Как говорит старая пословица Чжэн Хэ, «если переходишь на местный календарь, значит малость засиделся». 60//21. Двадцать один год после Поджига, после гибели Джимми и остальных. После номера поколения и года были указаны день и местное время в ладильских единицах, «часах» и «минутах». Этим единицам шестидесятеричной системы переводчики не удосужились подыскать объяснений. Но все сидящие в баре понимали их так же легко, словно глядели на хронометр Чжэн Хэ. Они с точностью до секунды знали, когда начнется шоу Триксии.

Шоу Триксии. Эзр почувствовал, как крепко у него сжаты челюсти. Шоу рабов на потеху публике, и самое страшное, что всем наплевать. «Мало-помалу мы становимся авральниками».

Чжау Синь с Ритой Ляо и полудюжиной других пар, в том числе двумя парами из Чжэн Хэ, сидели за обычными своими столиками, болтая о том, чего нынче стоит ожидать от передачи. Эзр сел с краю группки, испытывая смешанное с любопытством омерзение. Теперь у него даже друзья среди авральников завелись. Скажем, Чжау Синь. Синь с Ляо были типичными авральниками — бессовестными… но при этом не лишенные человеческого. Иногда Эзр видел в

глазах Синя то, чего не замечали другие. Чжау хороший человек, умный, со склонностью к науке. Не подфарти ему в лотерее Аврала, окончил бы свои университетские штудии фокусом. Вообще говоря, авральникам удавалось особым двоемыслием обходить такие острые углы; а вот Чжау порой на них натыкался.

— …боюсь, что передач больше не будет, — с искренней тревогой говорила Рита Ляо.

— Не печалься, Рита. Мы ведь даже не знаем, насколько это серьезно.

— Это точно. — Гунле Фун влетела головой вперед, раздавая колбы «Алмазов и льда». — Думаю, неотвязники… — она бросила на Эзра примирительный взгляд, — переводчики не уловили смысл. Анонс этой передачи — чушь какая-то.

— Нет-нет, тут как раз все в порядке.

Это сказал кто-то из авральников. Потом он привел вполне удовлетворительное объяснение всей лабуды с «внефазным извратом». Трудность возникла не на этапе перевода, а на стадии осознания странного.

«Детский час науки» — первая настолько популярная голосовая радиопередача Триксии и ее группы. Уже одно то, что удалось соотнести устную речь с ранее расшифрованными графемами,

могло считаться триумфом. Ранние передачи, пятнадцать объективных лет назад, шли в виде распечаток. Потом их, конечно, обсуждали у Бенни, но с таким же абстрактным интересом, как очередную порцию неотвязных выкладок насчет теоретических кунштюков В(ы)ключенной. Шли годы, передача обретала популярность. «И это хорошо, правда?» Но в какой-то момент последних пятидесяти мегасекунд Киви Лин Лизолет стакнулась с Традом Силипаном. С тех пор как Эзра выпустили на вахту, они с Киви и десятком слов не обменялись. «Она обещала позаботиться о Триксии. Ну что мне говорить человеку, растоптавшему это обещание?» Даже теперь Винь не мог поверить, что Киви его предала. Но… она ведь трахается с Томасом Нау. Может, она использовала свою «должность» так, как, по ее мнению, было лучше для Чжэн Хэ. Может… Пока похоже, что Нау всегда в итоговом наваре.

Эзр пока присутствовал на четырех передачах. Впечатление куда сильнее, чем от любого человеческого перевода, не говоря о машинном. Неотвязники вкладывали в перевод эмоции и жесты.

Раппапорт Дигби — так прозвали неотвязники ведущего радиопередачи. («Откуда они эти

странные имена выкопали?» — спрашивали многие. Эзр знал откуда: Триксия постаралась. Они с Триксией могли разговаривать на эту тему почти в нормальном режиме, как мало о чем другом. О его знаниях в области Первого Классицизма. Временами она просила его подсказать новые слова. Фактически именно Эзр предложил ей имя Дигби[13] много лет назад. Это слово как-то резонировало с биографией данного паука.) Эзр знал переводчика, игравшего роль Раппапорта Дигби. Вне передачи Цзиньминь Брут был типичным неотвязником, раздражительным, зацикленным на своем, необщительным. А играя паука Раппапорта Дигби, он становился благожелателен и словоохотлив, терпеливо давал детям разъяснения… Казалось, что зомби на краткое время оживляется чужой душой.

Каждую вахту паучата менялись. В конце концов, большинство дежурили на четвертьвахтье, поэтому паучата проживали четыре года за каждый год жизни космонавтов. Рита и некоторые другие привыкли представлять их людскими детьми. Картинки с визуализациями плавали на

[13] Сноски: 13

Возможно, речь о Кенельме Дигби (1603–1665), английском естествоиспытателе и дипломате универсальных знаний, энтузиасте алхимии, биологии, механики и математики.

обоях. Портреты мнимых человеческих детишек, имена которым выбирала Триксия. Джирлиб — коротышка с курчавыми темными волосами и озорной улыбкой. Брент крупнее, не такой симпатичный с виду, как братишка. Бенни говорил, что однажды Ритсер Брюгель из вредности заменил эти лица изображениями настоящих пауков: приземистых, костлявых, покрытых хитиновым панцирем. Те были оформлены по данным сканирования статуй, виденных Эзром в ту высадку на Арахне, и картинок низкого разрешения со шпионских спутников.

Вандализм Брюгеля результатов не принес; он не понял, где корни популярности «Детского часа». А вот Томас Нау явно понимал и был очень доволен тем, как завсегдатаи забегаловки Бенни сублимируют единственную крупную проблему маленького королевства авральника. Авральники даже сильнее Чжэн Хэ тосковали по роскошной жизни. Они ожидали получить неисчерпаемый источник ресурсов, заключить браки, завести детей и семьи тут, в системе В(ы)ключенной…

Теперь все это приходилось откладывать. «У нас тоже есть внефазное табу». Парам вроде Синя и Ляо оставалось мечтать о будущем, а еще

слушать детские голоса и мысли из переводов «Детского часа».

Еще до прямых эфиров люди отметили, что все дети в передаче одного возраста. На Арахне они взрослели год за годом, но когда их заменяли новые, то всегда того же возраста. Самые ранние переводы были посвящены урокам по электростатике и магнетизму, совсем без математики. Впоследствии начались аналитические и численные методы.

Примерно два года назад в передаче произошла перемена, едва заметная, но не ускользнувшая от внимания неотвязников. Чжау Синь с Ритой Ляо ее инстинктивно заметили почти сразу: появились Джирлиб с Брентом. Их представили как обычных детей, но из переводов Триксии было ясно, что они вроде бы младше. Ведущий Дигби ни разу не заострял внимания на этой особенности, а математика и наука в передаче тем временем становились все сложнее.

Виктория-младшая и Гокна появились последними на этой вахте. Эзр видел Триксию в этих ролях. Голос ее дребезжал от детского нетерпения; временами она взрывалась булькающим смехом. Картинки Риты представляли паучат смешливыми семилетками. Как-то это странно.

Почему средний возраст детей в передаче стал убывать? Бенни выдвинул очевидное объяснение: «Детский час науки» перекупили. Сценарии теперь пишет вездесущий Шерканер Андерхилл, а участвуют его дети.

Когда Эзр вышел из гибернации, в забегаловку уже набивалось столько народу, что яблоку негде было упасть. Эзр отсмотрел четыре передачи, с каждым разом испытывая все больший ужас. А потом отпустило. Передача не выходила уже двадцать дней. Вместо нее транслировали суровое объявление: *«По многочисленным просьбам слушателей владельцы радиостанции выяснили, что семья Шерканера Андерхилла практикует внефазное извращение. До разрешения этой ситуации трансляция „Детского часа науки“ приостановлена».* Объявление Брут прочел совсем не тем голосом, каким озвучивал Раппапорта Дигби. Новый его голос был ледяным, отстраненным, полным омерзения.

Тут уже чужеродность Арахны всех пробрала до костей, даже тех, кто принимал желаемое за действительное. Значит, у пауков дозволено заводить детей только с началом Нового Солнца. Поколения четко отделены друг от друга, каждое идет строем в своей возрастной группе. Люди

могли только догадываться, почему это так, но, очевидно, «Детский час науки» допустил серьезное нарушение табу и утаил этот факт. Передача не вышла в эфир по графику однажды, потом дважды. В забегаловке Бенни стало пусто и грустно, Рита подумывала убрать глупые картинки. А Эзр исполнился надежды, что мерзкий цирк наконец уехал на гастроли.

Рано надеялся. Четыре дня назад мрак внезапно рассеялся, хоть загадка не разрешилась. Все радиостанции «Гокнанского Аккорда» передали, что представитель Церкви Тьмы проведет прения с Шерканером Андерхиллом насчет «соответствия» его передачи моральному кодексу. Трад Силипан пообещал подготовить неотвязников для нового формата трансляции.

Теперь часы над баром Бенни отсчитывали секунды до спецвыпуска «Детского часа науки».

На своем обычном месте по ту сторону бара сидел Трад Силипан и, казалось, игнорировал всеобщее нетерпение. Они с Фамом Тринли о чем-то шептались. Выглядели они типичными дружками-выпивохами: строят мегапланы, которым не суждено сбыться. «Забавно, до чего ж я привык воспринимать Тринли пустым трепачом». А ведь «волшебные локализаторы» Фама

не выдумка; Эзр и сейчас замечал эти пылинки. Нау с Брюгелем начали их использовать. Так получилось, что Фаму Тринли был известен секрет локализаторов, отсутствовавший даже в самых потайных уголках флотской библиотеки. Эзр Винь, вероятно, единственный просек, в чем дело, и понял, что никакой Фам Тринли не буффон. Чем дальше, тем крепче утверждался Эзр в мысли, что Фам Тринли не дурак, ой не дурак. В библиотеке Флота там и сям были припрятаны разные фишки; иначе и не бывает в столь крупном и древнем хранилище данных. Но чтобы этот старпер вынюхал столь важную тайну… Нет, Фам Тринли наверняка *очень* стар и очень непрост.

— Эй, Трад! — завопила Рита Ляо, показав на часы. — Где неотвязники, мать твою? — Обои бара продолжали демонстрировать виды какого-то лесного заповедника на Балакрее.

Трад Силипан вылез из-за столика и воспарил над толпой.

— Все в порядке, народ, — рек он. — Я только что получил сигнал. Принстонское радио начало вступление к «Детскому часу». Директор Рейнольт сама приведет неотвязников, они сейчас звуковушку отсинхронят.

Ляо растаяла.

— Ой, здорово! Удачного тебе эфира, Трад.

Силипан с достоинством поклонился, хотя его заслуги тут не было вовсе.

— Итак, через несколько мгновений мы узнаем, что за странные эксперименты ставит этот Андерхилл над своими детьми… — Он склонил голову, слушая личный канал. — Ага, вот они!

Морось над сине-зеленым лесом исчезла. Стена за барной стойкой, казалось, вытянулась и превратилась в один из совещательных залов у корней Хаммерфеста. Анне Рейнольт вплыла с правой стороны, искаженная перспективой: этот кусок обоев с трехмеркой уже не справлялся. За спиной Рейнольт пара техников возилась с пятеркой неотвязников… фокусированных. В том числе и с Триксией.

Тут Эзру захотелось закричать, на худой конец — сбежать, забиться в темный уголок и сделать вид, что мира вокруг не существует. Обычно авральники прятали неотвязников глубоко в недрах систем, словно испытывая некий остаточный стыд. Обычно авральники предпочитали получать результаты от компьютеров и по наглазникам в виде графиков и гигиенически чистых, отфильтрованных данных. Бенни говорил Эзру, что вначале шоу уродов, затеянное

Киви, ограничивалось звуковой дорожкой. Потом Трад разболтал, как неотвязники сопровождают перевод жестикуляцией, и звук стали совмещать с видео. Конечно, по паучьему радио восстановить язык тела пауков было невозможно, но это никого не беспокоило. Как ни бессмысленна актерская игра, чудовищ вокруг нее одобряли.

Триксию одели в свободный комбинезон. Волосы ее растрепались и сбились в колтуны. Эзр сам ее причесал не более сорока килосекунд назад. Она передернула плечами, сбрасывая надзирателей, и что-то забормотала себе под нос. Утерла лицо рукавом, подтянулась к своему креслу с пристежными ремнями. Остальные неотвязники, с видом не менее отсутствующим, последовали ее примеру. У большинства были наглазники. Эзр знал, что именно они слышат и видят: среднеуровневую трансдукцию[14] паучьего языка. В этом мире обитала Триксия.

— Есть синхрон, директор, — сказал Рейнольт кто-то из техников.

Директор Аврала по персоналу пролетела вдоль шеренги рабов, переставляя неотвязников по

[14] Сноски: 14

Здесь: перевод с одного языка на другой при сохранении общего смысла текста. В общем случае исходный текст после трансдукции невозможно восстановить по переводу.

соображениям, которых Эзр не понимал. В конце концов, ей виднее: Эзр уже оценил особый талант этой бабы. Каменноглазая сука, но свое дело знает и неотвязников держит у ногтя.

— Ладно, давай запускай.

Она отлетела прочь. Цзиньминь Брут привстал в кресле и заговорил торжественным тоном ведущего:

— Вы слушаете Раппапорта Дигби, и в эфире «Детский час науки»…

В тот день папа взял на радио их всех. Джирлиб с Брентом сидели в верхнем отсеке машины, держась очень серьезно, совсем как взрослые, да и выглядели почти как фазники, так что не привлекали ничьего внимания. Рапса с маленьким Хранком все еще были так малы, что могли сидеть в папиной шерсти; может, еще год пройдет, и только тогда их перестанут звать младенцами.

Гокна с Викторией-младшей сидели позади, каждая на своем насесте. Виктория смотрела через дымчатое стекло на улицы Принстона, чувствуя себя немножко аристократкой. Она слегка склонила голову в сторону Гокны, представляя сестру своей фрейлиной.

Гокна царственно втянула воздух. Она была похожа на сестру и наверняка думала то же самое

— но представляла великой правительницей себя.

— Пап, а если сегодня ты ведешь передачу, зачем тебе мы?

Папа рассмеялся:

— Так никогда же не знаешь, как повернется. Церковь Тьмы считает, что наделена монополией на истину. Но я не думаю, что их участнице хоть один внефазник вживую встречался. При всем своем негодовании на деле она может оказаться вполне приятной собеседницей. Возможно, при личной встрече она не сможет пыхтеть огнем на малышей только за то, что они не того возраста.

Это не исключено. Виктории вспомнился дядя Хранк, которого от самой мысли о такой семье, как у них, передергивало… а детей он искренне любил.

Машина ехала по запруженным улицам и проспекту, через весь город к радиохолмам. Принстонская станция была старейшей в городе — папа сказал, что она вышла в эфир еще до крайней Тьмы, тогда в качестве военного радиоузла. В этом поколении владельцы ее существенно расширили на первоначальном фундаменте. Могли бы переехать ниже в центр, но оставались верны традициям. Поэтому поездка на станцию

превратилась в увлекательный аттракцион: они петляли вокруг холма, забираясь все выше и выше, куда выше, чем располагался их собственный дом. Снаружи на земле еще не стаял иней. Виктория перегнулась к насесту Гокны, и обе девочки прильнули к стеклу приглядеться получше. Стояла середина зимы в Срединной Яркости, но иней появился лишь второй раз в их жизни. Гокна ткнула рукой на восток.

— Ты смотри, как мы высоко! Утесы видны!

— А на них *снег*! — Двое провизжали это в унисон, но в действительности там лишь поблескивал утренний иней. Еще пару лет настоящий снег не появится в Принстоне, даже в середине зимы. Каково оно, гулять в снегу? Каково упасть в сугроб? На миг девочки утонули в этих вопросах, почти забыв обо всем, что предстояло им в этот день: о прениях на радио, которые всех, даже генерала, последние десять дней только и беспокоили.

Поначалу всех паучат, и особенно Джирлиба, перспектива прений тоже напугала.

— Кирдык нашей передаче, — говорил старший брат. — Теперь публика прознала, кто мы такие.

Генерал специально прилетела из Ставки заверить их, что все в порядке, тревожиться не

о чем и папа разберется с жалобами. Но она не сказала, позволят ли им снова выступать на радио. Генерал Виктория Смит привыкла инструктировать штабистов и ободрять солдат, но не слишком умела обнадеживать детишек. Гокна и Виктория втайне подозревали, что суета вокруг радиопередачи сейчас заставляет маму нервничать сильнее, чем все ее военные передряги прошлого.

Папа единственный не падал духом.

— Именно этого я давно уже и ждал, — сказал он маме, когда та вернулась из Ставки. — Уже давно пора было выйти на свет. Прения покажут публике актуальность многих вопросов.

Собственно, и мама на это напирала, но получалось у нее как-то безысходно. Последние десять дней папа играл с детьми чаще обычного.

— Вы мои спецэксперты для этих прений, так что я волен проводить с вами все свое время не во вред работе.

Он меланхолично раскачивался из стороны в сторону, словно занятый недоступной им работой. Младенцам это нравилось, даже Джирлиб с Брентом вроде бы заразились папиным оптимизмом. Генерал накануне вечером уехала на юг; как всегда, ей было о чем волноваться помимо

семейных проблем.

Вершина радиохолма поднималась над линией деревьев. Площадка рядом с круговой парковкой была покрыта низким дроком. Дети вылезли, восхитившись еще висевшим в воздухе холодком. Виктория-младшая ощутила в дыхательных путях жжение, словно там… словно там образовался *иней*. Возможно ли это?

— Дети, пошли! Гокна, не глазей по сторонам!

Папа со старшими сыновьями повели их вверх по широким старым ступеням. Камень был издырявлен солнечным жаром и не отполирован, словно владельцы желали создать иллюзию соблюдения некой давней традиции.

Стены внутри были увешаны фотографиями — портретами владельцев и изобретателей радио (в данном случае эти две категории совпадали). Кроме Рапсы и малыша Хранка, все дети тут уже бывали. Джирлиб и Брент вели передачу почти два года, приняв это право у других внефазников, когда папа приобрел франшизу на радиошоу. Оба паучонка казались по голосам старше истинного возраста, а Джирлиб был не глупей многих взрослых. Никто вроде бы не подозревал об их истинном возрасте. Папу это немного раздражало.

— Я так хочу, чтоб народ сам догадался, но у них

ума не хватает!

Наконец к передаче допустили Гокну с Викторией. Забавно это было — притворяться, что ты на много лет старше, играя по дурацким сценариям. А мистер Дигби был приятный паучара, хотя и не настоящий ученый.

Все же и Гокна, и Младшая говорили очень юными голосами. В конце концов кто-то преодолел исконное доверие к добропорядочным радиотрансляциям и понял, что у публики перед пастями выставляют напоказ вопиющее бесстыдство. Но Принстонское радио находилось в частных руках и, что еще важнее, владело не только своим уголком спектра, но и перекрывающимися участками соседних диапазонов — так, на всякий случай. Владельцы, старые пауки пятьдесят восьмого поколения, деньгам цену знали. Если Церкви Тьмы не удастся подбить слушателей на эффективный бойкот, Принстонское радио продолжит выпускать в эфир «Детский час науки», что бы ни случилось. Отсюда и прения.

— Ах, доктор Андерхилл, как я рада! — Мадам Субтрим грациозно выплыла из своего кабинетика. Директор станции была вся ноги да остроконечные руки, тельце чуть больше головогруди. Гокна с Вики всегда со смеху катались,

за спиной передразнивая ее. — Вы не поверите, какой интерес вызвали сегодняшние прения. Мы ретранслируем аж на Восточное побережье, а в КВ-диапазоне пойдет повтор. Без преувеличения скажу вам: у нас слушатели отовсюду!

«Без преувеличения скажу вам…» — тайком от директорши неслышно виляла частями рта Гокна. Вики, блюдя чопорный аспект, сделала вид, что не замечает.

Папа повернул голову к директору:

— Я рад, что мы так популярны, мадам.

— О да! У нас спонсоры дерутся за право рекламу вставить. Буквально рвут друг друга на части! — Она улыбнулась детям. — Я договорилась, чтобы вам позволили посмотреть передачу из техрубки.

Все дети знали, где эта техрубка, но послушно пошли за мадам Субтрим, прислушиваясь к ее нескончаемому гундежу. Никто не знал, какого мнения мадам Субтрим о них на самом деле. Джирлиб утверждал, что она совсем не дура и в словах ее слышится холодный расчет.

— Она до десятой пенни знает, сколько получится заработать для старых паучар, провоцируя публику.

Может, и так, но Вики она все же нравилась,

и девчонка даже прощала мадам нескончаемый писклявый трындеж. Слишком многие так погрязли в предрассудках, что их ничем не проймешь.

— Сейчас Диди на вахте. Вы ее знаете. — Мадам Субтрим остановилась у входа в техрубку. Казалось, она впервые заметила, как выглядывают младенцы из шерсти на спине Шерканера Андерхилла. — Господи, да у вас тут все возраста здесь, а? Я… а ваши дети в безопасности? Не знаю, кто еще сможет о них позаботиться.

— Все в порядке, мадам. Я намерен познакомить Рапсу и маленького Хранка с представительницей Церкви.

Мадам Субтрим оцепенела. Целую секунду ее костлявые лапы оставались в полнейшей неподвижности. Вики впервые видела ее неподдельно ошарашенной. Потом тело Субтрим расслабилось в широкой неторопливой улыбке.

— Доктор Андерхилл! Вам кто-нибудь говорил, что вы гений?

Папа усмехнулся в ответ:

— Не по такому приятному поводу… Джирлиб, убедись, что остальные в рубке с Диди. Если понадобится вас вызвать, ты поймешь.

Паучата юркнули в радиорубку. Дидира Ульт-

мот взгромоздилась на обычный насест за панелью управления. От звукового павильона рубку отграничивало толстое стекло. Звуконепроницаемое и чертовски непрозрачное. Дети приникли к стеклу. На сцене один из насестов уже был кем-то занят.

Дидира махнула им рукой:

— Там эта церковница. Паучиха на час раньше явилась.

Диди была верна себе — слегка нетерпелива. Она очень классно выглядела, и ей исполнился целый двадцать один год. Не такая умная, как многие папины студенты, но талантливая. Работала старшим техником на Принстонском радио. В четырнадцать стала оператором прайм-тайма и об электротехнике знала не меньше Джирлиба. В общем-то, она изначально и хотела специализироваться по электротехнике. Все это выяснилось в тот первый раз, когда Джирлиб с Брентом ее встретили, перед первым своим выходом в эфир. Вики вспомнила, как странно вел себя Джирлиб, рассказывая об этой встрече; казалось, Дидира его совершенно покорила. Ей тогда было девятнадцать, а ему двенадцать, но Джирлиб всегда был крупным паучишкой. После второй передачи Дидира поняла, что Джирлиб внефазник.

Она восприняла это как преднамеренное личное оскорбление. Бедолага Джирлиб потом несколько дней ходил, точно ему все лапы перебили. Он оклемался — а в будущем его ожидали еще и не такие обломы.

Дидира, в общем, тоже. Пока Джирлиб держал дистанцию, она вела себя вежливо. А порой стоило ей забыться, и с Диди становилось интересней, чем с любыми паучарами нынешнего поколения, известными Вики. Когда в павильоне бывало пусто, она разрешала Вики с Гокной залезать на свой насест и баловаться с десятками управляющих отверстий. Дидира очень гордилась своей панелью управления. А и в самом деле, хоть и была та деревянная, не из листового металла, но выглядела почти так же научно-футуристично, как некоторое оборудование в Доме на Холме.

— И на кого она похожа, церковница-то? — спросила Гокна. Они с Вики расплющили передок зрительной зоны о стеклянную стену. Стекло было такое толстое, что фильтровало многие цвета. Незнакомка, восседавшая на сцене, светилась лишь дальнекрасным, как мертвая.

Диди пожала плечами:

— Ее звать достопочтенная Педура. У нее выговор забавный, думаю, из Тифштадта. А видите

вон ту церковную шаль? Это не в искаженном виде из рубки дело: шаль реально *темная*, во всех цветах, кроме самого дальнего красного.

Гм. Дорогая штука. У мамы такой парадный мундир есть, но лишь немногие ее в нем видели.

По аспекту Диди метнулась хитрая усмешка.

— Готова поспорить, она аж пукнет, как увидит детишек в шерсти твоего отца.

Не повезло. Но когда через несколько секунд вошел Шерканер Андерхилл, достопочтенная Педура просто окаменела под своей бесформенной рясой. Секундой позже Раппапорт Дигби просеменил по сцене и схватил наушник. Дигби вел «Детский час науки» с самого начала, задолго до появления в передаче Джирлиба с Брентом. Он был старпер, но Брент утверждал, что Дигби из основателей станции. Вики не поверила, потому что видела, как Диди его гоняет.

— Ладно, тихо все. — Голос Диди шел через усилители. Папа и достопочтенная Педура выпрямились, слушая через динамики на каждом насесте. — Мы через пятнадцать минут в эфире. Вы готовы, мастер Дигби, или мне пустить мерт-

вый эфир?[15]

Рострум[16] Дигби утонул в стопке рукописных заметок.

— Смейтесь-смейтесь, мисс Ультмот, но эфирное время денег стоит. Так или иначе, я…

— Три-два-один… — Диди выключила микрофон и ткнула длинной указующей рукой в сторону Дигби.

Паучара поймал ритм, словно только и ждал момента в терпеливом внимании. Слова его прозвучали со своеобычной гладкостью, и начал он с фирменного заявления, которым открывал передачу уже пятнадцать лет.

— Вы слушаете Раппапорта Дигби, и в эфире «Детский час науки»…

Когда Цзиньминь Брут переводил, движения его переставали быть импульсивными и дерганными. Он глядел прямо перед собой и улыбался или хмурился, в зависимости от того, какие эмо-

---

[15] Сноски: 15

Непредвиденная пауза в радиопередаче, во время которой транслируется лишь немодулированная несущая волна. Обычно приравнивается к ЧП и зачастую чревата взысканиями для радиотехнического персонала. Но здесь этот термин используется в значении, скорее, рекламной паузы.

[16] Сноски: 16

Бугорок на передней части головогруди, где у пауков между хелицерами расположено сосательное отверстие.

ции, казавшиеся весьма реальными, посещали его. И вероятно, они и были реальны — для бронированного арахнида на планете внизу. Порою проявлялась какая-то задержка, глюк в промежуточном синхронном переводе. Еще реже Брут отворачивался, вероятно глядя на что-нибудь важное поодаль центра наглазников. Но если не знать, куда смотреть, создавалось впечатление, что говорит Брут вполне бегло, как мог бы человеческий ведущий читать суфлерские строки на своем родном языке.

Брут-Дигби начал кратким, не лишенным самолюбования экскурсом в историю радиопередачи, потом коснулся тени, павшей на нее в последнее время. «Внефазники», «урожденная мерзость» — слова слетали с языка так легко, словно Брут ими всю жизнь пользовался.

— Сегодня мы, как обещали, вернемся в эфир. Обвинения, предъявленные нам в последние несколько дней, серьезны. Дамы и господа, эти обвинения — чистая правда.

Драматическая пауза — на три удара сердца, затем:

— Итак, друзья мои, вы вправе спросить, что же наделило нас отвагой — или бесстыдством — вернуться в эфир? Если желаете узнать ответ на

этот вопрос, прослушайте сегодняшний выпуск «Детского часа науки». Продолжится ли наша передача, в значительной мере зависит от вашей реакции на то, что вы сегодня услышите…

Силипан фыркнул:

— Вот же ж лицемерный попрошайка.

Синь и остальные замахали на него руками, чтоб не мешал. Трад перелетел к Эзру и устроился рядышком. Это уже случалось раньше; авральник, кажется, подумал, что раз Эзр сел с краю, то ему интересны аналитические выкладки Силипана.

За обоями Брут представлял участников прений. Силипан прикрепил к колену карманный компьютер и открыл крышку. Устройство было громоздкое, сработанное по авральной технологии, но подключенное к неотвязной сети, а значит — мощнее любой вычислительной машины Человечества. Он нажал кнопку «Аннотация», и тихий голосок разъяснил ему суть дела:

— Официально достопочтенная Педура — представитель традиционалистской Церкви. Фактически же… — Голос из Традова компьютера умолк; вероятно, шел поиск в базе данных. — Педура в Гокнанском Аккорде иноземка. Скорее всего, агент Клана.

Синь оглянулся на них, на миг упустив нить слов Брута-Дигби.

— Зараза, они к фундаментализму всерьез относятся. Андерхилл в курсе?

Голос из Традова компьютера ответил:

— Возможно. Шерканер Андерхилл тесно связан с закрытыми каналами связи спецслужб Аккорда… К настоящему моменту мы не видели обмена информацией по военным каналам насчет этих прений, но цивилизация пауков пока недостаточно автоматизирована. Кое-что мы вполне могли упустить.

Трад сказал устройству:

— Назначаю задачу с низшим приоритетом. Чего хочет Клан от этих прений? — Он глянул на Чжау и пожал плечами. — Не знаю, ответят нам или нет. Все сильно заняты.

Брут почти закончил с вводной. Достопочтенную Педуру полагалось играть Цзоби Жэюн. Цзоби была низкорослая худенькая авральница. Эзр знал ее по имени лишь потому, что смотрел расписания разморозки и говорил с Анне Рейнольт. «Интересно, знает ли ее имя еще кто-нибудь?» — подумалось Эзру. Чжау и Рита — уж точно нет. Трад может знать, как в первобытные времена хороший пастух знал по кличкам весь свой скот.

Цзоби Жэюн молода; ее достали из морозильника для замены после инцидента, который Силипан определил как «сенильный отказ». Жэюн провела на вахте уже около сорока мегасекунд. Ей люди были обязаны основным продвижением в том, что касалось других паучьих языков, в частности тиферского. А в переводе «стандартного аккорданского» она считалась второй после Триксии. Может, когда-то и превзойдет ее. В здоровом мире Цзоби Жэюн стала бы первоклассной специалисткой, известным ученым всей своей системы. Но на нее выпал номер вахтмастерской лотереи. Пока Синь, Ляо и Силипан жили обычной жизнью, осознавая свои действия, Цзоби Жэюн превратилась в элемент автоматики, который замечают лишь очень редко, в особых обстоятельствах.

Цзоби Жэюн сказала:

— Благодарю вас, мастер Дигби. Принстонское радио оставляет за собой возможность для похвалы, предоставляя нам время пообщаться.

В течение вводной речи Брута Жэюн по-птичьи дергала головой из стороны в сторону. Может, у нее наглазники разладились, а может, она предпочитает раскидывать ключи перевода по всему зрительному полю. Но когда она заговорила, в глазах ее появилась тень мрачной ярости.

— Че-то не очень, — пожаловался кто-то.

— Она ж новенькая, — ответил Трад.

— А может, эта Педура и вправду так забавно говорит. Ты же сказал, она иностранка.

Жэюн-Педура перегнулась через стол. Голос ее стал шелковым, тихим.

— Двадцать дней назад нам стало известно, что гниение много лет распространялось в домах миллионов, расцветая в ушах мужей и детей. — Она продолжала трепаться еще несколько минут — странными цветастыми фразами, исполненными сознания непоколебимой правоты. Потом: — И поэтому очень уместно, что Принстонское радио теперь предоставляет нам возможность очистить общественный эфир. — Она помолчала. — Я… Я… — Она словно бы искала подходящие слова. На миг показалось, что она опять превратилась в неотвязницу: потупилась, скосила голову. Затем резко хлопнула ладонью по столешнице. Притянула себя к стулу и умолкла.

— Говорил же, переводчица из нее хреновая.

24

Распластав по стене руки и передние ноги, Гокна с Вики прижали к стене основные глаза. Поза ужасно неудобная, парочка елозила взад-вперед

по полу у стекла.

— Благодарю вас, мастер Дигби. Принстонское радио оставляет за собой возможность для похвалы, предоставляя… — бла-бла-бла.

— Как она забавно говорит, — сказала Гокна.

— Я же сказала, она иностранка, — отсутствующим тоном ответила Дидира. Она не отвлекалась от таинственных манипуляций со своей звуковой панелью. Казалось, особого внимания на то, что происходит на сцене, она не обращает. Брент же смотрел передачу с вялым интересом, а Джирлиб метался от окна к панели, стараясь держаться поближе к Диди. Наученный горьким опытом, он не давал ей технических советов, но ему еще нравилось держаться к ней поближе. Порой он задавал уместный наивный вопрос. Когда Диди была не занята, ее иногда удавалось втянуть в разговор.

Гокна усмехнулась Вики.

— Не-е, я не про то. Сама «достопочтенная Педура» — как глупый анекдот.

— Гм. — Вики была иного мнения. Педура, конечно, странновато вырядилась. Вики церковных шалей раньше вживую не видела, только в книжках читала. Бесформенный плащ, ниспадавший со всех сторон, оставлял на виду лишь голову и

пасть Педуры. Но под этим покровом таилась сила. Вики знала, что думает народ в большинстве своем о таких детях, как она. Педура просто профессиональная защитница этой точки зрения, да? Но… была в ее речах смутная угроза… — Ты думаешь, она реально верит в то, что говорит?

— Без балды. Потому она такая забавная. Вишь, папа улыбается?

Шерканер Андерхилл сидел на своем насесте по другую сторону сцены, тихо баюкая малышей. Он еще ни слова не сказал, но по аспекту Андерхилла дергалась слабая улыбка. Две пары детских глаз выглядывали из его шерсти скорее с опаской. Рапса с Хранком не понимали, что происходит, но вид у них был перепуганный.

Гокна тоже это заметила.

— Бедные малыши. Только их эта клуша и в состоянии напугать. О, смотри! Сейчас я достопочтенной Педуре «десятку» покажу.

Она отвернулась от стекла и побежала к соседней стене, а оттуда вскарабкалась на стеллаж с аудиопленками. Девочкам было по семь лет, для акробаток уже тяжеленькие. Ой. Стеллаж не был закреплен. Он закачался, пленки и всякая всячина поехали в стороны. Но Гокна уже добежала до верха, никто и понять не успел, что происходит.

Оттуда она прыгнула и схватилась за карниз окна, выходящего над сценой. Тело ее со смачным шлепком распласталось по стеклу. На миг Гокна стала идеальной «десяткой» поперек всего окошка. По ту сторону стекла Педура застыла с глупым видом полного изумления. Девочки залились визгливым смехом. Нечасто удается изобразить такую классную «десятку», засветив жертве в рыло свое нижнее белье.

— А ну вали оттуда! — зашипела Диди. Руки ее заметались по панели. — Вы в последний раз у меня в рубке, гаденыши! Джирл, убери своих сестер, или я вас сама отсюда выкину!

— Щас, щас! Мне так жаль… — Джирлибу и вправду было жаль, судя по голосу. Он подскочил к окну и сорвал оттуда Гокну. Мгновением позже Брент схватил Викторию.

Джирлиб не был рассержен, только огорчен. Он поднес Гокну совсем близко к голове.

— Тише будь. Хоть раз в жизни будь серьезней.

Вики пришло в голову: может, он так расстроен тем, что Диди на него обиделась? Впрочем, не важно. Из Гокны выдуло смех, она коснулась пасти брата пищевой рукой и мягко ответила:

— Да, я буду слушаться остаток передачи, обещаю.

Задним зрением Вики видела, как Диди что-то говорит — наверное, с Дигби по телефону. Вики не слышала слов, но ведущий согласно кивал. Он заставил Педуру усесться обратно и стал представлять папу. По ту сторону стекла все пошло как обычно, точно ничего и не случилось. Однажды они с Гокной наверняка влипнут в реальную передрягу, но это еще впереди.

Цзоби села в атмосфере всеобщего смущения. Обычно неотвязники старались переводить примерно в синхрон. Силипан заявлял, что это лишь отчасти его спецификации: неотвязникам-переводчикам и вправду нравилось синхронизироваться с аудиопотоком. В каком-то смысле актерская игра им действительно приносила удовлетворение. Сегодня просто не слишком удавалось.

Наконец Брут собрался и выдал сравнительно гладкое представление Шерканера Андерхилла.

Шерканер Андерхилл. Его переводила Триксия Бонсол. Кто ж еще? Триксия первой раскодировала устную речь пауков. Чжау говорил, что в первые дни передачи она играла всех: детей, стариков, слушателей, звонивших в студию. Остальные неотвязники потом тоже приспособились, достигли свободного владения языком и

выработали стилевой консенсус, но Триксия попрежнему брала на себя самые сложные задачи.

Шерканер Андерхилл. Наверное, первый паук, которому вообще дали имя. Андерхилл появлялся в большинстве радиопередач. Сперва могло показаться, что он в ответе за две трети изобретений промышленной революции. Позже это заблуждение развеялось: Андерхилл — фамилия достаточно обычная, а когда упоминали Шерканера Андерхилла, то зачастую оказывалось, что работу выполнил один из его студентов. Наверное, паучара — научный бюрократ, член попечительского совета Принстонского университета, где обреталось большинство студентов или кто-нибудь в этом роде. Но когда у пауков появились микроволновые ретрансляторы, спутники-шпионы стали выдавать все разбухающий поток данных по вопросам государственной важности (без труда дешифруемый). Идентификатор «Шерканера Андерхилла» появлялся почти в двадцати процентах всего сверхсекретного трафика Гокнанского Аккорда. Они не сомневались теперь, что это не личность, а какая-то организация. Не сомневались… пока не стало ясно, что у «Шерканера Андерхилла» есть дети и они участвуют в этой радиопередаче. У «Детского

часа науки» явно был какой-то политический подтекст, только пока непонятно какой. Наверняка Томас Нау тоже смотрит шоу в Хаммерфесте. «Любопытно, Киви с ним?»

Триксия заговорила:

— Благодарю вас, мастер Дигби. Я очень счастлив сегодня быть здесь. Пора в открытую обсудить эти вопросы. На самом деле я питаю надежду, что молодежь, как внефазная, так и фазная, меня слушает. И мои дети тоже, я это знаю.

Триксия бросила на Цзоби спокойный и уверенный взгляд, но в голосе ее чувствовалась слабая дрожь. Эзр глянул ей в лицо. Сколько сейчас Триксии? Полный график неотвязных вахт был засекречен, наверное, по той причине, что у большинства загрузка близилась к ста процентам. Нужно жить полной жизнью, чтобы узнать столько, сколько Триксия. По крайней мере, в ранние годы, на какой бы вахте Эзр ни являлся к ней, Триксия сидела у себя в камере. Она выглядела лет на десять старше той Триксии, несфокусированной. А когда играла Андерхилла, то казалась еще старше.

Триксия продолжала:

— Но я хочу сделать одно уточнение к сказанному леди Педурой. Не было у меня никакого плана

утаивать истинный возраст детей. Двое старших — им сейчас по четырнадцать — уже некоторое время участвовали в передаче. Вполне естественное дело, а по письмам, которые они получали, я заключаю, что мои дети очень популярны как у детей текущего поколения, так и у родителей.

Цзоби глянула на Триксию через стол:

— Разумеется, лишь потому, что они утаивали свой истинный возраст. По радио столь небольшая разница трудноуловима. По радио некоторые… непристойности… проходят незамеченными.

Триксия рассмеялась:

— И это действительно так. Но я хочу, чтобы публика об этом задумалась. Большинство любят Джирлиба с Брентом, Гокну с Вики. То отношение к себе, какое сформировали мои дети, выступая «вслепую», выдает правду, которая в противном случае осталась бы незамеченной. Внефазники — такие же дети, как и все. Но, повторюсь, я ничего не скрываю. В конечном счете… ну, раз уж все стало очевидно, то как можно это игнорировать?

— Вы бесстыжи. Второму вашему выводку внефазников едва семь лет. *Подобную* непристойность и по радио не скроешь. А когда мы встретились тут в студии, я заметила, что у вас

в шерсти ползает пара *новорожденных*. Есть ли предел вашим злодеяниям, дражайший сэр?

— Леди Педура, о чем речь? О каких злодеяниях? Наша аудитория слушает тех или иных детей моего выводка уже больше двух лет. Они знают Джирлиба и Брента, Вики и Гокну; для них мои дети — настоящие, и они их любят. Вы же видите, как выглядывают с моих плеч малыш Хранк и Рапса… — Триксия сделала паузу, словно дав собеседнице время присмотреться. — Знаю, вам больно видеть детей, зачатых в такой дали от Лет Увядания. Но спустя год-другой они повзрослеют и научатся говорить, и я намерен ввести в «Детский час науки» и этих детей тоже, чтобы завершить возрастную комплектацию. От программы к программе публика сможет наблюдать за развитием этих детишек, столь же полноценным, как под конец Лет Увядания.

— Бред! Ваш план может сработать только в том случае, если скармливать приличному народу одно вранье за другим, приучать их к одному мелкому преступлению против морали за другим, пока не…

— Пока не — что? — благожелательно усмехаясь, уточнила Триксия.

— Пока не… пока не… — (Эзр видел, как ди-

ко мечется взгляд Цзоби за полупрозрачными наглазниками.) — Пока не расцелуют честные пауки тех злочасных выползков на вашей спине! — Она вскочила и замахала на Триксию руками.

Триксия лишь продолжала улыбаться.

— Если коротко, моя дорогая Педура, то *да*. Даже вы видите, что этих детей можно принять. Но внефазники никакие не выползки. Им не нужна Первая Тьма одушевления. Эти существа вполне способны стать нормальными полноправными пауками, которых любят другие. С течением времени «Детский час науки» докажет это всем, и, может, даже вам.

Цзоби села. Вид у нее был, словно у отброшенного на канаты спортсмена, который перегруппировывается для нового выпада.

— Я вижу, что моральные увещевания бесполезны, мастер Андерхилл. Среди слушателей могут найтись слабые духом, которых вы постепенно склоните к своему извращенному примеру. У каждого в душе живут аморальные жучки, вы же знаете. Но есть и нравственный закон внутри нас. Врожденный. Традиция ведет нас срединным путем… но, погляжу я, на таких, как вы, традиция не действует. Вы ученый, разве нет?

— Гм. Да.

— И вы один из четырех Темноходцев?

— Да…

— Наша публика, возможно, и не осознает, сколь выдающаяся личность в засаде «Детского часа науки» прячется. Вы один из четверки, своими глазами узревшей Глубинную Тьму. Для вас эта тайна развеяна. — Триксия начала было отвечать, но Цзоби-Педура не дала ей развернуться. — Осмелюсь предположить, что здесь-то и кроется ваш просчет. Вы слепы к трудам предыдущих поколений, презираете медленное постижение опасности и безопасности дел паучьих. Но у нравственного закона имеются основания, сэр! Без нравственного закона трудолюбивых собирателей под конец Лет Увядания ограбят ленивые мародеры. Без нравственного закона невинных в их глубинах вырежут те, кто первым проснулся. Нам многого хочется, но некоторые желания в нижнем счете разрушительны для всех остальных.

— Ваше последнее утверждение верно, леди Педура. К чему все это?

— К тому, что у законов есть *основания*, особенно у тех, что воспрещают внефазное размножение. Как Темноходец, вы многое мните

тривиальным, но даже вы должны осознавать, что Тьма — великая очистительница. Я слушала ваших детей. Сегодня перед эфиром я наблюдала за ними в радиорубке. Ваша тайна постыдна, но это и неудивительно. По крайней мере один из ваших детей — кажется, его зовут Брент — кретин. Я права?

Цзоби замолчала, но Триксия не стала отвечать. Взгляд ее застыл; она не блуждала в поисках каких-то данных промежуточного уровня. И вдруг Эзр почувствовал смену перспективы, словно изменилось направление воображаемой ориентации верха и низа, только невероятно интенсивней. Не словами или даже эмоциями переводчиков она была вызвана. Нет, их… молчанием. Впервые Эзр увидел в пауке личность — личность, которой можно сделать больно.

Молчание растянулось еще на несколько секунд.

— Ха, — сказал Силипан. — Отличное подтверждение множества предположений. Пауки плодятся крупными кладками, а затем мать-природа отсеивает слабейших во Тьме. Ловко.

Ляо скорчила гримаску:

— Ну да, а то.

Она тронула мужа за плечо.

Цзиньминь Брут прервал молчание:

— Мастер Андерхилл, вы не собираетесь отвечать на вопрос достопочтенной Педуры?

— Собираюсь. — В голосе Триксии сильней прежнего проявилась дрожь. — Брент не кретин. Он просто наделен невербальным мышлением, он учится не так, как другие дети. — Голос ее ожил, словно паук на том конце линии едва заметно улыбался. — Разум — поразительная штука. В Бренте я вижу…

Цзоби перебила:

— А *я* в Бренте вижу типичного кретина, изуродованного внефазными родами. Друзья мои, мне ведомо, как страдает Церковь в этом поколении. Столько перемен узрело оно, а старые обычаи многие полагают тираническими. Раньше паучонка навроде Брента можно было встретить лишь в глуши, где издавна гнездятся варварские извращения. В прежние времена это было несложно объяснить: *родители его бежали Тьмы, как не поступают даже животные. Они принесли бедолагу Брента в мир и обрекли на несколько лет жизни калекой; поистине, до́лжно покарать их за такую беспауческую жестокость.* В наше же время интеллектуалы вроде Андерхилла… — она вежливо кивнула в сторо-

ну Триксии, — привержены такому греху. Он заставляет вас высмеивать обычаи, а я обязана сразиться с ним его же аргументами. Вы посмотрите на своего паучонка, мастер Андерхилл. Скольких еще таких вы породили?

Триксия начала:

— Все мои паучата…

— А, да. Конечно, были у вас и неудачи. Нам известны эти шестеро. А сколько еще? Вы убиваете очевидных уродцев? Если мир последует вашему примеру, цивилизация вымрет еще до следующего Сошествия Мрака, затопленная ордами некомпетентных уродцев. — И Педура еще какое-то время разрабатывала эту жилу. Фактически обвинения ее были довольно конкретны: врожденные уродства, перенаселение, убийства поневоле, мятежи в глубинах в начале Тьмы — все это, по ее мнению, обрушится на пауков, если изменить отношение к внефазникам. Цзоби вещала, пока не выбилась из сил.

Брут развернулся к Триксии-Андерхиллу:

— Есть ли вам что ответить?

Триксия:

— О, как хорошо, когда есть что ответить. — Триксия снова улыбалась, а говорила тоном почти таким же беззаботным, как в начале пе-

редачи. Если Андерхилла и сбил с толку выпад в сторону сына, может, он уже оклемался, пока Педура проповедовала. — Во-первых, все мои дети живы. Их только шестеро. Это не должно удивлять. Трудно выносить детей вне фазы. Это всем известно. Трудно также обеспечить внефазные детские рубцы достаточным питанием, чтобы у них успели прорезаться глаза. Природа, кажется, действительно предпочитает, чтобы паучат зачинали прямо перед Тьмой.

Цзоби перегнулась вперед и возгласила:

— Обратите особое внимание, друзья! Андерхилл только что признался в преступлениях против природы!

— Отнюдь. Эволюция научила нас выживать в природе и сопротивляться ей. Но времена меняются…

Цзоби ответила саркастически:

— Итак, времена меняются? Наука превратила вас в Темноходца, и вы теперь мните себя сильнее природы?

Триксия расхохоталась:

— О, я остаюсь неотъемлемой частью природы. Но даже до технологической эпохи… вы знаете, что десять миллионов лет назад солнечный цикл длился меньше года?

— Выдумки это. Как могли живые существа…

— И вправду как? — Триксия заулыбалась еще шире, в голосе ее зазвучало торжество. — Но летопись окаменелостей не оставляет сомнений. Десять миллионов лет назад цикл был куда короче, а вариации яркости — куда менее интенсивны. Не было нужды ни в глубинах, ни в спячке. Но циклы света и тьмы удлинялись и становились резче; выжили те, кто приспособился. Могу себе представить, как нелегко им пришлось. Потребовались великие перемены. И сейчас…

Цзоби рубанула воздух рукой. Она это сама или какой-то паучий жест по аудио угадала?

— Если и не выдумки, все равно это не доказано строго. Сэр, я не стану спорить с вами об эволюции. Некоторые честные пауки в нее верят, но эта теория все же остается предметом дискуссий, а не базисом для решения вопросов жизни и смерти.

— *Ха!* Очко в папину пользу! — Со своих насестов над спинами Брента и Джирлиба девчонки обменивались тихими комментаторскими репликами. Когда Дидира не видела, они вдобавок разевали на достопочтенную Педуру пасти. После первой «десятки» вывести паучиху из себя

больше не удавалось, но в любом случае было приятно показать, что они о Педуре думают.

— Не беспокойся, Брент. Папа сейчас этой Педуре задаст.

Брент держался еще тише обычного.

— Знал же, что так будет. И так было тяжело. Теперь еще папе про меня придется объяснять.

Папу на миг зацепило замечание Педуры насчет Брента-кретина. Вики ни разу еще не видела его таким уязвленным. Но он уже нащупал почву под ногами. Вики думала, что Педура невежда, но та, кажется, превосходно разбиралась в том, что папа на нее вываливал. Не важно. Достопочтенная Педура не всеведуща, да и потом, папа же *прав*.

А теперь он перешел в атаку:

— Странно, что традиция не обратила больше внимания на раннее прошлое, леди Педура. Впрочем, пусть его. Изменения, которые обещает привнести наука в жизнь текущего поколения, будут так велики, что лучше их наглядно проиллюстрировать. Природа навязала нам определенные стратегии, и цикл поколений — одна из них, я согласен. Без этого понукания нас бы, вероятно, уже не существовало. Но подумайте о цене, миледи. Все наши дети в каждом году на

одной и той же ступени развития. Как только они ее минуют, учебники и прочие школьные инструменты остаются лежать без дела до следующего поколения. Больше не будет нужды тратить попусту ресурсы. Наука позволит…

Достопочтенная Педура издала свистящий смешок сарказма и удивления:

— Так вы это признаете в открытую! Вы замышляете сделать внефазный образ жизни основным, а не изолированным грехом!

— Разумеется! — аж подскочил папа. — Я хочу, чтобы все знали: мы живем в иную эру. Я хочу, чтобы народ мог заводить детей в каждом сезоне солнца.

— Да. Вы нацелились захватить нас. Скажите, Андерхилл, а у вас уже есть тайные школы для внефазников? Нашлись ли уже сотни тысяч подобных вашей шестерке, которые только и ждали вашего приглашения?

— Э-э, нет. Пока что нам не удалось найти приятелей по играм для наших детей.

Долгие годы им хотелось найти таких приятелей. Мама их искала, пока безрезультатно. Гокна с Вики пришли к выводу, что другие внефазники очень хорошо спрятаны… или очень редки. Иногда Вики задумывалась, уж не прокляты ли

они в самом деле; так трудно было найти подобных себе.

Достопочтенная Педура перегнулась назад на своем насесте, улыбаясь почти дружелюбно.

— Это последнее обстоятельство утешает меня, мастер Андерхилл. Даже в наши времена большинство пауков остаются верны моральным традициям, а перверсии вроде вашей — редкость. Тем не менее «Детский час науки» остается популярен, хотя многим внефазникам сейчас уже больше двадцати лет. Ваша передача — соблазн, ранее невиданный. А наша дискуссия, следовательно, крайне важна.

— О да. Я тоже так думаю.

Достопочтенная Педура нахохлилась. Вот же зараза. Эта паучиха просекла, что папа имеет в виду. Если выманит папу на дискуссию… можно влипнуть. Следующий вопрос Педура задала светским тоном, окрашенным легким любопытством:

— Мне кажется, мастер Андерхилл, что нравственный закон вам понятен. Возможно, вы полагаете его чем-то вроде законов искусства, которые могут быть отменены великими мыслителями-новаторами вроде вас?

— Великими мыслителями? Пф. — Но вопрос

увлек папу, разбередив воображение и уведя от наставительной риторики. — Вы знаете, Педура, я никогда не смотрел на мораль в таком аспекте. Какая интересная идея! Вы предлагаете считать, что нравственные законы можно игнорировать тем, у кого своеобразный… как это сказать? Врожденный талант творить добро? Нет уж… Хотя признаю, что я малограмотен в вопросах морали. Я люблю играть, я люблю размышлять. Вылазка во Тьму была величайшим приключением, это почти так же важно, как ее военный эффект. Наука разительно изменит будущее паучества. Мне доставляет крайнее удовольствие заниматься подобными вещами, и я хочу, чтобы общественность, в том числе *подлинные* эксперты морали, осознали закономерные последствия перемен.

Достопочтенная Педура согласилась:

— И впрямь.

Саркастические нотки были уловимы, только если слушать так пристально, как маленькая Виктория.

— А вы, что ли, рассчитываете чем-то заменить Тьму, великую очистительницу, великую загадку?

Папа пренебрежительно отмахнулся пищевыми руками. Кажется, он забыл, что по радио

выступает.

— Наука сделает Тьму Солнца такой же невинной и понятной, как тьма в конце каждого дня.

В рубке Диди аж пискнула от изумления. Вики впервые услышала у звукоинженера такую реакцию на передачу, которую та помогала транслировать. На сцене Раппапорт Дигби вдруг сел так прямо, словно ему палку в брюхо воткнули. Папа вроде бы не заметил, а ответ достопочтенной Педуры оказался так же спокоен, словно они обсуждали, не пойдет ли дождь:

— И что, мы станем жить и трудиться во Тьме, словно это лишь одна долгая ночь?

— Да! А как вы думаете, зачем вся эта болтовня про ядерную энергию?

— Значит, все мы станем Странниками во Тьме и не останется ни Тьмы, ни тайны, ни Глубины, где отдохновение влачит ум паучий. Наука отнимет все.

— Пф. В этом маленьком мирке больше не будет настоящей тьмы, это да. Но Тьма пребудет вовеки. Вы на улицу ночью выйдите, леди Педура. Взгляните вверх. Мы окружены Тьмой и всегда будем ею окружены. И как заканчивается Тьма с Новым Солнцем, так ужимается Тьма величайшая перед светом миллиона миллионов звезд. Подумайте!

Если солнечный цикл некогда был меньше года, то, значит, еще раньше солнце светило все время со срединной яркостью. У меня есть студенты, которые полагают, что большинство звезд — как наше солнце, только намного, намного моложе, и вокруг них вращаются миры вроде нашего. Вам нужна тьма, которая пребудет вовеки, тьма, от которой зависят пауки? Педура, вот вам небесная глубина, и нет ей конца и края.

И тут папу унесло в рассуждения о космических полетах. Даже у дипломников глаза стекленели, когда папа заводил разговоры на эту тему; лишь свихнутые упрямцы специализировались на астрономии. Так все это странно, перевернуто с ног на спину и панцирем внутрь. Для большинства идея, что такие устойчивые огни, как звезды в небе, похожи на наше солнце, требовала большей веры, чем многие религии.

Дигби с достопочтенной Педурой сидели, разинув пасти, пока папа углублялся в теорию. Дигби всегда нравилась околонаучная часть передачи, и вид у него был совершенно загипнотизированный. Педура, однако, быстро оправилась от первоначального шока. Либо она это уже слышала, либо рассуждения уводили ее с нужного пути.

Часы на стене рубки отсчитывали время до очередной оргии рекламы, которая неизменно завершала передачу. Папа явно решил оставить за собой последнее слово… но Вики подозревала, что достопочтенная Педура следит за часами куда внимательней всех в студии, выжидая тщательно выбранного стратегического момента.

И вправду, клирик приблизила к пасти микрофон и громко перебила Шерканера, сбивая с мысли:

— Все это интересно, но колонизация космического пространства — уж точно не в текущем поколении.

Папа пренебрежительно махнул рукой:

— Вероятно, да, но…

Достопочтенная Педура продолжала тоном академического интереса:

— Итак, величайшая перемена ближайшего будущего — это завоевание грядущей Тьмы в конце нынешнего солнечного цикла?

— Верно. Нам, всем, кто слушает радиопередачу, больше не потребуются глубины. Это обещает нам ядерная энергия. Все большие города получат достаточно энергии, чтобы остаться в тепле на два с лишним века, на все время следующей Тьмы. Итак…

— Понятно. Вот зачем вам нужны эти крупные строительные проекты? Упрятать города под землю?

— Да, и фермы тоже. Нам следует обеспечить…

— И вот, значит, в чем смысл политики поощрения внефазных родов. Вам нужно дополнительное поколение взрослых.

— Не совсем. Это просто особенность нового…

— Итак, Гокнанский Аккорд войдет во Тьму, располагая армией в сотни миллионов Темноходцев. А что делать остальному миру?

Папа, кажется, понял, что наметились проблемы.

— Мм, но остальные технологически развитые страны могут последовать нашему примеру. Более бедные вольны остаться с обычными глубинами, их пробуждение настанет позже.

В голосе Педуры лязгнула сталь внезапно захлопнувшегося капкана.

— *Их пробуждение настанет позже*. Великую Войну выиграли четверо Темноходцев, повергнув самое могущественное государство мира. В новой Тьме у вас будут миллионы Темноходцев. Кажется, что вы готовите величайшую глубинную резню в истории.

— Нет-нет, совсем нет. Да зачем…

— Простите, леди и сэр, наше время заканчивается.

— Но…

Дигби отмел возражения папы.

— Я хотел бы вас поблагодарить за согласие принять участие в сегодняшней передаче, и… — бла-бла-бла…

Педура на сцене слезла с насеста сей же миг, как Дигби закончил речь. Микрофоны отключились, Вики уже не слышала ее слов. Церковница, видимо, обменивалась любезностями с ведущим на прощание. На другом краю сцены папа выглядел обескураженным. Когда достопочтенная Педура скользнула мимо него к выходу, папа слез и пошел за ней, возбужденно что-то доказывая. Педура не обращала на него внимания, если не считать мерзкой улыбочки.

Вики видела, как позади Диди Ультмот переключает эфир на самую важную часть выпуска, рекламу. Наконец она отвернулась от панели. В аспекте Диди сквозило что-то странное.

— Ты знаешь, а идейки у твоего папика и вправду… занятные.

Пошла череда аккордов, которую можно было счесть музыкой, потом слова:

— Острые руки — счастливые руки. Веселая

лента избавит от скуки…

Паучьей рекламе на Принстонском радио зачастую уделялось особое внимание. Освежитель после линьки, глазная паста, леггинсы — многие продукты имели определенный смысл, хотя агитация за их покупку — нет. Другие объявления казались абракадаброй, особенно если речь шла о прежде неизвестном продукте, а переводили неотвязники второго звена.

Сегодня на рекламе сидели именно они. Жэюн, Брут и Триксия сучили руками и ногами, оторванные от сигнального потока. Надзиратели уже приближались отвести их в загончик. Толпа, собравшаяся у Бенни, рекламой не слишком интересовалась.

— Не так прикольно, как с детишками, но…

— Ты просек этот выверт насчет космических полетов? Интересно, как оно повлияет на график? Если…

Эзр не прислушивался. Взгляд его был прикован к стене, а болтовня оставалась жужжащим фоном. Триксия выглядела хуже обычного. В ее глазах Эзру чудилось отчаяние. Он часто улавливал там эту эмоцию, и десятки раз Анне Рейнольт ему объясняла, что дело всего лишь в желании Триксии побыстрее вернуться к работе.

— Эзр? — Его осторожно тронули за рукав. Киви. В какой-то момент передачи она проскользнула в бар. Она это и раньше делала: сидела и смотрела передачу молча. Сегодня отважилась притвориться подругой. — Эзр, ну я…

— Не трать слов.

Эзр демонстративно отвернулся.

И поэтому он смотрел прямо на Триксию, когда это случилось. Загонщики уже вывели Брута. Когда мимо Триксии протаскивали Цзоби Жэюн, Бонсол взвизгнула, дернулась из кресла и врезала кулаком девушке прямо в нос. Цзоби рванулась в руках надзирателя, пытаясь увернуться. Ошеломленно уставилась на вытекающую из носа кровь, утерлась рукой. Другой техник схватил вопящую Триксию, прежде чем та успела добавить. Визг Триксии непонятно почему прозвучал на общем аудиоканале:

— Педура плохая! Умереть! Убить!

— Ой, зараза. — Трад Силипан оттолкнулся от кресла рядом с Эзром и полетел к выходу из бара. — Рейнольт с меня шкуру сдерет. Мне надо в Хаммерфест.

— Я с тобой. — Эзр протолкался мимо Киви и нырнул к двери.

В баре на миг воцарилось шокированное мол-

чание, потом все заговорили разом, но Эзр уже почти выбрался в коридор и не слышал о чем. Он догонял Силипана. Они быстро направились в главный коридор и к ангарам шлюпок. У шлюзов Силипан что-то отстучал на своем компьютере, потом развернулся:

— Ну чего вам двоим надо, етить вашу мать?

Эзр обернулся и увидел, что за ними из бара увязался не кто иной, как Фам Тринли.

— Трад, мне туда надо, — сказал Эзр. — Мне нужно Триксию увидеть.

У Тринли тоже был встревоженный вид.

— Это чё, у нас сделка полетела, Силипан? Я должен быть уверен…

— Ой, зараза. Да, надо прикинуть, как это скажется. Ладно, валяйте.

Он покосился на Эзра:

— Но ты вот что учти: ты ничем не поможешь.

— Я с тобой, Трад.

Эзр обнаружил, что висит меньше чем в десятке сантиметров от авральника, подняв стиснутые кулаки.

— Ладно, ладно! Только не мешайся под ногами.

Спустя миг шлюз мигнул зеленым, они нырнули в такси-шлюпку и отчалили от времянки,

набирая ускорение. Астероиды, подсвеченные солнцем, выстроились аккурат поперек синего диска Арахны.

— Вот же зараза. Ну какого хера это случилось, когда мы были на дальней стороне? Эй, такси!

— Да?

— Кратчайшим путем в Хаммерфест. — Обычно аппаратуру такси приходилось уговаривать, но, видимо, своенравная автоматика уловила тон и голос Трада.

— Дассэр. — Шлюпка набрала почти 0,1*g*. Силипан и остальные вцепились в страховочные ремни и пристегнули себя. Впереди стремительно увеличивалась в размерах группа скал.

— Твою… это реальная засада. Рейнольт развоняется, что меня на работе не было.

— А разве ты там был? — резонно заметил Тринли, сидевший справа от Силипана.

— Ну, не был, но это же не важно. Ет-тить, да этим гноесосам-переводчикам одного техника в норме хватает. А теперь *на меня* всех собак повесят.

— А с Триксией все будет в порядке?

— А почему Бонсол так себя повела? — спросил Тринли.

— А хрен его знает. Ты же в курсе, что у них

там постоянная грызня, особенно если неотвязники одно дело делают. Но это тупо на ровном месте вылезло. — Силипан вдруг замолчал. Долгое мгновение пялился в наглазники, потом добавил: — Все будет хорошо, все будет хорошо. Думаю, там просто аудио с планеты не выключили вовремя. Ну, микрофон остался включен, может, кто-то в рубке облажался. Может, Андерхилл ту паучиху по панцирю царапнул. Если так, то Бонсол «перевела» правильно. Ё-моё!

Силипан не на шутку занервничал, оттого и цеплялся за случайные объяснения. Тринли же был слишком туп, чтобы это понять. Он ухмыльнулся и слегка потрепал Силипана по плечу:

— Будь спок. Ты же знаешь, Киви Лизолет мы подмазали. Вахтмастер Нау, значит, тоже хочет расширить обязанности неотвязников. Ну, мы и скажем, что ты во времянку прилетел мне помочь проработать детали.

Такси развернулось и круто пошло на посадку в ангар Хаммерфеста. Скалы и Арахна заметались по небу.

25

Они не видели, как достопочтенная Педура уходит с радиостанции. Папа был слегка подав-

лен, но улыбался и смеялся, когда паучата стали наперебой хвалить его выступление. Он даже не пожурил Гокну за то, что «десятку» показала. Брент сидел с ним впереди всю дорогу обратно в Дом на Холме.

Гокна с Вики в машине отмалчивались. Они понимали, что все тут делают хорошую мину при плохой игре.

Когда вернулись домой, до ужина оставалось еще два часа. Кухарка заверила, что генерал Смит из Ставки вернулась и на ужине появится. Гокна с Вики переглянулись. Любопытно, что мама папе скажет. Самый сок будет за ужином. Ладно, что же делать остаток дня? Сестры расстались и стали бродить поодиночке по спиральным залам Дома на Холме. Некоторые комнаты, их было много, всегда оставались на замке. Были среди них и такие, для которых детишкам ни разу не удалось подобрать ключа. Генерал разместила тут собственные кабинеты, хотя большую часть работы выполняла внизу, в Ставке.

Вики сунулась в папину берлогу, расположенную на уровне земли и кафе для техников, но ненадолго. Она с Гокной поспорила, что папа прятаться не станет, но теперь поняла, что «прятаться не станет» не равнозначно «будет легок на

помине». Она слонялась по лабораториям, находя типичные следы его присутствия: озадаченных, в разной степени ошарашенных или, напротив, плененных неожиданным озарением дипломников. («Ослепление Андерхиллом» — так студенты называли это состояние: если кто выходит от папы озадаченным, есть вероятность, что папа подкинул стоящую идею. Если же испытал мгновенное озарение, это, скорее всего, означает, что папа обманул и себя, и ученика, пойдя по ложной тропе.)

Новая лаборатория обработки сигналов располагалась почти на самом верху здания, под усеянной экспериментальными антеннами крышей. Тут Вики столкнулась с Джейбертом Лэндерсом, который как раз спускался по лестнице с крыши. Паучара не был «ослеплен Андерхиллом». Скверно.

— Привет, Джейберт. Ты не видел моего…

— Ага, они оба в лаборатории. — Джейберт провел рукой над плечом.

Ага! Но Вики не спешила проскакивать мимо. Если генерал и вправду там, может, у них какое-то важное совещание по разведвопросам.

— Так что случилось-то, Джейберт?

Разумеется, Джейберт истолковал вопрос пре-

вратно, решив, что Вики заинтересовалась его исследованиями.

— Черт знает что. Я сегодня утром антенну на связь со Ставкой настраивал. Сперва все было чики-пики, но потом пошли эти пятнадцатисекундные накладки. Такое впечатление, что в поле зрения две станции, о которых я ничего не знаю. Я как раз твоего отца хотел расспросить… — Джейберт провел Вики на несколько ступеней вниз, пока девчонка согласно попискивала в ответ на заумные рассуждения молодого паучары о каскадах усиления и затухании переходного процесса. Несомненно, Джейберту очень льстило внимание папы, и, несомненно, папе было приятно найти предлог укрыться в его лаборатории. И тут мама…

Вики оставила Джейберта внизу в его рабочей клетушке и взметнулась обратно, на этот раз обойдя лабораторию со стороны служебного входа. Там, в конце коридора, виднелась колонна света. Ха! Дверь приотворена. Она слышала генеральский голос. Вики проскользнула по коридору дальше.

— …не понимаешь, Шерканер, хоть убейся. Ты умен. Ну как ты можешь выставлять себя полным идиотом?

Младшая Виктория помедлила, чуть не попятившись по коридору. Она никогда еще не слышала, чтобы мама говорила с папой так гневно. Ей стало физически больно. С другой стороны, Гокна все что хочешь отдаст за сводки Вики с места событий. Вики неслышно засеменила дальше, вертя головой по сторонам и подсматривая через узкую щелку. Лаборатория была такой, какой она ее запомнила: тут было полно осциллографов и высокоскоростных регистраторов. С некоторых были сняты кожухи, но мама явно пришла раньше, чем папа с Джейбертом всерьез взялись за электронную расчлененку. Мама стояла перед папой, заслоняя его для лучших глаз Вики. «Могу поклясться, я в центре ее слепого пятна».

— …неужели все так скверно вышло? — говорил папа.

— Да!

Шерканер Андерхилл потупился под пылающими генеральскими взорами:

— Не знаю. Эта паучиха меня застала врасплох. Реплика насчет маленького Брента… Я понял, что сейчас начнется. Мы с тобой об этом говорили. Мы с Брентом тоже об этом говорили. Но мне все равно ноги перешибло. Я совсем сконфузился.

Мама ткнула в него рукой, отвергая объясне-

ния:

— Не в этом проблема, Шерк. Ты дал отличную отповедь. Боль прорвалась через кокон отцовской заботы. А через несколько минут она тебя вывела на…

— Если не считать астрономии, я не затронул ничего такого, о чем мы не планировали бы рассказать в передаче в течение следующего года.

— Но ты все на них вывалил в один миг!

— Знаю… Педура на меня произвела впечатление умной, пытливой паучихи. Вроде Хранка или тех, кто тут в Доме на Холме работает. Она задавала интересные вопросы, и меня понесло. И знаешь что? Даже сейчас… даже сейчас Педура кажется мне умной и гибкой. Дали бы мне время, я бы, думаю, ее перетянул на нашу сторону.

Генерал рассмеялась резким невеселым смехом:

— О Господь Глубин, да ты просто дурень! Шерк, я… — Мама потянулась его потрепать по плечам. — Прости. Забавно: я со своими штабистами такого себе не позволяю, как сейчас с тобой.

Папа успокаивающе агукнул, точно говоря с Рапсой или малышом Хранком.

— Ты же знаешь, почему так вышло, дорогая. Ты меня любишь не меньше, чем себя. А как ты

себя грызешь, я знаю.

— Внутри. Только внутри, и притом молча. — Они помолчали мгновение, и маленькая Виктория пожалела, что проиграла игру в разведчиков Гокне. Но когда мама заговорила снова, голос ее прозвучал почти нормально. — Мы оба тут облажались. — Она открыла свой кейс и вытащила какие-то документы. — В следующем году «Детский час науки» должен был поднять вопрос ценности и возможности выживания во Тьме, одновременно с началом первых строительных работ. Мы понимали, что они неизбежно приведут к гонке вооружений, но на этом этапе ничего серьезного еще не ожидается.

— А что, сейчас может начаться?

— Опасные маневры — как минимум. Ты знаешь, что Педура из Тифштадта.

— Ну да. Акцент узнаваем.

— Ее прикрытие превосходно, потому что ей по большей части и врать-то не надо. Достопочтенная Педура — третий клирик Церкви Тьмы. А еще она агент среднего уровня Дела Божьего.

— Клан.

— Именно. Мы с тиферами после войны в неплохих отношениях, но Клан намылился положить этому конец. Они уже негласно подчинили

себе несколько малых государств. При этом они выступают как законопослушная секта Церкви, но…

Далеко внизу по коридору за Викторией-младшей кто-то зажег свет. Мама подняла руку и вдруг оцепенела. Ой. Наверное, заметила тоненький силуэт, знакомые бороздки и бронерифль хитина. Не оборачиваясь, Смит протянула к маленькой шпионке длинную руку:

— Младшая! Закрой дверь и возвращайся к себе. Немедленно.

Маленькая Виктория ответила тихо, пристыженно:

— Да, мам.

Закрывая щель служебного входа, она еще успела услышать последнюю мамину реплику:

— Черт. Я пятьдесят миллионов в год трачу на систему безопасности переговоров, а моя собственная дочка их перехватывает!

В клинике под Хаммерфестом было не протолкнуться. В предыдущие появления Фама тут присутствовали Трад, иногда какой-нибудь техник из его подчиненных да парочка «пациентов». Сегодня… гм, ручная граната бы большего шороху среди фокусированных не навела, наверное. Оба томографа заняты. Один из надзирателей готовил

Цзоби Жэюн к сеансу МРТ, та стонала и отбрыкивалась. В углу Дитер Ли — физик, что ли? — висел вниз головой и что-то бормотал себе под нос.

Рейнольт зацепилась ногой за скобу у потолка и тоже свесилась оттуда, наблюдая за происходящим у томографов так, чтобы не мешать техникам. Когда появились Фам с Винем, она даже не оглянулась.

— Так, индукция закончена. Держите ей руки.

Техник вытащил пациентку на середину комнаты. Это оказалась Триксия Бонсол; она огляделась, явно никого не узнавая, и разрыдалась.

— Вы ее расфокусировали! — крикнул Винь, проталкиваясь мимо Трада с Тринли. Фам одним движением зацепился за упор так, чтобы при этом перехватить Виня, Эзра повело в другую сторону и слегка приложило о стену.

Рейнольт глянула на Виня.

— Молчите или убирайтесь, — сказала она. Ткнула в Била Фуонга. — Вставляйте доктора Жэюн. Я хочу… — Пошел технический жаргон. Обычный бюрократ их бы наверняка вышвырнул. Анне Рейнольт было все равно, пока они ей не мешают.

Силипан перелетел к Фаму с Винем. Вид у него был подавленный и мрачный.

— Ага, Винь, ты бы матюгальник закрыл. — Он покосился на дисплей МРТ-программатора. — Бонсол все еще фокусирована. Мы просто временно отключили ее лингвистические способности. Так будет легче ее… лечить. — Он неуверенно покосился на Бонсол. Женщина свернулась клубком, насколько позволяли путы. Ее продолжал колотить безнадежный, безутешный плач.

Винь подергался было в руках Фама и застыл неподвижно, слегка подрагивая. На миг показалось, что он сейчас разрыдается тоже. Потом мальчишка выгнулся, отвернулся от Бонсол и закрыл глаза.

В комнате прозвучал громкий голос Томаса Нау:

— Анне? У меня три треда с анализами пропали, когда вся эта кутерьма началась. Ты вообще знаешь…

Рейнольт ответила почти тем же тоном, что и Виню:

— Дайте мне килосекунду. У меня как минимум пять случаев разбегания гнили.

— Господи… Ладно, Анне, ты мне отписывайся.

Рейнольт уже с кем-то другим говорила:

— Хом! Что там с доктором Ли?

— Он в порядке, мэм, я его слушаю. На радиопе-

редаче что-то случилось, и…

Рейнольт перелетела через комнату к Дитеру Ли, умудрившись увернуться от неотвязников, техников и аппаратуры.

— Это странно. Между физиками и радиогруппой не должно быть перекрывания каналов.

Техник пробежался по карточке, пристегнутой к халату Ли.

— В его сводке значится, что он слышал трансляцию.

Фам заметил, как с трудом сглотнул слюну Силипан. Это его оплошность? Черт. Если чувак попадет в опалу, Фам потеряет выход на клинику фокуса.

Но Рейнольт не замечала сбежавшего в самоволку техника. Она склонилась к Дитеру Ли и послушала, что тот лепечет.

— Вы правы. Он зациклился на словах того паука насчет В(ы)ключенной. Сомневаюсь, что у него настоящее разбегание. Вы там за ним смотрите, если попадет в реальную петлю, сразу скажите.

Еще голоса со стен, на сей раз явно фокусированные:

— В лабораториях Аттика двадцать процентов рудиментарного… вероятная причина: перекрестно-профессиональные реакции на аудиопоток

2738 с «Детского часа науки»… неустойчивость неконтролируема…

— Слышу вас, Аттик. Готовьтесь к быстрому отключению.

Рейнольт вернулась к Триксии Бонсол. На рыдающую женщину она смотрела с жутким сочетанием пристального интереса и полной отстраненности. Потом резко отвернулась, взгляд ее впился в Трада Силипана.

— Эй, ты! А ну сюда!

Трад перелетел через комнату к начальнице.

— Да, мэм! Я здесь, мэм! — Впервые в голосе его не было ленивой наглости. Может, Рейнольт и неведома концепция мести, но ее вердикты претворять в жизнь будут Нау с Брюгелем. — Я проверял эффективность работы переводчиков, мэм, то есть насколько посторонним… — (вероятно, тайным покровителям забегаловки Бенни), — будет доступен перевод.

Рейнольт не искала его оправданий.

— Давай офлайников. Пусть проверят журнал работы доктора Бонсол.

Она склонилась к Триксии, сверля ее испытующим взглядом. Переводчица уже не плакала. Тело ее свернулось судорожным клубком.

— Не уверен, что эту нам удастся спасти.

Эзр Винь снова дернулся в цепких руках Фама, и на миг показалось, что он готов заорать. Но потом только бросил на Фама странный взгляд и остался неподвижен. Фам ослабил захват и потрепал парня по плечу.

Эти двое наблюдали молча. «Пациентов» приносили и уносили. Еще нескольких отключили. Цзоби Жэюн вышла из программатора в ненамного лучшем состоянии, чем Триксия Бонсол. Последние несколько вахт у Фама была уйма возможностей понаблюдать за работой Силипана и вытянуть из него технические подробности. Он даже заглянул в учебники для начинающих техников фокуса. Но ему впервые выпал шанс вблизи посмотреть на работу Рейнольт и остальных специалистов.

Тут явно творилось нечто очень серьезное. Разбегание мозговой гнили. Сражаясь с этой проблемой, Рейнольт как никогда близко, на памяти Фама, подошла к проявлению эмоций. Несколько фрагментов головоломки удалось сложить сразу. Запрос Трада в начале прений возбудил перекрестный поиск по множеству специальностей. Поэтому так много неотвязников слышали передачу. Их анализ несколько сот секунд следовал обычной процедуре, но стоило

запостить результаты, как у переводчиков наметился коммуникационный всплеск. В норме это решалось совещательно, уточнением слов, которые надлежало произнести вслух. На сей раз пошла полная чушь. Сперва поплыла Триксия, за ней большая часть остальных переводчиков: нейрохимические данные неотвязников указывали на бесконтрольное распространение гнили. Серьезный ущерб был понесен еще до того, как Триксия набросилась на Цзоби Жэюн, но это стало отметкой начала массового разбегания. Что бы ни расползалось по сети неотвязников, это спровоцировало каскад сходных вспышек. Прежде чем опасность ситуации была в полной мере осознана, пострадало примерно двадцать процентов всех неотвязников — вирус в их мозгах сорвался с цепи и затапливал нервную ткань потоками психоактивных веществ, смешанных с токсинами.

Навигаторы-неотвязники не пострадали. Неотвязники Брюгеля пострадали умеренно. Фам следил за каждым движением Рейнольт, впитывал любые подробности, искал любые ключи к разгадке. «Если получится что-нибудь в этом роде провернуть с неотвязниками-сетевиками первой точки Лагранжа, если отключить Брюгеля…»

Анне Рейнольт, казалось, всюду поспевала. И все техники подчинялись ей одной. Это она спасла большинство неотвязников Ритсера; она организовала частичную перезагрузку в Аттике. И Фам подумал, что без Анне Рейнольт спасти не удалось бы никого и ничего. Если бы неотвязная поддержка заглючила в родной системе авральников, это создало бы временные неудобства, и только. В университетах выращивали подменных специалистов, сотни клиник пересоздавали фокусированных. Тут, за двадцать световых лет от Аврала, дело другое. Тут маленькие глюки разрастались бы бесконтрольно… и без помощи невероятно умелого управленца вроде Анне Рейнольт власть Томаса Нау рухнула бы.

Энцефалограмма Цзоби Жэюн стала ровной вскоре после ее извлечения из аппарата МРТ. Рейнольт на миг оторвалась от перезагрузки работ в Аттике и уделила переводчице драгоценные мгновения. В этом она не преуспела. Сотней секунд позже разбегание гнили отравило ствол мозга Жэюн… а остальное уже было не важно. Рейнольт хмуро оглядывала неподвижное тело еще секунду. Потом жестом велела техникам пустить его в расход.

Фам смотрел, как выносят из клиники Триксию

Бонсол. Она была еще жива; сама Рейнольт сопровождала ее носилки.

Трад Силипан помчался за ними к двери. Внезапно вспомнив про двух залетных гостей, он обернулся и жестом велел им убираться.

— Хорош, Тринли. Представление окончено.

Силипан был насуплен и бледен. Точная причина разбегания оставалась неизвестна; таинственное взаимодействие между неотвязниками — так-то. Но это Трад воспользовался сетью, послав запрос в начале прений, хотя этот его поступок не должен был привести к существенным затратам ресурсов. И Траду капитально не повезло. Если даже его запрос не спровоцировал разбегание, он был с ним каким-то образом связан. У Чжэн Хэ запрос Силипана расценили бы просто как еще одну ниточку к разгадке. К сожалению, авральники имели дурную привычку определять степень вины исполнителя постфактум.

— С тобой-то все будет в порядке, э, Трад?

Трад чуток испуганно, едва заметно передернул плечами и выгнал их из клиники.

— Гони к себе во времянку. И не дай Виню увязаться за своей неотвязницей.

Потом он развернулся и умчался за Рейнольт.

Фам с Винем стали выбираться из глубин Хаммерфеста. Они остались одни, ну, не считая неизбежных ищеек Брюгеля. Винь затих. В каком-то смысле сегодня ему так приложили по морде, как за много лет не настучали, может, после самой гибели Джимми Дьема он не получал такого удара. Для потомка в энном колене Эзр Винь выглядел чересчур знакомо. Лицо его напоминало Фаму лицо молодого Ратко Виня, а еще обладало значительным сходством с чертами Суры. Неприятным сходством, стоит сказать. «Может, подсознание меня о чем-то предупреждает… Да». Не только в клинике, а всю эту вахту парень на него частенько поглядывал… скорее расчетливым, чем презрительным взглядом. Фам стал вспоминать, как вел себя в это время его персонаж, Тринли. Конечно, рискованно с его стороны так интересоваться фокусом. Но у него прикрытие — сделки с Традом. Нет-нет, даже в те моменты, пока они стояли в клинике и разум Фама полностью сосредоточился на Рейнольт и загадке Бонсол, даже в те моменты, был уверен Фам, выглядел он лишь слегка раздраженным: старый шарлатан психует, что эта напасть помешает им с Традом проворачивать делишки. Но каким-то образом Винь проник под его маску.

Как? И что с этим делать?

Они выбрались из главного вертикального коридора и начали спуск к ангару транспортных шлюпок. Везде тут были работы фокусированных: на потолке, стенах, на полу. В этих местах алмазные стены бывали источены до полной прозрачности. Синий свет, свет полной Арахны, мягко сочился сквозь кристалл, становясь то ярче, то тусклее в зависимости от глубины резьбы. Арахна из первой точки Лагранжа всегда наблюдалась в полной фазе, и астероиды оставались в одной и той же фазе относительно солнца, поэтому свет был неизменен годами. Некогда Фам Нювен восторгался бы этими произведениями искусства, но теперь он знал, *как именно* они были созданы. Вахту за вахтой они с Традом Силипаном спускались по шахте и видели работу граверов. Нау с Брюгелем избавлялись от неотвязников, не имевших ценной специальности, пуская время их жизни на создание этих фресок. Фам полагал, что как минимум двое успели умереть своей смертью. Те, кто еще не умер, отсюда уже ушли: наверное, заканчивают отделку менее важных коридоров. «Когда я возьму власть, все будет иначе». Фокус — ужасная штука. Его стоит использовать только в самых критических

случаях.

Они миновали боковой коридор, отделанный выращенным в баках деревом. Узоры на панелях плавно извивались, следуя изгибам коридора, который вел вниз, в апартаменты Томаса Нау.

И тут появилась Киви Лин Лизолет. Может, заслышала их приближение. А более вероятно, что увидела, как Фама с Эзром выставили из клиники. В любом случае она тут уже достаточно долго прождала: опустилась ногами на пол, как на планете, при нормальной силе тяжести.

— Эзр, постой. Можно тебя на минутку, поговорить? Я не думала, что эти передачи могут повредить…

Винь летел перед Фамом, но тут безмолвно остановился, тормознувшись о стену. Голова его резко вскинулась при виде Киви. На миг показалось, что он врежется прямо в девушку. Она заговорила с ним. Винь резко оттолкнулся от стены, нырнув прямо к ней. В невесомости движение столь же угрожающее, как тычок в лицо.

— Эй, эй! — завопил Фам и заставил себя зависнуть позади в притворной нерешительности. Он уже сегодня разок удержал парня, а тут сцена полностью просматривается ищейками. Кроме того, Фам посмотрел в свое время, как Киви рабо-

тает снаружи. Она в лучшей физической форме, чем кто бы то ни было в первой точке Лагранжа, и акробатка от природы. Может, до Виня сейчас дойдет, что лучше сорвать гнев на ком-то другом.

Но Киви не стала защищаться, даже не дернулась в сторону. Винь извернулся и отвесил ей такой силы оплеуху, что их закрутило в противоположные стороны.

— Да, можно! — проскрежетал Винь. — Очень даже можно! — Метнувшись следом, он снова ударил Киви. И та снова не стала защищаться, даже руки не подняла прикрыть лицо.

И тогда Фам Нювен, не успев сложить связной мысли, рванулся вперед. В дальнем уголке сознания над ним кто-то подсмеивался: надо же, ради защиты одной невинной девчушки годы маскировки коту под хвост. Но из того же уголка исходила радость.

Фам поднырнул, переводя прыжок в якобы бесконтрольное вращение, так что врезался Виню прямо под дых и отшвырнул молодого человека к стене. Втайне от камер Фам ему еще локтем добавил. Сразу после удара голова Виня стукнулась о стену. Будь они в тех алмазных коридорах с резными стенами, Эзр мог бы серьезно пострадать.

Да и то, когда Винь отлепился от стены, руки его бессильно обвисли. На затылке выступили бисеринки крови.

— Ты себе кого-нить по размеру подбери, Винь! Трусливый ты дохляк, паразит гребаный! Все вы, торговцы из Великих Семей, одинаковы!

Гнев Фама был непритворен, но злился он в основном на себя, за то, что рисковал провалить легенду.

В глазах Виня понемногу проявилось сознание. Он глянул на Киви в четырех метрах ниже по коридору. Девушка ответила ему взглядом, в котором странно перемешались шок и решимость. А потом Винь перевел взгляд на Фама, и старика пробила дрожь. Может, ищейки Брюгеля не заметят через камеры при таком освещении, но парень явно понял, насколько точно был рассчитан бросок Фама. На миг двое замерли друг против друга, глядя прямо в глаза, потом Винь высвободился и улепетнул дальше к ангару. Вид у него был, точно у побитой собаки. Но Фам уловил выражение его глаз; с Эзром Винем срочно надо было разбираться.

Киви понеслась Виню вслед, но затормозила, не успев пролететь и десятка метров. Она застыла на углу одного из коридоров, глядя в том направ-

лении, куда скрылся Винь.

Подоспел Фам. Он понимал, что надо сматывать удочки. Несомненно, за ними сейчас следят через несколько камер, а рядом с Киви ему тяжеловато будет оставаться в личине. Так что ж ей сказать, чтобы безопасно смыться?

— Не беспокойся, девочка. Винь того не стоит. Он тебя больше не обидит, гарантирую.

Спустя миг девушка повернулась к нему. Господи, она так стала похожа на мать… Нау держал ее чуть ли не вахту за вахтой. В глазах Киви стояли слезы. Он не видел ни царапин, ни крови, но на темной коже начинали проступать синяки.

— Я правда не хотела его обидеть. Господи, не знаю, что мне делать, умри вдруг Т-триксия. — Киви отвела назад коротко стриженные темные волосы. Выросла она или нет, а выглядит такой же потерянной, как в первые дни после Резни Дьема. Она так исстрадалась в одиночестве, что готова была исповедаться даже пустобреху Фаму Тринли. — Когда… когда я была маленькая, я Эзра Виня больше всех во вселенной уважала, после родителей. — Она покосилась на Фама и улыбнулась трепетной, болезненной улыбкой. — Я так хотела, чтоб он обо мне хорошо думал. А потом нас атаковали авральники, и потом Джимми

Дьем убил мою маму и всех остальных… Мы все в одной утлой лодчонке плывем. Нельзя нам больше убивать друг друга. — Она резко тряхнула головкой. — Ты знаешь, что Томас после Резни Дьема ни разу в гибернатор не ложился? Он прожил эти годы секунду за секундой. Томас такой серьезный, он так тяжело работает. Он верит в фокус, но открыт новому мышлению. — Она говорила с Тринли словами, которые заготовила для Эзра. — Заведения Бенни не было бы без Томаса. Торговли не было бы, бонсайчиков тоже. Мало-помалу мы добьемся от авральников постижения нашего образа жизни. Настанет день, когда Томас согласится отпустить моего папу, и Триксию, и всех фокусированных. Настанет день…

Фаму захотелось обнять ее, утешить. Помимо самих убийц, быть может, один лишь Фам Нювен знал, что в действительности случилось с Джимми Дьемом и что именно Нау и Брюгель вытворяют с Киви Лин Лизолет. Ему бы стоило ее неловко потрепать по голове и уйти, но он почему-то не смог. Он только застыл в неподвижности, притворясь сконфуженным и огорченным. «О да, настанет день. Настанет день, девочка, и за тебя отомстят».

26

Апартаменты и командная рубка Ритсера Брюгеля располагались на борту «Невидимой руки». Он зачастую удивлялся, как это коробейники сумели подыскать столь удачное имя своему кораблю: квинтэссенция дел службы безопасности всего в двух словах. В любом случае «Рука» пострадала меньше всех кораблей, будь то суда Чжэн Хэ или авральников. Каюты экипажа уцелели. Главный двигатель мог бы, вероятно, продержаться на ускорении в 1*g* несколько дней. После захвата системы связи и электроника командного поста были переделаны для удобства работы фокусированных. Здесь, на «Невидимой руке», Брюгель считал себя кем-то вроде бога.

К несчастью, физическая изоляция не предохраняла от разбегания мозговой гнили. Его спусковым крючком становилось эмоциональное перенапряжение фокусированного мозга. А значит, гниль могла распространяться по коммуникационным сетям, хотя обыкновенно такое случалось лишь при тесной совместной работе неотвязников. В цивилизованной обстановке разбегание постоянно осложняло работу, выступая своего рода низкоуровневым багом, лишним

поводом держать наготове подменный материал. Здесь, в богом забытой глуши, гниль несла смертельную опасность. Ритсер понял это почти одновременно с Рейнольт, но отключить неотвязников не мог. Как обычно, Рейнольт обращалась с ним, будто с человеком второго сорта, однако он поневоле сдержал себя. Они разбили аналитиков разведки на мелкие группы и занялись каждой по отдельности; результирующий интеллект был фрагментирован, и отчеты требовали кропотливой дополнительной обработки. Все же ничего важного они не упускали, и постепенно все детали удавалось выяснить.

В первые двадцать килосекунд Ритсер потерял на разбегании трех своих ищеек. Он велел Омо пустить их в расход и следить за остальными. Спустившись в Хаммерфест, он пережил долгий разговор с Томасом Нау. Было похоже, что Рейнольт тоже потеряет людей, по меньшей мере шестерых, и в том числе существенную долю переводчиков. Вахтмастера приятно удивил низкий процент потерь у Брюгеля.

— Держи своих людей в сети, Ритсер. Анне считает, что переводчики приняли определенные стороны в том паучьем споре и обычное столкновение позиций неотвязников дало толчок

разбеганию гнили. Может быть, она и права, но дискуссия ведь почти не имела касательства к центру фокуса переводчиков. Как только положение дел стабилизируется, проанализируй каждую секунду записей на предмет подозрительных событий.

Когда миновало еще шестьдесят килосекунд, Брюгель и Нау решили считать, что опасность миновала, ну, во всяком случае для неотвязников службы безопасности. Вахтенный сержант Омо позволил ищейкам снова связаться с людьми Рейнольт, но через буфер, и приступил к детальному сканированию записей недавнего прошлого. Катастрофа и впрямь порушила все планы Ритсера, но, к счастью, ненадолго. В течение примерно тысячи секунд все модули безопасности коммуникационной системы были отключены. Внимательное расследование выявило, что за пределы системы сигналы не отсылались, а раз так, то долгосрочной безопасности проекта ничто не угрожало. Если говорить о локальной ситуации, то переводчики, конечно, что-то там вопили в обход контроллеров, но пауки, разумеется, ничего не заметили; и неудивительно — хаотические передачи вполне сходили за обычные помехи.

В конечном счете Ритсер был вынужден заклю-

чить, что в разбегании гнили повинен несчастный случай. Но среди всякой мусорной ерунды удалось выявить кое-что весьма интересное.

Обычно Ритсер проводил все свое время в рубке «Руки», откуда мог следить за грудой космического утильсырья в первой точке Лагранжа и далекой Арахной. Но когда Сирет и Марли отлучались в Хаммерфест, все ищейки службы безопасности, числом около сотни, оставались на попечении всего двух человек, Туна и Каля Омо. Поэтому Ритсер вынужденно закопался в детали операции, проводимой теми совместно.

— На Виня три флажка в эту вахту, вахтмастер. Из них, кстати сказать, два — в моменты разбегания.

Ритсер завис над головой Омо и глянул вниз, на вахтенных неотвязников. Почти треть спала в своих подвесках. Остальных было не оторвать от работы: они утонули в потоках данных, анализируя журналы событий и сравнивая выводы с результатами фокусированной группы Рейнольт в Хаммерфесте.

— И что у нас на него есть?

— Вот анализ ролика с лабораторной камеры Рейнольт и из коридора рядом с резиденцией вахтмастера Нау.

На экране быстро менялись картинки. Те эпизоды, где язык тел участников возбудил подозрения ищеек, были отмечены особо.

— Ничего особенного?

Похожее на мотыгу длинное лицо Омо искривилось в безрадостной ухмылке.

— Полно такого, за что им бы по первое число вжарили дома, но не здесь, когда приняты МОП.

— А то.

Проведенные вахтмастером Нау в жизнь меры по охране порядка вынудили бы сместить означенного вахтмастера с занимаемой должности на любой другой базе авральников. Более двадцати лет вахтмастер всячески потакал свиньям-коробейникам в их прихотях, отталкивая от себя законопослушных последователей. Поначалу Ритсера это также возмущало. А теперь… теперь он начинал понимать. Томас очень во многом оказался прав. Не было нужды дальше угрожать насилием: если позволить людям общаться свободно, они, сами того не замечая, выболтают много важного, в том числе тайны, которые не принесут ничего, кроме пользы, когда поводок натянется снова.

— А в этот раз что не так?

— Седьмой и восьмой аналитики пришли к

единому мнению о двух последних событиях.

Седьмой и восьмой неотвязники сидели в конце первого ряда. Детьми они, вероятно, носили какие-то имена, но что было, то быльем поросло: в ту пору они даже в полицейскую академию поступить не успели. Фривольные имена и «докторские» титулы могли пригодиться в работе с гражданскими, но в серьезном полицейском учреждении места им не нашлось.

— Что-то раззадорило Виня даже сильнее его обычного гнева. Вы гляньте, как он головой дергает.

Для Ритсера данные значили мало, но он и не обязан был разбираться в деталях экспертизы: он ведь управленец. Омо продолжал:

— Он с большим подозрением наблюдает за Тринли. И это происходит снова, в коридоре, ведущем к транспортным ангарам.

Брюгель пробежался по видеоролику с визитом Виня в Хаммерфест.

— Ага, понятно. Он подрался с Тринли. Оскорбил Трада Силипана. Господи… — Брюгель не сдержал хохота. — Он напал на содержанку Томаса Нау! Но ты говоришь, тревожные флажки связаны с языком тела и движениями глаз?

Омо пожал плечами:

— Подозрительное поведение согласуется с известными нам проблемами этого человека, сэр. И за рамки дозволенного МОП оно не выходит.

Ага, так, значит, Киви Лизолет надавали по щекам прямо на пороге резиденции Томаса. Ритсер обнаружил, что невольно ухмыляется. Все эти годы Томас дурачил бедную шлюшку. Периодические мозгочистки являли собою светлые пятна в унылой жизни Ритсера, особенно это касалось ее реакции на определенные видеоролики. Впрочем, его не покидала зависть. Ему, Ритсеру Брюгелю, эдакий маскарад не по силам даже с мозгочистками. Женщины, которых Ритсер забирал себе, долго не выдерживали. Пару раз в год он вынужден был посещать Томаса и клянчить себе новые игрушки. Ритсер пристрастился к самым привлекательным из тех, кого пускали в расход. Иногда ему везло, как с Флорией Перес. Она бы уж точно заметила последствия мозгочистки Киви; химик она или нет, но с ней надо было ухо востро держать. Всякая удача имеет свои пределы… а впереди лежали еще долгие годы Изгнания. Темные мысли эти были ему знакомы, ибо часто приходили на ум, и Ритсер приучился их отбрасывать.

— Хорошо, и в чем тут суть? Седьмой и восьмой

отметили, что Винь пытается скрыть то, чего не знал прежде, ну, по крайней мере, о чем не думал так упорно?

В цивилизованной обстановке проблемы это бы не составило. Чувака бы просто резали по кусочкам, вытягивая из него ответы. Здесь… ну, иногда удавалось побаловаться скальпелем, а что толку? Слишком многие люди Чжэн Хэ располагали эффективными мозгоблоками, и слишком многих не брала мозговая гниль.

Он поставил отмеченные эпизоды на циклическую прокрутку.

— Гм. Ты хочешь сказать, он догадался, что Тринли на самом деле — Цзамле Эн? — Совсем коробейники с ума посходили; коррупция их почти не беспокоит, а случись кому из их племени ввязаться в торговлю людьми, так его сразу смертной ненавистью ненавидят! Ритсер с омерзением скривил губы. «Пфф. Как низко мы пали. С вахтмастерами шантаж бывает очень полезен, но для людей вроде Фама Тринли должно хватать и обычного запугивания». Он еще раз просмотрел представленные Омо улики. Доказательства показались ему крайне шаткими. — Бывает, я задумываюсь, а не поднять ли нам порог чувствительности ищеек.

Омо именно это раньше и предлагал. Вахтенный сержант, однако, оказался достаточно умен, чтобы смолчать.

— Возможно, сэр. С другой стороны, если бы не оставалось вопросов, которые надлежит решать менеджерам, потребности в нормальных людях тоже не возникало бы. — Видение единственного вахтмастера, управляющего вселенной фокусированных, было лишь волшебной сказкой. — Знаете ли, вахтмастер Брюгель, я вот что думаю…

— Да?

— Вот бы нам запустить автономные локализаторы Чжэн Хэ в Хаммерфест. У нас система безопасности на собственной базе *хуже*, чем во времянке Чжэн Хэ; извращение какое-то, да и только. Случись эти инциденты во времянке, мы получили бы данные о кровяном давлении Виня, сердечном ритме — да блин, заберись локализаторы ему в череп, мы бы ЭЭГ сняли! Располагая сигнальными процессорами коробейников и услугами аналитиков-неотвязников, мы фактически могли бы читать мысли подозреваемого, так его разэтак!

— Да понимаю я.

Локализаторы Чжэн Хэ поднимали безопасность на недостижимый прежде, поистине

магический уровень. Сотни тысяч миллиметровых устройств были рассеяны по всему лагерю коробейников — а в открытых зонах Хаммерфеста, где Нау ослаблял карантинные меры, их было, может, по нескольку сотен. Все, что требовалось, — это переналадить бытовые системы Хаммерфеста на микроволновое импульсное управление, и — хоп! — уже можно работать с локализаторами. Прощайте, камеры наблюдения и прочая рухлядь.

— Я снова поставлю этот вопрос перед вахтмастером Нау.

Программисты Анне уже более двух лет изучали возможности коробейничьих локализаторов, доискиваясь скрытых ловушек, — пока безуспешно.

Тем временем…

— Ну ладно, Эзр Винь ведь сейчас снова во времянке, а там покрытие локализаторами такое, что размечтаешься. — Он усмехнулся Омо. — Натрави на него еще пару ищеек. Посмотрим, что выявит плотная наружка.

Эзр пережил чрезвычайную ситуацию без новых истерик. С Хаммерфеста приходили регулярные доклады. Разбегание мозговой гнили удалось остановить. Цзоби Жэюн и еще восемь

фокусированных скончались. Трое других «серьезно пострадали». Но напротив имени Триксии стояла отметка: «не пострадала, возвратилась к работе».

У Бенни в забегаловке наперебой теоретизировали. Рита была уверена, что разбегание случайно.

— У нас на Балакрее каждые пару лет такое бывало, в моей конторе, и лишь однажды мы засекли причины. Такую цену платишь за тесную связку.

Но они с Чжау Синем опасались, как бы разбегание не положило конец даже отложенной ретрансляции «Детского часа». Гунле Фун заявляла, что это не имеет значения, поскольку Шерканер Андерхилл проиграл странные дебаты с Педурой, а раз так, то и ретранслировать больше нечего. Трад Силипан от участия в спорах воздерживался; он был занят в Хаммерфесте, может, что и какой-нибудь работой в отрыве от дуракаваляния. Фам Тринли, впрочем, заменял его в полной мере, развивая идиотскую теорию Силипана о том, что повинна во всем Триксия, которая ретранслировала реальную драку — и тем спровоцировала разбегание гнили. Эзр все это слушал, но был глух и нем.

Следующая его вахта выпадала через сорок килосекунд; Эзр вернулся к себе в квартиру раньше обычного. Не скоро он теперь увидит Бенни. Столько всего случилось, и всем им было чего стыдиться, от чего страдать, над какими смертельно серьезными тайнами корпеть. Он парил в полумраке своей каюты, будто крутился на вертеле в аду. Он то и дело бессильно возвращался к одной и той же теме, оттуда перескакивал на иную проблему, не менее жуткую, и, наконец, возвращался к той, что ужаснула его сначала.

Киви. Какой кошмар. Он ее дважды ударил. Сильно. «Не вмешайся Фам Тринли, что бы я с ней сделал?» Перед Эзром разверзлась непредставимая доселе бездна ужаса. Конечно, он всегда опасался рано или поздно сорваться или струсить, но… сегодня в нем самом проявилось нечто совершенно недостойное. Киви выставила Триксию виноватой. Ну да. Но она ведь не одна так поступила. И да, Киви пользуется расположением Томаса Нау… но, господи, когда это все закрутилось, Киви была совсем еще девчонкой. «Так что мне до нее? Неужели я просто выбрал ее удобной жертвой, зная, что сдачи не получу?» Так твердил неумолчный голосок в далеком закутке его мозга. Возможно, что Эзр Винь не просто бездарь

и слабак. Возможно, что он еще и мерзавец. Эзр снова и снова обдумывал этот неутешительный вывод, грыз его, как пес косточку, пока мысли его не перескочили на…

Фам Тринли. Да, вот еще загадка. Тринли вчера дважды проявил себя и оба раза не дал Эзру вляпаться во что похуже. На затылке запеклась кровь, в том месте, где голова Эзра стукнулась о стену после якобы непрофессионального блока Тринли. Эзр видел Тринли в спортзале. Старик занимался там, как и все, но скорость реакции его не впечатляла. Но он откуда-то знал, как нужно двигаться, как подстраивать случайности. Размышляя над этим теперь, Эзр припомнил предыдущие ситуации, когда Фам Тринли оказывался в нужное время в нужном месте… Вот парк времянки сразу после резни; а что старикан тогда такого сказал? На камеры ничего особенного не говорил, иначе Эзр непременно обратил бы внимание, но было в его словах *что-то*, вселявшее непреклонную уверенность, что Джимми Дьема убили, Джимми Дьема оклеветали, а все заявления Нау — ложь. Фам старался казаться буффоном, слабаком, себялюбцем, но… Эзр снова и снова перебирал в памяти все детали встреч с ним, припоминал то, что заметил сам и что могли

упустить остальные. Как знать, вдруг он гонится за миражами? Когда решения проблем искать безнадежно, на выручку приходят безумные фантазии. А вчера в нем что-то сломалось…

Триксия. Источник его боли, ярости и страха. Вчера Триксия была на волосок от смерти, ее тело извивалось и дергалось от муки, как у Цзоби Жэюн, а может, и более тяжкой. Он вспомнил выражение лица Триксии, когда ту вытащили из МРТ-программатора. Трад говорил, что лингвистические способности Триксии «временно отключены». Может, поэтому она и отчаялась — утратив единственное, ради чего еще стоило жить. А возможно, Трад лгал, как, по мнению Виня, обо многом лгали Рейнольт, Нау и Брюгель. Возможно, Триксию расфокусировали на некоторое время, и она увидела, что с ней стало, как ее заездили, поняла, что у нее отняли саму жизнь. «А я, наверное, так никогда и не пойму. Я год за годом буду следить за нею, подыхая от бессилия… и храня молчание». Ему требовалось кого-то наказать, выместить на ком-то свое горе… И тут адский вертел прокрутился опять, возвращая его к Киви.

Миновало две килосекунды, четыре. Достаточно времени, чтобы прийти в себя и отрешиться

от неразрешимых проблем. С ним такое уже случалось несколько раз, и то были страшные мгновения. Иногда его всю ночь крутило на этом вертеле. Иногда он так выматывался, что засыпал без сновидений, и тогда вертел останавливался. В эту ночь, очередной раз возвращаясь мыслями к Фаму Тринли, Эзр почувствовал прилив гнева. Ну и что, если он спятил? Пускай перед ним лишь мираж спасения, пусть! «Хватайся за соломинку!» Винь вскочил и надел наглазники. Жуткие пустые секунды, пока гарнитура подключалась к библиотеке. Он все еще не свыкся с топорным авральным интерфейсом ввода-вывода, а нормальную кастомизацию поработители провести не давали. Но вот перед ним появились окна с подсвеченным фрагментом текста, где Винь остановился, составляя отчет для Нау.

Так, что же известно о Фаме Тринли? В частности, что может Тринли знать такого, что недоступно Нау и Брюгелю? Чувак мастерски владеет приемами рукопашного боя, хотя и маскирует их под обычную толкотню. Он скрывает эти умения от авральников, а значит, ведет какую-то свою игру… А сегодня ему наверняка стало понятно, что Винь его раскусил.

Возможно, Тринли — обычный стареющий

преступник, делает все, что в его силах, стараясь смешаться с толпой и затаиться. Но как тогда быть с локализаторами? Тринли раскрыл их секрет Томасу Нау, и с этим знанием могущество Нау выросло стократно. Крохотные роботизированные искорки мелькали повсюду. Вот одна села ему на фалангу пальца, — конечно, это может быть просто световое пятнышко, ну а вдруг локализатор? Искорки и просверки могут докладывать о положении его рук, некоторых пальцев, о наклоне головы. Все эти данные стекаются к ищейкам Нау.

Таких сведений во флотской библиотеке попросту не было, даже на уровне, запароленном по высшему классу. Значит, Фаму Тринли известны тайны далекого прошлого Чжэн Хэ. И вполне вероятно, раскрыл он их Томасу Нау с каким-то умыслом. Каким же?

Эзр несколько минут размышлял об этом и ни к каким выводам не пришел. «Подумай об этом человеке». Фам Тринли. Старый убийца. Ему известны тайны, погребенные глубже самых древних секретов Флота Чжэн Хэ. Вероятнее всего, он был среди основателей современной Чжэн Хэ, вместе с Фамом Нювеном и Сурой Винь, на конференции у Провала. Значит, в объективных годах

Фам Тринли невероятно стар. Это допустимо, это даже не особенная редкость. Долгие торговые экспедиции подчас занимали тысячу лет объективного времени. Родители Виня знавали людей, ходивших по Старой Земле. Но очень маловероятно, чтобы кто-то из этих друзей располагал доступом на глубинные слои программ Чжэн Хэ.

Не-ет, если Тринли таков, как сейчас взбрело в распаленную голову Эзру, он должен быть известной в истории фигурой. Кто же он?

Пальцы Виня заплясали по клавиатуре. Его текущая работа послужила отличным прикрытием. Нау питал неутолимый интерес ко всему, связанному с Чжэн Хэ. Виня обязали составлять для вахтмастера доклады и предлагать неотвязникам направления исследований. Эзр давно понял, что Нау, на вид человек мягкий и дипломатичный, в действительности еще безумней Брюгеля. Нау практиковался в искусстве управления, желая однажды стать великим владыкой.

Осторожней! Вопросы, которые Виня по-настоящему занимали, следовало плотно упрятать под одеялом банального поиска для докладов. Стороннему наблюдателю должно показаться, что Винь попросту блуждает по несвязанным ссылкам. Пускай ищейки себе вынюхивают на

здоровье!

Он прикинул, кто ему нужен: мужчины из Чжэн Хэ, которые уже жили в момент основания современной организации, но о чьей смерти в момент отлета экспедиции капитана Пака с Трехземья известно не было. Список существенно сократился, когда Винь ограничил его лицами, известными далеко вне пределов этого захолустья Людского Космоса. И ужался снова, стоило Виню затребовать маркеры присутствия у Провала Бриско. Конъюнкция пяти логических выражений, одна голосовая команда или несколько кодовых строк… но Винь не искал простых путей. Каждое логическое выражение таилось в недрах иных запросов, действительно нужных ему для отчета. Результаты возникали там и сям, имя на этой странице, имя на той. Часы-оррерий, парившие у потолка, показывали, что до момента, когда стены жилища Виня озарит рассвет, осталось меньше пятнадцати килосекунд, но списком он уже разжился. А есть ли в нем смысл? Пригоршня имен, то неизвестных, то неправдоподобных. Логические выражения и сами были составлены нарочито туманно. Межзвездная сеть Чжэн Хэ — колоссальная структура данных, в известном смысле — крупнейшая за всю историю Челове-

чества. Но все данные устаревали, на годы или столетия. И даже торговцы Чжэн Хэ иногда лгали о себе, особенно на небольших рабочих расстояниях, где внесенное смятение могло обернуться коммерческим преимуществом. Пригоршня имен. Кто есть кто? Анализировать список приходилось мучительно медленно, иначе ищейки непременно заметят. Кое-какие имена он узнал: Тран Винь.21, правнук Суры Винь, основатель ветви самого Эзра в Семье Винь по мужской линии; Кин Сэнь.03, старший оружейник Суры у Провала Брисго. Сэнь и Тринли не могли быть одним человеком — Сэнь в ширину достигал таких же размеров, что и в высоту, а именно ста двадцати с небольшим сантиметров. Другие имена принадлежали малоизвестным людям: Чжун, Трап, Пак… *Пак?*

Винь не сдержал изумления. Если ищейки Брюгеля шерстят записи, то наверняка заметят. Чертовы локализаторы скачок пульса отследят, а то и кровяное давление. «Если уверен, что твое изумление заметят, так подкинь им наживку».

— О Господь всея торговли! — прошептал Винь, выведя во все свои окна снимки и данные биоанализов. Человек и вправду напоминал С. Дж. Пака, Капитана Флота в полете к В(ы)ключенной звез-

де. Винь его с детства помнил, да и этот Пак не казался так уж стар… да и биоданные несколько расплывчаты. ДНК не совпадала с ДНК современного Пака. Гм. Возможно, этого хватит, чтоб околпачить Рейнольт с Нау: у них нет такого опыта возни с тайными делишками Семьи, как у самого Эзра. С. Дж. Пак, присутствовавший у Провала Брисго две тысячи лет назад, был капитаном корабля. В конце концов он присоседился к Ратко Виню. Имел место какой-то странный скандал с расторжением брачного контракта. Потом следы терялись.

Винь проследил несколько очевидных цепочек, ведущих к Паку, потом бросил это дело, как случается, когда узнаёшь нечто интересное, но мир при этом не переворачивается кверху тормашками. Другие имена в списке… еще килосекунда у него ушла на проверку. Никого знакомого. Мысли его возвратились к С. Дж. Паку, и Винь едва не запаниковал. «Насколько глубоко способен враг прочесть меня?» Взгляд его метнулся к снимкам Триксии, и это пробудило знакомую боль; он частенько на них смотрел, отходя наконец ко сну. Слезы послужили прикрытием для лихорадочных размышлений. Если Эзр таки прав насчет Пака, то след ведет очень, *очень* далеко в прошлое.

Неудивительно, что родители отнеслись к Паку с большим почтением, чем к обычному моложавому капитану на контракте… Господи, да Пак мог самого Фама Нювена сопровождать в полете на Дальний Край! После Провала Брисго, когда Нювен баснословно разбогател, он снарядил огромную флотилию и отправился на Дальний Край Людского Космоса. Типичный для Нювена жест. Дальний Край лежал самое меньшее в четырех сотнях световых лет. Ко времени прибытия на ту сторону торговые аспекты путешествия стали бы древней историей. А предложенный Нювеном путь проходил по старейшим регионам Людского Космоса. Века после его отлета Чжэн Хэ продолжала рапортовать о продвижении канберрского принца, о том, как разрастается, а иногда сокращается его флотилия. Затем отчеты стали скудными, порою неподтвержденными. Нювен, скорее всего, так и не прошел даже половины пути к цели. Ребенком Эзр частенько играл в «пропавшего принца». Так много было возможных исходов путешествия, захватывающих и печальных; некоторые, наиболее вероятные, учитывали солидный возраст и предыдущие деловые неудачи, когда на расстояниях в десятки световых лет корабли терпели банкротства. Флот

не вернулся.

«Полностью — нет, но отдельные суда возвратиться могли». Пара человек там, пара человек сям — почем знать, вдруг их сердца дрогнули перед путешествием в вечность, прочь от родного времени? Почем знать, кто именно вернулся?

Но С. Дж. Пак, скорее всего, знал. Очень возможно, что С. Дж. Пак доподлинно знал, кто такой Фам Тринли, — и разработал для него отличную легенду. Какой персонаж эпохи Провала Брисго мог быть так важен, так популярен?.. С. Дж. Пак хранил верность кому-то из той эпохи. Кому?

И тут Эзр вспомнил рассказ, как Пак самолично выбрал имя для своего флагмана.

«Фам Нювен».

Фам Тринли. Фам Нювен. Пропавший принц Канберры.

«Ну вот и приехали: я вконец спятил». Проверки по библиотеке за секунду разметут все его предположения. И это ничего не опровергнет: если он прав, библиотека тоже пропитана продуманной дезой. Ну да, конечно. Именно таких галлюцинаций отчаяния и следовало ему опасаться. Если вознести планку надежд достаточно высоко, из фонового шума, несомненно, проступят какие-то сигналы. «По крайней мере, я хоть с

вертела спрыгнул!»

Было чертовски поздно. Он еще немного полюбовался снимками Триксии, купаясь в печальных воспоминаниях. Внутри утихала боль. Предстоят еще и другие ложные тревоги, но для того и нужны годы жизни впереди, годы терпения. Рано или поздно он отыщет выход из темницы, и когда это случится, главное — поверить, что лаз ему не примерещился.

Явились сны, исполненные привычного отчаяния и нового стыда, а также замешанные на недавнем безумии. В конце концов он пришел к некоторому подобию согласия с собой и воспарил во мраке каюты без единой мысли.

А потом — еще один сон, такой реалистичный… он не сомневался, что все на самом деле происходит, пока сон не оборвался. Перед глазами Виня замельтешили синие огоньки, но видны они были только при сомкнутых веках. Ему почудилось, что он проснулся, сел, огляделся — нет, темно, как обычно. Он лег и снова смежил веки, и тогда огоньки замелькали опять.

Огоньки говорили с ним своеобразным сигнальным кодом. В детстве Эзр немало практиковался в нем — семафорил со скалы на скалу. Этой ночью раз за разом повторялся несложный сигнал, и

во сне Винь почти без усилий расшифровал его: КИВНИ ЕСЛИ ПНЛ… КИВНИ…

Винь испустил бессловесный удивленный стон, и код сменился.

ЗАТКНИСЬ ЗАТКНИСЬ ЗАТКНИСЬ… долго.

Потом опять:

КИВНИ ЕСЛИ ПНЛ… КИВНИ…

Это легко. Винь передвинул голову на долю сантиметра.

ДА. ПРИТВОРИСЬ СПЯЩИМ. СОЖМИ РУКУ. СИГНАЛЬ НА ЛАДОНИ.

После стольких лет он вдруг додумался до простой схемы заговора. Мысленно спроецировать на ладонь клавиатуру и печатать на ней сообщения товарищам. Ну конечно! Руки его лежали под одеялом, никто не увидит! Он бы рассмеялся собственной сообразительности, да понимал, что ему такое качество не свойственно. Теперь-то ясно, кто явился им на выручку. Он согнул правую руку и напечатал на ней: ПРИВЕТ О МУДРЫЙ ПРИНЦ. ТЫ ГДЕ ШЛЯЛСЯ ТАК ДОЛГО?

Сполохи прекратились на такое долгое время, что Эзра снова унесло глубже в сон.

Затем: ТАК ТЫ И РНШ ЗНАЛ? БУДЬ Я ПРКЛТ. Очередная длинная пауза. ТЫ МН УЖ ИЗВН. ДМЛ ТЫ СЛМЛС.

Винь не без гордости кивнул собственным мыслям. Быть может, однажды Киви его простит, Триксия вернется к нормальной жизни и…

ХОРОШО, отстучал Эзр принцу, СКЛК У НАС ЛЮДЕЙ?

СКРТ. ТК Я ЗН. КЖД ГВРТ НО НКТ БЛШ НКГ НЗНТ.

Пауза. ВПЛТ ДО СГДН КГД ТЫ УЗН.

Ага. Почти идеальный заговор. Заговорщики могут общаться друг с другом, но выдать всю схему не способен никто, кроме разве что самого принца. Теперь все пойдет на лад.

НУ ТЫ ЗНШ Я ЖТК УСТЛ. СПАТЬ ХОЧУ. ДАВАЙ ЗАВТРА ЕЩЕ ПГВРМ?

Пауза. А что странного-то? По ночам люди обычно спят.

ЛАДНО. ПТМ.

И сон окончательно одолел его. Винь свернулся в своем гамаке поудобнее и улыбнулся собственным мыслям. Он не один. И все это время тайна была так близко — рукой подать. Потрясающе!

Наутро Винь проснулся отдохнувшим и до странности счастливым. Гм. А чему он этим обязан? Он перелетел в умывальный мешок и начал приводить себя в порядок. Вчерашний день выдался таким мрачным и постыдным. Горькая

реальность прогрызала пути обратно к его сердцу, но опять-таки до странности неспешно… Ага, ему что-то снилось. В *этом* ничего необычного, однако по большей части сны свои Виню вспоминать не хотелось. Винь переключил душ на обдув горячим воздухом и на миг повис в его вихре. Что странного в этом конкретном видении?

О! Да, ему привиделся один из редких снов о чудесном спасении, но на сей раз конец вышел счастливым. Нау с Брюгелем не выпрыгнули из засады в последний момент.

И какое же тайное оружие использовал он на сей раз? Ох уж эта странная нелогичность снов. Какая-то магия обратила его руки в устройства связи с товарищем по заговору. С Фамом Тринли? Эзр фыркнул. Бывают сны абсурдней остальных, но странно, что это видение его по-прежнему успокаивает.

Одевшись, он вылетел в коридор времянки и двинулся обычной своей дорогой в невесомости, отталкиваясь руками и балансируя, изворачиваясь, чтобы сбросить скорость или переменить направление. Фам Нювен. Фам Тринли. Да миллиард людей на свете с таким именем и под сотню флагманов с названием «Фам Нювен». В мозгу его постепенно всплывали результаты

суматошного библиотечного поиска, которым он занялся ночью, поддавшись приступу безумия перед отходом ко сну.

Но информация о капитане Паке пришла не из видений. Влетая в рабочий зал, он двигался уже гораздо медленней.

Эзр проплыл туда головой вперед, у дверей поприветствовав Хуньдэ Вэня. Атмосфера тут царила сравнительно уютная. Ему быстро пояснили, что Рейнольт подключила выживших фокусированных своей группы обратно к сети и новых вспышек пока не случалось. В дальнем конце зала, у потолка, Фам Тринли, по своему обыкновению, судачил о причинах разбегания и о том, почему опасность миновала. Тот самый Фам Тринли, с которым Винь пересекался на несколько килосекунд на каждой совместной вахте периода бодрствования от самого момента атаки. Неожиданно сон и предварявший его библиотечный поиск обрели в сознании Виня верную перспективу — представились совершенной чушью.

Тринли, видать, услышал их с Хуньдэ разговор. Старый фанфарон развернулся и долгое мгновение не сводил глаз с Виня. Он ничего не сказал, даже не кивнул; если сейчас направление взгля-

да Виня прослеживают ищейки авральников, они не заподозрят ничего. Но Эзру Виню почудилось, что миг этот растянулся в вечность. В тот миг фанфарон Фам Тринли исчез без следа. С лица его стерлась привычная маска бахвальства, сменившись новым выражением — спокойным, одиноким и властным, негласным подтверждением странной ночной беседы. Оказывается, это все же был не сон. Разговор состоялся не по волшебству. А этот вот старпер и есть пропавший принц Канберры.

27

— Но ведь первый снег! Неужели взглянуть неохота?

Виктория сбилась на хнычущий визг: это уже ни на кого не действовало, кроме старшего братца.

— Ты уже играла в снегу.

Ну да, папа их брал в поездку на крайний север.

— Но, Брент! Это ведь первый снег в Принстоне! По радио говорят, он все Утесы закрыл!

Брент полностью ушел в свои конструкторы с дюбелями и втулками, чьи нескончаемые сверкающие поверхности с каждым днем становились

все сложнее. Сам он никогда бы не подумал тайком ускользнуть из дому. Еще несколько секунд паучок продолжал работать с моделями, не обращая на сестру никакого внимания. Вики, в общем-то, иного не ожидала. Он очень хорошо работал руками, но идеи до него туго доходили. Кроме того, Брент был очень застенчив — как говорили взрослые, угрюм. Голова его не шевельнулась, но Вики знала, что брат на нее смотрит. Руки Брента не прекращали сновать над моделью: он что-то собирал, что-то разбирал, возясь со сложной структурой. Наконец он сказал:

— Нельзя из дому уходить, пока папе не сказали.

— Пф. Ты же знаешь, он спит. Это утро самое холодное, а потом потеплеет, и мы все пропустим. Эй, я ему записку оставлю!

Их сестра Гокна стала бы о том и этом спорить, в конце концов задавив Вики разумными аргументами. Их брат Джирлиб рассердился бы на попытку им манипулировать. А Брент спорить даже не стал, вернувшись на несколько минут к своей сложной модели. Частью головы он наблюдал за ней, частью — изучал штырьки и коннекторы, выходящие из-под рук, частью — оглядывал Принстон и тронутые инеем дальние

холмы. Из всех ее братьев и сестер ему одному искренне не хотелось бы уходить. С другой стороны, этим утром она только его смогла разыскать, и он на вид даже старше Джирлиба.

Еще через пару минут он ответил:

— Ладно, если ты так хочешь.

Виктория про себя усмехнулась: кто бы сомневался! Мимо капитана Даунинга проскочить будет сложнее, но ненамного.

Раннее утро. Солнце еще не озарило улицы под Домом на Холме. Виктория наслаждалась каждым вдохом, легкими уколами морозного воздуха по бокам головогруди. Горячие цветки и лесные феи еще крепче свернулись в кронах деревьев; может, сегодня они вообще не распустятся. Зато стало видно другое, о чем она прежде только в книжках читала. В инее самых холодных низин медленно расползались хрустальные червячки. Эти смелые первопроходцы долго не продержатся, как помнилось Виктории по радиопередаче про них (она в прошлом году занималась этим вопросом). Малыши все погибнут, пока не подморозит так, что холод станет держаться целый день. И даже после этого должно еще немного похолодать, чтоб они укоренились.

Вики быстро семенила за широколапым нето-

ропливым братом по утреннему холодку, легко удерживаясь в одном с ним темпе. Так рано они едва ли на кого-нибудь наткнутся. Если бы не шумы далекой стройки, легко себе представить, что весь город опустел. Вообразить, как оно будет в грядущие годы, когда воцарится устойчивый мороз, а выходить наружу станет удобно лишь с такими предосторожностями, какие принимал папа в тиферскую войну. Всю дорогу вниз с Холма Вики обсасывала эту мысль, подчиняя фантазии каждый аспект морозного утра. Брент слушал, время от времени подбрасывая фразы, которые удивили бы папиных взрослых друзей. Брент не тупой, и воображение у него очень развитое.

До Утесов тридцать миль, они за королевским Высоким Замком и дальней окраиной Принстона. Добраться туда пешком нечего и думать. Но сегодня многие поедут в горы. Первый снег — настоящий праздник почти в любой стране, хотя, конечно, выпадал он совершенно непредсказуемо. Вики знала, что, будь ранний снег в прогнозе погоды, папа бы встал раньше, а мама бы прилетела из Ставки. Прогулка бы превратилась в большое семейное предприятие, но приключенческих аспектов лишилась бы начисто.

Кое-какие приключения ждали их уже у подно-

жия холма. Бренту было шестнадцать, для своих лет он отличался крупным телосложением. Мог сойти за фазника. И часто сам выходил из дому. Он говорил, что знает, где останавливаются автобусные экспрессы. Сегодня автобусов не было, вообще трафик оказался очень редким. Неужели все в горы подались?

Брент вышагивал от одной остановки до другой, постепенно начиная тревожиться. Вики молча плелась рядом, впервые не выдвигая никаких предложений; Брент частенько замыкался в себе, когда ему давали советы. И бывало обидно, когда он в кои-то веки что-нибудь говорил, даже младшей сестре, но оказывался неправ. После третьей неудачи Брент пригнул брюхо совсем низко. На миг Вики решила, что он просто подождет автобуса, и восприняла такую перспективу без особой радости. Они шли уже больше часа, а на дороге ни единого рейсового драндулета не мелькнуло. Может, надо иначе взяться за проблему, своими меткими маленькими руками? Но спустя минуту Брент поднялся и взглянул вниз по улице:

— Побьюсь об заклад, что нынче на Большом Кессоне выходной. Это всего в миле на юг. Оттуда всегда ходят автобусы.

Ха! Именно это Вики собиралась предложить.

Благословенно будь, терпение.

По улице еще тянулась утренняя тень. В Принстоне царила самая глубокая зима. Там и сям в садовых нишах лежал такой густой слой инея, что его недолго было со снегом перепутать. Но сейчас они шли по местности, где садов не наблюдалось. Из флоры тут присутствовали только нахальные сорняки да свободные ползучки. В жаркие дни между бурями Яркости тут кишели бы гнуски и нектарники.

По обе стороны улицы тянулись многоуровневые склады. Тут уже не так спокойно и пустынно. Почва под лапами вибрировала и дрожала от поступи невидимых копалок. Въезжали и выезжали самосвалы. Каждые несколько сот ярдов встречалась огороженная площадка, забаррикадированная ото всех, кроме собственно строителей. Вики подергала Брента за руки, уговаривая протиснуться под баррикадами.

— Эй, но ведь наш папа все это затеял. Имеем право!

Брента такие рассуждения никогда не убеждали, но сестренка уже пролезла под запрещающий знак. Ему пришлось пойти за ней, просто чтобы защитить.

Они протиснулись мимо штабелей арматуры

и бетонно-кирпичных конструкций. Здесь все выглядело грозным и чуждым, в Доме на Холме же — безопасным и упорядоченным. Тут… ну, тут масса возможностей неосторожному процарапать ногу или проколоть глаз. Черт, да зацепи они какой-нибудь бетонный блок, он же их в лепешку раздавит. Эти угрозы с кристальной ясностью очертились в ее сознании… и привели в восторг. Вики с Брентом осторожно перебрались на край кессона, уходя от глаз рабочих и остальных опасностей.

Вместо перил вдоль края котлована тянулись две полосы плетенки.

«Умереть не хочешь, так не падай!»

Вики с братом прижались к земле и свесили головы над бездной. На миг стало слишком темно, чтобы смотреть. Из ямы поднимался теплый воздух, принося запах горячего металла и горелого смазочного масла. Он был одновременно ласков и грозен, как шлепок по голове. А звуки! Крики рабочих, металлический скрежет, шум двигателей и странное шипение. Вики высунула голову чуть дальше, дав всем глазам привыкнуть к полумраку. В кессоне был свет, но не дневной и не ночной. Она видела у папы в лаборатории такие электродуговые лампы, только маленькие.

Эти же — огромные: световые карандаши, пылающие в основном ультрой и далекой ультрой, так ярко, как светит ими только солнечный диск. Цвета плескались на телах и касках рабочих, разлетались искрами по всему шахтовому стволу… Были и другие источники света, не столь впечатляющие, обычные электрические лампы, разливающие лужицы вялого цвета там и сям. До Тьмы еще двенадцать лет, а внизу уже целый город строится. Она видела намеченные в камне контуры авеню: огромные тоннели расходились во все стороны в стены шахты. В туннелях виднелись темные дыры: ходы к земляным работам меньших масштабов? Позднее появятся дома, постройки, сады, но пещеры уже в основном выкопаны. Глядя вниз, Вики чувствовала новую для нее, естественную тягу глубины, обещание надежной защиты. Но то, что возводили здесь рабочие, было тысячекратно грандиозней обычной глубины. Если хочешь просто проспать всю Тьму, достаточно места для спального бассейна и стартаперской налички. Такие глубины уже есть под центром старого города, они существуют почти двадцать поколений. А в новой глубине можно будет *жит*ь бодрствуя. В некоторых местах, где удавалось обеспечить изоляцию и воздухо-

вод, она выходила на уровень почвы. В других — углублялась на сотни футов, причудливо зеркаля здания принстонского горизонта.

Вики не могла отвести ни одного глаза, замечтавшись. До этой минуты все происходящее было чем-то далеким. Маленькая Виктория слышала про великую стройку от родителей, читала, узнавала по радио. Она понимала, что и по этой причине ее семью ненавидят — не в последнюю очередь. За стройку и за пример внефазным; потому им обычно не разрешалось покидать дом самим. Папа обожал рассуждать насчет эволюции в действии, о том, как важно малышам рисковать, и о том, как среди уцелевших развиваются гении. Трудность была одна: к своему случаю он этих рассуждений не применял. Стоило Вики выкинуть хоть малость рискованное коленце, и папа включал родительский контроль; тогда любой затеянный Вики проект заворачивали в плотное одеяло безопасности.

Вики поняла, что низко в груди у нее рождается тихое хмыканье.

— Что? — спросил Брент.

— Так, ничего. Я просто думала, что мы сегодня наконец видим, как все оно на самом деле… хочет папа того или нет.

Брентов аспект выразил внезапное смущение. Из всех ее братьев и сестер он один воспринимал правила послушания буквально и слишком скрупулезно относился к их соблюдению.

— Думаю, пора нам идти. На поверхности много рабочих, они приближаются. Кроме того, разве снег долго продержится?

Огрызнувшись про себя, Вики отползла от края бездны и последовала за братцем через лабиринт удивительно массивных предметов, заполнявших стройплощадку. В эту минуту даже перспектива поиграть в снежки не казалась ей непреодолимо соблазнительной.

Первый настоящий сюрприз им этим днем подготовили у действующей остановки экспресса: чуть в сторонке от толпы стояли Джирлиб и Гокна. Неудивительно, что она их утром не дозвалась. Они без нее ускользнули! Вики засеменила к ним через площадь, пытаясь не выглядеть встревоженной. Гокна улыбалась с обычным для себя видом превосходства. Джирлибу хватило вежливости изобразить смущение. Они с Брентом были старшие, ему должно было хватить здравого смысла предотвратить эту вылазку. Четверка отошла на пару ярдов от чужих взглядов и сдвинула головы вместе.

Жужжание и гудение. Мисс Победная Усмешка: «Вы чего так долго? Не могли мимо сторожей Даунинга проскочить?» Вики: «Я не думала, что *вы* попробуете. Мы и так этим утром много сделали». Мисс Победная Усмешка: «Например?» Вики: «Например, Новое Подземелье посмотрели». Мисс Победная Усмешка: «Ну-у…»

Джирлиб: «Обе заткнитесь. Вам, вообще-то, нечего тут делать».

— Но мы же радиозвезды, Джирлиб, — самодовольно протянула Гокна. — Нас любят.

Джирлиб придвинулся еще ближе и понизил голос:

— Ты это брось. На каждых троих, которым «Детский час» нравится, трое, которых он беспокоит, и еще четверо традов, которые нас ненавидят нутряной ненавистью.

«Детский час» на радио некогда был величайшей радостью в жизни Вики, но после визита достопочтенной Педуры все поменялось. Теперь публика прознала про их возраст, и это было как все время кому-то что-то доказывать. Нашлось еще несколько внефазников, но к шоу никто из них готов пока не был. Вики с Гокной не сумели подружиться с другими паучатами, даже с парой своего возраста. Те вели себя странно, недруже-

любно, как… стереотипные внефазные дети. Папа говорил, тут дело в их воспитании, годах в подполье. Самое страшное из всего: Вики судачила о подполье только с Гокной и лишь глубокой ночью, шепотком. Что, если церковники правы? Может, они с Гокной только воображают, что наделены душами.

Мгновение четверка стояла неподвижно, в молчании, обдумывая замечание Джирлиба. Затем Брент спросил:

— Так почему ты здесь, Джирлиб?

Любому вопрос показался бы вызовом, но Брент был чужд словесных перепалок. Он просто поинтересовался, попросил просветить его на сей счет.

И как обычно, задел по самое брюшко.

— Мм, да… Я в город. Там в Королевском музее выставка Хелмовых Уродцев… *Со мной* все будет в порядке. Я достаточно большой, чтобы за фазника сойти.

И то правда. Джирлиб длиной уступал Бренту, но у него уже отцовская шерсть в разрезы куртки проросла. Впрочем, Вики не собиралась доставлять ему такой легкой победы. Она ткнула рукой в сторону Гокны:

— А это кто? Твоя любимая тарантиха?

Маленькая Мисс Победная Усмешка расплылась в любезной усмешке. Аспект Джирлиба выразил гнев.

— Вы обе ходячие катастрофы, вы это знаете?

Как же Гокна уболтала Джирлиба ее с собой взять? У Вики этот вопрос вызывал искренний профессиональный интерес. Они с Гокной были лучшими во всей семье манипуляторами. Поэтому-то они и на дух друг друга не выносили.

— У нас предлог честный: по учебе надо, — сказала Гокна. — А у вас?

Вики помахала пищевыми руками перед сестричкиным акроном.

— Мы на снег вышли посмотреть. По учебе надо.

— Ха! Тебе просто поваляться в нем охота.

— Заткнитесь, вы обе. — Джирлиб вскинул голову, оглядывая собравшихся на автобусной остановке. — Мы домой вернулись бы лучше.

Гокна переключилась в режим уговоров:

— Но, Джирлиб, это куда хуже выйдет. Нам долго возвращаться. Давай на автобусе к музею подъедем, видишь, он уже показался? — Очень вовремя. Экспресс-бусик как раз выкатывался на магистраль, поднимаясь на холм. Ближнекрасные огоньки обозначили кольцевой маршрут

через деловой центр. — Когда мы там все отсмотрим, снегоманы уже вернутся, и экспресс как раз нас всех домой довезет.

— Эй, я сюда не на инопланетную магию глазеть выбралась! Я хочу снег посмотреть.

Гокна пожала плечами:

— Скверное дело, Вики. Можешь, когда домой вернемся, сунуть голову в морозилку.

— Я… — Вики увидела, что Джирлиб выходит из себя, а серьезных возражений все равно не сумела найти. Одно слово Бренту, и Вики унесут домой, как младенчика, хочет она того или нет. — Я думаю, что сегодня отличный день для поездки в музей.

Джирлиб усмехнулся кислым взмахом рук:

— Ага, и там нас наверняка встретят Рапса с малышом Хранком, уговорили охрану их прямо туда отвезти.

Вики и Гокна закатились смехом. Двое младшеньких уже не младенцы, но все равно круглые сутки вокруг папы отираются, и представлять, как они обводят вокруг коготка охрану матушки, — это уж слишком.

Четверка подвинулась на край очереди и последней группой упаковалась в автобус. Ну ладно… Вчетвером и вправду безопасней, чем

вдвоем, а Королевский музей в безопасной части города. Даже случись там папа, тщательное планирование и осторожность детей извинят их проступок. А снег она еще увидит. Всю жизнь в нем проживет.

Общественный экспресс мало напоминал машины и самолеты, к которым привыкла Вики. Тут все были тесно упакованы. По всей длине салона свисали веревочные сетки вроде детских спортивных тренажеров; они попадались через каждые пять метров. Пассажиры висели, раскорячив ноги и лапы по плетенке, вытянувшись вертикально самым недостойным образом. Так получалось набить в салон побольше народу, но выглядело это крайне глупо. Лишь у водителя был нормальный насест.

В автобусе не было бы тесно, однако пассажиры отступили перед детьми, оставив вокруг них приличное пустое пространство. Ладно, пусть его. Шарахаются — так и наплевать. Она перестала смотреть на пассажиров и стала считать мелькающие мимо перекрестки.

При всех масштабах подземных работ попадались места, где улицы забывали ремонтировать. На ухабах и выбоинах веревочная плетенка раскачивалась, словно в аттракционе. Потом

стало помягче: они въехали в самую престижную часть нового города. На башнях Вики видела инсигнии корпораций вроде «Подземной энергетики» или «Регент-радионики». Некоторые промышленные гиганты Аккорда были обязаны папе своим возникновением. Вики аж раздувалась от гордости, глядя, как снует народ у дверей башен. Папа очень важен для многих паучар, по-хорошему.

Брент свесился с плетенки и придвинул к ней голову:

— Знаешь, мне кажется, за нами хвост.

Джирлиб тоже услышал его, хотя Брент говорил тихо, и напрягся на веревке.

— А? Где?

— Те два «роудмастера». Они припарковались возле остановки.

На миг Вики пробила дрожь страха, а потом она успокоилась и рассмеялась.

— Готова об заклад побиться, мы не всех этим утром одурачили. Папа нас отпустил, а команда капитана Даунинга всю дорогу за нами следит — как обычно.

— Эти машины не такие, как обычно, — сказал Брент.

28

Королевский музей находился у остановки экспресса «Центральная». Вики и остальные дети вышли в нескольких шагах от него.

На миг Вики с Гокной лишились дара речи, глазея вверх, на величественный изгиб каменной арки. Они видели это здание в передаче, но сами никогда тут не бывали. Королевский музей был всего в три этажа высотой и рядом с более современными сооружениями мог показаться карликом. Однако малыш чем-то превосходил все небоскребы. Не считая укреплений, музей оставался самой старой непрерывно существующей принстонской постройкой. Фактически он служил основным музеем королевской семьи уже пять солнечных циклов подряд. Он претерпел некоторые реконструкции, был расширен, но в целом, согласно традиции, оставался таким, каким его задумал Длиннорукий Король. Снаружи опускалась пологая арка, похожая на перевернутое сечение самолетного крыла. Ветрозащитную арку архитектура изобрела за два поколения до научной эры. Древние здания Ставки ничем подобным не располагали — их прикрывала лишь стена глубокой долины. На миг Вики попыталась

вообразить себе, каково тут было в первые дни после Возрождения Солнца: притиснутое к земле ветрами почти звуковой скорости здание должно быть озарено всеми цветами адски горячего солнца — от ультра— до дальнекрасного. Так почему же Длиннорукий Король повелел возвести это здание на поверхности? Ответ напрашивался сам собой: чтобы бросить вызов равно Тьме и Солнцу. Подняться над жалкими глубокими норами укрытий силою *власти.*

— Эй, вы двое! Вы что, заснули? — гаркнул на них Джирлиб. Они с Брентом уже были у входа. Девчонки поспешили вверх по лестнице, впервые в жизни не подобрав уместно язвительного ответа.

Джирлиб продолжал отпускать колкости насчет дурочек-сестриц, которые спят с закрытыми глазами. Брент подождал остальную троицу, чуть отстал, держась близко.

Они прошли в тени парадной арки, и звуки города остались позади. Церемониальная стража на входе — двое королевских солдат — молча стояла в нишах по обе стороны. Прямо впереди дежурила охрана реальная — билетер. Древние стены за стойкой кассира были увешаны афишами текущих выставок. Джирлиб перестал

ворчать и завертелся у двенадцатицветного постера с Хелмовым Уродцем «в представлении художника». Вики стало ясно, как эта ерунда затесалась на выставку в Королевском музее: тут не только в Уродцах было дело. В это время года темой музейной экспозиции была лженаука во всех ее проявлениях. Афиши манили выставками на тему глубинного колдовства, самовозгорания, видеомантики и — барабанная дробь! — Хелмовых Уродцев. Но Джирлиб совсем не замечал, в какой достойной компании оказался предмет его увлечений. Ему хватило и того, что Уродцы наконец почтили музей своим вниманием.

Очередная выставка разместилась в новом крыле музея. Тут были высокие потолки, зеркальные трубки и туманные конусы солнечного света от них на мраморном полу. Практически только их четверка тут и была, и акустика в этом помещении оказалась какая-то странная — не просто отражала голоса эхом, а усиливала. Если молчать, то даже клацанье ног казалось очень громким. Работало это куда лучше любых указателей с просьбой соблюдать тишину. Вики поразили собранные на выставке невероятные артефакты паранауки. Папа считал их забавными — «почти религиозными, но не столь

смертоносными». К сожалению, Джирлиба интересовали только совершенно определенные экспонаты. И наплевать, что Гокну выставка о самовозгораниях навела на мысли об активных экспериментах. И не важно, что Вики хотела посмотреть на сияющие картинки в пузатых трубках видеомантического зала. Джирлиб шел прямо к Уродцам, и они с Брентом старательно следили, чтобы сестры шагали с ними рядом.

Ну и ладно. По правде говоря, Вики тоже всегда интересовалась Уродцами. Джирлиб, однако, на них помешался, сколько она его помнила; тут им наконец выпадет шанс увидеть эти штуки воочию.

На входе в зал от пола до потолка были выставлены алмазные фораминиферы. Сколько же тонн горючего сланца пришлось перелопатить в поисках столь выдающихся экземпляров? Различные типы были тщательно промаркированы в согласии с наилучшими научными теориями, но крохотные кристаллические скелеты искусно поместили на лотках под увеличительными стеклами; в солнечном свете из трубок форамены сверкали хрустальными созвездиями, как тиары, браслеты и спинные вуали из драгоценных камней. Коллекция Джирлиба рядом с ними вы-

глядела смешно. На центральном столе стоял ряд микроскопов, где заинтересованные посетители могли рассмотреть детали. Вики поглядела в линзы. Она прежде довольно часто видела такие штуки, но форамены, представленные в музее, были идеальной сохранности, и многообразие их форм ошеломляло. Большинство имело гексагональную симметрию, но попадались и образцы с крошечными крючками и жезлами, которыми эти существа, когда были живы, наверняка пользовались для перемещения в своем микроскопическом мире. Уже ни одного существа с этим алмазным скелетом не осталось, они пятьдесят миллионов лет как вымерли. Но в определенных осадочных слоях фораменовый алмазный слой достигал сотен футов в толщину; на востоке это горючее было дешевле угля. Крупнейшие образцы едва превосходили размерами блоху, но некогда они были самой обычной формой жизни в мире. Потом, около пятидесяти миллионов лет назад, пуфф — и не стало их. Одни скелетики. Дядя Хранкнер, когда уставал от напора папиных идей, напоминал ему об этом вымирании и говорил, что тут есть о чем подумать.

— Пойдем-пойдем.

Джирлиб часами мог возиться с собствен-

ной коллекцией, но сегодня уделил личному собранию короля от силы тридцать секунд; указатели на дальней двери сообщали, что за нею — Хелмовы Уродцы. Четверка ходульным шагом просеменила в темный притвор, едва осмеливаясь перешептываться. В зале за ним конус солнечного сияния из единственной трубки выхватывал во мраке центральные столы. Стены оставались в тени, и только боковая подсветка была крайних цветов спектра.

Четверо тихо вошли в помещение. Гокна едва слышно пискнула от удивления. Во тьме стояли фигуры… и были они ростом выше, чем средний взрослый в длину. Они качались на трех суставчатых ногах, а передние лапы и руки вздымались, почти как в «Протесте Фронды». Именно такими представлял своих Уродцев сам Чундра Хелм, и в темноте они обещали больше подробностей всякому, кто осмелится приблизиться.

Вики прочла тускло сияющие слова надписи под фигурами и улыбнулась про себя.

— Классно, а? — сказала она сестренке.

— Угу… Я и не думала, что… — Потом та тоже прочла описание. — Ой блин, снова идиотские фейки.

— Не фейк это, — наставительно молвил

Джирлиб, — а общепризнанная авторитетная реконструкция.

Но она слышала в его голосе нотки разочарования. Они медленно прошлись по затененному залу, разглядывая неясно поблескивавшие во мраке экспонаты. Несколько минут формы их дразнили воображение, не поддаваясь разумному осмыслению. Тут были представлены все пятьдесят расовых типов, описанных Хелмом. Но — грубыми моделями, словно от какого-то автора маскарадных костюмов. Джирлиб явственно сник, перемещаясь от экспоната к экспонату и читая сопроводительные подписи. Те, стоит сказать, были экспансивны: «Старшие расы, существовавшие прежде нас… существа, что в старину охотились на арахнидов… их семя могло выжить в неведомых темных глубинах и ждет своего часа, чтобы вернуть господство над миром». Последняя табличка сопровождала реконструкцию, изображающую чудовищного таранта, — того гляди откусит посетителю голову. Дурацкая замануха, на которую не купились бы даже младшие братишка и сестренка Вики. Чундра Хелм признавал, что его «затерянный сайт» скрыт под отложениями фораменов. Если Уродцы и существовали в действительности, они

вымерли по меньшей мере пятьдесят миллионов лет назад — за миллионы лет до возникновения протоарахнидов.

— Да они над ними просто издеваются, Джирл, — сказала Вики. Впервые она не стала его поддразнивать. Вики не любила, когда подтрунивали над ее близкими.

Джирлиб пожал плечами, соглашаясь.

— Ну да, так и есть. Чем дальше мы идем, тем смешнее. Ха-ха. — Он остановился у последнего экспоната. — И сами они это признают! Слушай: «Если вы дошли досюда, то уже поняли, как абсурдны заявления Чундры Хелма. Но что же тогда представляют собой Уродцы? Подделки с каких-то подходящих раскопок? Или редкая естественная форма метаморфного камня? Судите сами…» — Голос его пресекся, когда он заметил, что в центре комнаты, скрытая ранее ширмой, высится ярко подсвеченная груда камней.

Джирлиб исполнил скачок с переворотом и устремился к ярко освещенному экспонату. Он чуть не завизжал от возбуждения, всматриваясь в груду. Каждый камень демонстрировался отдельно. Каждый камень был ясно виден во всех цветах солнца. Они напоминали необработанный мрамор — и больше ничего. Но Джирлиб

восторженно выдохнул:

— Это настоящие Уродцы, лучшие образцы, если не считать найденных самим Чундрой Хелмом.

Если бы их отполировать, некоторые камни выглядели бы симпатично. Отдельные завитки напоминали по оттенку скорее природный уголь, чем мрамор. При некотором усилии воображения можно было разглядеть в них некогда правильные, а ныне вытянутые и скрученные формы. Впрочем, все равно Уродцы совсем не были похожи на живых существ. В дальнем конце кучи лежал камень, тщательно разрезанный на слои шириной не более десятой доли дюйма, такие тонкие, что они пропускали солнечный свет. Если подойти к нему совсем близко и поводить головой вниз-вверх, можно получить что-то вроде трехмерной картины, созданной светом при прохождении сквозь узорчатый камень. В камне был заключен алмазный пылевихрь, почти как форамен, только смазанный. А вокруг алмазной пыли — какие-то паутинки или темные трещинки. Красиво. Джирлиб прилип к месту, прижав голову к стальному ограждению, и принялся водить ею туда-сюда в попытке разглядеть световую проекцию по всем слоям.

— Когда-то оно было живым, я уверен в этом, я уверен! — воскликнул он. — В миллион раз крупнее любой фораминиферы, но построенное на той же основе. Если бы увидеть, как оно выглядело, прежде чем его размазало…

Старый хелмистский рефрен, но ведь эта штука *настоящая*. Даже Гокну очаровало зрелище, и Вики поневоле пропустила ее вперед. Дождавшись своей очереди, Вики медленно прошлась вокруг груды в центре экспозиции, просмотрела некоторые из микроскопических узоров, прочла пояснительные надписи. Если не обращать внимания на идиотские статуи с шутливыми подписями — то вот они, лучшие в мире экземпляры Уродцев. В каком-то смысле это должно было обескуражить бедолагу Джирлиба пуще всего остального. Даже если существа эти некогда и были живыми, никаких признаков разума у них не замечалось. Будь Уродцы теми, кем хотел их представлять Джирлиб, их творения, несомненно, имели бы внушительные размеры. Так где их машины и города?

Эх! Вики неслышно отошла от Гокны с Джирлибом. Она стояла за ними в пределах видимости, но те так увлеклись, разглядывая прозрачных Уродцев, что не замечали ее. Может, удастся

прошмыгнуть в соседний зал на выставку видеомантики. Потом она увидела Брента. *Его* экспозиция не увлекла. Брат присел за столиком в одном из самых темных уголков зала, прямо у выхода, куда направлялась Вики. Она бы его вовсе не заметила, не засверкай его зрительные поверхности в свете крайнеспектральных ламп. Со своего места Брент мог скрытно наблюдать оба входа, не упуская при этом из виду и то, что происходит у центральных столов.

Вики помахала ему в знак усмешки и ускользнула к выходу. Брент не шевельнулся и не окликнул ее. Может, ему хотелось посидеть в засаде или он просто размечтался о своих конструкторах. Пока она остается в пределах видимости, он, вероятно, смолчит. И Вики быстро прошла под высокой аркой в зал видеомантики.

Выставка начиналась с картин и мозаик прошлых поколений. Идея, легшая в основу видеомантики, была стара как мир — она восходила к суеверному представлению о том, что, нарисовав идеально точные портреты врагов, можно получить власть над их душами. Эта мысль послужила прогрессу искусства, поспособствовав созданию новых красок и рецептов их смешения. Но даже сейчас картины оставались жалкой тенью того,

что было доступно паучьему глазу. Современная видеомантика утверждала, что наука способна воссоздать идеально точное изображение и тем воплотить давние мечты. Папа считал эту идею занятной.

Вики шла между сверкающих видеотрубок. Сотня неподвижных пейзажей, размытых и нечетких… но самые совершенные трубки показывали цвета, какие можно увидеть лишь под крайнесветовыми лампами или на солнце. С каждым годом видеотрубки совершенствовались. Уже поговаривали о передаче картинок по радиоканалу. Маленькую Викторию эта идея восхищала, если отбросить шарлатанские предрассудки насчет управления сознанием.

Откуда-то с дальнего конца зала донеслись голоса, детский щебет, совсем как у Рапсы с малышом Хранком. Вики застыла от неожиданности. Несколько секунд — и со стороны дальнего входа, подскакивая на ходу, показалась пара малышей. Вики вспомнила саркастическое пророчество Джирлиба, что Рапса с маленьким Хранком наверняка свалятся им как снег на голову. На миг ей почудилось, что он оказался прав. Но нет, двое незнакомцев вошли следом за детишками в зал, и дети эти были младше ее сестренки и братишки.

Вики пискнула от восторга и поскакала по залу к детям. Взрослые — родители? — на миг застыли в изумлении, потом сгребли детей в охапку и повернулись уйти.

— Подождите! Пожалуйста, подождите! Я просто хочу… поговорить.

Вики заставила ноги перейти на неспешную прогулочную побежку и подняла руки в дружеской улыбке. За ее спиной Гокна с Джирлибом оторвались от выставки Уродцев и с неподдельным изумлением глядели Вики вслед.

Родители остановились, медленно развернулись и пошли обратно. Гокна и Вики были на вид явно внефазными. Это больше всего остального приободрило незнакомцев.

Они пообщались несколько минут, сперва формально-вежливо. Тренчет Суабисме работала планировщиком на строительстве Нового Мира; ее муж там был прорабом.

— Сегодня отличный день для поездки в музей, раз народ на выходные в горы свалил поиграть в снегу. А вы тоже так решили?

— Да, — ответила Гокна, и для нее с Джирлибом это, верно, так и было. — Но мы так рады вас встретить, и ваших детей тоже. Как их зовут?

Так странно встретить незнакомцев, которые

кажутся знакомыми, словно собственная семья. Тренчет с Алендоном, видимо, испытывали те же чувства. Их дети шумно возились у них в лапах, отказываясь залезать обратно Алендону на спину. Через несколько минут родители спустили их на пол. Детишки двумя большими скачками запрыгнули в лапы Гокне и Вики. Они крутились, агукали, вертели туда-сюда головками с близко посаженными детскими глазами, снедаемые любопытством. Той, которая залезла на руки Вики, Алекер, не могло быть больше двух лет. Отчего-то ни Рапса, ни маленький Хранк не казались так симпатичны. Правда, когда им было только два года, самой Вики едва исполнилось семь, и она все внимание привлекала к себе, как могла. Эти дети никак не походили на угрюмых внефазников, встреченных раньше.

Самое странное во всем этом — реакция взрослых, стоило им узнать, кто они такие, Вики с детьми. Тренчет Суабисме на секунду опешила.

— Я… мне надо было сразу догадаться. Кто же еще?.. Знаете, когда я была еще подростком, любила вашу радиопередачу слушать. Вы были такие маленькие, я же о других внефазных вообще не слыхала. Мне правда нравилось ваше шоу.

— Ага, — сказал Алендон. Он усмехнулся, уви-

дев, как Алекер пробирается в боковой карман куртки Вики. — Только потому, что мы о вас знали, мы с Тренчет и додумались завести собственных деток. Тяжело было; первые рубцы усохли. Но как только появились глаза, они стали симпатичными до невозможности.

Девочка счастливо попискивала и лазила в кармане Вики. Наконец высунула головку и помахала пищевыми руками. Вики потянулась назад пощекотать ей ручки. Вики было приятно, что кто-то слушал их передачу и правильно истолковал сообщение папы, но…

— Грустно, что вам приходится избегать толпы. Лучше было бы побольше таких, как вы и ваши дети.

Тренчет неожиданно хмыкнула:

— Времена меняются. Все больше паучар рассчитывает бодрствовать во Тьме; они понемногу понимают, что некоторые законы придется менять. Для завершения строительства потребуется помощь повзрослевших детей. Мы знаем еще две пары в Новом Мире, которые пытаются завести внефазных деток. — Она потрепала мужа по плечам. — Навеки мы одни не останемся.

Ее энтузиазм передался Вики. Алекер и другой паучонок — Бирбоп? — были такие же при-

кольные, как Рапса с малышом Хранком, но *отличались* от них. Наконец-то появилась надежда узнать других таких же, как они сами. Для Вики это было как распахнуть зачерненное окошко и увидеть все цвета солнца.

Они медленно прошли по залу видеомантики. Гокна с Тренчет Суабисме обсуждали различные варианты. Гокна предлагала превратить Дом на Холме в место встреч внефазных семей. Почему-то Вики заподозрила, что ни папе, ни генералу эта идея не понравится, хотя и по разным причинам. Но в целом… надо что-то такое проработать; в стратегическом смысле это оправданно. Вики последовала за остальными, отвлекшись от их чириканья. Ей так нравилось играть с малышкой Алекер. Играть с паучонком — это куда веселее, чем любоваться снегом.

Потом в окружающую болтовню влилось далекое цоканье множества ног по мрамору. Четверо, пятеро? Вроде бы из тех дверей, через которые вошла сама Вики несколькими минутами раньше. Кто бы это ни был, его ждет шокирующий сюрприз — зрелище шестерки внефазников, от младенцев до почти взрослых пауков.

Четверо новоприбывших оказались взрослыми текущего поколения, крупными, как и работ-

ники матушкиной СБ. Они не остановились и не выказали удивления, увидев детей. Они были в таких же неброских куртках, какие Вики привыкла видеть на охране Дома на Холме. Возглавляла группу резковато-хищная дама прошлого поколения с манерами старшего унтера. Вики полагалось бы вздохнуть с облегчением; наверное, именно эти за ними следовали, когда их Брент заметил. Но она их не узнавала…

Вожатая окинула всех одним взглядом и жестом приветствовала Тренчет Суабисме.

— Мы забираем их. Генерал Смит хочет, чтобы всех детей отвезли за охраняемый периметр.

— К-кого? Не поняла… — Суабисме сложила руки в жесте озадаченного удивления.

В продолжение речи вожатой пятерка незнакомцев продвигалась вперед, а их командирша ласково кивала и несла полную ерунду:

— Двух охранников для всех детей недостаточно. Когда вы уехали, мы получили информацию, что могут возникнуть проблемы.

Двое мнимых эсбэшников слаженно оттерли детей от четы Суабисме. Вики не слишком деликатно толкнули к Джирлибу с Гокной. Мамины сотрудники никогда себе такого не позволяли.

— Простите, у нас аврал…

Тут события стали разворачиваться в нескольких направлениях одновременно. Тренчет с Алендоном подняли вой, в их крике страх смешивался с гневом. Двое самых крепких незнакомцев отогнали их от детей. Один полез в заплечную сумку.

— Эй, мы одного упустили!

Брента.

Где-то очень высоко началась движуха. Выставка видеомантики состояла из ряда поставленных друг на друга дисплейных трубок. С неумолимой грацией ближайшая трубка накренилась, изображения смыло дождем искр, послышался металлический скрежет. Вики краем зрительного поля углядела Брента: тот спрыгнул сверху, приземлившись как раз на краю задетой трубками зоны.

Дисплейная стена обрушилась полностью, и Вики швырнуло на пол. Все вокруг поглотил грохот лопающихся видеотрубок, смешанный с жужжанием тока высокого напряжения. Стена упала между детьми и четой Суабисме — аккурат на головы паре незнакомцев. Вики заметила, как сочится по мраморному полу многоцветная кровь. Две неподвижных передних руки торчали из-под стоек; им уже было не дотянуться до ко-

роткоствольного дробовика.

Потом время пошло снова. Вики грубо сгребли за бороздку поперек головогруди и оттащили от обломков видеостены. По другую сторону туши похитителя вопили Джирлиб с Гокной. Раздался тупой хруст. Гокна вскрикнула. Джирлиб замолчал.

— Командующая, а что нам…

— Плевать! Мы всех шестерых сцапали. Уходим, уходим!

Когда Вики вытаскивали из зала, она успела бросить взгляд назад. Но незнакомцы бросили на месте побоища двух своих мертвых сообщников, так что за их тушами и рухнувшей видеостеной Вики не заметила старших Суабисме.

29

Этого дня Хранкнер Аннерби не забыл бы ни за что. Викторию Смит он знал долгие годы и впервые видел на грани полной утраты самообладания. Сразу после полудня панический звонок по микроволновой линии: Шерканер Андерхилл, наплевав на все военные приоритеты, сообщает о похищении. Генерал Смит вышвырнула Шерканера с линии и тут же собрала чрезвычайное заседание своего штаба. Вдруг Хранкнер Аннерби

из директора по гражданским проектам стал кем-то вроде… сержанта. Хранкнер тут же организовал ей трехвинтовой вертолет. Сам вместе с помощниками проверил систему безопасности. Он не имел права подвергать риску генерала. Именно такого аврала и добивается противник, и стоит тебе решить, что в мире ничего нет важнее авральной ситуации, как *тут-то* враги бьют по истинным целям.

Трехвинтовик покрыл расстояние от Ставки до Принстона менее чем за два часа. Но бортового командного пункта в нем не имелось; нынешний бюджет не позволял таких излишеств. Поэтому генерал два часа провела на низкоскоростной беспроводной линии. Два часа вне цепочки командования и командного поста в Ставке либо их принстонских эквивалентов. Два часа она слушала фрагментарные отчеты и пыталась скоординировать ответные меры. Два часа на растерзание горю, отчаянию и неизвестности. В середине дня они приземлились в Принстоне и еще полчаса потратили на путь по земле к Дому на Холме.

Едва успела машина остановиться, как подскочил Шерканер Андерхилл, открыл дверь и чуть не силком выволок их наружу. Он схватил Ан-

нерби за руку и через его спину бросил генералу:

— Спасибо, что Хранкнера привезла. Вы оба мне нужны.

И он повел их через фойе к лифту и своей подземной берлоге.

Аннерби наблюдал за Шерканером много лет в разных ситуациях: видел его в Ставке в середине тиферской войны предлагающим безумный проект; видел, как Шерканер ведет экспедицию через вакуум Глубочайшей Тьмы; видел, как сопротивляется он нападкам традов. Шерк не всегда побеждал, но постоянно был до краев панциря полон сюрпризами и придумками. Все на свете казалось ему великим экспериментом и грандиозным приключением. Даже случись ему потерпеть неудачу, он тут же усматривал в ней источник идей для более интересных опытов. Но сегодня… сегодня Шерканер был на грани отчаяния. Он потянулся к Смит, голова и руки у него задрожали сильней обычного.

— Должен быть способ их отыскать! Должен. У меня компьютеры, у меня микроволновая связь со Ставкой. — Все эти ресурсы ему верно служили в прошлом. — Я могу их вернуть живыми и здоровыми. Я знаю, я могу.

Смит мгновение постояла совершенно непо-

движно. Потом придвинулась ближе, обняла Шерка рукой через плечи, пригладила ему шерсть. Голос ее был тих и тверд, как у солдата, утешающего друга в скорби о павших товарищах.

— Нет, дорогой. Но ты сделаешь все, что сможешь.

Снаружи день переходил в предзакатные облачные сумерки. Под тонкий свист ветра в полуоткрытых окнах по кварцевым стеклам едва слышно постукивали папоротники. Темно-зеленый сумрак проникал через облака и растительность. Другого света в комнате не осталось.

Генерал стояла, держа голову близко к Шерканеру, и они смотрели друг на друга без слов. Аннерби так и чувствовал, как резонирует между ними страх, смешанный со стыдом. Затем Шерканер резко осел, руки его обхватили генерала. Мягкое шипение Шеркова плача и свист ветра были единственными звуками в комнате. Спустя мгновение Смит слабым жестом задней лапы велела Аннерби удалиться.

Аннерби кивнул, стоя к ней спиной. Пушистый ковер был завален игрушками, детскими и Шерканеровыми гаджетами, и Хранкнер тщательно

обходил их, чтобы выйти беззвучно.

Сумерки быстро сменились ночью — как от приближения бури, так и потому, что солнце село. Аннерби ничего этого особо и не заметил, потому что окна командного поста были крохотными нависающими щелками. Смит появилась через полчаса после него. Призвав подчиненных к вниманию, она забралась на соседний с Хранкнером насест. Он вопросительно повел руками в ее сторону. Смит пожала плечами:

— Сержант, с Шерком все будет в порядке. Он со своими дипломниками делает что может. А мы?..

Аннерби пихнул ей через стол толстую стопку свидетельских показаний.

— Капитан Даунинг и его команда еще здесь. Если хочешь, поговори с ними сама, но мы все… — то есть все, прилетевшие из Ставки, — уверены, что там чисто. Дети просто перехитрили их.

Дети обдурили одну из лучших служб безопасности мира. Конечно, они с ней уже свыклись, знали привычки охранников, втерлись к ним в доверие. Да и внешняя угроза доселе оставалась чем-то из области слухов или теоретических измышлений. Все это дополнительно подсобило паучатам, когда те решили пуститься в бега… Но

безопасников набирала лично генерал Виктория Смит. Те были умные ребята, верные; они терзались теперь не меньше Шерканера Андерхилла.

Смит щелчком лапы отправила ему отчеты обратно.

— Ладно. Давай Дэрама и его команду. Займи их чем-нибудь. Что там с поисками? — Она махнула остальным подвинуться ближе и сама закопалась в работу.

На командном посту карты были хорошие, пункт стратегического планирования тоже имелся. Располагая микроволновой связью, они тут могли продублировать работу штаба Ставки. К сожалению, выделенной комм-линии с Принстоном не установили. Еще несколько часов — и с этой проблемой будет покончено. А пока в зал и из него тянулась нескончаемая цепочка гонцов. Многие только что прибыли из Ставки и о дневной катастрофе понятия не имели. Оно и к лучшему — присутствие новичков разгоняло отчаяние, ясно читавшееся кое у кого по аспектам. Появлялись нити. Они продвигались к разгадке… но пугающей и зловещей.

Начальник отдела контрразведки по вопросам Клана явился часом позже. Рахнер Тракт на эту должность заступил недавно. Молодой паучара,

тиферский иммигрант. Странно видеть такое сочетание качеств в обладателе подобного поста. Он казался умным спецом, но скорей книжником, чем оперативником. Может, это и неплохо: одному Господу ведомо, как им нужны компетентные спецы по Клану. Как же это так вышло с традиционалистами? В пору Великой Войны Клан, маленькое сообщество раскольников в тиферской империи, втайне поддерживал Аккорд. Но Виктория Смит считала их следующей по важности угрозой. Или возможно, следовала закоренелому своему недоверию к традам.

Тракт повесил дождевик на вешалку и отстегнул сумку, которую притащил на себе. Вывалил на стол перед начальницей документы.

— Клан во всем этом замешан по плечи, генерал.

— Почему я не удивлена? — сказала Смит.

Аннерби знал, как она вымотана, но вид у нее был свеженький, почти как у обычной Виктории Смит. Почти. Она держалась спокойно и вежливо, как на обычном совещании. Вопросы задавала умные и уместные, как всегда. Но Аннерби видел разницу. Почти незаметную. Это даже тревогой нельзя было назвать: просто казалось, что ум генерала где-то блуждает.

— Все же еще утром вмешательство Клана расценивалось как маловероятная угроза. Что изменилось, Рахнер?

— Два допроса и два вскрытия. Погибшие паучары обладали отличной физической подготовкой, и на атлетов они не похожи; у них старые шрамы на хитине, даже залатанные пулевые дырки есть.

Виктория передернула плечами:

— Ну ясно же, что это профи. Мы знаем, что угроза и внутри страны. Трады-маргиналы. Они могли бы нанять компетентных исполнителей.

— Они могли бы, но это Клан, а не местные трады.

— Есть ли достоверное тому свидетельство? — спросил Аннерби, чуть расслабившись. Втайне он устыдился своей радости.

— Гм. — Тракт, казалось, задумался не только над вопросом, а и над личностью задавшего этот вопрос. Паучара не понимал, кто, собственно, такой Аннерби, гражданский, которого все кличут сержантом, и какое место он занимает в командной иерархии. «Привыкай, сынок». — Клан придает своим религиозным корням огромное значение, но прежде они пытались не задевать нас непосредственно. Исподтишка финансиро-

вали местных традов, не более того. Сегодня… они провалили свое прикрытие. Эти дохляки — профи на службе Клана. Они приняли все меры, заметая следы, но не учли возможностей нашей судмедэкспертизы. В общем-то мы тут полагаемся как раз на один тест, изобретенный учеником вашего супруга. Понимаете ли, соотношение типов пыльцы в дыхательных проходах двух трупов выдает иностранное происхождение; я даже определил, с какой именно базы Клана они отправились в путь. Еще пятнадцать дней тому их в стране не было, это точно.

Смит покивала:

— А если бы дольше, то пыльца улетучилась бы?

— Правильно. Была бы захвачена иммунной системой и унесена, говорят эксперты. Но даже в этом случае мы бы их вычислили. Видите ли, противнику сегодня капитально не повезло, даже по сравнению с нами. Они оставили двух живых свидетелей… — Тракт поколебался, очевидно вспомнив, что это заседание штаба необычное и определение успеха операции, принятое у военных, для самой Смит может обернуться леденящим душу провалом.

Генерал не заметила его заминки.

— Да, ту пару. Которая детишек в музей привела.

— Да, мэм. И в общем, мы им обязаны частичной неудачей вражеской операции. Полковник Андервиль… — эта командовала поисками со стороны управления внутренней безопасности, — допрашивала их весь вечер, они изо всех сил рвутся помогать. Вы уже слышали то, что ей удалось узнать; как один из ваших сыновей опрокинул выставочный стенд и раздавил двух похитителей.

— И что всех детей захватили живыми.

— Да. Но Андервиль смогла разузнать и больше. Мы почти уверены… что похитители намеревались украсть всех ваших детей. Увидев вместе с ними малышей Суабисме, они, конечно, подумали, что это тоже ваши. В мире просто очень мало внефазников, даже сейчас. Естественно, они приняли чету Суабисме за сотрудников *нашей* службы безопасности.

О, Господь в доброй стылой земле! Аннерби воззрился в узкие окна. Света стало чуть больше, но это был актинический ультрафиолет от ламп охраны. Ветер медленно крепчал, разгоняя по стеклам искрящиеся отблесками капли, сгибал и трепыхал папоротники. Ожидалась гроза.

Итак, Клан спалился, потому что был слишком высокого мнения о спецслужбах Аккорда. Естественно, они решили, что с детьми в любом случае *кого-то* пошлют.

— Мы много выяснили у этой пары гражданских, генерал. Легенда, которую похитители использовали на входе, и то, как они выворачивались в критической ситуации… Похитители не намеревались оставлять свидетелей. Суабисме — самая везучая пара во всем Принстоне сегодня, даже если сами этого не понимают. Те двое, которых убил ваш сын, оттягивали Суабисме от детей. Один уже вытащил автоматический дробовик и спустил со всех предохранителей. Полковник Андервиль полагает, что исходный план предусматривал захват всех детей и убийство всех свидетелей. В таком случае мертвые гражданские в лужах крови навели бы нас на ошибочную мысль, что виновны в похищении местные трады.

— В таком случае почему бы им не оставить и пару мертвых детей? И отход бы упростился.

Виктория задала вопрос спокойным голосом, но чуть отстраненно.

— Неизвестно, мэм. Но полковник Андервиль считает, что они еще в стране, может даже

в Принстоне.

— Да? — Скепсис смешивался с надеждой. — Я Белгу знаю, она в это дело клещами вцепилась, а у врага свои проблемы. Ладно. Рахнер, это ваша первая крупная внутренняя операция, но чтобы работали лапа об лапу с контрразведкой. Городскую полицию и коммерческие службы охраны тоже привлеките. — Классической анонимностью Аккорд-разведки в следующие несколько дней придется всерьез поступиться. — Постарайтесь вести себя с ними вежливо. Война не объявлена. Короне лишние проблемы ни к чему.

— Да, мэм, будет исполнено. Мы с полковником Андервиль организуем совместное патрулирование с городскими копами. Когда телефонную линию подключат, ваш здешний командный пост в Доме на Холме тоже получит обновленные сводки.

— Очень хорошо. Думаю, Рахнер, вы в этом деле постоянно опережаете меня.

Тракт поднялся на ноги и придал аспекту оттенок улыбки.

— Мы вернем ваших паучат, шеф.

Смит начала было отвечать, потом заметила за дверным косяком пару маленьких головок.

— Я знаю, Рахнер. Спасибо.

Тракт отошел от стола, в зале воцарилось неловкое молчание. Двое младших детей Андерхилла, быть может единственные, которым суждено выжить, бочком пробрались внутрь, а за ними — начальник охраны и трое солдат. Капитан Даунинг нес скрученный зонтик, но Рапса с маленьким Хранком явно не воспользовались им. Куртки у них промокли насквозь, капли дождя стекали по блестящему черному хитину.

Виктория не нашла для детей улыбки, взгляд ее приник к мокрым курткам и зонтику.

— Вы что, снаружи бегали?

Рапса ответила так подавленно, как Хранкнер от этого чертенка в жизни не слыхивал:

— Не-ет, мам… Мы с папой были, но он сейчас занят. Мы с капитаном Даунингом пришли, между ним и этими… — Она замолчала, застенчиво склонив голову в сторону охранника.

Молодой капитан отдал честь, но вид у него был как у солдата, чью армию только что разбили наголову.

— Простите, мэм. Я решил зонтика не открывать. Я хотел видеть во всех направлениях.

— Правильно, Дэрам. И… это хорошо, что вы их прямо сюда привели.

Она замолчала, глядя на детей. Рапса с малы-

шом Хранком тоже неподвижно смотрели на нее. И вдруг, словно внутри у них переключили общий центральный тумблер, понеслись через зал, залившись бессловесным писклявым плачем. На миг Смит скрылась в вихре рук и ног: дети карабкались по ней, прижимались к ней, точно к отцу. Плотина их выдержки рухнула, они плакали навзрыд и громко задавали вопросы: есть ли новости про Гокну, Вики, Джирлиба и Брента? Что теперь будет? И что они не хотят оставаться одни…

Спустя пару минут гам улегся. Смит склонила голову к детям, Аннерби задумался, о чем она сейчас размышляет. У нее осталось еще двое. По невезению или ошибкам этого дня, а украли другую пару детишек вместо этих. Она подняла руку, привлекая внимание Аннерби:

— Хранкнер. У меня просьба. Найди Суабисме. Попроси их… предложи им мое гостеприимство. Если они согласятся пока пожить с нами в Доме на Холме… я почту это за честь.

Они были высоко, в какой-то вертикальной вентиляционной шахте.

— И вовсе это не вентиляционная шахта! — уперлась Гокна. — В настоящих шахтах полно труб и кабелей.

И вправду, шума вентиляторов слышно не было, только неустанный свист ветра откуда-то сверху. Вики сконцентрировалась на том, что находилось прямо у нее над головой. Футах, может, в пятидесяти было зарешеченное окошечко. Сквозь него пробивался дневной свет, расплескиваясь по металлическим стенам шахты. На дне, куда бросили детей, царила полутьма, но вполне хватало света, чтобы разглядеть спальные маты, биотуалет и металлический пол. В тюрьме становилось все теплее. Гокна была права. Дома они вдоволь наисследовались, чтобы узнать, как выглядят настоящие коммуникации. Но что же это за место?

— Гляньте на все эти заплатки. — Она махнула в сторону дисков, неряшливо приваренных к стенам там и сям. — Может, это сооружение забросили… или еще не достроили.

— Ага, — сказал Джирлиб. — Работа свежая. Только-только пришляпили сваркой крышки на люки доступа, еще часа, наверное, не прошло.

Гокна кивнула, особо не вникая в его слова. Столько всего изменилось этим утром. Джирлиб перестал быть далеким, угрюмым судьей их споров. На него свалилась большая тяжесть, чем когда бы то ни было прежде, и Гокна понимала,

как отчаянно горько брату. Они с Брентом старшие, и Джирлиб позволил этому случиться. Но душевная боль не прорывалась наружу; Джирлиб стал терпеливей прежнего.

И когда он говорил, сестры слушали. Даже если не считать, что он почти взрослый, — Джирлиб умней их всех.

— В общем-то, думаю, я догадался, где мы. — Его прервала возня малышей у Джирлиба на спине. Шерсть у него была не такая густая, чтоб они там расположились с комфортом, и уже начинала подванивать. Алекер с Бирбопом то плаксиво требовали вернуть их к родителям, то нервно затихали и крепко цеплялись за спину бедняги. Сейчас, кажется, они переключались в режим истерики. Вики потянулась и взяла Алекер на руки, пытаясь убаюкать.

— И где же? — переспросила Гокна, хотя пререкаться, судя по голосу, не намеревалась.

— Видишь аттеркопову паутину? — ткнул вверх Джирлиб. На ветру у решетки колыхались свежие тонкие волоконца паутины. — У каждого типа свой узор. Эти эндемичны для Принстона, но гнездятся только в самых высоких местах. Даже крыша Дома на Холме для них еле пригодна. Так что… думаю, мы еще в городе и так высоко,

что вокруг вид на мили. Мы либо на холмах, либо в каком-то новом небоскребе делового центра.

Алекер снова заплакала. Вики покачала ее на руках. Маленький Хранк от этого всегда успокаивался, но кто знает… О чудо! Хныканье Алекер стихло. Может, ее так сильно помяли, что она даже пищать от счастья не в состоянии? Но нет, спустя несколько секунд малышка махнула ей в слабой довольной улыбке и так извернулась, чтобы все вокруг видеть. Какая классная! Вики покачала паучишку еще несколько секунд.

— Ладно. Возможно, нас и впрямь кругами возили… но — деловой центр? Мы самолеты слышали несколько раз, но где же уличный шум?

— Повсюду.

Брент чуть ли не впервые после похищения заговорил. Тупой и медленный Брент единственный понял, что случится этим утром. Именно он ответвился в засаду и спрятался во тьме. Брент был размером почти со взрослого паучару, падение вместе со стендом на врагов запросто могло его покалечить. Когда их вытаскивали из музея через служебный выход, Брент был нем и недвижим. Он ничего не говорил в продолжение дальнейшей поездки, только сучил лапами, когда Джирлиб с Гокной спрашивали, в порядке

ли брат.

Было похоже, что у него треснула одна передняя нога и повреждена по крайней мере еще одна, но осмотреть раны он не давал. Вики его понимала. Брент, наверное, так же стыдится случившегося, как Джирлиб, но чувствует собственную никчемность еще острей. Скорчившись молчаливой грудой, он лежал довольно долго и только потом, проведя в нынешнем узилище час, поднялся и стал ходить кругами, подволакивая лапы, стуча и клацая кончиками ног по металлу. То и дело он плюхался на пол, словно притворяясь мертвым или полностью отчаявшимся. Именно в такой позе он валялся сейчас.

— Разве вы не слышите? — сказал он. — Послушайте брюхом.

Вики уже много лет в эту игру не играла. Но она, а следом и остальные повиновались и сымитировали позу Брента, распластавшись совсем плоско, без хватательной арки. Не слишком-то удобная поза, и держаться нечем. Алекер выскользнула из рук Вики, следом Бирбоп. Двое забегали между старшими детьми, тычась в них руками. Спустя мгновение захихикали.

— Ш-ш, ш-ш, — тихо шикнула на них Вики. Детишки захихикали громче прежнего. Ну сколько

раз уже Вики молилась, чтоб к этой парочке вернулась бодрость духа? А теперь жаждала только, чтоб они малость помолчали. Отключившись от детского хихиканья, она сконцентрировала внимание. Гм. Это не звук в строгом смысле слова, головой его не услышать. Она его слышала нижней стороной тела. Ровный фоновый шум… вибрации стихают и затихают. Ха! Отголосок урчащего шума, который чувствуешь кончиками ног, гуляя по центру. И снова! Безошибочный скрежет тяжелых тормозов при резкой остановке.

Джирлиб усмехнулся:

— Думаю, теперь мы можем быть уверены! Эти умники нас в грузовом отсеке закрыли, но мы все равно узнали.

Вики переместилась в более комфортную позу и переглянулась с Гокной. Джирлиб умней, но в хитрости ему до сестер далеко. Гокна ответила мягко, частично из вежливости, отчасти же потому, что, выбери она соответствующий ситуации тон, малыши бы снова полезли прятаться.

— Джирл, вряд ли они честно пытались от нас это скрыть.

Джирлиб отодвинул голову к спине, словно в жесте «братишка знает лучше». Потом уловил

ее тон.

— Гокна, они бы нас могли сюда за пять минут довезти. Вместо этого больше часа гоняли. Что…

— Наверное, просто от маминой СБ уходили, — сказала Вики. — Эти паучары несколько машин взяли; вспомни, они же нас дважды пересаживали. Может, они сначала попытались выбраться из города, а потом увидели, что не получится. — Вики жестом обвела их застенок. — Если у них клепки в башке есть, они поняли, что мы слишком много просекли. — Она пыталась говорить спокойно. Бирбоп с Алекер возились возле попрежнему распластанного Брента, залезая ему в карманы. — Мы можем их опознать, Джирлиб. Мы видели водилу и ту даму внизу на музейном складе.

И она рассказала ему про замеченный на полу музея автоматический дробовик. По аспекту Джирлиба метнулась паника.

— Ты считаешь, это не трады, которые решили насолить папе с генералом?

Гокна и Вики дружным жестом выразили отрицание. Гокна перехватила инициативу:

— Думаю, Джирл, что это солдаты, как бы ни маскировались.

На самом деле в этой переделке ложь громоз-

дилась на ложь. Когда банда впервые возникла на выставке видеомантики, они выдавали себя за маминых эсбэшников. Потом, по дороге сюда, заговорили на традовский манер: дети-де подают ужасный пример честному народу, им не причинят вреда, но якобы покажут всю мерзость родительского воспитания. Так они говорили, но Гокна с Вики обе заметили недостаток энтузиазма. Традиционалисты, выступавшие на радио, аж дымились от гнева; те, кого Гокна с Вики встречали, прямо лопнуть были готовы при одном виде внефазников. Похитители же держались спокойно; риторические задвиги не мешали понять, что дети — для них обычный груз. Вики, помимо профессионализма, уловила лишь две эмоции. Предводительница искренне гневалась на тех двоих, которых раздавил Брент… а еще время от времени в ее аспекте проглядывало неподдельное, но отстраненное сочувствие самим детям.

Вики видела, как Джирлиб вздрогнул, самостоятельно просчитав последствия, но смолчал. Мрачные думы его прервал двойной взрыв резкого смеха. Алекер с Бирбопом не обращали внимания ни на Гокну, ни на Вики, ни на Джирлиба. Они нашли в кармане куртки Брента

игрушечную плетенку. Алекер отпрыгнула, вытянув плетенку высокой аркой. Бирбоп подскочил ухватиться за нее, обежал вокруг Брента, окручивая паутиной его ноги.

— Эй, Брент, я-то думала, ты из таких игр уже вырос, — сказала Гокна, принуждая себя подтрунивать.

Брент ответил неторопливо, чуть обиженно:

— Мне скучно без моих палочек и трубок. А с плетенкой везде можно играться.

Брент был мастером плетения узоров, хотя проку от этого не предвиделось. В раннем детстве он часто перекатывался на спину и всеми ногами и руками — даже пищевыми руками — вывязывал самые сложные узоры. Нечто вроде глуповатого, но сложного хобби, которое Бренту искренне нравилось.

Бирбоп схватился за кончик нити, брошенной Алекер, и взбежал футов на десять-пятнадцать по стене, пользуясь преимуществом каждой точки захвата, как умеют только самые маленькие. Вертя над глазами сестры кончиком нити, он подначивал ее дернуть себя вниз. Когда она так поступила, он отдернул нить и вскарабкался еще футов на пять. Он был совсем как Рапса, может еще проворней.

— Не так высоко, Бирбоп, упадешь! — услышала Вики в своем голосе отцовские интонации.

Младенец взбирался по стене все выше и выше. А на самом верху, футах в пятидесяти, виднелось окошечко. Вики заметила, что Гокна в изумлении смотрит туда.

— Ты о том же подумала, что и я? — спросила Вики.

— Н-наверное. Когда Рапса была совсем маленькая, могла туда на самый верх залезть, я думаю.

Похитители не такие умники, как воображают. Любой, кому доводилось за детьми присматривать, понял бы. Но оба похитителя мужского пола были молоды, текущего поколения.

— А если он свалится?..

Если свалится, то тренажерной сетки под ним не будет, даже мягкого коврика. Двухлетка весит фунтов пятнадцать-двадцать. Они любили лазить, словно чувствовали, что вырастут большими и тяжелыми и тогда им останутся только самые простые прыжки, а для остального придется пользоваться ступенями. Дети могут упасть с куда большей высоты, чем взрослые, и обойтись без серьезных травм, но такое долгое падение их тоже убьет. Двухлетки этого не знали. Стоит попросить Бирбопа — и он долезет до окошка

наверху. Скорее всего, справится…

Обычно Вики с Гокной без колебаний отваживались на самые дикие планы, но тут речь шла не об их жизнях, а о чужой… Двое долгое мгновение смотрели друг на друга.

— Я… не знаю, Вики.

А если ничего не делать? Детей, скорее всего, убьют, как и всех остальных пленников. Какой выбор ни делай, последствия могут оказаться ужасны. Вдруг Вики охватил небывалый ужас; она подошла и встала под лыбящимся Бирбопом. Руки ее поднялись, точно по собственной воле, будто хотели уговорить ребенка спуститься. Она принудила себя их опустить и заговорила небрежным дразнящим тоном:

— Эй, Бирбоп! А до того окошка слабо плетенку донести?

Бирбоп скосил голову, нацеливая вверх детские глаза.

— Запросто.

И побежал туда, лавируя между свежими люками и сварочными швами, все выше и выше. «Я твоя должница, малыш, хоть ты и сам не понимаешь».

Алекер внизу зашипела от негодования, что к Бирбопу теперь приковано всеобщее внима-

ние. Она резко дернула за нить, вынудив брата схватиться за узкий карниз в двадцати футах над полом тремя руками. Гокна подхватила ее и отнесла подальше от плетенки, потом передала Джирлибу.

Вики пыталась стряхнуть цепенящий ужас; младенец лез все выше. *Ну доберется он до карниза, и дальше что?* Выбросить записку? Но писать нечем и не на чем, да и неизвестно, где они или куда отнесет записку ветер… И вдруг она увидела, что можно решить две проблемы одним ударом.

— Брент, твоя куртка! — Она дернула руками, призывая Гокну себе на помощь.

— Ага! — Не успела Вики замолчать, как Гокна уже тянула за рукава и штанины. Брент удивленно глазел на них секунду, потом понял, что они задумали, и начал помогать. Куртка у него была почти такая же большая, как у Джирлиба, но без щелок на спине. Трое растянули ее плашмя на полу точно под Бирбопом, пытаясь отслеживать его качающиеся движения на высоте. Может, даже если упадет… В приключенческих историях этот метод срабатывал всегда. Почему-то сейчас, держа куртку под паучонком, казалось абсолютно невозможным представить себе подобный успех.

Алекер продолжала сердито шипеть, выры-

ваясь из Джирлибовой хватки. Бирбоп издевательски захихикал. Он был очень доволен, оказавшись в центре внимания за то, что в обычной жизни принесло бы ему одни шлепки. Сорок футов. Он замедлялся. Тут хваталки для рук и ног попадались редко; он выбрался из зоны главного вентилятора. Пару раз он чуть не упал, перебрасывая плетенку из руки в руку. Собравшись на немыслимо узком карнизе, он прыгнул в сторону на оставшиеся три фута и зацепился одной рукой за решетку окошечка. Спустя миг силуэт паучонка обрисовался в уличном свете.

Детям надо чуть не на полный оборот выворачиваться, чтобы оглянуться: у них же только два глаза, да и те на передней части головы. Теперь Бирбоп впервые глянул вниз. Торжествующий смех его тут же смолк: он увидел, как высоко залез, так высоко, что даже младенческие инстинкты подсказали — тут опасно. Вот поэтому родители не дают детям высоко лазить. Руки и ноги Бирбопа рефлекторно вцепились в решетку.

И они не могли его убедить, что никто ему не поможет, а спуститься он вполне способен и сам. Вики и не предполагала, что это будет так тяжело. Когда Рапса и малыш Хранк убегали в запрещенные высоты, их никогда не составляло

труда снять.

И стоило Бирбопу, казалось, впасть в кататонию от страха, как сестренка бросила хныкать и принялась над ним смеяться. После этого паучонка уговаривать не было нужды: он просунул нить через решетку и спустился, как на шкиве.

Большинство детей сами до этого додумываются, используя игрушечную плетенку как канатку; может, игра будит какие-то древние животные воспоминания. Бирбоп поехал вниз, пятью лапами цепляясь за спускающуюся нить, а еще тремя — тормозя по восходящей. Но, спустившись на несколько футов, он понял, что канатка работает превосходно, и дальше держался уже только тремя лапами, а потом двумя. Он балансировал меж стен, отталкиваясь ногами и летя вниз, как тарант на добычу. Вики и старшие дети под ним прыгали туда-сюда, тщетно пытаясь удержать под Бирбопом импровизированную страховку… а потом он оказался внизу.

Петля игрушечной плетенки протянулась от пола до оконной решетки и обратно. Она сверкала и подергивалась на свету, звеня от энергии растяжения.

Вики с Гокной поспорили, кто сделает следующий шаг. Победила Вики; она весила восемьдесят

фунтов, меньше всех. Она тянула и раскачивала нить, пока Гокна с Брентом рвали шелковую подкладку куртки. Та была красная в ультрафиолетовую горошину и, что еще важнее, слоистая; развернув ее, они получили флаг — легкий как дым, но пятнадцати футов в длину. Кто-нибудь точно заметит.

Гокна сложила шелк аккуратным прямоугольником и протянула ей.

— Думаешь, плетенка выдержит?

— Конечно. — Как знать. Штука скользкая и растягивается, как положено качественной игральной плетенке, но что, если она растянется до предела?

Брентовы слова успокоили ее лучше любых расчетов:

— Думаю, что выдержит. Я люблю подвешивать элементы в своих моделях. Я ее из мехлаба утащил.

Вики сняла свою куртку, схватила самодельное знамя пищевыми руками и начала подъем. Задним зрением она видела, как остальные суетятся внизу со «страховочным тентом». Ну да, сильно он поможет, если свалится кто-то вроде Вики. Она качалась на нити, балансируя меж стен. В общем-то несложное занятие. Даже взрослый

паучара способен подняться по вертикальной шахте с двумя поддерживающими нитями, лишь бы они выдержали его вес. Не меньше, чем за плетенкой, Вики следила за дверью далеко внизу. Забавно, но до этого момента потенциальное вмешательство похитителей ее совсем не волновало. Но сейчас успех так близок. И все рухнет в один миг, если кому-то из бандюков вздумается зайти проверить, как там добыча. Еще несколько футов…

Она схватилась передними лапами за оконную решетку и выглянула, подтянувшись. Тут насеста нет, и сквозь решетку даже ребенку не протиснуться, но какой вид! Их заточили на самом верху одной из гигантских башен нового делового квартала, по меньшей мере на тридцатом этаже. В небесах громоздились тучи, ветер свирепо бился в окно. Вниз мешали заглянуть края здания, но Принстон расстилался до горизонта, как в чудесной масштабной модели. Она видела улицы, автобусы, машины, толпы пешеходов. Если кто-то сюда посмотрит… Вики расправила подкладку и просунула через решетку. Ветер чуть не вырвал флаг у нее из рук. Она схватилась крепче, разодрав ткань кончиками рук. Какая тонкая! Осторожно, размеренными движениями она

привязала каждый уголок флага отдельно. Ветер расправил цветной прямоугольник вдоль стены здания. Ткань хлопала на ветру, то закрывая окно, то падая вдоль кладки и исчезая из виду.

Последний взгляд на волю: там, где земля встречалась с облаками, городские холмы пропадали в тумане. Но Вики видела достаточно, чтобы сориентироваться по сторонам света. Один из тех холмов не так высок, как другие, но на нем спиральный узор улиц и построек. Дом на Холме! Отсюда виден родной дом!

Вики спустилась по канатке, радуясь больше нужного. Они же еще не выбрались, в конце концов. Сразу же сняли искристую плетенку и спрятали в куртке Брента. Посидели в сгущавшемся сумраке, гадая, когда появятся тюремщики и что делать потом. Сильно стемнело, начался дождь. Впрочем, хлопки флага на ветру успокаивали.

В какой-то момент после полуночи буря сорвала флаг и унесла во тьму.

30

Право петиции вахтмастеру было устоявшейся традицией. Оно даже зиждилось на историческом прецеденте, хотя Томас Нау полагал, что

века назад, в разгар Чумной эпохи, петиции если и удовлетворялись, то лишь в пропагандистских целях. Ныне манипуляция петициями считалась у дяди Алана наиболее предпочтительным способом поддерживать свою популярность и подрывать усилия вражеских клик.

Умная тактика, покуда удерживаешься от ошибки дяди Алана: допустить к себе убийц под видом просителей. За двадцать четыре года с момента прибытия в систему В(ы)ключенной Томас Нау принял около дюжины делегаций. И эта первая была помечена как относящаяся к неотложным вопросам.

Нау смотрел через стол на пятерку петиционеров. Точнее сказать, представителей петиционеров. Они утверждали, что им удалось собрать сто подписей всего за восемь килосекунд. Нау с улыбкой указал им на кресла.

— Старший пилот Синь? Я так понимаю, вы тут в делегации за главного. Пожалуйста, изложите суть своей петиции.

— Слушаюсь, вахтмастер.

Синь переглянулся со своей девушкой Ритой Ляо. Оба — авральники с его родной планеты, из семейств, более трех сотен лет поставлявших фокусированных и последователей. Такие се-

мьи — становой хребет Аврала, ими, на первый взгляд, несложно управлять. Впрочем, здесь, за двадцать световых лет от цивилизации, ничто не дается так просто. Синь еще секунду помолчал, собираясь с мыслями. Нервно глянул на Каля Омо. Омо в ответ посмотрел на него колючим взглядом, и Нау вдруг пожалел, что не выкроил времени переговорить предварительно с вахт-сержантом. Брюгель в холодильнике, и не на кого будет свалить отказ в прошении.

— Как вам, вахтмастер, наверняка известно, многие из нашей группы заняты анализом поступающих с планеты данных. Многие увлеклись жизнью пауков, за которыми мы наблюдаем…

Нау вежливо улыбнулся:

— О да. Я видел, как вы там у Бенни часы напролет слушаете переводы.

— Да, сэр. Э-э… нам очень нравится «Детский час науки» и некоторые переводы оттуда. Они нам очень помогают в анализе происходящего. И… — Взгляд его стал отстраненным. — Не знаю… У пауков там, внизу, настоящая цивилизация, пускай и нечеловеческая. В сравнении с нами они могут показаться более… — «Реальными», понял Нау, хотя Синь не произнес этого слова. — В смысле, мы привязались к некоторым паучатам.

Как и было намечено. Сейчас прямые эфиры подвергали жесткой буферизации. Так и не удалось понять, чем именно было спровоцировано разбегание мозговой гнили. Неясно было даже, связана ли она вообще с прямой трансляцией того дня. Анне сочла, что в настоящий момент риск не выше, чем при остальных операциях. Нау потянулся к сидящей справа Киви и ласково погладил ее руку. Она улыбнулась. Паучата очень важны. И он бы никогда этого не понял без помощи Киви Лизолет. Киви столько для него сделала. Наблюдая за ней, общаясь с ней, промывая ей мозги, он многому учился. Настоящих детей в первой точке Лагранжа заводить не позволялось — это быстро исчерпало бы все ресурсы. Но *чем-нибудь* их все равно нужно было бы заменить. Киви, ее планы и мечты, натолкнула его на идею.

— Мы все привязались к этим паучкам, старший пилот. Ваша петиция как-то связана с их похищением?

— Да, сэр. После похищения прошло семьдесят килосекунд, и пауки группы Аккорд интенсивней, чем когда-либо прежде, используют свое шпионское и коммуникационное оборудование. Им с него толку мало, но наши неотвязники получают ценную информацию. Микроволно-

вые каналы Аккорда забиты перехваченными сообщениями от агентов Клана. Большая часть шифрования Клана алгоритмическая, одноразовых блокнотов[17] они не используют. Аккорд бессилен взломать их, а для нас это просто. Последние сорок килосекунд мы… я… использовали для этой работы наших переводчиков и аналитиков. Думаю, мы выяснили, где держат паучат. Пять аналитиков практически сошлись в…

— Пять аналитиков, три переводчика и несколько ищеек из числа занятых на «Невидимой руке», — громко и безжалостно вмешалась Рейнольт, перебивая Синя. — Кроме того, старший пилот Синь использовал в своих целях почти треть аппаратного обеспечения техподдержки.

Омо вступил, точно партнер Рейнольт по хору, и, пожалуй, Нау впервые заметил у Рейнольт с СБ такую слаженность:

— Более того, подобное не могло бы случиться, не используй старший пилот и несколько привилегированных управленцев из его окружения коды доступа к ресурсам на случай аврала. — Сержант Омо оглядел петиционеров. Они сжались

[17] Сноски: 17

Если криптографический ключ истинно случайный и одноразовый, результат работы криптопрограммы теоретически неуязвим для взлома.

под его взглядом, причем авральники выглядели более испуганными, нежели Чжэн Хэ. Растрата общественных ресурсов. Ох уж этот первородный грех! Нау улыбнулся про себя. Брюгель бы их напугал сильнее, но и Омо пока достаточно.

Вахтмастер поднял руку, и в комнате стало тихо.

— Я понимаю, вахтсержант. Я обязательно затребую от вас и директора по персоналу Рейнольт подробный отчет обо всех долгосрочных нежелательных эффектах, могущих проистекать от подобной… — он не хотел использовать этих слов, — активности. — Он еще мгновение молчал, делая вид, что его разрывают противоречивые желания удовлетворить просьбу индивидов и позаботиться о выполнении долгосрочных общественных проектов. Он почувствовал, как сжала его руку Киви. — Старший пилот, вы понимаете, что обнаружить свое присутствие мы не вправе?

У Синя был вид побитой собаки.

— Да, вахтмастер.

— Вы лучше всех понимаете, что мы тут на ниточке висим. После драки у нас не хватает персонала как обычного, так и фокусированного. А пару вахт назад случилось разбегание мозговой гнили, и фокусированных стало еще меньше.

Кроме того, у нас явная нехватка капитального оборудования, оружия, а также внутрисистемных летательных аппаратов. Мы *могли бы* выступить в поддержку какой-либо фракции на планете пауков, устрашив своим появлением другую, но риск окажется колоссален. Наиболее оправдан тот курс, какого мы и придерживаемся со времен Резни Дьема. Надо выжидать, сидя в засаде. У пауков через пару лет начнется Информационный век. В конце концов мы подключим к Паутине человеческую автоматику. В конце концов у них появится цивилизация, способная отремонтировать наши корабли, цивилизация, которой мы сможем безопасно рулить. До тех пор… до тех пор мы не отваживаемся на прямые действия.

Нау оглядел всех присутствующих по очереди: Синя, Ляо, Фун. Тринли сидел чуть поодаль, словно желая показать, что не поддерживает их позиции безоговорочно. Эзра Виня на вахте не было, иначе бы наверняка приперся. Все они, по классификации Ритсера Брюгеля, *бракоделы*. Каждую вахту их небольшая организация, стихийно оформившаяся в первой точке Лагранжа, отдаляется от норм общества Аврала. Отчасти это объясняется отчаянным положением людей, отчасти — ассимиляцией авральников Чжэн Хэ.

Даже потерпев поражение, коробейники оказывали на авральников разлагающее воздействие. О да, по меркам цивилизованных миров это бракоделы, но именно они, вместе с Киви, помогают всей экспедиции держаться на плаву.

Некоторое время все молчали. Рита Ляо тихо плакала. Микрогравитации Хаммерфеста не хватало, чтобы слезы катились по щекам. Чжау Синь понурил голову, признавая поражение.

— Понимаю, вахтмастер. Мы отзываем петицию.

Нау величественно кивнул. Наказывать их не станут, но важный урок преподан.

Тут Киви дернула его за руку. На ее губах играла усмешка!

— А почему бы не провести учения? Да, выдать своего присутствия мы не можем, но ты глянь, что предлагает Чжау. Впервые мы можем по-настоящему вмешаться в работу разведки пауков. Их автоматика лет на двадцать отстает от потребностей Информационного века, но компьютеры они развивают даже быстрее, чем мы на Земле в Рассветную Эпоху. В конце концов переводчикам Анне все равно придется внедрять информацию в их системы; отчего бы не начать прямо сейчас? Каждый год станем вмешиваться

чуть больше и чуть смелее экспериментировать.

В глазах Синя сверкнула надежда, но слова его оставляли пространство для отступления:

— Но разве они уже так развиты? Эти существа всего лишь год как запустили первый спутник. Всепроникающих сетей локализаторов они не имеют, как и любых локализаторов. Не считая той жалкой линии связи от Принстона к Ставке, даже компьютерных сетей у них нет. Как мы внедрим информацию в их системы?

Ага, как?

Но Киви продолжала усмехаться. Она выглядела почти такой же молодой, как в первые годы.

— Ты говоришь, что Аккорд перехватывает сообщения Клана?

— Ну да. Мы сами узнали о происходящем именно оттуда. Но Аккорд-разведка не может взломать шифр Клана.

— А пытается?

— Да. Несколько крупнейших компьютеров Аккорда, они размером с дом, подключены с обоих концов сети Принстон — Ставка — по микроволновой связи. На них яичницу можно жарить, но в таком темпе они миллионы лет будут шифр взламывать, пока до ключа доберутся… А! — У Синя глаза полезли на лоб. — Но разве мы сумеем

им подсказать и остаться незамеченными?

Нау тоже сообразил, к чему она клонит. Он сказал в пространство:

— Базовая информация. Как они генерируют тестовые ключи?

Спустя мгновение ему ответили:

— Псевдослучайным блужданием, с модификацией по тем данным, какими их математики располагают об алгоритмах Клана.

Киви что-то считывала с наглазников.

— Вероятно, Аккорд экспериментирует с распределенными вычислениями в своей сети. Фривольное название, я бы сказала, учитывая, что во всей сети от силы десяток компов. Но у нас дюжина спутников наблюдения в зоне видимости их микроволновой линии. Несложно будет вставить там нужную информацию в паузе между сигналами, — собственно, мы так и намеревались вмешаться изначально. В этом случае просто потребуется внести некоторые изменения, когда они будут пересылать тестовые ключи. Не больше ста битов, даже считая фрейм.

Рейнольт:

— Ладно. Если потом и будут что-то расследовать, сочтут удачным глюком. Но не больше одного ключа, да и то это очень опасная затея.

— Одного ключа хватит, если привязать его к нужной сессии.

Киви глянула на Томаса:

— Томас, у нас получится. Мы не слишком рискуем, да и в любом случае надо было уже приступать к активным экспериментам. Ты знаешь, что пауки все сильнее интересуются космосом. Уже скоро мы будем *вынуждены* вмешаться, чтоб себя подстраховать. — Она потрепала его по плечу, упрашивая при людях, как никогда раньше не поступала. Какой бы беззаботной Киви ни казалась, в эмоциональном смысле она не на шутку раззадорена.

Но она права. Идеальные условия для первого вмешательства неотвязников Анне. Пора проявить щедрость. Нау улыбнулся:

— Отлично, дамы и господа. Вы меня убедили. Анне, распорядись передать один ключ. Думаю, старший пилот Синь подскажет время нужной сессии. Присвоить этой операции временный приоритет на следующие сорок килосекунд и ретроспективно на предыдущие сорок. — Таким образом Ляо, Синя и остальных получится отмазать.

Особой радости они себе не позволили, но Нау почувствовал прилив энтузиазма и искренней

благодарности, когда петиционеры поднялись и вылетели из комнаты.

Киви полетела было за ними, потом вернулась и поцеловала Нау в лоб.

— Томас, спасибо.

И исчезла за дверью.

Когда это произошло, Томас Нау развернулся к единственному оставшемуся в комнате человеку — Калю Омо:

— Не спускайте с них глаз, вахтсержант. Полагаю, у нас теперь все значительно усложнится.

Во время Великой Войны Хранкнеру Аннерби случалось не спать под огнем несколько дней подряд. В эту ночь он себя чувствовал и того хуже. И одному Господу ведомо, насколько тяжелей пришлось генералу с Шерканером. Как только телефонную связь наладили, Аннерби угнездился на совместном командном посту вниз по коридору от сотрудников разведки. Он координировал действия городских копов и ищеек Андервиль, пытаясь отследить ширящиеся по городу слухи. Генерал то появлялась, то исчезала — на вид собранная, энергичная. Но Аннерби понимал, что его бывшая начальница держится из последних сил. Она перерабатывала, стараясь управлять всем и на высших, и на низших уровнях. Да блин,

она и сейчас уже три часа как с одной из полевых групп.

Однажды он зашел посмотреть, как дела у Андерхилла. Шерк торчал в лаборатории обработки сигналов, у вершины холма. В его облике, точно злокачественные пятна, Аннерби мерещилась вина, затмевавшая счастливый дух гения, с каким Андерхилл обычно набрасывался на новую интересную задачу. Паучара работал как мог, пытаясь заменить энтузиазм ожесточенностью. Он метался между рабочими станциями, подбрасывая в топку все, что у него было. Но Аннерби его действия ничего не говорили.

— Хранк, дело в математике, а не в технике.

— Угу, теория чисел. — Это сказал унылого вида постдок, чью лабораторию они кооптировали. — Мы прослушиваем… — Он снова согнулся над терминалом, утонув в таинствах прикладного програмирования. — Мы пытаемся взломать шифр перехваченных сообщений.

Вероятно, постдок имел в виду фрагменты сигналов, исходивших из Принстона сразу после похищения. Аннерби заметил:

— Но мы даже не уверены, от похитителей ли это. — «А на месте шифровальщиков Клана я бы воспользовался одноразовым блокнотом вместо

обычного ключа».

Джейберт, или как его там, лишь пожал плечами и вернулся к работе. Шерканер тоже ничего не сказал, аспект у него был опустошенный. Он делал все, что мог.

Поэтому Аннерби сбежал обратно на командный пост, где мог тешить себя хотя бы иллюзией продвижения поисков.

Смит вернулась через час после рассвета. Быстро, нервически резкими движениями пролистала пестревшие отрицательными результатами сводки.

— Я Белгу оставила в деловом центре с местными копами. Черт, у нее комм не лучше, чем у этих.

Аннерби поскреб глаза, тщетно пытаясь добиться полировкой того, что мог дать лишь хороший сон.

— Боюсь, что полковник Андервиль не любит слишком навороченной аппаратуры. — В любом другом поколении Белга была бы на своем месте. В этом же… ну, не у одной Белги Андервиль возникли проблемы с вызовами, брошенными новой эпохой.

Виктория Смит сползла по насесту поближе к своему старому сержанту.

— Но она берет на себя часть нашей работы. А что от Рахнера?

— Он в полевом разведцентре. — На самом-то деле молодой майор не слишком доверял Аннерби.

— Он уверен, что операция проводится исключительно силами Клана. Не знаю. Они… ну, ты в курсе, что музейный служитель из традов? И что паучара, который дежурил у входа на музейный склад, исчез… Белга выяснила, что этот субчик тоже традиционалист. Думаю, тут и местные трады замешаны по самые плечи. — Голос ее был мягок, почти рассудителен. Впоследствии, много-много позже, Хранкнер вспомнит, что, когда генерал говорила таким тоном, у нее обычно все лапы были поджаты.

К несчастью, Хранкнер Аннерби думал в тот миг о своем. Он всю ночь просматривал сводки и глядел в ветреную тьму. Он всю ночь молился стылым земным глубинам за маленькую Викторию, Гокну, Брента и Джирлиба. Он грустно протянул, в общем-то говоря сам с собой:

— Я видел, как они растут, превращаются в нормальных пауков, которых все бы полюбили. У них и вправду есть души, оказывается.

— Это ты о чем? — Он так устал, что даже вне-

запная резкость тона Виктории не насторожила его. Много лет после этого дня он перебирал в памяти мельчайшие детали разговора, стараясь представить, что было бы, пойди беседа по иному пути, в обход катастрофы. Но в тот миг он не ощутил, как надвигается на него безнадежное будущее, и вякнул:

— Не их вина, что они пришли в мир вне фазы.

— И не их вина, что мои сомнительные современные взгляды их убили? — Голос Смит перешел в режущее волоски шипение. Тут даже до Аннерби, в плену печали и усталости, дошло: что-то не так. Он увидел, как генерала бьет истерическая дрожь.

— Нет, я… — Но он уже опоздал.

Смит вскочила на все ноги и хлестнула его, как бичом, выставленной вперед длинной рукой по голове.

— Пошел вон!

Аннерби отшатнулся. С правой стороны зрительного поля полыхнула слепяще-клетчатая вспышка агонии. Остальными глазами он видел, как пятятся, шокированные и удивленные, офицеры и их адъютанты.

Смит надвигалась.

— Трад! Предатель! — Руки ее с каждым словом

бичевали его, причиняя трудноперенос имую, убийственную боль. — Ты долгие годы притворялся моим другом, а сам исподтишка насмехался и ненавидел. Хватит! — Она остановилась, прекратив пытку, и утянула руки обратно по сторонам. Хранкнер знал, что она совладала с яростью и то, что сейчас доведется ему услышать, будет сказано обдуманно, холодным и взвешенным тоном. Поэтому слова Смит ранили его даже больше, чем рубец поперек глаз. — Собирай свои моральные ценности и убирайся. Немедленно.

Он такой аспект лишь пару раз в жизни видел, во время Великой Войны, когда их загоняли в угол, но Смит не сдавалась. Смысла спорить и просить прощения не было. Аннерби понурил голову, проглотив слова, которые рвались наружу: «Прости, я не хотел тебя оскорбить. Я люблю твоих детей». Но уже поздно что-то исправлять словами. Хранкнер развернулся, в полной тишине быстро миновал шокированных сотрудников и выбежал за дверь.

Заслышав, что Смит вернулась, Рахнер Тракт со всех ног кинулся обратно на командный пост. Там-то ему и полагалось находиться всю ночь. «Но будь я проклят, если позволю местным и копам возиться со своей криптоаппаратурой».

Ну а отдельная его операция, по счастью, шла отлично. Для шефа есть важная информация.

По дороге он налетел на Хранкнера Аннерби. Старый сержант плелся ему навстречу, утратив обычную выправку. Он неуверенно брел по коридору, и вдоль правой части его головы тянулся длинный молочный рубец.

Рахнер махнул сержанту:

— Вы в порядке?

Но Аннерби прошел мимо, игнорируя Рахнера, как мог бы упрямый ошпрех проигнорировать крестьянина. Он чуть было не развернулся побежать следом за старым паучарой, потом, вспомнив о своих срочных делах, устремился на командный пост.

Там было тихо, как в глубине… или на кладбище. Машинистки и аналитики сидели неподвижно. Идя через комнату к Виктории Смит, Рахнер заметил, как понемногу, со странной застенчивостью возобновляется привычная рабочая возня.

Смит листала какой-то журнал операций, чуточку слишком быстро, чтобы поверить, что она понимает смысл прочитанного. Она жестом велела ему забраться на соседний насест.

— Андервиль считает, что доказано соучастие местных, но ничего конкретного так и не предо-

ставила. — Тон у нее был совершенно обычный, словно и не повисла минуту назад ошеломленная тишина. — Есть у тебя что-то новенькое? От наших «друзей» из Клана?

— Куча всего, шеф. Даже на поверхности все очень занятно. Примерно через час после того, как о похищении стало известно, Клан увеличил интенсивность пропаганды — особенно нацеленных на беднейшие государства передач. Они там балаболят главным образом про «убийство во Тьме», страху наводят куда интенсивней обычного. Утверждают, будто похищение — это акт отчаяния нормальных честных граждан, осознавших, что нетрады захватили власть над Аккордом…

В комнате снова замолчали. Виктория Смит ответила чуть резче:

— Да знаю я, что они говорят. Я такой реакции на похищение от них и ожидала.

Может, стоит перейти сразу к главным новостям.

— Да, мэм, хотя они реагируют несколько быстрее ожидаемого. Из обычных источников мы бы об этом не узнали, но сейчас… гм, такое впечатление, что похищение стало лишь внешним симптомом смены власти в Клане, где теперь всем заправляет экстремистская

фракция. Фактически… вчера казнены не менее пяти Глубочайших, включая «умеренных» вроде Клингтрама и Сангста, а также, увы, олухов вроде Дрооби. Оставшиеся в живых умны и даже более склонны к риску, чем…

Смит откинулась на своем насесте, явно всполошенная.

— Так-так…

— Мы только полчаса как узнали, мэм. Я всех своих местных аналитиков за это посадил. Но никаких приготовлений к войне пока не видно.

Казалось, впервые все внимание Смит сосредоточилось на Рахнере.

— Это нормально. Нам еще годы и годы до момента, когда война приобретет для них практический смысл в плане прибыли.

— Правильно, шеф. Войны не будет, по крайней мере сейчас. Великий план Клана — истощить страны развитого мира противостоянием перед самой Тьмой, а потом добить того, кто останется бодрствовать. Мэм, у нас есть и менее надежные данные, из них… — Скорее даже слухи. И один из самых законспирированных агентов пожертвовал собой, добывая их. — Из них следует, что новой главой отдела внешней разведки Клана стала Педура. Вы ее помните, Педуру-то. Мы счи-

тали, что она агент низкого ранга. Похоже, что не такая уж Педура и дура, а к тому же кровожаднней, чем мы думали. Вероятно, именно она несет ответственность за похищение. Она может даже оказаться первой среди новых Глубочайших. В любом случае она явно убеждена, что вы и в большей мере Шерканер Андерхилл — ключевые фигуры успешной стратегии Аккорда. Покушение на вас было бы весьма сложно осуществить, а ваш муж защищен не хуже. Похитив же ваших детей, она открывает себе…

Руки генерала отстукивали стаккато по столу, заваленному отчетами.

— Продолжайте, майор.

«Притворись, что говоришь о чьих-то посторонних паучатах».

— Шеф, Шерканер Андерхилл часто говорил по радио о своих чувствах, о том, как он ценит каждого паучонка. Я хочу сказать… — со слов агента, который провалил свою легенду, передав это сообщение, — что Педура не видит в похищении ваших детей почти никаких опасностей, а только лишь преимущества. Она рассчитывает вывезти всех ваших детей за пределы Аккорда и в дальнейшем втихую шантажировать вас и вашего мужа… долгие годы, сказал бы я. Она полагает,

что в такой ситуации, раздираемая конфликтом чувств и долга, вы не сможете эффективно исполнять свои служебные обязанности.

Смит начала было:

— А если они начнут убивать их одного за другим, отсылая нам куски тел?.. — Голос ее упал. — Ты прав насчет Педуры. Она понимает, как вертеть нами с Шерканером. Ну ладно, я хочу, чтобы вы с Белгой…

Заверещал какой-то телефон на ее столе: прямой вызов изнутри здания. Виктория Смит молниеносным движением пары длинных рук сгребла его через стол.

— Смит.

Минуту она слушала молча, потом тихо присвистнула:

— Они *что*? Но… Ладно, верю, Шерканер, верю. Да. Пускай Джейберт передаст Андервиль.

Она повесила трубку и сказала Тракту:

— Шерканер нашел ключ. Они раскодировали сообщения, перехваченные ночью. Похоже, что паучат держат в Плаза-Брусе, в деловом квартале.

Теперь звякнул телефон рядом с Трактом. Он ткнул лапой в выемку громкоговорителя и сказал:

— Тракт.

Голос Белги Андервиль звучал неясно, словно она держала микрофон далеко от пасти.

— Они сами? Ну так утихомирь их! — И в микрофон: — Тракт, ты меня слышишь? У меня тут и без вас руки опускаются. Прикинь, какой-то из ваших фриков-технарей вбил себе в голову, что детей держат на верхнем этаже Плаза-Бруса. Вы что, серьезно?

Тракт:

— Это не мои фрики-технари. Это важная развединформация, полковник, откуда бы она ни поступила.

— Ох-хох, а я только на верный след напала. Городская полиция заприметила шелковый флажок, зацепившийся за башню Принстонского банка. — Где-то полмили от Плаза-Бруса. — Именно такая ткань, как в их куртках, если верить описанию Даунинга.

Смит наклонилась к микрофону вплотную и прошипела:

— Есть что-то на этом флажке, Белга? Какая-нибудь записка?

Мгновение на линии молчали, и Тракт понял, что Белга Андервиль волевым усилием заставляет себя успокоиться. Белга не выбирала

выражений, жалуясь коллегам на «гребаную тупую технику», но не при Смит же.

— Нет, шеф. Флаг основательно изодрало. Я вот что думаю. Технари, может, и правы насчет Плаза-Бруса, но там ведь полно народу. Я пошлю на нижние этажи своих, под видом клиентов. А…

— Отлично. Только не спугните их. Подберитесь вплотную, но тихо.

— Шеф, я думаю, башня, где мы нашли флаг, подходит лучше. Она почти пустая, и…

— Хорошо. Проверить обе.

— Слушаюсь, мэм. Проблема с городскими копами. Они сами поперлись, с мигалками, сиренами и всяким таким.

Вчера вечером Виктория Смит наставляла Тракта о полномочиях местной полиции. Но полномочия касались вопросов экономических и политических. А сейчас она сказала только:

— Они сами? Ну так утихомирь их! Под мою ответственность.

И махнула Тракту:

— Деловой центр. Едем!

31

Шинкрет прохаживалась по своему «командному посту». Надо же, какая удача привалила!

Операция мыслилась стодневной засадой, увенчанной резким броском. Вместо этого, они захватили добычу в коконы всего за десять дней, даже быстрее. Операция стала невероятным чередованием счастливых случайностей и провалов. Ну и что в том нового? Повышение дают за успехи в реальном мире, а Шинкрет видала ситуации куда более скверные — и выжила. Баркер с Фреммом раздавлены: сами виноваты, раззявы. Худшая ошибка — они оставили свидетелей; по крайней мере, на них ничего посерьезней свалить не получается. С другой стороны, в плену шесть паучат, притом не менее четырех намеченных. Отход из музея прошел гладко, но в аэропорт пробраться не удалось. Местная СБ Аккорда среагировала чуть-чуть быстрей ожидаемого: наверняка уцелевшие свидетели постарались.

Двадцатипятиэтажный небоскреб Плаза-Бруса был окольцован офисами по всей высоте. Отсюда открывался отличный вид на весь город, не считая лишь точки прямо внизу. Можно сказать, что они тут в западне: кто когда прятался, забравшись на небесный насест? В то же время… Шинкрет замерла позади своего сержанта.

— Что там от Тривеля, Дэнни?

Сержант отнял от головы телефон.

— В вестибюле первого этажа своеобычная суета. Кто-то по делам приперся. Старый лох и пара паучар последнего поколения, хотят офис арендовать.

— Ладно. Пускай посмотрят третий этаж. Если соберутся еще что-то посмотреть, скажи, чтобы вернулись завтра. — Завтра, если Глубина будет благосклонна, Шинкрет с ее командой и след простынет. Они бы этой ночью свалили, да буря помешала. Клановский спецназ с вертолетами такие фокусы вытворяет, что аккордовские военные только лапы раскорячили. Если повезет еще пару дней продержаться, не накосячив, попадут домой с главным призом. Доктрина Клана всегда отводила особое место ликвидациям и обезглавливающим ударам. Этой операцией достопочтенная Педура впишет в нее новую главу, скорей, протокол эксперимента. О Глубина, что Педура сотворит с этой шестеркой детишек! Шинкрет мысленно сжалась. Она входила в круг доверенных сотрудников Педуры еще со времен Великой Войны и нажила отличное состояние. Но куда больше предпочитала Шинкрет выполнять для достопочтенной полевую работу, чем спускаться вместе с ней в пыточные застенки Клана. Там все очень легко может вывернуться…

панцирем навыворот. А смерть там бывает очень нетороплива.

Шинкрет сновала от офиса к офису, сканируя улицы увеличивающим отражателем. Проклятье! Полицейский конвой с мигалками. Она узнала особую аппаратуру на машинах. Тяжеловооруженный полицейский батальон. Основной метод — так запугать преступников, чтоб те сами сдались. Мигалки — а через минуту, бесспорно, и сирены… это все для острастки. Гм, в данном случае полиция крупно просчиталась. Шинкрет уже бежала обратно по офисному кольцу, на бегу стягивая со спины короткоствольное ружье.

— Сержант, наверх!

Дэнни удивленно поднял голову:

— Тривель говорит, там слышны сирены, но едут они не сюда.

Совпадение? Может, полиция кого-то другого вознамерилась прижучить? Шинкрет застыла в редком для себя моменте нерешительности. Дэнни поднял руку и добавил:

— Но он считает, что трое старперов дальше не пошли. Может, в туалет отлучились.

Хватит уже колебаться; Шинкрет жестом подняла сержанта на ноги.

— Скажи Тривелю, чтоб смылся. — «Если суме-

ет». — Переходим к Альтернативе-пять.

Альтернатива есть всегда: мрачная шутка спецназовцев. Их предупредили. Скорее всего, повезет выбраться из здания, смешаться с морем гражданских. У капрала Тривеля шансов меньше, но он так мало знает, что это и не слишком важно. Миссия не кончится пшиком, это верняк. Выполнить последнюю часть задания — и, может, ее даже зачислят в успешные.

Взбегая по центральной лестнице, Дэнни вытаскивал свой дробовик и штык-нож. Успех в плане, обозначенном как Альтернатива-пять, требовал пути в обход, задержки, чтоб успеть избавиться от детей. Это должно выглядеть по-настоящему отвратительно. Вероятно, Педура надеется поколебать уверенность какого-то крупного функционера Аккорда. Шинкрет полагала, что план идиотский, но она ведь всего не знает. Да и какая разница? Под конец войны она участвовала в резне спящих на глубинах. Отвратительней этого сложно что-то придумать, зато награбленные сокровища помогли профинансировать возрождение Клана.

Черт подери, она этим детишкам, наверное, услугу оказывает; им теперь не придется встречаться с достопочтенной Педурой.

Почти все утро Брент пролежал плашмя на металлическом полу. Вид у него был такой же сломленный, как у Вики с Гокной. Джирлиб, по крайней мере, нашел в себе силы отвлечься на двух малышей. Парочка громко и демонстративно выражала свое недовольство жизнью, а с сестрами дел иметь не желала. Последний раз кого-то из них кормили позавчера вечером.

Замышлять тоже было особо нечего. Когда рассвело, стало ясно, что спасительный флаг унесло ветром. Второй сорвало меньше чем через тридцать минут. После этого Вики с Гокной часа три убили, сплетая сложную паутину на трубах над единственной дверью камеры. Брент им в этом очень пригодился — он обожал всякие узлы и узоры. Если враг появится через эту дверь, злодеев ждет поистине неприятный сюрприз. Но что с того толку, если захватчики войдут вооруженными? Этот вопрос заставил Брента устраниться от дискуссии и распластаться на стылом полу.

Наверху фут за футом полз по высоким стенам темницы узкий солнечный прямоугольник. Наверное, уже скоро полдень.

— Сирены слышу, — вдруг сказал Брент, просидев почти час в молчании. — Лягте рядом и послушайте.

Гокна и Вики так и сделали. Джирлиб шикал на детей, чтоб сидели тихо.

— Ага, слышу.

— Это *полицейские* сирены, Вики. Слышишь? *Тумп, тумп…*

Гокна вскочила и устремилась к двери.

Вики задержалась на полу мгновением дольше.

— Гокна, только тихо!

Тут даже малыши замолчали. Стали различимы другие шумы: тяжелый свист вентиляторов где-то на нижних этажах здания, уличный гомон, слышный и прежде… а также стаккато множества ног, бегущих вверх по лестнице.

— Они близко, — сказал Брент.

— Они… за нами пришли.

— Да. — Брент помолчал с обычным для него туповатым выражением. — И другие тоже, я слышу. Тише или дальше.

Не важно. Вики побежала к двери, взобралась рядом с Гокной. Попытка жалкая, но что в ней было лучшее и худшее, так это полное отсутствие альтернативы. Прежде Джирлиб принялся бы спорить, что он-де старше, а потому обязан броситься сверху. Да, но тогда он окажется единственной мишенью, а кому-то еще надо

прикрывать мальцов от стрельбы. Поэтому к стене в пяти футах над входом с обеих сторон приклеились Гокна и Вики, цепляясь за искусную паутину Брента.

Брент встал и подбежал к двери, заняв позицию справа от нее. Джирлиб отошел в сторону. Он крепко прижимал к себе детей и больше не пытался их успокоить. Но те вдруг замолчали. Может, поняли. Может, инстинкт сработал.

Вики слышала через стену, как бегут по лестнице враги. Двое. Один что-то вполголоса бросил другому. Слов не слышно, однако голос предводительницы похитителей Вики узнала. В замке провернулся ключ. Слева от Вики Джирлиб осторожно опустил детей на пол и загнал за спину. Те стояли совершенно неподвижно и тихо. Джирлиб позволил себе повернуться к двери и изготовиться к прыжку. Вики с Гокной пригнулись и свесились, насколько позволяла паутина. Обменялись прощальным взглядом. Это они виноваты, что втянули остальных в такой переплет. Они рисковали жизнью другого паучонка в попытке выбраться. Теперь настал час расплаты.

Металл скрежетнул о металл, и дверь поползла в сторону, открываясь. Брент напрягся для прыжка.

— Пожа-алуйста… — затянул он, как всегда, уныло и монотонно. — Не делайте мне бо-ольно… — Брент не сумел бы сыграть, спасая одного лишь себя, но теперь каким-то странным образом в голосе его послышались нотки перепуганного до безумия паучонка.

— Тебе никто не сделает больно. Мы вас в другое место переведем и дадим поесть. Выходите. — Голос главной похитительницы прозвучал, как и прежде, спокойно, рассудительно. — Выходите все! — Ага, уже чуть резче. Она что, вообразила, будто сумеет их всех в кокон затянуть, даже куртки не помяв? Ну-ну. Секунду-другую было тихо. Вики уловила слабый раздраженный вздох. И движение.

Гокна и Вики нырнули вниз так резко, как только отважились. С высоты пяти футов. Без паутины они бы себе головы о пол расколошматили, но эластичный канат дернул их обратно, головами вниз, через дверной проем.

По сторонам, на голос Брента, блеснули вспышки выстрелов.

У Вики перед глазами мелькнули чьи-то голова, лапы и какое-то ружье. Она врезалась задом в предводительницу, сбив ее на пол и послав ее оружие кувыркаться по полу. Но второй паучара

стоял всего в паре футов позади своей начальницы. Гокна сильно ударила его по плечам и попыталась зацепиться. Второй отшвырнул ее и с одного выстрела расквасил стебелек. Стену за Гокной залили кровь и осколки панциря.

Тут Брент навалился на врага и скрутил его.

Паучиха, с которой сражалась Вики, извернулась и боднула ее, приложив верхом брюшка о притолоку. После этого вокруг резко потемнело и все звуки отдалились. Но стрельбу и другие голоса она откуда-то слышала.

32

Вики не слишком пострадала: небольшое внутреннее кровотечение, с которым врачи без труда управятся. Джирлиб получил много царапин и вывихнул несколько конечностей. Бедняге Бренту пришлось хуже всех.

Когда странный майор Тракт закончил их допрашивать, Вики с Джирлибом навестили Брента в домашнем лазарете. Папа уже подоспел и устроился на насесте рядом с ложем. Три часа миновало с момента освобождения, но у папы все еще был ошарашенный вид.

Брент лежал, обложенный плотными одеялами, и в пределах досягаемости каждой его

пищевой руки поставили сифон воды. Заслышав их, он склонил голову набок и сделал жест слабой усмешки.

— Со мной все в порядке.

Ну да, всего-навсего две раздробленные ноги и пара дырок от картечи.

Джирлиб погладил его по плечам.

— А мама где? — спросила Вики.

Папа неуверенно повел головой:

— Она в доме. Она обещала, что этим вечером увидится с вами. Так много всего случилось. Вы же в курсе, что это были не обычные фанатики, да?

Вики кивнула. В дом набилось на редкость много охраны, снаружи даже бродили какие-то типы в униформе. Агенты Тракта забросали детей вопросами о похитителях, о том, как те себя вели с пленниками и друг с другом, какие слова использовали. Они даже попытались загипнотизировать Вики в надежде вытянуть из нее все воспоминания до последней крупицы. Она избавила их от напрасных трудов: Вики с Гокной годами безрезультатно пробовали друг друга загипнотизировать.

Из похитителей никто не выжил; Тракт намекнул, что по крайней мере один покончил с собой,

не желая сдаваться.

— Генерал должна понять, кто за этим стоит и как это меняет отношения между Аккордом и нашими врагами.

— Это Клан, — ровным тоном ответила Вики. Кроме военной выправки похитителей, доказательств у нее не было. Но Вики, как и все, читала газеты, и папа немало просвещал ее насчет рисков завоевания Тьмы.

Андерхилл передернул плечами:

— Возможно. Основное для нашей семьи — это что теперь все изменилось.

— Да. — Голос Вики сорвался. — Пап! Ну конечно же, теперь все изменилось; разве могло все остаться как было?

Джирлиб опускал голову, пока та не упокоилась на Брентовом насесте.

Андерхилл точно обмяк.

— Дети, простите. Я не хотел, чтоб вам навредили. Я не…

— Папа, это мы с Гокной сбежали из дому… Джирлиб, заткнись. Ты старший, но мы всегда умели тебя околпачить. — И то правда. Иногда сестры играли на самовлюбленности братишки, иногда — на его интеллектуальных интересах, как в случае увлеченности Хелмовыми Уродца-

ми. Порой просто выторговывали у него какую-то услугу, пользуясь его симпатией к маленьким сестрам. Брент тоже был не без уязвимых мест. — Это мы с Гокной постарались. И если бы не засада, устроенная Брентом в музее, мы все сейчас уже были бы мертвы.

Андерхилл жестом выразил несогласие.

— О маленькая моя Виктория, без вас с Гокной спасатели могли бы опоздать на минуту… вы все бы погибли. А Гокна…

— А Гокна теперь мертва! — Вдруг броня ее невозмутимости раскололась и слетела. Залившись бессловесным воплем, Вики выскочила из комнаты. Сбежала вниз по главной лестнице, отгоняя солдат в униформе и повседневных обитателей дома. Несколько лап протянулись к ней, но кто-то позади крикнул, и ее пропустили.

Вики неслась вверх и вверх, мимо лабораторий и аудиторий, мимо атриума, где они всегда играли, где впервые повстречались с Хранкнером Аннерби.

На вершине разместилась маленькая мансарда, которую они с Гокной себе вытребовали, выклянчили, добыли хитрыми планами. В каком-то смысле самая глубокая, в каком-то смысле самая высокая. Папа всегда старался забраться

повыше, и две его дочки тоже любили созерцать окружение с величественного чердачного насеста. Не самая высокая точка Принстона, нет, но ее им хватало.

Вики пробежала внутрь, выбив дверь. На миг ей стало плохо от резкого подъема. А потом… она замерла, оглядываясь. Дом аттеркопов немало разросся за последние пять лет. Зимы становились холоднее, и домик утратил прежнее очарование: уже нельзя было притворяться, что обитают в нем маленькие паучки, потому что у аттеркопов отрастали крылья. Десятки их влетали и вылетали в гнездо и из него. Ультрасиние оттенки крыльев напоминали обои на стенах дома. Они с Гокной вечно спорили, кто хозяйка в их домике.

Они почти обо всем спорили. У стены стоял кукольный домик, сделанный из артиллерийского снаряда: Гокна притащила его из берлоги. По совести, он принадлежал Гокне всецело, но они и об этом спорили.

Тут все напоминало о Гокне. И Гокна никогда больше не войдет сюда. Не заговорит с ней, а тем паче не затеет спор. Вики едва не развернулась, чтобы молнией вылететь из комнаты. Ей почудилось, что в боку у нее пробили огромную дыру,

руки и ноги оторвали от тела. Ничего не осталось от фундамента ее жизни, и Вики мешком осела на пол, содрогаясь от рыданий.

Отцы и матери бывают совсем разные. Насколько могли дети судить, даже в нормальных семьях все не так однозначно. Папа все время присутствовал. Он обладал бесконечным терпением, и у него всегда можно было что-нибудь выклянчить. Но Шерканер Андерхилл отличался одним крайне необычным качеством: он рассматривал любой закон природы и культуры как предмет экспериментальной проверки, препятствие, которое можно обойти. Во всем, что он делал, сквозили юмор и интеллект.

Матери — ну, во всяком случае, их матушка — не бывали рядом каждую минуту и не могли себе позволить откликаться на любую детскую прихоть. Генерал Виктория Смит частенько бывала с детьми, один день из каждых десяти в Принстоне и куда чаще во время их поездок в Ставку. Она появлялась, когда их следовало научить настоящему закону, перед которым даже Шерканер Андерхилл останавливался в задумчивости. И в моменты, когда им бывало по-настоящему, реально худо.

Вики не знала, сколько провалялась ничком

на полу, но в какой-то миг услышала шаги на лестнице. Во всяком случае, не дольше получаса: за окнами еще не успел перевалить за середину холодный прекрасный день.

В дверь мягко поскреблись.

— Младшая? Поговорим?

Мама.

Что-то странное шевельнулось у Вики внутри: радость. Папа простит, как прощал неизменно… но лишь мама поймет, какой ужас они испытали.

Вики отперла, отступила, склонив голову.

— Я думала, ты нынче до вечера занята. — Потом ей бросилось в глаза, что Виктория Смит в униформе: угольно-черной куртке с рукавами, при ультракрасных плечевых погонах. Она никогда еще не видела генерала такой в Принстоне, а в Ставке этот костюм берегли для особых случаев, в частности для совещаний со строго определенным кругом высших офицеров.

Генерал тихо прошла в комнату.

— Я… решила, что это важней. — Она жестом велела маленькой Виктории сесть рядом. Вики повиновалась, впервые после начала всего этого ужаса ощутив прилив спокойствия. Генерал осторожно опустила ей на плечи пару передних

лап. — Мы допустили некоторые… серьезные промахи. Ты знаешь, что мы с твоим отцом в этом сходимся?

Вики закивала:

— Да, да!

— Мы не властны вернуть Гокну. Но мы будем ее помнить и любить. И мы исправим ошибки, открывшие путь этому кошмару.

— Да!

— Твой папа… я… мы думали, что стоит держать вас подальше от более важных проблем, пока не подрастете. До некоторого момента мы, вероятно, были правы. Но теперь я понимаю, что мы навлекли на вас ужасный риск.

— Нет! Мама, разве ты не понимаешь? Это мы, я и Г-гокна, не послушались. Мы одурачили капитана Даунинга. Мы просто не поверили вашим с папой предостережениям.

Лапы генерала осторожно потрепали Вики по плечам. Мама либо удивилась, либо внезапно разгневалась. Вики не поняла, что именно произошло, но мать надолго замолчала. Потом продолжила:

— Ты права. Шерканер и я, мы допустили ошибки… как и вы с Гокной. Никто не думал, что такое случится… Но теперь вы понимаете, что одного

этого недостаточно. В некоторых играх ошибки приводят к гибели участников. Но подумай вот о чем, Виктория. Когда ты увидела, как скверно все обернулось, ты повела себя отлично — лучше многих взрослых с профессиональной подготовкой. Ты спасла детей Суабисме…

— Мы рисковали жизнью малыша Бирбопа…

Смит гневно передернула плечами:

— Да. И это тебе послужит тяжелым уроком, дочка. Я большую часть жизни истратила, пытаясь сжиться с чем-то похожим. — Она снова замолчала; мысли ее, казалось, блуждали где-то далеко. До Вики вдруг дошло, что даже мать, несомненно, не чужда ошибок и говорит об этом не только из вежливости. Дети всегда восторгались генералом. Та не слишком распространялась о своей работе, но дети улавливали достаточно, чтобы понять: в жизни Виктории Смит героического больше, чем в дюжине приключенческих книг. Теперь Вики уловила мельчайший всплеск того, что отсюда в действительности вытекало. Она придвинулась поближе к матери.

— Вики, попав в передрягу, вы с Гокной повели себя правильно. Вы все четверо повели себя правильно. Цена оказалась ужасна, но если мы… ты… не извлечешь из происшествия урок, это

будет означать, что все напрасно. — Что Гокна умерла зря.

— Я изменюсь; я сделаю все, как ты хочешь. Скажи — что.

— Внешне все мало изменится. Я дам тебе нескольких учителей по военной подготовке, может — по физической тоже. Но тебе и детям помладше все еще многому надо научиться по книгам. Твои дни во многом останутся прежними. Самое значительное изменение должно осуществиться в твоем сознании и в том, как мы будем с тобой себя вести. Кроме учебы, есть колоссальные, смертельные опасности, в которых ты обязана отдавать себе отчет. К счастью, с сиюминутным смертельным риском, как сегодня утром, они не сопряжены, но в долгосрочной перспективе эти угрозы значительно серьезнее. Прости, но сейчас времена опасны, как никогда.

— Но и отличных возможностей тоже много, как никогда. — Так всегда говорил папа. Что скажет на это генерал?

— Да, правда. Потому-то мы и поступили так, как поступили. Но для реализации планов Шерканера нужно кое-что большее, чем надежда и оптимизм, и в последующие годы опасности будут нарастать. Сегодня только начало. Возможно,

самая серьезная угроза придется на годы моей старости. А твой отец на полпоколения старше меня… Я уже сказала, что вы сегодня справились отлично. Вы команда, и это самое важное. Вы задумывались, насколько важно, чтобы вся наша семья была подобна команде? У нас особое преимущество почти над любым противником: мы не одного поколения и даже не двух, мы распределены по всему спектру возрастов, от маленького Хранка до твоего отца. Мы верны друг другу. И полагаю, весьма одарены.

Вики улыбнулась матери:

— Никто и близко не умен так же, как папа.

Виктория рассмеялась:

— О да, Шерканер… уникален.

Вики продолжала аналитическим тоном:

— Впрочем, Джирлиб может составить исключение, а так — никто из нас даже с папиными студентами тягаться не способен. С другой стороны, мы с Гокной многое взяли от тебя, мам. Мы… я умею планировать совместные действия и всякое такое. Думаю, Рапса и маленький Хранк примерно посередке будут, когда у них все устаканится. А Брент не так уж глуп, у него просто мозги по-своему работают. Он не слишком хорош в общении с остальными, но естественная подо-

зрительность у него развита лучше. Он всегда начеку.

Генерал улыбнулась:

— Так и будет. Вас осталось пятеро, Вики. Семеро, считая нас с Шерканером. Мы — команда. Ты права в своей оценке. Ты не знаешь другого: какая ты в соотнесении с остальным миром. Позволь мне поделиться с тобой моим личным, исполненным холодного профессионализма выводом: вы, дети, можете превзойти нас. Мы стремились отсрочить кое-что для вас еще на несколько лет, но времена изменились. Если случится то, чего я опасаюсь, вы пятеро должны знать, как с этим справиться. При необходимости — в минуту всеобщей паники.

Виктория-младшая была достаточно взрослой, чтобы понять, что такое служебная иерархия и клятва верности.

— Всеобщей? Я… — Она безмолвно указала на плечевые погоны своей матери.

— Да, я живу ради службы Короне. И я говорю, что могут наступить времена — притом довольно скоро, — когда служба Короне потребует действий вне привычной служебной иерархии. — Она усмехнулась дочери. — В приключенческих романах не все выдумки, Вики. Есть у шефа Ак-

корд-разведки особые полномочия… Ой, я и так уже заболталась, а дела не ждут. Мы скоро поговорим снова, все вместе.

Когда генерал ушла, Вики некоторое время слонялась по мансарде на вершине холма. Она все еще плохо соображала, но невыносимый ужас оставил ее, сменившись изумлением и надеждой. Они с Гокной всегда любили играть в разведчиц. Но мама неохотно рассказывала о своей работе, а обязанности ее были так высоки, что глупо казалось и задумываться о том, чтобы пойти по следам ее лап. Может, бизнес-разведка для одной из основанных Хранкнером Аннерби фирм. Теперь…

Вики поиграла с кукольным домиком Гокны. Они с Гокной уже никогда не поспорят об этих планах. Команда мамы лишилась первого игрока. Но теперь стало ясно, что команда эта и впрямь существует: Джирлиб и Брент, Рапса, маленький Хранк, Вики, Виктория и Шерканер. Каждый научится своему делу. «И в конечном счете наших усилий хватит».

33

Для Эзра Виня годы летели стремительно, и не только потому, что он проводил на вахте лишь

четверть времени. После атаки и убийств минула почти треть его жизни. В эти годы его внутреннее «я» подсказывало проявлять несгибаемое терпение и ничем не выдать, что жажда расквитаться с Томасом Нау, уничтожить подонка, все еще жива в душе. Он понимал, что время это растянется в бесконечную пытку.

Да. Он научился несгибаемому терпению. Он испытывал боль… и стыд. Страх, однако, оставался для него большую часть времени достаточно абстрактной эмоцией. Хотя в детали плана его до сих пор не посвятили, Эзра охватывало предвкушение триумфа при одной мысли о том, что он работает на Фама Нювена. При неохотном самоанализе всплывало самое удивительное обстоятельство этих лет: в каком-то смысле они были лучшими в его жизни со времени раннего детства. Но как же такое возможно?

Вахтмастер Нау очень аккуратно использовал уцелевшую медицинскую автоматику и большую часть времени держал «критически важных» сотрудников, например переводчиков, на вахте. Триксии было уже хорошо за сорок. Эзр видел ее почти ежедневно, когда попадал на вахту, и мелкие перемены в ее лице рвали ему душу.

Но Триксия менялась и в других отношениях, и

это вынуждало Эзра думать, что его неустанные посещения каким-то образом все-таки притягивают ее назад, к нему.

Когда раньше он являлся к ней в клетушку, которую отвели Триксии в Аттике Хаммерфеста, она обычно его не замечала. Но однажды он пришел на сто секунд позже обычного. Триксия сидела лицом к двери.

— Ты опоздал, — сказала она. Ее тон был бесстрастно-нетерпеливым, как у Анне Рейнольт. Все фокусированные не терпели отклонений от графика. Да, но все же Триксия заметила его опоздание.

Он отметил для себя, что Триксия снова стала следить за собой. Волосы она теперь зачесывала назад почти ровно. Теперь говорил на свиданиях не только он… примерно в половине случаев, если тщательно выбирать темы.

В тот день Эзр пришел точно по графику, но принес небольшой контрабандный груз — два деликатесных пирожных, позаимствованные из бара Бенни.

— Это тебе.

Он потянулся к ней и положил перед Триксией одно пирожное. Аромат заполнил клетушку. Триксия уставилась на его ладонь, словно раз-

думывая, не отмахнуться ли. Потом явно отмела сомнения.

— Ты собирался принести запросы на перевод по теме Кёр+1.

«Да ну тебя!» Но он оставил угощение на ее рабочем столе возле руки.

— Да, я их прихватил.

Эзр устроился на обычном своем месте у двери, лицом к ней. Сегодня список оказался не слишком длинным. Фокус творил чудеса, но без присмотра нормальных людей, с обыденным здравым смыслом, группы зацикленных каждый на своем предмете спецов неизбежно расплывались, теряя настройку. Эзру и другим нормалам поручено было читать сводки работы фокусированных и по возможности определять, где каждая группа вышла за пределы обычных интересов данного кластера неотвязников. Потом отчеты направляли наверх, Нау, и вниз, с запросами на дополнительную работу.

Сегодня у Триксии запросы не вызвали возражений, хотя некоторые она сопроводила ворчанием:

— Пустая трата времени.

— Я еще с Ритой Ляо поговорил. Ее прогеры полны энтузиазма насчет твоих переводов.

Они разработали специальные финансовые приложения и сетевые утилиты, превосходно приспособленные к новым паучьим микропроцессорам.

Триксия кивала:

— Да-да. Я с ними ежедневно общаюсь. — Переводчики отлично уживались с кодерами низкого уровня и неотвязниками, зацикленными на юриспруденции или экономике. Эзр подозревал, что причина тому проста: переводчики ни бельмеса не смыслили в этих дисциплинах, и наоборот.

— Рита хочет, чтобы мы основали на планете компанию, торгующую этими программами. Они должны вытеснить с рынка всех местных конкурентов и насытить его своей продукцией.

— Да-да. Группа компаний «Программы преуспеяния», я уже придумала название. Еще рано, впрочем.

Он болтал с ней на разные темы, пытаясь добиться реалистичной оценки времени развертывания проекта Риты Ляо. Триксия работала на одном потоке с неотвязниками, разрабатывавшими стратегию внедрения, так что их согласованная оценка не должна сильно отличаться от действительности. Выполнение работ

по компьютерной сети — даже с отличным планированием и превосходными разведданными — сильно зависит от структурной сложности самой сети. По меньшей мере пять лет еще осталось до возникновения большого рынка коммерческого ПО, и еще сверх того — до момента, когда у пауков появится своя Паутина. До этого стать крупным игроком на планетном рынке людям будет крайне сложно. И даже сейчас все манипуляции проводились исключительно с военной сетью Аккорда.

Эзр, как мог, тянул время, но достиг конца списка слишком быстро. Вопрос мог показаться пустяшным, но долгий опыт подсказывал, что это не так.

— Новый вопрос, Триксия. На сей раз чисто по переводу: насчет цвета, который ты обозначаешь словом «клетчатый». Я вижу, ты продолжаешь его использовать при передаче визуального восприятия. Физиолог…

— Както. — Триксия прищурилась. У взаимодействующих неотвязников развивалась почти телепатическая близость, а порою — ледяная, беспощадная ненависть, о которой лишь в романах про соперничающих ученых читаешь. Норма Както и Триксию постоянно мотало между этими

двумя крайними состояниями.

— Да. Гм, э-э… короче, доктор Както прочел мне длинную лекцию о природе зрения и электромагнитном спектре, убеждая, что «клетчатый» цвет не может соответствовать ничему правдоподобному.

Триксия скорчила хмурую гримасу, и на миг она показалась Эзру еще старше.

— Это настоящее слово. Я его выбрала. Контекст намекал, что… — Она нахмурилась еще сильней. Чаще случалось, что ошибка перевода выдавала… не буквальную истину, но хотя бы ключ к ранее не распознанному аспекту реальности мира пауков. Однако могли ведь фокусированные переводчики, и даже Триксия, ошибаться. В ранних переводах, когда она и ее коллеги только нашаривали верный путь по ландшафту непознанной расы, сотни слов были выбраны неверно, и впоследствии от этих версий перевода приходилось отказываться.

Проблема состояла в том, что уговорить неотвязников отказаться от залипшего в мозги термина было крайне сложно.

Триксия близка была к настоящему раздражению. Признаки, впрочем, не экстремальные. Она часто хмурилась, хоть и не так яростно. И

даже в молчании не переставала ожесточенно стучать по своей двуручной клавиатуре. На этот раз, однако, анализ перетек с ее наглазников на стены. Она порывисто задышала, снова и снова вертя критическое замечание в уме и сверяя его с данными сети. Возразить ей было нечем.

Эзр потянулся к ней и тронул за плечо:

— Дополнительный вопрос, Триксия. Я поговорил с Както про этот «клетчатый» цвет. — Фактически Эзр его разве что не шантажировал. С неотвязниками иногда другого способа не было: сосредоточиться на предмете работы и проблеме, с ним связанной, и задавать один и тот же вопрос в разных формулировках, под разными предлогами. При некотором навыке и разумной доле удачи эта техника быстро приводила к искомому результату. Проведя на вахте семь лет, Эзр все же не считал себя мастером такого допроса, но с Нормом Както ему таки удалось чего-то добиться, раскрутив на альтернативы.

— Мы подумали, не может ли у пауков быть такого режима наложения техник зрительного восприятия, когда мозг функционирует мультиплексно: ну, долю секунды в одном спектральном режиме, долю секунды — в другом. В таком случае, ну, должно получаться нечто вроде ряби.

Справедливости ради, Както заклеймил идею как абсурдную, заявив, что, даже если паучий мозг и способен к разделению визуального восприятия, на сознательном уровне оно все равно получается непрерывным.

Пока он говорил, Триксия сидела почти недвижима, только пальцы ее продолжали бегать по клавиатуре. Взгляд ее блуждал… пока она не глянула Эзру прямо в глаза. Он выдал что-то совершенно необычное прямо у центра ее фокуса. Потом она отвела глаза, что-то пробормотала в голосовой распознаватель и ожесточенней прежнего забарабанила по клавишам. Прошло несколько секунд, глаза ее заметались по комнате, отслеживая фантомы, видимые лишь в наглазниках. Затем она сказала решительно:

— Да! Это верное объяснение. Я раньше и не предполагала… просто контекст натолкнул на выбор этого слова, но… — По стенам, видимые теперь им обоим, поползли даты и арахнолокационные данные. Эзр попытался за ними проследить, но у его собственных наглазников доступа в сеть Хаммерфеста по-прежнему не имелось; приходилось по быстрым неопределенным жестам Триксии гадать, о каких событиях шла речь.

Эзр обнаружил, что улыбается. Триксия сейчас была ближе всего к нормальному состоянию, пускай и к фазе маниакального торжества…

— Взгляни! Если не считать одного случая болевой перегрузки, каждое вхождение слова «клетчатый» сопровождается низким уровнем тумана, низкой влажностью и широким яркостным диапазоном. В этих ситуациях интегральный цвет… *ветмоот-три*… — Она перескочила на внутренний жаргон, белиберду, неизбежно возникавшую при общении фокусированных, в данном случае — у переводчиков. — Речевое *настроение* меняется. Мне нужно было особое слово, и «клетчатый» вполне подошло.

Он слушал и смотрел. Он почти чувствовал, как откровение распространяется в мозгу Триксии, порождая новые связи и, без сомнения, обещая усовершенствованные переводы в будущем. О да, ему это казалось реальным. Военщина о слове «клетчатый» спорить не способна.

В целом сессия шла неплохо. И тут Триксия его приятно поразила. Почти не прерывая речи, она отняла одну руку от клавиатуры и цапнула пирожное. Сняла с держалки, вгляделась в пенный крем, втянула ноздрями аромат, будто заново узнавая, что такое пирожное и как оно

приятно на вкус. Затем запихала лакомство в рот, и глазурь расплескалась по ее губам цветастыми капельками. Ему на миг показалось, что Триксия подавилась, но то был довольный смешок. Она прожевала пирожное, проглотила его… испустила почти осмысленный вздох удовольствия. В первый раз за все эти годы Эзр наблюдал, как ее порадовало нечто, находящееся не в фокусе.

Даже руки ее на секунду застыли, прекратив неустанное движение.

— Итак, что еще? — спросила она следом.

Вопрос не сразу дошел до затуманенного счастьем сознания Эзра.

— А, мм… — В общем-то повестка дня исчерпана. Какая радость! Пирожное сотворило чудо. — Е… еще одно, Триксия. Ты должна это знать. — «Возможно, до тебя наконец дойдет». — Ты не машина. Ты человеческое существо.

Но слова не возымели эффекта. Может, она его и вовсе не услышала. Пальцы Триксии снова забарабанили по клавиатуре, а взгляд удалился куда-то за наглазники — ему не было туда доступа. Эзр выждал еще несколько секунд, но внимание Триксии так и не вернулось к нему. Он со вздохом направился обратно к двери клетушки.

Затем, секунд через десять-пятнадцать после вопроса, Триксия вдруг подняла взгляд. На ее лице снова возникло осмысленное выражение, на сей раз — удивленное.

— Правда? Я не машина?

— Да. Ты настоящая личность.

— Ага.

И снова потеря интереса. Она вернулась к своим клавиатурам, бормоча что-то по голосовой связи незримым коллегам-неотвязникам. Эзр тихо выскользнул из клетушки. В ранние годы он бы почувствовал угнетение, по крайней мере подавленность, от внезапной потери контакта. Но… для неотвязников это норма. А ему на миг удалось пробиться сквозь ее броню. Эзр крался по узким, точно капилляры, коридорчикам. Обычно эти извилистые проходы, едва по ширине плеч, действовали ему на нервы. Каждые два метра — новая камера, справа, сверху, слева, внизу двери. Что, если тут когда-нибудь начнется паника? Что, если потребуется их эвакуировать? Сегодня… он услышал в коридоре эхо и внезапно осознал, что насвистывает какой-то мотивчик.

На выходе в главную вертикальную шахту Хаммерфеста его перехватила Анне Рейнольт. Она ткнула пальцем в лоток, летевший за Эзром:

— Это я заберу.

Черт подери! Он забыл оставить Триксии второе пирожное. Лоток пришлось отдать Рейнольт.

— Все прошло удачно. Вы в моем отчете…

— О, бесспорно. И думается, что отчет я заслушаю прямо сейчас.

Рейнольт указала вниз, в стометровой глубины колодец. Схватилась за пристенный крюк, перебросила туда ноги и начала спуск. Эзр последовал за ней. Там, где они пролетали мимо кессонных люков, сквозь тонкий слой алмаза сочился свет В(ы)ключенной. Затем снова воссиял свет искусственный; они спускались все глубже в толщу Алмаза-1. Мозаики на стенах казались новыми, как в день гравировки, но, внимательно вглядевшись, можно было убедиться, что движения рук и ног оставили грязные разводы на тонкой лепнине. Слишком мало осталось неквалифицированных неотвязников, и поддерживать совершенство творения авральников было некому. На дне они свернули в сторону, продолжая спускаться, но теперь уже не так резко; потянулись кишевшие людом офисы и лаборатории, которые Эзр теперь знал как свои пять пальцев. Клиника неотвязников. Физически Эзр был там только однажды. Клинику строго охраняли и

непрестанно мониторили, хотя она располагалась не в зоне ограниченного доступа. Поэтому туда часто наведывался Фам, закадычный дружбан Трада Силипана. Эзр же избегал появляться в этом месте, где у людей воровали души.

Кабинет Рейнольт, само собой, остался на прежнем месте, в конце лабораторного туннеля, за простой дверью без украшений. «Директор по персоналу» оседлала стул и раскрыла лоток, отнятый у Эзра.

Винь сделал вид, что не встревожен. Оглядел кабинет. Ничего нового: те же необработанные стены, те же ящики с носителями информации, странно несовместное оборудование. Больше никакой мебели, хотя Анне Рейнольт уже не первое десятилетие на вахте. Эзру никто никогда этого не говорил, но он сам давно уже догадался, что Анне Рейнольт — неотвязница. Удивительная неотвязница, моноспец по управлению людьми, но все равно неотвязница.

Содержимое лотка Рейнольт явно не удивило. Она понюхала деликатес с видом техника бактериальной ямы, обнаружившего утечку слизевого фермента.

— Крайне ароматно. Господин Винь, сладостей и прочей бесполезной еды в перечне рекомендо-

ванной диеты нет.

— Простите. Я подумал, это будет вроде поощр… награды. Я редко это делаю.

— И то правда. Говоря точнее, вы этого раньше не делали.

Взгляд ее метнулся к его лицу, потом обратно.

— Прошло тридцать лет, господин Винь. Семь лет вашей собственной жизни на вахте. Вы знаете, что неотвязники на «поощрения» не реагируют; их мотивационная система, во-первых, сфокусирована, во-вторых, намертво сцеплена с верностью управляющему. Не-ет. Думаю, вы разработали тайный план пробудить в докторе Бонсол любовь.

— Сладкой пироженкой?

Рейнольт ответила жесткой полуулыбкой. До обычной неотвязницы ирония его слов не дошла бы. Рейнольт не сбилась с темы, но сарказм уловила.

— Ее запахом, полагаю я. Вам наверняка читали курсы нейрологии Чжэн Хэ, и вы знаете, как обонятельные пути независимо проводят нервные сигналы к высшим центрам головного мозга. Гм?

Она посмотрела на него, как энтомолог на букашку из своей коллекции.

«Именно об этом и рассказывали на курсах ней-

рологии». А лакомств Триксия совершенно точно не нюхала с тех самых пор, как ее сфокусировали. На миг стены вокруг ее личности стали тоньше вуали. На миг Эзр сумел к ней прикоснуться.

Эзр пожал плечами. Рейнольт слишком напролом прет. Удосужилась бы как следует подумать — расколола бы его в два счета. И даже Фама Нювена, вероятно, смогла бы разоблачить. Фама с Эзром спасало только то, что они были на периферии ее фокуса. «Были бы у Ритсера Брюгеля ищейки хоть с половиной ее способностей, нас бы с Фамом уже казнили».

Рейнольт отвернулась, ненадолго переключившись на видения в своих наглазниках. Затем продолжила:

— Ваш проступок не имел вредных последствий. Фокус во многих отношениях устойчив. Вам могло показаться, что доктор Бонсол изменилась, но учтите вот что: за последние несколько лет лучшие переводчики неоднократно проявляли влечение друг к другу. Если это повредит производительности труда, мы их спустим в клинику и перенастроим… Однако, если вы еще раз позволите себе нечто подобное, я откажу вам в доступе к доктору Бонсол.

Угроза весьма действенная, но Эзр сумел рас-

смеяться.

— Как, и даже смертью грозить не будете?

— Моя оценка, господин Винь, такова: ваши познания в истории человеческой цивилизации Рассветной Эпохи делают вас незаменимым, исключительно ценным специалистом. Вы обеспечиваете слаженную работу по крайней мере четырех групп моих неотвязников, и я знаю, что вахтмастер тоже пользуется вашими услугами. Но не обманывайтесь: я могу обойтись в отделе перевода и без вас. Если снова попадетесь мне на пути, не увидите доктора Бонсол, пока миссия не завершится.

Это сколько, пятнадцать лет? Двадцать?

Эзр смотрел на нее, ощущая за ее словами стальную волю. Как неумолима эта женщина! Не впервые он задумался, кем она была прежде. Он не единственный интересовался этим вопросом. Трад Силипан много разглагольствовал у Бенни о своей шефине. Когда-то Шевальская клика считалась второй во всем Аврале; Трад утверждал, что Анне Рейнольт занимала там высокое положение. Некогда, вероятно, она была даже страшнее Томаса Нау. Ну, хоть некоторых монстров настигло возмездие; они пали, поверженные себе подобными. Анне Рейнольт пала

низко, очень низко: была десницей Сатаны, а стала инструментом Сатаны.

Так или иначе, а для Эзра Виня она достаточно опасна.

Той ночью, один во мраке своей каюты, Эзр пересказывал разговор Фаму Нювену.

— У меня такое чувство, что, если Рейнольт вдруг перекинут на операции Брюгеля, она за считаные килосекунды нас расколет.

Нювен фыркнул, глубоко в ухе Эзра отдалось жужжание.

— Такого никогда не случится. Она всех неотвязников в узде держит. У нее четыреста нефокусированных управленцев в подчинении было перед атакой, а теперь она… *бззз-зззт*…

— Повтори последние слова.

— Я сказал: «Теперь она вынуждена полагаться на необученных».

Жужжание означало не просто неразборчивые слова. Иногда Эзру приходилось переспрашивать по три-четыре раза. Но все же это было куда лучше морганий, которыми они пользовались вначале. Теперь, когда Эзр притворялся, что пошел спать, он помещал глубоко в ушную раковину миллиметровый локализатор. Тот передавал по большей части жужжание да шипение, но при

достаточной сноровке можно было нормально переговариваться. Локализаторы разлетелись по всей каюте, да что там, по всей времянке торговцев. Брюгель с Нау ими пользовались как основным инструментом системы надзора.

— Все же, может, не надо было мне этот трюк с пирожным?..

— Может быть. Я бы не стал ничего так в открытую предпринимать. — «Но Фам Нювен не влюблен в Триксию Бонсол». — Мы об этом уже говорили. Неотвязники Брюгеля покруче любой системы наблюдения, известной Чжэн Хэ. Они все время вынюхивают информацию, они легко считывают… — (Эзр не разобрал следующего слова («наивных»? «невинных»?), а переспрашивать не захотел.) — людей вроде тебя. Прими это как данность. Они, конечно, догадались, что ты не поверил в эту чушь насчет Резни Дьема. Им известно, что ты их враг. Они догадываются, что ты строишь какие-то планы… или хотел бы строить. Твои чувства к Бонсол — твое прикрытие, меньшая ложь, под которой скрывается большая. Как моя легенда насчет Цзамле Эна.

— Да. — «Надо бы поостыть». — Ты думаешь, что Рейнольт не слишком опасна?

На миг все слилось в жужжании и шипении;

может, Фам вообще ничего не говорил. Потом:

— Винь, я придерживаюсь абсолютно противоположного мнения. В долгосрочной перспективе она для нас смертельно опасна.

— Но она ведь не эсбэшница.

— Нет, но она координирует неотвязников Брюгеля, подкручивает бедолагам мозги, когда тем случится потечь. Трад делает вид, что всем рулит, а на деле просто следует ее указаниям. Восемь ее неотвязников-программистов грызут наш флотский код. Трое продолжают раскапывать программы локализаторов. В конце концов она поймет, что я их всех одурачил. *Бззз.* — (Неразборчиво.) — Господи, какая же у Нау власть! — Голос Фама прервался, оставив по себе только статику.

Эзр высунул руку из-под одеяла и ткнул пальцем в ухо, поглубже засовывая крохотный локализатор.

— Повтори, пожалуйста. Ты еще здесь?

Бззт.

— Здесь я. Насчет Рейнольт: она смертельно опасна. Так или иначе, ее надо устранить.

— Убить? — У Эзра слова застряли в глотке. Как ни ненавидел он Нау, Брюгеля и всю систему фокуса, Анне Рейнольт у него ненависти не вызывала. Она ведь просто присматривает за рабами.

Кем бы ни была раньше Анне Рейнольт, сейчас она просто инструмент тирана.

— Надеюсь, нет! Может… если Нау заглотнет локализаторную наживку, если он станет ими пользоваться в Хаммерфесте… тогда мы там будем в такой же безопасности, что и тут. Если до этого времени ее неотвязники не вкурят, что в локализаторах ловушка…

— Но ведь смысл задержки как раз в том, чтобы она успела разобраться с локализаторами.

— Да. Нау не дурак. Не беспокойся, я за всем слежу. Если она подберется слишком близко, я… о ней позабочусь.

Мгновение Эзр пытался себе представить смысл слов Фама, потом отогнал навязчивые видения. Даже две тысячи лет спустя Фам Нювен занимал в жизни Семьи Винь особое место. Эзр вспоминал картины в рабочем кабинете отца. Истории, которые тот ему пересказывал. Не только те, что были в архивах Чжэн Хэ. Это не обязательно означало, что рассказы правдивы, они могли быть достоверны в том смысле, в каком это бывает с личными воспоминаниями, перенеся через века истинные впечатления Праматери Суры и ее детей о Фаме Нювене. Они любили его не столько за то, что Фам Нювен стал предком всех Семей Винь,

сколько за то, что он создал Чжэн Хэ в современном ее понимании. Но в некоторых рассказах этот человек представал… безжалостным.

Эзр открыл глаза, безмолвно обвел взглядом полутемную каюту. Слабо светящий ночник выхватывал из мрака одежду Виня, парящую в комодной сумке, и оставленное на столе недоеденное пирожное. Реальность.

— Что ты умеешь делать с локализаторами, Фам? На самом деле?

Молчание. Далекое жужжание.

— Что я могу с ними делать? Ну, Винь, убивать с их помощью я не могу… не напрямую. Но они годятся на куда более серьезные штуки, чем эта наша скрипучая голосовая связь. Нужно практиковаться; есть некоторые трюки, которым тебя следует научить. — Длинная пауза. — Черт, тебя надо как можно скорее им научить. Будут ситуации, когда только они меня спасут, в мое отсутствие на вахте. Мы должны встретиться с глазу на…

— А? Лицом к лицу? А когда? — Десятки, быть может, сотни раз они с Фамом Нювеном переговаривались, как сегодня. Плели паутину заговора, как заключенные, что перестукиваются через стены темницы. На людях они виделись еще

меньше, чем в прежние вахты. Нювен говорил, что у Эзра выдержки недостаточно, он не контролирует жесты и движения глаз, что ищейки слишком многое сопоставят. А теперь…

— Во времянке Брюгель и его ищейки полагаются на локализаторы. Есть места между пузырями и корпусом, где некоторые старые камеры совсем сдохли. Если мы туда доберемся, они не увидят ничего, что противоречило бы лжи, которую я им скормлю через локализаторы. Проблема в том, что ищейки также полагаются и на статистику. Однажды я руководил флотской СБ. Не такой, как у Ритсера, помягче, но вроде того. Мои программы выявляли случаи подозрительного поведения — кто на сколько времени пропадает из виду, необычные разговоры, отказы оборудования. Это работало хорошо, хотя плохих парней не всегда удавалось схватить за руку. Неотвязники в сочетании с компьютерной системой должны работать в тысячу раз лучше. Готов об заклад побиться, у них статистика за все время с тех пор, как возникла база в первой точке Лагранжа. Невинные по отдельности детали накапливаются и накапливаются, пока в один прекрасный день Ритсеру Брюгелю не предоставят исчерпывающее доказательство. И мы покойники.

О, Господь торговли…

— Но мы же почти любые показания способны подделать!

Показания систем, где авральники полагались на локализаторы Чжэн Хэ.

— Можем. Один раз. Ты не зарывайся, а? — Даже фоновое жужжание не перекрыло Фамов презрительный смешок.

— А когда мы встретимся?

— Надо минимизировать косвенные улики для милейших аналитиков Ритсера. Давай поглядим… Так, я сдаю вахту меньше чем через двести килосекунд. Когда тебя разморозят в следующий раз, я буду в середине своей вахты. Тогда все устроим так, чтобы сразу пересечься.

Эзр вздохнул. Еще полгода ждать. Но не так долго, как кой-чего другого; сойдет и так.

34

Забегаловка Бенни начиналась как что-то полуофициальное, видимое свидетельство крупной сети подпольных рыночных отношений. По меркам Аврала, гнездо криминалитета. В чистом незейском, языке Чжэн Хэ, термин «черный рынок» существовал, но означал лишь «торговля, которую следует вести втайне постольку, по-

скольку она задевает моральные устои местных клиентов». В микросоциуме, оформившемся на астероидах, не существовало способа утаить торговлю или взятку. Поначалу забегаловку спасала лишь протекция Киви Лин Лизолет. Теперь… Бенни Вэнь улыбался про себя, выгружая в лоток блюда и коктейли. Теперь он занимался делами бара все время вахты. Лучше всего, что с этой работой в отсутствие Бенни вполне управлялся его отец. Хуньдэ Вэнь остался потерянным человеком с ранимой мятущейся душой, а былых познаний в физике так и не восстановил. Но управлять баром ему нравилось. Когда он занимался этим сам, случались странности. Порой — явные неудачи, иногда — чудесные усовершенствования. Так, однажды Хуньдэ покрыл ароматическим лаком из установок очистки летучих веществ стены бара. В небольших концентрациях аромат был приятен, а в более крупных — превращался в жуткую вонь. На некоторое время центр общественной жизни времянки перенесся в крупнейший рабочий зал. В другом случае, четырьмя годами реального времени позднее, отец Бенни придумал штуку, какую и обязательствами целой вахты оплатить было бы сложно, а папа Киви взамен разработал ему лианы для невесомости и соответствующую

экосистему для декора стен и мебели бара. Заведение стало уютным местечком вроде парка.

Лианы и цветы остались, хотя Хуньдэ на вахте отсутствовал уже два года.

Бенни двигался по бару, описывая длинную петлю по лесу зелени. На столики клиентов ставил еду и напитки, взамен принимал бланки обязательств. Бенни опустил «Алмазы и лед» и ведерко с закуской перед Традом Силипаном. Силипан сунул ему обязательство с неизменным нахальным видом. Он явно считал, что бланк ничего не стоит, а платит он лишь потому, что так принято.

Бенни лишь улыбнулся и двинулся дальше. Кто он, чтобы спорить? Кроме того, Трад кое в чем прав. Но со времени первых вахт случаев отказа от обязательств бывало немного. Попыток уклониться — да. Единственные обязательства, какими Трад мог бы реально расплатиться, включали рабочее время неотвязников, а он постоянно увиливал от оплаты долгов, то не находя нужного специалиста, то затрачивая недостаточно времени того или иного неотвязника на анализ задачи. Но даже Трад достаточно часто платил честно: например, лианы для невесомости поручил разработать Али Лину именно он. Ибо за комедией с

бланками обязательств стоял, как всем в Чжэн Хэ было известно, сам Томас Нау, который — то ли в исследовательских целях, то ли из любви к Киви — дал понять, что подпольная экономика Чжэн Хэ под его защитой.

— Эй, Бенни! Лети сюда! — махнул ему от верхнего столика Чжау Синь. Там заседал «дискуссионный клуб». Вахту за вахтой там собиралась одна и та же компания. Обыкновенно вахты слегка перекрывались — в достаточной степени для того, чтобы, даже при постоянной текучке состава клиентов, посетители все же могли зависнуть за этим столом, желая поспорить, «чем все в итоге закончится». На этой вахте там восседали Синь и, конечно, Рита Ляо, а также пятеро-шестеро, которых там ожидать было вполне логично, и… ага, вот человек, который в своем деле реальный дока.

— Эзр! Думал, тебя еще четыреста килосекунд не будет.

Черт побери, вот бы задержаться и послушать.

— Привет, Бенни! — улыбнулся знакомой улыбкой Эзр. Забавно: когда долго человека не видишь, перемены в нем заметны лучше. Эзр, как и Бенни, был еще молодым человеком. Но уже не ребенком. В уголках глаз Эзра залегли мель-

чайшие морщинки. И когда он говорил, была в его тоне уверенность, какой Бенни за Эзром не наблюдал с момента их совместной высадки на планету с группой Джимми Дьема.

— Ничего твердого, Бенни. У меня кишечник еще ноет, недовольный, что его разморозили. Четырехдневный сдвиг графика. — Он ткнул в дерево графика вахт, выведенное на дисплейную стену над баром. Действительно, обновление там отмечено, скрытое в гуще мелких изменений. — Кажется, зачем-то я Анне Рейнольт понадобился.

Рита Ляо усмехнулась:

— Само по себе это обстоятельство — уже повод для заседания «дискуссионного клуба».

Бенни распределил груши и ведерки из лотка, парившего за ним, и кивнул Эзру:

— Я тебе чего-нибудь придумаю, чтобы свежеразмороженный труп оттаял.

Эзр наблюдал, как Бенни Вэнь возвращается к бару и готовит закуску. Бенни, наверное, отыщет что-то приемлемое для его желудка. Кто бы мог подумать, что для него все так повернется? Кто из них вообще мог бы себе представить… По крайней мере, Бенни остался торговцем, хотя и в печально мелких масштабах. «А я-то сам кто?» Заговорщик, агент, столь глубоко законспири-

рованный, что порою его легенда дурачит даже его самого. Эзр сидел за столиком в компании трех бывших Чжэн Хэ и четверки авральников — и среди авральников были у него друзья более близкие, чем среди Чжэн Хэ. Ничего удивительного, что Томас Нау так ловко всем рулит. Он кооптировал в свое дело всех, пускай даже некоторые воображают, что и дальше следуют путем торговли. Нау затмил их восприятие рабства фокуса. Может быть, это и к лучшему. Друзья Эзра защищены от смертельных опасностей режима Нау — Брюгеля, а Нау с Брюгелем легкомысленно закрывают глаза на возможные альтернативные источники заговора Чжэн Хэ.

— И чего тебя так рано из морозилки вытащили, Эзр?

Винь пожал плечами:

— Это ты мне скажи. Я через несколько килосекунд лечу в Хаммерфест. — «С чем бы меня туда ни вызвали, надеюсь, что встрече с Фамом это не помешает».

Трад Силипан воспарил с пола этого яруса и устроился в пустом кресле.

— Ничего важного, переводчики поцапались с неотвязниками, занятыми чистой наукой. Мы сегодня это уже уладили.

— Так почему Рейнольт изменила график Эзра?

Силипан картинно округлил глаза:

— Ой, вы же знаете Рейнольт. Не обижайся, Эзр, но она думает, что раз ты спец по Рассветной Эпохе, то нам без тебя не обойтись.

«О, вот это уж вряд ли», — подумал Эзр, припомнив последний свой разговор с «директором по персоналу».

Рита предположила:

— Думаю, это как-то связано с заливом Калорика. Дети сейчас там, вы в курсе. — Когда Рита говорила о детях, то имела в виду пауков из старой передачи «Детский час науки».

— Они больше не дети, — вежливо уточнил Синь. — Виктория-младшая уже молодая женщ… молодая особь.

Ляо раздраженно дернула плечами:

— Рапса и малыш Хранк все еще дети. Их всех перевели в Калорику.

Повисла неловкая пауза. Приключения определенных пауков для многих стали нескончаемой драмой; годы шли, выяснять детали становилось проще. Поклонники паучьей жизни следили и за другими семьями, но семейство Андерхилла оставалось самым популярным. А Рита — самой

преданной их поклонницей, и временами она лишь патетически констатировала очевидное.

Трад оставался глух к печальному контексту.

— Не-а. Калорика — это для отвода глаз.

Синь усмехнулся:

— Но послушай, Трад, там же и впрямь пусковая площадка к югу от Калорики. Пауки оттуда спутники запускают.

— Нет-нет. Я имел в виду эту чухню с кейворитом. Вот поэтому Эзра и разогрели раньше срока. — Он заметил реакцию Эзра и широко ухмыльнулся. — Ты узнаешь термин?[18]

— Угу, это…

Трад гнул свою линию, классические мотивы его не интересовали:

— Еще одна выдумка переводчиков, просто более странная, чем обычно. В любом случае — около года назад некоторые пауки воспользовались заброшенными копями на плоскогорье к югу от Калорики, пытаясь отыскать разницу между гравитационной и инерциальной массами. Что само по себе выразительно говорит об интеллекте этих существ.

— Идея сама по себе неглупа, — сказал Эзр, —

---

[18] Сноски: 18

Кейворит — расхожее для НФ обозначение антигравитационного материала, введенное Гербертом Уэллсом.

пока не опровергнута экспериментами.

Он теперь вспомнил этот проект. В нем участвовали главным образом тиферские ученые. Их доклады почти не поддавались переводу. Люди-переводчики так и не выучили тиферский в той же мере, как языки Аккорда. Цзоби Жэюн и еще пара человек, вероятно, могли бы освоить тиферский в совершенстве, но их убило разбегание мозговой гнили.

Трад взмахом руки отмел возражение.

— Тут чухня вот в чем: пауки в конце концов *нашли* искомую разницу. И оказались настолько глупы, чтобы опубликовать отчет о своем открытии, заявляя, что обнаружили на плоскогорье антигравитацию.

Эзр переглянулся с Чжау Синем.

— Ты об этом слышал?

— Да, что-то такое слышал… — задумчиво протянул Чжау. Вероятно, это до сих пор не афишировалось. — Рейнольт меня пару раз привлекала к работе с неотвязниками. Хотели узнать о любых аномалиях орбиты наших спутников наблюдения. — Он пожал плечами. — Аномалии, конечно же, существуют. Так и строятся карты подповерхностной плотности.

— Ну, — продолжал Трад, — в общем, пауки

получили свою мегасекунду славы, пока не выяснили, что не в состоянии воспроизвести сие чудесное открытие. Всего несколько килосекунд назад опубликовано опровержение. — Он фыркнул. — Во придурки-то! У людей эта статейка бы и дня не прожила.

— Пауки *не* придурки, — сказала Рита.

— И некомпетентными их также нельзя назвать, — согласился Эзр. — Действительно, в большинстве человеческих культур к такому сообщению отнеслись бы скептически. Но у людей ведь восемь тысяч лет опыта научной работы. Если та или иная цивилизация достигла достаточного развития, чтобы ставить подобные опыты, то даже после ее падения на руинах библиотек сохраняется часть накопленных знаний.

— Да-да, ну конечно. Паукам все приходится проделывать впервые.

— Именно, Трад! Мы уверены, что у них все в первый раз. У нас только один надежный образец для сравнения — Старая Земля. И даже там было допущено множество ошибок.

— В общем-то мы им большую услугу окажем, когда завоюем. — Это заявление озвучил Арло Динь из Чжэн Хэ. С наглостью истинного авральника.

Эзр нехотя кивнул:

— Да, наши предки Рассветной Эпохи — везунчики, что выбрались из ловушки единственной планеты. А гении пауков не сообразительней людей древности. Вы гляньте на этого чувака, Андерхилла. Его студенты совершают множество открытий, а он…

— Он полон предрассудков, — заметил Трад.

— Именно. Он понятия не имеет о пределах сложности в проектировании программ, а также об ограничениях, которые накладываются при этом на аппаратуру. Он воображает, что вот-вот из-за угла появятся бессмертие и богоподобные компьютеры, только поднапрячься еще чуток. Ходячая библиотека несбыточных грез.

— Вот видишь! Именно поэтому ты у нас любимчик Рейнольт. Ты себе представляешь, какая у пауков фантастика в башках. А когда настанет время проявить себя, это будет крайне важно.

— Когда настанет время… — перекошенной улыбкой улыбнулся Чжау Синь.

На дальней стене, у графика вахт, Бенни Вэнь открыл окно ставок на дату выхода. Прогнозы, когда именно закончится Изгнание, когда люди смогут выйти из тени и закончить игру в прятки, стали излюбленной темой заседаний «дискусси-

онного клуба».

— Солнце включилось тридцать с лишним реальных лет назад. Я много бываю снаружи, вы знаете, почти так же много, как Киви Лизолет и ее сотрудники. Солнце уже меркнет. Еще несколько лет — и оно умрет опять. У пауков реальный дедлайн. Готов поклясться, что им осталось менее десятилетия до Информационного века.

— Но этого недостаточно, — сказал Арло, — чтобы мы успели подготовить и осуществить безошибочный переворот.

— Ладно, но, в конце-то концов, могут вмешаться и посторонние факторы. Пауки начали космическую программу. Через десятилетие наши операции, и в том числе наше присутствие в первой точке Лагранжа, скрыть будет уже сложно, если вообще возможно.

Трад:

— И что? Если высунутся из гнезд, мы их ке-эк шмякнем.

Чжау:

— И тем перережем себе глотки, чувачелло.

— Вы оба чухню порете, — сказал Арло. — Готов побиться об заклад, что у нас меньше десятка ядерных бомб осталось. Мы почти все израсходовали, когда пуляли друг в друга…

— У нас есть направленное лучевое оружие.

— Ага, низкоорбитальное. Я тебе говорю, *блефовать* нам под силу, но…

— Можно сбросить жучарам на головы обломки старых звездолетов.

Эзр переглянулся с Ритой Ляо. Этот аргумент ее всегда до белого каления доводил. Она, а также Чжау и большинство присутствующих отождествляли пауков с реальными людьми. Триумф Триксии. Авральники, по крайней мере те, кто не входил в касту вахтмастеров, с большой прохладцей воспринимали идеи мегаубийств. В любом случае Чжау Синь совершенно прав: есть у авральников огневая мощь или нет, а вся цель пребывания в засаде — создать клиента-ремонтника. Расхерачить планету мечтают только идиоты вроде Ритсера Брюгеля.

Эзр откинулся на спинку, выходя из дискуссии. Он видел на графике вахты имя Фама; еще несколько дней — и они впервые повстречаются лицом к лицу без утайки. «Терпение, терпение, не гони коней». Хорошо… Он надеялся, что заседание «дискуссионного клуба» вывернет на более интересные темы, но даже такая вот пустопорожняя болтовня отдавалась в его голове приятным знакомым жужжанием. Не впервые Эзр задумал-

ся, как это похоже на семью — семью, бесконечно спорящую о проблемах, которым не видно конца-края. Он научился ладить с авральниками, а они — с ним. Почти нормальная жизнь… Он посмотрел сквозь решетку зигзагообразных лиан, опутавших все вокруг. Цветы действительно издавали слабый аромат, хотя вонь лака, которым Хуньдэ прежде случилось покрыть стены, этот запах не полностью забивал. Ага. В переплетении цветов и листьев открылся просвет: вид на место Бенни у барной стойки на полу. Он поднял было руку помахать Бенни. Может, его желудок уже успокоился и примет нормальную пищу? Потом он краем глаза заметил знакомое пятно: клетчатые брюки, блузка с фрактальным узором.

Киви.

Они с Бенни о чем-то ожесточенно торговались. Бенни тыкал пальцем в изношенный участок обоев на нижней стене бара. Киви кивала, сверяясь с каким-то списком. Потом, вроде бы почувствовав его взгляд, она обернулась и помахала компашке Эзра у потолка. «Она такая красивая!» Эзр отвернулся, лицо его вдруг похолодело. Когда-то Киви, дочь полка, раздражала его так, что спасу не было. Когда-то Киви казалась ему предательницей, эксплуататором неотвязников. Когда-то Эзр ее

ударил, и не один раз… Эзр вспоминал свой гнев, свое *наслаждение* при мысли, что хоть так получилось взыскать возмездие за Джимми Дьема и Триксию Бонсол. Но Киви не предательница, Киви — самая несчастная жертва из всех. Если Фам прав насчет мозгочистки — а он должен быть прав, уж слишком хорошо это согласуется с фактами, — то над Киви издеваются так, что всякое человеческое воображение отказывает. И, ударив Киви, Эзр кое-что узнал о себе самом. Он постиг, что цивилизованная оболочка Эзра Виня очень тонка. Это знание он большую часть времени отгонял. Возможно, и получится совершить что-нибудь полезное, хотя в глубине души он и злой человек… Но, встречаясь взглядом с Киви… он больше не мог отгонять воспоминания о содеянном.

— Эй, Киви! — Рита заметила жест Киви. — Можно тебя на секунду? Рассуди один спор.

Киви усмехнулась:

— Я мигом.

Она обернулась к Бенни. Тот кивал, протягивая ей стопку обязательств. Приняв их, Киви полезла вверх по лианной решетке. При этом она обходила сеть Бенни, доливая бокалы и разнося закуски. То есть делала за Бенни часть его работы. Вот

в этом вся Киви. Она была частью подпольной экономики, контрабандной сети, позволившей наладить здесь относительно сносную жизнь. Как и Бенни, она без колебаний протягивала руку, не гнушаясь никакой *работой*. В то же время она была доверенным лицом вахтмастера; она смягчала режим Нау, хотя авральники вроде Чжау Синя ни за что не признали бы этого вслух. Но по Чжау и Рите видно было, что они почти восторгаются Киви Лизолет.

И она ему усмехнулась:

— Привет, Эзр. Бенни подумал, что ты можешь попросить добавки. — Она сунула ведерко в фиксатор на столике перед Эзром. Эзр кивнул, не осмеливаясь встретиться с ней взглядом.

Рита уже с жаром что-то выкладывала; может, никто и не заметил его смущения.

— Не прошу поделиться инсайдом, Киви, но какая свежайшая оценка Даты Выхода?

Киви улыбнулась:

— Моя оценка? Двенадцать лет — самое большее. Прогресс пауков в области космических полетов может вынудить нас и к более раннему реагированию.

— Во-от. — Рита бросила взгляд на Чжау. — Так, значит, мы тут вот о чем спорим. Представь, что

нам не удается все захапать через их компьютерные сети. Представь, что нам придется принять ту или иную сторону, поддержав один из конфликтующих блоков. Кого мы выберем?

35

Алмаз-1 был длиной более двух тысяч метров и почти такой же ширины, куда крупней остальных астероидов скопления. За много лет кристаллическая толща прямо под Хаммерфестом превратилась в лабиринт пещер. Верхние уровни отводились под кабинеты и лаборатории, нижние — под личные апартаменты Томаса. Еще ниже — последнее достижение инвертированной архитектуры: линзовидная полость диаметром более двух сотен метров. При создании полости большая часть термальных копалок износилась, но Киви не протестовала; фактически идея была отчасти ее.

Три человеческие фигурки в масштабе этого места почти терялись.

— И что скажешь, впечатляет? — улыбнулась Томасу Киви.

Нау смотрел прямо вверх, у него в буквальном смысле отвисла челюсть. Такое с вахтмастером случалось крайне редко. Он и сам не заметил, как

потерял равновесие и стал медленно крениться на спину.

— Я… ага. Даже наглазники не способны этого правдоподобно передать.

Киви рассмеялась и вернула его в вертикальное положение.

— А то! В наглазниках я подсветки не показывала.

В потолочных безэховых нишах скрывались актинические световые дуги. Лампы превращали небосвод пещеры в сверкающую драгоценность. Подстраивая их оттенок, можно было добиться почти любого светового эффекта, неизменно, впрочем, приукрашенного радугами.

Папа по правую руку Киви тоже смотрел, но не восхищенно и не в потолок. Али Лин стоял на руках. Игнорируя зачаточную гравитацию, он изучал зернистую текстуру поверхности, оставленную копалками на алмазном полу пещеры.

— Тут ничего живого, вообще ничего, — сморщился он.

— Тут будет крупнейший из всех твоих парков, пап. Считай его чистым листом, на котором можно нарисовать все, что захочешь.

Гримаса Али Лина смягчилась. «Мы его вместе построим, пап. Ты меня кое-чему новому

научишь». Тут должно хватить места для настоящих животных, может — даже летающих котят. Скорее мечта, чем воспоминание, о времени, которое мама, папа и Киви провели вместе на базе перед отлетом с Трехземья. А Томас сказал:

— Как хорошо, что ты меня убедила так поступить, Киви. Я хотел только улучшить безопасность, а ты даровала мне подлинное чудо. — Он вздохнул и усмехнулся ей. Рука Томаса скользнула по спине Киви, чуть задержавшись ниже бедер.

— Парк будет крупным, Томас, даже по меркам Чжэн Хэ. Не крупнейшим, но…

— Но, скорее всего, лучшим из них.

Он потянулся мимо Киви потрепать Али по плечу.

— О да.

Да, скорее всего, лучшим из них. Папа всегда считался паркостроителем высшего класса. К настоящему моменту он уже пятнадцать лет был сфокусирован на своей специальности. Ежегодно его разум производил на свет новые чудеса. Бонсаи и микропарки Али Лина уже превзошли великолепием лучшие парки Намчема. Даже фокусированные биологи авральников теперь не уступали специалистам Чжэн Хэ, получив доступ

к флотской библиотеке по наукам о жизни.

«Когда же Изгнание завершится, папа, когда тебя наконец освободят, то, клянусь, тогда ты осознаешь в полной мере, какие чудеса сотворил».

Взгляд Нау блуждал по пустой сверкающей пещере. Наверное, воображает, какие ландшафты здесь можно устроить — саванну, холодный дождевой лес, альпийские луга. Даже магия Али не в состоянии поддерживать больше одной экосистемы одновременно, но выбор есть… Она улыбнулась.

— Тебе бы понравилось озеро?

— А?

— Код «влажная вода» в моей дизайнерской библиотеке. — Киви подключилась к ней через наглазники.

— О, а ты мне об этом не говорила!

На алмазную реальность пещеры наложилась одна из лесных схем Али — но теперь в центре пещеры возник оверлей озера, уширяясь и уширяясь вдаль, по направлению к горным островкам, и могло показаться, что до них целые километры. От причала только что взяла курс вниз по холму маленькая парусная лодка.

Томас мгновение безмолвствовал.

— О господи! Это же имение моего дяди на Се-

верной Лапе. Я там жил летом.

— Знаю. Я его взяла из твоей биографии.

— Оно прекрасно, Киви, хоть и невозможно.

— Почему же невозможно? У нас тут наверху полно воды; устроим в пещере превосходное запасное хранилище. — Она махнула вдаль, где озеро разливалось широко-широко. — Мы немного раскопаем дальнюю стену и сделаем так, чтоб озеро выливалось прямо оттуда. Можно пожертвовать достаточным количеством обоев для правдоподобной имитации дали.

Сомнительно. Видеообои с погибших кораблей были сильно повреждены вакуумом. Впрочем, не важно. Томасу нравилось носить наглазники, и дальние планы можно просто нарисовать — любой, кто не имел дела с графикой, запросто обманется.

— Я не об этом. Нельзя тут настоящее озеро соорудить — не в микрогравитации. Малейшее микротрясение астероида — и оно поползет вверх по стенам.

Киви, не сдерживая себя, широко улыбнулась:

— Вот тут и таится сюрприз. Я это могу, Томас! У нас тысячи клапанных сервомеханизмов с разбитых звездолетов, их уцелело больше, чем всего остального. Мы их поместим на дно озера

и подключим к локализаторной сети. Несложно будет гасить волны и держать озеро в нужных пределах.

Томас рассмеялся:

— Ты и вправду любишь стабилизировать внутренне нестабильное, не так ли, Киви? Ну… если тебе удалось это провернуть с астероидами, то, наверное, и здесь получится.

Она передернула плечами:

— Ну конечно. Если ограничить береговую линию, я даже с локализаторами авральников это сделаю.

Томас обернулся взглянуть на нее, и она заметила, что перед его глазами уже нет иллюзии. Он вернул себя в стерильный реальный мир алмазной пещеры. Но он видел чудо, и она понимала, что сумела его изумить.

— Будет чудесно… хотя потребует значительных ресурсов и трудозатрат.

Трудозатрат не от неотвязников, хотел он сказать. Даже Томас не считал фокусированных настоящими людьми.

— Ничему важному это не помешает. Сервоклапаны — металлолом. Локализаторов в избытке. А люди мне много чего задолжали.

Чуть позже Нау вывел свою женщину и неот-

вязника из пещеры. Киви снова его удивила, на этот раз — сильней обычного. И черт подери, вот еще одна причина запустить в Хаммерфест локализаторы. Люди Рейнольт все еще возились с устройствами; насколько же сложными те могут оказаться? Позже разберемся. Киви говорила, что некое подобие озера допустимо соорудить и с локализаторами авральников.

Они прошли назад через нижние уровни, принимая приветствия и взмахи рук техперсонала, как авральников, так и бывших Чжэн Хэ. Они оставили Али Лина в садовом парке, где была его мастерская. Отца Киви не заточили в пчелиных сотах Аттика, потому что его специальность требовала открытых пространств и работы с живыми существами. По крайней мере, так Томас Нау это преподнес Киви. Вполне правдоподобное пояснение, которое позволяло держать девушку подальше от обычных манипуляций с фокусированными; помогало удержать ее от неизбежного скольжения к пониманию.

— Тебе нужно во времянку, Киви?

— Угу, всякие мелочи. Кое с кем из друзей повидаться.

Киви нужно было провернуть свои сделки и собрать дань обязательств.

— Ладно. — Он сгреб ее в поцелуе — это было видно по всему офисному залу. Не важно. — Ты отлично справилась, любовь моя!

— Спасибо. — Ослепительная улыбка. Киви Лизолет уже больше тридцати, а между тем она его цепляет, как и раньше. — Увидимся вечером.

Она полетела вверх по центральной шахте, отталкиваясь все быстрее и быстрее, проносясь между остальными, как ракета. Киви продолжала ежедневно тренироваться на центрифуге при силе тяжести в 2*g*, а также практиковаться в боевых искусствах. Все, что осталось от наследия ее матери, по крайней мере внешне. Не приходится сомневаться, что энергией ее обеспечивает некое подавленное желание оказаться достойной матери.

Нау глянул вверх, почти не замечая тех, кто спускался ему навстречу: люди приучились его облетать. Он смотрел, как тает в отдалении главной шахты фигура Киви.

Если не считать Анне Рейнольт, Киви — величайшее его сокровище. Но Рейнольт он получил, по сути, в наследство; Киви Лин Лизолет же — его личный триумф, чудесный несфокусированный человек, и она без устали пашет на него все эти годы. Он владел ею, он ею манипулировал — задача,

которая ему никогда не надоедала. Он все время балансировал на лезвии клинка. Киви сильна и быстра, так что может убить голыми руками. В ранние годы он этого не понимал. Не понимал тогда и того, каким сокровищем владеет.

Да, она стала его триумфом, но Томас Нау мыслил реалистически и понимал, как ему повезло. Он заполучил Киви в нужном возрасте и в требуемом контексте ситуации — когда она уже достаточно повзрослела, чтобы усвоить глубинное содержание культуры Чжэн Хэ, но оставалась еще так молода, что Резня Дьема потрясла ее до глубины души. В первое десятилетие Изгнания она проникала сквозь его ложь только трижды.

Он скривил губы в едва заметной усмешке. Киви думает, что меняет *его*, показывая, как эффективны методы свободы. Что ж, она кое в чем права. В ранние годы, негласно разрешая подпольную экономику, он считал это частью игры с Киви, временной слабостью. Но ведь подпольная экономика и впрямь работала. Даже в учебниках Чжэн Хэ говорилось, что свободный рынок в условиях столь замкнутого и ограниченного в ресурсах социума бесполезен. Тем не менее год за годом коробейники улучшали ситуацию: даже в том, что Нау от них все равно потребовал

бы. Поэтому, когда Киви заверила его, что люди ей многим обязаны, что она сумеет заставить их усердно работать на строительстве озерного парка — «Ах ты ж Зараза, как я хочу такое озеро!» — Томас Нау не усмехнулся исподтишка. Она права: люди, даже авральники, будут трудиться в парке не покладая рук, потому что они должны Киви, а не потому, что Томас Нау, вахтмастер, волен их всех вышвырнуть в космос.

Киви стала крошечной фигуркой на самом верху шахты. Повернувшись, она помахала ему рукой. Нау помахал в ответ, и она исчезла в одном из отводных туннелей, ведущих к ангару для шлюпок.

Нау задержался еще на мгновение, глядя вверх, и улыбка не сходила с его лица. Киви научила его власти, какую дает управление свободой. Дядя Алан и Наулийская клика завещали ему власть над фокусированными рабами. А здесь, у В(ы)ключенной звезды? Чем больше узнавали они о звезде и ее планете, тем прочнее утверждался Нау в мысли, что тут должны таиться чудеса — не такие сокровища, каких они ожидали, но куда более важные открытия. В биологии, физике, астрономии далекой галактической орбиты звезды накапливались данные, выходящие за

пределы возможностей аналитиков, дразнившие его интуицию.

А спустя несколько лет пауки наделят его индустриальной экологией, способной эти чудеса использовать.

Никогда и нигде прежде в истории Человечества не открывались такие возможности перед одним человеком. Двадцать пять лет назад Томас Нау был моложе и трепетал перед неизвестностью. Но шли годы, и он шаг за шагом оттачивал свое мастерство в их преодолении. С Арахны явится династия столь могущественная, какой еще не видело Человечество. Это займет время, век-другой, но в конце концов он будет едва старше среднего возраста по меркам Чжэн Хэ. Он сметет жалкие клики авральников. В этом конце Людского Космоса воцарится величайшая империя всех времен. Легенда о Фаме Нювене померкнет в сиянии престола Томаса Нау.

А что с Киви делать? Он бросил последний взгляд вверх. Он надеялся, что она продержится с ним до конца Изгнания. Так много всего, в чем она способна ему помочь, когда пауков нагнут. Но маска трескалась. Мозгочистки не дают идеального результата; Киви доходила до правды быстрее, чем в ранние годы. Не рискуя

уничтожить значительные участки мозговой ткани, Анне не могла избавиться от «остаточной нейронной нагрузки», как это называлось. И конечно, некоторые противоречия просто не удавалось списать на гибернационную амнезию. В конце концов, даже самая искусная манипуляция окажется… А как объяснить отступление от первоначальных обещаний вольноотпущенничества? Как объяснить меры, которые придется применить к паукам, или евгенические программы с участием людей, которые ему понадобятся? Нет. В конце концов, с превеликим сожалением, от Киви придется избавиться. Впрочем, это не значит, что ее нельзя будет использовать и дальше. Детей она еще сможет принести. А его империи когда-нибудь потребуются наследники.

Киви влетела в забегаловку Бенни через две с лишним тысячи секунд. На этой вахте тут распоряжался сам Бенни. Отлично. Он был ее любимым барменом. Они немного поторговались насчет нового оборудования, которое Киви запросила.

— Да господи, Бенни! Тебе нужны эти видеообои? Есть же другие проекты, где они могли бы найти применение, ну, ты в курсе. — В том числе и определенный парк под Хаммерфестом.

Бенни пожал плечами:

— Пускай вахтмастер разрешит нам консенсуальный обзор, и тогда обои мне не понадобятся. А пока те, что есть, попросту изнашиваются. Видишь? — Он ткнул в пол, отведенный под изображение Арахны. Она видела, как ураган перемещается к Принстону и, вероятно, достигнет его через считаные килосекунды; дисплейные драйверы явно еще работали. Но она также заметила искажения и смазанные цвета.

— Ладно, можно еще кое-что ободрать с «Невидимой руки», но это тебе дорого обойдется. — Ритсер Брюгель станет вопить и плеваться, даром что обои ему без надобности. Ритсер считал «Руку» своим частным княжеством. Киви просмотрела составленный от руки перечень требований Бенни. Вся готовая еда шла из бактериальных ям и теплиц времянки — этим явно захочет заняться Гунле Фун. Летучие вещества и подкормка, угу. Как обычно, Бенни пытается перебежать Гунле дорогу, торгуется на грани приличий, желая заполучить прямой доступ к астероидным копям. Для парочки закадычных друзей они слишком серьезны в своей конкуренции.

Краем глаза она уловила чье-то движение. Глянула вверх. По ту сторону потолка на обычном месте висела компашка Синя. Ага, Эзр! Непроиз-

вольная улыбка расплылась по лицу Киви. Он обернулся и смотрел в ее сторону. Она помахала ему. Лицо Эзра тут же стало каменным, и он отвернулся. На миг Киви пронзил укол застарелой боли. Даже сейчас, видя Эзра, она испытывала прилив радости, словно при встрече со старым другом, которому столько всего надо рассказать, а он каждый раз отворачивался, год за годом. Она ведь не хотела обидеть Триксию Бонсол; ну а Томасу она помогает, потому что Томас хороший и всеми силами старается облегчить им Изгнание.

Она задумалась, подпустит ли ее Эзр хоть когда-нибудь поближе, чтоб она ему попыталась объяснить, как обстоят дела. Возможно. У них еще годы впереди. А после Изгнания, когда им на помощь явится целая цивилизация и Триксию Эзру вернут, тогда-то он наверняка простит Киви.

36

Пространство между внешней оболочкой времянки и обитаемыми пузырями служило буфером от разгерметизации. Уже много лет тут хозяйничала Гунле Фун, разводя растения на нелегальных фермах; в случае реальной утечки воздуха драгоценные трюфели или экспериментальные гибриды на основе цветов Канберры

погибли бы. Впрочем, даже сейчас агрикультуры Фун занимали лишь часть пустого пространства. Фам назначил Эзру Виню встречу подальше от маленьких теплиц. Тут воздух был холоден и сперт, а единственным источником света служила В(ы)ключенная, чье тусклое сияние просачивалось через внешнюю оболочку.

Фам зацепился ногой за пристенный крюк и стал молча ждать. Раньше на этой вахте он позаботился напичкать интересовавший его участок локализаторами. Они тут были рассеяны по всем стенам. Несколько летали вокруг него в воздухе, хотя даже на ярком свету показались бы обычными пылинками — может, чуть крупнее. Укрываясь тут в полумраке, Фам, можно сказать, дежурил на командном посту для одного человека. Он видел и слышал все, что видели и слышали его локализаторы, и в данном случае отслеживал воздушный промежуток между пузырями. Там кто-то был, осторожно приближался. Теперь у Фама имелось в распоряжении тайное зрение не хуже наглазников Чжэн Хэ. Вот он, мальчишка Винь, нервный и настороженный.

А сколько сейчас Виню, тридцать, что ли? Ну да, не пацан уже. Но черты лица у него были прежние, да еще эта серьезная манера… ох, до чего же

он похож на Суру! Не-ет, нельзя ему доверять. Использовать — можно, только осторожно.

Винь стал виден и невооруженным глазом: он облетел изгиб поверхности внутреннего пузыря. Фам поднял руку, мальчишка замер, издав вздох изумления. При всей своей осторожности Винь чуть не пролетел мимо Фама, не заметив того во впадине тканевой стенки.

— Я… Ой, здрасте.

Винь сбился на шепот. Фам отлепился от стены, переместившись туда, где В(ы)ключенная давала чуть больше света.

— Наконец-то встретились, — сказал он с перекошенной усмешкой.

— Д-да. Ой, правда. — Эзр развернулся, долго смотрел на него, а потом… господи! — отвесил легкий поклон. Черты лица, похожие на Сурины, расплылись в хитрой улыбке. — Как странно видеть вас настоящего, а не Фама Тринли.

— Едва ли разница заметна.

— О, сэр, вы же себя не видите. Когда вы играете Тринли, все мелкие черты немного меняются. Тут, даже при таком свете, вы совсем другой. Если бы Нау с Рейнольт посмотрели на вас такого секунд десять, они бы тоже поняли.

Слишком могучее у пацана воображение.

— Ну, в течение двух следующих тысяч секунд они увидят только то, что им скормят мои локализаторы. Надеюсь, этого времени хватит, чтобы ввести тебя в курс…

— Да! Вы действительно можете видеть через эти локализаторы, отдавать им команды?

— При должной практике. — Он показал мальчишке, в каких точках на орбите глазного яблока расположить зернышки локализаторов и как заставить соседние локализаторы взаимодействовать. — Не делай этого на людях. Синтезированный луч очень узок, но его все же можно заметить.

У Виня сделался такой вид, точно он ослеп.

— Ага, такое ощущение, будто мне что-то в глаза сзади тычется.

— Локализаторы напрямую возбуждают зрительный нерв. Сначала всплывающие образы могут быть очень причудливы. Несколько простых упражнений помогут тебе заучить команды, но воспринимать побочные раздражения зрительного нерва… ну это все равно что учиться видеть заново, я думаю. — Фам полагал, что более точной аналогией будет обучение слепца работе с искусственными глазами. Некоторым это удается, некоторые так и остаются слепы.

Вслух он этого не сказал, а только показал Эзру некоторые простые упражнения для визуальной тренировки.

Фам тщательно продумал, какие именно части командной оболочки локализаторов показать Виню. В любом случае Эзр уже знает достаточно, чтобы выдать его. И средства устранить эту угрозу нет, если не считать убийства. Все эти гребаные ложные следы, которые вели к Цзамле Эну, не помешали ему вынюхать правду. «Молись, чтобы дело тут было только в его связи с Великой Семьей». Фам несколько лет не осмеливался довериться Виню, выискивая любые признаки вражеской контроперации, оценивая интеллект мальчишки. И видел он порывистого, неуверенного в себе молодого человека, выросшего под пятой тирана, но ухитрившегося сохранить здравый смысл.

Когда настанет время Фаму выступить против Нау и Брюгеля, ему неизбежно понадобится помощник, соучастник для подстраховки. Эзру нужно показать некоторые фокусы. И все же Фам ночами напролет стискивал зубы, понимая, какую власть вручает мальчишке.

Эзр быстро выучил команды. С другими приемами, которые намеревался открыть ему Фам,

проблем тоже не должно возникнуть. Полное зрительное восприятие сформируется не сразу, но…

— Да, я знаю, ты пока ничего не видишь, кроме разрозненных световых сполохов. Продолжай воспроизводить тестовые последовательности. Через несколько мегасекунд ты будешь видеть не хуже меня.

Почти.

Лишь его уверенный тон сумел успокоить Виня.

— Хорошо, я буду практиковаться, обещаю… в своей каюте, как вы советуете. Я себя так чувствую… не знаю, такое ощущение, будто я сейчас достиг большего, чем за все эти годы.

У них оставалась сотня секунд выделенного времени. Маскировку, скрывающую их от ищеек, нельзя пробить. Не беспокоиться. Реагировать на мальчишку естественно. Банально.

— В прошлом ты добился многого. Вместе мы узнали много чего про Хаммерфест.

— Да, но теперь все будет иначе… А как все будет после нашей победы, сэр?

— После? — Так, что от него утаить? — Все будет… отлично. У нас технология Чжэн Хэ, а появится и планетарная цивилизация, способная ее эффективно использовать. Само по себе это

предвидится величайшим торговым успехом в истории Чжэн Хэ. Но мы добьемся и большего. Располагая достаточным временем на эксперименты, мы построим таранные двигатели, усовершенствованные с новыми знаниями о физике В(ы)ключенной. Ну а какое на Арахне разнообразие ДНК! Само по себе это место — уже величайшее сокровище, ящик с сюрпризами, способный принести нам власть…

— И всех фокусированных освободят.

— Да-да, конечно. Не беспокойся, Винь, вернем мы твою Триксию. — Это было дорогостоящее обещание, но Фам нацелился его выполнить. Если Триксию Бонсол освободить, может, Винь прислушается к его аргументам насчет остальных. Может, прислушается.

Фам понял, что мальчишка на него как-то странно смотрит; он позволил молчанию растянуться вплоть до нежелательных догадок.

— Ладно, думаю, основную программу мы выполнили. Практикуйся в синтаксисе команд и визуальных тестовых узорах. А пока наше время истекло. — «И благословен будь за это Господь всей торговли». — Ты уйдешь первым, той же дорогой, какой явился. Легенда: ты почти долетел до ангара шлюпок, но решил вернуться и позав-

тракать в столовке.

— Хорошо. — Винь мгновение колебался, точно раздумывая, не спросить ли еще о чем-нибудь. Потом развернулся и полетел туда, где изгибалась ткань внутреннего пузыря.

Фам наблюдал, как сменяются секунды на фоновом таймере поля зрения. Через двадцать секунд он сам удалится в противоположном направлении. Локализаторы скормили ищейкам Брюгеля две тысячи секунд тщательно продуманной дезы. Позже Фам проверит, не вкрались ли нестыковки с тем, что в это время творилось в остальных местах базы. Несомненно, понадобятся коррективы. Располагай враг обычными системами наблюдения, такую встречу оказалось бы несложно устроить. Но ищейки-неотвязники любого параноиком сделают.

Десять секунд. Он глядел туда, где исчез в сумраке Эзр Винь. Фам Нювен целую жизнь практиковался в дипломатии и обмане. «Ну и какого, спрашивается, хрена я не обработал мальчугана изящней?» Внезапно призрачная Сура Винь возникла совсем рядом с ним и расхохоталась.

— Локализаторы в Хаммерфесте реально необходимы.

Эта просьба у Ритсера Брюгеля на брифингах

уже в ритуал превратилась, но сегодня, может, Ритсер какой-нибудь сюрприз припас?

— Люди Анне еще не закончили оценку их безопасности.

Вице-вахтмастер склонился вперед. За эти годы Ритсер поменялся сильней остальных. Теперь он почти половину времени проводил на вахте, но налегал на физические упражнения в спортзале Хаммерфеста и активно пользовался медицинской поддержкой. Он выглядел здоровей, чем в ранние годы. Каким-то образом он приучился удовлетворять свои… нужды… так, чтобы за ним не тянулся бесконечный след дохлых неотвязниц. Он обещал вырасти в ответственного вахтмастера.

— Сэр, а вы видели последний отчет Рейнольт?

— Да. Она просит еще лет пять. — Поиск уязвимостей в системе безопасности коробейницких локализаторов, затеянный Анне, казался делом гиблым. В первые годы Томас еще надеялся. В конце концов, хакеры Чжэн Хэ неотвязниками не пользовались. Но трясина кода Чжэн Хэ была глубиной почти восемь тысяч лет. Каждый год неотвязники Анне отодвигали срок завершения проекта еще на годик-другой. А теперь еще этот отчет.

— Еще пять лет, сэр. С таким же успехом она могла бы написать «никогда». Мы оба знаем, как маловероятно, что локализаторы несут опасность. Мои неотвязники уже двенадцать лет пользуются ими во времянке и на поломанных звездолетах. Они не программисты по профессии, но, говорю вам, за все время с локализаторами не было никаких нетипичных для Чжэн Хэ проблем. Эти гаджеты крайне полезны, сэр! От них ничто не ускользнет. Не пользуясь ими, мы тоже рискуем.

— Например?

Нау заметил проблеск удивления у Брюгеля; Ритсер давненько не получал подобных поощрений в разговорах на эти темы.

— Гм. Ну, взять хотя бы то, что мы упускаем, не используя эти устройства. Давайте просмотрим анализ нашего брифинга. — Последовал не слишком интересный отчет о недавних проблемах безопасности: попытки Гунле Фун разжиться автоматикой для ее контрабандных ферм; противоестественная привязанность отдельных людей к паукам — желательная сублимация, но от нее могут быть нешуточные проблемы, когда придет время действовать; уровень паранойи у Анне Рейнольт. — Знаю, сэр, вы за ней следите,

но мне кажется, что она поплыла. Это не просто зацикленность на дырах в системе безопасности. Она стала относиться к «своим» неотвязникам по-хозяйски.

— Может, я ее настроил на слишком высокую чувствительность? — Подозрения Анне насчет саботажа неотвязников были расплывчаты и ничего общего не имели с обычными ее, безукоризненно точными, аналитическими выкладками. — Но как все это связано с допуском локализаторов в Хаммерфест?

— Располагая локализаторами в Хаммерфесте, мои ищейки получат возможность постоянного прецизионного анализа, корреляций сетевого трафика с реальными событиями. Это… это просто стыд какой-то, что у нас система безопасности слабейшая в том месте, где ей полагается быть самой прочной.

— Хм.

Он посмотрел Ритсеру прямо в глаза. Ребенком Томас Нау выучил важный урок: никогда не обманывай себя. Самообман губил великих людей на протяжении всей истории человечества: от Хелмуна Дайра до Фама Нювена. Будь честен сам с собой. Ему правда, правда нужно озеро, которое Киви ему показала под Хаммерфестом.

Такой парк позволит соорудить из этой нищеты что-нибудь достойное, окружить себя роскошью, обычно недоступной даже в цивилизованных системах Чжэн Хэ. Разумеется, это не повод допускать дыры в системе безопасности, но, может, это самоограничение такие дыры как раз и порождает? Зайдем с другого конца. Кто продвигает это решение? Ритсер Брюгель полыхает энтузиазмом. Этого не стоит недооценивать. Киви за эту дилемму тоже в ответе, но не напрямую.

— А как насчет Киви Лизолет, Ритсер? Что о ней говорят твои аналитики?

Глаза Ритсера блеснули. Он все еще ненавидел Киви смертельной ненавистью.

— Мы оба знаем, как быстро она способна докопаться до правды, — и плотное наблюдение за ней важно, как никогда. В данный момент, однако, она абсолютно, полностью чиста. Она вас не любит, но уважение почти так же сильно, как любовь. Она ваш шедевр, сэр.

Киви теперь узнавала правду на каждой вахте. Но ей только недавно мозги прочищали, а расширение зоны охвата локализаторов посадит ее на еще более тугой поводок. Нау еще минутку поразмыслил, потом кивнул:

— Хорошо, вице-вахтмастер, запускаем локали-

заторы в Хаммерфест.

Разумеется, локализаторы Чжэн Хэ в Хаммерфесте уже имелись. Пылинки разносило воздушными течениями, они прилипали к одежде, волосам и даже голой коже. Во всех населенных зонах астероидной базы они просто кишели.

Но как бы вездесущи ни были локализаторы, без питания это всего лишь безвредные крупицы металлизированного стекла. Теперь люди Анне перепрограммировали кабельный хребет Хаммерфеста, протянув его дальше вниз, в свежевырезанные пещеры. Теперь микроволновые импульсы пронизывали все открытые области десять раз в секунду. Энергия их находилась значительно ниже биологически ощутимой, да и работе остальной аппаратуры импульсы не мешали. Локализаторам Чжэн Хэ много энергии вообще не требовалось: хватило бы запитать крошечные сенсоры и переслать пакеты данных соседям по сети. Через десять килосекунд после первого микроволнового импульса Ритсер отчитался, что сеть стабилизировалась и посылает качественные данные. Миллионы процессоров, раскиданных в пространстве диаметром четыреста метров. Каждый вычислительной мощностью едва превосходил компьютер Рассветной Эпохи.

А вместе они составляли самый мощный компьютер первой точки Лагранжа.

За четыре дня Киви закончила рыть пещеру и расставила волновые сервоклапаны. Ее отец уже подготовил почву для возвышенностей. Вода появится последней, но появится, это точно.

Впоследствии Нау диву давался, как они раньше без локализаторов обходились. Ритсер Брюгель оказался совершенно прав. Раньше их система безопасности в Хаммерфесте была слепа. А времянка Чжэн Хэ, значит, надежнее всего для секретных операций. Нау контролировал кропотливый, многодневный обыск всего Хаммерфеста, а затем звездолетов и кладовой, проведенный Брюгелем и его ищейками. Он даже отступил от традиций и на сто килосекунд запустил локализаторы в арсенал первой точки Лагранжа-А. Это было как фонариком во тьме посветить. Они обнаружили и залатали десятки дыр в системе безопасности… и не выявили никаких признаков вражеской подрывной деятельности. Все это послужило чудесным источником уверенности: словно обыскать дом на предмет паразитов, никого не найти, но установить, где на будущее стоило бы поставить ловушки и заложить отравленные приманки.

Вахтмастер Нау теперь знал свои владения лучше, чем любой другой вахтмастер за всю историю Аврала. Ищейки Ритсера, вооруженные локализаторами, помогали Нау определять местонахождение и считывать эмоциональное, а в какой-то мере и умственное, состояние любого человека в Хаммерфесте. Со временем он понял, что некоторые опыты стоило предпринять гораздо раньше.

Взять хотя бы Эзра Виня. Может, из него удастся еще кое-что выжать. Нау снова пролистал биографию парня. К следующему брифингу он счел, что готов. В это время Винь обычно приходил к Нау на совещание. Только к нему одному, но коробейник уже давно пообвыкся и расслабился. Винь появлялся у Нау в кабинете, отчитывался за прошедшие десять дней и докладывал об успехах неотвязников в постижении мира пауков.

Томас дал коробейнику разговориться. Он слушал, кивал, задавал уместные вопросы… и просматривал ползущий по наглазникам анализ. Господи! Локализаторы в воздухе, на кресле Виня и даже на его коже пересылали данные на «Невидимую руку», там программы анализировали их и передавали результаты в наглазники Нау, раскрашивая кожу Виня в

цвета, отвечавшие гальваническому отклику, температуре, интенсивности потовыделения. По лицу метались стандартные графики пульса и прочих жизненных показателей. Отдельная врезка демонстрировала вид комнаты глазами Виня и красными стрелками отмечала движения глазных яблок. Для этой беседы Брюгель выделил двух своих ищеек, их анализ проплывал строкой комментария по верхней зоне поля зрения наглазников Нау.

Субъект расслаблен на десятую процентиль больше, чем в обычной беседе. Субъект уверен в себе, но осторожен, симпатии к вахтмастеру не испытывает. Субъект не пытается скрыть отчетливо выраженную мысль.

Примерно об этом Нау и догадывался, но дополнительные детали были куда богаче, нежели при любом инструментальном мягком допросе, потому что субъект не подозревал о нем.

— Итак, стратегические вопросы политики стали куда ясней, — подытожил Винь в блаженном неведении о двойном дне беседы. — Педура и ее Клан обладают некоторыми существенными преимуществами в ракетной технике и ядерном оружии, но по компьютерам и сетям постоянно отстают от Аккорда.

Нау пожал плечами:

— Клан — суровая диктатура. Разве не вы мне говорили, что тирании Рассветной Эпохи с компьютерными сетями не уживаются?

— Да. — *Реакция субъекта соответствует подавляемой иронии.* — Отчасти дело в этом. Мы знаем, что они наметили ударить первыми после того, как солнце выключится, рассчитывая на свое превосходство в системах оружия. В Аккорде Шерканер Андерхилл настолько полон энтузиазма насчет своей автоматики, что Педура за ним просто угнаться не может. Честно говоря, вахтмастер, я полагаю, что мы движемся к перелому. — *Субъект искренен в своем заявлении.* — Паучья цивилизация, может, и открыла закон обратных квадратов всего пару поколений назад, а математика у них существенно отстает от нашей в Рассветную Эпоху. Но у Клана успехи в ракетостроении значительны. Располагай они даже десятой долей научного таланта Шерканера Андерхилла, обнаружат нас меньше чем через десятилетие.

— И мы не успеем полностью подчинить себе их сети?

— Нет, сэр.

Это и Чжау Синь говорил, озвучивая выводы

своих пилотов-неотвязников. Жаль. Ну хоть конец Изгнания четко нарисовался… А тем временем: *Осторожность субъекта ослаблена.* Нау улыбнулся своим мыслям. Самое время чуть встряхнуть флот-менеджера Виня. *Может, получится им манипулировать по-настоящему?* В любом случае реакция Виня интересна. Нау откинулся в своем кресле, притворясь, что бесцельно глазеет на бонсай, плавающий в воздухе над столом.

— У меня были годы на изучение Чжэн Хэ, господин Винь. Я не питаю иллюзий. Вы лучше любой оседлой культуры понимаете различие путей цивилизации.

— Да, сэр. — *Субъект пока спокоен, соглашается искренне.*

Нау склонил голову:

— Вы из рода Винь; если кто в Чжэн Хэ и понимает суть порядка вещей, так это вы. Видите ли, одним из моих личных героев всегда был Фам Нювен.

— Вы… уже говорили об этом. — Слова прозвучали как-то деревянно. В наглазниках Нау лицо Виня изменило цвет, пульс и потоотделение скакнули. Где-то на «Руке» ищейки проанализировали данные локализаторов и доложили:

Субъект испытывает нарастающий гнев в отношении вахтмастера.

— Если честно, господин Винь, я вовсе не намерен попирать ваши традиции. Вы знаете, что у Аврала с Чжэн Хэ много общего, но Фам Нювен — дело другое. Видите ли… я знаю правду о Фаме Нювене.

Диагностические цвета переливались, возвращаясь к норме, как и сердцебиение Виня. Расширенные зрачки и порывистое дыхание соответствовали подавляемой ярости. Нау на миг удивился: он бы прочел реакцию Виня иначе, с намеком на испуг. «Возможно, придется у этой автоматики чему-то поучиться». Он был искренне озадачен.

— В чем дело, господин Винь? Ну не хитрите вы хоть раз в жизни. — Он улыбнулся. — Ритсеру я не скажу, а Синю, Ляо или… моей Киви… вы и сами не проболтаетесь.

Ага, теперь всплеск ярости очень резкий, не поспоришь. Коробейник на Киви Лизолет запал, хотя сам себе в этом не признавался.

Признаки гнева сглаживались. Винь облизал губы — обычно это означает нервозность, но глифы поверх поля зрения Нау сообщали: *Субъект проявляет интерес.* Винь сказал:

— Я просто не вижу никакого сходства между ценностями Аврала и теми, что утверждал жизнью своей Фам Нювен. Конечно, Фам Нювен не родился коробейником, но он повлиял на нас сильней любого другого человека. Вы увидите это в архивах Чжэн Хэ, в записях о его жизни…

— О, я смотрел. Они несколько обрывочны, вы не находите?

— Ну, он был великий путешественник. Вряд ли он ставил себе задачу облегчить труд историкам.

— Господин Винь, Фам Нювен ценил признание историков не меньше любого гиганта Человечества. Я думаю… нет, я уверен, что архивы Чжэн Хэ были тщательно прополоты, и, вероятно, представителями вашей же собственной Семьи. Понимаете ли, человек масштаба Фама Нювена неизбежно привлекает и других историков — с тех миров, которые он изменил, и из других космопроходческих культур. Их версии тоже остаются плыть по течению веков, и я собрал все, доступные в этом уголке Людского Космоса. Он и есть тот, кого я всегда пытался имитировать. Ваш Фам Нювен не был торгашом-лизоблюдом. Он был Тем, Кто Принес Порядок, завоевателем. Конечно, он воспользовался торговыми приемчиками, подкупом и обманом. Но если необходимо,

он не колеблясь прибегал к угрозам и прямому насилию.

— Я… — Диагностические утилиты нарисовали на лице Виня сложный узор гнева, удивления и недоверия: в точности такого Нау и ожидал.

— Я могу это доказать, господин Винь. — Он произнес в пространство ключевые слова. — Я только что переместил в ваше личное хранилище данных кое-какие сведения из *наших* архивов. Ознакомьтесь. Это вам не искаженная Чжэн Хэ точка зрения. Там добрая дюжина мелких злодейств. Прочтите подлинную историю: как Фам Нювен покончил с погромом на Стрентманне, как его предали у Провала Брисго. А потом приходите, и поговорим снова.

Невероятно. Нау не намеревался говорить так прямо, но достигнутые эффекты его крайне заинтересовали. Обменявшись еще парой ничего не значащих реплик, они распрощались. Красный свет невидимой глазу дрожи замерцал на руках Виня, когда тот удалялся к двери.

Когда коробейник ушел, Нау посидел немного в тишине. Он глядел в пространство, а на самом деле считывал с наглазников. Отчет ищеек тянулся по пейзажу Алмаза-1 потоком красных глифов. Он его прочтет внимательно… попозже. Сперва надо

собственные мысли в порядок привести. Диагностика локализаторов поистине волшебна. Без них он бы едва уловил признаки волнения Виня, и он это понимал. «Что еще важнее, без диагностики я бы не знал, в какую сторону направить разговор, как сконцентрироваться на темах, которые Виня задевают». Так что, да, активная манипуляция возможна, это тебе не просто тайное наблюдение. Теперь он знал, что жизненная позиция Эзра Виня сильно опирается на сказочки Чжэн Хэ. Можно ли перетянуть пацана на свою сторону, показав ему неприглядную изнанку этих сказок? Раньше он бы ни за что не поверил. А с этими новыми игрушками, как знать, как знать…

37

— Надо нам еще раз встретиться и переговорить лицом к лицу.

— Ладно. Послушай, Фам… я не верю этой брехне, которую Нау на меня вывалил.

— Ну, ты знаешь, у каждого своя собственная версия прошлого. Фишка тут вот в чем: я хочу тебя научить, как вести себя на случай эдаких внезапных интервью.

— Прости. Несколько секунд я был уверен, что нас взяли с поличным.

Голос мальчишки еле шелестел в ухе Фама. Эзр Винь вполне освоился с потайной системой связи, и Фам даже слышал, какой у того до сих пор ошарашенный тон.

— Ничего-ничего, ты молодец. Если потренируешься, будет получаться еще лучше.

Они пообщались еще несколько минут, договариваясь о времени и легенде. Потом связь оборвалась, и Фам остался в одиночестве — размышлять над событиями этого дня.

Проклятье! Сегодня едва удалось предотвратить — или отсрочить — катастрофу. Фам парил в темной каюте, но внутренним зрением был за много километров отсюда, в Алмазе-1 и Хаммерфесте. Теперь локализаторы проникли повсюду и перешли в полностью оперативное состояние, хотя МРТ-устройства в клинике фокуса почти немедленно выжигали любые локализаторы поблизости. Он годы напролет ожидал шанса запустить активные локализаторы в Хаммерфест, но… «Не влезь я в диагностику Виня, мы бы могли потерять всё». Фам понимал, как именно вахтмастер станет использовать новые игрушки; во времянках Чжэн Хэ такие же, только слабее, использовались уже давно. Он не понял только, что Нау может так чертовски подфартить

в формулировке вопроса. Почти десять секунд мальчишка был уверен, что Нау их раскрыл. Фам подменил отчет неотвязников о такой реакции Эзра, и сам Винь справился молодцом, но…

«Я и не предполагал, что Томас Нау так хорошо изучил меня». Вахтмастер давно хвастался своим увлечением биографиями «выдающихся исторических деятелей» и всегда включал в этот список гигантов человечества самого Фама Нювена. Фам же считал поведение Нау неуклюжей попыткой задурить головы Чжэн Хэ. Теперь он не был так уверен. Пока Томас Нау «считывал» показатели Эзра Виня, Фам Нювен занимался тем же самым применительно к самому вахтмастеру. Томас Нау *действительно* восхищался тем, кого считал историческим Фамом Нювеном. Каким-то образом монстр пришел к мысли, что они с Фамом Нювеном разительно похожи. «Он назвал меня „Тем, Кто Принес Порядок“». Этот титул странно резонировал с Фамовой самооценкой. Фам и не думал себя так величать, но… был бы совсем не против. «Да ну, у нас же нет ничего общего! Томас Нау убивает и убивает, и все забавы ради. А я только и мечтал, что положить конец убийствам и варварству. Мы совсем разные!» Фам загнал абсурдную мыслишку в бутылку, откуда та вылез-

ла. Больше всего он изумился глубине познаний Нау. Последние десять килосекунд Фам смотрел через плечо Эзра в экран, на котором прокручивалась львиная доля сведений Нау о Нювене. Он скачивал базу из личного пространства Виня в распределенную память сети локализаторов. Следующую мегасекунду нужно будет посвятить изучению этих данных.

Увиденное его… заинтересовало. По большей части оно соответствовало истине. Но правда то или ложь — с прилизанной, полной обожания мифологической системой, которую оставила историкам Чжэн Хэ Сура Винь, эти сведения не имели ничего общего. Это вам не ложь, которой Сура прикрыла свое итоговое предательство, о нет. И как воспримет это знание Эзр Винь? Фам, пожалуй, слишком раскрылся перед ним. В том, что касалось фокуса, Винь был на удивление негибок и категорически отказывался умерить нытье насчет неотвязников. Странное дело. Фам часто и без зазрения совести лгал безумцам, преступникам, клиентам и даже людям Чжэн Хэ… но перед Винем выдуриваться не мог, чересчур уж дорого ему это обходилось. Винь не понимал чудесных возможностей фокуса, хоть ему кол на голове теши.

А в архиве Нау имелись сведения, значительно усложнявшие задачу Фама скрыть от мальчишки свои истинные цели.

Фам углубился в представленную Нау версию своей биографии, проглядывая один эпизод за другим, чертыхаясь, когда нагромождение вранья превращало его в монстра… и морщась, когда история оказывалась правдивой, даже в тех случаях, где лучшего выхода не существовало. Странно было снова видеть свое настоящее лицо. Некоторые видео оказались, похоже, подлинные. Фам так и чувствовал, как оживают на губах, рождаясь в горле, слова тех речей. Возвращались воспоминания: годы на вершине мира, когда почти в любом направлении ему встречались торговцы, способные понять и согласные принять цели межзвездной торговой культуры. Радио его обгоняло и доставляло послание, готовя плодородную почву. Не прошло и тысячи лет с тех пор, как маленького принца Фама отдали странствующим купцам, а план его жизни уже был близок к успеху. Идея подлинной Чжэн Хэ распространялась по всему Людскому Космосу. От планет Дальнего Края, где он, вероятно, никогда не побывает лично, до паханого-перепаханого сердца Людского Космоса, и даже на Старой Зем-

ле — все услышали его послание, прониклись его видением организации настолько устойчивой и такой могучей, чтобы она сумела остановить колесо судьбы. Да, многие заглядывали немногим дальше Суры. Эти «мыслили практично», интересуясь лишь тем, как бы сколотить солидное состояние, обеспечить себя и свои Семьи. Но Фам тогда считал — «И клянусь Господом, я и посейчас хочу в это верить», — что большая часть тех, кто получил послание, уверовали в подлинно великие цели, которые преследовал и сам Фам.

Везде, куда бросала его судьба за тысячу лет реального времени, Фам оставлял свое послание, план собрания более великого, чем какие бы то ни было прежде, в месте и времени, где новая Чжэн Хэ провозгласит мир для всего Людского Космоса и даст клятву служить этому миру. Сура Винь выбрала это место: Намчем.

О да, Намчем располагался в Людском Космосе слишком далеко на маршруте к Ядру, но служил центром почти всей важнейшей торговой активности Чжэн Хэ. Торговцы, которые наверняка примут участие в Собрании, в пределах досягаемости, им потребуется менее тысячелетия на подготовку. Эти причины озвучила Сура. Не переставая улыбаться старой недоверчивой улыбкой,

словно подсмеиваясь над бедным глупым Фамом. Фам, однако, считал, что Намчем даст ему шанс.

Вообще-то, выбор Намчема был обусловлен и другой причиной. Сура очень мало путешествовала; она всегда сидела в центре паутины планов Фама и занималась стратегическими вопросами. Шли десятилетия и века. Даже погружаясь время от времени в анабиоз и располагая лучшей в Людском Космосе медицинской помощью, Сура Винь неимоверно состарилась. Сколько бишь ей — пятьсот? шестьсот? В последнее столетие перед Собранием сами ее сообщения казались дряхлыми. Если бы Собрание не наметили провести на Намчеме, Сура могла бы и не увидеть успеха Фама. Возможно, она в любом случае не увидит, что Фам оказался прав. «Лишь ей одной я доверял безраздельно. Я жизнь свою отдал ей на милость».

И при этом воспоминании Фама захлестнула старая, очень старая ярость…

Мать всех конференций. Строго говоря, все методы и мифы, изобретенные Фамом и Сурой, были нацелены на достижение одного этого момента. Так что не приходилось удивляться непревзойденной точности его планирования. Не растягивая своего прибытия на десятилетие

или два, пять тысяч кораблей с ионными прямоточными двигателями, представлявшие три с лишним сотни миров, сходились к системе Намчема, чтобы прибыть в пределах мегасекунды друг от друга.

Некоторые отправились в путь менее века назад — с Канберры и Тормы. Были тут суда со Стрентманна и Челля, планет, где обитали теперь, можно сказать, представители иных видов. Некоторые стартовали из такой дали, что единственная доступная им информация о Собрании поступала по радио. Три корабля прилетели со Старой Земли. Не все участники были истинными торговцами, встречались среди них и правительственные служащие, прибывшие с альтернативными планами решения задачи Фама. Вероятно, около трети исходных планет-участников за время полета туда и обратно обречены были деградировать и лишиться цивилизованного облика.

Такую конференцию нельзя отменить или перенести. Даже разверзнись перед Намчемом врата Ада, Собрание вряд ли отменили бы. И все же за несколько десятилетий до прибытия в нужное место Фам понял, что население Намчема вот-вот провалится прямиком в Ад.

Капитану флагманского корабля Фама было лишь сорок лет. Он повидал дюжину миров и должен был, по идее, понять, к чему идет дело. Но Намчем был его родной системой.

— Как же так, сэр? Там цивилизация возникла задолго до того, как вы прибыли из Тьмы. Они знают, как все работает.

Флаг-капитан с недоверием листал результаты анализа, прибывшего со свежей передачей от Суры Винь.

— Сядь, Сэмми. — Фам выдвинул кресло из стены и жестом велел собеседнику сесть. — Я тоже читал отчеты. Классическая симптоматика. В последнем десятилетии частота взаимоблокировок во всей системе Намчема неуклонно возрастала. Взгляни: тридцать процентов любых бизнес-транзакций между внешними лунами в любой случайно взятый момент времени пребывают в состоянии блокировки. — Аппаратное обеспечение работало нормально, однако сложность системы так возросла, что управиться с ней стало попросту невозможно.

Фам считал Сэмми Пака одним из самых ценных своих сотрудников. Сэмми понимал истинные причины синтетической доктрины новой Чжэн Хэ — и все же принимал их. Он мог

стать достойным преемником Фама и Суры, — быть может, эта роль подойдет ему лучше, чем старшим детям Фама, зачастую проявлявшим унаследованную от матери гипертрофированную осторожность. Но сейчас Сэмми нес чепуху:

— Но ведь правительство Намчема отдает себе отчет в природе опасности? Им доступны все достижения Человечества в области управления и стабильности систем, у них автоматика даже лучше нашей! Конечно же, спустя считаные десятки мегасекунд мы услышим, что там все переоптимизировали.

Фам пожал плечами, стараясь не выдавать недоверия. Слишком уж долго на Намчеме все шло хорошо. Вслух он ответил:

— Возможно. Однако нам известно, что у них было для этого тридцать лет. — Он жестом указал на отчет Суры. — А проблемы только усиливаются. — Он увидел, какое у Пака стало лицо, и смягчил тон: — Сэмми, Намчем жил в мире и свободе почти четыре тысячи лет. Нет во всем Людском Космосе другой подобной ему цивилизации. Но ты пойми: без посторонней помощи даже они не справятся.

Сэмми поник.

— Они избежали смертоносных катаклизмов.

У них не случилось ни эпидемий, ни ядерной войны. Их правительство все еще отличается гибкостью и ответственным подходом. Это всего-навсего, черт подери, технические проблемы.

— Это не что иное, как технические *симптомы*, Сэмми, симптомы проблем, которые, как я уверен, правительству превосходно понятны. — «И правительство бессильно с ними справиться». Он вспомнил циника Гуннара Ларсона. Их с Паком разговор сейчас зайдет в тот же тупик… но Фам Нювен всю жизнь размышлял над решением этой проблемы. — Гибкость правительства — источник его жизни и смерти. Они уже много веков под давлением оптимизации. Гений, свободомыслие, накопленные предками знания — вот что берегло их от опасностей, но в конечном счете чрезмерное усложнение процедур оптимизации завело их на край бездны. Луны-мегалополисы обладают лучшими сетевыми технологиями Людского Космоса, но и они на пределе.

— Но мы знали… в смысле, они это знали. Там всегда оставляли запас прочности.

Намчем представлял собой триумф распределенной автоматики. И с каждым десятилетием ее работа чуть-чуть, а улучшалась. С каждым десятилетием гибкость правительственной по-

литики вынуждала отщипывать еще кусочек на оптимизацию и перераспределение ресурсов, что снижало запас прочности. Спираль катастрофы выглядела не так угрюмо, как графики Рассветной Эпохи от Карла Маркса и Ханя Су, а с догадками Манкура Ольсона имела совсем мало общего. Правительство не пыталось управлять всем напрямую. Свободное предпринимательство и индивидуальное планирование справлялись куда эффективней. Но если и удается проскочить мимо классических ловушек коррупции, централизованной плановой экономики и безумного изобретательства, все же…

— В конечном счете ошибки все равно накапливаются. Правительство будет вынуждено перейти к прямому контролю. — Если удалось избежать всех остальных угроз, тебя накроет лавиной сложности собственных достижений.

— Да, я понимаю. — Сэмми отвернулся, и Фам синхронизировал наглазники с его точкой зрения: молодой человек смотрел на Тарельск и Мареск, две крупнейшие луны системы. На каждой проживало два миллиарда человек. Сияющими от городских огней дисками проплывали они по лику планеты-матери, которая считалась крупнейшим парком всего Людского Космоса. Ко-

гда Намчем встретит свою гибель, коллапс будет резким и стремительным. Система Намчема не так бедна естественными ресурсами, как чисто астероидные колонии первых дней Рассветной Эпохи… но мегалополисы лун нуждаются в достижениях высокой технологии для прокорма многомиллиардного населения. Крупные ошибки легко расползаются, вовлекая все население системы в вооруженные конфликты. Такого рода катастрофы стерилизовали не одну обитель человечества. Сэмми молча созерцал мирное, чудесное зрелище — устаревшее на годы. Потом он проговорил:

— Я понимаю. Вы это всем говорили, все мои годы в Чжэн Хэ. И века до того. Простите, Фам. Я всегда верил… я просто не думал, что мой родной мир так быстро погибнет.

— Я вот что думаю. — Фам обвел взглядом мостик флагманского корабля и мостики остальных тридцати кораблей флотилии, отображенные в окнах поменьше. На середине пути в каждом окне виднелось не больше трех-четырех человек. Самая скучная работа во Вселенной. Но флот Нювена был одним из крупнейших среди всех участников. В гибернаторах кораблей спали свыше десяти тысяч человек. Они отбыли с Тернё

лишь немногим более века назад, в самом тесном строю, какой только допускала работа таранных полей. Самый дальний мостик отделяло от флагмана меньше четырех тысяч световых секунд. — Нам еще двадцать лет до Намчема. Полно времени, в том числе вне вахт, которое надо как-то убить. Может, получится доказать, что мои заявления несут практическую пользу. Когда мы прибудем, Намчем наверняка уже погрузится в пучину хаоса. Мы и есть та помощь из-за пределов планетарного капкана, в какой они нуждаются, и мы прибудем в достаточном числе, чтобы оказать решающее воздействие.

Они сидели в командной рубке корабля Сэмми, «Привета издалека». Мостик был практически безлюден, занято лишь пять из тридцати кресел. Взгляд Сэмми блуждал от консоли к консоли и наконец остановился на лице Фама Нювена. В чертах молодого человека сквозило некое подобие надежды.

— Да… мы способны наглядно проиллюстрировать конечную цель собрания. — Он уже запускал планировочные программы, увлекшись идеей. — Если вскрыть аварийные запасы, на каждом корабле можно пробудить до сотни человек на всю дорогу до Намчема. Этого достаточно, чтобы

провести квалифицированный анализ ситуации и сформулировать планы действий. Черт побери, да через двадцать лет мы и с остальными флотилиями скоординироваться сможем.

Сэмми Пак вернулся к привычной роли флаг-капитана, с головой уйдя в расчеты и оценку вероятностей.

— Да. Флот Старой Земли меньше чем в четверти светового года от нас. Половина остальных участников на расстоянии меньше шести световых лет, и это расстояние, само собой, сокращается. А как насчет Суры и тех Чжэн Хэ, что уже находятся в системе?

Сура за прошедшие века такие корни пустила, что…

— У Суры и компании свои ресурсы. Она выживет.

Сура понимала, как действует колесо судьбы, хотя и не верила, что его можно сломать. Она уже перенесла штаб-квартиру с Тарельска, еще столетие назад; времянка Суры представляла собой почтенного возраста дворец в поясе астероидов. Она догадается, что замыслил Фам. Волновой фронт ее аналитических выкладок, скорее всего, уже устремился к ним. Как знать, а вдруг и вправду существует Господь всея торговли? И уж

наверняка существует Невидимая Рука. Собрание у Намчема обретало больший смысл, чем он когда-либо в него вкладывал.

Год за годом Флот всех флотов сходился к Намчему. Пять тысяч светящихся нитей, пять тысяч светлячков, сиявших через световые годы — нет, тысячи световых лет, если располагать достойными телескопами. Год за годом факелы тормозивших двигателей становились все ярче, подобные в окнах каждого прибывавшего корабля тонкому пушку́ семян чертополоха.

Пять тысяч кораблей и больше миллиона человек. На кораблях имелись устройства, способные переплавить планету в шлак. На кораблях были библиотеки и компьютерные сети… И даже вместе они были все равно что семена чертополоха, разлетающиеся из пушка, рядом с ресурсами и возможностями цивилизации, равной Намчему. Разве может чертополоховый пушок удержать падающего великана? Фам лично и по сети Чжэн Хэ выступал с лекциями по этому вопросу. Локальные цивилизации подобны изолированным капканам. Простейшая катастрофа может их погубить, и лишь небольшая помощь извне — спасти. А в не столь простых случаях, как вот с Намчемом, когда поколения хитроумной опти-

мизации наконец изживали себя, даже природа этих катастроф определялась замкнутостью оседлых цивилизаций. Правительство оказывается перед слишком малым числом вариантов и слишком массивными долгами, после чего рушится, сметенное волной варварства. Взгляд извне, подкрепленный возможностями новой автоматики: вот что могла им предоставить Чжэн Хэ. Именно так Фам надеялся внести судьбоносное различие. Теперь жизнь предоставила ему шанс доказать свои концепции, вместо того чтобы пререкаться о них. Двадцать лет не такой уж большой срок на подготовку.

Двадцать лет спустя незаметный поначалу закат Намчема стал очевиден, выйдя за рамки простой некомпетентности и экономической рецессии. Правительство сменилось уже трижды, и каждый раз ему на смену являлся режим, спроектированный так, чтобы работать «существенно эффективнее». Каждый раз это событие открывало путь более радикальным социальным и технологическим коррективам, уже испытанным — с плачевными результатами — в сотнях других миров. И с каждой следующей ступенью лестницы, ведущей вниз, планы приближавшихся флотилий становились все точней.

Начали погибать люди. За миллиард километров от Намчема флотилии узрели начало первой Намчемской войны. Узрели в буквальном смысле слова собственными глазами: взрывы гигатонного эквивалента, войну на истребление конкурентов, захвативших две трети автоматизированной промышленности внешних планет. После взрывов треть промышленности все же уцелела, но ее перевели под строгий контроль режимов мегалополисных лун.

На совещании Флота флаг-капитан Сэмми Пак доложил:

— Альцинь пытается эвакуировать население на планету. Мареск на грани голода; за два дня до нашего планового прибытия иссякнут каналы снабжения с внешними планетами системы.

— Эти дуболомы из правительства Тарельска воображают, будто у них по-прежнему все в порядке. Посмотрите нашу аналитику.

Новый оратор говорил по-незейски без акцента: у них у всех было двадцать лет, чтобы овладеть общим языком в совершенстве. Капитан этой флотилии оказался молодым… э-э… человеком со Старой Земли. За восемь тысяч лет население Старой Земли четырежды вымирало. Если бы не дочерние планеты, человеческая раса давно бы

исчезла. Нынешние земляне выглядели довольно странно. Никто из них еще не забирался в такую даль от центра Людского Космоса. А теперь, когда флоты сходились в систему Намчема, корабли Старой Земли и флагман Фама разделял едва десяток световых секунд. Как и многие другие участники, земляне активно вносили свои предложения по спасению.

Сэмми из вежливости дождался, пока оратор закончит выступление: разговор с задержкой во много секунд требовал немалой выдержки. Потом он кивнул:

— Тарельск, вероятно, окажется местом первых мегакатастроф, хотя мы не можем быть уверены в точной причине их.

Фам сидел с Сэмми в одном конференц-зале. Используя это преимущество, он встрял в разговор еще до окончания отведенного Сэмми времени:

— Сэмми, дай резюме ситуации от Суры.

— Торговка Винь все еще в центральной зоне пояса астероидов. От нашего нынешнего местонахождения ее отделяет примерно две тысячи световых секунд. — Сура пока не могла непосредственно участвовать в их работе. — Она поделилась с нами множеством сведений о внутрисистемной обстановке, но лишилась своей

базы и значительного числа кораблей. — Сура владела большими имениями в астероидном поясе; за ее безопасность тревожиться резона нет. — Она рекомендует нам перенести Великое Собрание к Провалу Брисго.

Тянулись секунды в ожидании ответов остальных участников. Двадцать секунд. От флота Старой Земли ничего — может, из вежливости. Сорок секунд. Выступает Капитан Флота Стрентманна — само собой, женщина:

— Никогда о таком не слыхала. Провал Брисго? — Она подняла руку, дав понять, что продолжит выступление. — Ладно, ладно, вижу. Флуктуация плотности астероидного пояса. — Она кисло рассмеялась. — Полагаю, спорить тут не о чем. Отлично. Мы выберем позицию поближе к владениям уважаемой торговки Винь и встретимся там… *после* того, как завершим спасение.

Они пролетели десятки, а кое-кто — сотни световых лет. И вот Великое Собрание переносится в пустоту космоса. Фам, насколько позволяла задержка, спорил с Сурой насчет этого предложения. Встретиться в пустоте — значит признать свое поражение. Когда «Привету издалека» дали слово, Фам начал:

— Разумеется, торговка Винь права, выбирая для Собрания уединенный уголок системы Намчема. Но у нас были годы, чтобы спланировать спасение. У нас пять тысяч кораблей. Мы располагаем стратегиями действий для каждого мегалополиса лун и беженцев на Намчеме. Я согласен с позицией Капитана Флота Танзолет. Предлагаю сначала реализовать наш план, а затем уж встретиться у этого… Провала.

38

Бушевала война. Население трех мегалополисов оказалось в опасности. Ресурсы без малого тысячи кораблей пустили на подавление вынырнувшей из хаоса разномастной военщины. Посадочные модули двухсот кораблей отправились на поверхность самого Намчема. Планета последние несколько тысяч лет была ухоженным парком, а теперь там снова поселились миллиарды беженцев. Часть населения одной из лун-мегалополисов уже перебралась туда.

Более двух тысяч кораблей направлялись к Мареску. Режим там почти пал… и спустя считаные мегасекунды обещал начаться голод. Большую часть населения Мареска можно было спасти, действуя как тонкими методами, так и грубой

грузоподъемной силой.

На Тарельске правительство пока действовало, но история Намчемской системы ничего подобного еще не видела. Совсем как в темные эпохи других миров, когда правители, вещая об умиротворении, с наслаждением истребляли оппозиционеров миллионами. Правительство Тарельска впало в неприкрытое безумие.

Один из аналитиков Сэмми заметил:

— Если мы их опрокинем, это будет выглядеть почти как вооруженное завоевание.

— Почти как? — Фам поднял взгляд от графиков с траекториями подлета; вся команда облачилась в скафандры полной защиты со шлемами. — Черт побери, ты сам не знаешь, насколько прав!

Простейший план спасательной операции Чжэн Хэ включал три скоординированных переворота. Если они добьются успеха, то в истории эти перевороты будут значиться иначе. Их сочтут маленькими чудесами, спасением для местных, которого те не способны были достичь сами. Раз десять, наверное, за всю историю межзвездная война полыхала на расстояниях больше пары световых лет. Фам на миг задумался, что бы сказал его отец, узнав о достижениях сына-заложника на этом поприще. Он отвернулся к графикам. В

лучшем случае еще пятьдесят килосекунд до Тарельска.

— Какие новости?

— Как и следовало ожидать, тарельское правительство глухо к нашим увещеваниям. Они считают нас не спасателями, а захватчиками. И не транслируют наши слова тарельскому населению.

— Но ведь люди все равно в курсе?

— Возможно, и нет. Мы совершили три успешных облета. — Роботов выпустили четырьмя мегасекундами раньше: разведывательные снаряды, развивавшие скорость почти 0,1*c*. — У нас в каждом случае только миллисекунда была, но увиденное согласуется с докладами шпионов Суры. Мы полагаем, что правительство ввело режим повсеместного полицейского наблюдения.

Фам тихо присвистнул. Получается, любое устройство со встроенной автоматикой, вплоть до детской погремушки, стало ищейкой режима. Самая суровая из когда бы то ни было изобретенных форм общественного контроля.

— Им теперь приходится всем рулить самим. — Какой соблазн для автократически настроенного ума!.. Но вот засада: у деспота всегда недостаточно ресурсов для точного планирования всех

деталей поведения социальной системы. Даже бомбы — разрушители планет не столь эффективное средство уничтожения цивилизаций. Да уж, на Тарельске регресс правительства зашел дальше некуда. Фам откинулся в кресле.

— Ладно, это одновременно облегчает и усложняет нашу задачу. Выбираем самую скоростную траекторию; если этих ребят предоставить самим себе, они там всех поубивают. Схема десанта номер девять. — Это означало волну за волной беспилотников. Первые из них — обычные импульсные бомбы, очень точно нацеленные, призванные ослепить и оглушить автоматику тарельских ищеек. Затем глубинные копалки наводнят городские зоны лун автоматикой Чжэн Хэ. Если планы Фама сработают, автоматике Тарельска придется сразиться с иной системой, совершенно чуждой и абсолютно неподконтрольной вездесущему полицейскому надзору тамошних тиранов.

Флот Фама прошел по низкой орбите планеты Намчем. Этот маневр подарил им еще несколько тысяч секунд вне зоны прямого обстрела с Тарельска. Сам по себе он мог считаться актом агрессии. В цивилизованных системах не очень приветствуются крупные термоядерные ракеты

над густонаселенными зонами, не говоря уж про звездолеты с факелами их двигателей. Цена подобной вольности могла быть очень высока, от крупных штрафов до изгнания из системы и конфискации имущества. Как приятно хоть раз в жизни показать им всем средний палец. Тридцать кораблей Фама тормозили полным ходом, с отрицательным ускорением больше *g*, и так продолжали уже несколько килосекунд. Они прошли низко над среднесеверными широтами Намчема (меньше двухсот километров высоты) на скорости почти двести километров в секунду. Мелькнули леса, ухоженные пустыни, временные поселения для беженцев с Альциня. А потом их вынесло прочь из гравитационного колодца, но траектория кораблей почти не искривилась под воздействием планетарной массы. Почти как в детской мультяшной графике: фьють — и планета проносится мимо.

В нескольких километрах впереди пространство налилось адским светом, и лишь отчасти это был огонь систем обороны. Вот вам настоящая причина запрета на высокоскоростные полеты в обитаемых зонах. Космические окрестности Намчема некогда были зоной упорядоченного и оптимизированного движения. Говорили даже

о постройке орбитальных башен. *Такой* оптимизации правительство с успехом воспротивилось, но все же в ближнем космосе циркулировали тысячи кораблей и спутников. И в лучшие-то времена микростолкновения порождали столько мусора, что сбор его стал крупнейшей отраслью промышленности близ Намчема.

Упорядоченная торговля уже много мегасекунд как захирела. Армада Чжэн Хэ весь мусор не вымела, но пронеслась через него под сполохи бомб и таранных полей, растянувшихся вперед и в стороны на сотни километров. Таранные поля кораблей Фама улавливали миллионы тонн мусора, грузовики и военные кораблики правительства… Они заблаговременно возвестили о своем прибытии; невинных жертв, скорее всего, не было. Позади они оставили поле битвы, почерневшее и искореженное, как в любом сражении.

Тарельск появился прямо по курсу. Миллионы огней его былой славы давно померкли — либо их погасили указом правительства, либо импульсные бомбы Фама постарались. Но спутник не был мертв. Жертвы они минимизировали настолько, насколько это в человеческих силах. Меньше чем через пятьдесят секунд корабли Фама погасят факелы двигателей. Затем начнется самая риско-

ванная часть затеи. Без факелов таранные поля не включишь… а без таранных полей даже мусор, летящий на большой скорости, способен нанести кораблю серьезные повреждения.

— Сорок секунд до отключения факелов. — Двигатели уже понемногу отключались, чтобы не лизнуть пламенем поверхность Тарельска.

Фам просматривал отчеты остальных флотилий: спасательные модули высаживаются на поверхность Намчема, две тысячи кораблей направляются к голодающим на Мареске. Мареск плавал в космосе на экранах, точно глубоководный левиафан в окружении стаи прожорливых рыб помельче. Большей части двух тысяч кораблей удалось успешно пристыковаться. Остальные зависли над луной. Над краем Мареска маячили последние внешнесистемные грузовики. Эти здоровенные туповатые цеппелины были запущены много мегасекунд назад, когда фермы на краю системы еще функционировали в относительно вменяемом режиме автоматики. Грузовоз размером не уступал звездолету, но структурных надстроек, генерирующих таранные поля прямоточника, не имел. Десять миллионов тонн зерна на борту — вполне достаточно, чтобы Мареск продержался еще некоторое время.

— Двадцать секунд до отключения факелов.

Фам еще пару секунд смотрел на Мареск. Облака судов поменьше клубились вокруг пришельцев из Чжэн Хэ, но атаки не предпринимали. Тут, наверное, не все так спятили, как на Тарельске.

Серебряные глифы поплыли по верхнему краю поля зрения Фама, как осколки льда. Сообщение от агентов Суры с Мареска: *Обнаружены акты саботажа на пришвартованных кораблях. Бегите! Бегите! Бегите!* И тут Мареск в наглазниках Фама исчез. Мгновение он созерцал ничем не приукрашенный вид командной рубки «Привета издалека» и планеты Намчем в иллюминаторах. Солнечное сияние безмятежно разливалось по двум третям поверхности. В истинном своем ракурсе Мареск сейчас был скрыт планетным диском.

Затем край атмосферы Намчема воссиял ослепительным светом, точно там, позади, взошло новое солнце. Двумя секундами позже — еще одна вспышка, и еще.

Еще за миг до этого команда «Привета издалека» не беспокоилась ни о чем, кроме успешного отключения двигателей и дальнейших угроз, связанных с потерей прикрытия таранного поля. Теперь по мостику пробежала волна активности:

внимание офицеров сосредоточилось на вспышках за краем Намчема.

— Мультигигатонные взрывы в окрестностях Мареска. — Аналитик старался говорить спокойно, но голос его дрожал. — Наши флоты у поверхности… о господи!.. уничтожены.

А вместе с ними и миллиард с небольшим жителей мегалополиса.

Сэмми Пак застыл, глядя в пространство. Фам подумал, не принять ли на себя командование. Но тут Сэмми тяжело навалился на ремни подвески, голос его окреп и обрел звучность:

— Тран, Лэнг, быстро на свои места! Проверить положение нашего флота!

Тут его перебил другой голос:

— Отключение факелов… *сейчас.*

Фам почувствовал привычную легкость: главный двигатель «Привета издалека» выключился, обратная тяга упала до нуля. В наглазниках он видел, что все тридцать кораблей флота погасили факелы в пределах ста миллисекунд плановой погрешности. Впереди, почти в четырех километрах, виднелся Тарельск, так близко, что казался не луной и не планетой, а просто бесконечной, уходящей во все стороны поверхностью. До прихода Человечества Тарельск был обычной мертвой,

издырявленной кратерами луной, немногим крупнее первоначальной Луны. Как и Луне, величие ему принесла транспортная экономика. В свете Намчема виднелись пастельные долины и высокие искусственные горы Тарельска. В отличие от Луны, катастроф по вине человека этот спутник не знал… до сегодняшнего дня.

— Скорость сближения — пятьдесят пять метров в секунду. Дистанция — тридцать пять сотен метров.

Они с умыслом прекратили торможение так близко, что противник не смог бы их атаковать, не причинив себе очень существенного ущерба. Да, но эти безумные ублюдки из правительства только что убили миллиард человек!

— Сэмми! *Ниже!* Садитесь где попало, быстро!

— А?.. — Сэмми поймал его взгляд и тоже понял. Но было уже поздно.

Все системы отключились, наглазники опустели и стали безмолвны. Впервые в жизни Фам Нювен физически ощутил, как дернулся космический корабль. Миллионотонный корпус, прикрытый броней, поглотил и сгладил удар, но *что-то* по мостику прокатилось. Фам оглядел рубку. Вокруг зазвенели голоса — все докладывали наперебой, не имея возможности независимо

анализировать или отфильтровывать.

— Господи ты боже мой, в нас ядерной бомбой попали!

Один за другим включались дисплеи резервных видеостен. Ракурс плавно скользил по ландшафту Тарельска, уходя в небо. «Привет издалека» крутился со скоростью несколько градусов в секунду. Кое-кого из младших аналитиков черт дернул выпрастываться из подвесок.

Сэмми заорал через весь мостик:

— А ну, чему вас учили? Запустить аварийные системы!

В единственном функционирующем иллюминаторе снова появилась поверхность Тарельска, усаженная башнями, эстакадами и прозрачными куполами над зонами сельского хозяйства. Тарельск был так огромен, что мог бы, пожалуй, пережить коллапс внешнесистемной агрикультуры. Но они неслись навстречу спутнику на скорости… пятнадцать метров в секунду? Без наглазников он не мог проверить скорость сближения.

— Как быстро, Сэмми?..

Капитан флагмана покачал головой:

— Не знаю. Бомба ударила в нас от Тарельска, почти по центру. Наша скорость не больше два-

дцати метров в секунду.

Но кувыркающийся обломок — «Привет издалека» — эту скорость сбавить никак не мог.

Команда Сэмми отвлеклась на работу, пытаясь установить связь с остальными отсеками и выйти на контакт с флотилией. Фам вглядывался и вслушивался. По всей тридцатке кораблей влупили ядерными бомбами. «Привет издалека» получил средние повреждения — могло быть лучше, могло быть хуже. Отчеты продолжали поступать, а ракурс вертелся и вертелся… пока поверхность спутника разбухала в окне. Фам видел следы взрывов. Безумцы в этой атаке спалили некоторые фермы. А почти прямо по курсу… о боже… старый квартал офисных небоскребов, который они с Сурой выкупили в первом веке.

Столкновения кораблей отличаются колоссальным разнообразием, от легких царапин на относительной скорости несколько миллиметров в секунду, никому не интересных, кроме портовой полиции… до стремительных ударов под ослепительные вспышки, когда испаряются сами корабли, а планетоиды разлетаются на обломки. Столкновение «Привета издалека» с Тарельском явило собой промежуточный вариант. Миллионотонная громада звездолета врезалась

в атмосферные купола и многоуровневые жилые башни, но на скорости немногим большей, чем у бегущего при 1*g* человека.

Миллиону тонн нелегко затормозить. Столкновение все никак не заканчивалось, вокруг стоял стонущий, всхлипывающий рокот, с каким корабль корежил все на своем пути. Городские постройки подавались легче, нежели металл корпуса и двигательная воронка, но в конце концов корабль и город слились в единое месиво.

Столкновение не могло длиться дольше двадцати секунд, но, когда все закончилось, Фам и остальные бессильно обвисли на своих ремнях в стандартной для Тарельска гравитации — 0,2*g*. Сквозь изувеченные стены рубки пробивался свет, уцелевшие дисплеи показывали бредятину. Фам отстегнулся и сполз на потолок. У вентиляционных решеток вихрями лютовала пыль, но скафандры полной защиты держали. Мостик был открыт вакууму. По каналу командирской связи он слышал, как Сэмми добивается от своих аналитиков оценки повреждений. На «Привете издалека» служило пятьсот человек… еще несколько мгновений назад.

— Носовой грузовой трюм потерян, Капитан Флота. У нас килосекунды уйдут на извлечение

трупов. Мы не…

Фам вскарабкался по стене к шлюзу и открыл его. Раздался скрип, а следом завыла уравнивающая давление буря.

— Наши группы высадки, Сэмми… в порядке?

— Да, сэр. Но…

— Свистать всех наверх. Остальных можешь оставить, пусть спасают кого смогут, а мы пошли.

«Ох, я тут кому-то задницы и надеру!»

Следующие килосекунды пролетели в сумятице. Столько всего происходило одновременно. После долгих лет планирования никто так до конца и не поверил, что операция может закончиться наземной битвой. Бойцы Чжэн Хэ сражаться особо не любили. Фам Нювен на средневековой Канберре видел больше крови и смерти, чем большинство офицеров Чжэн Хэ за все свои жизни.

Но когда сражаться пришлось, то столкнулись они не с настоящими военными. Безумцы из тарельской верхушки даже не предупредили население поверхности спутника о предстоящих столкновениях с обломками. Действуя по собственной инициативе, многие сбежали на нижние уровни, но медленные, нарочито

неспешные крушения унесли миллионы жизней. Отряды Фама пробивались вниз, к супертрамам второго яруса. Он наладил связь с остальными модулями. Население Тарельска лишь несколько лет как изолировали от лучших образовательных учреждений и самой совершенной технологии Людского Космоса. *Эти* природу катастрофы понимали; в большинстве своем *они* поняли ее куда лучше безумцев из правительства. Однако оказались бессильны против мер, принятых последней его итерацией.

Фам слышал в своей гарнитуре голоса группы высадки с другого корабля, в тридцати километрах оттуда. Эти столкнулись с вездесущей системой наблюдения.

— Тут все работает, сэр… против нас. Я пятнадцать человек потерял на станции трама.

— Ничего не поделаешь, Дэв. У вас же импульсные бомбы есть. Используйте их, а потом залейте ядра всех систем нашей автоматикой.

Группа Сэмми все дальше расходилась с отрядом Фама. Они выбрались через ту же дыру в металлической оболочке спутника, но с каждой развилкой Сэмми выбирал иной путь. Поначалу это не имело значения. Комм-связь работала и сквозь стены, а распределенную цель тяжелее

поразить… но, черт побери, Сэмми уже на два клика вниз и к востоку ушел! Фама и его команду окружили местные, некоторые утверждали, что в прошлом управляли местной автоматикой и покажут теперь, как выжечь ей мозги.

— Сэмми, погоди!

Протокол полевой связи поддерживал только видео низкого разрешения, поэтому Фам толком не видел, куда направляется отряд Сэмми. Но те продолжали удаляться. Раздался голос Сэмми:

— Фам! Мы тут прорвались через груду развалин в… какой-то университетский городок. Тут был взрыв, и… — Фаму в наглазники прилетел статичный снимок от группы Сэмми. На картинке была какая-то лужайка, в камеру бегут не меньше нескольких десятков обитателей спутника — и все они без скафандров. Но у потолка клубились вихри пыли и летали листы бумаги. По аудиоканалу шел высокий прерывистый свист обширной утечки воздуха.

Вторая картинка уже почти скачалась, на ней можно было видеть людей Сэмми за работой: они налаживали какое-то промышленное оборудование. Откуда ни возьмись летит большая толпа, среди них дети; наверное, отряд находится под одной из тех перевернутых жилых башен. Голос

Сэмми в гарнитуре заговорил снова:

— Фам, это мои родичи!

Фам вспомнил, что по тарельской линии у Сэмми Пака в роду были ученые.

Ах ты черт!

— Сэмми, не дай себя в засаду завести! Тут обитаемая площадь больше, чем во всех городах средней планеты. Вероятность, что мы приземлились рядом, почти нулев…

— Не нулевая… — Голос Сэмми то возникал, то пропадал с линии. — Не сказал вам… мне это казалось мелочью. Я постарался, чтобы «Привет издалека» сел у политеха.

Да чтоб тебя!

— Фам, мы можем их спасти! И еще: они нас ждали… тут кое-кто из агентов Суры. У них планы системных утилит… в том числе с дополнениями от программистов нынешнего режима. Фам, они думают, что знают, где засели эти мерзавцы!

Может, и к лучшему, что Сэмми пошел в самоволку; в наземной схватке Чжэн Хэ проявили себя скверными бойцами. Но, заполучив схемы ядра системы, они перехватили управление локальной сетью и приобрели рычаг воздействия на правительство. Спустя десяток килосекунд Фам связался с горсткой психов, которые назвались

правительством Тарельска: полдюжины перепуганных до усрачки красноглазиков. Главный псих был облачен в форму, некогда принадлежавшую садовнику. Конец цивилизации, куда деваться.

— Вы уже ничего не сделаете, — сказал им Фам, — только себе навредите.

— Бред! Мы контролируем Тарельск! Мы смели вас и этих дармоедов с Мареска, уроды! У нас вполне достаточно ресурсов, Тарельск продержится сам! Вот прогоним вас и все пофиксим!

Тут видео пошло волнами и растаяло; Фам уже не узнал, был ли это комм-системный глюк, или с ним так распрощались.

Ну и не важно. Разговор продлился достаточно долго, чтобы идентифицировать все промежуточные узлы. Силы Фама Нювена располагали аппаратурой и программами такого рода, каких в системе Намчема отродясь не водилось. С их помощью и при поддержке местного населения безумцев из правительства выкурили за считаные килосекунды.

Когда с психами разобрались, настал самый тяжкий этап спасения.

39

Великое Собрание Чжэн Хэ началось спустя двадцать мегасекунд. Намчемская система оставалась зоной бедствия. Альцинь по большей части опустел, его население перебралось во времянки на поверхность Намчема, но хотя бы не голодало. Мареск, меньшая из лун, превратился в радиоактивное пепелище; века уйдут на его восстановление. Там погибло около миллиарда человек. Но последний грузовоз с провиантом удалось спасти, агрикультурную автоматику на внешних мирах — перезапустить, и двум миллиардам выживших на Тарельске еды хватило. Автоматика Намчемской системы была в плачевном состоянии, ее эффективность не достигала и десяти процентов первоначальной, до катастрофы. Обитателям системы придется посвятить свою жизнь восстановлению утраченного. Но вымирания не будет, и Темных веков — тоже. Внуки выживших станут дивиться ужасам этого времени.

Но цивилизованных условий для Великого Собрания создать все равно не удалось. Фам и Сура решили настоять на первоначальном варианте. Собрание пройдет у Провала Брисго, в самой

пустынной области срединного пояса системы. По крайней мере, тут нет следов разрушения и неотложных локальных проблем. От Провала Брисго планета Намчем с тремя ее лунами казалась непримечательным сине-зеленым диском, помеченным тремя светящимися точками.

Сура Винь пустила остаток ресурсов своих астероидных имений на постройку временной базы для Великого Собрания. Фам надеялся, что успех плана Чжэн Хэ ее впечатлит.

— Мы спасли цивилизацию, Сура. Теперь-то ты мне поверишь? Мы не просто жуликоватые торгаши!

Но Сура Винь слишком состарилась. На рассвете цивилизации медицина обещала скорое бессмертие. В первые тысячелетия прогресс шел быстро. Двести лет жизни, даже триста — не вопрос. После этого каждый новый рубеж обходился все дороже и внушал все меньше восторга. Так развеялась еще одна наивная мечта человечества. Гибернация могла отсрочить смерть на тысячи лет, но даже лучшее медицинское оборудование не обещало больше пятисот лет объективного времени жизни. Окончательный предел возможностей человека. И какой же дорогой ценой давалось его достижение!

Кресло Суры располагало системами автономного энергопитания и напоминало скорей госпиталь в миниатюре, чем предмет мебели. Руки ее, слабые даже в невесомости, вздернулись.

— Нет, Фам, — ответила она. Глаза зеленые, ясные, как и всегда: несомненно, пересаженные или синтетические. Механическая природа голоса была еще очевидней, но Фам слышал в нем знакомые иронические нотки. — Решит Великое Собрание, разве ты запамятовал? Мы так и не пришли к согласию о наших планах. Смысл всей затеи в том, чтобы решить противоречие голосованием.

Это Сура говорила с первых веков совместной деятельности, когда поняла, что Фам от своей мечты никогда не откажется. «О Сура, я не хочу причинять тебе боль, но если моя точка зрения должна явным образом превозмочь твою, то пусть так и будет».

Времянка, возведенная Сурой в середине Провала Брисго, была колоссальных размеров даже по меркам конструкций Намчемской системы до ее падения. К ней могли пришвартоваться все уцелевшие звездолеты, и Сура обеспечивала безопасность в области охватом более двух миллионов километров от Провала.

Центральная зона базы представляла собой конференц-зал для условий невесомости. Вероятно, крупнейший в истории, такой огромный, что сооружение его не имело никакого практического смысла. Мегасекунду за мегасекундой перед Собранием тут завязывались знакомства: в конце концов, такой масштабной встречи торговцев еще не бывало, и не факт, что она повторится. Фам использовал каждую килосекунду, какую мог оторвать от спасательных операций. Ежедневно он заводил новые связи, общался с людьми так плотно, как не доводилось целый век до того. Ему во что бы то ни стало требовалось убедить колеблющихся. А их было так много… В общем-то вполне достойные люди, но такие рассудительные, такие осторожные!.. Многие были его потомками. Их уважение граничило с обожанием и казалось искренним, но он не знал наверняка, скольких удалось убедить. Фам понимал, что действует более напористо, чем когда-либо в бою или тяжелой сделке. Не важно, сказал он себе. Он всю жизнь к этому шел. Неудивительно, что за мегасекунды до последнего испытания он нервничает.

Заключительные мегасекунды перед Собранием протекли в лихорадочном переверстывании

графика. В системе Намчема не хватало приличной автоматики. Наверное, еще лет десять понадобится присматривать тут за всем, чтобы ситуация не скатилась обратно в бездну и оппортунисты не высунулись на поверхность. Но Фам стремился увидеть на Собрании своих людей. И Сура ему не перечила. Вместе они разработали график, позволявший всем людям Фама посетить базу, не ввергая этим в опасность новое правительство Намчема.

Наконец настал урочный час Фама. Его величайшая и единственная возможность установить должный порядок вещей. Он смотрел на исполинское, изящно закруглявшееся помещение из-за занавеса при входе. Сура закончила вступительную речь, анонсировала выступление Фама и покинула ораторскую трибуну. Со всех сторон раздавались аплодисменты.

— О боже! — пробормотал Фам.

За его спиной Сэмми Пак поинтересовался:

— Нервничаете, сэр?

— А ты думал! — Он, вообще-то, всего раз в жизни так переживал: когда маленьким мальчиком впервые очутился на борту звездолета и столкнулся с торговцами Чжэн Хэ. Он обернулся и посмотрел на своего флаг-капитана. Сэмми

улыбался. После спасения Тарельска он весь аж расцвел. Плохо дело. Возможно, как космолетчик Сэмми выбыл из строя — во всяком случае, на Флоте Фама ему больше не служить. Те, кого он спас, действительно оказались его родственниками. А эта вот симпатяшка, праправнучатая племянница Сэмми, Джун? Она хорошая девочка, но у нее имеются свои взгляды на то, как Сэмми должен строить дальнейшую жизнь.

Сэмми крепко пожал ему руку:

— У… удачи вам, сэр.

И Фам отдернул занавес. Поднимаясь к трибуне, он разминулся с Сурой. Не было времени ни перемолвиться словечком, ни даже услышать ее напутствие. Она лишь погладила его по щеке слабой рукой. Он взлетел на центральную платформу. Накатывали нескончаемые волны аплодисментов. Спокойно. По крайней мере двадцать секунд на подготовку у него будет. Девятнадцать, восемнадцать… Великий зал был почти семисот метров в диаметре, его дизайн следовал древнейшим традициям сооружения аудиторий. Фама окружала почти сплошная людская сфера, зрители расположились на своих креслах у внутренней поверхности зала и вперили взгляды в небольшую ораторскую трибуну.

Фам оглядывал зал так и эдак, вниз и вверх, и, куда бы он ни глядел, его глаза встречали другие взгляды. Поправка: вон там — полоса пустых мест, почти сто тысяч, для тех бойцов Чжэн Хэ, которые пали в битве за Мареск. На этом настояла Сура, желая почтить память усопших. Фам согласился, но понимал, что Сура использовала этот предлог, чтобы напомнить всем, какой ужасной ценой может быть оплачено предложение Фама.

Достигнув трибуны, Фам поднял руки. Отовсюду в поле его зрения люди Чжэн Хэ ответили тем же. Спустя миг аплодисменты еще усилились. В прозрачных наглазниках он не различал лиц. С такого расстояния можно было лишь гадать, кто где сидит. Везде женщины. В некоторых местах — в заметном меньшинстве, обычно же — представлены наравне с мужчинами. А кое-где — это, должно быть, стрентманнианская Чжэн Хэ — женщины присутствовали в ошеломившем его большинстве. Может, стоило бы их чаще умасливать; после Стрентманна он понял, что женщины зачастую видят дальше мужчин. Но предрассудки средневековья Канберры так и не отпустили его до конца, и Фам не представлял себе, как управлять женщинами.

Он повернул руки ладонями к толпе и по-

дождал, пока аплодисменты стихнут. Слова заготовленной речи проплывали серебряными глифами перед его глазами. Он ее годами оттачивал, а мегасекунды после спасения потратил, шлифуя каждый нюанс, каждое слово.

И внезапно почувствовал, что маленькие серебряные глифы ему больше не нужны. Сквозь эти символы он увидел человечество в зале, и слова пришли на язык сами.

— О мой народ!

Шум толпы почти стих. Миллион лиц глядел на него: снизу, сверху, отовсюду.

— Вы слышите мой голос с задержкой едва ли в секунду. Здесь, на Собрании, мы слышим своих товарищей по Чжэн Хэ, даже представителей далекой Земли, с задержкой менее секунды. Впервые и, возможно, в единственный раз мы видим, кто мы есть. И мы вольны решить, кем станем. Народ мой, я поздравляю тебя. Мы пролетели световые века и спасли великую цивилизацию от полного исчезновения. Мы справились с этим, несмотря на ужасающее предательство.

Он скорбным жестом обвел кластер пустых мест.

— Здесь, в системе Намчема, мы сломали колесо истории. На тысяче планет Человечество

непрестанно сражалось, подчас даже уничтожая самое себя. Единственным спасением расы стали время и расстояние — но доселе они же были и ее проклятием, вынуждавшим повторять одни и те же ошибки.

Старые принципы остаются в силе: без поддержки цивилизации изолированная группа кораблей или людей восстановить утраченное ядро технологии не в силах. В то же время без помощи извне оседлой цивилизации не выжить.

Фам помолчал. На его лице зародилась слабая улыбка.

— И вот нам явилась надежда. Вместе две половинки одного Человечества способны продлить себя вечно.

Он огляделся, позволив наглазникам выхватить и увеличить отдельные лица. Они слушали. Неужели наконец согласятся?

— Единое Человечество будет жить вечно, если мы сможем превратить Чжэн Хэ в нечто большее, нежели сообщество торговцев, которые продают клиентам товары.

Фам большую часть своей речи не запоминал — ключевые постулаты и призывы давно пустили корни глубоко в его мозгу, — а смотрел в основном на лица, озаренные надеждой (таких

было очень много) и омраченные выжидательной настороженностью (таких было больше). Под конец, как ему помнилось, он подчеркнул, что близится голосование, окончательное решение о том, чего он просит.

— Итак. Без вашей помощи мы, несомненно, падем, раздавленные тем самым колесом, какое давит хребты клиентских цивилизаций. Но если вы найдете в себе силы взглянуть чуть дальше торговых интересов текущего момента, если решитесь проинвестировать в будущее, тогда не будет для нас ни одной несбыточной мечты.

Будь в зале вращательное ускорение или находись он на планете, Фам бы грохнулся, сходя с трибуны. Но даже так Сэмми Паку пришлось его перехватить возле занавеса на выходе.

У них над головами, по ту сторону занавеса, гром аплодисментов вроде бы нарастал.

Сура осталась в предбаннике, но появились новые лица — Ратко, Бутра, Чжо. Его первые дети теперь были старше его.

— Сура!

Ее кресло издало негромкое «пуфф» и подлетело к нему.

— Сура, ты не хочешь меня поздравить? — усмехнулся Фам, все еще нетвердо стоя на ногах.

Он вытянул руки и осторожно обнял Суру. Какая она дряхлая, какая хрупкая! «Ах, Сура, Сура! Это должен был быть день нашего триумфа!» Сура, казалось, готова была смириться с поражением. И теперь она так одряхлела, что никакого иного исхода не признает. Она так и не поймет, что́ им двоим удалось вместе создать.

Аплодисменты наверху и вправду стали громче. Взгляд Суры метнулся туда.

— Да. Ты во всех отношениях превзошел мои ожидания. Но впрочем, ты всегда был лучше, чем кто-либо мог предположить. — Синтезированный голос ее казался одновременно грустным и гордым. Она обвела жестом предбанник и занавес, из-за которого слышался шум. Фам сопроводил ее прочь из комнатки, и звуки за его спиной стихли.

— Ты же отдаешь себе отчет, как тебе повезло? — продолжала она. — У тебя бы не было ни единого шанса, да вот удача — как раз в момент прибытия Флота флотов Намчем грохнулся.

Фам пожал плечами:

— Действительно, привалила удача. Но, Сура, это лишь доказало, что я прав! Мы оба знаем, что такой коллапс может быть поистине смертоносен — и мы спасли этих людей.

Те части тела Суры, какие он видел, были скрыты расшитым вручную деловым костюмом, но одежда не скрывала, что руки у нее костлявые. Однако разум и воля ее работали безошибочно, при посильной поддержке медицинского кресла. Сура покачала головой так же решительно и почти так же естественно, как в бытность девушкой.

— Спасли? Да, твое прибытие оказало заметный эффект, но миллиарды все равно погибли. Фам, будь честен. У тебя тысяча лет ушла на подготовку этого Собрания. Такое не устроишь всякий раз, как цивилизация сливает себя в унитаз. А если бы не Мареск, твоих пяти тысяч кораблей могло и не хватить. Вся система зависла бы на пределе поддерживающих возможностей, и в ближайшем будущем неминуемы оказались бы катастрофы еще более жуткие.

Фам все это учитывал; он много мегасекунд до Собрания посвятил подобным дискуссиям.

— Но Намчем — самый сложный случай спасения, с каким можем мы столкнуться, Сура. Старая цивилизация, пустившая корни и эксплуатирующая все доступные ресурсы своей системы. Нам было бы куда легче справиться, например, с биологической заразой или даже тоталитарной

религией.

Сура качала головой. Даже теперь Фам не мог до нее достучаться.

— Нет. В большинстве случаев повлиять можно, однако чаще получается, как на Канберре, — небольшое изменение к лучшему, оплаченное кровью торговцев. Ты прав: без помощи Флота флотов цивилизация в Намчемской системе вымерла бы. Но на планете Намчем кое-кто бы выжил, а может, и в поселениях пояса астероидов. Старая история повторилась бы снова, и когда-нибудь цивилизация возродилась бы, пускай и путем внешней колонизации. Ты перекинул мост через бездну, миллиарды будут тебе благодарны… но у нас годы тщательного управления уйдут только на то, чтобы вернуть эту систему в приемлемый вид. Может, здесь… — ее рука сделала порывистый жест в сторону конференц-зала, — получится, а может, и нет. Но я уверена, что для всех мест и времен Вселенной твой рецепт неприменим. — Сура что-то сделала, и с мягким «пуфф» ее кресло замерло.

Потом она развернула себя и протянула руки к Фаму. Приобняла его за плечи. Неожиданно у Фама Нювена возникло странное, сродни кинестетической памяти, чувство от взгляда в ее

лицо и прикосновения ее ладоней к плечам. Пробудилась память о временах, когда еще они не были партнерами, не были любовниками. Воспоминание о тех ранних днях на «Репризе»: молодая серьезная женщина Сура Винь. Бывало, что маленький Фам Нювен выводил ее из себя. Бывало, что она хватала его за плечи и держала так долго, разъясняя прописные истины, игнорируемые туповатым мозгом молодого варвара.

— Сынок, ты разве не понимаешь? Мы действуем во всем Людском Космосе, но управление целыми цивилизациями нам не под силу. Тебе для этого потребуется раса любящих рабов. А Чжэн Хэ не пойдет в такое услужение.

Фам принудил себя взглянуть Суре в глаза. Она изначально вела с ним эти споры, и поколебать ее так и не удалось. «Надо было мне догадаться, что до этого дойдет». Ну что ж, теперь Сура проигрывает, и Фаму нечем ей помочь.

— Сура, прости. Если хочешь, произнеси речь перед миллионом человек. Многие поверят тебе. А потом проголосуем. И… — И по всему виденному им в Великом зале, а потом в глазах Суры Винь получалось, что Фам впервые может быть *уверен* в своей победе.

Сура отвернулась, механический голос смяг-

чился:

— Нет. Не стану я перед ними выступать. Выборы? Забавно, что ты теперь так на них полагаешься… Мы слышали, как ты разобрался со Стрентманнианским Погромом.

Резкая смена темы показалась ему абсурдной, но реплика задела за живое.

— У меня остался один корабль, Сура. Что бы ты сделала? — «Я, по крайней мере, спас их гребаную цивилизацию, ну, ту ее часть, которая не совсем в чудовищ выродилась».

Сура подняла руку:

— Прости… Фам, тебе просто слишком долго везло, ты слишком долго был безукоризнен. — Она вроде бы говорила уже сама с собой. — Почти тысячу лет мы с тобой работали, готовя это собрание. Оно всегда казалось бутафорией, но по дороге мы создали торговую культуру, способную продержаться столько, что и в самых оптимистичных прогнозах не виделось. И я всегда знала, что в конце концов, когда мы встанем лицом к лицу на Великом Собрании, победит здравый смысл. — Она покачала головой, усмешка стерлась с дрогнувшего лица. — Но я и представить себе не могла, что тебе так повезет с катастрофой Намчема — или что ты так отлично

все рассчитаешь, как по волшебству. Фам, если пойти твоим путем, в течение следующих десяти лет катастрофа на Намчеме, вероятно, повторится. Через несколько веков Чжэн Хэ развалится на дюжину дюжин враждующих структур, каждая из которых будет воображать себя «межзвездным правительством». И наша общая мечта рухнет. Ты прав, Фам. Ты в состоянии выиграть выборы… и вот почему их не будет, по крайней мере в угодной тебе форме.

Смысл ее слов не сразу дошел до него. Фам Нювен сотню раз до того сталкивался с предательством. Чувство измены в его душу каленым железом впечатали еще до того, как он впервые увидел звездолет. Но… *Сура?* Сура, единственная, кому он всегда доверял, спасительница, любовница, лучшая подруга, та, с кем делился он планами всей своей жизни. А теперь, значит…

Фам оглядел комнату. Такой переоценки ценностей ему переживать еще не приходилось. Кроме Суры, тут были ее помощники, числом шесть. Еще — Ратко, Бутра и Чжо. Из его личных ассистентов присутствовал лишь Сэмми Пак. Сэмми стоял чуть перегнувшись, и было похоже, что он вот-вот блеванет.

Наконец его взор вернулся к Суре.

— Не понимаю… Но какую бы игру ты ни затеяла, результатов выборов тебе не изменить. Меня слышал миллион человек.

Сура вздохнула:

— Они тебя слышали, и на честном голосовании ты бы одержал победу за небольшим преимуществом. Но многие из тех, кого ты считаешь своими приверженцами… в действительности верны мне.

Она помедлила, и Фам снова посмотрел на троицу своих детей. Ратко избегал его взгляда, но Бутра с Чжо поглядели на него в ответ с угрюмой решимостью.

— Мы не хотели тебя ранить, папа, — сказал Ратко, наконец взглянув на него. — Мы тебя любим. Вся эта помпа на собрании должна была тебе показать, что Чжэн Хэ не может стать такой, какой ты ее хочешь видеть. Но все пошло не так, как предполагали мы…

Слова Ратко не имели значения. А имело — выражение лиц детей. Та же каменная замкнутость, как у братьев и сестер Фама в одно канберрское утро. И что же, вся любовь в промежутке между этими днями… *показуха*?

Он оглянулся на Суру:

— И как же ты собираешься победить? Устро-

ить несчастные случаи с летальным исходом полумиллиону человек? Или же устранить точечными ударами тридцать тысяч убежденных нювенистов? Не выйдет, Сура. Тут слишком много хороших людей. Может, сегодня ты победишь, но круги уже пошли по воде. Рано или поздно ты вляпаешься прямиком в гражданскую войну.

Сура покачала головой:

— Мы никого не убьем, Фам. А круги не разойдутся далеко. Твою речь запомнят те, кто в зале, но не их регистраторы, большая часть которых использует наши каналы доступа к информации. Гостеприимство, э? В конце концов твоя речь будет отшлифована до… более безопасной.

Сура продолжала:

— В течение следующих двадцати килосекунд ты будешь занят на особом совещании с представителями оппозиции. Выйдя оттуда, ты объявишь, что достиг компромисса. Чжэн Хэ станет больше инвестировать в сетевую инфослужбу, чтобы помогать возрождению цивилизаций. Но ты откажешься от предложения учредить межзвездное правительство, коль скоро наши аргументы тебя переубедили.

Клоунада.

— Ты это можешь, да. Но потом тебе все равно

придется перебить кучу народу.

— Нет. Ты сообщишь, что у тебя появилась новая цель, а именно экспедиция на Дальний Край Людского Космоса. Ясное дело, отчасти из обиды, но ты пожелаешь нам счастливо оставаться. Твой дальний флот почти готов, Фам, он примерно в двадцати градусах дальше по Провалу. Мы его снарядили хорошо и честно. Автоматика великолепно отлажена и так дорога, что явно не окупится. Тебе не понадобится постоянное дежурство, и первое пробуждение намечено на момент, отделенный веками от этого времени.

Фам смотрел в их лица. Пожалуй, предательский замысел Суры может сработать, но для этого нужно, чтобы капитаны флотов, в чьей поддержке он был уверен, в большинстве своем оказались ничем не лучше Ратко, Бутры и Чжо. И скормили соответствующую ложь собственным подчиненным.

— Как… как долго ты готовилась, Сура?

— Со времен твоей юности, Фам. Большую часть жизни. Но я молилась, чтоб до этого не дошло.

Фам кивнул, онемев. Если она замышляла измену так долго, очевидных просчетов быть не должно. Не важно.

— Мой флот ждет, говоришь? — Его губы су-

дорожно скривились. — И все неисправимые, конечно, окажутся в его экипаже. Сколько? Тридцать тысяч?

— Гораздо меньше, Фам. Мы очень тщательно изучили твоих убежденных сторонников.

Имея выбор, кто согласится на вечный полет без возврата? Они хорошо поработали, не допустив его приверженцев в эту комнату. Всех, кроме Сэмми.

— А ты, Сэмми?

Флаг-капитан посмотрел ему в глаза, но губы Сэмми дрожали.

— Сэр… п-прошу п-прощения. Джун хочет для меня другой жизни. Мы… мы не отрекаемся от Чжэн Хэ, но не можем с вами лететь.

Фам склонил голову:

— А-а!

Сура подлетела ближе, и Фам прикинул, что, оттолкнись как следует, мог бы схватиться за подлокотник ее кресла и врезать кулаком по ее костлявой груди под костюмом. «Угу, и при этом руку себе сломать». У Суры сердце уже много веков механическое.

— Сынок? Фам? Это была чудесная мечта, и дорога к ней сделала нас теми, кто мы есть. Но в конце концов, это всего лишь мечта. Несбыточ-

ная греза.

Фам отвернулся, не удостоив ее ответом. У дверей возникли охранники, готовые его эскортировать. Он не смотрел на своих детей. Он протолкался мимо Сэмми Пака, не сказав тому ни слова. Впрочем, где-то в заледеневших, окаменевших глубинах его сердца возникло пожелание удачи флаг-капитану. Сэмми его предал, но не так, как остальные. Несомненно, Сэмми поверил вранью насчет дальнего флота. Да кто бы оплатил такой флот, как Сура расписала? Уж точно не расчетливые скупердяи вроде Суры Винь, ее каменнолицых детишек и остальных заговорщиков. Гораздо дешевле и безопаснее построить флот гробов. «О, мой отец бы их понял!» Лучшие враги — те, кто спит вечным сном.

Потом Фама вынесло в длинный коридор. С ним следовали незнакомые охранники. Последний взгляд на лицо Суры удержался в его памяти и по сей день. В глазах старой подруги стояли слезы. Последнее притворство.

Крохотная, полутемная каюта. Каюта, какую в маленькой времянке могли бы младшему офицеру выделить. В комодной сумке летали рабочие куртки. Метка на рукаве шепнула имя, возникшее перед его глазами: Фам Тринли.

Как обычно, стоило Фаму поддаться гневу, воспоминания казались ярче и реальней любых наглазников, а возвращение в день сегодняшний — болезненной издевкой. «Дальний флот» Суры флотом гробов не был. Даже сейчас, спустя две тысячи лет после предательства Суры, Фам не мог себе этого объяснить. Вероятнее всего, нашлись и другие предатели, обладавшие известными влиянием и совестливостью, настоявшие, чтобы Фам и те, кого предали вместе с ним, остались живы. «Флот» состоял по большому счету из косметически переоснащенных таранных барж, где места хватило только изгнанникам да гибернаторам. И каждый корабль «флота» получил собственную траекторию. Тысячу лет спустя их раскидало по всему Людскому Космосу.

Их не убили, а Фам усвоил преподанный урок. Он начал медленное, скрытное возвращение. До Суры смертному было не добраться. Но осталась Чжэн Хэ, которую они создали, Чжэн Хэ, которая предала его. А еще у него осталась мечта.

…И он бы с этой мечтой подох на Трехземье, если бы Сэмми не откопал его там. Теперь судьба и время дарят ему второй шанс. Фокус.

Фам стряхнул видения прошлого, подстроил

локализаторы на виске и в ушной раковине. Работы невпроворот. Надо было бы, по совести, еще несколько раз рискнуть, встречаясь с Винем физически. Если его как следует натаскать, малец справится с угрозами вроде этого гребаного допроса у Нау и ничего не выдаст. Ага, это самое простое. Самое сложное — запудрить ему мозги, не выдав истинных целей Фама.

Фам перевернулся в спальном мешке и успокоил дыхание. За сомкнутыми веками возникали образы, подсмотренные на путях Рейнольт и ее ищеек. Он снова их одурачил. А в долгосрочной перспективе? Если не возникнет новых сюрпризов, в долгосрочной перспективе Анне Рейнольт остается самой серьезной угрозой.

40

Хранкнер Аннерби прибыл в залив Калорика в первый день Тьмы. В прошлом он уже не раз посещал Калорику. Черт побери, да он побывал тут сразу после Срединной Яркости, когда дно кальдеры все еще напоминало кипящий котел. В дальнейшем на краю гор раскинули маленький полевой лагерь инженеров-строителей. В годы Срединного Света условия даже на большой высоте оставались адскими, но рабочим

платили очень хорошо; пусковые установки на плоскогорье финансировались как королевским правительством, так и коммерсантами, а когда Хранк установил там отличные охладители, с неудобством жизни в заливе стало возможно смиряться. Богачи потянулись сюда не раньше чем в Годы Увядания, выбирая себе жилье на склонах кальдеры, как поступали уже пять поколений кряду.

Но из всех визитов Хранка этот показался ему самым странным. Первый день Тьмы. Граница пролегала больше в сознании, чем в реальности, и это, вероятно, наделяло ее дополнительной значимостью.

Аннерби прилетел коммерческим рейсом из Верхней Экваторию, но не как турист. Верхнюю Экваторию от бухты отделяли всего пять сотен миль: примерно на такое расстояние и можно отдалиться от изобилия залива Калорика в первый день Тьмы. Аннерби с двумя ассистентками (на самом деле — телохранительницами) дождались, пока все остальные пассажиры пролезут вперед по канатам прохода. Затем скинули парки и легинсы с подогревом, разгрузили два объемистых рюкзака, в которых и заключался истинный смысл полета. Немного не дойдя до от-

кинутого при выходе люка, Хранкнер выпустил паутину и уронил одну из сумок прямо на ноги стюарду воздушного судна. Всепогодная пленка частично разошлась, явив миру свое содержимое: мелкая крошка сланцевого оттенка, аккуратно упакованная в пластиковые пакеты.

Хранкнер спрыгнул с каната и пристегнул сумку обратно. Озадаченный стюард рассмеялся:

— Я слышал, что лучшим предметом экспорта из Верхней Экватории выступает обычная горная земля, но никогда не думал, что эту шутку можно принять всерьез.

Аннерби пожал плечами, скрывая свое замешательство. Иногда лучшего прикрытия и не придумаешь. Он закинул сумку на плечи и остановился застегнуть парку.

— А… э-мм… — Стюард собрался было еще что-то прибавить, но потом отступил и с поклоном выпроводил их из самолета. Трое скатились по трапу на бетон взлетно-посадочной полосы, и вдруг стало ясно, что имел в виду стюард. Всего час назад они покидали Верхнюю Экваторию: температура воздуха была на восемьдесят градусов ниже точки замерзания, а ветер дул со скоростью более двадцати миль в час. Чтобы добраться от верхнеэкваторийского терминала к

самолету, им понадобились дыхательные устройства с обогревом.

Здесь же…

— Черт, да тут жарко, как в печке! — Брун Сулак, младшая из его телохранительниц, сбросила сумку и поспешно расстегнула парку.

Старшая рассмеялась, хотя наверняка ощутила себя не меньшей дурой.

— А ты чего ожидала, Брун? Это же залив Калорика.

— Ага, но ведь первый день Тьмы!

Некоторые попутчики повели себя столь же непредусмотрительно. Они шли гротескным парадом, подпрыгивая и сбрасывая парки, легинсы и дыхательные аппараты. И даже при этом Аннерби отметил, что, пока конечности Брун были всецело заняты борьбой с неуместно теплой одеждой, Арла Андергейт держала руки свободными, а обзор — круговым. Брун проявляла такую же осторожность, когда настал черед Арлы скидывать верхнюю одежду. Каким-то чудом служебное оружие их в продолжение этого спектакля оставалось невидимым. Они, может, и выглядели сейчас идиотками, но под этой маской Арла и Брун проявили себя солдатами классом не ниже, чем напарники Аннерби времен Великой

Войны.

Задание, которое они выполняли в Верхней Экватории, не требовало высоких технологий и не отличалось высоким приоритетом, но сотрудников разведки в аэропорту хватало, и действовали они эффективно. Сумки со скальной крошкой сгрузили в броневики. Еще больше впечатлял тот факт, что командующий операцией майор даже не пискнул насчет идиотизма всей операции.

Спустя тридцать минут Хранк и телохранительницы, чья миссия утратила былую важность, оказались на улице.

— Это вы вообще о чем: *утратила былую важность*? — с преувеличенным изумлением развела руками Арла. — Сопровождать этот… груз через весь континент изначально не казалось особенно важным заданием. — Парочка понятия не имела о важности каменной крошки, а потому не стеснялась выражать свое презрение. Агентессы из них хорошие, но Хранк к такому обращению не привык.

— Теперь у нас наконец есть достойный… предмет трудов. — Она ткнула рукой в Аннерби; в насмешке телохранительницы слышались серьезные нотки. — Почему бы вам не облегчить

нам жизнь и не отбыть вместе с подчиненными майора восвояси?

Хранкнер ответил такой же усмешкой:

— У меня еще больше часа до свиданки с шефиней. Вполне достаточно для неспешной пешей прогулки. Арла, тебе разве не интересно? Как часто обычный народ гуляет по Калорике в первый день Тьмы, гм?

Арла и Брун ощерились — реакция унтеров на глупое поведение, которое они не в силах исправить. Аннерби сам частенько себя так чувствовал, хотя обычно не выражал своей неприязни столь явно. Клан неоднократно проявлял готовность сеять насилие в чужих землях. «Но я прожил семьдесят пять лет, и мне много чего стоит бояться». Он уже удалялся в сторону огней у берега. Обычные телохранители Аннерби, те, кто сопровождал его в повседневных поездках за границу, не пустили бы его туда: физически помешали бы. Арла и Брун — наемницы, а значит, не слишком натасканы. Помедлив минутку, они понеслись за ним. Арла уже что-то шипела в свой телефончик. Аннерби усмехнулся про себя.

Нет, эти две отнюдь не дуры. «Любопытно, засеку ли я агентов, которых она призывает».

Залив Калорика издавна причислялся к чуде-

сам света. Один из трех, всего трех, известных очагов вулканической активности; два остальных располагались подо льдом и на океанском дне. Сам залив представлял собой провалившуюся чашу вулкана: океан затопил большую часть центральной котловины.

В ранние годы Нового Солнца тут творился ад кромешный, хотя никто не мог бы его наблюдать воочию. Крутые склоны кальдеры концентрировали солнечное сияние, и температура быстро поднималась выше точки плавления свинца. Это, по всей вероятности, провоцировало — или индуцировало — быстрое просачивание лавы и серию взрывов; когда солнце остывало до Срединной Яркости, здесь уже возникали новые кратеры. И даже в эти годы лишь самые бесшабашные исследователи осмеливались высунуться за край плоскогорья и зависнуть над вулканической чашей.

Но когда солнце тускнело и начинались Годы Увядания, сюда подтягивались новые гости. Северные и южные земли страдали от все более суровых зим, а высокие участки стен котловины, напротив, становились все более приятным для жизни местом. Мир остывал, и комфортная зона продвигалась ниже по стенкам чаши: они

сперва оказывались просто пригодны для жизни, а потом превращались в истинный рай. В течение пяти последних поколений залив Калорика служил самым что ни на есть эксклюзивным курортом Лет Увядания для тех, кому богатство позволяло не работать и не особо готовиться ко Тьме; там они проводили свои дни в приятной праздности. На пике Великой Войны, когда Аннерби месил снег на Восточном фронте, и даже позднее, когда война по большей части переместилась в туннели, — даже тогда ему доводилось видеть раскрашенные гравюры, представлявшие роскошную, как при Срединной Яркости, жизнь богачей на дне бухты Калорика.

В известном смысле Калорика представляла собой модель мира, каким сделает его для всей расы пауков современная техника, вооруженная атомной энергией. На все годы Тьмы. Аннерби пошел на свет и музыку впереди, гадая, что же он увидит.

Повсюду клубились толпы. Слышны были смешки, музыка волынок и случайные перебранки. А народ тут оказался такой странный, что Аннерби много важного даже не воспринимал.

Он позволил приливу толпы помотать их туда-сюда, как частицы во взвеси. Ему легко было

представить, как нервничают Арла и Брун в толпе непроверенных незнакомцев. Но они справились достойно, сливаясь с беспорядочным движением и в то же время стараясь оставаться от Аннерби на расстоянии вытянутой руки. Спустя несколько минут всех троих вынесло по склону вниз, прямо к воде. В толпе многие махали тлеющими благовонными палочками, но на дне кратера стоял куда более сильный запах — серный, плывущий на теплом ветру. За полосой воды, посередине залива, светилась красными, ближнекрасными и желтыми оттенками расплавленная скала. От нее призрачными венками поднимались клубы дыма, не выходя, однако, из центральной котловины. Тут можно было не волноваться насчет придонного льда и левиафанов, хотя вулканическое извержение убило бы всех присутствующих столь же наверняка.

— Черт подери! — Брун вышла из роли, оттолкнув Аннерби от площади. — Вы на воду гляньте. Там тонут!

Аннерби мгновение смотрел туда, куда она ему указывала.

— Не тонут. Они… Тьма их порази, они забавляются в воде!

Полускрытые водой фигуры носили что-то

вроде спасательных жилетов, мешавших им утонуть. Трое уставились на пловцов, и Аннерби заметил, что они с охраной не одиноки в своем удивлении, хотя многие зрители старались скрыть шок. Зачем кому бы то ни было *играть* в утопление? Может, для военных целей? В более теплые времена и у Клана, и у Аккорда имелись боевые корабли.

В тридцати футах ниже с каменной ограды бросился в воду еще один смельчак. Вдруг край воды представился Аннерби краем смертоносной пропасти. Он отшатнулся, попятился от криков ужаса, а может, и восторга, доносящихся оттуда. Трое пробежали через придонную площадь к подсвеченным деревьям. Отсюда, с открытой местности, отлично видны были небо и стены кальдеры.

Стояла середина дня, но, не считая сияния холодных огней с деревьев и теплых — от центра кратера, темно было, как ночью. Солнце смотрело на них с небес неясным пятнышком, красноватым диском, чей лик испещряли темные отметины.

Первый день Тьмы. Религиозные и государственные календари определяли его почти одинаково. Новое Солнце начиналось взрывопо-

добной световой вспышкой, хотя никто из живых ее не видел. Но конец света знаменовало медленное увядание, тянувшееся чуть ли не весь период Яркости. Последние три года, например, солнце давало так мало тепла, что даже в полдень высоким летом почти не грело спину, и так мало света, что на него можно было с удобством смотреть полностью открытым взглядом. А в последний год весь день в небе были видны яркие звезды. Впрочем, даже это не знаменовало официального Сошествия Мрака, хотя и означало, что съедобные зеленые растения больше не прорастут, что лучше бы перенести основные запасы пищи на глубину и что лишь клубни да личинки способны поддерживать твое существование, пока не настанет твой черед удаляться под землю.

В этом мерном скольжении навстречу небытию что же отмечало миг или хотя бы день начала Тьмы? Аннерби взглянул прямо на солнце. Оно было цвета теплого очага за распахнутой заслонкой, но такое тусклое, что тепла не давало. Больше оно уже не потускнеет. Теперь мир начнет остывать все глубже и глубже, озаренный лишь звездами да красноватым диском. Отныне воздух станет слишком холоден для дыхания. В прошлом это означало, что пора спешно перетаскивать по-

следние запасы и завершать приготовления к уходу на глубину. В прошлом это значило, что у отца семейства остается последний шанс обеспечить будущее своих паучат. В прошлом это знаменовало начало времени великого благородства, исключительной трусости и грязного предательства, ибо всех, кто не успел подготовиться, уравнивали Тьма и стужа.

Сегодня и сейчас (внимание Хранка вернулось к площади между их троицей и линией деревьев) некоторые прохожие — вероятно, старики, но и кое-кто из текущего поколения — воздели руки к солнцу и тут же опустили их, обняв символическим жестом обещавшую долгий сон землю. А воздух вокруг был так же мягок, как и летом в Срединные Годы. Земля оставалась теплой, словно солнце Срединных Лет только что зашло. Многие попросту не заметили исчезновения света. Они смеялись и пели, а одеяния на них были так же ярки, цветасты и дороги, словно будущее их совсем не волновало. Наверное, богачи всегда таковы.

Холодные огни на деревьях, скорей всего, подпитывает главная атомная электростанция, которую компании Аннерби построили в горах над кальдерой почти пять лет назад. Они освеща-

ли весь лес на дне котловины. Кто-то завез сюда ленивых древесных фей, и те расплодились десятками тысяч. Крылья сверкали синим, зеленым и дальнесиним; казалось, что летающие существа кружатся синхронизированно с толпами под деревьями.

В лесу же пауки танцевали кучками, а некоторые, самые молодые, заскакивали на деревья поиграть с феями. Музыка перешла в неистовую какофонию. Они достигли центра впадины и начали подъем на пологий склон, ведущий к придонным имениям. Хранкнер притерпелся к виду внефазных, но его инстинкты все еще повелевали считать это извращением. Пусть внефазные полезны. Он любил и уважал многих внефазных. Например, сейчас Арла с Брун ненавязчиво расчищали ему дорогу, следуя по обе стороны от Аннерби. Обе охранницы родились вне фазы: им лет по двадцать, немногим моложе малышки Виктории. Хорошие паучихи, не хуже многих его боевых товарищей. Да, Хранкнер Аннерби постепенно притерпелся и смирил свое омерзение. Но… «Никогда еще я не видел стольких внефазных вместе».

— Эй, старый жук, пошли с нами танцевать! — На него наскочили две юные дамы и кавалер.

Арле с Брун каким-то образом удалось отбить Хранкнера, притворяясь веселыми танцовщицами. На затененном пятачке под деревьями Аннерби углядел что-то вроде линьки у пятнадцатилетнего. Гм, такое чувство, что все наскальные рисунки на темы греха и лени внезапно ожили. Да, воздух тут приятный и теплый, но от него воняет серой. Да, земля тут приятная на ощупь, теплая, но согрета она не солнцем. Это тепло источает сама чаша, оно уходит на глубину, как жар гниения. Вздумай кто вырыть себе тут глубину, попадет в смертельную ловушку и уже не проснется: в земле так тепло, что плоть спящих сгниет в панцирях.

Аннерби не понял, как Арле и Брун это удалось, но в конце концов они выбрались на дальнюю опушку. Тут под деревьями все еще попадались кучки, но содом впадины миновал. Танцы немного утихомирились, и одежда при ходьбе не рвалась. Лесные феи без опаски садились на куртки, покачивая цветастыми кружевами крыльев в ленивом бесстыдстве. По всему миру эти создания уже много лет как сбросили крылья. Пять лет назад Аннерби шел по улицам Принстона после сильных заморозков, и под кончиками ног у него похрустывали тысячи цветных лепестков,

крылья рассудительных древесных фей, которые принялись тогда закапываться поглубже и откладывать крохотные яйца. Эти их ленивые сестры, возможно, и проживут в лете еще несколько лет, но они обречены. Или должны быть обречены.

Трое поднимались все выше по склонам кратера. Впереди в кольце света протянулись усадьбы Позднего Увядания. Конечно, эти виллы не старше десяти лет, но почти все выстроены в стиле последнего поколения — «зонтик с безделушкой». Дома новые, а владельцы и деньги — старые. Почти все имения обладали лучевой структурой, вытянутой по стене кратера. Усадьбы Раннего Увядания, на полпути вверх по стене, в большинстве своем были темны: открытая архитектура их уже стала непригодна для жизни. Аннерби видел, что там появились сверкающие снежники. Шерканер тоже где-то там жил: среди семей достаточно богатых, чтобы укрепить виллу от превратностей погоды, но и слишком бедных, чтобы возвести себе новый дом на самом дне. Шерканер понимал, что даже залив Калорика не избежит Затемнения… если не поможет атомная энергия.

Между огнями придонного леса и кольца имений протянулась полоска тени. Лесные феи

улетели, поблескивая крылышками, вернулись к себе на дно. Серная вонь стала менее ощутима и совсем не так пронзительна, как резкий холод воздуха. Небо над ними освещали только звезды и бледный солнечный диск. Это настоящее: Тьма. Аннерби безмолвно поглядел ввысь, пытаясь игнорировать свет на дне. Делано рассмеялся:

— Так что скажете, подруги мои? Что бы вы предпочли — нападение врага или еще один променад средь этой толпы?

Арла Андергейт ответила серьезно:

— Разумеется, я бы выбрала променад. Но… там все так странно.

— Жутко, ты хочешь сказать. — В голосе Брун слышалась дрожь.

— Да, — согласилась Арла, — разве ты не заметила? Там многие тоже перепуганы. Не знаю, это как если бы… мы все… стали ленивыми лесными феями. Стоит взглянуть вверх, *увидеть* Тьму, понять, что солнце мертво… чувствуешь себя совсем маленькой.

— Ага. — Аннерби больше не нашелся что сказать. Две молоденьких охранницы — внефазные, с традами им нечего делить. Тем не менее у них возникло такое же чувство нутряного дискомфорта, как у самого Хранкнера Аннерби. Любопытное

дело.

— Ладно, пошли дальше. Тут рядом станция канатки.

41

Усадьбы среднего уровня в основном были массивными, с каменными и бревенчатыми фронтонами, уходящими в естественные пещеры склона кальдеры. Хранкнер ожидал увидеть некое южное подобие Дома на Холме, но в действительности обиталище Андерхилла его скорей разочаровало. Дом напоминал гостевую пристройку какого-нибудь настоящего имения, а внутри большую часть помещений обитателям приходилось делить с охраной, численность которой по случаю визита начальства удвоили. Аннерби знал, что его драгоценный груз уже доставлен и за ним самим скоро придут. Арла с Брун получили квитанцию о доставке, и Хранка провели в не слишком-то просторную приемную. Он принялся коротать время за чтением весьма старых газет.

— Сержант? — В дверях стояла генерал Смит. — Извините, что заставила себя ждать. — Она была в квартирмейстерской униформе без знаков различия, очень похожей на любимый мундир

Страта Гринвала. Фигура почти столь же изящная и тонкая, как прежде, но жесты какие-то скованные. Хранкнер прошел за ней через пост охраны и поднялся по винтовой деревянной лестнице.

— Нам порядком повезло, сержант, что ваше открытие застало меня с Шерком так близко.

— Да, мэм. Маршрутом занимался Рахнер Тракт. — Лестница накручивала все новые витки меж гагатовых стен. Двери заперты, иногда промелькнет открытая, но темная комната. — А где дети? — Вопрос вырвался у него почти необдуманно.

Смит помедлила, очевидно ища в его словах упрек.

— Младшая год назад поступила на службу.

Он слышал об этом. Он очень давно не встречался с малышкой Викторией. Интересно, как изменила ее армия? Вики всегда казалась ему крутой паучишкой, хотя и не чуждой присущей Шерканеру чудаковатой заносчивости. Он задумался: здесь ли Рапса с малышом Хранком?

Лестница поднялась над стеной кратера. Наверное, эта часть резиденции построена еще в начале Лет Увядания, но там, где раньше были открытые корты и патио, теперь воздвигнуты — для защиты от Мрака — трехстворчатые квар-

цевые пластины. Дальние цвета спектра кварц приглушал, но вид открывался резкий и величественный. Вдоль придонной линии городских огней, опоясавшей докрасна разогретое озеро, висел холодный туман и слабо отсвечивал. Генерал сомкнула ставни; они поднялись туда, где поставил свой высокий насест первоначальный владелец, — в просторную, ярко освещенную комнату.

— Хранк! — Шерканер Андерхилл спрыгнул с подбитых подушек, заменявших здесь мебель. Разумеется, это подушки прежнего владельца: Аннерби и представить не мог, чтоб такой интерьер выбрали для себя генерал с Андерхиллом.

Андерхилл неловко заковылял по комнате: энтузиазма у него осталось больше, чем ловкости. На поводке перед ним бежал крупный жук-поводырь; зверушка выправляла курс хозяина, терпеливо выводя его к дверям.

— Боюсь, ты всего на пару дней разминулся с Рапсой и малышом Хранком. Эти двое уже не те паучата, какими ты их помнишь: им теперь по семнадцать лет! Но генералу здешняя атмосфера не по нраву, так что их отослали обратно в Принстон.

Хранкнер увидел, как у него за спиной генерал

мрачно зыркнула на Шерканера, но от дальнейших комментариев воздержалась. Вместо этого, она принялась неспешно прохаживаться от окошка к окошку: закрывала ставни, отгораживалась от Мрака. Когда-то комната представляла собой открытый солнцу бельведер, теперь же в ней было полно окон. Они устроились поудобнее. Шерканер бурлил новостями о детях, генерал сидела в молчании. Когда Шерк перешел к рассказу о новейших похождениях Джирлиба и Брента, она заметила:

— Уверена, сержанту приключения наших детей не так уж интересны.

— О, но я… — начал было Аннерби, но уловил напряжение в аспекте генерала. — Полагаю, нам еще о многом надо поговорить.

Шерк помедлил, протянул руку и погладил своего жука-поводыря по шерстистому панцирю. Жук был крупный, весил, наверное, фунтов семьдесят, но выглядел существом кротким и умным. Спустя мгновение он добродушно зажужжал.

— Хотелось бы мне, чтоб вас всех тут было так же легко ублажить, как моего Моби. Но да, нам еще о многом надо поговорить.

Он полез под резной столик — с виду подлинник времен Треппенской династии, переживший

четыре погружения в глубину какой-то богатой семьи, — и вытащил оттуда один из пластиковых пакетов, доставленных Хранком с плато Верхней Экватории. Со стуком опустил на столик. Струйки каменной пыли потекли по полированному дереву.

— Хранк, я восхищена! Эта мне волшебная пыль! Как ты догадался? Небольшой крюк — и, хоп, у тебя в лапах мешок секретов, которые наша внешняя разведка совершенно проглядела.

— Погоди-погоди. Ты так говоришь, словно кому-то уже головы не сносить. — Кое-кому и впрямь несдобровать, если Хранкнер сейчас все не прояснит. — Это по внешним каналам пришло, хотя Рахнер Тракт обеспечивал мне стопроцентную поддержку. Он дал мне парочку охранниц, с которыми я прилетел. И что еще важнее, послал агентов в Верхнюю Экваторию — ну ты же в курсе? — Четверо агентов Тракта пересекли плоскогорье и выкрали эту крошку с горно-обогатительного комбината Клана.

Смит кивнула:

— Я в курсе. Не тревожься, это я скорей себя виню. Мы слишком зазнались, уверенные в собственном техническом превосходстве.

Шерканер фыркнул:

— Так точно. — Он повозился вокруг каменной крошки. Освещение тут было яркое, полноцветное, куда лучше, чем на таможне в аэропорту. Но даже при таком хорошем свете порошок казался самой обычной сланцевой пылью — высокогорный экваториальный сланец, определил бы минералог. — Но я все же не понимаю, как ты до этого додумался. Даже теоретически.

Аннерби откинулся на подушки. Они показались ему куда мягче оплетки пассажирского салона третьего класса.

— Ну, помнишь, как лет пять назад Клан с Аккордом учинили совместную экспедицию к центру плоскогорья? Там пара физиков заявляла, что гравитация с ума сходит.

— Да. Они полагали, что тамошние шахты — удачное место для экспериментального определения новой нижней границы принципа эквивалентности, а вместо этого столкнулись с резкими расхождениями, зависящими от времени суток. Как ты и говоришь, они решили, что гравитация с ума сходит, но впоследствии, перекалибровав аппаратуру, отказались от своих заявлений.

— Такова официальная версия. Но я, когда строил электростанцию для Западного Андергейта,

встретился с одной из участниц той экспедиции со стороны Аккорда. Трига Дипдаг хоть и физик, но инженер не из последних; так получилось, что я ее неплохо знаю. В любом случае она заявляла, что экспериментальные методики первой экспедиции были точны и что ее потом попросту выжили оттуда… Я и задумался, с какой такой стати Клан развернул крупномасштабную добычу руды открытым методом всего через год после их экспедиции. Это почти в центре участка, облюбованного физиками для опытов, и к нему пришлось протянуть почти пятьсот миль железнодорожного полотна.

— Они нашли медную руду, — сказала Смит. — Богатые залежи, все так и есть.

Аннерби улыбнулся ей:

— Разумеется. Чуть менее обильные, и ты бы сразу туда раскинула сети. В действительности же медь там добывают для прикрытия. А моя подруга-физик свое дело знает. Чем больше я об этом думал, тем сильнее склонялся к мысли, что было бы интересно посмотреть своими глазами, что там творится. — Он махнул на пакет с каменной пылью. — Перед вами продукт третьей стадии очистки. Шахтерам Клана пришлось перелопатить несколько сот тонн экваториального

сланца, чтобы наполнить этот пакетик. Думаю, из него получается еще одна сотая конечного продукта.

Смит кивнула:

— Готова об заклад побиться, хранится он в более надежных укрывищах, чем священные драгоценности тиферов.

— Да. Агентам Тракта так и не удалось подобраться к окончательному продукту. — Хранкнер постучал коготком одной руки по горстке порошка. — Надеюсь, вам этого хватит, чтобы подтвердить нашу находку.

— О да. О да!

Аннерби удивленно уставился на Шерка:

— У тебя же не больше четырех часов было!

— Ты меня знаешь, Хранк. Пускай я на отдыхе, на курорте, но у меня свои хобби. — И несомненно, лаборатория, чтоб ими развлекаться. — Под определенным светом твой порошок весит на полпроцента меньше обычного… Поздравляю, сержант, с открытием антигравитации.

— Я… — Трига Дипдаг лучилась уверенностью, но Аннерби ей до конца не верил. — Ну ладно, мистер Мгновенный Анализ, и как же эта штука работает?

— А понятия не имею! — Шерк аж вибрировал

от восторга. — Ты обнаружил нечто по-настоящему новое. Какое там, даже… — Он словно бы запутался в словах, потом подыскал нужные термины. — Но это очень тонкий эффект. Я дополнительно очистил образец порошка, и, ты знаешь, ни черта не всплыло. «Антигравитационная фракция» дистилляции не поддается. Думаю, эффект коллективный. В моей здешней лаборатории большего не добиться. Я с этим первым образцом завтра улетаю в Принстон. Помимо этого волшебства с массой я наткнулся еще только на одну странность. Высокогорные сланцы всегда содержат определенное количество алмазных окаменелостей, но в этом образце концентрация мельчайших фораменов — с шестиугольной решеткой в миллионную долю дюйма — тысячекратно выше. Хочу взглянуть, как поведет себя пыль в классических полях. Может быть, эти частицы фораминифер выступают посредниками какого-то эффекта. Может… — Шерканер Андерхилл пустился в обсуждение дюжины гипотез и планов дюжины дюжин экспериментов, которые позволили бы выбрать между ними. И годы, казалось, слетели с него. Тремор никуда не ушел, но руки с поводка жука-поводыря он снял, а голос Шерканера исполнился восторга. Того

самого энтузиазма, который сподвиг его студентов, Аннерби и Викторию Смит на строительство Нового Мира. Слушая его, Виктория подхватилась с насеста и подошла к нему. Свесила правые руки ему через плечи и резко, порывисто обняла.

Аннерби поймал себя на том, что улыбается, захваченный рисуемыми Шерканером перспективами.

— Помнишь, как нажил себе кучу хлопот на этом «Детском часе науки», когда сказал, что «все небо может стать нашей глубиной»? Господи, Шерк, да разве нужны нам будут ракеты с этой штукой? Мы запустим в космос настоящие звездолеты. Мы наконец узнаем, что вызвало те загадочные огни во Тьме! Может, мы даже откроем другие миры.

— Да, но… — начал было Шерканер, но вдруг поник, точно отражение собственного пыла заставило его вспомнить о неумолимых преградах между мечтой и реальностью. — Но, гм, у нас остаются старые враги — достопочтенная Педура и Клан.

Хранкнер вспомнил свою прогулку по придонному лесу.

«А еще нам предстоит научиться жизни во Тьме».

Годы снова навалились на Шерканера. Он потянулся погладить Моби и пристроил еще две руки на поводок жука.

— Да, проблем очень много. — Он пожал плечами, словно признавая этим жестом груз возраста и расстояние, отделявшее его от мечты. — Но я ничего больше не сумею сделать для спасения мира, пока не вернусь в Принстон. Этот вечер — лучший для меня случай увидеть реакцию значительных скоплений народа на Мрак. Каким тебе показался здешний первый день Тьмы, Хранк?

Вниз с вершин надежд низверглись они, встав голова к голове с неизбежными ограничениями паучества.

— Он… ужаснул меня, Шерк. Мы отбрасываем старые правила одно за другим, и сегодня я увидел, что от них осталось. Там, внизу. Даже… даже если Педуру мы одолеем, трудно сказать, с чем нам предстоит столкнуться после победы.

Старая усмешка скользнула по телесному аспекту Шерканера.

— Не так уж это скверно, Хранк. — Он медленно поднялся, и Моби повлек его к двери. — В Калорике почти все, кто остался, — дураки, наследники состояний… нетрудно было ожидать от них неко-

торого умопомешательства. Но я кое-чему могу научиться, наблюдая за ними. — Он махнул генералу. — Я собираюсь прогуляться по дну вдоль стены, дорогая моя. Порою молодежь дарит мне любопытные озарения.

Смит поднялась с подушек, обошла Моби и обняла мужа на прощание.

— Ты возьми обычную охрану, ладно? Без фокусов только.

— Разумеется.

Хранкнер ощутил в этой просьбе смертельную серьезность и понял, что после событий двенадцатилетней давности Шерканер и все дети Андерхиллов научились относиться к предлагаемой охране как должно.

Гагатовые двери плавно затворились за Шерканером, и Аннерби с генералом остались одни. Смит возвратилась на свой насест и долго молчала. Сколько лет прошло с тех пор, как они с генералом последний раз говорили наедине, без толпы штабных офицеров? Конечно, они регулярно переписывались по электронной почте. Аннерби официально не числился в штате Смит, но программа атомной энергетики оставалась важнейшим гражданским компонентом ее плана, и Хранкнер воспринимал советы Смит как

приказы, переезжая из города в город по установленному ею графику, выбиваясь из сил, чтобы построить электростанции по ее спецификациям, в нужные ей сроки, да еще и коммерческих контракторов при этом не обидеть. Почти каждый день Аннерби говорил по телефону с ее сотрудниками; несколько раз в год они пересекались на совещаниях штаба.

После похищения барьер между ними превратился в крепостную стену. Он существовал и ранее — рос вместе с ее детьми; но до смерти Гокны через этот барьер можно было перегнуться и поговорить. Теперь его сильно удивило, что ему вообще позволили остаться с генералом наедине.

Мгновение тишины растягивалось; двое смотрели друг на друга и притворялись, что не смотрят. Воздух казался спертым и холодным, словно комната долго была заперта. Хранкнер усилием воли отвлекся, оглядел барочные столы и ящички, выкрашенные и лакированные дюжиной цветов. Почти все деревянные изделия тут были не моложе двух поколений. Даже расшитые тканевые подушки — вычурного стиля пятьдесят восьмого поколения. Но он понимал, что Шерк тут работает взаправду. Справа его насест

— у стола, заваленного гаджетами и бумагами. Аннерби узнал в одном заголовке трясущийся почерк Андерхилла: *Видеомантика для высокопроизводительной стеганографии*[19].

Генерал вдруг нарушила молчание:

— Вы отлично поработали, сержант. — Поднявшись, она пересела ближе к нему, на насест перед столом Шерка. — Мы совершенно упустили из виду открытие Клана. И до сих пор ничего не заподозрили бы, не раскопай вы с Трактом эту историю.

— Операцию обеспечил Тракт, мэм. Он оказался превосходным офицером.

— Да… Буду вам крайне признательна, если вы оставите дальнейшее на наше с ним усмотрение.

— Разумеется.

Она просто уточняет.

И снова потянулось неловкое молчание, какое бывает, когда сказать нечего. Наконец Хранкнер жестом обвел идиотские подушки, служившие тут мебелью и стоившие не меньше годового сер-

---

[19] Сноски: 19

Стеганография — разновидность криптографии, при которой стремятся скрыть сам факт передачи данных, маскируя важное сообщение под внешне безобидную информацию, например текстовую или графическую, и так, чтобы без специальных методов анализа отличие модифицированного носителя («стеганографического контейнера») от немодифицированного установить было затруднительно.

жантского оклада каждая. Если не считать стола Шерка, не было тут ничего, способного указать Хранку на присутствие друзей.

— Вы ведь редко здесь появляетесь, не так ли?

— Нет, — ответила она, — напротив, Шерку захотелось понаблюдать за тем, как народ во Тьме живет, а тут лучшее для этого место, чтобы самим не закапываться. Кроме того, оно показалось нам вполне безопасным для самых младшеньких. — И она с вызовом посмотрела на него.

Как же выпутаться из разговора, не поссорившись с ней?

— А, ну да, мэм, я рад, что вы отослали их домой в Принстон. Они… они хорошие паучата, мэм, но им тут не место. У меня там, на дне, появилось очень странное чувство. Народ напуган. Как в старых сказках про ленивых фей, кто не строил планов на Сошествие Тьмы и остался во Мраке один. Жили себе не тужили, бесцельно, а потом — раз, и наступила Тьма.

Смит чуть опустилась на своем насесте.

— Нам противостоит миллионолетнее наследие эволюции, а это, я вам скажу, противник посерьезней ядерной физики и достопочтенной Педуры. Но народ мало-помалу свыкается.

Так сказал бы и Шерканер Андерхилл, усме-

хаясь и не обращая внимания на всеобщую неловкость вокруг. Но Смит говорила тоном солдата в окопе, повторяющего заученные реляции командования о слабостях и неминуемом поражении врага. Вдруг Хранкнер вспомнил, как тщательно она закрывала все ставни.

— Вы то же самое чувствуете, не так ли?

На миг ему почудилось, что она сейчас набросится на него. Но она застыла в молчаливой неподвижности. А затем…

— Вы правы, сержант. Как я уже говорила, нам приходится бороться со множеством инстинктов. — Она передернула плечами. — Шерканер почему-то совсем не встревожен. Точнее сказать, он отдает себе отчет в природе этого страха и восторгается им как очередной загадкой природы. Он ежедневно спускается на дно кратера и наблюдает. Иногда умудряется затесаться в толпу, невзирая на жука-поводыря и охранников, — надо увидеть, чтобы поверить. Он бы и сегодня там весь день шлялся, но явились вы и отвлекли его своей захватывающей загадкой.

Аннерби улыбнулся:

— Да уж, Шерк — он такой. — Возможно, эта тема окажется безопаснее. — Вы видели, как он просиял, рассуждая о моем «волшебном порош-

ке»? Дождаться не могу, так интересно, что он с ним сделает. Что бывает, если одарить чудотворца готовым чудом?

Смит, казалось, выбирала слова:

— Мы докопаемся до природы этой пыли, говорю тебе. Рано или поздно. Но… черт подери, Хранкнер, ты имеешь право знать. Ты знаком с Шерком столько же времени, сколько я. Ты заметил, что его тремор усиливается? Правда в том, что он стареет, как и большинство из твоего поколения.

— Я заметил, что он стал слаб, но ведь из Принстона столько замечательных результатов приходит. Он работает, как никто другой.

— Да. Косвенно. За много лет он окружил себя широченным кругом гениальных учеников. Их теперь сотни, рассеяны по всей компьютерной сети.

— А все эти работы, подписанные «Томом Лурксэлотом»? Я-то думал, Шерк со студентами забавляется.

— Эти? Нет. Это… лишь его студенты. Они в анонимные игры по сети режутся; какие-то кредиты себе набирают угадайками. Глупость, если честно.

Глупость или не глупость, а с эффективностью

дурачества трудно было спорить. За последние несколько лет «Том Лурксэлот» выдал на-гора идеи, обеспечившие прорывными достижениями все отрасли — от ядерной физики до компьютерной науки и промышленной метрологии.

— Трудно поверить. Он сейчас кажется таким же, каким и был, — в интеллектуальном плане. Плетет паутину идей на прежних оборотах. — «Дюжина диких идей в минуту, когда разгонится». Аннерби улыбнулся собственным воспоминаниям. Легкость ума, имя тебе Андерхилл.

Генерал вздохнула, голос ее прозвучал мягко и отстраненно. Словно они обсуждали судьбы литературных персонажей, а не перипетии личной трагедии.

— Шерка посещали тысячи сумасшедших идей, а сотни он претворял в жизнь с великолепными результатами. Но все… изменилось. Мой дорогой Шерканер уже три года ни единой внятной идеи не выдавал. Он весь ушел в видеомантику, ты разве не знаешь? Прежний пыл при нем, но… — Смит бессильно умолкла.

Виктория Смит с Шерканером Андерхиллом почти сорок лет работали в команде. Андерхилл порождал бесконечную лавину идей, а Смит, ото-

брав лучшие из них, скармливала ему обратно. Шерк привык описывать процесс более красочно, в терминах будущего искусственного интеллекта: «Я — генератор идей, а Виктория — детектор мусора; вместе мы составляем самый мощный интеллект из когда-либо ходивших на десяти ногах». Эти двое изменили мир.

Но что, если теперь половина команды утратила прежний гений? Блестящие чудачества Шерка торили колею генералу, и наоборот. Без Шерка Виктории Смит останется рассчитывать только на собственные таланты: отвагу, выдержку, настойчивость. Хватит ли их?

Виктория снова надолго замолчала. Хранкнеру захотелось подойти к ней, обнять руками поперек плечей… но сержанты, даже старые сержанты, с генералами себя так не ведут.

42

Шли годы, и росла опасность. Настойчиво, как никто на памяти Фама, Рейнольт искала и искала. Насколько возможно, он избегал манипулировать неотвязниками напрямую. Он даже организовал выполнение своих операций, пока был вне вахты; рискованно, зато помогает избежать очевидных корреляций. Не помогло.

У Рейнольт, кажется, появились конкретные подозрения. Утилиты Фама показывали, что она наращивает поиски, смыкаясь на подозреваемом — скорее всего, Фаме Нювене. И поделать он ничего не мог. Как ни рискованно это дело, а надо убрать Анне с дороги. Вероятно, открытие нового «офиса» Нау предоставит для этого наилучшую возможность.

«Северная Лапа» — так его назвал Томас Нау. Почти все остальные, и уж точно люди Чжэн Хэ, участвовавшие в постройке, прозвали это место просто озерным парком. Всем, кто был на вахте, не терпелось взглянуть на окончательные плоды трудов своих.

Последние ручейки толпы все еще втягивались внутрь, когда Нау появился на крыльце своего бревенчатого домика. Он облачился в блестящую надувную куртку и зеленые штаны.

— Держите ноги на земле, народ. Моя Киви разработала для Северной Лапы особый этикет.

Он улыбался, и толпа ответила смехом. Сила тяжести в Алмазе-1, так сказать, вежливо намекала на законы природы, а «почва» вокруг дома представляла собой кропотливо текстурированную поверхность сцепления. Так что ноги на земле держали все, но понятие вертикали было согласо-

вано лишь приблизительно. Киви на крыльце за спиной вахтмастера фыркнула от смеха, увидев, как сотни людей кренятся из стороны в сторону, как пьяные. На кружевном воротнике ее блузки устроилась черная кошечка.

Нау снова поднял руки:

— Народ мой, друзья мои! В этот день наслаждайтесь и любуйтесь тем, что мы здесь возвели. И подумайте: тридцать восемь лет назад мы чуть не уничтожили себя в битве, сопряженной с предательством. Для большинства это не такое уж давнее прошлое, всего десять-двенадцать лет на вахте. Вы помните, как после битвы я уподобил случившееся вспышке Чумы на Балакрее. Мы уничтожили почти все имевшиеся у нас ресурсы, лишили себя способности к полетам в космосе. Чтобы выжить, сказал я, нам следует отбросить взаимную враждебность и приступить к совместной работе, как бы различны мы ни были. Что ж, друзья мои, мы это сделали. Мы не избежали физической опасности; наша судьба все еще в лапах пауков. Но оглянитесь вокруг и посмотрите, как мы сами себя исцелили. Вы построили этот парк на голых камнях, льду и воздушном снегу. Эта Северная Лапа — озерный парк — невелика, но достойна считаться творением высочайшего

искусства. Взгляните. Ваше творение вправе соперничать с достижениями целых цивилизаций. Я вами горжусь.

Он обнял Киви за плечи, спихнув кошечку на локтевой сгиб ее руки. Когда-то отношения между Нау и Лизолет служили темой мерзких пересудов. Теперь Фам видел, как в толпе успокоенно заулыбались при этом зрелище.

— Вы видите, что это не просто парк, не просто святая святых вашего вахтмастера. Это свидетельство нового явления во Вселенной, сплав лучших талантов Чжэн Хэ и Аврала. Авральники-фокусированные… — Фам отметил, что Нау пока не говорит о рабах так прямо, как умеет, — детально распланировали этот парк. Торговое искусство и действия индивидуальных представителей Чжэн Хэ воплотили его в жизнь. И я лично тоже кое-чему научился: на Балакрее, Френке и Гаспре мы, вахтмастера, правим ради блага общества, но в основном путем личных указаний, а зачастую силой законодательного принуждения. Тут, работая с бывшими Чжэн Хэ, я увидел иной путь. Я знаю, что работа в моем парке оплачена дурацкими розовыми бумажками, которые вы так долго от меня прятали. — Он поднял руку, в воздухе запорхали несколько сертификатов

обязательств. По толпе снова пронесся смешок. — Итак! Вы только подумайте, чего мы добьемся по завершении миссии, сочетая направляющие указания вахтмастера с эффективностью Чжэн Хэ!

Он поклонился, вызвав одобрительные аплодисменты. Киви встала перед ним у перил веранды, и аплодисменты сделались только громче. Кошечка, устав наконец от шума и суеты, спрыгнула с руки Киви и полетела над толпой. Расправив мягкие крылья, она замедлила взлет, потом описала круг и вернулась к хозяйке.

— Прошу заметить, — обратилась Киви к толпе, — Мирау разрешено тут летать, но только потому, что у нее уже есть крылья! — Кошечка, играясь, нырнула к ней, потом улетела в лес, растущий вдоль берега, где стоял домик Нау. — Теперь позвольте пригласить вас на полянку за жилищем вахтмастера для угощений.

Кое-кто уже туда переместился, не дожидаясь приглашения. Остальные поспешили по тропинкам к столикам на подмостках — те медленно опускались на полянку, словно под весом нагруженных яств. Фам двигался вместе со всеми, громко приветствуя каждого, кто с ним заговаривал. Важно было зафиксировать свое присутствие перед как можно большим числом людей. Тем

временем по ту сторону глаз картинки, переданные крохотными шпионами, складывались в тактическую схему парка и леса.

За столами схлестнулись разные культуры, но в забегаловке Бенни уже оформилось нечто вроде общего этикета. Вскоре многим уже выдали первые лотки и бутылки с напитками, и люди высыпали на открытое пространство. Фам подошел к Бенни сзади и похлопал его по спине:

— Бенни! Отличная жрачка! Но я думал, ты поставщик.

Бенни Вэнь поперхнулся и закашлялся:

— Конечно отличная. И конечно, это я поставщик… и Гунле. — Он кивнул на бывшую квартирмейстершу, которая стояла рядом. — Вообще говоря, это папа Киви отыскал кое-что новенькое в библиотеках. Мы полгода берегли рецепт для вечеринки.

Фам с важным видом промолвил:

— Я тоже свою часть работы за кулисами делал. Кто-то же должен был присматривать за бурением и переплавкой льда для вахтмастерова озера.

Гунле Фун улыбнулась корыстолюбивой улыбкой. Активнее всех Чжэн Хэ, и даже самой Киви, Фун купилась на «сотрудничество», описанное Томасом Нау. Она очень любила делать людям

добро.

— Все что-нибудь да получили от этого дела. Вахтмастер теперь в открытую разрешает мне хозяйничать на фермах. И я получила нормальную автоматику.

— У тебя что-то получше клавиатуры теперь есть? — лукаво поинтересовался Фам.

— А то! И сегодня я отвечаю за перемену блюд.

Она драматическим жестом воздела руку, и к Гунле послушно спланировал лоток с едой. Облетев вокруг ее кисти, лоток грациозно склонился, когда Гунле сгребла с него приправленные специями водоросли. Потом перелетел к Бенни, а после этого — к Фаму. Крохотные шпионы Фама осмотрели устройство со всех сторон. Лоток маневрировал на маленьких, почти неслышных реактивных двигателях. С механической точки зрения ничего особенного, но движется лоток с такой грацией, какую и у разумного существа нечасто встретишь. Бенни тоже это заметил.

— Им управляет кто-то из фокусированных? — спросил он с ноткой печали.

— Мм, да. Вахтмастер посчитал это оправданным, учитывая масштаб праздника.

Фам осмотрел остальные лотки. Те описывали широкие круги — от столов с едой именно к тем

гостям, которых еще не накормили. Умный ход. Рабов из дипломатических соображений держат за кулисами, а люди вольны делать вид, будто Нау прав в своих неустанных проповедях и фокус действительно поднял цивилизацию на высший уровень… Но ведь Нау прав, черт бы его побрал!

Фам отпустил уместно агрессивную реплику в адрес Гунле Фун, чтобы ясно было: старый «Фам Тринли» не на шутку впечатлен, но пытается этого не выдать. Потом отдалился от центра сборища, сделав вид, что пошел и себе взять хавчика. Хм. Ритсера Брюгеля с вахты сняли — еще один умный ход Томаса Нау. Многие сегодня готовы поверить в ту или иную часть доктрины Нау, но вот Ритсер Брюгель заставит понервничать даже полностью одураченных адептов. Но если Брюгель не на вахте, а Нау с Рейнольт отвлекли неотвязников маршрутизатора на ручное обслуживание… тогда возможность выпала еще лучше, нежели он полагал. Так, а где же Рейнольт? Женщину эту оказывалось неожиданно трудно отследить; бывало, что она пропадала из виду ищеек Брюгеля на целые килосекунды. Фам вывел свое потайное зрение за пределы полянки. Миллионы крохотных частичек носились по парку. Те, что стабилизируют озерные сервоклапаны

и управляют вентиляцией, сильно загружены, но осталось еще вдоволь процессорной мощности. Тем не менее со всеми точками наблюдения и картинками Фаму сейчас не справиться. Разум его блуждал по парку; он едва осознавал, что с трудом сохраняет равновесие. О, вот она где! Не слишком близкий ракурс, но внутри домика Нау он поймал проблеск рыжей шевелюры и бледно-розовой кожи Рейнольт. Как он и ожидал, женщина от участия в торжествах самоустранилась. Она склонилась над планшеткой аврального стандарта, скрыв глаза под непрозрачными темными наглазниками. Выглядит совершенно обыкновенно. Напряженной, углубившейся в работу, словно на грани смертельно важного озарения. «По тому, что мне известно, так оно и есть на самом деле».

Кто-то хлопнул его по плечу, так же сильно, как сам Фам — Бенни несколько мгновений назад.

— Итак, Фам, друг мой, что скажешь?

Фам отогнал внутренние видения и осмотрелся в поисках нападавшего. Это был Трад Силипан, одетый специально для праздника. Фам только в исторических драмах авральников такие наряды видел: синий шелк, бахрома и кисточки, причем одеяние казалось протертым, запятнанным. Одежда первых последователей, как однажды

сообщил ему Трад.

Фам преувеличил свое изумление:

— Насчет чего? Насчет твоей одежки или пейзажа?

— Пейзажа, пейзажа! Я так вырядился просто потому, что случай не рядовой. Ты слышал, какую речугу вахтмастер толкнул? Давай-давай, пошли, время еще есть. Посмотри на озерный парк как следует и скажи мне, что ты видишь.

За спиной Фама появился Эзр Винь и устремился к ним — это показало внутреннее зрение. Чтоб тебе провалиться!

— Э-э…

— О да, оружейник Тринли, что вы думаете? — Винь обошел их и повернулся к Фаму лицом. На миг молодой человек посмотрел Фаму прямо в глаза. — Вы из всех нас, Чжэн Хэ, самый старший, больше всех странствовали. Вероятно, опытом вы тоже нас всех превосходите. Как вам Северная Лапа вахтмастера по сравнению с великими парками Чжэн Хэ?

У слов Виня было двойное дно; Трад Силипан не заметил, но Фама охватила холодная ярость. «Это отчасти из-за тебя, молокосос, я вынужден убить Анне Рейнольт». «Истинные» сведения о Фаме Нювене, которыми огорошил мальца Нау,

оставили след в душе Эзра. По всему судя, он уже больше года как догадался, что случилось у Провала Брисго. И понял, какой фокус задумал Фам. Требования гарантий и страховок становились все откровенней.

Локализаторы раскрасили лицо Эзра Виня в ложные цвета, показали кожную температуру и кровяное давление. Может ли кто-то из высококлассных ищеек-неотвязников тоже взглянуть на эти картинки и понять, что мальчишка затеял свою игру? Возможно. Ненависть Эзра к Нау и Брюгелю пока перевешивала чувства к Фаму Нювену; Фам все еще мог его использовать. Но еще и по этой причине устранить Рейнольт стало так необходимо.

Мысли эти пронеслись в мозгу Фама и схлынули, не успел он и губы скривить в самодовольной ухмылке.

— В такой постановке вопроса, мальчик мой, ты абсолютно прав. Книжное образование не дает тех же впечатлений, как путешествия за много световых лет и наблюдение собственными глазами.

Он отвернулся и взглянул вниз по тропинке, мимо домика, на причал и лежащее за ним озеро. *Притворись, что искренне задумался.*

Он мегасекунду за мегасекундой провел внутри этой конструкции, исследуя ее незримыми зондами, так что сыграть роль не составит труда. Но, стоя здесь, он слышал, как неспешно ветер шевелит ветки деревьев позади. Влажный, холодноватый, с ароматом смолы, словно там, за спиной, шепчутся тысячи гектаров леса. Солнечный свет греет сквозь разрывы в облаках. Конечно, это тоже подделка. Настоящее солнце сейчас не ярче приличной луны. Однако светильники, вмонтированные в алмазное небо, способны имитировать почти любые световые условия. Единственная улика, выдающая подделку, — крохотные дрожащие радуги в дальней дали…

А под холмом лежало само озеро. Триумф Киви. Вода в нем была настоящая, местами — тридцатиметровой глубины. Сеть сервомеханизмов и локализаторов, развернутая Киви, удерживала ее на месте, а поверхность, гладкая и спокойная, отражала облака и синее небо наверху. Вахтмастеров домик выходил на причал и фьорд. Фьорд тянулся, казалось, в бесконечность, а в нескольких километрах, хотя на самом деле лишь за двести метров отсюда, из тумана вырастали два скалистых острова на страже дальнего берега.

Благословенный Господом шедевр — вот что это такое.

— Трезартнис, — сказал Фам таким тоном, словно хотел оскорбить.

— Э? — нахмурился Силипан.

Винь вмешался:

— Это жаргон паркостроителей. Означает…

— А, да. Помню я словечко: парк или бонсай, доведенный до крайности. — Трад обиженно фыркнул. — Ну да, крайность, что сказать, так велел вахтмастер. Но взгляни! Это же колоссальный парк, до мелочей имитирующий планетную поверхность, — в микрогравитации! Он нарушает многие эстетические правила, но, впрочем, лишь великому вахтмастеру ведомо, когда законами уместно поступиться.

Фам пожал плечами, продолжая жевать закуски и запивать напитком производства Гунле. С ленивым видом повернулся и оглядел лес. Гребень холма по высоте совпадал с истинной стеной пещеры — старый трюк паркостроителей. Деревья тут вытянулись на десять-двадцать метров, на длинных стволах влажно поблескивал прохладный мох. Али Лин их вырастил на проволочных спиральках в инкубаторных палатках на поверхности Алмаза-1. Год назад они были

трехсантиметровой высоты, только саженцы. Теперь, по волшебству Али, деревьям и много веков можно было дать. Кое-где проглядывала отмершая древесина более «старых» поколений леса, серая на зеленовато-синем фоне. Некоторым паркостроителям удавалось достичь такого же совершенства, но только под определенным углом зрения. Скрытые глаза Фама, однако, видели парк во всех направлениях, проницали лес повсюду. Как же совершенен парк вахтмастера на всех уровнях! Кубометр за кубометром он ничем не хуже лучших бонсай Намчема.

— Ну? — сказал Силипан. — Видите, у меня есть повод гордиться собой! Вахтмастер Нау подкинул нам замысел, но это я руководил автоматической системой, направлявшей его воплощение в жизнь.

Фам ощутил, как растет гнев Эзра Виня. Конечно, мальчишка его скрывает, но от хорошего ищейки ему не уйти. Фам едва заметно коснулся плеча Эзра и расхохотался фирменным самодовольным смехом Тринли.

— Не, ну ты понял, Эзр? Трад, ты что хочешь сказать? Это сделали фокусированные, которыми ты руководишь?

Руководишь — слишком сильно сказано.

Силипана скорей можно было назвать надсмотрщиком, но, если это озвучить, Трад вусмерть обидится.

— Э-э, да, неотвязники. Разве не это я сказал?

Рита Ляо приблизилась к ним из толпы, сгрудившейся у столиков; она несла еду на двоих.

— Видел кто-нибудь Чжау? Тут так просторно, что немудрено и потеряться.

— Мы его не видели, — ответил Фам.

— Летчика? Думаю, он с другой стороны домика… — сказал авральник, имени которого Фаму знать было не положено. Нау с Киви так подгадали с графиком вахт, что на открытии домика в толпе пересекались преимущественно незнакомцы.

— Ну да, Зараза его порази. Надо бы мне просто к потолку подскочить и глянуть сверху. — Но даже при сегодняшней расслабленности Рита Ляо оставалась достойным последователем Аврала. Не отрывая ног от цепкой земли, она развернулась, оглядела толпу. — Киви! Ты не видела моего Чжау?

Киви откололась от группы, окружившей Томаса Нау, и заторопилась к ним.

— Видела, — сказала она. Фам заметил, как Эзр Винь попятился от них. — Чжау не верит, что

пирс настоящий, поэтому я предложила ему посмотреть своими глазами.

— А он настоящий? И лодка тоже?

— Конечно. Спускайтесь. Я вам покажу.

Пятеро зашагали по тропинке. Силипан взмахнул шелковыми лохмотьями, призывая остальных следовать за ним:

— Узрите, что мы здесь создали!

Фам бросил внутренний взгляд вперед, изучая скалы вокруг причала, кустарники, склонившиеся к воде. Балакрейская растительность была красива своеобразной суровой красотой, вполне уместной в прохладном климате. Вход в служебный туннель как раз там, в скале, за сине-зелеными ветвями. «Мой лучший шанс». Фам шел рядом с Киви, задавая вопросы, которыми надеялся запечатлеть свое присутствие в ее памяти.

— На ней правда можно выйти под парусом?

Киви улыбнулась:

— Сам посмотришь.

Рита Ляо преувеличенно затряслась:

— Так холодно, что вполне реальным кажется. Северная Лапа прекрасна, но, блин, вы не могли бы тут климат на тропики переключить?

— Нет, — сказал Силипан. Выступив вперед, он

продолжил поучающим тоном: — Она слишком для этого реалистична. Суть искусства Али Лина — в реализме и детализации. — Теперь, в присутствии Киви, он говорил о неотвязниках как о нормальных людях.

Тропинка, петлявшая не хуже настоящего серпантина, привела их к подножию каменной стены гавани. Большинство гостей устремились следом, заинтересовавшись причалом.

— Вода жутко плоская, — пожаловался кто-то.

— Да, — сказала Киви. — Реалистичные волны соорудить тяжелей всего. Кое-кто из друзей моего отца еще над этим работает. Если удастся сформировать водную поверхность, устойчивую на малых масштабах как во времени, так и в… — Раздался чей-то нервный смешок: над головами процессии пронеслась троица летающих котят. Они пролетели низко над водой и взмыли в небо, как стартующий аэролет.

— Ну уж *этого* в той Северной Лапе точно нету!

Киви рассмеялась:

— Да. Я такое условие поставила! — Она улыбнулась Фаму. — Помните котят, которые у нас на базе до отлета жили? Когда я была маленькая… — Она огляделась, отыскивая в толпе

кого-то. — Когда я была маленькая, мне одного такого подарили.

В ней еще жила маленькая девочка, которой помнились иные времена. Фам притворился, что сожаление в ее голосе от него ускользнуло, и ответил напыщенно-покровительственно:

— Летающие котята недостаточно символичны. Если тебе так втемяшился хороший символ, вырастила бы летающих свиней.

— Свиней? — Трад чуть не сбился с шага. — А, ну да: «благородная крылатая свинья».

— О да, дух программирования. В самых крупных времянках водятся летающие свиньи.

— Угу, тогда дайте мне зонтик поскорее! — Трад помотал головой, в толпе за ним засмеялись. Миф о летающих свиньях до Балакреи не дошел.

Киви улыбнулась этому эпизоду.

— Может, мы и их заведем. Вряд ли котята захотят жрать летающий мусор.

Менее двухсот секунд спустя толпа выстроилась у края воды. Фам отошел подальше от Киви, Трада и Риты, делая вид, что ищет лучшей точки обзора. На самом деле он исподволь подбирался к сплетению сине-зеленых веток. Если повезет, в следующие несколько минут внимание толпы будет отвлечено чем-то восхитительным. Навер-

няка найдется идиот, которого оторвет от земли. Он еще раз пробежался по сводкам о состоянии систем безопасности от локализаторов…

Рита Ляо дурой не была, но, увидев, где Чжау Синь, осторожность потеряла.

— Чжау, во имя Чумы, ты что это затеял?

Она сунула еду и питье кому-то позади и кинулась на пирс. Лодка отвязалась и мягко соскальзывала на воду. Она была из темного дерева, как сам домик и пирс. Но доски до ватерлинии просмолили, покрыли лаком и покрасили у планшира и на носу. На единственной мачте реял балакрейский парус. Со средней банки толпе улыбался Чжау Синь.

— Чжау Синь, немедленно вернись! Это лодка вахтмастера! Ты…

Рита понеслась вниз по пирсу. Тут же осознав ошибку, попыталась затормозить. Когда ее ноги оторвались от земли, Рита двигалась со скоростью считаных сантиметров в секунду. Авральница воспарила с причала, недоуменно вертясь во все стороны и громогласно выражая свое недовольство. Если ее никто не поймает, Рита пронесется над головой муженька и спустя несколько сот секунд плюхнется в озеро.

Пора действовать. Программы сообщали, что в

его сторону никто из толпы не смотрит. Закладки Фама в системах безопасности Нау указывали дополнительно, что за ним в данный момент не наблюдает ни одна ищейка; мелькнула Рейнольт, по-прежнему погруженная в какую-то нудную работу в дальней комнате вахтмастерова домика. Он на миг выключил локализаторы и шагнул в кусты. Слегка подчистить цифровые записи — и регистраторы покажут, что он все это время крутился здесь. Он проделает, что задумал, и вернется незамеченным. Затея все равно адски опасна, даже если ищейки Брюгеля отвлечены. «Но я обязан избавиться от Рейнольт».

Фам на пальцах пробрался вверх по скале, притормаживая ввиду необходимости перемещаться под прикрытием кустов. И снова восхитился искусством Али Лина. Скала — простой необработанный алмаз, но Али натаскал сюда камней со свалки минералов первой точки Лагранжа. Обесцветил, словно тысячелетним выветриванием, и теперь скала сделалась таким же произведением искусства, как бумажная или цифровая акварель. Али Лин еще до экспедиции к В(ы)ключенной считался первоклассным паркостроителем. Сэмми Пак его за это и взял. Но после фокусировки Али вырос до великого мастера, каким человек

может стать, лишь полностью отдавшись единственному предмету любви. Али и его коллеги сотворили тончайший, глубочайший шедевр, и творение их не меньше всего остального показывало, какую мощь дарует фокус культуре, открывшей его возможности. «И это хорошо».

Ему оставалось еще несколько метров до входа в туннель. Фам почувствовал, как формируется контур люка, очерченный полудюжиной парящих там локализаторов.

Уголком сознания он следил за толпой в гавани. Никто не смотрел в его сторону. Наиболее находчивые участники вечеринки забрались на пирс и сформировали живую цепь, протянувшуюся в воздух на шесть-семь метров: достойный акробатический трюк. Мужчины и женщины клонились в дюжину разных направлений — обычное дело в невесомости при таких кунштюках. Иллюзия верха и низа разрушилась, и некоторые авральники со стоном отвели взгляд. Воображать себе море плоским, расположенным внизу, — это одно, а неожиданно увидеть его отвесным водяным обрывом или высоким потолком — совсем другое, тут и качке недолго начаться.

Но человек на конце цепи вытянул руку и поймал Риту за щиколотку. Цепь сократилась в

размерах, притягивая ее обратно к земле. Фам постучал по ладони, добавив громкости звукам сцены. Чжау Синь слегка смутился и принялся извиняться перед женушкой:

— Но Киви сказала: ничего страшного. И да, я астронавт, ты не забыла?

— Ты старший пилот, Чжау. Управленец. Это не то же самое.

— Почти то же самое. И кое-что я умею делать без помощи неотвязников.

Чжау снова устроился у мачты и чуть дернул парус. Лодка переместилась вокруг пирса. Она держалась на воде ровно: быть может, это адгезия прижимала ее к поверхности. Но кильватерный след воспарил в воздух на добрых полметра, извиваясь и сплетаясь в косички, как делает вода под действием поверхностного натяжения в невесомости. Толпа, не исключая Риты, зааплодировала, и Чжау развернул лодку, пытаясь подвинуть ее обратно к причалу.

Фам поравнялся со входом в туннель. Его удаленные помощники уже занялись люком. Все в этом парке, слава богу, подчинялось локализаторам. Крышка люка бесшумно откинулась. И когда он проплыл внутрь, закрыть ее за собой оказалось несложно.

У него было в распоряжении около двухсот секунд.

Он быстро подтягивался по узкому туннелю. Тут иллюзия обрывалась. Стены полностью кристаллические: истинная масса Алмаза-1. Фам прибавил скорость. Развернутые перед глазами карты показывали то, что он уже видел раньше. Томас Нау хотел сделать озерный парк своей главной резиденцией; после праздника по случаю открытия дома доступ сюда будет строго ограничен. Нау израсходовал последние остававшиеся копалки, прорезая эти узкие туннели. Так он получил прямой доступ к важнейшим ресурсам Хаммерфеста.

Крохотные шпионы Фама указывали, что примерно в тридцати метрах впереди новый вход в клинику фокуса. Нау и Рейнольт в счастливом неведении на вечеринке. Все техники МРТ либо там же, либо вне вахты. Может, в клинике ему хватит времени даже на небольшой саботаж. Фам извернул шею, крутанулся ногами вперед, затормозил руками о стены.

Саботаж? «Будь честен сам с собой». Он замыслил убийство. «Да нет же, казнь. Устранение. Убийство противника в бою». Фаму доводилось убивать в бою, и не всегда этот бой проходил меж-

ду кораблями. Разницы никакой. Что с того, если Рейнольт теперь рабыня Нау, фокусированная механическая кукла? Некогда зло в ее обличье обладало полнотой самосознания. Фам достаточно разведал об истории Шевальской клики, чтобы понять: ее ужасы не были выдуманы теми, кто ее уничтожил. Некогда Анне Рейнольт стояла на уровне Ритсера Брюгеля, хотя, несомненно, была эффективней его. Внешне оба могли показаться близняшками: бледные, рыжеволосые, с холодными глазами убийц. Фам ухватился за эту картинку, усилил ее в сознании. Настанет день, и он покончит с тиранией Нау — Брюгеля. Настанет день, и Фам ворвется на «Невидимую руку» — положить конец ужасам, которые творит там Брюгель. С Анне Рейнольт все будет точно так же.

И Фам вдруг понял, что парит перед входом в клинику, а пальцы его замерли у панели замка. «Сколько же времени я потерял?» Таймер на краю поля зрения показал, что не более двух секунд.

Он сердито ударил по клавишам. Дверь скользнула в сторону, он влетел в комнату. Тут было тихо. Клиника оказалась ярко освещена, но картинки по ту сторону глаз разом потемнели и стерлись. Он двигался осторожно, будто слепой.

Локализаторы из туннеля и те, что он стряхнул с одежды, рассредоточились вокруг, понемногу возвращая утраченное зрение. Он быстро перелетел к панели управления томографом, пытаясь игнорировать слепые пятна по углам поля зрения и невидимые зоны клиники. В клинике локализаторы долго не задерживались: импульсы крупных магнитов пережигали им электронику. Трад стал их выгребать пылесосом после того, как ускоренная магнитом мошка локализатора порезала ему ухо.

Но Фам Нювен не собирался включать магниты в импульсном режиме, и шпиончики его проживут достаточно долго, чтобы устроить ловушку. Он двигался по комнате, составляя мысленный реестр оборудования. Клиника, как обычно, представляла собой упорядоченный лабиринт тускло окрашенных ящиков и шкафчиков. Беспроводного управления тут не было предусмотрено. Автоматика соединялась с магнитами по оптоволокну и лазерным линиям ближнего радиуса действия. Сверхпроводящие кабели энергопитания уползали в места, пока недоступные обзору. Ага. Локализаторы окружили кожух контролера. Ящичек был точно в том положении, в каком его оставил Трад. Фам теперь на каждой вахте

много килосекунд проводил в обществе Трада. Фам Тринли никогда не высказывал целенаправленного интереса к технологиям фокуса, но Трад любил трепаться, и Фам постепенно узнавал от него все больше.

Фокус легко может убить. Фам подплыл к управляющим катушкам. Внутренняя часть фокусировочного МРТ в поперечнике не достигала и пятидесяти сантиметров, ее бы даже не хватило все тело закартировать. Но она и предназначалась только для головы, и картирование было лишь частью игры. Ключевым элементом аппарата выступал блок высокочастотных модуляторов, придававший ему отличие от обычных томографов. Под управлением программ — обслуживаемых в основном Анне Рейнольт, как бы там ни хвастал Трад, — модуляторы настраивали и стимулировали вирус фокуса в голове жертвы. Кубический миллиметр за кубическим миллиметром мозговую гниль заставляли выделять психоактивные вещества нужного спектра действия. Даже при идеально точной работе настройку приходилось повторять каждые несколько мегасекунд, иначе неотвязники впадали в кататонию или гиперактивность. Небольшие ошибки провоцировали дисфункцио-

нальное расстройство — примерно четверть всей работы Трад был вынужден переделывать. Умеренно серьезные ошибки вели к потере памяти. Серьезные — к обширному инсульту, при котором жертва погибала даже быстрей несчастной Цзоби Жэюн.

Когда Анне Рейнольт в следующий раз возьмется себя тюнинговать, она падет жертвой обширного кровоизлияния в мозг.

Он отсутствовал в озерном парке уже почти сто секунд. Чжау Синь набирал маленькие группы желающих покататься на лодке. Кто-то наконец свалился в озеро. «Отлично. Это даст мне больше времени».

Фам снял кожух с контролера. Вот они, интерфейсы к сверхпроводящим магнитам. Такие штуки могут отказать — изредка даже без предупреждения. Ослабить тумблер, подстроить управляющие программы, чтобы среагировали, когда в следующий раз Рейнольт ляжет в томограф…

С того момента как он появился в клинике, активные локализаторы, принесенные снаружи, рассредоточились по помещению. Было похоже, что слабый свет распространяется все глубже в абсолютном мраке, и все больше потайных

уголков становились доступны восприятию. Продолжая изучать переключатель режимов сверхпроводящего магнита почти микроскопическим зрением, он придал было этим образам низший приоритет.

Проблеск движения. Он уловил фоновым зрением движение ноги в штанине. Кто-то прятался за шкафчиками. Фам сориентировал туда локализаторы и вынырнул на открытое пространство, над шкафчиками.

Женский голос:

— Схватись за упор и замри!

Анне Рейнольт. Она появилась из-за шкафчиков — как раз чуть дальше, чем он мог бы дотянуться. Она держала в руке указку с таким видом, словно это было какое-то оружие.

Рейнольт утвердилась у потолка и нацелила на него указку:

— На руках — назад к стене!

На миг Фам прикинул, не перейти ли к открытой атаке. Указка, возможно, и блефовое оружие, но какая разница? С тем же успехом у нее могла быть и настоящая пушка. Игра окончена. Единственный выход — прибегнуть к быстрому, ошеломляющему противника насилию, использовать локализаторы здесь и во всем Хам-

мерфесте. А может, и нет? Фам сделал вид, что повинуется, и отплыл назад.

Рейнольт выбралась из-за шкафчиков. Зацепилась ногой за упор. Указка в ее руке не дрожала.

— Итак, господин Фам Тринли? Приятно наконец утвердиться в своих подозрениях.

Свободной рукой она отвела с лица разметавшиеся волосы. Наглазники ее были прозрачны, и он посмотрел Анне прямо в глаза. С ней что-то не так. Лицо — бледное, холодное, как всегда, но обычные нетерпение и равнодушие сменились чем-то вроде торжества, осознанного самодовольства. И… на губах ее играла слабая, но безошибочно узнаваемая усмешка.

— Вы мне ловушку подстроили, Анне, не так ли? — Он задержал взгляд на другой Анне Рейнольт, которая, как он думал, осталась в домике Нау. Это оказались видеообои, небрежно брошенные на кровать. Она затемнила наглазники, чтобы усилить сходство, и одурачила его грубо сработанным видеороликом.

Она кивнула:

— Я не знала, что это вы, но — да. Я уже давно поняла, что моими системами кто-то манипулирует. Сперва подумала на Ритсера или Каля Омо: может, они в политические игры играются. Вас я

тоже рассматривала — как второстепенного подозреваемого, человека, который слишком часто во все влезает. Сначала я сочла вас старым дураком, потом — старым работорговцем под маской шута. Теперь я понимаю, что вы поважнее будете, господин Тринли. Вы что, всерьез вознамерились до бесконечности обманывать вахтмастеровы системы слежения?

— Я… — Зрение Фама показало озерный парк за пределами клиники. Вечеринка продолжалась. Сам Томас Нау с Киви присоединились к Чжау Синю в маленькой лодке. Фам увеличил изображение лица Нау; тот был без наглазников. Непохоже, чтобы Нау думал о готовом захлопнуться капкане. Он не в курсе! — Я очень боялся, что мне не удастся до бесконечности обманывать его системы слежения, в частности вас.

Она кивнула:

— Я догадывалась, что, кто бы это ни был, метит он в меня. Я критический компонент. — Она на миг отвела взгляд от него в сторону открытой коробки контролера. — Вы знали, что мне в следующую мегасекунду предстоит подстройка, не так ли?

— Да. — «И подстройка тебе нужна была сильней, чем я думал». Вспыхнула надежда. Она

повела себя как персонаж идиотского приключенческого романа. Не сказала начальству, что́ затевает. И наверное, не приняла мер предосторожности. А теперь плавает перед ним и болтает! «Продолжай. Заговаривай ей зубы». — Я рассчитывал ослабить тумблеры сверхпроводящего блока. Когда вы в следующий раз воспользовались бы устройством, скачок напряженности…

— …вызвал бы у меня множественные разрывы сосудов? Очень грубо и, без сомнения, смертельно, господин Тринли. Но вы ведь, впрочем, недостаточно сообразительны, чтобы перенастроить программы более тонко?

— Недостаточно. — «Насколько она отклонилась от калибровки? Бей по эмоциям». — Кроме того, я хотел вашей смерти. Вы с Нау и Брюгелем здесь единственные настоящие чудовища. А сейчас я только до вас могу добраться.

Она улыбнулась еще шире:

— Да вы спятили.

— Нет, это *вы* спятили. Некогда вы были таким же вахтмастером, как и они. Проблема в том, что вы проиграли. Или вы не помните? Шевальскую клику?

Ее самодовольная усмешка исчезла, на миг сменившись обычным нетерпеливым раздраже-

нием. Потом она улыбнулась снова.

— О, прекрасно помню! Вы правы: я проиграла — но было это за век до Шевальской клики, и сражалась я со всеми вахтмастерами. — Она медленно надвигалась на него через комнату, не отводя указки от груди Фама. — Авральники вторглись на Френк. Я специализировалась по древней литературе в Арнемском университете… Я научилась другим вещам. Пятнадцать лет мы с ними дрались. У них была технология, у них был фокус. Сперва мы имели численное превосходство. Потом поражение следовало за поражением, но мы заставляли их дорого платить за каждую победу. Под конец наше вооружение стало лучше, но нас уже было так мало… И мы все равно сражались.

В глазах ее сверкала… радость. Он слышал историю Френка в изложении другой стороны.

— Ты… ты Френкийский Орк!

Рейнольт расплылась в улыбке и придвинулась еще ближе, тонкое тело ее приняло бойцовую стойку для невесомости.

— Ты прав. Вахтмастера в мудрости своей решили подкорректировать историю. Френкийский Орк — куда лучшее имя для злодея, чем Анне Арнемская. Спасение френкийцев от подвида

мутантов выглядит куда лучше, чем вторжение с фокусировкой.

Господи! Но частью сознания, действующей в автоматическом режиме, он еще помнил, зачем сюда явился. Он переместил ногу вдоль стены, готовясь ударить в прыжке.

Рейнольт остановилась и опустила указку, целясь ему в колени.

— Не пытайтесь этого сделать, господин Тринли. Указка управляет программой МРТ-контролера. Было бы у вас больше времени, заметили бы, как я в зону фокусировки магнита никелевой дроби напихала. На скорую руку, но ее хватит, чтобы оторвать вам ноги, — и при этом вы еще доживете до допроса.

Фам боковым зрением заглянул в томограф. Да, там и вправду никелевые шарики. Под воздействием магнитного импульса нужной интенсивности они превратятся в высокоскоростную шрапнель. Но если программа в контролере, то… Крохотные шпионы осмотрели интерфейс управления сверхпроводящим узлом. Там хватит локализаторов, чтобы послать сигнал по оптоволокну и стереть программу указки. «Она все еще не поняла, что я могу с ними делать!» Яркое пламя надежды снова разгорелось в нем.

Он постучал пальцами по ладоням, расставляя локализаторы по местам. Может быть, Рейнольт не придаст этому жесту значения, списав на нервы.

— До допроса? Ты все еще верна Нау?

— Конечно. А как же иначе?

— Но ты строишь планы за его спиной.

— Лишь с тем, чтобы лучше ему служить. Окажись тут замешан Ритсер Брюгель, мне надо было бы представить моему вахтмастеру исчерпывающее…

Фам оттолкнулся от стены. Указка Рейнольт бессильно щелкнула, и он врезался в неотвязницу. Закувыркавшись, они влетели прямиком в томограф. Рейнольт дралась почти беззвучно, пинала его коленом, пыталась прокусить горло. Но он зажал ей руки и, пролетая мимо корпуса магнита, извернулся ударить ее головой о кожух.

Тело Рейнольт обмякло. Фам затормозил, готовый снова ударить ее.

«Так, бери голову в руки». Вечеринка в Северной Лапе продолжалась в атмосфере вполне идиллической. Таймер Фама показывал, что от момента, когда он ускользнул с причала, прошло всего двести пятьдесят секунд. Работу еще можно выполнить! Потребуются изменения — по

необходимости. Аутопсия покажет, что Рейнольт получила удар по голове… но — вот чудеса! — на одежде нет следов борьбы. Ну, поправки к плану в любом случае необходимы. Он потянулся к магнитам томографа и переместил никелевые шарики в безопасное место… Гм, в каком-то смысле первоначальный план тоже сгодится. Представим, что Анне пыталась перекалибровать контролер и пала жертвой несчастного случая?

Фам осторожно поместил ее тело в нужное положение. Он цепко держал ее, высматривая малейшие признаки сознания.

Монстр. Френкийский Орк. Разумеется, ни тем ни другим Анне Рейнольт не была. Высокая стройная женщина, такой же человек, как сам Фам Нювен или любой другой потомок землян.

Теперь предания с фризов Хаммерфеста обрели точный перевод. Много лет Анне Рейнольт сражалась против фокуса, ее бойцы отступали шаг за шагом, пока их не загнали в тот последний горный редут. Анне Арнемская. Все, что от нее осталось, — миф о жутком мутанте… а еще настоящие монстры вроде Ритсера Брюгеля, потомки выживших френкийцев, завоеванных и фокусированных.

Но Анне Арнемскую не убили. Вместо этого ее

гений сфокусировали. Теперь она представляла смертельную угрозу для Фама и всех его планов. Следовательно, она должна умереть…

…Триста секунд. «Проснись!» Фам отстучал на консоли команды. Ошибся. Ввел снова. Теперь, когда тумблеры сверхпроводящего магнита разбалансированы, его маленького патча хватит. Простая штука, фрагмент кода, который вынудит высокочастотные импульсы переключить гниль в мозгу Анне на производство сосудосужающих веществ, создать там миллионы крохотных аневризм. Это быстро. Это смертельно. И Трад столько раз утверждал, что никакая из операций фокусировки не причиняет физической боли.

Стоило Анне потерять сознание, как лицо ее расслабилось; могло показаться, что она спит. Никаких следов, никаких синяков. Даже тоненькая серебряная цепочка на шее не порвалась, уцелела в стычке, хотя и оторвалась от блузки. На цепочке висел ментокристалл. Фам не сдержал любопытства. Он потянулся через плечо Анне и сжал в руке зеленоватый камень. Давление вызвало к жизни застывшую картинку. Камень стал прозрачным, и Фаму показалось, что он смотрит вниз на горный склон. Ракурс вроде бы с купола бронированного флайера. Вдоль склона, держа

дистанцию, летели еще с полдюжины таких аппаратов, словно драконы, нырнувшие с небес за добычей; их лучевые пушки были нацелены на то, что уже лежало в руинах, и на вход в пещеру. Под прицелом пушек стояла одинокая фигурка, рыжеволосая девушка. Трад говорил, что ментокристаллы фиксируют моменты великого счастья или грандиозного триумфа. Вероятно, авральник, записавший картинку, считал этот момент достойным торжества. Девушка на снимке — а это явно Анне Рейнольт — потерпела поражение. Что бы там ни находилось, в пещере за ее спиной, это у нее вскоре отнимут. И тем не менее стояла она в гордой позе, глядя прямо на оператора. В следующий миг ее могли бы смести со склона, развеять по ветру… но она не желала сдаваться.

Фам отпустил камень и долго смотрел в пространство, ничего не видя перед собой. Потом медленно, неохотно ввел новую длинную последовательность команд. Куда хитрее первой. Он перенастроил меню секреции психоактивных препаратов, поколебался… несколько секунд… прежде чем задать напряженность поля. Рейнольт потеряет память о недавних событиях и, если повезет, на тридцать-сорок мегасекунд

оставит его в покое. «А потом ты снова возьмешь мой след».

Он нажал кнопку «Выполнить». Сверхпроводящие кабели за шкафчиком протестующе скрипнули и отодвинулись друг от друга, генерируя колоссальные, прецизионные токи в магнитах томографа. Прошла секунда. Внутреннее зрение ослепло. Рейнольт дергалась в его руках. Он крепко сжал ее, не дав голове стукнуться о стенки.

Спустя пару секунд судороги улеглись, дыхание стало ровным, расслабленным. Фам отодвинулся. «Подальше от магнитов ее оттащи». Отлично. Он коснулся ее волос, отвел прядки с лица. На Канберре никогда не было даже отдаленно рыжих волос… но Анне Рейнольт напомнила ему одну девушку, которую он последний раз видел тем канберрским утром.

Он вслепую выбрался из комнаты и вернулся по туннелю на вечеринку у озера.

43

Открытие дома в Северной Лапе обещало стать кульминацией вахты, да что там — всех вахт. Больше ничего столь впечатляющего до конца Изгнания не предвиделось. Даже Чжэн Хэ, чья работа воплотила парк в реальность, поражались

результатам, достигнутым при ограниченных ресурсах. Может, в утверждениях Томаса Нау о фокусированных системах и инициативности Чжэн Хэ что-то есть.

Вечеринка растянулась на долгие килосекунды после озорной выходки Чжау Синя. По меньшей мере трое оказались в воде. Какое-то время метрового диаметра капли колыхались над озером. Вахтмастер попросил гостей вернуться в дом, чтобы вода успокоилась. Запасенное сотнями людей за год извели на этой вечеринке, и, как обычно, дураки — среди них особо выделялся Фам Тринли — упились в хлам.

В конце концов гости, шатаясь, утянулись восвояси, и двери в склоне холма затворились за ними. Наедине с собой Эзр не сомневался, что больше смердам вахтмастерова домена не видать. Смерды сделали эту вечеринку возможной, а Киви явно наслаждалась каждой секундой празднества, но Томас Нау под конец уже на иголках сидел. Ублюдок умен. За один тягостный вечер он несказанно повысил доверие к себе. Несколько десятилетий тирании не выбьют из Чжэн Хэ память о свободе… но Нау представил их ситуацию двусмысленным вариантом недотирании. Фокус равнозначен рабству. Томас Нау,

однако, обещал под конец Изгнания освободить неотвязников. Ненавидеть Чжэн Хэ за соглашательство с ситуацией Эзр не имел права. Многие общества, в целом свободные, принимали кратковременное рабство. В любом случае обещание Нау лживо.

Примерно через четыре килосекунды после окончания вечеринки нашли безжизненное тело Анне Рейнольт. Весь следующий день царила паника и бродили дикие слухи: у Рейнольт мозговая смерть, утверждал кое-кто, а официальные объявления — вранье. Ритсер Брюгель, утверждали другие, не в анабиозе и теперь устроил переворот. У Эзра сформировалась собственная теория. После стольких лет Фам Нювен наконец начал действовать.

Спустя двадцать килосекунд после начала рабочего дня группы неотвязной поддержки двух исследовательских команд впали в состояние взаимоблокировки — результат столкновения темпераментов, который Рейнольт бы уладила за считаные секунды. Фуонг и Силипан провозились шесть килосекунд, после чего возвестили, что все неотвязники, причастные к инциденту, отправлены на отдых до конца дня. Это были не переводчики, но Триксия с одним из них, кажется

геологом, сотрудничала. Эзр попытался пробиться в Хаммерфест.

— Тебя нет в списке, чувак, — сказал ему охранник у шлюза для шлюпок, один из амбалов Омо. — Хаммерфест закрыт для посторонних.

— И надолго?

— Почем я знаю? Новости читай и услышишь.

Поэтому Эзр оказался в баре Бенни, смешавшись с толпой и половиной остальных вахтенных. Эзр спланировал к столику Чжау и Риты. Был там и Фам, который очень убедительно мучился похмельем.

Чжау Синю тоже было на что пожаловаться:

— Рейнольт должна была моих пилотов подрихтовать. Невелика проблема, но у нас без этого учения насмарку.

— И что ты ноешь? У тебя ведь «железки» еще работают, не? А мы вот пытаемся проанализировать траектории этого паучьего космического хлама, и вдруг все наши неотвязники вырубаются. Слышь, я, конечно, в курсе насчет химии и механики, но я никак не возьму в…

Фам громогласно застонал и взялся руками за виски:

— Да прекратите вы тут грызню! Я тут начинаю серьезно сомневаться в «превосходстве»

авральников. Один человек выбыл из строя, и весь карточный домик рухнул. Где же тут превосходство?

Рита Ляо была мягкого нрава, но сейчас одарила Фама ядовитым взглядом:

— Это же вы, Чжэн Хэ, похоронили наше превосходство — ты забыл? Когда мы сюда явились, у нас было вдесятеро больше медиков, достаточно, чтобы все работало как дома.

Воцарилось неловкое молчание. Фам метнул упрямый взгляд на Риту в ответ, но спорить не стал. Спустя миг резкое пожатие плечами продемонстрировало всем: Тринли осадили, но он этого не признает и отступать от своей точки зрения не намерен.

Нарушил тишину голос за соседним столиком:

— Эй, Трад!

Силипан стоял на пороге бара, глядя на них. На нем все еще была парадная униформа авральников вчерашнего дня, но на шелковом тряпье появились новые пятна, и не от художественных упражнений.

Молчание растворилось, люди наперебой принялись выкрикивать вопросы, призывая Трада подняться к ним и поговорить. Трад влез по лианам к столику Чжау Синя. Места там не

оставалось, так что подтащили второй столик. Эзр очутился почти нос к носу с Силипаном, хотя лицо Трада видел перевернутым. Из-за прочих столиков налетела толпа и заклубилась кругом, цепляясь за лианы.

— И как ты собираешься этот блок снять, а, Трад? У меня неотвязники ответов заждались.

— Ага, почему ты не…

— Нам приходится работать с «железом» напрямую, и…

— Господь торговли всемогущий, ну дайте парню отдышаться! — громко, раздраженно бухнул Фам. Типичный для Тринли жест — обсирает всех подряд, но изворачивается так, чтобы выглядеть достойно. Эзр заметил, что толпу это восклицание утихомирило.

Силипан метнул на Фама взгляд благодарности. Сегодня его самоуверенное выражение изрядно полиняло. Под глазами залегли темные круги, руки же, когда Трад взял предложенный Бенни напиток, едва заметно задрожали.

— Как она там, Трад? — тихо, сочувственно спросил Чжау. — Мы слышали… мы слышали, у нее мозговая смерть.

— Нет-нет. — Трад помотал головой и вымученно улыбнулся. — Рейнольт поправится, потеряет,

возможно, воспоминания за год. Пока мы не подключим ее обратно к сети, будет небольшая неразбериха. Простите за этот блок. Я бы его уже снял, — вернулось кое-что из его прежней самоуверенности, — но меня отвлекли дела поважнее.

— А что же с ней случилось на самом деле?

Бенни принес обед из креветковых щупалец — лучшее блюдо в его меню. Силипан вгрызся в креветок, словно не расслышав вопроса. Наверное, никогда еще Трада не слушали так внимательно, в буквальном смысле слова затаив дыхание. Эзр был уверен, что парень это понимает и наслаждается внезапным вниманием. В то же время Силипан казался слишком вымотанным, чтобы воспользоваться им. Некогда безупречная форма его покрылась пятнами пота. Вилка курсировала от ведерка с креветками ко рту. Через несколько минут он поднял на спросившего слезящиеся глаза:

— Что случилось? Мы пока не уверены. В последний год или около того Рейнольт стала ускользать — разумеется, оставаясь при этом в фокусе, но не так хорошо настроенной. Это тонкая штука, которую только профи видят. Я сам чуть не упустил ее из виду. Она, казалось,

всецело увлеклась каким-то побочным проектом — ну, вы знаете, как это у неотвязников, сущая одержимость. Вот только Рейнольт калибрует себя сама, поэтому я ничего не мог поделать. Я вам говорю, меня это сильно встревожило. Я уж собирался вахтмастеру доложить…

Трад запнулся, осознав, куда его заводит хвастовство, но продолжил:

— В любом случае похоже, что она попробовала сама подстроить контрольные цепи МРТ. Может, осознавала, что ее фокус расплывается. Не знаю. Она сняла колпак и запустила диагностику. Такое впечатление, что программа глюканула, но мы этот глюк пока лишь пытаемся воспроизвести. Она получила корректирующий импульс прямо в лицо. В шкафчике за панелью управления осколок ее скальпа остался — так она в конвульсиях забилась. К счастью, стимулированное выделение альфа-ретрокса привело к тому, что все обошлось небольшим сотрясением мозга и ретрокс-передозом. Как я сказал, ничего непоправимого. Еще сорок дней — и наша всеобщая любимица Рейнольт вернется к работе. — Он вымученно хихикнул.

— За вычетом недавних воспоминаний.

— Конечно. Неотвязники не машины; резерв-

ных копий у меня нет.

За столом настороженно зашушукались, и Рита Ляо взяла на себя смелость озвучить идею:

— Как-то это все очень вовремя. Будто кто-то хотел вывести ее из игры.

Она замялась. Раньше в этот же день именно Рита распускала слухи насчет Ритсера Брюгеля. Это показывало, как сильно меняются авральники, случись им сунуть носы в потенциальный конфликт вахтмастеров.

— А вахтмастер Нау проверял, что вице-вахтмастер не на вахте?

— И его агенты тоже? — добавил кто-то из Чжэн Хэ рядом с Эзром.

Трад запустил вилку по столику, голос его стал визгливым и гневным:

— А вы что себе думаете! Вахтмастер… очень тщательно изучает все возможности. — Он набрал полную грудь воздуха и, казалось, уразумел, что цена славы бывает слишком высока. — Вы можете быть абсолютно уверены, что вахтмастер воспринял происшествие очень серьезно. Но понимаете ли, поток ретрокса — как при массивном передозе, он не был локализован. Всё так, как можно ожидать при несчастном случае. Амнезия — штука ненадежная, лоскутная. Если это сабо-

тажник окажется, то он явно идиот. Ничего не стоило бы ее убить и придать всему видимость несчастного случая.

На миг все умолкли. Фам зыркнул на собравшихся.

Силипан подобрал вилку и снова приступил к трапезе. Опорожнив ведерко до половины, он уставился на еду.

— Господи, как я устал! А мне снова на работу через двадцать… черт, уже пятнадцать килосекунд.

Рита потянулась потрепать его по руке.

— Ты знаешь, я так рада, что ты к нам заглянул и все объяснил. — Вокруг согласно зашумели.

— Мы с Билом теперь всем заправляем и какое-то время несем абсолютную ответственность.

Трад переглядывался со слушателями, ища поддержки. Голос его звучал одновременно хвастливо и жалобно.

Позже в тот же день они встретились — в буферной зоне между внешними слоями корпуса времянки. Встреча была назначена задолго до открытия домика в озерном парке. Эзр ожидал ее с нетерпением и страхом — на этой встрече он намеревался поставить перед Фамом Нювеном вопрос о фокусе ребром. «Мои мелкие аргументы,

мои мелкие угрозы. Хватит ли их?»

Эзр тихо скользил мимо саженцевых лотков Гунле. Яркий свет и аромат зеленых ростков требьюна остались позади. Темнота оказалась слишком глубокой для непривычных глаз. Восемь лет назад, при первой встрече с Нювеном, солнце светило, хотя и тускло. Теперь с пластиковых панелей корпуса на него смотрела тьма.

Но сегодня у Эзра имелось и другое зрение… Он просигналил локализатору, сидящему на его виске. Включилось призрачное зрение. Поначалу все было словно в оттенках желтого, словно Эзр слегка прижал пальцем уголок прикрытого глаза. Но свет отображал не случайные узоры. Эзр долго и усердно выполнял рекомендованные Фамом упражнения. Сейчас желтый свет очерчивал закруглявшиеся стены межшаровых мембран и внешнего корпуса. Иногда картинка искажалась. Иногда ракурс уходил вниз или за спину. Но, отдавая нужные команды и сконцентрировавшись как следует, он видел там, где человеческое зрение само по себе бессильно. А Фам все равно лучше видит. За годы он собрал этому достаточно намеков. Локализаторы стали личной империей Нювена.

Фам Нювен завис впереди, рядом с настенной

скобой для рук, невидимый, если не считать оконтуривших его локализаторов. Он смотрел на Эзра вполоборота. Когда Эзр приблизился, сократив дистанцию до нескольких метров, зрение его пошло волнами, словно другой смёл своих крохотных слуг в соседнее созвездие.

— Ладно, давай быстро. — Фам повернулся к нему лицом. Желтый псевдосвет очерчивал изможденное, понурое лицо. Он не сбросил личину Тринли? Нет, вид у Фама такой же, как в баре, но за этим настроением угадывалось нечто глубокое.

— Ты… Ты обещал мне две тысячи секунд.

— Ага, но обстоятельства изменялись. Ты разве не заметил?

— Я много чего заметил. Думаю, нам пора всерьез об этом поговорить. Нау, он ведь искренне тобой восхищается. Ты это знаешь, не так ли?

— Нау насквозь лжив.

— И это правда. Но в тех историях, которыми он поделился со мной, много чего истинно. Фам, мы с тобой несколько вахт проработали вместе. Я вспоминал рассказы о тебе, переданные теткой и двоюродными дядьями. Я вырос из детского преклонения перед героем. Я наконец понял, как тебе должен… нравиться… фокус. Ты дал мне

много обещаний, но они всегда бывали очень тщательно сформулированы. Ты хочешь одолеть Нау и вернуть утраченное нами, но более всего ты стремишься к фокусу, разве нет?

Молчание продлилось целых пять секунд. Что он ответит на прямой вопрос? Когда Фам наконец ответил, в голосе его слышалось рычание:

— Фокус — ключ к цивилизации, которая пребудет во всем Людском Космосе.

— Фокус — это рабство, Фам, — мягко ответил Эзр. — Разумеется, ты это понимаешь; думаю, что сердцем ты его ненавидишь. Цзамле Эн — ты сделал его своей запасной личиной, и я думаю, что так твое сердце пыталось до тебя достучаться.

Фам секунду молчал, сердито глядя на него. Потом скривился:

— Дурачок ты, Эзр Винь. Начитался историй Нау и все равно ничего не просек. Однажды Винь меня уже предала. Я не позволю этому повториться. Ты считаешь, что я оставлю тебя в живых, вздумай ты помешать мне?

Фам подлетел ближе. У Эзра вдруг помутилось в глазах: его отрезали от всех локализаторов. Он поднял руки ладонями вперед.

— Не знаю. Но я Винь, прямой потомок Суры, а значит, и твой. Мы Семья, владеющая секретами,

нагроможденными на секреты; однажды мне бы открыли тайну Провала Брисго. Но я даже ребенком кое о чем догадывался. Семья тебя не забывала. У нас даже девиз есть, которым мы никогда не делимся с посторонними: *Мы всем обязаны Фаму Нювену, будем же снисходительны к его слабостям.* Так что, даже если ты меня убьешь, сперва выслушай. — Эзр смотрел в безмолвную тьму, он даже не знал, где сейчас собеседник. — До вчерашнего дня… я был уверен, что ты выслушаешь. Думал, мне бояться нечего.

— До вчерашнего дня? — рявкнул Фам совсем рядом. — Ах ты, виньская змеюка подколодная, да что ты можешь знать про вчерашний день?

Эзр повернулся на голос. В словах Фама звучала абсолютно беспочвенная ненависть. Что случилось у Рейнольт? Все летело наперекосяк, но он обязан был произнести заготовленные слова:

— Ты ее не убил. Я верю словам Трада. Ты мог бы ее убить без труда, ты мог бы все замаскировать под несчастный случай. Поэтому, полагаю, ты знаешь, что в историях Нау истинно, а что ложно. — Эзр протянул вперед обе руки и почувствовал под ладонями плечи Фама. Он слепо вглядывался во мрак, пытаясь вновь обрести зрение. — Фам! Тебя всю жизнь вела мечта. В

сочетании с силой твоего гения она сделала нас теми, кем мы являемся. Но ты стремился к большему. Это из хроник Чжэн Хэ не ясно, однако я вижу истину в записях Нау. У тебя была чудесная мечта, Фам. Фокус может тебя к ней привести… но цена слишком высока.

Мгновение тишины, а потом рев, подобный рыку раненого зверя. Внезапно руки Эзра развело в стороны. Чужие руки схватили его за горло, сильные, жесткие, как тиски. Осталось лишь удивление, смешанное с шоком, погружение в окончательную тьму…

Потом руки ослабили хватку. Повсюду вокруг полыхнули светлячки, раздались десятки едва слышных хлопков. Он продышался, изумленный, пытаясь понять, что происходит. Фам взрывал конденсаторы во всех окрестных локализаторах! Точечные вспышки очерчивали на темном фоне силуэт Нювена. В глазах Фама блестело прежде невиданное Эзром безумие отчаяния.

Светлячки померкли, но волна разрушения распространялась дальше. Эзр каркнул перепуганно:

— Фам, наше прикрытие! Без локализаторов…

Последние вспышки высветили искаженное судорожной ухмылкой лицо Нювена.

— Без локализаторов нам хана! Ну и подыхай, малыш Винь. Мне начхать.

Эзр услышал, как Фам разворачивается и отталкивает себя прочь. Остались тьма и тишина, а в нескольких килосекундах, не больше, затаилась смерть. Ибо, как бы Эзр ни пытался, признаков локализаторной поддержки обнаружить не мог.

Что делать, когда гибнет мечта? Фам парил во мраке своей каюты и обдумывал этот вопрос отчасти с интересом, отчасти равнодушно. Краем сознания он следил за расползавшейся по локализаторной сети прорехой. Сеть устойчива, и нарушение это не будет автоматически обнаружено ищейками авральников. Но без тщательного надзора весть об отказе мало-помалу просочится и к ним. Он едва осознавал попытки Эзра Виня залатать выгоревшую дыру. Удивительно, пацан ничего больше не испортил, но куда ему управиться с высокоуровневой заплаткой. Еще несколько сот секунд в лучшем случае — и Каль Омо сообщит Брюгелю… после чего маскарад будет окончен. Это уже не важно.

Что делать, когда гибнет мечта?

Мечты гибнут в любой жизни. Все стареют. Поначалу жизнь кажется такой яркой, столько всего обещает! Затем, когда годы твои истекают,

обещания меркнут.

Но не так было с мечтой Фама. Он гнался за ней через пятьсот световых лет и три тысячи лет объективного времени. То была мечта о едином Человечестве, где справедливость будет не мерцать редкими сполохами, а гореть непрерывным равномерным огнем по всему Людскому Космосу. Он мечтал о цивилизации, где континенты никогда не испепеляют, а правители с двухбитными мозгами не отдают детей в заложники. Когда Сэмми вытащил его из лоусиндерского мортуария, Фам был близок к смерти, но его мечта — нет. Как никогда ярко пламенела мечта в его мозгу и пожирала.

А здесь он отыскал орудие, способное воплотить эту мечту в реальность: фокус, средство автоматизации, достаточно продвинутое и умное, чтобы пригодиться в управлении межзвездной цивилизацией. Оно способно создать «любящих рабов», о которых издевательски отзывалась Сура. Ну и что? Фокус уничтожит несправедливости более серьезные, чем обычное рабство.

«Возможно».

Он отвернулся от Эгиля Манри, которого низвели до сканера. Он отвернулся от Триксии Бонсол и всех остальных, заточенных на долгие годы в

клетушках. Но вчера его принудили посмотреть в лицо Анне Рейнольт, которая одна сражалась со всей мощью фокуса и жизнь свою положила на эту борьбу. Обстоятельства эти поразили Фама до глубины души, но он продолжал обманывать себя, полагая, что в цену свершения мечты это не входит. А ведь Анне — та же Синди Дукань, только для нее все обернулось еще ужаснее.

А сегодня случились Эзр Винь и его слова…

Цена слишком высока!

Эзр *Винь!*

Мечта Фама, может, и свершится… но к чему все это?

Когда-то Винь уже встала между ним и окончательным успехом. «Так пускай же эта змеюка Винь издохнет. Пускай они все подохнут. Пускай я сдохну тоже».

Фам свернулся в клубок и вдруг понял, что плачет. Не считая мгновений притворства, он не плакал… даже вспомнить сложно… с тех дней, как на другом конце своей жизни, ребенком, впервые очутился на борту «Репризы».

И что же делать, когда гибнет мечта?

Когда мечта гибнет, надо с ней расстаться.

А что остается? Впервые за долгое время ум Фама блуждал бесцельно. Затем он снова осознал

смысл картинок, транслируемых по сети локализаторов: внизу, на астероидах, фокусированные рабы сотнями ютятся в клетушках Хаммерфеста, и Анне Рейнольт спит в своей камере, ничуть не просторней остальных.

Они заслуживали лучшей доли, нежели та, что им выпала. Они заслуживали лучшей доли, нежели та, какую уготовил им Томас Нау. Анне заслуживала лучшей доли.

Он влез в сеть и осторожно отстранил Эзра Виня. Он собрал воедино результаты работы мальчишки и дополнил своими, начав выстраивать эффективную заплатку. Оставались детали: синяки на шее Виня, нехватка десяти тысяч локализаторов в буфере времянки. С этим он справится, а потом, в долгосрочной перспективе…

Анне Рейнольт в конце концов восстановит то, что он у нее отнял. Когда это случится, игра в кошки-мышки начнется снова, но на сей раз он должен защитить и ее, и остальных рабов. Придется куда тяжелей. Но если они с Эзром Винем станут работать в паре, то, возможно… В мозгу Фама возникали и корректировались новые планы. Куда скромней дерзкой мечты сломать колесо истории, но было в них странное нарастающее

удовлетворение, как случается, когда поступаешь абсолютно правильно.

Где-то в промежутке между этим моментом и мигом, когда Фам наконец провалился в сон, ему припомнился Гуннар Ларсон, вежливые насмешки старого магната, совет понять и принять пределы возможного в природе. Возможно, он таки был прав. Забавно. Долгие годы в этой каюте Фам висел ночами без сна, стискивая зубы, выстраивая планы, мечтая о том, что сотворит с фокусом. Теперь, когда он оставил эту мечту, планы сохранились, страшные угрозы — тоже, но впервые за много лет он обрел еще и… душевное спокойствие.

В ту ночь ему приснилась Сура. И боли он не испытал.

Часть третья

44

Прибыль всегда можно получить. Гунле Фун всю жизнь по этому принципу выстроила. Миссия к В(ы)ключенной была проектом на дальнюю перспективу, такие обычно интересны лишь научникам. Но Гунле видела возможность навариться. Потом им на головы свалились авральники, дальняя перспектива сменилась рабством и Изгнанием. Ее посадили в тюрьму, которой заправляли убийцы. Но как оказалось, и тут не без прибыли. Почти двадцать лет жизни она наваривала и процветала, пускай даже лишь по меркам этой помойки.

Теперь все менялось. Чжау Синя уже дня четыре не было видно; по крайней мере, она с ним с самого начала текущей вахты не пересекалась. Сперва прошел слух, что их с Ритой неофициально перебросили на вахту 3С, а оттого они все еще в морозилке. Пострадали некоторые сделки по программам, которые Гунле наметила провернуть с Ритой, что само по себе было достаточно необычно. Потом Тринли донес, что двое пилотов-

неотвязников исчезли из Аттика Хаммерфеста. Значит, Рита, может, и в морозильнике, но Чжау Синя с его неотвязниками послали… куда-то. Сплетники взяли это за отправную точку: Чжау отправился в экспедицию к мертвому солнцу, Чжау высаживается на планете пауков. Трад Силипан крутился у Бенни, распираемый чувством собственного превосходства, но тайнами не делился. Это надежней всего остального доказывало, что дела творятся весьма не рядовые.

Гунле запустила тотализатор со ставками на разгадку, но и сама сгорала от любопытства. Не одну ее слегка разочаровало решение начальства посвятить в тайну абсолютно всех.

Томас Нау пригласил к себе в поместье нескольких пеонов для брифинга. С тех пор как открыли дом в озерном парке, Гунле туда отправлялась впервые. Нау тогда проявил широкое гостеприимство, но потом имение закрыли на все замки — хотя, если честно, это отчасти могло объясняться загадочным происшествием с Анне Рейнольт.

Гунле с тремя спутниками из смердов спускалась по тропинке к домену Нау. Не удержавшись, она ввернула:

— Надо же, они сообразили, как делать дождь.

Скорей морось, разносимая ветром, такая мел-

кая, что оседала росой на волосах и ресницах; такая тонкая, что в отсутствие нормальной силы тяжести это не имело значения.

Фам Тринли цинично фыркнул:

— Готов побиться об заклад, это для сборки мусора. В мое время таких парков с подделками под гравитацию было много; клиенты, которым денег некуда девать, часто их строят. Если хотите землю и небо, в парке быстро заводится мусор. Вскоре все небо будет в дерьме.

Трад Силипан, который шел рядом, возразил:

— А мне кажется, в небе довольно чисто.

Тринли вгляделся в гонимую ветром морось. Облака были низкие, серые, они быстро летели прочь от искусственного озерного берега. Некоторые, несомненно, реальны, некоторые наверняка с видеообоев, но сшивка безупречная. На вкус Гунле Фун, пейзаж не самый веселый, но здесь было чисто и прохладно.

— Да, — сказал Тринли, помолчав. — Отдаю тебе должное, Трад. Твой Али Лин гений.

Силипан слегка выпятил грудь:

— Не он один! Тут дело в координации усилий. У меня на этом команда неотвязников сидит. С каждым годом только лучше становится. Однажды мы даже сообразим, как тут настоящие

волны делать.

Гунле переглянулась с Эзром Винем и закатила глаза. Не хотят эти клоуны признавать, сколько тут на самом деле завязано на сотрудничестве — взаимовыгодном сотрудничестве. Пускай пеонов в парке теперь не слишком привечали, но это от них идет постоянный поток еды, готовых деревянных изделий, живых растений и дизайнерских программ.

Морось чуть заклубилась у дома, и гости проверили иллюзию силы тяжести на собственном опыте, кренясь на тропинке туда-сюда. Потом оказались в домике, согретом теплом очень натурального, здоровенного дровяного камина Томаса Нау. Вахтмастер жестом пригласил их за стол совещаний. Присутствовали Нау, Брюгель и Рейнольт. Силуэты еще троих человек очерчивал серый свет на фоне окон. Вот и Киви.

— Ну-ну, Чжау! — сказал Эзр. — Добро пожаловать… обратно.

Да, это Чжау с Ритой, сомнений нет. Томас Нау прибавил в комнате свет. Тепло, и яркий свет как в любом цивилизованном жилье, но мысль о холоде и мраке, что ценой нечеловеческих усилий удерживают вовне, заставляла наслаждаться безопасностью этого убежища.

Вахтмастер показал отведенные им места и уселся сам. Как обычно, Нау старательно изображал щедрого и открытого чужим мнениям предводителя. «Меня ты не надуришь, чувак», — подумала Гунле. До экспедиции у нее была долгая карьера, она торговала на трех мирах с дюжиной клиентов. Клиентов-людей всех цветов кожи и физических размеров. А правительства их различались еще сильнее: тирании, демократии, демархии. С ними всегда можно было сторговаться. Что же до большого начальника Нау, то он откровенный преступник. Но умный преступник: понял, что дела вести как-то надо. Киви тоже поняла это много лет назад. Слишком плохо, что он победил грубой силой, — *такое* в понятия Чжэн Хэ о стандартной деловой среде не входило. Когда от плохих парней невозможно сбежать, риски выше. Но в долгосрочной перспективе даже это не имело значения.

Вахтмастер кивнул всем по очереди:

— Спасибо, что пришли лично. Вам следует знать, что наша встреча транслируется в прямом эфире по локальной сети, но я надеюсь, что вы поделитесь с друзьями живыми впечатлениями. — Он усмехнулся. — Уверен, у Бенни появится отличная тема для разговоров. У ме-

ня же невероятно хорошие новости, которые, однако, сопряжены с новым вызовом. Видите ли, старший пилот Синь только что вернулся с низкой орбиты Арахны. — Он сделал паузу.

«Готова поклясться, у Бенни сейчас абсолютная, гробовая тишина».

— И то, что он там обнаружил, весьма… интересно. Чжау, прошу вас. Расскажите о своем полете.

Чжау поднялся чуть поспешней необходимого. Жена поймала его за руку и оставила стоять на полу. Он развернулся лицом к аудитории. Гунле безуспешно пыталась перехватить взгляд Риты, но та не сводила глаз с Чжау. «Уверена, они ее держали в морозилке, пока он не вернулся; иначе как бы она язык за зубами удержала?» Лицо Риты выражало огромное облегчение. Какие бы новости ни привез Чжау, они хорошие.

— Да, сэр. Следуя вашим инструкциям, я раньше графика вышел на вахту и предпринял близкий облет Арахны. — Киви раздала наглазники стандарта Чжэн Хэ. Гунле шепотом предложила продать одну пару; Киви улыбнулась и шепнула что-то о «скорых переменах». Большие начальники все еще не разрешали пеонам пользоваться такими игрушками. Может, наконец и тут по-

слабление наступит? Секунда — и наглазники синхронизировались с консенсуальным изображением. Над столом пошла рябь, и в воздухе появились астероиды первой точки Лагранжа. Далеко внизу, под полом, торчал диск мира пауков.

— Я и мои пилоты взяли последний исправный десантный бот. — От астероидов протянулась золотистая ниточка; до половины маршрута ее кончик ускорялся, затем начал сбрасывать скорость. Ракурс совместился с позицией бота; впереди вырос диск Арахны. Планета казалась мертвой, промороженной, как при первом прибытии людей. Но имелось и важное отличие: в Северном полушарии раскинулась паутина огней, сплетаясь в узелки над крупными городами.

Фам Тринли недоверчиво фыркнул из мрака:

— Но вас ведь наверняка заметили!

— Пинганули. Показать радары ПВО и спутники местных, — сказал Чжау экрану. В космосе вокруг планеты возникло облако синих и зеленых точек. С поверхности ударили дуги ослепительного света: военные радары пауков. — В будущем это станет для нас проблемой.

Анне Рейнольт перебила объяснения старшего пилота:

— Мои сетевики удалили все материальные следы. Риск того стоил.

— Гм! Тогда там наверняка, мать их перемать, было что-то очень важное.

— О, было, Фам, было! — Чжау переместился к одной стороне консенсуального изображения и погрузил руку в облачко спутников, отметив одну синюю точку как СПУТНИК ОРБИТАЛЬНОЙ РАЗВЕДГРУППИРОВКИ КЛАНА № 543; дальше пошли орбитальные параметры. Он покосился на Фама с едва заметной улыбкой, словно ожидая от старпера какой-то реакции. Гунле эти числа ничего не говорили. Она перегнулась через подлокотник кресла и глянула на Тринли, мимо картинки. Старый фанфарон был так же озадачен, как они все; усмешка Синя или хитрая ухмылка Силипана его явно не порадовала.

Тринли прищурился, вглядываясь в дисплей.

— Так, вы совместили орбиты со спутником ОРГ № 543. — У сидевшего рядом с ним Эзра Виня захватило дух от изумления. Тринли нахмурился того пуще. — Дата запуска: семьсот килосекунд назад, химический двигатель, синхронная орбита, высота… — Он сбился на хриплое карканье: — Хренасе, двенадцать тысяч километров! Да это ошибка какая-то.

Чжау улыбнулся еще шире:

— Ошибки нет. Вот поэтому я туда и спустился взглянуть поближе.

До Гунле наконец дошло значение этого факта. Как снабженка, она занималась в основном сделками да реестровым учетом. Но условия отгрузки существенно влияли на цену, а Фун была из Чжэн Хэ. Арахна — планета земного типа, продолжительность дня около девяноста килосекунд. Синхронная орбита должна находиться явно выше двенадцати тысяч кликов. Даже без технического образования понятно: что-то тут нечисто.

— Там корректировка позиции? — спросила она. — Маленькими ракетами?

— Нет. Даже ядерными ракетами такого эффекта на много дней трудно добиться.

— Кейворит.

Голос Эзра был едва слышен и полон изумления. Где она слышала это слово раньше?

Чжау кивал:

— Именно. — Он что-то сказал дисплею, и там появился вид из его бота. — Подобраться к нему ближе было трудновато, потому что я не хотел светить главным движком. Вместо этого, я пережег спутнику камеры и за секунду синхрони-

зировался снизу… Вы теперь видите начало этого маневра в центре моего целеуказателя. Скорость сближения упала до пятидесяти метров в секунду, а теперь — до нуля: относительно друг друга мы неподвижны. Нас разделяет около пяти метров. — В фокусе целеуказателя что-то появилось, угловатое и непроглядно-черное; оно падало на них, как раскрученное на ниточке йо-йо. Он замедлился, прошел в метре-двух понизу, начал подниматься снова. Верхняя грань его была не полностью черной, а вся в неправильных темно-серых узорах. — Так, остановить. Отсюда вам должно быть хорошо видно. Простая архитектура, предположительно — гиростабилизация. Форма многогранника — для лучшей незаметности на радарах. Если не считать немыслимой орбиты, типичный стелс-спутник низкотехнологичной цивилизации… — Спутник снова нырнул вверх, но на сей раз попался в захватные крючья. — Тут мы его затащили на бот и оставили свидетельства вполне правдоподобного взрыва.

— Отличный маневр, чувак!

Это Фам Тринли признал, что кто-то почти достиг его мастерства.

— Ха! Еще трудней, чем кажется. Я своих неотвязников гонял почти на грани неконтроли-

руемой паники. Слишком много несоответствий в динамике накопилось.

Силипан весело вмешался:

— С этим сладим. Мы уже начали перепрограммирование всех пилотов на кейворитные маневры.

Чжау отключил картинку и хмуро взглянул на Силипана:

— А если ты что-нибудь не так сделаешь, мы без пилотов останемся.

Гунле устала от бессмысленного трепа.

— Спутник. Что это такое? Как паукам удалось?..

Она увидела, что Нау усмехается.

— Думаю, что госпожа Фун верно определила самый важный вопрос. Вы помните рассказы про гравитационные аномалии на плоскогорье? Короче, это *правда.* Военные Клана открыли… ну, пусть будет антигравитация. Вероятно, к нынешнему моменту они уже лет десять ее исследуют. И мы даже не заметили, потому что Аккорд-разведка ее пропустила, ну а присутствие наше в сетях Клана всегда было менее значительным. Этот вот малыш-спутник весит восемь тонн, причем почти две тонны приходится на «кейворитную» облицовку. Пауки Клана пользуются этим за-

мечательным веществом лишь для того, чтобы увеличить полезный вес ракет. Я вам сейчас кое-что покажу…

Он произнес в пространство:

— Притушить камин, отключить вентиляцию. — Он умолк, в комнате стало очень тихо. У стены Киви прикрыла высокое окно, откуда тянуло влагой с озера. Поддельное солнце парка заглядывало в облачные прорехи, на воду ложились световые дорожки. Гунле отстраненно задумалась, достаточно ли хороши неотвязники Нау, чтоб управлять всем его миром в такие моменты. Наверное, да.

Вахтмастер извлек из кармана рубашки небольшой футляр. Раскрыл, вытащил нечто, блеснувшее в закатном свете. Маленький прямоугольник — плитка облицовки. На нем вспыхивали световые точки, которые можно было бы принять за дешевую подсветку, если бы не координированная иризация.

— Это одна из плиток облицовки того спутника. Был еще слой маломощных светодиодов, но мы его удалили. С химической точки зрения — алмазики, скрепленные эпоксидкой. А теперь глядите.

Он положил плитку на стол и посветил на нее.

Все уставились туда.

Спустя миг крошечный, радужно вспыхивающий прямоугольник поднялся в воздух. Сперва это могло показаться обычным случайным движением в микрогравитации: так поднимается на воздушных течениях клочок бумаги. Но воздух в комнате оставался недвижим. Прошло несколько секунд. Плитка набрала скорость, кувыркнулась и упала… вверх. С хорошо слышным щелчком она упала на потолок и осталась там.

Несколько мгновений никто не мог вымолвить ни слова.

— Дамы и господа, мы явились к В(ы)ключенной в надежде обрести тут сокровища. Пока что нам удалось расширить знания об астрофизике, незначительно усовершенствовать ионный прямоточный двигатель. Биология мира пауков — тоже сокровище, этих находок хватило бы окупить экспедицию. Но изначально-то мы ожидали большего. Мы надеялись обнаружить следы расы звездопроходцев — ну что ж, после сорока лет поисков мы, кажется, добились успеха. Потрясающего.

Может, поэтому Нау и не стал объявлять об открытии перед всеми. В комнате заговорили наперебой. Одному богу известно, что твори-

лось у Бенни. Эзр Винь наконец задал нужный вопрос:

— Вы считаете, что пауки синтезировали это вещество?

Нау покачал головой:

— Нет. Клан переработал тысячи тонн низкопроцентной руды, чтобы добыть вот столько этого волшебного вещества.

Тринли заметил:

— Но мы же много лет назад установили, что пауки развились на этой планете, а продвинутой технологии никогда не имели.

— Именно. Их археологи не нашли ни единого свидетельства посещений из космоса. Но это… это несомненный *артефакт*, даже если мы не можем подтвердить… Анне своей автоматикой несколько дней его анализировала. Это координированная процессорная матрица.

— Так вы же сказали, что его из природной руды добывают!

— Да. Это приводит нас к еще более фантастическим выводам. Сорок лет мы считали алмазную пыль Арахны либо осадками от метеоритного дождя, либо скелетами живых существ. Теперь похоже, что это окаменевшие процессоры. И по крайней мере некоторые из них возобновили

работу, будучи собраны вместе. Совсем как локализаторы, но они куда меньше и выполняют особую функцию… манипулируют законами природы, причем мы понятия не имеем, каким образом.

У Тринли вид сделался такой, словно ему от души врезали кулаком в лицо. Десятилетия фанфаронства слетели с него. Он тихо произнес:

— Нанотех. Мечта.

— А? Да, одна из Несбыточных Грез. До этого момента. — Вахтмастер поднял голову к плитке, лежащей на потолке. Улыбнулся. — Кто бы они ни были, они сюда наведались миллионы или миллиарды лет назад. Сомневаюсь, что нам удастся найти их палатки или мусорные свалки… но следы их технологий повсюду.

Винь:

— Мы искали звездопроходцев, но мы слишком маленькие и видим лишь их щиколотки. — Он с трудом отвел взгляд от потолка. — Может, даже эти… — Он ткнул рукой в окно, и Гунле поняла, что Эзр говорит об огромных алмазах первой точки Лагранжа. — Может, даже они на самом деле артефакты.

Брюгель неловко заерзал на своем месте.

— Чушь. Это же обычные алмазы, просто

очень большие. — Но в агрессивном взгляде, брошенном Ритсером через стол, сквозила неуверенность.

Нау мгновение помедлил, потом, едва слышно фыркнув, жестом заткнул своего громилу.

— Мы тут все будто фантастики Рассветной Эпохи начитались, э? Сами по себе эти факты настолько необычны, что уснащать их сказками племен мумбо-юмбо нет смысла. И с тем, что мы уже обнаружили, экспедиция достойна считаться важнейшей в истории Человечества.

«А также, не исключено, самой прибыльной». Гунле шевельнулась в кресле, пытаясь систематизировать способы применения сверкающего материала, из которого была изготовлена новая плитка потолка. «Да как такой штукой вообще правильно торговать? Сколько же столетий монополии можно из нее выжать?»

Но вахтмастер перешел к более практичным вопросам:

— Так, с фантастикой завязываем. В долгосрочной перспективе результаты превзошли самые фантастические ожидания. В краткосрочной — у нас реальная засада с графиком. Киви?

— Здесь я. Как тебе известно, пауков отделяет около пяти лет от формирования зрелой все-

мирной Паутины, через которую мы бы могли уверенно действовать.

«Сети достаточно продвинутой, чтобы мы сумели ее использовать». До сегодняшнего дня Гунле Фун считала это величайшим сокровищем, стоившим Изгнания. Бог с ними, с незначительными улучшениями двигательной техники или даже биотехнологиями. Там внизу целая промышленно развитая планета, причем культура ее гарантированно отлична от остальных рынков. Если бы взять этот мир под контроль, если хотя бы получить преимущество при торговле с ним… о, тогда их экспедиция войдет в легенды маркетинга Чжэн Хэ. Гунле понимала это. Нау понимал. Киви наверняка тоже, хотя сейчас она несла идеалистическую пургу:

— До сих пор мы думали, что у нас еще лет пять до того, как им реально понадобится наша помощь. Мы считали, что до тех пор война Аккорда и Клана грянуть не может. Ну… мы ошибались. Клан в плане компьютерных сетей не слишком продвинут, зато у них кейворитные шахты. Кейворитные спутники пока скрыты, но это лишь ради временного преимущества. Вскоре они переоснастят ракетный флот. С политической точки зрения очевидна их подрывная деятельность

на международной арене: они ведут меньшие государства к столкновению с Аккордом. Нельзя сидеть сложа руки еще пять лет, пока они всех под себя подминать будут.

Чжау заметил:

— Есть и другие причины сдвинуть сроки поближе. С этим кейворитом надолго сохранить наши действия в тайне уже не удастся. Пауки очень скоро появятся в ближнем космосе. В зависимости от того, сколько этого вещества… — он ткнул большим пальцем в сверкающую плитку потолка, — у них произведено, — они могут оказаться и маневренней нас.

За его спиной Рита мрачнела все сильнее.

— Ты хочешь сказать, шайка Педуры имеет *шансы на победу*? Если уж ускорять график, так нельзя больше прятаться. Нужно высадиться на планету с полной военной силой и выступить на стороне Аккорда.

Вахтмастер грустно склонил голову в сторону Ляо:

— Рита, я слышал ваше мнение. Там внизу существа, которых мы уважаем, даже больше, чем… — Он взмахнул рукой, отгоняя нахлынувшую сентиментальность и возвращая себя к суровой действительности. — Но, как ваш вахтмастер,

я обязан правильно расставлять приоритеты. Мой наивысший приоритет — выживание, твое и всех вахтенных в нашей маленькой общине. Не обманывайся красотой, которую мы тут создали. Истина в том, что военной мощи у нас крайне мало. — Заходящее солнце наполнило озеро жидким золотом, и косые лучи его принесли в комнату мягкое ровное тепло. — Фактически мы почти на грани истощения, мы дальше от колоний Человечества, чем любая иная группа изгнанников. Наш следующий по важности приоритет, неразрывно связанный с первым, — это выживание продвинутой технологической цивилизации пауков, а следовательно, их народа и их культуры. Мы обязаны действовать крайне осторожно. Нельзя поддаваться эмоциям… И знаете ли, я тоже слушаю переводы. Думаю, такие, как Виктория Смит и Шерканер Андерхилл, меня бы поняли.

— Но они способны нам помочь!

— Это не исключено. Я бы с ними связался не сходя с места, располагай мы лучшими сведениями и более полным проникновением в Паутину. Но если мы необдуманно раскроемся, а они выступят против нас сообща или, напротив, спровоцируют Педуру немедленно атаковать их? Мы

обязаны спасти их, но жертвовать собой — нет.

Рита колебалась. Ритсер Брюгель, сидящий в тени одесную Нау, мрачно уставился на нее. До младшего вахтмастера все никак не доходило, что старые правила Аврала пора менять. Мысль, что кто-то осмеливается возражать, все еще приводила его в ярость. «Благодарение Господу, что не он тут всем заправляет». Нау — крепкий орешек, язык его медоточив, а действия расчетливы и безжалостны, но с ним, по крайней мере, можно вести дела.

Никто больше не высказался в поддержку Риты, но она попыталась напоследок:

— Мы знаем Шерканера Андерхилла. Он гений. Он поймет. Он мог бы нам помочь.

Томас Нау вздохнул:

— Да, Андерхилл. Мы ему многим обязаны. Без него нас отделяло бы от успеха двадцать лет вместо пяти. Но, боюсь… — Он глянул через стол на Эзра Виня. — Эзр, вы больше всех нас знаете об Андерхилле и технологии Рассветной Эпохи. Что вы скажете?

Гунле с трудом удержалась от смеха. Винь наблюдал за разговором, как скучающий зритель на рокетбольном матче; теперь ему зарядили мячом по лбу.

— Гм… э… да. Андерхилл невероятен. Он как фон Нейман, Эйнштейн, Минский, Чжан — дюжина гениев Рассветной Эпохи в одном теле. Либо, может, у него просто талант подбирать себе гениальных студентов. — Винь грустно усмехнулся. — Прости, Рита. Для тебя и меня Изгнание длилось лишь десять-пятнадцать лет. Андерхилл прожил его год за годом, секунду за секундой. По паучьим меркам, да и по дотехнологическим людским, он уже очень стар. Я боюсь, он на грани слабоумия. Он пережил время легких технических решений и теперь уперся в тупик… То, что некогда обеспечивало гибкость мышления, теперь стало приверженностью идиотским суевериям. Если уж выходить из засады, добровольно отказываясь от преимущества, лучше напрямую связаться с правительством Аккорда и предложить переговоры, как в любой сделке.

Винь бы продолжал, но вахтмастер заткнул его:

— Рита, мы ищем оптимальный выход для всех. Обещаю: если потребуется нас всех бросить на милость пауков — хорошо, пусть так и будет. — Он покосился направо, и Гунле догадалась, что это сообщение в полной мере адресовано Брюгелю. Нау помолчал, но никто не счел возможным

высказаться. Голос его стал деловым. — Итак, нам неожиданно потребовалось серьезно продвинуть график. К этому нас вынуждают обстоятельства, но я рад такому вызову. — Улыбка его сверкнула в лучах ложного заката. — Так или иначе, а меньше чем через год Изгнание закончится. Мы можем себе позволить, нет, мы обязаны ускорить расход ресурсов. С этой минуты и до тех пор, пока мир пауков не будет спасен, на вахту выходят почти все.

Ух ты!

— Мы немедленно переведем фабрику летучих веществ в критический режим. — (Все присутствующие вскинули головы.) — Вспомните: если через год она еще будет нам нужна, значит мы проиграли. Нам предстоит уйма работы по планированию. И люди: мы обязаны пустить в ход каждую крупицу человеческого потенциала. Я снимаю последние ограничения на общественное распределение ресурсов. «Подпольная» экономика получит доступ ко всему, кроме наиболее важных сегментов автоматики систем безопасности.

Да! Гунле широко улыбнулась сидевшей напротив Киви Лизолет, и та ответила такой же улыбкой. Значит, вот что имела в виду Киви,

обещая «скорые перемены»! Нау продолжал чирикать еще несколько секунд, не столько излагая детальные планы, сколько снимая все идиотские запреты, которые много лет сковывали свободу действий. С каждой следующей фразой энтузиазм Гунле рос. Может, даже получится выйти на рынок планеты.

Когда совещание закончилось, все ощутили невероятный подъем. На выходе Гунле порывисто обняла Киви.

— Детка, ты это сделала! — тихо проговорила она.

Киви только усмехнулась в ответ, но такой лучезарной улыбки Гунле у нее давненько не видела.

Затем четверо приглашенных пеонов направились обратно, вверх по склону холма, отбрасывая перед собой длинные тени в последних лучах уходящего солнца. Гунле обернулась полюбоваться напоследок, входя под полог леса. «Помпезная штука этот парк. Но все же красивая, и доля моего труда тут тоже есть». Солнечные лучи пробились на прощание сквозь дальние облака. Может, это Нау так сделал, а может, парковая автоматика случайно постаралась. Как ни крути, доброе знамение. Старина Нау воображает, что управляет

всем. Гунле знала, что неожиданное финальное послабление вахтмастер попытается потом загнать обратно под спуд, когда развитое воображение и навыки агрессивной торговли станут опасней альтернатив. Но Гунле ведь была из Чжэн Хэ. За много лет она, Киви, Бенни и десятки других торговцев по кусочку там, по кусочку сям отгрызали от авральной тирании, пока не вышло так, что почти любого авральника можно было при желании пустить в расход за коррупцию и участие в подпольной торговле. Нау усвоил, что бизнес-методы тоже пригодны для победы. Когда откроются рынки пауков, он поймет, что, отняв свободу, пользы не получит.

Второе совещание за этот день Томас Нау провел позже и на борту «Невидимой руки». Тут можно было говорить без утайки.

— Я получил отчет Каля Омо, вахтмастер. От ищеек. Вы почти всем головы задурили.

— Почти всем?

— Ну, вы же знаете Виня, хотя и он не до конца разобрался. А еще Чжау Синь выглядит… сомневающимся.

Нау вопросительно посмотрел на Анне Рейнольт.

Рейнольт ответила быстро:

— Синь нам нужен, вахтмастер. Он единственный уцелел из старших пилотов. Мы бы этот бот без него потеряли. Неотвязников заглючило при виде кейворитной орбиты. Ни с того ни с сего правила игры изменились, и они просто не сумели сладить с ситуацией.

— Ладно, пускай себе втайне сомневается. — С этим и вправду ничего не поделаешь. Синь был задействован слишком во многих операциях. Он, вероятно, и насчет Резни Дьема в сомнениях. — Значит, запихнуть его в морозильник мы не можем, одурачить тоже, и он нам все еще нужен для самой кровавой работы. Впрочем, мне кажется, что Рита Ляо — достаточно мощный рычаг. Ритсер, дай Чжау понять, что ее благополучие зависит от его исполнительности.

Ритсер едва заметно усмехнулся и сделал пометку.

Нау продолжал листать отчет Омо.

— Да, мы хорошо поработали. Но говорить людям то, что им нравится слышать, — работа нетрудная. Кажется, никто не понял всех последствий пятилетнего ускорения графика. Теперь овладеть Паутиной исподтишка не получится, а промышленность планеты нам нужна неповрежденной, но участие всего населения отнюдь не

обязательно. Сейчас… — Нау сверился с последними отчетами от неотвязников Рейнольт, — у пауков ядерным оружием обладают семь государств. Четыре располагают значительными арсеналами, а еще три — средствами доставки.

Рейнольт пожала плечами:

— Так организуем войну.

— Аккуратно ограниченную, чтобы мировая финансовая система уцелела и осталась под нашим контролем. — Упражнение по управлению в катастрофической ситуации.

— А с Кланом что делать?

— Надо, чтоб они выжили, спору нет, но пускай ослабеют до такой степени, что мы сможем их полностью контролировать. Организуем им несколько удачных совпадений.

Рейнольт кивала:

— Да. Можем это устроить. У Саутленда ракеты дальнего радиуса действия, но во всем остальном они отстают, а большая часть населения на Тьму закопается. Они очень напуганы перспективой завоевания со стороны более сильных государств. Достопочтенная Педура планирует этим воспользоваться. Можно обеспечить ей успех… — Анне продолжала, детализируя, какие именно ошибки подстроить, какую дезу вбросить, какими горо-

дами пожертвовать и как спасти зоны Аккорда, где имеются ресурсы, покамест недоступные Клану. Большая часть убийств ляжет на панцирь местных прокси, и это очень кстати, учитывая, в каком плачевном состоянии у людей системы оружия…

Брюгель наблюдал за Анне в своеобразном восхищении, как всегда при подобных речах. Бесстрастная, спокойная, как обычно, а в речах звучит такая же, как у самого Брюгеля, жажда убийства.

Анне Рейнольт была девушкой, когда на Френке случился Аврал. Напиши историю проигравшие, ее имя стало бы легендой. Когда сдались последние френкийские армии, Анне Рейнольт и ее оборванцы-партизаны продолжили сражаться — и не просто покусывая захватчиков за пятки. Нау видел однажды разведотчеты: стараниями Рейнольт стоимость операции для авральников возросла втрое. Она собрала вокруг себя зарождавшуюся оппозицию и чуть было не опрокинула экспедиционный корпус Аврала в бездну поражения. Когда же она сама наконец проиграла… хм, от таких врагов, вообще-то, надлежит незамедлительно избавляться. Но Алан Нау оценил уникальность этого противника.

Высокоуровневые качества личности, связанные с общественным взаимодействием, фокусировке обычно не поддавались. По самой природе своей фокусировка вела к урезанию ширины натуры, необходимой для работы с людьми. Но… Рейнольт была молода, умна и фанатична. Ее отчаянное сопротивление очень напоминало верность неотвязницы своей дисциплине. Что, если ее *удастся* фокусировать с выгодой для себя?

Выстрел наудачу полностью окупился. Рейнольт специализировалась лишь по древней литературе, но в фокус каким-то образом попали и более полезные качества ее случайной карьеры: военный талант, лидерство, мастерство в планировании подрывной деятельности. Алан тщательно утаил свое открытие, но в течение следующих десятилетий активно пользовался услугами этой особой неотвязницы. Ее таланты помогли дяде Алану стать ведущим вахтмастером метрополии. Рейнольт была очень дорогим подарком особо любимому племяннику…

И хотя Томас Нау ни за что не признался бы в этом Ритсеру Брюгелю, порой, стоило ему посмотреть в бледно-голубые глаза Рейнольт, его пробивал суеверный холодок. Сотню лет жизни Анне Рейнольт трудилась над кропотливым

уничтожением и подавлением всего, что было дорого и важно ее нефокусированной личности. Пожелай она ему навредить, она бы без труда это сделала. Но в том-то и красота фокуса; вот почему Аврал пребудет вовеки и победит. Фокус дает доступ ко всем талантам субъекта в отрыве от его человеческих качеств. При должном подходе все интересы, вся верность неотвязника концентрируются на работе и хозяине.

— Ладно, Анне, посади своих за эту работку. У тебя год. В последние килосекунды нам, вероятно, понадобится тяжелый корабль на низкой орбите.

— А знаете, — вступил Ритсер, — я так думаю, оно и к лучшему вышло, на планете-то. На верхушке Клана всегда один или двое. Мы будем знать, с кого спрашивать за исполнение приказов. Не так в Аккорде, Зараза его порази…

— Именно. В Аккорде слишком много автономных властных центров; эта их несуверенная монархия, блин, хуже демократии будет. — Нау пожал плечами. — Ну, какую уж соломинку вытянули. Придется сыграть за тех, кого легче контролировать. Без кейворита у нас было бы еще пять лет в запасе. К тому времени сеть Аккорда достигла бы прочного состояния и мы захватили

бы ее без единого выстрела. Более или менее так, как я все еще озвучиваю на публике.

Ритсер наклонился вперед:

— И в этом наша главная проблема. Стоит людям понять, что мы готовим паучиное жаркое, а наши дорогие друзья там — главный ингредиент…

— Разумеется. Но если все тщательно подстроить, финал покажется ужасной, непредсказуемой, неотвратимой трагедией, которая без нашего вмешательства стала бы еще кошмарнее.

— Это похитрее возни с Дьемом. Жалко, что вы дали коробейникам расширенный доступ к ресурсам.

— Иначе было нельзя, Ритсер. Нам нужен их логистический гений. Но я не дал им полного доступа. Мы всех твоих ищеек-неотвязников поставим на шухере, пускай мониторят без устали. Если понадобится, устроим несколько несчастных случаев со смертельным исходом.

Он покосился на Анне:

— Да, кстати, о несчастных случаях… есть там прогресс в твоих изысканиях насчет саботажников? — Почти год прошел после несчастного случая с Анне в клинике МРТ. За этот год новых проявлений вражеской активности не обнару-

жилось. Разумеется, если до события они вообще наблюдались.

Но Анне Рейнольт оставалась непреклонна.

— Кто-то манипулирует нашей автоматикой, вахтмастер. И локализаторами, и неотвязниками. Воздействие это очень многоаспектно, мне сложно передать словами. Но враг смелеет… и я очень близко подошла к его поимке — возможно, ближе, чем в прошлый раз.

Анне отвергала попытки списать ее проблему на простую ошибку. Но ведь ее фокус *действительно поплыл* тогда, пускай даже так слабо, что он сам не заметил этого. «Насколько убежденным параноиком я должен быть?» Анне сняла подозрение с Ритсера.

— Его поимке? Это *он*?

— Вы знакомы со списком подозреваемых. Фам Тринли по-прежнему возглавляет его. За много лет он от моих техников узнал все, что им известно. И это он загрузил нас тайной локализаторов Чжэн Хэ.

— У тебя же было двадцать лет на ее изучение.

Анне сдвинула брови:

— Поведение ансамбля исключительно сложно, есть нерешенные вопросы на физическом уровне. Дайте мне еще три-четыре года.

Он взглянул на Ритсера:

— Твое мнение?

Младший вахтмастер осклабился:

— Мы это уже столько раз слышали, сэр. Тринли полезен, мы его крепко за задницу держим. Он пройдоха, но он *наш* пройдоха.

И то правда. Оставаясь на стороне Аврала, Тринли получал многое, а случись Чжэн Хэ узнать о его неприглядном прошлом, терял куда больше. Вахта шла за вахтой, старика подвергали всем тестам Нау, и он неизменно проходил их, принося все больше пользы. В ретроспективе… он всегда оказывался как раз настолько полезен, насколько нужно было. Гм, это, конечно, довольно сильная улика против него. «Ах ты ж Зараза!»

— Ладно, Ритсер, вы с Анне устройте так, чтобы Тринли с Винем можно было в любой момент в морозилку засунуть. Чжау Синя придется оставить в живых, что бы ни случилось, но у нас есть Рита.

— А как насчет Киви Лизолет, сэр? — Ритсер задал этот вопрос с непроницаемым выражением лица, но вахтмастер знал, что внутренне Брюгель ухмыляется.

— А, это?.. Уверен, Киви догадается: до разрешения кризиса нам придется ей несколько раз

мозги прочистить. — Впрочем, при известном везении она будет полезна до самого конца. — Так. Это наши особые случаи, но и всем остальным не составит труда докопаться до правды, если мы допустим ошибку. Высший приоритет надзору и готовности подавить мятеж. — Нау кивнул вице-вахтмастеру. — Весь следующий год придется работать не покладая рук. Коробейники — народ компетентный и ответственный. До начала затеи они нужны нам все, а некоторые пригодятся и после. Единственный перерыв можно сделать на время самой операции. В этом случае пускай остаются наблюдателями.

— А потом скормим им сказочки про наши благородные усилия по ограничению геноцида. — Ритсер ухмыльнулся, перспектива эта явно вдохновила его. — Мне нравится.

Они согласовали общий план. Неотвязники-стратеги с Анне доработают детали. Ритсер прав: это будет сложнее мокрухи с Дьемом. С другой стороны, может, и не понадобится поддерживать иллюзию после завоевания. Взяв под контроль Арахну, Нау получит шанс выбрать лучших пауков и Чжэн Хэ, лучших в двух мирах, а остальных — отбросить. Желанный прохладный оазис в конце долгого-предолгого пути.

45

И вновь спустилась Тьма. Хранкнер почти физически ощущал, как тяготит его вес традиций. Для традов — а в глубине своей он всегда оставался традом — то было время родиться и время умереть; реальность они измеряли циклами. А величайшим был солнечный цикл.

Хранкнер жил под двумя солнцами. Он был уже старым паучарой. Последнее Сошествие Мрака выпало на его молодость. Тогда бушевала мировая война, и не ясно было, уцелеет ли его страна вообще. А в этот раз? Меньшие войны по всей планете. Но большой войны пока не случилось. Если она все-таки грянет, Хранкнер понесет частичную ответственность. А если нет — что ж, ему нравилось думать, что и к этому он окажется причастен.

В любом случае прежние циклы разрушены навеки. Хранкнер кивнул капралу, придержавшему для него дверь. Вышел на тронутые инеем булыжники. Он носил толстые сапоги, теплую одежду и нарукавники. Холод покусывал кончики его рук и обжигал дыхательные пути даже при включенной грелке. Холмы близ Принстона прикрывали город от самых суровых снегов; это обстоятель-

ство вкупе с наличием высокой набережной — вот причины того, что город возрождался в каждом цикле. Но сейчас было уже далеко за полдень летнего дня, а приходилось кропотливо выискивать в небе тусклый солнечный диск. Мир миновал мягкую нежность Лет Увядания, миновал даже Раннюю Тьму. И оказался на грани температурного коллапса, когда слабеющие бури все кружат и кружат по планете, выжимая из воздуха последние капли воды, — чтобы открыть дорогу временам куда более холодным, поре окончательной неподвижности.

В предыдущих поколениях все, кроме военных, уже покоились бы в своих глубинах. Даже в собственном поколении Хранкнера, в Великую Войну, лишь несгибаемые саперы еще сражались так глубоко во Тьме. На этот раз… о, на сей раз солдат вокруг было много. Хранкнера снабдили военным эскортом. Даже охрана Андерхиллова дома носила форму. И то были не сторожа, охраняющие дом от мародерства, обычного в конце цикла. Принстон так и кишел народом. Новые обители Тьмы оказались переполнены. Аннерби еще не видел город таким оживленным.

И в каком настроении? Страх на грани паники, дикий энтузиазм, зачастую обе эти эмоции — у

одной и той же личности. Деловая активность переживала взлет. Всего два дня назад «Программы преуспеяния» купили контрольный пакет акций Принстонского банка. Несомненно, этот хапок истощил финансовые резервы программ и погрузил их в дела бизнеса, о сути которого кодеры понятия не имеют. Безумная авантюра — и вполне в духе времени.

Охранники Хранкнера вынужденно расталкивали в стороны зевак у входа в Дом на Холме. Даже в границах владений суетились репортеры; их маленькие четырехцветные камеры тянулись к нему, свисая с наполненных гелием воздушных шаров. Они не могли знать, кто такой Хранкнер, но видели, куда он направляется, и заметили группу эскорта.

— Сэр, не могли бы вы сообщить…

— Пригрозил ли Саутленд упреждающим ударом? — Этот дернул за веревочку воздушного шара и подтащил камеру так, что она зависла почти над глазами Хранкнера.

Аннерби воздел передние лапы в тщательном пожатии плечами:

— Откуда мне знать? Я всего лишь сержантишка.

Фактически он и *оставался* сержантом, хотя

ранг этот не имел особого смысла. Аннерби стал одним из тех паучар без звания, под чью дудку плясали все военные чинуши. В молодости он таких знавал. Они казались ему далекими, как сам Король. Теперь… теперь он был так занят, что даже время визита к другу приходилось рассчитывать до минуты, прикидывая, чем грозит отсрочка решений по делам жизни и смерти.

Его слова на миг охладили пыл репортеров: как раз хватило времени прошмыгнуть мимо и добраться до лестницы. Все равно… может, стоило промолчать? Аннерби увидел, как репортеры сбились в кучку. Завтра они уже разнюхают его имя. О, где те благословенные времена, когда Дом на Холме считался невинной университетской пристройкой? За много лет эта легенда сильно полиняла. Газетчики полагали, что знают о Шерканере всё.

За дверью из бронированного стекла посторонних уже не было. Вдруг стало очень тихо и слишком тепло, чтобы тут же не скинуть куртку и легинсы. Разоблачаясь, Аннерби увидел, как за поворотом коридора, скрытые от глаз репортерских камер, притаились Андерхилл и его жук-поводырь. Когда-то давно Шерк первым бы выскочил его поприветствовать. Даже во време-

на его высшей славы на радио он без проблем выходил на улицу. Наверное, это эсбэшники Смит его заставили.

— Ну что, Шерк, я здесь.

«Я всегда являюсь на твой зов». Десятилетия напролет каждая следующая идея Шерканера кажется безумней предыдущей — и снова меняет мир. Но и сам Шерканер постепенно менялся. Первое предупреждение Хранк получил от генерала пять лет назад, в заливе Калорика. Потом слухи стали более настойчивыми. Шерканер отошел от активных исследований. Вероятно, работы по антигравитации так ничего и не дали, а ведь Клан уже запускает парящие спутники — Господи, избави от них!

— Спасибо, Хранк. — Аспект его выразил быструю нервную усмешку. — Младшая сказала, что ты будешь в городе, и…

— Малышка Виктория? Она тут?

— Да. Где-то в здании. Ты ее увидишь. — Шерк повел Хранкнера с охраной по главному коридору, не переставая болтать про маленькую Викторию и остальных детей, об исследованиях Джирлиба и базовых тренировках самых младших. Хранкнер пытался себе представить, как они сейчас выглядят. После похищения прошло

уже семнадцать лет… тогда он в последний раз видел паучат.

Целый караван двигался по коридору. Жук-поводырь вел Шерканера, тот — Хранкнера, а последний — свою охрану. Андерхилла то и дело заносило влево, и тогда Моби деликатно направлял его в противоположную сторону, дергая за поводок. Боковую дисбазию, как и тремор, у Шерка вызвало не умственное заболевание, а низкоуровневое поражение нервов. Поцелуй Тьмы сделал его очень поздней жертвой Великой Войны. Он выглядел и говорил так, словно был на поколение старше.

Шерканер остановился у лифта; Аннерби его не помнил по предыдущим визитам.

— Хранк, гляди… Моби, нажми «девять».

Жук вытянул одну длинную волосатую переднюю лапу, нерешительно повел коготком в воздухе, потом ткнул в щель «9» на двери лифта.

— Говорят, что жуков нельзя обучить счету. А вот мы с Моби над этим работаем.

Шерканер сбросил охрану у лифта. Вверх поехали только они двое да еще Моби. Шерканер заметно расслабился, тремор его спал. Он ласково потрепал Моби по спине; жуку-поводырю больше не приходилось так туго натягивать поводок.

— Это только между мной и тобой, сержант.

Аннерби резко взглянул на него:

— Шерк, моя охрана с допуском к секретам полной глубины. Они видели такое, что…

Андерхилл вскинул лапу, глазное поле его сверкнуло в потолочном свете. На миг показалось, что в нем ожил давний гений.

— Это… другое. Я давно хотел тебе это показать, а положение столь отчаянное…

Лифт остановился, двери разошлись. Шерканер повел их по коридору.

— У меня теперь наверху кабинет. Обычно там младшая сидела, но теперь ее призвали, и она соблаговолила мне его уступить! — Коридор некогда находился снаружи; Хранкнер помнил, как шел по нему, глядя на маленький детский парк. Теперь вокруг поднимались стены тяжелого стекла, такого прочного, что выдержит перепад давления даже после того, как воздух выпадет снегом.

Прожужжали электромоторы, двери уползли в стены. Шерканер жестом пригласил друга внутрь. Высокие окна выходили на город. Маленькая Виктория тут жила роскошно. Теперь ее комната превратилась в берлогу Шерканера. Вон там, в углу, старый кукольный домик, переделан-

ный из ракеты, и спальный насест для Моби. Но большую часть пространства комнаты занимали ящики компьютеров и дисплеи сверхвысокого разрешения. Картинки представляли пейзажи Маунтройяла, в цветах таких ярких, что Хранк их только в натуре и видал. Тем не менее было в них нечто сюрреалистичное. Тенистые долины, поросшие лесом, с клетчатыми обертонами. Метели над айсберговыми извержениями, сплошь лавовых цветов. Безумие графики, идиотская видеомантика. Хранкнер остановился и вопросительно показал на дисплеи:

— Я впечатлен, Шерк, но у тебя калибратор плывет.

— Не-не, калибровка в порядке. Это чтобы потайной смысл не выдать. — Шерк примостил насест у консоли и, казалось, вперился в экраны. — Хе-хе. Дикие цвета, нечего сказать… спустя какое-то время… перестаешь замечать… Слушай, Хранкнер, тебе не приходило в голову, что наши нынешние проблемы серьезней, нежели могли быть?

— Почем мне знать? Все такое новое. — Аннерби позволил себе чуть расправить лапы. — Да, согласен, все катится в ад. Саутлендеры только и делают, что кошмарят нас не по-детски. У них

ядерное оружие — сотни две бомб… и системы доставки. Они так стремительно наращивали военный потенциал в погоне за развитыми странами, что влетели в дефолт.

— И обанкротили себя лишь затем, чтобы уничтожить мир?

Тридцать пять лет назад Шерк бы сразу догадался, схватил все, по крайней мере в общих чертах. Теперь он задавал глупые вопросы.

— Нет, — ответил Аннерби тоном профессора. — Во всяком случае, не так это начиналось. Они пытались создать сельскохозяйственную и промышленную базу для долгих лет Тьмы. Они просчитались. Они запасли достаточно, чтобы сберечь от Тьмы пару городов, пару военных объектов. Сейчас Саутленд лет на пять глубже во Тьме, чем остальной мир. Сухие ураганы уже бушуют над Южным полюсом.

И в лучшие-то времена, при Срединной Яркости, Саутленд не мог считаться райским местечком; лишь несколько лет выпадало, когда там было возможно земледелие. Зато полезные ископаемые на континенте имелись в баснословном избытке. Последние пять поколений саутлендеров вовсю эксплуатировали горнодобытчики с севера, и с каждым следующим циклом все более

жадно. А в этом поколении на Юге возникло суверенное государство, и там очень боялись вторжения северян во Тьме.

— Они столько истратили на скачок до АЭС, что даже не позаботились запасти достаточно провианта для глубин.

— А Клан пакостит нам, где только может.

— Ну да. — Педура оказалась гениальной паучихой. Убийства, шантаж, тонкое подстрекательство к панике. Какое бы зло ни назвать — Педура в нем преуспевала. И теперь саутлендерское правительство уверилось, что Аккорд готовится выскочить из засады во Тьме.

— В сети правду говорят, Шерк. Саутлендеры готовы ударить.

Хранкнер глянул поверх чудаковатых картинок на экранах Шерканера. Отсюда Принстон был виден во всех направлениях. Некоторые сооружения вроде Дома на Холме останутся обитаемыми даже после конденсации воздуха. Они выдержат перепад давлений, а питание у них полностью автономное. Большую же часть города сместили под землю. Потребовалось пятнадцать лет строительного безумия, чтобы повторить это по всем городам Аккорда, но игра стоила свеч: они создали цивилизацию, способную выжить неспящей

во Тьме. К сожалению, лишь очень близко к поверхности; ядерная война их быстро уничтожит. Хранкнер создал отрасли промышленности, сотворившие много чудес… «И теперь мы рискуем, как никогда». Нужно еще больше чудес. Хранкнер и миллионы его сотрудников напрягали все силы, стараясь удовлетворить немыслимым требованиям. За последние тридцать дней Аннерби спал в среднем три часа в сутки. Отклонившись от графика и завернув к Андерхиллу поболтать, он пожертвовал одним важным совещанием и одной проверкой. «Я прилетел из верности ему… или в надежде, что Шерк снова нас всех спасет?»

Андерхилл сложил передние лапы домиком над головой.

— Тебе… тебе никогда не приходило в голову, что, быть может, в наших проблемах повинен кто-то другой?

— Черт подери, Шерк! Например?

Шерканер утвердился на своем насесте, и слова хлынули из него бурным, но тихим потоком:

— Например, иномирцы из космоса. Они тут еще до Нового Солнца появились. Мы с тобой их во Тьме видели, Хранкнер. Те огни в небесах, помнишь?

Он продолжал поспешно, тоном совсем не ха-

рактерным для Шерканера Андерхилла прошлых лет. Прежний Андерхилл раскрывал слушателям безумные идеи с хитрой миной или заразительным смехом. Этот Андерхилл говорил быстро, точно опасаясь, что его остановят… или возразят? Этот Андерхилл был похож на… отчаявшегося паука в паутине собственных фантазий.

Казалось, старый друг понял, что его не слушают.

— Ты не веришь мне, Хранк, да?

Хранкнер неловко поелозил на своем насесте. Сколько же ресурсов уже сожжено в топке этой ужасающей бессмыслицы? Другие миры и жизнь на них — одна из самых старых и самых безумных идей Андерхилла. Теперь она снова всплыла после многих лет вполне оправданного забвения. Он достаточно знал генерала, чтобы понять: ей эта идея понравится не больше, чем Хранкнеру. Мир качается на краю бездны, и нет ни времени, ни средств ублажать несчастного Шерканера. Конечно, генерал ему не позволила себя отвлекать.

— Это как видеомантика, гм, Шерк?

«Всю жизнь ты творил чудеса. Сейчас они нам нужны как никогда быстро, как никогда изобильно. А у тебя в запасе одни суеверия».

— Нет-нет, Хранк. Видеомантика — только при-

крытие, чтобы чужаки не заметили. Вот, я тебе сейчас покажу!

Руки Шерканера просунулись в управляющие отверстия. Замелькали картинки, цвета стали меняться. Один ландшафт из летнего стал зимним.

— Минуточку, минуточку. Битрейт низкий, но установка канала требует очень большого объема вычислений.

Андерхилл приник к маленьким дисплеям, которых Хранкнер отсюда не видел. Руки его сновали по консоли.

— Ты больше всех заслужил это увидеть, Хранк. Ты столько для нас сделал; ты мог бы совершить и больше, если бы мы позволили тебе узнать. Ах, генерал…

На дисплеях менялись цвета, пейзажи сливались в пургу низкого разрешения. Прошло несколько секунд.

Шерканер издал негромкий вопль удивления и разочарования.

То, что осталось от картинки, вполне можно было узнать, хотя ширина канала заметно сузилась по сравнению с первоначальной. Похоже на стандартный восьмицветный видеопоток. Они смотрели из камеры наблюдения на кабинет Виктории Смит в Ставке. Картинка довольно

неплохая, но куда ей до истинного зрения или даже видеомантических дисплеев Шерка!

Зато картинка была вполне реальна, как это недвусмысленно обозначалось присутствием генерала Смит за столом. Вокруг Смит высились стопки документов. Она жестом выгнала ассистента из кабинета и внимательно посмотрела на Андерхилла с Аннерби.

— Шерканер, ты к себе в кабинет Хранкнера Аннерби приволок?

Она говорила резко и гневно.

— Да. Я…

— Шерканер, думаю, мы это уже обсудили. Можешь себе забавляться со своими игрушками, сколько душе угодно, а вот тех, кто реальной работой занят, не отвлекай, уж будь любезен.

Хранкнер еще не слышал, чтобы генерал говорила с Андерхиллом в таком тоне и так саркастично. Он понимал необходимость такой отповеди, но не задумываясь отдал бы все, чтобы не видеть этой картины.

Андерхилл было собрался возразить. Он покрутился на своем насесте, умоляющим жестом вскинул руки. Но сказал лишь:

— Да, моя дорогая.

Генерал Смит кивнула и переключилась

на Хранкнера:

— Простите за вмешательство, сержант. Если вам нужна помощь, чтобы догнать график, я…

— О, благодарю, мэм. Возможно, нужна. Я проверю в аэропорту и свяжусь с вами.

— Отлично.

Картинка из Ставки исчезла.

Шерканер опускал голову, пока не улегся на консоль. Лапы его свернулись внутрь и застыли в неподвижности. Жук-поводырь подобрался ближе и недоумевающе потыкал хозяина мордой.

Аннерби придвинулся ближе.

— Шерк? — тихо сказал он. — С тобой все в порядке?

Собеседник помолчал минуту. Потом голова его дернулась вверх.

— Со мной все будет в порядке. Извини, Хранк.

— Я… э-э, Шерканер, мне пора. У меня еще одна встреча… — Не совсем так. Он уже пропустил и совещание, и инспекционную поездку. Но ему еще очень много оставалось сегодня сделать. При помощи Смит, возможно, и получится выбраться из Принстона так быстро, чтобы не до конца завалить график.

Андерхилл неловко сполз с насеста, и Моби подтащил его к сержанту. Когда открылись тяже-

лые двери, Шерканер вытянул переднюю лапу и ласково потянул Аннерби за рукав.

Ну, что еще?

— Никогда не сдавайся, Хранк. Выход есть всегда, как и раньше. Ты увидишь.

Аннерби кивнул, пробормотал что-то сообразное моменту, и его вынесло из комнаты. Спускаясь по застекленному коридору к лифтовой шахте, он видел, как позади у входа в кабинет стоят Андерхилл и Моби. Когда-то Андерхилл проводил бы его до самого фойе. Но кажется, Шерк понял, что между ними пробежала трещина. Перед тем как сомкнулись двери лифта, Хранкнер заметил, как робко махнул ему старый друг жестом прощания.

Потом Андерхилл исчез, а лифт ухнул в глубину. На миг Аннерби захлестнула волна гнева и горя. Странно, что две эти эмоции легко смешиваются. До него доходили слухи о Шерканере, но он не хотел им верить. Как и сам Шерканер, он *желал*, чтобы некоторые вещи оказались правдой, а противоречившие этому данные игнорировал. В отличие от Шерка, Хранкнер Аннерби не мог себе позволить полностью абстрагироваться от горькой правды. Итак, в пору кризиса, когда он наконец разразится, они победят или будут раз-

биты — без участия Шерканера Андерхилла…

Аннерби усилием воли отогнал мысли о Шерканере. Потом можно об этом подумать; даст бог, вспомнится и хорошее, а не только этот день. Сейчас… если ему предоставят самолет из Принстона, он, может, и вернется в Ставку как раз для встречи с заместителями.

Но на уровне старого детского парка лифт замедлился. Аннерби-то думал, что это личный лифт Шерканера. Кто же это может быть?

Двери лифта разошлись…

— О! Сержант Аннерби! Можно я к вам?

Молодая лейтенант в квартирмейстерской нестроевой одежде. Виктория Смит, какой была она много лет назад. Та же великолепная точность движений, та же бесподобная ясность аспекта. Аннерби на миг замер, пораженный, пялясь на видение в дверях.

Призрак ступил в лифт, и Аннерби, все еще шокированный, помимо воли подался назад. Затем военная выправка слетела с вошедшей, и молодая паучиха робко потупила голову.

— Дядя Хранк, вы меня не узнали? Я Вики, но я выросла.

Ну да, конечно. Аннерби выдавил смешок:

— Я… я никогда больше не назову тебя малень-

кой Викторией.

Вики ободряюще погладила его поперек плеч парой лап:

— Нет, вам-то можно. Я почему-то не думаю, что когда-нибудь смогу отдавать вам приказы. Папа сказал, вы сегодня у нас в гостях… Вы его видели? Можно с вами немножко поговорить?

Лифт остановился на уровне фойе.

— Я… Да, я его… Послушай, я очень спешу, мне в Ставку надо вернуться.

После катастрофы наверху он просто не представлял, что сказать Вики.

— О, прекрасно. Я и сама уже в минус заскочила. Давайте я вас в аэропорт подкину. — Она жестом изобразила усмешку. — К тому же это удвоит вашу охрану.

Лейтенанты, бывает, командуют эскортом эсбэшников, но редко получают свой. Группа юной Виктории численностью примерно вдвое уступала отряду охраны Аннерби, хотя на вид казалась даже лучше вышколенной. Несколько охранников явно побывали в горячих точках. Аннерби редко видел паучар телосложением крепче того, кто на верхнем насесте, сразу за водительским. Спускаясь в машину, он отдал Аннерби честь едва уловимым странным жестом, вообще не

военным. Ха! Это же Брент!

— Итак, что папа вам хотел сказать?

Тон ее был безмятежным, но Хранкнер уловил, что Вики напряжена. Она еще не стала безупречно непрозрачным офицером разведки. Может, это и не просчет как таковой, ведь Аннерби знал ее паучонком с детскими глазами.

И потому Аннерби было вдвойне тяжело сказать правду:

— Вики, ты должна знать. Он потерял себя. Он весь ушел в видеомантику и сказки про инопланетных монстров. Генерал была вынуждена лично его заткнуть.

Молодая Виктория промолчала, но руки ее сердито нахмурились. Разгневана? Нет, он услышал, как она тихо шепчет:

— Старый дурак.

Она вздохнула. Несколько секунд ехали в тишине.

Трафик на поверхности был жидковат — пауки в основном путешествовали между глубинами без туннельных сочленений. Уличные фонари изливали лужи синего и ультрасинего сияния, заставляя призрачно сверкать иней, покрывший стены домов и кюветы. Из щелей падал и другой свет, домашний, отсвечивая зеленым там, где

попадал на снежные хлопья во льду. На стенах миллионами выросли хрустальные черви, корнями без устали шаря в поисках тепла. Здесь, в Принстоне, природа продержится почти до сердца Тьмы. Город вокруг и внизу был теплым, растущим живым существом. За стенами и под землей кипела жизнь более бурная, чем за всю историю Принстона. Новейшие постройки делового квартала сияли десятками тысяч оконных щелок, хвастливо расточали энергию на морозе, озаряли широкополосным светом старые здания…

А ядерный взрыв, даже средней силы, убьет здесь каждого.

Вики коснулась его плеча:

— Мне так жаль… папу.

Она лучше его самого знала, как низко пал Шерканер.

— Как давно с ним такое? Я помню, он любил разглагольствовать о космических чудовищах, но никогда — всерьез.

Она пожала плечами, вопрос ее явно не порадовал.

— Он после похищения стал забавляться видеомантикой.

Так давно? Но он вспомнил, в какое отчаяние впал Шерканер, поняв, что наука и логика спасти

детей бессильны. Значит, вот когда были посеяны семена душевной болезни.

— Ладно, Вики. Твоя матушка права. Важно только, чтоб эта чухня не мешала работе. Твоего отца любят, им восхищаются… многие. — «И даже я, до сих пор». — Его бредовым рассуждениям не поверит никто, но, боюсь, ему захотят помочь — может, даже выделить ресурсы на предлагаемые им эксперименты. Мы сейчас не вправе себе этого позволить.

— Да, разумеется. — Но Вики помедлила, прежде чем ответить; верхушки ее рук выпрямились. Не знай Аннерби ее с детства, он бы упустил эту деталь. Она ему всего не сказала, и умолчание немного тяготило ее. Маленькая Виктория всегда отлично умела изворачиваться, особенно если чувствовала себя в чем-то виноватой.

— Генерал ему потакает, так ведь? Даже сейчас?

— Да. Но послушайте, там ничего серьезного. Широкополосную выделенку ему устроила, процессорное время выделяет.

Процессорное время *чего*? Настольников Андерхилла или суперкомпьютеров Аккорд-разведки? Может быть, это и не важно. Он понял, что угнетен Шерк главным образом тем, как генерал

демонстративно изолировала его от важных проектов. Да благословит Господь бедняжку. Виктория Смит, потеряв Андерхилла, наверное, чувствует себя так, словно ей правые лапы по самый панцирь отсекли.

— Ладно.

Какими бы ресурсами ни разбрасывался Шерк, Хранкнер Аннерби ничего с этим поделать не мог. Быть может, высшая мудрость — в старой поговорке: «Делай, солдат, что должен». Он оглядел униформу юной Виктории. На дальнем воротничке нашивка с именем, но ее отсюда не видно. Интересно, там написано «Виктория Смит» (это уж точно привлекло бы внимание старших по званию!), «Виктория Андерхилл» или что-то еще?

— Ну, лейтенант, как вам служится?

Вики усмехнулась, явно ободренная сменой темы.

— Это вызов для меня, сержант. — Она отбросила формальности. — На самом-то деле мне в жизни еще не было так интересно. Базовые тренировки — гм, ну, вы не хуже меня знаете, в чем там суть. Фактически это сержанты вроде вас делают их «чарующе незабываемыми». Но у меня было преимущество: когда я проходила

базовый курс, почти все рекруты оказались в фазе, то есть годами старше меня. Хе-хе. Несложно было их обставить. Теперь… сами видите, что место первой службы у меня не слишком обыденное. — Она жестом обвела набитый охраной салон машины. — Брент сейчас старший сержант, мы работаем вместе. Рапса и маленький Хранк в конце концов тоже попадут в офицерскую школу, но пока что они оба младшие рекруты. Может, вы их на аэродроме увидите.

— Вы все работаете вместе? — как мог скрыл Аннерби свое удивление.

— Да. Мы — команда. Когда генералу нужно быстро кого-нибудь проинспектировать силами тех, кому она полностью доверяет, посылают нашу четверку. — Всех выживших детей, кроме Джирлиба. На миг это откровение лишь усилило мрачный настрой Аннерби. Он задумался, что думают в Генштабе и среди офицеров среднего звена, когда видят, как родственники генерала Смит без спросу лезут в дела высшей секретности. Но… Хранкнер Аннерби когда-то сам служил глубоко в разведке. Старый Страт Гринвал также играл по собственным правилам. Король наделяет шефа разведки особыми прерогативами. Многие разведчики среднего звена считали это

лишь глупой замшелой традицией, но если Виктория Смит решила набрать группу генеральных инспекторов из своих детей… ну что поделать, она в своем праве.

В аэропорту Принстона царила неразбериха. Рейсов, корпоративных чартеров и лихорадочного строительства было как никогда много. Хаос там или что, а генерал Смит проблемы упредила; Аннерби уже отвели в личное пользование реактивный самолет. Машины Вики пропустили прямо на военную часть аэродрома. Они осторожно ехали по отведенным полосам под крыльями выруливающего аэролета. Вспомогательные полосы перекопаны вкривь и вкось, каждые футов сто — кратер, оставленный строителями. К концу года операции по обслуживанию самолетов будут проводиться без выхода на открытое пространство. Постепенно эти ангары приспособят под новые типы летательных аппаратов и работу в условиях, когда сам воздух замерзает.

Вики высадила его возле самолета. Она не сказала, куда направляется этим вечером. Аннерби остался доволен ее выдержкой. Как ни необычно ее нынешнее положение, она, по крайней мере, знает, что пасть надо держать плотно закрытой.

Она вышла вместе с ним на мороз. Ветра не

было, и Хранкнер рискнул обойтись без грелки. Каждый вдох жег, словно огнем. Стоял такой холод, что он видел, как облачка инея клубятся вокруг открытых воздуху частей лап. Может, Вики слишком молода и здорова, чтоб это замечать. Все тридцать ярдов до лайнера она прошла бодро, не замолкая ни на миг. Лишь мрачные знамения визита мешали искренне порадоваться встрече с Вики. Хоть и внефазная, а какой красавицей выросла, и до чего же похожа на свою мать — но острые углы характера Смит смягчены лучшими чертами Шерканера. Черт подери, а может, это *именно оттого*, что она внефазная? От такой мысли он аж заспотыкался. Но, да, Вики всю жизнь не в фазе с остальными и видит вещи иначе. Странным образом мрачные предчувствия его тревожили меньше, когда он смотрел на нее.

Они достигли ветрового навеса у основания самолета, Вики отошла в сторонку, вытянулась и превосходно отработанным жестом отсалютовала ему. Аннерби ответил тем же. И тут стала видна нашивка с именем.

— Какое интересное имя вы себе выбрали, лейтенант. Не от профессии, не от какой-то давней глубины. Откуда?..

— Ну, нет среди моих родителей «кузнеца». И

никто не знает, под каким «холмом» обитали папины предки. Но — видите вон там, позади?..

Она показала.

Позади тянулись сотни ярдов гудронного покрытия; насколько хватало глаз, до рейсового терминала на ровном поле аэродрома велись строительные работы. Но Вики указывала еще выше, в точку над равнинами речной долины. У горизонта сияли огни Принстона, от сверкающих башен до мелких точек в пригородных холмах.

— Возьмите пятью градусами правее и назад от радиобашни. Даже отсюда видно. — Она показывала на дом Андерхилла. В том направлении это был самый яркий объект: сплошная башня света, всех цветов, доступных современным флуоресцентным лампам.

— Папа все хорошо продумал. Нам практически не пришлось перестраивать дом. Пускай воздух замерзнет — дом все равно будет сиять на вершине холма. Вы знаете, как папа любит говорить: «Можно схорониться глубоко внизу — а можно забраться на высоту и дотянуться еще выше». Я рада, что выросла там. И мне захотелось носить имя в честь этого места.

Она повернула нашивку, позволив огням аэродрома выхватить имя: ЛЕЙТЕНАНТ ВИКТОРИЯ

ЛАЙТХИЛЛ.

— Не тревожьтесь, сержант. То, чему вы с папой и мамой положили начало, продержится долго.

46

Ставка Белге Андервиль порядком опостылела. Она тут проводила без малого десять процентов времени, а торчала бы гораздо больше, не наловчись работать с коммуникационными устройствами. Полковник Андервиль служила в контрразведке с пятнадцатого года шестидесятого поколения, то есть более половины последней Яркости. Трюизм, даже в эти времена: под конец Яркости завязываются самые кровавые конфликты. Она ожидала, что дела пойдут наперекосяк, но не так же!

Андервиль явилась на совещание в числе первых. Намеченные действия заставляли ее изрядно нервничать; бить горшки с начальством у Белги желания не было, но именно так выглядела бы со стороны ее позиция. Рахнер Тракт опередил ее и уже готовился к выступлению. На стену за ним проецировались зернистые десятицветные спутниковые фотоснимки. Вероятно, он обнаружил еще несколько пусковых шахт саутлендеров — новые доказательства помощи

Клана «потенциальным жертвам вероломной атаки Аккорда». Завидев Андервиль с помощницами, Тракт приветствовал ее формальным кивком. Между внешней разведкой и контрразведкой всегда были терки. Внешники играли по правилам, неприемлемо жестким для операций внутри государства, но неизменно отыскивали себе подходящее оправдание. Последние несколько лет отношения Тракта с Андервиль особенно напряглись. С тех пор как Тракт оконфузился в Саутленде, ставить его на место стало гораздо легче. «Даже конец света не лишен определенных краткосрочных преимуществ», — мрачно подумала Белга.

Андервиль пролистала повестку дня. Господи, ну что за чушь!.. А может, и нет.

— Рахнер, что скажете насчет этих высотных призраков, э-э?

Вопрос не должен был его раздраконить: Тракт за системы противовоздушной обороны ответственности не нес.

Руки Тракта резко дернулись в жесте отрицания.

— Столько шума, и ПВО нам докладывает всего о трех «явлениях». Явлениях, мать его перемать! Теперь нам известно, что Клан освоил анти-

гравитацию, а они этих паучар все равно не в состоянии толком отследить! Директор ПВО утверждает, что у Клана появилась новая пусковая установка, неизвестная мне. А вы знаете, что начальница будет меня пастью в это тыкать, только чтоб я ее нашел… Херня! — Андервиль не могла бы сказать, сводилось ли мнение Рахнера к этому односложному ответу, или же он отыскал очередную пакость в своих заметках. Впрочем, Тракт больше ничего ей не сказал.

Мало-помалу подтягивались остальные участники совещания: директор ПВО Дагвей (он занял насест подальше от Рахнера Тракта), директор РВСН, директор отдела по связям с общественностью. Потом вошла сама начальница, а почти следом за нею пожаловала королевская министр финансов.

Генерал Смит призвала собравшихся к порядку и официально приветствовала министра финансов. На бумаге министр Нижнимор была единственным, помимо самого Короля, начальником Смит. Фактически же Эмбердон Нижнимор и Смит являлись старыми подружками.

Призраки стояли в повестке дня первым пунктом, и обсуждение пошло в целом так, как и пророчил Тракт. Директор ПВО продолжал трепаться

о трех «явлениях» неопознанных летающих объектов. Наисвежайшие данные компьютерного анализа, предоставленные Дагвеем, показывали, что эти три объекта, скорее всего, спутники Клана, то ли разведывательные, то ли тестовые, для программы запуска каких-нибудь антигравракет. В любом случае больше их не видели. И ни один из них не удалось связать с известными космодромами Клана. Директор ПВО недвусмысленно намекнул, что это прискорбное невежество следует отнести на счет некомпетентных агентов внешней разведки на территориях Клана. Если у противника есть мобильные пусковые установки, об этом крайне важно выяснить все, до последней детали. Андервиль почти ожидала, что Тракт зайдется в приступе гнева от одного намека на очередной провал своих сотрудников, но полковник стоически перенес саркастические ремарки директора ПВО и с их учетом вполне логичные приказы генерала Смит. Тракт знал, что это еще цветочки, а ягодки пойдут в повестке дня последним пунктом.

Следующим взял слово пиарщик:

— Простите, но провести военный плебисцит нет никакой возможности, не говоря уж о том, чтобы получить на нем требуемые результаты.

Народ напуган, как никогда, к тому же временные рамки полностью обессмысливают саму процедуру плебисцита.

Белга кивнула. Для такого вывода консультации пиарщика ей не требовались. Само по себе королевское правительство было достаточно авторитарным, но за последние девятнадцать поколений Завет Аккорда существенно сузил его гражданские полномочия. Корона сохранила за собой исключительные права на древние имения, в том числе земли Ставки, а также ограниченное право налогообложения, но потеряла монополию на печать денег, принудительное отчуждение частной собственности и призыв в армию. В мирное время действовал Завет. Судьи получали фиксированные оклады, а местные полицейские знали, что слишком уж распускать руки нельзя, иначе можно и по мордам получить в реальной перестрелке. В военное время… ну, для этого и предусмотрена была процедура плебисцита, чтобы действие Завета можно было на неопределенный срок приостановить. В Великую Войну это в общем сработало. Сейчас же обстоятельства менялись так быстро, что даже разговоры о плебисците могли спровоцировать войну. До массированного обмена ядерными

ударами оставалось, вероятно, меньше суток.

Генерал Смит выслушала болтовню пиарщика с завидным терпением. Затем настала очередь Белги. Та перечислила обычный перечень внутренних угроз. Всё более или менее под контролем. Значительное влияние сохранили меньшинства, противящиеся модернизации. Некоторые уже сошли со сцены и зарылись в глубину. Другие как следует окопались, но еще не спят; в случае обострения ситуации они могут обеспечить существенные проблемы. Хранкнер Аннерби продолжает творить инженерные чудеса. Даже старейшие города Северо-Востока обзавелись атомными электростанциями, а также, что не менее важно, жилыми зонами с микроклиматом.

— Но разумеется, немногие из них как следует укреплены. Даже не очень сильный ядерный удар приведет к гибели большинства обитателей, а остальным не хватит ресурсов пережить спячку.

Фактически эти ресурсы уже были израсходованы на строительство АЭС и подземных ферм.

Генерал Смит позволила остальным высказаться.

— Есть комментарии?

Несколько комментариев воспоследовало. Пиарщик предложил выкупить некоторые

предприятия, защищенные по высшему классу, — строит планы на следующий день после конца света, хладнокровный мерзавец. Шеф лишь кивнула, предписав Белге и хлыщу совместно проанализировать такую возможность. Заглянула в свою копию повестки дня, проверив отчет контрразведки.

— Мэм? — подняла руку Белга Андервиль. — Я бы хотела обсудить еще кое-что.

— Да, пожалуйста.

Андервиль нервно елозила вокруг пасти пищевыми руками. Теперь пути назад нет. Черт, если бы министр финансов не приперлась…

— Я… Мэм, в прошлом вы были, э-э, крайне либеральны в регулировании рабочего процесса. Вы давали нам поручения и позволяли нам самим выбирать, как с ними справляться. Я вам за это была крайне признательна. Относительно недавно и, быть может, без вашего ведома некоторые сотрудники вашего штаба принялись совершать незапланированные инспекции — если без обиняков, то полуночные рейды — учреждений, находящихся под моей прямой ответственностью.

Генерал Смит кивнула:

— Команда Лайтхилл.

— Да, мэм. — «Твои собственные детишки, а ведут себя так, словно сам Король их генеральными инспекторами назначил». Они сыпали иррациональными, идиотскими требованиями, закрывали отличные проекты, увольняли лучших сотрудников. И это сильнее всего остального укрепляло Белгу в подозрении, что полоумный муженек начальницы все еще вхож к ней в спальню. Белга поникла на своем насесте. Ей и вправду нечего было добавить. А что словами не выразишь, то Виктория Смит прочтет в аспекте; для этого они достаточно давно знакомы.

— В продолжение вышеупомянутых инспекций… удалось ли группе Лайтхилл выявить что-нибудь серьезное?

— В одном случае, мэм. — Одну действительно серьезную проблему, с которой Белга намеревалась разобраться на протяжении следующей десятидневки. Андервиль видела, что за столом по большому счету лишь удивлены ее жалобой. Двое исподтишка мотнули головами в ее сторону — о них ей уже все было известно. Тракт изобразил кончиками лап на столе гневный узор: было похоже, что он вот-вот кинется в драку. Ничего удивительного, что его первого любимчики начальницы наметили своей целью, но, Боже,

одари его мудростью захлопнуть пасть. Тракт сейчас сам на волоске висит, и его поддержка Белге нужна, как альпинисту наковальня.

Начальница склонила голову, вежливо подождала, не захочет ли кто-нибудь высказаться. Затем заговорила сама:

— Полковник Андервиль, я понимаю, что дух ваших сотрудников от этого мог пострадать. Но нам предстоят критические времена, куда более опасные, чем любая формально объявленная война. Мне нужны услуги особых помощников, которые умели бы действовать очень быстро и пользовались бы полным моим доверием. Команда Лайтхилл напрямую подчинена мне. Пожалуйста, не замедлите мне сообщить о любых случаях нарушения ими субординации, но я призываю вас также уважать данные им полномочия.

В словах генерала слышалось искреннее сожаление, но подтекст был ясен: Смит меняет баланс сдержек и противовесов, державшийся десятилетиями. Белгу пронзило тошнотное подозрение, что начальница превосходно осведомлена об эскападах своих паучат.

До этого момента у министра финансов был скорей скучающий вид. Нижнимор — героиня

войны; она шла через Тьму с Шерканером Андерхиллом. Легко о том забыть, взглянув на нее; Эмбердон Нижнимор все годы того поколения взбиралась наверх с другой стороны насеста королевской службы, сделав карьеру придворного политика и арбитра. Она одевалась и вела себя как чучело огородное, мультяшная карикатура на министра финансов. Длинная, тощая, высохшая, старая карга. Теперь Нижнимор склонилась вперед, и хриплый голос ее, с астматической одышкой, прозвучал сперва так же безобидно, как выглядела она сама:

— Боюсь, что это все немного не по моей части. Но я могу дать вам совет. Хотя плебисцит провести не представляется возможным, война, считайте, уже началась. Правительственный аппарат переходит на военный распорядок. Обычные каналы прохождения приказов и отчетов по коридорам власти заглушены. Учитывая данную экстраординарную ситуацию, я хочу, чтобы вы все поняли: я лично и, что еще важнее, Король полностью доверяем генералу Смит. Вам известно, что у шефа разведки свои особые прерогативы. Это не какая-нибудь замшелая традиция, леди и джентльмены. Это общепризнанная королевская политика, и вы все обязаны принять ее

как данность.

Ух ты! Вот тебе и старая карга на посту министра финансов! Вокруг стола послушно закивали, и никто даже не пискнул. Странно: после такой трепки Белге почему-то полегчало. Может, весь мир катится прямиком в ад, но беспокоиться о том, кто там на водительском насесте, не стоит.

Спустя минуту генерал Смит вернулась к повестке дня:

— У нас осталась еще одна неразрешенная проблема, и, пожалуй, самая важная. Полковник Тракт, не расскажете ли нам о ситуации в Саутленде? — Она говорила учтивым, почти сочувствующим тоном. Впрочем, бедняга Тракт понимал, что пробил его смертный час.

И повел себя достойно. Спрыгнув с насеста, он бодрым шагом направился на кафедру.

— Госпожа министр, мэм… — Он поклонился начальнице и Нижнимор. — Мы полагаем, что за последние пятнадцать часов ситуация в известной мере стабилизировалась. — Он вызвал на экран снимки, добытые спутниками внешней разведки, те самые, за изучением которых Белга его застала перед совещанием. Над большей частью саутлендской территории кружилась буря, но пусковые шахты располагались в Сухих Горах

и оставались видны. Тракт убрал с экрана снимки и приступил к анализу. — Саутлендские ракеты дальнего радиуса работают на жидком топливе и потому весьма капризны. Их парламент ведет себя до безумия воинственно, взять хотя бы этот их «ультиматум о сотрудничестве во имя всеобщего выживания», но, как нам представляется, к запуску готово не более одной десятой их ракетного парка. Полная заливка топливных баков отнимает от трех до четырех дней.

— С их стороны, — заметила Белга, — это крайне глупо.

Тракт кивнул:

— Да, но вспомните, что парламентская система управления снижает их скорость реакции на угрозы в сравнении с нашей или Клановой. Их народ одурачили, заставили поверить, что необходимо развязать с нами войну, а не то мы атакуем их во сне. Ультиматум, возможно, выдвинут в неподходящее время, но он отражает попытку определенных фракций парламента представить коллегам столь ужасную перспективу всемирной бойни, чтобы те устрашились и сдали назад.

Директор ПВО спросил:

— И вы полагаете, что они будут вести себя

мирно, пока не закончат заправлять ракеты топливом?

— Да. Ключевой момент — заседание парламента в Саутмосте через четыре дня. Там они рассмотрят наш ответ на их ультиматум, если, разумеется, дождутся его.

Хлыщ-пиарщик поинтересовался:

— А почему бы не принять их требования? Территориальных претензий они не выдвигают. Мы же так сильны, что едва ли понесем имиджевые потери.

За столом гневно зашумели. Генерал Смит ответила куда вежливей, чем полагалось бы среагировать на такой вопрос:

— К сожалению, это не вопрос престижа. Ультиматум саутлендеров требует серьезно ослабить несколько наших армейских лап. Вообще-то, я сомневаюсь, что это повысит безопасность саутлендеров в их тамошних глубинах, зато сделает нас уязвимей перед упреждающей атакой Клана.

Чезни Нойдеп, директор РВСН:

— Действительно, это так. Сейчас саутлендеры — лишь марионетки Клана. Педура с ее кровососами наверняка довольны: чем бы стычка ни закончилась, они в выигрыше.

— Может, и нет, — возразила министр Нижни-

мор. — Я знаю многих южан из высших эшелонов власти; они не злы, не безумны, не бездарны. Тут вопрос в доверии. Король собирается посетить Саутмост как раз на этом заседании саутлендерского парламента и остаться там до конца сессии. Трудно себе представить более убедительный жест доверия с нашей стороны, и, думаю, саутлендеры его оценят, что бы там ни задумала Педура.

Разумеется, за этим-то короли и нужны, но предложение министра вызвало за столом шок. Даже «старый мегасмертьевик» Нойдеп был ошеломлен.

— Мэм… я знаю, что король вполне властен так поступить, но я не согласен. Это не вопрос доверия. Конечно, на юге предостаточно компетентных и разумных чиновников. Год назад Саутленд был нам почти союзником. На всех уровнях правительства имеются наши симпатики. Полковник Тракт сообщил, что у нас там, если без обиняков, *шпионы* на влиятельных постах. Если бы не это, полагаю, генерал Смит с охотой поощрила бы технический прогресс Саутленда. Но еще года с той поры не прошло, а мы, кажется, растеряли все свое влияние на юге. Теперь я вижу там государство, нашпигованное агентурой Клана. И даже если большинство депутатов пар-

ламента порядочные политики, это *уже не имеет никакого значения*. — Нойдеп ткнул двумя руками в Тракта. — Полковник, а вы что скажете?

Время раздавать оплеухи. Оно наступало на всех совещаниях недавнего времени, и каждый раз жертвой оказывался Тракт.

Тракт слегка поклонился «мегасмертьевику»:

— Сэр, я считаю ваш анализ в целом верным, хотя в РВСН Саутленда агентов Клана, по моей оценке, не много. Тамошнее правительство было дружественно нам — и, готов я поклясться, напичкано влиятельными агентами Аккорда. Клан активничал, но мы их вытесняли. А потом, шаг за шагом, стали терять позиции. Поначалу — провалы агентов, затем — роковые неприятности, потом — покушения, которые мы не успевали предотвратить. Недавно начались сфабрикованные уголовные процессы… Наш враг умен.

— Правомерно ли заключить, что достопочтенная Педура не имеет себе равных среди нас? — спросил директор ПВО. Каждое слово его сочилось ядом.

Тракт мгновение молчал. Пищевые руки его нервно дергались. На прежних совещаниях он в этот миг переходил в контратаку, вываливая на оппонента статистические данные и блестящие

новые проекты. Теперь в нем что-то надломилось. Белга Андервиль считала Тракта своим врагом, отъявленным бюрократом, с тех самых пор как похищали детей начальницы, но сейчас ей стало за него прямо-таки неудобно. Когда Тракт наконец ответил, голос его сорвался на придушенный визг:

— Да нет же! Вы не понимаете… я… у меня друзья погибли, а остальных я потерял, потому что разуверился в них. Я давно заподозрил, что у нас сидит глубоко законспирированный агент Клана. Я все сужал и сужал круг сотрудников, с которыми делился критической информацией, иногда утаивая ее даже от своей непосредственной начальницы… — Он мотнул головой в сторону генерала Смит. — И наконец начали пропадать секреты, которыми я не делился ни с кем, кроме собственной шифровальной аппаратуры.

Повисло тяжелое молчание: до аудитории начали доходить очевидные следствия этого утверждения. Тракт, казалось, глядел внутрь себя, и ему было все равно, что остальные могут счесть его предателем из предателей. Наконец он заговорил снова, тише:

— Не было мне равных в паранойе и стремлении взять всю работу на себя, насколько это

вообще возможно. Я пользовался разной аппаратурой, различными шифрами. Я сливал тщательно продуманную дезу… И я вам говорю, у нас теперь враг посерьезней достопочтенной Педуры. Каким-то образом вся наша хитроумная наука повернулась против нас.

— Ерунда! — бросил директор ПВО. — В моем департаменте к достижениям «хитроумной науки», как вы изволили выразиться, прибегают интенсивней всего, и мы полностью удовлетворены результатами. В руках профессионалов компьютерные, сетевые и спутниковые технологии разведки дают потрясающие результаты. Вы только взгляните, какой глубокий анализ случаев появления НЛО на радарах нам удалось провести. Конечно, сети можно взломать. Но мы мировые лидеры по этим направлениям. Что бы там ни сломалось, а шифрование будет полностью устойчиво… Или вы утверждаете, что врагу удалось взломать наши шифры?

Тракт неловко отполз от своего места за кафедрой.

— Нет. Таково было мое первое и основное подозрение, но мы ведь проникли в самое сердце шифровального отдела Клана и чувствовали себя там в безопасности до недавнего времени. Если и

можно в чем-то быть уверенными, так это в том, что им наша криптография не по зубам. — Он бессильным жестом обвел присутствующих. — Эх, а вы ведь так и не врубились… Я вам вот что говорю: в наших сетях орудует какая-то сила, активно противостоящая нам. Не важно, что мы предпринимаем: ей ведомо больше, и она поддерживает наших врагов…

Сцена была патетическая: полный личностный коллапс. Тракту осталось списывать свои неудачи на призраков. Может, Педура и вправду немыслимо хитроумна, а более вероятно, что Тракт — предатель из предателей.

Белга половиной зрительного поля следила за начальницей. Генерал Смит вхожа в глубокое гнездо Короля. Без сомнения, она может пережить провал Тракта, попросту отказавшись от его услуг.

Смит жестом подозвала сержанта охраны от дверей:

— Проводите полковника Тракта в приемную для офицеров штаба. Полковник, я через несколько минут подойду, и мы поговорим. Считайте, что вы по-прежнему на службе.

Казалось, миновала целая секунда, прежде чем до Тракта дошел смысл ее слов. Его повели

к дверям, но явно не для ареста и даже не для немедленной пытки вопросами нижестоящих.

— Да, мэм. — Он выпрямился, приняв подобие осмысленной позы, и укатился следом за сержантом.

Когда Тракт ушел, в комнате стало очень тихо. Белга знала, что каждый смотрит на всех остальных и думает очень мрачные думы. Наконец генерал Смит сказала:

— Друзья мои, полковник был прав. Несомненно, у нас действуют глубоко законспирированные жуки Клана. Но эффективность их слишком высока, слишком равномерна по всем нашим отделам. В нашей системе собственной безопасности существует систематический просчет, и мы пока даже не понимаем, в чем он состоит… Надеюсь, вам ясно, для чего нужна команда Лайтхилл?

47

С тех пор как В(ы)ключенная очередной раз вернулась к жизни, прошло сорок лет. Ритсер Брюгель находился на вахте не постоянно, однако Изгнание все же пожирало время его жизни. Теперь Изгнание близилось к долгожданному концу. Что готовилось годами, решится за считаные дни. Меньше четырех суток — и Ритсер

станет вице-правителем целого мира.

Брюгель парил над плечом неотвязника, дистанционно управлявшего десантным модулем, и тихо наблюдал за показаниями бота. Несколькими секундами раньше модуль прекратил торможение и расправил метровые крылья. Все еще на высоте сорока километров, он призраком несся над бесконечным ковром огней, окутанным уходящей в рекурсивную бесконечность сияющей паутиной. Неотвязники называли это место Большим Южным Кингстоном. Мегагород пауков. Планета продолжала остывать, но место это пустыней не стало. Мегалополисы пауков очень напоминали френкийские. Настоящая цивилизация, увенчанная плодами сорока лет непрерывного прогресса. Достижения паучьей технологии пока что уступали высоким стандартам Человечества, но под надзором неотвязников это отставание можно скорректировать за десятилетие-другое. «Сорок лет, как меня низвергли до десятника, а вскоре я стану десятимиллионником». А потом… если в мире пауков действительно скрываются ключи к высочайшим технологиям… настанет день, и они с Томасом Нау возвратятся на Френк и Балакрею, чтобы воцариться и там.

Спустя три секунды картинка распалась на дюжину себе подобных, затем на дюжину дюжин.

— Что за?..

— Бот разделился на вспомогательные субъединицы, вахтмастер. — Рейнольт говорила холодным, почти издевательским в своей вежливости голосом. — Без малого двести мобилей — кое-что в Саутмосте у нас останется. — Она отвернулась от экрана и посмотрела ему чуть ли не в глаза. — Странно, что вы вдруг так пристально заинтересовались подробностями операции, вахтмастер.

Он ощутил, как в ответ на ее наглую ремарку внутри всколыхнулся былой гнев, но лишь едва заметно, так что даже дыхание не сбилось и зрение совсем не помутилось. Он слегка пожал плечами. «Теперь я и с Рейнольт могу сладить». Возможно, Томас Нау прав: быть может, Брюгель просто повзрослел.

— Я хотел бы увидеть, как в действительности выглядят эти создания.

Знай своих рабов. Вскоре они зажарят сотню миллионов пауков заживо, но надо же как-то научиться уживаться с теми, кто уцелеет.

Шпионские беспилотники беззвучно снижались над застывшей льдом протокой. Некоторые

продолжали вращаться, и Ритсер мельком увидел облака, верхний слой — урагана? Двести пулек величиной с палец, в течение следующей тысячи секунд все они приземлились, большинство — в глубокие сугробы, некоторые — на скалистой пустоши. Но случались и удачные приземления.

Нескольким беспилотникам удалось опуститься на какой-то дороге, озаренной синюшным светом фонарей. Одна из камер показала далекие, задрапированные снегом руины. Мимо громыхали тяжелые загерметизированные машины. Неотвязник Рейнольт вытащил своих ищеек на эту дорогу. Он пытался поймать попутчика. Один за другим модули прекращали трансляцию и выключались. Ритсер глянул в окошко инвентарного учета.

— Лучше бы они сработали, Анне. У нас остался еще только один сегментируемый бот.

Рейнольт не потрудилась ему ответить. Ритсер заставил себя нагнуться и похлопать ее специалиста по плечу:

— Итак, удастся ли тебе хоть одного под крышу запустить?

На ответ он и тут особо не рассчитывал; фокусированный разум в контрольной петле редко реагирует на внешние стимулы. Но спустя мгно-

вение неотвязник кивнул:

— Зонд сто тридцать два справляется. Мне осталось триста секунд высококачественной трансляции. Мы всего в паре метров по эту сторону двери. Он собирается проникнуть… — Неотвязник замолчал и приник к своей консоли. Он дергался во все стороны, как фанат, играющий в виртуалку через наглазники, и это описание в известном смысле было точным. Одна из картинок прыгнула вверх, потом вниз: неотвязник ввел устройство в дорожный трафик.

Брюгель оглянулся на Рейнольт:

— Чертова задержка! Как вы вообще думаете…

— Это еще не худший вариант. Мелин очень хорош в дистанционной координации. Наша основная проблема — паучьи сети. Зачерпывать оттуда данные можно, да, но вскоре придется перейти на взаимодействие в жестком режиме реального времени. Десятисекундная задержка при проходе сигнала туда и обратно превосходит некоторые значения времени ожидания ответа в сети.

Пока она говорила, в основной камере сверкнула блестящая нить. С проворством фокусника, подсказанным неотвязной интуицией, Мелин сумел принайтовить гаджет к борту машины.

Картинка несколько секунд пьяно дергалась, пока Мелин не синхронизировал поворот. В стене впереди распахнулась дверь, и машина проехала внутрь. Прошло тридцать секунд. Казалось, стены едут вверх. Что-то вроде лифта? Но если верить масштабной линейке, помещение было просторней рокетбольного корта.

Тянулись секунды, и Брюгель поймал себя на мысли, что зачарован зрелищем. Долгие годы вся информация о пауках поступала через вторые руки, от переводчиков-неотвязников Рейнольт. Довольно существенна в ней примесь сказочного мусора: слишком уж там все мило. Он хотел взглянуть, как обстоят дела в действительности. Микроспутники оптической разведки получили некоторые снимки, но разрешение было ахововое. Несколько лет Ритсер надеялся, что пауки наконец изобретут видео высокого разрешения и тем позволят ему присмотреться как следует. Надежды пропали втуне: психология паучьего зрительного восприятия слишком отличалась от человеческой. Сейчас почти пять процентов военного комм-трафика пауков составляли картинки исключительно высокой четкости, которые Триксия Бонсол называла видеомантикой. Без интерпретации с существенной потерей каче-

ства людям они казались полной бессмыслицей. Он подозревал, что это какой-то стеганографический контейнер, но переводчики доказали ищейкам Каля, что видео вполне невинное — и притом весьма впечатляющее для пауков.

Но сейчас, всего через несколько секунд, он увидит этих монстров так, какими предстанут они человеческому глазу.

Движения в поле обзора камеры не просматривалось. Если это лифт, спускается он очень долго. И ничего удивительного, учитывая, какая на Южном полюсе погодка.

— А мы не потеряем сигнал?

Рейнольт ответила не сразу:

— Не знаю. Мелин пытается установить в лифтовой шахте маршрутизаторы. Меня больше беспокоит, не обнаружат ли их. Если даже плавкие предохранители сработают…

Брюгель рассмеялся:

— Да кого это колышет? Рейнольт, вы разве не понимаете? Четырех дней не пройдет, как мы их покорим.

— Аккорд впадает в панику. Они только что выкинули со службы своего старшего управляющего. Из данных прослушки совещания следует, что Виктория Смит заподозрила вмешательство

в работу сети.

— А, эта начальница разведки? — Брюгель на миг задумался. Наверное, это случилось совсем недавно, иначе… — В любом случае у них меньше четырех дней. Что они успевают?

Рейнольт смотрела на него обычным непроницаемым взглядом.

— Могут перекроить свою сеть, могут вообще отказаться от нее. Это нас остановит.

— И приведет к их поражению в войне с Кланом.

— Да. Если, конечно, они не сподобятся доказать Клану, что во всем виновны чудовища из космоса.

Да уж, серьезная опасность, нечего сказать. Эта женщина просто не в себе. Ритсер улыбнулся в ее хмурое лицо. «Но так и должно быть. Такой мы тебя сделали».

Двери лифта раскрылись. Камера передавала только один кадр в секунду, низкого разрешения. Черт побери!

— Есть! — Мелин был явно доволен.

Он наконец установил ретранслятор.

Картинка стала четкой и резкой. Робот-шпион выбрался из дверей кабины, и Мелин развернул его глаза в сторону неимоверно крутой лестни-

цы, похожей на пожарную. Интересно, что это за место? Может, погрузочный отсек? Маленькая камера сновала по углам, скрываясь и выглядывая пауков. По масштабной линейке стало ясно, что пропорции тел чудовищ соответствуют ожидаемым. Взрослая особь примерно по бедро Брюгелю. Существа умели растягиваться далеко по земле в позе полуприседа, как на картинках, найденных в библиотеке перед Поджигом. И очень мало походили на ментальный образ, сформированный по переводам неотвязников. А одежду они носят? Если да, то совсем не человеческую. Чудовища были завернуты в подобия знамен на кнопках. У многих по бокам туловища свисали тяжелые рюкзаки. Двигались они быстрыми, резкими прыжками; передние конечности, острее клинков, рассекали воздух впереди и по сторонам. В помещении было не протолкнуться: толпа выглядела однородной, хитиново-черной, не считая несогласованных друг с другом оттенков одежды. Головы блестели, точно исполинские драгоценности. Паучьи глаза. А где рот? Ага, тут переводчики подобрали хороший эквивалент: *пасть*. Зияющая дыра, окаймленная маленькими когтями, — это их Бонсол с компанией обозначили как «пищевые руки»? Когти пребывали в

постоянном движении, словно существа корчились от боли.

В большом скоплении пауки напугали его даже сильнее, чем в кошмарах: так и представляешь, как давишь их, давишь и давишь, а они все ползут, ползут и ползут… Ритсер с трудом перевел дыхание. Его успокаивала только мысль, что, пройди все по плану, менее чем через четыре дня вот эти конкретные твари сдохнут.

Впервые за сорок лет через систему В(ы)ключенной пролетит звездолет. Прыжок очень короткий, менее двух миллионов километров, по цивилизованным меркам это все равно что палатку передвинуть. Но на большее их уцелевшие корабли были, пожалуй, не способны.

Чжау Синь наблюдал, как готовят к полету «Невидимую руку». «Рука» всегда была передвижным ленным владением Ритсера Брюгеля, но Чжау знал вдобавок, что это единственный звездолет, который за сорок лет не растащили на запчасти.

За несколько дней до прибытия «пассажиров» Чжау забрал весь водород с первой точки Лагранжа. Несколько тысяч тонн, капля в миллионотонном первичном баке ионного прямоточного двигателя, но достаточная, чтобы перенести их с

первой точки Лагранжа к планете пауков.

Чжау с Фамом Тринли проинспектировали воронку корабельного двигателя. Это зрелище неизменно доставляло Чжау странные чувства. В двухметровой щели десятилетиями полыхало адское пламя, разгоняя корабль Чжэн Хэ до тридцати процентов скорости света. Внутренняя поверхность отшлифована до микрометров. Единственным свидетельством яркого прошлого двигателя оставался фрактальный узор серебряных и золотых нитей, тускло отсвечивавший под нашлемными лампами. Это была встроенная в стенки микропроцессорная сеть, которая фактически и управляла полями, но, если в ходе полета начнется горловая кавитация, даже быстрейшие процессоры во Вселенной их не спасут. Дотошный Тринли торжественно провел лазерометрическую инспекцию, но в результатах усомнился.

— Тут девяностомикронная трещина со стороны порта, ну и черт с ней. Новых дырок не появилось, уже хорошо. Может, выгравируем тут твое имя, все равно ведь разницы никакой? Ты что там планируешь, пару сотен килосекунд на долях *g*?

— Угу. Начнем с плавного продолжительного

разгона, окончательное торможение продлится тысячу секунд, перегрузка немного больше *g*. — Тормозить нельзя, пока не окажутся над открытым океаном. В любом другом месте они подсветят небо Арахны ярче солнца, и это увидят все пауки на той стороне планеты.

Тринли величественно небрежным жестом отмахнулся:

— Будь спок. Я много раз летал внутри систем на тачках похеровей.

Они выбирались с носовой стороны воронки; тут гладкая поверхность расширялась и начинались полевые проекторы, смотревшие вперед по курсу. Тринли ни на миг не закрывал рта, продолжая бахвалиться. Конечно, его истории в основном правдивы, но взяты из легенд, это уж точно. Тринли кое-что знал о корабельных двигателях, спору нет. Трагично другое: тут никто не знал о них больше его. Все летчики-инженеры Чжэн Хэ, обладавшие соответствующими знаниями, погибли в первоначальном бою, а последний оставшийся на вахте неотвязник нужного профиля пал жертвой разбегания гнили.

Они вылезли на нос корабля и по причальному тросу добрались до шлюпки. Тринли замолчал и обернулся.

— Я тебе завидую, Чжау, сынок. Ты только погляди на свой корабль! Почти миллион тонн! Далеко ты не улетишь, зато поведешь «Руку» к сокровищам и клиентам, ради встречи с которыми мы пролетели пятьдесят световых лет!

Чжау поддержал его широкий жест. За много лет Чжау понял, что театральные жесты Тринли всего лишь пустое бахвальство, но порою они брали за душу. «Невидимая рука» выглядела очень внушительным звездолетом: сотня за сотней метров корпус изгибался вдаль, принимая идеальную форму для сред и скоростей на пределе человеческих возможностей. А за кормовыми кольцами, в полутора миллионах километров позади, висел бледно светящийся диск Арахны. «Первый контакт, и я поведу корабль». Чжау следовало бы собой гордиться…

В последние сутки перед отлетом Чжау был по горло занят окончательными проверками и загрузкой провианта. Менеджеров и неотвязников на борт возьмут более сотни. Чжау не знал, какие точно специальности там представлены, но предполагал, что вахтмастера желают интенсивно манипулировать сетями пауков, не отвлекаясь на десятисекундную задержку при операциях из первой точки Лагранжа. Разумный ход. Что-

бы спасти пауков от самих себя, понадобится неимоверный объем дезы; не исключен перехват контроля над целыми комплексами стратегических систем оружия.

Чжау уходил со смены, когда в его маленьком кабинетике рядом с рубкой «Руки» появился Каль Омо.

— Еще одно задание, старший пилот. — Узкое лицо Омо прорезала лишенная веселья усмешка. — Считайте это авралом.

Они сели в шлюпку и спустились на астероид, но не в Хаммерфест. За дугой Алмаза-1, в алмазах и льдах, располагался шлюз в первую точку Лагранжа-А. Рядом с арсеналом причалили еще две шлюпки.

— Вы изучили боевые платформы «Руки», старший пилот?

— Да. — Синь на «Руке» изучил все, кроме частной секции Брюгеля. — Но ведь кто-нибудь из Чжэн Хэ мог бы лучше меня…

Омо покачал головой:

— Для такой работы коробейники не подойдут, даже господин Тринли.

Они потратили несколько секунд, минуя охранные системы главного шлюза, но внутри проход в оружейную кладовую оказался свободен. Там сто-

ял шум: трудились складские роботы и режущие станки. Выложенные вдоль стен яйцеобразные предметы были помечены символами, означающими оружие: древними знаками ядерных боеголовок и систем направленного высокоэнергетического оружия, принятыми у Чжэн Хэ. Издавна ходили слухи, что в первой точке Лагранжа-А сохранилось оружие. Теперь Чжау убедился в этом воочию.

Омо провел его вниз по проходу мимо немаркированных ящиков. В первой точке Лагранжа-А консенсуальный обзор был недоступен. Кроме того, это место оставалось одним из немногих в первой точке Лагранжа, куда не допустили локализаторы Чжэн Хэ. Автоматика простая, с защитой от дурака. Они пролетели мимо Рэя Сирета, который надзирал за группкой неотвязников на строительстве чего-то очень похожего на пусковую установку.

— Мы перенесем на «Невидимую руку» большую часть этого оружия, господин Синь. Много лет мы собирали его фрагмент за фрагментом, стараясь создать как можно больше транспортируемых устройств. Мы сделали все, что было в наших силах, но без заводов, поставляющих запчасти, получилось не очень хорошо. — Он

махнул в сторону устройства, напоминавшего гибрид двигателя Чжэн Хэ с тактической ядерной боеголовкой авральников. — Пересчитайте. Восемнадцать ядерных бомб ближнего радиуса действия. В ящиках — начинка для дюжины боевых лазеров.

— Э-э… я не понял, вахтсержант. Вы же военные люди. У вас собственные спецы. Зачем вам тут…

— …старший пилот и к чему его в такое дело втягивать? — Снова безрадостная усмешка. — Чтобы спасти паучью цивилизацию, нам, не исключено, придется использовать кое-что из запасенного здесь, действуя с «Невидимой руки» на низкой орбите. Вашим пилотам понадобится назубок выучить последовательности команд подготовки и запуска.

Синь кивнул. Это он мог принять. Наиболее вероятным спусковым крючком гибельной всемирной войны на Арахне станет текущий кризис на Южном полюсе. После прибытия люди станут пролетать над этим местом каждые пятьдесят три сотни секунд, а малые летательные аппараты почти постоянно будут его мониторить. Томас Нау о лазерах уже упоминал. Что же касается ядерных торпед… ну, может, это орудие устрашения.

Вахтсержант продолжал экскурсию по складу,

описывая ограничения каждого из воссозданных устройств. Большая часть их могла функционировать в направленном режиме, и неотвязники Омо превратили их в грубые бомбы-копатели.

— И на борту «Невидимой руки» нам нужны почти все неотвязники-сетевики. Они выступят корректировщиками огня при маневрах; в зависимости от избранной цели могут потребоваться серьезные изменения орбиты.

Омо говорил с энтузиазмом рвущегося в бой человека, и это быстро лишило Чжау возможности притворяться перед самим собой. Примерно год Чжау со всевозрастающим трепетом следил за приготовлениями; некоторые детали от него не укрылись. Но для каждой предательской возможности он подыскивал правдоподобное мирное объяснение. Он изо всех сил держался за эти «правдоподобные объяснения». Это позволяло ему чувствовать себя хоть сколько-нибудь порядочным человеком; позволяло смеяться, когда они с Ритой планировали будущее среди пауков и с детьми, которые у них наконец появятся.

Вероятно, на лице Чжау таки отобразился ужас, потому что Омо прервал череду убийственных откровений и обернулся взглянуть на него.

Чжау спросил:

— Почему?

— Почему я тебе взялся это растолковывать? — Омо наставил палец в грудь Чжау, толкнув его к стене прохода. Ткнул снова. Суровое лицо его исказилось отвращением. Праведным гневом власть предержащего авральника, точно как на Балакрее, родной планете Чжау. — В общем-то в этом нет особой необходимости, э? Но с тобой случилось то же, что со многими нашими вахтенными. Ты прогнил изнутри, стал вроде коробейников. Остальных мы сможем подурачить еще немного, но, когда «Рука» выйдет на низкую орбиту, от тебя потребуем беспрекословного и осознанного подчинения. — Омо еще раз ткнул его пальцем в грудь. — Ты меня понимаешь?

— Д-да. Ой, да!

«О Рита, Рита! Никогда нам не вырваться с Аврала».

48

Из Аттика Хаммерфеста одновременно выводили более сотни неотвязников. Трад Силипан, как истинный гений своего дела, задумал переправить всех одним махом. Эзр направлялся в клетушку Триксии, плывя против людского потока. Фокусированных выгоняли группками

по четыре-пять человек, сперва из крохотных, похожих на капилляры коридорчиков, которые вели к их клетушкам, затем в промежуточные вестибюли и, наконец, в основные коридоры. Погонщики действовали вежливо, но маневр все равно был не из легких.

Эзр оттолкнулся и влетел в служебную нишу, тихую заводь в потоке. Мимо плыли люди, которых он целыми годами не видал. Специалисты с Трехземья и флотские, из Чжэн Хэ, сфокусированные сразу после атаки, совсем как Триксия. Несколько погонщиков приходились своим фокусированным близкими друзьями. Вахта за вахтой они навещали тех, кого потеряли навеки. Сперва таких посетителей было много, но шли годы, и надежда таяла. Может быть, однажды… Нау их освободит, он ведь обещал. А неотвязникам хоть бы хны: посещения их скорей раздражали. Лишь редкостные идиоты продолжали к ним наведываться после стольких лет.

Эзр никогда еще не видел стольких неотвязников одновременно. Вентиляция в коридоре работала хуже, чем в клетушках; воняло немытыми телами. Анне заботилась о здоровье общественного ресурса, но это не значило, что все неотвязники были чисты и опрятны.

Бил Фуонг висел на стене у перекрестка людских потоков, направляя своих погонщиков. Большинство команд составляли неотвязники родственных профессий. До Виня доносились обрывки оживленных разговоров. Может, их взволновала судьба, уготованная миру пауков?.. Но нет, долетавшие слова, за вычетом технической белиберды, выражали только нетерпение. Старшая женщина, взломщик сетевых протоколов, толкнула своего погонщика, на полном серьезе обратясь к нему напрямую:

— Когда же?

Голос ее был резким и неприятным.

— Когда нас вернут к работе?

Еще кто-то из команды этой женщины провизжал нечто вроде «У меня уже стейк давно остыл!» — и напустился на своего погонщика. Отрезанные от потоков входящей информации, бедняги с ума посходили. Вся группа принялась орать на пастуха. И стала ядром растущего в потоке тромба. Вдруг Эзр понял, что близится нешуточный мятеж — бунт рабов, у которых отобрали их работу! Погонщик-авральник явно осознал эту опасность. Он сместился в сторону и огрел двух самых оголтелых крикунов станнером. Те судорожно дернулись и обмякли. Лишившись очага

протеста, остальные перешли к разноголосому нытью.

Бил Фуонг подошел успокоить последних неотвязников-драчунов и бросил на погонщика команды неласковый взгляд.

— Еще двоих придется перенастраивать.

Погонщик утер со щеки кровь и окрысился:

— Ты это Траду скажи, чего ко мне пристал?

Подхватив станнер, он толкнул безжизненные тела неотвязников в сторону стада товарищей. Толпа двинулась дальше, и спустя несколько секунд Винь увидел, что проход в дальний конец коридора расчистился.

Переводчиков не отсылали на «Невидимую руку», а значит, в этом секторе Аттика должно было быть более или менее спокойно. Но, добравшись туда, Эзр увидел, что двери клетушек распахнуты, а переводчики суетятся в капиллярном коридорчике. Эзр протиснулся мимо перепуганной толпы орущих неотвязников. Триксии и след простыл. Спустя несколько метров ему навстречу из другого коридора вылетела Рита Ляо.

— Рита, а погонщики где?

Ляо раздраженно воздела руки горé:

— Заняты где-нибудь, а ты как думал? А тут еще какой-то идиот выпустил переводчиков!

Трад и вправду сам себя превзошел, хотя, скорее всего, это кого-то случайно переглючило. По иронии судьбы переводчиков, которых никуда не собирались везти, не пришлось выгонять из камер: они выбрались оттуда сами и громко требовали дальнейших указаний.

— На А-рах-ну! На А-рах-ну!

— Поближе к паукам!

Да где же Триксия? Эзр услышал крики откуда-то сверху и в углу. Он полез туда и нашел Триксию с остальными переводчиками. Триксия выглядела искренне дезориентированной: она совсем отвыкла видеть мир за дверью клетушки. Но его она узнала.

— Заткнитесь! — заорала она. — Заткнитесь все! — И гам стих. Триксия взглянула примерно в ту сторону, где завис Эзр.

— Четвертый, когда мы летим на Арахну?

Четвертый?

— Гм. Скоро, Триксия. Но не в этом рейсе, не на «Невидимой руке».

— Почему не в этом? Меня не устраивает такое запаздывание!

— Потому что сейчас ты нужна своему вахтмастеру.

На самом деле такова и была легенда: на низкой

орбите Арахны требуются только сетевые функции нижнего уровня. Фаму и Эзру было известно подлинное, мрачное объяснение: Нау хотел, чтобы, когда «Рука» возьмется за дело, свидетелей там оставалось поменьше.

— Когда будет безопасно, ты тоже туда отправишься, Триксия. Обещаю.

Он потянулся к ней. Триксия не оттолкнула его, но крепко вцепилась в пристенный крюк. Попытки отвести ее обратно в камеру оказались тщетны.

Эзр взглянул через плечо Триксии на Риту Ляо:

— Ну что нам делать?

— Так, погоди. — Рита коснулась мочки уха, прислушалась. — Фуонг и Силипан вернутся загнать их в камеры, как только погрузят остальных на «Невидимую руку».

Господи, это еще долго. Двадцать переводчиков успеют потеряться в лабиринте Аттика. Он нежно взял Триксию за руку.

— Давай вернемся в твою комнату, Триксия. Э-э, послушай, чем дольше будем тут болтаться, тем больше информации пропустишь. Думаю, ты свои наглазники в комнате оставила? А по ним, между прочим, можно передавать вопросы Флоту.

Триксия наверняка оставила наглазники в комнате по той простой причине, что их отключили от сети. Но сейчас достаточно было просто издавать успокаивающий треп ни о чем.

Триксия в нерешительности перехватывала крюк за крюком. Внезапно развернувшись, она оттолкнула его и влетела обратно в уходящий вниз, к ее клетушке, коридорчик. Эзр последовал за ней.

Клетушка среагировала на появление Триксии, снова тускло загорелись лампы. Триксия сгребла наглазники, Эзр синхронизировался с ними. Связь не полностью отключена. Эзр видел обычные картинки и выплески текста: не прямая трансляция с планеты, но что-то вроде того. Взгляд Триксии метался от дисплея к дисплею, пальцы стучали по старой клавиатуре, хотя она, казалось, забыла подключиться к информационной службе Флота. Один лишь вид рабочего места притянул ее обратно к центру фокуса. Всплывали новые и новые текстовые окошки. Бессмысленные для Эзра глифы означали, вероятно, транскрипцию речи пауков — так быстро они менялись, — а может, какую-то радиопередачу или, учитывая текущую обстановку, перехват военных переговоров.

— Не могу я смириться с таким запаздыванием. Так просто нечестно.

Снова долгое молчание. Она открыла еще один текстовый фрейм. Картинки рядом с ним мелькали цветными вспышками — один из паучьих видеоформатов. На передачу в реальном времени это пока не было похоже, но Эзр узнал структурный мотив; он часто видел такие картинки в клетушке Триксии. Триксия ежедневно переводила этот коммерческий новостной канал.

— Они ошибались. Генерал Смит — вот кто полетит в Саутмост, а не король. — Напряжение не до конца оставило ее, но приблизилось уже к обычной сосредоточенности фокуса.

Еще через несколько секунд в комнатушку просунулась голова Риты Ляо. Эзр развернулся и увидел, что на лице Риты написано искреннее изумление.

— Ты волшебник, Эзр. Как ты сумел их всех успокоить?

— Я… Я думаю, Триксия мне доверяет, и всё.

Глубинная надежда, оформившаяся в невинное предположение.

Рита высунулась в коридор, глянула вверх-вниз.

— Ага. Но ты знаешь, что случилось, когда ты

вернул ее к работе? Все остальные тут же заткнулись и молча вернулись к себе на места. Эти переводчики лучше поддаются контролю, чем большинство военных неотвязников. Достаточно уговорить доминирующую личность, и все строятся за нею в шеренгу. — Она усмехнулась. — Но думаю, мы это уже видели раньше: ты же помнишь, как переводчики контролируют неотвязников с маршрутизатора? Они краеугольные камни, так и должно быть.

— Триксия — человек!

«И все фокусированные — люди, гребаная ты работорговка!»

— Знаю, Эзр. Прости. Я понимаю… Триксия и остальные переводчики, они отличаются. Переводить с естественных языков — тут нужен особый талант. Из всех… фокусированных переводчики ближе всего к настоящим людям… Послушай, я тут всех успокою окончательно и дам знать Билу Фуонгу, что у нас порядок.

— Хорошо, — сдавленным голосом отозвался Эзр.

Рита выплыла из комнаты задом наперед. Дверь затворилась. Спустя миг он услышал, как закрываются двери по всему коридору — одна за другой.

Триксия сидела согнувшись над клавиатурой и попросту игнорировала только что высказанные мнения. Эзр несколько секунд наблюдал за ней, размышляя о ее будущем, думая, как лучше всего ее спасти. Проведя сорок лет в Засаде, переводчики все же не научились подделывать голосовую связь пауков в реальном времени. Томас Нау ничего не добился бы, спустив их на Арахну… но это до урочного часа. Завоевав планету, он сделал бы Триксию и остальных глашатаями нового владыки.

А этот час никогда не настанет. Фам с Эзром разработали план, который сейчас разворачивался своим чередом. Если не считать нескольких старых систем да пары электромеханических резервных устройств, все здесь было подчинено локализаторам Чжэн Хэ. Фам с Эзром могли наконец перейти к актам подлинного саботажа — и, самое важное, отключить беспроводное электричество в Хаммерфесте. Его переключатель был почти чисто механическим, недоступным разным хитрым штучкам. Но Фам нашел локализаторам еще одно применение. Поистине бронебойное. За последние несколько мегасекунд они окружили переключатель слоями локализаторной дроби, а с остальными старыми

системами, в том числе и на борту «Невидимой руки», поступили так же. Последняя сотня секунд будет сопряжена с неимоверным риском. Такой фокус может сработать только однажды, когда Нау и его бандюки отвлекутся на собственную операцию по перехвату контроля.

Если саботаж прокатит, то есть *когда* он прокатит, локализаторы Чжэн Хэ подчинят себе всё.

«И тогда настанет наш час».

49

Хранкнер Аннерби проводил в Ставке много времени; тут располагалась, по сути, основная база его строительных работ. Вероятно, не реже десяти раз в год он посещал святая святых Аккорд-разведки. Каждый день он переписывался с генералом Смит по электронной почте, пересекался с ней на совещаниях штаба. Их встречу в Калорике — почти пять лет назад — нельзя было назвать сердечной, но, по крайней мере, им удалось без обиняков поговорить на серьезные темы. Но уже семнадцать лет, с момента гибели Гокны, не бывал он в личном кабинете генерала Смит.

Генерал обзавелась новым помощником, внефазным юным паучарой. Хранкнер едва обратил

на него внимание, вступая в молчаливую берлогу шефа. Место это было так же просторно, как ему запомнилось, с открытыми полками в нишах и комфортными изолированными насестами. На миг ему почудилось, что он один. Раньше, до Смит, в этом кабинете работал Страт Гринвал. Почти два поколения кабинет служил самой сокровенной берлогой начальников разведки. Прежние владельцы едва узнали бы ее. В кабинете коммуникационного и компьютерного оборудования поместилось больше, чем даже у Шерка в Принстоне. Одна стена превращена в полнозрительный дисплей, не хуже видеомантического. Сейчас там отображалась картинка с камер наверху: Королевские Водопады уже два года как застыли. Открывался вид на всю долину. От голых холмов веяло холодом; на высотах выпадал иней двуокиси углерода. А вблизи… от построек фонило дальнекрасным, ярко светились выхлопы уличного трафика. Мгновение Хранк просто смотрел, вспоминая, как выглядела эта местность всего лишь поколением ранее, в пяти годах внутри предыдущей Тьмы. Черт подери, да эту берлогу тогда уже давно забросили. Сотрудники Гринвала ютились в командной пещерке, дыша спертым вонючим воздухом, прислуши-

ваясь к последним радиосообщениям, гадая, выживут ли Хранк и Шерк в своей подледной глубине. Еще несколькими днями позже Гринвал велел бы завершить операцию и Великая Война застыла бы в смертоносном своем сне.

«А в этом поколении мы все живем и живем, и навстречу нам несется самая жуткая война всех времен».

Он увидел, как позади генерал безмолвно входит в кабинет.

— Пожалуйста, садитесь, сержант. — Смит указала ему занять насест перед ее столом.

Аннерби отвлекся от зрелища и сел. Стол Смит в виде символа ∏ был завален распечатками докладов. Из пяти-шести читалок три светились. Два экрана демонстрировали абстрактные узоры, сходные с картинками, в которых утонул разум Шерканера. «Значит, она продолжает его ублажать».

Улыбка генерала казалась натужной, притворной; так оно, вероятно, и было.

— Я зову вас сержантом, ранг из области фантастики… Но спасибо, что пришли.

— Разумеется, мэм. — «Зачем она меня позвала сюда, вниз? Может, получится пропихнуть тот отчаянный план для северо-восточных земель.

Если…» — Вы видели мои предложения насчет земляных работ, генерал? Располагая ядерными бомбами, мы выкопаем глубокие защищенные пещеры, притом быстро. Сланцы Северо-Востока идеальны для этой цели. Дайте мне бомбы, и за сто дней я подготовлю укрытие почти для всех фермеров и солдат в той местности.

У него это вырвалось почти непроизвольно. Стоимость проекта колоссальна, Корона не сумеет его профинансировать в открытую. Придется генералу презреть Завет ради такого аврала. И даже так — может и не сработать. Но если… *когда* начнется война, там спасутся миллионы.

Виктория Смит приподняла руку:

— Нет у нас сотни дней, Хранк. Так или иначе, все решится менее чем за три. — Она указала на один из дисплеев поменьше. — Я только что узнала, что достопочтенная Педура лично присутствует в Саутмосте и всем там заправляет.

— Ну и пошла она к черту! Но если запустит атаку из Саутмоста, мы ведь ее тоже поджарим.

— Вот поэтому они, скорее всего, воздержатся от атаки, пока она не улетит.

— До меня дошли слухи, мэм. Наша внешняя разведка провалилась? Тракт уволен? — Слухи расползались бесконтрольно. Жуткие подозрения

о действующих в самом сердце Аккорд-разведки агентах Клана. Для повседневного обмена информацией использовали надежнейшие шифры. Если даже противник не преуспел с прямой угрозой, то паника и смятение в их стане тоже могут принести ему победу.

Смит гневно дернула головой:

— Правда. На Юге нас обошли. Но у нас там еще есть кое-какие ресурсы, остались сотрудники, которые от меня зависят… которых я подвела… — Последние слова прозвучали на грани шепота, и Хранк усомнился, что предназначены они ему. Она помолчала мгновение, потом выпрямилась. — Вы у нас вроде как эксперт по архитектуре подземелий Саутмоста, не так ли, сержант?

— Я ее разрабатывал, я инспектировал большую часть работ.

В те годы Юг и Аккорд дружили так крепко, как вообще возможно между национальными государствами.

Генерал покачалась взад-вперед на своем насесте. Лапы ее дрожали.

— Сержант… даже сейчас мне противен один ваш вид. Думаю, вы об этом догадываетесь.

Хранк понурил голову. «О да. Догадываюсь».

— Но в простых вещах я вам доверяю. И клянусь

Глубиной, вы мне нужны, и всё тут! Приказывать вам бессмысленно… но… вы мне поможете в Саутмосте? — Казалось, что она выдавливает из себя слова.

«Ты еще спрашиваешь?» Хранкнер поднял руки:

— Безусловно.

Его быстрый ответ явно застал ее врасплох. Смит на секунду опешила.

— Вы понимаете, о чем я? Вы подвергнетесь страшному риску в личном моем услужении.

— Да-да. Я всегда хотел вам помочь.

«Я всегда хотел исправить то, что натворил».

Генерал еще минутку смотрела на него. Потом:

— Спасибо, сержант. — Она отстучала что-то на столешнице. — Тим Даунинг, — (это, видимо, ее новый моложавый помощник), — позднее введет вас в курс дел. Если вкратце, то у Педуры ровно одна причина находиться сейчас на глубине Саутмоста. Они еще не решились. Она не все ключевые фигуры опутала паутиной своего замысла. Некоторые депутаты саутлендерского парламента потребовали, чтоб я спустилась к ним поговорить.

— Но… этим ведь должен заняться король…

— Да. Видимо, в этой Тьме многие традиции

рухнут.

— Вам нельзя туда, мэм. — Где-то в подсознании кто-то невидимый хмыкнул в ответ на явное нарушение субординации.

— О, вы не первый выступаете с таким советом… Последнее, что сказал мне старый Страт Гринвал ярдах в двухстах от места, где мы сейчас сидим, было что-то в этом роде. — Она помедлила, углубившись в воспоминания. — Забавно. Страт столько всего предвидел. Он знал, что я займу его насест. Он понимал, что меня будут одолевать соблазны самой выйти в поле. В первые десятилетия Света я около дюжины раз сталкивалась с искушением исправить ошибки, даже спасти жизни, сойдя с поста и самостоятельно проделав все необходимое. Но совет Гринвала скорей напоминал приказ, я ему следовала и оставалась в живых для новой битвы. — Она внезапно рассмеялась, мысли ее, кажется, вернулись в день сегодняшний. — Я сейчас, пожалуй, просто старая паучиха, затянутая в сети обмана. Настала пора нарушить наконец приказ Страта.

— Мэм, совет генерала Гринвала остается актуальным, как никогда. Ваше место здесь.

— Я… позволила всему этому произойти. Мое решение, принятое по необходимости… Но если

сейчас отправиться в Саутмост, может быть, получится спасти чьи-то жизни.

— А если вы потерпите неудачу, то погибнете и мы наверняка проиграем!

— Нет. Случись мне умереть, крови прольется больше, но мы все равно победим. — Она захлопнула крышки встроенных в столешницу дисплеев. — Мы отбываем через три часа с четвертой курьерской ВПП. Будьте там.

Хранкнер чуть не возопил от досады:

— Да возьмите с собой хотя бы особую охрану! Молодую Викторию и…

— Команду Лайтхилл? — Она едва заметно усмехнулась. — Их репутация опережает их, да?

Хранкнер не удержался от улыбки в ответ.

— Д-да. Никто в точности не знает, чем они заняты, но… с виду они такие же чокнутые, какими были когда-то мы.

Ходили слухи. Хорошие и дурные — одинаково дикие.

— Ты ведь их на самом деле не презираешь, разве нет, Хранк? — В голосе ее прозвучало удивление. Смит продолжила: — У них работа поважнее на эти семьдесят пять часов… Мы с Шерканером сознательно обостряли ситуацию, добивались ее много лет. Мы просчитывали рис-

ки. Пора платить по счетам.

Она впервые упомянула Шерканера с тех пор, как вошел Хранкнер. Сотрудничество, которое их так далеко завело, с очевидностью рухнуло, и генерал осталась одна.

Вопрос был дурацкий, но он не выдержал:

— Вы обсуждали это дело с Шерком? Что он делает?

Смит помолчала, притемнив взгляд. Затем ответила:

— Все, что в его силах, сержант. Все, что в его силах.

Ночь выдалась ясная даже для Райского острова. Обрет Низеринг осторожно обходил башню на вершине, проверяя аппаратуру для очередного сеанса наблюдений. Он оделся в легинсы и куртку с подогревом, не слишком объемистые, но сломайся вдруг нагреватель или оторвись кабель питания, который он вынужденно за собой волок… Гм, он не врал своим помощникам, рассказывая, что отморозить руку или ногу можно за считаные минуты. Пять лет во Тьме. Он размышлял, оставались ли неспящие в аналогичный момент Великой Войны.

Низеринг сбавил темп — он даже несколько опередил график проверки. Остановился в сты-

лой неподвижности и взглянул на предмет своих научных интересов — небосвод. Двадцать лет назад, принстонским первокурсником, Низеринг метил в геологи. Геология — праматерь всех наук, а в этом поколении значение ее дополнительно укрепляли мегапроекты земляных работ и добычи руды. Астрономия — занятие для чокнутых. Естественная ориентация разумного паучары — вниз, подыскать себе глубину побезопасней для нового Затемнения. На что там смотреть, в небесах-то? Ну да, солнце, источник жизни и всех проблем, торчит в небе, спорить с этим трудно. Но, кроме солнца, там ведь ничего не меняется. Звезды? Крохотные постоянные точки, ничего общего у них с солнцем и вообще интересами разумного паучары.

Затем первокурсник Низеринг повстречал старого Шерканера Андерхилла, и жизнь его изменилась навеки, хотя в этом не было ничего уникального. Десять тысяч первокурсников поставляли Андерхиллу достаточный материал для селекции способных индивидов. А может, все обстояло ровно противоположным образом — и это Андерхилл, пламенеющий очаг безумных идей, привлекал к себе студентов определенного склада ума, как лесных фей манит пламя.

Андерхилл заявлял, что математика и физика оставались недоразвиты так долго из-за простоты орбиты мира вокруг солнца и собственных движений звезд. Существуй еще *хоть одна* планета для игр ума — и дифференциальное исчисление возникло бы десять поколений назад, а не два. А бешеный технологический прогресс текущего поколения распределился бы по нескольким более спокойным циклам Света и Тьмы.

Конечно, Андерхилл был в этих утверждениях не вполне оригинален. Пять поколений назад, когда изобрели телескоп, астрономия двойных звезд революционизировала представление паучества о времени. Но Андерхилл умел сочетать старые концепции с удивительными новыми узорами. Молодой Низеринг все дальше уходил от безопасной и скучной геологии, пока любовью его жизни не стала Пустота Наверху. Чем больше узнаешь об истинной природе звезд, тем четче понимаешь, какой на самом деле должна быть Вселенная. В небесах можно увидеть все цвета, какие пожелаешь, если вооружиться нужными инструментами и знать, куда смотреть. Тут, на Райском острове, дальнекрасные звезды просматривались четче всех мест планеты. Глядя огромными современными телескопами в

холодную сухую неподвижность верхних слоев атмосферы, Низеринг воображал, что прозревает Вселенную до самого ее конца.

А что это там? Низко над северо-восточным горизонтом возникло и потянулось к югу узкое оперение полярного сияния. Над Северным морем существовали замкнутые самоподдерживающиеся магнитные петли, но сейчас, на глубине пяти лет во Мраке, полярные сияния возникали очень редко. Внизу, на Райском, немногочисленные туристы, наверное, охают и ахают. Обрет Низеринг же счел полярное сияние всего лишь непредвиденной помехой работе. Он понаблюдал за ним еще секунду и по-настоящему изумился. Сияние было удивительно узким, особенно к северу, где пучок света сходился почти в точку. Гм. Если бы не сегодняшний сеанс, стоило бы запустить телескоп на дальнесинь и приглядеться поближе. Благословенная случайность открытия и тыры-пыры.

Низеринг отошел от парапета и направился к лестнице. Снизу донесся топот, словно вверх по лестничному колодцу грохотали сапожищами сто с лишним солдат в полной амуниции. Скорее всего, это Шепри Трайпер в своих горнолыжных четвероботинках. Прошла минута, и ассистент

Низеринга действительно явил себя миру. Шепри было всего пятнадцать, настолько внефазный, насколько вообще мыслимо для паучонка. Некогда Низеринг отказался бы с ним не то что работать — общаться, возмутившись подобным извратом. Принстон и в этом его изменил. Сейчас… ну, Шепри, конечно, еще малец и во многом нахал. Но энтузиазма ему не занимать. Низеринг задумался, сколько пауко-лет исследований было потеряно под конец Лет Увядания, когда молодые ученые, сами уже в начале среднего возраста, обзаводились семьями и тупели, теряя интерес к работе.

— Доктор Низеринг, сэр! — Голос Шепри приглушала грелка, да паучонок и без того запыхался, теряя драгоценное время, которое сэкономил в бешеном беге вверх по лестнице. — У нас большие проблемы. Я потерял радиосвязь с Северной точкой… — В пяти милях отсюда, на другом конце интерферометра. — По всем диапазонам статика.

Ну вот, пропала ночь.

— Ты звонил Сэму на поверхность? Что…

Он замолчал. По всем диапазонам статика, сказал Шепри, и слова его медленно доходили до Низеринга. Позади них странное копье света, подобное полярному сиянию, в мерном темпе

смещалось на юг. В тишине досада сменилась страхом. Обрету Низерингу было известно, что мир на грани войны. Это все знали. Цивилизация может погибнуть за считаные часы, после того как упадет первая бомба. Возможно, что даже в такой глуши, как Райский остров, не спастись. И это сияние… Оно уже меркло, яркая точка размывалась. Ядерный взрыв в магнитосфере может выглядеть как полярное сияние, но уж точно не такое асимметричное и не с такой задержкой. Гм. А вдруг какие-нибудь умные физики додумались усовершенствовать обычную конструкцию ядерной бомбы? В мозгу Низеринга любопытство боролось с ужасом.

Он развернулся и поволок Шепри обратно к лестнице. «Спускайся медленно». Сколько раз он давал Шепри такой совет?

— Шаг за шагом, Шепри, и смотри, чтобы кабель не выдернулся. Радарные решетки работают?

— Д-да. — Тяжелые ботинки Шепри грохотали по ступеням сразу позади. — Но там проявится один шум.

— Возможно. — В свободное время Низеринг и Трайпер изучали отражение микроволн от ионизационных следов. Почти все отраженные сигналы удавалось соотнести со спутнико-

вым мусором, но раз в год или около того они сталкивались с подлинными загадками Великой Пустоты. Он чуть было статью об этом не напечатал, но гребаные рецензенты, сиречь вездесущий Т. Лурксэлот, прогнали свои программы и не согласились с его выводами. Сегодня ночью радарам снова выпадет работенка. Тот острый конец странного светового пучка — что, если это физический объект?

— Шепри, мы еще в сети? — Высокоскоростное подключение обеспечивал протянутый по океанскому льду оптоволоконный кабель; нынче ночью Низеринг как раз намеревался врубиться по нему в материковые суперкомпьютеры. Теперь…

— Я проверю.

Низеринг рассмеялся:

— Кажется, у нас есть новый корм для принстонских пастей!

Он открыл журнал радарных сканов и запустил новый поиск. Кто к ним сегодня обратился — Природа или Война? В любом случае сообщение представлялось важным.

50

В эти дни полеты вынуждали Хранкнера Аннерби остро чувствовать, как он стар. Он помнил, как поршневые двигатели крутили деревянные пропеллеры, а крылья планеров были из ткани, натянутой на деревянные же каркасы.

А самолет Виктории Смит был не частным лайнером какого-нибудь высокопоставленного бизнесмена; они летели на высоте почти ста тысяч футов, обгоняя звук в три раза, устремляясь на юг. Два двигателя работали практически бесшумно, если не считать высокого прерывистого тона, который, казалось, пробуравливал кишки. Звездного и солнечного сияния снаружи хватало, чтобы сквозь облачные прорехи просматривались цветастые пятна. Слой за слоем громоздились облака над планетой. На этой высоте даже самые высокие облака выглядели низкими, приземистыми фантастическими тварями. Иногда в воздухе открывались каньоны, и тогда мелькали снег и лед. Еще несколько минут — и появятся Южные Протоки, а там и граница воздушного пространства Аккорда. Офицер-связист утверждал, что эскадрилья истребителей Аккорда проводит генерала с командой до самого

посольства в Саутмосте. Аннерби не видел тому никаких подтверждений, кроме случайных проблесков высоко в небе. Он вздохнул. Как и все, что в эти дни сохраняло значимость, те двигались слишком быстро и слишком далеко, вне поля зрения обычных смертных.

Частный самолет генерала Смит раньше был сверхзвуковым бомбардировщиком сил воздушной разведки, но устарел с развертыванием спутников.

— Пэвэошники нам его практически подарили, — отметила Смит, вступая на борт. — Когда воздух начнет вымерзать, такие аппараты станут бесполезным мусором.

Тогда изменится вся транспортная промышленность. Как она будет работать — на баллистических ракетах, антиграв-глайдерах? Кто его знает! Может, это и не важно. Если их нынешняя миссия не сработает, промышленности, вероятно, не останется вообще, а лишь бесконечные драки банд на руинах.

Центр фюзеляжа был заставлен, штабель за штабелем, ящиками компьютеров и коммуникаторов. Аннерби заметил там лазерные и микроволновые устройства. Техники подключались к военной сети Аккорда почти на таком

же уровне безопасности, как в Ставке. Стюардов на борту не имелось. Аннерби и генерала Смит привязали к маленьким насестам, и уже через пару часов полет превратился в пытку. Впрочем, солдатам, пристегнутым в сетях в заднем отсеке, наверняка пришлось хуже. Генерала сопровождали десять охранников — и больше никого.

Виктория Смит работала молча и ожесточенно. Ее помощник, Тим Даунинг, лично втащил на борт все компьютеры: тяжеленные неуклюжие ящики, либо очень мощные и надежно экранированные, либо очень старые. Последние три часа генерал просидела окруженная полудюжиной дисплеев, и свет их слабо отражался от ее глазного поля. Хранкнер задумался, что она может там видеть? Военные сети в сочетании с общедоступными наделяли генерала зрением богов.

Дисплей самого Аннерби прокручивал свежий отчет о подземных конструкциях Саутмоста. Кое-что было явной дезой, но Аннерби достаточно разбирался в первоначальном проекте, чтобы ее фильтровать. В который раз он принудил себя вернуться к чтению. Странное дело: в молодости, в пору Великой Войны, он умел концентрироваться на работе не хуже, чем сейчас — генерал. Сегодня же ум его постоянно рвался вперед, к раз-

вивающейся ситуации, угрожавшей перерасти в неотвратимую катастрофу.

Они пролетали над Протоками; с такой высоты расколотый морской лед казался сложной мозаикой.

С насестов группы связи завопили:

— Ух ты! Вы это тоже видели?

Хранкнер ничего не заметил.

— Да! Но еще не уверена. Проверьте.

— Слушаюсь!

Техники на насестах перед Аннерби уткнулись в дисплеи, тыча и чертя. Вокруг замелькали световые вспышки, но Аннерби не понимал, что́ на экранах, да и формат отображения был совершенно ему незнаком.

Позади приподнялась с насеста и внимательно глядела в их сторону Виктория Смит. Значит, ее оборудование не сопряжено с компьютерами связистов? Ну и «богоравное зрение»!

Спустя миг она подняла руку и просигналила одному из техников. Тот отозвался:

— Похоже на ядерный взрыв, мэм.

— Гм, — протянула Смит. На дисплее Аннерби ничего даже не мигнуло.

— Очень далеко; наверное, над Северным морем. Вот: я подключу вас в побочное окно.

— Да, и сержанта Аннерби, пожалуйста.

— Так точно, мэм. — Отчет из Саутмоста перед глазами Хранкнера Аннерби исчез, сменившись картой Северного побережья. Из точки, расположенной в двенадцати сотнях километров к северо-востоку от Райского острова, расходились концентрические цветные контуры. Да, старая тиферская заправочная станция, бесполезный морской опорный пункт, пригодный разве что для переброски войск по льду. И *вправду* очень далеко, почти на другой стороне планеты.

— Всего один взрыв? — уточнила Смит.

— Да, очень высоко. Было бы похоже на импульсную атаку, но мощность даже меньше мегатонны. Мы построили карту по данным со спутников и наблюдениям с поверхности, с Северного побережья и из Принстона. — По картинке растеклась легенда, снабженная библиографическими указателями на сайты всемирной сети, с которых поступили данные для анализа. Ничего себе! Там даже на месте свидетель нашелся, на Райском острове — если верить кодировке, в научной обсерватории.

— Оценка потерь?

— Военных потерь нет, мэм. Два коммерческих спутника выпали из сети, но, возможно, перепод-

ключатся. Это совсем слабый пинок.

А что же это? Проверка? Предупреждение? Аннерби уставился на экран.

Чжау Синь уже бывал тут менее года назад, но тогда — на шестиместном катере, туда и сразу обратно, меньше дня. Сегодня же он пилотировал «Невидимую руку», звездолет весом миллион тонн.

То было нашествие завоевателей — пускай даже завоеватели рядились в спасателей. Рядом с Чжау Ритсер Брюгель сидел в пристежке, некогда бывшей капитанским креслом коробейника. Вахтмастер не закрывая рта сыпал абсолютно тривиальными указаниями и тем создавал иллюзию, что сам руководит полетом. Они опускались в атмосферу у Северного полюса Арахны, сбрасывая скорость за одно сильное торможение — тысяча секунд без малого при перегрузке больше единицы. Маневр выполнялся над открытым океаном, вдали от центров паучьей цивилизации, но если тут кто-то все же есть и смотрит в небо, то увидит немыслимо яркое свечение. Чжау видел, как отражают его лед и снег внизу.

Брюгель уставился в летящую на них пустыню перекособоченного льда. Черты лица его исказились каким-то сильным чувством. Отвращением

при виде никудышности главного приза? Торжеством от прибытия наконец в мир, где он будет соправителем? Вероятно, и тем и другим. Сейчас, в рубке, триумф и предвкушение насилия сквозили в его тоне, а иногда и просачивались в слова. Томас Нау, может, и дурачит тех, кто в первой точке Лагранжа, но Ритсер Брюгель сорвал с себя путы. Чжау видел коридоры, ведущие к личным покоям Брюгеля. Стены покрывал постоянно волнующийся розовый узор, чувственный, тяжелый, грозный. В тех коридорах совещания персонала не проводились. На пути из первой точки Лагранжа Чжау слышал, как хвастается Брюгель перед вахткапралом Аньланом особым деликатесом, который вытащит из морозилки по случаю грядущей победы. «Нет, не стоит об этом думать. Ты уже и так слишком много знаешь».

Голоса пилотов жужжали в ушах Синя, подтверждая то, что он уже увидел на экране навигатора. Он поднял глаза на Брюгеля и доложил официальным тоном, который тому вроде бы льстил:

— Торможение завершено, сэр. Мы на полярной орбите, высота сто пятьдесят километров.

Чуть ниже — и снегоступы понадобятся.

— Нас видно в полосе нескольких тысяч километров, сэр, — продолжил Синь, напустив на себя

озабоченный вид. Он всю дорогу вниз из первой точки Лагранжа старательно прикидывался придурком. Опасная игра, но пока что он выгадывал некоторую свободу действий. И, как знать, как знать, вдруг получится предотвратить массовое убийство? Брюгель самодовольно-покровительственно ухмыльнулся в ответ:

— Разумеется, нас видно, милейший Синь. Трюк в том, чтобы дать им нас заметить, а потом исказить интерпретацию ими этих данных. — Он открыл канал связи с палубой неотвязников «Невидимой руки». — Фуонг! Вы маскируете наше прибытие?

Голос Била Фуонга прозвучал спокойно, хотя в крайний раз, как Чжау заглядывал туда, на палубе творился дурдом.

— Мы контролируем ситуацию, вахтмастер. Три команды моих сотрудников анализируют данные со спутников. Первая точка сообщает, что с ними все в порядке. — Это, наверное, неотвязники Риты переговариваются с Билом. В любой момент Рита могла уйти со смены, поскольку Нау уже должен бы объявить перерыв перед тяжелой работой. Чжау со вчерашнего дня стало известно, что «временная передышка» выбрана временем массового убийства.

Фуонг продолжил:

— Считаю своим долгом предостеречь вас, сэр. Пауки так или иначе все улики сопоставят. Наша маскировка продержится не дольше сотни килосекунд с лишним, если я их не недооцениваю.

— Спасибо, Фуонг. Этого более чем достаточно. — Брюгель вежливо улыбнулся Чжау.

Часть обзора, уходящего вдаль до горизонта, исчезла, сменившись изображением Томаса Нау, который говорил из первой точки Лагранжа. Старший вахтмастер сидел в компании Эзра Виня и Фама Тринли в своем доме, в озерном парке. На воде за их спинами бликовал яркий солнечный свет. Разговор предстоял двусторонний, открытый для всей аудитории последователей и Чжэн Хэ. Нау оглядел рубку «Руки», взгляд его, казалось, пересекся со взором Ритсера Брюгеля.

— Мои поздравления, Ритсер. Вы хорошо выбрали позицию. Рита сообщает, что тесная синхронизация с наземными сетями уже достигнута. У нас тоже отличные новости. Шеф Аккорд-разведки в Саутмосте. Равный ей по рангу член Клана уже там. Если не случится ничего непредвиденного, можно рассчитывать, что мир продержится еще некоторое время.

Тон Нау был заботливым и жутко искренним.

Поразительно, что и Ритсер Брюгель отвечал почти так же безошибочно:

— Так точно, сэр. Я планирую перехват сети и извещение о нашем визите через… — он помедлил, делая вид, что сверяется с графиком, — пятьдесят одну килосекунду.

Конечно, Нау ответил не сразу. Сигнал с «Руки» сперва должен выйти из радиотени на ретранслятор, а потом преодолеть пять световых секунд в космосе до первой точки Лагранжа. Формулировка и распространение ответа тоже займут не меньше пяти секунд.

Точно через десять секунд Нау заулыбался:

— Отлично. Мы перестроим график, чтобы люди успели отдохнуть в преддверии пиковой нагрузки. Удачи вам всем там, внизу, Ритсер. Мы на вас полагаемся.

Еще несколько па в танце обмана — и Нау пропал с экранов. Брюгель проверил, что все коммуникаторы замкнуты на локалку.

— Коды атаки могут поступить в любой момент, господин Фуонг, — ухмыльнулся Брюгель. — Еще двадцать килосекунд — и приготовим паучье жаркое.

Шепри Трайпер во все свои глаза глядел на дисплей радарной установки.

— Оно… оно ведет себя, как вы сказали. Восемьдесят восемь минут, и эта штука летит обратно с севера!

Шепри разбирался в математике и работал у Низеринга вот уже почти год. Принципы полета спутников он, несомненно, понимал. Но, как и большинство, все еще не мог взять в толк, что «заброшенный в небо камень улетает вверх и никогда не возвращается». Паучонок фыркал от восторга, когда какой-то из спутников связи выползал из-за горизонта в точно рассчитанное время и на том самом азимуте, который предсказала математика.

Сегодня ночью Низеринг ошеломил его предсказанием иного рода, но и сам астроном опешил не меньше ассистента — и куда сильнее перепугался. Им удалось получить от силы два-три четких пеленга на дальнем конце пучка полярного сияния. Объект продолжал сбрасывать скорость, хотя был еще вне пределов атмосферы. На сайте ПВО в Принстоне его докладом не слишком впечатлились. Низеринг давно сотрудничал с администрацией сайта, но этой ночью те отнеслись к нему на удивление холодно: автоответчик поблагодарил за информацию и заверил, что та будет обработана своим чередом. Всемирная сеть

полнилась слухами насчет высотного ядерного испытания. Но это была не бомба. Объект удалился на юг, перейдя на низкую орбиту… и вернулся с севера точно по расписанию.

— Вы думаете, мы его теперь увидим, сэр? Он же пройдет почти над нами, получается.

— Не знаю. У нас нет аппаратуры, которая могла бы отслеживать такое быстрое перемещение прямо наверху. — Он заспешил к лестнице. — Может, десятидюймовый телескоп…

— Ага!

Шепри ринулся на лестницу, обгоняя его.

— Дыхательный аппарат пристегни, кабель не вырви!

И пропал, забарабанив по ступеням.

А паучонок-то прав! До появления объекта в зените менее двух минут, а еще через пару минут эта штука умчится снова. Гм. Может, даже и телескоп не пригодится. Низеринг подумал, схватил со стола широкоугольный квадрокль и кинулся по лестнице следом за Трайпером.

Наверху задувал слабый ветерок, и прикосновение его даже через легинсы с электроподогревом казалось ударом клыков таранта. Солнце поднимется минут через семьдесят; как ни тускл его свет, лучшее время для наблюдений уйдет.

Впервые это не имело значения. Нынче ночью из благословенной холодной земли на них прыгнуло нежданное открытие.

Почти минута миновала, прежде чем таинственный объект оказался прямо наверху. А ведь должен был быть высоко над горизонтом и смещаться к астрономам, на юг. Низеринг прохаживался вдоль закругленной стены главного купола и глядел на север. Позади, в кладовке для приборов, шумно возился Шепри, вытаскивая маленький десятидюймовый телескоп, который обычно одалживали туристам. Помочь бы мальцу, но времени совсем не осталось.

До самого горизонта вытянулись кристально ясные, давно знакомые звездные поля. Эта ясность, как полагал Обрет Низеринг, и оправдывала имя крошечного Райского острова. По небу сейчас поползет пятно зодиакального света. Очень слабое: мертвое солнце крайне бледно. Низеринг неотрывно смотрел, напряженно ловя любой движущийся проблеск… и ничего не находил. Может, стоило остаться у радара и прямо сейчас они упускают единственный шанс получить по-настоящему качественные данные? Шепри приволок из кладовки десятидюймовик и пыхтел, пытаясь установить его.

— Да помогите же, сэр!

Они оба просчитались. Может, случайное открытие посылают ангелы, но нрав у них весьма капризный. Обрет отвернулся к Шепри, чуть пристыженный. Разумеется, он не переставал наблюдать за небом, за полоской чуть ниже зенита, где должна была появиться крохотная светящаяся точка. Клочок мрака промелькнул на фоне тускло сияющего Скопления Разбойника. Клочок тьмы. Что-то… огромное.

Вмиг забыв о правилах хорошего тона, Низеринг повалился на бок и приставил к меньшим глазам квадрокль. В эту ночь лучшей аппаратуры ему не видать… Он медленно поворачивался, следя за полоской неба, где пролегала предположительная траектория, и возносил мольбы, чтобы повезло снова зацепить добычу.

— Сэр, что там?

— Шепри, посмотри… просто посмотри наверх.

Паучонок на секунду затих.

— Ух ты-ы-ы-ы!

Обрет Низеринг его не услышал. Он таки поймал *это* в зрительное поле квадрокля и все свое внимание направил на объект, разглядывая и запоминая его. А видел он полное отсутствие света, силуэт, летящий на фоне бледно светящих-

ся звездных облаков. Объект закрывал почти четверть градуса небосклона. В прорехе меж звездных туч эта штука снова стала невидима… а потом он углядел ее еще на секунду. Низерингу показалось, что он различает контуры объекта: приплюснутый цилиндр, нацеленный вниз, посередке — сложные конструкции, как у корабля.

Как у корабля.

Далее траектория объекта пересекала лишь тусклые созвездия на пути к южному горизонту. Низеринг тщетно пытался отследить его до самого конца. Если бы объект не пересек Скопление Разбойника, его наверняка вообще бы не удалось заметить. Благодарение случайности открытия!

Он опустил квадрокль и встал.

— Понаблюдаем еще несколько минут, на всякий случай. — Вдруг за этой штукой еще что-нибудь летит?

— Пожалуйста, ой, пожалуйста, позвольте мне спуститься и сообщить в сеть! — умолял паучонок. — Он выше девяноста миль, а такой громадный, что даже форма различима. Он, наверное, больше полумили в длину!

— Ладно, валяй.

Шепри исчез на лестнице. Миновало три минуты, четыре. Вдоль южного горизонта пронеслось

что-то неярко светившееся — скорее всего, низкоорбитальный спутник связи. Низеринг спрятал квадрокль в карман и медленно побрел вниз по лестнице. На сей раз ПВО придется его выслушать. Значительную часть доходов Низеринга составляли контракты с Аккорд-разведкой, и он знал о глайдер-спутниках, которые недавно принялись запускать военные Клана. «Но этот объект не наш и не Клана. Любое наше оружие против него смехотворно». Мир трепетал на грани ядерной войны. А теперь… что? Он вспоминал, как старик Андерхилл трепался насчет «небесной глубины». Нет, ну ангелам же положено появляться из доброй стылой земли, а никак не из пустого неба.

Шепри встретил его внизу.

— Сэр, что-то не так. Я не…

— Связь с материком легла?

— Нет. Связь в порядке. Но в ПВО меня отшили точно так же, как в первый раз.

— Возможно, они уже знают.

Шепри возбужденно засучил лапами:

— Возможно. Но со слухами тоже что-то очень сильно не так. Помните, как последние несколько дней идиотские посты громоздились до потолка? Ну, все эти россказни про конец света, нашествие снежных троллей… Смех, да и только; я и сам

пару таких баек запустил. Но сегодня тролли так и скачут. — Шепри запнулся, сбиваясь с жаргона. Внезапно он показался Низерингу совсем маленьким, растерянным паучонком. — Это… это как-то неестественно, сэр. Я нашел два коммента, в которых описано то же, что видели мы. Наблюдения, которые вполне могли бы относиться к этому объекту, над океаном. Но они утонули в кучах бредовых вбросов.

Хм. Низеринг прошелся по комнате, устроился на своем старом насесте рядом с пультом управления. Шепри сновал туда-сюда, ожидая каких-то указаний. «Когда я впервые вошел в обсерваторию, аппаратура занимала три стены: инструменты и сервомеханизмы, почти все — аналоговые». Теперь оборудование по большей части выглядело иначе: оно было компактным, цифровым и дорогим. Иногда он подшучивал над Шепри, спрашивая, можно ли доверять тому, чьего устройства не видишь. Шепри искренне удивлялся недоверию Низеринга к компьютеризированной автоматике. До этой ночи.

— А знаешь, Шепри, давай-ка мы кой-кому звякнем.

51

Хранкнер прежде уже попадал в сухую бурю — во время Великой Войны. Но то было на земле, а по большей части под землей, и он почти ничего не запомнил, кроме непрерывного ветра и крутящейся снежной поземки, лезущей во все трещины и щели.

На этот раз он летел в воздухе, спускаясь с высоты сорока тысяч футов. В тусклом солнечном свете было видно, как растянулся на сотни миль вихрь урагана, и ветра, задувающие на скорости шестьдесят миль в час, казались отсюда неподвижными. Сухая буря по ярости не сравнится с водным ураганом Яркости, но такой шторм может лютовать годами, а холодное око его все ширяется и ширяется. Тепловой баланс планеты замер на своеобразном плато, соответствующем энергии кристаллизации воды. Миновав его, температура быстро упадет до следующего, куда более низкого уровня, когда сам воздух начнет выпадать росой.

Их самолет скользил к облачной стене, планируя и подскакивая на незримых турбулентностях. Кто-то из пилотов заметил, что давление стало меньше, чем на высоте пятидесяти тысяч футов

над Протоками. Хранкнер склонил голову к окну, глядя почти точно вперед. В оке бури снежинки и льдинки отражали солнце. Были видны и другие огни — горячие красные, от заводов южан сразу под поверхностью.

Далеко впереди зубчатая горная цепь пронзала облака. Таких цветов и текстур он не видел с того дня, много лет назад, когда они с Шерканером ходили во Тьме.

Посольство Аккорда в Саутмосте располагало собственным аэродромом, четыре на две мили, прямо в центре города. И это ведь лишь фрагмент анклава, оставшегося от колониальных интересов предыдущих поколений. Остатки империи попеременно то препятствовали, то способствовали дружественным взаимоотношениям двух государств. Аннерби воспринял аэродром просто как короткую обледеневшую ВПП, всю в пятнах нефти. Их переделанный бомбардировщик совершил самую крутую посадку в карьере Хранкнера, прокатившись мимо слившейся в бесконечную размытую ленту полосы заснеженных складов.

Пилот генерала был либо везунчик, либо мастер своего дела. Они замерли всего в сотне футов от сугробов, обозначавших безотлагательное завершение полосы. Спустя несколько минут

жукообразные машины перетащили их к ангару. На открытом месте не было ни единой живой души. Везде на их пути земля поблескивала от углекислотного инея.

Внутри похожего на пещеру ангара горел яркий свет. Когда двери сомкнулись, к самолету по лестнице кинулись техники. Кроме них, у подножия объявились несколько паучар в причудливых одеяниях. Вероятно, сам посол и начальник охраны? Они все еще на территории Аккорда, вряд ли саутлендеры сюда суются… Но тут он углядел на куртках двух важных персон из числа встречающих инсигнии парламентариев. Кто-то проявил радушие, выходящее за рамки разумной дипломатичности.

Откинулся средний люк, по салону пронеслась волна морозного воздуха. Смит уже упаковала оборудование и полезла в люк. Хранкнер еще минутку посидел на своем насесте, жестом подозвав одного из техников разведки.

— Были еще взрывы?

— Нет, сэр, никаких. Сверху и снизу по сети подтверждают. Изолированный взрыв мегатонной мощности.

Унтер-офицерский клуб в Ставке был несколько необычным заведением. Ставка располагалась

более чем в сутках пути от ближайшей цивилизованной забегаловки, а платили тут куда лучше, чем в большинстве столь же изолированных мест. Среднестатистический унтер в Ставке был инженером с опытом научной работы не менее четырех лет, и многие солдаты служили на самой глубине, в центре контроля и управления, несколькими уровнями ниже клуба. Поэтому были здесь не только обычные спортзалы, игровые столы и бар с шипучкой, но также отличная библиотека и зал игровых аркад; последние, благодаря высокоскоростному сетевому подключению, могли служить рабочими станциями.

Виктория Лайтхилл присела в полумраке за барной стойкой, глядя на панорамный экран у дальней стены, транслировавший коммерческое видео. Вероятно, Лайтхилл сейчас была самой необычной штучкой во всем клубе. Она числилась младшим лейтенантом, естественным антагонистом и природным проклятием многих унтеров. Но традиция гласила, что, если офицер не скрывает своего ранга и приглашен унтером, его присутствие допустимо.

Допустимо, но, в случае Лайтхилл, не слишком желательно. Ее команда заслужила специфическую репутацию внезапными проверками

и особыми связями с директоратом разведки. Впрочем, все ее подопечные были унтеры. Сейчас они расселись в разных точках клуба с туго набитыми рюкзаками, готовые подхватиться с мест по первому сигналу. В этот раз прочие унтеры с ними по крайней мере общались, пускай и не откровенничали. Даже те, кто не имел отношения к разведке, понимали, что мир дрожит на краю бездны, а загадочная группа Лайтхилл наверняка что-нибудь да пронюхала.

— Это ведь Смит там, в Саутмосте, — сказал старший сержант, сидевший у барной стойки. — Кому ж еще это быть? — Он склонил голову в сторону одного из капралов Лайтхилл, выжидая реакции собеседника. Капрал Суабисме лишь передернул плечами с видом вполне невинным и, по меркам традов, неприлично юным.

— Не могу знать, сержант. Правда не могу.

Старший сержант, возмущенно фыркнув, помахал пищевыми руками:

— Да? Так почему вы, лайтхиллские шестерки, все тут на чемоданах сидите? Я так думаю, вы просто самолета ждете.

Испытывай их так в обычных обстоятельствах, Вики уже кинулась бы в бой, либо отзывая Суабисме, либо, при необходимости, затыкая пасть

старшему сержанту. Но сегодня в клубе унтеров авторитет Виктории Лайтхилл равнялся нулю. Кроме того, они были здесь как раз затем, чтобы не попадаться никому на глаза. Спустя миг старший сержант, казалось, уразумел, что ничего ему из салаги не вытянуть, и отвернулся к своим корешам за барной стойкой.

Вики позволила себе вздох облегчения. Пригнулась так, чтобы лишь верхушка глазного поля выступала над стойкой шипучкового бара. В помещение мало-помалу набивался народ, шелест плевков создавал нечто вроде фоновой музыки. Говорили мало, смеялись того меньше. Унтер-офицеры вне службы, по идее, ведут себя веселей, но этим было о чем поразмыслить. Всеобщее внимание приковал телевизор. Унтерский кооператив обзавелся суперсовременной моделью, рассчитанной на видео переменного формата. В полумраке за стойкой Вики невольно усмехнулась. Если мир простоит еще несколько лет, такие телевизоры, пожалуй, подтянутся до уровня терминалов видеомантики, с которыми папа возился.

Телик качал данные с какого-то коммерческого новостного сайта. В одном из окон транслировалось грубозернистое изображение с камеры,

зависшей высоко над аэропортом Саутмоста: тормозивший на полосе самолет, модель которого Лайтхилл до того видела лишь дважды в жизни. Как часто бывает, модель оказалась одновременно секретной и порядком устаревшей. Журналисты по ее поводу были немногословны. В главном окошке стриммерша поздравляла себя с профессиональным успехом и строила догадки насчет личностей пассажиров клиновидного самолета.

— …отнюдь не король собственной персоной, что бы там ни утверждали наши конкуренты! Наши корреспонденты вокруг дворца и принстонских аэропортов не пропустили бы отбытия кого-то из членов венценосного семейства. Кто же в таком случае прибывает в Саутмост? — Ведущая сделала паузу, камеры укрупнили масштаб, наехав на нее с передка. Картинка захватила соседние экраны. Прием создавал иллюзию доверительного разговора с аудиторией. — Мы доподлинно знаем, что эмиссар этот не кто иная, как глава контрразведки короля, Виктория Смит. — Камеры чуть отъехали. — Итак, господа королевские контрразведчики, да будет вам известно, что от прессы ничего не утаить. Лучше бы вы предоставили нам полный доступ. Но давайте

же посмотрим, как обстоят дела у Смит в гостях у саутлендеров.

Другая камера, вид изнутри ангара: мамин клинколет отбуксировали по ВПП к посольскому ангару, панцирные двери сомкнулись. Сцена походила на диораму из детских игрушек: футуристического вида летательный аппарат, герметичные буксир-тракторы, снующие по просторному ангару. Ни души кругом. Но ведь ангар не вакуумирован? Настолько низкого давления даже в оке бури нет. Спустя миг в поле зрения камеры появились солдаты, высыпавшие из фургона. Они подтянули к боку клинколета трап. В унтерском клубе воцарилась тишина.

К откидному люку в утробе самолета взобрался солдат. Люк скрипнул, откидываясь, и… трансляция с репортерской камеры вырубилась, а вместо нее экран заполнила печать короля.

В клубе захохотали, зааплодировали и зажужжали.

— Наша генеральша их сделала! — крикнул кто-то. Как и все, эти ребята жаждали узнать, что творится в Саутмосте, но и журналистов новостных компаний на дух не переносили. Их недавние, весьма несдержанные в выражениях дискуссии в прямом эфире паучары сочли хам-

ством.

Виктория оглядывала свою команду. Большинство смотрели телевизор, но без особого интереса к происходящему. Они наперед знали, что случится, и, как проницательно догадался старший сержант Лаудмауф, в скором времени сами должны были перейти к активным действиям. К сожалению, телевизор им в этом помочь никак не мог. У дальней стены, в противоположном от бара с шипучкой и телика уголке, склонились над аркадными терминалами несколько заядлых геймеров. В том числе трое напарников Лайтхилл. Брент оттуда вообще не вылезал. Брат сгорбился под устройством, которое могло бы сойти за переделанный игровой дисплей, и шлем закрывал большую часть его головы. По его виду ни в жизнь не догадаешься, что мир завис на краю гибели.

Вики слезла с насеста и тихо засеменила к аркадам.

Настал величайший час забегаловки Бенни за все тридцать пять лет. «Кто знает; если все это кончится удачно, мы станем настоящим развлекательным заведением». Случалось и не такое. Бар Бенни служил центром общественной жизни странного социума первой точки

Лагранжа. Вскоре к этому сообществу присоединятся представители инопланетной расы, первой высокотехнологичной не людской расы в истории. Бар станет центром формирования невероятной комбинации.

Бенни Вэнь перелетал от столика к столику, направляя официантов и приветствуя клиентов. Впрочем, его внимание то и дело отвлекалось на удивительные перспективы: он пытался себе вообразить, как будет обслуживать пауков.

— В нижнем крыле пиво кончается, Бенни, — сказал голос Хуньдэ в его ухе.

— Попроси Гунле, пап. Она обещала, если вдруг недостача будет.

Он оглянулся и краем глаза заметил Фун, удалявшуюся по туннелю из лиан и цветов над восточным крылом бара.

Ответ отца Бенни не услышал, потому что уже завязал беседу с группкой авральников и Чжэн Хэ, парившей у недавно накрытого столика.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Лара, я тебя столько вахт не видал!

Гордость от демонстрации бара и радость от встречи со старыми друзьями согревали его душу.

Поболтав с ними минутку, он отлетел от сто-

лика и переместился к следующему, потом следующему, не упуская из виду общего положения дел. Гунле с папой на работе, но и вдвоем им еле-еле удается уследить за официантами, тут ухо востро нужно держать.

— Она здесь, Бенни, — сказал голос Гунле в гарнитуре.

— Она явилась! — ответил он. — Отлично, я ее встречу за передним столиком!

Он поплыл в сторону центральной полости бара. От шести кардинальных точек структуры отходили крылья, где размещались столики для посетителей. Вахтмастер разрешил и одобрил демонтаж стен, в ходе которого пространства, служившие ранее комнатами для совещаний, были переделаны под увеселительное заведение. Теперь бар стал крупнейшим помещением времянки. Если не считать озерного парка, то и крупнейшей обитаемой зоной первой точки Лагранжа. Сегодня на вахту одновременно заступили едва ли не три четверти авральников и Чжэн Хэ: кульминация торопливых приготовлений к спасению пауков от самих себя. В скором времени предстоит последний рывок, и в баре собрались почти все бодрствующие. Праздновали воссоединение, спасение и новое начало.

Центральная зона бара имела форму икосаэдра, покрытого дисплеями: палатки со стенами из лучших исправных видеообоев. Примитивная и в то же время приятно-обобществленная. Со всех сторон клиентам бара было видно одно и то же. Бенни быстро летел в пустоте, едва успевая убирать ноги от дисплейных стен. Он видел, как в крыльях бара веселятся сотни клиентов за дюжинами увитых лианами, уставленных цветами столиков. Схватясь за лиану, он изящно притормозил у столика в верхнем крыле, на краю пустого пространства. Это, по определению Томаса Нау, был стол почета.

— Киви! Пожалуйста, садись и чувствуй себя как дома!

Он перелетел через стол и опустился рядом с ней.

Киви Лизолет нерешительно улыбнулась Бенни. Она опередила его в возрасте на пять или шесть лет, но в этот миг казалась очень молодой и неуверенной. Киви кого-то прижимала к плечу; это оказался котенок из Северной Лапы. Раньше Бенни их вне озерного парка не встречал. Киви оглядывала бар, явно удивленная при виде толп.

— Так тут почти все?

— Да, да! Мы так рады, что ты пришла. Ты нас

просветишь насчет того, что на самом деле там творится.

Посол доброй воли от вахтмастера, так сказать. Киви шла эта роль. Сегодня — никаких скафандров. Она облачилась в кружевное платье, мягко клубившееся при каждом движении. Даже в озерном парке, в домике вахтмастера, она выглядела не такой ослепительно-красивой.

Киви нерешительно устроилась за столиком. Бенни из вежливости тоже посидел пару минут и передал Киви пульт управления.

— Гунле мне это раздобыла; извини, ничего лучшего нет.

Он указал пультом на экран и перечислил опции меню.

— Вот так — полный доступ к бару. Не стесняйся, пользуйся. Ты лучше нас всех знаешь, что сейчас происходит.

Киви, помедлив, приняла пульт. Другой рукой она тесно прижимала к себе котенка. Существо заворочалось, устраивая крылья поудобней, но протеста не выразило. Из всего внутреннего круга вахтмастера Нау наибольшей популярностью пользовалась как раз Киви. Не посланница, а скорей принцесса. Так однажды описал ее функции Бенни в разговоре с Гунле Фун. Гунле цинично

ухмыльнулась, услышав это определение, но согласилась. Киви доверяли все: она символизировала незначительные послабления тирании. Впрочем, выпадали моменты, когда она казалась совсем потерянной. Как сегодня. Бенни, подумав, снова сел. Пускай остальные малость поработают. Он вдруг понял, что должен пока остаться с Киви.

Она мгновение смотрела на него с тенью старой детской улыбки на лице.

— Да, я проведу шоу. Томас показал мне как. — Она ослабила хватку, выпустила котенка и погладила Бенни по руке. — Не беспокойся, Бенни. Спасение — рискованная операция, но мы справимся.

Она поиграла с пультом, и дисплейная зона бара полыхнула цветами заставки; световые вспышки расплескались по цветам и лианам. Когда Киви заговорила, голос ее разлетелся по бару из тысяч микроминиатюрных динамиков, фазированный так, что каждый слышал ее совершенно отчетливо.

— Всем привет. Добро пожаловать на праздник!

Довольная, уверенная. Киви, которую знали все.

По дисплейному ядру замелькали картинки: лицо Киви, вид Арахны с борта «Невидимой руки», вахтмастер Нау за работой в домике в Северной Лапе, схема орбиты «Руки» и соотношение вооружений основных государств планеты пауков.

— Как вы знаете, наша старая знакомая Виктория Смит сейчас прибыла в Саутленд. Через считаные мгновения она появится в тамошнем парламенте, и мы насладимся немыслимым доселе ракурсом восприятия паучьей жизни — видом с камеры на поверхности. Теперь, спустя столько лет, мы увидим пауков такими, какими может видеть их человек. — На крупнейшем дисплее в центре бара лицо Киви расплылось в счастливой улыбке. — Считайте, что мы пробуем на вкус нашу будущую жизнь вместе с народами Арахны. Но прежде чем до этого дойдет, мы обязаны предотвратить войну, обнаружив наконец свое присутствие.

Она опустила взгляд на экраны, голос ее дрогнул, словно Киви впечатлил масштаб грядущей ответственности.

— Мы намерены объявить о себе всего через сорок килосекунд, когда закончатся приготовления к перехвату сети с низкой орбиты, а «Рука»

позиционирует себя так, чтобы пролетать последовательно над столицами Аккорда и Клана. Я надеюсь, вам понятно, какая это сложная задача. Пауки, наши будущие друзья, оказались в более опасной ситуации, чем большинство выживших человеческих цивилизаций. Но полагаю, вы знаете, что мы давно и усердно готовились к этому дню. Когда настанет время объявить о себе и вступить в контакт, мы преуспеем. Я уверена. А пока смотрите. Вскоре у нас у всех будет полно работы.

52

Рахнер Тракт, как ни странно, сохранил ранг полковника, хотя бывшие коллеги ему, наверное, даже сральник не доверили бы прочистить. Генерал Смит обошлась с ним мягко. *Доказать* предательство им не удалось, а более жесткие методики допросов применять она явно не желала. Так что полковника Рахнера Тракта, бывшего сотрудника спецслужбы, которую нельзя называть, оставили при хорошей зарплате и на полном рабочем дне… без какой бы то ни было работы.

После ужасного совещания в Ставке минуло уже четыре дня, но Тракт целый год до того чуял, как близится провал. Когда это наконец про-

изошло, он испытал скорей облегчение, если не считать неприятной детали: он пережил опалу и превратился в живого призрака.

Старые офицеры, особенно тиферы, после такого позора обезглавливали себя. Рахнер Тракт был тифером-полукровкой, но голову себе утяжеленным клинком не отсек. Вместо этого он пять дней напролет глушил мозги шипучкой, кружа по злачным местам Калорики. «Даже в этом ты оказался идиотом». Калорика — единственное место в мире, где так тепло, что в шипучкому впасть не получится.

Он слышал, что кто-то — Смит, наверняка Смит — полетит в Саутмост, попытается исправить провал Тракта. Шли часы после прибытия Смит в Саутмост, а Рахнер понемногу выплывал из дурмана. Он сидел в общественных местах и смотрел новостные ленты. Сидел и молился, чтоб Виктории Смит повезло там, где Рахнер Тракт жизнь угробил. Но он знал, что Смит тоже потерпит неудачу. Никто ему не поверил, и даже Рахнер Тракт не знал, как все в точности устроено. Однако он не сомневался, что за Кланом кто-то стоит. Возможно, сам Клан об этом не подозревает, но их кто-то прикрывает, оборачивая все технологические преимущества Аккорда на

пользу противнику.

На экранах шла прямая трансляция из Саутмоста, где Смит входила в Великие врата зала Парламента. Даже в самом отвязном клубешнике Калорики все притихли. Тракт устроил голову на барной стойке и расфокусировал зрительное поле.

Тут у него звякнул телефон. Рахнер полез в куртку, достал его и недоверчиво, но без всякого интереса глянул на экран. Наверное, кто-то ошибся номером. Или спамят. Это дерьмо даже без шифромодуля, никакая важная персона по нему не позвонит.

Он собрался было швырнуть телефон на пол, но тут паучиха на соседнем насесте хорошенько хватила его лапой поперек спины.

— Солдафон гребаный, наклюкался, да? А ну пошел отсюда! — зашипела она.

Тракт слез со своего насеста. Он плохо понимал, зачем это делает: то ли повинуется команде паучихи, то ли собирается защитить честь Смит и всех остальных миротворцев.

Кончилось дело тем, что за него решили вышибалы. Когда Тракт пришел в себя, то обнаружил, что стоит на улице и телевизора, способного показать действия генерала, в окрестностях не

наблюдается. А телефон продолжал звонить. Он нажал «прием» и рявкнул в микрофон что-то нечленораздельное.

— Полковник Тракт, это вы? — Слова отрывочные, плохо разборчивые, но голос почти знакомый. — Полковник? Ваш телефон с шифромодулем?

— Нет, без, клянусь кровью чертей! — выругался Тракт громко.

— Благодарение Богу! — продолжил почти знакомый голос. — Тогда шанс у нас есть. Уж конечно, даже *они* не могут прослушивать безобидный треп гражданских по всему миру.

Они. Даже сквозь шипучковый туман до Тракта дошел курсив. Он придвинул микрофон к самой пасти и поинтересовался ненавязчиво:

— А вы кто?

— Ой, простите. Я Обрет Низеринг. *Пожалуйста*, не кладите трубку. Вы меня, наверно, не помните. Пятнадцать лет назад я читал вам небольшой курс по ЗГР. В Принстоне. Вы там сидели в аудитории.

— Я… э… ну да, помню. — Честно говоря, курс был и вправду неплох.

— Помните? Отлично! Тогда вы знаете, что я не безумец. Сэр, я понимаю, что вы сейчас крайне

заняты, но, пожалуйста, уделите мне минутку вашего драгоценного времени. Умоляю!

Тракт вдруг понял, где находится и что за постройки кругом. Прогулочный бульвар Калорики тянулся по дну вулканической чаши, наверное самого теплого места на поверхности планеты. Но то было лишь бледное подобие Калорики тех времен, когда тут забавлялись сверхбогачи. Бары и отели умирали. Снегопады и те прекратились. Сугробы вдоль аллеи были двухлетние, загаженные мочой и блевотиной. Сколь высокотехнологичен сей командный пост!

Тракт присел за сугробом, укрываясь от ветра.

— Да, полагаю, минутка у меня для вас найдется.

— О, благодарю! Вы моя последняя надежда. Мои звонки профессору Андерхиллу блокируются. Ничего удивительного, как я теперь понимаю… — Тракт представил, как паучара на другом конце линии старается собраться с мыслями и не отвлекаться на вздор. — Так, я астроном на Райском острове, полковник. Вчера ночью я видел… космический корабль величиной с город, двигатели подсвечивают небо… ни ПВО, ни сети ничего не заметили… — Низеринг описывал его быстро, лаконично, управился меньше чем за

минуту. Потом продолжил: — Я не чудик, уверяю вас. Мы это видели! Должны быть сотни свидетелей, но ПВО каким-то образом его проморгала. Полковник, поверьте мне! — Голос Низеринга сделался неуверенным — паучара явно осознал, что никто в здравом уме его россказням не поверит.

— О, я вам верю, — тихо ответил Рахнер. Параноидальный бред… который все объясняет.

— Что-что, полковник? Простите, но документальных подтверждений я вам переслать не смогу. *Они* полчаса назад отрезали нам кабель; я тут по самодельной рации одного любителя на марш… — Несколько слогов зажевала статика. — …все, что я хотел вам рассказать. Может, это какой-нибудь сверхсекретный проект ПВО. Если вы не беретесь ничего прокомментировать, я вас пойму. Но я должен был попытаться! Корабль был такой огромный и…

На миг Тракту показалось, что собеседник умолк, выбившись из сил. Но молчание продлилось несколько секунд, после чего из крохотного динамика раздался механический голос:

— Сообщение триста пять. Обрыв Паутины. Пожалуйста, повторите вызов позже.

Рахнер медленно опустил телефон назад в

карман куртки. Пасть и пищевые руки у него онемели, и не только от холода. Когда-то его ребята из сетевой разведки прорабатывали вопрос автоматизированного подслушивания. Если компьютерной мощности хватает, в принципе допустимо отслеживать *все* разговоры на предмет ключевых слов и настраивать автоматические действия в целях безопасности. В принципе. Фактически даже компьютеры разведки всегда отставали от развития общедоступных сетей. Но похоже, что у кого-то такие возможности появились.

Глубоко засекреченный проект ПВО? Ой, вряд ли. За последний год Рахнер Тракт столкнулся со множеством необъяснимых ошибок и прочих тайн. Если б Аккорд-разведка, ведомство Педуры и все разведки планеты взялись *сотрудничать*, и то им не удалось бы настолько безошибочное прикрытие соорудить. А Тракт чуял дезу. Нет. Кто бы это ни был, масштаб угрозы надмирный, не паучий.

Теперь, однако, он хотя бы располагает конкретной уликой. Мысли должны бы обостриться в боевой настороженности, а вместо этого смятенно путаются. Все шипучка чертова. Если им противостоит чуждая сила, столь искусная и

так глубоко проникшая в мир… что могут с ней поделать Обрет Низеринг или Рахнер Тракт, даже узнав правду? Что они могут? Но Низерингу позволили говорить более минуты. Он произнес много ключевых слов, прежде чем разговор прервали. Инопланетяне наверняка более развиты, чем пауки, но все же они не боги.

Эта мысль заставила Тракта споткнуться на бегу. Не боги. Слух о чудовищном звездолете распространяется по цивилизованному миру, медленно, трудно, путем личных контактов между простыми паучками без доступа к власти. И через несколько часов скрывать тайну станет невозможно. А значит… какова бы ни была цель этой махинации, рассчитана она не более чем на несколько часов. Прямо сейчас шеф рискует жизнью глубоко в Саутмосте, пытаясь спасти их от надвигающейся катастрофы и не зная, что лезет прямиком в ловушку. «Если бы мне пробиться к ней или Белге, хоть до кого-нибудь наверху добраться…»

Но телефоны и паутинная почта — хуже чем бесполезны. Нужен прямой контакт. Тракт запетлял по пустынной улице. Где-то тут автобусная остановка, за углом… Когда пройдет следующий автобус? Ему оставили личную вертушку,

игрушку для богатеньких, но это слишком навороченный транспорт, завязанный на сеть. Инопланетяне могут попросту перехватить управление и разбить вертолет. Он отогнал страх. Сейчас хоппер — единственная надежда. Из вертолетного порта можно переместиться в любую точку на двести миль кругом. К кому же постучаться? Он повернул за угол. Гранд-бульвар тянулся бесконечным рядом трехцветных фонарей от полосы злачных мест через Калориканский Лес. Разумеется, лес давно умер. Даже листьев не осталось на споры — слишком теплая почва внизу. Центр разровнен и расчищен под вертолетную площадку. Отсюда можно улететь… Тракт рыскал взглядом по кальдере. Огни бульвара напоминали затухающие искры. Когда-то светилась вся стена, до усадеб Лет Увядания. Но истинные богачи давно забросили свои дворцы. Лишь в нескольких еще кто-то живет, и туда снизу не пробиться.

Но ведь там, наверху, Шерканер Андерхилл, он вернулся из Принстона. Во всяком случае, так сообщалось в последнем читанном им в день катастрофы, перед концом карьеры, отчете. Он слышал, что Андерхилл повредился в уме — бедняга. Ну и плевать. Тракту нужен черный ход в

берлогу Ставки — может, через дочку начальницы, но только не через Паутину.

Мгновением позже рядом с Трактом затормозил городской автобус. Он вскочил в салон. Середина утра, но Тракт оказался единственным пассажиром.

— Вам повезло, — усмехнулся водитель, — следующий аж через три часа после полудня.

Двадцать миль в час, тридцать. Автобус громыхал по Гранд-бульвару в сторону вертолетной площадки в Мертвом Лесу. «Через десять минут буду у него на пороге». Внезапно до Рахнера дошло, что его пасть и пищевые руки в рвоте после шипучки, а мундир весь запачкан. Он кое-как отскреб башку, но с мундиром ничего не поделать. Полоумный в гости к старому маразматику. А что, забавно! Вероятно, последний шанс для каждого из них.

Десятилетие назад, во времена более дружеских отношений, Хранкнер Аннерби консультировал саутлендеров по вопросам строительства Новой Саутмостовской Глубины. Так что в известном странном смысле все, увиденное за посольством Аккорда на территории Саутленда, было ему знакомо. Множество лифтов. Саутленду требовалось, чтобы зал Парламента выдержал прямое попа-

дание атомной бомбы. Он предупреждал, что развитие систем оружия в будущем, скорее всего, обессмыслит это требование, но саутлендеры его не слушали и потратили значительные ресурсы, которые можно было бы пустить на развитие сельского хозяйства в годы Тьмы.

Главная лифтовая шахта была так просторна, что даже репортеры поместились бы в кабину, — и они не преминули этим воспользоваться. Саутлендерская пресса относилась к привилегированным сословиям, ее защищал особый парламентский закон — даже на правительственной территории! Генерал вела себя отлично. Может, научилась у Шерканера, глядя, как тот управляется с журналюгами. Ее бойцы с невинным видом отступили, смешавшись с толпой. Смит отпустила несколько расплывчатых ремарок, после чего позволила себе вежливо проигнорировать дальнейшие вопросы, чтобы саутлендерская полиция убрала репортеров с ее физического пути.

В тысяче футов под землей лифт перешел на горизонтальное движение по электрическому полирельсу. За высокими окнами лифтовой кабины проплывали ярко освещенные промышленные пещеры. Саутлендеры проделали здесь огромную работу, как и на Прибрежной Дуге, но ресурсов

подземных ферм на все не хватало.

Двое депутатов, явившихся приветствовать делегацию Аккорда на летное поле, некогда были на Юге весьма влиятельны. Но времена изменились: череда покушений, политических скандалов и прочих фокусов из Педурина арсенала, а также почти волшебное везение Клана свели их власть на нет. Теперь эти двое остались единственными симпатиками Аккорда — по крайней мере, смели заявлять об этом публично. Их считали марионетками чужеземного короля. Двое держались близко к генералу, причем настолько близко, что могли переговариваться в относительном укрытии. К счастью, слышали их только генерал с Хранкнером Аннерби. «Не слишком на это рассчитывай», — предостерег себя Аннерби.

— Мэм, не сочтите за неуважение, но мы так надеялись на личный визит вашего короля. — Политик в искусно скроенной куртке и сделанных на заказ легинсах вид тем не менее имел помятый и измученный.

Генерал успокаивающе покивала:

— Понимаю вашу тревогу, сэр. Я прибыла затем, чтобы все уладить и сделать это безопасными методами. Мне позволят выступить перед

парламентом? — В текущей ситуации Хранк предположил, что никакого «ближнего круга», с которым можно было бы вести переговоры, нет, если не считать марионеток Педуры. Однако парламентское голосование могло бы все изменить, поскольку именно парламенту оставались подчинены РВСН.

— Д-да, мы это устроили. Но все зашло так далеко… — Он бессильно махнул рукой с дорогими часами. — Я считаю, что Другие вполне способны устроить нам поломку лифта, и…

— Они же позволили нам так далеко забраться. Если выступлю перед парламентом, то, скорее всего, сумею купировать кризис.

Генерал Смит улыбнулась саутлендеру, и вид у нее сделался почти заговорщицкий.

Пятнадцатью минутами позже лифт остановился у главной эспланады. Три стены и крыша просто ушли в стороны. *Такого* мастерства Хранк в жизни не встречал. Застыв как вкопанный, инженер Аннерби огляделся, пожирая взглядом тьму и огни, стараясь понять, что за механизм отвечает за столь внушительный и беззвучный эффект.

Затем их смело с платформы напором полицейских, политиканов и репортеров… и они

двинулись по парадной лестнице в зал Парламента.

Наверху саутлендерская СБ наконец отделила их от репортеров и собственной охраны Смит. Пройдя в пятицветные, отделанные деревом двери, они вступили в сам зал. Помещение всегда располагалось под землей, в ранних поколениях — немногим выше местной глубины. Древние правители скорей походили на бандитов (или ополченцев, это смотря какому источнику пропаганды доверять), чьи отряды шныряли по горному краю.

Хранкнер помогал оформлять нынешнюю версию зала Парламента. То был один из немногочисленных проектов в его инженерной карьере, где главной целью стало великолепие дизайнерской отделки. Бомбоустойчивость зала вызывала определенные сомнения, зато он получился чертовски внушительным.

Зал имел форму неглубокой чаши, уровни которой соединялись плавно закруглявшимися лестницами, и на каждом пролете хватало места для столов и насестов. Стены вырезанного в скале зала поддерживали исполинский арочный свод, освещенный лампами дневного света и осветительными устройствами, основанными на

полудюжине иных технологий. Совокупная освещенность чистотой и интенсивностью достигала почти дневного уровня Срединной Яркости, так что даже цвета стен были явственно различимы. Ковры, мягкие и плотные, как отцовская шерсть, устилали ступени, проходы и авансцену. На каждый уровень выходили простенки полированного дерева, украшенные картинами: художники, создавшие их, пользовались красками тысячи оттенков и умели мастерски обыграть любую зрительную иллюзию. Для бедной страны такое сооружение могло считаться неимоверно роскошным. Но чем им еще гордиться, кроме парламента, покончившего с бандитизмом и зависимостью от иностранцев, обеспечивавшего народу мир… до этого самого дня?

Двери затворились за ними. Звук смыкающихся створок глубоким эхом раскатился под куполом, отражаясь от дальних стен. Здесь их выслушают только депутаты, приглашенные специалисты и (Хранкнер углядел скопления линз высоко наверху) камеры новостных агентств. Почти все насесты за полукруглыми столами оказались заняты. Аннерби прикинул, что к ним приковано внимание доброй полутысячи депутатов.

Смит, Аннерби и Тим Даунинг начали спуск

по лестнице, ведущей на авансцену. Депутаты в большинстве своем просто смотрели на них — молча. В настроении парламента смешивались надежда, враждебность и уважение. Может, Смит и сумеет воспользоваться миротворческим шансом.

Для столь торжественного дня Томас Нау устроил в Северной Лапе солнечную погоду, подобную теплой послеполуденной поре летнего дня. Али Лин немного поворчал, но внес необходимые изменения. Сейчас Али пропалывал сад под кабинетом Нау, забыв свои тревоги. Ну и что, если погодные мотивы парка нарушены? Следующей задачей Али станет их восстановление.

«А моей задачей — увязать все концы», — думал Томас. За столом напротив сидели Винь с Тринли. Он нагрузил их мониторингом определенных позиций. Тринли важен как свидетель легенды — единственный коробейник, который, по мнению Томаса, без звука поддержит вахтмастерову ложь. Винь… ну, под правдоподобным предлогом его получится отключить от сети на критические моменты, но то, что он увидит, подтвердит показания Тринли. Трудная задача, но на случай сюрпризов… на этот случай под рукой Каль и его бригада.

Ритсер присутствовал в виде двумерного изображения; было видно, как он развалился в капитанском кресле на командном мостике «Руки». Посторонним ушам его слова недоступны.

— О да, вахтмастер, у нас есть картинка. В зале Парламента работает наш бот-шпион. Эй, Рейнольт, в кои-то веки твой Мелин не облажался, гм?

Анне сидела высоко в Аттике Хаммерфеста, присутствуя лишь в виде доступного одному Томасу изображения в наглазниках и голоса в его ухе. В данный момент Анне была занята сразу тремя заданиями. Она просматривала какую-то аналитику от неотвязников, следила за переводом Триксии Бонсол на стене и отслеживала поток данных с «Руки». С неотвязниками все было очень сложно. На Ритсера Анне не отреагировала.

— Анне? Когда бот Ритсера выйдет на связь, перенаправь картинки сразу к Бенни. Перевод Триксии пусти оверлеем, но необработанный звук оставь тоже. — Томас уже просмотрел некоторые трансляции от шпиона. Пускай-ка народ у Бенни увидит пауков вблизи, живыми и в движении. После завоевания это слегонца подсобит.

Анне ответила, не отрываясь от работы:

— Слушаюсь, сэр. То, что вы говорите, слышно также Виню и Тринли.

— Да, именно так.

— Отлично. Если хотите знать… наши внутренние враги ускорили темп. Я вижу во всей нашей автоматике признаки чужого вмешательства. *Следите за Тринли*. Готова об заклад побиться, это он там сидит и с локализаторами возится. — Анне моргнула, поймав вопросительный взгляд Нау. Пожала плечами. — Нет, я все еще не уверена, что это он. Но я очень близка к разгадке. Будьте начеку.

Прошла секунда. Голос Анне зазвучал снова, теперь слышный и в доме, и на базе коробейников:

— Хорошо, у нас теперь есть прямая трансляция из зала Парламента в Саутмосте. Вот что там мог бы видеть и слышать человек.

Нау глянул влево, туда, где наглазники разместили ракурс точки зрения Киви во времянке. Композитные экраны забегаловки Бенни сверкнули. В первый миг было совершенно непонятно, на что смотрят люди. Хаотичное смешение красных, зеленых и актинически-синих огней… затем появилась какая-то яма. Каменные лестницы, высеченные в стенах. То ли мох, то ли шерсть растет прямо из скалы. Пауки кишели, как чер-

ные тараканы.

Ритсер Брюгель оторвался от зрелища зала Парламента и тряхнул головой. Было похоже, что его охватил трепет.

— Это вроде видения преисподней какого-нибудь френкийского пророка.

Нау молча кивнул в знак согласия. Десятисекундная задержка вынуждала сводить диалоги к минимуму. Но Брюгель был прав; столько пауков сразу — зрелище покруче, чем на предыдущих видео от бота. Прилизанные, отдающие антропоморфизмом переводы неотвязников не давали реалистичного представления о пауках. «Интересно, сколько информации об их способе мышления мы упускаем?» Он вызвал параллельную версию сцены, синтезированную переводчиками-неотвязниками по новостной ленте пауков. На этой картинке яма с отвесными стенами превратилась в неглубокий амфитеатр, уродские цветные пятна стали красивыми мозаичными узорами на ковре, а ковер, в свою очередь, утратил сходство с волосяным колтуном. Дерево заблестело, как отполированное, а не запятнанное или источенное жучками. Сами же пауки каким-то образом стали спокойней, жесты их обрели близкий человеческому смысл.

На обоих дисплеях у входа в Парламент возникли три фигуры. Фигуры слезли (спустились) по каменной лестнице. Воздух рассекли шипящие щелчки: истинная речь этих существ.

Троица скрылась на дне ямы. Мгновением позже возникла снова, карабкаясь по дальней стене. Ритсер фыркнул.

— Та, средних размеров, идущая впереди, — это, наверное, начальница разведки, которую Бонсол зовет Викторией Смит. — Одна деталь в ее описании оказалась точна: одеяние существа было угольно-черным, но походило не на униформу, а скорей на медицинские бинты или заплатки. — Волосатик, идущий следом за Смит, наверное, инженер Хранкнер Аннерби. Довольно эксцентричные имена для этих чудовищ.

Троица взобралась на подиум, напоминавший торчащее из каменного пола копье. Четвертый паук, уже находившийся там, взгромоздился на острие.

Нау отвел взор от ямы с пауками и поглядел на толпу у Бенни. Те сидели молча, повергнутые в глубокое изумление. Даже официанты Бенни Вэня застыли, не отрывая взглядов от картинки из мира пауков.

— Вступительная речь спикера парламен-

та, — сказал какой-то неотвязник. — «Призываю парламент к спокойствию. Честь имею приветствовать…»

Фоном осмысленной речи служила звуковая дорожка от Ритсерова шпиона, возвращая слушателей к реальности; шипящий треск и щелчки, свист от рубящих жестов передних конечностей, подобных выпадам рапир. По правде говоря, сходство со статуями, виденными экспедицией Чжэн Хэ у Ставки, было очевидно. Но в движении пауки проявляли леденящую хищную грацию, некоторые жесты были нарочито медленны, а иные очень-очень быстры. Самое удивительное, что глаз было не разобрать, а ведь зрение у этих созданий отменное. Поперек гребенчатых выступов между желобками на головах тянулись гладкие глянцевые пятна, там и сям выпирающие пузырями, а иногда палочками (на концах, должно быть, охлаждаемые зоны инфракрасного восприятия). Передок паучьего тела напоминал лицевую панель устрашающей ненасытной машины-убийцы из ночного кошмара. Бритвенно-острые мандибулы и когтеобразные вспомогательные конечности непрестанно двигались, но головы чужаков были почти неподвижны относительно груди.

Спикер покинул каменный игловидный выступ, и туда залезла генерал Смит, выполнив сложный маневр среди остальных. Достигнув выступа, Смит минутку помолчала. Передние лапы ее описывали небольшие спирали, словно приглашая идиотов сунуть головы ей в пасть. Спикер зашипел и затрещал. На картинке с «переводом» оверлеем под изображением генерала пошло: ДРУЖЕЛЮБНО УЛЫБАЕТСЯ АУДИТОРИИ.

— «Дамы и господа, депутаты парламента! — начал сильный и красивый голос Триксии Бонсол. Нау заметил, как слегка вздернул голову Эзр Винь. Диагностические метки на его фигуре показали обычный конфликт интенсивных эмоций. «Его еще какое-то время можно будет использовать», — подумал Нау. — Я пришла сюда говорить от имени своего короля, облеченная всей полнотой полномочий. Я пришла в надежде, что сумею предложить вам достаточно, чтобы завоевать ваше доверие».

— Дамы и господа, депутаты парламента!

Ряд за рядом депутаты переводили взгляды на Викторию Смит. Все их внимание принадлежало теперь ей, и Хранкнер ощутил, как источает привычную непобедимую силу личность генерала.

— Я пришла сюда говорить от имени своего короля, облеченная всей полнотой полномочий. Я пришла в надежде, что сумею предложить вам достаточно, чтобы завоевать ваше доверие. Мы находимся в исторической точке, когда способны уничтожить все завоевания нашего прогресса — или объединить все наши прошлые достижения во имя безграничного счастья. Эти два варианта — две грани одной ситуации. Возможность достичь светлого исхода зависит от взаимного доверия.

Раздались разрозненные насмешливые крики сторонников Клана. Аннерби задумался, все ли они запаслись билетами из Саутленда. Должны же они понимать, что любой адекватный отклик на атаку — как только полетят бомбы — обречет их на гибель вместе со страной, которую они предали.

Генерал говорила, что Педура присутствует здесь лично. Интересно… В продолжение речи генерала Аннерби смотрел во все стороны, особенно пристально — в затененные уголки зала, где стояли парламентские приставы. Но вот же! Педура сидела на авансцене, их со Смит разделяло не более сотни футов. Вид у нее был крайне самоуверенный. «Погоди-погоди, дорогая моя

достопочтенная Педура. Может, генерал сумеет тебя основательно удивить».

— У меня к вам предложение. Простое, но существенное, и воплотить его в жизнь можно очень быстро. — Она сделала знак Тиму Даунингу раздать карты данных технику из спикерской обслуги. — Думаю, вам известно, какой пост я занимаю во властных структурах силового крыла Аккорда. Даже самые подозрительные из вас согласятся, что на время моего визита Аккорд волей-неволей обязан соблюдать любые наложенные на себя публично ограничения в применении силы. Я уполномочена продлить это состояние. Вы, члены саутлендерского парламента, вольны выбрать любых трех заложников из Аккорда, включая меня и самого короля, и удерживать их неопределенно долгое время в нашем посольстве здесь, в Саутмосте.

Самая примитивная стратегия миротворчества, хотя гораздо решительней прошлых прецедентов, ибо Смит предлагала другой стороне выбрать любых заложников. И гораздо практичней любых прецедентов. Посольство Аккорда в Саутмосте размером не уступало небольшому городу, а современные коммуникации позволили бы заложникам вести привычный профессиональный

образ жизни. Если парламент не до конца прогнил, это может предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Депутаты, даже марионетки Педуры, молчали. Шокированы? Перебирают оставшиеся реальные возможности? Слушают инструкции хозяев? *Что-то* там происходит. Хранкнер видел, как в тени за местом Смит Педура отдает помощнику торопливые приказы.

Когда речь Виктории Смит завершилась, в баре Бенни разразилась буря аплодисментов. Начало выступления спровоцировало шок: все увидели, как на самом деле выглядят живые пауки. Но слова речи согласовывались со складом личности Виктории Смит, в известной мере знакомой всем присутствующим. К остальному придется привыкать, но…

Рита Ляо поймала Бенни, разносившего напитки под потолком, за рукав:

— Нельзя Киви сейчас одну перед толпой оставлять, Бенни. Она и сюда втиснется, а все равно со всеми сможет общаться.

— Гм, ладно. — Это вахтмастер предложил оставить ее в переднем ряду одну, но, коли все так хорошо пошло, не повредит небольшое отклонение от инструкций. Бенни закончил разносить

напитки, вполуха слушая счастливый треп.

— …между этой речью и нашим вмешательством они в такой же безопасности, как на базах Трехземья были…

— Эй, да мы меньше чем через четыре мегасекунды ступим *на поверхност*ь! Столько лет…

— Космос или планета — какая разница? У нас будет достаточно ресурсов, чтобы снять запрет на детей…

«О да, запрет на детей. Наш человеческий вариант табу на внефазных. Может, я наконец попрошу Гунле…» Бенни отогнал эту мысль. Не надо спешить, испытывая судьбу. Тем не менее ему вдруг стало так хорошо, как не было очень давно. Бенни пролетел между столов через центральный зазор, направляясь напрямик в сторону Киви.

Выслушав предложение Риты, та кивнула:

— Было бы отлично.

Она улыбалась нерешительной улыбкой, не сводя глаз с экранов забегаловки. Генерал Смит спускалась со спикерской кафедры.

— Киви! Смотри, получается даже лучше, чем вахтмастер планировал. Мы все хотим тебя поздравить!

Киви осторожно погладила котенка, свернув-

шегося у нее на руках, словно желая его уберечь от настойчивой опасности. Когда взгляд ее вернулся к Бенни, в нем сквозило странное недоумение.

— Да, все получается.

Она выбралась из-за стола и полетела следом за Бенни к месту Риты.

— Мне нужно с ним поговорить, капрал. *Сейчас же.* — Сказав это, Рахнер подтянулся, демонстрируя пятнадцатилетнюю полковничью выправку.

На миг юный капрал аж сжался под пылающим взором полковника. Потом внефазный паучонок, наверное, заметил, что пасть Тракта в засохшей блевотине от шипучки, а мундир в плачевном состоянии. Пожав плечами, он посмотрел на Рахнера с пристальным холодным вниманием:

— Простите, сэр, но вас нет в списке посетителей.

Рахнер поник.

— Капрал, просто позвоните ему вниз. Скажите, что это Рахнер, и… и речь идет о жизни и смерти. — Не успели у него вырваться эти слова, как Рахнер уже пожалел, что высказал абсолютную правду. Паучонок мгновение глядел на него, явно прикидывая, не вышвырнуть ли незваного гостя вон. Потом в аспекте его проявилось подобие тошнотворной жалости, он включил

интерком и сказал кому-то в доме пару слов.

Прошла минута. Две. Рахнер метался по прихожей клетке. По крайней мере, здесь не дует; спускаясь по лестнице с вертолетной площадки Андерхилла, он уже кончики двух рук обморозил. Но… прихожая клетка с охранником? Он почему-то не ожидал таких мер безопасности. Может, от его провала будет какая-никакая польза. Остальные, наверное, поняли, что нужно себя охранять.

— Рахнер, это вы? — Из коммуникатора часового прозвучал слабый, ворчливый голосок. Андерхилл.

— Да, сэр. Пожалуйста. Мне нужно с вами поговорить.

— Вы… у вас *кошмарный* вид, полковник. Простите, я…

Голос умолк. Фоном пошло какое-то бормотание. Кто-то сказал: «Речь удалась… у нас теперь полно времени». Андерхилл снова возник на линии, уже не такой суровый:

— Полковник, я поднимусь через пару минут.

53

— Превосходная речь. Если бы ее заранее написали мы, все равно бы лучше не получилось.

На двумерном видео с «Руки», очень довольный

собой, продолжал балаболить Ритсер. Нау просто кивал и улыбался. Предложение мира, выдвинутое Смит, достаточно сильно, чтобы паучьи вояки взяли паузу. А заодно позволит людям выгадать время, раскрыть свое присутствие и предложить сотрудничество. Такова была официальная версия: рискованная затея, которая оставила бы вахтмастеров в подчинении аборигенам. На самом же деле примерно семь килосекунд спустя неотвязники Анне инициируют предательскую атаку собственных сил Смит. Результирующий «контрудар» Клана довершит запланированное разрушение. «А потом на сцену выйдем мы и соберем, что уцелело».

Нау оглядывал залитую ярким послеполуденным светом Северную Лапу, но в наглазниках держал Тринли с Винем: те сидели всего в паре метров от него. Тринли казался немного удивленным, хотя пальцы его ни на миг не переставали сновать по клавиатуре: он выполнял задание по мониторингу ядерных сил Клана. Винь? Винь откровенно нервничал: диагностические теги, ползущие по его лицу, указывали, что Винь догадался о двойном смысле происходящего, но пока не понял, что именно пошло не так. Пора куда-нибудь его отослать, заняв парой мелких дел.

Когда вернется, все уже закрутится… а Тринли подтвердит версию вахтмастера.

В ухе Нау ожил голосок Анне Рейнольт:

— Сэр, у нас ЧП.

— Да? Продолжайте, — беззаботно ответил Нау, не оборачиваясь от озера. Внутри у него, однако, все заледенело. По меркам Анне, тон был почти панический.

— Наш пресловутый диверсант набрал темп. Сбросил маскировку. Хватает все, что плохо лежит. Еще несколько тысяч секунд — и он отключит всех неотвязников… Это Тринли, сэр; вероятность девяносто процентов.

«Но вот же он, Тринли: сидит рядом, у меня перед глазами! И он мне нужен как свидетель, чтобы после атаки задурить всем головы».

— Анне, я не уверен, — сказал он вслух. Может, у Анне глюки? Вполне возможно, хотя он теперь тщательней прежнего отслеживал ее медицинские показатели и МРТ-настройки.

Анне пожала плечами, не ответив. Типичный для неотвязников жест самозащиты. Она сделала что могла, а он волен проигнорировать ее совет и катиться своей дорогой к черту.

Работа, отнявшая сорок лет, подходила к кульминации. Но именно поэтому враг мог выбрать

такой момент, чтобы наконец перейти к решительным действиям.

Прямо за спиной Нау стоял Каль Омо, у которого был свой канал связи с Рейнольт. Из трех остальных охранников присутствовал лишь Рэй Сирет. Нау вздохнул:

— Ладно, Анне.

Он подал Омо незаметный сигнал вызвать остальных. «Уложим эту парочку в холодильник, а разберемся позже».

Нау ничем не всполошил их, но… краем глаза он уловил жест Тринли: рука его дернулась, что-то метнув. Каль Омо издал булькающий вопль.

Нау кинулся под стол. В толстую столешницу над его головой что-то ударило. Очередь из дротикомета, новый вопль.

— Удирает!

Нау скользнул по полу и, оттолкнувшись, подскочил к потолку по ту сторону стола. Рэй Сирет висел в полупозиции и молотил Эзра Виня.

— Простите, сэр, этот на меня как наскочит! — Он оттолкнул окровавленное тело; Винь выиграл для Тринли мгновение, которым тот воспользовался, чтобы сбежать. — Марли и Тун — за ним!

Действительно, те попытались. Они лихорадочно обстреливали склон холма из дротикометов,

целясь в сторону леса. Но Тринли уже заметно оторвался, перелетая от дерева к дереву. Потом он скрылся из виду, а Тун с Марли в горячке погони рванулись за ним.

— Стоять! — рявкнул Нау из динамиков. Выработанная всей жизнью привычка повиноваться остановила бессмысленную погоню. Охранники осторожно вернулись по холму вниз, не переставая выискивать взглядами опасность. На лицах читались шок и ярость.

Нау продолжал уже тише:

— Внутрь. Охраняйте дом.

Такие базовые команды должен был бы отдавать вахтсержант, но Каль Омо… Нау перелетел обратно к рабочему столу, отказавшись на миг от этикета консенсуальной гравитации. Из края столешницы, совсем рядом с тем местом, куда нырнул Нау в поисках укрытия, торчало что-то сверкающее, острое. Очень похожий клинок пронзил Омо глотку; рукоятка торчала у сержанта из трахеи. Омо перестал дергаться. Он был весь окружен струями крови, и те оседали очень медленно. Вахтсержант успел лишь наполовину вытащить дротикомет из кобуры.

Омо был полезный работник. Есть ли время отнести его в морозилку? Нау мгновение пораз-

мыслил о вопросах тактики и выборе сроков… и Каля Омо не стало.

Охранники парили у окон, но взгляды их нет-нет да и возвращались к вахтсержанту. Ум Нау метался по следственным цепочкам.

— Сирет, спусти сюда Виня. Марли, отыщи Али Лина.

Винь слабо застонал, когда его бросили на стул. Нау перелетел над столом и пригляделся к нему. Похоже, Виню досталось дротиком по плечу. Зарубка сильно кровоточила, но не брызгала. Винь будет жив… достаточно долго.

— Чтоб этому Тринли нагноилось, какой он быстрый! — Тун болтовней разряжал напряженность. — Все эти годы был просто старый пердун, а тут — *бац!* — завалил вахтсержанта. Завалил и удрал.

— Не сумел бы, кабы вот этот не кинулся мне поперек дороги. — Сирет потыкал Виня в голову стволом дротикомета. — Они оба быстрые.

Слишком быстрые. Нау снял наглазники и некоторое время осматривал их. Наглазники были модели Чжэн Хэ и получали информацию по сети локализаторов. Он смял их в шарик и потянулся к проводному телефону, на котором настояла Рейнольт в качестве резервного устрой-

ства.

— Анне, ты меня слышишь? Ты видела, что стряслось?

— Да. Тринли пришел в движение, как только ты просигналил Калю Омо.

— Он *знал.* Он слышал твою часть разговора.

Вот же Зараза! Как Анне сумела обнаружить заговор и при этом не заметила, что Тринли влез в комм-сеть?

— Да. Полагаю, это лишь часть того, что он устроил.

Значит, локализаторы были секретным оружием, настроенным под запросы Тринли. Ловушка, расставленная на тысячелетия вперед. «Да с кем же я воюю?»

— Анне! Я хочу, чтобы ты отключила беспроводное питание всех локализаторов. — «Но ведь локализаторы образуют становой хребет Чума знает скольких критически важных систем. Локализаторы поддерживают стабильность дна самого озера». — В Северной Лапе пусть останется. Пускай твои неотвязники вручную этим займутся, по кабелю.

— Сделано. Это будет сложно, но мы управимся. Что с наземными операциями делать?

— Вызови Ритсера. Слишком все усложнилось

для телячьих нежностей. Надо подтолкнуть события на планете.

Он слышал, как Анне отстукивает на клавиатуре указания своим сотрудникам. Напрочь исчезла схема всех приказов и потоков обработки данных в сети неотвязников, с раскладками по каждому проекту. Ему показалось, что он ослеп. В таком состоянии грогги можно и битву профукать.

Сотней секунд позже Анне вернулась на линию:

— Ритсер в курсе. Мои неотвязники помогут ему устроить простую атаку. Потом все подправим задним числом. — Она говорила с прежним, делано-холодным нетерпением. Анне Рейнольт сражалась в боях куда сложнее этой войны, сто раз побеждала при куда худших шансах. Эх, вот бы всех врагов можно было так использовать.

— Отлично. Ты выследила Тринли? Бьюсь об заклад, он в туннелях. — «Если не обошел нас кругом, готовя вторую попытку».

— Думаю, да. Мы прослушиваем все перемещения старыми геофонами. — Аппаратурой авральников.

— Хорошо. Пока организуй какой-нибудь синтетический голос, чтобы успокоить людей у Бенни.

— Готово, — немедленно ответила она. Уже

догадалась.

Нау развернулся к своим охранникам и Эзру Виню. Так, они получили очень краткую передышку. Хватит времени, чтоб отдать новые приказы Ритсеру. И немного узнать об истинном противнике.

Винь пришел в себя. Глаза его застилала пелена боли — а еще они сверкали от ненависти. Нау усмехнулся. Жестом велел Сирету выкрутить искалеченное плечо Виня.

— Эзр, мне нужны ответы на кое-какие вопросы.

Коробейник вскрикнул.

Фам несся по алмазному коридору, отталкиваясь все быстрее, ориентируясь по зеленым изображениям, которые смазывались, колыхались… а затем потускнели и пропали окончательно, сменившись непроглядной тьмой. На несколько секунд он ослеп, но полета не замедлил. Коснулся висков, пытаясь перезапустить локализаторы. Те оказались на месте. Он знал, что по туннелю таких локализаторов дрейфуют еще тысячи. Вероятно, Анне отключила беспроводное импульсное питание, по крайней мере в этом конкретном туннеле.

Эта женщина невероятна! Фам много лет избе-

гал манипулировать системами неотвязников напрямую. И тем не менее Анне каким-то образом заметила. Мозгочистка несколько замедлила ее продвижение, но весь последний год она туже и туже стягивала петлю на их шеях, пока не… «Мы были так близки к тому, чтобы самим отключить питание, а теперь все потеряли». Почти все. Эзр пожертвовал собой, чтобы дать ему еще один шанс.

Где-то впереди туннель должен поворачивать. Он потянулся во тьму, коснувшись стен сперва легко, потом сильнее, прервал полет и развернул себя ногами вперед. Маневр запоздал на долю секунды. Ногами, коленями и ладонями его стукнуло о незримую поверхность. Почти как неудачное падение на планете — с той разницей, что упал он назад, отброшенный к другой стене.

Он сориентировался и на пальцах вернулся к развилке. Отсюда расходились четыре коридора. Он нащупал проходы и направился по второму из них, но очень тихо. Еще несколько секунд назад Анне была не до конца уверена. Груз, который он припрятал в этом туннеле, наверняка на месте.

Через несколько метров его руки коснулись сумки, закрепленной у стены. Ха! Оставлять здесь тайник было рискованным поступком, но

маневры под конец игры обычно все таковы. Этот окупил себя сторицей. Он расстегнул сумку и отыскал внутри световое кольцо. Вокруг его руки воссиял желтый ореол. Фам выгреб из сумки остальные пожитки; свет следовал за его движениями, отбрасывая радуги и тени на стены. В одном из кульков нашлись мелкие шарики. Он запустил один по боковому туннелю. Секунду шарик летел тихо, потом громыхнул и забряцал — обманка на случай, если неотвязники Анне прослушивают туннель.

«Итак, наше прикрытие провалилось всего на несколько килосекунд раньше, чем могло». Но когда планы наконец встречаются с реальностью, то чаще проваливаются, чем наоборот. Если бы все пошло как по маслу, эта сумка ему бы вообще не потребовалась — и вот почему он ее здесь припрятал. Фам пересматривал содержимое сумки предмет за предметом: респиратор, приемник-усилитель, аптечка, фальш-дротикомет.

У Нау и компании несколько вариантов. Могут пустить в туннели газ или вакуумировать — хотя в последнем случае погибнет много ценного оборудования. Могут устроить на него облаву. О, это было бы прикольно: громилы Нау обнаружат, что их туннели внезапно стали невероятно

опасны… Фам почувствовал, как волной накатывает старый добрый энтузиазм, как обычно в критические моменты, когда планы и задумки приходилось воплощать в действительность. Он рассовал по карманам скарб; планы действий на ближайшие минуты все четче отрисовывались в его мозгу. «Эзр, мы победим, я обещаю. Вопреки усилиям Анне… и ради нее».

Двигаясь неслышно, словно клок тумана, он устремился по туннелю. Кольцо притушил так, чтобы только-только различать отверстия боковых туннелей наверху. Пора было наведаться к Анне в гости.

«Невидимая рука» скользила на высоте ста пятидесяти километров над планетой пауков. Так низко, что оказавшиеся в узкой полосе пауки могли ее увидеть, но достаточно высоко, чтобы в урочный час пройти над всеми нужными целями. Какие бы выдумки ни скармливали Рите и остальным из первой точки Лагранжа, на борту «Невидимой руки» локации мира пауков назывались именно *целями.*

Чжау Синь сидел в кресле старшего пилота (некогда, в бытность этого корабля судном Чжэн Хэ, то было кресло управляющего) и оглядывал серую дугу горизонта. Он выделил под это дело

тройку пилотов-неотвязников, но лишь один фактически отслеживал полет. Остальные подключились к боевым системам Била Фуонга, строили графики и схемы. Чжау пытался игнорировать слова, несущиеся из капитанского кресла. Ритсер Брюгель наслаждался происходящим, описывая своему начальству в Хаммерфесте, что происходит на земле.

Брюгель вдруг прервал свой извращенный анализ и, благодарение Небесам, на пару секунд умолк. Внезапно вице-вахтмастер изрыгнул проклятие.

— Но, сэр! Что?..

И перешел на крик:

— Фуонг! В Северной Лапе пальба. Омо завалили и… зараза, у меня наглазники отключились! Фуонг!

Синь развернулся в кресле и увидел, как Брюгель отчаянно барабанит по консоли. Бледное лицо его пошло красными пятнами. Вице-вахтмастер на мгновение прислушался к своему личному каналу связи.

— Но вахтмастер выжил? Ладно, дай мне Рейнольт. Врубай!

Вероятно, Анне Рейнольт в немедленной досягаемости не оказалось. Прошла сотня секунд.

Две сотни. Брюгель шипел и дымился, даже его амбалы опасливо отлетели подальше. Чжау повернулся к своим дисплеям, но экраны заполнила явная бессмыслица. В сценарии Томаса Нау такого не было.

— Ах ты, шлюха! Да где тебя носило? Что… — Тут Брюгель снова заткнулся. Время от времени фыркая, он все же не перебивал того, что явно было монологом Анне. Когда он наконец заговорил снова, то не раздраженно, а скорей задумчиво. — Понимаю. Скажи вахтмастеру, что он может на меня положиться.

В разговоре на дальней дистанции состоялся еще один обмен репликами. Чжау начал соображать, что сейчас произойдет. Не удержавшись, он покосился на вице-вахтмастера. Брюгель смотрел на него.

— Старший пилот Синь? Доложите наши текущие координаты.

— Сэр, мы летим над океаном к югу, примерно в шестистах километрах от Саутмоста.

Брюгель глянул через него, уточняя позицию в сравнении с тем, что шло у него в наглазниках.

— Так, вижу, что на этом витке мы пролетим над ракетными полями Аккорда, возвращаясь на север.

У Синя к горлу подкатил тугой ком. Он знал, что этого момента не избежать… «Но я думал, что времени хватит…»

— Мы пройдем несколькими сотнями километров восточнее полей, сэр.

Ритсер пренебрежительно взмахнул рукой:

— Это можно скорректировать главным движком… Фуонг, ты слушаешь? Да, ускорь все на семь килосекунд. Что? Ну да, может, они нас заметят, но уже слишком поздно. Прикажи своим подготовить новый план операции. Разумеется, это означает прямое вмешательство. Рейнольт предоставит в твое распоряжение всех свободных неотвязников. Отсинхронь их получше… Отлично.

Брюгель расслабился в капитанском кресле Чжэн Хэ и улыбнулся:

— Единственный неприятный побочный эффект — не успеваем Педуру из Саутмоста вытащить. Жаль, на Педуру мы рассчитывали; думаю, она была бы превосходной вице-королевой из местных… Но знаешь ли, я сам ни от кого из них не в восторге. — Он заметил, что Синь слушает с нескрываемым ужасом. — Полегче, полегче, старший пилот. Ты слишком долго якшался со своими дружками из Чжэн Хэ. Что бы вы там ни

задумали, ваш план *провалился*. Тебе напрямую все выложить? Вахтмастер выжил и при своих. — Он поглядел мимо Чжау, что-то изучая на своих наглазниках. — Синхронизируй пилотов с неотвязниками Била Фуонга. Через пару секунд получите точные данные. Над Саутмостом никакого оружия в ход не пускать. Вместо этого найдешь и запустишь ракеты ближнего радиуса действия, что у Клана в прибрежной зоне, ну, вместо «предательской атаки Аккорда», которую мы наметили. Настоящая работка привалит через несколько сот секунд. Ваши люди выскоблят ракетные шахты Аккорда. — Это означало пустить в ход то небольшое число ракет и лучевых установок, какое у людей еще осталось. Но против куда более примитивной системы ПРО пауков их будет вполне достаточно… да и потом, тысячи ракет Клана испепелят города на половине планеты.

— Я… — Синь от ужаса лишился дара речи. Если отказаться, убьют Риту. Брюгель убьет Риту, а потом Чжау. Но если подчиниться приказам… «Я же слишком много знаю».

Брюгель внимательно наблюдал за ним. Ритсера Брюгеля Чжау никогда раньше таким не видел. Взгляд у того сделался холодный, оценивающий, как у Нау. Брюгель склонил голову и

мягко проговорил:

— Вам нечего бояться, если исполните приказы. Ну разве что в процессе мозгочистки кое-чего лишитесь. Но вы нам нужны, Чжау. Вы с Ритой прослужите нам много лет, и у вас будет хорошая жизнь. Если сейчас подчинитесь моим приказам.

Прежде чем все полетело к едрене фене, Рейнольт сидела в Аттике. Фам догадывался, что она и сейчас там, в групповом зале с Традом и всем оставшимся коммуникационным оборудованием, делает что может, спасая проект и управляя своими работниками… а совокупный их гений служит воле Нау.

Фам поднимался во тьме, пробирался по туннелям, которые в конце концов сузились менее чем до восьмидесяти сантиметров. Эти туннели десятилетиями прорезались в алмазной толще машинным способом, и началось строительство даже раньше, чем Хаммерфест пустил корни в Алмазе-1. Где-то на третьем десятке лет Изгнания Фам проник в архитектурные программы авральников, и туннели — некоторые из них — просто исчезли; в других местах он вставил новые проходы. Он готов был поклясться, что даже Анне не знает всех его лазов.

На каждой развилке он замедлялся, чуть нажимая руками на стены, и ненадолго включал свет. Поиск, поиск… Даже в отсутствие внешней запитки конденсаторы локализаторов сохраняют достаточно энергии для последней порции кратких вычислений. Располагая приемником-усилителем, он мог считывать результаты… и знал, что находится высоко в башне Хаммерфеста, на той стороне постройки, где расположен групповой зал неотвязников.

К сожалению, ближайшие локализаторы почти истощились. Он проплыл за угол, мимо того места, которое считал самым вероятным. Стены сверкали незамутненным радужным сиянием. Еще несколько метров. Вон там! В алмазной стене прорезан едва заметный круг. Он подлетел к нему и осторожно коснулся панели управления, ввел код. Щелчок, по контуру диска излился свет, и люк откинулся, открывая путь в кладовку. Фам скользнул туда. Тут хранились припасы и туалетные принадлежности.

Он облетел стеллажи и почти пересек помещение, направляясь к более официальному входу, — и тут кто-то открыл дверь. Фам нырнул вбок, расположился рядом с проемом. Визитер протиснулся внутрь. Фам протянул руку и ак-

куратным движением сорвал наглазники с его лица. Это был Трад Силипан.

— Фам! — Силипан выглядел не так испуганным, как обескураженным. — Какого дьявола?! Ты знаешь, что Анне на тебя зуб точит? Она совсем сдурела, орет, что ты убил Каля Омо и захватил Северную Лапу! — Тут он осекся, сообразив, что появление Фама из кладовки ничуть не более вероятно.

Фам усмехнулся Силипану и пинком захлопнул дверь за его спиной.

— Трад, это правда. Я пришел забрать свой Флот обратно.

— Твой… Флот? — Трад мгновение смотрел на него с ужасом и изумлением. — Фам, да чтоб тебе нагноилось! Ты что затеял? У тебя такой странный вид…

Немного адреналина, немного свободы. Такая смесь творит с человеком чудеса.

Силипан сжался, завидев ухмылку на лице Фама.

— Ты сдурел. Ты же знаешь, что у тебя ни хрена не выйдет. Ты в ловушке. Сдавайся. Может, мы спишем это на временное умопомешательство.

Фам помотал головой:

— О, Трад, я намерен победить. — Он поднял

маленький дротикомет так, чтобы Силипан его видел. — И ты мне поможешь. Мы сейчас переместимся в групповой зал, и ты там отключишь всех неотвязников от сети.

Силипан раздраженно дернулся под дулом дротикомета Нювена.

— Невозможно. Нам критически важны их услуги. Для наземной операции.

— Для операции Нау по истреблению пауков? Ну, тем лучше отключить их прямо сейчас. Кстати сказать, это возымеет интересные последствия для вахтмастерова озера.

Фам насквозь видел, что сейчас творится у авральника в голове. Баланс рисков. Фам Тринли, старый собутыльник, фанфарон и трепло, с каким-то сомнительного вида дротикометом, против всей боевой мощи вахтмастера.

— Фам, нельзя. Ты сам в это влез, ты и выпутывайся.

Наглазники, которые Фам с него сорвал и смял в правом кулаке, уже давно издавали сердитое ворчание. Пискнули в последний раз, и дверь кладовки открылась.

— Силипан, да что с тобой такое? Я же сказала, нам надо…

В кладовке появилась Анне Рейнольт. Она

сразу просекла расклад, но ей не от чего было оттолкнуться. А Фам среагировал так же быстро. Рука его повернулась, маленький дротикомет выстрелил, и Рейнольт, судорожно дернувшись, отлетела назад. Спустя миг по телу ее прокатился странный приглушенный рокот. Фам развернулся к Траду, улыбаясь еще шире:

— Взрывные дротики, знаешь такую штучку? Проникают в тело, а потом — *бум!* — и у тебя отбивная вместо кишок.

У Трада лицо стало цвета пепла.

— У… ух… эх… — Он уставился на тело бывшей своей госпожи-рабыни. Было похоже, что он вот-вот обгадится.

Фам ткнул дротикометом Силипана в грудь. Трад опустил взгляд на дуло и застыл как статуя.

— Трад, дружище, ты че такой серьезный? Ты славный авральник. А Рейнольт — всего лишь неотвязница, мебель. — Он указал на тело Рейнольт, которое меж тем перестало содрогаться в конвульсиях и обмякло, как свежий труп. — Давай уберем за собой, и ты мне покажешь, где у неотвязников выключатель.

Он усмехнулся и отпихнул тело с пути. Трад поплыл к двери, трясясь мелкой дрожью. В миг, когда Силипан отвернулся, небрежная хватка

Фама стала аккуратной, бережной. «Господи, а прозвучало как настоящий взрыв вместо глушилки с хлопушкой». Он целую вечность таких фокусов не показывал; что, если облажался? Впервые с тех пор, как все закрутилось, паника перекрыла адреналиновую вспышку. Он потрогал ее горло и нащупал сильный, уверенный пульс. Анне парализована и без сознания, всего-навсего.

Фам вернул на лицо прежнюю хищную ухмылку и полетел следом за Традом в групповой зал неотвязников.

54

Все-таки журналисты смеялись последними. Да, Аккорд-разведка заблокировала трансляцию маминой высадки из клинколета; что с того? Спустя несколько минут та оказалась на территории Саутленда, и местные новостные ленты с удовольствием продемонстрировали Викторию Смит, а равно и всех сопровождающих. Какое-то время камеры находились так близко, что она различала внутренний аспект пищевых рук генерала. Мама казалась собранной, воинственной, но… спустя несколько мгновений Викторию Лайтхилл продрал ужас, словно маленькую де-

вочку, а не лейтенанта разведслужбы. С мамой так же скверно, как в утро гибели Гокны. «Мам, ну зачем ты рискуешь?» Ответ Вики уже знала. Участия генерала в неслыханной контрразведывательной операции, которую они с папой затеяли, больше не требовалось; она могла себе позволить отправиться на выручку тем, кого подвела.

В унтер-офицерском клубе было не протолкнуться от паучар, которые в это время суток уже спали бы или искали иных развлечений. В этом месте они чувствовали себя почти что на работе. А «работа» снова стала важнейшей обязанностью любого достойного паучары.

Виктория семенила мимо аркад, давая своим понять, что все в порядке. Наконец взгромоздилась на насест рядом с Брентом. Брат за все время даже шлема не сдвинул. Руки его без устали сновали по консоли. Она тронула Брента за плечо.

— Мама в любую секунду может начать выступление, — предупредила она тихо.

— Да знаю я, — только и буркнул Брент. — Девятая видит нашу операцию, но пока не просекла, что творится. Она думает, что проблема местного значения.

Вики чуть не сорвала шлем с головы брата.

«Черт побери, с тем же успехом я могла бы ослепнуть и оглохнуть!» Вместо этого она вытащила телефон из куртки и набрала номер.

— Пап? Мама начинает выступление.

Речь получилась лаконичной. Речь получилась отличной. Она сняла угрозу южан. И что с того? Спускаться туда — все равно риск неприемлемый. На дисплеях над барной стойкой Вики видела, как генерал вручает своему ассистенту, Тиму, копии адресованного парламенту предложения. Может, в конечном счете и сработает. Может быть, путешествие того стоило.

Прошло несколько мгновений. Камеры в зале Парламента сновали туда-сюда, транслируя суматоху. Мама сошла с кафедры, на которой выступала, дядя Хранк ее поддерживал. Навстречу сунулась угрюмая коротышка в темных одеяниях. Педура. Завязался спор…

А потом все это стало не важно. Брент пожал плечами и сказал, даже не снимая игрового шлема:

— Дурные новости. Я потерял их всех. И нашу старую подругу тоже.

Лайтхилл спрыгнула с насеста за аркадной консолью и просигналила своим. Жест ее, хотя и беззвучный, эффектом не уступал пронзитель-

ному шипению. Отряд Лайтхилл повскакивал на ноги, все нацепили рюкзаки и понеслись к двери. Брент стянул игровой шлем и рванул за ними чуть впереди Лайтхилл.

Позади удивленно зыркали, но большинство посетителей слишком увлеклись телепередачей, чтобы заинтересоваться.

Команда Лайтхилл успела скатиться по лестнице на два этажа, когда заорали сирены воздушной тревоги.

— Что ты хочешь сказать — потеряли неотвязников? Они кабель перерезали или как?

Неужели Тринли каким-то образом испортил все кабели?

— Н-нет, сэр. По крайней мере, я так не думаю. — Вахткапрал Марли был достаточно компетентен, но куда ему до Каля Омо! — Пинг проходит, но каналы управления не реагируют. Сэр… такое впечатление, что кто-то просто взял и отключил неотвязников от сети.

— Гм. Ага, понятно. — Очередной сюрприз Тринли, а может, в Аттике нашелся предатель. Как бы там ни было… Нау поглядел через комнату на Эзра Виня. Глаза коробейника были затуманены болью. За ними таились важные секреты, но Винь оказался не слабей тех, кого Ритсер

с Томасом некогда уморили на допросах. Нужно либо время, либо особый рычаг, чтобы на него надавить и вырвать информацию. Времени у них не оставалось. Он развернулся к Марли. — Могу я поговорить с Ритсером?

— Наверное. Лазерная станция снаружи еще доступна. — Марли неуверенно застучал по консоли. Нау подавил импульс гнева при виде неуклюжей работы. Без неотвязников все теперь выглядит неуклюже. «Теперь мы ничем не лучше Чжэн Хэ».

Марли вдруг просиял:

— Связь с «Невидимой рукой» еще активна, сэр! Я переключил аудио на микрофон у вашего воротника.

— Отлично… Эй, Ритсер! Не знаю, сколько до тебя сейчас доходит из всего мной сказанного… — Нау быстро описал суть катастрофы, закончив словами: — На ближайшие несколько сот секунд я вне досягаемости; эвакуируюсь в первую точку А. Ключевой вопрос: ты справишься с планетной операцией без поддержки наших неотвязников?

Ответ придет не раньше чем через десять секунд. Нау бросил взгляд на второго уцелевшего охранника.

— Сирет, давай сюда Туна с неотвязником. Мы отправляемся в первую точку А.

В арсенале они получат власть над жизнью и смертью всех обитателей первой точки Лагранжа, и никакая автоматика им в этом не помешает. Нау открыл ящик у себя за спиной и тронул переключатель. Участок паркета скользнул в сторону, обнажая туннельный шлюз. Туннель вел сквозь толщу Алмаза-1 прямо в арсенал; локализаторов или прочей автоматики в нем никогда не бывало, пересечений с другими туннелями — тоже. Замки на обоих концах шлюза закодированы на отпечаток большого пальца Томаса. Он коснулся считывателя. Небольшой сигнальный светодиод остался гореть красным. *Как* Тринли сумел его испортить? Нау подавил панику и попробовал еще раз. Красный огонек. Еще раз. Светодиод неохотно позеленел, и люк под паркетом повернулся, открываясь. Наверное, программа определяет его кровяное давление и пытается понять, не под принуждением ли он действует. На другом конце возможны аналогичные проблемы. Он приложил палец к замку дальнего люка. Там тоже потребовалось две попытки, но в итоге и этот светодиод мигнул зеленым.

Сирет с Туном вернулись, таща перед собой

Али.

— Вы нарушаете распорядок, — костерил их старик. — Тут надо *идти* вот так, ногами по полу! — Лицо Али отражало смесь раздражения и удивления. Неотвязникам не нравится, когда их отрывают от задачи фокуса. Вполне вероятно, прополка вахтмастерова сада Али представлялась не менее важной, чем работа по тончайшему расщеплению генов. Вдруг его затащили внутрь, полностью игнорируя принятый в парке псевдогравитационный этикет.

— Ты просто стой тихо, ладно? Сирет, отстегни Виня. Его тоже берем.

Али стоял спокойно, тщательно уравновесив ноги на шатком полу. Но не молчал. Он смотрел мимо Нау с видом типичного неотвязника и продолжал ныть:

— Разве вы не видите, что вы все тут ломаете?

Вдруг помещение заполнил голос Ритсера Брюгеля:

— Сэр, у меня ситуация под контролем. Неотвязники «Руки» все еще подключены. В общем-то, сервисы с большим лагом нам потребуются только после бомбардировок. Фуонг говорит, что в краткосрочной перспективе нам даже лучше обойтись без подключения к первой точке

Лагранжа. Перед тем как вывалиться из сети, некоторые сотрудники Рейнольт сильно глючили. Если атака пройдет по расписанию, то через семьсот секунд Саутмост будет испепелен. Вскоре после этого «Рука» пролетит над полями ПРО Аккорда. Их мы выскоблим сами…

Как всегда при дальних переговорах, ответ Брюгеля превращался в отчет. Лин утих. Нау вдруг пробил холодок по спине, и солнечный свет померк. Облако? Он обернулся и увидел, что застывший взор неотвязника внезапно стал осмысленным. Тун обошел Лина и выглянул из окна, выходящего на озеро.

— Ах ты ж гной чумной! — вырвалось у охранника.

— Ритсер! У нас тут новые проблемы. Я тебя потом вызову.

Голос с «Невидимой руки» продолжал балаболить, но его уже никто не слушал.

Словно движимые волею ундины из балакрейского мифа, воды Северной Лапы медленно собирались в ударный кулак, вздымались, отходя от тщательно разработанной Али Лином береговой линии. «Солнечный свет» потускнел оттого, что ему приходилось пробиваться через миллионотонную громаду нависающей воды. Даже без

активного управления ложе озера должно было оставаться в примерной неподвижности. Но враг раскачал сервомеханизмы озерного дна, ввел их в резонанс… и море медленно осциллировало, увеличивая размахи до катаклизма.

Нау рванулся к туннельному люку. Собрал силы и потянул на себя массивную задвижку. Стена воды ворвалась в дом. Здание застонало, окна дрогнули перед водяной горой, неумолимо надвигавшейся на скорости более метра в секунду.

И тут стена воды разбилась на тысячу рук, которые полезли сквозь разламываемую стену, окутали тело Нау смертным холодом, оторвали его от люка. Крики и стоны быстро затихли, на миг Нау накрыло с головой. Единственным звуком остался хруст перемалываемого в крошку дома. Он успел еще увидеть кабинет, стол с отделкой наплывного дерева, мраморный камин. Потом неторопливое цунами вырвалось из дальней стены, Нау подкинуло и понесло вверх по водовороту.

Голова оставалась под водой, легкие горели. Вода была так холодна, что немели конечности. Нау задергался, пытаясь уразуметь, что видит. В глазах плясали радужные кляксы. Ясней всего было видно вниз. Там протянулся за домом зеле-

ный лес. Нау устремился вниз, к воздуху.

Он вылетел на поверхность, раскидывая по глади водяного пузыря серебряные нити, и кинулся в пустоту внизу. На секунду-другую Нау оказался в одиночестве, едва успевая уходить от наступавшего моря. Воздух полнился звуком, который Нау даже вообразить не мог: маслянистым рокотом. Это миллионотонная масса воды поворачивалась, плескалась, падала в пещере. Прибой ударил в свод и теперь рушился вниз, а Нау очутился точно под ним. В лесу смолкли и сгрудились массивными скоплениями на крупнейших гротсельмах бабочки. А там, далеко, еще дальше, в воздухе *что-то* было. Крошечные пятна мелькали рядом с накатывавшей башней морской воды. Крылатые котята! Они вроде бы не слишком напугались, но, в конце концов, Киви утверждала, что зверьки старой небесной породы. Он увидел, как один котенок нырнул в ундину, на миг пропал, вынырнул снова и опять нырнул. Чертовы коты, наверное, так ловки, что выживут.

Он снова развернулся и глянул через пелену воды на свет паркового солнца. Солнце бросало золотые блики на развалины и человеческие фигуры, уловленные там, будто мошки в янтарь.

Остальные гребли к Нау, кто слабо, кто отчаянно. Марли вылетел в пустоту. Следом из водяной стены вынырнул Тун, еще позже — Сирет с Али Лином на руках. Отлично!

И еще одна фигура: то был Эзр Винь. Коробейник наполовину высунулся из пузыря. Он висел метрах в десяти над ними. Он задыхался и кашлял, но вид имел куда бодрей, чем на допросе. Глянул на кроны деревьев, куда их несло, издал звук, немного похожий на смех.

— Т-ты… попал, вахтмастер… Фам Нювен тебя перехитрил.

— Фам… *кто*?

Коробейник сморгнул, кажется сообразив, что выдал информацию, за которую готовился умереть. Нау махнул Марли:

— Тащи его сюда!

Но Марли не от чего было оттолкнуться. Винь заплескался, уходя назад, на глубину, — утонет, но им не дастся.

Марли повернулся, вскинул дротикомет и отдачей выстрела по лесу направил себя обратно, к падающей воде. Нау видел озаренный солнечным светом силуэт Эзра Виня. Винь дергался слабо, но в воду ушел уже на несколько метров.

Мимо неслись древесные кроны. Марли дико

озирался.

— Надо отсюда убираться, сэр!

— Тогда просто прикончи его.

Нау уже хватался за ветки. Марли над его головой дал несколько быстрых очередей. Дротики предназначены, чтобы рвать и терзать плоть; в воде толку от них мало. Но Марли повезло. Вокруг коробейникова тела поплыл кровавый туман.

А потом время вышло. Нау подтягивался от ветки к ветке, лавируя между кронами под лесным шатром. Отовсюду доносился звук ломающихся под напором воды ветвей гротсельмов и оленфирнов — звук, напоминавший о пожаре и наводнении одновременно. Водяная стена разломилась на миллион фрактальных пальцев, которые пошли извиваться, тянуться, сливаться. Струйки зацепили край орды бабочек, прозвучал короткий раскат, подобный волынке, громче всего, что Нау слышал, и вода поглотила их.

Марли пролетел перед ним и обернулся.

— Вода между нами и главным шлюзом, сэр.

«Мы попали». Как и сказал коробейник.

Четверо плыли вдоль стены парка в земляной и лиственной взвеси. Водный потолок продолжал опускаться, он уже давно миновал уровень крон, но все снижался и снижался. Солнечный свет сиял

отовсюду, преломляясь в десятках метров водной толщи, в озере ровно столько воды; должны же в парке быть огромные воздушные карманы, но им не повезло. Они оказались в тесной водяной пещерке, замкнутой с четырех сторон.

Али Лина приходилось тащить за собой от ветки к ветке. Он, казалось, так увлекся зрелищем ундины, что совсем позабыл об опасности.

А что, если…

— Али! — резко бросил Нау.

Али Лин развернулся к нему. Но не нахмурился в гневе, что его отрывают; он *улыбнулся.*

— Мой парк… уничтожен. Но мне явилась новая идея, лучше и краше всего, что когда-либо было сделано. Можно соорудить настоящее озеро для микрогравитации, где воздушные пузыри и водяные капли будут конкурировать между собой за главенство. Животных и растения я…

— Али, да, ты построишь парк куда лучше, я обещаю. Теперь слушай сюда: есть ли способ сперва выбраться отсюда так, чтоб не утонуть?

По счастью, неотвязник видел для себя удачные перспективы. За последние несколько сот секунд основными интересами Али раз за разом пренебрегали. Обычно лояльность неотвязников нерушима, но если он сочтет, что ты встал меж-

ду ним и его специальностью… Спустя миг Али пожал плечами:

— Конечно. Есть шлюзовый канал вон за тем валуном. Я его не герметизировал.

Марли нырнул за валун. Шлюзовый канал? Без наглазников Нау не мог это проверить. Но в парке должны быть десятки таких каналов, по которым сюда с поверхности доставлялся лед.

— Неотвязник прав, сэр! И коды открытия действительны.

Нау и остальные переместились вокруг валуна и заглянули в обнаруженный Марли проход. Тем временем стены воздушной пещеры — пузыря — продолжали смыкаться. Еще тридцать секунд — и это место также очутится под водой. Марли бросил взгляд на Нау, торжество на его лице несколько поблекло.

— Сэр, вода нам здесь не грозит, но…

— Но оттуда некуда бежать. Правильно. Я знаю.

Канал оканчивается шлюзом, а дальше только вакуум. Это тупик.

Медленно сгибаясь, водяной сталактит расплескался по голове Нау, принудив его согнуться рядом с Марли. Понижавшийся водяной холм вдруг отступил, на миг потолок приподнялся.

«Шаг за шагом я потерял почти все». Невероятно. И вдруг Томас понял, что вырвавшееся у Эзра Виня признание не было бредом. Фам Тринли — не Цзамле Эн; то была искусная ложь, предназначенная специально для Томаса Нау. Все эти годы величайший герой его детства и, следовательно, опаснейший из возможных врагов действовал так близко, что рукой подать. Тринли *и есть* Фам Нювен. Впервые с детских лет Нау скрутило парализующим страхом.

Но даже Фам Нювен не был лишен уязвимостей, моральных слабостей. «Я изучал этого человека всю свою жизнь, перенимая лучшие стороны. Как никто, знаю я его слабости. И знаю, как ими воспользоваться». Он оглядел остальных, исчисляя свои людские резервы и оборудование: старик, которого любила Киви, немного коммуникационной аппаратуры, кое-какое оружие, несколько бойцов. Этого должно хватить.

— Али, на том конце шлюзового канала есть где подцепиться к кабелю? Али!

Неотвязник отвлекся от исследования провалов и выпуклостей водяного потолка.

— Да, да. Когда спускали сюда лед, требовалась тщательная координация.

Нау жестом подозвал Марли к отверстию ка-

нала.

— Все в порядке. Все сработает.

Один за другим беглецы проскользнули в узкий проход. Вокруг донышко пузыря отделялось от земли. Вода уже стояла на полметра и продолжала прибывать. Тун с Али Лином приняли водные процедуры, Сирет вообще нырнул в канал и захлопнул за собой люк. Несколько десятков литров ундины проникли в канал за ними — просто мутная волнующаяся вода. Но они слышали, как густо рокочет море по ту сторону шлюза.

Нау развернулся к Марли, который перенастраивал свой комм-лазер на диффузный свет.

— Давай прицепимся к тому узлу, капрал. Али Лин мне поможет кое-кому звякнуть.

Фам Нювен был близок к победе, но Нау сохранил здравый ум, доступ к связи и способность манипулировать людьми. Взбираясь по шлюзовому каналу, он размышлял, что именно скажет Киви Лин Лизолет.

Генерал Смит спустилась со спикерского насеста. Информацию на картах памяти Тима Даунинга распределили между депутатами, и теперь пятьсот голов напряженно обдумывали сделку. В тени за насестом стоял и безмолвно изумлялся происходящему Хранкнер Аннерби.

Смит опять сотворила чудо. Будь мир справедлив, оно бы наверняка сработало. Ну-ка, что на это придумает Педура?

Смит отступала, пока не поравнялась с ним.

— Ступайте со мной, сержант. Я тут вижу кое-кого, с кем давненько мечтала поболтать.

Позже в этот же день состоится голосование. Перед этим генералу станут задавать уточняющие вопросы. Полно времени для политических маневров. Они с Даунингом проследовали за генералом в дальний конец авансцены, перекрыв выход. Им навстречу поднялась неопрятная паучиха в легинсах экстравагантной раскраски. Педура. Годы были к ней неласковы — а может, слухи о покушениях недалеки от истины. Она попыталась было проскользнуть мимо Виктории Смит, но генерал не позволила ей этого.

Смит усмехнулась негодяйке:

— Привет, детоубийца. Как приятно наконец с тобой пересечься.

Та зашипела:

— Точно. И если не уйдешь с моей дороги, я тебя с великим удовольствием убью.

Слова прозвучали с тяжелым акцентом, но не отвлекли внимания от стилета в ее руке.

Смит раскинула лапы в стороны — издеватель-

ское пожатие плечами, заметное всем в зале.

— Перед всеми в этом собрании, достопочтенная Педура? Ой, не думаю. Ты у нас…

Смит осеклась, подняв пару рук к голове, и вроде бы прислушалась к чему-то. К телефону?

Педура смотрела на нее в упор, аспект выражал предельное недоверие. Педура была коротышка, хитиновый панцирь ее пестрел пятнами, а жесты казались немного быстрей нормальных. Доверять ей в здравом уме никто бы не подумал. Наверное, она так привыкла убивать на расстоянии, через подручных, что личное обаяние и красноречие просто вылиняли за ненадобностью. Тут она явно не в своей тарелке: ей приходится руководить всем лично. Осознав это, Аннерби чуть приободрился.

У Педуры в куртке что-то зажужжало. Стилет исчез, она схватила свой телефон. На миг две начальницы разведок показались старыми подружками, которым вздумалось на досуге поделиться воспоминаниями.

— Нет! — судорожно дернувшись, завопила Педура. Сгребла телефон пищевыми руками, чуть не запихав его в пасть. — Не здесь! Не сейчас! — Ее явно не заботило, что они привлекают всеобщее внимание.

Генерал Смит развернулась к Аннерби:

— Все планы можно спускать в унитаз, сержант. Сюда летят три ракеты с подледных лодок. У нас минут семь в запасе.

Взгляд Аннерби застыл на куполе зала. Парламентский комплекс располагался на глубине доброй тысячи футов; от тактических ядерных боеголовок этой защиты хватило бы. Но он знал, что у Клана есть игрушки помощней. Тройной запуск почти наверняка означает удар глубокого проникновения. И даже в этом случае… «Я ведь помогал проектировать это здание». Тут рядом должна быть лестница, аварийный спуск куда глубже. Он взял Смит за лапу:

— Пожалуйста, генерал, следуйте за мной.

Они двинулись назад через авансцену.

Аннерби видел, как отвага и трусость объединяют злодеев и благородных. Педура же… гм, достопочтенную Педуру чуть было корчи от паники не взяли. Она прыгала взад-вперед маленькими скачками, крича что-то в телефон по-тиферски. Внезапно умолкла и повернулась к Смит. Ужас в ее аспекте смешивался с невероятным изумлением.

— Ракеты. Это же *ваши*! Ты…

Сорвавшись на вопль, она кинулась Смит на

спину, сжимая серебристый стилет в самой длинной руке.

Не успела Смит и обернуться, как между ними проскользнул Аннерби. Он дал достопочтенной Педуре такого тычка плечевым панцирем, что мерзавку кубарем унесло прочь со сцены. Вокруг воцарилось смятение. Охрана Педуры неслась из амфитеатра на сцену, их встречали бойцы Смит, прыгая с гостевой галереи. По залу ширился шок: паучары отрывались от документов, замечая наконец, кто с кем дерется. Затем высоко в задних рядах прозвучал истошный вопль:

— Глядите! Новости по сети! Аккорд выпустил по нам ракеты!

Аннерби отвел бойцов и своего генерала через боковой выход. Они ссыпались по лестнице к скрытым шахтам, ведущим к потайному укрытию системы безопасности. Семь минут жизни? Возможно. И вдруг Хранкнеру стало легко, вольготно. Его задача упростилась до предела, как в свое время — задача Виктории. Вопрос жизни и смерти, несколько отличных бойцов под твоей командой и считаные мгновения, за которые все решится.

55

Белга Андервиль осталась за старшую в центре управления и контроля. В общем-то это мало что значило, Андервиль была из контрразведки. То, что здесь происходило, могло навеки изменить суть ее работы, но покамест она выпала из цепочки приказов и осталась простым связником с командованием ГО и королевскими внутренними войсками. Белга наблюдала за Элно Колдхэвеном, сияющим новым директором внешней разведки, а по совместительству главной шишкой ЦУКа. Колдхэвен помнил, как череда необъяснимых провалов положила конец карьере его предшественника, и понимал, что Рахнер Тракт уж кто-кто, а не дурак — и, скорее всего, не предатель. Теперь Элно получил его пост, а начальница за границей. Работал Колдхэвен, по существу, без страховки. Не однажды за последние дни он отзывал в сторонку Андервиль и консультировался с ней. Она подозревала, что именно по этой причине ей приказали оставаться тут вместо возвращения в Принстон.

ЦУК располагался на глубине более мили под скальным мысом Ставки, под старой Королевской Глубиной. Десяток лет назад центр представлял

собой обширный комплекс, где десятки компьютерщиков корпели за смешными маленькими катодно-лучевыми трубками той эпохи. За ними через стеклянные стены наблюдало с мостиков высшее командование. Год за годом, по мере прогресса в компьютерной технике и сетевых технологиях, положение дел тут менялось. Теперь у Аккорд-разведки глаза, уши и автоматика были получше, и ЦУК ужался до помещения немногим просторней конференц-зала. Тихого и необычного конференц-зала, с насестами, обращенными наружу; воздух тут был свеж и непрестанно обновлялся, яркий свет не давал теней. Дисплеи систем обработки данных — даже простейшие — отображали двенадцать цветов. Техники остались, но каждый теперь отдавал приказы тысяче узлов сети, раскиданной по континенту и ближнему космосу, а косвенным образом управлял работой сотен специалистов-интерпретаторов. Восемь инженеров, четыре боевых офицера, старший офицер. Больше никого тут физически не требовалось.

Центральный экран показывал, как начальница входит в здание Парламента. Та же коммерческая лента новостей, которую смотрит весь мир: внешняя разведка решила не тыкаться в зал

Парламента со своими системами прослушки. Один техник как раз боролся с фризами на видео. Вывел наложение дюжины сниппетов, поигрался с освещением, на дисплее возникла неряшливого вида особа, скрытая темным одеянием. Рядом с Белгой генерал Колдхэвен тихо заметил:

— Отлично. Мы ее идентифицировали. Старая Педура собственной персоной… Не очень-то ей нравится в ящик вылезать.

Андервиль слушала не слишком внимательно. Столько всего происходило… Речь генерала потрясла даже сильней, чем появление Педуры. Когда Смит выдвинула свое предложение, несколько инженеров бросили работу и, шокированные, сунули пищевые руки в пасти.

— Боже! — послышался шепот Элно Колдхэвена.

— Да, — вполголоса согласилась Белга, — но, если примут предложение, это может решить проблемы.

— Если выберут короля заложником, да. Но если генерала Смит… — Если Смит застрянет далеко на юге, дело швах, особенно для Элно Колдхэвена. Колдхэвену не удалось скрыть беспокойства. Значит, он тоже не в курсе.

— Мы справимся, — сказал Кред Дагвей, дирек-

тор службы ПВО. Дагвей тут был второй генерал. Директор ПВО жестко критиковал Тракта, а в прошлом Элно Колдхэвен служил под его началом. И Дагвей, похоже, всерьез считал себя боссом Элно.

На видео с юга генерал Смит спускалась с ораторского насеста, чтобы передать формально изложенное предложение Тиму Даунингу. Камера проследила, как Смит сходит со сцены.

— Она к Педуре идет!

Дагвей фыркнул:

— Вечер перестает быть томным.

— Черт подери!

Камера проворно повернулась к майору Даунингу, который раздавал копии составленного генералом текста.

— Есть что-то от шефа? Звук еще остался?

— Извините, сэр. Ничего.

На дисплеях ПВО вспыхнули тревожные огоньки. Инженер согнулся над консолью и что-то прошипел в голосовик. Потом вскинулся:

— Сэр, я не понимаю, что в точности происходит, но…

Дагвей ткнул рукой в сторону композитной тактической карты Саутленда:

— Пошли запуски!

Да. Белга и та узнала кодировку. Крестики — вероятные места запусков.

— Запущено три ракеты. Не с Саутленда, а с подледных лодок. Эти должны… — Никто не мог их запустить, кроме Клана. Только Аккорд и Клан владели пусковыми установками для подледного туннельного запуска ракет.

На экране появились оценочные координаты целей. Три круга у Южного полюса.

Колдхэвен рубанул рукой воздух, призывая инженеров системы предупреждения о ракетном нападении к вниманию:

— План «Яркость на полную»!

На главном экране камеры новостников коммерческого канала все еще рыскали по залу Парламента, показывая реакцию собравшихся на речь генерала Смит.

Кто-то из инженеров СПРН привстал с насеста.

— Сэр! Это наши ракеты! Они с седьмой базы, с «Ледокопа» и «Глубинного ползуна»!

— И какой вывод? — перебил генерал Колдхэвен своего бывшего начальника, что бы тот ни собирался вякнуть.

— Автоматика самих лодок сработала. Пытаюсь вызвать капитанов, но мы все еще взаимной проверкой шифров заняты.

Дагвей постучал по консоли с отчетом.

— Пока мы не пообщаемся с ними напрямую, я ничему этому не поверю. Я знаю этих командиров. Там что-то странное.

— Мы фиксируем настоящие запуски к настоящим целям, сэр.

Инженер указал на крестики и кружки.

— У вас тут ничего, кроме забавных огонечков! — вызверился Дагвей.

— Сеть закриптована, сэр, данные прямо со спутников раннего обнаружения.

Колдхэвен жестом заткнул их:

— Очень напоминает досадные проблемы моего предшественника, гм?

Дагвей люто зыркнул на бывшего протеже, но тут до него дошло значение происходящего.

— Да…

Колдхэвен фыркнул:

— Это не мы одни такие умные. Те, кто с аналогового радио до сих пор не спрыгнул, тоже судачат. — Действительно, находились и приверженцы такой аппаратуры: у Андервиль в сельской местности были агенты, которым любой апгрейд поперек горла вставал. Странно только, что в Ставке кто-то всерьез увлекается подобным старьем. Колдхэвен заметил выражение Белги.

— Моя жена работает в музее техники. — По передней части его тела скользнула улыбка. — Она говорит, ее друзья по старому радио не психи. А теперь и мы столкнулись с немыслимым. В прошлом можно было списать такие противоречия на каких-то идиотов, но сейчас… — Время подлета до сужавшихся кружков, которыми отмечались цели, составляло немногим более трех минут. Спутники системы слежения согласовали данные о цели: Саутмост.

Андервиль мгновение таращилась на дисплей. Это что же, параноик Рахнер *прав*?

— Так, может быть, и запуски подделаны. Все, что мы видим…

— По крайней мере, все, что видим по сети…

— …может оказаться подделкой.

Самый экстравагантный из технофобских кошмаров.

Дагвей наконец сообразил, что творится. Вера, укрепленная двадцатью годами, рушилась.

— Но как же шифры, двойная проверка?.. Элно, *что нам делать*?

Колдхэвен поник. Его теорию приняли — и это означало катастрофу.

— Мы… мы можем все отключить. Отсоединить ЦУК от сети. Я такое видел, вариант военной

игры… но он *тоже* в сети висит!

Белга положила руку ему на плечи:

— Я бы посоветовала так и сделать. Можно воспользоваться аналоговыми радиостанциями из музея. У меня курьеры. Медленно, конечно…

Слишком медленно, но хотя бы станет ясно, с кем они имеют дело.

В сети, рукой подать, Нижнимор, сам король и другие… но теперь доверять нельзя никому. Здесь Дагвей, но командует ЦУКом Элно Колдхэвен. Колдхэвен помедлил, но перекладывать ответственность на бывшего начальника не стал, а подозвал своего старшего сержанта.

— План «Отказ сети». Доставить извещение в музей и вручить лично.

— Слушаюсь, сэр!

Инженеры, следившие за беседой, сохранили большее присутствие духа, чем начальство. Оценка систем слежения давала две минуты до атаки. В зале Парламента, судя по видео, воцарился хаос. На миг Андервиль увлек ужас этой сцены. Бедные паучары. Доселе война казалась им далекой грозовой тучей у горизонта, а теперь депутаты Саутленда в эпицентре будущей катастрофы, и жить им осталось менее двух минут. Кто-то застыл, глядя вверх, откуда должен был

прийти убийственный мегатонный взрыв. Другие носились по укрытым коврами лестницам в поисках выхода. Кто-то закапывался. И где-то там, невидимая для камеры, генерал Смит готовилась разделить их судьбу.

Каким-то чудом старший сержант добыл распечатки плана «Отказ сети». Он раздал их техникам и начал распахивать гермоворота командного зала ЦУК.

Но ворота уже открывались. Белга оцепенела. *Никто* не должен был явиться до конца смены — или до тех пор, пока Колдхэвен не введет код разблокировки. Неуверенно пятясь, на пороге показался охранник ЦУКа. В грузовых руках он теребил пулемет.

— Я видел ваш пропуск, мэм, но никому нельзя…

Его перебил почти знакомый голос:

— Чушь. У нас пропуск, и вы сами видите — ворота уже открыты. Прочь с дороги.

В зал шагнула молодая лейтенант. Простая черная униформа. Телосложение тонкое, но хищное. Будто Виктория Смит не только спаслась бегством с Юга, но и вернулась, помолодев до возраста, в каком Андервиль ее не застала. За лейтенантом маршировали могучий капрал и группа бойцов.

У многих — тупорылые штурмовые винтовки десантников.

Генерал Дагвей возмущенно загромыхал на молодого лейтенанта. Дагвей идиот. Больше всего похоже на упреждающий удар — но почему они не стреляют? Элно Колдхэвен попятился, обходя свой стол, потянулся к скрытому под ним ящику. Белга закрыла его собой, выйдя навстречу незваным гостям, и сказала:

— Вы дочь Смит.

Лейтенант отсалютовала Андервиль:

— Так точно, мэм. Виктория Лайтхилл, а это моя команда. У нас приказ, заверенный генералом Смит. Мы уполномочены инспектировать по своему усмотрению. При всем уважении, мэм, за этим мы сюда и пришли.

Лайтхилл проскользнула мимо директора ПВО; у старого Дагвея от бессловесного гнева пена полезла. За спиной Белги, прикрытый ее телом, отстукивал на консоли командные коды Элно Колдхэвен.

Лайтхилл каким-то образом догадалась, что происходит.

— Генерал Колдхэвен, отойдите от консоли, пожалуйста.

Амбал-капрал поднял винтовку и помахал ею в

сторону Колдхэвена. Андервиль узнала капрала: тот сынок Смит, что отставал в развитии. Час от часу не легче.

Элно Колдхэвен отошел от стола и едва заметно приподнял руки, дав компьютерщикам знак, что инспекция зашла слишком далеко. Два техника, сидевшие ближе всех к воротам, попытались прошмыгнуть мимо захватчиков, но десантники оказались *быстрее*. Развернувшись, они прыгнули на техников и оттащили их назад в ЦУК.

Гермоворота плавно закрылись.

Колдхэвен сделал еще одну попытку, самую жалкую:

— Лейтенант, сигнальная автоматика сильно повреждена. Надо отключить центр управления и контроля от сети.

Лайтхилл подошла к дисплеям. Картинку из зала Парламента еще передавали, но оператора за камерой не было: ракурс бесцельно блуждал и наконец застыл на потолке. На остальных экранах расцветали огоньки режима «Яркость на полную»: в центр управления потоком шли запросы и извещения о подготовке запусков от королевских РВСН. Близился конец света.

Лайтхилл нарушила молчание:

— Знаю, сэр. Мы явились, чтобы не позволить

вам этого.

Десантники рассредоточились по ЦУКу, и в зале стало тесновато. Теперь ни один инженер или офицер не мог от них ускользнуть. Капрал-амбал снял с себя грузовую сумку и приступил к установке дополнительной аппаратуры, которая из нее появилась. *Игровые дисплеи?*

К Дагвею наконец вернулся дар речи:

— Мы подозревали, что среди нас глубоко законспирированный агент. Я думал на Рахнера Тракта. Какие ж мы были идиоты! Все это время Виктория Смит работала на Педуру и Клан.

«Предатель в сердце гнезда. Это все объясняет, но…»

Белга воззрилась на экраны. Отовсюду по сети поступали сообщения о запусках ракет Аккорда.

— Какие отметки соответствуют действительности, лейтенант? — спросила она. — Или все они ложны, и даже атака на Саутмост?

На миг Андервиль подумалось, что лейтенант ей не ответит. Кружки над Саутмостом сжались в точки. Репортажная камера показывала вид купола зала Парламента еще секунду. После этого Белге померещилось, что на камеру падает огромная скала с сияющим передком, и экран померк. Виктория Лайтхилл дернулась, но голос

ее, когда она наконец соизволила ответить Белге, был тверд и спокоен:

— Нет. Эта атака была вполне себе реальна.

56

— Ты уверен, что она меня увидит?

Марли поднял глаза от своей аппаратуры:

— Да, сэр. И я получил с ее наглазников сигнал готовности к приему.

«Твой выход, вахтмастер. Величайший спектакль твоей жизни».

— Киви, ты там?

— Да. Я… — Он услышал ее быстрый тяжелый вздох. Услышал. Видеосигнала не было: отчаяние непритворно. — Отец!

Нау баюкал Али Лина, перехватив его голову и плечи. Раны неотвязника оказались ужасны: из-под наскоро наложенных повязок натекли лужи крови. «Чума его побери, а если он издох?» Впрочем, это полезно для правдоподобия, а Марли выложился на полную.

— Это был Винь, Киви. Они с Тринли набросились на нас, убили Каля Омо. Али они бы тоже убили, если б не… если бы я не позволил им скрыться. — Слова вылетали безошибочно, подогретые неподдельным гневом и нацеленные

тактической необходимостью. Зверская атака предателей, которую те подстроили так, чтобы ударить в самый критический момент, когда на кону судьба целой цивилизации. Гибель Северной Лапы. — Я видел, как утонули два котенка, Киви. Прости, но мы не сумели подобраться достаточно близко, чтоб их спасти… — Фантазия оставила его, но он вывернулся искусно. На том конце линии раздавались прерывистые задыхающиеся звуки: он уже слышал их от Киви в минуты абсолютного ужаса. Проклятье, это же может запустить каскад воспоминаний! Отринув страх, он продолжил: — Киви, шанс у нас еще есть. Предатели появлялись у Бенни?

«Пробрался ли Фам Нювен в бар?»

— Нет. Но мы понимаем: что-то очень сильно неладно. Видео с Северной Лапы пропало, и похоже, что внизу, на Арахне, война. Это мой личный канал, но все видели, как я выбегала от Бенни.

— Хорошо, хорошо. Это правильно, Киви. Кто бы ни примкнул к заговору Виня и Тринли, они сейчас обескуражены. У нас есть шанс. У нас двоих…

— Но мы ведь можем доверять… — Киви осеклась и не выдвинула дальнейших возражений. Отлично. После очередной мозгочистки Киви

частенько сомневалась в себе. — Отлично. Но *я* тебе помогу. Где ты скрываешься? В одном из шлюзовых каналов?

— Да. Мы застряли у внешнего люка. Но если выберемся, возьмем ситуацию под контроль. В первой точке Лагранжа-А…

— В каком канале?

— Э-э… — Он взглянул на крышку люка. В свете фонаря Марли номер был едва различим. — С-семь-четыре-пять. Это…

— Я в курсе, где это. Увидимся через двести секунд. Не беспокойся, Томас.

Господи, как же Киви быстро восстановилась! Нау выждал миг, потом вопросительно глянул на Марли.

— Вызов окончен, сэр.

— Хорошо. Переподключись. Посмотри, сумеем ли пробиться к Ритсеру Брюгелю. — Последний шанс проверить, как идут дела перед началом операции на планете. А потом все решится так или иначе.

Когда «Невидимая рука» прошла над горизонтом Саутмоста, ракеты поразили цель. Дисплеи Чжау показали, как взрыв взметнулся до верхних слоев атмосферы. Спутники слежения передали детальный анализ результатов атаки. Все три

боеголовки попали точно в яблочко.

Но Ритсер Брюгель остался не слишком доволен.

— Ты не уложился в график. Глубина поражения не максимальная.

Голос Била Фуонга на общем канале командной рубки:

— Да, сэр. Но для этого нужна была высокоуровневая боевая сводка — с первой точки Лагранжа.

— Ладно, ладно, сделаем. Синь!

— Да, сэр? — оторвался от консоли Чжау.

— Твои люди готовы поразить ракетные поля?

— Так точно, сэр. Маневр, который мы только что совершили, проведет нас над большей их частью. Мы зацепим достаточное количество установок ПРО Аккорда.

— Старший пилот, я возлагаю на вас личную ответственность.

На консоли Брюгеля звякнуло. Видеосигнал отсутствовал, но вице-вахтмастер обратился в слух. Спустя миг Брюгель сказал:

— Да, сэр, мы справимся. А каково ваше положение?

Что там творится? Что с Ритой? Чжау насилу отвлекся от далекого разговора и посмотрел на контрольный экран. В общем-то он уже загнал

неотвязников. На большую точность они не способны. И укрыться от паучьих сетей — тоже. Ракетные поля Аккорда протянулись через весь северный континент, и траектория «Невидимой руки» следовала им лишь приблизительно. Пилоты Чжау координировали работу дюжины оружейников-неотвязников. Наскоро стачанные боевые лазеры «Невидимой руки» могли вывести из строя ближние субповерхностные пусковые установки, но лишь при условии, что каждый залп отнимет не более пятидесяти миллисекунд. Чтобы поразить все цели, требовался поистине балетный маневр на пределе огневых возможностей. Некоторые из более глубоких целей, элементы системы ПРО, будут уничтожены бомбокопателями. Те, что уже запущены, опускались на планету позади.

Чжау делал все, что было в его силах, для успеха. «У меня нет выбора…» — каждые несколько секунд эта мантра проплывала в его мозгу ответом на столь же неотступное: «Я не мясник».

Но теперь… может быть, удастся исподтишка саботировать ужасающие приказы Брюгеля. «Будь честен сам с собой: ты все еще мясник». Но пока что он погубил сотни, а не миллионы.

Без детальной арахнолокационной и так-

тической боевой поддержки из первой точки Лагранжа мелких неточностей будет полно, и атака на Саутмост это показала. Пальцы Чжау плясали над клавиатурой: в последний момент он принялся отдавать команде новые указания. Ошибка должна быть очень тонко подстроена. Но она вызовет к жизни новые случайные отклонения от плана атаки на системы ПРО. Многие удары придутся мимо целей. У Аккорда еще будет шанс отразить ядерную атаку Клана.

Рахнер Тракт нетерпеливо сновал по прихожей клетке. Ну когда же появится Андерхилл? Может, паучара передумал или попросту забыл? Охранник тоже выглядел встревоженным. Он с кем-то говорил по комм-линии, но слов было не разобрать.

Наконец заскрипели скрытые моторы. В следующий миг старые деревянные двери разошлись. Появился жук-поводырь, а сразу за ним — Шерканер Андерхилл. Охранник заметался по своей будке.

— Сэр, можно вас на минутку? Я получаю…

— Ага, но я сперва с полковником поговорю, хорошо? Я недолго.

Андерхилл чуть проседал под весом парки и с каждым шагом чуть заваливался набок. Охран-

ник нервничал на посту, не зная, как поступить. Жук-поводырь терпеливо вытягивал Андерхилла на более или менее прямую дорожку к Тракту.

Андерхилл подошел к прихожей клетке.

— У меня свободного времени от силы несколько минут, полковник. Мне очень жаль, что вас уволили. Я хочу…

— Не важно, не важно, сэр! Я должен вам рассказать. — Чудо, что он вообще пробился к Андерхиллу. «Теперь надо убедить его раньше, чем часовой осмелеет меня перебить». — Автоматика наших командных систем взломана, сэр. У меня есть доказательства! — Андерхилл протестующе воздел руки, но Рахнер не сдавался. Больше такого случая ему не выпадет. — Звучит бредово, я понимаю, но это все объясняет. Там…

Мир вокруг взорвался. Немыслимые цвета ярче солнца. Боль, превосходящая всякое воображение Тракта. На миг цвет боли поглотил все кругом, вытеснил сознание, страх и даже удивление.

А потом Тракт вернулся… к агонии, но и к сознанию. Он лежал в снегу и крошеве. Глаза… ох, как у него *болели* глаза! Переднее поле зрения все еще сверкало остаточными изображениями преисподней, блокировавшими видимость. Резкие силуэты на фоне полной тьмы: часовой, Шерка-

нер Андерхилл… Андерхилл! Тракт поднялся на ноги и спихнул наваленные сверху обломки досок. Теперь стала проявляться боль иного рода. У него вся спина отчаянно ныла. «Вот какой ценой обретаешь умение проходить сквозь стены». Он сделал на пробу несколько неуверенных шагов: вроде бы обошлось без переломов.

— Сэр? Профессор Андерхилл?

Он слышал собственный голос, но словно бы издалека. Рахнер повертел головой из стороны в сторону, словно дитя с детскими же глазами. Делать было нечего: переднее поле зрения все еще заполняли слепящие остаточные образы. Вниз по склону, где стена кальдеры закруглялась, из череды ям извергались дым и пламя. Но рядом с Трактом масштаб разрушений был куда больше. От дома Андерхилла не осталось ничего, а вокруг горело все, что могло гореть. Рахнер шагнул туда, где раньше стояла будка часового. И оказался на краю отвесной стены дымящегося кратера. Склон кальдеры наверху полностью снесло. Тракт уже видел нечто подобное, но то был несчастный случай: снаряд, пробивший склад боеприпасов. «Чем же по нам врезали? И что Андерхилл хранил внизу?» Частью сознания он задавал самому себе эти вопросы, но ответов не находил. Были заботы

куда актуальней.

У него прямо под ногами раздалось резкое животное шипение. Рахнер развернулся. Жук-поводырь Андерхилла. Боевые руки выгнуты для атаки, но тело придавлено обломками. Наверняка у несчастной животины панцирь треснул. Когда Тракт попытался обойти жука, тот зашипел сильнее и с удвоенной энергией стал вырываться из-под груды обломков.

— Моби, все в порядке… все в порядке, Моби…

Это Андерхилл! Голос его звучал приглушенно, как, впрочем, и все звуки. Тракт обошел жука, тот с трудом вылез из-под досок и побрел следом, на голос Андерхилла. Поводырь не переставал шипеть, но уже без угрозы, а скорей от боли и тоски.

Тракт прошелся вдоль края ямы. Там валялись выброшенные взрывом обломки. Стеклянистые стенки кратера уже остывали и оползали внутрь. Андерхилл как в воду канул.

Жук-поводырь проволок искалеченное тело мимо Тракта. Вот, прямо перед животным: одна паучья лапа торчит из развалин, взметнулась резко и высоко. Жук завизжал и принялся откапывать хозяина. Рахнер присоединился к нему, стал оттаскивать прочь доски и раскапывать теплую грязь. Теплую? Тут было тепло, как на дне

кальдеры. Есть нечто особенно жуткое в том, чтобы тебя завалило теплой землей. Тракт принялся рыть еще быстрее, поддавшись отчаянию.

Андерхилла завалило задним концом тела вниз, а голова его оказалась всего футом ниже уровня обломков. Через несколько секунд они вытащили его за плечи. Земля поддавалась, осыпалась в кратер. Тракт потянулся, оплел Андерхилла всеми лапами и дернул. Дюйм за дюймом, фут за футом… могила Андерхилла выпустила его и обрушилась в воронку, а их выкинуло на безопасную твердую землю уровнем выше.

Вокруг ползал жук-поводырь, не отпуская хозяина ни на миг. Андерхилл ласково погладил его, потом развернулся, с глупым видом вертя головой — как перед тем Тракт. Хрустальные зоны его глаз покрылись волдырями. Шерканер Андерхилл прикрыл от взрыва глаза Тракта, но старому паучаре обожгло беззащитную макушку полной дозой.

Андерхиллу казалось, что он смотрит в яму.

— Джейберт? Нижнимор? — недоверчиво, едва слышно спрашивал он. Затем, поднявшись, полез было обратно. Тракт и жук вцепились в него. Сперва Андерхилл позволял им тащить себя мимо гребня грязевого выброса. Под тяжелой одеждой

трудно было определить, но как минимум две его лапы оказались раздавлены.

Затем он позвал:

— Виктория? Брент? Вы меня слышите? Я потерял…

Он снова повернулся и устремился к воронке. На этот раз Рахнеру пришлось чуть ли не в драку с ним вступить. Бедного паучару мотало из стороны в сторону в приступе умопомрачения. «Думай же!» Рахнер глянул вниз по склону. ВПП перекосилась, но склоном ее прикрыло от разлетавшихся обломков. Его хоппер все еще стоял там, на вид неповрежденный.

— Ага! Профессор? У меня в вертушке телефон. Идемте. Оттуда сможете вызвать генерала.

Рахнер импровизировал на тоненького, но Андерхилл едва соображал. На миг покачнувшись, он чуть не свалился. Потом, в миг ложной ясности:

— Вертолет? Да… мне пригодится.

— Хорошо, тогда давайте туда, вниз.

Тракт направился было к лестнице, но Андерхилл все еще колебался.

— Нельзя Моби бросить. Нижнимор и остальных можно, они точно мертвы… Но не Моби.

«Моби при смерти». Но Тракт не осмелился вы-

говорить этого. Жук-поводырь перестал ползать вокруг. Руки его едва заметно дергались в сторону Андерхилла.

— Это всего лишь животное, сэр, — мягко напомнил Тракт.

— Зависит от того, какой меркой мерить, полковник. — Андерхилл издал бредовый смешок.

Поэтому Тракту пришлось снять верхнюю куртку и приспособить ее под волокушу для жука-поводыря. В животинке, как ему показалось, было фунтов восемьдесят почти мертвого веса. Но они двигались под гору, а Шерканер Андерхилл перестал противиться и послушно ковылял за Трактом по лестнице, время от времени спотыкаясь и налетая на него. «Так-с, и что за хитрый план у тебя теперь в запасе, полковник?» Враг наконец выпрыгнул из засады. Тракт оглядел затянутую дымом кальдеру, прикидывая масштаб разрушений. Скорее всего, на плоскогорье, где расположены шахты королевских сил ПРО, все повторилось. И несомненно, Ставка тоже уничтожена ядерными бомбами.

«С чем бы ты сюда ни явился, уже слишком поздно».

57

Шлюпка поднялась с погруженной в хаос первой точки Лагранжа. Внизу все еще зияла разверстая пасть шлюза 745, выдыхая частицы льда и воздух. Если бы не Киви, они так бы и остались сидеть там, запертые в шлюзовом канале. Киви села рядом с люком и, импровизируя, справилась с системами безопасности так грамотно, как не каждому неотвязнику было бы по силам.

Нау осторожно положил Али Лина на переднее сиденье рядом с Киви. Женщина отвернулась от панели управления, лицо ее исказилось горем.

— Папа? Папа? — Она потянулась нащупать его пульс. Лицо немного расслабилось.

— Думаю, он выживет, Киви. Послушай, там в первой точке Лагранжа-А медицинская автоматика и…

Киви снова откинулась на спинку кресла.

— Арсенал…

Но взгляд ее оставался прикован к отцу, и ужас постепенно переходил в задумчивость. Внезапно она отвела глаза и резко кивнула:

— Да.

Шлюпка рванулась вперед на маленьких реактивных движках, заставив Нау и его людей

вцепиться в поручни. Киви отключила приверженный осторожности автопилот.

— Что произошло, Томас? Шансы у нас еще остались?

— Думаю, да. Если доберемся до первой точки Лагранжа-А. — Он пересказал историю предательства. Почти не солгав, за вычетом только роли Али Лина.

Киви плавно перевела шлюпку в режим торможения. В голосе ее слышались подступающие слезы:

— Новая Резня Дьема, разве нет? И если в этот раз остановить их не удастся, мы все погибнем. Вместе с пауками.

Точняк. Если бы Киви совсем недавно не промыли мозги, эта ассоциативная цепочка могла бы увести ее на опасную почву. Еще несколько дней — и она бы начала подсознательно сопоставлять сотни мельчайших несоответствий; она быстро бы уловила связь между ними. Но в течение следующих нескольких килосекунд аналогия с Дьемом будет полезна.

— Да! Но шанс остановить их есть, Киви!

Шлюпка быстро снижалась, пересекая поверхность Алмаза-1. Солнце больше напоминало тусклую красную луну, и свет его то там, то сям

отражался от остатков ворованного снега. Хаммерфест пропал за углом скалы. Скорее всего, Фам Нювен так и застрял там, в Аттике. Он истинный гений, но добился лишь половины желаемого. Ему удалось отрезать Нау от неотвязников, но не остановить арахнианскую операцию, да и союзниками разжиться Нювен не сумел.

А в этой игре половинчатый результат ничего не стоит. «Через считаные сотни секунд у меня будет в распоряжении вся огневая мощь первой точки Лагранжа-А». У него выкристаллизовалось решение: стратегия гарантированного истребления. Моральные слабости Фама Нювена приведут Томаса Нау к итоговой победе.

Сознания Эзр не терял; случись это, он бы уже не очнулся. Но все его внимание сконцентрировалось на нем самом; на холоде, от которого немели конечности; на боли, раздиравшей плечо и кисть руки.

Желание вдохнуть воздуха становилось непреодолимым. Где-то же должен оставаться воздух: если его и вдоволь, то именно в парке. *Где?* Он развернулся в направлении, где поддельный солнечный свет казался ярче всего. Остатки рационального мышления подсказывали, что оттуда пришла вода, а теперь она отступает. *Плыви на*

свет. Он дернулся и поплыл так быстро, как было в его силах, помогая себе здоровой рукой.

Вода. И снова вода. Вода, уходящая в бесконечность. Отливает красным в солнечном свете.

Он пропорол водную гладь, кашляя и блюя, и наконец *задышал.* Вокруг распростерлось море. Море вертелось и вздымалось, лишенное горизонта. Как в исторических драмах о рыцарях и пиратах Канберры, которые он любил смотреть ребенком; ему мерещилось, что он моряк, смытый с корабля чудовищным Мальстрёмом. Он посмотрел наверх… еще выше. Вода искривлялась и загибалась над его головой. Его море было пузырем воды диаметром не более пяти метров.

Сориентировавшись в пространстве, он вернул себе подобие рационального мышления. Эзр дернулся, поглядел вниз, оглянулся назад. Его никто не преследовал… но, может, оно и не важно. Вода вокруг него была красна от его собственной крови; он чувствовал ее *вкус*. Холод тормозил кровотечение и частично приглушал боль, но от него немели ноги и здоровая рука.

Эзр взглянул сквозь водяную толщу, прикидывая, как далеко от внешней поверхности этот пузырь. За рябью и потоками воды он видел обломки стволов. Тут не больше дюжины метров

в глубину. «Меня вынесло из основной водной массы». Его пузырь оказался медленно ползущей в невесомости неба Северной Лапы каплей.

Эта капля дрейфовала *вниз* под воздействием какой-то комбинации незначительной здешней силы тяжести и столкновения моря с потолком пещеры. Эзр тупо наблюдал, как вздымается навстречу земля. Он ударился о дно озера совсем рядом с причалом.

Когда это случилось, столкновение показалось ему медленным, как во сне, на скорости менее метра в секунду. Но вода принялась плескаться вокруг него, осыпая брызгами, разлетаясь на струи. Его приложило ногами и ягодицами о дно, и он, кувыркаясь, отлетел вверх, в скачущем, крутящемся потоке водяных шариков. В окружающем пространстве раздавался клацающий звук, подобный бездумным механическим аплодисментам. До каменного основания причала оставалось меньше метра. Он зацепил его рукой и почти погасил собственное вращение. Потом его ударило о камень раненым плечом, и все вокруг исчезло во вспышке агонии.

Он отключился не более чем на пару секунд. Снова придя в себя, он увидел, что от морского дна его отделило метров пять. Рядом камни

причала, покрытые мхами и лишайниками: тут раньше проходил уровень моря. А клацающие аплодисменты… он глянул вдоль морского дна. Он понял, что это такое. Стабилизирующие сервомеханизмы пали жертвой того же саботажника, который привел в движение само море.

Эзр взобрался по необработанным валунам мола. До верха и домика… до того места, где он раньше стоял… считаные метры. От домика остался фундамент характерных очертаний. Основания стен тоже уцелели. Но под напором миллионотонной водной массы, пускай и медленным, это место попросту выскоблило. Все тут обратилось в развалины и груды неузнаваемых обломков.

Эзр передвигался между развалин, помогая себе здоровой рукой. Море опустилось уровнем глубже, а на противоположной стороне пещеры захлестнуло леса и взметнулось по дальним стенам. Как и прежде, оно бурлило и колыхалось, а по небу летали десятиметровые водяные пузыри. Почти вся морская вода потом соберется на дне бассейна, но шедевр Али Лина погиб безвозвратно.

Все вокруг отступало, уплывало во мглу, включая и саму боль. Где-то там, в затопленном лесу,

попал в ловушку Томас Нау со своими удальцами. Эзр вспомнил, какая радость обуяла его, когда мерзавцы утонули в лесу под наступающими волнами. «Фам, мы победили». Но первоначальный план этого не предусматривал. Нау каким-то образом раскрыл их заговор и чуть не убил их обоих. Возможно, Нау даже выбрался из западни. Если ему удалось выскользнуть из пещеры, он настигнет Фама или захватит первую точку Лагранжа-А.

Но эта угроза казалась ему далекой, связанный с нею страх отступил. Вокруг крутились вязкие ленты красной воды. Он склонил голову — осмотреть кисть руки. Дротикомет Марли раздробил ему локоть, вскрылась артерия. Предыдущая рана в плече и пытки создали на руке своего рода самопальный жгут, но… «Я истекаю кровью». Сохрани Эзр способность рассуждать логически, он бы наверняка впал в панику, но ему сейчас хотелось лишь выбраться на ровную почву и немного отдохнуть. «А потом ты умрешь, и, скорее всего, Томас Нау выйдет победителем».

Эзр заставил себя сдвинуться. Вот бы кровь остановить… но ему даже куртки не стянуть. Разум его блуждал, уходя от невозможных задач. Серая мгла окутала края сознания. «Что я могу

сделать за оставшиеся секунды?» Он пробирался среди руин, ничего не видя, кроме почвы в считаных сантиметрах от лица. Если получится проникнуть в берлогу Нау, разыскать там коммуникатор… «Я хоть Фама предупрежу». Там не было комма. Одни развалины. Красивые деревца, заботливо выращенные Фун, разнесло в щепы, из рассеченных стволов сыпались спиралевидные семена.

Из обломков одежного шкафчика торчала обнаженная белая рука. У Эзра от ужаса и непостижимости происходящего немного прояснилось в голове. Кто же это может быть? Ага, Омо. Но нет, рука обнаженная, бескровно-белая, чуть блестящая. Он коснулся ее здоровой кистью. Рука дернулась, обернувшись вокруг его пальцев. А, да это совсем не труп, всего лишь надувная куртка, которые так любит Нау. Из умопомрачения проступила идея. Возможно, получится остановить кровотечение. Он потянул за рукав куртки. Тот соскользнул, сжался и поплыл сам по себе. Эзр оторвался от земли, и несколько мгновений ему пришлось поплясать между почвой и курткой. Левый рукав куртки раскрылся, раздался под пальцами. Он просунул в него руку, и куртка автоматически застегнулась от пальцев до плеча.

Эзр перераспределил ткань на спину и туго затянул ее вокруг искалеченной руки. Теперь он все равно истечет кровью, но наружу не прольется больше ни капли. Никто не увидит. «Притяни ткань». Он подергал плечами, расправляя куртку. «Еще туже». И получился настоящий жгут. Он провел левой рукой по рукаву с искалеченной кистью, плоть отозвалась на прикосновение ужасающей болью. Но надувная ткань среагировала и напряглась, обрела жесткость. Откуда-то издалека доносились его собственные стоны боли. На миг он потерял сознание и очнулся, поняв, что лежит, чуть завалясь на голову.

Но теперь правая рука обездвижена, рукав надут по максимуму. Крайне болезненный изыск моды — как знать, быть может, что и спасительный.

Он напился плавающей вокруг воды и попытался собраться с мыслями.

Вокруг раздалось сварливое мяуканье. В поле его зрения возник летающий котенок, скользнул вниз, устроился на груди и здоровой руке. Он погладил его дрожащее тельце.

— Тебе тоже хреново? — спросил он, слова отдались хриплым карканьем. Темные глаза котенка воззрились на него. Зверек зарылся между гру-

дью и подмышкой Эзра. Странно: обычно котята чурались людей, и это создавало Али вечные проблемы, хотя все зверьки были помечены. Летающий котенок вымок, но в остальном был вполне бодр. Вроде бы.

— Пытаешься меня утешить, малыш?

Он слышал, как мурлычет котенок, прижимаясь к нему теплым тельцем. Он улыбнулся; приятно все-таки, когда есть с кем поговорить.

Шорох крыльев. Еще пара котят. Трое. Они зависли над ним и раздраженно замяукали, словно говоря: «Что вы натворили с нашим парком?» Или, возможно: «Мы есть хотим». Покрутились вокруг, но малыша, севшего Эзру на руки, отгонять не стали. Потом самый крупный, драноухий котяра отлетел прочь от Эзра и устроился на самой высокой точке развалин. Сердито посмотрел на Эзра сверху вниз и принялся вылизывать крылья. Эта тварь даже не промокла.

Самая высокая точка среди развалин… алмазная труба диаметром почти два метра, накрытая металлической крышкой. Вдруг Эзр сообразил, на что смотрит: туннель, ведущий в берлогу Томаса Нау, вероятнее всего, напрямую в первую точку Лагранжа-А. Он взобрался по склону к увенчанной металлическим колпаком колонне. Котяра

припал к ней, явно не желая уступать Эзру место. Даже в минуту опасности зверьки оставались неисправимыми эгоистами.

На панели управления рядом с люком горели зеленые огоньки. Путь свободен.

Он посмотрел на кота.

— Ты знаешь, что расселся тут на ключе ко всему, э, парень?

Он аккуратно отцепил котенка, который устроился у него на куртке, и отогнал их всех подальше от замка. Крышка скользнула в сторону, и труба открылась. Неужели дурачки за ним полетят? Он помахал им на прощание.

— Даже не думайте. Вам не понравится: дротикометы кусаются.

Групповой зал Аттика был заставлен дополнительными креслами: тут едва хватало места, чтобы перелететь от стены к стене. И когда Силипан отключил каналы связи неотвязников, зал превратился в палату дурдома. Трад уклонился от тянущихся к нему рук, отплыл назад, к потолку, где размещалась панель управления.

— Им правда, ну вот *честное слово,* не нравится, когда их отрывают от работы.

Фам не думал, что это будет так ужасно. Не окажись неотвязники привязаны, они бы напали

на них с Традом. Он оглянулся на авральника:

— Это необходимо. Здесь средоточие власти Нау, и теперь эта власть обернется против него. Мы захватим всю первую точку Лагранжа, Трад.

Силипан вытаращился на него остекленевшими глазами. На него слишком много всего свалилось.

— Всю первую точку? Это невозможно… Ты нас погубил, Фам. Ты меня погубил. — Он немного пришел в себя; уж конечно, он сейчас воображает, каким карам подвергнут его Нау и Брюгель.

Фам взмахом свободной руки успокоил его:

— Нет. Я рассчитываю победить. В этом случае ты выживешь. И пауки тоже.

— Э? — закусил губу Трад. — Да, отключение поддержки неотвязников немного затормозит Ритсера. Может, у этих гребаных пауков появится шанс. — Взгляд его стал отстраненным, потом резко сфокусировался на лице Фама. — Фам, ты кто?

Фам ответил мягким тоном, но повысив голос, чтобы перекричать вопли неотвязников:

— В данный момент — единственная твоя надежда.

Он вытащил из кармана куртки конфискованные у Силипана наглазники и вручил их технику.

Трад тщательно расправил скомканный материал и водрузил их на глаза. Мгновение он молчал, потом отозвался:

— У нас наглазников достаточно. Могу отдать тебе эту пару.

Фам ощерился лисьей усмешкой, которой Силипан еще двести секунд назад на нем бы не признал.

— Спасибо, не надо. У меня кое-что получше есть.

— О!.. — только и пискнул Трад.

— Теперь мне от тебя нужна оценка понесенного ущерба. Ты в состоянии как-нибудь взять под контроль своих людей в этом зале, пока Нау отключен?

Трад сердито пожал плечами:

— Ты знаешь, что это не… — Он снова поглядел на Фама. — Может быть, может быть. В самых тривиальных вопросах. Вычисления можно и вне сети проводить. Не знаю, вдруг получится околпачить числовиков…

— Отлично. Успокой этот дурдом, посмотрим, сколько из них сумеют нам помочь.

Они разлетелись в стороны. Силипан спланировал к неотвязникам, погугукал с ними, собирая в мешки плавающую вокруг блевотину: некоторых

неотвязников стошнило от нервного напряжения. Но вопли только усилились:

— Мне обновления с систем слежения нужны!

— Где переводы ответов Клана?

— Кретины, вы что, связь вырубили?

Фам скользнул в сторону вдоль потолка, оглядывая сверху ряды привязанных к сиденьям неотвязников, слушая их нытье. У дальней стены неподвижно обвисли на крюках Анне и ее помощник. С ней там должно быть все в порядке. «Твоя последняя битва уже идет, всего лишь век-другой спустя после того, как ты уверился, что все утратил».

По ту сторону глаз Фама вспыхивали и гасли сигналы локализаторов. На большей части Аттика ему удалось перезапустить микроволновое импульсное питание. В пределах досягаемости осталось, вероятно, около ста тысяч действующих локализаторов. Их яркий потусторонний свет расширял его зрение, и Фам проникал в недоступные уголки Аттика, орудуя потоками данных, как невидимыми пальцами: ему доступны были все места, где оживали и посылали ответные сигналы облачка локализаторов.

Оценка состояния, оценка состояния. Фам просканировал данные от неотвязников в за-

ле и вокруг него. Лишь несколько их остались взаперти у себя в клетушках, в капиллярных туннелях: эти специалисты ему для текущих нужд не требовались. Кое у кого от блокировки потока заданий начались конвульсии. Фам влез в систему управления и открыл некоторые входящие каналы. Ему требовались определенные данные, но возможно, получится унять и дискомфорт фокусированных. Трад беспокойно поглядывал на него: он заметил, что кто-то шарит в его системе.

Фам потянулся дальше, за пределы Аттика, высматривая искорки локализаторов на поверхности астероида. Вот они! Пара изолированных ракурсов, низкого качества, монохромные. Мелькнула шлюпка, опустившаяся на скалы рядом с Хаммерфестом. Черт подери, это же 475-й шлюз. Если Нау сумеет справиться с этим шлюзом, который, по сути, вообще не заперт, не приходится сомневаться, что он предпримет дальше.

На ускользающий миг Фама окутал неодолимый страх при мысли о столкновении с непобедимым противником. «Ах, я словно помолодел!» У него осталось, может, секунд триста, пока Нау не доберется до первой точки Лагранжа-А. Смысла держать козыри в рукаве больше нет. Фам отпра-

вил команду всем уцелевшим локализаторам подключиться к сети — даже отключенным от питания. В крохотных конденсаторах запасено еще достаточно энергии, чтобы принять и переслать несколько десятков пакетов данных. Если все сделать правильно, емкость ввода-вывода будет приличная.

По ту сторону глаз медленно, бит за битом, проявлялись изображения.

Фам облетел три стены по очереди, старательно уходя от хватки неотвязников, а временами уворачиваясь от плавающей в воздухе клавиатуры или питьевой груши. Но, восстановив поток входящих данных, он отчасти успокоил неотвязников. Переводчики так и вовсе почти затихли, переговариваясь лишь между собой. Фам спланировал на кресло подле Триксии Бонсол. Женщина с яростной целеустремленностью барабанила по клавишам, согнувшись над своей консолью. Фам всмотрелся в поток данных с «Невидимой руки». Оттуда наверняка придут добрые вести. Ритсера и компанию оставили с носом в тот самый миг, как они собирались учинить резню…

Он не сразу сориентировался в мультиплексном потоке. Тут были тексты для перевода, данные о траектории, коды запуска. *Коды запус-*

ка? Брюгель забежал далеко вперед от графика мерзких планов Нау! Справлялся он прескверно: уцелела бóльшая часть противоракетных установок Аккорда. В небеса Арахны взлетали баллистические ракеты: десятки стартов за каждую секунду.

На миг Фама одолел ужас. Заговор Нау предусматривал гибель половины населения планеты. Ритсер этот план с энтузиазмом тщился выполнить.

Он переключился на рабочий журнал Триксии Бонсол за последние несколько сот секунд. Журнал жестко заглючило, когда Триксию отрезали от сети: метафорически выражаясь, он подавился собственными бреднями. Страницы сплошной белиберды, обрывки файлов без дат последнего обращения к ним. Взгляд его выхватил почти осмысленный отрывок:

«Уже набила оскомину сентенция, что мир прекраснее всего в годы Увядающего Солнца. И то правда: погода не такая своенравная, во всем чувствуется замедление, в большинстве мест выпадают годы, когда летний зной не так жжет, а зимы не так яростно суровы. Классическое время любви. Время, когда высших этого мира так и тянет расслабиться, отложить все дела. Ибо дру-

гой возможности подготовиться к концу света уже не будет.

Велением слепого случая Шерканер Андерхилл избрал для первой поездки в Ставку самые чудесные дни Лет Увядания…»

Несомненно, один из переводов Триксии, отмеченный оттенками «антропоморфизма», которые так бесили Ритсера Брюгеля. Но… «первая поездка в Ставку» Шерканера Андерхилла? Это ведь еще до последней Тьмы. Странно, что Томасу Нау потребовалась такая дальняя ретроспектива.

— Все так запуталось…

— А? — Внимание Фама опять вернулось к происходящему в групповом зале Аттика, где раздраженно гомонили неотвязники. Эти слова произнесла Триксия Бонсол. Ее глаза смотрели в пустоту, пальцы сновали по клавишам.

Фам вздохнул.

— Да, это уж точно, — ответил он. Что бы ни имела в виду неотвязница, реплика очень к месту.

Синтез картинок, переданных по тормозившей незапитанной сети, завершился. Он увидел под собой первую точку Лагранжа-А. Если еще чуть-чуть улучшить связь, можно будет подключиться к ее электросоплам. Вычислительных ресурсов

там немного, но они подключены к сети питания сопел… *и, может, получится активировать сами сопла*! Вдруг выйдет нацелить пару десятков на шлюпку вахтмастера?

— Трад, где ты там? Ты чего-нибудь добился от своих числодробилок?

58

Вертушка Рахнера Тракта воспарила с наклонной ВПП. По шуму ротора и турбин было похоже, что машинка в порядке. Вертя головой туда-сюда, Тракт разглядывал ландшафт внизу. Взял курс на восток, вдоль стены кальдеры. Впереди, как солдаты на марше, уходили вдаль ровные ряды кратеров: линия разрушения исчезала за краем дальней стены. В городе внизу зажигались тревожные огни, наземные машины экстренных служб потянулись к воронкам на месте домов и апартаментов.

Андерхилл беспокойно завозился на своем насесте позади, цепляясь за корзинки на спине жука-поводыря. Животное пыталось ему помочь, но пострадало еще сильнее хозяина.

— Я должен это видеть, Рахнер. Вы не поможете мне с рюкзаком Моби?

— Минуточку, сэр. Я хочу сесть в гелипорту…

Андерхилл приподнялся с насеста на пару дюймов.

— Да включите вы автопилот, полковник, и все дела. Пожалуйста, помогите мне.

Вертолет Тракта был оборудован десятками встроенных процессоров, связанных с информационными сетями и системами управления движением. Когда-то он очень гордился этой навороченной воздушной машинкой. Но на автопилоте не летал с той последней поездки в Ставку.

— Сэр… автоматике я не доверяю.

Андерхилл едва слышно хихикнул, потом, булькая, закашлялся.

— Все в порядке, Рах. Пожалуйста. Надо мне глянуть, что творится. Помогите мне с Моби.

Ай, видит Тьма, какая теперь разница! Рахнер сунул четыре руки в контрольные гнезда и переключился на полностью автоматический режим. Потом развернулся к пассажирам и быстро отстегнул рюкзак со сломанной спины Моби.

Андерхилл полез туда и извлек аппаратуру с таким видом, словно то были королевские драгоценности. Рахнер повернул голову, приглядываясь. Что за… это ж гребаный шлем для компьютерной игры!

— Ага, вроде в порядке, — тихо произнес Андерхилл. Пристроил шлем на голову поперек глаз, потом отвел. Рахнер видел почему: по всем глазам паучары взбухли пузыри. Но Андерхилл не сдавался. Он пристроил устройство на самом краешке головы и включил питание.

Голову его окутал сверкающий свет. Рахнер рефлекторно отдернулся. Вертолетная кабина вдруг заиграла миллионом переменчивых оттенков, клетчатых, ярких. Он вспомнил слухи о диковинном хобби Андерхилла — тот-де увлекся видеомантикой. Значит, это правда: такой вот «игровой шлем» стоил небольшого состояния.

Андерхилл что-то бормотал сам себе, сдвигая шлем так и эдак, словно пытался смотреть ослепшими, сожженными глазами. Смотреть, по правде говоря, было не на что, кроме чарующей игры цветов: колдовская мощь компьютеров на службе у шарлатана. Но Шерканер Андерхилл явно углядел в ней нечто, удовлетворившее его. Неотрывно всматриваясь в переливы оттенков, он гладил свободной рукой жука-поводыря.

— Ага… вижу, — тихо произнес он.

И вдруг турбины вертолета истошно взвыли, точно баньши. Индикаторы ушли далеко за красную черту. При такой немыслимой мощности

они за час-другой сгорят. Никакая вменяемая автоматика им бы в такой режим перейти не позволила.

— Какого дьявола!.. — Слова застряли у Тракта в горле. Турбина, раскручиваясь, активировала наконец лопасти винта наверху. Его вертолет внезапно зажил собственной жизнью, с упорством маньяка взбираясь все выше и выше по стене кальдеры.

Турбины ненадолго сбросили обороты, когда геликоптер перевалил через вершину. Пятьсот футов. Тысяча футов над плоскогорьем. Рахнер мельком углядел равнины. Линия разрушений, которую они заметили в Калорике, в действительности составляла лишь часть сетки. К западу и югу уходили сотни дымных плюмажей. Поля противоракетной обороны. Но эти гады промахнулись! Волна за волной ракеты ПВО взмывали в небо со своих позиций по всему плоскогорью. Сотни запусков, быстрых и расточительных, в подобии артиллерийского обстрела ракетами ближнего радиуса перехвата. Но ракетные шахты были в десятках миль от вертолета, а ракетные плюмажи означали, что самонаводящиеся боеголовки посланы на перехват целей за тысячи миль отсюда, на высоте многих двадцаток миль. Зре-

лище впечатляло куда сильнее, чем хвастовство пэвэошников на штабных учениях… и значит, Клан бросил в бой все, что у него есть.

Шерканер Андерхилл, казалось, ничего этого не заметил. Он вертел головой, подстраиваясь под игру света в шлеме.

— Надо как-то переподключиться. Я должен… — Руки его возились с игровыми джойстиками. Шли секунды.

— Все так запуталось… — всхлипнул он.

Трад оставил в покое неотвязников-числовиков и вернулся к Фаму Тринли, который ожидал его у группы переводчиков.

— С обычными числовиками я управлюсь, Фам. В смысле, думаю, что добьюсь от них ответов. Что касается контроля…

Тринли просто кивнул, отметая все возражения. «А Тринли так изменился… Я его годы вахты знал, и теперь он совсем иначе выглядит…» Старый Фам Тринли был шутом, фанфароном, буффоном. С ним можно было шутить, спорить, пререкаться. Этот Фам держался тихо, но действовал с точностью рубящего клинка. «Он нас всех погубит». Глаза Трада беспокойно метнулись туда, где висело, точно туша в мясной лавке, тело Анне Рейнольт. Даже если сейчас получится

предать Фама, его это не спасет. Нау и Брюгель — вахтмастера, и Трад понимал, что поступку его не будет прощения.

— …остается шанс, Трад, — пробился сквозь пелену ужаса настойчивый голос Фама. — Может, получится открыть каналы шире, обманом затащить неотвязников в…

Силипан пожал плечами. Не то чтоб это имело значение…

— Если так сделать, вахтмастер сразу тебе горло перекусит. Я получаю пятьдесят запросов в секунду от Нау и Брюгеля.

Фам потер виски, взгляд его стал отстраненным.

— Да, вижу. Ну ладно. Что у нас? Времян…

— Камеры у Бенни показывают, что там все жутко озадачены. Если повезет, они оттуда никуда не полезут.

И потом у вахтмастеров не будет повода им отомстить.

Неотвязница, которую звали Бонсол, вмешалась с обычным для фокусированных невниманием к происходящему:

— На земле миллионы. Через несколько секунд они начнут погибать.

Реплика вроде бы сбила Фама с толку. Новый

Фам Тринли тоже был аматором в работе с неотвязниками.

— Ага, — пробурчал он скорее Силипану, чем неотвязнице, в ответ. — Но по крайней-то мере, у пауков остается шанс. Без неотвязников Ритсер не сумеет закрутить гайки туже.

Бонсол, конечно, не ответила, продолжая барабанить по клавишам.

Внимание Тринли вернулось к Силипану.

— Слушай, Нау сейчас в шлюпке, летит к первой точке Лагранжа-А. Там по всей зоне электросопла. Если заставим пару неотвязников их активировать…

Трад почувствовал прилив гнева. Кем бы ни был Фам Тринли теперь, а он все еще идиот.

— Чума тебя порази, ты ж не понимаешь лояльности фокусированных! Надо…

Влезла Бонсол:

— Ритсер не может закрутить гайки, но и мы не в состоянии их ослабить. — Она рассмеялась почти беззвучно. — Интересная ситуация. Мы в состоянии взаимоблокировки.

Трад махнул Фаму: поднимись, дескать, к потолку, чтоб эта балаболка-неотвязница не мешала.

— Они так до бесконечности болтать могут.

Но Фам с внезапным интересом повернулся к

неотвязнице:

— Что вы имеете в виду под «мы в состоянии взаимоблокировки»? — спросил он тихо.

— Фам, чтоб ей нагноилось, да какая разница?!

Но Тринли поднял руку, жестом приказав ему заткнуться. Жестом таким уверенным, как у наследственного вахтмастера, и Силипан проглотил возражения. Внутри у него нарастал гнев. Хватит чудес. Если есть еще шанс отогнать Нау от первой точки Лагранжа-А, задержка его только уменьшает. Силипану было известно, *что* там, в первой точке Лагранжа-А. О да. Даже без автоматики и прочих телячьих нежностей вахтмастер может вернуть себе абсолютную власть — с тем, что спрятано в первой точке Лагранжа-А. В углу поля зрения Трада безжалостно вели обратный отсчет часы, измеряя оставшиеся секунды жизни. И конечно, неотвязница даже самого Фама вниманием не удостоила, не говоря уж о заданном ей вопросе.

Молчание длилось секунд десять-пятнадцать. Затем Бонсол вдруг подняла голову и посмотрела Фаму прямо в глаза. Неотвязники почти никогда так не поступали, не считая ролевых игр.

— Я имею в виду: вы блокируете нас, а мы блокируем вас, — сказала она. — Моя Виктория

считала вас всех монстрами, думала, что доверять вам мы не должны. Никому из вас. А теперь мы все платим дорогую цену за ее ошибку.

Бред неотвязницы, разве что напыщенней обычного. Но Фам подался вперед, к ее креслу. Рот его приоткрылся от непритворного изумления. Вид у него был точно у человека, чей мир только что развалился на части, словно он летит головой вперед во тьму безумия. И когда он наконец заговорил, слова его оказались словами сумасшедшего:

— Я… в большинстве своем мы не монстры. Если взаимоблокировку снять, вы сумеете перехватить управление? А потом… мы окажемся на вашей милости… Можем ли мы вам доверять?

Взгляд Бонсол блуждал. Ответа не последовало, только руки неотвязницы заплясали над консолью. Секунда за секундой в тишине. У Трада вверх по хребту полз холодок понимания. *Нет.*

Спустя десять секунд Триксия Бонсол нарушила молчание.

— Если восстановите полный доступ, мы возьмем под контроль самое важное, — сказала она резко. — По крайней мере, план таков. Что касается доверия… — Лицо Бонсол исказила странная усмешка, наглая и печальная одновременно. —

Ну, вы куда лучше знаете нас, чем мы вас. Сами решайте, каких монстров опасаетесь сильнее.

— Да, — проронил Фам. Потер висок и прищурился, выглядывая что-то, недоступное Траду. Повернулся к Силипану. Он улыбался той же лихорадочной улыбкой, с какой выскочил из кладовки, — улыбкой человека, который поставил на кон все фишки и рассчитывает сорвать банк. — Трад, восстанови всю комм-сеть. Пора дать Нау и Брюгелю неотвязную поддержку. Заслужили.

59

Нау смотрел, как Киви управляет шлюпкой; впереди по курсу и внизу простирались снежные горы, нагроможденные вокруг шлюза первой точки Лагранжа-А. Располагая лишь автоматикой шлюпки, Киви умудрилась отыскать шлюзовый канал, отключила блокировку люка и спасла их — всего за несколько сот секунд. Продержись она еще несколько секунд, и Нау получит абсолютное превосходство. Пускай только продержится… Он видел, какие взгляды Киви бросает на своего отца. Вид Али каким-то образом подталкивал ее к пониманию истинного положения вещей. «Ах ты ж чума бубонная! Ты нас только посади, о большем не прошу». Потом ее можно будет убить.

Марли поднял голову от комма, и на лице его отобразилось неожиданное облегчение.

— Сэр, я сумел пробиться на каналы неотвязников! Через пару секунд получим полный доступ к автоматике.

— Ага, хорошо. — Наконец-то приятный сюрприз, для разнообразия. Теперь можно будет ограничить разрушения необходимыми для возврата контроля. «Однако помни, что твой враг — Фам Нювен, а это значит, что возможно практически все». В том числе и невообразимая маскировка.

— Отлично, вахткапрал. Но пока что не пользуйтесь автоматикой.

— Да, сэр, — озадаченно отозвался Марли.

Нау глянул в иллюминатор. Странная штука — естественный обзор без дополнений. Вход в первую точку Лагранжа-А всего в семидесяти с лишним метрах, глубоко в тени. Было там что-то странное… металлическая кромка покраснела. «Но у меня ведь нет наглазников».

— Киви…

— Я вижу. Кто-то…

Раздался резкий громкий хлопок. Марли взвизгнул: у него вспыхнули волосы. Корпус шлюпки со стороны его кресла налился красным.

— Вот черт! — Киви дернула шлюпку вверх. — Они же *мои* электросопла используют! — Она развернула шлюпку, закладывая попеременно резкий крен вперед и назад, и Нау охватила тошнота. *Да так вообще никто не летает!*

Сияние на кромке шлюза первой точки Лагранжа-А и раскаленное пятно на корпусе за его спиной означали, что враг, вероятно, контролирует все видимые электросопла. Каждое из них само по себе не представляло значительной угрозы, но Нювен каким-то образом умудрился направить десятки их точно на две интересовавшие его цели.

Марли продолжал вопить. Пилотские изыски Киви вынуждали Нау крепко схватиться за пристежку; он начал было валиться вниз, но его развернуло. Краем глаза он увидел, как вахткапрала подхватили товарищи по оружию. По крайней мере, хоть волосы у того перестали гореть. У остальных телохранителей глаза лезли из орбит.

— Рентген, — вымолвил один из них. Рентгеновское излучение электронного пучка могло их всех зажарить. Учитывая обстоятельства, опасность отдаленная…

Продолжая выделывать кувырки шлюпкой, Ки-

ви переместила их поближе к склонам Алмаза-1. Суденышко теперь прецессировало: странное тройное вращение. Врагу ни за что их не выцелить… но стена с каждым оборотом раскалялась все ослепительнее. *Вот же чума бубонная!* У Нювена полный доступ к системной автоматике.

Передок, а затем корма шлюпки ударились о поверхность астероида, взметнув снежные фонтаны. Корпус заскрипел, но выдержал. В тумане, созданном испарениями разогретых летучих веществ, Нау видел разящие лучи сопел. Там, куда они падали, лед и снег мигом испарялись в ослепительной вспышке. Пять лучей; может, десять — они били во все стороны, пытаясь выцелить шлюпку, и в корпусе уже возникло несколько пробоин.

Вокруг разрасталась мглистая оболочка льда и пара. Светящееся пятно на корпусе потускнело: снежинки рассеивали и поглощали смертоносное излучение. Киви погасила вращение четырьмя точно рассчитанными поджигами корректирующего сопла, продолжая в испаряющемся снегу подволакивать шлюпку к шлюзу первой точки Лагранжа-А.

Наклонясь в пристежке, Нау увидел, как люк летит прямо на них, и понял, что сейчас разо-

бьется насмерть. Но Киви каким-то образом удержала управление, рванула шлюпку вверх, вбивая стыковочное кольцо в парный элемент шлюза. Металл заскрежетал о металл, и шлюпка замерла.

Киви некоторое время сражалась с автоматикой шлюза, потом отстегнулась и прыгнула к механизмам.

— Томас, его заклинило! Помоги!

Теперь они оказались в западне: прикованы к месту, как собаки на отстреле. Томас рванулся вперед, напряг все силы и потянул вместе с Киви за люк шлюпки. Люк заклинило. Вот взяло и заклинило! Совместными усилиями им удалось немного приоткрыть его. Он просунул руку внутрь, истратил драгоценные секунды на сброс кодов безопасности шлюза первой точки Лагранжа-А. Есть!

Он оглянулся через голову Киви на стену шлюпки. Там разрасталось красное пятно, обретая сходство с глазом разъяренного быка: красное кольцо, оранжевое, а в центре — сияющая белая точка. От него шел жар, словно из раскаленной печи.

Разогретый добела центр пятна вскипел и брызнул в космос. Вокруг прозвучал титанический

хлопок: шлюпка разгерметизировалась.

С того момента как Виктория Лайтхилл захватила центр управления и контроля, ничего особенного не произошло. Компьютерщиков разведки сняли с насестов и согнали вместе с офицерами Генштаба поближе к Андервиль, Колдхэвену и Дагвею. Как жуков на смертьевой подсос, подумалось Белге. А впрочем, какая разница? Тактическая карта показывала, что большая часть мира уже обречена.

По карте змеились дорожки следов тысяч ракет Клана, а еще больше их взлетало с каждой новой секундой. Кружки, обозначавшие их цели, сомкнулись вокруг всех военных баз, всех городов Аккорда. Даже традиционалистских глубин не пощадили.

А те странные запуски Аккорда, показанные вскоре после вторжения Лайтхилл, исчезли с карт. Обманка, потерявшая актуальность.

Виктория Лайтхилл перекатывалась вдоль насестов, заглядывая в экраны своих техников. Про Андервиль и остальных она, казалось, и думать позабыла. И как ни странно, было похоже, что она охвачена не меньшим ужасом, чем прежние хозяева ЦУКа. Она подкатилась к своему брату: тот словно в другой мир перешел, забавля-

ясь с игровым шлемом.

— Брент?

Капрал-амбал застонал:

— Прости, прости… Калорика недоступна. Сестренка… я думаю, они убили папу.

— Но как? Они же не могли узнать!

— Понятия не имею. Знают только низкоуровневые, а от них самих толку мало. Думаю, это уже некоторое время назад случилось, как только мы потеряли связь с Высоким Насес… — Он осекся, отвлекшись на… игру? Из-под шлема замелькал свет. Потом Брент ожил. — Он снова на связи! Послушай!

Лайтхилл поднесла к голове телефон.

— Папа! — Радуется, как паучонок, вернувшийся домой из школы. — Где?.. — Пищевые руки ее захлопали друг о друга от возбуждения, но она тут же заткнулась, выслушивая какую-то длинную тираду. Она едва сдерживалась, чтобы не пуститься в пляс от радости, а ее спутники вдруг с новым рвением затарабанили по консолям.

Наконец:

— Мы всё получили, пап. Мы… — Она остановилась, понаблюдала за техниками. — Мы перехватываем управление, как ты и говорил. Думаю, у нас получится, но, бога ради, марш-

рутизируй через какой-нибудь узел поближе. Двадцать секунд — это чертовски долго. Ты нам нужен, как никогда! — Она переключилась на техников. — Рапса, выцеливай только те ракеты, которые нам сверху не сбить. Бирбоп, сделай что-нибудь с этим гребаным маршрутизатором!

А на тактической карте… ожили ракетные поля Верхней Экватории. Карта показала цветные следы десятков и сотен ракет ПРО — перехватчики дальнего радиуса действия поднимались навстречу врагу. Тоже обманки? Белга оглядела Лайтхилл и остальных захватчиков и почувствовала, как в сердце закрадывается надежда, ибо язык их тел выражал неподдельную радость.

До первых столкновений оставалось еще целых полминуты. Белга раньше видела симуляции: уцелеет не меньше пяти процентов атакующих ракет. Жертв будет во много сотен раз больше, чем за всю Великую Войну, но, по крайней мере, мир уцелеет… Между тем на карте обстановка стремительно менялась. Далеко за передним фронтом атаки противника отметки вражеских ракет стали *исчезать*.

Лайтхилл махнула на дисплей, впервые с момента захвата обратившись к Андервиль и ее коллегам напрямую:

— Клан еще может отозвать некоторые свои ракеты. Этой возможностью мы пользуемся, где получается. Некоторые из оставшихся удается атаковать сверху.

Сверху? Словно стертая незримым ластиком, исчезла целая полоса вражеских ракет на севере, поперек материка. Лайтхилл развернулась в сторону Колдхэвена и его офицеров, жестом призывая к вниманию.

— Сэр, мэм. Ваши люди лучше всех умеют обращаться с системой ПРО. Если бы вы помогли скоординировать…

— Черт побери, конечно! — не сговариваясь, хором заорали Дагвей и Колдхэвен. Техники ринулись назад на свои насесты. Драгоценное время ушло на перенацеливание, а потом первые запущенные ими противоракеты поразили цели.

— Есть сигнал ЭМИ! — крикнул один из техников. Каким-то образом это придало происходящему бóльшую достоверность.

Генерал Колдхэвен ткнул лапой в сторону Лайтхилл — своего рода салют наоборот. Лайтхилл тихо проговорила:

— Благодарю вас, сэр. Все пошло не совсем так, как планировало наше начальство, но думаю, что у нас получится… Брент, можешь показать

нормальную карту, достоверную?

На дисплее вспыхнули сотни новых отметок, но то были не ракеты. Белга узнала теги, отвечающие спутникам, хотя вид у тех был как в графике низкого разрешения. Некоторые данные отсутствовали вовсе, другие поля содержали бессмысленные символьные строки. От северного края дисплея за экран уходил странный прямоугольник. Он пульсировал шевронными модификаторами. Генерал Дагвей зашипел от изумления:

— Быть не может! В нем же дюжина шевронов в длину! Тысяча футов!

— Да, сэр, — подтвердила лейтенант Лайтхилл. — Но стандартные дисплейные программы не в состоянии его корректно обработать. Объект длиной почти две тысячи футов. — Она, похоже, не заметила, какой у Дагвея сделался аспект. Она еще секунду внимательно наблюдала за невероятным летательным аппаратом. — И сдается мне, что он вот-вот станет совершенно бесполезен.

Ритсер Брюгель был очень доволен собой.

— Отлично, Чума ее разрази, справились и без помощи Рейнольт. — Вице-вахтмастер всплыл из капитанского кресла и завис над головой своего старшего пилота. — Может, мы и запустили на

пару ядерных ракет больше, чем требовалось, но этим ведь сбалансировали твою неудачу над ракетным полем?

Он дружеским жестом потрепал Синя по плечу. Чжау вдруг стало ясно, что жалкая попытка измены, предпринятая им, обнаружена.

— Да, сэр, — только и выдавил он. Впереди по курсу паутиной огней сияла планета: приближались города, известные людям как Принстон, Вальдмон, Маунтройял. Может, пауки и не таковы, как их Рита представляла, может, это всего лишь погрешности перевода. Но каковы бы они ни были, эти города, через пару секунд их не станет.

— Сэр? — раскатился по рубке голос Била Фуонга на общем канале. — У меня высокоуровневый сигнал от группы Анне. Через пару секунд будет полный доступ к автоматике.

— Ха! Вовремя, нечего сказать! — Но в голосе Ритсера Брюгеля проскользнула нотка облегчения.

Чжау затрясло. Снова. И снова. Брюгель дернул головой, уставился на виртуальный экран.

— Похоже на боевые лазеры! Но…

Взгляд Чжау метался по выдаче диагностики. На вкладке систем оружия — ничего. Уровень

мощности основного движка подгулял, как при перезарядке конденсаторов, но потом тоже выровнялся.

— Мои пилоты не сообщают об ответном огне, сэр.

Тряска. И снова. Они миновали крупные города и летели на север, в приполярную зону, где лишь редкие пятна света нарушали темное однообразие стылой земли. Там ничего нет, но позади… *Тряска.* Небо озарили три бледных расходящихся луча… классическая картина удара боевых лазеров по цели в верхних слоях атмосферы.

— Фуонг! Какого черта там внизу творится?

— Там ничего, сэр! То есть… — Фуонг засуетился среди своих неотвязников. — Э-э, мои неотвязники работают над списком целей из первой точки Лагранжа.

— Тогда их список не имеет ничего общего с *моим*. Голову включи, чувак! — Брюгель вырубил связь и развернулся к старшему пилоту. Бледное лицо вахтмастера раскраснелось от нарастающего гнева. — Пристрелить гребаных неотвязников и набрать новых! — Он зыркнул на Чжау. — В чем там проблема?

— У меня, может, и ни в чем, но нас ведут снизу.

— Хм. — Брюгель прищурился на данные электронной разведки. — Да. Радары с поверхности. Но это же случалось несколько раз, на каждом обороте… ага.

Синь кивнул:

— Последний контакт продлился пятнадцать секунд. Такое ощущение, что они нас ведут.

— Невозможно. Их Паутина — *наша*. — Брюгель закусил губу. — Если только Фуонг совсем не загубил связь с первой точкой.

Радарная метка на миг померкла… потом вернулась, ярче и точнее наведенная.

— Они берут нас на прицел!

Брюгель дернулся, словно пятнышко превратилось в готовую укусить змею.

— Синь, перехвати управление! Зажги главное сопло, если потребуется. Выводи нас отсюда.

— Слушаюсь, сэр. — На Крайнем Севере у пауков не так-то много шахт, но там наверняка имеются ядерные ракеты. Даже одного попадания хватит, чтобы сокрушить «Руку». Чжау потянулся подключиться к пилотам…

…и по рубке прокатился грохот: врубились вспомогательные двигатели.

— Это не я, сэр!

Когда прозвучал грохот, Брюгель смотрел пря-

мо на него. Он кивнул:

— Давай пилотами займись. Верни управление! — Он оттолкнулся от кресла рядом с Синем и махнул своим громилам лететь в сторону кормового люка. — Эй, Фуонг!

Чжау яростно забарабанил по консоли, снова и снова выкрикивая командные коды. Разрозненные диагностические отчеты продолжали поступать, но ответа от пилотов не пришло. Линия горизонта слегка перекосилась. Вспомогательные двигатели «Руки» работали на полную, но управлял ими не Чжау. Корабль медленно, но верно забирал носом вниз, переходя на высоту рутинного облета планеты. Ответа от пилотов так и не было, но… Чжау заметил, как меняется график мощности.

— Включилась главная воронка, сэр! Я не могу ее остановить!

Брюгель и его головорезы схватились за поручни. Инфразвук от разгорающегося движка ни с чем не спутаешь: от него вибрировали зубы и кости. Медленно, но верно нарастала сила тяжести. Пятьдесят мили-*g*. Сто. Предметы, которые не были закреплены, набирали скорость и неслись на корму, сшибая с пути препятствия и рикошетя от них. Триста. Чжау показалось, что его вежливо

вдавили в кресло огромным кулаком. Один из телохранителей оказался в пустоте, не в состоянии дотянуться до поручней. Теперь он пролетел мимо — нет, его *пронесло* мимо и впечатало в дальнюю стену рубки со стороны кормы. Пятьсот милли-*g*, и ускорение продолжало увеличиваться. Чжау шевельнулся в пристежке, посмотрел назад, потом вверх, на Брюгеля и остальных. Они застряли на корме, уловленные нарастающим ускорением…

А потом звук сопла стих, и Чжау отпустило. Брюгель что-то орал амбалам — приказывал слететься вместе. Он потерял наглазники.

— Наше состояние, Синь!

Чжау уставился на экраны. Панель состояния систем показывала полную ерунду. Он посмотрел вперед и вдоль траектории «Руки». Они миновали линию восхода. До самого горизонта протянулся озаренный тусклым светом, скованный льдом океан. Но не это важно. Линия горизонта немного изменилась. Это не классический маневр схода с орбиты, но близкий. Чжау облизал губы.

— Сэр, мы через сто-двести секунд бултыхнемся в океан.

На миг лицо Брюгеля перекосилось от ужаса.

— Вы немедленно вернете нас на орбиту.

— Так точно, сэр.

А что еще он мог ответить?

Брюгель и его головорезы летели через рубку в сторону кормы. Тут их застиг голос Фуонга:

— Сэр, у меня голосовой вызов из первой точки Лагранжа.

— Давай включай.

Раздался женский голос. Триксия Бонсол:

— Люди на борту «Невидимой руки», приветствую вас. Говорит лейтенант Виктория Лайтхилл, Аккорд-разведка. Вашим звездолетом управляю я. Вскоре вы окажетесь на поверхности. Пройдет некоторое время, прежде чем на место происшествия подоспеют наши солдаты. Не оказывайте им сопротивления. Повторяю: не оказывайте сопротивления нашим войскам.

У всех в рубке челюсти отвисли от изумления, но Бонсол замолчала. Брюгель пришел в себя первым и выговорил не своим голосом:

— Фуонг, отключи связь с первой точкой Лагранжа. Выруби все протоколы.

— Сэр, н-не могу. Как только связь поднята, переподключение…

— Еще как можешь! Физически отключи. Дубиной аппаратуру расфигачь, если надо, но *отключись от сети*!

— Сэр, думаю, даже без локальных неотвязников… у первой точки обходные пути.

— Я об этом позабочусь. Мы спускаемся.

Телохранитель у люка поднял взгляд на Брюгеля:

— Люк не откроется, сэр.

— Фуонг!

Никто не ответил.

Брюгель прыгнул к стене у люка и начал колотить по кремальере. С тем же успехом он мог бы стучать по скале. Вахтмастер обернулся, и Чжау увидел, что румянец сошел с лица Брюгеля; тот побелел как мел, глаза его дико блуждали. В руке он сжимал дротикомет и зыркал по рубке, словно ища, кого пристрелить. Взгляд замер на Чжау. Ствол дротикомета пошел вверх.

— Сэр, мне кажется, я достучался до одного из своих пилотов.

Абсолютная ложь, но без наглазников Брюгель об этом не узнает.

— Э? — Ствол сдвинулся на долю дюйма. — А, хорошо. Давай, Синь, работай. Твоя голова тут тоже на кону.

Чжау кивнул и отвернулся, сделав вид, что яростно отстукивает команды на мертвой консоли.

За его спиной шел отчаянный поиск способа открыть люк вручную: лихорадочный, бестолковый, пересыпанный бранью… и наконец прозвучала очередь. По рубке разлетелись дротики.

— Черт побери, — пробормотал Брюгель, — этим его не взять.

Судя по звукам, он открывал какой-то шкафчик, но Чжау не поворачивался, делая вид, что поглощен работой.

— Вот. Попробуй эту штуку.

Пауза, потом череда таких громких взрывов, что уши заложило. Боже! Брюгель на мостике звездолета взрывчатку держал?

Сквозь звон в ушах донесся торжествующий рев Брюгеля:

— Вперед, вперед, вперед!

Чжау чуть повернул голову и искоса оглядел рубку позади. Люк остался заперт, но рядом с ним в стене возникла дыра рваных очертаний. От нее в стороны расплывались куски металла и прочий неопознаваемый мусор.

Чжау Синь остался на мостике «Невидимой руки» в полном одиночестве. Он глубоко вдохнул и попытался вникнуть в показания дисплеев. Ритсер Брюгель в одном был совершенно прав:

Чжау рисковал головой.

Уровень мощности двигателей не падал. Чжау глянул на закруглившийся горизонт. Сомнений нет: «Рука» сбрасывала высоту, как и показывал альтиметр, — восемьдесят тысяч метров над уровнем моря. Чжау слышал рев вспомогательных сопел. «Я что, куда-то пробился?» Если получится сориентировать как следует и затем поджечь основное сопло… Нет, они разворачивались не в том направлении! Огромный корабль заносило кормой вперед. Слева и справа в окнах кормового обзора виднелись участки корпуса — угловатые, паутинчато-тонкие конструкции, рассчитанные на потоки межзвездной плазмы, никак не на планетную атмосферу. Их края сияли, распространяя мягкое желтое и красное свечение, подобное каскадам брызг от прибоя. Самые острые края раскалились добела и испарились, но вспомогательные двигатели еще работали, о чем свидетельствовали короткие слитные вспышки. Включались и выключались, включались и выключались. Что бы ни управляло пилотами Чжау, оно отчаянно пыталось сохранить ориентацию «Руки». Без столь точного контроля напор атмосферы на корпус корабля давно бы унес их в неуправляемый штопор, а миллионотонная ап-

паратура разлетелась бы на куски под натиском сил, на которые не была рассчитана.

Сияние расходилось по корме светящимися листками, тускнея только там, где ударная волна разогревала корпус не до точки испарения металла. Чжау перелетел обратно в свое кресло: ускорение медленно и неумолимо нарастало. Четыреста милли-*g*, восемьсот. Но главный двигатель безмолвствовал: это атмосфера планеты разбиралась с кораблем по-свойски.

А потом раздался другой звук. То был не рокот вспомогательных сопел, а густой, нарастающий тон. От жерла главного двигателя до краев корпуса — «Рука» превратилась в исполинскую органную трубу. Звук вздымался и опадал, переходя от аккорда к аккорду: корабль спускался все ниже, продолжая замедляться. Сияние ионизации меркло, тускнело, предсмертная песня «Руки» вздымалась крещендо — и вдруг стихла.

Чжау смотрел в окно кормового обзора на невероятное зрелище. Угловые конструкции корпуса разглаживало и плавило трением. Но «Рука» весила больше миллиона тонн, а пилоты удерживали ее точно ориентированной в потоке воздуха, так что почти вся исполинская масса уцелела.

Ускорение без малого в один *g* вдавило Чжау

в пилотское кресло, действуя почти перпендикулярно прежнему направлению. Это была гравитация планеты. «Рука» напоминала падающий самолет, неслась по небу знамением катастрофы. Высота составляла сорок тысяч метров и плавно снижалась — сто метров за секунду. Чжау глядел на бледный горизонт; под ними проносились ледяные торосы и одиночные холмы льда. Некоторые достигали пятисот метров: лед выдавливало кверху медленным замерзанием океана. Он взялся за консоль, удостоился минуты внимания одного из пилотов и почерпнул некоторую информацию. Им предстояло миновать эту гряду и еще три таких же. За ней, у самого горизонта, тени мельчали… может, это лишь обман перспективы, а возможно, там на иззубренном льду навалено много снега.

По коридорам «Руки» эхом разносились резкие очереди тяжелого дротикомета Брюгеля. Крики, тишина, новые удары — дальше. «Наверное, заблокированы все люки». И Ритсеру Брюгелю приходится взрывать каждый. Вахтмастер по-своему прав: физический уровень он контролирует. Может дотянуться до корпусного оптоволокна, отключить связь с первой точкой Лагранжа. Может «вырубить» уцелевших локаль-

ных неотвязников, если те попробуют «оказать сопротивление».

Тридцать тысяч метров. Тусклое солнце отражалось ото льда, но ни городов, ни искусственных источников света заметно не было. Они падали точно в центр крупнейшего океана планеты пауков. «Рука» шла на скорости более трех махов и продолжала сбрасывать высоту — сто метров за секунду. Интуиция и скудные сведения на панели диагностики подсказывали, что в планету они врежутся на скорости больше скорости звука. Если только… мощность двигателей увеличивалась и дальше… если только не поджечь главное сопло еще раз, в точно рассчитанное мгновение… тогда случится чудо, и они уцелеют. «Рука» так велика, что жерло ее основной воронки и подбрюшье корпуса можно использовать как амортизатор. Их сточит и разметает по километровому тормозному пути, а рубка и каюты экипажа уцелеют. Фам Тринли некогда разглагольствовал о таких случаях.

Ясно было одно: если сейчас Чжау вернут полный контроль над кораблем, со всеми умениями пилотов и собственным мастерством такого маневра он все равно не исполнит.

Они миновали последнюю линию торосов.

Коротко полыхнули вспомогательные сопла, сместив корабль на градус и направив его, словно по собственной воле и в точном знании предстоящего.

У Ритсера Брюгеля оставались считаные секунды для убийств. Рита спасена. Чжау смотрел, как, кувыркаясь, летит навстречу поверхность планеты. Его охватила удивительная смесь чувств: ужас, триумф и облегчение.

— Ты опоздал, Ритсер. Ты опоздал, и все тут.

60

Белга Андервиль редко видала проявления страха или радости такой силы, и никогда — по одному и тому же поводу у одних и тех же участников. Техникам Колдхэвена полагалось бы от радости плясать, когда волна за волной перехватчиков дальнего действия накатывалась на баллистические ракеты Клана, испепеляя или отвращая со своих путей сотни боеголовок врага. Эффективность перехвата приближалась к девяноста девяти процентам. Впрочем, это означало лишь, что еще тридцать ядерных ракет неповрежденными несутся к Аккорду. Разница между уничтожением и более или менее изолированным катаклизмом… и техники жевали пищевые

руки, пытаясь выцелить последние угрозы.

Колдхэвен расхаживал между своих техников. Один из сопровождающих Лайтхилл, внефазный капрал, шел рядом с ним. Генерал ловил каждое слово Рапсы Лайтхилл, следя, чтобы техники эффективно использовали затопившую экраны развединформацию. Белга держалась позади. Сейчас она ничем не могла помочь — разве что не мешать. Викторию Лайтхилл всецело занял какой-то странный разговор с чужаками. Каждые несколько фраз она останавливалась перекинуться словом с братом или техниками Колдхэвена. Наконец, после очередной паузы, глянула на Белгу и застенчиво усмехнулась.

Белга махнула ей в ответ. Эта паучиха не такова, как ее матушка, но эти различия проявляются не там, где это имело бы значение.

Телефон Лайтхилл ожил снова — кто-то свой сравнительно близко?

— Да? Хорошо. У нас тут есть ребята. Может, часов пять… Пап, мы следим. Пятый играет честно. Ты был прав насчет него. Папа? Брент, мы его снова потеряли! Такого не должно было… Пап?

Вертолет Рахнера перестал вилять, уходя зигзагами от погони, но Тракт уже не понимал, где находится. Вертолет сейчас несся на низкой вы-

соте над плоскогорьем, словно утратив интерес к потенциально враждебным наблюдателям наверху. Тракт сидел пассажиром в пилотском кресле и смотрел, как развертывается в небесах сказочное представление. Рядом что-то бессвязно бубнил Шерканер Андерхилл, и под игровым шлемом его мелькали странные сполохи.

Полосы инверсионных следов перехватчиков давно истаяли, но по всему горизонту небо сияло от свидетельств их эффективной работы. «По крайней мере, мы даем сдачи».

Тембр винтового шума изменился. Тракт стряхнул жуткое, уводящее вдаль видение. Вертолет снижался во тьму. Затенив глаза от небесных огней, Тракт увидел, что они заходят на посадку к непримечательной полоске обнаженных скал, холмов и льда.

Посадка вышла жесткая, турбины отключились, вращение винтов замедлилось, и стали видны лопасти. В наступившей тишине кабины закопошился жук-поводырь, настойчиво тычась в дверцу рядом с Андерхиллом.

— Не выпускайте его, сэр. Если потеряем его тут, в жизни потом не найдем.

Андерхилл неуверенно покивал. Он опустил игровой шлем, сполохи сверкнули последний раз

и погасли. Погладил жука-поводыря, запахнул куртку.

— Все в порядке, полковник. Все кончилось. Видите? Мы победили.

Паучара, казалось, нес обычную свою чушь. Но Тракт начинал понимать: Андерхилл спас мир, а безумен он или нет — дело десятое.

— Что случилось, сэр? — спросил он тихо. — Инопланетные чудовища подчинили себе наши сети… а вы подчинили себе чудовищ?

Старый, хорошо знакомый смешок.

— Вроде того. Трудность в том, что не все они чудовища. Были среди них вполне хорошие и умные ребята… и мы чуть друг друга не размазали, строя планы поодиночке. Чтобы все наладить, пришлось заплатить ужасно высокую цену. — Он помолчал секунду, голова его закачалась. — Все будет в порядке, только… я мало что вижу. — Боевой луч чужаков пришелся старому паучаре по голове. На глазах Андерхилла уже набухали пузыри — матово-кремовые, глубокие. — Может, улучите минуточку посмотреть и рассказать мне? — Он ткнул рукой куда-то в небо.

Рахнер подвинулся здоровой стороной тела к южному иллюминатору. Горный отрог мешал обзору, но градусов сто оставалось.

— Сотни боеголовок, сэр, в небе повсюду сверкающие огни. Думаю, это наши перехватчики, они далеко.

— Ха! Бедолаги Нижнимор и Хранк… когда мы ходили во Тьме, видели что-то похожее. Но тогда было значительно холоднее. — Жук-поводырь исхитрился отпереть дверцу, та со щелчком отвалилась, и в кабину потянуло морозным ветерком.

— Сэр… — Рахнер собирался было пожаловаться на сквозняк.

— Да ладно. Мы же здесь ненадолго. Что еще вы видите?

— От мест попаданий расплывается свет. Думаю, ионизация вдоль линий магнитного поля. И… — Рахнеру изменил голос. Было там и кое-что другое, знакомое ему. — Вижу следы от повторных входов в атмосферу, сэр. Десятки следов. Они над головами и к востоку от нас. — Рах видел такое на учениях ПВО. Когда боеголовки наконец проникали в атмосферу, за ними распускался след, подобный лепесткам дюжиноцветного цветка. Даже на испытаниях это вселяло страх: будто боевые руки огромного таранта тянутся к тебе с небес. Десятки следов, а намечалось еще больше. Тысячи ракет удалось перехватить, но

оставшиеся могли уничтожить не один город.

— Не тревожьтесь. — Голос Андерхилла звучал мягко, с ослепшей стороны тела Тракта. — Мои инопланетные друзья позаботились о них. Эти боеголовки сейчас — просто высохшие коконы, несколько тонн радиоактивного мусора в каждом. Не слишком приятно, если тебе такое свалится на голову, но в остальном угрозы никакой.

Рахнер поворачивался, озабоченно глазея на следы в небе. «Мои инопланетные друзья позаботились о них».

— А как на самом деле выглядят эти монстры, Шерканер? Можно ли им доверять?

— Хе-хе. Доверять? Странный вопрос для разведчика. Моя генерал никогда им не доверяла, во всяком случае большинству. Я почти двадцать лет изучал этих *людей*, Рахнер, как они себя называют. Они странствуют в космосе уже сотни поколений. Так много видели, так много совершили… Бедняги воображают, что изведали пределы возможного. Они вольны летать меж звезд, но воображение их сковано прутьями клетки, незримой им самим.

Сияющие полосы рассекали небо. Большая часть следов уже померкла, смещаясь в дальнюю

красную область или за пределы видимости. Две полосы сошлись у горизонта, вероятно на пусковом поле Верхней Экватории. Тракт выжидал, затаив дыхание.

За его спиной Андерхилл пробормотал нечто вроде:

— Ах, милая моя Виктория, — и после этого замолчал.

Тракт напрягался, разглядывая северную цель. Если боеголовки все еще активны, взрывы будет видно даже из-за горизонта. Миновало десять секунд. Тридцать. Тишина. Холод. На севере ничего, кроме звездного света.

— Вы были правы, сэр. Это всего лишь падающий мусор, я… — Рахнер развернулся, потому что до него вдруг дошло: в кабине слишком уж холодно.

Андерхилл исчез.

Тракт рванулся через кабину к полуоткрытой дверце.

— Сэр, куда вы? Шерканер!

Он заспешил вниз по трапу, вертя головой из стороны в сторону, — куда запропастился Андерхилл? Стоял штиль, и воздух был так холоден, что, казалось, резал легкие. Без дыхательного аппарата с подогревом он обморозит их за счи-

таные минуты.

Вон там! В дюжине ярдов от вертолета, в месте, затененном от звезд и небесного сияния, — два пятна в далеком красном участке спектра. Андерхилл ковыляет за Моби. Жук-поводырь бережно тянул его за собой, на каждом шагу ощупывая склон холма длинными руками. Инстинктивное поведение животного, бессильного перед холодом: зарыться поглубже, найти эффективную глубину. Здесь же, в безвестной глуши, шансов выжить никаких. И часа не пройдет, как поводырь вместе с хозяином погибнут от обезвоживания тканей.

Тракт скатился по трапу, вопя на Андерхилла. Над его головой стали раскручиваться винтовые лопасти. Тракта омыло потоком холодного воздуха, он съежился. Винт набирал обороты, лопасти начинали давать тягу. Тракт повернулся и залез обратно в кабину. Лихорадочно забарабанил по панели автопилота, отключая все, что можно.

Не помогло. Турбины набрали подъемную силу, вертолет поднялся в воздух. Он успел еще бросить прощальный взгляд туда, в тень, скрывшую Шерканера Андерхилла. Потом машина повернула к востоку, и место это осталось позади.

61

Обыкновенно пробоины в тесных емкостях ведут к смерти. Быстрой смерти. Томаса Нау поневоле спас один из его телохранителей. Когда корпус начал плавиться, Тун как раз отстегнулся и рванул к люку. Вакуум через пробоину вцепился во всех, и первым делом — в Туна, который не был пристегнут и оказался ближе остальных к дыре. Его унесло в проплавленную брешь головой вперед и засосало по бедра.

Киви каким-то образом удалось удержаться у заклинившего люка шлюпки. А потом еще и открыть люк, ведущий в первую точку Лагранжа-А. Киви развернулась, схватила отца и протолкнула его в люк. Одним плавным, почти танцевальным движением. Не успел Нау толком среагировать, как она повернулась во второй раз, зацепилась ногой за изгиб стены и потянулась к нему — царапнула рукав кончиками пальцев. Захватила, осторожно подтянула к себе, и он подплыл к ней. Потом она его перехватила уже сильней и протолкнула в безопасный шлюз.

«Я в безопасности. А пять секунд назад думал, что сдохну». Громко шипел утекающий воздух. В любой момент поврежденная кромка стыковоч-

ного шлюза могла отскочить.

Киви полезла обратно.

— Я за Марли и Сиретом.

— Да, давай!

Нау вернулся к люку и выругал себя за то, что в неразберихе обронил дротикомет. Он заглянул в шлюпку. Один из телохранителей был, несомненно, мертв: ноги Туна даже не дергались. Марли, скорее всего, тоже погиб, — во всяком случае, он без сознания, хотя Киви и пыталась их с Сиретом вытащить. Через секунду она это и сделает: быстро и эффективно, как помогла ему с Али Лином. Киви становилась слишком опасна. У него сейчас последняя возможность избавиться от нее…

Нау пихнул люк, ведущий из первой точки Лагранжа-А. Стыковочное кольцо плавно провернулось в потоке воздуха, и люк захлопнулся с грохотом, от которого уши заложило. Пальцы Нау затанцевали над панелью доступа, вводя код расстыковки на случай ЧП. По ту сторону бухнул выхлоп выходящего газа, металл зазвенел о металл. Нау представил себе, как безвоздушная шлюпка дрейфует прочь от люка. «Пускай Фам Нювен потренируется в пальбе по мертвым».

Давление в шлюзе быстро выросло до нормального. Нау толкнул внутренний люк и просунул

в коридор за ним Али Лина. Полуживой старик что-то бессвязно бормотал. По крайней мере, хоть кровотечение остановилось. «Только не подыхай тут у меня на руках, блин!» Али сейчас — бесполезная нагрузка, но в долгосрочной перспективе — клад. Без него все обойдется значительно дороже.

Нау бережно пронес Али вверх по длинному коридору. Стены вокруг были зеленые, пластиковые. Охраняемая кладовка «Общего блага». От неправильной формы ее здесь проку мало, а единственная польза нынче — в монолитной конструкции и броне: несколько метров композита с точкой плавления выше, чем у вольфрама. Любая огневая мощь, какую успел заполучить Фам Нювен, против него бессильна.

Еще несколько дней назад на складе хранилось почти все тяжелое вооружение, уцелевшее в системе В(ы)ключенной. Теперь кладовая почти опустела: ее выскребли подчистую, оснащая «Невидимую руку». Не важно. Нау очень внимательно проследил, чтобы тут осталось достаточно ядерного оружия. Если понадобится, он сыграет в старую-престарую игру по управлению тотальной катастрофой.

И что отсюда еще можно выскрести? Он, в об-

щем-то, понятия не имел, чем распоряжается Фам Нювен. На миг Нау сотрясла дрожь. Всю свою жизнь он изучал таких людей — и вот оказался противником одного из них. «Но если сумею победить, превзойду их всех». Еще дюжина задач на повестке дня, а времени — считаные секунды. Нау отпустил Али, того медленно закрутило в микрогравитации астероида. Комм и наглазники с настройкой на локальную сеть были закреплены у двери. Он отцепил их и дал несколько коротких команд. Автоматика тут примитивная, но сработает. Он теперь мог выглянуть из укрытия. База коробейников поднялась высоко над местным горизонтом. Шлюпок не видно, как и атакующих астероид бойцов в скафандрах.

Он пересек открытое пространство и отстегнул небольшую ядерную торпеду. Флажок в углу поля зрения: звонок в Хаммерфест принят. Узор из колец исчез, раздался голос Фама:

— Нау?

— С первого раза угадали, сэр.

Нау пронес бомбу к пусковой установке, которую Каль Омо присобачил тут не далее как тридцать пять дней назад. Тогда этот шаг казался маниакальной предосторожностью, а сейчас — его последним шансом.

— Пора вам сдаваться, вахтмастер. Мои силы контролируют весь космос вокруг первой точки Лагранжа. Мы…

В голосе Фама звучала спокойная уверенность. Ничего общего с привычной буффонадой прежнего Фама Тринли. Нау сразу представилось, как обычные люди покоряются приказам этого человека. Но Томас Нау сам был профи и без труда перебил его:

— Напротив, сэр. В моем распоряжении — единственная достойная внимания сила.

Он коснулся контрольной панели рядом с пусковым стволом. Сжатый воздух с громким хлопком вышел через дальний конец, очистив дуло от снега.

— Я запрограммировал и подготовил к запуску тактический ядерный снаряд. Моя цель — времянка коробейников. Оружие стачано на скорую руку, но, несомненно, достаточно эффективно.

— Вы этого не сделаете, вахтмастер. Там три сотни ваших собственных подручных.

Нау вежливо рассмеялся:

— Очень даже сделаю, если понадобится. Я многого лишусь, да, но у меня еще останется немного людей в анабиозе. Я… постойте, а вы и вправду Фам Нювен?

Вопрос слетел с его губ почти помимо воли.

После паузы Нювен ответил отсутствующим тоном:

— Да.

«И ты со всем справился один, не так ли?» Теперь понятно. Обычный заговор удалось бы раскрыть много лет назад. А это всего лишь Фам Нювен и Эзр Винь — с самого начала. Нювен обладал упорством человека, в одиночку тянущего фургон через материк, и едва не преуспел.

— Для меня честь повстречаться с вами, сэр. Я изучал вас долгие годы.

Не переставая говорить, Нау вызвал сводку диагностических показателей торпеды. Потом взглянул прямо в ствол: чисто.

— Вероятно, вы допустили только одну ошибку: не до конца разобрались в этосе вахтмастеров. Видите ли, мы, вахтмастера, взращены катастрофой. Катастрофа подпитывает нас, дарует внутренние силы. Если я уничтожу базу, операция, проводимая мной в первой точке Лагранжа, сильно пострадает. Но мое личное положение *улучшится*. У меня еще останется астероид. У меня останется еще много неотвязников. У меня останется «Невидимая рука».

Он отвернулся от пускового ствола. Осмотрел

кладовую и пересчитал оставшиеся торпеды. Возможно, придется взорвать еще и Аттик Хаммерфеста. Такого он и в самых скверных планах на случай ЧП не закладывал. Может, получится проделать это так, чтобы некоторые неотвязники уцелели. Частью сознания он с любопытством ожидал ответа Фама Нювена. Утратит ли он самообладание, как обычный человек, или проявит качества подлинного вахтмастера? Ответ прояснит пределы моральной слабости Фама Нювена.

Внезапно кладовую огласило эхо металлического треска. Али Лина уже унесло так далеко к противоположному концу, что Нау его не видел, но звук исходил оттуда, повторялся снова и снова, будто миллион металлических пластинок колотился друг о друга. Внутренний люк? Нижняя точка укрытия. Нау неслышно переместился к выходу в коридор.

Грохот заглушил голос Фама Нювена:

— О, вахтмастер, вы ошибаетесь. Нет у вас…

Нау провел рукой в воздухе, отключая звук, и осторожно подался вперед. Пролистал видеоленту с камер наблюдения. Ничего. Примитивная автоматика — проклятие и благословение одновременно. Ладно. Что там с оружием? Есть тут что-нибудь попроще ядерной торпеды? База дан-

ных на такие банальные запросы не отвечала. Он пустил по наглазникам каталог кладовой и перелетел ближе к стене, по-прежнему не высовываясь в коридор. Клацающий скрежет и удары продолжались. А, да это ж сервомеханизмы озерного дна, их шум передается по туннелю! Слишком уж громкие фанфары приветствуют лазутчика.

А вот и он сам. Явился не запылился.

— Господин Винь! Я уж думал, вы утонули.

Вид у Виня был неважнецкий, лицо — бледное как тесто. Ран от дротикомета не заметно. «Нет, это он одну из моих курток утащил». Куртка была полностью надута, подвернута и разглажена, но правая рука Виня едва заметно обвисала и казалась вывихнутой. Винь осторожно удерживал Али, перебросив того через левое плечо. Он глянул на Нау и от ненависти, такое впечатление, вдруг сделался осторожней.

Больше незваных гостей с нижнего конца склада не появилось. А поиск в каталоге, затеянный Нау, окончился: в шкафчике сразу за его спиной еще три дротикомета! Нау с облегчением выдохнул и улыбнулся коробейнику:

— Достойная попытка, господин Винь. — Несколько секунд разницы, и Винь добрался бы

сюда первым; это была бы реальная засада. А теперь он безоружен, одна рука не работает — он слабее котенка. Томас Нау стоял между ним и дротикометами. — Но боюсь, у меня нет времени на разговоры. Пожалуйста, отпустите Али.

Он говорил спокойно, не сводя глаз с парочки. Левая рука скользнула к ящику с оружием. Может, удастся заговорить Виню зубы и разобраться с ним чисто.

— Томас!

Сверху, у входа на склад, появилась Киви.

На миг Нау оцепенел. У нее из носа текла кровь, кружевное платье было чем-то заляпано и разорвано. Но она была жива. Наверное, расстыковка не удалась оттого, что люк шлюпки сбойнул. Если шлюпка не отстыковалась, шлюз с этой стороны просто не закроется… и каким-то образом она пробралась сюда.

— Нас заблокировало, Томас. Замок заглючил.

— Да! — с неподдельным отчаянием воскликнул Нау. — Он захлопнулся, и я услышал продувку. Я… я думал, ты погибла.

Киви спустилась с потолка, пихнув тело Рэя Сирета к ближайшему упору. Охранник, возможно, и жив, но толку от него сейчас никакого.

— Ты… прости, Томас. Я Марли не спасла.

Она поплыла было через помещение — обнять его, но в движениях Киви сквозила неуверенность.

— С кем ты говоришь? — Тут она увидела Эзра и Али. — Эзр?

Хоть раз повезло: видок у Виня что надо, надутая куртка перепачкана кровью, как мясницкий фартук, и кровь эта — Али. За спиной Виня, из разгромленного парка, продолжало бухать. Коробейник, задыхаясь, прохрипел:

— Первая точка… наша, Киви. Кроме нескольких громил Нау, мы никого не убили… — («А ведь ее отец у него на руках, в крови!») — Нау тебя использует, как обычно. Только теперь он хочет нас всех убить. Оглянись кругом! Он же собрался взорвать времянку ядерной торпедой!

— Я… — Но Киви огляделась. Нау не понравился ее взгляд.

— Киви, — сказал Нау, — посмотри на меня. Нам противостоит та же группа, которая подстроила теракт Джимми Дьема.

— Это ты убил Джимми! — заорал Винь.

Киви утерла окровавленный нос тонкой белой тканью отворота платья. На миг она показалась ему очень молодой и потерянной, как и в тот день, когда он впервые взял ее. Она уперлась но-

гой в пристенный захват и повернулась к нему, о чем-то размышляя. Надо было выиграть время, всего пару секунд.

— Киви, ты подумай, кто это говорит! — Нау ткнул в сторону Виня и Али Лина. Он жутко рисковал, отчаянно манипулируя ею. Но ведь сработало! Она и вправду чуть отвернулась, взгляд ее сместился немного в сторону. Он просунул руку в ящик, пошарил там в поисках дротикомета.

— Киви, ты подумай, кто это говорит! — Нау ткнул в сторону Виня и Али Лина. Бедняжка Киви и вправду чуть повернулась посмотреть на них. Эзр увидел, как за ее спиной по лицу Томаса Нау скользнула усмешка. — Ты знаешь Эзра. Он пытался убить твоего отца в Северной Лапе: думал, что до меня через него доберется. Будь у него нож, он бы сейчас уже резал твоего отца на куски. Ты же знаешь, что за садист Эзр Винь. Помнишь, как он тебя избил? Помнишь, как я тебя потом выхаживал?

Слова предназначались Киви, но били по Эзру, как таранные щиты: страшная правда вперемешку с мерзким враньем.

Киви мгновение не шевелилась. Но потом кулаки ее сжались, плечи поникли, будто под жуткой тяжестью. И Эзр подумал: «Сейчас Нау победит,

а виноват буду я». Он усилием воли вырвался из обволакивающей серой мглы и последний раз взмолился:

— Не ради меня, Киви! Ради остальных! Ради твоей матери! Пожалуйста! Нау тебе врал сорок лет. Каждый раз, как ты узнавала правду, он тебе мозги промывал. Снова и снова. И ты никогда не запоминала.

На лице Киви возникло выражение дикого ужаса, смешанное с узнаванием.

— Не-ет, теперь-то я *запомню*!

Она развернулась к Нау, который как раз вытаскивал что-то из ящика за спиной, и врезала ему локтем по грудине. Раздался треск, с каким ломаются сухие ветки; Нау отбросило от шкафчика и закрутило в пустоте. За ним поплыл дротикомет. Нау рванулся к нему, но ему не хватало нескольких сантиметров, а оттолкнуться было не от чего — вокруг только воздух.

Киви отделилась от стены, вытянула руку и перехватила дротикомет. Нацелила ствол вахтмастеру в голову.

Медленно вращаясь, Нау извернулся бросить взгляд на Киви. Он открыл рот, где на любой случай была припасена убедительная ложь:

— Киви, ты же не мож… — начал он, но потом,

наверное, заметил выражение на лице Киви. Нерушимую холодную надменность, которую Эзр наблюдал полжизни, с Нау как ушатом воды смыло. Голос его упал до шепота. — Нет, нет…

У Киви тряслись голова и плечи, но слова были тверды как камень:

— Я помню.

Она сдвинула прицел с лица Нау ниже, еще ниже… и дала длинную очередь. Крик Нау перешел в истошный вопль и оборвался: удар развернул его и подставил под новые дротики голову.

62

Сначала было очень темно, а потом появился свет. Она воспарила ему навстречу. «А кто я?» Ответ сопровождала вспышка ужаса: «Анне Рейнольт».

Воспоминания. Отступление в горы. Последние дни игры в прятки: балакрейские оккупанты выкуривают повстанцев изо всех пещер. Предатель, разоблаченный слишком поздно. Последних ее бойцов уничтожили с воздуха. Она сама на склоне горы, в окружении балакрейских десантников. Прохладный утренний воздух вонял паленой человечиной, но враги больше не стреляли. Потому что ее хотели взять живой.

— Анне?

Голос мягкий, заботливый. Голос палача, создающего настроение для пытки пострашнее прежней.

— Анне?

Она открыла глаза. Ее окружала балакрейская пыточная аппаратура: Анне видела это периферическим зрением. Все именно так ужасно, как она себе представляла, только в невесомости. «Пятнадцать лет, как они захапали наши города. Почему в космосе?»

В поле зрения вплыл инквизитор. Он был черноволос, с лицом ни молодым и ни старым, типично балакрейской внешности. Вероятно, вахтмастер. Он носил странную фрактильную куртку: такой одежды Анне на вахтмастерах никогда не видала. Лицо его выражало притворную тревогу. «Дурак. Переигрываешь». Он опустил ей на колени букет белых цветов с таким видом, словно преподнес дар. Цветы пахли утраченным теплым летом. «Должен быть способ убить себя. Должен». Руки ей, разумеется, связали. Но если он наклонится достаточно близко, можно его укусить. Если он достаточно для этого глуп…

Он потянулся к ее плечу, тронул. Анне вывернулась и куснула вахтмастера за руку. Он дернулся,

отлетел, оставив по себе цепочку красных шариков. Не так глуп, впрочем, чтоб ее за это убить на месте. Глянул на кого-то, скрытого аппаратурой.

— Трад! Какого хрена? Что ты с ней сделал?

Она услышала странно знакомый ноющий голос.

— Ну, Фам, ну я же говорил, это сложная процедура. Без ее руководства мы не можем быть уверены… — Обладатель голоса высунулся из укрытия. Коротышка в униформе балакрейского техника явно нервничал, глаза его полезли на лоб, стоило ему заметить цепочку кровяных шариков. Взгляд техника метнулся к Анне, и она увидела, что коротышка напуган до смерти. Это было приятно и неожиданно.

— Мы с Алем что могли, то сделали. Надо было подождать Била… Ну послушай, может, у нее просто временная амнезия?

Другой, тот, что постарше, полыхнул гневом, но тоже, видать, напугался.

— Я просил ее расфокусировать, а не промыть ей мозги!

Коротышка, которого звали Трад… Трад Силипан… отплыл подальше.

— Не тревожься. Уверен, она поправится. Мы не трогали структур памяти, клянусь тебе. — Трад

бросил на нее еще один перепуганный взгляд искоса. — Возможно… не знаю, возможно, расфокусировка прошла нормально, но мы имеем дело с какой-то разновидностью подавления болезненных воспоминаний. — Он подлетел чуть ближе, стараясь держаться вне досягаемости ее рук и зубов, и опасливо улыбнулся. — Начальница? Вы меня помните? Я Трад Силипан. Мы много лет на вахтах работали, а перед тем — на Балакрее, на службе у Алана Нау. Вы разве не помните?

Анне уставилась в его круглое нервно-улыбчивое личико. Алан Нау… Томас Нау… «Господи ты боже мой!» Она проснулась для новой порции нескончаемого кошмара. Пыточные ямы. Фокус. Вся жизнь в подчинении врагу.

Лицо Силипана расплылось, а голос неожиданно повеселел.

— Ты видишь, Фам? Она плачет. Она вспоминает!

«Да. Всё».

Голос Фама Нювена налился новым гневом:

— Трад, пшел отсюда. Понял? Убирайся.

— Но это легко проверить. Можем…

— *Проваливай!*

После этого она Силипана больше не слышала. Мир сполз в пучину боли. Она разрыдалась, за-

быв, как дышать и чувствовать.

Потом ощутила, как ее берут за плечи, и на этот раз поняла, что коснулся ее не палач.

«Кто я? Легкий вопрос. На самом деле вот как надо спросить: что я такое?»

Еще несколько секунд удавалось об этом не думать, но затем воспоминания хлынули неостановимым потоком. Память о чудовищном зле, содеянном ею с того дня в горах над Арнемом.

Она сбросила руку Фама и стала вырываться из пут.

— Прости, — пробормотал тот. Ремни, клацнув, отстегнулись. Это не важно. Она свернулась в клубок, едва сознавая его попытки ее утешить. Он говорил с ней простыми словами, снова и снова пробуя до нее достучаться.

— Анне, все в порядке. Томас Нау мертв. Он уже несколько дней как мертв. Ты свободна. Мы все свободны…

Через некоторое время он сдался и умолк. Только прикосновение руки к плечам выдавало его присутствие. Раздиравшие душу слезы иссякли. Страха больше не было. Самое скверное уже произошло, повторялось снова и снова, а то, что от нее осталось, не более чем выскобленная мертвая оболочка.

Шло время.

Она чувствовала, как тело ее понемногу расслабляется, тесный клубок распутывается. Она принудила себя открыть крепко зажмуренные глаза, заставила себя развернуться и посмотреть Фаму в лицо. Ее же лицо *болело* от слез, но ей хотелось умножить эту боль в миллион раз.

— Ты… какого черта ты меня вернул? Дай мне умереть.

Фам тихо, широко раскрытыми и внимательными глазами смотрел на нее. Буффон, в котором она всегда подозревала подставного персонажа, исчез. Его место занял человек умный, проницательный… восхищенный ею? Нет, невозможно. Он потянулся к ней и вернул на колени букет белых анделиров. Теплые, пушистые на ощупь цветы, черт бы их побрал, красивые. Было похоже, что он обдумывает ее просьбу, но затем Фам помотал головой:

— Тебе еще нельзя, Анне. Тут свыше двух тысяч фокусированных осталось. Ты, Анне, можешь освободить их. — Он жестом обвел аппаратуру для фокусировки у нее за спиной и над головой. — У меня такое чувство, что Аль Хом, работая над тобой, в рулетку играл.

«Я могу их освободить». Первый проблеск света

за все годы с того утра в горах. Наверное, выражением лица она это выдала, потому что на губах Фама мелькнула улыбка надежды. Анне почувствовала, как у нее сузились глаза. Она не хуже балакрейцев умела фокусы выкидывать. Она знала их все, умела перенаправлять чувство верности.

— Фам Тринли… Фам-как-тебя-там-на-самом-деле… я за тобой много лет следила. Почти с самого начала я подозревала, что ты строишь заговор против Томаса. Но я видела, как нравится тебе фокус. Ты соблазнился властью, даруемой им?

Улыбка погасла на его лице, он медленно кивнул:

— Я видел… видел, что могу получить: то, на что положил жизнь. А в конце концов понял, что цена слишком высока.

Он пожал плечами и потупился, словно пристыженный. Анне задумчиво смотрела ему в лицо. Когда-то даже Томасу Нау не удавалось ее обмануть. Когда Анне сфокусировали, ум ее стал отточен, как лезвие бритвы, лишился стремления к самообману и увлечений, но знание истинных намерений Томаса было для нее не более важно, чем для секиры знание о том, что ею пользуются как орудием убийства. Теперь она не была так

уверена. Этот человек мог солгать, но он просит у нее то, чего она жаждала более всего на свете. А потом, возместив долги, которые еще можно вернуть, она вольна будет наконец умереть. Она пожала плечами, имитируя его жест:

— Томас Нау солгал тебе насчет расфокусировки.

— Он много о чем лгал.

— Я справлюсь лучше Трада Силипана и Била Фуонга, но потери неизбежны. — Величайший ужас из всех: некоторые будут проклинать ее за то, что она их освободила.

Фам потянулся к ней поверх букета и взял за руку.

— Хорошо. Но ты уж постарайся.

Она опустила взгляд на его руку. Оттуда, где в плоть ладони вцепились ее зубы, все еще сочилась кровь. Он, скорее всего, лжет, но если позволит расфокусировать остальных… «Подыграй ему».

— Ты сейчас всем тут рулишь?

Фам хмыкнул:

— Хотелось бы так сказать, но мнение пауков явно значит больше. Все очень сложно, хаос пока не унялся. Четыреста килосекунд назад всем заправлял Томас Нау. — Улыбка его расплылась

шире, стала энергичней. — Но когда пройдет еще сто, двести килосекунд, полагаю, ты начнешь замечать признаки возрождения. Мы починим корабли. Черт, да мы, может, вообще новые построим! Я никогда еще с таким раздольем возможностей не сталкивался.

«Просто подыграй ему».

— И чего ты от меня хочешь?

«Сколько еще времени пройдет, прежде чем ты меня сфокусируешь обратно и сделаешь своей игрушкой?»

— Я… просто хочу тебя освободить, Анне. — Он отвел глаза. — Я знаю, кем ты была раньше, Анне. Я видел записи о том, как ты сражалась на Френке, о том, как тебя захватили в последнем бою. Ты мне напоминаешь одного человека… из моего детства. Она тоже столкнулась с непреодолимой силой и была раздавлена. — Он смотрел на нее вполоборота. — Были времена, я боялся тебя больше, чем Томаса Нау. Но с тех пор как я узнал, что ты и есть Френкийский Орк, я молился, чтоб тебе был дарован еще один шанс.

Отличный лжец. Плохо только, что речь его слишком льстива, до наглости напориста. Она поддалась искушению заострить разговор:

— Значит, через несколько лет у нас снова бу-

дут исправные звездолеты?

— Да. И вероятно, лучше тех, что были. Ты знаешь, что мы здесь наткнулись на новую физику. Похоже, есть и другое…

— Ты станешь командовать этими кораблями?

— Несколькими.

Он кивал, продолжая ей поддакивать в надежде одурачить.

— Ты всего лишь хочешь мне помочь, понимаю. Мне, Френкийскому Орку. Ну что ж, сэр, ваше предложение уникально. Одолжите мне эти корабли. Отправляйтесь со мной на Балакрею, Френк и Гаспр. Помогите мне освободить *всех* фокусированных.

Забавно было видеть, как улыбка застыла на губах Фама, когда она обрушила на него эти слова.

— Ты хочешь, чтоб мы атаковали межзвездную империю — империю, вооруженную фокусом, располагая горсткой кораблей? Это… — Он явно не нашел слов для описания дерзости столь безумной и просто уставился на нее. Потом, как ни удивительно, улыбка вернулась. — Это великолепно! Анне, дай мне время на подготовку, чтоб я успел заключить союзы. Дай мне, скажем, дюжину ваших лет. Может, мы не сумеем одолеть их, но, клянусь, мы попытаемся.

Чего бы она ни просила, он соглашался. Наверняка это уловка. Но если он не лжет, у нее есть ради чего жить. Она взглянула Фаму прямо в глаза, пытаясь поймать его на лжи. Возможно, небывалая острота ее ума и отнята расфокусировкой, но как бы глубоко она ни заглядывала в его душу, видела там лишь искренний энтузиазм, смешанный с восторгом.

«Он гений. И лжет он или нет, на двенадцать лет он в моей власти».

На мгновение она позволила себе расслабиться и поверить ему. Всего лишь на миг она вообразила, что этот человек говорит правду.

Тогда Френкийский Орк еще попытается освободить всех.

Из глубин ее сердца поднялась странная дрожь, пронизавшая все тело. Она не сразу поняла, что это за чувство, ибо очень давно не испытывала его: радость.

63

Для переговоров Фам отрядил на планету Эзра Виня.

— А с чего бы вдруг я, Фам?

Самая необычная ситуация в истории человеческой торговли, а тут еще война на носу.

— Тебе следует…

Нювен взмахом руки прервал его:

— На то есть причины. Тебе пауки знакомы лучше, чем кому бы то ни было из нефокусированных, и уж точно лучше моего.

— Я мог бы остаться здесь. Помочь тебе.

— Нет уж, лучше *я* тебе помогу. — Пауза, и, как показалось Эзру, тревожная. — Ты прав, сынок, это нелегкое задание. В ближайшее время кнут у них, а причин разбрасываться пряниками маловато. Мы считаем, что фракция Лайтхилл сохранила влияние на короля, но…

В руководстве Аккорда существовали и другие. Некоторые из них придерживались мнения, что за фокусированных переводчиков можно поторговаться, как за любой товар.

— Именно поэтому очень важно, чтобы ты присутствовал, Фам.

— Это не обсуждается. Видишь ли, твое присутствие оговорили особо.

— Что-о?

— Ага. Думаю, после стольких лет работы с Триксией они полагают, что хорошо изучили тебя. — Усмешка. — Захотели познакомиться поближе.

Ну да, это можно понять.

— Хорошо. — Он поразмыслил. — Но Триксию я им не отдам. Я спущусь туда с каким-нибудь другим переводчиком. — Он посмотрел на Фама. — Она звезда своего дела; команда Андервиль с охотой наложит на нее лапы.

— Гм. Возможно, внизу того же мнения. Король попросил отослать с тобой Цзиньминя. — Он уловил выражение на лице Эзра. — Еще что-то?

— Я… да. Я требую, чтобы Триксию расфокусировали. И поскорее.

— Конечно. Я обещал. И Анне дал такое же обещание.

Эзр некоторое время смотрел на него. «Ты изменился внутренне, оставил былую мечту». После всего, что они прошли вместе, Эзр не мог в этом сомневаться. Но терпение его лопнуло.

— Перемести ее в голову очереди, Фам. Мне плевать на ваши переводы. Подвинь ее туда. Я хочу, чтобы к моему возвращению ее расфокусировали.

Фам поднял бровь:

— Это ультиматум?

— Нет… да!

Старик вздохнул:

— Ладно, твоя взяла. Мы немедленно начнем работу над Триксией. Я… я должен признать, что

переводчиков мы пока попридержали. Мы слишком нуждаемся в них. — Он закусил губу. — Не ожидай чудес, Эзр. Нау в этом лгал — как и почти во всем остальном. Некоторых после расфокусировки удается восстановить почти до уровня Анне. Некоторых…

— Да *знаю* я! — Некоторые впадали в вегетативное состояние: после запуска расфокусировки мозговая гниль начинала бесконтрольно разбегаться. — Рано или поздно мы все равно обязаны попытаться. Рано или поздно тебе придется отказаться от их услуг.

Он оттолкнулся от пола и вылетел прочь из офиса Фама. Если это перетирать дальше, будет только хуже.

Для путешествия на Арахну им предоставили скромное транспортное средство — десантную шлюпку Чжау Синя, куда наспех загрузили переписанные под Киви программы. Человечество обладало высокими знаниями и остатками высоких технологий, а вот физических ресурсов или автоматики остались драгоценные крупицы. После расфокусировки неотвязников авральные программы превратились в мусор — и пока автоматику Чжэн Хэ не приспособят к мешанине гибридного оборудования в первой точке Ла-

гранжа, так тому и быть. Они застряли в почти пустынной звездной системе, где единственным источником индустриальной поддержки могла служить эта планета, Арахна. Можно обрушить на нее несколько астероидов, ударить парой боеголовок, но не более. Почти все клыки у людей вырваны. Пауки тоже обезоружены, но все может перемениться достаточно быстро: теперь им известно о присутствии захватчиков и они знают, на что способна их техника. «Невидимая рука» по большей части уцелела, рано или поздно пауки ее приспособят под себя и прибудут сюда во всеоружии. Фам полагал, что у людей около года в запасе, чтобы установить подобие доверительных отношений. Киви утверждала, что, уродись *она* паучихой, управилась бы быстрее.

В осевом коридоре временной базы яблоку негде было упасть: Эзр и Цзиньминь открывали люк транспортного ангара. Почти все нефокусированные первой точки Лагранжа прибыли на проводы.

Фам и Анне тоже явились. Они держались рядом, Эзр Винь в прошлые годы и представить себе не мог бы такой пары.

— Мы начали расфокусировку, — сказала Анне. Не было нужды уточнять, чью именно. — Мы

сделаем что сможем, Эзр.

Киви пожелала ему удачи — такой серьезной он ее никогда еще не видел. На миг ее, казалось, обуяла неуверенность, но затем она крепко пожала его руку: такого за ней раньше тоже не водилось.

— Эзр, ты там береги себя, а?

Откуда-то возникла Рита Ляо и протолкалась вперед, прямо к люку. Она загородила ему путь. Эзр потянулся ее успокоить.

— Рита, я вернусь с твоим Чжау.

«Я сделаю что смогу», — добавил он мысленно, однако вслух высказать сомнения не отважился.

Глаза у Риты были красные, заплаканные. С момента их разговора — несколько килосекунд назад — ей явно стало еще хуже.

— Я знаю, Эзр. Я знаю. Пауки хорошие. Они поймут, что Чжау не желал им зла. — Она большую часть жизни провела зачарованная Арахной, но вера в точность перевода теперь зашаталась. — Но если они не позволят… пожалуйста, отдай ему… это. — Она вложила ему в ладонь прозрачную коробочку. Замок был дактилоскопический, вероятно закодированный на отпечаток Чжау Синя. Внутри Эзр заметил украшение с ментокристаллом. Рита замолчала и растворилась в толпе.

64

Путь до Ставки отнял двести килосекунд. Пауки отвезли их туда длинным наземным путем, через ущелье. В мозгу Эзра проплывали странные воспоминания. Многие сооружения тут показались ему новыми, но… «Я же побывал тут еще до того, как все началось». Тогда ему все казалось непостижимым. Теперь же все объекты покрылись эдаким информационным лоском. Цзиньминь Брут метался между окон, вне себя от восторга, и называл все, что ему попадалось на глаза. Вот они проехали библиотеку, куда Эзр с Бенни Вэнем когда-то вломились. Музей Тьмы. И статуи в начале Королевской Дороги: Гокна слагает Аккорд. Цзиньминь мог бы рассказать о значении каждой из прихотливо выгнутых фигур.

Сегодня, однако, они не шныряли тут украдкой, пока местные спят. Сегодня путь был ярко освещен, и когда наконец настало время спускаться в подземелье, там оказалось пустынно и непривычно, как в кошмарах Ритсера Брюгеля про пауков. Лестница крутая, как будто пожарная, а потолки такие низкие, что Эзру и Цзиньминю приходилось пригибаться в переходах. Вопреки тысячелетиям генной инженерии и воздействию

древних лекарств, гравитация планеты давила на них, отягощая непривычным грузом. Им отвели покои, которые Цзиньминь назвал по-королевски роскошными: пол в комнатах был застлан чем-то вроде волосяных ковров, а потолки высокие, можно встать во весь рост. На следующий день начались переговоры.

Пауки, которых гости знали по переводам, показывались редко. Белга Андервиль, Элно Колдхэвен — эти имена Эзру были знакомы, но близко их обладатели не подходили. Они не участвовали в контроперации Шерканера Андерхилла, но, вероятно, консультировали Викторию Лайтхилл. Андервиль в продолжение переговоров то и дело удалялась обменяться шипящими репликами с невидимыми собеседниками.

Проведя тут пару дней, Эзр понял, что есть среди этих собеседников и очень *далекий* участник: Триксия. Возвратясь к себе в апартаменты, Эзр вызвал первую точку Лагранжа. Конечно, сигнал проходил по контролируемой пауками сети. Эзру было начхать.

— Ты же мне сказал, что Триксию увезли на расфокусировку.

Пауза отняла значительно больше десяти секунд. Эзру вдруг опостылели всякие отговорки

и извинения.

— Ты меня слышишь или нет, черт бы тебя побрал? Ты же обещал, что ее расфокусируют. Рано или поздно тебе придется от нее отказаться!

Голос Фама вернулся:

— Знаю, Эзр. Проблема в том, что на ее присутствии — в фокусе — настояли пауки. Или так, или никак. Представь, что после расфокусировки Триксия отказывается с нами сотрудничать. И как дальше? Заставлять ее?

— Да мне наплевать, ты понял? Наплевать! У них нет на нее прав, как не было у Томаса Нау!

Он задохнулся от ярости и чуть не взвыл. У дальней стены сидел Цзиньминь Брут, с видом таким счастливым, какой только доступен неотвязнику. Сидел, скрестив ноги, на волосяном ковре и листал детскую книжку с картинками для паучат. «Мы и его используем. Мы должны так с ним поступать — еще некоторое время».

— Эзр, это ненадолго. Анне тоже переживает, но пауки ценят единственный свой надежный канал связи с нами. Фокусированным они, пожалуй, доверяют. Все, что мы говорим, все наши заявления они обсуждают с неотвязниками. Без доверия, созданного ими, людей с «Руки» не вызволить. И не исправить того, что натворил Нау.

Рита и Чжау. Закодированная на отпечаток пальца коробочка в багаже Эзра. Как странно: пауки не попросили ее вскрыть, вообще не стали обыскивать. Эзр поник.

— Хорошо. Но после этой встречи никто никому ничего не *должен*. Иначе сделка сорвется. Я ее похороню.

Не дожидаясь ответа, он прервал вызов. В конце концов, ответ его и не заботил.

Почти ежедневно приходилось проделывать мучительный спуск в мрачный конференц-зал, или как его там. Цзиньминь утверждал, что это часть личной секции шефа разведки, «светлое помещение с хорошим видом, уединенными нишами и отдельными насестами». Ниши тут и вправду имелись: темные чуланы с какими-то желобками и выдвижными лежанками сверху. Видеостены транслировали какую-то невнятную хрень. Винь с Цзиньминем то и дело были вынуждены переползать с холодных камней — посидеть на стопках шерсти. Присутствовали обычно четверо или пятеро пауков, и почти всегда — Андервиль с Колдхэвеном.

Но переговоры и вправду шли бойко. Фокусированные давали подтверждение, и пауки, казалось, верили всем словам Эзра. Они вроде

бы понимали, какие преимущества сулит даже минимальное сотрудничество. Разумеется, у пауков будет представительство на астероидах. Они получат неограниченный доступ к технологиям, а в обмен позволят людям посещать планету. Со временем астероиды и временные базы переместят на высокую орбиту Арахны, где начнется строительство верфи.

Ежедневные килосекунды в обществе пауков выматывали Эзра Виня. Человек просто не способен относиться к таким существам тепло. Глаз у них вроде как нет, вместо них хрустальный панцирь, но зрение лучше, чем у любого человека. Непонятно, куда они в тот или иной момент смотрят. Пищевые руки в непрестанном движении, смысл которого Эзр только начинал понимать. А когда жестикулируют основными руками, движения получаются резкие, агрессивные, как у хищника при атаке. Спертый воздух пропах горечью, и с каждым новым пауком, влезавшим в зал, неприятный запах усиливался. В следующий раз надо будет туалеты захватить. У Эзра ноги судорогами сводило от попыток приспособиться к местным санузлам.

Большую часть интерактивных переводов выполнял Цзиньминь. Но Триксия и остальные

тоже участвовали; порой, когда требовалась предельная точность, Андервиль или Колдхэвен говорили через нее. Андервиль — тоном непреклонного копа, Колдхэвен — бравого молодого генерала. Голос Триксии, а души чужие.

Ночью Эзра одолевали сны, временами неприятней дневной реальности. Хуже всего были осмысленные видения. Ему являлась Триксия — то голос и манеры девушки, которую он когда-то знал, то нынешних инопланетян-подселенцев. Временами ее лицо превращалось в стекловидный панцирь, а когда он просил ее измениться обратно, она говорила, что ему померещилось. Эта Триксия в его снах оставалась навеки фокусированной, очарованной, потерянной. Во многих снах присутствовала Киви: иногда как несносная дочь полка, а порой как убийца Томаса Нау. Они беседовали, Киви давала ему советы. Во сне советы казались ему резонными, но, просыпаясь, он неизменно забывал подробности.

Вопросы решались один за другим. От геноцида до торговли — меньше миллиона секунд. Фам Нювен в первой точке Лагранжа не скрывал удовлетворения таким прогрессом.

— У этих ребят хватка как у торговцев, а не как у правительственных чинуш.

— Мы во многом им уступаем, Фам. С каких это пор клиентам позволено такое присутствие в ближнем космосе, которое мы разрешим паукам?

Долгая пауза. Но голос Фама оставался довольным:

— Даже это вскоре окупится, сынок. Думаю, некоторые пауки сгодятся в партнеры.

Для Чжэн Хэ.

— И с другой стороны, — продолжал Фам, — как только решится вопрос о военнопленных — последний на повестке переговоров, — мы выведем Триксию из ее состояния. Лайтхилл обещала, что фракция Андервиль нам это разрешит.

Последний день переговоров начинался, как и все до него. Цзиньминя с Эзром пропустили в… Цзиньминь называл эту конструкцию колодцем винтовой лестницы. Человеку он показался бы вертикальной шахтой в скале. Снизу шел непрерывный поток теплого воздуха. Диаметр шахты достигал двух метров, в стенах имелись пятисантиметровые выступы. Охранникам спуск труда не доставлял: растянувшись от края до края шахты, они держались всеми конечностями. По мере спуска пауки медленно изгибали тела, следуя «виткам спирали». Каждые метров десять

попадалась «лестничная площадка», где людям можно было перевести дыхание. Эзру и помогала, и одновременно мешала страховка-поводок, которую его заставили надеть охранники.

— Но эта лестница просто для того, чтобы нас устрашить, разве нет, Цзиньминь? — Он раньше уже задавал этот вопрос, но Цзиньминь Брут ответить не удосуживался.

Фокусированному переводчику спуск давался еще тяжелее, чем Эзру, особенно учитывая, что Цзиньминь машинально имитировал паучью стойку, для людей непригодную. Сегодня он ответил:

— Да… нет. Это главная лестница в Королевскую Глубину. Очень старая. Традиционная. Это честь…

Он оступился и повис в бездонной шахте; если бы не страховка-поводок, натянутый охранником… Эзр вжался в сырую стену и чуть не сорвался сам, пока Брут нашаривал опору для ног.

Наконец они достигли последнего пролета. Потолок тут был низок даже по меркам пауков, не выше метра. Окруженные охраной, люди согнулись в три погибели и поползли к очень широким дверям. За ними сиял бледно-голубой свет. Диапазон зрительного восприятия пауков

тоже был очень широк, но зачастую предпочитали они не освещение во всем солнечном спектре, а тусклый свет или излучение, невидимое человеческому глазу.

Из сумрака впереди раздалось знакомое шипение.

— Заходите, садитесь, — сказал Цзиньминь Брут, сиречь паук, сидевший в комнате. Эзр с Цзиньминем переползли по сырым булыжникам на отведенные им насесты. Теперь Эзр видел, кто перед ними, — крупная самка, и насест ее лишь немногим выше. В спертом воздухе комнаты стоял сильный паучий запах.

— Приветствую вас, генерал Андервиль, — вежливо произнес Эзр.

В сравнении с уже обсуждавшимися вопрос о судьбе военнопленных не должен был напрячь. Но теперь они оказались с Андервиль наедине. Без связи с внешним миром; ну, по крайней мере, коммов им не выдали. Они сидели одни, почти во тьме, а слова Цзиньминя Брута выражали разную степень угрозы. Страшно. Но временами детские воспоминания торговца Эзра Виня всплывали на поверхность. Он догадывался, что происходит: их намеренно запугивали. Андервиль обещала Лайтхилл, что переводчиков освободят *после*

решения вопроса с военнопленными. Она уже многим поступилась, у нее остался последний шанс сохранить лицо.

Он открыл рюкзак и достал пару наглазников. Если верить паукам, все люди на борту «Руки» выжили после жесткой посадки. Обломки звездолета разбросало на расстоянии двадцати тысяч метров океанского льда, и уцелел только один отсек, а именно жилая палуба экипажа. Все спаслись только благодаря чудесному совету Фама пилотам-неотвязникам. На земле, однако, жертвы были, и многочисленные. Вопреки здравому смыслу, Брюгель и его амбалы решили отстреливаться от паучьих солдат. Все его головорезы полегли. Проявив достойную вахтмастера изворотливость, Брюгель в последний момент их бросил и попытался смешаться с толпой выживших. Пауки утверждали, что после этой первоначальной перестрелки никто не погиб.

— Неотвязников вы можете забрать, — сказала Андервиль голосом Цзиньминя. — Мы понимаем, что они не отвечают за свои действия, да к тому же некоторые поработали ради нашей победы. — Тон Цзиньминя стал раздраженным. — Остальные — преступники. Из-за них погибли сотни, а могли погибнуть миллионы.

— Нет, лишь незначительное меньшинство замешано в этом. Остальные либо воспротивились, либо были обмануты.

Эзр пробежался по списку членов экипажа, объясняя, какая роль кому была отведена. Двадцать несчастных в анабиозе — игрушки Ритсера. Уж *они-то* несомненные жертвы, но Андервиль не хотела лишаться оборудования. Эзр выбивал из Андервиль одно освобождение за другим, выменивая узников на услуги специалистов, которые помогут разобраться с попавшими в лапы ее агентства обломками аппаратуры. Наконец перешли к самым сложным случаям.

— Чжау Синь, старший пилот.

— Чжау Синь — человек, который спустил курок! — бросила генерал. Эзр еще раньше поиграл с настройками зрительного усилителя наглазников, и стало видно лучше. В продолжение разговора Андервиль сидела неподвижно, только пищевыми руками то и дело беспокойно перебирала. Цзиньминь сообщил, что эта поза соответствует неприкрытой настороженности. — Чжау Синь обвиняется в том, что инициировал собственно ракетные атаки.

— Генерал, мы просмотрели записи. Ваши записи переговоров с фокусированными пилотами

Синя, вероятно, еще полнее. Очевидно, что Чжау Синь пытался саботировать атаку авральников и в целом преуспел. Я знаю Чжау, мэм. Я знаком с его супругой. Они оба не желали вам зла. — Аналитики из неотвязников, и среди них — Триксия, полагали, что отсылка к семейным ценностям поможет ее умаслить. Вероятно. Однако столь же возможно, что Белга Андервиль из тех, которые на все готовы ради блага государства.

Цзиньминь Брут отстучал слова Эзра на маленькой консоли, пропуская через промежуточный языковый транслятор, и воспроизвел звуковой эквивалент. Из Брутова проигрывателя раздалось мрачное шипение: такими услышит мысли Эзра паучиха.

Андервиль мгновение молчала, потом разразилась писком. Эзр знал, что это соответствует презрительному фырканью.

Но запись беседы в конце концов увидят другие пауки. «Я тебя с крючка не спущу, Андервиль». Эзр потянулся в рюкзак и извлек оттуда коробочку Риты.

— А это что такое? — спросила Андервиль. В голосе Брута-Андервиль не прозвучало и намека на интерес.

— Это подарок Чжау Синю от его жены. На

память. На случай, если вы не захотите его отпускать.

Андервиль сидела почти в двух метрах, и до этого момента Эзр не представлял себе, как далеко могут дотянуться передние лапы пауков. Четыре черных, острых словно кинжалы конечности метнулись к нему и выхватили коробочку. Андервиль отдернула лапы, поднесла коробочку сначала к одной стороне стеклянистого панциря, потом к другой. Лапы-стилеты царапали верхнюю сторону коробочки и дактилоскопический замок.

— Он закодирован на Чжау Синя. Если вы откроете коробочку силой, ее содержимое самоуничтожится.

— Ну и пусть. — Но паучиха перестала давить на коробочку острыми коготками кончиков лап. Подержав ее еще немного, она издала шипящий скрежет и швырнула Эзру в грудь. Гнусный звук продолжался, Цзиньминь Брут начал переводить:

— Лопни твои глаза, паучоныш! — Голос Брута стал резким и гневным. — Забирай свой подарок для душегуба. Забирай своего Синя и его присных.

— Спасибо, генерал. Спасибо.

Эзр наклонился подобрать подарок Риты.

Голос паучихи смолк, потом она заговорила опять, уже спокойней: с таким звуком капли воды падают на раскаленный металл.

— Я так понимаю, Ритсера Брюгеля вы тоже рассчитываете выручить?

— Не выручить, мэм, нет. За эти годы Ритсер Брюгель убил, наверное, даже больше наших, чем ваших. Ему есть за что ответить.

— И то правда. Но его мы вам не отдадим.

Голос Брута прозвучал самодовольно, и Эзр догадался, что по этому вопросу в среде пауков разногласий не возникло.

Может, оно и хорошо. Эзр пожал плечами:

— Отлично. Покарайте его сами.

Паучиха вдруг застыла, даже пищевые руки замерли.

— Покарать? Вы не поняли. Эти идиотские переговоры привели к тому, что у нас останется всего один нормальный функционирующий человек. Если он и умрет, то случайно. Мы многому научились, вскрывая ваши людские тела, но нам отчаянно необходим живой субъект для экспериментов. Каковы пределы вашей физической выносливости? Как вы реагируете на крайние проявления болезненных и пугающих факторов?

Мы намерены исследовать реакцию на раздражители, которых не нашли в ваших базах данных. Я постараюсь сделать так, чтобы Ритсер Брюгель прожил долго, очень долго.

«Ритсер Брюгель, пожалуй, наименее нормальный человек, который мог тебе достаться». Но здесь и сейчас ему показалось разумнее умолчать об этом. Эзр только кивнул. И впервые увидел, как Ритсера можно заставить в полной мере расплатиться за свои преступления. Ночной кошмар вахтмастера о пауках станет явью — и продлится остаток его жизни.

65

Эзр Винь вернулся в первую точку Лагранжа героем. Возможно, никакому другому владельцу или партнеру не оказывали столь почетного приема, как ему на астероидах. Он привез первую группу освобожденных военнопленных, в том числе Чжау Синя. А еще он привез первую группу новых партнеров, первых паучьих космонавтов.

Эзр едва замечал оказанные ему почести. Он улыбался, вел уместные разговоры, а увидев воссоединившихся Чжау с Ритой, испытал некоторую радость.

Последней из шлюпки вышла Флория Перес.

Ее Ритсер затащил к себе и погрузил в анабиоз, так она там и пролежала, пока все не кончилось. Даже двести килосекунд спустя женщина выглядела ужасно, вид у нее был совсем потерянный. Эзр помог ей выбраться из шлюпки, и набившаяся в коридор толпа разом притихла. Вперед вылетела Киви. Она должна была помочь жертвам, но остановилась совсем рядом с Флорией. Глаза Киви широко распахнулись, губы задрожали. Две женщины мгновение смотрели друг на друга. Потом Киви подала Флории руку, и толпа расступилась перед ними.

Эзр смотрел, как они удаляются, но мысли его были далеко. Анне Рейнольт начала расфокусировку Триксии через килосекунду после его отлета с Арахны. Дорога обратно на астероиды заняла двести килосекунд, и Фам регулярно отчитывался о ходе операции. На сей раз ему не удастся сдать назад: Триксию ко всему подготовили и погрузили в аппарат. Сначала дезактивировали мозговую гниль, а потом ввели Триксию в искусственную кому. Начиная с этого момента выделение гнилью активных веществ претерпевало медленные перемены.

— Анне уже сотни раз проделывала эту работу, Эзр, — заверил его Фам. — Она говорит, что все

будет в порядке. Триксию выпишут из клиники всего через несколько килосекунд после твоего возвращения.

Никаких больше отсрочек. Триксия наконец получит свободу.

Новость пришла через два дня. Триксия готова.

Эзр не сразу отправился в отделение для расфокусированных, а навестил сперва Киви. Киви вместе с отцом восстанавливала озерный парк. Большая часть деревьев погибла, но Али Лин считал, что сумеет их возродить. Даже после расфокусировки Али фонтанировал чудесными идеями из сферы паркового искусства. Но теперь ему была доступна и любовь к дочери. Триксия тоже станет такой. Свободной, как до начала кошмара.

Когда Эзр спустился к ней по тропе через мертвый лес, Киви говорила с пауками. Вокруг сгрудились котята, чье любопытство боролось с арахнофобией.

— Здесь нам требуется нечто новое: новое озеро — свободных очертаний и с особой экосистемой.

Пауки выстроились чуть выше Киви. При небольшой силе тяжести они уже не казались приземистыми широкотелыми созданиями. Естественное напряжение конечностей созда-

ло паучью версию полуприседа в невесомости: передние и задние лапы опущены далеко вниз, фигуры выглядят высокими и худыми. Самая маленькая (это, наверное, Рапса Лайтхилл) что-то ответила. Ее шипение показалось почти музыкальным после бесед с Белгой Андервиль.

— Мы посмотрим, что получится, но не думаю, что многие из нас захотят жить здесь. Мы хотели бы поэкспериментировать с времянками на свой вкус, — переводил Брут Цзиньминь сдержанным светским тоном. Он, вероятно, последний переводчик, которого все еще не расфокусировали.

Киви улыбнулась паучихе:

— Ага. Мне тоже очень интересно посмотреть, что у вас выйдет. Я… — Она подняла взгляд и заметила Эзра.

— Киви, можно с тобой поговорить?

Она уже летела к нему.

— Рапса, на минуточку, хорошо?

— Конечно.

Пауки отлетели в сторонку. Цзиньминь засыпал новыми вопросами Али Лина.

Лица Эзра и Киви разделяло сантиметров тридцать.

— Киви, они две тысячи секунд назад расфокусировали Триксию…

Киви улыбнулась светлой девчоночьей улыбкой: в ней еще сохранилось много подростковой живости. Киви каким-то образом ухитрилась остаться открытым и приветливым человеком. А теперь именно она в центре всех взаимоотношений людей с пауками: ее пауки предпочитали остальным людским инженерам. Теперь Эзр оценил по достоинству широту ее познаний — от небесной механики и биотехнологии до отчаянных торговых споров. Киви воплощала самое естество Чжэн Хэ.

— С ней… она в порядке? — Глаза Киви распахнулись, она тесно сцепила ладони.

— Да! Немного дезориентирована, но, как уверяет Анне, разум и личность не пострадали, и… и мне сегодня позволят с ней увидеться.

— Ой, Эзр, я за нее так рада! — Руки Киви расцепились и легли ему на плечи. Неожиданно ее лицо оказалось совсем близко, а губы прошлись по щеке.

— Но прежде чем отправиться к ней, я решил поговорить с тобой.

— О чем?

— Я… я просто хотел поблагодарить тебя за то, что ты спасла мне жизнь. И нам всем. — «Спасибо, что вернула мне душу». — Если бы мы с Триксией

могли как-то тебе возместить твои…

Она отстранилась на прежнее расстояние вытянутой руки и снова улыбнулась, но какой-то странной усмешкой.

— Да пожалуйста, Эзр. Не… не стоит благодарности. Я рада, что у тебя все хорошо закончилось.

Эзр не рискнул развивать тему и повернулся к веревкам, которые Али развесил по всему парку в ходе реконструкции.

— Более чем хорошо, Киви. Все эти годы казались мне выброшенными из жизни, но наконец… Ой, мы с тобой потом обязательно еще пересечемся!

Он помахал ей на прощание и полетел к выходу из пещеры, набирая скорость с каждым толчком.

Рейнольт переоборудовала групповой зал Аттика под отделение терапии для расфокусированных. Место, где фокусированные неотвязники проводили вахту за вахтой в рабстве у вахтмастера, теперь даровало им свободу.

Анне тормознула его в коридоре у самого входа:

— Прежде чем войдешь, вспомни, что…

Винь уже облетал ее сбоку, но задержался.

— Ты же сказала, с ней все в порядке.

— В целом все нормально. Общее состояние

отличное, как раньше; она даже сохранила специализированные знания. Мы провели без малого три тысячи операций расфокусировки, у нас больше вольноотпущенников, чем за всю историю Аврала. Мы справляемся отлично. — Она поморщилась, но то была гримаса душевной боли, а не надменности, как в былые дни ее фокуса. — Я… я хотела бы сейчас все переделать для первых. Думаю, сейчас я бы с ними лучше поработала.

Эзр увидел ее боль и устыдился внезапной радости: «Значит, это и к лучшему вышло, что с Триксией так затянули». К этому времени был уже накоплен достаточный опыт. Может, с ней и вправду все в порядке. В конце-то концов, Рейнольт сама через такое прошла. Так или иначе, процедура сработала. А за спиной Рейнольт, за прохладным зеленым коридором, его Триксия Бонсол, принцесса, наконец разбуженная ото сна. Он протиснулся мимо Рейнольт и полетел дальше, отогнав печаль.

Анне позвала:

— Но, Эзр… Фам просил с тобой поговорить, когда ты от нее вернешься.

— Ладно, ладно. — Но он ее не слушал. Потом оказался в групповом зале. Немного мест еще

свободно, а десять или пятнадцать посадочных мест заняты. Там сидели люди, расположившись тесными кружками, и о чем-то болтали. К нему повернулись несколько голов. Взгляды излучали немыслимое доселе любопытство. Кое-кто глядел на него со страхом, кто-то — с печальным, потерянным видом, как у Хуньдэ Вэня после расфокусировки. Освобожденным авральникам возвращаться было не к кому. Они проснулись свободными, но на расстоянии световых лет и целой жизни от всего знакомого.

Эзр, смущенно улыбаясь, пролетел мимо. «Нам с Триксией повезло, но этим беднягам нужна помощь».

Дальний угол зала был разделен на отгороженные отсеки. Эзр пролетал мимо открытых дверей, останавливался у запертых, чтобы прочесть имя пациента на табличке, и устремлялся дальше. Вот наконец!.. ТРИКСИЯ БОНСОЛ. Полет очертя голову в неведомое завершен, и только тут до него дошло, что он одет в рабочий халат, а на голове сбившийся колтун. Подобно неотвязнику, он игнорировал все за пределами своего фокуса.

Он, как смог, пригладил растрепанные волосы… и постучался в легкую пластиковую дверь отсека.

— Кто там?

— Привет, Триксия.

Она покоилась в гамаке, не слишком отличавшемся от обычной подвесной койки. Голова в тумане тонкой медицинской машинерии; не важно: Эзр этого ожидал. Анне окружала пациентов своими приборами, накапливая данные для последующих расфокусировок и отслеживая возможные осложнения вроде инсультов и мозговых инфекций.

Трудно кого-то обнять сильнее, чем стремился Эзр Винь. Он подлетел ближе, взглянул Триксии в лицо и пропал. Триксия глянула на него в ответ — не сквозь него или с нетерпеливым раздражением от помехи в потоке данных, а прямо ему в глаза. Губы ее тронула недоверчивая, слабая улыбка.

— Эзр…

А потом она оказалась в его объятиях, протянув к нему руки. Губы ее были мягкими и теплыми. Он обхватил ее на долгое мгновение и осторожно потянул к себе из гамака. Отвел голову, тщательно уклоняясь от столкновения с облачком аппаратуры.

— Я столько раз думал, что вернуть тебя уже не получится. Ты помнишь, сколько раз… — годы

жизни напролет, в буквальном смысле слова, — я сидел рядом с тобой в том проклятом кабинетике?

— О да. Тебе пришлось тяжелей моего. Мне все это казалось сном, в котором не ощущаешь полета времени. Все, что не в фокусе, расплывалось. Я слышала твои слова, но не придавала им особого значения. — Триксия подняла руку и потрепала его по шее — ласково, как часто бывало в ту их прекрасную пору вместе.

Эзр улыбнулся.

«Я с ней говорю. По-настоящему. Наконец-то».

— А теперь ты вернулась. Мы снова заживем! У меня столько планов! У меня годы были, чтобы над ними подумать: как бы я поступил, если бы Нау удалось уничтожить, а тебя — спасти. Полет обернулся чудовищными жертвами, но и сокровищем, которое превосходит всякое воображение. — Огромный риск, огромный клад. Они рискнули, понесли тяжелые потери, но сейчас… — С нашей долей от прибыли мы… мы все сможем себе позволить. Да что там, мы собственную Великую Семью создадим!

Винь.23.7, Винь-Бонсол, Бонсол.1… какая разница? То будет их Семья.

Триксия продолжала улыбаться, но в уголках

глаз выступили слезы. Она покачала головой:

— Эзр, я не…

Винь заторопился:

— Триксия, я знаю, что ты хочешь сказать. Если не хочешь Семьи — ладно, так тому и быть. — В годы под пятой Томаса Нау у него было много времени все обдумать и постичь, какие самопожертвования вовсе недостойны таковыми считаться. Глубоко вздохнув, он продолжил: — Триксия, даже если захочешь возвратиться на Трехземье… я с тобой туда отправлюсь, покину Чжэн Хэ. — Семье это не понравилось бы; он больше не младший наследник, ибо экспедиция принесет Семье Винь.23 баснословное богатство. Но… он понимал, что заслуги Эзра Виня в этом мало. — Ты станешь, кем захочешь, и мы все равно останемся вместе.

Он наклонился ее обнять, но в этот раз она осторожно отстранила его.

— Эзр, да не в этом дело. Ты и я, мы стали старше. Я… очень, очень много времени прошло с тех пор, как мы были вместе.

Эзр сорвался на крик:

— Для меня — много лет, да! А для тебя? Ты сама сказала, что фокус подобен сновидению, где не чувствуешь течения времени.

— Не совсем. Из того, на чем я была сфокусирована, я помню гораздо больше твоего.

— Но…

Она жестом велела ему замолчать.

— Мне было легче, чем тебе. Меня сфокусировали, и я обрела нечто большее, хотя сама этого до конца не осознала. Благодарение небесам, не поняли этого ни Брюгель, ни Томас Нау. У меня появился мир, куда я могла сбежать, мир, который вольна была строить из своих переводов.

Вопреки всему Эзр не удержался:

— А я-то думал… Там все было так похоже на фантастику Рассветной Эпохи. Значит, это выдумка, а не настоящие пауки?..

— Нет. Это максимальное приближение к восприятию пауков, доступное человеку. Если ты читал внимательно, то заметил намеки, отклонения от буквальной истины… я думаю, что ты догадался, Эзр. Как переводчица, я удерживала в фокусе все, связанное с бытием пауков. Нас глодала память о том, каково это — быть свободным пауком. А когда дорогой Шерканер это понял, хотя поначалу и счел нас машинами, внезапно оказалось, что и его мир нас тоже принял.

Это помогло уничтожить Нау и спасло их всех, однако…

— Но ты же вернулась, Триксия. Кошмар закончился. Можем жить вместе, и лучшей жизнью, чем воображали когда-то!

Она уже снова качала головой:

— Эзр, ты разве не видишь? Мы оба изменились, и я — даже сильнее твоего, хотя я была… — она задумалась на секунду, — хотя я провела годы «заколдованной». Видишь? Я помню, как ты меня называл. Но, Эзр, я уже не та. У меня есть будущее среди пауков…

Он старался отвечать спокойно и настойчиво, но сам слышал в своем голосе панические нотки. «О Господь всея торговли, я не могу потерять ее снова!»

— Понимаю. Ты все еще отождествляешь себя с пауками. Мы для тебя чужаки.

Она коснулась его плеча:

— Чуточку. На первых стадиях расфокусировки это скорее напоминало *начало* кошмара, а не выход из него. Я знаю, какими кажутся люди арахнианам. Бледными, мягкими, как личинки. Существуют вредители и съедобные животные вроде нас. Но мы для них не так отвратительны, как они для нас. — Она подняла на него взгляд, и улыбка ее на миг стала шире. — Так мило, когда мы поворачиваем голову куда-то посмотреть. Вы

этого не осознаете, но любого арахнида с отцовской шерстью, как и большинство самок, этот жест при близком разговоре покоряет.

Как в тех снах, что преследовали его на планете. Разум Триксии все еще оставался отчасти паучьим.

— Триксия, послушай. Я буду тебя навещать каждый день. Все переменится. Ты это изживешь.

— Ох, Эзр, Эзр!.. — В воздухе между ними поплыли ее слезинки, но горевала она о нем, а не о себе и не о них как паре. — Именно *этого* я и не хочу изживать. Я хочу быть переводчицей, мостом между всеми вами и моей новой Семьей.

Мостом. Значит, она еще в фокусе. Фам и Анне каким-то образом заморозили ее на полдороге из фокуса к свободе. Когда он это осознал, ему показалось, что его ударили кулаком в живот. Накатила тошнота, а следом — ярость.

Он перехватил Анне в ее новом кабинете.

— Анне, доделай, что начала! Мозговая гниль все еще управляет Триксией.

Лицо Рейнольт было еще бледней обычного, и он вдруг понял, что она ожидала его визита.

— Ты знаешь, что способа истребить вирус полностью нет, Эзр. Можно его отключить, сделать

неактивным, но…

Голос ее звучал неуверенно. Ничего общего с Анне Рейнольт былой поры.

— А ты знаешь, что я имею в виду, Анне. Она до сих пор сфокусирована. Она зациклена на пауках и своей фокусированной миссии.

Анне промолчала. Она знала.

— Анне, отведи ее обратно.

Губы Рейнольт дернулись, словно в приступе физической боли.

— Структуры залегают очень глубоко. Она потеряет приобретенные знания. И вероятно, врожденные способности к языкам. Она станет похожа на Хуньдэ Вэня.

— Но *освободится*! Она сумеет научиться новому, как научился Хуньдэ.

— Я… понимаю. До вчерашнего дня я думала, что у нас получится ее вывести. Мы уже собирались запустить последний каскад перестройки — но, Эзр, Триксия не хочет, чтобы мы двигались дальше!

Это было уж слишком, и Эзр обнаружил, что орет не своим голосом:

— А чего ты ожидала, дуреха? Она же сфокусирована!

Он понизил голос, но в словах продолжала зву-

чать смертельная угроза:

— Я все знаю. Вам с Фамом по-прежнему нужны рабы, особенно такие, как Триксия. Вы никогда не собирались ее освобождать!

Глаза Рейнольт распахнулись, щеки налились ярким румянцем. Он ее ни разу еще такой не видел, хотя именно такой оттенок приобретало лицо Ритсера Брюгеля в минуты обуревавшей его ярости. Рот Рейнольт раскрылся и захлопнулся, не издав ни звука.

В дверь кабинета громко стукнули: кто-то чертовски спешил. Секундой позже через порог шагнул Фам.

— Анне, пожалуйста, дай я с этим разберусь.

Он говорил вежливым тоном. Спустя миг Анне судорожно вздохнула и кивнула. Казалось, ее душит кашель. Ничего не сказав, она выбралась из-за стола, но Эзр отметил, как яростно ее с Фамом рукопожатие.

Фам неслышно прикрыл за ней дверь. Когда он обернулся к Эзру, вежливость с него как рукой сняло. Он ткнул пальцем в кресло перед столом Рейнольт:

— Пристегнитесь, милейший.

В его голосе было что-то, унявшее гнев Эзра, и тот поневоле сел.

Фам устроился по другую сторону стола и некоторое время просто смотрел на младшего собеседника. Странное дело: Фам Нювен всегда умел сохранять присутствие духа, но сейчас могло показаться, что прежде он никогда по-настоящему не старался этого делать. Наконец Фам нарушил молчание:

— Пару лет назад ты меня вызвал поговорить начистоту. Ты заставил меня понять, что я ошибаюсь и должен перемениться.

Эзр холодно взглянул на него в ответ:

— Кажется, не смог. — «Как ни крути, а ты все ж работорговец».

— Ты не прав, сынок. Ты преуспел. Немногим удавалось меня переубедить. Даже Суре не удалось. — Странная печаль проявилась в его чертах, и он мгновение молчал. Потом продолжил: — Ты очень сильно оскорбил Анне, Эзр. Думаю, однажды ты наберешься храбрости попросить у нее за это прощения.

— Это уж очень вряд ли! Вы двое так здорово все обосновали. Расфокусировка обходится вам чересчур дорого.

— Гм. Ты прав: дорого. Почти ценой хаоса. В пору господства авральников неотвязники обслуживали почти всю нашу автоматику, сливаясь в

работе с настоящими машинами, да так, что не разберешь, где кто. Еще хуже, что все служебные программы Флота поддерживались фокусированными программистами; у нас остались миллионы строк несогласованного мусорного кода. Мы еще не скоро вернем к работе наши старые системы… Но ты знаешь, что Анне была Френкийским Орком. Тем «чудовищем» на всех алмазных фризах.

— Д-да.

— Тогда ты понимаешь, что она поклялась умереть, но освободить всех фокусированных. Это было ее единственным безусловным требованием ко мне, когда она вышла из фокуса. В этом смысл ее нынешней жизни. — Он сделал паузу и отвел взгляд от Эзра. — А знаешь, в чем самый ужасный аспект фокуса? Не в фактическом порабощении, хотя, Господь свидетель, это само по себе хуже любого другого зла. Нет, величайшее зло в том, как спасители становятся своего рода убийцами, а жертв приходится калечить повторно. Даже сама Анне толком не понимала этого, а теперь оно ей душу рвет на части.

— Так, значит, мы должны оставить их в покое только потому, что они стремятся остаться рабами?

— Нет! Даже фокусированный человек — все равно человек, и он не слишком отличается от некоторых редких типов, что существовали во все эпохи. Если они способны сами о себе позаботиться, ясно сформулировать свои желания… что ж, в этот момент ты обязан их выслушать. Еще полдня не прошло с тех пор, как мы думали, будто с Триксией Бонсол все в порядке. Анне предотвратила бесконтрольное разбегание гнили. Триксия не превратилась ни в идиотку, ни в овощ. Она свободна от установки на верность авральникам. С ней можно говорить, убеждать, успокаивать. Но она абсолютно непреклонна в том, что касается глубинных структур. Понимание пауков — центр ее жизни, и она хочет, чтобы так было и дальше.

Некоторое время они сидели в молчании. Самое страшное, что Фам, быть может, не лжет. И даже не обманывается. Возможно, они обсуждают всего лишь очередную житейскую трагедию. В таком случае зло, порожденное Томасом Нау, будет преследовать Эзра до конца его дней. Господи, за что? Кабинет Рейнольт был ярко освещен, но Эзру вспомнилась ночь в парке времянки, сразу после убийства Джимми. Тогда рядом с ним тоже оказался Фам и сумел успокоить Эзра, хотя Эзр не понял как. Эзр утер лицо от слез тыльной

стороной ладони.

— Хорошо. Значит, Триксия свободна. В том числе вольна меняться в будущем.

— Разумеется. Человеческая натура всегда озадачивает аналитиков.

— Я ее полжизни ждал. Сколько понадобится, столько и прожду еще.

Фам вздохнул:

— Я вот боюсь, что ты именно так и поступишь.

— А?

— Ты один из самых целеустремленных людей, каких я только встречал. У тебя талант к работе с людьми. Ты больше всех сделал для выживания Чжэн Хэ под гнетом Нау.

— Да нет же! Я бы не сумел его свергнуть. Я только и мог, что сглаживать острые углы, немного смягчать кошмар происходящего. А людей продолжали убивать. У меня нет стержня, нет административных способностей; я был всего-навсего придурок, которого Нау использовал, чтобы держать в узде людей получше меня.

Фам продолжал качать головой:

— Тебе единственному я доверился в своем заговоре, Эзр. — Он вдруг прервался и усмехнулся. — Разумеется, отчасти причиной этому

послужил тот немаловажный факт, что лишь ты оказался достаточно умен, чтобы догадаться о моей истинной личности. Ты не сломался, ты не согнулся. Ты даже меня дернул за поводок… Ты знаешь, куда мне пришлось вернуться.

— Конечно, — поднял глаза Эзр. — И?

— Я видал много пробивных мальцов, — скорчил усмешку Фам. — Мы с Сурой основали много Великих Семей в этой области сферы влияния Чжэн Хэ. Но ты высоко задрал планку, Эзр Винь. Я горжусь, что мы родственники.

— Хм.

Эзр отнюдь не был уверен, что Фам в таких вопросах способен солгать, но сказанные им только что слова казались чрезмерно… экстравагантными, чтоб быть истинными.

Но тот еще не закончил:

— Твои таланты имеют и негативную сторону. Ты был достаточно терпелив, чтобы безукоризненно выдержать свою роль на протяжении сотен мегасекунд. Ты к своим целям намертво прилип, а люди вокруг тебя начинали жизнь заново. Теперь ты заявляешь, что готов прождать возвращения Триксии столько, сколько *понадобится.* И я думаю, что ты вправду способен ее прождать… до конца дней своих. Эзр, тебе не при-

ходило в голову, что не всегда для фокуса нужна мозговая гниль? Некоторые люди способны фокусироваться самостоятельно. Надо было мне сообразить! У них настолько сильная воля (или настолько ригидный ум), что они исключают из своей жизни все, кроме предмета своей фокусировки. Тебя это спасало в годы жизни под кнутом Нау и Брюгеля. Это спасло и всю здешнюю Чжэн Хэ. Но ты пойми, теперь это станет проблемой. Не спускай свою жизнь под откос.

Эзр сглотнул слюну. Он вспомнил утверждения авральников о том, что общество всегда зависит от людей «без собственной жизни». Но…

— Триксия Бонсол — достойная цель, Фам.

— Согласен. Но *цена очень высока*: провести остаток жизни в ожидании того, что может никогда не случиться. — Он сделал паузу и склонил голову набок. — Прискорбно, что *тебя* не фокусировали этим авральным микробом; в таком случае тебя было бы проще вылечить! Ты так зациклился на Триксии, что не видишь у себя под носом ничего. Не видишь, как причиняешь людям боль. В том числе и влюбленному в тебя человеку.

— Правда? Кому же?

— Раскинь мозгами, Эзр. Кто решил проблему

устойчивости астероидов? Кто заставил Нау ослабить поводок? Кто добился позволения открыть бар Бенни и фермы Гунле? И все это — при неоднократных промывках мозгов? Кто твою задницу спас, когда наконец пошла нелегкая?

— Ой! — пристыженно вырвалось у него. — Киви… Киви хорошая.

На лице Фама отобразился искренний гнев. С ним это на памяти Эзра произошло впервые после падения Томаса Нау.

— Да очнись ты, чтоб тебя!

— В смысле, она умная и смелая и…

— Да, да, да! На самом деле она реальный гений в очень многих областях! Я за всю жизнь видел всего пару человек ее уровня.

— Я…

— Эзр, я не верю, что ты моральный урод, в противном случае я бы не стал сейчас с тобой разговаривать. И про Киви уж точно не сказал бы. Но глаза разуй же, твою же ж за ногу! Ты должен был сам догадаться много лет назад — если б не так зациклился на Триксии и своей мнимой вине. А теперь *Киви* ждет тебя, но без особых надежд: она слишком уважает твои чувства к Триксии. Ты вспомни, как она себя ведет после избавления от Нау.

— Она всем занимается… я ее везде вижу чуть ли не ежедневно… — Он глубоко вздохнул. Похоже на расфокусировку: увидеть привычные вещи совершенно под иным углом зрения. Да, правда: он зависел от Киви еще сильнее, чем Фам — от Анне. Но у Киви свои тяготы. Он вспомнил ее лицо при виде Флории Перес. Вспомнил ее усмешку в момент, когда Киви пожелала ему счастья. Странно было преисполниться стыда перед человеком, чьи чувства до этой минуты оставались вовсе незаметны. — Мне так жаль… я… я даже не думал.

Фам откинулся в кресле.

— Я на это надеялся, Эзр. Мы с тобой разделяем одну маленькую проблему: мы слишком долго действовали, исходя из высоких принципов, и совсем забыли про обычные человеческие мотивы. Надо нам это исправить. Я тобой восторгался секунду назад, и вполне искренне. Но, поверь мне, Киви — настоящее чудо.

На миг у Эзра отнялся язык. В его душе все переворачивалось вверх дном. Триксия, мечта половины жизни, ускользала…

— Надо подумать.

— Давай. Но ты с Киви поговори, ладно? Вы оба выстроили вокруг себя крепостные стены. Ты

удивишься, насколько все покажется проще, если поговорить начистоту.

Эта идея была как восход Нового Солнца.

Просто поговорить с Киви начистоту.

— Да, да!

66

Время шло, но Арахне еще долго предстояло остывать. Последние сухие бури продолжали судорожно метаться по средним широтам, все ближе подбираясь к экватору планеты.

У флайера не было ни крыльев, ни реактивных двигателей, ни ракетных движков. Он опустился по баллистической кривой, снизив скорость перед мягкой посадкой на обнаженные скалы плоскогорья.

Две фигуры в космоскафандрах выбрались наружу. Одна высокая и тонкая, другая ниже ростом, и конечности ее торчали во все стороны.

Майор Виктория Лайтхилл постучала по земле кончиками рук.

— Не повезло нам, что тут не осталось снежного покрова. А значит, и следов, по которым можно было бы пройти. — Она махнула на скальный склон всего в нескольких десятках ярдов. Там еще лежал снег: его нанесло в трещины с подвет-

ренной стороны. В остаточном солнечном свете он отливал красным. — А где снег есть, ветер его всегда разравнивает. Чувствуешь ветер?

Триксия Бонсол склонилась навстречу ветру. Ей задувало под шлем. Она рассмеялась:

— Сильнее твоего. У меня же всего две ноги, приходится стоять.

Они направились в ту сторону. Триксия отключила звуковой канал: в этом месте и времени она все стремилась испытать сама, без помех. Но по верхним уголкам поля зрения все время что-то жужжало и мелькало, удерживая ее в назойливом контакте с космосом и Принстоном. Вздумай она скинуть шлем с дисплеем, увидела бы немногим меньше, чем в лунном свете на Трехземье, а единственным звуком остался бы шелест поземки.

— Это наилучшее приближение к месту, где Шерканер вылез из вертолета?

— Да, но никаких следов его найдено не было. Все файлы отчета искорежены. Папа управлял аппаратом Рахнера по сети. Возможно, он выбрал это место не просто так. Возможно, он летел не наугад.

Подлинного голоса малышки Виктории Триксия не слышала. Шлем его понижал и преобразо-

вывал. В результате получалась не человеческая речь и, уж конечно, не паучья, но Триксия эти звуки понимала не хуже незейского языка и, слушая, могла чем-то более полезным занять руки и глаза.

— Но… — Триксия обвела рукой неровную линию ландшафта впереди. — Шерканер казался мне рационально мыслящим существом, даже в конце, когда все полетело в тартарары. — Она говорила на том же промежуточном языке, который слышала. Процессор скафандра переводил ее слова в звуки, доступные восприятию Вики.

— Глубинная тяга иногда проявляется вот так, — сказала Виктория. — Он тогда только что потерял маму. Нижнимор и Джейберт, а с ними центр контрразведки только что взлетели на воздух.

Нижним краем поля зрения Триксия отметила, как дернулись передние лапы Вики. Это соответствовало у людей поджатым губам или жесту сознательного контроля боли. В годы фокуса она часто представляла себя говорящей с пауками на одном и том же уровне, голова к голове. В невесомости примерно так и получалось. А на земле… что ж, человеческие тела тянулись вверх, а паучьи — в стороны. Если не смотреть под ноги,

можно пропустить выражения «лиц» или, что еще хуже, наступить на дорогих друзей.

— Спасибо, что полетела со мной, Триксия. — Детерминанты промежуточного языка подсказывали, что голос Вики дрожит. — Я уже бывала здесь и на руинах Саутмоста с официальными делегациями, с братьями и сестрой. Мы друг другу пообещали, что на некоторое время оставим эти места в покое, но… я не могу… и в одиночестве посещать их не могу тоже.

Триксия махнула рукой: успокойся, дескать, все я понимаю.

— Я с той самой поры, как вышла из фокуса, тоже стремилась сюда попасть. Здесь я наконец чувствую себя человеком. Рядом с тобой мне кажется, что я снова обрела семью.

Вики потянулась потрепать Триксию за локоть свободной лапой.

— Я всегда считала тебя личностью. Помню, когда Гокна погибла, а генерал впервые рассказала нам о тебе, папа показал нам журналы, все записи до того момента, когда ты впервые вышла с ним на контакт. Тогда он все еще мнил вас, переводчиков, своего рода ИИ. Но ты мне казалась личностью, и я понимала, что ты очень любишь папу.

Триксия жестом выразила усмешку:

— Дорогой Шерк был так уверен в невозможном вроде ИИ. Для меня фокус был эдакой грезой. У меня была задача в совершенстве понять вас, пауков, а эмоции возникали как побочный эффект ее решения.

Такого побочного эффекта Томас Нау не ожидал. Осознание себя одной из пауков приходило постепенно и нарастало с каждым следующим этапом в постижении языка. Поворотной точкой стали прения на радио, когда Триксия, Цзиньминь Брут и остальные преобразились полностью, достигли вершины своего мастерства. «Прости меня, Цзоби. Мы были фокусированы, а ты вдруг оказалась врагом. Когда мы заглушали твои МРТ-коды, мы не понимали, что этим убиваем тебя. Кто угодно мог стать переводчиком Педуры, любой мог очутиться на твоем месте». И в тот миг Триксия впервые проникла на планету по комм-связи — открыться перед Шерканером Андерхиллом.

Гладкий скальный лик стал трещиноватым, перешел в крутой склон. Здесь попадались снежники, а под обрывами лежали густые тени, укрытия от солнечного и звездного света. Виктория и Триксия вскарабкались по нижнему участку склона и углубились в тень. Они ничего

всерьез не искали, скорей совершали паломничество. Поиски, с воздуха и орбиты, пришлось завершить много дней назад.

— Ты думаешь, Виктория, мы его когда-нибудь отыщем?

Большую часть сфокусированной жизни центром вселенной Триксии Бонсол выступал Шерканер Андерхилл. Она с трудом осознавала присутствие Анне Рейнольт или сотни визитов верного Эзра, но Шерканер Андерхилл для нее был реален. Она вспомнила старого паучару, которому пришлось завести жука-поводыря, чтобы не блуждать кругами. Ну как он мог погибнуть?

Виктория мгновение молчала. Она продвинулась несколькими метрами выше по склону и заглянула под нависавший скальный козырек. Как и все ее сородичи, она куда лучше людей умела подниматься по скалам.

— В конце концов — да. Мы знаем, что на поверхности он не остался. Может быть… думаю, Моби повезло отыскать дыру глубже пары ярдов. Но даже этой глубины ему не хватило бы, чтоб выжить; он вскоре умер бы от обезвоживания. — Она вынырнула из-под скального карниза. — Забавно. Когда наш план развалился, я думала, что мама погибла, а папу получится спасти. Но теперь…

знаешь ли, люди заново просканировали дно саутмостовского кратера эхолотом. Ядерные ракеты Клана уничтожили зал Парламента и верхние уровни. Ниже — миллионы тонн раздробленного камня, но попадаются там и пустоты: то, что уцелело от сверхглубины южан. Если маме и Хранку посчастливилось туда забраться, они, не исключено, выжили.

Триксия нахмурилась, она видела выпуск новостей.

— Но в отчете говорилось, что там слишком опасно вести раскопки, иначе пустоты просто обрушатся внутрь. — А когда взойдет Новое Солнце, миллионы тонн камня в любом случае обвалятся в глубину.

— Ага, но время что-то придумать у нас есть. Мы усовершенствуем техники раскопок, применяемые людьми. Возможно, удастся подобраться туда, прорыв реально глубокий туннель, начав за много миль и поддерживая его в равновесии кейворитом. Настанет день, незадолго до восхода Нового Солнца, когда мы раскопаем те сверхглубины. И если мама с Хранком там, живые, мы их вытащим.

Они направились вокруг склона к северу. Даже будь это тот самый склон, где Шерканер сбежал

от Тракта, они ушли довольно далеко от места, где в тот день мог опуститься Тракт. Тем не менее Виктория вглядывалась в каждую тень.

Триксия не смогла за ней угнаться. Остановилась, выпрямилась, глянула вдаль. Небо над северным горизонтом светилось, словно там раскинулся город. Так оно и было. Старые поля ракетных шахт исчезли, и мир нашел плоскогорью лучшее применение. Там теперь добывали кейворит. Компании со всего неспящего мира устремились туда. С орбиты видно было, как тянутся от исходного места клановых разработок все новые и новые шахты, уходя на тысячу миль в безжизненную глушь. На шахтах работали пауки: миллионы их. Даже если синтезировать это волшебное вещество никогда не удастся, кейворит произведет революцию во внутрисистемных полетах, частично возместив досадное отсутствие иных небесных тел.

Виктория, казалось, почувствовала, что Триксия за ней не поспевает. Паучиха отыскала закругленный выступ скалы, укрытый от ветра, и устроилась там. Триксия села рядом, обрадовавшись, что они теперь на одном уровне. На юг тянулась равнина, покрытая сотнями холмов, и каждый мог оказаться последним пристани-

щем Шерканера. А в сияющем у горизонта небе медленно уходили вверх крошечные пятнышки света: космические антиграв-грузовозы. В человеческой истории антигравитация всегда причислялась к Несбыточным Грезам. Ну и вот она.

Вики некоторое время молчала. Человек, не зная пауков, мог бы подумать, что она спит. Но Триксия видела красноречивые подергивания пищевых рук подруги и слышала непереводимое бормотание. Вики частенько впадала в такое состояние; часто выпадала из образа, который укрывал ее и от сотрудников, и от Белги Андервиль, и от пришельцев из космоса. Маленькая Виктория, как полагала Триксия, справилась отлично: ее мать не могла бы управиться лучше. Она сделала возможным окончательный успех великой контрразведывательной операции своих родителей. Триксия видела в своих наглазниках дюжину неотвеченных вызовов: внешний мир пытался достучаться до майора Лайтхилл. Виктория могла сейчас уделить себе лишь час-два в сутки. И если не считать Брента, Триксии одной было известно, какие тревоги гнетут Викторию Лайтхилл.

В(ы)ключенная поднималась в небеса, пере-

мещая тени по неровному ландшафту. Теплее в Верхней Экваториии на ближайшие двести лет уже не станет, и в это время В(ы)ключенная способна была вызвать разве что слабый туман сублимации замерзших газов.

— Надеюсь на лучшее, Триксия. Папа и генерал — они оба были такие умные. Не могли они оба погибнуть. Но они — и я — столько всего совершили… тяжкого. Те, кто нам доверял, погибли.

— Это была война, Виктория. С Педурой и авральниками.

Триксия и сама себя так успокаивала, вспоминая про Цзоби Жэюн.

— Угу. И те, кто выжил, чувствуют себя неплохо. Даже Рахнер Тракт. На королевскую службу он никогда больше не вернется. Он чувствует, что его предали. И его *действительно* предали. Но там, наверху, Джирлиб и Диди сейчас… — она махнула в направлении первой точки Лагранжа, — создают нечто вроде паучьей Чжэн Хэ. — Она замолчала и вдруг резко стукнула по скальному насесту. Триксия слышала гневные и оборонительные нотки в ее настоящем голосе.

— Будь оно все проклято! Мама была отличным генералом! Я бы ни за что не справилась; во мне слишком много от папы. В ранние годы это

срабатывало: его и ее гениальные способности умножали друг друга. Но с течением времени скрывать контрразведывательную операцию становилось все тяжелее. Видеомантика стала превосходным прикрытием; она позволила нам разжиться независимым от внешних источников оборудованием и пересылать данные мимо ваших хоботков. Но ошибись мы хоть *раз*, догадайся люди… они бы нас всех уничтожили. У мамы сердце разрывалось.

Ее пищевые руки бесцельно захлопали по воздуху, издавая придушенное шипение. Виктория плакала.

— Я только надеюсь, что она Хранкнеру рассказала. Он был самым верным ее другом за всю жизнь. Он нас любил, хотя считал уродами. А мама не сумела этого принять. Она слишком много требовала от дяди Хранка, а когда он не пожелал меняться, она…

Триксия приобняла ее рукой за середину туловища: лучшее приближение к объятию всеми лапами, какое способен изобразить человек.

— Ты знаешь, что мы с папой горели желанием посвятить Хранка в нашу операцию. В тот последний раз в Принстоне мы с папой подумали, что получится, что мама нам это спустит. Но нет.

Генерал была… злопамятна. С другой стороны, она ведь… ну… попросила Хранка сопроводить ее в Саутмост. Если она ему доверилась в этом, то наверняка и в остальном тоже. Разве нет? Наверняка она открыла ему, что не все усилия были напрасны.

Эпилог

Семь лет спустя

У мира пауков появилась луна, астероиды первой точки Лагранжа перевели на арахно-синхронную орбиту на широте Принстона. По стандартам большинства обитаемых миров — жалкое зрелище, едва различимое с поверхности. В сорока тысячах километров над планетой алмазно-ледовая глыба тускло поблескивала в свете звезд и солнца. И напоминала половине мира, что Вселенная не такова, как они прежде думали.

Впереди и позади астероида протянулась цепочка крохотных звездочек; бисеринки эти год от года разгорались все ярче. Времянки и заводы пауков. В ранние годы — самые примитивные конструкции, какие только видел космос, дешевые, громоздкие, тесные, парящие на кейворитных крыльях. Но пауки учились быстро и хорошо.

Раньше на Гранд-базе Арахны уже устраивались торжественные обеды. Сам король поднимался на орбиту — проводить уходящую к Трехземью флотилию. Ее составляли четыре

звездолета, переоснащенные новой капитальной промышленностью его империи и всего мира. Флот уносил не одних лишь торговцев Чжэн Хэ, трехземельцев и бывших авральников. На корабли погрузились также двести пауков во главе с Джирлибом Лайтхиллом и Рахнером Трактом. Суда снабдили первыми образцами усовершенствованных двигателей и гибернаторов. И еще более важной информацией: ключами к зашифрованной передаче, предварительно отосланной по лучу на Трехземье и Канберру.

Для этих проводов в космос поднялись почти десять тысяч пауков, в том числе король. Они прибыли на одном из первых всеарахнийских космических паромов, и «обед» растянулся более чем на триста килосекунд. С этой поры пауки в космосе вокруг Арахны превзошли численностью людей.

Фам Нювен считал это единственным приемлемым вариантом. Клиентские цивилизации обязаны господствовать в окрестностях своих планет. Черт подери, да с точки зрения Чжэн Хэ это и было их основной функцией: служить гаванями, где суда торговцев могли бы ремонтироваться и дозаправляться, и рынками для извлечения прибыли из межзвездных путеше-

ствий.

Для второй церемонии прощания Гранд-базу забили почти так же плотно, как во время проводов экспедиции к Трехземью, но торжественный обед выдался камерным, всего на десять-пятнадцать особ. Фам понимал, что Эзр, Киви, Триксия и Вики специально об этом позаботились, желая, чтобы все смогли высказаться и услышать остальных. Вероятно, в последний раз столько выживших победителей великой игры вообще увидят друг друга своими глазами.

Пиршественный зал арахнианской Гранд-базы являл собой новое слово во вселенских технологиях. Пауки провели в космосе от силы двести мегасекунд, чуть меньше семи здешних лет. Зал стал их первой попыткой соорудить грандиозную конструкцию для условий невесомости. Конечно, до мастерства парковых биоинженеров Чжэн Хэ им было далеко. Пауки в общем-то даже не понимали, что для любого космопроходца величайшим символом власти и могущества в космосе выступает как раз живой парк. Вместо этого королевские дизайнеры предпочли неорганические конструкции Чжэн Хэ и попытались скрестить их в невесомости с собственными архитектурными традициями. Несомненно, спустя

век-другой над таким уродством будут потешаться. А может, эта оплошность войдет в канон.

Внешняя стена представляла собой слоистую мозаику сотен прозрачных пластин, закрепленных в титановой сетке. Некоторые из кварца, иные из алмаза; встречались почти непрозрачные для глаз Фама. Пауки все еще предпочитали естественное окружение. Видеообои и человеческие дисплеи оказались не в состоянии отразить богатство паучьего зрительного восприятия. Многогранная поверхность загибалась наружу, образуя пузырь диаметром метров пятьдесят. У основания базы паучьи дизайнеры установили террасу-насыпь с широкими и пологими, по арахнианским меркам, лестницами, ведущими к пиршественным столам. Людям она бы показалась крутым уступом со странными широкими брусьями вместо ступеней лестницы. В целом же эффект — что для людей, что для пауков — получался одинаковый: где ни сиди и откуда ни гляди — увидишь половину небосклона. Гранд-база была масштабной структурой, снабженной системами приливной стабилизации, а пиршественный зал находился на том конце ее, который смотрел на Арахну. Если взглянуть оттуда прямо вверх, мир пауков занимал

большую часть обзора. Если же скосить взгляд, проявлялось хаотичное скопление космических глыб и человеческих хабитатов, с каждым годом разбухавшее в размерах. В другом направлении виднелись Королевские верфи. На таком расстоянии верфи казались нераздельным роем огней, периодически возбуждаемым мимолетными вспышками. Пауки строили машины, которые будут создавать машины. Еще через год с небольшим на свет появится опорный хребет первого их прямоточного тарранника.

Анне и Фам явились точно в назначенное время. Каким бы камерным ни выдался банкет, от гостей требовали соблюдения формальностей. Они перелетали с яруса на ярус террасы, касаясь ступенек, чтобы задать направление на круглый пиршественный стол. Хозяева, Триксия и Вики, уже ожидали их. Там же были Киви и Эзр вместе с остальными приглашенными арахнидами и людьми. Анне и Фам явились последними: гости, с которыми предстояло распрощаться.

Когда все устроились за столом, пауки-официанты поднялись от основания террасы, неся блюда, человеческие и паучьи. Две расы без труда принимали пищу вместе, хотя каждая находила вкусы другой гротескно странными.

Они поглощали закуски в традиционном для пауков молчании. Потом Триксия Бонсол поднялась со своего места среди пауков и произнесла речь, столь же церемонную, как на прощании с Джирлибом. Фам застонал про себя. Если не считать Белги Андервиль, тут все были его близкими друзьями. Он знал, что их отношение к формальностям немногим отличается от присущего ему самому. И все же сегодня атмосфера царила чуть печальней, чем полагалось бы на простых проводах. Он украдкой оглядел собравшихся. Все такие чопорные: люди в официальных костюмах для невесомости, чей дизайн уходил в прошлое по крайней мере на тысячу лет. Но непохоже, чтобы тут кто-нибудь собирался соблюдать дипломатический протокол. Андервиль, вероятно, самая въедливая, но даже она не придавала этому особого значения. Если же слово возьмет еще кто-нибудь, обед того и гляди закончится совсем без разговоров по душам.

Поэтому, когда Триксия закончила речь и села, Фам аккуратно опрокинул пол-литра вина в воздух над своим местом. Темно-красная жидкость покачалась вверх-вниз — зрелище, способное напрячь кого угодно в попытках определить, на кого она прольется. Фам сунул в разбухав-

шую каплю палец и раскрутил ее. Пузырь вина вытянулся, заплелся в косички под влиянием собственного поверхностного натяжения. Теперь он уж наверняка завладел их вниманием, и даже не столько людей, сколько пауков. Фам жестом отогнал официанта, который уже спешил к нему с вакуумной салфеткой. Усмехнулся аудитории:

— Клевый трюк, э?

Киви наклонилась вперед, взглянуть на него через стол.

— Будет совсем круто, если ты эту штуку сумеешь опустить, никого не заляпав. — Она тоже улыбалась. — Мне следовало догадаться; моя дочурка тоже любит играться с едой.

— Да. Ну что ж, я постараюсь продержать ее на одном месте, сколько смогу. — Рука его придала крутящейся косичке первоначальную сферическую форму. Пока что он даже капли на манжеты не пролил. Киви наблюдала за ним с профессиональным интересом. Некогда ей приходилось проделывать подобные фокусы со скалами весом миллиард тонн каждая. Он не сомневался, впрочем, что Кира Винь-Лизолет действительно забавляется со своей едой; Киви наверняка даже подначивает маленького дьяволенка.

Он позволил красному пузырю зависнуть над

своим местом и махнул официантам, чтобы начинали перемену блюд.

— Потом еще пару трюков покажу, вы следите.

Виктория Лайтхилл чуть привстала со своего насеста и пастеруками смодулировала голос в унылое чириканье.

— Трюки… давняя печаль уйти… *дрексип.*

По крайней мере, это расслышал Фам. Даже проведя с пауками столько времени и располагая дауншифтерскими гаджетами, позволявшими слышать все фонемы, он так толком и не выучил их языка: ни один человеческий язык этому наречию по сложности в подметки не годился. Сидящая рядом с Лайтхилл Триксия с улыбкой перевела:

— Мы будем скучать по твоим трюкам, Волшебник.

Голос ее был отмечен нотками той же печали, какие уловил Фам в голосе паучихи. Проклятье, да они прощальную пирушку в поминки превратили!

Засим Фам лучезарно улыбнулся и сделал лицо попроще.

— Да. Мы с Анне отбываем менее чем через мегасекунду. — Вместе с тысячей попутчиков: авральниками, расфокусированными, даже

некоторыми торговцами Чжэн Хэ. Три корабля, тысяча человек экипажа. — Когда мы вернемся, пройдет уже два столетия. Но послушайте, в Чжэн Хэ обычны и более долгие расставания! Знаю, у вас на верфях уже строятся корабли. — Он ткнул рукой в сторону небесной цепочки огоньков за креслом Виктории Лайтхилл. — И многие из ваших тоже отправятся в космос. Скорее всего, с некоторыми мы встретимся снова. Когда это случится, нам будет что рассказать друг другу. У Чжэн Хэ с космопроходцами это обычное дело.

Эзр Винь кивал.

— Да, но то в будущем, даже если мы не представляем сейчас ни места, ни даты встречи. Но для многих из нас эта встреча — последняя.

Эзр не смотрел ему в глаза. «В конце концов, даже Эзра я не убедил». А ведь Эзр пожертвовал на миссию Анне и Фама половину своей доли.

Киви тронула Эзра за плечо:

— Думаю, стоит условиться о времени следующего свидания, как поступают Великие Семьи.

О времени и месте, о числе прожитых жизней. Она посмотрела через стол на Анне и улыбнулась ей. Киви теперь была не только инженером высшего класса, но и отличной матерью. Большую часть времени могло показаться, что счастливей

ее вокруг нет никого. Но Фам часто видел в ее чертах затаенную скорбь; вероятно, в эти моменты она думала о собственной матери, Кире. Киви одобрила полет к Балакрее. Черт побери, да он мог поклясться, что Киви сама бы с ними полетела, кабы не Эзр, дети и новый мир, которому она тут помогала. Эзр многому научился у нее по вопросам управления людскими ресурсами и теперь соответствовал должности флот-менеджера в куда большей степени, чем в те годы, когда занимал ее. Но Эзр всецело зависел в своей работе от гения Киви. Она всегда верно определяла, какая технология потребуется паукам. Если бы не сделки, проведенные с участием Киви, паучья верфь осталась бы объектом мечтаний. Эзр неизменно считал себя неудачником, младшим сыном в семье. «Интересно, они с Киви хоть понимают, что на самом деле создают здесь?» У них дети, у Чжау с Ритой тоже, и у многих остальных. Гунле и Бенни построили для новых малышей детский сад, где маленькие люди и пауки играли вместе, пока старшие работали. Совместное предприятие людей и пауков крепло с каждым годом. Как много веков назад Сура Винь, Киви и Эзр сами летали мало, но в этой области сферы влияния Чжэн Хэ затевался такой расцвет, что

Канберре и Намчему придется потесниться.

Взрыв света. Да!

— Тогда условимся. Следующее Новое Солнце — или, может, несколькими мегасекундами позже, а то, помнится мне, когда оно только всходит, тут не слишком приятно. — Пройдет почти два века.

«Это отлично согласуется с остальными моими планами».

Триксия перевела ответ Виктории:

— Да, после следующего Поджига. Тут, на Грандбазе, — какой бы грандиозной она ни стала. — Вежливый смешок. — Надо себе записать, чтобы не проспать этот момент или не податься черт-те куда за световые годы.

— Согласны!

— Согласны!

За столом поднялся хор одобрительных голосов.

Белга Андервиль что-то жужжала и шипела. Как обычно, Фам из ее филиппики ничего толком не понял, если не считать общего настроения неприкрытой враждебности. К счастью, ей, шефу королевской разведки, полагался постоянный переводчик. Сопровождал Андервиль Цзиньминь Брут; он выслушал ее тираду с мягкой улыбкой. Бруту, казалось, нравилась старая карга. Когда

Андервиль заткнулась, Брут стер улыбку с лица и перевел с уместно-злобной гримасой:

— Это исключительная глупость или очередное проявление непостижимого для меня безумия вашей расы. У вас три звездолета. Вы намерены покончить с империей Аврала, располагая этими силами? За последние семь лет я не раз слышала от вас, что нам, паукам, нечего теперь бояться вторжения из космоса, что планетная цивилизация, достаточно развитая в военном отношении, всегда способна эффективно защитить себя. У авральников тысячи боевых кораблей в родных системах, а вы рассуждаете о победе над ними. Вы или врали нам все это время, или попросту принимаете желаемое за действительное.

Виктория Лайтхилл прожужжала вопрос, такой простой и ясный, что Триксия даже переводить не стала.

— Или вы рассчитываете на помощь Чжэн Хэ?

— Нет, — сказал Эзр. — Я вам вот что скажу: к сожалению, Чжэн Хэ воевать не умеет. Гораздо проще оставить тиранов в покое. «И пускай попробуют сами с собой торговать», как говорит старая присказка.

Анне Рейнольт в продолжение диалога сидела тихо, но теперь вмешалась:

— Все в порядке, Эзр. Ты нам помог… — Она развернулась к Белге Андервиль. — Госпожа генерал, кто-то же обязан это сделать. Аврал и фокус — новое явление. Если их предоставить самим себе, они лишь усилятся. И однажды явятся сюда, чтобы пожрать вас.

Андервиль дернула длинными руками, проявляя недоверие:

— Это вносит еще большую путаницу. В течение последних лет вы настаивали, чтоб мы торговали с вами и помогали вам вооружаться. — Человек на ее месте выразительно покосился бы в сторону Виктории Лайтхилл, которая отстаивала эту точку зрения перед королем. — Но какой вам от этого прок, если вы летите на верную смерть? Вот это мне и странно.

Анне улыбнулась, но Фам знал, что вопросы ее напрягают. Белга задавала их на множестве официальных форумов и едва ли рассчитывала добиться ответа здесь. Вопросы эти больно ранили Анне. Ведь Белга не понимает, что для Анне Рейнольт шансы на успех в этой миссии выше, чем когда-либо в жизни.

— Мы не самоубийцы, госпожа генерал. У нас есть козыри, и мы с Фамом знаем, как ими воспользоваться. — Она положила руку на плечо

Фама. — У меня под началом один из немногочисленных военачальников в истории человечества, который обладает послужным списком с историей подобного успеха.

«О да, Стрентманнианская операция — как под копирку. Господи, помоги». Мгновение все молчали. Пол-литра вина плыли к потолку зала. Фам ткнул пальцем в центр пузыря и осторожно вернул на место перед собой.

— Мы располагаем и более существенными преимуществами, чем мой командирский гений. Анне не хуже любого вахтмастера разбирается, как работает их система. — А маленький флот оснащен весьма специфической аппаратурой — первыми образцами совместной технологии людей и пауков. Но не в этом его главная мощь. Команда трех кораблей набрана в основном из расфокусированных неотвязников, которым известны принципы работы авральной автоматики, и эти люди не меньше Анне жаждут низвергнуть поработителей. Даже несколько несфокусированных авральников техподдержки полетят. Говоря, Фам смотрел, как за ним внимательно наблюдает Чжау Синь, а за Чжау — Рита Ляо. Если б не трое детей, они бы тоже отправились с ними. И даже сейчас шанс еще остается.

У Фама еще четыре дня, чтоб их уговорить. Синь был старшим пилотом у дяди Нау перед отлетом к Арахне. А последние новости с Балакреи свидетельствовали о возвращении клики Нау к власти.

Фам оглядывал аудиторию, излагая ей свои планы. Эзр с Киви, Триксия с Викторией, наверняка Чжау с Ритой. «Они все же не считают церемонию поминальной. Понимают, что наши шансы высоки, но волнуются».

— Мы также изучали бортовые журналы и листинги полученных Нау передач с Балакреи. Мы сумели внушить им, будто авральники тут взяли верх. Мы планируем внедриться глубоко в систему, прежде чем до них дойдет, что мы враги. Мы *многое* знаем о том, как устроена верхушка их общества. Принимая все это во внимание…

Принимая все это во внимание, от плана следовало бы отказаться. Но Анне права насчет фокуса, и Анне в этом нуждается больше всего на свете. Кроме того, потом ведь можно будет взяться за другой проект, куда масштабнее, и Анне и там пригодится.

— Принимая все это во внимание, я считаю, что шанс у нас есть. Это рискованная игра, отчаянная. Я бы хотел назвать наш флагманский корабль

«Диким гусем», но Анне не разрешит.

— Гы! — не сдержалась Анне. — «Расплата авральников» — имечко куда лучше. А после победы… вот *тогда* и окрестишь корабль «Диким гусем»!

Тут подали перемену блюд, и Фам не успел ей ответить. Вместо этого он показал остальным, как втянуть пол-литра вина в питьевую грушу, не разбив его на капли поменьше. И усмехнулся про себя. Даже в Чжэн Хэ такого не видали. Одно из преимуществ опыта странствий.

Банкет затянулся на много килосекунд. У них было время многое обсудить, обменяться воспоминаниями и выпить за павших друзей. Но самый грандиозный сюрприз приберегли напоследок: Анне открыла аудитории то, о чем никто из пауков не догадывался, даже Виктория Лайтхилл.

Анне под конец пирушки немного расслабилась. Фам понимал, что ей до сих пор не по себе на крупных сборищах. Она способна была *притвориться* кем угодно, но внутри оставалась человеком застенчивым, робким, хотя и не показывала этого на людях. Она научилась доверять этим существам; пока разговор не касался планов миссии по свержению Аврального режима, она,

казалось, искренне радовалась. И Анне Рейнольт все еще была необходима своим друзьям. Расфокусированных она понимала лучше всех прочих. Фам слушал ее разговор с Триксией Бонсол и Викторией Лайтхилл, в котором Анне предлагала способы усовершенствования переводческих программ. *«С первого момента как я тебя увидел, ты казалась мне особенной».* Пламенно-рыжая шевелюра, бледная, чуть ли не розовая кожа. Какой контраст с его собственными темными волосами и смуглой кожей. В этой области Людского Космоса внешность Анне могла считаться уникальной. Но когда он понял, какая за ней кроется отвага, какой ум… Да черт подери, если бы даже не планы на потом, все равно стоит полететь за ней на Балакрею.

Людям подали прохладительные напитки. Пауки для сходных целей использовали маленькие черные шарики, которые надо было, крепко сжав, высасывать и, опустошив, сплевывать в плевательницы тонкой работы. Потом Фам обнаружил, что поднимает тост за успех затей каждой группы — и намеченной через два столетия встречи тоже.

Эзр Винь перегнулся через Киви и посмотрел на него:

— А потом? Когда вы освободите Балакрею и Френк? Дальше что? Когда ты наконец нам поведаешь о своих дальнейших планах?

Анне улыбнулась Фаму:

— Ага, расскажи им наконец про охоту на диких гусей.

— Гм. — Фам непритворно смутился. Кроме Анне, он ни с кем не откровенничал на эту тему. Может, потому, что план превосходил размахом самые грандиозные его затеи прошлого?

— Хорошо. Вам известно, зачем мы явились на Арахну: нас привлекли загадки В(ы)ключенной и признаки существования на планете разумной жизни. Мы провели сорок лет под пятой Томаса Нау, но много всего замечательного узнали.

— Это правда, — сказал Эзр. — Человечество еще ни разу не находило столько всего чудесного в одном месте.

— Мы, люди, полагали, что нам известны пределы возможного. Лишь несколько упрямцев отрицали это, главным образом астрономы, любители далеких загадок. В(ы)ключенная — первая из них, какую мы рассмотрели вблизи. И гляньте, что мы обнаружили: новую звездную физику, которую еще предстоит понять; кейворит, который

мы понимаем еще меньше…

Фам осекся, заметив взгляд Киви. Ей будто кошмар наяву привиделся. Она поспешно отвернулась, но Фам молчал, и спустя миг Киви нехотя, очень тихо заговорила:

— Томас Нау любил рассуждать на эти темы. Томас был злодей, но… — Но злодеи, самые опасные из них, зачастую выдвигают отличные идеи. Она сглотнула слюну и продолжила, несколько оживившись: — Помню, когда первые пробы ДНК из океанского льда отдали фокусированным на анализы, там разнообразия биоматериалов оказалось больше, чем в тысяче миров. Аналитики считали, что это обусловлено богатством жизненных ниш Арахны. Томас же… полагал, что причина иная: что когда-то очень давно Арахна была перекрестком миров.

Эзр взял Киви за руку:

— Это не только Томас Нау. Мы все диву давались. Тут в округе слишком много кристаллического углерода — алмазные ракушки, астероиды. Чьи-то компьютеры? Но ракушки слишком маленькие, а наши скалы в первой точке Лагранжа слишком большие… и все они нынче мертвый камень.

— Может, не совсем так, — сказал Чжау Синь

на другом конце стола. — Есть же кейворит.

Белга Андервиль прогудела что-то без особого удивления, Виктория залилась жужжащим хохотом. Спустя миг Цзиньминь перевел:

— Значит, секта Хелмовых Уродцев обрела новых приверженцев. Только теперь надлежит считать наш мир мусорной свалкой, а нас, пауков, продуктом эволюции мусорных червей богов. Если так, где ж остатки вашей сверхимперии?

— Не… не знаю. Вы вспомните, это было пятьдесят-сто миллионов лет назад. Возможно, у них война случилась. Одно из простейших объяснений: ваша солнечная система стала полем битвы, ее солнце испортилось, а все планеты, кроме одной, испарились. — А эту единственную выжившую защитило некое могучее волшебство. — А быть может, империя просто переросла во что-то иное и оставила вас развиваться своим чередом. — Некоторые варианты, будучи озвучены, ему самому показались глупыми.

Пищевые руки Андервиль распростерлись в эквиваленте недоверчивой усмешки.

— Вы говорите совсем как Хелм! Но понимаете ли, ваша «теория» объясняет все, однако не является ни доказуемой, ни практически полезной.

Гунле Фун цапнула воздух рукой: неосознанно

перенятый паучий жест.

— Ну а с чем тут спорить? Арахна — место, где некогда сбывались Несбыточные Грезы. Да, это так. Простое и универсальное объяснение. Но мы-то живем здесь и сейчас, у нас несколько сот, может несколько тысяч, световых лет в распоряжении. Каким бы ни было объяснение, можно себя на всю жизнь обеспечить, просто раскапывая клады Арахны!

Фам вежливо кивнул:

— Да. Ответ истинной торговки Чжэн Хэ. Но, Гунле, я родился в цивилизации замков и пушек. Я прожил долгую жизнь, не считая даже пребывания в анабиозе, и многое повидал. С Рассветной Эпохи мы, люди, кое-что узнали тут, кое-что там, но в основном поняли пределы возможного. Планетные цивилизации взлетают к величию и рушатся. В зените славы их свершения величественны, но тем резче контраст с последующей тьмой. — Пушки и замки, ежели не что похуже. — А даже Чжэн Хэ — мы процветаем и сохраняем себя, но нам известны пределы, к которым можно лишь стремиться без надежды достичь их, — вроде скорости света. Я разбил себе лоб о них у Провала Брисго. Когда я узнал про фокус, то подумал, что вот он — способ навеки рассеять

тьму между цивилизациями. Я ошибался. — Он посмотрел Анне прямо в глаза. — Я оставил свою мечту, мечту всей своей жизни… и огляделся. Тут, на Арахне, мы наконец обнаружили нечто, *выходящее за пределы.* Лишь намеки, осколки и ошметки давней роскоши. Гунле, существуют горизонты планирования за горизонтами планирования… Эзр меня спрашивал, что я собираюсь делать, когда мы повергнем авральников, после той встречи. Ну что ж, я собираюсь отправиться туда, откуда прибыла Арахна.

Скрипучий перевод Триксии отнял еще миг, а потом пала ошеломленная тишина. Эзр оцепенел. Фам хранил свои планы в секрете от всех, кроме Анне; учитывая, сколько тут всего творилось, сберечь тайну оказалось не особенно трудно. Эзр Винь же всю жизнь восхищался Рассветной Эпохой и Несбыточными Грезами, и его проняло: он понял, что мечтания еще могут сбыться. Затем критическое мышление к нему вернулось. Он не сетовал, ибо искренне *желал* Фаму удачи, но…

— А какой курс ты выберешь? И…

— Какой курс? Это легкий вопрос, хотя у нас еще пара веков в запасе, чтобы обдумать его. Человечество тысячи лет смотрело на звезды в

поисках следов высоких технологий. Время от времени почти любые клиенты строят массивы стометровых зеркал и пытаются друг друга перещеголять, изобретая все более хитроумные способы заглянуть как можно дальше. Мы видели некоторые далекие загадки. Там и сям в Галактике попадаются прямоточные звездолеты и древние радиопередачи.

— Но если б там было что-нибудь еще, мы бы заметили, — сказал Эзр, явно понимая, к чему идет разговор. Эти споры повторялись с глубокой древности.

— Если туда вообще можно заглянуть. Но галактическое ядро плотно закрыто облаками в большинстве мест. Если наша сверхцивилизация не пользуется радио и изобрела что-нибудь получше таранников… то лишь внизу, в ядре, могли они ускользнуть от нашего внимания. — А эксцентричная орбита В(ы)ключенной по крайней мере однажды пролегла через эти незримые глубины.

— Хорошо, Фам, я согласен, тут все сходится. Но ты говоришь сейчас о путешествии на тридцать тысяч световых лет к ядру, почти как до теневых облаков.

Гунле заметила:

— В сто раз дальше, чем совались мы из Чжэн Хэ. Без «заправочных станций» по пути ваши таранники откажут менее чем через тысячу лет. Можно мечтать о такой миссии, но она вне наших возможностей.

Фам улыбнулся всем присутствующим:

— Она вне любых наших возможностей *в данный момент*.

— А я о чем? Такая возможность всегда ускользала от нас.

Но в глазах Эзра загорались лучики надежды.

— Гунле, он имеет в виду, что в будущем все изменится.

— Да! — Фам наклонился вперед, размышляя, скольких сумеет увлечь своей мечтой. — Проведем небольшой мысленный эксперимент. Представьте себя в Рассветной Эпохе. В то время, на протяжении нескольких кратких столетий, люди всерьез *ожидали*, что в будущем все будет только совершенствоваться. Арахна вернет и вам, и нам часть их духа. Может, вы сами сейчас мне не верите. Вы не понимаете, какую цивилизацию создаете! Вы, Эзр и Киви, основали Великую Семью, которая станет величайшей за всю историю Чжэн Хэ. Триксия, Виктория и пауки — величайшая торговая возможность в нашем

деле. И вы сами только начинаете постигать природу противоречий и загадок Арахны. Вы правы: сегодня обсуждать мой план — все равно что детям, играя в прибое, обсуждать, как было бы классно переплыть океан. А давайте побьемся об заклад, что к следующему Поджигу у вас уже появится нужная мне технология?

Он посмотрел на сидевшую рядом Анне. Та улыбнулась в ответ — счастливой и чуть иронической усмешкой.

— Мы с Анне и теми, кто полетит в нашей флотилии из трех кораблей, намерены свергнуть режим Аврала. Если мы в этом преуспеем, ну, в смысле, *когда* преуспеем… остатки Аврала — все еще вполне высокотехнологичная цивилизация. Мы построим флот крупнее, по меньшей мере из двадцати кораблей. И Анне позволит мне переименовать флагман в «Дикого гуся». Мы вернемся и переоснастим корабли для… поиска.

А сохранится ли у Анне желание последовать с ним туда? Она уверяла его в этом. Но вдруг лишь жажда мести тиранам Аврала поддерживает в ней жизнь? Может, и нет. Победив, они целые миры превратят в палату для расфокусированных вроде Аттика в Хаммерфесте. Может, она не сумеет оторвать себя от задачи спасения этих лю-

дей. Тогда что? «Не знаю». Когда-то он прекрасно справлялся сам. Теперь… «Как же я изменился!»

Улыбка Анне стала формально-вежливой. Они скрепили договор рукопожатием и кивками. Фам переглядывался с остальными: Киви сидела озадаченная, а у Эзра сделался такой вид, словно он отчаянно старается поверить, но груз многолетних разочарований утягивал его вниз. А что до пауков, то их телесные аспекты варьировали от недоверчивого «ну-ну» Андервиль до…

В продолжение речи Фама Виктория Лайтхилл сидела совершенно неподвижно, даже пищевыми руками перестала двигать. Теперь заговорила, издав картавую паучью трель — печальную, раздумчивую и восхищенную. Триксии пришлось перевести:

— Папе бы этот план понравился.

— Да, — только и сказал Фам.

Андерхилл был гений и мечтатель, фигура прямо из Рассветной Эпохи. Фам уже давно прочел «Дневники видеомантики», написанную Триксией историю контрразведывательной операции Андерхилла. Паучара так плотно оплел своими сетями автоматику авральников, что фокусированная Анне Рейнольт заметила его прослушку и приписала ее заговорщикам-людям. Под конец

Андерхилл узнал о фокусе и о том, что у людей нет ни ИИ, ни технологии, немыслимо превосходящей его собственную. Шерканера Андерхилла, вероятно, сильно опечалили нарисовавшиеся на светлом пути пределы прогресса.

За его спиной Анне склонила было голову, словно соглашаясь, но колеблясь. Потом отчебучила нечто такое, что удивило всех, ее саму в том числе, а сильнее всего — пауков. Она склонила голову набок и спросила с хитрой улыбочкой:

— А почему вы считаете, что он не выжил? У него же информации было не меньше нашего, а воображение работало куда лучше. Почему вы уверены, что он не разработал никакого экстренного плана и для себя?

— Анне, я читал «Дневники». Был бы он жив, сидел бы тут.

Она помотала головой:

— Я вот что думаю. Глубинная тяга — чувство, которого людям просто не понять, а Шерканер был уверен, что Смит мертва. Но Шерканер Андерхилл не единожды поражал как людей, так и пауков. Он раскинул Паутину в немыслимые дали — он узрел небесную глубину. Думаю, он где-то там, внизу, прячется. Собрался пережить все тайны.

— Может быть… может быть. — (Фам затруднился сказать, чьи это слова, Триксии или Виктории, исполненные тихого восторга.) — Вообще-то, мы ведь точно не знаем, в какой точке плоскогорья он приземлился. Если он это место загодя высмотрел, шанс у него оставался.

Фам посмотрел наружу, на лик Арахны. Планета охватывала тридцать градусов неба — исполинская черная жемчужина. По всему континенту к Южному полушарию, а также в тусклом сиянии восточного моря, протянулись золотые и серебряные ниточки. И все же значительные территории еще лежали во мраке. Так они и останутся нетронутыми, мерзлыми, безмолвными до самого конца Тьмы. Фама пробила внезапная дрожь понимания. Да. Как знать, возможно, где-то там, внизу, спит старый паук, ожидая пробуждения для встречи со своей дамой… и начала величайшей своей разведывательной операции.

Высоко и глубоко, мир познать нам нелегко.

Болтушка
Повесть

Предисловие от автора

В романе «Затерянные в реальном времени» я коснулся темы Сингулярности. Закончив эту книгу, я и сам чувствовал себя потерянным. Чем ближе мои истории подходили к Сингулярности, тем сильнее сужались временны́е рамки действия и тем меньше оставалось места для приключений, на которых я вырос. Любая история будущего, включающая такие события, будет короткой поездкой на край скалы и оттуда — в пропасть, где нет ни чужаков человеческого уровня, ни межзвездных цивилизаций, доступных общению.

Если бы я стремился построить историю будущего, честней всего было бы экстраполировать быстрый конец человечества как такового — или написать цикл, в целом верный канону научной фантастики, а втайне приверженный фэнтези: этот цикл следовало построить на идее *отсутствия* научно-технического прогресса, который

мне казался неминуемым. Я зашел в тупик и не мог справиться с этой дилеммой года два.

В конце концов я нашел решение, которое оставляло меня верным своим идеям, но позволяло прописать характеры, сопоставимые с людскими, и создать историю о межзвездных приключениях. Решение? В общем-то, я попросту обошел собственные экстраполяции, как станет ясно из этой повести. «Болтушку» можно считать тестовым полетом во вселенную моих романов о Зонах Мысли.

* * *

Некоторые мечты умирают долго. Некоторые получают отсрочку приговора в последний миг… может, это самый скверный вариант.

От места, где проходил концерт элвисовских реконструкторов, до центра кампуса было немногим больше двух кликов. Хамид Томпсон пошел по более длинному пути, через поросшие стерней поля Баркеров и Старое Подразделение. Болтушка уж точно предпочитала именно эту дорогу. Она носилась туда-сюда вдоль тропы Хамида, разрывала тараканьи норы, исподтишка высматривала и потом скрадывала призывными криками птиц. Как всегда, охотилась она скорее ради забавы,

чем ради добычи. Когда птица оказывалась на расстоянии броска, Болтушка стремительно вскидывала морду, тыкалась в птицу носом и заливалась совсем человеческим смехом. Болтушке уже давненько не выпадало случая так позабавиться: птицы в обычных ее владениях уже привыкли, и пугать их было неприкольно.

За Старым Подразделением, где начиналась обрывистая тропа в скалах, тараканьи норы исчезли, а птицы сделались осторожней. Болтушка по-свойски трусила рядом с ним, мурлыча что-то себе под нос; фрагменты элвисовских песен переплетались с обрывками новостных выпусков месячной давности. Минуту-другую она бежала в молчании — слушала? Что бы ни твердили злопыхатели, Болтушка умела и молчать и гомонить целыми часами одинаково, хотя даже в часы ее молчания Хамид временами ощущал в голове жужжание или колющую боль. Мембраны Болтушки излучали в полосе частот шириной аж двести килогерц, так что бóльшую часть ее звукоподражаний человеческое ухо не улавливало.

Они достигли верхнего участка тропы.

— Сядь, Болтушка. Отдышаться надо.

«И полюбоваться видом. А заодно решить, что, во имя небесных угодников, нам с тобой теперь

делать».

Вершины скал были самыми высокими естественными обзорными площадками провинции Нью-Мичиган. Вокруг раскинулись равнины, пестрящие прудами, прорезанные ручейками и речками, — лучшие на материке земли для ведения хозяйства. С орбиты колонисты-первопоселенцы не нашли ничего лучшего. Поселиться на воде было бы проще, но основатели стремились максимизировать вероятность долговременного выживания колонии. В тридцати кликах отсюда, полускрытые полосой серого тумана, лежали переплавленные в стекло земли Зоны Высадки. Учебники истории утверждали, что для выгрузки людей и багажа с корабля-матки потребовалось три года. Даже сейчас исстеклованная зона оставалась слегка радиоактивна — дополнительный повод для миграции с перешейка на Западные Земли.

Если не считать лесопосадок вокруг остеклованных полос да старого университетского городка сразу под обрывом, в этом направлении не было видно ничего, кроме полей: нескончаемые коричневые, черные и серые прямоугольники. Стояла глубокая осень, и последние земные деревья сбрасывали цветастую листву. По равнинам

гулял стылый ветер, нос подмораживало — значит, скоро выпадет снег. На следующей неделе Хеллоуин. И правда, Хеллоуин. «Любопытно, а за тридцать тысячелетий истории Человека хоть раз выпадало отметить этот праздник так, как мы собираемся на следующей неделе?» Хамид подавил порыв оглянуться на Маркетт. Место это, вообще говоря, было у него одним из любимых: столица планеты, население четыреста тысяч, настоящий город. Ребенком он воображал путешествие в Маркетт чем-то вроде дороги в далекую звездную систему. Но теперь реальность взяла свое, а звезды стали так *близки*… Он мог, не оборачиваясь, указать местоположение любой туристической баржи. Те парили над городом, как цветные воздушные шары, массой не больше тысячи тонн каждая. А еще там были их *челноки.* После фестиваля элвисовских реконструкторов Хеллоуин остался единственным крупным событием на маркеттском участке Турпоездки. Затем Туристы направятся на Запад, взыскуя новых полуподделок под американскую жизнь.

Хамид откинулся на сухой мох, служивший ему ковриком на скале.

— Ну и что мне делать, Болтушка? Продать тебя? Если так, то, может, оба выберемся Туда,

Вовне.

Уши Болтуньи вздернулись.

— Поговорить? Обменять? С отвращением?

Она подтащила к нему свои сорок килограммов и умостила голову на груди хозяина. От лобных мембран исходил звук, подобный мурлыканью какого-нибудь трансцендентного кота. Цветной шум: отдает жужжанием в груди, ощутимо резонирует о валун, на котором они устроились. Немногое Болтушка любила больше, чем задушевный разговор. Хамид погладил ее по черно-белой шерсти.

— Я спрашивал, стоит ли тебя продать?

Мурлыканье прервалось. На миг Болтушка, казалось, задумалась. Голова ее повертелась туда-сюда, закачалась — отличная имитация мимики одного университетского профессора. Она вытаращила на него темные крупные глаза:

— Не торопи меня! Я думаю. Я думаю.

Она принялась вылизывать гладкую шерстку у основания гортани. Насколько понимал Хамид, она и вправду размышляла, что ему ответить. Временами она проявляла почти подлинное понимание… почти осмысленное. Наконец пасть захлопнулась, и Болтушка заговорила:

— Стоит ли тебя продать? Стоит ли тебя про-

дать?

Интонации Хамидовы, но голос не его. В таких случаях она обычно говорила голосом взрослой женщины (и очень симпатичной, подумал Хамид). Она не всегда вела себя так. Когда Болтушка была щенком, а Хамид — мальчишкой, она говорила с ним голосом другого мальчика. Стратегия ясна: Болтушка знала, какой голос ему нравится. Животная хитрость?

— Ну, — продолжила она, — *я* знаю, что я надумала. Покупать, но не продавать. И всегда по лучшей цене.

Она часто изображала оракула. Но Хамид знал Болтушку всю свою жизнь. Чем длиннее реплика, тем меньше в ней понимания. Если так… Хамид вспомнил уроки экономики. Это было еще прежде, чем он поселился в нынешнем своем обиталище, а Болтушка тогда добрую часть семестра пряталась у него под столом. (Для всех, кто в курсе, семестр получался восхитительный.) *Покупать, но не продавать.* Разве это не цитата из речей какого-то магната девятнадцатого века?

Она продолжала молоть языком, и каждая следующая фраза была все слабее связана с вопросом. Через какое-то время Хамид сгреб зверька за шею, смеясь и плача одновременно. Они повозились

в потешной борьбе на склоне скалы. Хамид боролся не в полную силу, а Болтушка старательно втягивала когти. Неожиданно его опрокинуло на спину, и Болтушка взгромоздилась ему на грудь. Нос Хамида оказался зажат меж длинных челюстей любимицы.

— Скажи *дя-дя*! Скажи *дя-дя*! — завизжала она.

Зубы Болтушки несильно выступали, но хватка была что надо; Хамид тут же признал поражение. Болтушка спрыгнула с него, триумфально зафыркала и потянула за рукав — вставай, мол. Он поднялся, аккуратно потирая нос:

— Ладно, чудовище, пошли дальше.

Он махнул вниз по склону, в сторону городка Анн-Арбор.

— Ха-ха, точно! Пошли дальше.

Болтушка устремилась вниз по скале — ему ни за что такой темп не взять. Но каждые несколько секунд существо замирало, оглядываясь, идет ли он следом. Хамид покачал головой и стал спускаться. «Черт, да тут недолго ногу сломать, догоняя зверушку». Каков бы ни был ее родной мир, зима в окрестностях Маркетта явно кажется Болтушке родней всех остальных времен года. Взять хотя бы ее расцветку: пронзительные черные и яркие белые полосы, залихватские за-

витушки и дуги. Он видел такой узор у тюленей на льду. Когда выпадал снег, Болтушка почти сливалась с пейзажем.

Она обогнала его метров на пятьдесят. С такого расстояния Болтушка вполне могла сойти за собаку, вроде борзой. Но лапы слишком мощные, а шея чересчур длинна. Голова скорее не как у пса, а как у морского млекопитающего. Разумеется, лаять она умела. Как и подражать грому или имитировать человеческий разговор — притом одновременно. На всей Срединной Америке она одна такая. На прошлой неделе Хамид узнал, что Там, Вовне, существа ее племени почти столь же редки. Турист хотел ее купить… а у Туристов в ходу монета, за которой Хамид Томпсон гонялся больше половины своих двадцати лет.

Хамиду отчаянно требовался совет. Он уже лет пять не спрашивал совета у отца; лучше провалиться, чем снова пойти на поклон. Оставался университет и Лентяй Ларри…

По срединноамериканским меркам Анн-Арбор мог считаться *древним* городом. На планете, конечно, были места и древнее: рядом с Зоной Высадки еще сохранялись постройки Старого Маркетта. Школьные экскурсии к ним были коротки: примитивные сборные металлические

домики еще фонили. И разумеется, в нынешней столице там и сям были воткнуты дома, возрастом почти не уступавшие самой колонии. Однако бóльшая часть университетского комплекса Анн-Арбор датировалась временем, непосредственно следующим за первыми постоянными сооружениями: университет вел обучение уже сто девяносто лет.

Сегодня что-то случилось, и к проблемам Хамида это не имело отношения. По дороге в город они заметили, как из Маркетта поднимается и начинает кружить над университетом пара полицейских вертолетов. Некоторые излюбленные Хамидовы маршруты были заблокированы университетской охраной. Наверняка это для безопасности Туристов. Придется пробираться через главный вход мимо здания математического факультета. Черт. Даже десять лет спустя он продолжал ненавидеть это место. Годы, когда его считали способным к математике. Дополнительные занятия, к которым его принуждали родители (а он даже толком разобраться в предмете не мог). Слезы и домашние ссоры — покуда он наконец не убедил родителей, что он не тот, кем они его возомнили.

Они миновали административный корпус.

Хамид почти не замечал ни изящных контрфорсов здания, ни побегов плюща, сплетавших в причудливое единство каменные стены и тонкие деревца вдоль улицы. Все это было ему знакомо… а что внове, так это машины федеральной полиции. Кое-где крутились стайки студентов-зевак, с любопытством наблюдая за копами, но на мятеж не похоже. Любопытство легко понять: федералы в кампусе появились впервые.

— Веди себя тихо, а? — пробормотал Хамид.

— Ну да, конечно. — Болтушка вобрала голову в плечи, притворяясь обычной собакой. Было время, они с ней пользовались тут изрядной популярностью, но этим летом Хамид бросил учебу, и студенты нашли себе другие достопримечательности. Когда они прошли под аркой главных ворот, ни студенты, ни копы даже словом с ними не перекинулись.

Самый большой сюрприз поджидал их возле развалюхи Морал-Холла, где обретался Ларри. Морал-Холл был не настолько стар, чтобы считаться памятником архитектуры, но все же достаточно, чтобы порядком обветшать. Здание возвели из кирпичей, изготовленных по экспериментальному методу, и эксперимент провалился: известка во множестве мест потрескалась, ее поел гри-

бок, в дыры меж кирпичей забегали грызуны и проникали побеги плюща. Сооружение напоминало скорей красноватый термитник, нежели человеческую постройку. Сюда университетские чинуши ссылали провинившихся: Квартал Забвения… но сегодня все изменилось. На парковке стояли полицейские машины, а у входа дежурила вооруженная охрана.

Хамид поднялся по лестнице. У него возникло неприятное ощущение, что сегодня до Лентяя Ларри добраться будет тяжелее, чем до любого другого профессора на свете. С другой стороны, работа с Туристами означала, что некоторым охранникам Хамид наверняка знаком. К сожалению, не этому охраннику.

— Вам кого, сэр?

— Я хочу увидеть своего руководителя… профессора Фудзияму.

Ларри никогда не был ему руководителем, но Хамид нуждался в его совете.

— Гм. — Коп переключился на ларингофон. Хамид мало что расслышал, но *эту черно-белую инопланетную зверюгу* опознал с уверенностью. Надо было провести последние двадцать лет в пещере, чтобы не знать, кто такая Болтушка.

Прошла минута. В дверях возникла офицер

постарше.

— Извини, сынок. Мистер Фудзияма на этой неделе не консультирует студентов. У него федеральный проект.

Где-то заиграла погребальная волынка. Хамид наступил Болтушке на переднюю лапу, и волынка смолкла.

— Мэм, но я не по учебе. — Внезапное озарение: почему бы не прикрыться полуправдой? — Это насчет Туристов и моей Болтушки.

Офицер вздохнула:

— Этого я и боялась. Ладно, пойдем со мной.

Входя в темный вестибюль, Болтушка торжествующе захихикала. Порою она выбирала объектом своих шуток не тех людей и получала по лбу, но, похоже, не сегодня.

Они миновали два лестничных пролета. Освещение стало еще хуже: полудохлые флуоресцентные трубки в отделанном шумопоглощающими плитками потолке, и только-то. Кое-где деревянные ступеньки угрожающе подавались под ногами. Хамид нигде не заметил ожидавших своей очереди студентов, но это не значило, что копы выскоблили факультет: за одной дверью раздавался громкий храп. Квартал Забвения в целом и Морал-Холл в частности — странное ме-

стечко. Единственной общей чертой сосланных сюда преподавателей было то, что все они были кому-то выпершим гвоздем в сапоге. Поэтому в Квартале оседали и самые талантливые, и самые бездарные.

Кабинет Ларри располагался в полуподвале, в самом конце длинного коридора. У двери стояли еще два копа, но в остальном закуток этот мало изменился. На двери бронзовая табличка:

Профессор Л. Лоуренс Фудзияма,
кафедра трансчеловеческих исследований

Рядом бумажка с диковинным расписанием приемных часов. В самом центре двери — картинка с поросенком, снабженная подписью: *Если студент делает вид, будто ему нужна помощь, сделайте вид, что помогаете.*

Офицер полиции остановилась рядом с Хамидом, предоставляя его своей судьбе. Хамид пару раз коротко стукнул в дверь. Раздались шаги, дверь, скрипнув, приоткрылась.

— Пароль? — вопросил Ларри.

— Профессор Фудзияма, мне надо поговорить…

— Неправильный пароль! — Дверь захлопнулась перед носом Хамида.

Полицейская положила руку на плечо Хамида:

— Извини, сынок. Он такое вытворяет с шишками поважнее тебя.

Хамид стряхнул ее руку. Черно-белое существо у его ног заорало полицейской сиреной. Хамид заорал, перекрывая ее:

— Постойте! Это я, Хамид Томпсон. Группа двести один по трансчелу!

Дверь снова приоткрылась. Вышел Ларри, покосился на копов, потом на Болтушку.

— Ну почему ж ты сразу не сказал? Входи.

Хамид и Болтушка юркнули внутрь. Ларри невинно улыбнулся федералке:

— Будь спок, Сюзи, это по работе.

Кабинет Фудзиямы был длинный и узкий, по сути — просто коридорчик меж глубоких лабораторных стеллажей. Студенты Ларри (те, кто осмеливался забираться в эти глубины) сомневались, что проф выжил бы на Старой Земле в эпоху до изобретения электронных накопителей данных. На полках громоздились, наверное, тонны мусора. Там и сям в проход выпирали и свешивались гаджеты причудливых форм. Место это напоминало музей — а может, им и было; Ларри, помимо прочих дисциплин, специализировался в археологии. Большинство машин не функцио-

нировали, но кое-где что-то гудело и искрилось. Были тут машины в стиле Руба Голдберга[20] и прототипы времен основания колонии… а также парочка девайсов Оттуда, Извне. Через потолок тянулись трубы водопровода и парового отопления. Хамиду почудилось, что он оказался на борту подлодки.

В стороне стоял рабочий стол Ларри. Куча хлама на столе на опасной высоте уравновешивалась плоским дисплеем и красивой черной, как ночь, статуэткой. Читая курс трансчеловеческой культурологии студентам 201-й группы, Ларри изложил свою теорию менеджмента в области артефактов: кто последним зашел, первым выходит; каждый год покупай новую чистую простыню, проставляй на ней дату и накрывай образовавшийся слой хлама на рабочем столе. Тогда это прозвучало как обычная для Лентяя Ларри шутка, но из-под горы хлама *действительно* выглядывал краешек простыни.

Настольная лампа отбрасывала резкие глубокие тени. Ящики вокруг словно заваливались внутрь. Свободное пространство между ними было забито плакатами. По плакатам была ясна

---

[20] Сноски: 20

Американский карикатурист, мастер рисунков с «бесполезными механизмами».

одна из причин, приведших Ларри в этот подвал: стремление оскорбить любую мало-мальски значимую общественную прослойку как можно более замысловатым образом. Куча… чего-то… громоздилась на столе. Ларри небрежно смахнул ее на пол и пригласил Хамида сесть.

— Конечно, я тебя помню по трансчелу, но зачем об этом вспоминать? Ты же хозяин Болтушки и сынок Хусса Томпсона. — Он снова угнездился в кресле.

«Никакой я не сынок Хусса Томпсона!» Вслух же Хамид произнес:

— Извините, но мне больше ничего в голову не пришло. Впрочем, это касается моей Болтушки. Мне нужен совет.

— Ага! — Фудзияма скорчил знаменитую свою усмешку головастика — одновременно невинную и хищную. — Ты пришел как раз в нужное место. У меня до фига советов. Но я слышал, что ты бросил учебу и ушел в Турагентство.

Хамид передернул плечами, стараясь, чтобы жест вышел не слишком оборонительный.

— Ага. Но я уже был на выпускном курсе, а об американской культуре и литературе знаю больше многих дипломников. Кроме того, Караван Туристов пробудет здесь лишь полгода.

И сколько еще до следующего? Мы показываем им все, что, как нам кажется, их может заинтересовать. Фактически даже больше, чем тут в действительности есть. Сто лет может пройти, прежде чем Сюда, Вниз, кто-то спустится снова.

— Возможно, возможно.

— В любом случае я многому научился. Я познакомился почти с половиной Туристов. Но…

На Срединной Америке обитало десять миллионов человек. По меньшей мере миллион лелеял мечту вырваться Вовне. По меньшей мере десять тысяч отдали бы все, что имеют, за билет из Медленной Зоны, за право жить в цивилизации, охватывающей тысячи миров. Последние десять лет Срединная Америка жила в ожидании Каравана. Хамид провел эти годы — половину своей жизни с тех пор, как бросил математику, — оттачивая навыки, которые, по его мнению, могли пригодиться для билета Наружу.

Тысячи конкурентов тоже трудились в поте лица. За это десятилетие факультеты американской культуры и литературы по всей планете столкнулись со взрывоподобным ростом заявлений от студентов. За кулисами же творились еще более интересные события. Правительство и крупные корпорации разрабатывали тайные проекты,

о которых никому не полагалось знать до прибытия Каравана. Десятки человек поставили все на кон, сосредоточившись на том, что, по их мнению — и только их, — могло заинтересовать «внешников». Некоторые были отъявленные идиоты: всемирно известные атлеты и гроссмейстеры. Учитывая, сколько народу в Запределье, им не светил разряд выше восьмого. Не-ет, чтобы выбраться Наружу, требовалось нечто особенное даже для тех краев… Вовне. Если не считать артефактов со Старой Земли, возможностей было не очень много. Правда, кое-кому удавалось достичь цели неожиданными путями: так, некая Джилли Вайнберг, способная, но отнюдь не гениальная студентка факультета АМЛ, дождалась, пока на орбите появится Караван, прошмыгнула в обход Бюро и представилась Туристам подлинной американской девчонкой из группы поддержки, куртизанкой топ-класса. Прием сработал, и теперь его тщетно пытались повторить другие претенденты обоих полов. Джилли вытянула свой счастливый билет Вовне. Самое забавное, что спонсировал ее лотлримарский моллюск, и секунды бы не протянувший в кислородной атмосфере: один из немногочисленных нелюдей Каравана.

— Я бы сказал, что трое внешников со мной на короткой ноге. Но как минимум пятеро Гидов способны на большее. И вам известно, что Туристы сумели оживить четверых мертвяков из исходного экипажа колонистов Срединной Америки. Уж этим-то билеты Вовне забронированы, стоит только захотеть. — Мужчины и женщины, которые выросли на Старой Земле, за две тысячи световых лет и двадцать тысяч лет назад[21]. Было похоже, что более ценных товаров Срединная Америка на экспорт не изыщет. — Если бы они явились хоть несколькими годами позже, я бы тогда уже диплом защитил… может, сделал бы себе имя.

Ларри прервал полное самосожаления молчание Хамида:

— А ты не думал купить себе билет Наружу за Болтушку?

— Все время думаю. — Хамид опустил глаза на темную зверушку, свернувшуюся у его ног. Болтушка вела себя *ужасно* тихо.

Ларри заметил его взгляд:

— Не беспокойся. Она играется с ультразвуковыми визуализаторами, которые у меня вон

---

[21] Сноски: 21

Здесь имеется противоречие с «Пламенем над бездной» и «Детьми небес»: действие этих романов происходит позже.

там. — Он жестом обвел стеллажи за спиной Хамида, где меж невидимых гаджетов плясали, словно играя в классики, фиолетовые огоньки.

Юноша улыбнулся:

— Нам нелегко будет ее от этого дела оттащить. — У него было несколько ультразвуковых свистков, но с таким высококлассным оборудованием Болтушке редко получалось повозиться. — Да, я изначально хотел заинтересовать их Болтушкой. Я говорил, что я ее тренер. Но стоило им понять, что она не со Старой Земли, как они теряли интерес… Профессор, ну какие ж они фрики! Можно им трансчеловечье сокровище показать, а они только сплюнут! Но покажешь им, как Элвис Пресли поет Брюса Спрингстина, и они готовы космопорт на Селене построить!

Ларри только улыбнулся улыбкой, которая у него означала, что студент близок к академкатастрофе. Хамид приумолк.

— Да, я знаю. Есть у таких причуд и свои мотивы.

Срединная Америка не имела ничего, способного заинтересовать хоть сколько-нибудь рационально мыслящего внешника. Этот мир застрял на глубине девяти световых лет в Медленной Зоне: торговля здесь была утомительно

нетороплива и дорога. Срединноамериканские технологии устарели и, учитывая расположение системы, не могли развиться ни во что конкурентоспособное. Бедолаги-соотечественники Хамида могли похвастаться лишь одним козырем. Срединную Америку колонизировали со Старой Земли, притом одной из первых. Трагический полет корабля поколений длился двадцать тысяч лет: за это время Земля уже стала легендой для большинства людей.

В Запределье насчитывались миллионы звездных систем, населенных существами человеческого уровня интеллекта. Большая часть этих миров поддерживала более или менее мгновенное общение. В таком разнообразии человечество было крохотным пятнышком — от силы четыре тысячи планет. Даже там интерес к колонии первого поколения в Медленной Зоне держался около нуля. Но для четырех тысяч миров и того хватит: то тут, то там появлялись эксцентричные богачи, исторические фонды, религиозные движения, достаточно странные, чтобы предпринять двадцатилетнее погружение в Медленную Зону. Срединная Америка и этим редким визитам радовалась. За последнюю сотню лет сюда время от времени залетали торговцы и заглянула

пара туристических караванов. Торговля с ними значительно повысила срединноамериканский уровень жизни. Многим, и Хамиду в их числе, важней было другое: по сути, единственная замочная скважина, через которую удавалось заглянуть во вселенную за пределами Зоны. Двести срединноамериканцев за этот век выбрались в Запределье. Поначалу — правительственные сотрудники и ученые на стажировки. Инвестиции федералов не оправдали себя: вернулись лишь пятеро командированных. В их числе — Ларри Фудзияма и Хуссейн Томпсон.

— Да, догадываюсь, что это фанатики. Но их даже точность реконструкции особо не интересует, блин! Мы очень старались, воссоздавая Америку двадцать первого века. Но мы оба знаем, как она выглядела: тяжелая промышленность мигрирует на околоземную орбиту, пятьсот миллионов человек скучены в Северной Америке. То, что у нас получилось, в лучшем случае напоминает Америку середины двадцатого века, а то и более раннего периода. Мы из кожи вон лезли, пытаясь проскочить этот этап побыстрее. Но, если не считать пары человек, которых я искренне уважаю, анахронизмов вообще никто не замечает. Такое впечатление, что мы им интересны сами по себе.

Ларри открыл было рот, словно желая поделиться какой-то умной мыслью, потом улыбнулся и пожал плечами. (Один из его афоризмов гласил: *Если сам не додумался, считай, что не понял.*)

— И что, после стольких месяцев тебе наконец повезло найти покупателя на Болтушку?

— Слизняка, руководителя Тура. Он просто отписался, что у него есть покупатель. Он же всегда торгуется, нет? Вы ж его знаете. А тут он взял и сделал однозначное предложение. Они все оплатят федералам и отвезут меня на Лотлримар, — ближайшую цивилизованную систему Запределья, — а потом еще помогут со сверхсветом.

— И ты собрался чмокнуть любимицу на прощанье?

— Угу. Им нужен к ней подход. Им нужен я! Это не блеф. Мы вместе выросли. Я себе вообразить не могу, чтобы Болтушка еще кого-то, кроме меня, слушалась. Но я им не интересен. Слизняк утверждает, что ей не причинят вреда, но… вы ему верите?

— Ну, как тебе сказать: слизь у него, в общем-то, прозрачная. Не думаю, чтобы он планировал какую-то темную выходку… и он достаточно прям нравом, чтобы можно было предварительно про-

верить. Он не назвал покупателя?

— Кто-то… что-то под названием «Равна и Когти». — Он передал Ларри тонкий листок с текстом предложения. У «Равны и Когтей» имелась эмблема: стилизованный коготь. — Туриста с таким именем не зарегистрировано.

Ларри кивнул и скопировал текст себе на дисплей.

— Знаю. Ну ладно, посмотрим… — Он повозился с консолью. Дисплей был лекционный, двусторонне прозрачный, и Хамид видел, что по ту сторону Ларри рыщет во внутренних базах данных федералов. Брови его заломились. — Гм-гм! «Равна и Когти» только на прошлой неделе прибыли. Это вообще не участники Каравана.

— Торговец-одиночка?

— Не просто. Слизняк попросил их остаться за газовыми гигантами. Федералы в космосе пару снимков сделали. — Расплывчатое изображение чего-то длинного, с осиной талией: ионный прямоточный двигатель в типовой вариации внешников. Но были там и странные выступы вроде плавников или, может быть, крыльев планера. Ларри запустил какие-то алгоритмы, изображение стало резче. — Да. Ты глянь на размерные отношения плавников. У этих ребят

высококлассная сверхсветовая начинка. Тут, внизу, от нее мало проку, но в должной среде она способна на очень многое. — Он просвистел несколько тактов «Вальса кошмаров». — Готов побиться об заклад, это Высотный Торговец.

Гость из Трансчеловеческих Пространств.

Почти все университеты Срединной Америки обзавелись кафедрами трансчеловеческих исследований — после возвращения пятерки это стало модно. Впрочем, большинство считали это пустой тратой денег. Ряды трансчелов пополнялись в основном незаконнорожденными отпрысками религиоведения и астрофизики (или компьютерных наук), туда любили сгружать, как в помойное ведро, мошенников и бездарей. Лентяй Ларри основал такую кафедру в Анн-Арбор — и бóльшую часть времени проводил, в открытую наслаждаясь своим жульничеством. Подумать только, он-де пытается изучать пространства *за пределами* Запределья! Даже Туристы избегали разговоров на эти темы. Трансчеловеческие Пространства существовали и, вероятно, включали бóльшую часть вселенной, но путешествие туда было рискованной, трудоемкой, амбициозной затеей. Ларри заявлял, что такими-то полетами и питается экономика Запределья… но все тео-

рии его строились на доказательствах в лучшем случае второй свежести. Он не без гордости утверждал, что его стараниями трансчеловеческая культурология встала вровень с хиромантией.

Но теперь… по всей вероятности, к ним заглянул торговец, регулярно посещавший Трансчеловеческие Пространства. Не контролируй правительство новости, весть о прибытии такого гостя затмила бы шумиху вокруг Каравана. И *такому* гостю потребовалась Болтушка. Хамид мимолетным движением потянулся потрепать любимицу.

— В-вы не думаете, что на этом корабле действительно какой-то трансчел?

Еще час назад его мучила тоска от предстоящего расставания с Болтушкой, но чувство это не шло ни в какое сравнение с тем, что еще предстояло.

На миг ему показалось, что Ларри пропустил вопрос мимо ушей. Потом Лентяй вздохнул:

— Если мы в чем и уверены, так это в том, что на такую глубину ни один трансчел не сунется: им тут думать нечем. Даже в Запределье они развалились бы на мертвые фрагменты, в крайнем случае окуклились бы. Я полагаю, что интеллект «Равны и Когтей» близок к человеческому, но существа эти могут оказаться опасней среднеста-

тистического внешника… с тем, что они умеют, с тем, какие у них гаджеты… — Голос его стих.

Ларри уставился на сорокасантиметровую статуэтку, торчащую на столе. Статуэтка была ослепительно-зеленой, словно из чистейшего нефрита. «Зеленой? А разве она была не черная еще минуту назад?»

Ларри метнул на Хамида быстрый взгляд:

— Мои поздравления. Твои проблемы куда занятней, чем тебе самому кажется. Зачем, по-твоему, внешнику может понадобиться Болтушка? Не говоря уж про Высотных Торговцев?

— Ну, может, они редко встречаются. Ни один Турист пока не опознал ее расу.

Лентяй Ларри только кивнул. Космос глубок. Болтушка может происходить с какого-то иного мира Медленной Зоны.

— Когда она была щенком, ее многие изучали. Вам известны статьи. У нее мозг не хуже, чем у шимпанзе, но большая часть нейронов отведена под управление мембранами и обработку слуховой информации. Один парень говорил, что она полностью вербально ориентирована — болтает без умолку, но не соображает, что говорит.

— О, тот студент!

Хамид проигнорировал реплику Ларри.

— Взгляните. — Он потрепал Болтушку по плечам.

Она отреагировала не сразу: игры с ультразвуком поглощали все ее внимание. Наконец, подняв морду:

— Чего тебе? — Интонация идеально человеческая, голос как у девушки.

— Некоторые считают ее кем-то вроде попугая. Она звуки воспроизводит лучше высококлассного диктофона. Но любимые фразочки у нее тоже есть, и она озвучивает их разными голосами, почти осмысленно… Эй, Болтушка, а что это? — Хамид указал на электрический обогреватель, который Ларри передвинул ногой. Болтушка заглянула за угол стола и увидела налитые вишневым светом спирали. У Хамида в квартире была не такая грелка.

— Что это… это? — Болтушка задумчиво протянула морду к источнику света. Немного не рассчитала и ткнулась носом в решетку. — *Горячо!* — Она отскочила, уткнув нос в шерстку на шее, ткнула в сторону обогревателя передней лапой. — Горячо! Горячо! — Она стала кататься и вылизывать обожженный нос. — Хос-спади! — И бросила на Хамида взгляд, полный хорошо рассчитанной укоризны.

— Болтушка, ну я правда не думал, что ты его тронешь… Она мне теперь устроит. Ее чувства юмора хватает только на каверзы, но в таких проделках она крайне находчива.

— Угу. Помню документалку, которую про нее зоологи снимали. — Фудзияма широко улыбался. Хамиду всегда казалось, что чувство юмора у них с Болтушкой одного порядка. Болтушка даже хмыкала тоном, позаимствованным у старого профессора после одной лекции.

Ларри отодвинул обогреватель и прошелся вокруг стола. Опустился на корточки, посмотреть Болтушке в глаза. Он был теперь сама сосредоточенность, и не без оснований: в лицо Ларри скалилась пасть, полная острых зубов, а фоном кто-то наигрывал «Бомбу с часовым механизмом». Спустя миг музыка стихла и пасть Болтушки захлопнулась.

— Поверить не могу, что там где-то не прячется интеллект человеческого уровня. Правда. Мне в начале семестра попадались студенты глупей ее. Как бы ей удалось накопить такой словарный запас без интеллекта, который им обогащается? — Он потянулся погладить ее по плечам. — У тебя плечи воспалены, Болтушка? Может, скоро руки прорежутся?

Болтушка нахохлилась.

— А мне нравится, когда воспалены.

Хамид уже давно обдумывал, не повторится ли сценарий Хайнлайна: в курсе АМЛ научной фантастике Старой Земли уделялось большое внимание.

— Если она еще ребенок, то умрет, не успев вырасти. У нее содержание кальция в костях и мышечная сила уже на уровне тридцатилетнего человека, в эквиваленте.

— Гм. Да. А она примерно твоего возраста. — Двадцати лет. — Возможно, это осколок слитной личности. Но такие обычно искусственного происхождения или получаются из трансчелов с поврежденным мозгом. — Он вернулся за стол и снова засвистел бессвязный мотивчик. Хамид поерзал в кресле. Он пришел сюда получить совет. А на него вылили ушат поразительных новостей. Неудивительно: Ларри в этом мастак. — Нам нужно гораздо больше информации, гораздо больше.

— Ну, я думаю, можно просто потребовать ее у слизня. Но не уверен, что в состоянии заручиться поддержкой какого-нибудь Туриста.

Ларри пренебрежительно отмахнулся:

— Я не о том. Конечно, я бы и сам мог спросить у лотлримарца. Но Туристы тут в девятилет-

ней вылазке на край света. Какие библиотеки у них в багаже? Не лучше книжек, которые ты бы взял в поездку по Южным морям, — устаревшие, ненапряжные… И разумеется, федеральное правительство Срединной Америки не знает, с какого конца к ним подобраться. Хе-хе. Когда же еще они ко мне являются, как не в полном отчаянии? Не-ет, нам требуется прямой доступ к библиотекам там, Вовне.

Он сказал это как бы между прочим, словно речь шла о покупке дополнительного телефона, а не о величайшей проблеме всей Срединной Америки. Заговорщицки улыбнулся Хамиду, но юноша не подал виду. Наконец:

— Ты не задумывался, отчего в кампусе — и, например, Морал-Холле, — столько полиции?

— Задумывался. — «Или задумался бы, будь у меня сейчас голова чуть меньше захламлена».

— Один Турист посерьезнее — Скандр Врини-мишринитан — прихватил с собой настоящий трансчеловечий артефакт. Он его несколько месяцев держал в секрете, рассчитывая добиться своего более дешевыми способами. Федералы — надо отдать им должное — не прогнулись. Наконец он извлек свое тайное оружие. Оно сейчас здесь, в этой комнате.

Глаза Хамида метнулись к резной статуэтке на столе Ларри (сейчас та была голубовато-зеленого оттенка). Старый профессор кивнул:

— Это ансибль[22].

— Они же его иначе называют?!

— Иначе. Но это он.

— Вы хотите сказать… все эти годы нам лапшу на уши вешали, что в Зоне сверхсвет невозможен? — «Это что, я жизнь пустил по ветру, пытаясь к Туристам подлеститься?»

— Не совсем. Приглядись внимательней. Видишь, как меняются цвета? Готов побиться об заклад, что размер и масса тоже. Это настоящий трансчеловечий артефакт: разумом он, конечно, не обладает, но его изготовили не человеческие дизайнеры — и в трансчеловеческом космосе. Скандр утверждает, что ни у кого другого среди Туристов такой штуки нет. Я ему верю.

Трансчеловечий артефакт. Восторг Хамида смешался со страхом. О таком доводится слышать только на лекциях, и там это представляется занятной абстракцией, крепким орешком для логики.

— Скандр говорит, этот гаджет *сопряжен* с

---

[22] Сноски: 22

Расхожий термин для обозначения сверхсветовой рации. Впервые введен Урсулой ле Гуин в произведениях Хайнского цикла.

одним из рынков Лотлримара. Оттуда можно выйти на связь с любым зарегистрированным в Запределье адресом.

— Мгновенно. — Голос Хамида упал до шепота.

— Ну, почти. Некоторое время все же требуется, чтобы достичь вселенского горизонта событий, а при движении на релятивистских скоростях возникают дополнительные небольшие ограничения.

— А в чем тут подвох?

Ларри рассмеялся:

— Умница. Скандр назвал несколько недостатков. Эта штука бесполезна глубже десяти световых лет в Зоне. Держу пари, во всей Галактике использовать ее способны миров двадцать — и *уж наверняка* мы среди них. Трюк требует колоссальной энергии. Скандр говорит, что эта малышка отжирает полпроцента энергопотока нашего солнца. Люди на улице этого не заметят, но в долговременной перспективе возможны неприятные эффекты. — Повисло недолгое молчание, к которому Ларри часто прибегал после преуменьшений космического масштаба. — А с нашей точки зрения, Хамид, крупнейший недостаток вот какой: средняя полоса пропускания этого гаджета — шесть бит в минуту.

— Чего?! Десять секунд для передачи бита?

— Угу. Скандр оставил на лотлримарском конце три протокола: схему типа ASCII, код Хэмминга[23] для разметки подмножества английского и схему искусственного интеллекта, которая бы автодополняла наши слова, будь у нас больше битов в запасе. Первое — это у него шутка такая, а что до третьего, то я бы не принимал желаемое за действительное. Но код Хэмминга позволит нам переслать короткое послание — скажем, из пятисот английских слов — за сутки. Там полная двусторонка, так что к тому моменту уже придет большая часть ответа. Прикольно, а? В любом случае это лучше, чем двадцать лет ждать.

Хамид подумал, что со времен Первого Контакта, сто лет назад, это будет величайшая новость.

— И… как они вам его передали, профессор?

Ларри оглядел свою берлогу, улыбаясь до ушей.

— Хе-хе. Слухи правду говорят: наш достославный президент всея планеты — один из Пятерки; он бывал там, Вовне. Но лишь я обзавелся в За-

---

[23] Сноски: 23

Самомодифицирующийся код с исправлением ошибок путем проверки на четность, изобретенный Ричардом Хэммингом на заре компьютерной эпохи. Применяется, например, для повышения надежности работы оперативной памяти.

пределье настоящими друзьями. Видишь ли, федералы прямо-таки на цырлах ходят. Скандр хочет взамен большую часть нашего банка зигот. Федералы запретили любые частные операции с человеческими зиготами. Это у них важный моральный принцип: *ни одно дитя человеческое да не будет продано в рабство или на что похуже*. Теперь они думают заняться этим сами. Им действительно *нужен* ансибль. Но что, если это подделка, замкнутая на какую-то бортовую базу данных корабля Скандра? В таком случае мы утратим часть генетического разнообразия и, быть может, продадим детей своих дьяволу — а взамен не получим ничего, кроме цветной ленточки. Вот. Одним словом, Скандр одолжил им эту штуку на неделю, а федералы одолжили ее мне — с чем-то вроде карт-бланш. Я волен звонить старым друзьям, обмениваться грязными шуточками, и пусть солнце себе меркнет. Через неделю с меня потребуют отчета, действительно ли гаджет обеспечивает связь с Внешним космосом.

«Зная тебя…»

— Уверен, у вас свои планы.

— Ага. Пока ты не указал мне более достойную цель, я собирался истратить эфирное время на

проверку фонда, который выступает спонсором Скандра, — все ли с ним чисто. Теперь… твой случай не так важен с этической точки зрения, однако более интересен. Мы найдем время для обоих. Я покопаюсь немножко в Высокой Сети за счет Скандра и заодно посмотрю, не получится ли найти хоть *кого-то*, кто в курсах насчет этих болтунов или «Равны и Когтей».

У Хамида близких друзей не было. Временами он размышлял, не кара ли это за его странное происхождение, или же он от природы нелюдим. Да, он явился к Фудзияме за помощью, но ожидал не более чем обмена подколками и вопросами, которые в конечном счете натолкнули бы *его* на ценную идею. Теперь же он, кажется, извлечет выгоду из переворота мира вверх тормашками. Он испытал огромную признательность, смешанную с подозрением. Промямлил что-то в знак благодарности.

Ларри пожал плечами:

— Для меня это несложно. Я любопытен, а на этой неделе мне предоставили *инструменты* для удовлетворения любопытства. — Он погладил ансибль. — Но я могу принести и подлинную пользу: покамест Срединную Америку дурачили время от времени, однако еще ни один внешник

не угрожал нам силой. В этом преимущество караванной системы: Туристы сами заинтересованы вести честную игру. «Равна и Когти» могут оказаться не таковы. Если это и впрямь Высотный Торговец, он, не исключаю, попросту заграбастает то, что ему надо. На твоем месте я бы не отходил далеко от Болтушки… И наблюдал бы, не пошлет ли слизень к нашему кампусу одну из туристических барж. Если ты останешься здесь, они мало что смогут сделать без нашего ведома. Видишь, какой от меня прок? На твой исходный вопрос я не ответил, зато нагрузил тебе полный короб новых тревог…

Ларри откинулся в кресле, посерьезнел:

— Но у меня и вправду нет ответа на твой первоначальный вопрос, Хамид. Если «Равна и Когти» играют честно, тебе придется решать самому. Думаю, любой чувак, наделенный самосознанием, даже трансчел, тревожится не только о своем благе, но и о том, как правильно обойтись с тем, кого любит. Я… о черт! Ну почему бы тебе у папы не спросить, у Хуссейна? С тех пор как ты ушел, он безутешен.

Хамид покраснел. Папа редко находил добрые слова для Фудзиямы. Кто мог предположить, что эти двое перемывают Хамиду косточки? Знай Ха-

мид об этом, он бы сюда не явился. Ему захотелось вскочить и наорать на старого профессора, чтоб не лез не в свое дело. Вместо этого он покачал головой и мягко ответил:

— Это личное.

Ларри посмотрел на него, явно взвешивая надобность продолжить разговор. Еще слово, и… Хамид не был уверен, что сможет сдержать боль. Но спустя миг старый профессор вздохнул и скользнул взглядом по столу, в сторону Болтушки: та лежала, уставясь в обогреватель.

— Эй, Болтушка? Ты смотри мне, позаботься об этом парне.

Болтушка взглянула на него.

— Конечно, конечно, — ответила она.

Квартира Хамида располагалась на южной стороне кампуса. Она была просторная и дешевая — довольно странное явление в такой близости от старейшего университета планеты и всего в паре километров к югу от столицы. Задняя дверь выходила на многокилометровый лес. Пройдет немалое время, прежде чем южную территорию как-то обживут: до Зоны Высадки всего двадцать кликов. В бурю оттуда на север выносило фонящую пыль. Пускай это добавляет не больше пятидесяти процентов к естественному уровню

радиации, но если у вас целый мир, зачем тянуть городскую застройку аж к месту Высадки?

Хамид прицепил взятый напрокат велосипед к стойке перед домом и тихо обошел здание. На верхних этажах горел свет. Внизу припаркованы самые обычные мотоциклы соседей. У противоположного торца *что-то* стоит… черт, да это всего лишь хеллоуинское пугало!

Они с Болтушкой вернулись к своему подъезду. Сумерки уже сгустились, но ни одной луны на небе не было. У Хамида от холода онемели кончики пальцев. Он засунул руки в карманы и остановился взглянуть в небеса. С этой долготы звездолеты Каравана были видны как цепочка ярких точек в южном небе, на планетарной стационарной орбите. Прямо над головой Хамида парило нечто темное, слишком правильных для облака очертаний. Надо полагать, это и есть обещанные Ларри меры защиты.

— Я есть хочу.

— Минутку. Сейчас пойдем.

— Хорошо.

Болтушка дружелюбно потерлась о его ногу и заурчала. Она сейчас казалась толстенькой, но только потому, что распушила мех. Для нее такая погода, похоже, лучшее, что может быть. Хамид

оглядывал звездные поля. «Господи, сколько же часов я простоял вот так, гадая, что означают все эти звезды?» Через час зайдет Большой Квадрат. Пятая по яркости звезда этого созвездия и была солнцем Лотлримара. На Лотлтримаре и в его окрестностях возможно сверхсветовое перемещение — даже для людей со Старой Земли двадцать первого века. Очутись Срединная Америка всего десятком световых лет дальше от галактического центра, миром Хамида было бы все Запределье.

Взор его скользил по небосводу. Большая часть видимого неба лежала в Медленной Зоне. Зона тянулась на четыре тысячи световых лет Внутрь, если верить внешникам. Миллиарды звездных систем, миллионы цивилизаций — пойманные в западню. Большинство так и не узнает о своей участи.

Даже у внешников имелись только крохи достоверной информации о цивилизациях внизу, в Медленной Зоне. Корабли-матки, ионные прямоточные двигатели — все это изобретали там снова и снова. Основывали колонии, обретали знания, а чаще — теряли в долгом медленном безмолвии. Интересно, какие теории выдвигают ученые Медленной Зоны, объясняя, почему ничто не способно двигаться быстрее света — даже

с учетом явно сверхсветовых эффектов на космических расстояниях? Каких только гипотез не приходится им выдумывать, объясняя также, почему интеллект эквивалентного человеческому уровня — наивысший возможный и доступный для создания. Те, кто заточен там, глубоко внизу, вероятно, счастливее прочих: мнят себя венцами творения. Очутись Срединная Америка всего сотней световых лет глубже внизу, Хамид ни за что не узнал бы правды. Он любил бы свою планету и гордился тем, как ширится по ней цивилизация.

Взгляд Хамида пробежался по Млечному Пути до восточного горизонта. На самом деле там Галактика светилась ничуть не ярче, нежели в вышине, но он помнил нужные созвездия. Он посмотрел в сторону галактического центра и грустно усмехнулся. В научной фантастике двадцатого столетия звездные облака Ядра изображались обителями «старших рас», богоподобных интеллектов… А Туристы называют эти области Галактики Глубинами. Безмысленными Глубинами. Там не только сверхсвет невозможен, но и вообще разумная жизнь. Так они полагали. Наверняка знать не могли. Быстрейший полет зонда на край Глубин и обратно отнимал десять тысяч лет. Такие эксперименты проводились

редко, хотя некоторые были хорошо задокументированы.

Хамид содрогнулся и опустил взгляд к земле. На лужайке в молчании сидели четыре кошки, созерцая Болтушку.

— Не сегодня, Болтушка, — сказал он.

Вдвоем они вошли в дом. Место выглядело непотревоженным: обычный бардак. Хамид выдал Болтушке ужин и разогрел себе немного супа.

— Уй. Какой *говенный* вкус! — Болтушка принялась валяться, подражая звукам рвоты. Мало кому детские воспоминания являлись столь отчетливо, как Хамиду Томпсону. Он помнил, как сказал за обеденным столом именно это. У мамы сделался такой вид, словно она ему сейчас носок в горло засунет.

Хамид покосился на разделанную курицу.

— Мы ничего лучше позволить себе не можем, Болтушка. — Год с Туристами сожрал почти все его сбережения. Занятие гида настолько почетно, что не оплачивается в принципе.

— Уй. — Но принялась за еду.

Хамид некоторое время смотрел, как она ест, а потом постиг, что одна проблема решилась сама собой. Если «Равна и Когти» не согласны взять его в «тренеры» Болтушки, пусть катятся назад

в Запределье. Более того, он вправе потребовать от слизняка надежных доказательств, что «Равна и Когти» — хозяева своего слова; с ансиблем такие доказательства несложно получить прямо с Лотлримара. Разговор с Ларри отогнал его ночные кошмары, страхи, вынуждавшие некоторых требовать, чтобы Караван вовсе завернули на пороге. Кто знает, что случается с ушедшими к внешникам? Почти все сведения о Запределье, доступные на Срединной Америке, собраны по крупицам менее чем с тридцати звездолетов, в разговорах менее чем с тысячью незнакомцев. Странных незнакомцев. Если бы не Пятерка вернувшихся, сотрудничеству с внешниками кранты. А эти пятеро… что ж, Хуссейн Томпсон даже Хамиду казался таинственным созданием: снаружи рубаха-парень, внутри — злобный наемник. Лентяй Ларри тоже загадка, если разобраться: радостно намекает, чтобы не верил всему, что тебе гости на уши вешают. Но всех их объединяло понимание: космос глубок. В Запределье миллионы цивилизованных миров, тысячи межзвездных империй. На таком просторе не может быть единственной трактовки закона и порядка. Сотрудничество и просвещенный эгоизм приносят повсеместную пользу, но… кошмары не отпускали.

Так что делать, если «Равна и Когти» дадут ему от ворот поворот или не предоставят верительных грамот? Хамид отправился в спальню и полистал новости. Цвет и движняк очистили его восприятие. Срединная Америка — прекрасная планета, по большей части пустая. Караван привез антиграв-пластины и электрореакторы, работающие при комнатных температурах, так что теперь жизнь станет еще лучше. Через двадцать-тридцать лет наверняка появится новый Караван. Если к тому времени они с Болтушкой не успокоятся… что ж, времени вагон. Ларри Фудзияма выбрался Наружу в сорокалетнем возрасте.

Хамид впервые за много дней пришел к согласию с собой и счастливо вздохнул.

Стоило ему дочитать новости, как прозвенел телефон. Поверх дисплея с новостной лентой красными буквами заплясало имя абонента: РАВНА. Ни местоположения, ни темы вызова. Хамид с трудом сглотнул слюну. Слез с постели, развернул экран телефона к относительно чистому углу комнаты и устроился там. После этого он ответил на звонок.

Равна оказалась человеком. Более того, женщиной.

— Мне мистера Хамида Томпсона, пожалуйста.

— Эт… это я. — *Черт бы побрал это заикание.*

Мгновение — никакой реакции. Потом по лицу ее метнулась усмешка. Совсем не дружелюбная, скорей сродни нервической ухмылке.

— Я звоню поговорить о животном. О Болтушке, как вы ее называете. Вы слышали наше предложение. Я готова его улучшить.

При этих словах Болтушка прошмыгнула в комнату и пробежала перед камерой телефона. Взгляд Равны не последовал за ней. Странно. Он видел рядом с дисплеем огонек индикаторного светодиода: видеосигнал идет. Болтушка принялась что-то мурлыкать. Спустя миг — и только *тогда* — Равна отреагировала: на лице появилась тень удивления.

— И каким именно образом?

Опять полусекундная пауза. «Равна и Когти» этим вечером куда ближе, чем за орбитами газовых гигантов, но все еще не на Срединной Америке.

— Мы владеем устройствами, способными к сверхсветовой связи с одним из миров… Запределья. Подумайте, что это будет означать. Располагая подобным прибором, вы можете без риска остаться на Срединной Америке. Вы ста-

нете самым богатым человеком планеты. Если же вы решите направиться Вовне, то получите моральное удовлетворение оттого, что помогли своему миру вырваться из тьмы.

Мысли Хамида менялись стремительней, чем на любом из устных экзаменов у Фудзиямы. Тут множество ключей. Английский Равны более совершенен, чем у Туристов, но произношение отвратительное. Человеческое, да, но ужасное: ударения она расставляла потешней не придумаешь, фонемы искажала так, что получалось *позяруста* вместо *пожалуйста* или *лисыте* вместо *решите*.

В то же время ему показалось, что Равна отдает себе отчет в смысле сказанного и адекватно воспринимает его ответы. Хамид возблагодарил Господа за ансибль.

— Мисс Равна, я согласен с вашим мнением: это и впрямь существенное улучшение заявки. Тем не менее я непреклонен: я полечу вместе со своей любимицей. Я один знаю, что ей нужно. — Он покачал головой. — Вы можете в такое вляпаться… Вам все равно понадобится помощь эксперта.

Лицо ее омрачилось. Гневом? Она вроде бы враждебно настроена к нему *лично.* Но когда Хамид замолчал, черты Равны снова сложились

в подобие приветственной улыбки.

— Разумеется, об этом мы тоже позаботимся. Мы раньше не понимали, насколько это для вас важно.

«Иисусе, да я бы и то лучше соврал!» Либо Равна привыкла ко лжи без визуального контакта с собеседниками, либо у нее реальные траблы с эмоциональным восприятием. В любом случае…

— Но поскольку мы с вами вряд ли в равном положении, следует как-то договориться, чтобы на Лотлримаре наше соглашение скрепили уважаемые лица.

Плохо скроенная маска сползла с лица Равны.

— Ерунда. — Она отвела взгляд от камеры. — На Лотлримаре о нас ничего не знают… Я попытаюсь удовлетворить ваши запросы, но, Хамид Томпсон, поймите: я — родственный вам, *человеческий* элемент своей компании. Господин Когти крайне нетерпелив. Я его, как могу, сдерживаю, но если он впадет в раж… нам всем может конкретно поплохеть. Ясно или нет?

Сначала неумелое притворство, теперь вежливость бензопилы. Хамид с трудом подавил усмешку. «Осторожнее. Не перепутай подлинное безумие с блефом и буффонадой».

— Да, мисс Равна, я понимаю, и ваше предло-

жение щедрое. Но… мне надо поразмыслить. Вы не могли бы дать мне еще немного времени? — «Чтобы я успел пожаловаться руководителю тургруппы».

— Да. Ста часов вам должно хватить.

Завершив разговор, Хамид долго сидел, невидящим взглядом буравя экран. Кто же такая эта Равна? За двадцать тысяч лет колонизации обитатели миров более странных, нежели Срединная Америка, далеко отошли от базового человеческого типа. Почти все дети Земли свободно скрещивались между собой, хотя отличия были явственней, чем между расами родной планеты. Равна сильней напоминала землянку, чем большинство Туристов. Если предположить, что она обычного роста, то вполне сошла бы за американку средневосточного происхождения: крепкая, темнокожая, темноволосая. Имелись и отличия. В уголках глаз складки эпикантуса, а радужки ярко-фиолетовые, таких Хамид ни разу в жизни не видел. Впрочем, по сравнению с ее манерой держаться это мелочи.

Почему она не приняла видео от Хамида? Она что, слепая? Непохоже — он припомнил, как Равна бросала взгляды на предметы вокруг, вне поля зрения камеры. Возможно, она всего лишь

симулированная личность? В американской научной фантастике конца двадцатого века такой сюжетный ход был обычен; идея вышла из моды, когда в начале двадцать первого века производительность компьютеров, казалось, достигла предела. Но в Запределье это уж точно допустимо, а про Трансчеловеческие Пространства нечего и говорить. Разумеется, здесь, внизу, такие штуки глючат. Но все равно Равна могла оказаться просто графическим интерфейсом для Когтей, кем бы они ни были.

Однако Хамид был уверен, что она настоящая. Он чувствовал в ней человека. Фигурка отличная: под мягкой белой блузкой и штанами это хорошо заметно. Последние пять лет Хамид с ума по девчонкам сходил. Большую часть времени его так мучили эротические видения, что он был готов трахнуть манекен в магазине маркеттского делового центра. Впрочем, Равна хотя и сексуальна, но не *головокружительно* красива: рядом с Джилли Вайнберг или женой вринимийца Скандра она показалась бы замухрышкой. И все же, повстречай Хамид ее в университете, он бы за ней приударил охотнее, чем за Джилли… а это уже о многом говорило.

Хамид вздохнул. Наверное, у *него* просто кры-

ша едет.

— Я выйти хочу. — Болтушка потерлась мордой о его руку. Хамид осознал, что с него градом катится пот, хотя в комнате было холодно.

— Боже, Болтушка, только не сегодня. — Он догадывался, что «Равна и Когти» блефуют. В то же время ему было ясно: они из тех, кто берет *силой* то, что им нужно.

— Я выйти хочу! — громче повторила она. Болтушка много ночей проводила снаружи, обычно в лесу. Поэтому под крышей ее обычно бывало проще утихомирить. Болтушка любила играть со своими друзьями: соседскими кошками и, иногда, собаками. Когда они с Болтушкой только поселились здесь, разгорелась маленькая война. Неожиданно стайная иерархия претерпела изменения, а два самых злобных пса попросту исчезли. Те, кто остался, вели себя очень странно. Котов Болтушка вообще очаровала. Они пробирались во двор просто поглазеть на нее. В присутствии Болтушки коты даже не дрались между собой. Ночи вроде сегодняшней лучше всего: спустя пару часов взойдут Селена и Диана, серебряная и золотая луны. В такие ночи, когда лучи серебряного и золотого света падали между глубоких теней, Хамид видел, как Болтушка рыщет на

опушке леса в сопровождении доброй дюжины верных друзей.

Но…

— Не сегодня, Болтушка!

Последовал жаркий спор: Болтушка воспроизводила рок-музыку и детские передачи одновременно, притом на высокой громкости. Она и не на такое была способна, иначе шум доставлял бы Хамиду физический дискомфорт. А сейчас это было как слушать дешевый плеер, где звук выкручен на максимум. В конце концов со всего дома сбежались бы соседи с жалобами, но, к счастью для Хамида, ближние квартиры этой ночью пустовали.

Спустя двадцать минут назойливого нытья Хамид сумел переключить интерес Болтушки на «игру в людей». Как и многие домашние животные, Болтушка считала себя ровней людям, но, в отличие от кота, пса или даже говорящего попугая, могла человека уверенно сымитировать. Беда Болтушки была в том, что ей не всегда попадались в этой игре достаточно терпеливые партнеры.

Они уселись друг против друга за кухонным столом. Болтушка выложила передние лапы на столешницу и неуклюже раскинула их. Хамид на-

чинал с какого-нибудь вопроса, не важно какого. Болтушка с умным видом кивала, раздумывая над ответом. На большинство абстрактных вопросов она отвечала полной чушью, имевшей смысл разве что для гадателей на черенках тысячелистника или любителей принимать желаемое за действительное. Ну и что? Хамид бросал реплики в ответ или смеялся, когда Болтушке удавалось ввернуть что-то похожее на шутку. Интонация и темп были совсем как в обычном человеческом диалоге. Не зная английского, легко было решить, что идет непринужденная беседа парочки друзей.

— Как насчет игры в имитацию, Болтушка? Возьмем Джо Ортегу. Президента Ортегу. Можешь?

— Хе-хе. — Смешок Лентяя Ларри. — Не торопите меня! Я думаю. Я думаю.

Играть в имитацию можно было по-разному. Например, повторять слова Хамида голосом другого человека. Больше всего Болтушка любила так забавляться в телефонных разговорах, ведь на другом конце ее *на самом деле* принимали за человека. То, о чем Хамид попросил сейчас, обещало не меньше удовольствия, если только Болтушка согласится.

Болтушка поскребла челюсть когтем.

— Так, вот что. — Она величественно откинулась в кресле, чуть не соскользнула на пол, но удержалась. — В эти великие времена мы все должны трудиться сообща! — Из недавней речи Ортеги, простое попугайство. Но, отвечая на дальнейшие вопросы Хамида, Болтушка продолжала в совершенстве имитировать президента Срединной Америки. Хамид ржал как ненормальный. Ортега принадлежал к Пятерке возвращенцев, был он человеком невеликого ума, но напыщенным и самоуверенным. Тех крох знаний о мире Вовне, каких он нахватался, оказалось достаточно, чтобы вознести его на вершину мировой власти, и это уже о многом говорило. Ларри Фудзияма сказал бы, что они пятеро — очень крупные рыбки в очень маленьком пруду.

Болтушка обожала такие игры и увлекалась до самозабвения. Замахав лапами в воздухе, она потеряла равновесие и таки свалилась с кресла.

— Упс!

Она вскочила обратно, покосилась на Хамида и покатилась со смеху. Почти полминуты оба не могли успокоиться. Это и раньше случалось; Хамид был уверен, что Болтушка не воспринимает юмора уровня выше клоунских шуточек, но

сейчас в ее смехе слышались нотки настоящей, личностной самоиронии.

— О господи! — Она плюхнулась мордой на стол, делая вид, что задыхается от хохота. Передними лапами обхватила свою шею, словно насилу успокаиваясь.

Смех перешел в редкое пофыркивание, а затем утих, сменившись уютным молчанием. Хамид протянул руку и взъерошил жесткую шерстку на лобной мембране Болтушки.

— Ты хорошая девочка, Болтушка.

Темные глаза распахнулись и взглянули на него. Из груди зверюги вырвалось нечто вроде вздоха, так что под ладонью Хамида по шерсти прошла слабая дрожь.

— Конечно, — ответила Болтушка, — конечно.

Хамид оставил шторы частично раздвинутыми, а окно приоткрытым, чтобы Болтушка могла сесть там и выглядывать наружу. Он лег на кровать в темноте спальни и стал смотреть на силуэт Болтушки, очерченный потоками серебряного и золотого лунного света. Нос Болтушка прижала к шторе, а длинную шею вытянула так, что голова и плечевые мембраны смотрели на улицу под удобным углом. Она постоянно дергала мордой туда-сюда на пару миллиметров, словно снаружи

ее что-то очень занимало.

В лесу едва слышно стрекотали тараканы, и всё. Болтушка сидела совсем тихо, по крайней мере в диапазоне слышимости Хамидовых ушей. Он был ей за это благодарен. И вправду хорошая девочка.

Он вздохнул, натянул одеяло до носа. День выдался длинный, из тех, что определяют задачи жизни на долгий срок.

Следующие несколько дней придется держаться очень осторожно, не совершать вылазок в Маркетт и Анн-Арбор, не оставлять Болтушку без присмотра. Во всяком случае, защита, предоставленная слизняком, внушает уверенность. «Лучше рассказать Ларри о втором ансибле, чем черт не шутит…» Если «Равна и Когти» поманят этой игрушкой правительство… самый опасный вариант: что бы там федералы ни болтали про ограничения на торговлю с частниками, они своих бабушек на органы продадут во имя общепланетного блага. Слава богу, ансибль у них уже есть или им его пообещали.

Забавно. После стольких лет и мечтаний оказалось, что истинную ценность для внешников представляет Болтушка.

Хамид был приемным ребенком. Как только ро-

дители сочли, что он поймет суть этого понятия, так сразу и рассказали. И в те же ранние годы он каким-то образом догадался… что отец привез его из Запределья. Хусс Томпсон сумел утаить это от общества, хотя правительство, несомненно, в курсе и покрывает его. В те ранние годы, когда из Хамида пытались сделать великого математика, тайное знание о собственном происхождении осчастливливало Хамида, ведь он думал, что родители его искренне любят. Он считал, что, коль скоро явился Извне, это дает дополнительную опору свойственному приемышам ощущению собственной значительности, богоизбранности. Он воображал себя принцем-изгнанником. А когда он вырос и прилетели запредельные корабли… Он подумал, что это судьба.

Хамид поступил в спецшколу в восьмилетнем возрасте и поначалу воспринял это как часть своей судьбы. Родители так в него верили, пускай даже тесты не показывали никаких особых дарований… В тот год он, можно сказать, лишился девственности. Он не был гением, что бы там ни твердили предки. Слезы, упреки, настояния. В конце концов мама взяла и бросила Хуссейна Томпсона. До тех пор, пока тот не сдался и не позволил перевести ребенка в обычную школу. Но

прежняя семейная жизнь так никогда и не восстановилась. Мама приходила все реже, визиты ее становились все короче, и общаться с ней было все тяжелее. Но минуло еще пять лет, прежде чем Хамид возненавидел отца. Это произошло волей случая: он подслушал разговор старших. Оказалось, что Хуссейна *наняли* воспитать Хамида именно таким образом: запихнуть его в школу для одаренных детей, искорежить и разрушить его судьбу. Папаша даже не отрицал обвинений мальчика. Он лишь что-то мямлил в свое оправдание, и это было хуже, чем ложь. Если Хамид и принц, то уж точно его враги питают к нему лютую ненависть.

Воспоминания оставили труднозаживающие раны и частенько возвращались, обычно перед сном. Однако этой ночью к ним прибавилось и нечто новое, волшебно-ироническое. Подумать только, все эти годы принцессой-изгнанницей была Болтушка!

Прозвучало резкое шипение. Хамид рывком проснулся, перепуганный и озадаченный. Перекатился на край кровати, протер глаза. В окно заглядывали только звезды. Болтушка! Она больше не сидела у подоконника. Ей, наверное, кошмар приснился. Это случалось редко, но неиз-

менно впечатляло. Как-то зимней ночью Хамида разбудили звуки жуткой грозы. Сейчас ничего похожего на тот грохот, но…

Он поискал взглядом стопку одеял, где Болтушка свила себе гнездышко. Да. Она там и смотрит в его сторону.

— Болтушка? Ты чего? Все хорошо.

Она не ответила. Шипение стало громче. «Это не Болтушка». На миг его сонный мозг парализовало страхом, как у кролика перед удавом. Потом Хамид взял себя в руки и прищурился в полумраке: никого. Звук шел от телефона, но экран оставался темным. «Чушь какая-то».

— Болтушка? — Он ее никогда еще такой не видел. Глаза широко распахнуты, вокруг радужек видны белки. Передние лапы вылезли из-под одеял, когти выпущены и продрали в пластиковой плитке пола глубокие борозды. По морде зверюги стекала струйка слюны.

Он встал и направился к ней. Шипение перешло в голос. Голос произнес:

— Она мне нужна. Человек, она мне нужна. И я ее получу.

Ее. Болтушку.

— Как ты вылез на мой канал? Ты не имеешь права сюда врываться.

Хамид понимал, что порет чушь, но ему требовалось как-то стряхнуть кошмарное наваждение.

— Мое имя Когти. — Хамид вдруг вспомнил коготь на эмблеме «Равны и Когтей». Когти. Да уж. — Мы сделали тебе щедрое предложение. Мы были терпеливы. Теперь так не будет. Я заберу ее. Если придется укокошить вас всех, м-мясных, пускай, но я ее *заберу*.

Шипение почти стихло, но говорили по-прежнему словно из звукосинтезатора, притом дешевого. Построение фраз и акцент — как у Равны. Либо это одно и то же существо, либо они английский учили по одному учебнику. Впрочем, Равна была просто рассержена, а эта тварь как белены объелась. Не считая легкой запинки на слове *мясных*, голос звучал непреклонно. И по нему становилось совершенно ясно, зачем внешнику Хамидова любимица. В словах незнакомца слышался *голод*, стремление овладеть или сожрать.

Гнев Хамида превозмог ужас.

— А не пошел бы ты, монстряка из комиксов! Мы *под защитой*, если даже ты не блефуешь…

— Блефую? Блефуаввафррр… — Голос сорвался на сдавленный булькающий вопль, но крик Болтушки перекрыл и его. Спустя миг бульканье утихло. — Я не блефую. Еще часа не прошло,

как Хуссейн Томпсон на собственной шкуре испытал, что значит встать у меня на пути. Ты сдохнешь вместе со всеми своими сородичами, если не отдашь мне то, чего я требую. Вижу, рядом с твоим… домом… припаркована наземная машина. В течение часа ты должен быть в пятидесяти километрах к востоку отсюда, иначе ты узнаешь то, что до тебя уже узнал Хуссейн Томпсон. *Что я не блефую.*

И существо, называвшее себя господином Когти, прервало связь.

«Да наверняка ж он блефует! Если Когти так могуч, почему не смел Туристов с неба и не забрал Болтушку себе?» Впрочем, он и сейчас тупит. Неделю назад Когти получил бы все, чего хотел, без лишнего шума, надо было только подмазать кого следует. Такое впечатление, что эти твари не привыкли к неповиновению — или отчаялись по причине, которой Хамид не понимал.

Хамид развернулся к Болтушке. Потянулся было потрепать ее по шее. Болтушка отскочила, щелкнув зубами и разодрав ему рукав пижамы.

— Болтушка, ты чего?

Она отпустила рукав и попятилась к своей лежанке. Теперь она издавала жалобный свист, как в тот раз, когда ее грузовичком сбило. Отец

Хамида предполагал, что это и есть подлинные болтунские звуки, рефлекторные, как всхлипы или клацанье зубов у человека. Хамид встал на колени и успокаивающе загукал. На сей раз Болтушка позволила почесать себе шею. Он увидел, что лежанка в моче, а ведь Болтушка научилась ходить на горшок в одно время с ним самим. Блефует Когти или нет, а Болтушка неподдельно напугана. Когти утверждал, что убьет тут всех. Хамид подумал об ансибле, гребаном телефоне богов, от работы которого тускнело солнце. Блеф или безумие?

Он подкрался к телефону и набрал номер руководителя тургруппы, молясь, чтобы моллюск по ночам принимал не только почту. Дважды сверкнули огоньки вызова, после чего перед Хамидом возникла панорама: верхушки облаков и синее небо. Ее легко можно было принять за вид Срединной Америки с некоторой высоты, вот только облака, казалось, уходили в бесконечность, и структура их по мере размывания в дымке усложнялась. Это был закольцованный видеоклип с десятибарового уровня лотлримарской атмосферы. Слизень, конечно, выбрал его, чтобы смягчить сердца абонентов-людей, но картинка правдоподобно отображала его родную планету

— газовый субгигант диаметром тридцать тысяч километров.

Секунд пять на экране проплывали облачные каньоны. *Да просыпайся же, черт бы тебя побрал!* Дисплей очистился, и перед Хамидом появился человек: Ларри Фудзияма! Лентяй Ларри явно был не слишком удивлен.

— Ты как раз по нужному номеру звонишь, мальчик мой! Я тут, с нашим слизняком. У нас заварушка.

Хамид не нашелся что ответить, и Ларри продолжил:

— «Равна и Когти» с полуночи слизня обрабатывают. Угрозами и обещаниями, по большей части — стращают, с тех пор как коммом завладел парень по кличке Когти. Мне жаль, что с твоим папой так вышло, Хамид. Нам следовало догадаться…

— *О чем вы?*

— А ты разве не поэтому… О. Это было в новостях… сейчас… — Изображение Ларри исчезло, сменившись видеороликом новостного выпуска. Репортерский хоппер летел над фермерскими хозяйствами Восточного Мичигана. Через секунду Хамид узнал холмы: владения Томпсона, в двух тысячах кликов на восток от Маркетта.

Там уже наверняка взошло солнце. Камера показала знакомый ручей, и новостник забубнил о том, как «Новости-онлайн» оказались на месте катастрофы допрежь первых спасателей. Хоппер взлетел над гребнем холма… А где деревья? Земля исчерчена тысячами черных стрелок: обгоревшие стволы, безжалостно срубленные взрывом. Репортер нес какую-то ахинею насчет метеорита: как, дескать, повезло, что болид упал в озерной долине и пострадала лишь одна ферма. Хамид проглотил слюну. Ферма… Хуссейна Томпсона. Место, где они с Хуссейном жили после того, как мама их бросила. От эпицентра в небо поднимались клубы пара — из бывшего озера. Репортер заверил слушателей, что все постройки фермы провалились в новообразованный кратер.

Видеоролик закончился.

— Это точно не срединноамериканская бомба, — сказал Ларри, — но и не естественное явление. «Равна и Когти» два часа назад посадили там свой лихтер. Как раз перед взрывом мне позвонил Хусс. Он был страшно напуган и что-то нес про то, что ему угрожают Когти. Я тебе покажу, если ты…

— Нет! — выдохнул Хамид. Потом уже тише: — Нет.

При всей ненависти к Хуссейну Томпсону он признавал этого человека своим отцом и первые годы жизни искренне любил его. Теперь Хуссейна не стало, и Хамиду уже не удастся отделить добрые чувства от злых.

— Когти только что и мне звонил. Он сказал, что убил моего… Хуссейна. — Хамид воспроизвел для Ларри запись разговора. — Но мне и так нужно поговорить со слизняком. Меня защитят? Если я откажу Когтям, Срединная Америка и вправду падет?

Ларри впервые не пожал плечами в свойственной ему манере «сам подумай».

— Трудно сказать, — ответил он. — Тут еще слизень мешается. Он где-то рядом. Щас, секунду…

Снова мирные облака. Черт побери, черт побери. Что-то ткнулось в копчик Хамиду: Болтушка. Черно-белая шея вынырнула сбоку. На Хамида взглянули темные глаза.

— Что такое? — тихо спросила она.

Хамиду захотелось расхохотаться и разрыдаться одновременно. Болтушка была сильно подавлена, но, по крайней мере, узнавала его.

— Ты в порядке, малышка? — спросил он. Болтушка свернулась у ног Хамида и положила голову ему на колено.

На экране комма облака разошлись. Появился Ларри, на сей раз в компании слизня. Разумеется, они были не в одном и том же помещении: такое соседство погубило бы обоих. Лотлримарская баржа представляла собой огромный корабль, наполненный привычной для моллюска газовой смесью — аммиаком и водородом под общим давлением около тысячи бар. Уж конечно, там есть и террариум для гостей-людей. Камера показала слизня на заднем плане, за полупрозрачной стеной — окном в террариум. Ларри помахал в камеру, и Хамид невольно усмехнулся. Не приходилось сомневаться, кто тут экспонат, а кто хозяин зоопарка.

— А, мистер Томпсон. Я рад, что вы на связи. У нас исключительно серьезные проблемы. — Моллюск говорил по-английски безукоризненно чисто. Голос синтезировался вокодером, но звучал как голос самого обычного срединноамериканца. — Многие из этих проблем удалось бы решить, если бы вы рассмотрели возможность расстаться с…

— Нет, — ровным тоном ответил Хамид. — Нет, пока я жив. Это не обсуждается. Вы слышали их угрозы и видели, как они обошлись с моим отцом. — Моллюск шесть последних месяцев

выступал высшим начальством Хамида. Он появлялся редко, перед ним трепетали. Это больше не имело никакого значения. — Вы всегда говорили, что первейшая обязанность руководителя Тура — позаботиться о том, чтобы одна сторона не навредила другой. Я полагаю, вы остаетесь верны своему слову?

— Гм. Технически это заявление касалось Туристов моего Каравана, с одной стороны, и жителей Срединной Америки — с другой. В этом случае проблем с урегулированием у меня не возникло бы. Однако мы только начинаем прояснять ситуацию с «Равной и Когтями». Не уверен, что выступить против них — разумное решение. — Он перетащил тысячекилограммовую тушу поближе к окошку террариума. Хамид знал, что в лотлримарской гравитации моллюска расплющило бы в ленточного червя, а его отростки-манипуляторы стелились бы по поверхности. При нормальной для человека силе тяжести он походил скорей на толстую шелковую подушку с красными кисточками и бахромой. — Ларри рассказал мне об этом удивительном устройстве для Медленной Зоны, которое привез Скандр. Я слышал о таких изделиях. Их очень сложно достать. Прибор наверняка стоит дороже всего

моего Каравана… а ведь Скандр утверждал, что его фонд крайне ограничен в средствах, когда выпрашивал у меня путевку… В любом случае Ларри уже воспользовался этим *ансиблем*, разведывая, что на самом деле представляет собою ваша Болтушка.

Ларри кивнул.

— Я этим занялся сразу после твоего ухода, Хамид. Машинка и сейчас у меня в кабинете, трудится по полной программе. Как и обещал Скандр, ансибль сопряжен с коммерческим портом на Лотлримаре. Через этот узел у меня выход на всю Известную Сеть. Хе-хе. Скандр оставил на Лотлримаре *очень* солидный кредит. Надеюсь, они с Ортегой не сильно возбухнут, когда им пришлют счет за тестирование гаджета. Я описал Болтушку и задал глубокий поиск. По всему Запределью, в миллионах подсетей, по всем базам данных, где могло найтись хоть что-нибудь на Болтушку. И я… — Радость его увяла. — Слизень уверен, что мы кое-что нарыли на болтунов…

— Да, мистер Томпсон, и эти сведения устрашают.

Неудивительно, что никто из Туристов слыхом не слыхивал про болтунов. Единственный

надежный след, обнаруженный Ларри, уводил на половину оборота галактического колеса, в далекий закуток Запределья, связь которого с Известной Сетью оставалась спорадической. Та далекая раса тоже не располагала надежными данными о болтунах, но по слухам получалось, что тысячью световых лет ниже, глубоко в Медленной Зоне, существует раса, под описание которой подпадает Болтушка. Раса эта была высокоразумна и быстро развила у себя лучший в Зоне релятивистский космотранспорт. Они колонизировали обширный участок Зоны, создали империю из десятка тысяч миров — и это все без сверхсвета! Империю Когтей (какое подходящее имя!) скрепляла отнюдь не братская любовь. Они уничтожали целые расы, обращали в пыль планеты релятивистскими кинетическими снарядами. Технология Когтей была настолько продвинута и смертоносна, насколько это мыслимо в той Зоне. Большая часть колонизированной ими сферы ныне превратилась в склеп, и лишь отголоски тех историй столетиями расползались по Галактике, достигнув наконец Внешнего мира.

— Погодите-погодите… Профессор Фудзияма мне говорил, что скорость передачи по ансиблю не превышает 0,1 бит/с. У вас было меньше

двадцати часов для анализа. Откуда вы столько всего узнали?

Ларри впервые на памяти Хамида смутился:

— Мы воспользовались тем протоколом ИИ, о котором я тебе говорил. На обоих концах нашего линка до Лотлримара проводилась массивная интерполяция.

— Еще бы!

— Не забывайте, мистер Томпсон, что сжатие данных актуально лишь для первого звена цепочки. В Запределье простирается Известная Сеть, где полоса пропускания и качество передачи данных весьма высоки почти для всех звеньев.

Казалось, что моллюск уверен в сказанном. Но Хамид много читал об Известной Сети: она его восхищала не меньше, чем сами сверхсветовые полеты. Не существовало способа одной планете перебросить прямой канал на другую — отчасти расстояние мешало, а главным образом тот факт, что миров в Сети было уж *слишком* много. Аналогичным образом не могла существовать единая «телефонная компания» (а хотя бы и десять тысяч их!): просто не управились бы. Скорее всего, информация по дороге с того края Галактики прошла пять-десять промежуточных узлов. Посредники — не говоря уже о расе, обитавшей

далеко по ободу галактического колеса, — явно не были людьми. Все равно что задавать вопрос по-английски человеку, который владеет еще и испанским, и тот, чтобы понять, передает вопрос на испанском тому, кто понимает испанский, а ответ ищет на немецком! В Запределье все усложнялось в миллионы раз. Некоторые существа оттуда, Снаружи, легко перепутали бы слизня с человеком!

Хамид изложил эти соображения и прибавил:

— Более того, даже если отправитель имел в виду именно это, информация все равно может оказаться подделкой! Вы вспомните, что вытворяли историки с Ричардом Третьим или Мохамедом Розой!

Лентяй Ларри снова улыбнулся усмешкой головастика, и Хамид понял, что этот вопрос они с моллюском обсуждали.

— Есть и еще кое-что, слизень, — сказал Ларри, — дело тут в способе идентификации. У Когтей должно быть нечто вроде рук. А разве есть они у Хамидовой Болтушки?

По алой бахроме моллюска трижды прокатилась рябь. Возбуждение? Несогласие?

— Текстовые данные продолжают поступать, но у меня оформилась теория. Вы знаете, Ларри, что

я всегда интересовался межполовыми отношениями. Я говорю о себе в мужском роде лишь для удобства, но полагаю, что секс — восхитительное занятие. Вероятно, у большинства рас именно он вертит миром. — (И тут Хамид постиг причину успеха Джилли Вайнберг.) — Итак, положитесь на мой опыт. Я считаю, что половой диморфизм у Когтей выражен *исключительно* сильно. Передние лапы самцов, вероятно, аналогичны рукам. Несомненно, самцы — убийственные враги. Самки же, вроде Болтушки, напротив, почти лишены разума и очень мягки.

Глаза Болтушки повернулись к Хамиду.

— Конечно, конечно, — проговорила она. Точно в нужное время: словно бы спрашивая: «Это еще что за клоун?»

Моллюск не обратил внимания:

— Это даже может объяснять, почему самцы столь агрессивны. Подумайте, какой разговор состоялся у него с мистером Томпсоном. Эти существа, вероятно, рассматривают самок как свою собственность. Они чрезвычайно агрессивны в сексуальном отношении.

Хамида передернуло. Да, *это* уж точно. Он никак не мог забыть *голодный* голос Когтей.

— Нельзя ли как-нибудь лаконичнее отказать

нам в поддержке?

Моллюск молчал почти пятнадцать секунд. Алая бахрома его непрестанно колыхалась.

— Я должен признать, что близок к ужасу, — сказал он наконец. — Мои караванщики не ознакомлены с этим отчетом, они слышали только новостной выпуск и угрозы по телефону. Однако они ведь не исследователи, а обычные Туристы. Они требуют, чтобы я отказал вам в проезде. Некоторые вообще уверены, что нам стоит немедленно убраться с планеты… Ларри, этот канал достаточно надежен?

— Подземное оптоволокно, — ответил Фудзияма, — и зашифрованная лазерная линия. Не бойся, слизень.

— Отлично. Мистер Томпсон, вот чего вы вправе от меня ожидать: я останусь над городом и, вероятно, сумею защитить вас от прямой попытки похищения, если, разумеется, при этом они не вздумают разорвать планету. Я очень сомневаюсь, что им это по силам, но если так, то, что ж, думаю, даже вы не сумели бы сохранить достоинство под ударом релятивистского астероидного снаряда. Сесть и забрать вас я не в состоянии. Это не удастся скрыть, и мой поступок вошел бы в полное противоречие с требованиями клиентов.

С другой стороны, — моллюск снова помолчал, и алая бахрома заколыхалась интенсивней прежнего, — если бы вы каким-то образом, э-э… сумели подняться ко мне, я бы позволил вам перейти на борт моей баржи. Даже если это заметят, то уже fait accompli[24]. Я обеспечу молчание клиентов; вероятней всего, самое страшное, что нам грозит, это преждевременное отбытие со Срединной Америки и некоторые убытки.

— Вы очень щедры.

Непостижимо. Слизняк был честным торговцем, но своего не упускал. Даже Хамида поразило, что моллюск отважился рискнуть не только своей репутацией, но и результатами двадцатилетней миссии.

— Разумеется, если дело зайдет *так* далеко, я попрошу вас уделить работе на меня несколько лет вашей жизни Вовне. Я ставлю на то, что информация из первых рук о вашей Болтушке компенсирует все потери.

Днем раньше Хамид бы что-то забормотал про официальное оформление и страховку. Сегодня же, располагая альтернативой в виде «Равны и Когтей»… Взяв Ларри в свидетели сделки, Хамид

---

[24] Сноски: 24
Как свершившийся факт *(фр.)*.

и слизень подписали двухлетнюю индентуру и оговорили оклад.

Теперь Хамиду с Болтушкой оставалось только найти способ подняться на пять тысяч метров. Один такой способ был очевиден.

Машина принадлежала соседу Хамида, Дэйву Ларсону, но Дэйви был его должником. Хамид разбудил Ларсона, сказал, что Болтушка заболела и надо везти ее в Маркетт. Через пятнадцать минут Хамид с Болтушкой уже ехали через Анн-Арбор. Была суббота, едва рассвело; дорога оказалась свободна. Он-то ожидал встретить толпу копов и военных… Знали бы «Равна и Когти», какой трусишка Джо Ортега… А имей федералы представление, что́ тут в действительности творится, немедленно бы отняли Болтушку и отдали Когтям. Вероятно, в правительстве все перепуганы и забились глубоко в свои норки в надежде отсидеться, пока соседи Сверху выясняют отношения. Новость о бомбежке фермы ушла с главных страниц. Федералы засекретили дело, чтобы безумная паника не перекинулась с высших эшелонов власти в народ.

Болтушка ерзала на пассажирском сиденье, то выглядывая на дорогу, то обнюхивая мешок фокусника, прихваченный Хамидом. Настроение

у зверюги оставалось неважнецким, но поездка на автомобиле увлекла Болтушку. Электроника на планете стоила дешево, а вот с механизмами все еще был напряг. Без разветвленной сети магистралей автотранспорт так и не достиг той роли, какую играл на Старой Земле; бóльшая часть грузоперевозок осуществлялась по железным дорогам. С прибытием Каравана многое изменится. Они привезли сто тысяч антиграв-пластин — хватит для транспортной революции. Срединная Америка войдет в Аэромобильную Эру и впервые превзойдет уровнем развития материнскую планету времен отлета. Так предрекал Джо Ортега.

За университетским кампусом простирались ничейные земли. Хамид видел, как отсвечивает в сиянии фар иней на полях. Каждые несколько секунд он нервно поглядывал в небо. Селена и Диана, тускнея, клонились к закату. Там и сям меж туристических барж, серых и внушительных в утреннем бледном свете, проплывали облачка. Пришельцев не видать, но три баржи исчезли: вероятно, поднялись на орбиту. Лотлримарский корабль парил на восток от Маркетта, над портовыми складами. Похоже, что слизняк и впрямь вознамерился исполнить свою часть уговора.

Хамид въехал в деловой центр Маркетта. Меж

двухсотэтажных небоскребов ярко светились дорожные знаки и десятки рекламных объявлений. Некоторые фирмы существовали в действительности. Свет из диско-баров и супермаркетов заливал восьмиполосные магистрали. Утро субботы: ничего странного, что город пуст. Бóльшая часть бизнес-квартала обычно так и выглядела: подделка под настоящий Маркетт Старой Земли середины двадцать первого века. Тот Маркетт стоял на берегу гигантского озера, называемого Великим[25]. В том столетии Великое озеро стало главной посадочной зоной для приводнения крупных орбитальных грузовозов. Маркетт превратился в один из величайших портов Земли. То были ворота в Солнечную систему, и, по словам Туристов, по сей день легенда о Маркетте бытовала на тысячах миров, колонизированных с планеты-матери.

Хамид свернул с местного бродвея и поехал через подземный туннель. Маркетт Срединной Америки был выстроен на потеху Туристам: он занимал едва ли процент площади оригинала, а население составляло даже меньше процента. Впрочем, с воздуха все выглядело довольно прав-

[25] Сноски: 25

Вероятно, во вселенной Зон Мысли Великие озера Северной Америки к этому моменту слились воедино.

доподобно: шум, гам, уличные огни. По особым случаям в город набивалось до миллиона человек — все, кого можно было оторвать от работы на континенте. В строгом смысле слова это была даже не подделка: Туристам сообщали, что город реконструирован. Местные чинуши настаивали, однако, что реконструкция не простая, а *единственно аутентичная* и способны на такое лишь обитатели мира, который отстоит всего на шаг от первоисточника расы. За последние двадцать лет срединноамериканцы приложили колоссальные усилия, готовя Маркетт к прибытию Каравана.

Автопрокат располагался в конце спирального спуска длиной в пятнадцать этажей, сразу над железнодорожной станцией. Станция была *настоящая*, хотя следующий поезд прибудет лишь через полчаса. Хамид вылез, вдохнул стоячий холодный воздух каменной пещеры, прислушался к отзвукам собственных шагов. Миллионы тонн керамики и камня отделяли его от неба. Даже внешникам сюда не заглянуть… ну, так он надеялся. Сонный клерк молча смотрел, как Хамид заполняет бумажки. Хамид взглянул на экран, и даже в прохладе прокатного пункта его прошиб пот: а ну как парень углядит разницу? Он с трудом удержался от смеха. Первый привод в тюрьму

его сейчас меньше всего беспокоил. Если «Равна и Когти» отслеживают картотеку, то в известном смысле способны сюда заглянуть, а все, что Хамида предохраняет, это липовый номер кредитки, предоставленной Ларри.

Они уехали в «миллениум-коммандере»: в старые времена Турист вполне мог выбрать себе такую тачку. Хамид повернул на север в подземном туннеле, потом на восток, а когда наконец выбрался под открытое небо, путь их уже лежал на юг. Впереди просматривался квартал складов… а над ним парила баржа моллюска, чьи сфероидальные утолщения и купола зеленели на фоне светлеющего небосклона. Какая ж она здоровенная! Кажется, совсем близко, но Хамид знал, что до корабля подниматься пять тысяч метров.

На вертолете он мог бы сесть на баржу сверху или высадиться на одной из веранд — хотя протиснуться туда задачка не из легких. Но нанять хоппер Хамид не осмеливался, да и не знал, как в это время суток оформить подобный заказ. Нет, они с Болтушкой двинутся прямой дорогой. Хамид разучивал этот маршрут каждые пару недель с момента прибытия Каравана.

Они приближались к проходной, где федералы и туристы проводили ежедневные расчеты.

Впереди на крышах много камер. Он затемнил все стекла, кроме бокового со своей стороны, и положил руку на плечо Болтушки:

— Пару минут посиди тихо, а?

— Ага.

Еще триста метров, и они оказались у наружных ворот. Там дежурили не только три обычных копа, но и четвертый, в бронированной машине чуть поодаль. Если Ортеге припекло задницу, тут все и закончится.

Вид у копов был *неподдельно* встревоженный, но бóльшую часть времени они глазели в небеса. Они понимали: что-то надвигается, но думали, что это у них похищено. Безразлично взглянув на «миллениум-коммандер», копы дали отмашку на проезд. Внутренний КПП Хамид преодолел так же легко, хотя тут его попросили ввести идентификатор гида… Если «Равна и Когти» сканируют сеть, время Хамида и Болтушки начало обратный отсчет.

Он вырулил на пустую парковку у главного склада, с умыслом выбрав место относительно будки охранника.

— Болтушка, посиди тихо еще немножко, э? — сказал он, вылез наружу и пошел через усыпанный гравием дворик.

Может, стоит прибавить ходу, словно в панике? Но охранник уже заметил его. «Ладно, притворись спокойным». Хамид помахал рукой и подошел к будке. Дневной свет уже затмевал освещение парковки. Меж облаков и барж стерлись звезды.

Как забавно, что именно сюда складывают товары из Запределья. Да, кладовая просторна, метров двести в длину и ширину, но местечко древнее, пластиковые панели отслаиваются, а бревна потемнели.

Не успел Хамид коснуться бронированной двери, как оттуда раздалось жужжание. Он вошел.

— Привет, Фил.

«Повезло! Остальные, наверное, на обходе». Фил Лукас был добряк, но туповат и Болтушку знал плохо. Лукас сидел в центре будки, подняв бронированную перегородку, отделявшую его от визитера. Слева от него вторая дверь вела на сам склад.

— Привет, Хамид. — Лукас нервно покосился на него. — Ты сегодня чертовски рано.

— Угу. У меня тут проблема. В «коммандере» Турист сидит. — Он махнул в ту сторону через бронестекло. — Надрался, как сапожник. Надо его наверх поднять, но тихо.

Фил облизнул губы:

— Господи, все одно к одному навалилось… Хамид, прости. У нас приказ от начальства ФСБ: никого не поднимать и не спускать. У внешников какая-то заварушка. Если начнут палить, то пускай между собой залупаются.

— В том-то и дело. Мы думаем, из-за этого парня все и закрутилось. Если его туда выпихнуть, все, может, и успокоятся. Тебе наверняка уже прислали инструкцию. Это Антрис бан Рempт.

— А, этот. — Бан Рempт был самым отвязным из Туристов. Обычный срединноамериканец сел бы в тюрьму лет на сто за то, что бан Рempту удалось натворить всего за полгода. К счастью, он никого не убил, так что пока его выходки получалось игнорировать. Лукас взглянул на свой данник. — Нет, у нас там ничего.

— Черт подери. Если мы его не отправим наверх, это не уладится. — Хамид сделал вид, что напряженно размышляет. — Слушай, я сейчас вернусь в машину и попробую кое-кого вызвонить.

Лукас посмотрел на него с сомнением:

— О'кей. Но это должна быть крупная шишка, Хамид.

— Понял.

Дверь зажужжала, открываясь, и Хамид рыс-

цой устремился через парковку к машине. Все пока шло как надо. Счастье, что с местной охраной Хамид всегда приятельствовал. Безопасники считали гидов белоручками из колледжа — и не без оснований, но Хамид не раз пил с этими копами кофе. Он знал, как работает система… и даже помнил, по какому номеру отдают указания безопасникам.

На полпути через парковку Хамид осознал, что дрожь, пока он строил план и экспромтом изворачивался, прошла… Хамид и не думал, что на такое способен. Возможно, отчаяние вызвало к жизни скрытые таланты… Ему вдруг стало смешно.

Он открыл дверцу:

— Сиди! Еще нет.

Он отпихнул радостную Болтушку назад на пассажирское сиденье.

— У нас большая игра, Болтушка.

Он полез в мешок и вытащил оттуда пару коммуникаторов. Один обычный — с наушниками и ларингофоном, другой переделан под анатомию Болтушки. Он пристегнул микрофон под воротник своей ветровки. Наушники без надобности, но они маленькие, так что Хамид их воткнул и убавил звук до минимума. После этого он застегнул вторую гарнитуру Болтушке вокруг шеи,

включил *ее* микрофон и прицепил приемник к ее уху.

— Игра, Болтушка. Имитация, имитация. — Он потрепал комм у нее на плече. Болтушка радостно запрыгала по салону «коммандера».

— Конечно. Конечно, конечно! Кто, кто?

— Джо Ортега. Попробуй: *Мы все должны трудиться сообща…*

Болтушка эхом повторяла его слова, но голос был неотличим от голоса президента Срединной Америки. Он опустил окно с водительской стороны: игра получалась лучше, если установить зрительный контакт. Кроме того, может понадобиться выпустить ее из машины.

— Ладно. Сиди тут. Я пойду околпачу этого придурка.

Она повторила его наставления тем же напыщенным тоном.

И последнее… Хамид набрал номер на телефоне автомобиля, завел таймер и отключил видео. Потом вылез из машины и побежал обратно к будке охранника. В универе такой розыгрыш часто прокатывал. Оставалось надеяться, что и в этот раз сработает. Оставалось молиться, чтобы Болтушка не принялась молоть отсебятину.

Лукас запустил Хамида обратно в «стакан», и

тот выключил ларингофон.

— Ну что, я, кажись, до самого верха дозвонился. Кто-то по красной линии должен тебя вызвать. Может, даже сам шеф ФСБ.

Брови Фила поползли вверх.

— Ага, хорошо бы.

Было ясно, что репутация Хамида в глазах Фила только что подскочила до небес.

Хамид притворился, что нетерпеливо меряет шагами свой тамбур. Остановился у дальней двери «стакана», отвернувшись от охранника. Теперь нетерпение изображать нужды не было. Зазвенел телефон, и Хамид услышал, как отвечает Фил:

— Проходная один, у телефона агент Лукас. Слушаю, сэр!

Хамид видел Болтушку со своего поста. Она сидела на водительском сиденье, с интересом разглядывая телефон. Хамид включил свой ларингофон и прошептал:

— Лукас, с вами говорит Джозеф Стэнли Ортега.

Почти сразу же из динамика телефона за спиной раздалось:

— Лукас, с вами говорит Джозеф Стэнли Ортега.

Слова прозвучали именно с той важностью, на какую рассчитывал Хамид, но была в них и вкрадчивая нотка, не характерная для официальных выступлений. Вероятно, так Болтушка отреагировала на первоначальные инструкции Хамида, но в любом случае вышло неплохо.

И Фила Лукаса проняло.

— Честь имею, сэр!

— Агент Лукас, у нас проблемы.

Хамид сконцентрировался на этой фразе, стараясь игнорировать говорившее голосом Ортеги эхо. Ему это было тяжелее всего, особенно если требовалось выдать больше одной короткой фразы за присест.

— Если Туристов не остудить, возможен ядерный пожар. Я сейчас в подземном бункере Комитета начальников штабов, чтобы вы себе представляли серьезность ситуации. — Возможно, так удастся объяснить, почему видео отключено.

Голос Фила задрожал.

— Да, сэр.

Фил был отнюдь не в подземном бункере.

— Вы уже проверили… — *щелк*! — подлинность вызова? — Щелчок прозвучал в наушниках Хамида, а не из динамика в будке охраны. Неужели

гарнитура глючит?

— Да, сэр… минуточку. — Фил яростно забарабанил по клавиатуре. Подделать звуковой профиль голоса Болтушке ничего не стоило, а Хамиду нужно было дополнительное подтверждение. — Да, сэр, вы в порядке. Я хотел сказать…

— Отлично. Теперь слушайте внимательно. Гида по фамилии Томпсон и Туриста, который с ним, нужно пропустить. Мы должны вернуть этого внешника, *быстро и тихо.* Приготовьте подъемник и уберите всех с дороги этой пары. Если Томпсон ошибется, погибнут миллионы. Выполняйте все его приказы.

В машине Болтушка веселилась напропалую. Выпустив когти передних лап, она вцепилась в руль и стала вертеть его из стороны в сторону, «ведя машину» и «говоря по телефону» одновременно. То был ее апофеоз: Болтушку приняли за настоящего человека, да какого!

— Слушаюсь, сэр!

— Отлично. Давайте… — *щелк-щелк*! — побыстрее. — Новый щелчок, и голос Ортеги пропал. «Будь прокляты дешевые гарнитуры!»

Лукас мгновение помолчал, почтительно ожидая, пока президент соберется с мыслями. Затем осведомился:

— Да, сэр? Что прикажете делать дальше?

Болтушка в «миллениум-коммандере» оцепенела, потом, выкатив глаза, развернулась в сторону Хамида. *Что мне теперь говорить?* Хамид повторил фразу как мог громко, но Ортега не отозвался. «Она меня не слышит!» Хамид выключил ларингофон.

— Сэр? Вы еще там?

— Наверное, линия вырубилась, — сказал Хамид спокойно и украдкой махнул Болтушке, чтобы продолжала.

— Но сигнал есть, Хам, я это по индикатору вижу… Господин президент, вы еще там? Вы начали объяснять, как нам поступить дальше, господин президент?

Болтушка не поняла его жеста: слишком далеко. Он попытался снова. Она затарабанила когтем по морде. «Болтушка, только не надо отсебятины!»

— Ну, э-э, — заявил голос Ортеги, — не торопите меня. Я думаю! Я думаю! Мы все должны действовать сообща, иначе погибнут миллионы. Разве вы так не считаете? Я хочу сказать, это имеет смысл… — Смысла почти не было и с каждой минутой становилось все меньше, хотя Лукас пыхтел, пытаясь расшифровать болтовню. Голос его сделался напряженным и подозрительным.

Помощи ждать неоткуда. Хамид стукнул кулаком по бронестеклу и что было сил замахал рукой Болтушке. «Давай сюда!» Голос Ортеги оборвался на полуслове. Хамид обернулся и увидел, что Лукас смотрит на него, полный тревоги и недоверия.

— Тут что-то неладное, и мне это совсем не… — Фил начинал соображать, что его дурачат, но все еще плыл по течению. Он неловко перегнулся через конторку, пытаясь рассмотреть, что там так заинтересовало Хамида на стоянке.

Первоначальный план полностью провалился, но паники Хамид, как ни странно, совсем не чувствовал. Варианты еще оставались… Он широко улыбнулся, перепрыгнул через конторку и пинком загнал коротышку-охранника в угол между стеной и конторкой. Фил отчаянно тянул руку к тумблеру, который бы опустил перегородку. Хамид просто прижал его крепче к стене и вытащил у агента из кобуры пистолет. Рукояткой оружия он хорошенько приложил Фила в солнечное сплетение.

— Замолчи, Фил.

— Ах ты сукин сын! — Но Фил перестал дергаться. Хамид услышал, как Болтушка ломится внутрь.

— Ладно. Теперь разблокируй дверь. — Дверь зажужжала. Спустя миг в тамбур ворвалась Болтушка и запрыгала, ластясь к ногам Хамида.

— Хе-хе-хе! Это было круто, это было реально круто!

Смешок принадлежал Лентяю Ларри, а голос — все еще Ортеге.

— Теперь разблокируй другую дверь. — Охранник упрямо замотал головой. Хамид вдавил ему в брюхо пистолет. — *Сейчас же!*

Фил на миг застыл, потом толкнул коленом тумблер, и внутренняя дверь тоже зажужжала. Хамид распахнул ее пинком ноги и позволил Лукасу выползти из угла. Бледный охранник поднялся, не сводя глаз с дула пушки. «Мертвец тревоги не поднимет», — читалось по его лицу.

Хамид помедлил, не меньше самого Лукаса шокированный успехом авантюры.

— Спокойно, Фил.

Он сместил пушку в сторону и несколько раз выстрелил поверх плеча Лукаса… в панель складской системы безопасности. Брызнули искры, полетели осколки — и повсюду загудели сирены.

Он проскочил за дверь, Болтушка сразу следом. Бронированная перегородка, клацнув, опустилась: вполне возможно, преграда так и останется

в этом положении, раз система безопасности уничтожена. Никого не видно, зато слышны вопли. Хамид помчался по проходу между стеллажами, забитыми товаром. Антиграв-лифт в дальнем конце здания, под главным потолочным люком. План провалился, но вдруг лифт еще там, и получится…

— Вон он!

Хамид рыбкой нырнул в проход, запетлял между стеллажами, потом сбавил темп и пошел на цыпочках. Проход шел под уклон, Хамида окружали товары, доставленные этим самым Караваном. В том числе изделия, которым предстояло поднять Срединную Америку выше уровня Старой Земли двадцать первого столетия. На десятиметровую высоту над его головой возносились стопки электрореакторов, работающих при комнатных температурах. Располагая такими реакторами и рецептами их воспроизводства, Срединная Америка спишет в утиль метаноловую экономику и атомные станции с привязкой к местности. Двумя проходами дальше сложены неразобранные антигравы. Эти штуки походили не на высокотехнологичные изделия, а на обрезки ткани. Но именно на них работал складской лифт, и это они позволят Срединной Америке

развернуть выпуск не только автомашин, но и аэромобилей.

Хамид знал, что в потолке над лампами дневного света есть камеры. Хотелось верить, что они тоже сдохли, когда вырубилась система безопасности. Один проход до лесенки на следующий уровень. Хамид крался в полутьме меж двух стеллажей. Тихо, тихо… Болтушка не любила вести себя тихо. Она выскочила в проход раньше хозяина и огласила склад идеальным звукоподражанием пистолетному выстрелу, так что аж уши заложило. Еще миг, и ее заметят. Он отбежал на пару метров в противоположном направлении и выстрелил в воздух.

— Господи! Да скольких же бандюков сюда запустил этот болван Лукас?

Совсем рядом с Хамидом кто-то отозвался:

— Это все та же детская пукалка. — И гораздо тише: — Сейчас мы им покажем.

Хамид вдруг сообразил, что противников только двое. И пока система безопасности отключена, они здесь в той же западне, что и Хамид. Если снаружи никто не припрется на шум.

Он отскочил и побежал дальше в дальний конец склада.

— БУУУМ!

Это Болтушка, вспрыгнув на стеллажи у него над головой, решила с кем-то внизу поговорить. Стопки электрореакторов разметало разрывными пулями, по складу прокатилось громкое эхо. Против его пистолета это оружие все равно что артиллерийская пушка. Разумеется, в помещении из него стрелять запрещалось, но Хамиду от этого было не легче. Он устремился вперед, оставив всякую осторожность.

— Прыгай! — заорал он.

Клубок света и тени возник перед ним и помчался по проходу.

Второй пушечный залп, в то место, где они с Болтушкой только что пробежали. Но тем временем все окончательно пошло вразнос. Откуда-то со стеллажей с электрореакторами излился синий свет, раскидав по стенам резкие тени. Могло показаться, что за спиной Хамида внезапно распахнулась раскаленная печь. Он оглянулся. Синее сияние ширилось, слепило глаза, как электрическая дуга, но не обжигало. Он быстро отвернулся, перед глазами заплясали остаточные изображения: полки стеллажей *оплывали* от жара.

Включились автоматические огнетушители, и с потолка хлынул дождь. Но этому пожару вода

была не помехой, а топливом. Струи резко превратились в пар, облако стало расширяться, и Хамид упал на колени. Вскочил, опять упал и снова, поднявшись, побежал вперед. Антиграв-лифт уже за следующим рядом стеллажей. Краем сознания Хамид отвлеченно размышлял о последствиях катастрофы. Разрывные пули вызвали цепную реакцию в стопке электрореакторов. Эти штуки теоретически безопасней спиртовых движков, но могут расплавиться. Проплавление активной зоны срединноамериканской атомной станции отравило бы радиацией целый континент, но Туристы уверяли, что их реакторы плавятся чисто — испуская низкоэнергетические фотоны и колоссальные потоки частиц, которые с обычным веществом вообще не реагируют. У Хамида даже вырвался истерический смешок при мысли о том, как за много световых лет отсюда астрономы Медленной Зоны однажды зафиксируют резкий выброс нейтрино и получат новый повод усомниться в своей космологии.

В гуще ливня, между стеллажами и в проходе, засверкали молнии, впиваясь в антигравы. Тканеподобный материал дергался и коробился, отдельные куски разлетались в стороны. Как волшебные ковры, запущенные джинном.

Потом так хлопнуло *вокруг*, что стало больно, словно Хамид угодил между ладоней великана. Дождь прекратился, подул горячий влажный ветер — со всех сторон. Утренний свет пробился через завесу пара: взрывом снесло крышу склада. Над развалинами взметнулась радуга. Хамид пополз на четвереньках; по лицу стекало что-то липкое, срываясь на пол красными каплями. Стеллажи с электрореакторами осыпались внутрь себя. В пятнадцати метрах от Хамида на расплавленном металле кипел и пузырился пластик.

Он увидел антиграв-лифт, вернее, остатки оного: лифт оплывал, подобно восковой свече, потоками разогретого металла. «Ну что, выхода нет». Он заставил себя отвернуться от свечи и прислонился к стопке антигравов. Листы дрожали и вибрировали. Ткань была мягкая, но поглощала тепло и частично рев пожара. Сквозь туман и пар проступало розовато-голубое утреннее небо. В небе висела лотлримарская баржа. Она была похожа на четыре причудливо приваренных друг к дружке и замысловато украшенных сферических автоклава.

Иисусе! Крыша склада почти полностью… исчезла. В дальней стене огромный пролом. Вон

там! Парочка охранников. Они не смотрели на него, один без сил опирался на другого. Похоже, погоня за Хамидом их сейчас занимает меньше всего. Они продирались через руины в поисках выхода со склада. К их несчастью, как раз впереди тек ручеек серебристого металла. Один неверный шаг, и они утонут в нем по щиколотку. Но обоим агентам повезло, и через пятнадцать секунд их след простыл.

Конечно, он тоже мог бы выбраться этим путем, но… Но не за тем он сюда явился. Хамид с трудом поднялся и окликнул Болтушку. Вокруг продолжало шипеть и хлопать, но уже не так оглушительно. Если она в сознании, то услышит его. Хамид утер с губ кровь и, прихрамывая, поплелся вдоль уцелевшего ряда антигравов. «Не умирай, Болтушка. Не умирай».

Везде начиналась движуха. Стопки антигравов словно оживали. Верхние просто срывались с мест и уходили в вертикальный штопор, скручиваясь и раскручиваясь. Нижние дергались и трепетали. Обычное вещество с потоком неуловимых частиц из расплавленной активной зоны, может, и не реагирует, но антигравы уж точно не из обычной материи. Зажатые внизу куски ткани налились сиянием, но свечение это не жгло

глаза, как свет электрореакторов, а оставалось мягким, обещая не взрыв, но пробуждение… чего-то. Зрелище заворожило Хамида. Сотни кусков антиграв-ткани улетали в небеса, серые и цвета картофельной кожуры, посверкивая в утреннем свете. Он попятился. Высоко в небе первые из улетевших антигравов уже истаяли до точек на синем фоне. *А что, если…*

Что-то плюхнулось ему на ноги, чуть не опрокинув на пол.

— Ой, так громко…

Болтушка нашла его! Хамид опустился на колени и обнял ее за шею. Она выглядела сравнительно неплохо, во всяком случае, получше самого Хамида. Как и многие мелкие животные при встрече с хозяином, Болтушка в восторге заплясала вокруг. Он провел руками по ее плечам: кое-где царапины, кровь запеклась, и вообще вид у нее подавленный, первоначальный восторг от встречи как рукой сняло.

— Громко, — повторяла она, — громко.

— Знаю, Болтушка. Но худшее уже позади.

Он поглядел в небо. На взлетающие антигравы… на лотлримарскую баржу. Безумная затея… но снаружи уже орали сирены.

Хамид погладил Болтушку, встал и полез на

ближайший штабель антигравов. Материал, сложенный сотнями отдельных лоскутов вроде одеял, пружинил под ногами, как вспененная резина. Хамид поскальзывался на каждом шагу. Ухватившись за края лоскутов над головой, он подтянулся до самого верха с намерением испытать те, которым уже ничто не мешало взлететь. Он сгреб верхний слой, трепещущий на незримом ветру, вытащил перочинный нож и полоснул по ткани. Материя легко распалась, оказав сопротивления не больше, чем плотный войлок. Хамид оторвал полосу ткани, опустил в карман и ухватился за верхний слой. Ткань задрожала в его руках, и квадрат площадью четыре на четыре устремился в небо. Хамида медленно потащило назад, ноги оторвались от штабеля. Квадрат поднимался, словно не замечая его веса!

— Подожди меня! Подожди! — в отчаянии прыгала у его ног Болтушка.

Хамида подняло на два метра, потом на три. Он выдохнул и отпустил лоскут, больно ударился о бетон, полежал, живо представляя, что произошло бы, помешкай он еще секунду… Так, хватит. Он вытащил из кармана полоску антиграв-ткани. Та задрожала в пальцах. Хамид уставился на нее. Красновато-серая, украшенная сложным повто-

ряющимся узором. Туристы говорили, это изделие иного класса, чем электрореакторы. Реакторы — продукт высокой технологии, но их в принципе можно изготовить и здесь, в Медленной Зоне. А вот антигравы… эффект имел теоретическое обоснование, но практическая применимость его зависела от мгновенной рестабилизации на атомном уровне. Туристы утверждали, что в ткань внедрены миллиарды специализированных процессоров. Антигравы импортировали не просто из Запределья, а из Трансчеловеческих Пространств. До сих пор Хамид относился к ним без особого удивления: полет — штука прозаическая. Но теперь… простой логики тут не просматривалось, они скорей походили на живые организмы или сложные контрольные системы. У них явно было много общего с «умной материей», которая, по утверждениям Ларри, повсеместно фигурировала в трансчеловеческих изделиях.

Хамид нарезал ткань на два куска разных пропорций. Разрезы получались гладкими, не как у кожи или ткани. Он выпустил обрывки из рук… Те медленно уплыли в небо, как листья на ветру. Но через несколько секунд больший вырвался вперед, оставляя маленький все дальше и даль-

ше позади. *Можно спуститься, просто нарезая ткань!* И он вспомнил, как дергался ковер-самолет, в том направлении, куда тянул его Хамид.

Сирены завыли громче. Он смерил взглядом стопку антигравов. Как странно: неделю назад он нервничал в чартере на Западные Земли.

— Хочешь поиграть в игру, Болтушка? Самую интересную игру на свете.

Он залез обратно на штабель. Верхний слой начинал подергиваться. Если он такой же, как остальные, в запасе еще около тридцати секунд. Он завернулся в ткань вокруг себя и скрутил в узел.

— Болтушка! Шевелись, залезай сюда!

Она залезла, но без обычного энтузиазма. Ей нелегко пришлось этим утром — а может, Болтушка просто умней самого Хамида. Он подхватил ее под задние лапы и затянул другой конец узла под плечами. Антиграв дернулся, пытаясь взлететь, ткань словно сжалась: рассечь еще можно при желании, но узлы затянуты крепко. Хамид схватил Болтушку, подложив руку ей под ляжки, и прижал к груди — как делал папа, когда Болтушка еще не подросла. Но теперь-то она уже совсем большая. Передние лапы протянулись ему далеко за плечи.

Ткань под мышками напряглась. Хамид уже стоял. А вот ноги… оторвались от стопки. Он смотрел на расплавленные стеллажи *сверху*, видел, как текут по складскому полу реки серебристого металла, прорезая в нем глубокие каньоны. Болтушка захныкала, как маленький ребенок.

Они пролетели там, где раньше была крыша. Хамид вздрогнул: одежда пропотела и утренний холод пробрал до костей. Солнце только взошло, светит ярко, но не греет. От зданий падали длинные, резкие тени. Под ногами протянулся растерзанный склад; внутри темно, но кое-где еще сверкают сполохи. Из руин вылетали новые красно-серые лоскуты. На гравийной дорожке перед складом теснятся пожарные машины и броневики, в караулку и обратно бегают вооруженные люди. Вдоль стены здания крадется отряд бойцов. Двое в броне тычут пальцами в его сторону, другие задрали головы, глядя им вслед. Мальчик и его недособака под парашютом, уносящим их в неверную сторону. Хамид повидал много федералов и прочих стервятников, так что понимал: сбить его на землю — раз плюнуть. Один полез в кузов броневика. Если эти хоть вполовину так же охочи до пальбы, как те парни на складе…

Прошло полминуты. Хамид мог бы уже закрыть сцену внизу подошвами ботинок. Болтушка перестала плакать, а холод ей явно не доставлял неудобств. Зверюга вытянула шею, свесила голову через плечо Хамида. Он чувствовал, как Болтушка вертит ею, озираясь.

— Вау, — тихо сказала она. — Вау.

«Держись крепче, малышка». Под антиграв-парашютом их мотало из стороны в сторону. Туда и обратно… С каждым новым колебанием все сильнее. Небо и земля поменялись местами, Хамида затошнило. Голова его запуталась в антиграв-ткани. Он с трудом высвободился и обнаружил, что теперь не висит под антигравом, а *лежит* на нем вместе с Болтушкой. Чушь какая-то… Да как вообще эта конструкция удерживается, раз они наверху? Еще секунда, и их вытряхнет в бездну. Он прижал Болтушку к груди… но качка не возобновилась. Такое впечатление, что эта изначальная позиция была неустойчива. Лишнее доказательство, что антиграв из «умной материи», напичкан процессорами, чья работа обеспечивает кажущееся издевательство над законами природы.

Да это в натуре ковер-самолет! Конечно, при туго затянутых узлах квадрат ткани четыре

на четыре метра, перекрученный и смятый, напоминал скорее Болтушкину лежанку, чем ковры-самолеты из сказок.

Склады пропали из виду. Устремляясь вперед и ввысь, летунов обгоняли десятки антигравов — некоторые пролетали в считаных метрах, иные казались пятнышками в небе. На западе высились башни Маркетта (Хамид и Болтушка уже взлетели до их верхушек): стены коричневые и оттенка слоновой кости, окна широкие, зеркальные, отражают утренний пейзаж. На юге лежал Анн-Арбор: тонкая сетка улиц, полускрытая гребешком безлистных деревьев. Ясно различимы административный корпус университета, внутренние аллеи кампуса, а вон крохотной красной искоркой сверкнул Морал-Холл. Почти такую же картину Хамид наблюдал всякий раз, возвращаясь с фермы… но теперь вокруг было пусто. Только Хамид и Болтушка… и бескрайние воздушные просторы. У Хамида захватило дух, и некоторое время он не осмеливался опустить взгляд.

Они продолжали подниматься. Свежий ветер дул прямо сверху и усиливался. Хамид непроизвольно поежился, у него застучали зубы. Как высоко они взлетели? На три тысячи метров, четыре? Он замерз, а шевелясь, чувствовал, как

на куртке потрескивает лед. Его укачивало и подташнивало; на Срединной Америке пять тысяч метров — предельная высота, куда можно взобраться без кислородного прибора. Он *считал,* что сумеет остановиться; если же нет, их унесет в космос вместе с остальными антигравами.

Но перед ним стояла куда более сложная задача, чем сброс высоты или скорости. Он поглядел на лотлримарскую баржу. Расстояние до нее заметно сократилось, и она висела метрах в двухстах к востоку. Если не удастся заложить боковой маневр, поможет лишь активное содействие моллюска.

Об этом он уже размышлял там, на складе, — в общей сложности секунд пять. Будь антиграв обычным летательным аппаратом легче воздуха, надежды не осталось бы. Без винтов или движков такие шары летят по воле ветра; единственный способ управления ими — найти *высоту,* на которой ветер тебе помогает. Но когда Хамид уцепился за этот ковер, ткань ведь подалась именно в ту сторону, за которую он держался…

Он перелез на край ковра. Антиграв вильнул, но не сильней обычной шлюпки. Рядом выглянула за край, прямо в бездну, Болтушка. Повела мордой из стороны в сторону.

— Вау, — повторяла она. Понимает ли она, что

видит?

Ветер немного изменил направление. Теперь он дул чуть сбоку, а не прямо сверху. Получается! Хамид улыбнулся, клацая зубами.

Ковер поднимался все быстрее. Ветер сверху обжигал арктическим холодом. Они делали кликов пятнадцать-двадцать в час. Лотлримарская баржа нависала над ними… а теперь оказалась почти точно в стороне. Господи, да они уже *выше* ее! Хамид вытащил нож, завозился онемевшими пальцами с пружинным механизмом. Нож внезапно раскрылся и чуть не выпал из его трясущейся руки. Он начал отрезать от края ковра маленькие кусочки. Ветер с небес не унимался. Кусочки крупнее. Потом он вцепился в ткань и отчаянно дернул: отлетела длинная полоса, еще одна. Ветер ослабел… унялся. Хамид перегнулся через край ковра, насилу подавив головокружение и рвоту. *Превосходно.* Они оказались точно над баржей и пошли на сближение.

Один из четверки сферических автоклавов оказался так близко, что скрыл из виду остальные. Хамид видел человеческую жилую секцию и конференц-зал. Ковер опустится на широкой плоской площадке рядом со сферой. Нельзя было и мечтать о лучшем курсе. Хамид догадался, что

слизень тоже маневрирует, подтягивая баржу точно под гостя.

Внезапно его обдало жаром, и по ковру словно врезал незримый кулак. Хамид и Болтушка закувыркались — то они под ковром, то на нем. Хамид мельком увидел баржу. Из автоклава била желтовато-белая струя: аммиачно-водородная смесь под давлением в тысячу атмосфер. Верхняя сфера пробита. Струю сжатого газа венчало бледное пламя: водород сгорал в атмосферном кислороде.

Баржа пропала из виду, оставив по себе грохочущий дымный туман. Хамид крепко вцепился в ковер и как мог, вместе с Болтушкой, обернулся им. Кувыркаться они перестали и повисли вниз головами, туго спеленутые. Хамид выглянул наружу. «Над головой» тянулись серо-коричневые поля ферм в пору поздней осени. Маркетт — слева. Хамид извернулся и зыркнул в небо. Вот оно! Баржа в нескольких кликах от них. Верхний автоклав источает дым и пламя, но с нижними, кажется, все в порядке. Между сферами проскакивали бледно-фиолетовые разряды. Через несколько мгновений по небу раскатился гром. Моллюск защищается!

Хамид выкрутил ком ткани, пытаясь заглянуть выше в небо. К северу… странный сверкающий

синий след, копьем тянется на юг… разделяется на пять поменьше, те виляют зигзагами, а остывая, меняют цвет от красного до оранжевого. Красивое зрелище… как если бы небо разодрала лапа с иззубренными когтями. Царапины от когтей померкли и истаяли, но то, что оставило их, продолжало путь. Ответный залп неприятеля снес обращенную к северу деталь корпуса баржи. Та скомкалась, смялась, как дешевый пластик в огне. Нижние автоклавы пока целы, но, если выстрел придется по гостевой секции, Ларри — покойник.

Ковер трепали ударные волны множества взрывов. Мимо что-то пронеслось: слишком маленькое и быстрое, чтоб его разглядеть. Орудия баржи продолжали сверкать фиолетовым огнем, но корабль набирал высоту — куда быстрее, чем когда-либо доводилось видеть.

Спустя миг ковер снова перекувыркнулся, и Хамида с Болтушкой развернуло головами вверх в сидячее положение. Лик утра изменился: сверху и отовсюду вокруг наползали странные облака, сверкающие или огненные, изрезанные коричневатыми прожилками окислов азота. Глаза и рот жег вонючий аммиак. Болтушка очень по-человечески кашляла и фыркала.

Туристы уже давно улетели: лотлримарская баржа стала точкой высоко в небе. Улетели и все остальные антигравы. Хамид с Болтушкой остались в горящих облаках одни. «*Наверное, ненадолго*». Хамид взялся резать антиграв-ткань — отрезал кусок, пробовал восходящий ветер, отрывал еще один. Они пролетели сквозь облака в легкий моросящий дождь; попадая на кожу, тот оставлял ожоги. Хамид вывел ковер вбок, где светило солнце, и снова стало можно дышать. Отсюда все выглядело как обычно, не считая, разумеется, тяжелой кровавой тени облаков над полями.

Где лучше приземлиться? Хамид выглянул за край коврика… и увидел врага в засаде. Цилиндр, с коническим носом и парой маленьких плавников с одного конца. Эта штука вплыла в тень ковра, и Хамид понял, что вражеский аппарат *рядом*. Длиной суденышко не превосходило десятка метров, а шириной — двух. Оно уравняло скорости с медленно снижавшимся ковриком и зависло так в тишине. Хамид поднял голову и увидел еще четыре темные формы. Они нарезáли круги вокруг ковра, словно хищные рыбы вокруг потенциальной добычи. Один аппарат пролетел прямо под ними, так близко и неторопливо, что

Хамид мог бы при желании провести рукой по его корпусу. Ни иллюминаторов, ни люков в тусклой глади не заметно. Но плавники светились мерным красным светом, и Хамид ощутил исходившую оттуда волну тепла.

Они безмолвно покружили так с минуту: каждый убийца дал себя оглядеть. Болтушка вертела головой, следя за их движениями. Глаза ее расширились, из пасти, как прошлой ночью, понесся свист ужаса. Воздух был спокоен, если не считать легкого ветерка навстречу терявшему высоту ковру. Или не ветерка? Звук нарастал, становясь шипением, как у Когтей во время телефонного звонка. Но теперь шипение шло отовсюду, обогащенное обертонами почти на грани слышимости, каких не услышишь по обычному телефону.

— Болтушка?

Он потянулся потрепать ее по шее. Она сильно разодрала ему руку острыми, как иглы, клыками. Хамид шарахнулся прочь, откатился от нее, ослепленный болью. Шерсть Болтушки встала дыбом: он ее никогда еще такой не видел. Она будто раздулась вдвое, глаза ее смертоносно засверкали, как у очень крупного хищника. Длинная шея дергалась из стороны в сторону, пытаясь отследить всех убийц одновременно.

Когти передних и задних лап выдирали из ковра длинные полосы. Взобравшись на одну из складок потолще, она *завопила* на врагов… и упала в обморок.

Мгновение Хамид не мог пошевелиться. Рука и крик: ему словно бритвенные лезвия прошлись по руке, а ледяные иголки воткнулись в уши. Потом на коленях подполз к Болтушке.

— Болтушка?

Ответа не было. Движения тоже. Он коснулся ее бока: обмякла, как мертвая.

Хамиду Томпсону было двадцать. Настоящих друзей он никогда не имел, но и одинок тоже никогда не был. До этого мига. Он поднял голову от трупа Болтушки и воззрился на круживших рядом убийц.

Он остался в одиночестве на высоте четырех тысяч метров. Одна рыба-убийца полетела прямо на него, в ее брюхе отворилось что-то темное и широкое, не оставив Хамиду особого выбора. Тьма надвинулась на него и проглотила.

Хамид раньше ни разу не бывал в космосе. В иных обстоятельствах он бы порадовался такой возможности. Мельком увидев Срединную Америку с низкой орбиты, он подумал, что очутился в чудесном сне. А теперь сквозь прозрачный пол

его темницы виднелась лишь голубоватая точка, терявшаяся в солнечном сиянии. Он что было сил оттолкнулся от прозрачной мягкой поверхности и перекатился на спину. Это оказалось тяжелее, чем отжаться на одной руке. Он сообразил, что корабль-матка идет с ускорением в 4–5*g*… и так продолжается уже много часов.

Когда его вытащили из атаковавшего ковер корабля, Хамид был в полубессознательном состоянии. Он понятия не имел, с каким ускорением летела акулодка, но переносить его было трудно. Он вспомнил, как мелькнула в поле зрения Срединная Америка, синяя, спокойная. А потом… они забрали Болтушку — или ее тело, — унесли прочь. *Кто?* Там был человек. Женщина по имени Равна. Она что-то сделала с его рукой, и та перестала кровоточить. И… и Болтушка прохаживалась вокруг, поглядывая сверху вниз. Но нет: узор шерсти совсем не такой. «Наверное, это были Когти». Еще он слышал шипящий голос; затевался какой-то спор с Равной.

Хамид поднял голову и уставился на потолок и стены, залитые солнечным светом. Его собственная тень лежала на потолке, похожая на распластанного гербового орла. В первые часы умопомрачения ему чудилось, что там другой

пленник. Стены серые, без видимых стыков, но с отметинами и царапинами, словно в помещении передвигали тяжелое оборудование. Он подумал, впрочем без особой уверенности, что в потолке наверняка имеется люк. Но сейчас дверцы не видно. Камера представляла собой пустой безликий куб, и сквозь прозрачный пол ее виднелись звезды; да, это наверняка не обычный карцер. Туалет не предусмотрен — впрочем, при 5*g* толку от него никакого. Воздух спертый — от вони его собственного тела… До Хамида дошло, что это воздушный шлюз. Прозрачный пол, вероятно, лишь обманка, созданная полевым генератором. Щелкни кто тумблером, и от Хамида следа не останется.

Болтушка погибла. Папа погиб. Может быть, Ларри и слизняк тоже погибли?.. Хамид с усилием приподнял здоровую руку на несколько сантиметров и сжал ладонь в кулак. Валяясь здесь, он впервые в жизни испытал желание кого-то убить. Сейчас он только об этом и думал… чтобы унять страх.

— Мистер Томпсон? — Голос Равны. Хамид сдержался, не вздрогнул от изумления. Столько часов провести во гневе и наконец услышать врага… — Мистер Томпсон, через пятнадцать

секунд невесомость. Не беспокойтесь.

«С чего вдруг ты взялась изображать вежливую стюардессу?»

Сила, которая все эти часы прижимала его к полу, превращая обычное дыхание в работу, постепенно ослабела. Он услышал за стенами и потолком тихие хлопки. На паническое мгновение Хамиду померещилось, что пол исчез и он падает сквозь него. Он дернулся. Рука стукнулась о какую-то преграду… и он медленно поплыл по камере к стене, которая раньше была потолком. Открылась дверь. Он проплыл в нее и оказался в совершенно обычном на вид коридоре — если не считать затейливо прорезанных в стенах канавок с бортиками.

— В тридцати метрах вниз по коридору уборная, — прозвучал голос Равны. — Там чистая одежда по вашему размеру. Когда оправитесь… когда управитесь, поговорим.

«Ты права, черт подери». Хамид, набычившись, толкнул себя вниз по коридору.

Она не была похожа на убийцу. На лице гнев… или напряжение? Лицо человека, который очень долго провел без сна и отдыха, тяжело сражаясь без надежды на победу.

Хамид медленно вплыл на… мостик? В кон-

ференц-зал? Он попытался все охватить одним взглядом. Помещение длинное, с низким потолком. В невесомости перемещаться по нему несложно: просто отталкиваешься от пола и потолка, от потолка и пола. Стена закруглялась и почти везде была прозрачна. С другой стороны смотрела звездная ночь.

Равна стояла в пятне света, но теперь отступила на метр, в зону сумерек. Ей как-то удавалось держаться ногой за пол, «заякорив» себя. Она жестом предложила ему подлететь на другой конец стола. Они застыли в полуприседе в невесомости, меньше чем в двух метрах друг от друга. И все равно она казалась ему выше, чем ему показалось при их первом разговоре. А весит, пожалуй, столько же. В остальном все, как он помнил. И очень усталый вид. Она смерила его взглядом и отвела глаза.

— Приветствую, господин Томпсон. Если легонько стукнете ногой по полу, он вас придержит.

Хамид не последовал совету, но зацепился рукой за край стола и вжал ноги в пол. Пойди что не так, нужно будет от чего-нибудь оттолкнуться для резкого движения.

— Где моя Болтушка? — Голос его был хриплым.

Скорее отчаянным, чем требовательным.

— Ваша любимица умерла.

В голосе Равны проскользнула неуверенность. Врала она как обычно: скверно. Хамид сдержал гнев: если Болтушка жива, у него появится цель получше мести.

— О, вот как? — Он сохранял непроницаемое выражение лица.

— Однако вас мы намерены в безопасности доставить домой. — Она жестом обвела звездное поле вокруг них. — Шестикратное ускорение — способ избежать бессмысленной драки с этим лотлримарцем. Мы еще немного удалимся Вовне, может, даже на прямоточнике. Но господин Когти доставит вас обратно на Срединную Америку в одной из наших боевых шлюпок. Высадить вас, не привлекая лишнего внимания, несложно… скажем, на западном континенте, где-нибудь в глуши. — Голос ее звучал отстраненно. Он отметил, что Равна избегает даже на миг взглянуть ему в лицо прямо. Сейчас, например, она смотрит ему в щеку. Он припомнил телефонный разговор: тогда она, казалось, игнорировала его видеосигнал. Вблизи она выглядела такой же красавицей, что и прежде… нет, красивей прежнего. Его пронзило желание увидеть ее улыбку. А с ним явилось

внезапное смущение — как легко убийца-незнакомка его зацепила.

«Если только…»

— Если бы мне понять *зачем*. Зачем вы убили Болтушку? Зачем убили моего отца?

Равна прищурилась:

— Этого говнюка-мошенника? Он не так прост, чтобы дать себя прихлопнуть. Когда мы наведались к нему на ферму, его уже и след простыл. Я вообще не уверена, что хоть кого-нибудь убила при этом. Лотлримарец продолжает функционировать, это точно. — Она вздохнула. — Всем нам очень повезло. Вы понятия не имеете, чтó с Когтями было в последнее время… Он вам звонил вчера ночью.

Хамид молча кивнул.

— Ну так это он был еще душка. Когда я перехватила управление кораблем, он попытался меня убить. Еще денек в таком духе, и мы бы оба погибли. А вслед за тем, вероятно, и ваша планета.

Хамид вспомнил, какого мнения лотлримарец был о потребностях Когтей. А сейчас это существо заполучило Болтушку…

— Теперь Когти доволен?

Равна рассеянно кивнула, не заметив, что его голос дрогнул.

— Он безвреден и очень сконфужен, бедняжка. Ассимиляция нелегка. Потребуется несколько недель… но он стабилизируется и, думаю, станет лучше, чем был когда-либо.

«Что бы это ни означало».

Она оттолкнулась от стола, остановилась, уперевшись рукой в низкий потолок. Надо полагать, разговор окончен.

— Не тревожьтесь. Он себя чувствует достаточно хорошо, чтобы вскоре доставить вас домой. А сейчас я покажу вашу…

— Рав, не торопи его. Ну какая ему охота возвращаться на Срединную Америку? — Приятный тенор, совсем человеческий, немного жует слова.

Равна оттолкнулась от потолка:

— Я думала, ты решил не влезать! Разумеется, мальчишка вернется на Срединную Америку. Это его дом, он к этому месту приспособлен.

— Я вот думаю… — Невидимка засмеялся. По смеху было похоже, что он не просто весел, а пьян от радости. — Хамид, ты по уши в дерьме там, внизу, окажешься, тебе это известно?

— А?

— Да-да. Ты расхреначил партию ядерных электрореакторов, доставленную Караваном.

Конечно, тебе в этом немного помогала федеральная полиция, но на это обстоятельство никто не обратит внимания. Хуже другое: ты уничтожил большую часть антигравной ткани. *Уй-й.* Все выше, и выше, и выше. И нет способа возместить ущерб, кроме как сызнова смотаться Вов…

— Заткнись! — Гневный крик Равны перекрыл веселое хихиканье. — Эти антигравы — дешевка. В Зоне такая тонкая техника долго не продержится. Они бы уже лет через пять все выдохлись.

— Да-да. Я это знаю, ты это знаешь. Но Срединная Америка и Туристы уверены, что именно Хамид расхреначил Караван. Будешь идиотом, если вернешься.

Равна выкрикнула что-то на языке, которого Хамид в жизни не слышал.

— По-английски, Рав, по-английски. Я хочу, чтобы он отдавал себе отчет в происходящем.

— Он вернется! — Равна была в ярости, на грани срыва. — Мы же *договаривались*!

— Знаю, Рав. — В голосе невидимки поубавилось ликования, он зазвучал с неподдельным сочувствием. — И прости. Но я был тогда другим, а теперь лучше все понимаю… Ладно, я спущусь через минутку, угу?

Она закрыла глаза. В невесомости нелегко

обмякнуть, но Равне это почти удалось: плечи и руки обвисли, тело медленно воспарило над полом.

— О господи, — прошептала она.

Снаружи, в коридоре, кто-то засвистел мотивчик, популярный в Маркетте шесть месяцев назад. Вниз по стенам скользнула тень, а за нею… *Болтушка?* Хамид оторвался от стола, дико замахал руками в поисках опоры. Нашел, зафиксировал себя и пригляделся внимательней.

Нет, не Болтушка. Несомненно, существо той же расы, но черно-белый узор шерсти совсем другой. Большое черное пятно вокруг одного глаза и такое же, но белое, вокруг другого: забавно смотрится… если не знать, кто перед тобой. Наконец-то господин Когти собственной персоной.

Человек и чужак долгое мгновение смотрели друг на друга. Инопланетник был мельче телом, чем Болтушка. Вокруг шеи повязан оранжевый шарф в клеточку. Лапы на вид не ловчее, чем Болтушкины… но в глазах светился несомненный интеллект. Когти подплыл к потолку и проворным взмахом когтистой лапы зацепился за него. Помещение наполнилось едва слышными звуками: треск и скрип почти на грани восприятия. Если внимательнее прислушаться, понял Хамид,

можно различить шипение.

Когти поглядел на него и рассмеялся приятным смехом — тот же тенорок, что и минутой раньше.

— Не торопи меня! Я тут еще не весь.

Хамид взглянул в дверной проем. Там появились еще двое чужаков, один в усыпанном драгоценностями ошейнике — вожак стаи? Они проплыли через зал и заякорили себя рядом с первым. Хамид видел в коридоре новые тени.

— Сколько тебя? — спросил он.

— Я сейчас шестерной. — Ему показалось, что ответил не тот же самый элемент, но голос был прежний.

Трое Когтей возникли в проеме. У одного не было ни шарфа, ни ошейника… и Хамиду он показался очень знакомым.

— Болтушка! — Хамид оттолкнулся от стола. Его так закрутило, что он промахнулся на несколько метров мимо двери. Болтушка — ведь это же она! — развернулась и вылетела из комнаты.

— Не трожь! — Голос Когтей мигом переменился, став таким, как прошлой ночью.

Хамид прислонился к стене рядом с дверью и взглянул в коридор. Болтушка была там: сидела на запертой двери в другом конце коридора.

У Хамида засбоила ориентация в пространстве: коридор показался ему глубоким светлым колодцем, а Болтушка — узницей на дне.

— Болтушка? — позвал он мягко, помня о Когтях позади.

Она посмотрела на него.

— Я больше не играю в старые игры, Хамид, — произнесла она своим самым мягким женским голоском. Он мгновение непонимающе глядел на нее. За проведенные вместе годы Болтушка много наговорила такого, что случай или воображение слушателя превращали в почти человечески связную речь. А теперь он впервые уверился, что так оно и было. И догадался, что имела в виду Равна, говоря, что Болтушка умерла.

Хамид отшатнулся от края ямы. Поглядел на остальных Когтей, вспомнил, с какой легкостью один имитирует речь другого.

— Вы как ульевые тараканы, да?

— Немного, — согласился тенорок откуда-то из гущи элементов.

— Но телепаты, — сказал Хамид.

Тот, кто был некогда его подругой, ответил тенором:

— Да, между собой. Но это не шестое чувство. Ты всегда это знал. Я люблю поговорить. Я же

Болтушка. — Писк, шипение: самый краешек их беседы между собой на полосе частот шириной двести килогерц. — Извини, что я сбежала. Мы все еще в смятении. Я точно не понимаю, кто я.

Болтушка оттолкнулась и влетела на мостик. Поравнявшись с Хамидом, уцепилась за потолок. Протянула к нему голову, но с такой осторожностью, словно он был незнакомцем. «То же и я чувствую к тебе», — подумалось Хамиду. Однако он потянулся к ней — взъерошить мех на шее пальцами. Она отлетела прочь, пересекла комнату и устроилась меж других Когтей.

Хамид смотрел на них, а они — на него. Ему явилось внезапное видение: стайка длинношеих крыс изучающе осматривает добычу глазками-бусинками.

— Ну. Кто из вас настоящий господин Когти? Монстр, готовый разнести планету, или лапусик, которого я только что слышал?

Равна усталым, далеким голосом ответила:

— Монстр втянул когти… или втягивает. Ты разве не понимаешь? Стая была разбалансирована. Она умирала.

— В моей стае было пять элементов, Хамид. Вообще-то, неплохо: некоторые гении обходились таким числом. Но я ужался от семерки — двоих

моих убили. Остальные плохо подходили друг другу, и лишь одна из них оказалась самкой. — Когти помолчал. — Я знаю, люди способны годами обходиться без сношений с противоположным полом, испытывая при этом лишь небольшой дискомфорт…

«Ты мне это будешь рассказывать?!»

— …но у Когтей все иначе. Если соотношение полов в стае перекошено в ту или иную сторону, особенно если они плохо сочетаются по умениям, разум начинает распадаться… И по ходу дела возможны всякие гадости. — Хамид заметил, что все время, пока существо говорило, пара Когтей, ближайшая к элементу с оранжевым шарфиком, теребила узелки ткани. Быстрыми, превосходно рассчитанными движениями они распускали и затягивали узлы. «Когтям руки не нужны». Или, вернее сказать, у него шесть рук. Хамид понял, что перед ним аналог человека, нервно теребящего узел галстука.

— Равна солгала тебе, сказав, что Болтушка мертва. Я ее прощаю: она хотела, чтоб ты убрался с корабля, поменьше болтал, не задавал лишних вопросов. Но Болтушка не погибла. Она *спасена*… от участи провести остаток жизни в животном состоянии. И своим спасением спасла всю стаю.

Я так… счастлив. Мне так хорошо не было с той поры, когда я был семеркой. Я разгадал загадки, над которыми бился годы напролет. Болтушка лучше всех моих элементов владеет языком. Я без нее ни за что не говорил бы так свободно.

Равна подлетела к стае. Уперла ногу в пол между ними. Голова ее коснулась плеча одного элемента, глаза поравнялись с глазами другого.

— Представь себе Болтушку отвечающим за речь полушарием человеческого мозга, — сказала она Хамиду.

— Не совсем так, — поправил Когти. — Человеческое полушарие почти способно к самостоятельной активности. Болтушка же сама по себе ни за что не стала бы личностью.

Хамиду всегда казалось, что величайшим желанием Болтушки было именно это — *стать* настоящей личностью. В словах этого существа он слышал голосок Болтушки. Так легко принять сказанное им на веру… Но стоит посмотреть на все под чуть другим углом, как получится история о рабстве и насилии — та самая теория слизняка, от которой холодела кровь.

Хамид отвернулся от нацеленных на него взглядов и посмотрел на звездные облака. «Чему из услышанного я могу поверить? Насколько дол-

жен притвориться, что поверил?»

— Один из Туристов пытался впарить нам гаджет, своего рода сверхсветовое радио. Вы в курсе, что мы с его помощью стали искать сведения о Когтях? Вы знаете, что нам удалось обнаружить? — Он пересказал им ужасы, о которых Ларри узнал, сканируя обод галактического колеса.

Равна переглянулась с Когтями. Мгновение слышались только писки и шипящие звуки. Затем Когти ответил:

— Представь себе самых жутких злодеев земной истории. Кем бы ни были они, какие бы холокосты ни учиняли, я предполагаю, что случалось много худшее. А теперь вообрази себе режим столь могучий, столь эффективный в своем *зле*, что не выжил бы ни один честный историк. Какие бы истории распространялись впоследствии об искорененных этой властью расах?

— Ну ладно, но…

— Когти — не чудовища. В среднем мы не кровожадней вас, людей. Но мы развились из стай волкоподобных существ. Мы смертоносные воины. Располагая соответствующим оборудованием, имея достаточную численность — мы способны одолеть почти любого противника

Медленной Зоны. — (Хамид вспомнил, как атаковала его стая акулодок. Если в каждой по одному зверю и они общаются по радио… человеческие пилоты им в подметки не годятся.) — Когда-то мы представляли великую силу в нашем регионе Медленной Зоны. У нас имелись враги, хотя мы не вели с ними войны. Ты бы стал доверять существам фактически бессмертным, зная, что характер их может с легкостью измениться от дружелюбного к равнодушному, а даже и враждебному, по мере отмирания и замены отдельных компонентов личности?

— И что, ты стал таким милягой, заполучив Болтушку?

— *Да!* Но тебе понравилась… я уверен, что тебе бы понравилась семерная версия моей личности. Однако Болтушка — превосходное приобретение; с ней жизнь поистине прекрасна.

Хамид поглядел на Равну и стаю, в окружении которой стояла женщина. Итак, Когти были великими воинами. Он в это верил. А теперь они практически вымерли: столкнулись с еще более ужасным противником. В это тоже нетрудно поверить. Впрочем… было бы глупо верить во все подряд. Он мог представить Когтей своими друзьями, он хотел подружиться с Равной. Тем не

менее весь этот разговор и правдоподобные аргументы могли оказаться искусной манипуляцией. Одно он знал точно: вернись он сейчас на Срединную Америку, правды не узнает никогда. Возможно, ему повезет и удастся остаток жизни прожить в покое и безопасности, но Болтушку ему не вернуть. И он никогда не узнает, что же в действительности с ней случилось.

Он криво улыбнулся Равне:

— Тогда возвращаемся к первоначальному плану. Я хочу отправиться с тобой в Запределье.

— Об этом не может быть и речи. Я… Я в самом начале дала тебе это понять.

Хамид подлетел ближе, остановился в метре перед Равной.

— Почему ты на меня не посмотришь? — мягко спросил он. — Почему я тебе так ненавистен?

Она целую секунду смотрела ему прямо в глаза.

— Я тебя *не* ненавижу! — Лицо ее омрачилось, словно она вот-вот ударится в слезы. — Но ты, черт побери, *так* меня разочаровал! — Она резким движением оттолкнула Когтей с дороги и полетела прочь.

Он медленно направился за ней к столу. Она «встала» там, говоря сама с собой на незна-

комом языке.

— Она поминает незлым словом своих предков, — проворчал элемент Когтей, подплывший совсем близко к голове Хамида. — В этом существа ее племени весьма искусны.

Хамид заякорился рядом с Равной. Посмотрел ей в лицо. Молода: на вид больше двадцати не дашь. Но внешники способны контролировать возраст. Кроме того, Равна провела не меньше десяти лет в релятивистском полете…

— Ты наняла моего… наняла Хуссейна Томпсона меня усыновить, не так ли?

Она кивнула.

— С какой целью?

Она мгновение смотрела на него, не пытаясь отстраниться. Наконец со вздохом ответила:

— Ладно, я попытаюсь… но ты, уроженец Медленной Зоны, слишком многого не понимаешь. Срединная Америка близка к Запределью, но вы смотрите на него сквозь замочную скважину. О том, что простирается за краем Запределья, о Трансчеловеческих Пространствах, вы и слабого понятия не имеете. — Она говорила совсем как Лентяй Ларри.

— Я предпочел бы начать с версии для пятилеток.

— Ну хорошо. — Легчайшая усмешка коснулась ее лица. Именно так он себе это и представлял. Хамид задумался: как снова вызвать эту улыбку. — Однажды, — усмешка появилась снова, став немного шире, — жил-был очень мудрый и добрый человек, столь мудрый и добрый, каким вообще может быть человек или существо человеческого уровня: гений математики, великий военачальник, еще более талантливый миротворец. Он прожил пятьсот субъективных лет и половину этого времени боролся с величайшим злом.

— И часть этого зла, — вмешался Когти, — сжевала мою расу на завтрак.

Равна кивнула:

— В конце концов оно и нашего героя тоже схрумкало. Он был мертв почти объективное столетие. Враг очень старался не дать ему возродиться. Когти и я — может, последние, кто пытается его вернуть… Что вы знаете о клонировании, господин Томпсон?

Хамид ответил не сразу. Он слишком хорошо понял, куда она клонит.

— Туристы утверждают, будто в состоянии вырастить жизнеспособную зиготу почти из любой телесной клетки. Они говорят, это легко,

но в результате получается не более чем близнец оригинала.

— Примерно так. Фактически же клон часто представляет собой *меньше*, чем близнец. Очень многое в характеристиках взрослого индивида определяется обстоятельствами внутриутробного развития. Взять хотя бы способности к математике. Они отчасти задаются генетически, а отчасти зависят от того, получил ли плод в нужное время тестостерон в строго определенном избытке. Чуть-чуть переборщить — и получишь *идиота.* Мы с Когтями уже давно в полете. Пятьдесят лет назад мы достигли Лотлримара — самая что ни на есть дыра на задворках Вселенной. У нас была с собой пригодная для клонирования клетка Великого. Мы как смогли приспособили под свои нужды медицинское оборудование для гуманоидов. Новорожденный *выглядел* достаточно здоровым…

Шелестящее шипение.

— Но почему вы не вырастили… ребенка… сами? — спросил Хамид. — Зачем наняли кого-то, чтоб отвез его в Медленную Зону?

Равна прикусила губу и отвернулась. Ответил Когти:

— По двум причинам. Враг бы многое отдал,

чтобы ты умер окончательно. Медленная Зона — лучшее укрытие на время твоего взросления. Вторая причина более деликатна. У нас не осталось записей твоих исходных воспоминаний, мы не смогли бы создать точную копию. Однако можно было воспитать тебя в условиях, имитирующих прошлое оригинала… чтобы получить человека с идентичным кругозором[26].

— Вроде как компенсировать оригиналу тяжелый случай амнезии.

Когти фыркнул:

— Да. Сперва все шло очень удачно. Нам повезло отыскать на Лотлримаре Хуссейна Томпсона. Он показался нам умным человеком, согласным отработать свои деньги. Он забрал новорожденного в гибернаторе к себе на Срединную Америку

---

[26] Сноски: 26

Точная аналогия имеется в романе Кэролайн Черри «Сытин», который написан одновременно с «Болтушкой» (воскрешение Арианы Эмори). Любопытно, что обстановка детства Хамида Томпсона резко отличается от средневековой атмосферы детства Фама Нювена на Канберре. В ретроспективе допустимо предположить, что под «оригиналом Хамида» здесь имеется в виду не Нювен, а Джефри Ольсндот (в «Детях небес» у них с Равной Бергсндот завязались романтические отношения). Джефри вырос на Страуме, в семье Арне и Сьяны Ольсндот, однако рано потерял родителей на планете Когтей и рос в обществе чужаков, в мире, осуществляющем переход к технологически развитому обществу; друзей среди сверстников не имел, предпочитая проводить бóльшую часть времени со своим другом из Когтей, Амдиранифани. Дополнительный вес этой гипотезе придает тот факт, что в «Пламени над бездной» Равна считает (ошибочно) Джефри математическим гением (что ожидалось и от Хамида); на самом деле выдающимися

способностями к математике был наделен Амдиранифани. Фам Нювен же их не имел, хотя и считался талантливым программистом. Однако надо учесть, что все попытки идеально согласовать «Болтушку» с основным циклом априори безнадежны.

и женился на такой же умной женщине — твоей матери. Мы все просчитали, а окружение детства оригинала удалось сымитировать даже лучше, чем мы надеялись. Я даже оставил с новорожденным — с тобой — одного своего элемента.

— Думаю, что об остальном могу догадаться, — сказал Хамид. — Все шло отлично первые восемь лет… — счастливых лет в любящей семье, — пока не стало ясно, что никакой я не гений-математик. Нанятый вами человек не знал, что делать, и ваш план рухнул.

— Он не должен был! — хлопнула по столу Равна. От этого движения ее тело так подскочило, что ноги чуть не вырвались из зацепов. — Математические способности важны, да, но шанс еще оставался… если б только Томпсон не надул нас. — Она яростно взглянула на Хамида, потом на стаю. — Родители оригинала умерли, когда тому было десять. Хуссейн и его женщина обязаны были исчезнуть со сцены, когда десять лет исполнится клону, сымитировав гибель в авиакатастрофе. *Так мы договорились!* Вместо этого… — Она сглотнула слюну. — Мы с ним говорили. Он не хотел встречаться лично. Придумал кучу отговорок, сообразительный ублюдок. «Не понимаю, что хорошего принесет мальчику но-

вая потеря», — сказал он. «Он не сверхчеловек, просто добрый мальчишка. Я хочу, чтоб он был счастлив!» — Равна задохнулась от омерзения. — *Счастлив!* Если б он понимал, на что мы пошли, каковы ставки…

Лицо Хамида помертвело, застыло. Он подумал: каково это — блевануть в невесомости?

— А что… что с моей матерью? — спросил он очень тихо.

Равна энергично помотала головой:

— Она пыталась переубедить Томпсона. Это не сработало, и она бросила тебя. Но уже поздно; в любом случае, такая травма не отвечала биографии оригинала. Однако свою часть уговора она выполнила; мы выплатили ей бóльшую долю гонорара… Мы явились на Срединную Америку, ожидая найти живым чудесного человека. А вместо него…

— …получили кусок дерьма?

Он не в силах был вымолвить это гневно. Равна издала судорожный вздох:

— Нет, я так не думаю. Хуссейн Томпсон, полагаю, вырастил достойного человека, а этим немногие могут похвастаться. Но, стань ты тем, кого мы заказывали, тебя бы уже знала вся Срединная Америка — знала как величайшего

изобретателя, крупнейшего деятеля со времен основания колонии. И это было бы только начало. — Она посмотрела на него с таким видом, словно что-то… вспоминала?

Когти изобразил неуверенное человеческое покашливание.

— Совсем не кусок дерьма. Но и не просто «доброго мальчишку». Часть меня жила с Хамидом двадцать лет; воспоминания Болтушки о тебе такие, что для элемента ясней и не пожелаешь. Хамид не кажется неосуществленной мечтой, Рав. Он другой, но мне нравится думать о нем… почти как о том, другом. А когда его прессанули… я видел, как он дерется. Даже оригинал не справился бы лучше, учитывая его прошлое. А как он рискнул угнать полуфабрикатный антиграв?..

— Ладно, малыш Когти, предположим, что мальчишка смышленый и смелый. Но есть же разница между самоубийственным дурачеством и просчитанным риском. В таком возрасте он едва ли уже изменится, став кем-то бóльшим, чем обычный «достойный человек». — В словах ее прозвучал тяжелый сарказм.

— Могло быть хуже, Рав.

— А *должно было* получиться куда лучше, и ты это знаешь! Слушай сюда. У нас два года субъ-

ективного времени уйдет на полет из Зоны, а гибернатор не фурычит[27]. Я *не вынесу*, если эта рожа будет передо мной два года напролет маячить ежедневно. Он возвращается на Срединную Америку, и точка. — Она оттолкнулась и полетела к Когтям, парившим над головой Хамида.

— Я так не думаю, — сказал Когти. — Если он не захочет возвращаться, я не стану его заставлять.

На лице Равны отразились гнев и, как ни странно, паника.

— На прошлой неделе ты пел другую песню.

— Хе-хе-хе. — Смех Лентяя Ларри. — Я изменился. Не заметила?

Равна уцепилась за потолок и, явно что-то просчитывая, глянула на Хамида сверху вниз.

— Слышь, пацан, вряд ли до тебя дошло, но мы спешим; мы не станем задерживаться на Лотлримаре или еще где. Есть последний способ вернуть оригинал к жизни, и, возможно, даже к памяти. Если полетишь с нами, окажешься в трансчеловеческом космосе. Велика вероятность, что никто из нас не выж… — Она осеклась, и по лицу ее

---

[27] Сноски: 27

Здесь некоторое противоречие: без гибернатора субъективное время полета сократить не удалось бы, а ранее было сказано, что Срединная Америка находится на глубине девяти световых лет в Медленной Зоне. На двигателе Буссарда преодолеть этот путь за два года невозможно.

скользнула усмешка. Неприятная усмешка. — Ты не задумывался, для чего твое тело может нам пригодиться? Ты о наших планах ничего не знаешь. Не исключено, что мы найдем способ тебя использовать как… чистый носитель данных.

Хамид вернул ей взгляд, надеясь, что сомнений на его лице не видно.

— Не исключено. Но у меня ведь два года на подготовку, разве не так?

Они долгое мгновение смотрели друг на друга. Так долго они взглядами еще не встречались.

— Будь что будет, — сказала она наконец и подлетела чуть ближе. — Один совет. Мы тут два года проведем взаперти. Корабль вполне просторный. Не попадайся мне на пути. — Она отплыла назад, оттолкнулась от потолка, полетела, набирая скорость, выбралась в коридор и пропала из виду.

Хамид Томпсон заработал себе билет Вовне. Билеты бывают подороже и подешевле. Какая же цена у этого?

Восемь часов спустя корабль уже шел на прямоточном двигателе, направляясь Вовне. Хамид в одиночестве сидел на мостике. «Окна» по одну сторону рубки показывали вид, обратный курсу. Солнце Срединной Америки озаряло рубку дневным светом.

Впереди невидимая ему межзвездная среда поставляла таранному двигателю собираемое ловушкой топливо. Ускорение едва чувствовалось: от силы (1/50)*g*. Прямоточный двигатель рассчитан на долгие рейсы. Ускорение может возрастать почти бесконечно долго, в конце концов достигая половины стандартного — тогда развивается скорость, близкая к световой.

Срединная Америка стала голубой искрой в сопровождении белой и желтой точек. Еще много часов пройдет, пока его мир со своими лунами исчезнет из поля зрения — и много дней, прежде чем они станут недоступны телескопам.

Хамид провел тут около часа — или двух? — с тех пор, как Когти показал отведенную ему каюту.

В голове у него было как на поле прерванной битвы. Монстр обратился в доброго друга. Человек, которого он ненавидел, оказался отцом, которого ему так не хватало… а мать теперь выступала безжалостной интриганкой. «А я никогда не смогу вернуться и спросить у тебя, так ли все было, и вправду ли ты меня любил».

Он почувствовал влагу на щеках. Одна польза от гравитации, даже в (1/50)*g*: она избавляет глаза от слез.

Следующие два года он должен вести себя очень осторожно. Столькому придется научиться, о еще большем — догадаться. Где ложь, а где правда? В этой истории было что-то… Как может один человек оказаться настолько значимым, если верить утверждениям Равны и Когтей? Рядом с транслюдьми человек или эквивалентное ему существо мало что значит.

Вполне возможно, что парочка просто поверила сама в эту историю — *и вот это может оказаться страшней всего*. О Великом они говорили словно о мессии. Хамид читал о подобных случаях в земной истории: о том, как нацисты двадцатого века почитали Гитлера, а фанатики Афганского Джихада вынашивали планы воскресить своего Имама. Данные, полученные Ларри через ансибль, могли оказаться правдой. В таком случае Великий — один из главных виновников погибели тысячи миров.

Хамид обнаружил, что смеется. «Во что я влез?» А что, если клон монстра превзойдет оригинал?

— Что смешного, Хамид? — Когти неслышно проник на мостик. Он рассредоточился по столу и креслам вокруг Хамида. Тот его элемент, который раньше был Болтушкой, сидел не далее чем в метре.

— Ничего. Я просто думаю.

Они посидели несколько минут в тишине, созерцая небо. Там что-то колыхалось: так искажают видимость потоки горячего воздуха от печи; едва заметное напоминание о полях, слагавших прямоточную ловушку вокруг. Он покосился на Когти. Четверо глядели в иллюминаторы. Двое — на Хамида; глаза их были темными и ласковыми, как Болтушкины.

— Ты на Равну зла не держи, — сказал Когти. — У нее все было серьезно с этим, который раньше, почти как ты… Они друг друга сильно любили.

— Догадался.

Две головы отвернулись посмотреть на небо. Следующие два года придется наблюдать за этим существом и что-то решать… Но если абстрагироваться от подозрений — чем дольше он наблюдал за Когтями, тем больше тот ему нравился. Хамид почти поверил, что не лишился Болтушки, а даже приобрел пятерых ее сородичей. И эта трынделка наконец стала полноценной личностью.

Тянулось уютное молчание. Спустя некоторое время бывшая Болтушка подползла к нему по столу и ткнулась мордой в плечо. Хамид, помедлив, почесал ее шею. Они еще поглядели на солнце и голубую искорку.

— Знаешь, — произнес Когти женским голоском, излюбленным у Болтушки, — я буду скучать по этому местечку. А больше всего… буду скучать по кошкам и собакам.

Послесловие от автора

Хотя «Болтушка» написана раньше, она выступает сиквелом как «Пламени над бездной», так и «Глубины в небе». В этом варианте будущего столетия, следующие за двадцатым, очень интересны, но таких оптимистов от прикладной технологии, как я сам, озадачивают и разочаровывают. Мощь компьютеров растет, но разумные существа, появления на свет которых мы ожидаем, никак не появляются. В двадцать первом веке гуру ИИ двадцатого столетия воспринимаются старомодными фокусниками, чьи головокружительные пророчества так и не сбылись.

Проходит время. Человечество покоряет Солнечную систему, устремляется к ближайшим звездам. Некоторые наши потомки *так и не постигнут* истины. Другие, чьи утлые шлюпки и релятивистские ракеты направились на край Галактики, в конце концов достигают Запределья. А иные, выбрав направлением миссии галактический центр, оканчивают дни свои в

безмысленном саморазрушении… хотя не обязательно. Самым трагичным сценарием мне кажется колония *на самом краю* Безмысленных Глубин, где даже самые талантливые из людей поневоле заторможены.

Запределье — любопытное местечко, похожее на странные игровые площадки космоса, каким представлялся он научной фантастике в дни ее детства, в 1930-е. Вот только оттуда рукой подать до Трансчеловеческих Пространств: они так и соблазняют народившиеся империи вырваться из опостылевшего человеческого круга. Те, кто подался торговать в Трансчеловеческие Пространства, возвращаются изменившимися до неузнаваемости. Если возвращаются вообще.

Как там насчет Хамида и Болтушки? Как так получилось, что со свету сжили расу Когтей, и кем был великий человек, которым так и не стал Хамид? Размышляя о вселенных, созданных другими авторами, я воображаю их полностью оформленными, так что та или иная история просто развертывается на уже существующем в уме писателя просторе. Со мной не так. У меня есть идеи — но их слишком много и они плохо согласуются между собой. «Болтушка» послужила горнилом для выплавки «Пламени над бездной»,

но теперь «Пламя над бездной» сковывает мою работу, мешая переделать «Болтушку» в полноценный роман!